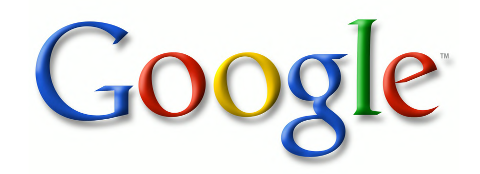
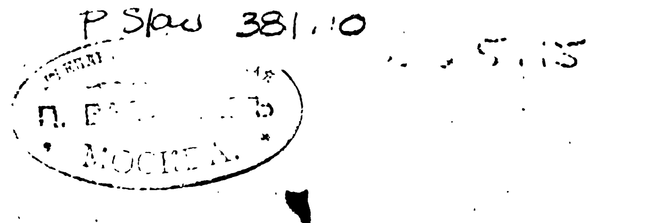
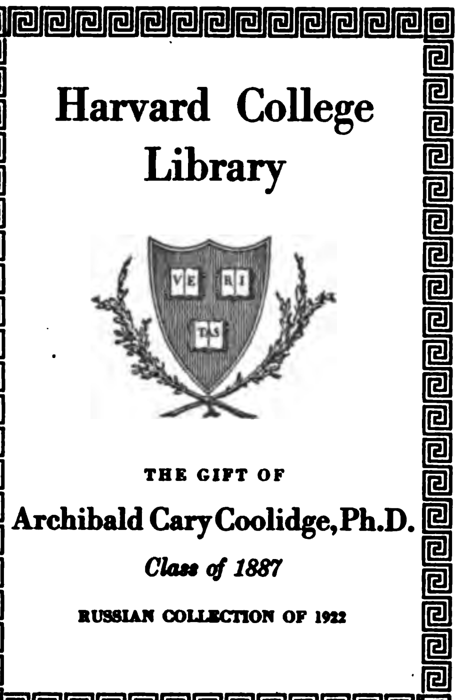
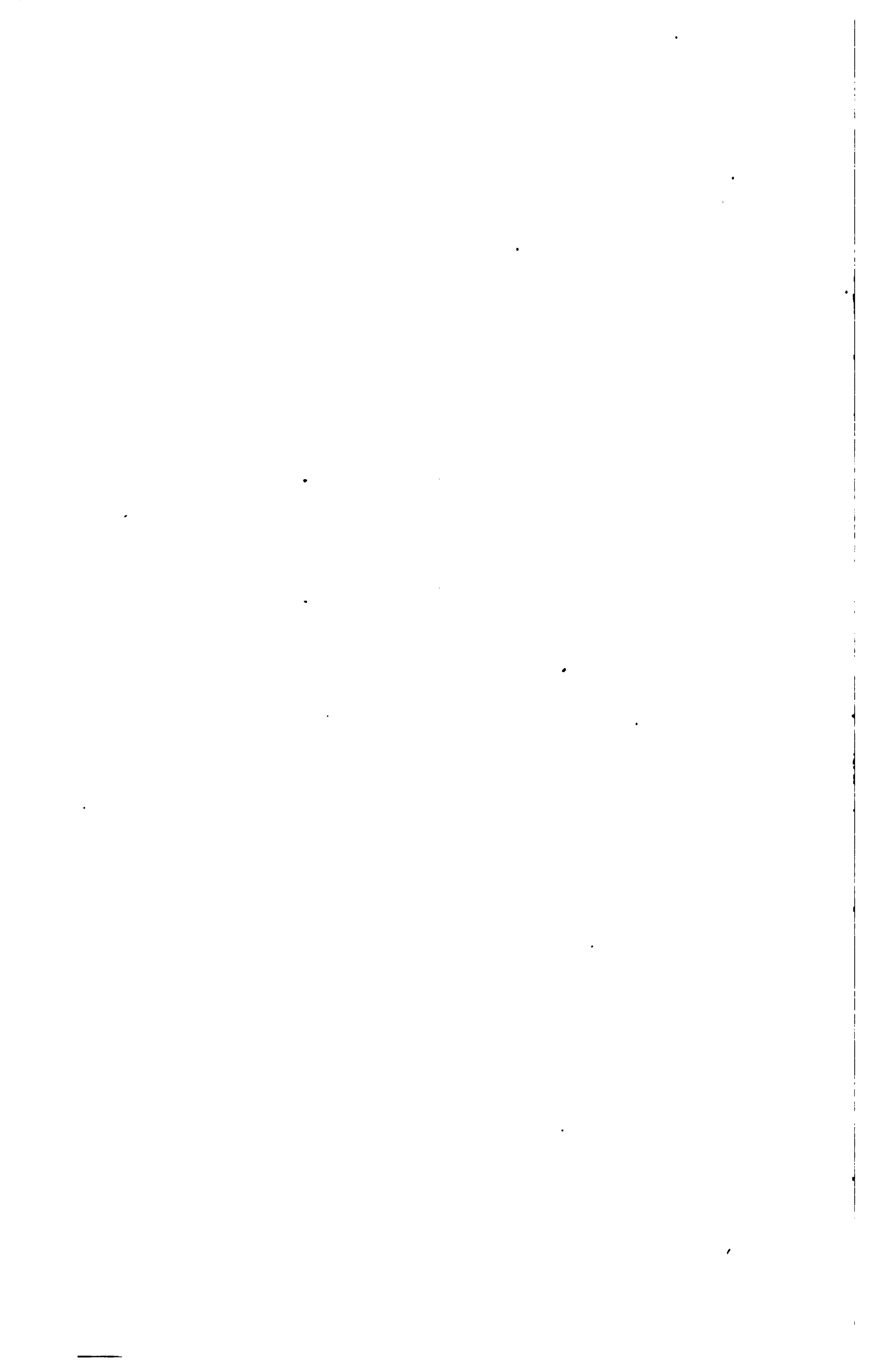
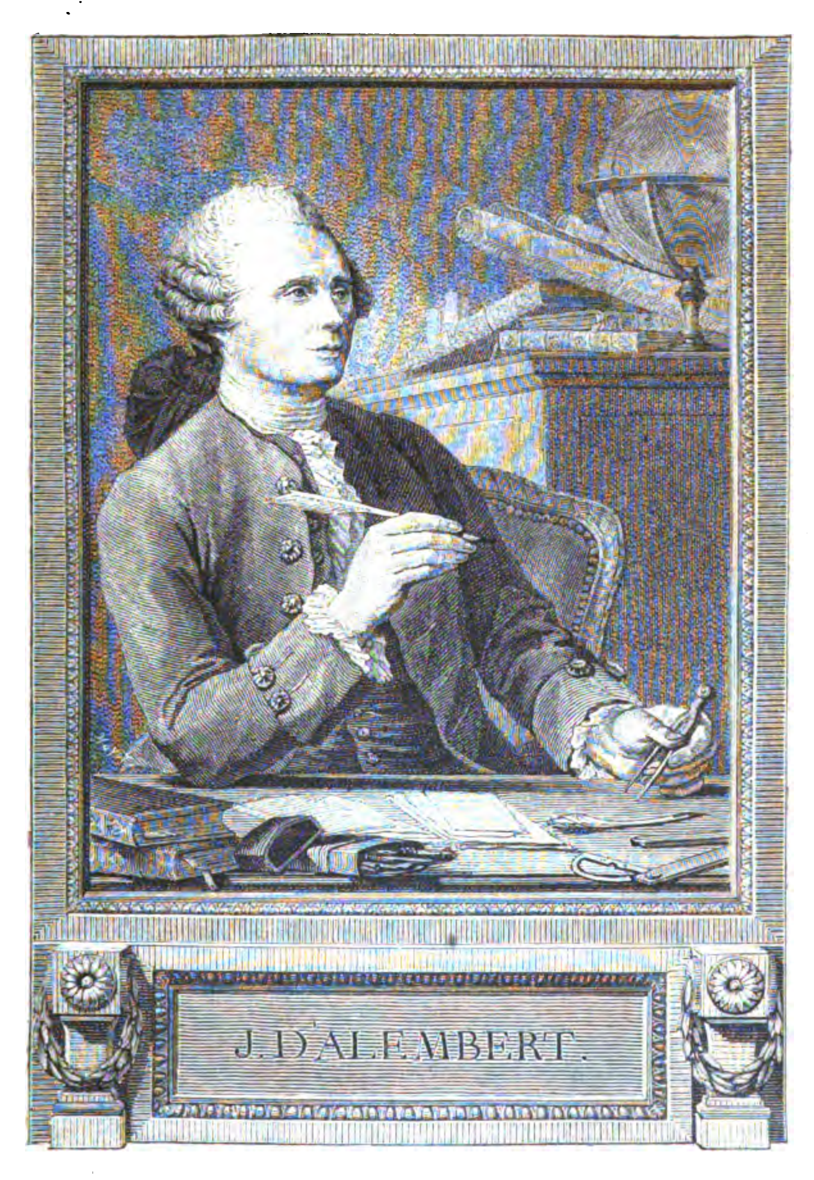










ДАЛАМБЕРЪ.

Съ гравюры Генрикеца, сдѣланной съ портрета писаннаго Жолленемъ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 5 МАРТА 1884 Г. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА.

VE
RI
TAS

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XVI

1884

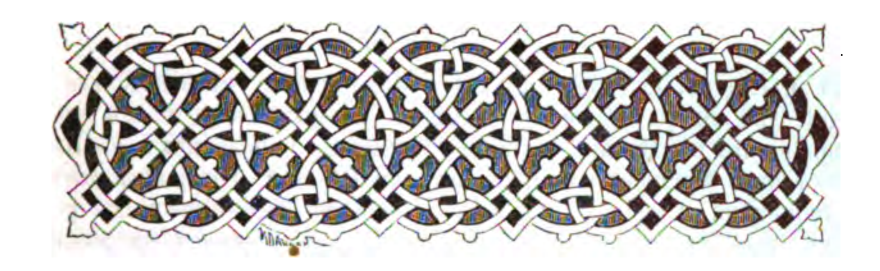
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТНАДЦАТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ И ІЮНЬ 1884 ГОДА).



ЧУМА ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1654 ГОДУ.

ВЪ ИСТОРІИ царствованія царя Алексѣя Михайловича 1654 годъ особенно достопамятенъ въ двухъ отношеніяхъ. Въ сентябрѣ этого года, взять русскими войсками Смоленскъ, и въ то же самое время въ Москвѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе.

Политическія событія столкновенія Московскаго государства съ Польшею сдѣлались предметомъ общаго вниманія современниковъ. О страшномъ несчастіи, постигшемъ Россію во время удачныхъ военныхъ дѣйствій царя въ Польшѣ, почти ничего не знали въ западной Европѣ. Такъ же различно относилась къ этимъ двумъ событіямъ исторіографія. Между тѣмъ, какъ всѣ частности военныхъ событій и разныя мелочи дипломатическихъ сношеній этого времени сдѣлались предметомъ разбора въ историческихъ сочиненіяхъ, — о моровомъ повѣтріи, о страшной смертности 1654 года, говорится лишь мимоходомъ. Какъ кажется, и само московское правительство, занятое упорною борьбою съ Польшею и малороссійскимъ вопросомъ, не обращало достаточнаго вниманія на ужасныя страданія народа, бывшаго въ это время беззащитною жертвою мороваго повѣтрія. Даже можно считать вѣроятнымъ, что правительство передъ иностранцами, пріѣзжавшими въ это время въ Московское государство, старалось скрывать слѣды опустошительныхъ дѣйствій чумы. Какъ-то старались не разглашать никакихъ подробностей печальнаго эпизода, случившагося въ 1654 году.

По крайней мѣрѣ, нельзя не удивляться слѣдующему обстоятельству. Послѣ того, какъ въ 1654 году, въ центральной части Московскаго государства, несчастные жители сотнями тысячъ умирали отъ мороваго повѣтрія въ продолженіи какихъ-нибудь четы-

рехъ мѣсяцевъ, къ царю Алексѣю Михайловичу пріѣхалъ изъ Венеціи дипломатъ, Альберто Вимина, который скоро послѣ своего возвращенія въ Италію написалъ сочиненіе о польскихъ войнахъ, о состояніи Московскаго государства и Швеціи. Говоря въ статьѣ, посвященной Россіи, о климатѣ и общихъ гигіеническихъ условіяхъ этой страны, Вимина замѣчаетъ, что климатъ въ Московскомъ государствѣ вообще можетъ считаться чрезвычайно благопріятнымъ здоровью, что поэтому жители этого края отличаются физическою силою, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и долговѣчностью и что вовсе не слыхать о примѣрахъ повальныхъ болѣзней [1]).

Венеціанскій дипломатъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1655 году, правда не былъ въ тѣхъ частяхъ Московскаго государства, которыя наиболѣе подверглись опустошительнымъ дѣйствіямъ моровагo повѣтрія въ предыдущемъ году. Сначала онъ находился въ Псковѣ, гдѣ въ 1654 году не было вовсе случаевъ заразы, затѣмъ его отправили въ Смоленскъ, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ царемъ. При этомъ старались помѣстить его въ такой части города, гдѣ населеніе казалось бы болѣе плотнымъ. Воевода Хованскій писалъ царю о венеціанскомъ дипломатѣ: «Велѣли ему очистить дворъ близко Днѣпровскихъ воротъ, въ седьмомъ дворѣ отъ воротъ, потому что у насъ холопей твоихъ въ городѣ малолюдство, а тутъ, Государь, живетъ всегда людно» [2]). Очевидно, тутъ было желаніе показать иностранцу-путешественнику Россію въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Равно какъ и другихъ дипломатовъ, и венеціанскаго посланника окружили приставами и стрѣльцами. За такими пріѣзжими сановниками наблюдали постоянно. Вимина не имѣлъ возможности составить себѣ точно и безпристрастно, и независимо отъ лицъ, непосредственно его окружавшихъ, понятіе объ условіяхъ общежитія въ Московскомъ государствѣ. Такимъ образомъ, могло случиться, что его отзывъ о санитарной части въ Россіи столь мало соотвѣтствовалъ дѣйствительности.

Въ знаменитомъ сочиненіи Олеарія также встрѣчается замѣчаніе, что въ Московскомъ государствѣ не слышно о многихъ случаяхъ повальныхъ болѣзней или о чрезвычайной смертности. Поэтому Олеарій, узнавъ о моровомъ повѣтріи, свирѣпствовавшемъ въ Москвѣ въ 1654 году, удивился этому явленію [3]).

---

[1]) «Non si seute il saggio di morbo pestilenziale». См. соч. Vimina. Istoria delle guerre civili di Polonia, Venezia, 1671, стр. 290.

[2]) Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными. X, 863.

[3]) «In Russland hat man nicht viel von Pestilentzischen Krankheisen oder grossene Sterben gehört. Darums ist es hödesten zu verwundern, dass in diesem Jahr 1654 bei Zeit des Krieges vor Schmolensko so giftige Lufft und grosse Pest n Moskau entsxanden». Изд. 1663 года, стр. 152.

Кромѣ Олеарія, Коллинсъ въ своемъ сочиненіи «The present state of Russia» и еще «Theatrum europaeum» упоминаетъ объ эпидеміи 1654 года. Вообще же, въ западно-европейскихъ источникахъ почти вовсе не встрѣчается данныхъ о подобныхъ событіяхъ въ Московскомъ государствѣ.

Напрасно Вимина и Олеарій хвалили благопріятныя гигіеническія условія народонаселенія Россіи. Вотъ нѣкоторые примѣры ужасныхъ случаевъ повальныхъ болѣзней, опустошавшихъ Россію до XVII вѣка.

Въ 1090 году, былъ моръ въ Кіевѣ. Въ двѣ недѣли добычею болѣзни сдѣлались 7000 человѣкъ. Въ 1187 году, въ Новгородѣ и Бѣлоруссіи свирѣпствовала болѣзнь, ни одинъ домъ не былъ свободенъ отъ нея; ни одного здороваго не оставалось для ухаживанія за больными. Въ 1230 году, въ Смоленскѣ, по случаю чумы, погибло не менѣе 32,000 жителей. Въ 1350 и 1351 годахъ, съ запада перешла въ Россію такъ называемая черная смерть. Потеря людей въ Россіи, какъ и на западѣ, была неисчислима. Городъ Глуховъ лишился всѣхъ жителей, Бѣлоозеро также. Въ 1386 году, въ Смоленскѣ былъ ужасный моръ, такъ что тамъ оставалось въ живыхъ только десять человѣкъ. Въ 1417 году, свирѣпствовала какая-то болѣзнь въ Псковѣ, въ Новгородѣ, Ладогѣ, Порховѣ, Торжкѣ, Твери, Дмитровѣ и окрестныхъ мѣстахъ. Цѣлыя деревни опустѣли совершенно, во многихъ домахъ, по смерти всѣхъ взрослыхъ, едва одно дитя оставалось въ живыхъ. Съ 1420 до 1424 года, была ужасная смертность въ Костромѣ, Ярославлѣ, Юрьевѣ, Владимірѣ, Суздалѣ, Твери и пр. Крестьянъ погибло столько, что отъ недостатка въ работникахъ хлѣбъ оставался на нивахъ. Въ 1543 году, въ Псковѣ въ одинъ мѣсяцъ умерло 2,700 человѣкъ. Въ 1561 и 1562 годахъ, число умершихъ въ Новгородѣ и Псковѣ и въ окрестностяхъ доходило до 500,000 человѣкъ. О подобныхъ же событіяхъ, бывшихъ, какъ кажется, въ бо́льшей части случаевъ, слѣдствіемъ неурожаевъ, упоминается въ лѣтописяхъ при слѣдующихъ годахъ: 1128, 1215, 1229, 1237, 1251, 1278, 1409, 1410, 1414, 1417, 1426—27, 1442—43, 1462, 1465—67, 1478, 1487, 1499, 1506, 1521, 1523, 1552, 1561—62, 1566, 1584—98, 1601—1603, 1605, 1606 и пр. [1])

О характерѣ болѣзни, опустошавшей Россію въ 1654 году, не сохранилось почти никакихъ данныхъ. Въ источникахъ говорится лишь о страшномъ морѣ вообще, о громадномъ числѣ умершихъ. Частностей о признакахъ болѣзни мы почти вовсе не встрѣчаемъ.

---

[1]) См. таблицу повальныхъ болѣзней въ сочиненіи Рихтера, «Исторія медицины въ Россіи» Москва, 1814, томъ I, стр. 136—151.

Только у Олеарія сказано, что люди, считавшіе себя совершенно здоровыми, выходили на улицу, гдѣ умирали внезапно [1]).

Въ то время, почему-то совсѣмъ не оказалось врачей въ Московскомъ государствѣ. Между тѣмъ какъ до этого, напримѣръ, при Борисѣ Годуновѣ, въ Россіи было довольно значительное число докторовъ, по бо̀льшей части англичанъ, заботившихся о сохраненіи здоровья царя и его семейства. Нѣсколько позже занимались медицинскою практикою болѣе или менѣе извѣстные спеціалисты, какъ напримѣръ, Коллинсъ, Блюментростъ, Рингуберъ и пр., во время же повальной болѣзни, въ пятидесятыхъ годахъ семнадцатаго вѣка, не слышно о дѣйствіяхъ врачей и принятіи по совѣту спеціалистовъ мѣръ противъ заразы. Быть можетъ, опустошительное дѣйствіе моровага повѣтрія объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ докторовъ въ это роковое для населенія Москвы время.

И самого царя не было дома когда начался моръ, лѣтомъ 1654 года. Алексѣй Михайловичъ былъ занятъ польскою войною. Въ Москвѣ управлялъ дѣлами патріархъ Никонъ.

По распоряженію Никона, въ іюлѣ мѣсяцѣ, царица Марья Ильинишна, съ семействомъ, выѣхала изъ столицы, выѣхалъ и патріархъ по царскому указу. Чтобы сберечь государя и войско, поставлены были крѣпкія заставы по смоленской дорогѣ, также по троицкой, владимірской и другимъ дорогамъ; людямъ, ѣдущимъ подъ Смоленскъ, велѣно говорить, чтобы они въ Москву не заѣзжали, а объѣзжали около Москвы. Здѣсь, въ государевыхъ мастерскихъ палатахъ и на казенномъ дворѣ, «гдѣ государево платье», двери и окна кирпичемъ заклали и глиною замазали, чтобы вѣтеръ не проходилъ; съ дворовъ, гдѣ обнаружилось повѣтріе, оставшихся въ живыхъ людей не велѣно выпускать; дворы эти были завалены и къ нимъ приставлена стража. Были приняты мѣры и въ окрестностяхъ столицы. Зараженныя деревни велѣно было засѣкать и разставлять около нихъ сторо̀жи крѣпкія, на сторо̀жахъ разложить огонь часто; подъ смертною казнію запрещено было сообщеніе между зараженными и незараженными деревнями.

Со стану на рѣкѣ Нерли царица отправилась въ Колязинъ монастырь; дали знать, что черезъ дорогу въ Колязинъ монастырь провезено тѣло думной дворянки Гавреновой, умершей отъ заразы, и вотъ велѣно было на этомъ мѣстѣ, на дорогѣ и по обѣ ея стороны, сажень по десяти и больше, накласть дровъ и выжечь гораздо, уголье и пепелъ вмѣстѣ съ землею свезти и посыпать новой земли, которую брать издалека. 11-го сентября, царское семейство уже было въ Колязинѣ монастырѣ. Грамоты, присылаемыя сюда изъ Москвы отъ бояръ, переписывались чрезъ огонь [2]).

---

[1]) Olearius, изд. 1663 года, стр. 152.

[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», X. 367—368, 370.

Послѣ того, какъ патріархъ Никонъ покинулъ Москву, тамъ остался главнымъ начальникомъ князь Пронскій. Къ нему писала царица: «Изъ Троицкаго монастыря 27-го августа, отпустили мы въ царствующій градъ Москву образъ пречистыя Богородицы истинныя Ея иконы Казанскія... и какъ сія наша грамота придетъ и выбъ тѣ образы велѣли встрѣтить и несть въ соборную церковь, чтобъ Господь Богъ утишилъ праведный свой гнѣвъ».

Очевидно, эта мѣра, принятая конечно не столько царицею, сколько Никономъ, была вызвана извѣстіемъ объ усиленіи заразы въ столицѣ. Каково въ это время было содержаніе грамотъ, отправленныхъ Пронскимъ къ царицѣ, видно изъ слѣдующаго предписанія царицы Марьи Ильинишны и царевича Алексѣя Алексѣевича князю Пронскому отъ 3-го сентября 1654 года: «Моровое повѣтріе умножается гораздо и православныхъ христіанъ оставляется малая часть, а вы себѣ того ожидаете смертнаго посѣщенія, а большаго собору Успенія пречистыя Богородицы осталось живыхъ протопопъ да два попа... и какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ и выбъ сами отъ моровага повѣтрія жили вверху съ великимъ береженіемъ, а въ нашихъ и во всякихъ дѣлахъ всѣмъ людямъ отказали и нашихъ никакихъ дѣлъ не дѣлали и къ намъ ни о какихъ дѣлахъ не писали, а которыя впредь будутъ наши дѣла, о томъ писали государю царю Алексѣю Михайловичу въ Смоленскъ».

О распространеніи заразы и о мѣрахъ предосторожности противъ усиленія зла, свидѣтельствуетъ слѣдующая грамота, писанная 3-го сентября 1654 года отъ имени юнаго царевича Алексѣя Алексѣевича къ коломенскому воеводѣ, князю Морткину: «Писалъ ты къ намъ, что на Коломну и въ коломенскій уѣздъ москвичь наѣхало много... и то ты дѣлаешь не гораздо... и тебѣ пропускать никого отнюдь не велѣно, а которые всякихъ чиновъ люди и пріѣзжали и приходили съ Москвы и изъ иныхъ городовъ къ заставамъ и тыбъ тѣхъ людей на заставахъ и мимо заставъ на Коломну и въ коломенскій уѣздъ пропускать никого не велѣлъ».

Объ отчаянномъ положеніи Москвы можно судить по слѣдующему посланію князя Пронскаго къ царю Алексѣю Михайловичу, писанному въ первыхъ числахъ сентября: «Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу холопи твои Мишка Пронской съ товарищи челомъ бьетъ. Въ прошломъ государь въ 162 году въ іюлѣ и августѣ, въ разныхъ числѣхъ, писали къ тебѣ, Государю, мы холопи твои, что грѣхъ ради нашихъ въ Москвѣ и слободахъ помираютъ многіе люди скорою смертію и въ домишкахъ нашихъ тоже учинилось и мы холопи твои, покинувъ домишки свои, живемъ въ огородахъ. И въ нынѣшнемъ Государь въ 163 году послѣ

Симеонова дня моровое повѣтріе умножилось [1]) день ото дня больше пребываетъ. Уже въ Москвѣ, Государь, и въ слободахъ православныхъ христіанъ малая часть остается; а стрѣльцовъ, Государь, отъ шести приказовъ не единъ приказъ не остался; изъ тѣхъ достальныхъ многіе лежатъ больные, а иные разбѣжались, и на караулахъ, Государь, отъ нихъ быть некому; а головъ, Государь, стрѣлецкихъ Богдана Кановинскаго, Дамакова, Готкина не стало же и сотники стрѣлецкіе многіе померли. А церкви, Государь, соборныя и прихожскія мало не всѣ стоятъ безъ пѣнія; только, Государь, въ большомъ соборѣ по сіе число служба повсядневная и то съ большою нуждою; въ остаткѣ живыхъ только протопопъ да два священника Ферапонтъ да Порфирій, старый дьяконъ Василій. А у прихожскихъ, Государь, церквей священниковъ осталось малая часть. Изъ тѣхъ многіе больные и иные поразошлися и православные христіане помираютъ безъ отцовъ духовныхъ и погребаютъ безъ священниковъ и мертвыхъ телеса во градѣ и за градомъ лежатъ псы влачимы; а въ убогіе домы возятъ мертвыхъ и ямъ накопать некому; ярыжные земскіе извозчики, которые въ убогихъ домѣхъ ямы копали и мертвыхъ возили, и отъ того сами померли: а достальные, Государь, всякихъ чиновъ люди, видя такое Божіе посѣщеніе, ужаснулися и за тѣмъ къ мертвымъ приступать опасаются. А приказы, Государь, всѣ заперты; дьяки и подъячіе всѣ померли; а домишки, Государь, наши пустые учинились; люди же померли мало не всѣ, а мы холопи твои то же ожидаемъ себѣ смертнаго посѣщенія съ часу на часъ, и безъ твоего, Государева, указа по перемѣнкамъ съ Москвы въ подмосковныя деревнишки ради тяжелаго духа, чтобы всѣмъ не помереть съѣзжать не смѣемъ и о томъ, Государь, вели намъ холопемъ своимъ свой Государевъ, указъ учинить» [2]).

Не безъ основанія князь Пронскій ожидалъ, что самъ сдѣлается жертвою болѣзни: онъ умеръ 11-го сентября, значитъ нѣсколько дней послѣ отправленія письма къ царю. 12-го сентября, скончался князь Хилковъ. Умерли гости, бывшіе у государевыхъ дѣлъ. Торговые ряды въ Москвѣ всѣ были заперты, никто не сидѣлъ въ

---

[1]) Іюль и августъ 162 года т. е. 7162 года по сотворенія міра соотвѣтствуютъ іюлю и августу 1654 года (7162—5508). Нѣтъ сомнѣнія, что Пронскій писалъ въ первыхъ числахъ сентября 1654, потому что онъ умеръ 11-го сентября 1654 года. Годъ начинался тогда 1-го сентября, поэтому онъ могъ писать «въ прошломъ году въ іюлѣ и августѣ». Рихтеръ, II, 126 по ошибкѣ относитъ письмо Пронскаго къ 1655 году.

[2]) Рихтеръ (II приложенія, стр. 66—68) при изданіи этого любопытнаго документа, впрочемъ не по подлиннику а по списку, какъ кажется, не замѣтилъ, что продолженіе рукописи, въ которой разсказаны дальнѣйшія событія, не можетъ быть письмомъ Пронскаго.

лавкахъ; на дворахъ знатныхъ людей изъ множества дворни осталось человѣка по два и по три. Объявилось и воровство: разграблено было нѣсколько дворовъ, а сыскивать и унимать воровъ некѣмъ; тюремные колодники проломились изъ тюрьмы и бѣжали изъ города; человѣкъ 40 переловили, но 35 ушло. Получивъ такія печальныя извѣстія о состояніи столицы, царь послалъ приказъ запереть въ Кремлѣ всѣ ворота и рѣшетки запустить, оставить одну калитку на Боровицкій мостъ и ту по ночамъ запирать. Печатный дворъ уже до этого былъ запечатанъ и книгъ печатать не велѣно «для мороваго повѣтрія» [1]).

О громадномъ количествѣ собакъ, находившихся тогда на улицахъ Москвы и питавшихся трупами умершихъ отъ мороваго повѣтрія людей, замѣчено въ небольшой статьѣ, посвященной этому предмету въ выходившемъ въ то время во Франкфуртѣ періодическомъ изданіи «Theatrum europaeum». Собаки, говорилось въ статьѣ, до того умножились и одичали, что, какъ бѣшеныя, нападали на живыхъ людей, такъ что несчастные жители Москвы, которыхъ пощадило моровое повѣтріе, находились въ большой опасности отъ собакъ даже въ своихъ домахъ. Иностранный источникъ прибавляетъ, что именно это обстоятельство заставило царя, желавшаго возвратиться въ Москву, ждать нѣсколько недѣль до въѣзда въ столицу [2]) Тамъ же сказано о громадномъ числѣ труповъ, лежавшихъ по улицамъ столицы, о невозможности предать ихъ землѣ по недостатку людей, оставшихся въ живыхъ. Не было, говорится далѣе, людей, которые могли бы сторожить ворота кремлевскія, такъ что послѣдніе оставались отпертыми день и ночь безъ карауловъ. Число жертвъ мороваго повѣтрія въ одной Москвѣ показано «болѣе 200,000 тысячъ», число жертвъ вообще до «нѣсколькихъ сотень тысячъ». Во многихъ деревняхъ, продолжаетъ свой разсказъ авторъ статьи, не оставалось въ живыхъ ни одного человѣка, такъ что скотъ, предоставленный на произволъ судьбы, долженъ былъ массами или погибнуть съ голоду, или сдѣлаться жертвою хищныхъ звѣрей [3]).

Съ 10-го октября, моръ началъ стихать и зараженные стали выздоравливать. 21-го октября, государь пріѣхалъ въ Вязьму, и по случаю мороваго повѣтрія не поѣхалъ далѣе; сюда къ нему пріѣхала и царица съ семействомъ изъ Колязина. Въ началѣ декабря, государь послалъ досмотрѣть въ Москвѣ, сколько умерло и сколько осталось. О результатахъ этихъ статистическихъ розысканій мы будемъ говорить ниже. Новый 1655 годъ засталъ Алексѣя Михайловича въ Вязьмѣ, гдѣ онъ пережидалъ окончанія мора въ

---

[1]) Соловьевъ, X, 370—371.

[2]) Theatrum europaem, VII. 620.

[3]) Тамъ же, VII. 622.

Москвѣ. Здѣсь, какъ доносили государю, послѣ язвы физической начала свирѣпствовать нравственная. 15-го января, царь писалъ начальнику въ Москвѣ, боярину Ивану Васильевичу Морозову: «Вѣдомо намъ учинилось, что въ Москвѣ въ моровое повѣтріе мужья отъ женъ постригались, а жены отъ мужей, а теперь многіе живутъ на своихъ дворахъ съ женами, и многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ, пьянство и воровство умножилось. И вы бы велѣли провѣдать о томъ подлинно и къ намъ отписали тотчасъ съ нарочнымъ гонцомъ». 19-го января, царь писалъ къ князю Якову Куденетовичу Черкасскому: «Мы пойдемъ къ Москвѣ на малое время, легкимъ дѣломъ, оставя все въ Вязьмѣ; пойдемъ помолиться образу Пресвятыя Богородицы, приложиться къ мощамъ, бояръ и всѣхъ людей обвеселить отъ печали, и, отвезши сестеръ своихъ, царицу и дѣтей, назадъ возвратимся и пойдемъ противъ польскаго короля» [1]).

Возвратившись въ Москву, Никонъ писалъ царю 4-го февраля 1655 года: «По отшествіи отъ васъ государей, приволокся во царствующій градъ Москву февраля въ 3 день, часа за два до свѣта въ субботу. Охъ, увы! зрѣнія неполезнаго и плача достойнаго! Непрестанно смотря плакалъ, плакалъ пустоты московскія, пути и домовъ, идѣжъ прежъ соборы многіи и утѣсненіе, тамо никоково, великія пути въ малу стезю и потлачены, дороги покрыты снѣги и никѣмъ суть и слѣдими, развѣ отъ песъ. Охъ, охъ! Іеремія плачевный тому развѣ уплакати таковыя и толикое зло и запустѣнія. Ей, ей, піянства на ся издавна и омраченія не помню, якожъ нынѣ изумѣхся отъ пустоты; обаче мало возвеселихся въ воскресеніе о пришествіи останковъ хрестьянъ во святую соборную апостольскую церковь во святей литоргіи, малымъ чимъ менши, яко и прежъ, или за радость на видѣніе насъ во святей службѣ, яко и нѣдра церковныя не вмѣстиша и дворъ противъ полнъ былъ. А еже о дворовой пустотѣ не мошно утѣшитеся... Въ хоромѣхъ вашихъ вездѣ кадилъ, сыскавъ ладану черного росного и еще есть его много, а вельми полезенъ» [2]).

Въ рукописи, которою пользовался Рихтеръ при изложеніи этихъ событій, сказано: «Того же году послѣ Спиридонова дни уже возвратъ солнцу предъ Рождествомъ Христовымъ преста моровое повѣтріе въ Москвѣ. Того жъ году государь царь взялъ Смоленскъ и съ побѣдою возвратился къ Москвѣ и прежде его пріиде къ Москвѣ въ постъ государева царица Марья Ильинишна. Въ Москвѣ же еще никого людей не было, то Никонъ патріархъ и протчіе стали по малу съѣзжаться. Потомъ святѣйшій патріархъ

---

[1]) Соловьевъ, X, 371, 383.

[2]) Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Москва, 1848. I. стр. 304.

повелѣ всѣхъ псовъ, кои не на цѣпяхъ, побить, ибо ядоша телеса мертвыхъ человѣкъ. Потомъ пріиде государь царь къ Москвѣ и ста на Воробьевскихъ горахъ, и стоялъ тутъ доколе Москву очистиша и люди собрашася, и въ исходѣ февраля вниде въ Москву и тогда срете его со святыми иконами за Москвою святѣйшій патріархъ Никонъ соборне и возпѣша вся побѣдительная Господу Богу благодаренія. Государь царь Алексѣй Михайловичъ побылъ

Царь Алексѣй Михаиловичъ.

въ Москвѣ до великаго поста; а въ постъ съ войскомъ пошелъ въ Вильну».

Затѣмъ разсказано о распространеніи мороваго повѣтрія и въ другихъ частяхъ Московскаго государства слѣдующее: «И въ 164 [1]) году въ началѣ весны бысть повѣтріе въ понизовыхъ городахъ и до Астрахани и многія села и деревни запустѣли. Преста же моровое повѣтріе съ возврату солнца предъ Рожествомъ Христовымъ

[1]) Т. е. въ 7164 — 5508 = 1656 году.

того же 164 году. Во 165 году въ понизовыхъ городахъ и въ Астрахани опять бысть повѣтріе и осташася живыхъ малая часть; въ Новѣ же городѣ и во всѣхъ поморскихъ городахъ отъ повѣтрія Господь Богъ сохранилъ и не было» [1]).

Впрочемъ, какъ кажется, и въ Москвѣ, въ теченіи 1655 и 1656 годовъ, возобновилась опасность, какъ видно изъ разныхъ правительственныхъ распоряженій, относившихся къ этому предмету. Такъ, напримѣръ, по причинѣ усилившагося и распространившагося мороваго повѣтрія даны были особенные приказы князю Григорію Семеновичу Куракину, чтобы не допустить чумѣ распространиться до Вязьмы и Смоленска, мѣстопребыванія государя и чрезъ то оберегать «отца нашего здравіе» [2]). 2-го декабря 1655 года, Ивану и Матвѣю Андреевичамъ Милославскимъ былъ объявленъ гнѣвъ на нихъ государя за то, что ихъ мать, Матрена, утаила о приключившихся въ ея домѣ случаяхъ «болѣзни съ язвами». За такое преступленіе Милославскіе были «написаны по московскому списку» [3]).

Въ 1656 году, 30-го іюля, «по указу учинены заставы крѣпкія, чтобы никакіе люди къ Москвѣ отнюдь не пріѣзжали». Были такъ сказать учреждены карантины. Всѣ пріѣзжающіе задерживались, допрашивались, осматривались; имъ только дозволялось по прибытіи своемъ говорить съ жителями въ извѣстномъ отдаленіи. Разспрашивали изъ-за воротъ и издали, а разспрося, высылали ихъ за земляной городъ. Кто принималъ у себя пріѣзжихъ безъ соблюденія этихъ правилъ, тотъ подвергался смертной казни [4]).

6-го августа 1656 года, «велѣно на Москвѣ во всѣхъ приказахъ подъячихъ учинить заказъ... У кого кто заболитъ какою болѣзнію, и про тѣхъ больныхъ извѣщали тотчасъ князю Куракину» [5]). Платья больныхъ сожигали, другія окуривали и вымораживали, равно какъ и домы въ деревняхъ двѣ недѣли и потомъ черезъ три дня окуривали полынью [6]).

Патріархъ Никонъ издалъ, 6-го августа 1656 года, пастырское увѣщаніе ко всѣмъ православнымъ. Здѣсь говорилось о принятіи предосторожностей отъ моровой язвы. Прежде всего онъ увѣщевалъ всякаго хранить страхъ Божій и исполнять христіанскій долгъ и пр., далѣе, однако, слѣдуетъ достойное вниманія замѣчаніе, что при распространеніи столь ужасной заразы, нѣтъ никакого грѣха удалиться въ другое мѣсто, пока пройдетъ опасность.

---

[1]) Рихтеръ, II, прилож. 68—69.
[2]) Тамъ же, II, 129.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 168.
[4]) Тамъ же, № 184.
[5]) Тамъ же, № 186.
[6]) Рихтеръ, II, 132.

Тутъ сказано: «Симъ путь спасенія показа, яко еже отъ губительства бѣжати не точію нѣсть грѣхъ, но и воли Божіей исполненіе, и что къ сему отвѣщаютъ оніи противницы, иже сами себѣ и иныхъ въ лютую язву вметати нудящіися? Воистину никто же» и пр. [1]).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно считать вѣроятнымъ, что, хотя самый ужасный разгаръ мороваго повѣтрія относился къ 1654 году, но и въ слѣдующіе годы были многіе случаи заразы. Въ 1657 году, болѣзнь свирѣпствовала въ Смоленскѣ и въ Ригѣ. По этому случаю было приказано князю Петру Алексѣевичу Долгорукому: получаемыя офиціальныя бумаги въ Дрогомиловской слободѣ переписывать снова, и бумаги въ оригиналѣ изъ Смоленска сожигать. Чума въ Ригѣ заставила пріѣхавшаго въ 1657 году изъ Англіи посла Кромвеля, Ричарда Бредшо (Bradschow), возвратиться тотчасъ же въ Англію [2]).

Трудно опредѣлить мѣру смертности, число жертвъ мороваго повѣтрія въ Москвѣ въ эти годы. Матеріалъ, которымъ мы располагаемъ для этой цѣли, къ сожалѣнію далеко не полный. Замѣчаніе въ «Theatrum europaeum», что вообще умерло въ 1654 году нѣсколько сотенъ тысячъ и что число жертвъ въ одной столицѣ доходило до двухъ сотъ тысячъ легко можетъ казаться преувеличеніемъ. Оно, однако, подтверждается болѣе частными и опредѣленными цифрами, которыя были найдены Соловьевымъ въ архивномъ матеріалѣ, относящемся къ этому времени.

Какъ мы видѣли выше, царь, находясь въ Вязьмѣ, посылалъ досмотрѣть въ Москвѣ — сколько умерло и сколько осталось. Донесли: въ Успенскомъ соборѣ остался одинъ священникъ да одинъ дьяконъ; въ Благовѣщенскомъ одинъ священникъ; въ Архангельскомъ службы нѣтъ: протопопъ сбѣжалъ въ деревню; во дворцѣ по двору едва можно пройти: сугробы снѣжные! На трехъ дворцахъ дворовыхъ людей осталось 15 человѣкъ.

Какъ видно, эти данныя оказываются все еще слишкомъ общими; нѣтъ возможности составить себѣ по нимъ болѣе точное понятіе о числѣ жертвъ. Точнѣе слѣдующія показанія о числѣ умершихъ въ разныхъ городахъ: въ Костромѣ умерло 3,247 человѣкъ, въ Нижнемъ Новгородѣ 1,836, а въ уѣздѣ 3,666; въ Вереѣ съ уѣздомъ умерло 1,524 человѣка; въ троицкомъ монастырѣ и подмонастырскихъ слободахъ умерло 1,278 человѣкъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ остается неизвѣстнымъ отношеніе числа умершихъ къ числу оставшихся въ живыхъ. Между тѣмъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 188.
[2]) Рихтеръ, II, 130—133.

вычисленіе процента смертности оказывается особенно важнымъ на основаніи слѣдующихъ цифръ, дающихъ намъ понятіе о мѣрѣ зла. Мы имѣемъ возможность опредѣлить смертность въ монастыряхъ, въ сословіи домашнихъ крѣпостныхъ людей, въ нѣкоторыхъ городахъ и ихъ окрестностяхъ.

Изъ вышеприведеннаго письма царя къ боярину Морозову, мы видѣли, что во время моровага повѣтрія многіе люди, мужчины и женщины, искали спасенія въ монастыряхъ. Быть можетъ вслѣдствіе такого наплыва людей къ монастырямъ смертность въ нихъ оказывается особенно ужасною, какъ видно изъ слѣдующихъ показаній:

	Умерло.	Осталось живыхъ.	Процентъ смертности.
Въ Чудовомъ мон.	182 монаха.	26	$87^1/_2$%
» Вознесенскомъ	90 монахинь.	38	70%
» Ивановскомъ	100	30	77%

такъ что въ Чудовомъ монастырѣ умерло безъ малаго $^9/_{10}$ населенія и осталось лишь немного болѣе $^1/_{10}$ жителей.

Мы сказали выше, что вслѣдствіе моровага повѣтрія во всѣхъ приказахъ прекратилось занятіе административными дѣлами. Къ сожалѣнію, мы знаемъ только объ одной цифрѣ смертности въ классѣ чиновнаго люда. Въ посольскомъ приказѣ переводчиковъ и толмачей 30 умерло, 30 осталось.

Въ низшемъ классѣ общества смертность была особенно значительна. Мы уже замѣтили, что на дворахъ у знатныхъ людей изъ множества дворни осталось человѣка по два и по три. Слѣдующіе примѣры свидѣтельствуютъ объ ужасныхъ дѣйствіяхъ моровага повѣтрія между несчастными домашними крѣпостными людьми. На боярскихъ дворахъ:

	Умерло.	Осталось живыхъ.	Процентъ смертности.
У Ник. Ив. Романова . .	352	134	73%
» Як. Куд. Черкасскаго .	423	110	80%
» Бориса Морозова . . .	343	19	95%
» Одоевскаго	295	15	95%
» А. Н. Трубецкаго	270	8	97%
» Стрѣшнева изъ всей дворни остался въ живыхъ одинъ мальчикъ			100%

Нельзя удивляться тому, что моръ свирѣпствовалъ особенно сильно между плохо прокормленными и плохо одѣтыми челядинцами. Впрочемъ, почти столько же народу въ то время умирало въ другихъ группахъ московскаго населенія. Въ черныхъ сотняхъ и слободахъ:

	Умерло.	Осталось живыхъ.	Процентъ смертности.
Въ кузнецкой сотнѣ	173	32	85%
» новгородской сотнѣ . . .	438	72	85%
» устюжской полусотнѣ . .	320	30	89%
» покровской сотнѣ	477	48	90%

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ бо́льшимъ числомъ примѣровъ смертности въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдствія мора въ другихъ группахъ московскаго общества походили на цифры, нами сообщенныя. Поэтому можно думать, что болѣе половины населенія столицы сдѣлалось въ продолженіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ добычею мороваго повѣтрія. Такое, основанное на числовыхъ данныхъ, предположеніе заключаетъ въ себѣ точное подтвержденіе показанія въ «Theatrum europaeum», что въ одной Москвѣ умерло около 200,000 человѣкъ. Преувеличеніе вышеупомянутыхъ цифръ объ умершихъ едва ли можетъ считаться вѣроятнымъ. За то, быть можетъ, тутъ недостаетъ одного довольно важнаго фактора, не принятаго, какъ кажется, въ соображеніе при собираніи данныхъ о слѣдахъ мора. Для царя составлены были таблицы умершихъ и оставшихся въ живымъ. Мы, однако, знаемъ, что многіе люди старались спастись бѣгствомъ. О числѣ бѣглецовъ нигдѣ нѣтъ показаній. Мы знаемъ, что и въ обыкновенное время, независимо отъ столь ужасныхъ явленій, каково было моровое повѣтріе, число бѣглыхъ людей въ московскомъ государствѣ было весьма значительно. Мы выше видѣли, что въ окрестностяхъ Коломны явилось, вслѣдствіе мороваго повѣтрія, много «москвичь», какъ сказано въ письмѣ царевича Алексѣя Алексѣевича къ коломенскому воеводѣ Морткину. Инстинктъ самосохраненія заставлялъ многихъ искать спасенія внѣ стѣнъ столицы. Стражи не было. Нѣтъ сомнѣнія, что заставы отчасти существовали на бумагѣ. Такимъ образомъ, есть нѣкоторая возможность предположить, что извѣстная доля людей, считавшихся умершими, оставалась въ живыхъ, но исчезла изъ Москвы, спасаясь, или въ какой либо монастырь, или въ иные города, или въ деревню и пр. Едва ли, однако, люди, искавшіе спасенія въ бѣгствѣ, достигали этой цѣли. Лишенные всякихъ средствъ, подвергнутые опасности заболѣть, столкнуться съ представителями власти и пр., бѣглецы должны были бороться съ разными затрудненіями и, безъ сомнѣнія, массами умирали въ дорогѣ. Можно предполагать, что распространенію заразы по всему краю значительно содѣйствовали примѣры бѣгствъ жителей Москвы.

Моръ свирѣпствовалъ не только въ столицѣ, но и во всемъ центрѣ Московскаго государства. Мы имѣемъ данныя о числѣ умершихъ въ разныхъ городахъ, окружавшихъ Москву въ разстояніи нѣсколькихъ сотенъ верстъ. Районъ, къ которому относятся наши

числовыя данныя, обнимаетъ пространство около 30,000 квадратныхъ верстъ или 600 квадратныхъ миль. На границѣ этого района къ западу лежалъ городъ Вязьма, гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ ждалъ нѣсколько мѣсяцевъ окончательнаго прекращенія мороваго повѣтрія въ столицѣ.

Наши цифры относятся не только къ городамъ, но и къ уѣздамъ. Къ сожалѣнію, данныя, относящіяся къ послѣднимъ, очень скудны. Мы не имѣемъ возможности рѣшить довольно важный вопросъ, свирѣпствовало ли моровое повѣтріе сильнѣе въ городахъ.

Вотъ нѣкоторые примѣры:

	Умерло.	Ост. живыхъ.	Процентъ смертн.
Въ городѣ Торжкѣ .	224	686	25°/o
« уѣздѣ	217	2,881	7°/o

Значитъ, въ окрестностяхъ города Торжка смертность не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ самомъ городѣ. Противоположный примѣръ:

	Умерло.	Ост. живыхъ.	Процентъ смертн.
Въ городѣ Кашинѣ .	109	300	26°/o
» уѣздѣ	1,539	908	63°/o

Средину между этими цифрами представляетъ собою слѣдующій примѣръ:

	Умерло.	Ост. живыхъ.	Процентъ смертн.
Въ Звенигородѣ . .	164	197	45°/o
» уѣздѣ	707	689	50°/o

О смертности въ другихъ городахъ сохранились слѣдующія данныя:

	Умерло.	Ост. живыхъ.	Процентъ смертн.
Въ Угличѣ	319	376	45°/o
» Суздалѣ. . . .	1,177	1,390	45°/o
» Твери.	336	388	46°/o
» Тулѣ	1,808	760 мужск. пола	45°/o [1])
» Калугѣ	1,836	777	70°/o
» Переяславлѣ Залѣсскомъ . .	3,627	339	75°/o
» Переяславлѣ Рязанскомъ . .	2,583	434	85°/o

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, степень смертности одинакова въ разныхъ городахъ и въ Москвѣ. Весь край страдалъ отъ мороваго повѣтрія не менѣе столицы. На основаніи этихъ данныхъ можно считать вѣроятнымъ, что болѣе половины всего населенія

[1]) Если считать приблизительно такое же число оставшихся въ живыхъ лицъ женскаго пола, то процентъ смертности оказывается 45°/o.

центральной части Московскаго государства погибло отъ мороваго повѣтрія во второй половинѣ 1654 года. Нельзя думать, чтобы вообще смертность въ деревняхъ далеко уступала смертности въ городахъ. Едва ли гигіеническія условія деревенской жизни отличались выгодно отъ гигіеническихъ условій жизни въ городахъ. Города въ тогдашней Россіи не особенно отличались отъ селъ и деревень. И тутъ и тамъ встрѣчались одинаковая скудость средствъ, одинаковое отсутствіе обыденнаго комфорта. Внѣшній видъ Твери напримѣръ въ сочиненіи Мейерберга о Россіи, написанномъ 1661 году, даетъ намъ нѣкоторое понятіе о томъ, что деревенская жизнь въ то время не слишкомъ разнилась отъ житья-бытья въ городахъ. Вездѣ встрѣчались одинаково неблагопріятныя условія для поддержанія здоровья и жизни жителей страны. Населеніе гибло всюду безъ помощи, болѣе или менѣе фаталистически подчиняясь своему горестному жребію. Правительство не было въ состояніи ограничить зло; со стороны общества подавно ничего не было сдѣлано для борьбы съ эпидеміею. Такимъ образомъ, несчастіе, постигшее народъ, могло принять столь ужасающіе размѣры. Далѣе, могло случиться, что правительство и современники обращали сравнительно мало вниманія на страданія народа. Слѣды столь ужаснаго кризиса въ исторіи Россіи въ источникахъ историческихъ оказываются чрезвычайно блѣдными, но нѣсколько приведенныхъ цифръ краснорѣчиво замѣняютъ подробные разсказы современниковъ.

При сравненіи опустошительныхъ дѣйствій мороваго повѣтрія въ Россіи 1654 года съ подобными явленіями въ исторіи западной Европы оказывается, что размѣры смертности въ Россіи при этомъ случаѣ ничѣмъ не уступали ужаснѣйшимъ кризисамъ такого рода въ другихъ странахъ.

Когда въ XIV столѣтіи въ Азіи и Европѣ свирѣпствовала такъ называемая черная смерть, то, по нѣкоторымъ показаніямъ въ источникахъ, число жертвъ доходило: въ Европѣ до 25 милл. въ Китаѣ до 13 милліоновъ, въ прочей Азіи до 24 милліоновъ людей. Цифра умершихъ въ Германіи (1.244,434) оказывается довольно умѣренною въ сравненіи съ вѣроятнымъ общимъ итогомъ смертности въ Россіи въ 1654 году. Въ Лондонѣ черною смертью умерло 100,000 человѣкъ, въ Венеціи столько же; въ Вѣнѣ, въ продолженіе нѣкотораго времени умирало по 1,200 человѣкъ ежедневно. Показаніе, что въ Англіи вообще осталась лишь десятая часть народонаселенія, по всей вѣроятности, заключаетъ въ себѣ преувеличеніе. За то гораздо болѣе вѣроятнымъ кажется извѣстіе, что въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи осталась лишь десятая часть жителей. Островъ Маллорка лишился $^4/_5$ сво-

его населенія; въ городѣ Марсели умерло болѣе половины жителей; въ Голштиніи потеря людьми доходила до $^2/_3$, въ Шлезвигѣ до $^4/_5$ населенія [1]). Всѣ эти цифры смертности, 50%, 66%, 80% встрѣчаются и между вышеприведенными данными о смертности въ 1654 году. Черная смерть однако во всей исторіи человѣчества считается самымъ ужаснымъ событіемъ такого рода.

Впрочемъ, около того времени, когда въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе, и на западѣ происходили подобныя событія. Укажемъ на нѣкоторые примѣры особенно ужасной стертности отъ повальныхъ болѣзней въ западной Европѣ около половины XVII вѣка. Въ городѣ Гюстрокѣ въ Мекленбургіи въ 1637 году умерло 20,000 человѣкъ, въ Нейбранденбургѣ 8,000, въ Веронѣ въ 1629 году 32,895, въ Лейденѣ въ 1635 году 20,000, въ Копенгагенѣ въ 1654 году болѣе 9,000, въ Генцѣ въ 1656 году 60,000 и т. п. Въ маленькомъ городѣ Динь (Digne) въ Провансѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, т. е. отъ іюня до апрѣля умерло $^4/_5$ жителей; жертвою чумы, свирѣпствовавшей въ Лондонѣ въ 1665 году сдѣлалось 69,000 человѣкъ; въ одну ночь умерло не менѣе 4,000 человѣкъ; въ Вѣнѣ въ 1679 году число жертвъ чумы доходило до 76,921 человѣка, въ Прагѣ въ 1681 году—до 83,040. Въ Магдебургѣ въ 1681 году умерло 4,500 человѣкъ; городъ Галле лишился тогда же половины своего населенія и пр. [2]).

Сравненіе этихъ цифръ съ вышеприведенными данными, относящимися къ Россіи въ 1654 году, заставляетъ насъ думать, что несчастіе, постигшее населеніе Московскаго государства, доходило чуть ли не до болѣе ужасающихъ размѣровъ, чѣмъ сильнѣйшая смертность въ нѣкоторыхъ странахъ и городахъ западной Европы около этого же времени. Между тѣмъ, однако, какъ подобныя явленія въ исторіи западной Европы разсказаны подробно въ медицинско-историческихъ сочиненіяхъ, о моровомъ повѣтріи въ Москвѣ 1654 года въ нихъ не говорится вовсе. Самый фактъ исчезновенія бо́льшей половины населенія центральной части Московскаго государства остался какъ-то почти вовсе незамѣченнымъ современниками. То обстоятельство, что при историческомъ разборѣ этого печальнаго эпизода ощущается чрезвычайная скудость не только иностранныхъ, но и русскихъ матеріяловъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что самое населеніе Москвы гибло безмолвно, безропотно, подобно тому пассивному терпѣнію, которое обнаруживаютъ въ такихъ случаяхъ и въ новѣйшее время жители Индіи, Персіи или Египта.

---

[1]) См. соч. Геккера, Die grossen Volkskrankueisen des Mittelalters, Berlin 1865, стр. 45—50 и соч. Гезера (Haeser), Geschicte der epidemische Kraulsheiten. Iena, 1865 стр. 138.

[2]) Haeser, 362 и слѣд.

Невниманіе къ этимъ фактамъ, происходившимъ въ Россіи, свидѣтельствуетъ о замкнутости русской жизни, имѣвшей въ то время мало общаго съ Европою. Московское государство тогда еще не принадлежало къ европейской политической системѣ. Западная Европа относилась къ нему приблизительно такъ, какъ въ настоящее время мы относимся къ какому либо мало извѣстному среднеазіятскому государству. Поэтому извѣстіе объ ужасномъ кризисѣ, которому подверглось въ то время несчастное населеніе Москвы и ея окрестностей дошло до западной Европы развѣ лишь въ случайной и краткой замѣткѣ въ «Theatrum europaeum». Въ самой же Россіи, кромѣ немногихъ дѣловыхъ бумагъ, на основаніи которыхъ мы имѣли возможность составить нашъ очеркъ исторіи этаго событія, не осталось слѣдовъ этихъ прискорбныхъ происшествій. Даже въ сочиненіи Котошихина, написанномъ нѣсколько лѣтъ позже, умалчивается о моровомъ повѣтріи 1654 года. Другихъ мемуаровъ или частныхъ писемъ не сохранилось. Даже въ кругахъ иностранцевъ, проживавшихъ въ то время въ Московскомъ государствѣ, не было такихъ людей, которые могли бы оставить кое-какое повѣствованіе о появленіи мороваго повѣтрія [1]), ужасныя послѣдствія котораго объясняются главнымъ образомъ сравнительно низкою степенью культуры, на которой находилось въ то время населеніе Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что размѣры смертности и вообще степень зла при подобныхъ случаяхъ обусловливается, главнымъ образомъ, отсутствіемъ извѣстныхъ культурныхъ началъ въ общественномъ и государственномъ строѣ. Успѣхи науки, добросовѣстность администраціи, осмотрительность правительственныхъ мѣстъ, матеріальныя средства, распространеніе въ обществѣ просвѣщенныхъ понятій о важности санитарной полиціи — все это вмѣстѣ останавливаетъ, ограничиваетъ дѣйствіе любой повальной болѣзни. Въ противуположность совершенному равнодушію западной Европы въ 1654 году, весь цивилизованный міръ встрепенулся въ наше время при полученіи извѣстія о первыхъ случаяхъ заразы въ Ветлянкѣ въ 1879 году. Были приняты, при помощи результатовъ науки, самыя энергичныя мѣры противъ эпидеміи, размѣры которой, вслѣдствіе этихъ дѣйствій, остались сравнительно ничтожными. Опустошительное дѣйствіе чумы въ Москвѣ въ 1771 году оказывается также гораздо менѣе сильнымъ, чѣмъ страшная смертность 1654 года, очевидно потому, что были приняты кое-какія болѣе или менѣе сложныя мѣры противъ этой повальной болѣзни вообще и противъ ея распространенія въ особенности [2]). Нельзя сравнить

[1]) По крайней мѣрѣ въ сочиненіяхъ пастора Фехнера «Chronik der evangelischen gemeinden» нѣтъ никакихъ данныхъ о чумѣ 1654 года.

[2]) См. показанія о числѣ умершихъ въ 1771 году въ Москвѣ въ соч. Шторха,

степень смертности холеры въ XIX столѣтіи съ опустошительными дѣйствіями повальныхъ болѣзней XVII вѣка или черной смерти въ XIV вѣкѣ [1]).

Нельзя не желать, чтобы событія, заключающія въ себѣ доказательство важныхъ перемѣнъ къ лучшему въ судьбахъ человѣчества, были чаще и основательнѣе прежняго изучаемы историками. Такого рода факты оказываются въ сущности гораздо болѣе достойными вниманія ученыхъ, нежели частности политической исторіи, мелочи военныхъ и дипломатическихъ фактовъ и пр. [2]).

А. Брикнеръ.

«Historische-statistisches Gemälde des russischen Reiches», Riga, 1797, I. 589. Умерло съ апрѣля до декабря 56,672 человѣка. Сильнѣйшая смертность какъ въ 1654, такъ и въ 1771 году была въ сентябрѣ.

[1]) Haeser, 787.

[2]) См. нѣкоторыя любопытныя замѣчанія на этотъ счетъ въ соч. Рошеро «System der Volkswirthschaft», I, 491. Весьма любопытная статья Маркса «Über die Abnalune der Krankheisen durch die Zunalune der Civilisation», въ сборникѣ «Abhundlungen der Göttinger Gelehrten Gesellschaft der Wissenschaften», томъ II (1842—44), стр. 43—97.

ВИДѢНІЕ ВЪ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

Историческій сонъ.

> I would recall a vision which I dream'd
> Perchance in sleep...
>
> Byron («The dream»).

СНЫЙ, тихій іюльскій день клонится къ такому же ясному, тихому вечеру. Спускающееся гдѣ-то тамъ за финляндскимъ горизонтомъ солнце обливаетъ червоннымъ золотомъ массивный куполъ Исаакія, острые шпицы адмиралтейства и Петропавловскаго собора. Вдоль Невскаго тянутся непривычныя для глазъ свѣтовыя полосы отъ правой стороны къ лѣвой, а гигантская тѣнь отъ публичной библіотеки все выростаетъ и тянется все дальше и дальше.

Тихо въ публичной библіотекѣ. Время стоитъ лѣтнее, жаркое. Учащаяся молодежь еще не съѣзжалась къ пріемнымъ экзаменамъ—набирается силъ среди родныхъ полей и лѣсовъ; остальная петербургская интеллигенція отдыхаетъ по дачамъ, по деревнямъ, на водахъ; ученые люди дѣлаютъ свои лѣтнія ученыя экскурсіи; въ Петербургѣ остаются только товарищи министровъ, наборщики да дворники. Читальныя залы и отдѣленія публичной библіотеки пусты. Оттого и тихо такъ.

Только въ ларинской залѣ надъ большимъ столомъ наклонилась сѣдая борода и шуршитъ жосткими, пожелтѣвшими листами старой книги. Въ «Россика», въ углу, виднѣется классическая фигура спящаго сторожа. Тихо кругомъ, такъ тихо, точно на клад-

бищѣ. Да это и въ самомъ дѣлѣ великое, міровое кладбище головъ человѣческихъ — геніальныхъ, умныхъ и — увы! глупыхъ. Только извнѣ въ это тихое пристанище смерти и безсмертія доносятся неясные отзвуки жизни. То задребезжитъ нетерпѣливый звонокъ конки, то прогромыхаетъ по глухому торцу извощичья карета, отзовется гдѣ-то гармоника—и опять все тихо. На карнизахъ, за окнами голуби хлопаютъ крыльями объ стѣны и гнусливо воркуютъ. То прорѣжетъ воздухъ рѣзкій пискъ стрижей, и словно растаетъ въ этомъ же воздухѣ.

Какъ тихо, какъ хорошо, какъ задумчиво работается среди этого могильнаго уединенія, лѣтомъ, въ нашемъ драгоцѣнномъ книгохранилищѣ! Только тотъ, кто работалъ въ немъ лѣтомъ и раздумывался надъ отшедшею въ вѣчность жизнью и мыслью людей, имена, чувства, дѣянія и помыслы которыхъ какъ-бы замурованы, словно египетскія муміи въ катакомбахъ, въ этихъ безконечныхъ рядахъ массивныхъ шкаповъ и витринъ—только тотъ пойметъ чистыя наслажденія, даваемыя душѣ этой работой, а иногда—и жгучую обидную тоску о томъ, что все это, отошедшее въ вѣчность, должно бы было быть не тѣмъ, чѣмъ оно было...

Ударъ крыльевъ голубя объ стекло выводитъ сѣдую бороду изъ задумчивости. Она встаетъ и разминаетъ окоченѣвшіе отъ продолжительнаго сидѣнья члены.

Влѣво, въ мраморномъ креслѣ, съ обращеннымъ къ западу блѣднымъ лицомъ покоится мраморный старикъ. Нервное, худое, высохшее до костей лицо его глубоко-задумчиво и глубоко-скорбно, до того скорбно, что оно кажется перекошеннымъ отъ злобы. Но это не злоба, а скорбь, безпросвѣтная, безнадежная за все человѣчество скорбь.

Сѣдая борода тихо, какъ-то робко приближается къ мраморному старику, сидящему въ глубокомъ мраморномъ креслѣ. Костлявыя, худыя руки съ тонкими и крючковатыми, словно когти хищной птицы, пальцами, кажется, безсильно впились въ мраморъ ручекъ кресла, да такъ и окаменѣли въ своемъ безсиліи. Худое, остроконечное и ссохшееся какъ у Агриппины-старшей лицо вытянуто впередъ—словно старикъ что-то созерцаетъ, вслушивается во что-то, что̀ внѣ его слуха, а въ мозгу, что́ не отъ міра сего, но и отъ этого именно міра. Бѣлки мраморныхъ глазъ кажутся бѣлками слѣпого, который прислушивается къ работѣ своего собственнаго мозга, заключеннаго подъ этимъ мраморнымъ черепомъ. Жидкіе, тонкими прядями волосы обрамляютъ покрытый рѣзкими морщинами геніальный лобъ. Голову обхватываетъ узкая ленточка—ну, сущая Агриппина-старуха! Тонкія губы до того ввалились въ беззубый ротъ и до того сжаты, что, кажется, деснамъ больно, хоть онѣ и мраморныя. Жостко сидѣть старику—ужъ онъ слишкомъ долго сидѣлъ на своемъ вѣку, бичуя зло и глупость человѣческую, издавая книгу

за книгой, которыя какъ безпощадная артиллерія пробивали брешь за брешью въ отжившихъ, но все еще крѣпкихъ, какъ стѣны пеласгійскихъ построекъ, человѣческихъ ложныхъ вѣрованіяхъ—и подъ него подложили мраморную подушку, чтобъ ему не жостко было сидѣть и громить старыя стѣны человѣческой глупости.

Сѣдая борода остановилась въ нѣмомъ созерцаніи передъ этимъ страшнымъ старикомъ.

На мраморномъ крылѣ кресла глубоко прорѣзаны рѣзцомъ скульптора слова:

Houdon, fecit, 1781 [1]).

«Такъ вотъ ты гдѣ, могучій фернейскій отшельникъ. Какъ ты старъ, худъ и безпомощенъ. А не мощнымъ ли дыханіемъ этого беззубаго, старушечьяго рта ты затушилъ костры инквизиціи, пылавшіе столько столѣтій и приносившіе кровавыя гекатомбы тому доброму Богу, который весь былъ кротость и всепрощеніе? Не твои ли жалкія, костлявыя руки остановили безжалостныя руки палачей, занесенныя въ застѣнкахъ и въ мрачныхъ тюрьмахъ надъ жертвами человѣческой глупости и неправды? Не эти ли слабыя руки разшатали старые порядки всего міра и внесли въ этотъ міръ новый свѣточъ знанія, правды, человѣчности.—А какъ ты теперь жалокъ!—Тебя притащили сюда съ какого-то чердака, гдѣ былъ ты заброшенъ съ старымъ, негоднымъ хламомъ, и помѣстили на почетное мѣсто — рядомъ съ «котомъ царя Алексѣя Михайловича».

Сѣдая борода подходитъ къ витринѣ, изъ которой выглядываетъ этотъ котикъ «тишайшаго». Подъ нимъ двѣ подписи—одна по-русски, та, что приведена выше, другая—французская, современная самому котику:

Le vray portrait du chat du grand Duque de Moscovie, 1661 [2]).

«Здравствуй, киця. Какъ-то ты терся и мурлыкалъ около державныхъ ногъ «тишайшаго»?—Хорошо ли исполнялъ свою службу—хорошо ли ловилъ въ царскомъ терему мышекъ, не щадя живота своего? А можетъ и воробышковъ ловилъ вопреки государевымъ указамъ? И по крышамъ гулялъ съ дворскими кошечками? А служилъ ли ты вѣрою и правдою, безъ мотчанья, благовѣрному государю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу!—Вѣдь этотъ портретъ снятъ съ тебя какъ разъ въ годъ рожденія этого царевича, и ты, вѣрно, игрывалъ съ нимъ въ его царской колыбелькѣ. А дожилъ ли ты, старый котъ, до рожденія благовѣрной царевны Софьи Алексѣевны и благовѣрнаго царевича Петра Алексѣевича»?

Глубоко задумалась сѣдая борода, стоя у витрины съ котикомъ. Вѣдь и портретъ исторической звѣрушки способенъ навести на

---

[1]) Работы Гудона (Гудонъ сдѣлалъ) 1781.

[2]) Истинное изображеніе (портретъ) кота великаго князя московскаго, 1661.

серьезныя историческія размышленія: для историка—все, всякая тряпка отъ прошлаго, портретъ кота—все это матеріалъ, какъ для геолога зубъ мамонта.

Тѣнь отъ зданія библіотеки ростетъ и тянется все дальше, дальше. Бьетъ восемь часовъ.

Кто жъ это смотритъ такъ величаво на задумавшуюся сѣдую бороду? Это она—великая «Семирамида Сѣвера». Во весь свой царственный ростъ выступаетъ она изъ золотой рамы. Величаво поставилъ ее на своемъ полотнѣ даровитый художникъ. Около нея жертвенникъ съ горящимъ надъ нимъ огнемъ. Около нея книги—слѣды ея царственныхъ работъ и думъ. Атласное, тяжелое бѣлое платье, кажется, скрипитъ у нея на высокой груди отъ дыханія. Горностаевая мантія небрежно спущена съ плечъ и тянятся по ковру.

Что̀ выражаетъ ея неуловимая улыбка?—А то, что она умнѣе всѣхъ, могущественнѣе, и—какъ женщина—хитрѣе. Значитъ, была хитра, коли одурачила этого мраморнаго старика, этого злюку, ядовитаго язычка котораго боялась вся Европа. Храповицкій наивно записалъ въ своемъ «Дневникѣ» эту ея ловкую продѣлку подъ 6-мъ февраля 1791 года: «Австрійцы за насъ не вступятся—говорила Семирамида Сѣвера Храповицкому въ то время, когда тотъ занимался «до поту перлюстраціей»: — имъ обѣщанъ Бѣлградъ отъ пруссаковъ, кои, съ согласія Англіи, берутъ себѣ Данцигъ и Торунь.—Я послала письмо къ Циммерману въ Ганноверъ по почтѣ, черезъ Берлинъ, дабы чрезъ то дать знать прусскому королю, что турокъ спасти онъ не можетъ. Я такимъ образомъ смѣнила Шуазеля, переписываясь съ Волтеромъ» (Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, 357).

Чисто женская продѣлка!—Ловкая Семирамида знала, что и Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій занимается въ Берлинѣ, какъ и она сама въ Петербургѣ, «перлюстраціей» чужихъ писемъ и непремѣнно прочитаетъ ея коварное письмо къ Циммерману, какъ въ Парижѣ, прежде, читали ея письма къ Вольтеру. А мудрый философъ думалъ, что она пишетъ ему лично: нѣтъ, ей хотѣлось свалить Шуазеля этимъ письмомъ—и она свалила его.

Въ другомъ мѣстѣ, подъ 5-мъ августа того же года у Храповицкаго записано: «Въ продолженіе разговора я напоминалъ государынѣ о смѣнѣ Шуазеля перепискою съ Вольтеромъ, и что нынѣ по корреспонденціи съ Циммерманомъ смѣнили Герцберга.—«И впрямь такъ—изволили сказать:—я и забыла» (стр. 370).

Гдѣ же помнить всѣхъ, кого вы провели и вывели!

Сѣдая борода постояла передъ портретомъ, постояла, покачала задумчиво головой, и снова присѣла къ столу, гдѣ лежала большая старая книга съ жосткими пожелтѣвшими листами. И опять та же невозмутимая, могильная тишина и тѣ же слабо доносящіеся извнѣ

отзвуки жизни—замирающій стукъ экипажей, замирающій въ воздухѣ глухой звонъ далекаго колокола...

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Такъ много думъ наводитъ онъ...

Далекою стариною, молодостью повѣяло отъ этого стиха, словно отъ засохшаго и полинялаго лепестка розы въ пожелтѣвшемъ отъ времени альбомѣ.

А эти книги на полкахъ, массы книгъ — это тѣ же засохшіе лепестки жизни, слѣды думъ, страданій, счастья: это стоятъ на полкахъ высушенныя человѣческія головы, сердцá и остовы покойниковъ.

Сѣдая борода, отодвинувъ отъ себя книгу, откинулась на спинку кресла и задумалась. Ни надъ чѣмъ такъ хорошо не думается, какъ надъ умной книгой.

Но что это какъ будто стукнуло тамъ, въ той половинѣ залы, гдѣ сидитъ мраморный старикъ? Нѣтъ, это такъ, это треснулъ на полкѣ гдѣ-то пересохшій переплетъ книги.

Стукъ повторился. Какъ будто скрипнула шашка паркета, другая — и паркетъ пересохъ, какъ кожаный переплетъ книги.

Слышутся какъ будто шаги въ «Россика». Но это, конечно, сторожъ. Нѣтъ, сторожъ спитъ.

Что же это? Шаги приближаются, медленные, тяжелые шаги. Да, кто-то идетъ.

Сѣдая борода оглядывается туда, откуда приближаются шаги. Что это такое! Происходитъ чтó-то непостижимое, страшное...

Это идетъ тотъ мраморный старикъ, что сидитъ въ мраморномъ креслѣ. Не можетъ быть, чтобы это былъ онъ—мраморъ не можетъ ходить. Но нѣтъ, онъ идетъ: пóлы мраморной мантіи шевелятся; ноги въ мраморныхъ сандаліяхъ передвигаются мѣрно и медленно, какъ старческія ноги вообще; голова старика замѣтно трясется, плотно сжатыя губы беззвучно шевелятся и безжизненно-мраморные глаза свѣтятся жизнью: они устремлены впередъ, туда, гдѣ въ золотой рамѣ стоитъ ў пылающаго жертвенника Семирамида Сѣвера съ опустившеюся съ плечь горностаевою мантіей.

Что-жъ это такое! Не бредъ ли разстроеннаго воображенія? Не сонъ ли? Нѣтъ, вонъ голуби по прежнему воркуютъ за окномъ и шуршатъ о карнизъ крыльями; съ Невскаго доносится глухой гулъ удаляющихся экипажей; все тотъ же вечерній звонъ доносится откуда-то издалека и точно таетъ въ воздухѣ.

Зашуршало чтó-то вправо и словно стѣна дрогнула. Это дрогнула золотая рама, задрожало полотно и отъ него медленно, неслышно отдѣлилась женщина въ горностаевой мантіи: она вышла изъ полотна и какъ тѣнь сошла на полъ, шурша складками атласнаго платья.

Вотъ она двигается, волоча за собою горностаевую мантію. На лицѣ — все та же привѣтливая, но загадочная улыбка.

И мраморный старикъ и женщина въ горностаевой мантіи сближаются, идутъ навстрѣчу другъ другу. И лицо мраморнаго старика скривилось улыбкой. Опущенныя руки поднимаются и почтительно складываются у сердца, дрожащая голова низко наклоняется.

— Ah! c'est vous, mon philosophe [1])! слышится тихій, ласкающій голосъ.

— C'est moi, madame! C'est moi qui salue la grande Semiramis du Nord [2])! шепчутъ мраморныя губы.

— Какая счастливая встрѣча! Что привело васъ въ мое скромное царство? А меня еще такъ огорчило было ваше письмо къ князю Голицыну, въ которомъ вы писали обо мнѣ: «Où est le temps que je n'avais que soixante et dix ans? J'aurais couru l'admirer! Où est le temps que j'avais encore de la voix! Je l'aurais chantée sur tout le chemin du pied des Alpes à la mer d'Archangel [3])!» А теперь вы пришли ко мнѣ — какъ я рада!

— Да, государыня, я пришелъ къ вамъ, не смотря на мои годы: меня давно манила къ себѣ великая сѣверная звѣзда... Я имѣлъ счастье писать вашему величеству: «C'est maintenant vers l'étoile du nord qu'il faut que tous les yeux se tournent. Votre majesté impériale a trouvé un chemin vers la gloire inconnue avant elle à tous les autres souverains [4])!» и вотъ я у вашихъ ногъ.

Что-то захрустѣло въ родѣ костей—и мраморный старикъ опустился на колѣни.

— О! встаньте, встаньте! не вамъ склонять передо мной ваши достойныя колѣни: весь міръ долженъ склониться передъ вашимъ геніемъ.

И она тихо положила руку на мраморное плечо старика.

— Встаньте!

И старикъ, стуча костями и мраморомъ, всталъ.

— Я повинуюсь вашему величеству. Но вспомните, что я писалъ вамъ, когда вы любезно приглашали меня на вашъ карусель: «La reine Falestrice ne donna jamais de carouzel, elle alla cajoler Aléxandre le Grand, mais Aléxandre serait venu vous faire la cour [5])».

---

[1]) А! это вы, мой философъ!

[2]) Это я, государыня! Я привѣтствую великую Семирамиду Сѣвера!

[3]) Гдѣ то время, когда мнѣ было только семьдесятъ лѣтъ? Я пришелъ бы, чтобы удивляться ей! Гдѣ то время, когда у меня еще былъ голосъ! Я воспѣлъ бы ее на всемъ пространствѣ отъ подножія Альпъ до Архангельскаго моря!

[4]) Теперь всѣ взоры должны обратиться къ звѣздѣ Сѣвера. Ваше императорское величество нашли путь къ славѣ, доселѣ невѣдомой всѣмъ прочимъ государямъ!

[5]) Царица Фалестрина никогда не устраивала каруселей, — она приходила только льстить Александру Великому; но Александръ самъ явился бы къ вамъ, чтобы ухаживать за вами.

— И вы пришли вмѣсто него? Это очень любезно съ вашей стороны.

— Смѣю ли я, государыня, такъ думать! Я скромный отшельникъ Фернея, жалкій старикъ.

— Не говорите такъ! Весь міръ вамъ рукоплещетъ...

— Рукоплескалъ, государыня... Теперь міръ рукоплещетъ — только вамъ!

— Oh! vous me cajolez, mon philosophe [1]).

— Non, madame, tout le monde, tout l'univers vous cajole [2])!

— О! вы непобѣдимы...

— На словахъ, государыня, только... А вы...

— Что я! слабая женщина... Не будь у меня друзей такихъ, какъ вы, я была бы ничто... Помните я писала вамъ по поводу вашихъ словъ объ Александрѣ Македонскомъ: «По истинѣ, государь мой, я болѣе дорожу вашими сочиненіями, чѣмъ всѣми подвигами Александра, и ваши письма доставляютъ мнѣ болѣе удовольствія, чѣмъ угодливость, которую бы мнѣ оказалъ этотъ государь».

— Вы слишкомъ милостивы, государыня, осклабляется беззубый ротъ.

— О, нѣтъ! я только справедлива. Вы же ко мнѣ, дѣйствительно, болѣе чѣмъ милостивы.

— Чѣмъ же, ваше величество?

— А хоть бы вашими письмами къ князю Голицыну.

— А развѣ онъ давалъ ихъ читать вамъ, государыня?

По лицу вопрошаемой скользнула неуловимая тѣнь и спряталась въ глазахъ.

— Да, показывалъ.

Но лицо ея говорило не то, что говорили уста. Въ ея тонкой улыбкѣ сквозила картина, перенесшая ее въ прошлое, въ ея кабинетъ: у окна стоитъ Лёвушка Нарышкинъ и ловитъ муху, а въ сторонѣ, у особаго столика, сидитъ Храповицкій и, утирая фуляромъ красное вспотѣвшее лицо, перлюстрируетъ письмо Вольтера къ князю Голицыну; сама же она сидитъ за своимъ письменнымъ столомъ и пишетъ тайное посланіе Фридриху прусскому о раздѣлѣ Польши: «Tout cela, monsieur mon frère, me confirme dans le sentiment que pour aller à jeu sûr, il sera plus convenable—de rendre mon parti en Pologne supérieur par une somme considérable pour acheter cet état qui n'attende que des marchands pour se vendre [3])».

---

[1]) О! вы мнѣ льстите, мой философъ.

[2]) Нѣтъ, государыня, — весь міръ, вся вселенная льститъ вамъ!

[3]) Все это, государь, братъ мой, укрѣпляетъ меня въ сознаніи, что для того, чтобы идти на вѣрную игру, слѣдуетъ только дать моей партіи въ Польшѣ перевѣсъ съ помощью суммы, достаточной для того, чтобы купить эту страну, которая ждетъ только покупателей, чтобы продаться имъ.

— Да, повторила она съ тою же загадочною улыбкой: — я читала ваши письма къ князю Голицыну. Еще въ одномъ вы обращаетесь къ поэту Томасу...

— Помню, помню, государыня.

— И говорите: «M-r Thomas! vous qui êtes jeune et qui avez meilleure voix que moi, vous avez déjà célébré Pierre I en trois chants, je vous en demende un quatrième pour Catherine Seconde [1])».

— Это правда, государыня.

— Но я продолжаю утверждать, что вы больше приписываете мнѣ, чѣмъ я заслужила. Вы пишете Голицыну: «Le titre de Mère de la patrie restera à l'impératrice malgré elle. Pour moi, si elle vient à tout d'inspirer la tolérance aux autres princes, je l'appellerai la bienfaitrice du genre humain [2])».

— Oui, madame! c'est vrai [3]), лукаво улыбается старикъ.

— Нѣтъ, это слишкомъ много. Вы даже говорите тамъ, что «le mérite des français est qu'on célèbre mes louanges dans leur langue qui est devenue, je ne sais comment, celle de l'Europe [4])».

— Но это правда, государыня, улыбается лукавый старикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Изъ угожденія мнѣ вы унижаете Францію и весь Западъ. Когда я васъ спрашивала, сожжена ли книга аббата Базэна, вы отвѣчали, что еще нѣтъ, и прибавили, будто бы во Франціи подозрѣваютъ, что книга эта написана въ Россіи, ибо истина, какъ вы выразились, приходитъ съ Сѣвера, съ Запада же только бездѣлушки—«la vérité vient du Nord, comme les colifichets vient—de l'Occident [5])!»

— И здѣсь я не преувеличилъ, государыня.

— О, вы слишкомъ добры къ намъ, сѣвернымъ варварамъ.

— Mais non, madame [6])! Я повторю ваши слова: я только справедливъ.

— Даже тогда, съ ярко блеснувшимъ взоромъ перебила она его, когда предсказывали, что мои подданные будутъ ставить мнѣ храмы, какъ божеству?

— Даже и тогда, государыня.

— А помните, что̀ я отвѣчала вамъ на это?

---

[1]) Г. Томасъ! вы, у котораго есть молодость и голосъ лучше моего — вы уже прославили Петра I въ трехъ гимнахъ: я прошу у васъ четвертаго — для Екатерины Второй!

[2]) Титулъ Матери отечества останется за императрицею даже вопреки ея волѣ. Что касается меня, то — если она внушитъ другимъ государямъ такое же милосердіе — я назову ее благодѣтельницею рода человѣческаго.

[3]) Да, государыня, — это правда.

[4]) Заслуга французовъ состоитъ въ томъ, что они воздаютъ мнѣ хвалу на своемъ языкѣ, который сдѣлался, я незнаю почему, языкомъ всей Европы.

[5]) Истина приходитъ съ Сѣвера, подобно тому какъ бездѣлушки — съ Запада!

[6]) Нѣтъ, государыня.

— Простите, всемилостивѣйшая государыня, забылъ: вѣдь я такъ старъ.

— Такъ я напомню вамъ. Я отвѣчала: «Отъ всякаго другого, кромѣ васъ и вашихъ достойныхъ друзей, я не желала бы быть поставленною въ число тѣхъ, которыхъ такъ давно боготворило человѣчество. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни мало во мнѣ самолюбія...

На этомъ словѣ она точно поперхнулась, а старикъ закашлялся...

— Но, продолжала она, поразмысливъ, невозможно желать видѣть себя приравненною лотосамъ, луковицамъ, кошкамъ, телятамъ, шкурамъ звѣрей, змѣямъ, крокодиламъ и всякаго рода животнымъ. Послѣ такого исчисленія, какой человѣкъ пожелаетъ храмовъ! Нѣтъ, лучше оставьте меня на землѣ — я лучше хочу получать ваши письма и вашихъ друзей—Даламберовъ, Дидеротовъ и другихъ энциклопедистовъ...

Въ этотъ моментъ въ «Россика» чтò-то зашуршало. Изъ какого-то шкафа тихо вылѣзла человѣческая фигура, въ форменномъ камзолѣ и въ парикѣ. Ба! да это старый знакомый, добрѣйшій Степанъ Ивановичъ Шешковскій. Услыхавъ слово «энциклопедисты», онъ сейчасъ догадался, что ему, вѣрно, предстоитъ «дѣло» — кого нибудь «взять» и «допросить». Онъ спрятался за спящаго сторожа и выжидалъ удобной минуты. Но онъ жестоко ошибся, услыхавъ послѣдующій разговоръ женщины въ горностаевой мантіи съ мраморнымъ старикомъ.

— А подвигается ли дѣло съ печатаніемъ энциклопедіи? спросила первая.

— Нѣтъ, государыня.

— Почему же?

— Не позволяютъ продолжать.

— О, какая жестокая несправедливость! Повѣрьте мнѣ — всѣ чудеса въ свѣтѣ не въ состояніи смыть пятна отъ помѣшательства печатанію энциклопедіи [1]).

— Что дѣлать, государыня! Не всѣ такъ смотрятъ на печать какъ вы, либеральнѣйшая и мудрѣйшая изъ владыкъ міра.

— Правда, государь мой, я глубоко убѣждена, что свобода печати — великое благо народовъ.

— Къ сожалѣнію, государыня, не всѣ такъ думаютъ.

— Да, истинно жаль... И энциклопедисты преслѣдуются?

— Преслѣдуются, государыня.

— Oh, malheur aux persécuteurs [2])! воскликнула она страстно Шешковскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Malheur aux pesécuteurs! повторила женщина въ мантіи: они заслуживаютъ того, чтобъ ихъ помѣстили въ разрядъ

---

[1]) Эти слова взяты изъ письма Екатерины II къ Вольтеру.

[2]) Горе преслѣдователямъ!

тѣхъ божествъ, о которыхъ я говорила — змѣй, крокодиловъ и дикихъ звѣрей: вотъ ихъ истинное мѣсто! [1]).

При послѣднихъ словахъ, Шешковскій, блѣдный какъ полотно, снова скрылся въ шкафъ.

У ногъ женщины въ горностаевой мантіи послышался шорохъ. Она оглянулась. У подола ея, шурша атласнымъ платьемъ и выгибая пушистую спинку, терся и ласково мурлыкалъ котикъ царя Алексѣя Михайловича.

— А, это ты, киця! ласково сказала женщина въ мантіи.

Мраморный старикъ скорчилъ лукавую улыбку.

— Даже звѣри несутъ дань удивленія вашему величеству.

Она нагнулась, чтобы погладить котика.

— Кисынька! кисынька! позвала она.

— Кисынька! кисынька! злобно сверкнувъ глазами, отвѣчалъ ей котъ человѣческимъ голосомъ, и, распушивъ хвостъ, прыгнулъ въ свою витрину.

Въ этотъ моментъ изъ-за полотна въ золотой рамѣ тихо выдвинулись двѣ человѣческія тѣни и стали подвигаться къ женщинѣ въ горностаевой мантіи. Но она не видѣла ихъ, стоя лицомъ къ востоку.

— Malheur aux persécuteurs! повторилъ какъ бы про себя мраморный старикъ.

— Malheur! malheur! malheur aux persécuteurs! откликнулись на его слова двигавшіяся къ нему тѣни.

Женщина въ мантіи вздрогнула и обернулась.

— Новиковъ и Радищевъ! чуть слышно прошептала она.

Затѣмъ, гордо поднявъ голову и сдѣлавъ повелительный жестъ рукою, громко сказала:

— Шешковскій!

Степанъ Ивановичъ какъ изъ земли выросъ.

— Что прикажете, ваше императорское величество?

Она жестомъ указала на вытянувшіяся противъ нея тѣни и, не взглянувъ на стоявшаго сзади мраморнаго старика, величественно вошла въ свою золотую раму.

Огонь на жертвенникѣ вспыхнулъ ярко, освѣщая корчившіеся въ пламени листы какихъ-то книгъ, изъ которыхъ на крышкѣ одной ясно вырисовались слова: «Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву».

Мраморный старикъ задумчиво воротился въ свое мраморное кресло и снова окаменѣлъ.

. . . .

---

[1]) Тоже изъ письма Екатерины Алексѣевны.

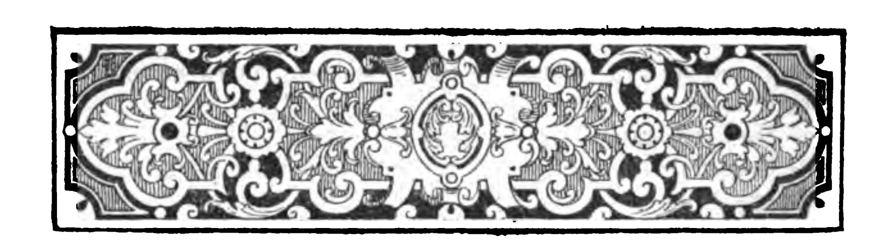
— Ваше превосходительство! ваше превосходительство! раздался голосъ сторожа.

— Что! что такое! очнулась сѣдая борода.

— Звонять-съ, пора уходить, девять часовъ, сичасъ запрутъ библіотеку.

— А-а! а мнѣ казалось...

Д. Мордовцевъ.



ЗАБЫТЫЙ ТАЛАНТЪ.

HABENT sua fata libelli — одна изъ поговорокъ, обязанныхъ своею популярностью чрезвычайной неопредѣленности или растяжимости своего содержанія. Что она собственно означаетъ? И все и ничего. Переведемъ ее буквально: «и книжки имѣютъ свою судьбу». Разумѣется; что же существующее не имѣетъ своей судьбы, т. е. не подвергается извѣстнымъ перемѣнамъ и уничтоженію? Придадимъ слову «fatum» болѣе спеціальное значеніе, не будемъ его переводить, а только перепишемъ его русскими буквами — получится миѳологическое воззрѣніе, которое не должно бы имѣть мѣсто въ той сферѣ, гдѣ занимаются исторіею книгъ. Сдѣлаемъ логическое удареніе на словѣ sua и специализируемъ всю поговорку съ иной стороны; получится противуположное общее мѣсто: «судьба книжекъ и судьба ихъ авторовъ двѣ вещи разныя», пошлая сентенція, примѣнимая и примѣняемая ко множеству разнообразныхъ случаевъ: и къ поздней славѣ сочиненій пренебреженнаго при жизни автора, и къ писателямъ, которыхъ болѣе почитаютъ, чѣмъ читаютъ, и къ подражателямъ, которые оказываются вліятельнѣе оригиналовъ и т. д., и т. д.

Вышеприведенному изреченію можно указать болѣе опредѣленное мѣсто въ книжной торговлѣ, и тогда придется истолковать его такимъ образомъ: курьёзна иногда бываетъ судьба книгъ, и дѣйствія публики часто опровергаютъ всѣ разсчеты издателя. Случается это и въ другихъ странахъ съ болѣе высокой книжной культурой, но само собой разумѣется, у насъ на пространствѣ

20—30 лѣтъ можно найти цѣлый рядъ такихъ курьёзовъ, передъ которыми стушевывается все, на что̀ можетъ указать исторія нѣмецкой книжной торговли за два столѣтія. Укажу 2—3 случая, которые первыми придутъ на память: въ 40-хъ годахъ въ Москвѣ выходилъ сборникъ статей по классической древности «Пропилеи», выходилъ, выходилъ, да и прекратился, за неимѣніемъ сбыта, на 5-мъ, кажется, томѣ. Проходитъ немного лѣтъ, время для изученія классической древности нисколько не становится благопріятнѣе, а «Пропилеи» переиздаются нѣсколько разъ. Наступаетъ гимназическая реформа; въ подобныхъ книгахъ чувствуется сильная потребность, а ихъ ни за какія деньги достать нельзя, и гимназическія библіотекари, у которыхъ случайно находятся во владѣніи 2—3 тома, должны давать ихъ читать, не выпуская изъ рукъ. Въ 50-хъ—60-хъ годахъ, въ той же Москвѣ выходилъ другой спеціальный журналъ: «Лѣтописи русской литературы». Редакторъ-издатель на нихъ потерпѣлъ страшный убытокъ, а въ провинціи онѣ уже и теперь продаются въ полтора раза дороже; скоро дойдутъ до двойной и тройной цѣны. Всѣ 4 выпуска изданныхъ графомъ Кушелевымъ «Памятниковъ» имѣютъ приблизительно одинаковое научное значеніе; но первый и второй выпуски сто̀ятъ у букинистовъ 7—10 рублей, а третій и четвертый рубль, полтора рубля.

Тѣмъ не менѣе и у насъ книжное кладбище, именуемое въ просторѣчіи толкучкою, имѣетъ свои незыблемые законы: если на немъ появляется въ большомъ количествѣ, въ неразрѣзанныхъ экземплярахъ, какая-нибудь книга, ясно, что она не понравилась публикѣ, или, по крайней мѣрѣ, была издана въ бо̀льшемъ числѣ, нежели требовалось; если лежатъ въ аккуратныхъ пачкахъ opera omnia какого-нибудь изъ умершихъ литературныхъ дѣятелей, очевидно, друзья, издавшіе ихъ, увлеклись, перецѣнили, и писатель умеръ вторично и навсегда; современному поколѣнію онъ ничего давать не можетъ; въ журналистикѣ о немъ не пишутъ, а только изрѣдка упоминаютъ.

Лѣтъ 5—6 тому назадъ появились на прилавкахъ именно въ такихъ красивыхъ пачкахъ 8 толстыхъ томовъ сочиненій Дружинина, изданные подъ редакціей недавно умершаго Н. В. Гербеля. Плохо они расходятся; едвали высоко чтятъ его память букинисты, прельстившіеся громадной уступкой и изящнымъ видомъ книгъ. Въ журналистикѣ за послѣдніе 10—15 лѣтъ, сколько помнится, не было ни одной статьи о Дружининѣ, и имя его только изрѣдка мелькнетъ въ «воспоминаніяхъ». Не смотря на то высокое уваженіе, съ которымъ относились къ Дружинину такіе вліятельные люди, какъ Некрасовъ, Дружининъ вторично умеръ и погребенъ.

Заслуживалъ ли онъ этого? Увлеклись ли его друзья, уговорившіе Гербеля предпринять изданіе сочиненій Дружинина? Или

3*

это одинъ изъ тѣхъ курьезовъ, къ которымъ подходитъ поговорка: habent sua fata libelli?

Дружининъ несомнѣнно крупный литературный талантъ, много и съ великой пользою потрудившійся для русской литературы, пренебреженіе къ нему — дѣло временное, объясняющееся рядомъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. распаденіемъ кружка, къ которому принадлежалъ онъ, непопулярнымъ именемъ единственнаго его біографа (Лонгинова), нашимъ исключительнымъ вниманіемъ къ критикамъ-публицистамъ и т. д. Думать, что онъ такъ и останется забытымъ и сочиненія его такъ и будутъ гнить на рынкѣ—значило бы отчаяться въ человѣческой справедливости.

Цѣль настоящей статьи познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ одной изъ сторонъ таланта Дружинина, съ однимъ изъ 8-ми томовъ его сочиненій и заявить всѣмъ, кто лично зналъ А. В. Дружинина, или имѣетъ въ рукахъ его письма и др. документы, что нижеподписавшійся собираетъ матеріалы для этюда о Дружининѣ, какъ поэтѣ, критикѣ и историкѣ литературы. Насколько трудно работать надъ такимъ этюдомъ, не имѣя никакихъ біографическихъ данныхъ, объяснять, конечно, не нужно; а тѣ жалкія свѣдѣнія, которыя даютъ о личности Дружинина статейка М. Лонгинова (при VIII т. Сочиненій) и кое-какія воспоминанія, только способны раздражить любопытство, не удовлетворяя его.

Итакъ, въ ожиданіи матеріаловъ и указаній, начинаемъ нашъ походъ въ пользу заживо погребеннаго покойника.

Если бы все, написанное Дружининымъ, имѣло только интересъ минуты и послѣ его смерти могло бы интересовать однихъ присяжныхъ историковъ литературы, Дружинина не слѣдовало забывать, какъ человѣка, какъ характеръ, какъ отрадное явленіе въ страшно тяжелую эпоху. Александръ Васильевичъ Дружининъ (род. 8-го октября 1824 г., ум. 19-го января 1864 г.) воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, слѣдовательно былъ аристократъ по происхожденію и воспитанію. Дорога передъ нимъ лежала ровная и гладкая, ничего общаго съ литературой не имѣющая. Не имѣя полныхъ 19 лѣтъ отъ роду, онъ уже офицеръ гвардіи. Кому хотя бы по романамъ неизвѣстна жизнь гвардейцевъ того времени, и кто можетъ себѣ представить тогдашняго преображенца или финляндца за письменнымъ столомъ, въ кабинетѣ ученаго или библіофила? Лермонтовскія традиціи дозволяли убивать досугъ на легкое чтеніе, пожалуй при талантѣ на сочинительство, но не на изученіе языковъ и исторіи литературы. Между тѣмъ Дружининъ именно въ это время положилъ начала своей замѣчательно обширной эрудиціи.

21-го года, когда въ наше время молодые люди только держатъ экзаменъ зрѣлости, Дружининъ оставляетъ полкъ и поступаетъ въ

канцелярію военнаго министерства; служилъ ли онъ тамъ въ самомъ дѣлѣ или только числился, мы не знаемъ, да это и не важно: главный интересъ его жизни былъ, во всякомъ случаѣ, не служба, а литература.

Въ 1847 году, стало быть 23-хъ лѣтъ отъ роду, онъ выступаетъ на литературное поприще повѣстью «Полинька Саксъ», которая обратила на себя всеобщее вниманіе и привела въ восторгъ Бѣлинскаго.

Я не буду говорить о другихъ повѣстяхъ и романахъ Дружинина, хотя «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича» возбудилъ еще больщій восторгъ Бѣлинскаго, но не могу не сказать два слова о «Полинькѣ Саксъ», такъ какъ по опыту убѣдился, что молодому поколѣнію имя Дружинина извѣстно только, какъ имя автора «Полиньки Саксъ».

«Полинька Саксъ»—небольшая повѣсть изъ жизни такъ называемаго большаго свѣта, написанная изящнымъ языкомъ не безъ примѣси французскихъ фразъ, повѣсть, обработывающая избитую тэму о такъ называемомъ паденіи женщины. Такія повѣсти въ тогдашнихъ журналахъ появлялись десятками и забывались сейчасъ же по прочтеніи. Въ повѣсти, кромѣ того, много юношескаго, незрѣлаго; характеръ князя Галицкаго не ясенъ или не выдержанъ; окончаніе отзывается мелодрамой. Что же выдвинуло эту повѣсть изъ ряда подобныхъ ей произведеній?

Во-первыхъ, если можно такъ выразиться, сердечность, которой проникнутъ весь разсказъ: авторъ не только дѣлаетъ для насъ симпатичнымъ бѣднаго Сакса, который такъ сильно любитъ свою маленькую жену со всѣми ея маленькими слабостями и дѣлаетъ по своей вспыльчивости рядъ самыхъ непростительныхъ ошибокъ; не только саму Полиньку, женщину-ребенка, которой приходится испытывать, съ ея слабенькими душевными силами, безпримѣрное бѣдствіе—полюбить своего перваго мужа послѣ того, какъ она измѣнила ему, развелась съ нимъ и вышла замужъ за другаго, но до извѣстной степени и самого обольстителя, князя Галицкаго, который, послѣ великодушнаго поступка Сакса, высказываетъ въ откровенномъ письмѣ къ сестрѣ, что онъ готовъ молиться на этого человѣка, и который потомъ дѣйствительно молится на свою несчастную жену, хотя и чувствуетъ, что она его не любитъ; даже взяточникъ и казнокрадъ, статскій совѣтникъ Писаренко, на одну минуту симпатиченъ читателю; вліяніе, которое имѣетъ на него умная и хорошая жена, до извѣстной степени примиряетъ насъ съ его мерзкимъ поведеніемъ. Доброе сердце, оптимизмъ автора, не дѣлаетъ его сантиментальнымъ, не мѣшаетъ художественной правдѣ, какъ это можно видѣть на томъ же Писаренкѣ: получивъ 30,000 за то, что онъ удержалъ Сакса на слѣдствіи и далъ возможность князю Галицкому обольстить жену Сакса,

онъ въ негодованіи бросаетъ билетъ на землю, но успокоившись поднимаетъ его и бережно прячетъ въ карманъ.

Далѣе: повѣсть, при своемъ незначительномъ объемѣ и шаблонности тэмы, имѣетъ и гражданское значеніе: Саксъ по своей служебной дѣятельности — прототипъ Калиновича, безъ слабостей и мелочности послѣдняго; онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей русскихъ (несмотря на нѣмецкую фамилію), которые въ тяжелое время казнокрадства, взяточничества и преступнаго ко всему равнодушія, боролись, какъ умѣли, за правду и поддерживали чуть тлѣющій огонь среди непроглядной тьмы.

Наконецъ, и это на мой взглядъ всего важнѣе, эта повѣсть — своего рода подвигъ и что̀ особенно дорого, подвигъ безсознательный. Авторъ мимоходомъ, не придавая этому значенія, устами своего героя, мужа Полиньки Саксъ, высказываетъ убѣжденіе, что такъ называемое паденіе женщины, вслѣдствіе минутной вспышки, для человѣка, искренно любящаго — вздоръ, т. е. въ томъ смыслѣ вздоръ, что это не можетъ разбить его жизнь окончательно, а только временно, хоть и глубоко, огорчить его.

«Или, пишетъ Саксъ своему пріятелю, это одна неосторожная вспышка, «кончившаяся паденіемъ», какъ говорятъ романисты? О, еслибъ это было такъ! Я бы съумѣлъ воротить прошедшее, зажать ротъ Галицкому! Такая любовь, какъ моя, не распадается съ одного разу».

Припомнимъ, чему тогда учили нашихъ барышень, какъ готовили ихъ къ жизни, какъ выдавали ихъ замужъ? Подумаемъ, въ чемъ молодая женщина, такъ воспитанная, но не лишенная душевной силы и самолюбія, могла выказать себя, какъ не въ томъ, чтобы пріобрѣсти хвостъ поклонниковъ и одерживать «побѣды»? Подумаемъ, сколько женщинъ въ то время, и женщинъ въ сущности порядочныхъ, могли очутиться въ положеніи Полиньки Саксъ? Сколько изъ нихъ, разъ попавши на эту дорогу, потомъ дѣлались чуть не Мессалинами, вслѣдствіе установившагося взгляда въ обществѣ, установившагося до того прочно, что, повидимому не было силы, способной поколебать его! И сколько порядочныхъ женщинъ спаслось бы отъ обмана и нравственной гибели, еслибъ этотъ взглядъ измѣнился? Какъ много нужно было смѣлости, исходящей изъ сердца, а не изъ самолюбія, какъ много любви къ истинѣ, чтобы сдѣлать въ 1847 году героемъ свѣтской повѣсти рогатаго мужа, выдающаго свою жену замужъ за обольстителя?

Вдумаемся въ этотъ моментъ повѣсти и мы невольно вспомнимъ извѣстную сцену съ блудницей: кто первый бросить въ нее камень? Иди и не грѣши!...

За «Полинькой Саксъ» вскорѣ послѣдовали двѣ повѣсти и романъ въ двухъ частяхъ. Что похвалы читателей и критики, знакомство съ лучшими представителями литературы, могли воодушевить юнаго

гвардейца къ творческой дѣятельности — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; къ тому же, по словамъ современниковъ, именно тогда на счетъ цензуры—на время полегчало. Но вотъ что удивительно: когда въ 1848 году надъ литературой и просвѣщеніемъ русскимъ грянули громы небесные, когда члены литературнаго петербургскаго кружка самымъ существованіемъ своимъ уже совершали государственное преступленіе, бывшій пажъ и гвардеецъ не только не отказался отъ «баловства», а напротивъ, отдался литературѣ всѣми силами своего бойкаго ума и слабаго тѣла; мало того, онъ, очевидно, безъ всякаго внѣшняго понужденія сдѣлался журнальнымъ поденщикомъ въ самое страшное для литературы время.

Говорятъ: кто не переживалъ этой поры, тотъ не можетъ судить о всѣхъ ея прелестяхъ. Весьма вѣроятно; но чтобы получить общее представленіе, достаточно и разсказовъ, достаточно даже прочесть внимательно послѣднія страницы Пыпинской біографіи Бѣлинскаго, которая изображаетъ только предвкушеніе послѣдующаго.

И въ это-то время, когда, по грубоватому выраженію Алмазова, всякій практичный человѣкъ «нѣмъ былъ какъ чурбанъ», 25-ти-лѣтній гвардеецъ выступаетъ въ особенно подозрительномъ «Современникѣ», какъ наслѣдникъ нарочито подозрительнаго Бѣлинскаго.

Это уже не смѣлость, а отчаянная дерзость: съ одной стороны небывалая придирчивость цензуры, съ другой непомѣрно высокія требованія избалованныхъ читателей. Какъ онъ справлялся съ первой, мы узнаемъ изъ некролога, составленнаго Некрасовымъ: «Онъ обладалъ, между прочимъ, удивительною силою воли и замѣчательнымъ характеромъ. Услыхавъ о затрудненіи къ появленію въ свѣтъ статьи, только что оконченной, онъ тотчасъ же принимался писать другую. Если и эту постигала та же участь, онъ, не разгибая спины, начиналъ и оканчивалъ третью»...

Какъ онъ послѣ Бѣлинскаго удовлетворялъ требованіямъ публики, объ этомъ въ настоящей статьѣ говорить не мѣсто; во всякомъ случаѣ «Письма иногороднаго подписчика» не посрамили журнала, а статьи о старыхъ романахъ были пріятной новинкой для читателей «Современника».

Разборы пяти романовъ, напечатанныя въ «Современникѣ» за 1850 годъ, и затѣмъ рядъ статей по исторіи англійской литературы («Джонсонъ и Босвель», «Жизнь и произведенія Шеридана», «Георгъ Краббъ», «Вальтеръ-Скоттъ и его современники» и т. д.) — другая важная причина не забывать Дружинина. Наша литература двѣсти лѣтъ въ тѣснѣйшей связи съ литературами западной Европы; долго жила она только чужимъ умомъ. А между тѣмъ много ли у насъ сдѣлано для ознакомленія нашей публики съ духовной жизнью запада? Такія классическія произведенія, какъ

исторія нѣмецкой поэзіи Гервинуса у насъ остаются не переведенными, а про оригинальныя статьи и говорить нечего. Что и было написано ex officio, то или такъ небрежно сдѣлано, что тогда же не имѣло значенія, или изложено такъ тяжело, что нѣкоторая устарѣлость фактовъ уже черезъ 10 лѣтъ лишала книгу всякаго значенія. Иначе сказать: писали по иностранной литературѣ или спеціалисты или диллетанты; первые писали скучно и тяжело; вторые — ужъ слишкомъ легковѣсно; первые стремились сказать что-нибудь свое, оригинальное, и въ читателяхъ предполагали больше знаній, нежели у нихъ было на самомъ дѣлѣ; вторые понимали читателей какъ слѣдуетъ, но не знали предмета, о которомъ писали, и компилировали, перевирая факты изъ двухъ, трехъ популярныхъ книжекъ. Дружининъ не былъ присяжнымъ ученымъ, но по широтѣ литературнаго образованія, по начитанности, даже въ тогдашнемъ литературномъ кружкѣ, такъ требовательномъ въ этомъ отношеніи, представлялъ феноменальное явленіе; о той небрежности, неопрятности въ работѣ, которая вошла у насъ въ моду съ начала 60-хъ годовъ, тогда не имѣли и понятія; а со стороны изложенія статьи такого мастера дѣла, какъ присяжный фельетонистъ «Современника», разумѣется, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Вотъ почему статьи Дружинина объ англійской литературѣ, статьи, составляющія два почтенные тома по 800 страницъ каждый, до сихъ поръ, черезъ 30 слишкомъ лѣтъ послѣ своего появленія, можно съ бо́льшимъ правомъ и надеждой на успѣхъ рекомендовать студентамъ и студенткамъ, нежели десятки книгъ, вышедшихъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

Мало того: этими статьями Дружининъ принесъ косвенно пользу нашей наукѣ, нашимъ университетамъ: 10 лѣтъ въ двухъ популярнѣйшихъ журналахъ человѣкъ пробуждалъ интересъ не только къ Шекспиру и Вальтеръ-Скотту, но и къ Босвелю и даже къ романамъ XVI и XVII вѣковъ; когда въ 60-хъ годахъ составляли новый уставъ для университетовъ, конечно, расширяя программу филологическаго факультета, сообразовались не съ его статьями; но въ томъ, что основаніе новой каѳедры — исторіи всеобщей литературы было такъ сочувственно принято нашимъ обществомъ и печатью, мы видимъ отчасти результатъ дѣятельности Дружинина.

Наше время — царство фельетона; ученый, который черезъ 100—200 лѣтъ пожелаетъ изслѣдовать среду, въ которой жили дѣятели 80-хъ годовъ XIX столѣтія долженъ будетъ обратить главное вниманіе не на «Сборникъ Государственныхъ Знаній» не на «Вѣстникъ Европы», а на газетные фельетоны и фельетонныя газеты. Въ столицахъ газеты послѣдняго рода расходятся въ невѣроятномъ количествѣ; въ читальныхъ кабинетахъ провинціи они треплятся болѣе всѣхъ другихъ; въ большой газетѣ фельетонъ читается вслѣдъ за телеграммами и главнымъ образомъ обезпечиваетъ успѣхъ от-

дѣльнаго нумера и цѣлой газеты; нѣкоторыя изъ нашихъ первоклассныхъ романистовъ приспособляютъ свои повѣсти къ размѣру и отчасти къ тону фельетона; литературная критика исключительно сосредоточилась въ фельетонѣ; нашъ наиболѣе выдающійся писатель, который окраситъ своимъ именемъ цѣлый періодъ, въ послѣднія 5—6 лѣтъ высказывается исключительно въ формѣ фельетона и только благодаря этой невинной формѣ можетъ высказываться; нашъ романъ, наша драма, приняли фельетонный характеръ; всякій начинающій писатель имѣетъ успѣхъ постольку, поскольку онъ обладаетъ талантомъ фельетониста —легко говорить о

А. В. Дружининъ.

серьезныхъ вещахъ. Короче сказать, фельетонъ есть единственный пунктъ, гдѣ еще бьется пульсъ нашей умственной жизни.

Къ несчастію, количество фельетонныхъ талантовъ у насъ отнюдь не соотвѣтствуетъ потребности въ нихъ и по необходимости за фельетонъ берутся люди, способные писать въ какомъ угодно другомъ родѣ, только не въ этомъ. Многіе изъ этихъ фельетонистовъ по неволѣ даже представленія не имѣютъ о тѣхъ въ сущности очень высокихъ требованіяхъ, которыя должны прилагаться къ ихъ произведеніямъ; одни изъ нихъ готовы печатать въ нижнемъ этажѣ газетъ не только передовыя статьи, но чуть не диссертаціи; другіе, своимъ балаганнымъ гаэрствомъ и нравственной неопрятностью, сдѣлали слово фельетонный почти браннымъ.

Дружининъ — царь фельетонистовъ; «блескъ, живость, занимательность» его фельетоновъ признаетъ Некрасовъ, въ этомъ дѣлѣ судья, какъ извѣстно, очень компетентный; фельетоны Дружинина, собранные въ VIII томѣ его сочиненій, можно читать съ пользою и удовольствіемъ теперь, 35 лѣтъ спустя, читать не одинъ разъ, а 3—4 раза, читать до тѣхъ поръ, пока каждое остроумное сравненіе, каждая свѣжая мысль, врѣжется въ память, читать почти такъ, какъ мы читаемъ великаго фельетониста древности—Лукьяна или фельетониста вѣка просвѣщенія—Вольтера. Разница въ томъ, что великіе остроумцы прошлаго: Лукьянъ, Эразмъ Роттердамскій, Свифтъ, Вольтеръ, въ общемъ производятъ тяжелое впечатлѣніе, внушаютъ презрѣніе къ человѣку и человѣческому обществу; не претендующій на широкое міровое значеніе «Петербургскій Туристъ»—человѣкъ съ золотымъ сердцемъ, и чтеніе его замѣтокъ примиряетъ читателя съ жизнью и съ человѣкомъ, успокоиваетъ, утѣшаетъ, научаетъ любить и прощать. Какъ ни странно можетъ это показаться для многихъ, я рѣшаюсь утверждать, что въ отношеніи вліянія на душу, на нравственные взгляды читателя, легковѣрный «Туристъ», крайній западникъ, сходится съ великимъ гуманистомъ-художникомъ — Ѳ. М. Достоевскимъ.

Съ этого пункта я и начну свое обозрѣніе VIII фельетоннаго тома сочиненій Дружинина.

Какъ бы ни расходились критики въ пониманіи и оцѣнкѣ романовъ Достоевскаго, едва ли кто нибудь изъ нихъ будетъ спорить противъ того, что защита правъ сердца и антипатія къ холодному практическому разсудку, къ поклонникамъ успѣха, къ самодовольному ограниченному эгоизму, есть одна изъ наиболѣе выдающихся его характерныхъ особенностей. Въ то время, какъ авторъ «Обыкновенной исторіи» заставляетъ читателя колебаться между тупоидеальнымъ племянникомъ и слишкомъ практичнымъ дядей, а черезъ нѣсколько лѣтъ приклеиваетъ къ русскому благодушію и мягкосердечію позорный ярлыкъ Обломовщины; въ то время, какъ Писемскій превращаетъ это благодушіе въ Баклановскую преступную безхарактерность и распутство, Ѳ. М. Достоевскій отъ «Бѣдныхъ людей» и до «Братьевъ Карамазовыхъ» включительно освѣщаетъ дивнымъ свѣтомъ любви, истины и красоты убогихъ, забитыхъ, неразумныхъ идеалистовъ.

Насколько можно по сочиненіямъ и некрологу составить понятіе о личности Дружинина, онъ, по первому впечатлѣнію, и въ хорошемъ и въ дурномъ—полная противуположность Достоевскому: блестяще образованный, горячій поклонникъ западной культуры, грѣшащій подъ часъ индифферентизмомъ, подъ часъ способный зубоскалить надъ тѣмъ, что должно бы вызывать не смѣхъ, а слезы, человѣкъ «на видъ холодный и принужденный, щеголевато одѣтый и съ изящными манерами», что могъ имѣть онъ общаго съ

геніальнымъ Христа-ради юродивымъ, вдохновеннымъ, необузданнымъ пророкомъ, разрывавшимъ свое и чужое сердце, вѣчно плакавшимъ кровавыми слезами, при своемъ громадномъ художественномъ талантѣ, лишенномъ малѣйшей капли остроумія?

А, между тѣмъ, была общая черта, именно та черта, которая, прежде всего остального, превращаетъ слово писателя въ дѣло, дѣлаетъ забавника подвижникомъ и героемъ—это любящее сердце и «безконечная доброта души».

У Достоевскаго и у Дружинина общая антипатія — положительный человѣкъ.

Вотъ что пишетъ Дружининъ по поводу появленія 1-й части «Обыкновенной исторіи»:

«Нѣчто о положительномъ человѣкѣ

На свѣтъ взиралъ онъ очень строго,
Пройдохой слылъ,
И денегъ накопилъ онъ много,
Но жить забылъ.

(стр. 182)

«Что такое положительный человѣкъ? отчего этого слова не было слышно до настоящаго девятнадцатаго столѣтія, и почему человѣкъ петербургскій привыкъ себя считать особливо положительнымъ человѣкомъ, нарочито положительнымъ человѣкомъ, человѣкомъ положительнѣйшимъ, въ ущербъ всѣмъ другимъ смертнымъ? Послѣдній пунктъ изъ всѣхъ трехъ вопросныхъ пунктовъ занимаетъ меня въ особенности—можетъ быть потому, что кромѣ меня никто имъ не интересуется! Положительные люди ликуютъ и кичатся, не встрѣчая ни откуда ни отпора, ни запроса, ни шутки; все преклоняется передъ положительнымъ человѣкомъ и даетъ ему дорогу не безъ подобострастія. Даже самые денди и фаты, на которыхъ я нападалъ недавно, трепещутъ положительнаго человѣка и серьезно кланяются положительному человѣку! Онъ всюду идетъ смѣло, на всѣхъ смотритъ свысока, знаетъ, что ему всѣ удивляются и что всѣ пишутъ съ него портреты. Талантливый авторъ «Обыкновенной исторіи» пытался было позвать на судъ положительнаго человѣка, олицетворилъ его въ лицѣ своего Петра Ивановича, и что же? кончилъ тѣмъ, что самъ преклонился передъ своимъ созданіемъ, и мало того, принесъ ему въ жертву своего молодаго героя! И всѣ нашли автора правымъ, и всѣ пустились гладить по головкѣ его Петра Ивановича, признавая въ немъ идеалъ положительныхъ людей, чадо нашего столѣтія, вѣрнаго собрата образованному читателю. Племяннику Петра Ивановича досталась одна насмѣшка: дядя получилъ лавровые вѣнки, племянника отдули лавровымъ прутомъ! Одинъ я, Петербургскій Туристъ, отказалъ въ своей хвалѣ Петру Ивановичу и вполнѣ перешелъ на сторону Адуева. Я сознавалъ правоту и разумность юноши; я ви-

дѣлъ ясно, что посреди жизненной комедіи не Петръ Ивановичъ, но его вѣтряный племяннникъ оказывался мудрецомъ, счастливцемъ, побѣдителемъ,—произнесемъ слово: положительнымъ человѣкомъ. Такъ, господинъ авторъ «Обыкновенной Исторіи» ...вашъ юный герой есть истинно-положительный человѣкъ, ибо онъ жилъ, страдалъ, наслаждался, запасался воспоминаніями, любилъ и плакалъ, провелъ свою молодость не по пустому, въ то время, какъ вашъ ложно-положительный, Петръ Ивановичъ, прозябалъ на бѣломъ свѣтѣ, зѣвалъ, скучалъ, убивалъ свое сердце и умъ на пріобрѣтеніе капитала, имѣющаго достаться, послѣ его смерти, молодому Адуеву, и хорошо еще, если Адуеву, а не троюродному племяннику, нетрезваго поведенія! Къ чему же привели Петра Ивановича его положительность, его знаніе коммерческихъ дѣлъ? Къ чему привели его связи, шатанье по переднимъ? надъ его прахомъ прольетъ слезу одинъ лишь человѣкъ — тотъ же молодой племянникъ, наслѣдникъ дядюшкиныхъ имуществъ и бывшій страдалецъ ферулы положительнаго человѣка! Кто же изъ двухъ выигралъ партію? Кто прожилъ жизнь не напрасно? Кто, слѣдовательно, стóитъ имени положительнаго человѣка!»

«Петербургскій Туристъ» увѣряетъ, будто онъ съ юности интересовался положительнымъ человѣкомъ, и рядомъ опытовъ пришелъ къ заключенію, что нѣтъ на свѣтѣ ничего нелѣпѣе, безумнѣе положительнаго человѣка. Петръ Ивановичъ вѣчно скученъ. Отъ чего? Онъ слишкомъ положительный человѣкъ, чтобы смѣяться. Петръ Ивановичъ ничего не читаетъ, кромѣ торговыхъ объявленій, добровольно лишаетъ себя одного изъ высокихъ наслажденій жизни. Отчего? Онъ слишкомъ положительный человѣкъ, чтобы тратить время на пустяки. Петръ Ивановичъ, имѣя собственное состояніе, женился изъ разсчета на вдовѣ, «отъ вида которой становится за человѣка страшно». Зачѣмъ? Онъ слишкомъ положителенъ, чтобы жениться по любви. Кому же хуже? «Послѣдній школьникъ, издерживающій свой послѣдній гривенникъ на покупку леденцовъ съ патокой, практичнѣе этого новобрачнаго: школьникъ любитъ леденцы съ патокой; онъ счастливъ въ тѣ минуты, когда карманъ его полонъ сказанными леденцами. И Петръ Ивановичъ зоветъ себя положительнымъ человѣкомъ! Да гдѣ же тутъ положительность? Не фантазеръ ли онъ, плачевнѣйшій изъ фантазеровъ? Принимать желтое, старое, кислое лицо за прелестное личико, развѣ это не манія, не безуміе? Искать чужаго состоянія, имѣя свое — развѣ это не тоже, что кончивъ обѣдъ у себя дома, идти, наперекоръ природѣ, на обѣдъ къ своему пріятелю?» и т. д.

По свойственной ему манерѣ, Дружининъ иллюстрируетъ свою мысль разсказомъ; онъ выводитъ на сцену двухъ братьевъ Пигусовыхъ; старшій былъ когда-то милымъ юношей, но въ Петербургѣ слишкомъ понабрался положительности и сталъ невыносимъ для

автора. У него есть мадшій братъ Сережа, котораго онъ точитъ за недостатокъ положительности. Этотъ Сережа — очевидная попытка очистить молодаго Адуева отъ смѣшной наивности и ложной, фразистой сантиментальности, такъ мѣтко схваченныхъ реалистомъ Гончаровымъ. Въ настоящемъ разсказѣ старшій Пигусовъ ругаетъ младшаго за то, что онъ просидѣлъ лишній мѣсяцъ въ деревнѣ, внезапно увлекшись Шекспиромъ. Услыхавъ о преступленіи Сергѣя Пигусова, авторъ разцѣловалъ его и сказалъ:

«Милый, добрый, славный юноша, ты правъ и болѣе, чѣмъ правъ: ты молодъ такъ, какъ всякій человѣкъ долженъ быть молодъ въ свое время. Проси Бога о томъ, чтобы онъ надолго сохранилъ въ тебѣ свѣжую юность духа; проси Его о томъ и, не дремля самъ, храни свою молодую воспріимчивость, какъ священный огонь, какъ лучшее благо всей жизни! Я тебя оправдываю вполнѣ. Ты упалъ во мнѣніи графа Антона Борисыча, ты пропустилъ аферы Лимонщикова, не видалъ выгодныхъ невѣстъ; но ты провелъ мѣсяцъ своей жизни въ компаніи лицъ, передъ которыми прахъ всѣ Антоны Борисовичи и богачи Лимонщиковы. Передъ тобой прошелъ плѣнительный образъ Корделіи; ты присутствовалъ при ссорѣ Кассія съ Брутомъ; ты рыдалъ, глядя, какъ мать Коріолана кидается на колѣни передъ непреклоннымъ сыномъ; ты пѣлъ серенаду подъ мраморнымъ балкономъ Джульеты; ты пировалъ въ тавернѣ съ серомъ Джономъ Фальстафомъ... Тебѣ скажутъ, что ты рыдалъ и хохоталъ надъ фантазіями — не вѣрь подобной рѣчи: такая фантазія выше дѣйствительности, особенно, если дѣйствительность является намъ въ видѣ Лимонщикова и дѣвицъ страшнаго вида, но съ богатымъ приданымъ. Антонъ Борисычъ есть фантазія, а Пукъ и Титанія — дѣйствительность. И, наконецъ, резюмируя весь споръ, можно сказать одно только: ты былъ счастливъ около 30 дней сряду. Пусть твои обвинители найдутъ въ своей жизни за послѣдній годъ тридцать счастливыхъ дней и еще тридцать счастливыхъ дней сряду!»

Сережу Пигусова Дружининъ выводитъ еще въ двухъ фельетонахъ: онъ находитъ его безконечно счастливымъ поздней осенью на холодной дачѣ съ молодой женой безприданницей и еще позднѣе добываетъ для него хорошее вполнѣ обезпечивающее его мѣсто у честнаго, хоть и слабохарактернаго начальника.

Уже изъ приведенныхъ мѣстъ очевидно, съ какой оговоркой слѣдуетъ принимать положеніе о тожествѣ одного изъ главныхъ мотивовъ у Достоевскаго и Дружинина: Достоевскій клянетъ, рветъ на части положительнаго человѣка, изображаетъ его извергомъ, приносящимъ несчастіе и другимъ и себѣ, копается въ его демонской душѣ, какъ въ отвратительномъ, гніющемъ трупѣ и только до извѣстной степени примиряется съ нимъ тогда, когда ставитъ его въ положеніе невмѣняемости; Дружининъ благодушно и поверх-

ностно подсмѣивается надъ его тупостью и ограниченностью; міръ перваго—«стонъ погибающихъ за великое дѣло любви»; міръ втораго — веселые, добродушные люди, негоняющіеся за приманками тщеславія, умѣющіе пользоваться всѣми благами цивилизованной жизни въ удовольствіе себѣ и другимъ. Дружининъ самъ прекрасно понимаетъ, что по крайней мѣрѣ здѣсь, въ фельетонахъ, сфера его исключительно шутка (см. стр. 467), но шутка умнаго фельетониста не должна быть безцѣльна и эфемерна; у ней высокая задача: «казнить людскіе пороки и располагать своихъ ближнихъ къ веселой философіи» (стр. 465).

Опредѣляя такъ свои заслуги, Чернокнижниковъ (фельетонная подпись Дружинина) беретъ на себя съ одной стороны слишкомъ много, съ другой слишкомъ мало: пороковъ онъ не казнитъ и не касается, а преслѣдуетъ мелкіе недостатки петербургскаго и вообще русскаго человѣка (недостатки, отъ которыхъ, впрочемъ, общество страдаетъ болѣе, чѣмъ отъ пороковъ), но за то философія, къ которой онъ располагаетъ читателя, не только веселая, но если можно такъ выразиться за непереводимостью нѣмецкаго gemüthlich, задушевно-добрая, размягчающая сердце.

Укажу нѣсколько примѣровъ. Какимъ Диккенсовскимъ юморомъ и душевною теплотою дышетъ незатѣйливый по замыслу разсказъ о томъ, какъ нѣсколько добродушныхъ весельчаковъ, ненавистниковъ хорошаго тона, устроили на масляницѣ импровизированный пикникъ въ какомъ-то подгородномъ трактирѣ и мимоходомъ сдѣлали доброе дѣло: откупили у нѣмца, содержателя балагана, полузамерзшихъ танцовщицъ изъ подгородныхъ крестьянокъ и, угостивъ ихъ, отправили домой! [1]).

Какой пріятной неожиданностью поражаетъ примирительное заключеніе Музыкальнаго Фельетона № 2 (стр. 431), о томъ, какъ авторъ, принявъ хорошенькую горничную бѣдной концертантки за саму музыкантшу, прокричалъ о ней въ газетахъ и собралъ массу публики на концертъ къ ней! Какъ трудно удержаться отъ дрожанія голоса, читая въ слухъ разсказъ изъ пансіонскихъ годовъ автора (стр. 485), разсказъ, который въ Германіи или Англіи былъ бы десять разъ передѣланъ въ дѣтскую повѣсть! Какой задушевностью проникнутъ весь фельетонъ о гуляньи на вербахъ (стр. 203), въ которомъ антипатія къ людямъ моды и разсудка, и симпатія къ добродушнымъ, полнымъ чувства и поэзіи, чудакамъ въ родѣ Перефинуса Тика (иначе сказать — къ героямъ Достоевскаго), высказана съ замѣчательной тонкостью анализа и убѣдительностью! Да, наконецъ, все «Сантиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ» заставлявшее до упаду хохо-

---

[1]) Стр. 222, «Масляничная исторія о моей поѣздкѣ въ Мадагаскаръ съ господами въ теплыхъ фуражкахъ».

тать нашихъ отцовъ и старшихъ братьевъ, есть лучшее доказательство способности Дружинина отыскивать добрыя человѣческія чувства, идеализмъ и высокую честность въ петербургскихъ гризеткахъ и фланерахъ и въ то же время умѣнья казнить все ложное, напускное, искусственно-вздутое.

Чрезвычайно характерно и оригинально отношеніе Дружинина къ Петербургу. Извѣстно, что сѣверная Пальмира послѣ блаженной памяти классическихъ лириковъ рѣдко удостоивалась похвалъ со стороны нашихъ литераторовъ. Петербургъ и петербургскую жизнь беллетристы берутъ или какъ необходимое зло, или поносятъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и городъ и его жителей. Дружининъ, конечно, не можетъ хвалить петербургскую природу и подъ часъ подсмѣивается надъ ней очень остроумно (см. стр. 66 и др.); не можетъ возбуждать его симпатіи ни петербургскій бомондъ съ надутыми Антонъ Борисычами и ломаными Идами Богдановнами, ни большинство петербургскаго средняго общества, живущее на показъ, ради журъфиксовъ и другихъ проявленій тщеславія (см. стр. 247). Но въ сущности Дружининъ страстно любитъ Петербургъ и искренно поэтизируетъ его въ такой степени, что у провинціала, который внимательно перечтетъ его фельетоны, непремѣнно явится на нѣкоторое время сильное желаніе посмотрѣть мѣста подвиговъ Ивана Чернокнижникова и его остроумныхъ друзей. Петербургскій Туристъ, можно сказать, Колумбъ поэтическаго Петербурга; въ темныхъ углахъ Васильевскаго острова, въ забытыхъ палаццо за Нарвской заставой, въ грязныхъ подгородныхъ трактирахъ, на дачахъ Черной рѣчки и Крестовскаго острова Туристъ открылъ неизсякаемые родники юмора и безконечныя гирлянды поэтическихъ картинокъ и силуэтовъ. Съ замѣчательной дерзостью онъ объявляетъ устами одного товарища по профессіи, что петербургскія дачи и «Минеральныя воды» Излера для него милѣе всѣхъ деревенскихъ красотъ.

«Вы, люди имѣющіе возможность жить на Черной рѣчкѣ, уѣзжаете въ провинцію!.. Неужели вы не увлекаетесь этими милыми мѣсяцами, когда весь Петербургъ живетъ на воздухѣ, рѣзвится и наслаждается, когда цвѣты пестрѣютъ повсюду, милыя дамы въ прюнелевыхъ ботинкахъ порхаютъ по алеямъ, многолюдныя семейства пьютъ чай на балконахъ, дилижансы трубятъ, пароходы пыхтятъ; и зданіе минеральныхъ водъ потрясается отъ общихъ ликованій? Если вы не любите Петербурга въ это время, то вы изверги! Что проку, что мы сидимъ здѣсь посреди горъ и озеръ, въ красивомъ мѣстоположеніи, возлѣ лѣсу и пустаго саду, похожаго на лѣсъ? Кто съиграетъ намъ польку, кто пропоетъ намъ хоромъ «изъ подъ камешка»? Какая прюнелевая ботинка мелькнетъ по дорожкѣ? Деревня—дрянь, и я отдаю всевозможныя красоты природы за раскрашенный кактусъ изъ холстины, одинъ изъ тѣхъ

кактусовъ, какіе бывали у Излера во время «настоящихъ индѣйскихъ ночей». Я былъ молодъ, сидя подъ этимъ кактусомъ, и много драмъ разыграно было подъ кактусомъ изъ крашеной холстины! На что мнѣ ваши жасминные кусты и бѣлыя розы? Они не дадутъ мнѣ юности, не перенесутъ на минеральныя воды, не замѣнятъ мнѣ холстиннаго кактуса!» (287)... «И я былъ въ Аркадіи, прибавляетъ авторъ: и у меня былъ свой крашеный кактусъ изъ холстины»!

Способность отыскивать высшую духовную красоту въ некрасивомъ есть характерная черта всѣхъ лучшихъ представителей поэзіи нашего вѣка: Диккенса, В. Гюго и Достоевскаго.

Бывшій пажъ и гвардеецъ, самъ, по словамъ Лонгинова, одѣтый какъ денди и отличавшійся изяществомъ манеръ, Дружининъ ненавидитъ хорошій тонъ, если онъ проявляется не въ деликатности по отношенію ко всѣмъ и каждому, не въ высшей культурѣ, а въ погонѣ за модою, въ нелѣпомъ обезьянничаньѣ передъ западомъ, въ презрѣніи ко всему родному, начиная съ языка, и въ особенности въ страхѣ уронить себя передъ безсмысленнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Онъ преслѣдуетъ этотъ хорошій тонъ чуть не на всѣхъ 750 страницахъ своихъ фельетоновъ. Нѣтъ возможности удержаться отъ смѣха, читая, какъ Чернокнижниковъ и его пріятели, нарядившись въ теплыя фуражки и подпоясавши кушакомъ скверныя шубы, ловили своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ и позорили ихъ своимъ сообществомъ. Всякая нелѣпая мода отъ невинной потишоманіи (поддѣлки фарфора) до спиритизма включительно, подвергалась его невинной по виду, но въ сущности очень ядовитой насмѣшкѣ. Фельетонъ о спиритизмѣ, въ которомъ онъ пользуется старымъ, но всегда дѣйствительнымъ орудіемъ доведенія до абсурда, можно было перепечатать съ громнымъ успѣхомъ 10 лѣтъ назадъ и, можетъ быть, окажется полезнымъ перепечатать еще черезъ 5 или 10 лѣтъ. Доброе сердце его оказывается и въ этихъ, по преимуществу злобныхъ, фельетонахъ: жестоко казня моду, онъ, если можетъ, щадитъ людей, хотя эти люди—плоды его же фантазіи. Разсказавъ въ одномъ изъ первыхъ фельетоновъ за 1855 годъ о своемъ зазнавшемся пріятелѣ, который, выйдя въ люди, сталъ подбирать въ своей вазѣ аристократическія карточки и былъ за то казненъ Чернокнижниковымъ и его друзьями (они на большомъ балу подмѣнили всѣ эти карточки архиплебейскими), онъ заставляетъ новоиспеченнаго аристократа повиниться и извлечь полезный урокъ у посрамленія. Наивный, но симпатичный пріемъ.

За то, если Дружининъ создаетъ типъ нераскаяннаго жреца хорошаго тона и аристократическаго чванства, онъ преслѣдуетъ его неустанно и безъ жалости. Такимъ типичнымъ лицомъ является у него графъ Антонъ Борисовичъ. Съ нимъ онъ окончательно сводитъ свои счеты за границею (Русскіе за границею:

эпизодъ третій: «Туристъ величавый»), гдѣ графъ, невѣжливо отказавшій его спутнику въ дозволеніи закурить папиросу, принужденъ былъ съ своими величественными дамами бѣжать изъ поѣзда, такъ какъ невинная фраза спутника Туриста, что графъ «высокая обоего пола особа» дала поводъ сидѣвшему тутъ же нѣмцу составить самое странное понятіе о русскомъ вельможѣ и сдѣлала его предметомъ нелестнаго любопытства всего поѣзда.

Два слова по поводу манеры Дружинина обрисовывать типы. Во всѣхъ его фельетонахъ, писанныхъ не для одного, а для многихъ журналовъ, дѣйствуютъ постоянно одни и тѣ же лица, только въ разныхъ положеніяхъ; иныя изъ нихъ вводятся постепенно съ характеристиками; другія становятся понятными и характерными послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ и явленій; манера, какъ извѣстно, старая, практиковавшаяся еще въ первыхъ англійскихъ журналахъ, практикуемая и до сихъ поръ съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ юмористами всѣхъ странъ. Но немного юмористовъ, у которыхъ эти постоянные персонажи одѣвались бы въ такой степени плотію и кровью. Здѣсь я не намѣренъ говорить о Дружининѣ, какъ романистѣ; замѣчу только, что еслибы онъ не написалъ ни одной повѣсти, по типамъ его фельетоновъ въ немъ признали бы значительный художественный талантъ, и можетъ быть, признали бы охотнѣй, чѣмъ признаютъ теперь.

Дружининъ, какъ было сказано выше, западникъ; до-петровскую Русь очевидно онъ не одобряетъ; онъ не восторгается русской самобытностью и русскимъ духомъ и убѣжденъ повидимому, что Россія должна пройдти всѣ тѣ же самыя ступени развитія, какія прошла Западная Европа. Въ разсказѣ «Туристъ веселый» (стр. 547) онъ открыто заявляетъ, что въ каждомъ австрійскомъ бюргерѣ больше истиннаго благородства, деликатности и, такъ сказать, внутренней культуры, чѣмъ въ русскомъ архикультурномъ дворянинѣ; можетъ быть, онъ въ этомъ частномъ случаѣ даже увлекается и преувеличиваетъ. Но въ общемъ—онъ разумно умѣренный западникъ. Онъ не одинъ разъ бывалъ заграницей, но вовсе не считаетъ нужнымъ надоѣдать своимъ петербургскимъ читателямъ описаніемъ прелестей западной цивилизаціи; невѣжество и самохвальство нашихъ самозванныхъ учителей французскаго происхожденія онъ хлещетъ весьма чувствительно; тупость и ограниченность нѣмцевъ осмѣиваетъ очень остроумно, и всю свою политику по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ резюмируетъ такимъ образомъ (стр. 568):

«Совершенная ваша правда, либеръ герръ, сказалъ я, хлопнувъ пруссака по животу: руссъ вовсе не желаетъ умерщвлять прусса, и пруссъ по всей вѣроятности менѣе думаетъ о руссѣ, нежели о жителяхъ Нука-Гивы. Злиться намъ другъ на друга не за что, да и цѣловаться—некогда: у всякаго своихъ собственныхъ дѣлъ по

горло. Если наши отцы когда-то вмѣстѣ били Наполеона, за то ихъ отцы и дѣды при Фридрихѣ расточали другъ другу самые яростные подзатыльники. А главное, все это было очень давно, и никто этого не помнитъ».

Необходимость пройти ступени западной цивилизаціи вовсе не обязываетъ насъ безумно скакать черезъ эти ступени и сломить себѣ шею, вовсе не заставляетъ насъ отказаться отъ своей національности и старины, по совершенно справедливому разсужденію Дружинина. Напротивъ, русскій ученый, русскій художникъ, русскій литераторъ у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ должны прежде всего научиться уваженію къ своему родному.

«Если мы съ вами родились тамъ, гдѣ ростутъ березы, значитъ намъ слѣдуетъ и жить, и трудиться, и мыслить, и наслаждаться въ своемъ собственномъ краѣ, сидѣть подъ березами, рисовать березы и не скорбѣть объ апельсинахъ. Пока вы и вамъ подобные люди будете рваться въ даль и кисло глядѣть вокругъ себя—не выйдетъ изъ васъ ничего путнаго. Исторія всей науки и всего художества покажетъ вамъ, что человѣкъ долженъ и обязанъ дѣйствовать и жить тамъ, гдѣ судьба его поставила. Величайшіе художники Италіи по полустолѣтію не покидали своего роднаго города, часто маленькаго и вовсе некрасиваго, изучали его, любили его, брали себѣ натурщиковъ изъ ближайшей улицы къ своему дому, не мечтая ни объ Испаніи, ни о Франціи. Взгляните, что сдѣлали фламандцы изъ своей родины, изъ ровной, болотистой, полупотопленной поляны! Станете ли вы отрицать поэзію Голландіи, ея пейзажей, ея деревень, съ которыми вы знакомы, какъ съ своей квартирой, ея кермессовъ, ея комнатныхъ сценъ, всего того, что заставили любить васъ Теньеръ и Рембрантъ, и Брегаль, и Рюисдаль и Мецу и Доу?» (стр. 116).

Дружининъ горячій западникъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ не откажетъ западничеству въ огромномъ значеніи ни одинъ разумный славянофилъ: онъ настойчиво популяризируетъ западную литературу и искусство. Современные ему читатели журналовъ, были въ общемъ развитѣе, образованнѣе нынѣшнихъ—это грустный, но неоспоримый фактъ — (да и грустенъ онъ не Богъ знаетъ какъ: въ силу общаго закона, культура, выигрывая въ количествѣ, непремѣнно на первое время теряетъ въ качествѣ и глубинѣ); но и значительная часть читателей того времени вовсе не были такъ близко знакомы съ именами Клодъ-Лорреней, Дольчи, Драйденовъ и проч. Дружининъ настойчиво требуетъ отъ нихъ такого знакомства. Представимъ себѣ положеніе такого читателя, который когда-то кончилъ курсъ хоть въ дворянскомъ пансіонѣ, откуда вынесъ нѣсколько сотъ именъ и фактовъ, въ молодости служилъ и веселился, а вотъ теперь (въ 50-хъ годахъ) пріобрѣлъ досугъ и наклонность къ чтенію. Сыплятся на него эти имена дождемъ и откуда же? Не

изъ отдѣла: «Науки и искусства», отдѣла, который онъ предоставляетъ спеціалистамъ, а изъ фельетона, который пишется именно для большой публики, который читають даже тѣ, у кого не хватитъ терпѣнія на большой романъ, изъ фельетона бойкаго, живаго, остроумнаго. Надоѣстъ читателю дѣлать видъ понимающаго, и онъ нѣтъ, нѣтъ да и заглянетъ въ Эрмитажъ, или въ серьезную книжку; когда имена Гольдсмита и Рюисдаля примелькаются ему въ фельетонѣ, онъ заглянетъ и въ отдѣлъ критики, или въ отдѣлъ наукъ и искусствъ, увидавъ тамъ тоже имя; да наконецъ и при условіи полной лѣни, Дружининъ чему нибудь выучитъ, такъ какъ онъ, какъ высокодаровитый фельетонистъ, умѣетъ объяснять, не тратя на это лишнихъ строкъ и не впадая въ профессорскій тонъ; и когда читатель «Замѣтокъ Туриста» попадетъ заграницу, онъ будетъ ходить по музеямъ съ бо̀льшей пользой и удовольствіемъ, чѣмъ его «Туристъ степнякъ».

Само собою разумѣется, что Дружининъ вовсе не имѣлъ ясно сознанной педагогической цѣли (въ такомъ бы случаѣ онъ ничему и не научилъ, такъ какъ его фельетоновъ читать не стали бы): онъ просто бесѣдовалъ съ публикой о томъ, что занимало его и образованнѣйшихъ людей того времени, и о чемъ въ то суро̀вое время дозволено было бесѣдовать.

Дружинину въ фельетонахъ неудобно было развивать подробно и обстоятельно свои задушевные, литературные и художественные взгляды. Если онъ и посвящаетъ цѣлый фельетонъ искусству или литературѣ, то облекаетъ свои идеи въ форму разсказа или спора (см., напр., «Фельетонъ спеціальный или споры диллетантовъ о живописи старой и современной», стр. 275): такіе фельетоны пришлось бы комментировать обширными выписками изъ другихъ томовъ, которыхъ въ этой статьѣ я не намѣренъ касаться. Современники и мы потомки должны быть благодарны ему и его собратьямъ за то, что въ то время какъ

> ... отъ губы Анадырской
> Вплоть до финскихъ скалъ,
> Погруzясь въ сонъ исполинскій,
> Русскій умъ молчалъ,

Дружининъ старался будить его, не позволялъ этому сну перейти въ мертвый сонъ, безъ сновидѣній, и даже для фельетоновъ умѣлъ находить живыя и развивающія тэмы, увертываясь отъ драконовской цензуры напряженіемъ всѣхъ своихъ умственныхъ силъ и энергіи.

Но вотъ наступила иная пора, лучше которой въ русской исторіи, можетъ быть, и не было. Все заговорило и задвигалось, переполнившись самыми пылкими юношескими надеждами; чѣмъ сильнѣй былъ предшествующій гнетъ, тѣмъ больше было теперь увлеченія и энтузіазма. 50-ти-лѣтніе люди становились пылкими сту-

дентами; люди среднихъ лѣтъ какъ бы вторично рождались на свѣтъ. Послѣ долговременнаго поста начался такой кутежъ русскаго ума, что у него до сихъ поръ съ похмѣлья голова болитъ. Дѣятелей на всѣ поприща потребовалось невѣроятное количество, и вчерашніе покорнѣйшіе слуги графа Мусина-Пушкина и Фрейганга стали вліятельными либеральными писателями.

Можно было ожидать, что Дружининъ — великій знатокъ европейской жизни вообще и англійской въ особенности, человѣкъ умный, бойко, какъ никто, владѣвшій перомъ, постарается вознаградить себя за долгую сдержку и выступитъ передовымъ борцомъ либеральной прессы, оставитъ вопросы литературные и художественные и устремится на внутреннюю политику. Если кто ожидалъ этого, тотъ жестоко ошибся. Дружининъ очень мало расширилъ тэмы своихъ серьезныхъ статей, и внутреннюю политику, судя по списку статей, приложенному ко 2-му тому его сочиненій, оставлялъ почти въ прежнемъ пренебреженіи. Первая причина этого—чисто субъективная: Дружининъ не по необходимости, а по страсти писалъ объ искусствѣ и литературѣ; еслибъ это было иначе, онъ не могъ бы писать такъ, какъ писалъ. Другая причина имѣетъ болѣе общій характеръ. Гейне, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 1848 году, плачется, что онъ не можетъ писать безъ цензуры, что это слишкомъ необычно для него, что онъ привыкъ писать и думать только подцензурно. А его біографъ, Штродтманъ, совершенно основательно доказываетъ, что слишкомъ строгая цензура дѣлаетъ человѣческую мысль рабомъ-мошенникомъ, порождаетъ особый стиль и особую манеру выражаться, такъ, чтобы публика читала между строками, дѣлаетъ серьезныхъ мыслителей гаэрами и плутами, и когда узда снимается, многіе, дѣйствительно, не могутъ попасть въ настоящій тонъ. Въ значительной степени это примѣнимо и къ Дружинину; гаэромъ онъ никогда не былъ, но долгое давленіе заставило его какъ бы потерять вкусъ къ извѣстному роду умственной дѣятельности.

Онъ не сдѣлался, подобно нѣкоторымъ, а въ послѣдствіи увы! очень многимъ, бывшимъ либераламъ и страдальцамъ за правду, врагомъ новыхъ порядковъ, но и не спѣшилъ воспользоваться вновь пріобрѣтеннымъ правомъ (признававшимся впрочемъ только tacite) говорить болѣе или менѣе откровенно о животрепещущихъ вопросахъ дня.

Тѣмъ нужнѣе отмѣтить въ его фельетонахъ, гдѣ не могъ же онъ совсѣмъ игнорировать окружающее, нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ отражается новый порядокъ вещей.

Дружининъ-фельетонистъ не ушелъ, конечно, отъ тогдашняго повѣтрія (принесшаго, несмотря на нѣкоторыя смѣшныя крайности, огромную пользу) — обличать. По особенностямъ своего темперамента и по свойству своего рода, онъ, обличая, не металъ гро-

мовъ, а представлялъ обличаемое въ смѣшномъ видѣ и избиралъ для обличенія не столько вредное, сколько глупое, да и вредное онъ выставлялъ главнымъ образомъ съ его нелѣпой стороны. По тѣмъ же причинамъ онъ заканчиваетъ свои обличенія, облеченные въ форму разсказа, отрадно для читателя. Изобразитъ онъ, напр., мошенническую акціонерную компанію, гдѣ директора запасаются огромными окладами съ намѣреніемъ выпустить въ скоромъ времени своихъ акціонеровъ въ трубу, и создаетъ пріятеля, который своей настойчивостью заставитъ директоровъ бѣжать изъ Петербурга или заболѣть съ досады. Изобразитъ прожившагося фата, который протекціей разныхъ княгинь и графинь отбиваетъ мѣсто у труженика, и въ концѣ заставитъ генерала раскаяться и пренебречь протекціями. Изобразитъ онъ юбилей мошенника эконома Гальгенкнехта, и пошлетъ туда своихъ буйныхъ пріятелей, которые осрамятъ юбиляра и уложатъ его въ обморокъ. Единственное исключеніе составляетъ фельетонъ объ институтской пищѣ (стр. 602)—очевидно, доброе сердце автора очень страдало за бѣдныхъ голодныхъ дѣвочекъ, — который оканчивается почти трагически.

«Въ знаменитомъ пансіонѣ я болѣе не былъ. Но я еще доберусь до него! Иногда по ночамъ мнѣ грезится бѣдная, голодная, черноглазая пиголица съ сырой картофелиной въ карманѣ. Бѣдняжка глядитъ на меня унылымъ взглядомъ, какъ бы прося помощи. Я еще за нее заступлюсь и выручу ее, выручу, выручу, клянусь въ томъ славою и именемъ петербургскаго туриста».

Выражаться Дружининъ сталъ, конечно, смѣлѣе и мѣстами его остроуміе пріобрѣтаетъ новый политическій характеръ. Вотъ какъ французъ, долго жившій въ Россіи, передаетъ судьбы русскаго народа (стр. 578): «Перенесемся въ Россію прошлаго столѣтія. Во второй половинѣ сказаннаго вѣка царствовалъ въ Россіи кцаръ Петръ Великій; супруга его, которую Вольтеръ называлъ Catherine la grande, состояла въ перепискѣ съ фернейскимъ философомъ; по душѣ и остроумію то была истинная парижанка—другихъ похвалъ ей не нужно, это одно слово лучше всякой лести. До кцара Петра русская земля находилась въ пучинѣ варварства и безобразія: одеждой бояръ были звѣриныя кожи, сынъ могъ жениться на матери, народъ питался мохомъ и дикими каштанами, дома строились изо льда. Кцаръ Пьерръ и супруга его поняли, что дѣло такъ оставаться не можетъ. Чтобы озарить свою родину блескомъ просвѣщенія, они обратились къ иностранцамъ; но первыя попытки были неудачны. Сначала прибыла партія грубыхъ англичанъ, но вмѣсто того, чтобы просвѣщать край, напилась до безчувствія, завела драки и была изгнана. За ней послѣдовали нѣмцы. Нѣмцы не напились, не набуянили, — но они заняли академію, выжили изъ нея русскихъ литераторовъ, выписали изъ дома своихъ племянниковъ, надавали имъ казенныхъ квартиръ, жалованья, а за-

тѣмъ стали совѣщаться о томъ, откуда происходитъ русское нарѣчіе. Такъ ихъ и оставили; говорятъ, что они и до сей поры сидятъ и разсуждаютъ. Кцарь Пьерръ уже началъ приходить въ отчаяніе, но Catherine la grande, не унывая, обратилась къ своему другу Вольтеру. Съ его помощью, по его указанію, небольшая колонія французовъ переселилась въ Россію, провела тамъ нѣсколько лѣтъ, и вы могли видѣть, за короткое время вашей жизни въ Петербургѣ, что они сдѣлали изъ Россіи».

Изрѣдка и сдержанный Дружининъ позволяетъ себѣ ликовать по поводу того, что прошли тѣ времена, когда эпитетомъ «неблагонадежный» губили человѣка на вѣки, и что теперь «лучше стали цѣнить людей, въ старые годы считавшихся безпокойными» (стр. 151).

Крестьянская реформа радуетъ его не только за крестьянъ, но и за помѣщиковъ, у которыхъ найдется капля энергіи. У кого ея не окажется, тѣ должны погибнуть. «Пока еще были капиталы на разные промышленные и тому подобные обороты, еще было возможно танцовать на паутинѣ или стоять кверху ногами на булавочной головкѣ, но теперь не то. Теперь, мой счастливый читатель, пришла горькая пора для всѣхъ этихъ акробатовъ, еще такъ недавно съ презрѣніемъ ухмылявшихся въ ту минуту, когда мы съ тобою, имѣя на головахъ теплыя фуражки, а на ногахъ высокія калоши, отраду и экипажъ пѣшеходовъ, попадались на встрѣчу ихъ горделивому оку. Теперь подобнымъ господамъ пришла пора думать и работать. И того, кто изъ нихъ не возьмется за умъ, надобно пожалѣть, но никогда не оскорблять — фуй! По крайней мѣрѣ за себя и за своихъ друзей я ручаюсь по этой части» (стр. 616).

А въ то время кидать камнями въ этихъ несчастныхъ было много любителей, и гуманность, «джентельменство», какъ тогда выражались — Дружинина многимъ было не по сердцу.

Съ другой стороны и Дружининъ въ обличительной литературѣ видѣлъ не однѣ свѣтлыя стороны: очарованіе прошло слишкомъ скоро. «Пускай себѣ потѣшаются, гласитъ чиновникъ, оканчивая какое-нибудь обличительное повѣствованіе; пускай себѣ потѣшаются, басомъ гремитъ суровый помѣщикъ, собираясь на травлю, и въ ожиданіи лошади, заглянувшій въ неразрѣзанную книжку журнала. Кто виноватъ въ этомъ безнадежномъ, добра не обѣщающемъ «пускай себѣ потѣшаются»? Сами обличаемыя личности или, быть можетъ, обличители, съумѣвшіе потерять общее довѣріе черезъ свое непониманіе дѣлъ житейскихъ?» (стр. 677).

Это охлажденіе къ обличеніямъ и слишкомъ строгая воздержность отъ публицистики были, какъ было сказано въ началѣ, первой и главной причиной равнодушія читающей публи къ извѣстію о смерти Дружинина (19-го января 1864 г.) и скораго забвенія его заслугъ.

Но теперь и 60-е года отошли въ область исторіи и ихъ публицистика можетъ подвергнуться почти объективной критикѣ; что для нея было злобой дня, для насъ иногда неважно, и наоборотъ: обстоятельства понуждаютъ признать значеніе того, что 60-мъ годамъ но внушало интереса.

Пренебреженный въ 60-хъ годахъ, талантливый литературный дѣятель, десять самыхъ тяжкихъ лѣтъ трудившійся для русской мысли и просвѣщенія, теперь можетъ и долженъ быть оцѣненъ по заслугамъ.

А. Кирпичниковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О СЛУЖБѢ ВЪ БѢЛОРУССІИ [1].

1864—1870 гг.

(Изъ воспоминаній мироваго посредника.)

IV.

Могилевскій губернаторъ Беклемишевъ.—Характеристика населенія Могилевской губерніи. — Капитанъ генеральнаго штаба Людвигъ Жвирждовскій (Тѝпоръ). — Горы-горецкій земледѣльческій институтъ. — Взятіе и разграбленіе повстанцами Горокъ. — Дальнѣйшая судьба шайки Тѝпора и его казнь.

ИЗЪ БОРИСОВА я уѣхалъ въ городъ Могилевъ (на Днѣпрѣ). Въ Могилевской губерніи, гдѣ мнѣ суждено было потомъ прожить и прослужить шесть лѣтъ, при разныхъ генералъ-губернаторахъ, начальникомъ губерніи былъ въ это время Александръ Петровичъ Беклемишевъ, сынъ, если не ошибаюсь, бывшаго шталмейстера при императорѣ Николаѣ, лишившагося службы и дальнѣйшей карьеры вслѣдствіе извѣстнаго несчастія съ государемъ, подъ городомъ Чембаромъ Пензенской губерніи [2]). Это былъ единственный гражданскій губернаторъ изъ числа всѣхъ шести губерній сѣверо-западнаго края, подвѣдомаго Муравьеву. На губернаторскій

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XV, стр. 538.

[2]) При паденіи и ломкѣ дорожной кареты, государь, какъ извѣстно, вывихнулъ себѣ руку и долго лечился въ Чембарѣ. Вина и отвѣтственность за это событіе легли на шталмейстера Беклемишева. И. З.

постъ онъ былъ назначенъ въ 1858 году; при немъ ввелось положеніе 19-го февраля, при немъ же началось и окончилось польское возстаніе, захватившее своимъ чернымъ, размашистымъ крыломъ и часть Могилевской губерніи—преимущественно уѣзды Горецкій, Рогачевскій и Оршанскій, — при чемъ повстанцы взяли, разграбили и сожгли уѣздный городъ Горки. О губернаторѣ Беклемишевѣ — этомъ честномъ, энергическомъ и выдающемся по своему уму человѣкѣ [1]) — мнѣ придется въ своихъ запискахъ упомянуть не разъ, впослѣдствіи. Теперь же, я прямо перейду къ Могилевской губерніи вообще и, затѣмъ, къ тому событію, которое надѣлало въ свое время такъ много шуму въ Россіи и заграницей—т. е. взятію повстанцами города Горокъ. Это, какъ извѣстно, былъ единственный городъ, который имъ удалось взять и разграбить за все время возстанія 1863 года. Ни въ Литвѣ, ни въ царствѣ Польскомъ они не взяли болѣе ни одного города, ни даже мѣстечка.

Могилевская губернія считается настоящею уже Бѣлоруссіей, болѣе даже, чѣмъ Минская губернія, гдѣ, въ числѣ народонаселенія, есть литва и татары (послѣдніе имѣютъ даже въ Минскѣ свою мечеть). Могилевская губернія — одна изъ самыхъ бѣднѣйшихъ и несчастнѣйшихъ губерній въ Россіи: бѣднѣйшая — по качеству своей земли, несчастнѣйшая—по тому количеству евреевъ, которое въ ней проживаетъ. По офиціальнымъ даннымъ, это племя вампировъ проживаетъ въ Могилевской губерніи въ количествѣ 120-ти тысячъ; но, въ дѣйствительности, ихъ вдвое, если не втрое, больше; въ одномъ Шкловѣ, громаднѣйшемъ мѣстечкѣ Могилевскаго уѣзда, расположенномъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, проживаетъ ихъ тьма тьмущая [2]). «Поляковъ», собственно, въ Могилевской губерніи совсѣмъ нѣтъ; католиковъ же считается 38 тысячъ обоего пола; тутъ и помѣщики, и чиновники, и шляхта, и ополяченные дворовые крестьяне — т. е. лакейство и прочая дворня. Костеловъ въ Могилевской губерніи, сравнительно, очень много: въ одномъ Могилевѣ ихъ насчитывалось семь, да 33 по уѣздамъ. И вотъ, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ насчитывалось бо̀льшее число костеловъ—этихъ сущихъ гнѣздъ повстанья,—тамъ прежде всего и началось, въ началѣ 1863 года, политическое броженіе умовъ — среди помѣщиковъ и мелкой шляхты; такъ, напримѣръ, Рогачевскій и Оршанскій уѣзды, въ которыхъ приходилось по шести костеловъ въ каждомъ, первые подняли знамя мятежа. Ксендзы фанатизировали женщинъ, а эти, въ свою очередь, электризовали

---

[1]) А. П. Беклемишевъ умеръ въ 1878 году, въ Петербургѣ, членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. И. З.

[2]) Всѣхъ евреевъ въ Россіи считается 1,800,000—по офиціальнымъ цифрамъ; въ дѣйствительности же ихъ больше, конечно, чѣмъ вдвое. И. З.

сыновей, мужей и братьевъ, посылая ихъ въ лѣсъ, въ повстанье. Такимъ образомъ, въ Могилевской губерніи и сформировалось нѣсколько бандъ, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Людвига Жвирждовскаго (подъ псевдонимомъ Тòпора), напала, въ ночь на 24-е апрѣля 1863 года, на уѣздный городъ Горки и взяла его.

Губернаторъ Беклемишевъ, не смотря на весь свой обширный и дальновидный умъ, ничего не въ силахъ былъ тутъ подѣлать и предотвратить: онъ былъ окруженъ плотною стѣною польскаго дворянства, съ губернскимъ предводителемъ княземъ Любомірскимъ во главѣ, и столь же плотною стѣною польскаго чиновничества, наполнявшаго рѣшительно всѣ канцеляріи и присутственныя мѣста... Войскъ въ Могилевской губерніи было въ то время очень немного,—такъ что, напримѣръ, въ Горкахъ, кромѣ обыкновенной инвалидной команды, никого не было. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовались повстанцы при ночномъ нападеніи на беззащитный и спокойно спавшій городъ.

Дѣло это было такъ [1]):

Капитанъ Жвирждовскій, проживавшій въ началѣ 1863 года въ Петербургѣ, былъ назначенъ «воеводою Могилевской губерніи», по распоряженію изъ Варшавы, со стороны жонда. Онъ поспѣшилъ прибыть на свое воеводство и, съ фальшивымъ паспортомъ на имя офицера Велички, преспокойно проживалъ, до поры до времени, въ Рогачевскомъ уѣздѣ, у одного изъ посвященныхъ въ дѣло ойчизны польскихъ помѣщиковъ. Между тѣмъ, въ Горкахъ, въ стѣнахъ тамошняго земледѣльческаго института, среди студентовъ-поляковъ (между которыми было не мало уроженцевъ изъ царства Польскаго), шла подготовительная работа: нѣкто студентъ Висковскій, назначенный, распоряженіемъ уже Жвирждовскаго, «начальникомъ» Горы-Горокъ, формировалъ въ тихомолку шайку—изъ студентовъ, гимназистовъ, молодыхъ польскихъ чиновниковъ и изъ недорослей-дворянъ—и набралъ, такимъ образомъ, болѣе ста человѣкъ... У всѣхъ у нихъ были кое-какія ружья, по большей части охотничьи, былъ порохъ, пули, различныхъ фасоновъ и временъ сабли; все это было, конечно, припрятано въ укромныхъ мѣстахъ, преимущественно въ стѣнахъ института. Наконецъ, когда всѣ нужныя приготовленія были сдѣланы, дано было знать Жвирждовскому-Топору въ Рогачевскій уѣздъ, что все-де готово — что ему стоитъ лишь придти и взять беззащитный городъ.

Топоръ, получивъ это увѣдомленіе Висковскаго, соблазнился возможностью легкой и дешевой побѣды и далъ знать, что 23-го апрѣля прибудетъ въ Горки, «съ войскомъ»... Войско это онъ живо

---

[1]) Разсказъ написанъ со словъ очевидцевъ и по офиціальнымъ донесеніямъ. И. З.

набралъ въ Рогачевскомъ, Оршанскомъ и Могилевскомъ уѣздахъ, изъ среды помѣщиковъ, чиновниковъ и шляхты, и, выступивъ въ лѣсъ, какъ будто «на охоту» (такъ говорилось православной прислугѣ), вся эта банда, въ количествѣ, тоже, ста съ чѣмъ-то человѣкъ, вооруженныхъ охотничьими ружьями и пистолетами, собралась на ночлегъ въ имѣніе князей Любомірскихъ, гдѣ встрѣтила самый радушный и гостепріимный пріемъ. Ночью они послали лазутчика въ Горки, узнать у Висковскаго — все ли готово, и, по полученіи утвердительнаго отвѣта, выступили, передъ разсвѣтомъ, въ походъ...

Городъ Горы-Горки спалъ спокойнымъ и безмятежнымъ сномъ, не подозрѣвая и не ожидая ничего. Исправника въ городѣ не было; представитель военной власти, старичекъ инвалидный капитанъ, ничего не опасаясь, крѣпко почивалъ на своей постели...

Рано утромъ, повстанцы, вошли въ городъ съ соблюденіемъ строжайшей тишины; къ нимъ, на встрѣчу, въ той же тишинѣ, вышла банда Висковскаго, и когда обѣ шайки соединились подъ общимъ начальствомъ Топора, то все это, съ громкими криками и ружейною пальбою, ринулось въ городъ... Отъ пальбы и запылавшаго, вслѣдъ за тѣмъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожара, испуганные жители и инвалидные солдаты повыскакивали, въ чемъ попало, на улицу, и не съ разу, конечно, сообразили въ чемъ дѣло... Повстанцы же, первымъ долгомъ, окружили уѣздное казначейство и обрушились, всѣми своими силами, на единственнаго часового, охранявшаго это зданіе; у инвалида-часового ружье заряжено не было, патроновъ при немъ тоже не имѣлось... Но онъ долго и отчаянно защищался штыкомъ, пока, наконецъ, студентъ Доморацкій не выстрѣлилъ въ него, почти въ упоръ, изъ пистолета; часовой повалился мертвый, и казначейство, такимъ образомъ, было взято. Повстанцы накинулись на деньги. 15 тысячъ, принадлежавшія горы-горецкому институту, лежали въ особомъ небольшомъ деревянномъ ящикѣ; ящикъ этотъ разбили и деньги вынули и передали «довуддѣ»-Топору; но съ казеннымъ большимъ сундукомъ повстанцы ничего не могли подѣлать: разбить желѣзный сундукъ они были не въ силахъ, а ключей не было — они были у казначея, который такъ искусно спрятался, что его искали по всему городу, но найти не могли. Тогда сундукъ вытащили изъ казначейства на улицу и положили его на особую фуру [1]).

---

[1]) Сундукъ этотъ былъ увезенъ, потомъ, въ Горы-Горецкій институтъ, гдѣ повстанцы желали попировать и отдохнуть; но, вслѣдствіе внезапной тревоги, выступивъ изъ института въ торопяхъ, они не взяли съ собой этого драгоцѣннаго сундука и онъ былъ, поэтому, возвращенъ въ казначейство въ цѣлости. Уѣздный казначей получилъ впослѣдствіи орденъ Станислава 3-й степени.

И. З.

Пока шелъ этотъ грабежъ въ казначействѣ, шайка повстанцевъ, доходившая, въ общемъ, до двухъ-сотъ слишкомъ человѣкъ, безчинствовала въ городѣ. Запаливъ его въ нѣскольких мѣстахъ разомъ, мелкая шляхта принялась за грабежъ въ домахъ. Жители стали было тушить пожаръ, но повстанцы открыли пальбу по тѣмъ, кто тушилъ,—и, такимъ образомъ одного обывателя убили, а пятерыхъ ранили. Сгорѣло въ то утро, всего, болѣе 70-ти домовъ. Жвирждовскій страшно сердился и бранился за поджоги и грабежъ, но остановить свою распущенную вольницу былъ не въ силахъ: недисциплинированная и не пріученная къ повинованію банда, не хотѣла его ни знать, ни слушать... Интересно при этомъ еще слѣдующее обстоятельство. Довудца Жвирждовскій-Топоръ во все время нападенія на Горки былъ одѣтъ не въ кунтушъ или чамарку, а въ мундиръ капитана генеральнаго штаба, въ эполетахъ и съ эксельбантами черезъ плечо...

Покончивъ съ казначействомъ и грабежомъ, шайка устремилась на инвалидный цейхаузъ; тутъ инвалидные солдаты оказали было нѣкоторое сопротивленіе, но такъ какъ ихъ было очень мало и они были безъ ружей, то цейхаузъ скоро былъ взятъ. При этомъ было убито 8 человѣкъ солдатъ, а со стороны повстанцевъ былъ убитъ студентъ Доморацкій. Оказалось, что солдаты потому были безъ ружей, что вся ихъ амуниція и все оружіе, съ ротнымъ барабаномъ вмѣстѣ, сложены были въ этомъ самомъ цейхаузѣ и заперты казеннымъ замкомъ, а ключъ находился у инвалиднаго капитана; солдаты, безъ приказанія начальника, не осмѣлились разбить, въ началѣ тревоги, замокъ и снять часового,—и поплатились за эту ненаходчивость жизнію. Между тѣмъ, ихъ старичекъ-командиръ, застигнутый въ постели, во время сладкаго сна, былъ давно уже взятъ въ плѣнъ и, какъ военный трофей, торжественно былъ переданъ довудцѣ, который и сдалъ его подъ караулъ своей банды. Въ ротномъ цейхаузѣ повстанцы тотчасъ же разбили двери и отыскали солдатскія ружья, патроны, барабанъ и прочій казенный скарбъ; все это было, конечно, разграблено, а частію поломано и перепорчено. Особому ожесточенію со стороны нападавшихъ подвергались наши двуглавые орлы, красовавшіеся на нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ: ихъ срывали и съ яростью топтали и ломали...

Только одно казенное зданіе въ городѣ не подверглось нападенію: это былъ острогъ, въ которомъ караулъ, подъ начальствомъ инвалиднаго унтеръ-офицера, преспокойно занималъ свой постъ. Жвирждовскій, какъ военный, хорошо зналъ, что солдаты караулятъ острогъ не съ пустыми руками; что у нихъ есть и ружья, и патроны,—и потому, вѣроятно, не повелъ свою банду на штурмъ этого укрѣпленнаго пункта. Онъ отрядилъ, съ частью банды, нѣкоего помѣщика Маргулеса въ Горы-Горецкій земледѣльческій

институтъ съ приказаніемъ «взять» и арестовать директора и приготовить «встрѣчу» шайкѣ; а самъ, между тѣмъ, приказалъ собрать на площадь «народъ», желая объяснить ему все происшедшее.

И вотъ, повстанцы стали сгонять, силою, всѣхъ встрѣчныхъ на площадь, близъ русской церкви, — и когда, такимъ образомъ, собрали нѣсколько десятковъ человѣкъ перепуганныхъ и ограбленныхъ обывателей, Жвирждовскій выѣхалъ къ нимъ верхомъ въ своемъ русскомъ мундирѣ и сталъ держать рѣчь: онъ громогласно объявилъ, что власть русскаго государя въ этомъ краѣ прекратилась, что отнынѣ Могилевская губернія принадлежитъ царю польскому, состоящему подъ покровительствомъ императора французовъ, войска котораго на дняхъ должны будутъ вступить сюда; что отъ нихъ, обывателей, требуется вѣрность въ служеніи ихъ новому правительству, которое не оставитъ облегчить ихъ нынѣшнія государственныя тяготы, наложенныя на нихъ московскимъ царемъ, и предоставитъ имъ всяческія льготы—и волю, и землю, и свободу торговли и промысловъ, и т. д. Народъ, бывшій, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, свидѣтелемъ жестокихъ и безполезныхъ убійствъ, грабежа и пожара, истребившаго въ городѣ болѣе 70-ти обывательскихъ домовъ,—въ угрюмомъ молчаніи слушалъ разглагольствованія оратора о наступившихъ «лучшихъ временахъ» и не отвѣчалъ ему ничего... Тогда, раздосадованный довудца, прервавъ рѣчь, отправился, съ бо̀льшею частью шайки, въ институтъ.

Въ институтѣ, гдѣ инспекторъ Жабенко (полякъ) успѣлъ уже приготовить «встрѣчу», Жвирждовскій былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Затѣмъ, приступили къ похоронамъ убитаго студента Доморацкаго: трупъ его завернули въ богатый коверъ, вырыли въ институтскомъ саду могилу и, съ ружейною пальбою, опустили и закопали покойника въ землю. Послѣ этого, началось большое пиршество и угощеніе. Многіе изъ студентовъ—русскіе—не принимали участія ни въ пиршествѣ, ни въ похоронахъ.

Но и въ институтѣ дѣло не обошлось безъ убійства—столь же безцѣльнаго и жестокаго, какъ и свершонныя въ Горкахъ. По распоряженію Жвирждовскаго, шайка стала забирать казенныя телѣги, принадлежавшія институту, и впрягать въ нихъ институтскихъ лошадей. Какой-то старикъ сторожъ, отставной солдатъ, вздумалъ защищать казенную собственность и не давать телѣгъ; повстанцы накинулись на старика, долго его мучили и, въ концѣ, убили-таки.

Богъ вѣсть, сколько времени пропировала бы шайка въ гостепріимномъ институтѣ; но случилось слѣдующее неожиданное и весьма непріятное для нея обстоятельство. Пока повстанцы угощались и безчинствовали въ Горы-Горецкомъ институтѣ, жители города опомнились, вооружились чѣмъ попало и напали на броди-

вшихъ по Горкамъ и грабившихъ мятежниковъ, отставшихъ отъ главныхъ силъ шайки и не попавшихъ въ институтъ. Произошла схватка, во время которой четырехъ повстанцевъ убили, двухъ ранили, а четырехъ схватили, связали и сдали подъ караулъ въ острогъ. Уцѣлѣвшіе повстанцы прибѣжали въ иститутъ и принесли съ собою эту неожиданную вѣсть... Произошелъ страшный переполохъ—шайка Жвирждовскаго быстро начала собираться къ выступленію и, въ торопяхъ, не успѣла забрать съ собою ни институтскихъ телѣгъ съ казенными лошадьми, ни даже сундука съ деньгами казначейства, который такъ и остался неотпертый, брошенный среди институтскаго двора. Одного лишь старика, инвалиднаго капитана, какъ живой трофей, мятежники увели съ собою. Въ 4 часа дня (24-го апрѣля), шайка быстро выступила изъ института и, не заходя въ Горки, направилась по дорогѣ на имѣніе Дрибино, помѣщика Тихановецкаго, куда часамъ къ 8-ми вечера, и пришла на ночлегъ. Тихановецкій встрѣтилъ «побѣдителей» съ отверстыми объятіями, и здѣсь шло, до поздней ночи, разливанное море...

Между тѣмъ, горецкій исправникъ, находившійся, во время нападенія на городъ, въ уѣздѣ, узнавъ, что Горки взяты и разграблены, поскакалъ въ Могилевъ и далъ знать губернатору Беклемишеву обо всемъ случившемся. Весь городъ поднялся на ноги; евреи волновались больше всѣхъ,—разсчитывая, что шайка Жвирждовскаго непремѣнно придетъ въ Могилевъ, возьметъ его и подвергнетъ участи Горокъ, т. е.—огню и мечу...

Беклемишевъ, не будучи человѣкомъ военнымъ, распоряжался, однако, очень энергически и умѣло. Онъ собралъ у себя нѣчто въ родѣ военнаго совѣта и, разложивъ топографическія карты Могилевской губерніи на столѣ, живо составилъ надлежащія военныя инструкціи, которыя и разослалъ начальникамъ отдѣльныхъ военныхъ частей, расположенныхъ по сосѣдству съ горецкимъ уѣздомъ, предписывая имъ немедленно атаковать шайку Тòпора и уничтожить. Но—благодаря тому обстоятельству, что самъ губернаторъ Беклемишевъ (какъ я уже упоминалъ выше) былъ окруженъ польскими чиновниками, всѣ его распоряженія дѣлались извѣстны полякамъ и тотчасъ же сообщались въ шайки. Такъ произошло и въ данномъ случаѣ.

Въ Могилевѣ проживалъ нѣкій докторъ Оскерко, человѣкъ очень общительный, неглупый и ловкій. Вращаясь во всѣхъ сферахъ города Могилева, онъ учредилъ, ко времени возстанія, въ своей квартирѣ нѣчто въ-родѣ военно-политическаго бюро, куда и должны были доставляться немедленно всѣ секретныя распоряженія, дѣлаемыя губернаторомъ и получаемыя изъ Вильны. Такимъ образомъ, и всѣ распоряженія Беклемишева по преслѣдованію шайки Жвирждовскаго-Тòпора, были сообщены доктору Оскерко очень

скоро. Жвирждовскій, на другой же день, т. е. 25-го апрѣля, имѣлъ у себя точныя копіи всѣхъ военныхъ распоряженій, сдѣланныхъ относительно преслѣдованія его шайки. Поэтому, онъ, выступивъ изъ Дрибина, направился съ своею шайкою на юго-западъ, разсчитывая попасть въ минскіе лѣса, гдѣ онъ легче могъ укрыться и, наконецъ, соединиться съ какою-нибудь другою шайкою, изъ бродившихъ въ Минской губерніи. Онъ шелъ довольно быстро, останавливаясь лишь въ околицахъ шляхты для короткаго отдыха и вербованія новыхъ повстанцевъ; но шляхта шла въ банду неохотно и плохо вѣрила въ близкую помощь польскаго короля и французскихъ войскъ. Еще бо̀льшее fiasco претерпѣлъ Жвирждовскій во время подобныхъ же приглашеній, обращенныхъ къ православнымъ бѣлорусскимъ крестьянамъ Могилевской губерніи: крестьяне упорно отмалчивались и, по уходѣ повстанцевъ, считали ихъ за одурѣлыхъ: «наши паны сдурѣли», — говорили крестьяне между собою...

Наконецъ-таки, шайка Жвирждовскаго была настигнута въ Быховскомъ уѣздѣ, при переправѣ черезъ рѣку Проню, близъ мѣстечка Пропойска, русскимъ маленькимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ одной роты и двухъ артиллерійскихъ орудій, подъ общимъ начальствомъ подполковника Богаевскаго. Но Жвирждовскій распорядился въ это время очень искусно: послѣ переправы черезъ Проню всей шайки, онъ тотчасъ же зажегъ паромъ, на которомъ переправлялись повстанцы, — такъ что, когда подполковникъ Богаевскій подошелъ къ рѣкѣ, то увидѣлъ горѣвшій паромъ и «утекающую», по ту сторону рѣки, шайку. Онъ сдѣлалъ по ней два выстрѣла картечными гранатами; первый выстрѣлъ разорвался надъ самыми головами повстанцевъ, и они разсыпались во всѣ стороны. Жвирждовскій, потомъ, собралъ ихъ кое-какъ воедино и двинулся-было съ своею шайкою дальше; но въ это время къ нему явился курьеръ изъ Могилева отъ доктора Оскерко, привезшій весьма печальное извѣстіе о томъ, что всѣ остальныя шайки Могилевской губерніи (оршанская, сѣннинская и черноруцкая) разбиты и уничтожены, а предводители ихъ взяты въ плѣнъ и будутъ судимы полевымъ военнымъ судомъ... Въ той же депешѣ Оскерко совѣтовалъ Жвирждовскому немедленно прибыть въ Могилевъ, одному—гдѣ онъ, лично, будетъ болѣе безопасенъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если станетъ укрываться по лѣсамъ и помѣщичьимъ фольваркамъ.

Жвирждовскій рѣшился воспользоваться этимъ благоразумнымъ совѣтомъ,—тѣмъ болѣе, что уже кругомъ поднимались крестьяне Могилевской губерніи и начинали ловить и хватать неосторожно отдѣлявшихся отъ шайки одиночныхъ повстанцевъ. Довудца собралъ шайку, держалъ къ ней рѣчь, свалилъ вину неудачи на запоздавшія французскія войска и совѣтовалъ спасаться всѣмъ кто

какъ можетъ; затѣмъ, простился съ повстанцами и, въ сопровожденіи лишь одного человѣка, уѣхалъ отъ шайки. Онъ преблагополучно пріѣхалъ въ Могилевъ, на почтовыхъ лошадяхъ, которыхъ бралъ на станціяхъ по казенной подорожной на имя капитана Величко,—и здѣсь его укрылъ тотъ же докторъ Оскерко. Немного времени спустя, когда первые горячіе поиски за Жвирждовскимъ-Топоромъ стихли, онъ, искусно загримированный, выѣхалъ изъ Могилева и пробрался въ Минскую губернію, гдѣ, впослѣдствіи, былъ схваченъ и казненъ.

Повставцы, проводивъ своего довудца и выругавъ его «шпёгомъ», рѣшили воспользоваться объявленнымъ, не задолго до того, манифестомъ объ амнистіи всѣмъ добровольно являющимся изъ лѣсовъ повстанцамъ, — и, выбравъ изъ своей среды нѣсколькихъ уполномоченныхъ, послали ихъ, 30-го апрѣля, въ мѣстечко Пропойскъ, къ тамошнему становому приставу, съ заявленіемъ, что они сдаются въ руки русскихъ властей «добровольно» и просятъ лишь о томъ, чтобы становой прибылъ «какъ можно скорѣе»—въ видахъ огражденія ихъ отъ нападеній крестьянъ, которые, въ то время, начинали уже подниматься поголовно противу повстанцевъ. Становой приставъ, въ сопровожденіи сотскихъ и нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ сформированной тогда по деревнямъ сельской стражи, прибылъ тотчасъ же въ лѣсъ, въ мѣсторасположеніе шайки, взялъ въ плѣнъ, безъ войска, 140 человѣкъ, и привелъ весь этотъ сбродъ въ Пропойскъ... На другой день, крестьяне-добровольцы, отправившись по сосѣднимъ лѣсамъ на поиски, привели въ становую квартиру еще 30 человѣкъ повстанцевъ этой же шайки — изъ числа тѣхъ, которые не пожелали, или, просто, опасались сдаться наканунѣ, добровольно.

Такимъ образомъ, окончила свое существованіе эта шайка, причинившая столько бѣдъ и надѣлавшая такъ много шуму въ Россіи и заграницей — взятіемъ уѣзднаго города Горы-Горокъ. Она окончила, сравнительно съ другими шайками той же Могилевской губерніи, очень счастливо — т. е. безъ встрѣчи и сраженія съ нашими войсками и, слѣдовательно, безъ массы убитыхъ, раненыхъ и искалѣченныхъ на всю жизнь людей...

Остальныя шайки Могилевской губерніи испытали болѣе тяжелую участь. Такъ, напримѣръ, оршанская шайка, оказавшая сопротивленіе при встрѣчѣ съ нашимъ небольшимъ отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ храбраго и рѣшительнаго В. Ф. Савицкаго [1]), потеряла въ схваткѣ много убитыхъ и раненыхъ, пока, наконецъ, не была взята въ плѣнъ. Черноруцкая шайка тоже

[1]) Валерьянъ Филипповичъ Савицкій, артиллерійскій подполковникъ, былъ въ то время оршанскимъ исправникомъ. Человѣкъ этотъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ губерніи за свою честность, неподкупность и доброту характера.

имѣла трагическій конецъ, при схваткѣ съ нашимъ отрядомъ въ лѣсу; а такъ какъ, она почти вся состояла изъ помѣщиковъ и дворянъ, то всѣ они лишились, въ-добавокъ, и своихъ имѣній.

V.

Отношенія губернатора Беклемишева къ польскому и крестьянскому вопросамъ. — Персоналъ чиновниковъ Могилевской губерніи. — Могилевскій съѣздъ мировыхъ посредниковъ. — Политическій хвастунъ. — Польскія уставныя грамоты. — Участіе графа Муравьева въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Бѣлоруссіи. — Повѣрка уставныхъ грамотъ въ натурѣ. — Добровольныя соглашенія и составленія выкупныхъ актовъ. — Результаты нашего «соціализма» — Польское губернское присутствіе и подполковникъ Носовичъ. — Взаимная вражда помѣщиковъ и крестьянъ. — Польскій панъ и бѣлые сухари.

Дворянство Могилевской губерніи должно быть обязано чувствомъ вѣчной признательности бывшему губернатору этой губерніи А. П. Беклемишеву. Благодаря своимъ связямъ, а главное, вслѣдствіе своей близости съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевымъ, Беклемишевъ отстоялъ Могилевскую губернію отъ назначенія въ нее такъ-называемыхъ «повѣрочныхъ комиссій», дѣйствовавшихъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ, въ Минской и въ нѣскольскихъ уѣздахъ Витебской. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса и окончательное земельное устройство крестьянъ было возложено здѣсь на обыкновенные съѣзды мировыхъ посредниковъ; посредники, каждый въ своемъ участкѣ, дѣлали повѣрку уставныхъ грамотъ, составленныхъ, ранѣе, польскими мировыми посредниками, и, затѣмъ, обращали эти грамоты въ выкупные акты. Такимъ образомъ, какъ назначеніе служащихъ лицъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, такъ и самое дѣло это было непосредственно подчинено здѣсь губернатору — не то, что въ повѣрочныхъ коммисіяхъ, имѣвшихъ въ своемъ составѣ особыхъ членовъ отъ министерства финансовъ и очень мало зависѣвшихъ отъ начальниковъ губерній. Да наконецъ, и эта мѣра—т. е. распространеніе на Могилевскую губернію указа 1-го марта 1863 года объ обязательномъ выкупѣ—была принята здѣсь вопреки все-таки желанію и согласію Беклемишева, съ которымъ соглашался въ то время, безусловно, и министръ внутреннихъ дѣлъ: обязательный выкупъ крестьянскихъ земель въ этой губерніи совершился лишь по иниціативѣ и настоянію генералъ-губернатора Муравьева, и только благодаря ему, крестьяне несчастной Могилевской губерніи освободились тогда же отъ обязательныхъ отношеній къ своимъ панамъ. Останавливаюсь на этомъ фактѣ, какъ

на живомъ доказательствѣ силы и обаянія польскаго вліянія, отразившагося даже на такомъ замѣчательно умномъ и честномъ русскомъ человѣкѣ, какимъ былъ Беклемишевъ. Назначенный, какъ я уже упоминалъ, на должность губернатора въ Могилевъ въ 1858 году, онъ, за пять лѣтъ, предшествовавшихъ возстанію, невольно подчинился окружавшей его польской средѣ и вліянію,—и его миролюбивые и оптимистическіе взгляды на польскій вопросъ не въ силахъ былъ поколебать даже открытый мятежъ, въ лицѣ нѣсколькихъ шаекъ, сформированныхъ панами, весною 1863 года, въ Могилевской губерніи...

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, большинство чиновниковъ въ Могилевской губерніи состояло все еще изъ поляковъ, между которыми была масса лицъ, числящихся православными; это были мѣстные уроженцы—«бѣлоруссы», какъ они стали называть себя послѣ усмиреннаго возстанія. Въ сущности же, это были истые поляки, рожденные отъ смѣшанныхъ браковъ, носившіе даже польскія фамиліи, предпочитавшіе для молитвы костелы церквамъ и вспомнившіе о своемъ православіи лишь случайно—то есть, тогда, когда это сдѣлалось выгоднымъ. Они занимали въ губерніи очень видныя должности, потворствовали на каждомъ шагу полякамъ и вредили, на сколько только могли, русскому дѣлу. Беклемишева они окружали довольно плотною стѣною. Въ Могилевской губерніи было даже одно вѣдомство — министерства финансовъ,— чиновники котораго, въ большинствѣ, состояли изъ католиковъ-поляковъ: не только уѣздные казначеи, но даже губернскій казначей былъ полякъ, и очень заядлый, нѣкто Кунцевичъ. Нѣкоторыя полицейскія должности были заняты польскими чиновниками еще и въ 1866, 67 и 68 годахъ — до времени увольненія Беклемишева. Онъ, обыкновенно, принималъ этихъ чиновниковъ на свою личную отвѣтственность передъ генералъ-губернаторомъ,—и они продолжали служить, вредя русскому дѣлу, мстя, гдѣ только можно, крестьянамъ—за ихъ участіе въ подавленіи мятежа, и намъ—за нашъ незванный «наѣздъ» на службу... И вотъ, среди этихъ-то всѣхъ различныхъ теченій, вліяній и національностей, приходилось намъ, русскимъ мировымъ посредникамъ, служить и дѣйствовать.

Съѣздъ (могилевскаго уѣзда), куда я былъ назначенъ, въ началѣ, кандидатомъ мироваго посредника, состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Предсѣдателемъ съѣзда былъ у насъ нѣкто А. А. Э—тъ, богатый помѣщикъ Смоленской губерніи, занимавшій тамъ, ранѣе, должность мироваго посредника; это былъ чисто-русскій человѣкъ, типъ богатаго барича стараго времени, близко, однако, знакомый съ бытомъ крестьянъ и ихъ нуждами; не смотря на все свое барство, человѣкъ этотъ зналъ порученное ему дѣло, любилъ крестьянъ и

трудился, иногда, безъ утомленія. Мировыхъ посредниковъ въ Могилевскомъ уѣздѣ было трое: князь Крапоткинъ, мѣстный помѣщикъ К—ичъ и бывшій учитель могилевской семинаріи Р—скій. Мнѣ довелось работать, совершенно самостоятельно, въ участкѣ перваго изъ этихъ посредниковъ — князя Н. С. Крапоткина, въ Шепелевичской волости, въ страшной глуши, на самой границѣ съ Минской губерніей. Вся эта волость, цѣликомъ, принадлежала двумъ братьямъ Шанявскимъ, изъ коихъ одинъ, старшій, былъ высланъ въ Тобольскъ, за преступленіе, квалификацію котораго невозможно найти въ Уложеніи о наказаніяхъ — за политическое хвастовство... Такъ, по крайней мѣрѣ, охарактеризовалъ преступленіе Шанявскаго самъ губернаторъ Беклемишевъ, мотивируя необходимость высылки изъ Могилева этого хвастуна, вся вина котораго состояла въ слѣдующемъ. Проживая въ Могилевѣ и ничего не дѣлая, онъ, обыкновенно, фланировалъ, съ утра, по лавкамъ, магазинамъ и по своимъ знакомымъ и сообщалъ имъ самые невѣроятные слухи, имѣющіе политическій характеръ, выдаваемые имъ какъ бы за свершившіеся уже факты. То, напримѣръ, онъ увѣрялъ всѣхъ, подъ честнымъ словомъ, что генералъ-губернаторъ Муравьевъ уже отравленъ въ Вильнѣ, но что это умышленно лишь скрываютъ; на другой день, онъ обѣгалъ весь городъ и сообщалъ о переходѣ трехъ французскихъ корпусовъ черезъ русскую границу и о поголовномъ, вслѣдствіе этого, возстаніи шляхты въ царствѣ Польскомъ; затѣмъ, онъ, добывъ гдѣ-то карту жонда народовего съ новыми границами Польши «отъ моря до моря», преспокойно раскладывалъ эту карту въ какомъ нибудь бойкомъ и людномъ магазинѣ и объяснялъ публикѣ границы «Могилевскаго воевудства», — сообщая при этомъ, къ слову, что онъ, Шанявскій, въ качествѣ будущаго начальника такого-то повята (уѣзда), будетъ имѣть свою резиденцію въ такомъ-то вотъ городѣ... Вранье это шло, съ каждымъ днемъ, crescendo, такъ что, наконецъ, даже терпѣніе добраго Беклемишева лопнуло, и онъ, снесясь съ Муравьевымъ, распорядился выслать этого болтуна изъ Могилева въ Тобольскъ. Впослѣдствіи, именно въ 1868 году, Шанявскій былъ возвращенъ на родину и мнѣ довелось съ нимъ встрѣтиться и познакомиться. Оказалось, что это былъ очень добрый малый и жуиръ большой руки, но хвасталъ онъ, подобно Хлестакову, на каждомъ шагу, по прежнему,—и съ этой стороны Тобольскъ нисколько его не вылѣчилъ. Онъ лишь научился тамъ клеить папиросныя гильзы, которыми торговалъ, — и больше ничего.

Младшій Шанявскій, съ которымъ мнѣ, на первыхъ порахъ моей дѣятельности по крестьянскому вопросу, пришлось имѣть дѣло, былъ типомъ совсѣмъ въ иномъ родѣ. Бывшій студентъ медикъ Кіевскаго университета, поспѣшившій, ко времени возстанія, оставить храмъ науки и явиться въ свой майонтокъ, онъ, наученный, можетъ быть,

опытомъ брата, былъ совершенною его противоположностью—сдержанъ, молчаливъ, остороженъ, очень угодливъ и хитеръ. Впрочемъ, угодливость эта была лишь на первыхъ порахъ—пока мы не столкнулись съ нимъ на дѣлѣ, при повѣркѣ уставныхъ грамотъ.

По положенію 19-го февраля, крестьяне Могилевской губерніи должны были быть надѣлены землею, въ количествѣ 4½ десятинъ на душу, удобной земли. Но польскіе мировые посредники, при введеніи уставныхъ грамотъ, отводили иногда крестьянамъ, во-первыхъ, вмѣсто указанной въ законѣ десятины (2,400 кв. саж.), мѣстный моргъ, который былъ много меньше десятины; а во-вторыхъ, подъ видомъ удобной земли, у крестьянъ въ надѣлѣ, при повѣркѣ, оказывалась всяческая земля — и удобная, состоящая изъ пашни и луговъ, и совершенно никуда негодная и ничего нестоющая земля — изъ овраговъ, дорогъ, болотъ и песчаныхъ или каменистыхъ участковъ и клочковъ, которые немыслимо было удобрять, а слѣдовательно, и что-либо сѣять на нихъ. Между тѣмъ, крестьяне, по уставной грамотѣ, обязывались платить полный, 9-ти-рублевый оброкъ за эти свои, на половину неудобные, надѣлы. Предстояло разобраться во всей этой путаницѣ, лжи и документальныхъ обманахъ и подлогахъ... Самое количество душъ въ селеніяхъ показано было, по уставнымъ грамотамъ, въ преувеличенномъ числѣ, съ тѣмъ, конечно, разсчетомъ, чтобы получать большій оброкъ, а впослѣдствіи — бóльшую выкупную ссуду. Отъ этого, недоимки на крестьянахъ успѣли уже образоваться весьма значительныя, — и Богъ-вѣсть, чѣмъ бы окончилось это систематическое ограбленіе крестьянъ въ Бѣлоруссіи, еслибы не «сдурѣли паны» и не учинили мятежа. Но и тутъ злая судьба бѣлоруссовъ едва-было не погубила ихъ окончательно. Дѣло въ томъ, что какъ въ Могилевской губерніи, такъ и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ Витебской и Минской, есть значительныя имѣнія, принадлежащія русскимъ лицамъ, носящимъ извѣстныя русскія и нѣмецкія фамиліи, какъ, напримѣръ, Чернышевы-Кругликовы, князья Голицыны и Паскевичи, Львовы, Виттенштейны и пр.; всѣ эти важные господа въ имѣніяхъ своихъ никогда не живутъ, конечно, и держатъ управляющихъ — поляковъ и нѣмцевъ. Уклонившись отъ контрибуцій, платимыхъ лишь польскими помѣщиками, эти владѣльцы пожелали уклониться и отъ обязательнаго выкупа, при которомъ, какъ извѣстно, дѣлается скидка въ 20% съ выдаваемой помѣщику выкупной ссуды; но такъ какъ дѣлать для нихъ исключеніе, въ данномъ случаѣ, было бы не только неудобно, но даже и не безопасно (со стороны крестьянъ), и, въ добавокъ, несправедливо, то они стали доказывать въ Петербургѣ, что обязательный выкупъ для Бѣлоруссіи совсѣмъ излишенъ и что въ ней-де могутъ быть сохранены прежнія отношенія временно-обязанныхъ крестьянъ къ своимъ отцамъ-благодѣтелямъ, бѣлорусскимъ помѣщикамъ... Бывшій въ то

время министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ отнесся къ этой идеѣ очень благосклонно и, заручившись представленіями и ходатайствами въ этомъ именно желаемомъ смыслѣ со стороны двухъ мѣстныхъ бѣлорусскихъ губернаторовъ, могилевскаго и витебскаго, едва не провелъ было эту мѣру. Энергическій отпоръ явился со стороны М. Н. Муравьева, который и добился-таки примѣненія обязательнаго выкупа и къ Бѣлоруссіи. Такимъ образомъ, несчастное и многострадальное бѣлорусское населеніе было избавлено покойнымъ Муравьевымъ отъ окончательнаго и вѣчнаго порабощенія помѣщиками, порабощенія болѣе даже горшаго, чѣмъ оно было до отмѣны крѣпостнаго права, такъ какъ, до 19-го февраля 1861 года, надѣлы крестьянъ были совсѣмъ въ иныхъ границахъ: земли у нихъ, въ большинствѣ селеній, было достаточно, помѣщичья земля нигдѣ не подходила подъ самыя крестьянскія усадьбы — какъ это стало во многихъ деревняхъ послѣ введенія уставныхъ грамотъ, — и, вдобавокъ, кромѣ барщины, крестьяне не знали никакихъ иныхъ повинностей и поборовъ и имъ не приходилось платить «оброкъ за землю», отведенную имъ по грамотѣ и нестоющую и половины назначенныхъ за нее денежныхъ взносовъ.

Въ томъ участкѣ, гдѣ я занимался, мировымъ посредникомъ былъ, до мятежа, нѣкто помѣщикъ Позднякъ, сосланный, въ 1863 году, въ Сибирь за открытое и вооруженное участіе въ возстаніи: онъ былъ взятъ въ черноруцкой шайкѣ, въ Могилевскомъ уѣздѣ. Уставныя грамоты, составленныя этимъ посредникомъ, поражали насъ своею недобросовѣстностью. Пріѣдешь, бывало, съ землемѣромъ въ селеніе, соберешь домохозяевъ, пригласишь сосѣднихъ нѣсколько человѣкъ, въ качествѣ «добросовѣстныхъ» или понятыхъ, и начинаешь «обходить границы», и всегда почти въ сопутствіи самого помѣщика. Значится, напримѣръ, на планѣ, что крестьяне этой деревни имѣютъ лугу, положимъ, сорокъ десятинъ.

— Ведите насъ на вашъ лугъ, — обращаюсь, бывало, къ крестьянамъ.

— Да у насъ, панóчку, нэмá ни якого сѣножатья,—отвѣчаютъ они, низко кланяясь.

— Да вотъ же, въ такомъ-то мѣстѣ, около кустарника, у васъ показано лугу 40 десятинъ. Туда и ведите.

— Нэма, панóчку, нэма! тамъ болото... Тамъ тилько птушка перелетить; а ни человіку, ни коню тамъ не можно пройти.

— Все равно, ведите.

Идемъ. Помѣщикъ, сильно сконфуженный и недовольный, идетъ, хотя и неохотно, вмѣстѣ съ нами. Онъ начинаетъ заводить рѣчь на тэму о дождливомъ лѣтѣ, что теперь-де луга вездѣ пóзаливало водою и т. д.; крестьяне, между тѣмъ, пользуются случаемъ поговорить о своемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ и о томъ порядкѣ, который существовалъ у нихъ при введеніи уставной грамоты: ока-

зывается, что за ихъ упорство и несогласіе подписать грамоту всѣ они, поголовно почти, были высѣчены.

— Но вы, все-таки, подписали же эту уставную грамоту? — говорю я имъ, — вотъ и подпись ваша...

— Ни. Не подписали. Посредникъ забравъ печатку отъ старосты и тамъ, въ паньскомъ домѣ, хтось (кто-то) за насъ подписавъ...

— Брешете вы, пся крэвъ! — огрызается на нихъ не стерпѣвшій панъ...

Приглашая пана, чтобъ онъ въ моемъ присутствіи не бранился и былъ спокойнѣе, идемъ дальше. Приходимъ, наконецъ, къ «лугу»... Растетъ какая-то осока, рѣжущая руки; подальше отъ краевъ — топь и трясина, поросшая мелкимъ верескомъ... Идемъ дальше, и чувствуемъ, что почва подъ нами трясется и понемногу опускается внизъ: очевидно — это болото, можетъ быть даже и торфяное, но уже никакъ не «лугъ». Крестьяне, изъ опасенія провалиться сквозь землю, отказываются идти дальше и предостерегаютъ о томъ же насъ:

— Не швидко, панôчки, не швидко (не шибко)! ту не можно и выратовать васъ (спасти).

— Гдѣ же лугъ, гдѣ онъ?—спрашиваю у помѣщика.

— А это-же и есть лугъ. Въ сухое лѣто здѣсь превосходный сѣнокосъ...

Крестьяне и сосѣдніе «добросовѣстные» начинаютъ, конечно, доказывать противное—что здѣсь и въ сухое лѣто «гибнутъ кôни и человѣку пройти не можно; только птицы летаютъ и выводятся журавли»...

Изъ дальнѣйшихъ распросовъ, оказывается обыкновенно слѣдующее. До 1861 года у крестьянъ этой деревни были луга совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ—«вонъ, за тѣмъ гаемъ,»—отрѣзанные теперь помѣщику. Частью этихъ луговъ крестьяне пользуются и теперь — арендуютъ нѣсколько десятинъ, и за это отработываютъ, въ рабочую пору, по нѣсколько дней съ души.

Съ луговъ, затѣмъ, идемъ на пашню, потомъ въ «дровяной лѣсъ», отведенный крестьянамъ на отопленіе, и вездѣ почти повторяется та же исторія: пашня—плохая, качество ея—подзолица, или съ мелкимъ камнемъ на поверхности; а вмѣсто лѣсу оказывается хворостъ; помѣщичья земля подошла подъ самыя усадьбы и, чтобъ не платить постоянныхъ штрафовъ, крестьяне арендуютъ эту землю подъ выгонъ и за нее также отрабатываютъ барщину—нѣсколько дней мужскихъ и женскихъ. Въ концѣ концовъ оказывается, что несчастные мужики и оброкъ за землю вносятъ въ казначейство, и барщину отработываютъ почти въ прежнемъ размѣрѣ..

Идемъ, всей компаніей, въ деревню и приступаемъ къ такъ-называемому добровольному соглашенію. Приходится предлагать помѣщику одно изъ двухъ: или согласиться на прирѣзку въ крестьянскій

надѣлъ всѣхъ тѣхъ земель и угодій, которыми они пользовались въ моментъ изданія манифеста 19-го февраля, или же—примириться съ значительнымъ пониженіемъ, на основаніи 175 ст. положенія о выкупѣ, выкупныхъ платежей, а, слѣдовательно, и выкупной ссуды. На эту ожидаемую ссуду большинство помѣщиковъ возлагало большія упованія: ею предстояло погасить долгъ сохранной казнѣ, а на остатки—жить и поддерживать разорявшееся хозяйство и имѣніе.

Не легко иногда приходилось добиваться этихъ «соглашеній!..» Случалось собирать крестьянъ по пяти и болѣе разъ, пока, наконецъ, удавалось составить выкупной актъ. Иногда мѣшала этому просто вражда между помѣщикомъ и крестьянами, ихъ религіозная рознь, старые счеты; иногда одно какое нибудь рѣзкое слово, сказанное крестьяниномъ, уничтожало труды нѣсколькихъ тяжелыхъ часовъ. При всемъ своемъ незлобіи и при всей забитости, бѣлорусскіе крестьяне не въ силахъ были иногда воздержать свой языкъ и не кинуть въ лицо своему бывшему пану и повелителю жесткое слово, которое не всегда удавалось предупредить и остановить во̀-время. Помню, напримѣръ, разъ такой случай. Покончивъ повѣрку уставной грамоты въ одномъ небольшомъ имѣньицѣ, принадлежавшемъ двумъ старосвѣтскимъ польскимъ помѣщицамъ, сестрамъ Сипайло, я, не утруждая ихъ приглашеніемъ въ селеніе, во дворъ старосты, поѣхалъ къ нимъ самъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ и старшиною; это было не болѣе версты отъ селенія, такъ что крестьяне шли за нами почти слѣдомъ, а мы нарочно ѣхали шагомъ. Подобные пріемы были необходимы, и я тщательно всегда избѣгалъ видѣться съ помѣщикомъ, до окончанія дѣла, безъ посторонняго присутствія крестьянъ. И здѣсь, съ старыми пани, я поступилъ также: добылъ столъ, устроился кое-какъ на дворѣ, пригласилъ помѣщицъ, и, къ крайнему удовольствію—покончилъ-было уже все дѣло въ какія нибудь четверть часа. Оставалось лишь подписаться обѣимъ сторонамъ. И вотъ, когда одна изъ сестеръ только-что было стала копировать свою подпись, сдѣланную для нея русскими буквами волостнымъ писаремъ, какъ вдругъ одинъ изъ крестьянъ, желая сказать имъ, очевидно, комплиментъ, громко проговорилъ:

— Наши пани—добрыя; тілько дюже стрекочатъ—якъ соро̀ки...

— Какъ?! мы сороки??!.. закричали разомъ обѣ пани и, расплакавшись, тотчасъ же ушли «до покоя», въ домъ. Дѣйствительно, обѣ пани говорили чрезвычайно быстро, громко, словно горохъ сыпали—«якъ сороки», да еще обѣ въ одно и то же время и объ одномъ... И вотъ, пришлось идти уговаривать ихъ — простить дерзкаго виновника и забыть обиду... Пани долго плакали, но, наконецъ, простили, все-таки, своего оскорбителя и подписали выкупной актъ. Какъ у Гоголя, изъ-за слова «гусакъ» вышла цѣлая исторія между двумя добрыми людьми, такъ и здѣсь едва не рушилось серьезное дѣло изъ-за одного только слова — «сороки»...

Другой случай окончился болѣе неудачно и имѣлъ очень печальный исходъ. Въ одномъ селеніи (Кунцы), мнѣ очень долго пришлось уговаривать и помѣщика, и крестьянъ, чтобы они пришли между собою къ какому нибудь соглашенію; наконецъ, когда все уже, повидимому, было окончено и оставалось лишь составить актъ этого соглашенія съ обозначеніемъ границъ новаго крестьянскаго надѣла и геодезическимъ описаніемъ, на сходку явился старикъ-бѣлоруссъ, высокаго роста, сѣдой, какъ лунь, и слѣпой. Послушавъ нѣсколько минутъ переговоры своихъ односельцевъ съ помѣщикомъ, онъ вдругъ началъ протестовать, шумѣть и обратился къ крестьянамъ съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что съ паномъ, какъ съ «мятежникомъ», ни въ какія соглашенія входить не слѣдуетъ, что панъ въ концѣ-концовъ ихъ непремѣнно обманетъ; затѣмъ, онъ напомнилъ сходкѣ, что отецъ этого пана былъ крайне жестокъ съ ними: «меня онъ высѣкъ 15 разъ», добавилъ старикъ... Слова эти были искрой, брошенной въ порохъ. Я сидѣлъ въ это время въ избѣ старосты и составлялъ актъ соглашенія; когда заслышавъ шумъ, я, вышелъ къ сходкѣ, происходившей, какъ и всегда, подъ открытымъ небомъ, то все уже было покончено: крестьяне отказались отъ состоявшагося уже соглашенія съ помѣщикомъ, и ни за что не хотѣли подписать акта. Пришлось поневолѣ ограничиться сбавкою выкупныхъ платежей. Это уменьшеніе выкупныхъ взносовъ представлялось для крестьянъ, на первыхъ порахъ, очень соблазнительнымъ: меньше земли — меньше и платы; но въ будущемъ, о которомъ они иногда не хотѣли и знать, эта мѣра была для нихъ положительнымъ раззореніемъ: при прогрессивномъ увеличеніи народонаселенія, безъ увеличенія, въ то же время и земли, крестьяне неминуемо должны были бѣдствовать и закабаляться въ отработки за ту же самую землю, отъ которой они при составленіи выкупнаго акта отказались.

Совсѣмъ иное происходило тогда, когда удавалось добиться соглашенія крестьянъ и уступокъ со стороны помѣщика, и мы, мировые посредники, были иногда такъ счастливы, что видѣли воочію плоды своихъ скромныхъ трудовъ и усилій въ этомъ дѣлѣ. Случалось такъ, что, послѣ повѣрки уставной грамоты, въ иномъ селеніи не только прекращалась всякая барщина на пана—въ видѣ отработковъ за угодья и арендуемую землю,—но даже крестьяне въ теченіе лѣта успѣвали заработывать у того же самаго помѣщика значительныя суммы, которыя вполнѣ и покрывали слѣдуемые съ нихъ выкупные платежи въ казну.

Бывали и такіе случаи. Послѣ нашей повѣрки, помѣщики, которые имѣли огромное количество рогатаго скота и лошадей, покупали, въ концѣ зимы, кормъ у своихъ же крестьянъ, у которыхъ этотъ кормъ оставался, вслѣдствіе очень малаго количества скота. Вотъ эти-то наши дѣйствія, надо полагать, и служили поводомъ къ

тому, что приснопамятная скарятинская «Вѣсть» обзывала насъ «соціалистами», а петербургскіе враги графа Муравьева поставили ему этотъ нашъ мнимый соціализмъ въ главную вину, трубили о немъ въ высшихъ сферахъ, съумѣли смутить даже государя, и въ концѣ, добились-таки того, что графъ Муравьевъ пожелалъ удалиться отъ должности генералъ-губернатора умиротвореннаго имъ края.

Предвидя въ будущемъ все громадное экономическое значеніе земли для крестьянъ, въ которой заключался весь жизненный для нихъ и ихъ потомства вопросъ и всѣ условія будущаго благосостоянія, мы, понятно, употребляли всѣ зависящія отъ насъ мѣры для приведенія въ исполненіе этой великой идеи, указанной изъ Вильны графомъ Муравьевымъ. Но иногда, мы встрѣчали непреоборимыя препятствія въ своихъ хлопотахъ—и не со стороны однихъ помѣщиковъ, но и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ, въ 1865 году, членами были одинъ полякъ и два помѣщика-бѣлорусса съ польскими же взглядами на это дѣло; во главѣ ихъ стоялъ богатый польскій панъ К—скій, губернскій предводитель дворянства, и секретарь присутствія Г—скій. Предсѣдатели съѣздовъ, дѣйствовавшіе въ русскомъ духѣ, въ пользу крестьянъ, встрѣчали, иногда, серьезныя противодѣйствія среди членовъ этого полу-польскаго присутствія,—и только личное вмѣшательство Беклемишева, который любилъ крестьянъ и желалъ имъ добра, улаживало дѣло, не доводя его до Вильны. Въ началѣ 1866 года, при назначеніи членомъ могилевскаго присутствія подполковника С. И. Носовича, дѣла пошли лучше и члены сразу перестали играть въ польскую руку. Но, къ сожалѣнію, свѣтлая и энергичная личность Носовича оказалась одинокимъ воиномъ въ полѣ,—и его, въ концѣ того же 1866 года, по донесенію жандармскаго подполковника Коцебу, уволили отъ должности, какъ соціалиста.

Польскіе же помѣщики противодѣйствовали намъ, при составленіи выкупныхъ актовъ, лишь въ двухъ случаяхъ: или когда ихъ имѣнія не были заложены въ сохранной казнѣ, и они, слѣдовательно, не особенно боялись пониженія выкупныхъ платежей; или же когда они имѣли съ своими бывшими крестьянами личные счеты по бывшему мятежу. Тутъ уже ничего нельзя было подѣлать. Въ послѣднихъ случаяхъ паны не желали входить съ «быдломъ» ни въ какія сношенія и переговоры,—и рѣдко удавалось смягчить ихъ и какъ нибудь урезонить: «нѐ хце»,—и баста!..

Чтобы объяснить эти чуства помѣщичьей злобы на крестьянъ, слѣдуетъ припомнить, что крестьяне, дѣйствительно, были, иногда, жестоки и безпощадны къ своимъ панамъ, участвуя, вмѣстѣ съ войсками, въ подавленіи возстанія. Они хватали помѣщиковъ не только въ лѣсахъ, но и въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ и домахъ, хватали на дорогахъ, связывали — и представляли въ Могилевъ, въ качествѣ мятежниковъ, пойманныхъ, будто бы, въ лѣсу.

При революціонномъ террорѣ въ краѣ и въ Могилевской губерніи и при всеобщей паникѣ властей, некогда, конечно, было разбирать—насколько дѣйствительно виноватъ привезенный панъ-ляхъ; его безъ церемоніи сажали въ острогъ, а экипажъ и лошадей отдавали въ полную собственность крестьянъ, доставившихъ «мятежника». Весною 1863 года, нэйтычанки, коляски и фаэтоны продавались въ Могилевѣ отъ 5-ти до 25-ти рублей, не дороже; ихъ покупали у крестьянъ жиды,—и потомъ, когда страсти улеглись и порядокъ былъ возстановленъ, продавали въ-десятеро дороже тѣмъ же помѣщикамъ и русскимъ чиновникамъ.

Интересно, при этомъ, слѣдующее обстоятельство. Крестьяне рѣдко брали своего помѣщика; они очень дипломатично поступали такимъ образомъ: крестьяне пана А. забирали и везли въ Могилевъ пана Б., а крестьяне этого послѣдняго являлись очень спокойно въ фольваркъ пана А., связывали ему руки и ноги, выбирали самый лучшій экипажъ въ каретномъ сараѣ и самыхъ лучшихъ лошадей въ конюшнѣ,—и ѣхали въ губернскій городъ. Безобразіе и своеволіе было большое, но предотвратить это власти не могли: мятежъ ударилъ надъ ихъ головами какъ неожиданный громъ, они его не ждали—войскъ было очень мало, по лѣсамъ бродили и грабили шайки,—и власти были непритворно рады, что крестьяне явились имъ на подмогу—стали ловить и представлять въ Могилевъ безпокойныхъ польскихъ пановъ, надѣлавшихъ всю эту кутерьму и «замѣшанье». Впослѣдствіи, военно-судныя коммиссіи освободили болѣе двухъ третей привезенныхъ крестьянами помѣщиковъ, за недостаткомъ уликъ; но отъ этого, понятно, освобожденнымъ было не легче...

При разборѣ всѣхъ этихъ арестованныхъ, происходили, иногда, сцены очень комическія. Такъ, напримѣръ, когда коммисія приступила къ дѣлу помѣщика С—ло, обвинявшагося въ изготовленіи для повстанцевъ сухарей, вызвала крестьянъ, доставившихъ его, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Могилевъ, и стала опрашивать ихъ, въ качествѣ свидѣтелей—при какихъ обстоятельствахъ и за что именно былъ взятъ С—ло, то крестьяне отвѣчали, что взяли его за то, что онъ дѣйствительно пёкъ сухари.

— Черные сухари?—спросилъ одинъ изъ презусовъ коммисіи.

— Ни; бѣлые. Енъ богатый, черныхъ не ѣстъ.

— Ну, и что же,—доставлялъ онъ эти сухари мятежникамъ, въ шайки?

— Бронь Боже! ёнъ такій недобрый, скупый...

— Для чего же онъ ихъ пёкъ?

— Самъ ѣлъ,—спокойно и наивно отвѣчали крестьяне...

А между тѣмъ, этотъ панъ, за свою любовь къ бѣлымъ сухарямъ, отсидѣлъ уже, пока о немъ вспомнили, нѣсколько мѣсяцевъ въ острогѣ,—откуда его, конечно, тотчасъ же и выпустили.

И вотъ, когда при повѣркѣ уставныхъ грамотъ приходилось имѣть дѣло съ подобнымъ паномъ, пострадавшимъ отъ крестьянъ, то никакія убѣжденія и мѣры не могли уже привести его къ добровольному соглашенію съ ними:—Нé хце!—и баста... Приходилось, по неволѣ, составлять выкупной актъ безъ согласія помѣщика, понижая при этомъ выкупные платежи до minimum'а, — если крестьянскіе надѣлы нельзя было сдѣлать удобными — т. е. если и во время изданія манифеста 19-го февраля ихъ земельное владѣніе не представляло никакихъ выгодъ и возможности прокормиться и внести ежегодные выкупные платежи. Въ томъ и другомъ случаѣ, на наши головы сыпались со стороны пановъ всевозможныя нареканія, проклятія, клеветы и всяческія поношенія; все это, въ общемъ, способствовало тому, что за рьянымъ мировымъ посредникомъ устанавливалась прочная репутація «соціалиста» и ежеминутная возможность (впослѣдствіи, послѣ увольненія покойнаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана) быть удалену отъ должности—«для пользы службы».

Эти мнимые «соціалисты», выжитые, вскорѣ, изъ Могилевской губерніи, разсѣялись по всему лицу земли русской, оставивъ послѣ себя добрую память лишь у крестьянъ, для блага которыхъ они потрудились. Нѣкоторыхъ изъ этихъ моихъ сослуживцевъ я и теперь вспоминаю съ истиннымъ удовольствіемъ и съ уваженіемъ. Помню я Быховскаго предводителя дворянства, инженеръ-капитана А. М. Лоренцевича, горецкаго — князя А. М. Дондукова-Корсакова; мировыхъ посредниковъ: князя Н. С. Крапоткина, графа Цукато, Каргопольцева и В. Е. Качурина, предсѣдателей съѣздовъ: могилевскаго — А. А. Энгельгардта, чаусовскаго — Мясоѣдова, члена крестьянскаго присутствія Носовича, и др. Многихъ изъ нихъ давно уже нѣтъ и на свѣтѣ: Лоренцевичъ, напримѣръ, застрѣлился, Каргопольцевъ, служившій потомъ въ Туркестанѣ мировымъ судьей, былъ убитъ, въ ссорѣ, барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ... Изъ живыхъ, нѣкоторые служатъ и теперь, и остаются, повидимому, вѣрны разъ усвоенному ими, въ сѣверо-западномъ краѣ, принципу и взглядамъ на служебное дѣло: такъ, напримѣръ, С. И. Носовичъ ведетъ, судя по газетамъ (1882 года), войну съ неправдой въ Сибири, гдѣ онъ занимаетъ постъ иркутскаго губернатора. Замѣчательно, что всѣ эти лица—какъ и другія, имъ подобныя—не пожелали воспользоваться, въ свое время, въ Могилевской губерніи ни однимъ вершкомъ земли изъ раздаваемыхъ тогда щедрою рукою конфискованныхъ и секвестрованныхъ польскихъ имѣній, на льготныхъ условіяхъ 37-ми-лѣтней уплаты денегъ за эти имѣнія въ казну. Все это, вмѣстѣ съ орденами и чинами, хватали въ свои хищническія, цѣпкія руки различные проходимцы, пролазы и авантюристы, которые не имѣли, да и не могли имѣть съ нами ничего общаго.

VI.

Основаніе народныхъ училищъ въ Сѣннинскомъ уѣздѣ. — Противодѣйствіе этому дѣлу со стороны евреевъ и самихъ крестьянъ. — Пожары въ училищахъ. — Содѣйствіе духовенства. — Участіе дирекціи народныхъ училищъ и попечителя П. Н. Батюшкова. — Учитель, преподающій маршировку и ружейные пріемы. — Ученикъ по найму.

Въ предъидущей главѣ я обрисовалъ положеніе того дѣла, для котораго собственно мы и были призваны въ край—т. е. повѣрку уставныхъ грамотъ и составленіе выкупныхъ актовъ. Этимъ же дѣломъ мнѣ довелось, въ слѣдующемъ 1866 году, заниматься и въ Быховскомъ уѣздѣ, куда я былъ назначенъ мировымъ посредникомъ, и въ Сѣннинскомъ, куда я, годъ спустя, былъ переведенъ на ту же должность и гдѣ пробылъ четыре года. Вездѣ приходилось встрѣчаться съ одними и тѣми же условіями: съ поражающею бѣдностью крестьянъ, съ недоброжелательствомъ помѣщиковъ и съ уставными грамотами, составленными самымъ обманнымъ и недобросовѣстнымъ образомъ... Но, занимая самостоятельную уже должность мирового посредника, мнѣ довелось знакомиться и со всѣми другими разнообразными условіями мѣстной жизни, среди которыхъ надо было жить, служить и дѣйствовать. На первомъ планѣ—по крайней мѣрѣ для меня—стояли народныя училища и главные дѣятели и труженики этихъ училищъ—народные учителя и сельскіе священники.

Въ эти годы, которыхъ касаются мои «воспоминанія», дѣло народнаго образованія въ Могилевской губерніи было въ самомъ печальномъ положеніи. Такъ, напримѣръ, во 2-мъ участкѣ Быховскаго уѣзда, куда я, въ январѣ 1866 года, былъ назначенъ посредникомъ, было, въ пяти волостяхъ, всего одно училище, въ мѣстечкѣ Пропойскѣ, да и то не было вовсе обезпечено въ матеріальномъ отношеніи; а въ 3-мъ участкѣ Сѣннинскаго уѣзда, куда я, годъ спустя, былъ переведенъ, въ семи волостяхъ, составлявшихъ участокъ, не было ни одного училища.

Бывшіе мировые посредники этихъ участковъ, изъ поляковъ и мѣстныхъ помѣщиковъ бѣлоруссовъ, относились къ дѣлу народнаго образованія крайне индиферентно: они, подобно многимъ помѣщикамъ того времени, находили, что грамотность для крестьянина, какъ для простой рабочей силы, по меньшей мѣрѣ безполезна. Сами крестьяне были, повидимому, того же мнѣнія и всячески отлынивали отъ постройки и, вообще, отъ учрежденія и основанія у нихъ училищъ. Вначалѣ, это пассивное противодѣйствіе крестьянъ было для меня чистою загадкою; но потомъ, дѣло разъяснилось. Оказалось, что между крестьянами—въ Сѣннинскомъ, напримѣръ, уѣздѣ—уста-

новилось твердое убѣжденіе, что всѣ мальчики, которые только обучатся грамотѣ, будутъ впослѣдствіи непремѣнно взяты въ «москали», т. е. въ солдаты. Первыми авторами и, затѣмъ, распространителями этой умышленной лжи являлись евреи, которые, болѣе чѣмъ кто либо, боялись и не желали развитія грамотности между крестьянскимъ населеніемъ края, между населеніемъ, которое они эксплуатировали совершенно безнаказанно и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, благодаря, главнымъ образомъ, его темнотѣ и безграмотности. Евреи отлично понимали, что пока бѣлорусскій крестьянинъ неразвитъ, забитъ и тупъ, до тѣхъ поръ онъ всецѣло находится въ ихъ цѣпкихъ рукахъ; до тѣхъ поръ все его достояніе, весь заработокъ и излишекъ будетъ переходить въ его, еврея, карманъ... Мнѣ, поэтому, стоило, иногда, неимовѣрныхъ усилій и терпѣнія, чтобы добиться отъ волостнаго схода согласія и приговора на устройство при волости училища. При первыхъ же моихъ словахъ, крестьяне, обыкновенно, заводили рѣчь о своей бѣдности и неимѣніи средствъ для постройки и поддержанія училища... Въ этихъ случаяхъ, я прибѣгалъ, иногда, къ маленькой хитрости. Замѣтивъ особенно сильныхъ крикуновъ, я вызывалъ ихъ впередъ и начиналъ урезонивать каждаго порознь. Всегда оказывалось одно изъ двухъ: или крикунъ имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, за которыхъ боялся, что ихъ всѣхъ заберутъ «въ москали», или же, это былъ какой нибудь горчайшій пьяница, кричавшій на сходѣ съ голосу своего корчмаря Ицки, у котораго онъ состоялъ въ неоплатномъ долгу. Въ послѣднемъ случаѣ, приходилось вести съ этимъ крикуномъ слѣдующій, примѣрно, діалогъ:

— Такъ ты, Остапъ, рѣшительно не хочешь, чтобы въ вашей волости было училище?

— Не хо̂чу.

— Почему же именно?

— Не ма гро̂шей.

— Да вѣдь тутъ немного нужно: въ вашей волости двѣ тысячи слишкомъ душъ; лѣсъ у васъ найдется свой, работники и плотники—тоже свои, и придется вамъ дать не болѣе какъ по злоту (15 к.) съ души—на всю постройку и обзаведеніе; затѣмъ, составите второй приговоръ, что будете, при взносѣ мірскихъ суммъ, добавлять каждый годъ по 10 к. или по 12-ти—на добавочное жалованье учителю и сторожу; начальство же изъ Могилева (дирекція) будетъ прибавлять жалованье учителю и батюшкѣ отъ себя и будетъ, вдобавокъ, высылать въ училище книжки, безплатно.

На все это слѣдуетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:—Не ма гро̂шей!..

— Даже и злота не имѣешь на училище?

— Не ма и жаднéго злота.

— Ну, хорошо. Теперь, скажи, сколько злотовъ ты пропиваешь въ годъ?

Въ отвѣтъ—молчаніе и видимый конфузъ...

— Можетъ быть, ты забылъ? или тебѣ трудно счесть?.. Тогда, скажи лишь, сколько ты пропилъ въ прошлое воскресенье?..

Пристыженный крикунъ понижаетъ тонъ, и дѣло, мало по малу, улаживается самымъ благополучнымъ образомъ: тутъ же, при мнѣ, составляется приговоръ, тутъ же онъ подписывается крестьянами и утверждается мною. Именно такого рода сцена, почти буквально, происходила у меня въ Мошканскомъ волостномъ правленіи Сѣннинскаго уѣзда, осенью 1877 года, гдѣ мѣстный корчмарь-еврей употреблялъ всѣ возможныя отъ него средства и силы для недопущенія устройства училища. Въ концѣ, онъ добился-таки своего: училище это хотя и было выстроено и вполнѣ заведено, но, въ слѣдующемъ же году, отъ неизвѣстной причины, сгорѣло до-тла; а новое училище въ этой же волости крестьяне пожелали выстроить совсѣмъ уже въ другомъ селеніи и при другой церкви, настоятель которой (священникъ Сорокалѣтовъ) пользовался у крестьянъ большою любовью и уваженіемъ. Желаніе ихъ было, конечно, исполнено,—и довольно большое селеніе Мошканы такъ и осталось безъ училища.

Точно также, и при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ Сѣннинскомъ уѣздѣ, въ моемъ участкѣ, было сожжено неизвѣстною рукою народное училище въ мѣстечкѣ Островнѣ, просуществовавшее всего нѣсколько мѣсяцевъ. Учитель этого училища, студентъ семинаріи Потаповичъ, отправился вмѣстѣ съ сторожемъ въ баню, заперевъ училище на замокъ. Спустя полчаса, училище пылало уже со всѣхъ сторонъ, и нельзя было даже узнать впослѣдствіи, въ какомъ мѣстѣ начался пожаръ... Евреи мѣстечка Островны подавали даже ко мнѣ, ранѣе, формальное прошеніе, въ которомъ ходатайствовали, чтобы предполагавшееся училище было выстроено не въ мѣстечкѣ Островнѣ, а въ сосѣднемъ селеніи Дорогокуповѣ. Прошеніе это было оставлено мною безъ послѣдствій — и въ результатѣ, произошелъ пожаръ, «отъ неизвѣстной причины»... Такъ какъ училища эти были застрахованы, то на долю крестьянъ и мою выпадали одни лишь новые хлопоты и труды, безъ матеріальныхъ убытковъ. Ученіе дѣтей, конечно, прекращалось на нѣкоторое время; но, тѣмъ не менѣе, постройки шли такъ быстро, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ оба сгорѣвшія училища были отстроены вновь.

Главную помощь и содѣйствіе въ училищномъ дѣлѣ оказывали, обыкновенно, мѣстные священники—эти, почти безкорыстные, труженики въ дѣлѣ народнаго образованія въ Бѣлоруссіи. Получая въ сущности ничтожные гроши (60 руб. въ годъ) за свое законоучительство, священники Сѣннинскаго уѣзда (о которомъ, собственно, и идетъ теперь рѣчь) полагали всю душу свою въ эти скромныя и жалкія волостныя училища. Только благодаря содѣйствію и вліянію духовенства, мнѣ удалось разсѣять въ крестьянахъ

существовавшія у нихъ предубѣжденія противъ училищъ, внушенныя евреями, и поселить вѣру въ полезность этихъ училищъ. Священники же, главнымъ образомъ, руководили и учителями — молодыми людьми, совершенно неопытными, попадавшими на мѣста прямо со школьной семинарской скамьи. А когда тѣ же самые священники составили потомъ изъ учениковъ народныхъ училищъ небольшіе церковные хоры, замѣнившіе собою раздирательное пѣніе дьячковъ и отставныхъ солдатъ, то дѣло училищъ въ своемъ участкѣ я считалъ упроченнымъ навсегда: крестьяне, видя воочію результаты обученія, не только не уклонялись отъ участія въ поддержаніи своихъ училищъ, но, напротивъ, сами, иногда, на волостныхъ сходахъ, заводили рѣчь о необходимости той или другой мѣры, въ видахъ улучшенія училищнаго дѣла; затѣмъ, перестали скрывать своихъ дѣтей отъ обученія, опредѣлили небольшіе (въ 5 коп.) штрафы съ родителей за каждый пропущенный ребенкомъ классъ, каковыя деньги шли на поддержку тѣхъ же училищъ; наконецъ — и это было самое главное — крестьяне всѣхъ трехъ волостей участка, гдѣ мною были основаны училища — Мошканской, Островенской и Латыговской—согласились на устройство при этихъ училищахъ, какъ они называли, кóнвиктовъ: т. е. стола и постелей для дѣтей изъ отдаленныхъ отъ мѣста училищъ деревень и селеній. На эту мѣру крестьяне долго не соглашались, отзываясь все тѣмъ же неимѣніемъ «грóшей»; но когда, однажды, въ латыговское волостное училище явилось двое мальчиковъ, пришедшихъ въ классъ, за шесть верстъ, въ двадцатиградусный морозъ, съ отмороженными пальцами и ушами, я собралъ волостные сходы и, при содѣйствіи священниковъ, добился-таки приговоровъ крестьянъ на устроеніе этихъ конвиктовъ: положено было собирать въ училища, въ началѣ каждой осени, ржаную муку, крупу и пшено, картофель, сало и соль, и пр., и, кромѣ того, съ каждой ревизской души по двѣ или по три копѣйки на наемъ стряпухи и покупку кухонной посуды. Такимъ образомъ, дѣло училищъ въ участкѣ Богъ помогъ мнѣ поставить прочно и основательно. Дѣти отдаленныхъ деревень стали отдаваться родителями въ училища гораздо охотнѣе, чѣмъ прежде: имъ не нужно уже было ходить каждый день за нѣсколько верстъ, полемъ и лѣсомъ, въ классъ, и число учащихся дѣтей стало, вслѣдствіе этого, значительно увеличиваться.

Теперь, слишкомъ пятнадцать лѣтъ спустя, я вспоминаю обо всемъ этомъ съ особеннымъ, сердечнымъ удовольствіемъ, и ради одного только этого дѣла, охотно забываю всѣ тѣ огорченія и непріятности, начиная съ незаслуженныхъ обвиненій въ «соціализмѣ» и кончая бывшею у меня, позднѣе, войною съ полиціей и губернскою администраціею, которыя потомъ пришлось пережить и испытать... Съ неменьшимъ отраднымъ удовольствіемъ я вспоминаю

свѣтлыя и симпатичныя личности моихъ усердныхъ помощниковъ въ этомъ серьезномъ и благомъ дѣлѣ — священниковъ Хруцкаго и Сорокалѣтова, трудившихся не покладая рукъ и гораздо болѣе моего въ дѣлѣ обученія. Первый изъ нихъ былъ бѣднымъ приходскимъ священникомъ въ Латыговской волости, въ селеніи Ходцахъ — отчего и самое училище называлось у крестьянъ ходчанскимъ. Этотъ священникъ положилъ всю душу свою въ училище, отдавая ему и все свое свободное время отъ пастырскихъ трудовъ и остатокъ отъ своихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ — покупая, часто, дѣтямъ сапоги, шапки, угощая ихъ чаемъ и сластями. Шесть лѣтъ назадъ, въ 1877 году, проѣзжая по московско-брестской дорогѣ, я встрѣтился на станціи Толочинъ съ однимъ изъ сѣннинскихъ мировыхъ судей, бывшимъ въ Могилевской губерніи, въ мое время, мировымъ посредникомъ, и узналъ отъ него, что священникъ Хруцкій умеръ отъ чахотки, оставивъ свою семью безъ всякихъ средствъ къ жизни; его вдова едва добилась мѣста просвирни при той же ходчанской церкви...

Не мало также обязано было процвѣтаніе основанныхъ училищъ и дирекціи. Всѣ наши заявленія и просьбы исполнялись охотно; дирекція высылала намъ достаточное количество учебныхъ пособій и матеріаловъ, мѣняла, иногда, учителей, если они оказывались почему-либо неудобными. Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа былъ въ это время родной братъ извѣстнаго покойнаго поэта, П. Н. Батюшковъ, зорко слѣдившій за дѣломъ народнаго образованія въ округѣ, отлично понимавшій весь серьезный смыслъ и значеніе этого образованія въ будущемъ сѣверо-западнаго края и дѣлавшій, поэтому, для народныхъ школъ все, что онъ могъ и что въ силахъ былъ сдѣлать. У меня сохранились два письма Помпея Николаевича ко мнѣ, писанныя въ 1869 году, гдѣ онъ выражалъ мнѣ свою искреннюю признательность за скромные труды въ дѣлѣ народнаго образованія, и я берегу письма эти, какъ лучшее воспоминаніе лучшихъ лѣтъ моей жизни, какъ самую дорогую и, въ сущности, единственную награду, которую я получилъ въ то время за свои труды.

Богъ вѣсть, въ какомъ теперь положеніи эти училища и цѣлы ли они?... Можетъ быть они въ положеніи еще лучшемъ. Дай Богъ. Но я и многіе мои сотоварищи — такіе же «соціалисты» — твердо убѣждены, что какъ въ дѣлѣ училищъ, такъ и въ устройствѣ земельнаго быта крестьянъ, мы трудились не напрасно и оставили по себѣ замѣтный слѣдъ, который не въ силахъ были замести никакіе послѣдовавшіе, часто измѣнявшіеся, вѣтры «внутренней политики» сѣверо-западнаго края...

Какъ при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, такъ и въ дѣлѣ училищъ не обходилось иногда безъ непріятностей и курьезовъ. О не-

пріятностяхъ, въ видѣ двухъ пожаровъ, я уже говорилъ; курьезы же бывали въ такомъ родѣ. Въ мошканское народное училище присланъ былъ, однажды, изъ Могилева учителемъ совсѣмъ малограмотный человѣкъ и, вдобавокъ, большой жуиръ. Нѣсколько недѣль спустя по его прибытіи, ко мнѣ пріѣхалъ волостной старшина и сообщилъ, что дѣти почти постоянно находятся одни, безъ учителя, что на уроки ходитъ одинъ «батюшка», а учитель, взявъ впередъ жалованье, ѣздитъ по всему околотку на крестьянскихъ лошадяхъ и ищетъ себѣ подходящую невѣсту.

— Учитъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, чему-нибудь ребятишекъ?— спрашиваю старшину.

— А якъ-же—учитъ... Уставитъ въ рядъ, якъ москáлей, та й учитъ.

Объяснилось, что учитель вздумалъ учить дѣтей совсѣмъ не тому, чему слѣдовало бы — что учитъ онъ ихъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ... Самъ онъ оказался отставнымъ юнкеромъ какого-то пѣхотнаго полка, неодолѣвшимъ премудрости юнкерскаго училища, оставившимъ, вслѣдствіе этого, службу и застрявшимъ въ Могилевѣ. Такъ какъ онъ былъ землякомъ и дальнимъ родственникомъ одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, то его, ничто же сумняся, и отправили обучать юношество... Дѣло выходило очень щекотливое. Я жилъ съ дирекціей въ большомъ ладу, а тутъ, поневолѣ, нужно было заводить непріятную переписку и подвергать остракизму только-что присланнаго дирекціею педагога. Дѣлать нечего, велѣлъ на другой же день заложить лошадей и поѣхалъ въ это училище, отстоявшее отъ меня въ 15-ти верстахъ. Пріѣзжаю — и застаю все въ лучшемъ видѣ: вездѣ чистота, порядокъ, полы выскоблены, всѣ дѣти подстрижены подъ гребенку... Въ классѣ засѣдаетъ самъ учитель, очень молодой человѣкъ, одѣтый франтомъ; идетъ классъ ариѳметики. Начинаетъ онъ вызывать учениковъ къ доскѣ и задавать имъ задачи; дѣти отвѣчаютъ плохо, нерѣшительно и ничего почти не знаютъ.

— Вызовите лучшихъ учениковъ,—прошу учителя.

Онъ вызываетъ двухъ мальчиковъ и тѣ отвѣчаютъ бойко и хорошо, знаютъ сложеніе и вычитаніе. Учитель вздумалъ-было тутъ-же объяснять имъ правило умноженія, но тотчасъ же сбился самъ, помножая на ноль...

— Давно ли вы выучились складывать и вычитать? — спрашиваю этихъ двухъ мальчиковъ.

— А еще въ прошломъ рóку (году), отъ батюшки.

— Чѣмъ же они занимались съ вами? — полюбопытствовалъ я узнать у учителя.

Оказалось — ничѣмъ. Въ сѣняхъ, въ углу, стояла цѣлая куча какихъ-то деревянныхъ колодокъ, замѣнявшихъ ружья во время военныхъ экзерцицій... Предупрежденный старшиной о моемъ прі-

ѣздѣ, юнкеръ-педагогъ остался дома, привелъ въ порядокъ училище, придавъ ему внѣшній лоскъ и видъ, и разсчитывалъ, очевидно, что дѣло какъ-нибудь сойдетъ съ рукъ...

— Къ чему вы учите дѣтей маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ? — задалъ я вопросъ педагогу, при самомъ уже отъѣздѣ изъ училища.

— А на всякій случай. Попадутъ въ военную службу, и имъ будетъ легко.

— Я бы васъ попросилъ—не учить. Можете вы мнѣ обѣщать это?

— Хорошо, я не буду учить...

На этомъ мы и разстались. Вскорѣ же, въ этомъ училищѣ произошелъ пожаръ, и я воспользовался случаемъ просить дирекцію отозвать этого невозможнаго педагога. Просьба моя была исполнена, и его вскорѣ же куда-то перевели.

Второй памятный мнѣ курьезъ былъ въ Островенскомъ училищѣ. Въ началѣ, какъ я уже говорилъ, крестьяне относились къ училищамъ крайне несимпатично и, напуганные жидами, всячески уклонялись отъ отдачи въ эти училища своихъ дѣтей. Приходилось поэтому прибѣгнуть къ нѣкоторому понужденію и слѣдующей, довольно оригинальной мѣрѣ: напримѣръ, если училище могло вмѣщать въ себѣ 50 мальчиковъ, а въ данной волости было 500 дворовъ, то отъ каждыхъ десяти дворовъ было для крестьянъ обязательно доставить въ училище одного ученика; а такъ какъ крестьяне добровольно этого не дѣлали, то сельскіе старосты ввели жеребьевую систему. И вотъ, достался разъ этотъ жеребій одному довольно зажиточному крестьянину, имѣвшему трехъ сыновей, подростковъ отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; не долго думая, богатый крестьянинъ обращается къ своему односельцу, пастуху, у котораго былъ всего одинъ ребенокъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, и нанимаетъ у него сына ходить въ училище вмѣсто своего, вынувшаго жеребій... Я узналъ объ этой исторіи совершенно случайно, спустя годъ, на происходившемъ въ моемъ присутствіи экзаменѣ: меня особенно удивилъ одинъ бойкій и умненькій мальчикъ, отвѣчавшій на всѣ вопросы толково и складно.

— Кто онъ такой? спросилъ я послѣ экзамена у волостнаго старшины.

— Ёнъ наймитъ, былъ отвѣтъ...

И дѣло, такимъ образомъ, выплыло на божій свѣтъ... Оказалось, что и старшина, и писарь отлично знали эту исторію, но не видѣли въ ней ничего необыкновеннаго и невозможнаго. Такъ и остался этотъ «наймитъ» въ училищѣ, и спустя еще годъ, окончилъ курсъ народнаго училища первымъ ученикомъ. Какая была дальнѣйшая судьба этого талантливаго ребенка, нанявшагося учиться,— я не знаю, такъ какъ вскорѣ оставилъ и службу, и тотъ край.

Въ годъ оставленія мною службы, мнѣ очень хотѣлось ввести въ программу обученія въ народныхъ училищахъ особый, такъ-сказать, предметъ — ознакомленіе учениковъ съ положеніемъ 19-го февраля, въ главныхъ, по крайней мѣрѣ, и существенныхъ его чертахъ, напримѣръ, съ правами крестьянъ и ихъ обязанностями, съ волостными судами, съ сферою дѣятельности волостныхъ и сельскихъ сходовъ, и проч. Я началъ по этому поводу переписку съ дирекціей народныхъ училищъ Могилевской губерніи, а самъ приступилъ-было уже къ составленію подходящаго «руководства» для своихъ училищъ. Но дирекція, не разрѣшивъ моего ходатайства собственною властью, отнеслась къ попечителю Виленскаго округа, а оттуда послѣдовалъ категорическій отказъ. Тогда, я возобновилъ представленіе по этому вопросу лично отъ себя и получилъ новый отказъ, ничѣмъ даже не мотивированный. Волостные писаря, слѣдовательно, такъ и остались единственными въ волостяхъ юристами и истолкователями положенія 19-го февраля и главными руководителями сходовъ и даже волостныхъ судовъ.

VII.

Увольненіе Беклемишева и бывшія интриги противъ него. — Его отношенія къ крестьянамъ.—Мое первое представленіе ему.—Назначеніе Виленскимъ генералъ-губернаторомъ А. Л. Потапова. — Имѣвшіяся о немъ въ краѣ свѣдѣнія. — Его объѣздъ края въ 1868 году.

Весною 1868 года, могилевскій губернаторъ, покойный А. П. Беклемишевъ, былъ уволенъ отъ должности, «согласно прошенію», съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ... Это была самая чувствительная и невознаградимая потеря для Могилевской губерніи, которою управлялъ этотъ добрый и честный человѣкъ въ теченіи слишкомъ десяти лѣтъ. Увольненіе его было дѣломъ интриги, подпольной, черной и самой отвратительной интриги!.. Дѣло началось, какъ это бываетъ на Руси сплошь и рядомъ, съ личныхъ столкновеній: Беклемишевъ не поладилъ съ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, съ губернскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ и съ военными властями Могилева — начальникомъ 29-й пѣхотной дивизіи (нынѣ тоже покойнымъ) генералъ-лейтенантомъ Рудановскимъ и съ губернскимъ воинскимъ начальникомъ. Непріязненныя личныя отношенія перешли вскорѣ, какъ водится, въ служебныя, и началась весьма дружная и правильная атака и подкопы противъ губернатора. Первую атаку, начавшуюся еще въ 1866 году, Беклемишевъ отразилъ очень успѣшно. Бывшій

въ то время Виленскимъ генералъ-губернаторомъ К. П. Кауфманъ (тоже покойный), хорошо знавшій всю закулисную сторону этой интриги, поддержалъ Беклемишева въ Петербургѣ, и онъ уцѣлѣлъ; сдѣланные доносы на него обрушились на самихъ доносителей: одинъ изъ нихъ, жандармскій подполковникъ Коцебу, былъ переведенъ въ Вятку, другой, воинскій губернскій начальникъ, полковникъ Тиньковъ—въ Витебскъ. Но въ 1868 году, при происшедшихъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и главное при ожидаемомъ назначеніи Виленскимъ генералъ-губернаторомъ извѣстнаго генерала Потапова, козни и интриги противу Беклемишева начались вновь и увѣнчались на этотъ разъ полнѣйшимъ успѣхомъ. Новый жандармскій полковникъ, желая поддержать пошатнувшійся престижъ своего предмѣстника, сталъ посылать доносы на Беклемишева въ Петербургъ crescendo; они, понятно, попадали ръ руки всесильнаго тогда графа Шувалова, — и все это кончилось тѣмъ, что самый, можно сказать, лучшій и вѣрнѣйшій слуга царскій въ сѣверо-западномъ краѣ, одинъ изъ честнѣйшихъ и образованнѣйшихъ губернаторовъ въ Россіи, былъ уволенъ отъ должности... По одному изъ подтвердившихся доносовъ, на благороднѣйшаго Беклемишева взвалили отвѣтственность за какія-то нечистыя и некрасивыя аферы одного мирового посредника (изъ нѣмцевъ), который, получивъ польское имѣніе на льготныхъ правахъ (изъ числа конфискованныхъ), устроилъ въ этомъ имѣніи обширную запашку и различные заводы и заставилъ крестьянъ своего участка работать на себя, какъ на помѣщика, старинную барщину—за самое ничтожное вознагражденіе. Беклемишевъ былъ обвиненъ «въ знаніи, попустительствѣ, недонесеніи», и проч. Афериста-посредника прогнали, конечно, со службы, но суду почему-то не предали и дѣло въ концѣ-концовъ было, все-таки, замято; кѣмъ и ради чего — этого я не знаю и не помню теперь.

Покойный А. П. Беклемишевъ, причисленный къ министерству, не долго оставался въ бездѣйствіи и въ тѣни. Исполняя различныя возлагавшіяся на него порученія, онъ вскорѣ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства, произведенъ былъ въ тайные совѣтники, получилъ Бѣлаго Орла; но неумолимая смерть прекратила, въ 1878 году, эту честную и благородную жизнь: онъ умеръ не имѣя, кажется, и 50-ти лѣтъ отъ роду, оставшись до конца жизни своей идеалистомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, съ безконечною и всегдашнею вѣрою въ людей, въ силу Россіи и ея будущее, умеръ почти бѣднякомъ, ничего почти не оставивъ своей большой семьѣ...

Лица, которыя знали покойнаго Александра Петровича, или служили съ нимъ, если имъ доведется читать мои «воспоминанія», согласятся, вѣроятно, съ тѣмъ, что добрые отзывы объ этомъ человѣкѣ не преувеличены нисколько. Я лишь счелъ своимъ долгомъ

почтить добрую память этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ человѣка, замѣчательнаго уже по одному тому, что онъ не былъ вовсе похожъ на «администратора». Запуганные отъ вѣку крестьяне-бѣлоруссы любили его, вѣрили ему безусловно (что рѣдко бываетъ въ данныхъ случаяхъ), шли къ нему толпами съ письменными и словесными просьбами, и онъ терпѣливо и внимательно выслушивалъ всѣхъ и каждаго, каждаго удовлетворялъ если было возможно и каждому помогалъ... Рѣдкій проситель-крестьянинъ уходилъ отъ него не ободреный, не съ сіяющимъ отъ радости лицомъ.

Помню, въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года, былъ у меня, разъ, волостной сходъ въ Островенской волости (Сѣннинскаго уѣзда), на которомъ мнѣ нужно было лично присутствовать—по случаю, кажется, новыхъ выборовъ должностныхъ лицъ. Вдругъ, подходитъ къ столу старый, безрукій солдатъ съ венгерской медалью и георгіевскимъ крестомъ,—и обращаемся ко мнѣ:

— Правда ли, ваше в—діе, что Александра Петровича, нашего губернатора, не будетъ больше у насъ?

Я ему отвѣтилъ, что правда.

Старикъ долго смотрѣлъ на меня въ упоръ, какими-то, словно оробѣвшими, глазами, — и вдругъ, захвативъ уцѣлѣвшей рукой полу своей старой солдатской шинели, поднесъ ее къ своимъ старческимъ глазамъ и вытеръ катившіяся по лицу слезы... Затѣмъ, неловко какъ-то повернулся на-лѣво-кругомъ и исчезъ въ толпѣ схода. Потомъ я узналъ, что у этого солдата былъ сданъ, неправильно, въ рекруты старшій сынъ — единственный кормилецъ всей семьи, — и, благодаря лишь участію Беклемишева, возвращенъ изъ военной службы обратно. Когда этотъ солдатъ былъ въ пріемной у губернатора, подалъ ему свою просьбу и подробно разсказалъ свое дѣло, то Александръ Петровичъ приказалъ ему «подождать». И вотъ, когда уже всѣ просители ушли, Беклемишевъ тихонько вышелъ въ пріемную, сунулъ солдату въ руку 10 рублей и велѣлъ «идти съ Богомъ и ждать на-дняхъ сына домой»...

Кстати уже, не могу воздержаться здѣсь отъ коротенькаго разсказа о моемъ первомъ представленіи этому доброму человѣку.

По дорогѣ въ Могилевъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, я соблазнился какою-то небольшою рѣчкой—и выкупался. Это было въ сырой, холодный вечеръ,—и у меня на другой же день началась лихорадка; съ этою «хворобой» я пріѣхалъ и въ Могилевъ. Явившись на другой день для обычнаго представленія губернатору, я засталъ въ пріемной массу народа—чиновниковъ, военныхъ и помѣщиковъ— и мнѣ довелось ждать очень долго; а тутъ, какъ на грѣхъ, начался пароксизмъ лихорадки... Становилось очень досадно на это ожиданіе, и мое терпѣніе, наконецъ стало истощаться... Дежурный чиновникъ куда-то исчезъ, и лица, расположившіяся въ пріемной, отправлялись въ сосѣдній кабинетъ губернатора сами собою, слѣ-

дующимъ упрощеннымъ порядкомъ: выходившій изъ кабинета подходилъ къ кому нибудь изъ ожидавшихъ лицъ и приглашалъ его двумя словами: «васъ проситъ», или: «пожалуйте къ Александру Петровичу»... и приглашенный отворялъ дверь кабинета и скрывался за тяжелыми драпри. Иногда же, получившій аудіенцію проходилъ изъ кабинета прямо черезъ пріемную, никого не приглашая на смѣну,—и тогда, минуты двѣ-три спустя, изъ драпировокъ показывалась красивая голова какого-то молодаго человѣка и приглашала, кивкомъ и глазами, кого нибудь изъ ожидающихъ... Въ началѣ, меня, человѣка, не представлявшагося въ своей жизни, до этого раза, ни одному губернатору, занимала вся эта церемонія; но потомъ, стала наскучать, а тутъ еще и лихорадка проклятая трясетъ... И вотъ, я рѣшился вызвать изъ-за-драпри молодого человѣка и объяснить ему, что я боленъ и ждать не могу. Я былъ увѣренъ, что это—или новый дежурный, или чиновникъ особыхъ порученій Беклемишева, присутствующій при пріемѣ. Я подсѣлъ къ самой двери,—и, только что изъ нея высунулась голова молодого человѣка, какъ я сдѣлалъ ему знакъ рукой и кивнулъ головой... Онъ тотчасъ же сдѣлалъ два-три шага въ пріемную и подошелъ ко мнѣ. На немъ былъ обыкновенный вицъ-мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ—и ничего больше, т. е. никакихъ крестовъ, ни звѣздъ... Я лишь замѣтилъ, что этотъ молодой человѣкъ очень красивъ собою, высокъ ростомъ и хорошо сложенъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, улыбаясь какъ-то странно— не то насмѣшливо, не то любезно...

— Мнѣ угодно представиться начальнику губерніи. Я ожидаю больше часу и ждать больше не могу... Доложите, будьте добры, что я боленъ: видите, меня трясетъ лихорадка... А уйти какъ-то неловко—меня дежурный записалъ въ книгу, какъ только я пришелъ сюда...

Едва только я все это проговорилъ, какъ физіономія молодого человѣка быстро измѣнилась: улыбка исчезла, а на лицѣ явилось необыкновенно доброе и сожалѣюще выраженіе...

— Очень жалѣю, что вы больны и что я этого не зналъ... Прошу васъ,—и онъ пригласилъ меня слѣдовать за собою.

— Я, конечно, понялъ, что передо мною былъ самъ губернаторъ Беклемишевъ,—и, войдя въ кабинетъ, тотчасъ же сталъ извиняться за это qui pro quo... Но Беклемишевъ не далъ и кончить этого извиненія: онъ прямо предложилъ мнѣ ѣхать къ себѣ въ гостинницу и быть у него послѣ, когда буду здоровъ...

— Какъ жаль, право, что я не зналъ о томъ, что вы сидите больной и ждете!.. говорилъ онъ, прощаясь со мной...

Точно громъ небесный разравился надъ Литвою и Бѣлоруссіею весною 1868 года,—когда пронеслась вѣсть о назначеніи генерала Потапова въ Вильну... Съ личностью и дѣятельностью этого генерала край былъ хорошо знакомъ,—такъ какъ, А. Л. Потаповъ, до назначенія К. П. Кауфмана, былъ нѣкоторое время помощникомъ Муравьева. Всѣ знали, что Потаповъ не только не одобрялъ политики Муравьева по умиротворенію мятежнаго края, но тайно, а впослѣдствіи и явно, противодѣйствовалъ этой политикѣ. У русскихъ людей, поэтому, не могло быть никакихъ иллюзій и розовыхъ надеждъ относительно будущаго направленія и характера дѣятельности новаго генералъ-губернатора: всѣ хорошо понимали, что русское дѣло обречено на погибель, что національная политика въ сѣверо-западномъ краѣ и его обрусѣніе отмѣняются..

Находились, впрочемъ, оптимисты, которые припоминали первый пріѣздъ Потапова въ Могилевъ, въ качествѣ помощника генералъ-губернатора Муравьева. Всѣ служащіе—военные и гражданскіе—собрались въ то время, для обычнаго представленія, въ залѣ дворянскаго собранія; тутъ собралось и духовенство—православное и католическое; а такъ-какъ польскихъ костеловъ въ Могилевѣ было очень много, то и ксендзовъ, понятно, собралось не мало. Они стояли въ залѣ отдѣльною кучкою, очень многочисленною, въ сторонѣ отъ насъ, «схизматиковъ». И вотъ, когда генералъ Потаповъ обошелъ группу чиновниковъ и направился къ православному духовенству, то, остановясь на нѣсколько секундъ передъ группой ксендзовъ, онъ, на ихъ общій, почтительный поклонъ, отвѣтилъ: «Васъ еще такъ много»!?.. Фраза эта, по своему тону, выражала скорѣе изумленіе, чѣмъ вопросъ...

Но вѣдь все это было такъ давно!.. Послѣ этого, нѣсколько разъ уже перемѣнились лица, стоявшія во главѣ управленія краемъ, перемѣнился и вѣтеръ... Поэтому, оптимистовъ, придававшихъ серьезное значеніе этому давнему эпозоду съ могилевскими ксендзами, было очень немного; болѣе же благоразумные люди, не нуждавшіеся, къ тому же, въ службѣ, спѣшили убраться изъ края сами—по добру по здорову, какъ говорится: они—или подавали въ отставку прямо, или же брали болѣе или менѣе продолжительные отпуски, «по болѣзни»,—съ тѣмъ, чтобы ужъ не ворочаться въ край вовсе. Люди же бѣдные, жившіе службой, а также и болѣе упорные—«фанатики»—какъ ихъ величали поляки,—остались у моря и стали ждать погоды... Ждать имъ пришлось не долго: вскорѣ же, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» послѣдовалъ рядъ приказовъ, увольнявшихъ русскихъ людей отъ службы—для пользы службы; а въ pendant къ этимъ распоряженіямъ, генералъ-губернаторъ Потаповъ, лѣтомъ того же 1868 года, предпринялъ объѣздъ ввѣреннаго ему края...

Этотъ приснопамятный объѣздъ былъ, можно сказать, торжест-

веннымъ шествіемъ побѣдителя, съ криками: «vae victis»! по адресу русскихъ людей... Во время своего объѣзда, генералъ Потаповъ не счелъ уже нужнымъ, хотя бы ради простого приличія, маскировать свои явныя симпатія къ полякамъ и открытую ненависть (именно—ненависть) къ русскимъ людямъ. Во время этого объѣзда, вполнѣ выяснилось profession de foi новой политики новаго генералъ-губернатора въ краѣ. Самъ Потаповъ, не говоря уже о сопрождавшей его свитѣ, старался всюду, гдѣ только было можно, и при всякомъ удобномъ случаѣ, развивать и заявлять о своихъ новыхъ взглядахъ и новомъ направленіи. Онъ (напримѣръ въ Минской губерніи) говорилъ православному духовенству, въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ, оскорбительныя рѣчи, внушая напримѣръ, священникамъ, что «обрусѣніе — не поповское дѣло»... Онъ останавливался, преимущественно, въ палаццахъ и домахъ богатыхъ пановъ; на офиціальныхъ представленіяхъ, въ уѣздныхъ городахъ, онъ рѣдко пропускалъ случай оскорбить какого нибудь русскаго чиновника, принизить его и велѣть подать въ отставку,— если только этимъ чиновникомъ не былъ почему-либо доволенъ мѣстный губернаторъ, или приносилъ жалобу мѣстный польскій магнатъ. Самый тонъ разговоровъ генерала Потапова на этихъ пріемахъ съ русскими чиновниками былъ невыносимъ: рѣзкій голосъ, пренебрежительный тонъ, недопущеніе никакихъ возраженій и оправданій...

Газеты того времени, понятно, не могли говорить и даже касаться этого тріумфаторскаго шествія «побѣдителя»... Одинъ «Голосъ» да «Московскія Вѣдомости» старались дать понять обществу, что въ сѣверо-западномъ краѣ совершается что-то неладное... Но все это были голоса робкіе и несмѣлые. Не то время было тогда, чтобы имѣть смѣлость подвергать критическому анализу торжество «побѣдителя»: начавшаяся въ Петербургѣ реакція ставила этого тріумфатора въ положеніе совершенно исключительное: онъ становился абсолютно неуязвимъ... Торжество газеты «Вѣсть» и ея единомышленниковъ было полное. Лишь немного позже, стали появляться въ названныхъ двухъ большихъ газетахъ, сначала робкія и неясныя, а потомъ и болѣе смѣлыя корреспонденціи и письма изъ сѣверо-западнаго края,—и только много лѣтъ спустя, уже по увольненіи генерала Потапова отъ дѣлъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились довольно обстоятельныя, хотя совершенно эпизодическія и отрывочныя, и далеко неполныя описанія полонофильскихъ подвиговъ этого русскаго генерала—во время его поѣздки по краю, въ 1868 году, и послѣ, за все время его княженія въ Литвѣ, вплоть до служебнаго перемѣщенія его въ Петербургъ, на постъ шефа жандармовъ и главноуправляющаго III-мъ Отдѣленіемъ.

VIII.

Ревизія крестьянскихъ учрежденій Могилевской губерніи Пушкинымъ, Селиверстовымъ и Евреиновымъ.—«Хлѣбный вопросъ», поднятый во время этой ревизіи.—Неожиданное погашеніе этого вопроса вѣтромъ изъ Вильны.—Недоумѣнія крестьянъ.—Корреспонденціи изъ Могилева и переполохъ отъ нихъ.—Мое «сокращеніе».

Вскорѣ послѣ объѣзда генераломъ Потаповымъ Могилевской губерніи, командированы были изъ Вильны, для обревизованія мировыхъ крестьянскихъ учрежденій этой губерніи, нѣсколько лицъ—изъ состоящихъ при генералъ-губернаторѣ. Къ счастію для крестьянъ Могилевской губерніи и для насъ, «соціалистовъ»-посредниковъ, всѣ эти лица оказались не просто чиновниками, но и людьми: они не пожелали «оправдать довѣрія» генерала Потапова—и не произвели никакихъ опустошеній въ средѣ русскихъ людей, служившихъ въ то время крестьянскому дѣлу. Они добросовѣстно и самымъ тщательнымъ образомъ объѣзжали волости, собирали сходы, знакомились съ бытомъ крестьянъ и съ административными порядками въ мировыхъ участкахъ, ревизовали очень подробно канцеляріи мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ, и пр.,—и ко всему относились чрезвычайно безпристрастно и внимательно. Эти ревизующія лица были—сынъ безсмертнаго Пушкина, подполковникъ А. А. Пушкинъ, М. В. Селиверстовъ и камеръ-юнкеръ Евреиновъ. Правда, послѣ ихъ ревизіи, въ Могилевской губерніи было уволено нѣсколько мировыхъ посредниковъ и предсѣдателей съѣздовъ; но увольненія эти были, дѣйствительно, по заслугамъ: уволены были или лица завѣдомо недобросовѣстныя, или баричи и лѣнтяи, которые лишь жуировали, занимая должности, а не служили. Сѣнninскій уѣздъ, въ которомъ былъ я, ревизовалъ Селиверстовъ, бывшій самъ когда-то мировымъ посредникомъ и отлично, поэтому, знакомый съ крестьянскимъ дѣломъ. Онъ объѣхалъ всѣ семь волостей моего участка, обревизовалъ ихъ, провѣрилъ всѣ волостныя суммы, осмотрѣлъ училища и пр.,—и затѣмъ, приступилъ къ обревизованію моей канцеляріи. Тутъ мнѣ приходилось, невольно, пережить нѣсколько тяжелыхъ часовъ—въ ожиданіи, что Селиверстовъ пожелаетъ, кстати, обревизовать и находившіяся у меня суммы, которыхъ на-лицо не имѣлось... Дѣло въ томъ, что ревизія эта производилась въ ноябрѣ 1868 года; незадолго передъ тѣмъ, я уѣзжалъ въ отпускъ въ имѣніе моего покойнаго отца въ Тамбовскую губернію, и должность свою, на время отъѣзда, передалъ своему кандидату, маіору В—ичу; ему же передалъ и находившіеся у меня нѣсколько сотъ рублей казенныхъ денегъ. По возвращеніи изъ отпуска, принявъ должность, я не могъ уже получить этихъ денегъ съ В—ича, такъ какъ,

онъ ихъ растратилъ. А тутъ, какъ разъ, случилась ревизія... Объ этой растратѣ я тотчасъ же заявилъ, негласно, въ съѣздѣ своимъ сослуживцамъ и предсѣдателю, но донести объ этомъ офиціально въ съѣздъ, или губернатору не рѣшился: этотъ маіоръ В—ичъ былъ старый человѣкъ, семейный, больной и очень бѣдный; къ тому же, онъ обѣщалъ пополнить растрату въ скорости. Мы и порѣшили—никому и ничего не доносить, предупреднвъ, однако, В—ича, что если Селиверстовъ докопается до этой растраты, то тогда, конечно, придется объяснить ему все это дѣло. В—ичъ бросился-было къ евреямъ за займомъ, но они, зная его за бѣдняка, отказали; у меня же, послѣ моей дальней поѣздки, не было въ то время свободныхъ денегъ,—и, такимъ образомъ, В—ичъ находился на̀ волосъ отъ суда и сраму. Къ счастію для него, добрѣйшій М. В. Селиверстовъ, найдя все остальное въ моемъ участкѣ въ порядкѣ, стѣснился ревизовать у меня денежныя суммы,—и В—ичъ былъ спасенъ. Вскорѣ, онъ получилъ, на льготныхъ условіяхъ, небольшое имѣнье, былъ зачисленъ въ Вильну въ штатъ при Потаповѣ—и деньги внесъ [1]).

Ревизующія чиновники наткнулись, между прочимъ, на одно очень интересное дѣло въ Могилевской губерніи, надѣлавшее въ то время много шуму и доставившее не мало хлопотъ польскимъ помѣщикамъ. Не помню уже теперь, кто̀ изъ нихъ—Пушкинъ или Селиверстовъ—принялъ въ одной волости отъ крестьянъ просьбу о возвращеніи имъ хлѣба, взятаго изъ запаснаго магазина помѣщикомъ, въ началѣ 1863 года. Оказалось, что крестьяне, устроившіе у себя сельскіе запасные магазины тотчасъ по объявленіи воли, т. е. въ 1861 году, стали ссыпать въ эти магазины хлѣбъ въ томъ же 1861 году; затѣмъ, они ссыпали хлѣбъ и въ 1862 году, который былъ, тоже, сравнительно урожайнымъ годомъ. Такъ какъ, обаяніе помѣщичьей власти было еще очень сильно и польскіе мировые посредники совсѣмъ не думали ослаблять это обаяніе и значеніе, а вотчинная полиція предоставлена была, по положенію 19-го февраля, помѣщикамъ же, то они, помѣщики, и за̀вѣдывали этими магазинами полновластно. Въ началѣ 1863 года, предвидя, можетъ быть, что дни этой ихъ власти уже сочтены, нѣкоторые помѣщики, самымъ спокойнымъ образомъ, распорядились продать этотъ хлѣбъ, или же брали рожь на свои винокуренные заводы, а овесъ—для своихъ лошадей. Затѣмъ, въ апрѣлѣ произошло возстаніе, появи-

---

[1]) Этотъ счастливый «случай» постигъ В—ича при слѣдующихъ, довольно характерныхъ обстоятельствахъ. Во время пріѣзда генерала Потапова въ г. Сѣнно, въ его свитѣ находился полковникъ Е—овъ, бывшій воспитанникъ Пажескаго корпуса, гдѣ маіоръ В—ичъ былъ прежде воспитателемъ. Е—овъ, узнавъ своего стараго воспитателя, попротежировалъ ему,—и маіоръ В—ичъ, вмѣсто ожидаемаго суда за растрату суммъ, получилъ, неожиданно, имѣніе и сдѣлался помѣщикомъ. И. З.

лись въ губерніи вооруженныя шайки; потомъ, началось усмиреніе этого возстанія, аресты помѣщиковъ, суды, ссылки, и пр... Тутъ уже было не до магазиновъ, — и дѣло это, надо полагать, такъ и кануло бы въ вѣчность, если бы одному сельскому обществу не вздумалось заявить во время ревизіи объ этомъ бывшемъ расхищеніи ихъ трудоваго хлѣба. Тогдашній могилевскій губернаторъ П. Н. Шелгуновъ (бывшій минскій) принялся за дѣло очень горячо, на первыхъ порахъ: всѣ съѣзды и мировые посредники получили циркулярное предложеніе привести въ извѣстность весь присвоенный помѣщиками отъ крестьянъ хлѣбъ, по каждой экономіи отдѣльно,—и затѣмъ, склонить помѣщиковъ къ возврату крестьянамъ этого хлѣба. Но—склонить ихъ было не такъ-то легко: они сами, въ это время, были, большею частію, разорены — тѣми контрибуціями (10°/₀ сборъ съ дохода), которыя съ нихъ взимались... Наконецъ, немногіе изъ помѣщиковъ признались въ этомъ присвоеніи: большинство отзывалось, за давностью дѣла, запамятованіемъ о немъ, или ссылалось на распоряженія своихъ экономовъ и управляющихъ... Тѣмъ не менѣе, мы, мировые посредники, принялись за это вопіющее дѣло очень сильно, убѣжденные: во 1-хъ, въ дѣйствительности этихъ присвоеній, а во 2-хъ, въ томъ, что хлѣбъ этотъ слѣдуетъ отъ пановъ, такъ или иначе, вернуть крестьянамъ, какъ неправильно у нихъ отнятый. Къ сожалѣнію, дѣлу этому не суждено было окончиться: помѣщики нашли заступничество въ Вильнѣ,—и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мы получили новый циркуляръ, предлагающій пріостановиться, вообще, со всѣмъ этимъ дѣломъ—впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Вскорѣ, мы отлично знали, что никакихъ такихъ распоряженій больше не послѣдуетъ... Только зря взбудоражили крестьянъ и помазали ихъ по губамъ этимъ хлѣбомъ!.. Цѣлый годъ, потомъ, не было мнѣ отбоя и покоя отъ крестьянъ и ихъ распросовъ относительно возвращенія хлѣба. Когда, бывало, я ѣхалъ зачѣмъ нибудь въ какое-либо волостное правленіе, то заранѣе клалъ себѣ въ карманъ циркуляръ губернскаго присутствія, пріостановившій это дѣло. Какъ только, бывало, кончишь занятія въ волостномъ правленіи и выходишь садиться въ экипажъ, то смотришь, стоятъ уже нѣсколько человѣкъ «уполномоченныхъ» отъ сельскихъ обществъ...

— Вамъ что̀ нужно? спрашиваю ихъ.

— А объ тэмъ житѣ усё... Колы жъ намъ панъ повертàеть его?..

— А вотъ, послушайте-ка, что̀ мнѣ губернаторъ пишетъ, отвѣчаю, бывало, имъ, достаю злосчастный, весь уже истрепанный, циркуляръ и читаю...

— Ну, что̀ поняли?

— Ницъ не понѧли, не розумѣемъ ни чо̀го...

— А тутъ пишется, что хлѣба этого вы долго, а можетъ быть, и совсѣмъ не получите.

— Якъ же такъ?!.

И «уполномоченные» дѣлаютъ изумленныя физіономіи и чешутъ затылки... Просто, неловко и даже стыдно было передъ ними,—въ такое комическое положеніе поставили насъ передъ крестьянами въ этомъ дѣлѣ, такъ-таки и замолкшемъ, потомъ навсегда...

Я тогда послалъ корреспонденцію въ «Голосъ», и попробовалъ было поднять въ печати этотъ «хлѣбный вопросъ» крестьянъ Могилевской губерніи; но и печать оказалась безсильна передъ Вильной; только прибавилъ я лишнихъ хлопотъ мѣстной жандармеріи, которая долго и тщательно розыскивала «автора»...

Здѣсь, кстати, я позволю себѣ разсказать одинъ эпизодъ, происшедшій въ Могилевской губерніи въ 1866 году по поводу газетныхъ же корреспонденцій.

Какъ распорядился генералъ Потаповъ съ покойнымъ литераторомъ Л. Н. Антроповымъ, за его письма изъ Вильны въ «Голосъ», — я уже говорилъ выше. Та же участь выпадала и на долю другихъ корреспондентовъ, въ остальныхъ пяти губерніяхъ сѣверо-западнаго края. По крайней мѣрѣ, то и дѣло приходилось слышать объ увольненіи со службы въ этихъ губерніяхъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ писаніи газетныхъ корреспонденцій; этотъ изгоняемый изъ края неблагонадежный элементъ состоялъ, преимущественно, изъ учителей гимназій и мировыхъ посредниковъ. Противу тѣхъ и другихъ выдвигалась, обыкновенно, тяжелая артиллерія—въ видѣ обвиненія въ соціализмѣ, равно опасномъ и для учащагося юношества, и для крестьянъ,—и соціалистовъ-корреспондентовъ живо выпроваживали вонъ—сначала со службы, а потомъ и изъ края.

Но въ Могилевской губерніи произошелъ, однажды, такой казусъ съ этими корреспонденціями. Въ одинъ прекрасный день приходитъ въ Могилевъ почта и привозитъ нѣсколько нумеровъ (по числу, конечно, подписчиковъ) «Московскихъ Вѣдомостей», съ письмомъ «Изъ Могилева-на-Днѣпрѣ». Письмо, по выраженію могилевскихъ властей, было «ужасное»; во-первыхъ, отъ начала до конца правда, которую и опровергнуть, хотя бы и оффиціальнымъ «сообщеніемъ», было нельзя; во-вторыхъ, въ письмѣ этомъ приподнималась завѣса съ одного очень темнаго и довольно серьезнаго дѣла— съ исторіи, происшедшей въ стѣнахъ знаменитаго Бѣлыничскаго костела [1]); въ-третьихъ, въ письмѣ разоблачались некрасивыя дѣй-

---

[1]) Исторія эта заключалась въ слѣдующемъ: Крестьянскія дѣти, играя около одного изъ подвальныхъ оконъ костела, нашли нѣсколько круглыхъ и коническихъ пуль. Пока узнали объ этой находкѣ власти и полиція и пока пришло изъ Могилева разрѣшеніе осмотрѣть подвалъ (вмѣщавшій въ себѣ гробницы), тамъ все уже почти было прибрано; нашли только одинъ холщевой мѣшокъ съ темными, лоснящимися пятнами отъ свинцовыхъ пуль на его внутренности, да

ствія нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ губерніи изъ бѣлоруссовъ (т. е. тѣхъ же, въ сущности, поляковъ); а въ-четвертыхъ, и это самое главное, что повергло губернскія власти въ ужасъ, на письмѣ стояла римская цифра I, слѣдовательно, надо было ждать «продолженія» въ слѣдующихъ нумерахъ, какъ выражаются редакціи... Подъ роковымъ письмомъ стояла всего одна буква К... Вотъ тутъ и извольте найти «автора!..»

Принялись, конечно, прежде всего, за тѣхъ подозрительныхъ особъ, фамилія которыхъ начиналась на эту букву... учинили надъ ихъ корреспонденціей негласный надзоръ и взяли ихъ «подъ сомнѣніе». Въ Могилевѣ служилъ въ то время совѣтникомъ губернскаго правленія нѣкто г. К—овъ, очень добрый и милый человѣкъ, но уже отнюдь не «корреспондентъ»: нрава онъ былъ тихаго, происходилъ изъ духовнаго званія и былъ, скорѣе, человѣкомъ талейрантнымъ, т. е. способнымъ угодить и нашимъ и вашимъ... Тѣмъ не менѣе, его сильно заподозрѣли въ прикосновенности къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» и въ «принадлежности къ соціально-демократической партіи, стремящейся...» и проч. и проч. И приходилось совсѣмъ уже туго бѣдному, ни въ чемъ не повинному совѣтнику, какъ вдругъ на его счастье узнали, что верстахъ въ 20-ти отъ Могилева, въ имѣніи Прибережье [1]), гостилъ у своихъ родственниковъ извѣстный пѣвецъ маріинскаго театра) г. К—евъ... Съ человѣка такой свободной профессіи были, конечно, взятки-гладки, по пословицѣ; къ тому же, во время появленія письма въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», его уже и слѣдъ простылъ въ Могилевской губерніи... Вдругъ, новая бомба — «Письмо II-е»; черезъ недѣлю III-е... И всѣ письма въ томъ же родѣ: правдивыя, искреннія и очень жгучія, и все бьютъ по самымъ больнымъ и сокровеннѣйшимъ мѣстамъ губерніи... Беклемишеву эти письма хотя и были непріятны, но онъ сдерживался; приближенные же его производили весьма тщательные сыски и розыски «автора», но ничего не узнали и никого не нашли. Одинъ изъ этихъ господъ допрашивалъ даже пишущаго эти строки.

— Не знаете ли, кто это пишетъ?

— Право не знаю, отвѣчалъ я.

— Но въ послѣднемъ письмѣ разсказывается одинъ случай, происшедшій въ вашемъ участкѣ—что польскій помѣщикъ побилъ

нѣсколько, очевидно случайно, оброненныхъ пуль на каменномъ полу подвала въ щеляхъ. Такъ какъ костелу могло угрожать закрытіе, то поляки не пожалѣли средствъ и хлопотъ, и дѣло было замазано. И. З.

[1]) Имѣніе это принадлежало польскому помѣщику Пересвѣтъ-Солтану и подлежало обязательной продажѣ въ русскія руки. Его купилъ, со ссудою отъ казны, на льготныхъ условіяхъ, литераторъ А. Потѣхинъ, бывшій впослѣдствіи редакторомъ «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». И. З.

крестьянина, а когда тотъ пошелъ жаловаться къ посреднику, то его же, побитаго, будто бы и высѣкли.

— Положимъ, это въ моемъ участкѣ, дѣйствительно, было — при моемъ предмѣстникѣ, графѣ Толстомъ; но какъ узналъ объ этомъ авторъ «письма», этого я не знаю.

— Да ужъ не вы ли, скажите, пишете эти «письма»? вдругъ спросилъ меня допрашивающій, тѣмъ самымъ тономъ, какимъ гоголевская Коробочка спросила Павла Иваныча Чичикова: «Да ты, батюшка, не скупаешь ли, тоже, птичьи перья?..»

Я отвѣчалъ отрицательно.

Представьте же себѣ, какъ вытянулись у всѣхъ лица, когда, наконецъ, узнали, изъ достовѣрнаго источника (посредствомъ, кажется, перлюстраціи), что авторомъ «Писемъ» въ «Московскія Вѣдомости» было одно высокопоставленное лицо—въ то время сенаторъ, пріѣзжавшій на нѣсколько недѣль въ Могилевскую губернію. Едва только это разузнали, какъ всѣ розыски тотчасъ же стихли, — и пѣвцу К—еву, вѣроятно, болѣе уже не икалось въ Петербургѣ...

Корреспонденціи же, къ слову сказать, погубили впослѣдствіи, въ 1870 году, и меня—т. е. заставили оставить службу. Случилось это такъ. Въ 1868 и 1869 годахъ я помѣстилъ нѣсколько писемъ «Изъ Могилевской губерніи» въ газетѣ «Голосъ». Пока эта губернія была подчинена Потапову, я своихъ корреспонденцій не подписывалъ; но въ 1869 году, когда Могилевская, а за нею Витебская и Минская губерніи были изъяты изъ вѣдѣнія Виленскаго генералъ-губернатора, я соблазнился авторскою славой и, подобно Антропову, подписалъ подъ своею послѣднею корресподенціей двѣ своихъ буквы—И. З... Могилевскимъ губернаторомъ въ то время былъ человѣкъ добрый, но немножко малодушный: вѣрившій, напримѣръ, въ непогрѣшимость полиціи, боявшійся корреспонденцій какъ огня, окружавшій себя людьми «преданными» ему лично, но не дѣлу, и пр. Сначала противъ меня повелась обычная, въ провинціальномъ чиновничьемъ мірѣ, интрига и атака—преимущественно тайная и, нельзя сказать, чтобы очень чистая: мѣстная полиція сочиняла на меня крестьянамъ жалобы—и сама же производила, иногда, дознанія по этимъ жалобамъ; затѣмъ, посадили въ острогъ ни въ чемъ неповиннаго, очень честнаго фельдшера Лешко, служившаго въ одной изъ волостей моего участка — только за то, что онъ отговаривалъ крестьянъ отъ жалобъ, внушаемыхъ полиціей; наконецъ, по доносу жандармскаго офицера, былъ командированъ въ мой участокъ, во время моего нахожденія въ отпуску, членъ губернскаго присутствія — для производства дознанія по этому доносу, оказавшемуся ложнымъ. Когда, наконецъ, увидѣли, что изъ всего этого ничего не выходитъ, тогда въ Могилевѣ придумали самый простой и вѣрный пріемъ: рѣшили сократить одинъ мировой участокъ въ

уѣздѣ (Сѣннинскомъ), гдѣ служилъ безпокойный и опасный авторъ корреспонденцій... Министерство утвердило это представленіе губернскаго присутствія — и жребій «сократиться» палъ, конечно, на меня, грѣшнаго... Я, впрочемъ, не пожелалъ ждать этого «сокращенія» — и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

На этомъ, пока, я и прерву мои «воспоминанія» о сѣверо-западномъ краѣ. Нѣсколько лѣтъ позже, мнѣ, случайно, довелось прожить нѣкоторое время въ Гродненской губерніи. Я встрѣтилъ новые порядки и новые типы. Генералъ-губернаторомъ края былъ въ то время, тоже, совершенно новый типъ талейрантнаго администратора — въ лицѣ покойнаго П. П. Альбединскаго, одинаково добраго и любезнаго и къ полякамъ, и къ русскимъ... Бывшіе виленскіе «пши» превратились уже въ «дѣльцовъ» и ворочали крестьянскимъ дѣломъ въ губерніи; контингентъ мировыхъ посредниковъ былъ уже совсѣмъ иной: эти, прежде почетныя, должности, замѣщались бывшими гродненскими семинаристами и даже волостными писарями... Губернаторомъ въ Гродно былъ въ то время уланскій офицеръ, нѣмецъ, плохо даже говорившій по-русски...

Это время, впрочемъ, составляетъ предметъ моихъ отдѣльныхъ «воспоминаній», которыя теперь, пока, преждевременны».

Ив. Захарьинъ.

С.-Петербургъ
мартъ, 1883 года.

ВОСПОМИНАНІЕ О Д. И. ЯЗЫКОВѢ.

Въ самый годъ моего поступленія въ Петербургскій университетъ я познакомился съ Дмитріемъ Ивановичемъ Языковымъ, извѣстнымъ ученымъ, переводчикомъ Шлецерова изслѣдованія Несторовой лѣтописи и издателемъ записокъ Нащокина и Дюка Лирійскаго. Это было въ 1839 году. Раньше онъ служилъ по министерству народнаго просвѣщенія, но въ это время занималъ мѣсто непремѣннаго секретаря императорской россійской академіи, которая тогда была самостоятельнымъ ученымъ заведеніемъ и помѣщалась въ первой линіи Васильевскаго Острова, гдѣ теперь находится римско-католическая духовная академія. Въ ту пору академическое зданіе состояло изъ центральнаго дома и двухъ боковыхъ флигелей, соединенныхъ теперь съ нимъ промежуточными придѣлками въ одно цѣлое. Въ главномъ корпусѣ въ верхнемъ этажѣ была обширная зала засѣданій, канцелярія, архивъ и библіотека, а въ нижнемъ жилъ Дмитрій Ивановичъ съ семействомъ. Одинъ изъ флигелей отдавался въ наемъ, а въ другомъ помѣщались служившіе при академіи чиновники и еще нѣсколько человѣкъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дому. Здѣсь и я поселился, когда Языковъ, по рекомендаціи одного своего родственника, съ которымъ я познакомился въ дорожномъ дилижансѣ, пригласилъ меня давать уроки сыну и вмѣстѣ съ тѣмъ разобрать его собственную библіотеку и составить каталогъ.

Когда я узналъ Языкова, ему было уже болѣе шестидесяти пяти лѣтъ. Это былъ низенькій старикъ, совсѣмъ сѣдой и немного

сгорбленный, но еще бодрый и живой. Занимаясь въ его библіотекѣ, я вполнѣ ознакомился съ его образомъ жизни. Какъ рано ни придешь бывало—непремѣнно увидишь его въ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, обложеннымъ книгами. Хотя рабочая комната выходила на дворъ, но въ ней отчетливо слышался и громъ рояля изъ залы, и крикъ попугая изъ диванной, а между тѣмъ научный труженикъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Работа положительно дѣлала его глухимъ и слѣпымъ ко всему окружающему. Но какъ только било три часа, онъ въ ту же минуту вставалъ и шелъ въ переднюю, гдѣ лакей держалъ уже на-готовѣ зимой шубу, а въ другія времена года шинель коричневаго сукна, съ тремя воротниками, одинъ на другомъ. Говорятъ, что кенигсбергцы повѣряли свои часы по времени ежедневно-регулярной прогулки Канта, и мнѣ кажется тоже самое могли бы дѣлать жители первой и седьмой линій и Большаго и Средняго проспектовъ Васильевскаго Острова, по направленію которыхъ Дмитрій Ивановичъ гулялъ всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ. По возвращеніи его тотчасъ же садились за обѣдъ, а когда подавали кофе, человѣкъ несъ уже въ диванную двѣ подушки и одѣяло, и старикъ шелъ на часъ отдыхать. Его непремѣнно провожала младшая его дочь, десятилѣтняя дѣвочка, которая знала на память все «Горе отъ ума» и должна была, прежде чѣмъ отецъ заснетъ, прочесть ему какую-нибудь сцену изъ комедіи Грибоѣдова. Этотъ установленный порядокъ нарушался только разъ въ недѣлю, въ тѣ дни, когда бывали собранія членовъ академіи, и Языковъ, какъ непремѣнный секретарь, постоянно въ нихъ участвовалъ. Въ эти дни и прогулка отмѣнялась, и обѣдали позже обыкновеннаго, а вмѣсто отдыха и чтенія онъ бесѣдовалъ съ кѣмъ-нибудь изъ приглашенныхъ къ обѣду. Чаще другихъ бывалъ нѣкто Анастасевичъ, переводчикъ «Федры» Расина и горячій почитатель Вольтера и энциклопедистовъ. Оба старика, сидя въ креслахъ, толковали о тогдашнихъ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ, куря какой-то чрезвычайно крѣпкій табакъ изъ бѣлыхъ глиняныхъ трубочекъ, которыя служили только на одинъ разъ и послѣ того бросались. Въ кабинетѣ былъ всегда большой запасъ этого добра. Такія трубки я видалъ потомъ только на картинахъ Теньера, у его фламандскихъ мужиковъ.

Судя по такой правильной жизни хозяина, можно было бы кажется ожидать, что и въ домѣ долженъ быть образцовый порядокъ. На самомъ дѣлѣ этого не было. Правда, Языковъ былъ не богатъ, но при готовой квартирѣ, порядочномъ содержаніи и доходахъ съ какого-то хотя и небольшаго имѣнія онъ не долженъ бы нуждаться, а между тѣмъ въ домѣ часто замѣчались недостатки въ вещахъ самыхъ необходимыхъ. Хозяйство, несмотря на то, что кромѣ хозяйки смотрѣла за нимъ особая экономка, велось далеко не правильно. Самъ Дмитрій Ивановичъ, какъ я уже сказалъ, былъ че-

ловѣкъ кабинетный и нисколько не вмѣшивался въ домашнія дѣла. Меня удивило только то положеніе, въ какомъ я нашелъ его библіотеку. Казалось бы у человѣка, исключительно занятаго такими учеными трудами, которые требовали постоянныхъ справокъ съ источниками, книги должны быть предметомъ особыхъ заботъ и сохраняться въ порядкѣ. Напротивъ, библіотека была въ жалкомъ положеніи. Шкапы не запирались, и книги съ позволенія или безъ позволенія бралъ всякій, кто только хотѣлъ, и когда возвращалъ, то ставилъ куда попало. Иныя книги совсѣмъ не возвращались. При разборѣ я отдѣлилъ цѣлую груду разрозненныхъ книгъ, и притомъ отъ изданій цѣнныхъ и довольно рѣдкихъ. И едва прошло нѣсколько дней послѣ того, когда я отобралъ полные экземпляры и составилъ часть каталога, какъ и въ этомъ начали уже сказываться пробѣлы. Старикъ сердился, но это нисколько не прекращало пропажъ. Оставались цѣлыми только тѣ книги, которыя постоянно лежали на его пыльномъ письменномъ столѣ. Куда исчезали и кому нужны были разрозненные томы, осталось неизвѣстнымъ. Два или три раза я видалъ книги изъ Языковской библіотеки у жильцовъ нашего флигеля, но помню, что онѣ возвращались исправно. Можно думать только, что ихъ постигла та же судьба, какъ и многіе десятки томовъ академическихъ изданій, которые лежали большими грудами на чердакѣ. Дѣло въ томъ, что иногда во флигель къ намъ забывали принести дровъ, и тогда утромъ кто нибудь изъ обывателей нашего этажа, болѣе другихъ чувствительный къ холоду, поднимался на чердакъ, бралъ въ этой кладовой кучу книгъ и затапливалъ ими печь. Больше всего топили, по удобству формата для переноски, экземплярами сочиненій адмирала Шишкова и изданіемъ «Ликей или кругъ словесности» Лагорна. Иногда эти аутодафэ дѣлались въ такомъ размѣрѣ, что клочья полусгорѣвшей бумаги, вылетая изъ трубы, обильно падали на улицу, и однажды въ академію приходила полиція освѣдомиться о причинѣ такого бумажнаго изверженія. Но вѣрно этимъ произведеніямъ суждено уже было погибнуть не отъ крысъ, а отъ огня, потому что все, чего мы не успѣли сжечь, сгорѣло потомъ во время бывшаго въ академическомъ флигелѣ пожара.

Во время, о которомъ я говорю, нашъ флигель былъ очень населенъ. Внизу, въ большой квартирѣ жилъ какой-то крупный чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія съ большимъ семействомъ. Въ каждомъ окнѣ видна была постоянно женская голова надъ какой-то работой. Но такъ какъ въ эту квартиру былъ особый входъ съ улицы и жильцы ея никогда не появлялись у Языковыхъ, то мы и не знали, кто эти господа и почему живутъ въ академическомъ домѣ. Верхній этажъ, гдѣ и мнѣ дали небольшую меблированную комнату, былъ гораздо характернѣе. Въ немъ жило и проживало много самаго разнообразнаго люда.

Большую комнату, окнами на улицу, занималъ полиціймейстеръ академіи. Сколько я могъ понять, его величали такимъ образомъ потому, что онъ командовалъ тремя академическими сторожами, отдавалъ имъ приказы мести улицу, смотрѣть за чистотой двора и приводить въ порядокъ залу передъ началомъ еженедѣльныхъ засѣданій. Занятія эти не очень однакожъ обременяли его, такъ что онъ каждый день по нѣсколько часовъ посвящалъ литературному труду. Во все время моего житья въ академіи онъ работалъ въ потѣ лица надъ переводомъ одного разсказа Альфреда де-Виньи, размѣромъ не больше печатнаго листа, поправлялъ его, передѣлывалъ, сокращалъ и довелъ до полной неузнаваемости съ оригиналомъ. Тутъ онъ остался доволенъ своей работой, и перечитавъ ее всѣмъ, у кого достало терпѣнія его слушать, понесъ рукопись въ какой-то журналъ, но такъ какъ ее не приняли, то нашъ полиціймейстеръ снова принялся за сизифовъ трудъ надъ исправленіемъ и передѣлкою своего перевода. Не знаю, сподобился ли онъ видѣть свое многострадальное произведеніе въ печати.

Сосѣдомъ его былъ другой труженикъ, Өеодосій Ивановичъ, который извѣстенъ былъ у насъ подъ именемъ нумизмата. Въ какой степени онъ знакомъ былъ съ этой наукой, я не знаю. У него не водилось никакого нумизматическаго собранія и даже никакихъ сочиненій по этому предмету, но онъ любилъ перечислять, въ какомъ музеѣ или частномъ хранилищѣ находится такая или другая рѣдкая монета. Съ особеннымъ одушевленіемъ разсказывалъ онъ, какимъ иногда чудеснымъ случайностямъ подвергаются нумизматы. У одного какого-то извѣстнаго любителя былъ въ коллекціи чрезвычайно рѣдкій серебряный пятачекъ Петра III. Въ одинъ прискорбный день эта драгоцѣнная монета пропала, и не смотря на всякія поиски и обѣщаніе значительной награды тому, кто ее представитъ, рѣдкость не находилась. Бѣдный ученый былъ въ отчаяніи и рѣшилъ, что сокровище его какимъ-нибудь образомъ похищено было кѣмъ нибудь изъ завистливыхъ нумизматовъ. Но вышло не то: въ квартирѣ перестилали полъ, и подъ нимъ нашли мышиное гнѣздо, а въ немъ оказался и пропавшій пятачокъ. Такимъ образомъ здѣсь мышь чуть не надѣлала бѣды какъ сорока-воровка въ «Сонанбулѣ». Собственныя занятія Өеодосія Ивановича въ нумизматикѣ ограничивались тѣмъ, что къ нему по воскресеньямъ приходили нищіе и приносили ему собранныя мѣдныя деньги, которыя онъ промѣнивалъ у нихъ на серебро, съ прибавкою нѣсколькихъ копѣекъ. Это дѣлалось, какъ онъ говорилъ, въ тѣхъ видахъ, что нищимъ попадаются иногда рѣдкіе экземпляры, цѣнимые на вѣсъ золота. Впрочемъ сколько я помню, ему не удалось добыть этимъ путемъ ничего замѣчательнаго. Но Өеодосій Ивановичъ жилъ въ академіи не ради нумизматики. Офиціальнымъ его занятіемъ было составленіе, по порученію Языкова, указателя личныхъ именъ

и географическихъ названій къ какому-то изданію русскихъ лѣтописей. На его письменномъ столѣ стояли ряды картонныхъ коробочекъ, съ нарѣзанными изъ бумаги билетами, величиной въ игральную карту. На нихъ выписывались слова изъ лѣтописи и размѣщались по коробкамъ подъ соотвѣтсвенной буквой, чтобы потомъ вносить ихъ по порядку въ общій алфавитный списокъ. Но работѣ этой не суждено было увидѣть свѣтъ: она сгорѣла во время того пожара, въ которомъ погибъ и «Ликей» съ другими академическими изданіями. Впрочемъ, едва ли слѣдуетъ жалѣть объ этой потерѣ. Мнѣ случалось видѣть, какъ въ отсутствіе нумизмата иные изъ нашихъ сожителей, нуждаясь въ клочкѣ бумаги, чтобы закурить трубку или сигару, брали для того готовые уже билеты труженика. Можно представить, какъ полонъ былъ бы указатель Ѳеодосія Ивановича.

Въ надворной части флигеля, рядомъ съ моей комнатой, жилъ капитанъ Кукъ. Такъ звали у насъ отставнаго лейтенанта, который былъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ жены Языкова и потому пользовался квартирой въ академіи и столомъ отъ Дмитрія Ивановича. Всякое утро, какъ только было девять часовъ, или по его выраженію склянокъ, въ комнатѣ его, которую онъ называлъ каютой, раздавался рѣзкій свистъ и затѣмъ крикъ: «ей, боцманъ»! И на этотъ призывъ являлся его деньщикъ-матросъ съ отвѣтнымъ крикомъ: «есть»! Слѣдовала команда: «ставить лиселя»! Это значило, что боцманъ долженъ подавать чай и къ нему «морскія сливки», т. е. ромъ. Напившись чаю, лейтенантъ выходилъ на вахту, т. е. начиналъ маршировать взадъ и впередъ по комнатѣ, запустивъ руки въ карманы шароваръ. При этомъ онъ замѣтно покачивался, хотя и увѣрялъ, что отъ многолѣтняго плаванія въ экспедиціяхъ давно пріобрѣлъ морскія ноги, на которыхъ можетъ держаться при самомъ сильномъ штормѣ. Въ какихъ именно экспедиціяхъ бывалъ нашъ капитанъ Кукъ, мы не могли узнать. На вопросы объ этомъ, онъ отзывался обыкновенно, что плавалъ во всѣхъ широтахъ и навѣрно открылъ-бы Америку и путь въ Индію, если бы его не предупредили эти невѣжды—Колумбъ и «Васька» де-Гамо. Теперь лейтенантъ постоянно сидѣлъ въ своей каютѣ и выходилъ изъ нея, или какъ онъ говорилъ, снимался съ якоря, только разъ въ три мѣсяца, когда ѣздилъ за полученіемъ пенсіи.

Кромѣ этихъ постоянныхъ обитателей, у насъ появлялись временные кочевники: старшій сынъ Языкова, служившій въ гатчинскихъ кирасирахъ и часто пріѣзжавшій въ отпускъ, его товарищи-юнкера, родственники капитана Кука, кадеты морскаго корпуса, студенты и всякая молодежъ. Все это жило иногда по нѣскольку дней и почивало въ свободныхъ комнатахъ, обильно снабженныхъ диванами. Въ нашъ флигель снизу никто не ходилъ, и у насъ иногда

подымался такой содомъ, съ пѣснями и всякимъ школьничествомъ, что жена Дмитрія Ивановича присылала узнать, что здѣсь дѣлается. Самъ Языковъ во все время моего житья въ академіи только разъ приходилъ во флигель навѣстить капитана Кука, который сильно простудился во время экспедиціи за пенсіей.

У Языкова кромѣ двухъ сыновей, изъ которыхъ младшему я давалъ уроки для поступленія въ кадетскій корпусъ, было три дочери. Старшая была замужемъ за отставнымъ гвардейскимъ полковникомъ Кожинымъ, и обыкновенно по праздникамъ пріѣзжала съ мужемъ къ отцу и проводила у него цѣлый день. Прелестная,

Д. И. Языковъ.

кроткая и всегда задумчивая, она принадлежала къ типу тѣхъ женщинъ, которыя должны были служить моделью для художниковъ при изображеніи подвижницъ первыхъ вѣковъ христіанства. О младшей ея сестрѣ я уже сказалъ: въ то время это была дѣвочка бойкая, способная и обѣщавшая также быть красавицей. Средняя сестра, Конкордія Дмитріевна, воспитывалась въ Екатерининскомъ институтѣ. Когда я поселился въ академіи, она уже оканчивала курсъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышла изъ заведенія. Это было важнымъ событіемъ нетолько въ семействѣ Языкова, но и во всемъ академическимъ домѣ. Праздничные обѣды Дмитрія Ивановича сдѣлались многолюднѣе: на нихъ появились новыя лица изъ военной молодежи, привлекаемыя очевидно прекрас-

ной институткою. Съ перваго появленія этой изящной красавицы, стройной и гибкой, съ антично-правильными чертами и неподдѣльной наивностью во всѣхъ движеніяхъ, у насъ во флигелѣ только и разговоровъ было что̀ о ней. Нетолько молодежь, но и наши ученые труженики, и даже капитанъ Кукъ были отъ нея безъ ума. Восхищеніе это кажется оставалось для нея тайною до тѣхъ поръ, когда наконецъ оно выразилось со стороны какого-то изъ ея поклонниковъ странною выходкою, которая была очень непріятна для институтки. Вотъ что случилось. Въ диванной комнатѣ у окна стояла клѣтка съ попугаемъ. На знаю, давно ли и гдѣ пріобрѣтенъ этотъ попугай, но вѣроятно онъ принадлежалъ прежде какой-нибудь итальянкѣ, потому что отчетливо выкрикивалъ и по нѣскольку резъ повторялъ фразу: io t'amo, mio caro! Кто-то изъ поклонниковъ институтки, и очевидно близкій къ дому, придумалъ объяснить свои чувства обожаемой особѣ черезъ посредство этого попугая. Однажды въ воскресенье за обѣдомъ, который по праздникамъ бывалъ обыкновенно въ залѣ прилежащей къ диванной, въ то время, когда между разговорами выдалась минута общаго молчанья, попугай громко закричалъ: «милая Конкордія, я люблю тебя»! Молоденькая институтка вспыхнула и едва не заплакала. Розыски о томъ, какой педагогъ давалъ уроки русскаго языка попугаю, не привели ни къ какому результату. Между тѣмъ ученикъ такъ хорошо оправдалъ своего преподавателя, что каждый день по нѣсколько разъ повторялъ заученную фразу, а такъ-какъ это не нравилось институткѣ, то его и съ клѣткой подарили какой-то знакомой барынѣ. Языковъ, какъ я помню, очень жалѣлъ объ этомъ, потому-что любилъ каждое утро самъ приносить попугаю размоченный въ сливкахъ сухарь.

Старшій сынъ Дмитрія Ивановича, какъ я уже сказалъ, служилъ юнкеромъ въ гатчинскихъ кирасирахъ, и мнѣ приходилось иногда ѣздить съ какими нибудь порученіями въ Гатчину. Одна изъ такихъ поѣздокъ особенно осталась у меня въ памяти. Это было весною, въ концѣ апрѣля. Дни стояли прекрасные, солнечные. Нева давно разошлась и Исаакіевскій мостъ, который тогда служилъ единственнымъ сообщеніемъ Васильевскаго Острова съ Адмиралтейскою стороною, былъ уже наведенъ. Кончивъ порученіе въ Гатчинѣ, я на другой день добрался благополучно до Царскаго Села, пообѣдалъ тамъ въ гостинницѣ и вечеромъ воротился по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Спокойно дошелъ я до набережной, и вдругъ вижу—мостъ разведенъ, во всю ширину рѣки сплошной бѣлой массой тянется ладожскій ледъ, и перевозъ прекратился. Съ нѣсколькими копѣйками въ карманѣ и безъ всякаго знакомства на лѣвомъ берегу Невы я очутился въ затруднительномъ положеніи. Съ слабой надеждой на то, что можетъ быть ледъ разойдется и откроется перевозъ, пошелъ я бродить по Невскому проспекту, но

когда часа черезъ два воротился на набережную — ледоходъ былъ также густъ и пустые ялики качались у пристани, на которой дремалъ одинъ перевозчикъ и расхаживалъ квартальный. Очевидно, что попасть домой было нельзя. Идя безъ цѣли по Англійской набережной, я уже посматривалъ на полукруглую гранитную скамейку, по сторонамъ которой спускаются сходы къ водѣ. Здѣсь я думалъ ночевать, завернувшись въ шинель. На крѣпостной колокольнѣ пробило одиннадцать часовъ. Когда я остановился передъ спускомъ и глядѣлъ на движущуюся по Невѣ ледяную массу, ко мнѣ подошелъ какой-то морякъ.

— Вамъ, вѣрно, на ту сторону нужно? спросилъ онъ.

— Да, у меня здѣсь нѣтъ знакомыхъ и не хотѣлось бы ночевать на улицѣ.

— И я въ такомъ же положеніи; надобно во чтò-бы ни стало попасть на Островъ.

— Но какъ же мы попадемъ: перевоза нѣтъ.

— А вотъ какъ: теперь двѣнадцатый часъ, полиція скоро уйдетъ съ пристани... Мы возьмемъ яликъ и сами переѣдемъ безъ перевозчика. Насъ, конечно, отнесетъ льдомъ, но, вѣроятно, у горнаго корпуса пристанемъ. Хотите?

— Съ удовольствіемъ: вы, какъ морякъ, вѣроятно, съумѣете справиться съ яликомъ.

— Надѣюсь. Только двоимъ будетъ трудно; пойдемте искать еще одного или двухъ товарищей.

Это не стоило большаго труда. По набережной бродили печальныя фигуры, похожія на тѣни, скитающіяся по берегу Стикса въ напрасномъ ожиданіи Харона, который перевезъ бы ихъ въ страну успокоенія. Намъ скоро удалось завербовать еще двоихъ островитянъ, купца и сенатскаго чиновника, пожелавшихъ участвовать въ нашей экспедиціи. Чтобы не возбудить подозрѣнія, мы по одиночкѣ подвигались къ пристани. Какъ только квартальный ушелъ, мы дружно сбѣжали на плотъ, сѣли въ одинъ изъ яликовъ и, захвативъ съ другихъ пару лишнихъ веселъ и багровъ, оттолкнулись отъ пристани и врѣзались въ промежутокъ плывущихъ хрупкихъ льдинъ. Насъ, однакожъ, увидали; полицейскій прибѣжалъ на пристань и закричалъ:

— Воротитесь! я вамъ приказываю.

— Полноте, отецъ-командиръ, отвѣчалъ ему морякъ: ваши приказанія на водѣ не дѣйствуютъ!

Хотя мы не отошли еще и двухъ саженей отъ берега, но остановить насъ, конечно, было уже нельзя. Проснувшійся дежурный перевозчикъ, съ своей стороны, только развелъ руками. Черезъ нѣсколько минутъ и квартальный ушелъ.

При сплошной массѣ льда намъ, разумѣется, невозможно было плыть на веслахъ, и мы подвигались впередъ дѣйствуя только од-

ними баграми. Но дѣло шло медленно: яликъ быстро несло по теченію, а въ направленіи къ противоположному берегу мы выигрывали очень немного. Проходило иногда по нѣскольку минутъ, пока мы успѣвали пробраться между двумя плотными льдинами. Вотъ миновали мы академію художествъ, морской корпусъ; вотъ, наконецъ, и горный корпусъ, но вмѣсто того, чтобы пристать здѣсь къ берегу, мы были еще на срединѣ Невы. Вдобавокъ, насъ затерло между большими плотными льдинами, изъ которыхъ мы, при всѣхъ усиліяхъ, не могли никакъ выбраться, а при этомъ яликъ началъ скрипѣть и въ немъ показалась течь. Одинъ изъ пассижировъ, именно купецъ, началъ размашисто креститься и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бранить другихъ за то, что втянули его въ неминуемую погибель. Но командиръ нашъ, морякъ, оказался, какъ говорится, на высотѣ своей задачи.—«Намъ придется выбраться на взморье, сказалъ онъ: тамъ ледъ будетъ рѣже и мы на веслахъ пристанемъ къ Галерной гавани; съ баграми теперь нечего дѣлать, надобно только стараться, чтобы не затонулъ яликъ». И мы, оставя багры, принялись вычерпывать фуражками воду. Предсказаніе нашего путеводителя вполнѣ оправдалось. Какъ только мы проплыли мимо Чекушъ и вышли на широкое взморье, ледъ замѣтно началъ рѣдѣть, и между нимъ показались большія полыньи. Въ то время, какъ одни изъ насъ продолжали вычерпывать воду изъ ялика, другіе взялись за багры и весла, и, наконецъ, мы благополучно сошли на берегъ въ Гавани. Былъ уже шестой часъ утра. Морякъ нашъ жилъ въ одной изъ дальнихъ линій острова; онъ пригласилъ меня къ себѣ на чай, и тутъ мы окончательно познакомились. Когда я разсказалъ о нашемъ приключеніи Языкову, онъ сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе, но за то капитанъ Кукъ остался очень доволенъ и выразилъ надежду, что я могу со временемъ пріобрѣсть морскія ноги.

Живя въ россійской академіи, я, конечно, интересовался ея еженедѣльными собраніями. Въ самую залу засѣданій, разумѣется, нельзя было войти, но я нерѣдко приходилъ въ прилегавшую къ ней библіотеку, изъ которой можно было все видѣть и слышать. Собраніе открывалось, обыкновеннно, тѣмъ, что Дмитрій Ивановичъ, въ качествѣ непремѣннаго секретаря, читалъ протоколъ предъидущаго засѣданія, а затѣмъ спрашивалъ, кому изъ господъ членовъ угодно прочесть или заявить что нибудь. Въ то время академія приготовляла новое изданіе «Словаря» и работа по этому предмету была раздѣлена между многими лицами, а потому чтенія и замѣчанія сосредоточивались преимущественно на объясненіи отдѣльныхъ словъ русскаго языка. Больше и горячѣе всѣхъ интересовался этимъ дѣломъ, сколько я помню, извѣстный составитель русской грамматики и издатель «Остромірова Евангелія», Александръ Христофоровичъ Востоковъ. Иногда кто нибудь изъ членовь читалъ и литературныя статьи, а Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ даже про-

декламировалъ, однажды, съ нѣсколько забавнымъ паѳосомъ стихотвореніе свое, подъ заглавіемъ «Сардамскій плотникъ». Въ этомъ засѣданіи былъ и И. А. Крыловъ, котораго я видѣлъ тогда въ первый и послѣдній разъ. Самъ онъ ничего не читалъ, да, кажется, и не слушалъ. Случалось, что кто нибудь приносилъ въ собраніе книжку журнала или листокъ газеты и читалъ во всеуслышаніе чѣмъ нибудь интересовавшую его статью. Однажды, я былъ крайне озадаченъ тѣмъ, что въ засѣданіи удостоилась публичнаго чтенія и моя небольшая статейка.

Дѣло было такъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» была напечатана статья какого-то г. Шюца, подъ названіемъ «Русскій языкъ въ Сибири». Авторъ, говоря въ ней объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія, причислилъ къ его идіотизмамъ много такихъ словъ и фразъ, которыя употребляютъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ, особенно среди сельскаго населенія. Мнѣ вздумалось написать возраженіе на статью, къ чему, кромѣ явныхъ ошибокъ ея, меня побуждало еще то, что я отъ моего близкаго товарища по университету, сибиряка Н. Г. Минина, узналъ нѣсколько дѣйствительно сибирскихъ выраженій и словъ, повидимому, неизвѣстныхъ г. Шюцу. Это давало мнѣ возможность самому прикинуться сибирякомъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, придавало авторитетность моей критической замѣткѣ. Я написалъ статейку и отнесъ ее въ редакцію той же «Сѣверной Пчелы». Черезъ недѣлю этотъ мой первый литературный опытъ и явился въ газетѣ, въ № 60 отъ 16 марта 1839 г., подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о русскомъ языкѣ въ Сибири» и за подписью «Сибирякъ». И вотъ въ ближайшемъ засѣданіи академіи, когда я былъ въ библіотекѣ, Языковъ, послѣ чтенія кѣмъ-то изъ членовъ не помню теперь какой статьи, обратился къ собранію съ заявленіемъ, что въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» напечатано возраженіе на читанную въ прошломъ засѣданіи статью Шюца объ идіотизмахъ сибирскаго нарѣчія. По требованію присутствующихъ, Дмитрій Ивановичъ прочелъ мою статейку. Мнѣ было очень неловко: хотя высказанныя мною замѣчанія и признаны были справедливыми, но, тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ неумѣстность моей мистификаціи. Надежда, что псевдонимъ мой останется не раскрытымъ, не оправдалась. Не предвидя, что статья попадетъ въ собраніе академіи, я не дѣлалъ изъ своего писанія тайны и во флигелѣ знали о моей работѣ. Кто-то изъ моихъ сосѣдей, и кажется полицiймейстеръ, сообщилъ объ этомъ Языкову. Я боялся какой нибудь непріятности, но все кончилось благополучно. Дмитрій Ивановичъ, при первомъ свиданіи, сказалъ мнѣ что-то пріятное на счетъ моей статьи и обѣщалъ найти для меня какія-нибудь литературныя занятія. Съ этого дня онъ даже сталъ внимательнѣе ко мнѣ, а когда я уѣзжалъ изъ академіи, подарилъ нѣсколько книгъ и, въ томъ числѣ, свой переводъ Шлецерова «Нестора».

Съ той поры, какъ Россійская академія была присоединена къ академіи наукъ и Языковъ выѣхалъ изъ казеннаго дома, я видѣлъ его рѣдко. Онъ жилъ послѣ того еще года четыре, по прежнему проводилъ большую часть дня за письменнымъ столомъ и дѣятельно работалъ надъ составленіемъ «Церковнаго словаря». Хотя послѣ преобразованія заведенія Дмитрій Ивановичъ поступилъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности въ академіи наукъ, но ѣздилъ туда, какъ я слышалъ, довольно рѣдко. Причиной этому было не ослабѣвавшее его здоровье и не сожалѣніе о потерянномъ мѣстѣ непремѣннаго секретаря, а сколько я могъ понять, одна не оставлявшая его мысль о томъ, что съ новой перемѣною упало самостоятельное положеніе того ученаго учрежденія, которое основано было императрицею Екатериною и принесло не мало пользы отечественному языкознанію. При всей своей сдержанности, онъ однажды, по возвращеніи изъ засѣданія отдѣленія академіи наукъ, выразился въ этомъ смыслѣ.

Ни о семействѣ Дмитрія Ивановича, ни о судьбѣ моихъ товарищей по житью въ академическомъ флигелѣ я впослѣдствіи ничего не слыхалъ. Однажды только, встрѣтилъ я на улицѣ такъ называемаго боцмана, который сообщилъ мнѣ, что капитанъ Кукъ окончилъ свою жизненную вахту и что его провожалъ на Смоленское кладбище взводъ моряковъ съ тремя горнистами.

А. Милюковъ.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ И ДАЛАМБЕРЪ.

(Новооткрытая переписка Даламбера съ Екатериною и другими лицами).

ВЪ ЧИСЛѢ бумагъ императрицы Екатерины II, хранящихся въ государственномъ архивѣ и публикуемыхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, обнародованы были, между прочимъ [1]), 7 писемъ императрицы къ знаменитому геометру и энциклопедисту Даламберу и 8 отвѣтныхъ писемъ Даламбера.

Къ сожалѣнію, въ государственномъ архивѣ переписка этихъ лицъ сохранилась не вполнѣ. Нынѣ счастливый случай далъ редакціи «Историческаго Вѣстника» возможность пополнить оказавшіеся въ ней пробѣлы.

Г. Шарль Анри (Charles Henry), библіотекарь университета въ Парижѣ, открылъ въ библіотекѣ университета, въ числѣ бумагъ дѣвицы Леспинасъ, бывшей въ долговременной дружбѣ съ Даламберомъ, 29 документовъ, касающихся сношеній его съ императрицею Екатериною и нѣкоторыми русскими и сообщилъ ихъ, въ копіяхъ, издателю «Историческаго Вѣстника» А. С. Суворину.

Прежде чѣмъ перечислить эти документы, замѣтимъ, что переписка Екатерины съ Даламберомъ дѣлится на два періода. Въ первомъ изъ нихъ (1762—1767 гг.) она поддерживалась довольно дѣятельно; затѣмъ, послѣ пятилѣтняго перерыва, Даламберъ и им-

[1]) Въ VII, X и XIII томахъ сборника общества.

ператрица обмѣнялись, въ 1772 году, четырьмя письмами, которыми и закончилась ихъ корреспонденція.

Доставленные г. Шарлемъ Анри документы, за исключеніемъ двухъ, относятся къ первому періоду этой переписки. Въ числѣ ихъ находятся:

1—8. Восемь писемъ императрицы къ Даламберу, изъ коихъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ напечатано было 5.

9—16. Восемь писемъ Даламбера къ императрицѣ. Изъ нихъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ напечатано было только 2, но за то Обществомъ опубликовано было 4 письма Даламбера, коихъ въ доставленной г. Шарлемъ Анри коллекціи не находится.

Письма къ Даламберу:

17. И. И. Бецкаго.

18. Николаи, частнаго секретаря русскаго посланника въ Вѣнѣ князя Д. М. Голицына.

19. Библіотекаря императрицы Одара.

20. Н. И. Панина.

21. Жившаго въ Петербургѣ женевца Пиктэ.

22. Графа К. Г. Разумовскаго.

23. И. И. Шувалова, и

24. Президента Энò (Hénault).

25—27. Три письма Даламбера: одно къ Одару [1]), другое къ русскому посланнику въ Парижѣ С. В. Салтыкову и третье къ дѣвицѣ Туронъ.

28. Записка по вопросу, предложенному Даламберу императрицею въ письмѣ ея къ г-жѣ Жоффрень, и

29. Записка о французскихъ офицерахъ, взятыхъ въ плѣнъ рускими войсками въ Польшѣ въ 1772 году.

Мы помѣщаемъ ниже только 22 документа, не находя нужнымъ перепечатывать 5 писемъ Екатерины и 2 письма Даламбера, явившихся въ сборникѣ Русскаго Историческаго Общества.

Предисловіе къ письмамъ написано, по нашей просьбѣ, Д. Ф. Кобеко, которому и приносимъ нашу искреннюю благодарность какъ за этотъ трудъ, такъ и за редакцію русскаго перевода.

Со времени прибытія своего въ Россію до вступленія на престолъ, Екатерина II прилагала особенное стараніе къ самообразованію. Она ознакомилась съ лучшими сочиненіями иностранныхъ писателей и, слѣдуя направленію вѣка, увлекалась произведеніями

[1]) Письмо это въ подлинникѣ хранится въ государственномъ архивѣ въ Петербургѣ (кар. II, № 96).

той группы французскихъ литературныхъ дѣятелей, которая извѣстна подъ именемъ энциклопедистовъ. Своимъ государственнымъ умомъ она, ранѣе многихъ, поняла, что эта литературная партія представляла силу, которую слѣдовало привлечь на свою сторону и которою должно было воспользоваться и соотвѣтственно этому начертала себѣ планъ дѣйствій. Плану этому она слѣдовала неуклонно въ теченіи первой половины своего царствованія.

Немедленно по воцареніи, она сдѣлала въ этомъ направленіи шагъ, который хотя и не увѣнчался успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе стяжалъ ей громкія хвалы энциклопедистовъ. Воспитателемъ къ своему сыну и наслѣднику, восьмилѣтнему цесаревичу Павлу Петровичу, она пригласила Даламбера.

Первоначальныя, если можно такъ выразиться, оффиціозныя, предложенія сдѣланы были Даламберу чрезъ посредство двухъ проживавшихъ въ Петербургѣ иностранцевъ, Одара и Пиктэ [1]).

Одаръ (Michel Odar) происхожденіемъ изъ Піэмонта, прибылъ въ Россію при Елизаветѣ Петровнѣ и благодаря покровительству канцлера Воронцова, получилъ чинъ надворнаго совѣтника и должность совѣтника въ коммерцъ-коллегіи [2]). Затѣмъ племянница Воронцова, княгиня Е. Р. Дашкова, которой Одаръ сдѣлался необходимымъ своими литературными познаніями, исходатайствовала ему мѣсто управляющаго небольшою дачею, которою владѣла великая княгиня Екатерина Алексѣевна.

«Одаръ бѣденъ и мнѣ кажется, что ему надоѣло быть бѣднымъ», такъ характеризовалъ его французскій посланникъ баронъ Бретель. Отсюда проистекли побужденія, заставившія его принять участіе въ заговорѣ противъ Петра III. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что за деньги Одаръ готовъ былъ совершить всякое преступленіе. Онъ былъ посредникомъ въ переговорахъ между Екатериною и Бретелемъ, когда первая обратилась къ Бретелю о ссудѣ ей 60.000 руб. Привыкнувъ получать деньги отъ англійскаго посланника Вилліамса, Екатерина вѣроятно разсчитывала на удовлетвореніе своей просьбы и на этотъ разъ, но Бретель отказалъ

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ сообщены уже были мною въ статьѣ: «Изъ исторіи французской колоніи въ Россіи» (Ж. М. Н. П. 1883 г.). Здѣсь они являются пополненными, ибо кромѣ источниковъ, указанныхъ въ примѣчаніяхъ, я воспользовался донесеніями французскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Петербургѣ, хранящимися въ архивѣ рус. ист. общества.

[2]) Въ Государственномъ архивѣ (дѣло 1761 г., XIX, 290) хранятся двѣ записки Одара: 1) Mémoire sur le commerce de Russie, à M. le procureur général le 26 juin 1761 и письмо его къ княгинѣ Дашковой, при которомъ послана была ей эта записка и 2) Sentiment du conseillier de la cour Odar sur le Reglement qu'on prétent établir, relativement à la saisie (en cas de faillite) des effets envoyés en commission pour l'étranger, le 3 decembre 1761. Первая изъ этихъ записокъ напечатана, безъ имени автора, Бюшингомъ въ Magazin für die Historie und Geographie, Halle, 1777, XI, 439—464.

ей въ просимой ссудѣ, ссылаясь на недостаточность своихъ инструкцій и обѣщалъ лишь испросить на это разрѣшеніе короля. Но дѣло не терпѣло отсрочекъ и государственный переворотъ 28-го іюня 1762 года совершился на этотъ разъ безъ помощи французскихъ денегъ. Одаръ наблюдалъ за всѣми участниками въ заговорѣ, расточалъ имъ разныя обѣщанія [1]), хранилъ въ своей квартирѣ манифестъ о вступленіи на престолъ Екатерины, и въ самый день переворота сопровождалъ ее въ походѣ въ Петергофъ. Во всякомъ случаѣ, участіе его въ этомъ дѣлѣ было довольно значительно, хотя княгиня Дашкова, приписывавшая себѣ успѣхъ предпріятія, утверждаетъ, что въ послѣдніе три дня до переворота Одаръ принималъ въ немъ такъ мало участія, что находился за городомъ у графа А. С. Строганова. Дѣятельность его, кажется, довольно вѣрно характеризовалъ тогдашній австрійскій посланникъ Мерси д'Аржантò, говоря, что онъ былъ секретаремъ заговора.

Затѣмъ Одаръ поступилъ на службу въ кабинетъ императрицы, ея библіотекаремъ, и послѣ кратковременной отлучки въ Италію, вернулся въ Россію. Сохранилось извѣстіе, что онъ былъ доносителемъ на Хитрово и другихъ лицъ, составившихъ заговоръ противъ Екатерины, въ бытность ея, въ 1763 году, послѣ коронаціи, въ Москвѣ. Въ награду за эту услугу онъ, отказавшись отъ всякихъ отличій, потребовалъ денегъ.

Послѣ этого, указами 8-го декабря 1763 и 31-го марта 1764 гг., Одаръ назначенъ былъ членомъ коммисіи для разсмотрѣнія коммерціи россійскаго государства и особаго при ней собранія для разсмотрѣнія проектовъ, касающихся до торговли, и былъ употребляемъ для составленія соображеній по предполагавшемуся торговому трактату съ Англіею. Въ томъ же 1764 году, онъ оставилъ Россію [2]), вернулся на родину и умеръ въ Ниццѣ около 1773 года отъ удара молніи.

Другая личность, принявшая участіе въ перепискѣ о приглашеніи Даламбера въ Россію, женевецъ Пиктэ (Pictet de Warembé) былъ своимъ человѣкомъ у Вольтера, который, вслѣдствіе его большаго роста, называлъ его «великаномъ». Онъ принадлежалъ къ труппѣ любителей, разыгрывавшихъ пьесы Вольтера на его домашнемъ театрѣ въ Делисахъ. Тамъ же познакомился онъ и съ Даламберомъ, проведшимъ въ гостяхъ у Вольтера августъ 1756 года.

Первоначально Пиктэ поступилъ къ графу А. Р. Воронцову, при которомъ былъ въ качествѣ секретаря, а затѣмъ, не задолго до переворота 28-го іюня 1762 года, пріѣхалъ въ Россію. Однажды гулялъ онъ въ саду лѣтняго дворца, когда пришелъ туда императоръ Петръ III, въ сопровожденіи свиты и адъютантовъ. Пиктэ

---

[1]) Ср. Bernardin de St. Pierre III въ его oeuvres posctumes, Paris, 1839, стр. 51.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, XXVI, 118.

прошелъ мимо императора, не снялъ шляпы и даже не посторонился. Императоръ, которому онъ нагло смотрѣлъ въ глаза, спросилъ окружавшихъ, что это за человѣкъ? Никто не зналъ его. Когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, Петръ послалъ флигель-адъютанта остановить его и спросить, кто онъ такой? Тотъ, все еще не снимая шляпы, отвѣчалъ, что онъ французъ. Тогда Петръ сказалъ: «вотъ какой негодный французъ зашелъ къ намъ въ садъ» и приказалъ адъютанту дать ему 20 фухтелей и сказать: «такъ его величество учитъ вѣжливости невоспитанныхъ французовъ» и чтобъ онъ сейчасъ убирался изъ сада.

Послѣ паденія Петра III, первое явившееся сочиненіе о переворотѣ было помѣщенное въ парижскомъ Journal Encyclopédique 1-го ноября 1762 года [1]) анонимное письмо одного иностранца къ своему другу, которому онъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, это событіе и осуждаетъ падшаго императора. Письмо это написалъ къ Вольтеру «длинный, худой и косой» Пиктэ, чрезъ котораго и началась, затѣмъ, переписка Екатерины съ Вольтеромъ.

Какую именно должность занималъ въ 1762 году Пиктэ въ Петербургѣ, мы сказать не можемъ; впослѣдствіи же, онъ сдѣлался французскимъ учителемъ у графа Г. Г. Орлова и состоялъ въ канцеляріи опекунства иностранныхъ колонистовъ, которой Орловъ былъ президентомъ. Въ 1765 году, онъ отправленъ былъ во Францію, для приглашенія французскихъ переселенцевъ, но, по возвращеніи оттуда, въ маѣ того же года, былъ уличенъ въ контрабандѣ и хотя Екатерина, помня прежнія его услуги, смягчила слѣдовавшее ему наказаніе, но онъ долженъ былъ покинуть Россію [2]). Дальнѣйшая судьба Пиктэ не вполнѣ ясна. Въ 1785—1794 годахъ онъ проживалъ въ Лондонѣ, гдѣ занимался литературными трудами.

Эти краткія свѣдѣнія объ Одарѣ и Пиктэ показываютъ, что они принадлежали къ числу тѣхъ полу-авантюристовъ, которые во множествѣ начали являться въ Россію, еще со времени Елизаветы Петровны. Къ совершенно иному роду людей принадлежало третье лицо, принявшее также участіе въ предварительной переепискѣ о приглашеніи Даламбера въ Россію,—Николаи.

Генрихъ Людвигъ Николаи родился въ Страсбургѣ и по окончаніи курса въ тамошнемъ университетѣ отправился въ Парижъ,

---

[1]) T. VII, 3-me partie, p. 122—131. Еще ранѣе этого въ томъ же журналѣ 1762 г. (T. VI, 1-re partie, p. 145—151; T. VII, 2-me partie, p. 140—152 и 3-me partie, p. 141—149) помѣщены были въ отдѣлѣ Nouvelles politiques (безъ подписи) тѣ три письма Пиктэ изъ Петербурга, которые г. Бартеневъ недавно перепечаталъ въ Архивѣ кн. Воронцова, кн. XXIX, стр. 159—170.

[2]) Изъ дѣлъ государственнаго архива (1765 года, XIX, 298) видно, что въ этой контрабандѣ участвовали еще два француза, Демаре и Леманьянъ. Послѣдній былъ родственникомъ Пиктэ. О немъ см. въ запискахъ Бернарденъ де С. Пьера. Oeuvres posthumes, стр. XIII и слѣд.

гдѣ посѣщалъ литературное общество дѣвицы Леспинасъ, постоянными гостями которой были Даламберъ и Дидро. Тутъ же познакомился онъ съ княземъ Д. М. Голицынымъ. Назначенный, въ маѣ 1761 года, посломъ въ Вѣну, князь Голицынъ желалъ имѣть при себѣ, въ качествѣ секретаря, молодаго человѣка, который соединялъ бы съ хорошимъ происхожденіемъ общее научное образованіе и знаніе языковъ. Онъ остановился на Николаи, который принялъ его предложеніе. Пробывъ въ Вѣнѣ два года, Николаи въ 1763 году возвратился на родину, гдѣ остался недолго и совершилъ путешествіе по Франціи. Вновь вернувшись въ Страсбургъ, Николаи сдѣлался профессоромъ въ тамошнемъ университетѣ, куда поступили сыновья президента петербургской академіи наукъ графа К. Г. Разумовскаго. Въ 1766 году, Разумовскій пригласилъ Николаи воспитателемъ къ своему сыну Алексѣю, съ которымъ Николаи совершилъ путешествіе по Европѣ и пріѣхалъ въ Россію въ 1796 году.

Еще въ бытность свою за границею, Николаи получилъ отъ графа Н. И. Панина предложеніе принять участіе при воспитаніи цесаревича Павла Петровича и съ тѣхъ поръ безотлучно состоялъ при немъ во все время его великокняжества, а въ царствованіе его занималъ должность президента Академіи Наукъ. Совершенно отдавшись новому своему отечеству, Николаи умеръ въ глубокой старости, снискавъ общее къ себѣ уваженіе.

На первоначальныя предложенія пріѣхать въ Россію, сдѣланныя Даламберу чрезъ Одара и поддержанныя чрезъ Пиктэ (письма I и III) Даламберъ отвѣчалъ отказомъ (письмо IV), но это дало поводъ самой императрицѣ написать ему, въ ноябрѣ 1762 года, письмо, пересланное Даламберу Панинымъ (письмо VI) и тотчасъ же повсюду оглашенное, — въ которомъ она, между прочимъ, утверждаетъ, что воспитаніе сына такъ близко ея сердцу и Даламберъ такъ ей нуженъ, что, быть можетъ, она слишкомъ настаиваетъ на своемъ предложеніи и приглашаетъ его пріѣхать въ Россію со всѣми его друзьями [1]). Несмотря однако и на это письмо и на всѣ выгодныя условія, предложенныя ему чрезъ русскаго посланника въ Парижѣ, С. В. Салтыкова (письмо VIII), Даламберъ рѣшительно отказался отъ предложенной ему чести.

Трудно сказать, могъ ли бы Даламберъ быть пригоденъ къ дѣлу воспитанія наслѣдника русскаго престола. Самъ онъ, повидимому, не очень серьезно смотрѣлъ на сдѣланное ему предложеніе и шутливо писалъ Вольтеру: «знаете ли вы, что мнѣ предложили, хотя я и не имѣю чести быть іезуитомъ, воспитаніе великаго князя въ Россіи. Но я очень подверженъ гемороидальнымъ коликамъ, а онѣ

[1]) Письмо это 13-го ноября 1762 г. было неоднократно напечатано и въ послѣдній разъ въ Сбор. Рус. Ист. Общ., VII, 178.

слишкомъ опасны въ этой странѣ». Литературный врагъ Даламбера, Ж. Ж. Руссо, находилъ, что отказываясь отъ этого приглашенія, Даламберъ поступилъ хорошо, потому, что онъ не сдѣлалъ бы изъ Павла Петровича ни завоевателя, ни мудреца, а сдѣлалъ бы только арлекина. Какъ ни рѣзко это мнѣніе Руссо, но въ тогдашнемъ французскомъ обществѣ многіе выражали сомнѣніе въ пригодности Даламбера къ педагогической дѣятельности. «Даламберъ—это Діогенъ, котораго слѣдуетъ оставить въ его бочкѣ», записалъ въ своемъ дневникѣ литературный хроникеръ того времени Башомонъ, повторяя, вѣроятно, отзывъ современнаго ему общества. Напротивъ того, нѣкоторые изъ друзей Даламбера горячо совѣтывали принять сдѣланное ему императрицею приглашеніе, указывая на его практическія выгоды (письмо IX).

Несмотря на отказъ Даламбера, ближайшая цѣль, которую, приглашая его, имѣла въ виду Екатерина, была ею достигнута. Французская академія занесла въ свои протоколы предложеніе, сдѣланное ея члену, Вольтеръ патетически поздравилъ своего друга и газеты разнесли по всему свѣту вѣсть объ этомъ просвѣщенномъ дѣйствіи Екатерины. Первый шагъ по пути къ популярности былъ сдѣланъ ею удачно, а что вызовъ Даламбера не былъ ни искреннимъ, ни серьезнымъ дѣломъ, видно изъ того, что получивъ его отказъ, Екатерина на этомъ успокоилась и не продолжала искать своему сыну другаго воспитателя. Въ парижскомъ литературномъ кругѣ распущенъ былъ слухъ, что Екатерина намѣревалась обратиться съ подобнымъ же предложеніемъ или къ Дидро, или къ Мармонтелю, или къ Сорену (Saurin), но ничего подобнаго не послѣдовало.

Одновременно съ предложеніемъ принять на себя воспитаніе цесаревича, сдѣлано было Даламберу, чрезъ И. И. Шувалова (письмо II), другое предложеніе — перенести въ Россію печатаніе Энциклопедіи, которую онъ издавалъ вмѣстѣ съ Дидро и которая подвергалась тогда запрещенію во Франціи. Предположеніе это также не осуществилось [1].

Начатая такимъ образомъ переписка Екатерины съ Даламберомъ продолжалась до 1767 года, довольно дѣятельно, касаясь исключительно литературныхъ предметовъ, трудовъ Даламбера и занятій Екатерины по сочиненію наказа Коммисіи объ уложеніи.

Занимаясь составленіемъ наказа, Екатерина встрѣтила сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, произойдетъ хорошій и полезный резуль-

---

[1]) Письмо Шувалова къ Дидро по тому же предмету, отъ 20-го августа 1762 года, см. въ Correspondance de Grimm et le Diderot, Paris, 1829, стр. 184,

тать? и вопросъ этотъ предложила Даламберу, чрезъ посредсво г-жи Жоффрень, съ которою состояла таже въ перепискѣ [1]).

Отвѣтъ Даламбера является въ печати въ первый разъ (приложеніе XX).

Перечитывая письма Даламбера къ императрицѣ, нельзя не замѣтить, что въ нихъ слышна какая-то принужденность, торжественность и напыщенность. Онъ доказываетъ, декламируетъ, разсыпается въ безконечныхъ выраженіяхъ уваженія. Самый независимый изъ такъ называемыхъ философовъ XVIII вѣка похожъ на придворнаго, но придворнаго неловкаго, неискуснаго; это доказываетъ, какъ несвойственна была ему подобная роль. Сколько извѣстно, Екатерина не сдѣлала ему никакихъ благодѣяній, но онъ такъ неловко жалуется на свои денежныя затрудненія и хвалитъ императрицу за ея щедрость къ Дидро, что какъ будто бы самъ выпрашиваетъ милостей. Дидро, помня оказанныя ему благодѣянія, навсегда остался горячимъ сторонникомъ Екатерины; Вольтеръ поддерживалъ съ нею переписку какъ потому, что это удовлетворяло его непомѣрному самолюбію, такъ и по разсчету, сочиняя статьи по заказу русскаго правительства; для Даламбера не существовало этихъ побужденій, а вести чисто литературную переписку было для него совершенно безцѣльно.

Вѣроятно, поэтому онъ и прекратилъ эту корреспонденцію и возобновилъ ее только въ 1772 году, по слѣдующему поводу.

Преслѣдуя польскихъ конфедератовъ, русскіе войска заняли Краковъ и взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ французскихъ офицеровъ, служившихъ въ польской арміи. «Во имя философіи» Даламберъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбою объ ихъ освобожденіи, но получилъ въ этомъ отказъ; онъ повторилъ свою просьбу, но императрица осталась неумолимою, обѣщавъ только освободить плѣнниковъ «въ свое время» [2]).

Екатерина не сомнѣвалась, что просьба Даламбера была ему внушена тогдашнимъ французскимъ министерствомъ и это повліяло, можетъ быть, на ея рѣшеніе, потому что отношенія Россіи къ Франціи были въ то время натянуты [3]). Тѣмъ не менѣе, Даламберъ крайне оскорбился тѣмъ, что Екатерина, сообщивъ о своемъ отказѣ въ его ходатайствѣ Вольтеру, прибавила, что ей хотѣлось написать Даламберу, что плѣнные французы нужны ей для введенія

---

[1]) Письмо 15-го января 1766 года въ Сборн. Рус. Ист. Общ., I, стр. 283, и письмо Даламбера къ императрицѣ отъ 11-го августа 1766 года, тамъ же, X, стр. 181.

[2]) Письма эти напечатаны въ XIII томѣ Сборн. Рус. Ист. Общ.

[3]) Письмо къ Гримму, 8-го мая 1784 года, Сборн. Рус. Ист. Общ. XXIII, стр. 303. Еще ранѣе Даламбера, Вольтеръ предлагалъ герцогу Ришелье свое ходатайство за плѣнныхъ французовъ, но подъ условіемъ, что это будетъ одобрено французскимъ правительствомъ. Письма его въ изд. Бешо, т. 67, № 6347, 6349 и 6359.

въ Россіи изящныхъ манеръ. Даламберъ не безъ основанія увидѣлъ въ этихъ словахъ насмѣшку [1]).

Впрочемъ, хотя императрица и отказала Даламберу, но тѣмъ не менѣе просьба его, кажется, повліяла на судьбу французскихъ плѣнныхъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Тесби де-Белькуръ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ о пребываніи въ Россіи, что свобода объявлена была ему и его товарищамъ по ссылкѣ въ Тобольскъ, 24-го сентября 1773 года, и что онъ не зналъ, кому обязанъ былъ своимъ освобожденіемъ, такъ какъ французскій посланникъ въ Петербургѣ, Дюранъ, къ которому онъ обратился съ просьбою о пособіи уже по прибытіи своемъ изъ Тобольска въ Москву, отвѣтилъ, что онъ не получалъ на счетъ его никакихъ инструкцій [2]).

Послѣ обмѣна, въ 1772 году, писемъ Екатерины и Даламбера, переписка ихъ прекратилась окончательно и Даламберъ сталъ чрезвычайно сдержанъ и холоденъ въ отзывахъ своихъ объ императрицѣ (письмо XXII). Скажемъ болѣе, онъ сдѣлался защитникомъ турокъ и недругомъ Россіи.

Быть можетъ на это повліяли и тѣсныя сношенія Даламбера съ Фридрихомъ II, который также охладѣлъ къ своей союзницѣ. Даламберъ, много обязанный Фридриху, питалъ къ нему глубокое уваженіе и, какъ не безъ ироніи замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей того времени, графъ С. Р. Воронцовъ, «съ тѣмъ умеръ, что нѣтъ государя добродѣтельнѣе, какъ король прусскій» [3]).

Кромѣ непосредственной переписки съ императрицею, Даламберъ, какъ видно изъ печатаемыхъ ниже писемъ, былъ въ корреспонденціи съ Бецкимъ и графомъ Разумовскимъ (письма XV и XVIII) [4]). Сверхъ того, многіе русскіе, посѣщавшіе Парижъ, были въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ.

Такъ съ нимъ знакомъ былъ графъ А. Р. Воронцовъ [5]); въ 1772 году посѣтилъ его бывшій въ Парижѣ директоръ Академіи Наукъ графъ В. Г. Орловъ [6]); въ 1774 году—графъ Чернышевъ [7]), а въ 1778 году видался съ нимъ извѣстный фонъ-Визинъ. Выражаясь очень неблагосклонно о французскомъ обществѣ вообще и о французскихъ писателяхъ въ особенности, фонъ-Визинъ говоритъ, что

---

[1]) Письмо Вольтера къ Даламберу, отъ 19-го апрѣля 1773 года, и отвѣтъ послѣдняго 27-го апрѣля. Письма его въ изд. Вешо, т. 68, № 6533 и 6542.

[2]) Thesby de Belcourt. Relation d'un officier français pris par les Russes et rélégné en Sebérie, Amsterdam, 1776, стр. 156, 223 и 236.

[3]) Арх. князя Воронцова, IX, 434.

[4]) Письмо Даламбера къ Разумовскому см. у Васильчикова, Семейство Разумовскихъ, Спб., 1880, I, 328.

[5]) Письмо къ нему Даламбера отъ 1-го ноября 1764 года, въ Арх. князя Воронцова, XXIX, 299.

[6]) Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова. Спб., 1878, I, 256.

[7]) Письмо Даламбера къ Фридриху, 12-го апрѣля 1775 года, Oeuvres de Frédéric, XXV, 10.

«изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня Даламберъ. Я воображалъ лицо важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіогномію» [1]). Наконецъ, въ 1782 году, посѣтилъ Даламбера цесаревичъ Павелъ Петровичъ, путешествовавшій подъ именемъ графа Сѣвернаго. Отдавая отчетъ объ этомъ посѣщеніи, Даламберъ писалъ, что Павелъ Петровичъ наговорилъ ему очень много любезнаго о желаніи, которое имѣли видѣть его въ Петербургѣ и о сожалѣніи, которое въ особенности онъ испыталъ, убѣдившись въ невозможности этого. «Я очень тронутъ его сожалѣніемъ, прибавилъ Даламберъ, но вовсе не раскаяваюсь и даже, можетъ быть, менѣе чѣмъ когда либо» [2]).

Эти слова Даламбера показываютъ, на сколько измѣнился его взглядъ на дѣятельность императрицы Екатерины. Такая же перемѣна произошла, въ свою очередь, и въ ея мнѣніи о Даламберѣ. Получивъ извѣстіе о его смерти (29-го октября 1783 года), Екатерина писала Гримму: «прискорбно, что Даламберъ умеръ, не видавъ и не читавъ нашего оправданія по дѣлу о Крымѣ [3]); по крайнѣй мѣрѣ слѣдовало бы выслушать обѣ стороны и судить уже послѣ того; вмѣсто этого онъ говорилъ намъ оскорбленія; мнѣ это непріятно, какъ и то малодушіе, которое онъ выказалъ во время своей болѣзни; вѣроятно силы тѣлесныя превозмогли силы душевныя. Но эти люди часто судили иначе, чѣмъ они проповѣдывали; очень давно я была у него въ немилости и вы знаете, что насъ поссорилъ Вольтеръ».

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и надъ Франціею разразились ужасы практическаго примѣненія тѣхъ началъ, въ теоретической разработкѣ которыхъ энциклопедисты принимали такое дѣятельное участіе. Тогда Екатерина, забывъ о покровительствѣ, которое она нѣкогда оказывала имъ и ихъ Энциклопедіи, печатаніе которой предлагала перенести въ Россію, писала Гримму, что она «ожидаетъ отъ него оправданія въ ея умѣ философовъ и ихъ учениковъ, въ томъ, что они имѣли долю участія въ революціи и въ Энциклопедіи, ибо Гельвецій и Даламберъ признавались оба Фридриху II, что въ этой книгѣ было два лишь предмета: первый, уничтоженіе христіанской религіи, второй, — уничтоженіе царской власти» [4]).

Д. Кобеко.

---

[1]) Сочиненія, изд. Ефремова, Спб., 1866, 440 и 447.

[2]) Письмо къ Фридриху, 21-го іюня 1782, Oeuvres de Frédéric, XXV, 230.

[3]) Манифестъ о присоединеніи Крыма къ Россіи состоялся 8-го апрѣля 1783 года, но напечатанъ позднѣе и въ нѣмецкомъ переводѣ явился въ особомъ приложеніи къ St-Petersburger Zeitung, 21-го іюля 1783 года.

[4]) Сборн. Рус. Ист. Общ. XXIII стр. 308 и 622.

I.

Pictet à d'Alembert.

St. Pétersbourg, $\frac{4}{15}$ août 1762.

Monsieur. Quoique je n'aie eu l'honneur de Vous connaître, qu'à l'occasion du voyage, que Vous fîtes à Génève pour voir Monsieur de Voltaire et que Votre temps soit trop précieux pour que j'eusse voulu prétendre à entretenir avec Vous un commerce de lettres, qui n'aurait été de Votre part qu'une preuve de Votre politesse, je me flatte que la circonstance des propositions que Vous fait faire Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies et l'intention que j'ai en écrivant, Vous feront recevoir ma lettre avec plaisir. Si Vous étiez un homme ordinaire on n'imaginerait pas que Vous fussiez un seul instant en suspens sur les propositions de Sa Majesté, mais Vous êtes un philosophe qui avez donné tant de preuves de Votre façon de penser sur la fortune, qu'on ne peut s'empêcher d'avoir quelques doutes pour le parti que Vous prendrez; mais permettez moi de Vous le dire si Vous hésitez il faut que la personne de notre auguste souveraine, son caractère, son esprit, ses talents, ne Vous soient point du tout connus. Je voudrais Vous la peindre, Monsieur; mais la tâche est au dessus de mes forces et je ne connais que la plume d'un Voltaire, d'un Diderot, d'un d'Alembert qui pût en parler dignement; peut-être

---

I.

Пиктэ Даламберу.

С.-Петербургъ, $\frac{4}{16}$ августа 1762 года.

М. Г. Хотя я имѣлъ честь познакомиться съ вами только во время путешествія вашего въ Женеву, для свиданія съ г. Вольтеромъ, и хотя время ваше слишкомъ дорого для того, чтобы я могъ разсчитывать поддерживать съ вами переписку, которая съ вашей стороны была бы лишь доказательствомъ вашей вѣжливости, тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что благодаря сущности предложенія, которое дѣлаетъ вамъ ея величество императрица всероссійская и въ уваженіе намѣренія, съ которымъ я вамъ пишу, вы получите письмо мое не безъ удовольствія. Если бы вы были человѣкомъ обыкновеннымъ, то нельзя бы было и представить себѣ, чтобы вы остались, хотя на минуту, въ недоумѣніи на счетъ намѣреній ея величества, но вы философъ, явившій столько доказательствъ своего взгляда на богатство, и потому нельзя не имѣть нѣкоторыхъ сомнѣній на счетъ вашего рѣшенія. Позвольте же мнѣ сказать вамъ, что если вы будете колебаться, то надобно полагать, что личность нашей августѣйшей государыни, ея характеръ, ея умъ и ея таланты вамъ, совершенно неизвѣстны. Я желалъ бы изобразить ее предъ вами, м. г., но эта задача превосходитъ мои силы и я думаю, что только перо Вольтера, Дидро, Даламбера можетъ говорить о ней достойнымъ образомъ. Быть можетъ вы вообразите себѣ, что въ этомъ слу-

imaginerez Vous, que je ne consulte dans ceci que mon interêt et le désir de Vous voir; peut-être porterez Vous l'injustice jusqu'à me confondre, avec ces hommes de cour qui n'ont d'autre idée que de faire la leur, fut—ce même aux dépens de la vérité; il est certain que je désirerais fort d'être à même de former avec Vous des relatíons plus particulières; mais il est des régles dont un honnête homme ne s'écarte jamais et je me flatte de l'être. Vous dirai-je plus, je suis républicain, j'ai sucé avec le lait les moeurs de mon pays; il y a trop peu de temps que je l'ai quitté pour avoir changé de façon de penser; j'y suis attaché par des liens presque indissolubles et sans avoir aucun des motifs qui Vous sont présentés, je sens cependant que je ne pourrais de longtemps me résoudre à quitter Pétersbourg uniquement pour jouir du spectacle d'une souveraine, qui ayant les talents nécessaires, consacre tous ses instants à rendre tout son Empire florissant et son peuple heureux: ce tableau n'aurait-il rien d'intéressant pour Vous? Je sais que mille liens Vous attachent à Paris, que Vous y avez autant d'amis que de persones qui Vous connaissent, que Vous êtes au centre des lettres, des arts, des talents; mais un philosophe est fait pour sentir qu'il se doit á l'instruction des hommes. Pierre le Grand a tiré cet Empire de l'obscurité; on est étonné du progrés que la nation a fait en si peu de temps; cependant on ne peut se dissimuler que depuis la mort de ce prince, les progrés n'ont pas répondu à ce qu'on doit attendre de l'état où il avait porté les choses; il fal-

---

чаѣ я соображаюсь только съ моими интересами и съ желаніемъ свидѣться съ вами; быть можетъ, вы доведете несправедливость до того, что смѣшаете меня съ толпою придворныхъ, у которыхъ одна только мысль—ухаживать за всѣми, хотя бы то было даже въ ущербъ истинѣ. Конечно, я горячо желалъ бы имѣть возможность войти съ вами въ болѣе близкія сношенія, но есть правила, отъ которыхъ никогда не уклоняется честный человѣкъ, а я льщусь принадлежать къ ихъ числу; скажу вамъ болѣе, я республиканецъ, я всосалъ съ молокомъ нравы моей родины; слишкомъ мало времени прошло съ тѣхъ поръ, что я ее покинулъ, для того чтобы я могъ измѣнить мой образъ мыслей; я связанъ съ нею узами почти неразрывными и не имѣя ни одного изъ поводовъ, которые вамъ представлены, чувствую однако, что еще на долгое время я не могъ бы рѣшиться покинуть Петербургъ единственно для того, чтобы наслаждаться лицезрѣніемъ государыни, которая обладая всѣми необходимыми талантами посвящаетъ каждое мгновеніе на то, чтобы сдѣлать свою страну цвѣтущею и свой народъ счастливымъ. Развѣ эта картина не имѣетъ ничего привлекательнаго и для васъ? Я знаю, что тысячи узъ привязываютъ васъ къ Парижу, что у васъ тамъ столько же друзей, сколько лицъ, васъ знающихъ; что вы находитесь въ центрѣ литературы, искусствъ, талантовъ, но философъ созданъ для того, чтобы сознавать свой долгъ въ отношеніи къ просвѣщенію человѣчества. Петръ Великій вывелъ эту страну изъ мрака; всѣ удивлены успѣхами, сдѣланными націею въ столь короткое время; однако невозможно скрыть, что со смерти этого государя,

lait une souveraine comme Catherine pour corriger les abus qui s'étaient glissés et donner une nouvelle vie à tant d'établissements utiles; mais puisque cette princesse a le génie assez étendu pour sentir que l'esprit philosophique est le seul capable d'inspirer aux hommes l'amour du bien et la pratique des vertus morales, les vrais philosophes doivent—ils hésiter lorsqu'elle les invites à venir les répandre chez elle? Vous serez ici dans le cas de voir tous les jours, son altesse impériale Monsieur le grand duc; Vous êtes ami de Monsieur Diderot qui dans l'épître dédicatoire qu'il a adressé à Madame la Princesse de Nassau a donné une si belle leçon à tous les princes; Vous sentez comme lui, et quelle ne sera pas la satisfaction, dont Vous jouirez, lorsque Vous verrez vos principes de philosophie et de morale devenir ceux de ce jeune prince et en assurant son bonheur et sa gloire, assurer aussi la félicité de tant de millions de Vos semblables! Parlerais-je de l'Encyclopèdie, de ce livre cher et précieux à tous ceux, qui pensent, dont le bigotisme et l'hypocrisie ont arrêté l'impression; tache, à jamais honteuse pour la France; Vous devez à la République des lettres de l'achever et comment pourriez Vous trouver une occasion plus favorable que la protection que l'Impératrice Vous accorde? Enfin, Monsieur, ce qui à mon sens doit le plus contribuer à Vous décider, parce que cela sert à Vous faire connaître le caractère de la souveraine, qui Vous demande, c'est que je lui ai ouï dire, qu'elle savait bien que Vous étiez trop philosophe pour que la fortune put

---

успѣхи не соотвѣтствовали тому, чего должно было ожидать отъ положенія, въ которомъ онъ оставилъ дѣла; нужна была государыня, подобная императрицѣ Екатеринѣ, чтобы исправить вкравшіяся злоупотребленія, и придать новую жизнь столь многочисленнымъ полезнымъ учрежденіямъ, но если эта государыня обладаетъ геніемъ, довольно обширнымъ, чтобы сознавать, что философическій умъ есть единственно способный внушить людямъ любовь къ добру и жизнь добродѣтельную, то истинные философы должны ли колебаться, когда она приглашаетъ ихъ распространять эти начала въ ея государствѣ? Здѣсь вы будете имѣть случай видѣть ежедневно великаго князя; вы другъ г. Дидро, который въ посвятительномъ письмѣ своемъ принцессѣ Нассауской далъ такой прекрасный урокъ государямъ; вы чувствуете, какъ и онъ, и каково будетъ удовольствіе, которымъ вы будете наслаждаться, когда вы увидите, что ваши правила философіи и морали, сдѣлаются и правилами этого молодаго великаго князя и когда, утверждая его счастіе и его славу, вы утвердите также и блаженство столькихъ милліоновъ людей? Говорить ли мнѣ объ Энциклопедіи, объ этой книгѣ, любезной и драгоцѣнной для всѣхъ, кто мыслитъ, печатаніе которой было остановлено ханжествомъ и лицемѣріемъ,—пятно навсегда постыдное для Франціи. Вы обязаны передъ наукой окончить ее и гдѣ вамъ найти для этого болѣе благопріятный случай, какъ не въ покровительствѣ, которое оказываетъ вамъ императрица. Наконецъ, м. г., то что, по моему мнѣнію, должно болѣе всего способствовать вашему рѣшенію, потому что это поможетъ вамъ ознакомиться съ характе-

Vous tenter, mais qu'elle espérait que Votre amour pour l'humanité et pour les sciences Vous déciderait; c'est ce mot, que Sa Majesté m'a fait l'honneur de m'adresser, qui m'a mis la plume à la main; il m'a fait tant d'impression, il peint si bien ses sentiments, que j'ai voulu Vous le communiquer.

J'imagine que Monsieur Grimm est trop des amis de Monsieur Diderot pour n'être pas des Vôtres; oserai-je Vous demander de lui faire mes compliments et de le prier de faire agréer les assurances de mon respect à Madame d'Epinay. Si Vous voulez m'honorer d'une réponse, je Vous prie de me l'envoyer sous le couvert de Monsieur de Béranger, chargé des affaires de Sa Majesté très-chrétienne ici, comme il veut bien faire partir ma lettre dans son paquet, j'ai pris la liberté d'y enjoindre une pour Monsieur de Voltaire, que je Vous prie de vouloir bien faire mettre à la poste; soyez persuadé des sentiments, avec lesquels j'ai l'honneur d'être etc.

II.

Schouvalow à d'Alembert.

St.-Pétersbourg, $\frac{9}{29}$ août 1762.

Monsieur. Vous n'êtes pas surpris sans doute d'apprendre que Monsieur d'Alembert est aussi connu en Russie qu'en France; mais Vous

---

ромъ государыни, которая васъ вызываетъ, — это то, что я слышалъ отъ нея, что она отлично знаетъ, что вы слишкомъ философъ для того, чтобы богатства могли васъ прельстить, но она надѣется, что ваша любовь къ человѣчеству и къ наукамъ заставитъ васъ рѣшиться. Эти слова, съ которыми ея величество изволила обратиться ко мнѣ, заставили меня взяться за перо; они произвели на меня такое впечатлѣніе, они такъ хорошо рисуютъ ея чувства, что я хотѣлъ сообщить ихъ вамъ.

Я полагаю, что г. Гриммъ слишкомъ друженъ съ г. Дидро, чтобы не находиться и въ числѣ вашихъ друзей; смѣю ли просить васъ передать ему мое почтеніе и просить его передать выраженіе моего уваженія къ г-жѣ д'Эпинэ. Если вы пожелаете почтить меня отвѣтомъ, прошу васъ прислать его по адресу г. Веранже, здѣшняго французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Такъ какъ онъ согласился послать мое письмо въ своемъ конвертѣ, то я осмѣлился приложить еще другое на имя г. Вольтера, которое покорнѣйше прошу васъ отправить на почту. Примите увѣреніе въ чувствахъ, съ которыми честь имѣю быть и проч.

II.

И. И. Шуваловъ Даламберу.

С.-Петербургъ, $\frac{9}{20}$ августа 1762 года.

М. Г. Вы, конечно, не удивитесь, узнавъ что имя Даламбера столь же извѣстно въ Россіи, какъ и во Франціи, но, надѣюсь, будете польщены тѣмъ,

serez flatté, j'espère, d'avoir su acquérir en la personne de l'Impératrice ma souveraine une protection aussi zélée, que puissante. Le fameux ouvrage de l'Encyclopèdie auquel Vous avez tant de part, a donné à Sa Majesté l'Impératrice une idée de Votre mérite, conforme à l'admiration et à l'estime, que Vous Vous êtes attiré du public; c'est par son orde, Monsieur, que je dois Vous marquer, que si l'ouvrage rencontre des obstacles ailleurs, il pourrait être achevé en Russie; l'impression se ferait à Riga ou dans quelque autre ville de cet empire. S'il Vous faut un secours en argent pour subvenir aux frais qui naturellement doivent être considérables, Vous n'avez qu'à parler. Enfin on sera charmé de Vous prêter tous les secours que Vous jugerez nécéssaires pour achever un travail glorieux pour notre siècle et utile à tout le Genre humain.

Je suis charmé, Monsieur, d'avoir pu être l'interprète de l'intention de ma souveraine. Jamais l'inclination n'a mieux secondé le devoir. Je me ferai autant de gloire que de plaisir de pouvoir Vous prouver plus particuliérement la considération distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc.

NB. Vous aurez la bonté de m'adresser Vos lettres par le prince de Galitzin, notre ambassadeur à Vienne, — comme je crois, que notre ambassadeur est parti de Paris, je joins ici mon adresse.

что съумѣли пріобрѣсти въ лицѣ императрицы, всемилостивѣйшей моей государыни, столь же ревностную, какъ и могущественную покровительницу. Энциклопедія, этотъ знаменитый трудъ, въ которомъ вы приняли такое участіе, дала императрицѣ понятіе о вашихъ достоинствахъ, вполнѣ согласное съ удивленіемъ и уваженіемъ, которыя вы привлекли къ себѣ со стороны общества. По ея повелѣнію, я долженъ сообщить вамъ, м. г., что если это предпріятіе встрѣчаетъ препятствія въ другихъ странахъ, оно могло бы быть окончено въ Россіи; печатаніе его производилось бы въ Ригѣ или въ какомъ либо иномъ городѣ Россіи. Если вы нуждаетесь въ деньгахъ, для покрытія издержекъ, которыя, конечно, должны быть значительны, вамъ остается лишь заявить объ этомъ. Однимъ словомъ, государыня будетъ рада оказать вамъ всякую помощь, которую вы признаете необходимою для окончанія труда, который прославитъ наше время и принесетъ пользу для просвѣщенія всего человѣчества.

Я счастливъ тѣмъ, что могъ быть выразителемъ намѣренія всемилостивѣйшей моей государыни. Никогда личное влеченіе не содѣйствовало столь хорошо исполненію долга. Я вмѣняю себѣ столько же въ заслугу, какъ и въ удовольствіе, если мнѣ представится случай чѣмъ либо особеннымъ выразить вамъ то глубокое уваженіе, съ которымъ честь имѣю быть, и т. д.

NB. Будьте добры пересылать ваши ко мнѣ письма чрезъ посредство нашего посланника въ Вѣнѣ, князя Голицына, такъ какъ я полагаю, что нашъ посланникъ въ Парижѣ выѣхалъ оттуда. Прилагаю мой адресъ.

III.

d'Odar à d'Alembert.

Vienne, septembre 1762.

Monsieur. La nature de ma commission peut excuser auprès de Vous la liberté que je prends de Vous écrire sans avoir l'honneur d'être connu de Vous. C'est par zèle pour le service de l'Etat, duquel j'ai l'avantage d'être citoyen, que j'ai pris sur moi de Vous sonder, Monsieur, si Vous pourriez écouter les propositions de concourir à l'instruction du jeune Grand Duc de Russie. Rien ne peut Vous donner une preuve plus convainquante de l'admiration génèrale que Vous Vous êtes acquise que la confiance qu'une cour si éloignée met dans Votre esprit et dans Votre coeur; c'est un mérite que S. E. M-r de Panin, gouverneur de ce jeune prince, voudrait se faire auprès de sa souveraine, que de mettre entre des mains si habiles un ouvrage qu'elle a tant à coeur. Toute l'Europe est si unanime sur l'éloge de notre gracieuse impératrice, qu'il serait superflu de retracer ici la grandeur de son âme, son amour pour les sciences et pour ceux qui s'y distinguent, son humanité, sa générosité, si toutes ces vertus, en Vous garantissant l'accueil le plus gracieux et les récompenses proportionnées au plaisir que Vous lui ferez, ne me servaient d'arguments les plus stringents pour Vous y inviter. Je sais bien que les richesses et les honneurs ne sont pas ce qui détermine un philosophe; mais l'occasion

---

III.

Одаръ Даламберу.

Вѣна, 2-го сентября 1762 года.

М. Г. Свойство моего порученія можетъ извинить предъ вами смѣлость, которую я принимаю писать вамъ, не имѣя чести быть съ вами знакомымъ. Изъ усердія къ службѣ государству, гражданствомъ котораго я имѣю честь пользоваться, я принялъ на себя порученіе предварительно спросить васъ, выслушаете ли вы предложеніе содѣйствовать воспитанію молодаго русскаго великаго князя. Ничто не можетъ дать вамъ болѣе убѣдительнаго доказательства всеобщаго уваженія, которое вы пріобрѣли, какъ то довѣріе, которое столь отдаленный дворъ питаетъ къ вашему уму и къ вашему сердцу. Его превосходительство Н. И. Панинъ, воспитатель великаго князя, вмѣнилъ бы себѣ въ заслугу передъ государыней, если бы могъ передать въ столь искусныя руки дѣло, которое такъ близко ея сердцу. Вся Европа столь единодушна въ похвалахъ нашей всемилостивѣйшей государынѣ, что было бы излишне изображать здѣсь величіе ея души, ея любовь къ наукамъ и къ тѣмъ, которые въ нихъ отличаются, ея человѣколюбіе, ея щедрость, если бы всѣ эти добродѣтели, обезпечивая вамъ милостивѣйшій пріемъ и награды, соотвѣтственныя удовольствію, которое вы ей доставите, не служили бы мнѣ аргументомъ къ тому, чтобы пригласить васъ сюда. Я хорошо знаю, что не

de faire un bien si important ne peut que Vous tenter, d'autant plus qu'elle est accompagnée du bonheur d'approcher une princesse des plus accomplies.

Espérant, Monsieur, que Vous voudrez bien m'honorer d'une réponse préalable, j'ai l'honneur d'être, aussi penétré d'admiration pour Vos talents que de la considéraion la plus distinguée

Monsieur

Votre très—humble et très—obéissant serviteur

d'Odar.

Adresse: Conseiller de Cour et
Bibliothécaire de S. M. l'Impèratrice de toutes
les Russies chez son Excel. M. le
Prince Galitzin, ambassadeur extraordinaire de la cour Impériale de Russie
à Vienne.

IV.

d'Alembert à d'Odar.

Monsieur. Il faudrait être plus que philosophe, ou plutôt ne l'être pas assez pour ne pas sentir tout le prix d'une place aussi importante qu'honorable qui étant remplie comme elle mérite de l'être, peut contribuer au bonheur d'une grande nation. Je suis donc infiniment flatté comme je le dois, de la proposition que Vous voulez bien me faire au nom de S. E. M-r de Panin, à qui je Vous prie de faire agréer ma reconnaissance et mon respect. Ce que Vous me faites l'honneur de me dire des qualités éminentes de Votre auguste Impératrice doit

---

богатства и не почести заставляють философа принять рѣшеніе; но прельстить васъ можетъ лишь случай совершить такое великое и доброе дѣло, тѣмъ болѣе, что оно сопровождается счастьемъ быть вблизи одной изъ совершеннѣйшихъ государынь.

Пребывая въ надеждѣ, что вы удостоите меня отвѣта, имѣю честь и проч.

IV.

Даламберъ Одару.

М. Г. Нужно бы было быть болѣе чѣмъ философомъ, или, скорѣе, не быть имъ въ достаточной степени, чтобы не сознавать всю цѣну столь же важной, сколь и почетной должности, которая, будучи исполнена, какъ она того заслуживаетъ, можетъ содѣйствовать счастью великаго народа. Поэтому я въ высшей степени польщенъ, какъ и должно быть, предложеніемъ, которое вы мнѣ дѣлаете отъ имени его превосходительства Н. И. Панина, которому покорнѣйше прошу передать мою признательность и мое уваженіе. То, что вы мнѣ говорите о возвышенныхъ качествахъ августѣйшей вашей государыни,

rendre précieux à tout homme qui pense l'avantage de l'approcher et le bonheur de mériter sa confiance dans une éducation qui lui est si chère. Mais, Monsieur, plus cette confiance m'honorerait par les devoirs sacrés qu'elle impose, plus elle m'effraye par l'incapacité que je me sens d'y répondre. Ne croyez pas que je veuille me parer d'une fausse modestie; si j'avais l'honneur d'être connu de Vous, Vous sauriez avec quelle franchise j'exprime ici ce que je sens et encore plus à quel point je dis la vérité en cette occasion. Quelques connaissances philosophiques et littéraires acquises dans la retraite, peu d'usage des hommes et encore moins des cours, peu de lumières sur les matières épineuses du gouvernement dans lesquelles un prince doit être instruit, tout cela, Monsieur, est bien loin des talents nécésssaires pour remplir dignement la place qu'on me fait l'honneur de proposer. Il y a plus de 30 ans que je travaille uniquement et sans relâche, si je puis parler de la sorte, à ma propre éducation et s'il s'en faut bien que je sois content de mon ouvrage. Jugez du peu de succès que je devrais me promettre d'une éducation infiniment plus importante, plus difficile et plus étendue.

Je n'ajouterai point à ces raisons, Monsieur, les lieux communs ordinaires sur l'amour de la patrie. Je n'ai ni assez à me louer de la mienne pour qu'elle soit en droit d'exiger, de moi de grands sacrifices, ni en même temps assez à m'en plaindre pour ne pas désirer de lui être utile, si elle m'en jugeait capable; j'y ai eu comme tous les

---

должно для каждаго мыслящаго человѣка сдѣлать драгоцѣнными возможность быть въ числѣ ея приближенныхъ и счастье заслужить ея довѣріе въ дѣлѣ воспитанія, которое ей такъ дорого. Но, м. г., чѣмъ болѣе это довѣріе принесло бы мнѣ чести тѣми священными обязанностями, которыя оно на меня бы возложило, тѣмъ болѣе оно страшитъ меня неспособностью, которую я въ себѣ чувствую, чтобы его оправдать. Не думайте, чтобы я желалъ рисоваться моею скромностью; если бы имѣлъ честь быть вамъ знакомымъ, вы бы знали, съ какою откровенностью я выражаю здѣсь то, что чувствую и еще болѣе, въ какой степени я въ настоящемъ случаѣ правдивъ. Нѣкоторыя литературныя и философическія познанія, пріобрѣтенныя въ уединеніи, малое знаніе людей и еще меньшее знаніе двора, мало свѣдѣній о тернистыхъ предметахъ управленія, которымъ долженъ быть обученъ великій князь, все это далеко отъ талантовъ, нужныхъ для того, чтобы достойно выполнить обязанности, которыя мнѣ сдѣлали честь предложить. Уже болѣе 30 лѣтъ, я,—если такъ можно выразиться,—исключительно и неустанно работаю надъ собственнымъ своимъ воспитаніемъ и еще многаго недостаетъ, чтобы я былъ доволенъ результатомъ моихъ трудовъ. Судите же о маломъ успѣхѣ, который я могъ бы обѣщать себѣ отъ результатовъ гораздо болѣе важнаго, болѣе труднаго и болѣе обширнаго воспитанія.

Къ этимъ соображеніямъ я не прибавлю общихъ мѣстъ о любви къ отечеству. Я не могу достаточно похвалиться моею любовью къ родинѣ, чтобы она была въ правѣ требовать отъ меня большихъ жертвъ, ни въ то же время

gens de lettres, qui ont le bonheur ou le malheur de se faire connaître par leur travail, les agréments et les dégoûts, attachés à la réputation; ma fortune y est très-médiocre, mais suffisante à mes besoins et plus que suffisante à mes désirs; ma santé naturellement faible, accoutumée à un climat doux et tempéré ne pourrait en supporter un plus rude; enfin, Monsieur, c'est une des maximes de ma philosophie de ne point changer de situation quand on n'est pas tout à fait mal; mais ce qui éloigne absolument de moi toute envie de me transplanter, c'est mon attachement pour un petit nombre d'amis à qui je suis cher, qui ne me le sont pas moins et dont la société fait ma consolation et mon bonheur; il n'y a, Monsieur, ni honneurs, ni richesses qui puissent tenir lieu d'un bien si précieux.

Un autre motif, non moins respectable pour moi, ne me permet pas, Monsieur, d'accepter les offres si flatteuses de la cour de Russie. Il y a plus de dix ans, le roi de Prusse me fit faire les propositions les plus honorables et les plus avantageuses; il les a reitérées sans succés à plussieurs reprises et mon silence ne l'a pas empêché de mettre le comble à ses bontés pour moi par une pension, dont je jouis depuis 8 ans et que la guerre n'a point suspendue. Il a été mon premier bienfaiteur, il a été longtemps le seul; je jouis de ses bienfaits sans avoir la consolation de lui être utile, et je me croirais indigne de l'opinion favorable que les ètrangers veulent bien avoir de moi, si

---

не могу и жаловаться на нее на столько, чтобы не желать быть ей полезнымъ, еслибы она сочла меня къ тому способнымъ. Какъ всѣ писатели, которые имѣли счастье или несчастье сдѣлаться извѣстными своими трудами, я испыталъ и удовольствія и досады, соединенныя съ извѣстностью; состояніе мое очень скромно, но достаточно для удовлетворенія моихъ нуждъ и болѣе чѣмъ достаточно для моихъ желаній; мое здоровье, слабое отъ природы, пріобыкшее къ мягкому и умѣренному климату, не могло бы перенести климатъ болѣе суровый; наконецъ, м. г., одно изъ правилъ моей философіи состоитъ въ томъ, чтобы не перемѣнять положенія, когда оно еще не окончательно дурно; но что совершенно удаляетъ отъ меня всякое желаніе переселиться, это привязанность моя къ небольшому числу друзей, которымъ я дорогъ, которые не менѣе дороги и мнѣ и общество которыхъ составляетъ мое утѣшеніе и мое счастіе: не существуетъ, м. г. ни почестей, ни богатствъ, которые могли бы замѣнить столь драгоцѣнное благо.

Другая причина, не менѣе достойная въ моихъ глазахъ уваженія, не позволяетъ мнѣ принять крайне лестныя предложенія русскаго двора. Тому болѣе десяти лѣтъ, король прусскій сдѣлалъ мнѣ самыя почетныя и самыя выгодныя предложенія. Онъ ихъ повторялъ неоднократно, но безуспѣшно, и мое молчаніе не помѣшало ему завершить свои благодѣянія пенсіею, которою я пользуюсь въ теченіи 8 лѣтъ и которую не прекратила даже война. Онъ былъ моимъ первымъ благодѣтелемъ и долгое время единственнымъ; я пользуюсь его благодѣяніями, не имѣя утѣшенія быть ему полезнымъ, и счелъ бы себя недостойнымъ благосклоннаго мнѣнія, которое обо мнѣ имѣютъ

j'étais capable de faire pour quelque prince que ce ne fût ce que je n'ai pas eu le courage de faire pour lui.

Je suis etc.

V.

Nicolaï à d'Alembert.

Vienne, ce 20 novembre 1762.

Monsieur. Je viens de remettre à M. d'Odar, la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'adresser pour lui; le séjour qu'il a fait à Venise a traîné un peu plus en long qu'il ne s'était proposé; c'est la raison pourquoi je réponds si tard au billet que Vous avez bien voulu ajouter pour moi. M. d'Odar a plus admiré Votre lettre qu'il en a été content. Pour moi qui Vous ai écrit pour la première fois sous la dictée de mes supérieurs, je Vous écris celle-ci sous celle de mon coeur, sur lequel Votre résolution a fait une impression de plus agréables. Votre modestie, Votre attachement pour Vos amis, Votre contentement d'un sort médiocre, Votre délicatesse, tout me charme, tout porte le caractère de grandeur d'âme, d'honnêteté, de philosophie. Je suis au comble de ma joie d'avoir vu ce trait de Vous et de pouvoir Vous admirer autant en particulier que je l'ai fait dans Vos ouvrages. J'envierais plus le sort du dernier de Vos amis que celui des premiers grands de notre cour. Je ne la connais pas assez pour en dire ni bien

---

иностранцы, если бы былъ способенъ сдѣлать для кого либо изъ государей то, чего я не имѣлъ мужества сдѣлать для него. Остаюсь и пр.

V.

Николаи Даламберу.

Вѣна, 20-го ноября 1762 года.

М. Г. Я только что передалъ г-ну Одару письмо, которое вы сдѣлали мнѣ честь прислать на его имя. Пребываніе его въ Венеціи продлилось нѣсколько долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ: вотъ причина, почему я такъ поздно отвѣчаю на записку, которую вамъ угодно было присовокупить для меня. Г. Одаръ болѣе восхищался вашимъ письмомъ, чѣмъ остался имъ доволенъ. Что касается до меня, я писалъ вамъ первый разъ подъ диктовку моихъ начальниковъ; это письмо пишу вамъ подъ диктовку моего сердца, на которое ваше рѣшеніе произвело самое пріятное впечатлѣніе. Ваша скромность, ваша привязанность къ друзьямъ, ваше довольство умѣреннымъ положеніемъ, ваша деликатность, все меня очаровываетъ, все носитъ на себѣ отпечатокъ величія души, честности и философіи. Я безконечно радъ видѣть въ васъ эту черту и имѣть возможность восхищаться вами какъ человѣкомъ, также какъ уже восхищался вами въ вашихъ сочиненіяхъ. Я болѣе позавидовалъ бы судьбѣ послѣдняго изъ вашихъ друзей, чѣмъ судьбѣ самыхъ знатнымъ нашего двора. Я недостаточно знаю его, чтобы сказать о немъ что либо хорошее или дурное; но тѣмъ не менѣе предполагаю, что вы имѣли бы при немъ столько же

ni mal; toujours je suppose qu'il y aurait eu pour Vous autant d'ennuis que d'agréments comme peut-être à toutes les cours du monde.

Depuis la lettre de M. d'Odar, Vous en aurez reçu, Monsieur, une autre par le canal de M. le Prince de Galitzin; les propositions indirectes qui Vous y auront été faites, me font presque juger qu'on trouvera la démarche de Mr. d'Odar un peu trop précipitée. On a voulu y aller plus finement. Je ne sais pas si on y aurait mieux réussi; M. Diderot auquel je Vous supplie, Monsieur, de présenter mes respects à l'occasion, y répondra sans doute de la même façon.

Je regarderai comme le plus heureux de la vie le moment qui me ramenera vers lui peut-être et celui auquel je pourrai Vous témoigner de bouche toute l'admiration, l'estime et l'attachement que je Vous ai voué

Monsieur
Votre très—humble et très—obéissant serviteur.

VI.

Panin à d'Alembert.

Moscou, ce 13 novembre 1762.

Monsieur. L'incluse que Vous trouverez ici, est de la main de ma souveraine, je croirais affaiblir son contenu si j'aujoutais quelque chose aux sentiments et à la proposition qu'elle contient. Cependant proposé à la direction de l'éducation de ce prince, je dois Vous dire, Mon-

---

непріятностей, сколько и удовольствія, какъ, быть можетъ, при всякомъ другомъ дворѣ въ свѣтѣ.

Послѣ письма г. Одара, вы, безъ сомнѣнія, получили другое письмо чрезъ посредство князя Голицына. Косвенныя предложенія, которыя въ немъ сдѣланы вамъ, заставляютъ меня предполагать, что попытка г. Одара будетъ признана нѣсколько поспѣшною. Къ этому хотѣли подойти болѣе тонкимъ образомъ. Не знаю, лучше ли это удалось. Г. Дидро, которому я покорнѣйше прошу васъ, м. г., передать при случаѣ выраженіе моего почтенія, отвѣтитъ на это, безъ сомнѣнія, такимъ же образомъ.

Я буду считать счастливѣйшею въ моей жизни ту минуту, которая, быть можетъ, приведетъ меня къ нему, и ту, когда мнѣ представится возможность изустно засвидѣтельствовать вамъ удивленіе, почтеніе и привязанность, которыя я къ вамъ питаю. Остаюсь и проч.

VI.

Панинъ Даламберу.

Москва, 13-го ноября 1762 года.

М. Г. Письмо, которое вы найдете приложеннымъ къ настоящему, писано собственною рукою всемилостивѣйшей моей государыни. Опасаюсь ослабить его содержаніе, если прибавлю что либо къ чувствамъ и предложенію, которое оно содержитъ. Тѣмъ не менѣе, поставленный для наблюденія за вос-

sieur, que j'attendrai avec beauconp d'empressement Votre réponse. Les conditions que l'Impératrice veut Vous accorder réponderont sans doute à l'importance de l'objet, à Vos mérites, et à ce que Vous desirerez Vous même. Je suis avec la plus parfaite estime, Monsieur, etc.

VII.

d'Alembert à Catherine.

1762.

Madame. La lettre dont Votre Majesté Impériale vient de m'honorer me pénètre de la plus vive reconnaissance et en même temps de la plus vive douleur de ne pouvoir répondre à Ses bontés. J'ose néamoins, Madame, espérer de ces bontés même et j'ajoute de l'équité de Votre Majesté Impériale, de l'élévation et de la sensibilité de son âme, qu'elle voudra bien rendre justice aux motifs, qui ne me permettent pas d'accepter ses offres.

Si la philosophie est insensible aux honneurs, elle ne saurait l'être au précieux avantage d'approcher une princesse éclairée, courageuse et philosophe (ce phénoméne si rare sur le trône), de mériter sa confiance dans la partie la plus importante de sa glorieuse administration et de concourir à ses vues respectables pour le bonheur d'un grand peuple. Mais, Madame (et je supplie Votre Majesté Impé-

---

питаніемъ великаго князя, я обязываюсь сказать вамъ, м. г., что буду ждать вашъ отвѣтъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Условія, которыя предложила вамъ государыня, будутъ, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовать важности предмета, вашимъ достоинствамъ и тому, что вы сами пожелаете для себя. Остаюсь, м. г., съ совершеннымъ уваженіемъ и проч.

VII.

Даламберъ Екатеринѣ.

(1762 г).

Государыня! Письмо, которымъ вашему императорскому величеству было угодно почтить меня, исполнило меня самою искреннею признательностью и въ то же время живѣйшею скорбью, что не могу воспользоваться вашими милостями. Тѣмъ не менѣе, зная доброту и справедливость вашего величества, а также и чувствительность души вашей, я беру на себя смѣлость надѣяться, что вамъ угодно будетъ признать справедливость тѣхъ доводовъ, въ силу которыхъ я вынужденъ отказаться отъ вашихъ милостивыхъ предложеній.

Какъ бы равнодушно не относилась философія къ почестямъ, она не могла устоять противъ счастливой возможности приблизиться къ монархинѣ, просвѣщенной и мужественной, монархинѣ-философу (феноменъ рѣдко встрѣчающійся на тронѣ)—противъ возможности заслужить ея довѣріе на столько, чтобы стать участникомъ ея славнаго правленія въ наиболѣе важной его части и содѣйствовать приведенію въ исполненіе ея благихъ предначертаній на счастье великаго народа. Но, государыня, (—и я умоляю васъ вѣрить,

riale d'être persuadée, que je la respecte trop pour ne pas lui parler avec toute la franchise philosophique) je ne suis nullement en état par le genre d'études que j'ai faites, de donner à un jeune prince destiné au gouvernement d'un grand empire les connaissances si nécéssaires pour régner, je ne pourrais tout au plus que le former par mes faibles leçons aux vertus, dont Votre Majesté Impériale lui donne bien mieux les exemples. Ma santé d'aileieurs ne pourrait résister au climat rigoureux de la Russie et me rendrait incapable du grand ouvrage, auquel Votre Majesté Impériale me fait l'honneur de m'appeler. Enfin, Madame, le petit nombre d'amis que j'ai le bonheur d'avoir, aussi obscurs et aussi sédentaires que moi, ne pourraient ni consentir à notre séparation, ni se résoudre à abandonner avec moi une patrie, dont ils ne sont pas mieux traités.

Pourquoi faut-il Madame, que la distance immense où je suis des Etats, que Votre Majesté Impériale gouverne avec tant de sagesse et de gloire, ne me permette pas d'aller moi-même la supplier d'approuver ces raisons, mettre à ses pieds au nom de tous les gens de lettres et de tous les sages de l'Europe mon admiration, ma reconnaissance et mon profond respect, et l'assurer surtout que ce n'est point un principe de vanité raffinée qui me détourne de ce qu'elle désire; la vanité du philosophe peut refuser tout à la supériorité du rang, mais elle entend trop bien ses interêts pour ne pas se dévouer à la supériorité des lumières, en s'attachant, comme elle le souhaiterait, à Votre

---

что я слишкомъ уважаю ваше величество, чтобы не высказаться съ откровенностью, подобающей философу) предметъ моихъ научныхъ работъ не таковъ, чтобы я могъ считать себя способнымъ сообщить молодому великому князю, призванному управлять великимъ государствомъ, тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы правителю; все что я бы могъ — это только наставить его въ тѣхъ добродѣтеляхъ, лучшій примѣръ которыхъ являетъ для него ваше императорское величество. Къ тому же здоровье мое не могло бы перенести суровость климата Россіи и я былъ бы поэтому не въ состояніи выполнить тотъ серіозный трудъ, порученіемъ мнѣ котораго вашему императорскому величеству было угодно меня удостоить. Наконецъ, государыня, тѣ немногіе друзья, которыхъ я къ счастью имѣю,—люди такіе же простые и такіе же домосѣды, какъ и я, никогда бы не могли ни согласиться на разлуку со мной, ни рѣшиться покинуть вмѣстѣ со мной отечество, хотя имъ и живется въ немъ не лучше чѣмъ мнѣ.

О, государыня! зачѣмъ разстояніе, отдѣляющее меня отъ страны, которою ваше императорское величество управляете такъ мудро и съ такою славою, на столько громадно, что лишаетъ меня возможности лично умолять васъ признать уважительными высказанные мною доводы и повергнуть къ стопамъ вашего величества отъ имени всѣхъ европейскихъ ученыхъ и мыслителей мое восхищеніе, мою признательность и мое искреннее уваженіе, а главное—убѣдить васъ, что не изъ излишней гордости я отказываюсь исполнить желаніе вашего величества, потому что изъ гордости философъ можетъ

Majesté Impériale, si les motifs les plus puissants et les plus respectables ne s'y opposaient. Je conserverai précieusement toute ma vie la glorieuse marque, que Votre Majesté Impériale vient de me donner de ses bontés et de son estime, mais l'honneur qu'elle me fait est si grand, il suffit tellement à mon bonheur, que je ne songerai même pas à m'en glorifier

Je suis etc.

VIII.

Le Président Hénault à d'Alembert.

Paris, jeudi (1763).

J'ai reçu votre lettre, mon cher confrère, et je me suis aperçu, que j'avais obmis le seul motif, qui ne Vous permettrait pas d'hésiter. Vous êtes seul au monde et vous n'avez ni appui, ni protection; Vous, Vous pourriez Vous en passer, si Vous étiez un homme ignoré; mais malheureusement Vous êtes célèbre et par conséquent Vous avez des ennemis ou des envieux, ce qui est encore pis; on ne sait où cela peut aller et je dois Vous dire que cela est plus sérieux que Vous ne croiez. Il faut donc songer à Vous défendre et voilà une protection bien puissante qui s'offre: gardez — Vous bien de la refuser. Indépendamment des avantages pécuniaires, le plus grand de tout est de se garantir et de s'assurer de jours tranquilles; ainsi donc voyez l'am-

---

не преклоняться передъ величіемъ сана, но, сознавая свое назначеніе, онъ не можетъ не преклоняться предъ величіемъ просвѣщенной дѣятельности вашего императорскаго величества и отказаться, безъ особенно уважительныхъ и побудительныхъ причинъ, отъ возможности стать соучастникомъ этой дѣятельности.

Выраженіе милостей и уваженія, которыми ваше императорское величество меня удостоиваете, я буду хранить, какъ драгоцѣнность, въ продолженіе всей моей жизни, и честь, которую вы мнѣ этимъ оказываете, наполняетъ меня такимъ счастьемъ, что не оставляетъ мѣста чувству суетнаго тщеславія. Остаюсь... и т. д.

VIII.

Президентъ Энò Даламберу.

Парижъ, четвергъ (1763 г.).

Я получилъ ваше письмо, милый мой собратъ, и замѣтилъ, что упустилъ изъ виду единственную причину, которая не должна бы позволить вамъ колебаться. Вы одиноки на свѣтѣ и не имѣете ни поддержки, ни покровительства; вы могли бы обойтись безъ нихъ, если бы были человѣкъ неизвѣстный; но, къ несчастью, вы знамениты, поэтому имѣете враговъ и, что еще хуже, завистниковъ. Неизвѣстно, куда это можетъ привести, но я долженъ сказать вамъ, что это болѣе серьезно, чѣмъ вы полагаете. Поэтому нужно подумать о вашей защитѣ и вотъ является весьма могущественное покровительство: не отказывайтесь отъ него. Независимо денежныхъ выгодъ, самая главная

bassadeur, traitez avec lui avec générosité et avec prudence. Vous êtes pauvre; il vous sied bien de recevoir des bienfaits que Vous recevrez à la face de l'Europe et de l'aveu du roy votre maître. Je demanderai 50.000 livres pour payer vos dettes et Vous mettre en état de partir; par rapport à l'état permanent de Votre fortune je demanderais ou j'insinuerais sans faire de marché quarante mille francs de rente sur la ville. Que savez — Vous ce que Vous penserez, un jour. Peut être Vous marierez vous: en un mot il faut n'avoir besoin de personne et alors tout le monde vous offrira et vous refuserez. Vous sacrifierez quelques jours ou plutôt quelques années à la juste reconnaissance que Vous devez. Ce choix est illustre et vous met hors de pair. Mais en finissant comme j'ai commencé il vous met à l'abri des méchants. C'est le conseil de Votre véritable ami et ce n'est pas une option; c'est un parti forcé. Vous reviendrez dans Votre pays sur un autre pied que Vous n'en êtes sorti, décoré de la confiance d'une impératrice et hors de portée des traits impuissants de la canaille littéraire.

IX.

d'Alembert à Saltikoff.

(1763):

Monsieur. J'aurais cru manquer au profond respect dont je suis pénétré pour l'Impératrice et à la reconnaissance que je lui dois, si

---

состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить и упрочить за собою спокойные дни. Итакъ, повидайтесь съ посланникомъ; переговорите съ нимъ великодушно и благоразумно. Вы бѣдны; вамъ приличествуютъ благодѣянія, которыя вы получите передъ лицомъ всей Европы и съ согласія короля, вашего государя. Я буду ходатайствовать о 50,000 ливровъ на уплату вашихъ долговъ и чтобы дать вамъ возможность выѣхать; по отношенія же къ постоянному упроченію вашего состоянія я бы спросилъ не торгуясь, 40,000 франковъ годоваго дохода. Что вы знаете о томъ, что придетъ вамъ на умъ въ будущемъ? Можетъ быть вы женитесь; однимъ словомъ, не нужно имѣть надобности въ комъ бы то ни было, и тогда явятся къ вамъ съ предложеніями, и вы будете имѣть возможность отказывать. Вы пожертвуете нѣсколько дней или, правильнѣе, нѣсколько лѣтъ чувству признательности, которымъ вы обязаны. Выборъ васъ почетенъ и ставитъ васъ внѣ сравненія съ другими. Но оканчивая, какъ началъ, повторяю, что онъ охраняетъ васъ отъ злыхъ. Вотъ совѣтъ вашего истиннаго друга;—тутъ нѣтъ выбора. Вы вернетесь на родину иначе поставленнымъ, чѣмъ когда вы ее покинули, удостоенный довѣрія императрицы и недосягаемымъ для безсильныхъ ударовъ литературной сволочи.

IX.

Даламберъ С. В. Салтыкову.

(1763 г.).

М. Г. Мнѣ кажется, я измѣнилъ бы глубокому уваженію къ императрицѣ, которымъ я преисполненъ, и признательности, которою я ей обязанъ

je n'avais pas demandé à Votre Excellence le temps de faire de nouvelles refléxions sur les offres prodigieuses que Vous m'avez faites de la part de Sa Majesté Impériale; mais je crains à présent manquer à ce que je Vous dois, Monsieur, si je Vous faisais plus longtemps attendre ma réponse; elle est la même que celle que j'ai eu l'honneur de faire à Sa Majesté Imperiale. Je conserverai toute ma vie la plus profonde reconnaissance des bontés dont elle m'accable et le plus vif regret de n'en pouvoir pas profiter.

Je suis etc:

X.

d'Alembert à Catherine.

(1763).

Madame. L'indulgence avec laquelle Votre Majesté Impériale a bien voulu jeter les yeux sur mes faibles ouvrages et la bonté dont elle comble l'auteur, semblent m'autoriser à lui offrir la nouvelle édition que je viens de faire de mes Mélanges de littérature et de mes éléments de musique. Que je me croirais heureux si une seule page de ces cinq volumes pouvait être utile à l'éducation précieuse que la faiblesse de mes talents et ma situation ne m'ont pas permis d'entreprendre.

Mais, Madame, un prince qui a le bonheur d'avoir une mère telle que Vous, n'a besoin ni d'instituteurs ni de livres.

если бы не испросилъ у вашего превосходительство время, нужное для того, чтобы вновь обдумать тѣ чрезвычайно выгодныя предложенія, которыя вы сдѣлали мнѣ именемъ ея величества. Въ настоящую же минуту я опасаюсь измѣнить тому, чѣмъ я вамъ, м. г., обязанъ, если бы заставилъ васъ ожидать еще долѣе мой отвѣтъ: онъ тотъ же, какой я имѣлъ честь дать ея императорскому величеству. Я сохраню на всю жизнь глубочайшую признательность за блага, которыми она меня осыпаетъ и живѣйшее сожалѣніе о невозможности воспользоваться ими. Остаюсь и проч.

X.

Даламберъ Екатеринѣ.

(1763 г.).

Государыня! Снисходительность, съ которой вамъ угодно было бросить взглядъ на мои слабые труды, и милости, которыми вы осыпаете меня, какъ автора, даютъ мнѣ смѣлость поднести вашему императорскому величеству новое изданіе моихъ сочиненій: «Mélanges de littérature» и «Les éléments de musique». Какъ бы я былъ счастливъ, еслибы хотя одна страница изъ этихъ пяти томовъ могла принести пользу драгоцѣнному дѣлу воспитанія, отъ котораго я вынужденъ былъ отказаться по недостатку способностей и въ силу независящихъ отъ меня обстоятельствъ.

Но, государыня, мнѣ кажется, что великому князю, имѣющему по счастью такую мать, какъ вы, не нужно ни воспитателей, ни книгъ.

L'Académie française qui a désiré que je lui fisse part de la lettre dont Votre Majesté Impériale m'a honoré, a résolu par une délibération unanime de l'insérér dans ses régistres, comme un monument précieux de la faveur distinguée qu'une des plus grandes princesses de l'univers daigne accorder aux lettres; ce monument si cher et si glorieux à la philosophie est devenu, si je l'ose dire, le bien commun de tous ceux qui la cultivent, tous ont partagé ma reconnaissance et mon bonheur.

Vous avez, Madame, acquis dans cette nation libre et pensante, des sujets d'autant plus dévoués qu'ils sont volontaires et des admirateurs d'autant plus justes, qu'ils sont éclairés.

Votre Majesté Impériale, depuis la lettre qu'elle m'a fait l'honneur de m'écrire vient encore de mettre le comble à ses bontés en me faisant offrir par son ambassadeur la fortune la plus immense et les distinctions les plus flatteuses; mais, Madame, si quelque chose avait pû me déterminer à quitter la France et mes amis pour me charger d'un travail supérieur à mes forces, la lettre de Votre Majesté Impériale eut été pour moi le plus puissant de tous les motifs; ceux de l'interêt et de la vanité sont bienfaibles en comparaison.

Les occupations aussi utiles que glorieuses de Votre Majesté Impériale, me défendent de l'importuner plus longtemps, je l'avouerai même avec une douleur respectueuse (car Votre Majesté Impériale parle trop bien le langage du coeur pour ne pas l'entendre) je sens que le devoir m'oblige désormais à me contenter de lui offrir en secret mon admi-

---

Французская академія, пожелавшая, чтобы я сообщилъ ей письмо, которымъ ваше императорское величество изволили почтить меня, единогласно рѣшила занести его въ протоколъ, какъ драгоцѣнное доказательство милостиваго благоволенія, которымъ величайшая изъ монархинь вселенной удостоиваетъ ученыхъ; теперь этотъ документъ, столь драгоцѣнный и славный для философіи, сталъ — если смѣю такъ выразиться — общимъ достояніемъ всѣхъ тѣхъ, которые ее разработываютъ, и всѣ они дѣлятъ со мной и мою признательность и мое счастье.

Вы пріобрѣли, государыня, среди націи, свободной и мыслящей, людей, преданность которыхъ потому уже вполнѣ искренна, что она добровольна, и поклоненіе которыхъ потому уже вполнѣ справедливо, что оно просвѣщенно.

Ваше императорское величество, почтивъ меня письмомъ, осыпали меня еще сверхъ мѣры своими милостями, предложивъ мнѣ чрезъ посланника цѣлое состояніе и самые лестные знаки отличія; но, государыня! если бы и нашлись такіе доводы, на основаніи которыхъ я могъ бы рѣшиться покинуть Францію и друзей и взяться за трудъ, несоотвѣтствующій моимъ силамъ, — то самымъ убѣдительнымъ изъ нихъ было бы письмо ваше; выгода же и почести имѣли бы для меня гораздо меньшее значеніе.

Я не осмѣливаюсь долѣе докучать вашему императорскому величеству и мѣшать занятіямъ, которымъ вы предаетесь съ такою пользою и такою славою; сознаюсь, однако, съ почтительною грустью (— и вы, государыня, зная такъ хорошо всѣ движенія сердца, не можете не понять меня), что чув-

ration et mon hommage; mais si la vivacité et la sincerité de ces sentiments renfermés en dedans de moi — même peut suppléer à leur obscurité si dans les travaux immenses et respectables de Votre Majesté Impériale mon nom revient quelque fois à sa mémoire, je la supplie d'être persuadée que ses bontés et ses vertus seront toujours présentes à mon coeur, que ce souvenir sera la consolation et la douceur de ma retraite, que je ferai sans cesse au nom de tous les Philosophes les voeux les plus ardents pour son bonheur et pour sa gloire et que je lui conserve au fond de mon âme un attachement inviolable et une reconnaissance éternelle.

C'est avec ces sentiments et avec le plus profond respect que je serai toute ma vie etc.

XI.

Catherine à d'Alembert.

à St.-Petersbourg, ce $\frac{7}{18}$ d'Avril 1763.

Monsieur d'Alembert. L'envoi de la nouvelle édition de Vos ouvrages, m'a fait beaucoup de plaisir et la lettre qui l'accompagnait encore plus. Je n'ai point regardé Vos écrits avec indulgence; je leur ai rendu justice. J'y ai trouvé la grandeur du génie ornée de la bonté du coeur et employée l'une et l'autre à instruire le genre humain, que Vous aimez malgré le refus dont Vous Vous glorifiez. Permettez que je Vous dise que l'on Vous reprochera toujours de n'avoir pas fait à l'humanité

ствую себя обязаннымъ впредь удовлетворяться только молчаливымъ удивленіемъ и благоговѣніемъ передъ вами; но если теплота и искренность моихъ чувствъ могутъ выкупить ихъ безвѣстность и если вашему императорскому величеству и за безмѣрными и почтенными трудами вспомнится мое имя, я умоляю васъ вѣрить, что воспоминаніе о добродѣтеляхъ и милостяхъ вашихъ всегда будетъ жить въ моемъ сердцѣ, что воспоминанія эти будутъ мнѣ утѣшеніемъ и усладой въ моемъ уединеніи, что именемъ всѣхъ философовъ я горячо желаю вамъ счастья и славы и что въ глубинѣ души моей храню къ вамъ неискоренимую привязанность и вѣчную признательность.

Съ этими чувствами и глубочайшимъ почтеніемъ я буду пребывать всю жизнь... и т. д.

XI.

Императрица Екатерина Даламберу.

С.-Петербургъ, $\frac{7}{18}$ апрѣля 1763 года.

М. г. Присылка новаго изданія вашихъ сочиненій доставила мнѣ большое удовольствіе, а письмо, которое ихъ сопровождало, еще бо́льшее. Я не смотрѣла на ваши сочиненія снисходительно,—я отдавала имъ справедливость. Я нашла въ нихъ величіе генія, украшенное добротою сердца и то и другое направленные къ просвѣщенію человѣчества, которое вы любите, несмотря на отказъ, которымъ похваляетесь. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что вамъ всегда будутъ ставить въ упрекъ то, что вы не сдѣлали для человѣчества

le plus grand bien posssible qui était en Votre pouvoir. J'avoue que j'ai été fort étonnée de voir ma lettre enregistrée; je ne m'imaginais nullement qu'il fût plus extraordinaire de la part d'un prince, de rechercher les gens de mérite que de celle des particuliers; il me semble que Votre Academie a fait par là une injure aux souverains du XVIII siècle, en perpétuant comme un modèle ou une chose unique ce que j'avais écrit à un des plus grands génies de mon temps, à un philosophe, pour lui confier l'éducation de mon fils; penserait-on autrement dans d'autres pays? Je ne croyais pas mériter tant de louanges pour une chose naturelle. Chacun choisit ce qu'il peut avoir de meilleur. Mes occupations, quelques pénibles qu'elles soient, ne m'empêcheront point de lire Vos ouvrages ni encore moins Vos lettres, mais je n'ose y prètendre après l'enregistrement de la mienne; je vois bien qu'on nous réduit nous autres à peine au sens commun. Cependant si Votre philosophie avait de la condescendance, Vous me feriez plaisir de me donner quelquefois des moments perdus et d'être persuadé qu'il y en a peu qui ont plus d'estime pour tout ce qui sort de Votre plume, que moi.

XII.

D'Alembert à Catherine.

7 juin 1764.

Madame. Monsieur le Prince de Galitzin m'a remis ces jours derniers de la part de Votre Majesté Impériale le présent le plus flatteur

---

самое великое добро, совершить которое было въ вашей власти. Признаюсь, меня удивило, что письмо мое внесено было въ протоколы академіи; я не воображала, чтобы отыскивать людей достойныхъ было со стороны государя дѣломъ болѣе чрезвычайнымъ, чѣмъ со стороны частнаго лица. Мнѣ кажется, что ваша академія нанесла этимъ оскорбленіе государямъ XVIII столѣтія, увѣковѣчивъ какъ образецъ или какъ исключительное явленіе то, что я писала одному изъ величайшихъ геніевъ моего времени, философу, дабы ввѣрить ему воспитаніе моего сына. Развѣ въ другихъ странахъ думаютъ объ этомъ иначе? Я не думала заслужить столько похвалъ за дѣло обыкновенное:—всякій ищетъ лучшаго, что онъ можетъ найти. Мои занятія, какъ бы они ни были тягостны, не мѣшаютъ мнѣ читать ваши сочиненія, а еще менѣе ваши письма, но я не смѣю претендовать на это послѣ внесенія моего письма въ протоколы; я вижу, что за нами едва признаютъ простой здравый смыслъ. Впрочемъ, если ваша философія снисходительна, вы доставите мнѣ удовольствіе, подаривъ мнѣ нѣсколько праздныхъ вашихъ минутъ. Будьте увѣрены, что немногіе уважаютъ болѣе чѣмъ я, все, что является изъ-подъ вашего пера.

XII.

Даламберъ Екатеринѣ.

7-го іюня 1764 года.

Государыня! Князь Голицынъ на этихъ дняхъ передалъ мнѣ отъ имени вашего императорскаго величества наиболѣе лестный для меня подарокъ,

dont elle put m'honorer, celui qui par toutes sortes de raisons, doit m'intéresser le plus, la magnifique médaille de l'avénement de Votre Majesté Impériale au trône, à ce trône qu'elle occupe avec tant de gloire; c'est une nouvelle marque de bonté que Votre Majesté Impériale ajoute à toutes celles, dont elle m'a déjà comblé et c'est un nouveau motif pour moi de l'assurer de mon éternelle et respectueuse reconnaissance. Que ne puis-je la témoigner à Votre Majesté Impériale autrement que par mes discours et par les lettres qu'elle m'a permis d'avoir l'honneur de lui écrire? Je n'abuse point de cette permission quelque tenté que j'en suis; je respecte trop les occupations de Votre Majesté Impériale pour lui demander même de penser quelques moments à mon admiration et à mon attachement inviolable pour elle; mais j'ai le bonheur de voir qu'elle veut bien s'en souvenir quelques fois et m'en donner les preuves, les plus honorables et les plus touchantes.

Je me flatte que la dernière lettre que j'ai eu l'honneur d'écrire à Votre Majesté Impériale aura été plus heureuse que la précédente et lui sera parvenue; je priais Votre Majesté Impériale de vouloir bien m'aider de ses conseils et m'éclairer de ses lumières pour perfectionner ces faibles ouvrages qu'elle veut bien ne pas désapprouver; mais je sens que c'est trop désirer à la fois et lui dérober des moments qu'elle sait employer beaucoup mieux. Je me borne donc à l'assurer des sen-

---

какимъ только вы могли меня удостоить и который во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ наиболѣе дорогъ; подарокъ этотъ—великолѣпная медаль въ память восшествія вашего величества на престолъ, который вы занимаете съ такою славою. Эта новая милость, присоединенная къ тѣмъ, которыми вы награждаете меня такъ щедро, даетъ мнѣ поводъ снова выразить вамъ мою безконечную и почтительную признательность. Отчего я могу выразить ее вашему императорскому величеству не иначе, какъ только на словахъ и въ письмахъ, которыя вы позволили мнѣ имѣть честь писать къ вамъ! Я не злоупотребляю этимъ позволеніемъ, какъ ни велико его искушеніе; я на столько уважаю занятія, которымъ ваше императорское величество предаетесь, что даже не смѣю просить васъ хотя изрѣдка вспоминать о томъ удивленіи и безконечной преданности, которыя я къ вамъ питаю; но я имѣю счастье убѣждаться, что вамъ самимъ угодно иногда вспоминать обо мнѣ и давать мнѣ самыя лестныя и чувствительныя тому доказательства.

Я льщу себя надеждой, что послѣднее письмо, которое я имѣлъ честь писать вашему императорскому величеству, было счастливѣе предыдущихъ и достигло своей цѣли; въ немъ я просилъ ваше величество наставить меня вашими совѣтами и помочь мнѣ вашими познаніями, чтобы усовершенствовать мои слабые труды, которые вамъ угодно считать не заслуживающими порицанія; но я понимаю, что это значитъ заразъ желать слишкомъ многаго и похищать у вашего величества время, которое вы умѣете употреблять съ большей пользой, поэтому я ограничусь теперь только увѣреніемъ въ моихъ

timents que je partage avec tous ceux qui pensent et du très profond respect avec lequel je suis etc:

XIII.

d'Alembert à Catherine.

(1764).

Madame. Il y a plus de cinq mois que j'ai eu l'honneur d'écrire à Votre Majesté Impériale en réponse à la dernière lettre dont elle a bien voulu m'honorer. Monsieur le Prince Galitzin à qui j'avais remis ma lettre et qui la fit partir sur le champ, craint qu'elle n'ait été perdue avec plusieurs autres dépêches. Je serais au desespoir, Madame, que Votre Majesté Impériale, justement étonnée de mon silence, pût me soupçonner de n'être pas sensible, comme je le dois, à ses bontés et à l'assurance qu'elle même veut bien m'en donner quelquefois. J'ose dire qu'elle sera convaincue de ma vive reconnaissance pour la lettre même que j'ai eu l'honneur de lui écrire et que je prends la liberte de rejoindre ici avec sa date. Votre Majesté Impériale y verra l'expression fidèle de mes sentiments qui ne finiront qu'avec ma vie. Ces sentiments, Madame, augmenteraients s'il était possible par tout ce que les nouvelles publiques apprennent à l'Europe, des talents et des vertus de Votre Majesté Impériale, de son amour pour ses peuples, de la sagesse de son gouvernement, de la protection qu'elle accorde aux lettres, des marques de considération qu'elle a données à son Académie, enfin de

---

чувствахъ, которыя раздѣляютъ со мной всѣ тѣ, кто мыслитъ, и въ моемъ глубокомъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь... и т. д.

XIII.

Даламберъ Екатеринѣ.

(1764).

Государыня! Болѣе пяти мѣсяцевъ тому назадъ я имѣлъ честь писать вамъ въ отвѣтъ на письмо ваше, которымъ вашему императорскому величеству было угодно почтить меня. Князь Голицынъ, которому я передалъ мое письмо и который немедленно отправилъ его, боится, что оно пропало вмѣстѣ съ другими депешами. Я буду въ отчаяніи, если ваше императорское величество, справедливо удивляясь моему молчанію, заподозрите меня, что я недостаточно цѣню ваши ко мнѣ милости и тѣ доказательства ихъ, которыми вамъ иногда угодно меня удостоивать. Смѣю думать, что васъ убѣдитъ въ моей горячей признательности то письмо, которое я имѣлъ честь писать вамъ и которое, помѣтивъ его тѣмъ числомъ, когда оно было отправлено, я беру на себя смѣлость присоединить къ этому. Въ немъ ваше императорское величество увидите непритворное выраженіе моихъ чувствъ, которыя умрутъ только со мной. Эти чувства, государыня, возросли бы, если бы это было возможно, еще болѣе при извѣстіяхъ, которыя становятся достояніемъ всей Европы, о вашихъ талантахъ и добродѣтеляхъ, о мудрости вашего правленія, объ уваженіи, которое ваше императорское величество оказываете вашей

l'esprit de tolérance qui l'anime et dont ses Etats vont retirer de si grands avantages. Quelle leçon, Madame, grâce à Vous et à un de vos voisins, les peuples du Nord vont faire à ceux du Midi. Ils leur apprirent autrefois à secouer le joug de la domination romaine; ils vont leur apprendre à secouer celui de la superstition du même nom; déjà la France vient de chasser de chez elle les grands apôtres de l'intolérance, les prétendus compagnons de Jésus, mais par malheur ce n'est pas la raison; c'est encore l'intolérance même qui les bannit; ce n'est pas parceque les Jésuites sont turbulents, fanatiques et dangereux, c'est parceque les Jésuites tiennent pour la grâce versatile et les parlements pour la grâce efficace; la philosophie voit tout cela, elle en rit, et elle en profite. Elle dit comme le grand prêtre dans Athalie:

Qu'importe de quel bras Dieu daigne se servir! [1]) Quoiqu'il en soit, pendant que les fanatiques en égorgent d'autres pour des absurdités, j'ai tâché paisiblement et sans égorger personne d'en mettre le moins qu'il m'a été possible dans l'ouvrage que j'ai eu l'honneur d'annoncer à Votre Majesté Impériale par la lettre jointe à celle-ci; il est fort avancé et ne m'en paraît pas meilleur. Que je me trouverais heureux si les lumières et les conseils de Votre Majesté Impériale me mettaient à portée d'y donner la perfection qui y manque. Mais je sens que

[1]) Ce vers est de Zaïre (Voltaire).

академіи,—словомъ, о томъ духѣ терпимости, которымъ вы проникнуты на благо вашему государству. Какой урокъ, государыня, благодаря вамъ и одному изъ сосѣднихъ съ вами государей, даютъ народы Сѣвера народамъ Юга. Показавъ имъ прежде примѣръ сверженія ига римскаго господства, они теперь научатъ ихъ, какъ свергнуть иго суевѣрія того же происхожденія: Франція уже изгнала великихъ апостоловъ нетерпимости, мнящихъ себя товарищами Іисуса; но, къ несчастью, причина этого изгнанія — та же нетерпимость; іезуиты изгнаны не потому, что они буйные и опасные фанатики, а потому, что они придерживаются догмата превратной благодати, а парламентъ — дѣйствительной благодати; философія видитъ все это, смѣется надъ этимъ и извлекаетъ для себя изъ этого пользу. Она говоритъ, какъ первосвященникъ въ Аталіи:

«Не все ли равно, которой рукой Богъ посылаетъ свои милости»... [1])

Пока фанатики рѣжутъ другъ друга изъ-за нелѣпостей, я старался, кротко и никого не убивая, по мѣрѣ силъ избѣжать этихъ нелѣпостей въ своемъ сочиненіи, о которомъ я имѣлъ честь извѣщать ваше императорское величество письмомъ, препровождаемымъ при семъ въ копіи; сочиненіе это сильно подвинулось впередъ, но я имъ недоволенъ. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы ваше императорское величество своими свѣдѣніями и совѣтами дали мнѣ возможность придать ему то совершенство, котораго ему недостаетъ. Но я чувствую, что злоупотреблю вашими милостями, вашимъ вре-

[1]) Стихъ изъ Заиры (Вольтера).

j'abuse de ses bontés, de son temps et de sa patience, en l'importunant à la fois par deux longues lettres. Celle-ci aura du moins (à mon vif regret) le mérite d'être la plus courte, mais elle n'exprimera pas j'éspère avec moins de vivacité et de vérité les sentiments d'admiration, de reconnaissance éternelle et de très profond respect, avec lequel je suis, Madame, etc:

XIV.

Catherine à d'Alembert.

St.-Pétersbourg, ce $\frac{12}{23}$ (?) 1764.

Non, Monsieur, votre lettre du 15 d'Octobre n'est point perdue; elle m'a été remise, il est vrai qu'elle n'était pas de fraîche date. Deux raisons m'ont empêché d'y répondre jusqu'ici: la première c'est qu'encore toute étonnée de Votre refus je n'y pensais qu'avec chagrin; la seconde c'est la tâche audessus de mes forces que Vous me donnez dans cette lettre de Vous dire mon avis sur Vos ouvrages.

Je suis comme Philinte dans la comédie. J'admire et me tais. Cependant comme depuis deux ans j'ai eu des embarras immenses, qui m'ont presque privé du temps nécessaire pour une lecture suivie, dès que j'ai reçu Votre lettre, je me mis à relire Vos ouvrages; mais je trouvai alors que chacun se ressent de l'esprit de son métier et qu'au lieu de sentir les vraies et différentes beautés de Vos écrits, j'étais

---

менемъ и вашимъ терпѣніемъ, докучая вамъ заразъ двумя длинными письмами; покрайней мѣрѣ это имѣетъ то достоинство, что оно (къ моему искреннему сожалѣнію) короче другихъ, хотя, надѣюсь, что оно не менѣе живо и правдиво выражаетъ чувства моей вамъ вѣчной признательности, моего удивленія и глубокаго почтенія, съ которыми имѣю честь быть, государыня, и т. д.

XIV.

Императрица Екатерина Даламберу.

С.-Петербургъ, $\frac{12}{23}$ (?) 1764 года.

Нѣтъ, м. г., ваше письмо отъ 15-го октября не затеряно; оно было мнѣ доставлено, хотя, правда, нѣсколько запоздавшимъ. Двѣ причины препятствовали мнѣ до настоящаго времени отвѣтить на это письмо. Первая заключается въ томъ, что не придя еще въ себя отъ удивленія, которое возбуждалъ во мнѣ вашъ отказъ, я думала о немъ съ прискорбіемъ, вторая состоитъ въ томъ, что задача, которую вы предлагаете мнѣ въ этомъ письмѣ,—выразить мое мнѣніе о вашихъ сочиненіяхъ, — превышаетъ мои силы. Я подобно Филинту въ извѣстной комедіи Мольера: «восхищаюсь и молчу». Впрочемъ, такъ какъ въ продолженіе двухъ лѣтъ я встрѣчала безконечныя затрудненія, которыя не оставляли мнѣ почти свободнаго времени для правильно-послѣдовательнаго чтенія, лишь только получила я ваше письмо, я принялась перечитывать ваши сочиненія, но почувствовала тогда, что каждый испыты-

comme l'abeille qui ne tire des plantes, que les sucs, dont elle a besoin pour son miel; je m'arrêtai aussi sur tout ce qui pouvait être utile au mien, et je me trouvai très incapable de Vous donner des conseils. J'ai toujours admiré dans Vos ouvrages la Vasticité et la Solidité en même temps que Votre génie, qui sans faire tort à personne, n'a point d'égal; je m'étonne qu'avec la sagesse qui règne dans tout ce qui est sorti de Vos mains, il est possible qu'on ait osé attaqué Votre philosophie. On devrait faire dans tout gouvernement éclairé une loi qui défende aux citoyens de s'entrepersécuter de quelque façon que ce soit; les guerres civiles sont reconnues pernicieuses et celles de la plume qui, en décourageant le talent détruisent le repos de ces mêmes citoyens sous le misérable prétexte de quelques différences d'opinion, sont aussi détestables que minutieuses. La réputation de Locke et de Newton ne souffriront pas d'atteinte de la piqûre d'une guêpe; quiconque leur refuse le nom de grand homme n'aime pas la vérité et celui qui leur donne l'épithète d'impies, n'a pas de jugement. J'en reviens à Votre seconde lettre, Monsieur, qui m'a fait beaucoup de plaisir; je ne l'aurais pas eu si je Vous avais répondue plustôt; je Vous en fais mes excuses, mais je m'en sais gré; permettez moi de Vous dire, que Vous Vous contredisez; Vous me donnez beaucoup de louanges et Vous n'avez pas voulu me connaître; ou peut être Vous êtes de l'avis de ceux qui disent, que les grands valent mieux d'être connu de loin que de près? Vous me dites encore que je brille dans les gazettes, et que

---

ваеть на себѣ значеніе ремесла, которымъ занимается, и что вмѣсто того чтобы чувствовать истинныя и разнообразныя красоты вашихъ сочиненій, я сдѣлалась какъ бы пчелою, которая извлекаетъ изъ растеній тѣ лишь соки, въ которыхъ встрѣчаетъ надобность для выдѣлки меда; поэтому и я также останавливалась съ особеннымъ вниманіемъ на томъ, что могло быть полезнымъ для меня и считала себя совершенно неспособною давать вамъ совѣты. Въ сочиненіяхъ вашихъ я въ особенности восхищалась обширностью и основательностью и въ то же время геніальностью, которая, не обижая никого, не имѣетъ себѣ подобныхъ: удивляюсь, какъ при мудрости, которая царитъ во всемъ, что вышло изъ-подъ пера вашего, можно было осмѣлиться нападать на вашу философію. Каждое просвѣщенное правительство должно бы постановить законъ, запрещающій согражданамъ преслѣдовать другъ друга какимъ бы-то ни было способомъ: междуусобныя войны признаются вредными, а распри литературныя, которыя, отбивая духъ у таланта, уничтожаютъ спокойствіе тѣхъ-же самыхъ гражданъ, подъ достойнымъ презрѣнія предлогомъ нѣкотораго различія въ мнѣніяхъ, также отвратительны какъ и мелочны. Репутація Локка и Ньютона не потерпитъ ущерба отъ ужаленія какого нибудь шмеля; тотъ, кто отказываетъ имъ въ именованіи великихъ людей, не любитъ истины, а тотъ, кто даетъ имъ эпитетъ невѣрующихъ, лишенъ здраваго сужденія. Перехожу къ вашему второму письму, которое доставило мнѣ большое удовольствіе; его бы у меня не было, если бы я отвѣчала вамъ раньше; прошу меня въ этомъ извинить, но я благодарна са-

le Nord donne des leçons au Midi, mais d'ou vient donc que Vous autres peuples du Midi passez pour si éclairés, si les Règles les plus naturelles et les plus simples n'ont pas prises racine chez Vous, ou est-ce qu'à force de raffinement elles Vous ont echappées? Je crois cependant que quand Vos parlements Vous auront défait de la puissance ultramontaine, Vous reviendrez à Vos intérêts naturels; mais c'est un dur esclavage que de régler les siens d'après les finesses et les caprices de ceux, qui en ont de très différents. Enfin, je crois que la grâce efficace ramenera les choses à la longue dans leur assiette naturelle. Chez nous on a trop de respect pour les choses spirituelles pour les mêler au temporel et celui-ci se prête à soulager l'autre des vanités qui lui sont étrangers. Chacun reste dans l'étendue de sa domination sans qu'il s'avise seulement d'empiéter sur ce qui n'est pas de sa compétence, si les hérétiques n'étaient point soufferts, les fidéles déséspereraient de les ramener dans le giron de l'Eglise. Les articles de foi étant inébranlables, il n'y a pas de quoi disputer, les philosophes ne donnent assurément pas d'atteinte; et sur les opinions de ce monde on pense ce qu'on veut; voilà l'état des choses, auquel je ne souffrirai pas aisément qu'on déroge. Ne me dites jamais que Vos lettres sont longues; je ne les trouve point telles; je les lis avec autant de plaisir que d'estime pour l'auteur; c'est de quoi je Vous prie d'être persuadé.

мой себѣ; позвольте сказать вамъ, что вы находитесь въ противорѣчіи съ самимъ собою; вы осыпаете меня похвалами и не пожелали, однако, познакомиться со мною; быть можетъ, вы раздѣляете мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что сильныхъ міра сего лучше знать издали, нежели вблизи. Вы говорите мнѣ еще, что мое имя блещетъ въ газетахъ и что Сѣверъ преподаетъ наставленіе Югу, но отчего же происходитъ, что вы, народы Юга, пользуетесь репутаціею столь просвѣщенныхъ, когда самыя простыя и самыя естественныя правила не укоренились у васъ? Или не изчезли ли они у васъ благодаря вашей утонченности! Тѣмъ не менѣе я думаю, что когда ваши парламенты освободятъ васъ отъ власти ультрамонтановъ, вы обратитесь, по прежнему, къ вашимъ естественнымъ интересамъ; но самое тяжелое рабство состоитъ въ томъ, чтобы направлять свои интересы соотвѣтственно хитростямъ и прихотямъ тѣхъ, интересы которыхъ совершенно противуположны. Наконецъ, я думаю, что божественная милость мало по малу возвратитъ все въ естественное положеніе. У насъ слишкомъ уважаютъ духовные предметы, чтобы смѣшивать ихъ съ свѣтскими. Всякій остается въ предѣлахъ своей власти, не думая даже вмѣшиваться въ то, что до него не касается и если бы еретики не были терпимы, то вѣрные отчаявались бы въ возможности возвратить ихъ въ лоно церкви. Такъ какъ основанія вѣры непоколебимы, то не о чемъ и спорить; конечно философы не даютъ повода къ нападкамъ и о мнѣніяхъ людскихъ всякій думаетъ, что ему угодно; вотъ положеніе вещей, и я неохотно потерплю, чтобы оно было измѣнено. Никогда не говорите мнѣ, что ваши письма слишкомъ длинны, я не нахожу ихъ таковыми и читаю ихъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и съ ува-

Excusez, s'il Vous plaît, les fautes de langage. J'ai toute occasion d'oublier le français et sauvez moi de l'imprimerie.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

женіемъ къ ихъ автору: въ этомъ я прошу васъ быть убѣжденнымъ. Извините мои ошибки противъ языка, мнѣ постоянно представляются случаи забыть французскій языкъ и избавьте мои письма отъ печати.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

УБІЙСТВО ЕГЕРМЕЙСТЕРА В. Я. СКАРЯТИНА.

29-го декабря 1870 года, во время представленія въ Большомъ театрѣ италіанской оперы, кажется — «Аиды», среди публики вдругъ пронесся слухъ, что сейчасъ на императорской охотѣ убитъ егермейстеръ В. Я. Скарятинъ. На посыпавшіеся со всѣхъ сторонъ весьма естественные вопросы о томъ: кто, какъ и какимъ образомъ убилъ Скарятина, никто не могъ отвѣчать утвердительно, но каждый сообщалъ свои предположенія и догадки. На другой день, по городу распространились уже самые разнорѣчивые и невѣроятные слухи, которые прекратились не раньше, какъ дней черезъ пять, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что государь императоръ самъ пожелалъ въ подробности разъяснить это загадочное дѣло и для того назначилъ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Зиновьева. Что происходило въ этой комиссіи — въ подробности никто не зналъ; стали только разсказывать, что вопросы, которымъ подверглись прежде всего егеря, присутствовавшіе на охотѣ 29-го декабря, не особенно уясняли дѣло, потому что всѣ они, и въ особенности самый главный изъ нихъ свидѣтель-очевидецъ, егерь Василій Кожинъ, какъ будто находились подъ чьимъ-то давленіемъ и не высказывали того, что знали. Относительно Василія Кожина молва передавала даже слѣдующее: онъ считался потому главнымъ свидѣтелемъ, что во время охоты стоялъ близъ бывшаго тогда оберъ-егермейстера графа Ферзена, на пунктѣ, находившемся въ прямомъ и ближайшемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ упалъ пораженный пулею изъ ружья Скарятинъ, вслѣдствіе чего онъ первый долженъ былъ видѣть, от-

куда и кѣмъ былъ пущенъ выстрѣлъ въ Скарятина. Однакожъ, когда этотъ Кожинъ былъ призванъ къ допросу въ упомянутую комиссію, то онъ сказался больнымъ, и—какъ объясняли тогда—потому, что графъ Ферзенъ, будто бы, предварительно призывалъ его къ себѣ и обѣщалъ дать ему 1,000 рублей, если онъ ничего въ комиссіи не покажетъ. Егерь, какъ видно, не поддался на подобное искушеніе, но и не рѣшился вмѣстѣ съ тѣмъ предстать къ допросу, опасаясь мести начальника. Весь этотъ разсказъ, надо замѣтить, подтвердился потомъ вполнѣ сознаніемъ въ комиссіи самого Василія Кожина, о чемъ и было, какъ извѣстно, упомянуто даже въ правительственномъ извѣщеніи объ окончаніи дѣла. Какъ бы-то ни было, но на первыхъ порахъ комиссіи, какъ сказано, не удавалось раскрыть дѣла въ настоящемъ свѣтѣ. Тогда послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы министръ юстиціи, которымъ былъ тогда графъ Паленъ, присоединился къ составу комиссіи. Первымъ дѣйствіемъ графа Палена была мѣра, которая представлялась самою существенною въ подобнаго рода дѣлѣ и самою цѣлесообразною, независимо отъ того, какія показанія давались тѣми или иными свидѣтелями. Мѣра эта была—осмотръ мѣстности, на которой происходила охота 29-го декабря, что и было немедленно же приведено въ исполненіе. Вечеромъ, 14-го января 1871 года, министръ юстиціи съ тогдашнимъ прокуромъ с.-петербургскаго окружнаго суда, М. Н. Баженовымъ, и съ двумя посторонними лицами, приглашенными по высочайшему повелѣнію, въ качествѣ стороны, близкой къ Скарятину, именно—свиты его величества генералъ-маіоромъ кн. Д. Ѳ. Голицынымъ и ротмистромъ конной гвардіи Чичеринымъ, а также и съ приглашеннымъ самимъ министромъ архитекторомъ министерства, А. К. Серебряковымъ, отправился изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ на станцію Малая Вишера для того, чтобы оттуда проѣхать на лошадяхъ въ сторону, къ искомому мѣсту. 15-го января, рано утромъ, на трехъ простыхъ саняхъ (розвальняхъ) всѣ названныя лица прибыли на мѣсто охоты, отстоящее въ 24-хъ верстахъ отъ станціи Малая Вишера, въ лѣсъ, и тамъ немедленно, въ глубокомъ снѣгу, приступили къ осмотру мѣстности. Здѣсь находились уже: управлявшій тогда императорскою охотою, В. П. Раздеришинъ, завѣдывавшій егермейстерскою конторою, Ивановъ, всѣ егеря, присутствовавшіе на охотѣ 29-го декабря, и крестьянинъ Василій Андреевъ, который загонялъ медвѣдя во время охоты его величества.

Актъ, составленный по поводу этого осмотра и переданный затѣмъ министромъ юстиціи въ упомяную комиссію былъ слѣдующій:

«1871 года, января 15-го дня, въ 10$^1/_2$ часовъ пополуночи, произведенъ былъ осмотръ мѣстности, на которой во время высочайшей охоты, происходившей 29-го декабря 1870 года, убитъ былъ

выстрѣломъ изъ ружья егермейстеръ его величества, В. Я. Скарятинъ. Мѣстность эта находится въ лѣсу, въ 24-хъ верстахъ отъ станціи Николаевской желѣзной дороги, Малой Вишеры. Осмотръ начался съ возстановленія въ натурѣ той самой стрѣлковой линіи и на ней тѣхъ пунктовъ, на которыхъ 29-го декабря расположены были по номерамъ лица, прибывшія съ его величествомъ на охоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было возможнымъ, въ виду расположенія мѣстности, ограничиться установленіемъ въ точности лишь тѣхъ пунктовъ, положеніе которыхъ представляетъ особую важность для разъясненія обстоятельствъ дѣла.

«Такимъ образомъ, по указанію управляющаго императорскою охотою, Раздеришина, и находившихся при осмотрѣ стрѣлковъ, а также и по оставшимся еще въ натурѣ признакамъ, именно—дощечкамъ на №№ 9 и 6-мъ, щитку на № 7-мъ и полкамъ для ружей на № 8-мъ, установлены были слѣдующіе стрѣлковые пункты: 1) пунктъ № 6-й, на которомъ въ день охоты 29-го декабря находился его высочество, великій князь Владиміръ Александровичъ, и при немъ егерь Николай Бабуринъ, 2) пунктъ № 7-й, который занималъ его величество государь императоръ; при особѣ его величества находились: управляющій егермейстерскою конторою, Ивановъ, егерь-рогатчикъ, Петръ Шелагинъ, и егерь-собачникъ, Федоръ Сухопаровъ; 3) пунктъ № 8-й, на которомъ стояли бывшій оберъ-егермейстеръ, графъ Ферзенъ, и егерь его, Василій Кожинъ, 4) пунктъ № 9-й, гдѣ стоялъ егерь Александръ Сухопаровъ и 5) пунктъ № 10-й, на коемъ находился въ началѣ охоты егермейстеръ Скарятинъ и при немъ егерь Иванъ Кожинъ.

«Въ направленіи своемъ эта линія оказалась не прямою, а нѣсколько изломанною, и притомъ такъ, что съ пункта № 8-й можно было свободно видѣть лишь пунктъ № 7-й, но ни 9-го ни 10-го пунктовъ видно не было. Далѣе, по ту и по другую сторону стрѣлковой линіи оказался лѣсъ, совершенно густой съ той стороны, отъ которой шелъ медвѣдь, по показанію лицъ, бывшихъ 29-го декабря на охотѣ, и менѣе густой со стороны противуположной, причемъ противъ пункта № 7-й лѣсъ оказался болѣе частымъ, чѣмъ противъ пункта № 8-й, гдѣ найдено небольшое пространство, саженей 10 въ окружности, почти безъ деревьевъ. За тѣмъ, по установленіи означенныхъ пунктовъ, измѣрено было разстояніе между 6 и 10 пунктами вообще и въ частности между каждымъ изъ пунктовъ, входящихъ въ это пространство, и оказалось слѣдующее: отъ 6-го до 10-го (двухъ крайнихъ) нумера—38 саженей, между 6-мъ и 7-мъ нумерами—11 саж. 1 арш. между 7-мъ и 8-мъ—10 саженъ 1 аршинъ, между 8-мъ и 9-мъ—8 саженъ и между 9-мъ и 10-мъ—9 саженъ. Далѣе, по указанію крестьянина Василія Андреева, возстановленъ былъ слѣдъ медвѣдя по направленію его сначала изъ лѣса къ пункту № 7-й, потомъ небольшой поворотъ

его въ право отъ этого пункта, слѣдовательно въ сторону къ 6-му номеру, переходъ его черезъ стрѣлковую линію между номерами 7-мъ и 6-мъ и, наконецъ, направленіе его хода отъ мѣста, около шалаша собаки, въ право, черезъ чащу лѣса, до того мѣста, гдѣ медвѣдь со всѣхъ пунктовъ долженъ былъ считаться невидимымъ. Мѣсто же положенія шалаша показано было сообразно съ ёлкою, уцѣлѣвшею отъ 29-го декабря, когда она служила прикрытіемъ собаки, въ 3-хъ шагахъ позади 7-го номера, нѣсколько въ правѣ. При обозначеніи указаннаго направленія медвѣдя, лицами, производившими осмотръ, замѣчены были два дерева, одно отъ другаго на разстояніи $^3/_4$ сажени, на которыхъ оказались слѣды двухъ пуль, расположенные въ такомъ направленіи, что для осматривавшихъ было очевидно, что слѣдъ пролетѣвшей пули на березѣ, лѣвѣе стоящей, могъ произойти только отъ выстрѣла съ № 6-го. И дѣйствительно, люди, бывшіе на охотѣ 29-го декабря, изъ нихъ въ особенности егерь Бабуринъ, находившійся въ тотъ день при великомъ князѣ Владимірѣ Александровичѣ, удостовѣрили, что означенный выстрѣлъ былъ выстрѣломъ его высочества; другой же слѣдъ на ели, стоявшей правѣе первой березы, именно по линіи, направленной отъ пункта № 7-й, оказался слѣдомъ не пролетѣвшей, а врѣзавшейся въ середину дерева пули, причемъ очевидно было и удостовѣрено тѣмъ же свидѣтелемъ Бабуринымъ, что этотъ послѣдній слѣдъ былъ произведенъ пулею изъ ружья его величества въ то время, когда медвѣдь, перейдя стрѣлковую линію, направлялся въ чащу лѣса, изъ которой онъ вышелъ первоначально. Соображеніе это достаточно подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что по вынутіи означенной пули изъ дерева, при ней найденъ былъ клокъ медвѣжьихъ волосъ. Далѣе, при внимательномъ наблюденіи съ пункта № 8-й за вышеуказаннымъ направленіемъ медвѣдя оказалось, что по пути черезъ чащу лѣса медвѣдь долженъ былъ непремѣнно пройти небольшое пространство, въ видѣ просѣки, примѣрно около 2-хъ аршинъ, на которомъ хотя и есть небольшіе кустарники, но такіе, которые не могли скрывать звѣря отъ глазъ лицъ, стоявшихъ на 8-мъ номерѣ, вслѣдствіе чего производившими осмотръ и было признано, что въ моментъ, когда медвѣдь проходилъ вышеупомянутое пространство, въ него могли стрѣлять съ № 8-го. Убѣжденіе это подкрѣпилось послѣдующимъ осмотромъ мѣстности, по которому оказалось, что во всякомъ другомъ мѣстѣ медвѣдь не могъ быть усмотрѣнъ съ № 8-го. Для удостовѣренія за тѣмъ, какъ великъ былъ путь медвѣдя отъ того мѣста, гдѣ онъ скрылся отъ взоровъ государя, до вышеозначенной просѣки, на которой его встрѣтили выстрѣлы съ пункта № 8-й, измѣрено было это разстояніе и оно оказалось равнымъ 35-ти шагамъ; въ свою очередь, измѣрено было разстояніе по прямой линіи отъ № 8-го до упомянутаго мѣста пробѣга медвѣдя и оно ока-

залось равнымъ 18 саженямъ. По установленіи такимъ образомъ главныхъ пунктовъ и направленій, приступлено было къ точному опредѣленію мѣста самаго паденія егермейстера Скарятина для того, чтобы сообразить затѣмъ направленіе роковой пули. Съ этою цѣлью осматривавшіе признали нужнымъ прослѣдить по возможности весь путь Скарятина съ мѣста его стоянки, т. е. съ № 10-го. Въ виду извѣстныхъ уже показаній егерей Ивана Кожина и Федора Сухопарова, что Скарятинъ сошелъ съ своего мѣста и прошелъ мимо пункта № 9-го, удостовѣрено было, что дѣйствительно только по этой именно стрѣлковой линіи онъ и могъ направляться вплоть до пункта № 8-й; здѣсь же, по оставшемуся еще въ натурѣ слѣду вправо отъ № 8-го, очевидно было, что Скарятинъ направился именно по этому направленію, и такъ какъ означенный поворотъ вправо начинался аршина въ полтора отъ мѣста № 8-й, то осматривавшіе пришли къ убѣжденію, что Скарятинъ, не доходя полтора аршина до пункта, на которомъ въ то время стояли графъ Ферзенъ и егерь Василій Кожинъ, долженъ былъ направиться къ мѣсту своей погибели. Вѣрность этого соображенія утверждена была тутъ же и показаніями свидѣтелей, именно—мѣстнаго становаго пристава (прибывшаго во время осмотра и присутствовавшаго на охотѣ 29-го декабря), егерей, находившихся при осмотрѣ, и крестьянина Василія Андреева, которые заявили, что когда тотчасъ послѣ происшествія 29-го декабря они осматривали эту мѣстность, то тогда же и усмотрѣли вышеупомянутый единственный слѣдъ человѣка. Такое положеніе слѣда Скарятина, въ сопоставленіи съ вышесказаннымъ направленіемъ хода медвѣдя, навело осматривавшихъ тутъ же и на другое предположеніе, что Скарятинъ, подойдя къ пункту графа Ферзена, долженъ былъ остановиться, ибо въ это время и ему долженъ былъ быть видѣнъ пробѣгающій медвѣдь и такъ какъ въ это же время долженъ былъ стрѣлять № 8-й, то и Скарятинъ, по всему вѣроятію, остановился здѣсь же, прежде чѣмъ сдѣлалъ поворотъ вправо отъ стрѣлковой линіи, для того, чтобы дать выстрѣлъ изъ своего ружья по медвѣдю. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, вопервыхъ, по осмотрѣ ружья послѣ смерти Скарятина, въ ружьѣ оказался одинъ пустой патронъ, а вовторыхъ, ни съ какой другой точки на своемъ ходу онъ не могъ видѣть убѣгающаго звѣря. За симъ не трудно было уже съ точностью опредѣлить и мѣсто паденія Скарятина. Упомянутый слѣдъ его отъ пункта № 8-й оканчивался у небольшой елки, около которой, какъ удостовѣрили свидѣтели, и упалъ дѣйствительно Скарятинъ. Убѣжденіе въ томъ, что описываемое мѣсто было именно мѣстомъ паденія Скарятина, окончательно утвердилось послѣ того, какъ сдѣланное тутъ же заявленіе управляющаго императорскою охотою Раздеришина о замѣченномъ имъ еще 29-го декабря желтомъ пятнѣ на снѣгу, послѣ поднятія Скарятина, было провѣрено на самомъ

дѣлѣ, т. е. снѣгъ на указанномъ мѣстѣ былъ разгребенъ и подъ верхнимъ слоемъ онаго найдена была обледѣнѣвшая желтая часть снѣга, происшедшая какъ бы отъ какой-то жидкости, тутъ разлитой. По измѣреніи разстоянія этого пункта отъ мѣста № 8-й оказалось, что оно равняется 15-ти аршинамъ. Важность этой линіи заставила осматривавшихъ особенно тщательно изслѣдовать ея положеніе: оказалось, что хотя вышеуказанный слѣдъ Скарятина отъ пункта № 8-й и направлялся влѣво, къ тому мѣсту, гдѣ медвѣдь видѣнъ былъ съ 8-го пункта пробѣжавшимъ, но мѣсто паденія несчастнаго находится нѣсколько правѣе мѣста просѣки, гдѣ пробѣжалъ медвѣдь, такъ что становится очевиднымъ, что его поразила пуля, не долженствовавшая быть направленною въ медвѣдя, ибо въ послѣдняго, во всякомъ случаѣ, слѣдовало цѣлиться гораздо лѣвѣе, а по прямой линіи впередъ отъ мѣста паденія Скарятина медвѣдь былъ уже невидимъ для стрѣлявшихъ съ № 8-го. Вмѣстѣ съ этимъ, по направленію отъ пункта № 8-й къ мѣсту паденія Скарятина, замѣчена была тонкая березка, на которой въ 2-хъ аршинахъ отъ земли замѣченъ былъ острый слѣдъ пролетѣвшей пули; производившіе осмотръ могли заключить изъ этого обстоятельства лишь то, что упомянутый слѣдъ былъ сдѣланъ пулею, несомнѣнно вышедшею изъ какого-либо ружья съ пункта № 8-й, и что, задѣвши на лету березку, пуля эта поразила Скарятина въ поясъ сзади. Разстояніе между сказанною березкою и пунктомъ № 8-й составляетъ 7 аршинъ съ вершками, равно какъ и отъ нея до мѣста паденія Скарятина также 7 аршинъ съ вершками.

«Опредѣливъ всѣ означенные пункты и нанеся ихъ на планъ вмѣстѣ съ изображеніемъ на немъ вообще топографическаго характера мѣстности, гдѣ произошло печальное событіе 29-го декабря, осматривавшіе признали полезнымъ провѣрить по возможности, при извѣстныхъ уже условіяхъ мѣстности, во-1-хъ, обстоятельства, предшествовавшія убіенію Скарятина, и, во-2-хъ, согласіе съ дѣйствительностью тѣхъ показаній, которыя даны были до производства еще осмотра лицами, бывшими при самомъ происшествіи. Такъ, егерь Бабуринъ объяснилъ, что, какъ онъ слышалъ, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: въ то время, когда медвѣдь перешелъ стрѣлковую линію и направился къ мѣсту, гдѣ былъ шалашъ съ собакою, послѣдовали выстрѣлы, сначала государя императора, потомъ великаго князя Владиміра Александровича, затѣмъ еще нѣсколько выстрѣловъ, и наступилъ перерывъ секундъ въ 7, послѣ чего послѣдовалъ еще выстрѣлъ и тутъ же послышался стонъ; крестьянинъ Василій Андреевъ объяснилъ, что онъ шелъ вслѣдъ за медвѣдемъ и когда былъ недалеко отъ № 7-го, то послышалъ рядъ выстрѣловъ, а затѣмъ наступилъ промежутокъ времени, какъ выразился Андреевъ—«такъ, что не сочтешь двухъ десятковъ»— т. е. тоже около 7—8 секундъ, и тогда уже послѣдовалъ послѣдній

выстрѣлъ и крикъ «охъ!». Въ видахъ провѣрки этихъ объясненій признано было необходимымъ измѣрить разстояніе, которое долженъ былъ пройти егермейстеръ Скарятинъ отъ своего пункта (№ 10-й) до мѣста своего паденія, чтобы уяснить затѣмъ количество времени, употребленное имъ на это движеніе, и разстояніе это оказалось слѣдующимъ: отъ 10-го пункта до 8-го—51 аршинъ, отсюда до мѣста смерти—20 аршинъ. Пространство это оказалось, такимъ образомъ, довольно значительнымъ (71 аршинъ), чтобы можно было пройти его съ остановкою въ теченіе 7 секундъ; но въ виду того, что егерь, бывшій при Скарятинѣ, удостовѣрилъ, что послѣдній двинулся съ своего пункта по линіи при самомъ началѣ выстрѣловъ, сдѣланныхъ его величествомъ, а также и въ виду показанія егеря Василія Кожина (состоявшаго при графѣ Ферзенѣ) о томъ, что между первымъ и послѣднимъ выстрѣлами графа Ферзена прошло около 3-хъ минутъ, лица, производившія осмотръ, пришли къ заключенію, что вообще промежутокъ времени между послѣднимъ и предъидущими выстрѣлами не можетъ быть съ точностью установленъ, и потому основывать какой-либо окончательный выводъ на объясненіяхъ съ одной стороны Бабурина и Андреева, а съ другой — двухъ Кожиныхъ, невозможно; надлежитъ лишь признать, что промежутокъ этотъ, во всякомъ случаѣ, могъ продолжаться столько, сколько по естественному положенію всякаго охотника потребно было ему времени для того, чтобы послѣ одного выстрѣла опустить ружье и начать спускать въ немъ курокъ. Впрочемъ, имѣя въ виду, что главною цѣлью осмотра было лишь точное описаніе мѣстности происшествія, какъ матеріала необходимаго для соображенія затѣмъ съ другими данными дѣла, производившіе осмотръ не сочли возможнымъ дѣлать въ этомъ описаніи какія-либо дальнѣйшіе выводы изъ сравненія упомянутыхъ показаній Бабурина и Андреева съ результатами измѣренія разстоянія, пройденнаго Скарятинымъ, и потому обратились къ продолженію осмотра. Провѣряя вторую половину вышеустановленной задачи, т. е. согласіе съ дѣйствительностью прежде данныхъ показаній, осматривавшіе нашли, что паденіе Скарятина дѣйствительно раньше другихъ должны были увидѣть графъ Ферзенъ и егерь его Василій Кожинъ, какъ стоявшіе по прямому направленію къ этому мѣсту, и что поэтому Кожинъ могъ и подбѣжать къ убитому скорѣе прочихъ; что затѣмъ другое лицо, вслѣдъ за Кожинымъ долженствовавшее увидѣть убитаго, былъ рогатчикъ Шелагинъ, который, преслѣдуя медвѣдя отъ шалаша, былъ отъ мѣста происшествія шагахъ въ 12-ти. Далѣе, около мѣста, гдѣ лежалъ Скарятинъ, дѣйствительно, съ правой стороны оказалось толстое дерево, около котораго, по объясненію присутствовавшихъ, егерь Василій Кожинъ въ то время (29-го декабря) поставилъ ружье убитаго.

«Наконецъ, въ видахъ полнѣйшаго описанія мѣстности происшествія, осматривавшими признано не лишнимъ замѣтить здѣсь

еще и тотъ общій результатъ осмотра, который, по ознакомленіи съ мѣстностью, представляется самъ собою очевиднымъ, т. е., что выстрѣлы въ сторону, противуположную той, съ которой началась охота, хотя и сдѣланы были не съ одного № 8-го, но и съ нумеровъ 6-го и 7-го, но направленіе этихъ послѣднихъ таково, судя по вышеозначеннымъ слѣдамъ на двухъ деревьяхъ, что еслибы мысленно продолжить движеніе пуль впередъ, то вышла бы линія, направленная въ совершенно противуположную сторону той, которая направлялась изъ выстрѣловъ съ № 8 и притомъ отстоящая отъ мѣста паденія Скарятина, какъ показало измѣреніе, въ 23 шагахъ въ лѣво.

«Въ заключеніе, признано было необходимымъ пріобщить къ дѣлу, какъ вещественныя доказательства, вышеупомянутую березку и два куска отъ деревьевъ со слѣдами пуль, что̀ и исполнено по окончаніи осмотра въ одинъ часъ съ половиною пополудни».

Таковъ актъ, удостовѣрявшій мѣстность, на которой произошло печальное событіе 29-го декабря 1870 года. Понятное дѣло, что составители акта воздержались отъ всякихъ рѣшительныхъ выводовъ изъ данныхъ, которыя имъ представила живая мѣстность въ натурѣ, воздержались потому, что это противурѣчитъ закону, и что затѣмъ эти выводы предстояло сдѣлать въ засѣданіи коммисіи. Но частнымъ образомъ всѣ производившіе осмотръ тогда же высказались единогласно въ слѣдующемъ смыслѣ: изъ расположенія мѣстности и соотвѣтствовавшихъ разъясненій лицъ, присутствовавшихъ на злополучной охотѣ, ясно было видно, что убить Скарятина могъ только графъ Ферзенъ. Если даже отбросить всѣ остальныя соображенія въ сторону, то достаточно одного факта, что Скарятинъ былъ убитъ послѣднимъ выстрѣломъ, а этотъ послѣдній выстрѣлъ и былъ выстрѣломъ графа Ферзена. Въ этомъ, собственно, послѣ осмотра, никто не сомнѣвался. Гораздо важнѣе представлялся вопросъ о нравственномъ значеніи этого выстрѣла, т. е. былъ ли онъ преступнымъ, намѣреннымъ, или только неосторожнымъ. Въ пользу перваго предположенія явились уже и нѣкоторыя данныя, почерпнутыя отъ лицъ, близко знавшихъ служебныя отношенія между оберъ-егермейстеромъ (графомъ Ферзеномъ) и егермейстеромъ (Скарятинымъ). Разсказывали, что, въ особенности въ послѣднее время, отношенія эти будто бы очень обострились, вслѣдствіе явнаго расположенія его величества къ В. Я. Скарятину, и что даже во время охоты 29-го декабря, въ тотъ моментъ, когда Скарятинъ приблизился съ своего мѣста къ № 8-му — что̀ выражало, что онъ уже идетъ къ мѣсту сборища, предполагая, что охота окончилась—графъ Ферзенъ, увидя его, сказалъ будто бы своему егерю: «чего онъ тащится раньше всѣхъ...» Не смотря, однакожъ, на такіе намеки, вы-

вести заключеніе о преднамѣренномъ убійствѣ Скарятина оказалось совершенно невозможнымъ, во-первыхъ, по отсутствію какихъ либо реальныхъ, чѣмъ вышеупомянутыя сплетни, данныхъ, а, во-вторыхъ, на основаніи все тѣхъ же условій мѣстности. А именно:— пунктъ, на которомъ стоялъ графъ Ферзенъ, былъ возвышенъ; мѣсто, на которомъ упалъ мертвый Скарятинъ, была лощина, настолько ниже лежащая пункта № 8-й, что если мысленно провести линію отъ ружья, приподнятаго графомъ Ферзеномъ для обыкновеннаго выстрѣла, то линія эта какъ разъ прошла бы черезъ голову Скарятина, и надо полагать, что еслибы графъ Ферзенъ дѣйствительно хотѣлъ, подъ видомъ прицѣла въ медвѣдя, послать пулю въ Скарятина, то онъ долженъ былъ, слишкомъ явно въ глазахъ стоявшаго тутъ же егеря Василія Кожина, нагнуть дуло ружья внизъ, чтобы попасть, по крайней мѣрѣ, въ голову Скарятина; для того же, чтобы попасть Скарятину въ поясъ, графъ Ферзенъ долженъ былъ, при обыкновенномъ держаніи ружья, даже присѣсть и притомъ значительно на землю,—движеніе, которое, конечно, не могло бы остаться незамѣчаннымъ прежде всего тѣмъ же Кожинымъ, не упустившимъ бы потомъ и указать на это обстоятельство. Ничего подобнаго, однакожь, въ дѣйствительности не было. Когда медвѣдь перебѣжалъ стрѣлковую линію, то графъ Ферзенъ, вслѣдъ за двумя неудачными выстрѣлами его величества и его высочества, съ своей стороны также далъ первый выстрѣлъ, совершенно, впрочемъ, безполезный, какъ это и удостовѣрилъ Василій Кожинъ, потому что, объяснилъ этотъ послѣдній, медвѣдя еще не было и видно съ № 8-го; когда же затѣмъ медвѣдь пробѣгалъ по просѣкѣ, прямо видѣнной съ № 8-го, то егерь Кожинъ крикнулъ: «ваше сіятельство, стрѣляйте, вонъ медвѣдь!» и въ это же время сталъ подавать графу ружье, только что отъ него принятое; графъ Ферзенъ, по старости лѣтъ, засуетился, сталъ брать ружье и въ это-то время, еще не приподнявши ружья на высоту, необходимую для нормальнаго прицѣла, другою рукой зацѣпилъ за курокъ, вслѣдствіе чего ружье, находясь еще у колѣнъ его, дало выстрѣлъ, оказавшійся роковымъ для Скарятина. Только въ такомъ положеніи ружья выстрѣлъ и могъ попасть Скарятину въ поясъ. Ясно, что преднамѣренности въ подобномъ дѣйствіи графа Ферзена усматривать было невозможно. Все, что можно было заключить изъ такого рода данныхъ — это о неосторожности, даже о случайности выстрѣла. Тѣмъ безсмысленнѣе и возмутительнѣе было, конечно, запирательство графа Ферзена и попытки его склонить егеря Василія Кожина къ ложному показанію.

Лица, производившія осмотръ, старались подробнѣе распросить именно егеря Василія Кожина, который былъ очевидцемъ всего происшествія, и изъ его показаній дѣло представилось въ такомъ видѣ: Скарятинъ, услыша сдѣланные государемъ выстрѣлы въ

сторону, откуда гнали на него медвѣдя, счелъ, какъ это обыкновенно бывало, что охота окончена, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ онъ, по положенію своему на номерѣ 10-мъ, не могъ видѣть, что происходило на остальныхъ номерахъ. Въ этомъ убѣжденіи, Скарятинъ и направился къ мѣсту сборища, которымъ естественно должна была быть та единственная поляна, на которой онъ неожиданно нашелъ потомъ смерть. Подойдя къ № 8-му, онъ подождалъ нѣсколько, не будутъ ли стрѣлять (въ моментъ перваго выстрѣла графа Ферзена) и затѣмъ повернулъ въ право на поляну. Когда пуля графа Ферзена сразила его, то тотъ же Кожинъ воскликнулъ: «ваше сіятельство, что вы сдѣлали, вы убили Василія Яковлевича!»—«Молчи!» пригрозилъ ему графъ Ферзенъ и тутъ же, вслѣдъ за бросившимся Кожинымъ, графъ Ферзенъ сталъ подходить къ упавшему Скарятину. Въ то же самое время съ нумеровъ своихъ подошли къ мѣсту происшествія государь и великій князь; на вопросы: что такое? какъ это случилось? всѣ молчали, но кѣмъ-то (Кожинъ не помнитъ или не замѣтилъ) высказано было предположеніе, что Скарятинъ споткнулся и самъ себя убилъ нечаянно, тѣмъ болѣе, что и ружье его тутъ же валялось на землѣ. При общемъ смущеніи, всѣ, повидимому, повѣрили этой догадкѣ и никому, конечно, не пришла въ голову вся очевидная несостоятельность ея съ перваго же взгляда, потому что нельзя же было въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы человѣкъ, какъ бы онъ не споткнулся, могъ себѣ сдѣлать правильный выстрѣлъ сзади въ поясъ. Въ такомъ недоразумѣніи всѣ и остались и возвратились въ городъ. Но тутъ, должно быть, скороспѣлая догадка показалась всѣмъ ужь очень несостоятельною и потому стали дѣлать иныя гадательныя предположенія.

Весьма естественно, что какъ только всѣ вытекавшія изъ осмотра разъясненія и самый актъ осмотра внесены были министромъ юстиціи въ коммисію, тотчасъ же установилось твердое убѣжденіе въ виновности графа Ферзена. Вслѣдъ затѣмъ, дали свои разъясненія и сознаніе въ коммисію и свидѣтели, такъ что коммисія признала графа Ферзена виновнымъ не только въ неосторожномъ убійствѣ Скарятина, но главнымъ образомъ въ недостойномъ поведеніи какъ въ самый моментъ просшествія (замолчалъ свою вину), такъ и тогда, когда дѣло подверглось уже разслѣдованію.

Вскорѣ затѣмъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (1871 г., № 23, среда, 27-го января) было обнародовано всеподаннѣйшее донесеніе коммисіи государю императору съ слѣдующей резолюціей его величества:

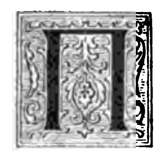
«Усматривая изъ дѣла, что смерть егермейстера Скарятина произошла отъ случайнаго выстрѣла графа Ферзена и признавая послѣдняго виновнымъ въ позднемъ сознаніи, Я во вниманіе къ его болѣе пятидесятилѣтней службѣ, вмѣняю ему въ наказаніе настоящее увольненіе его отъ службы. За симъ считать дѣло конченнымъ».

Такая резолюція государя, въ которой всѣ упомянутые поступки графа Ферзена были во всеобщее свѣдѣніе осуждены его величествомъ, послужила для графа Ферзена, безъ сомнѣнія, еще большимъ наказаніемъ, нежели увольненіе отъ службы.

М. Баженовъ.

ИСТОРІЯ ОДНОГО НЕОСУЩЕСТВИВШАГОСЯ ИЗДАНІЯ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній.)



ПОСЛѢ крымской войны, когда правительство и интеллигентная часть русскаго общества пришли къ убѣжденію въ необходимости распространенія въ массѣ народа и солдатъ образованія и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовали его осуществленію,—извѣстный беллетристъ, бытописатель и иллюстраторъ солдатско-крестьянской жизни, Александръ Ѳедоровичъ Погосскій, основалъ два небольшіе, тождественные по содержанію, журнала, изъ которыхъ одинъ назывался «Народною», а другой «Солдатскою» бесѣдой.

Благодаря таланту основателя, повѣсти и разсказы котораго читались на расхватъ, предпринятое имъ изданіе сразу стало на твердую почву и въ непродолжительное время достигло высокой степени развитія: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ имѣло уже до 14,000 подписчиковъ.

Но 1863 годъ оказался неблагосклоннымъ къ Александру Ѳедоровичу. Онъ заболѣлъ и долженъ былъ отправиться, для излеченія болѣзни, за границу на довольно продолжительное время, а любимое свое дѣтище—маленькіе журнальцы передать въ другія руки, именно въ руки своего пріятеля, извѣстнаго врача-гомеопата Василья Васильевича Дерикера.

Новый издатель-редакторъ въ литературномъ мірѣ былъ человѣкъ пришлый, скорѣе диллетантъ, чѣмъ писатель (другъ и почитатель Сенковскаго, помѣстившій «нѣчто» или «что-то» въ его Библіотекѣ); издательское дѣло онъ зналъ плохо; при томъ же, имѣя

много занятій по своей профессіи, не могъ отдаться всецѣло пріобрѣтеннымъ имъ случайно журналамъ. Имѣть постоянныхъ сотрудниковъ, отвѣтственныхъ за отдѣлы,—онъ не считалъ нужнымъ, а случайные не могли имѣть вліянія на успѣхъ изданія. Послѣдствіемъ подобнаго положенія дѣла было полнѣйшее фіаско: въ два, три года, число подписчиковъ, не смотря на отсутствіе серьезныхъ конкуррентовъ изданію, упало до 6,000.

Сознавая невозможность издавать свои «Бесѣды» при такомъ незначительномъ числѣ подписчиковъ [1]), Дерикеръ попытался было поднять ихъ значеніе помѣщеніемъ въ нихъ, въ видѣ полезныхъ статеекъ, разныхъ своихъ врачебно-практическихъ совѣтовъ, обѣщаніемъ давать подписчикамъ не по шести, а по двѣнадцати книжекъ въ годъ и, наконецъ, изданіемъ особаго приложенія: «Календарь Бесѣдъ». Но всѣ эти издательскія потуги не только не подняли подписки, но, напротивъ, уронили ее окончательно: на 1867 годъ, обѣ «Бесѣды» имѣли только 3,129 подписчиковъ.

Такой печальный исходъ столь блистательно начатаго дѣла окончательно обезкуражилъ Дерикера. Онъ упалъ духомъ и сталъ задерживать выпускъ книжекъ. Въ августѣ 1867 года, у него было выпущено, вмѣсто восьми, только четыре книжки. Денежныхъ средствъ на выдачу остальныхъ восьми книжекъ въ наличности не имѣлось. Издать эти книжки въ кредитъ значило бы обременить изданіе 1868 года значительнымъ долгомъ, а на увеличеніе подписки разсчитывать едва ли было возможно, и вотъ Дерикеръ, по зрѣломъ размышленіи, рѣшился продать свои «Бесѣды».

Я былъ знакомъ съ Дерикеромъ, печатался у него, и зайдя какъ-то къ нему въ концѣ лѣта 1867 года, нашелъ его въ страшномъ горѣ отъ разныхъ неудачъ, которыхъ у него, кромѣ неудачи по изданію, какъ нарочно въ то время скопилось довольно. Слово за слово, мы разговорились, посѣтовали, потужили о безвыходномъ положеніи нашихъ первыхъ піонеровъ въ дѣлѣ народнаго образованія, и я уже сбирался было уходить, какъ вдругъ Дерикеръ поднялся съ мѣста, прошелся медленно по кабинету и, остановясь противъ меня, сказалъ: «я рѣшился продать мои «Бесѣды»—не купите ли вы ихъ, или не найдете ли мнѣ покупателя»? Меня застигло въ расплохъ подобное предложеніе, я не могъ ничего отвѣтить и сказалъ только, что объ этомъ нужно подумать серьезно.

Спустя недѣлю, мы опять свидѣлись и говорили объ условіяхъ передачи жуналовъ, но условія эти казались мнѣ такими тяжелыми, что я разстался съ Дерикеромъ безъ всякой надежды на успѣхъ дѣла. Однако, разумные доводы восторжествовали, Дерикеръ пошолъ на уступки, и въ одно прекрасное утро мы ударили по рукамъ. Онъ передавалъ мнѣ свои редакторскія и издательскія

[1]) Подписная цѣна за экземпляръ—2 р. въ годъ.

права и старый хламъ, т. е. журналы за прежніе годы и отпечатанныя особыми брошюрами нѣкототорыя статейки. Я же долженъ былъ удовлетворить подписчиковъ 1867 года, т. е. выдать въ этомъ году восемь книжекъ «Бесѣдъ», уплатить ему при заключеніи условія 1,000 руб. и за тѣмъ, впродолженіе трехъ лѣтъ, платить ему извѣстный процентъ чистой прибыли, но въ общемъ итогѣ за всѣ годы не менѣе 3,000 руб.

10-го сентября, утромъ, я отправился къ помощнику начальника Главнаго Штаба, свиты его величества генералъ-маіору Мещеринову, просить разрѣшенія на изданіе купленныхъ мною «Бесѣдъ», такъ какъ я состоялъ на службѣ въ Главномъ Штабѣ, въ его вѣдѣніи. Въ 11 часовъ онъ меня принялъ.

— Что вы скажете?

— Осмѣливаюсь безпокоить, ваше превосходительство, по собственному дѣлу.

— По какому?

— Прошу вашего разрѣшенія и покровительства въ такомъ дѣлѣ, которое можетъ сдѣлаться источникомъ моего благосостоянія.

— Объяснитесь.

— Вашему превосходительству не безъизвѣстно, что у насъ издается нѣсколько журналовъ для народа и солдатъ. Дѣла издателя одного изъ этихъ журналовъ, именно «Солдатской Бесѣды», Дерикера, пришли въ разстройство. Поэтому онъ предлагаетъ мнѣ принять изданіе.

— Что жъ вы хотите?—перебилъ меня генералъ:—субсидіи?.. Откуда я вамъ ее возьму?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я не прошу субсидіи, я прошу разрѣшенія и нравственной поддержки.

— Я ничего не могу вамъ сдѣлать—не въ моей власти...

— Если Погосскій былъ обязанъ многимъ генералу Обручеву, такъ позвольте мнѣ быть обязаннымъ вамъ всѣмъ...

— Я сдѣлалъ Погосскому больше, чѣмъ Обручевъ—опять перебилъ меня генералъ—да дѣло не въ томъ... Его изданію нельзя было не сочувствовать: онъ—извѣстный писатель и пользуется репутаціею.

— Да, если его повѣсти и составляли лучшій отдѣлъ журнала, за то прочіе отдѣлы не соотвѣтствовали...

— Повѣсти—еще разъ перебилъ меня генералъ—составляютъ лучшее средство для образованія народа, онъ читаетъ ихъ и поучается.

— Позвольте, ваше превосходительство, доложить вамъ, что народу нужны не одни повѣсти. Я предполагаю дать журналу болѣе серьезное направленіе, печатать, напримѣръ, объясненія значенія новыхъ мировыхъ судовъ, земскихъ учрежденій, что̀ необходимо знать крестьянину, за тѣмъ...

Но живой, подвижной генералъ снова перебилъ меня:—Да, что народъ пойметъ изъ вашихъ книжекъ! Онъ скорѣе пойметъ, если ему объяснять это на словахъ... Читать онъ не умѣетъ, а писаря не захотятъ дѣлиться съ крестьяниномъ тѣми свѣдѣніями, которыя составляютъ ихъ профессію... Впрочемъ, дѣло не мое, издавайте, что знаете, только я не могу понять, чѣмъ я то могу быть вамъ полезенъ?

— Мнѣ нужно разрѣшеніе на право изданія.

— Объ этомъ нужно просить графа [1]). Только графъ едва ли вамъ разрѣшитъ...

— Я надѣюсь на васъ, ваше превосходительство, быть можетъ вы примете на себя трудъ доложить о моей просьбѣ графу.

— Да, конечно, я буду говорить съ нимъ. Но я долженъ признаться, затрудняюсь... Вы займетесь своимъ журналомъ, а дѣла по должности будутъ лежать.

— Ваше превосходительство, я обѣщаю вамъ быть такимъ же исправнымъ чиновникомъ, какъ и теперь... Вѣдь я не буду одинъ заниматься журналомъ, найдутся сотрудники.

— Все же надо прочитывать, надо исправлять, надо, наконецъ, и направленіе дать журналу... какъ будто это пустяки...

— Ваше превосходительство, у васъ, въ Штабѣ, и въ настоящее время находятся на службѣ чиновники, которые извѣстную часть времени посвящаютъ казенному дѣлу, а потомъ работаютъ или для журналовъ, или для частныхъ компаній...

Генералъ не утерпѣлъ и горячо перебилъ меня:—за то и дѣла лежатъ, бумаги накопляются, исполненія нѣтъ, графъ не доволенъ... Нѣтъ! я съ ними скоро принужденъ буду разстаться.

— Не всѣ же таковы, ваше превосходительство, при извѣстной добросовѣстности, я полагаю, можно быть и хорошимъ редакторомъ, и хорошимъ чиновникомъ вмѣстѣ; впрочемъ, ваше превосходительство, вы увидите.

— Хорошо-съ!.. Только вы должны просить графа, подайте ему докладную записку завтра утромъ, если онъ приметъ васъ; впрочемъ, я дамъ вамъ знать.

Въ эту минуту вошелъ дежурный и доложилъ, что начальникъ Главнаго Штаба проситъ его превосходительство къ себѣ.

— Хорошо, скажи, что приду. Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, продолжалъ:—но помните, субсидій—никакихъ! Что же касается до нравственной поддержки изданію, то она будетъ заключаться только въ рекомендаціи журнала войскамъ циркуляромъ. Но и это зависитъ отъ Совѣщательнаго Комитета, гдѣ я имѣю голосъ наравнѣ съ другими, слѣдовательно, рѣшеніе зависитъ не отъ меня. Я могу

---

[1]) Графа Θедора Логгиновича Гейдена, тогдашняго начальника главнаго штаба.

засвидѣтельствовать, что вы—человѣкъ способный, дѣльный... но относительно изданія, я, не видѣвъ его, ничего сказать не могу. Да и Комитетъ не можетъ приступить къ обсужденію, не видя, ну хоть первой вашей книжки.

— Представленіемъ книжки я не замедлю, ваше превосходительство, но я не могу начать печатанія, не получивъ разрѣшенія отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, куда я еще не подавалъ прошенія, не получивъ вашего дозволенія.

— Ну, такъ просите завтра графа. Я же, съ своей стороны, обѣщаю вамъ мой голосъ въ Комитетѣ, если изданіе будетъ того заслуживать, понимаете?..

— Дѣло будетъ говорить за себя.

— Ну, хорошо, прощайте, сказалъ генералъ и откланялся.

Я вышелъ съ облегченнымъ сердцемъ: кому изъ служившихъ въ Главномъ Штабѣ не было извѣстно, что если генералъ Мещериновъ на что-нибудь согласится, препятствія къ тому со стороны графа Гейдена не будетъ. Первое препятствіе было мной устранено, и я, чтобы не терять времени, отправился къ Евгенію Александровичу Погожеву, моему сотоварищу и доброму другу, человѣку состоятельному, служившему тогда въ Главномъ Инженерномъ Управленіи. Наканунѣ я съ нимъ переговаривался о совмѣстномъ изданіи «Бесѣдъ», но онъ, баричъ по рожденію и привычкамъ, не пожелалъ обременять себя излишнимъ трудомъ, хотя отъ матеріальной поддержки не отказывался. Теперь я спѣшилъ къ нему съ хорошей вѣстью объ удачѣ у начальства. День былъ воскресный, утро позднее, но Погожевъ, послѣ какой-то субботней пирушки, еще спалъ; пришлось обождать. Наконецъ, онъ вышелъ, попенялъ, зачѣмъ я не велѣлъ его разбудить, разспросилъ обо всемъ, касающемся изданія, и обѣщалъ внести отъ себя въ дѣло пай въ 1,000 руб. и дать мнѣ заимообразно, если будетъ нужно, на вексель, 1,000 руб. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно. Дѣло подвигалось впередъ.

На утро, придя пораньше въ Главный Штабъ, я начернилъ докладную записку графу Гейдену и отдалъ писарю переписать. Между тѣмъ, генералъ Мещериновъ въ 10 часовъ былъ уже въ Штабѣ и подойдя ко мнѣ, освѣдомился «являлся ли я графу?»

— Нѣтъ еще, ваше превосходительство, докладная записка переписывается.

— А вы не могли приготовить ее заблаговременно, сухо замѣтилъ генералъ:—опоздаете и графъ не приметъ васъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ я входилъ въ кабинетъ графа; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и просматривалъ бумаги. Взглянувъ на меня, онъ быстро повернулся ко мнѣ и сказалъ громко:

— А, здравствуйте, пожалуйте сюда, садитесь, пожалуйста, что вы?

— Позвольте представить вашему сіятельству докладную за-

писку съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ принять званіе и обязанности редактора-издателя «Солдатской Бесѣды».

— На какихъ условіяхъ вы принимаете изданіе?

Я объяснилъ условія.

— Ваши сотрудники?

— Редакція еще не сформировалась, но я полагаю пригласить людей, горячо сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія.

— Очень радъ! Но это, надѣюсь, не будетъ мѣшать исполненію вашихъ служебныхъ обязанностей.

— Постараюсь, ваше сіятельство, не подавать повода къ жалобамъ на себя. Вся моя жизнь была посвящена труду, не думаю, чтобы я могъ измѣниться теперь.

— Въ такомъ случаѣ съ моей стороны нѣтъ препятствія.

Потомъ, прочитавъ поданную мною докладную записку, графъ положилъ на ней резолюцію: «согласенъ», и отдавая мнѣ, сказалъ: отнесите Григорью Васильевичу [1]) и попросите его сдѣлать что нужно».

— Могу ли, ваше сіятельство, просить васъ о покровительствѣ моему журнальцу.

— Все, что будетъ отъ меня зависѣть — обѣщаю сдѣлать, если изданіе ваше будетъ того заслуживать. Прощайте, желаю вамъ успѣха.

Иду къ генералу Мещеринову, передаю ему записку и приказаніе начальника Штаба. Весело взглянулъ онъ на меня. Я понялъ этотъ взглядъ и сталъ благодарить его за оказанную поддержку моему сирому пріемышу. Онъ разсмѣялся и сказалъ: «идите въ канцелярію и скажите Колоколову (правителю канцеляріи), чтобы приготовилъ что нужно».

На другой день мнѣ выдали, за подписью графа Гейдена, для представленія въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, свидѣтельство слѣдующаго содержанія: «Къ принятію на себя чиновникомъ Главнаго Штаба, поручикомъ Мартьяновымъ, званія и обязанностей редактора журналовъ «Народная Бесѣда» и «Солдатская Бесѣда» — со стороны начальства препятствія не имѣется; въ нравственномъ же и политическомъ отношеніяхъ онъ можетъ быть аттестованъ какъ человѣкъ вполнѣ благонадежный».

15-го сентября, я заключилъ съ Дерикеромъ нотаріальное условіе о передачѣ мнѣ издательскихъ и редакторскихъ правъ на «Бесѣды», и заплатилъ ему условленную тысячу рублей. Въ тотъ же день я обѣдалъ у моего пріятеля, Порфирія Ассигкритовича Климова, служившаго при статсъ-секретарѣ Бутковѣ. Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати, сенатора М. Н. Похвиснева, въ то время въ Петербургѣ не было, онъ находился въ отпуску

---

[1]) Генералу Мещеринову.

за границей. Должность его исправлялъ сенаторъ Туруновъ. Находясь съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, Климовъ вызвался поѣхать къ нему со мною вмѣстѣ и познакомить насъ. Кромѣ того, водя хлѣбъ-соль съ извѣстнымъ книгопродавцемъ Иваномъ Ильичемъ Глазуновымъ, онъ обѣщалъ мнѣ устроить печатаніе журналовъ въ его типографіи, на выгодныхъ для меня условіяхъ, и если будетъ нужно, открыть мнѣ кредитъ.

Выбравъ свободное утро, Климовъ поѣхалъ со мной къ Турунову. Онъ встрѣтилъ Порфирія Ассигкритовича съ распростертыми объятіями, безъ церемоніи, по-домашнему. Усадивъ въ кабинетѣ на диванѣ, Туруновъ спросилъ его: «какіе вѣтры занесли васъ ко мнѣ?»

Я ожидалъ въ пріемной и слышалъ громкіе раскаты его голоса. Когда меня пригласили въ кабинетъ, Климовъ церемонно раскланялся и повелъ такую рѣчь:

— Позвольте, ваше превосходительство, представить вамъ неофита прессы, только что слѣпленнаго изъ глины редактора Дерикеровскихъ «Бесѣдъ»; онъ еще не обожженъ, поэтому если милость ваша будетъ, поберегите, не сломайте его.

— О! хо, хо, хо! засмѣялся Туруновъ: — за кого вы насъ принимаете? Развѣ мы ломаемъ,—мы бережемъ и лелѣемъ дѣтей мысли, не хуже всякой мамки.

— Знаю, знаю я вашу заботливость, засмѣялся въ свою очередь Климовъ: — ваши мамки такъ затягиваютъ свивальники, что бѣднымъ дѣтямъ мысли куда какъ плохо приходится.

— Ну что вы! что вы! отшучивался Туруновъ и обратясь ко мнѣ, спросилъ: а ваши бумаги готовы?

— Готовы, ваше превосходительство.

— Ну и прекрасно! дайте ихъ сюда, я ихъ помѣчу, а вы отвезите и отдайте ихъ въ Главномъ Управленіи правителю дѣлъ Капнисту, пусть онъ исполнитъ ихъ.

Я сталъ просить его принять участіе въ скорѣйшемъ разрѣшеніи моего ходатайства, такъ какъ сентябрь былъ во второй половинѣ, а мнѣ нужно было выдать восемь книжекъ.

— О, не безпокойтесь! Главное Управленіе не задержитъ, все вамъ сдѣлаетъ и скоро, и хорошо.

— А какъ это понять: скоро? вмѣшался Климовъ:—у васъ если говорятъ: «скоро»—то это значитъ: годъ, а «экстренно»—полгода.

— Не нападайте на насъ, Порфирій Ассигкритовичъ, возразилъ Туруновъ, Главное Управленіе дѣйствуетъ теперь энергично.

— Энергично! это сколько же потребуетъ времени? продолжалъ Климовъ: — по всей вѣроятности, никакъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ...

Туруновъ защищалъ Главное Управленіе, устраняя свою личность, какъ будто онъ былъ совершенно не причастенъ къ дѣламъ печати. Это, казалось мнѣ, звучало какъ-то фальшиво, особенно

въ устахъ человѣка, управлявшаго вѣдомствомъ. Значитъ на него надѣяться нечего, и съ этими мыслями я отправился къ Капнисту.

Долго заставилъ дожидать себя въ пріемной Главнаго Управленія могущественный правитель канцеляріи. Наконецъ, онъ соизволилъ выйти. Это былъ самъ юпитеръ громовержецъ. Его походка, взгляды, интонація голоса—все напоминало «человѣка бѣлой кости». ничего общаго съ нами простыми смертными неимѣющаго. Онъ небрежно окинулъ меня взглядомъ и еще небрежнѣе спросилъ:

— А, это вы желали меня видѣть?.. что вамъ угодно?

Я подалъ ему мое прошеніе, сказалъ, что представлялся генералу Турунову, что онъ прочиталъ мои бумаги и просилъ передать ихъ ему для исполненія.

— Для исполненія! повторилъ съ саркастической улыбкой Капнистъ:—очень хорошо!.. будетъ исполнено... и повернувшись на каблукахъ, направился къ своему сѣдалищу.

Я за нимъ—когда могу узнать о разрѣшеніи?

— Вамъ сообщатъ по мѣсту жительства, чрезъ полицію, буркнулъ онъ какъ-то черезъ плечо на ходу и скрылся.

Такой пріемъ не предвѣщалъ ничего добраго, но я тогда вѣрилъ въ силу слова начальства и, улыбнувшись ему въ слѣдъ, вышелъ.

Дальнѣйшіе мои хлопоты заключались въ устройствѣ хозяйственной части журналовъ и сформированіи редакціи.

20-го сентября, я видѣлся съ И. И. Глазуновымъ, типографію котораго рекомендовалъ мнѣ Климовъ. Почтенный коммерсантъ принялъ меня чрезвычайно вѣжливо, но не сердечно. Было видимо, что онъ бралъ мое дѣло неохотно; но, въ виду рекомендаціи Климова, отказаться не хотѣлъ. Распросивъ: какое число экземляровъ я предполагаю печатать, сколько книжекъ думаю выпустить въ этомъ году, какой сортъ бумаги нужно употребить для нихъ, онъ высчиталъ, что все дѣло въ 1867 году потребуетъ до 5,000 рублей. Потомъ, видя мое изумленіе, прибавилъ, что, во вниманіе просьбы Порфирія Ассигкритовича, мнѣ будетъ сдѣланъ въ типографіи небольшой кредитъ до новой подписки. Я поблагодарилъ его, но сдѣланная имъ смѣта меня сильно обезпокоила; вѣдь, кромѣ печатанія, нужно было еще много денегъ на редакцію и сотрудниковъ. Я рѣшился переговорить съ другими типографщиками.

Образованіе редакціи, вполнѣ отвѣчающей цѣлямъ изданія, духу времени, потребностямъ цензуры и вкусамъ читателей, составляло одну изъ серьезныхъ задачъ. На первое время я пригласилъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ моихъ пріятелей двухъ братьевъ А. и С. Ольхиныхъ; бывшаго профессора Н. Ф. Павлова, недавно вернувшагося изъ какой-то дальной окраины, куда онъ былъ административно высланъ за нѣсколько фразъ, сказанныхъ имъ на одной публичной лекціи и, Богъ вѣсть почему, найденныхъ вред-

ными; Е. П. Карновича; П. А. Зарубина и г. Кушакевича. Взглядъ этихъ лицъ на народное образованіе былъ мнѣ, болѣе или менѣе, извѣстенъ и совпадалъ съ моимъ. Такъ какъ я жилъ тогда въ одной комнатѣ, нанимаемой въ семействѣ чиновника Сердюкова, въ Боровой улицѣ, то мы собирались по воскресеньямъ у Ольхиныхъ, которые занимали довольно большую квартиру не далеко отъ меня, у Пяти Угловъ, и горячо обсуждали программу и направленіе будущаго журнала, отлагая, впрочемъ, окончательное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ до полученія разрѣшенія на изданіе «Бесѣды».

Но разрѣшеніе затянулось. Прошолъ сентябрь, прошолъ октябрь, никакого отвѣта не даютъ. Прихожу въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, никто ничего не говоритъ мнѣ; Капнистъ, подъ предлогомъ множества занятій, не выходитъ. Наконецъ, какъ-то ловлю его въ пріемной.

— Позвольте узнать: въ какомъ положеніи мое дѣло? обращаюсь къ нему.

— Мы пе получили еще о васъ справки изъ III-го Отдѣленія.

— На что вамъ справка, когда мое начальство, лучше знающее меня, чѣмъ кто либо, выдало мнѣ свидѣтество о нравственной и политической благонадежности?

— Такіе ужъ у насъ порядки, процѣдилъ онъ въ отвѣтъ сквозь зубы и какъ-то бочкомъ юркнулъ за дверь.

Что дѣлать! что дѣлать! восклицалъ я, сидя у Климова,— вѣдь это—полнѣйшее разореніе. Вотъ уже ноябрь, а выйдетъ разрѣшеніе будетъ декабрь—когда же я успѣю издать восемь книжекъ? когда я сдѣлаю объявленія на будущій годъ? Это, безъсомнѣнія, Капнистъ нарочно затянулъ, чтобы насолить мнѣ!

— Успокойся, пожалуйста,—отшучивался Климовъ:—при чемъ тутъ Капнистъ! копнись ты самъ лучше въ дѣлѣ, тогда что нибудь и выйдетъ. Сходи въ III-е Отдѣленіе и узнай.

— Да я тамъ никого не знаю.

— Постой, мы пошлемъ туда Родіонова, онъ тамъ кой съ кѣмъ знакомъ и можетъ разузнать въ чемъ дѣло.

Родіоновъ, Александръ Николаевичъ, былъ его креатура, человѣкъ знакомый со всѣми и вездѣ. Явясь, по зову Климова, и выслушавъ порученіе, онъ отправился въ III-е Отдѣленіе, но тамъ случайно попалъ на самого статскаго совѣтника Горемыкина, завѣдывавшаго секретною частію, получилъ выговоръ и приказаніе: «прислать меня къ нему для личныхъ объясненій».

Являюсь въ III-е Отдѣленіе, сижу между голубыми мундирами часъ и болѣе,—зову нѣтъ. Прошу доложить—говорятъ, что занятъ. Посылаю г. Горемыкину мою визитную карточку, на которой написалъ, что я уволенъ моимъ начальствомъ только на одинъ часъ, сижу у него полтора часа, и если ему не возможно принять меня,

то я явлюсь въ другое время, а теперь долженъ отправиться на службу. Посланный возвратился съ приглашеніемъ пожаловать въ кабинетъ. Вхожу. Сидитъ господинъ довольно приличной наружности, съ ленточкой Владиміра въ петлицѣ. Кланяюсь.

— Здравствуйте! обратился ко мнѣ Горемыкинъ:—это вы посылали чиновника Родіонова за справкой?

— Я.

— Какъ же вы осмѣлились развѣдывать государственныя тайны?

— Никакихъ государственныхъ тайнъ я не посылалъ развѣдывать, а послалъ за справкой, почему III-е Отдѣленіе не отвѣчаетъ на запросъ лично обо мнѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, и послалъ съ разрѣшенія моего начальства, такъ какъ мнѣ самому, какъ состоящему на службѣ, сходить было нѣкогда.

— Кто вамъ сказалъ о сдѣланномъ намъ запросѣ?

— Правитель дѣлъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Капнистъ.

— Онъ не имѣлъ права вамъ этого говорить, а вы провѣрять его слова. Справка, о которой идетъ рѣчь, составляетъ секретъ.

— Для васъ — да! для меня — нѣтъ! Ничего дурного сказать вы обо мнѣ не можете: въ политическихъ демонстраціяхъ я не участвовалъ, подъ надзоромъ полиціи не состою, къ тайнымъ обществамъ не принадлежу, образа мыслей, опаснаго для общества или для правительства, не придерживаюсь, по суду не опороченъ, служба безупречна, поведеніе—вполнѣ достойное офицера и гражданина. И все это подтверждено въ свидѣтельствѣ, выданномъ мнѣ начальникомъ Главнаго Штаба и представленномъ мною въ Главное Управленіе по дѣламъ печати. Какіе же, послѣ этого, могутъ быть у васъ секреты обо мнѣ? Я не только къ вамъ, но и къ государю могу идти и просить, что мнѣ нужно.

— Все это очень хорошо, но вы затѣваете издавать журналъ, вы не одни будете издавать, у васъ будутъ сотрудники?

— Да, будутъ.

— Кто именно, позвольте узнать?

— Мировой судья Ольхинъ, его братъ, служащій въ министерствѣ финансовъ, изъ литераторовъ: Павловъ, Карновичъ, Кушакевичъ, Зарубинъ и другіе.

— Это все люди либеральнаго образа мыслей, а Павловъ даже былъ высланъ. Вращаясь въ средѣ подобныхъ людей, вы легко могли проникнуться дурными идеями; намъ нужно узнать это все.

— Узнать было довольно времени, вы держите справку почти два мѣсяца, а это меня разорить можетъ.

— Позвольте, вы слишкомъ себѣ позволяете... Только я одинъ могу судить, сколько мнѣ нужно времени для наведенія справокъ о васъ и вашихъ будущихъ сотрудникахъ... При такомъ образѣ

мыслей, вы едва ли можете быть полезнымъ руководителемъ народа и солдатъ.

— Предоставьте это знать моему начальству.

— Но!.. довольно!.. можете идти!...

Я отправился къ начальнику Главнаго Штаба и передалъ ему весь разговоръ мой съ Горемыкинымъ. Онъ выслушалъ меня внимательно и сказалъ: — «Михаилъ Николаевичъ Похвисневъ кажется уже пріѣхалъ, скажите въ канцеляріи, чтобы написали ему отъ меня письмо о васъ».

16-го ноября, графъ Гейденъ писалъ Похвисневу слѣдующее: «Во ввѣренное вамъ управленіе поступило ходатайство состоящаго при Главномъ Штабѣ поручика Мартьянова объ утвержденіи его въ званіи редактора журнала «Солдатская Бесѣда». Признавая необходимымъ, чтобы во главѣ изданія, предназначеннаго для нижнихъ чиновъ, стоялъ человѣкъ хорошо знающій бытъ солдата и его потребности, энергическій и способный, могущій придать журналу соотвѣтственное видамъ военнаго министерства направленіе, и причисляя къ разряду такихъ лицъ поручика Мартьянова, я долгомъ поставляю обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшей просьбой: не признаете ли возможнымъ ускорить утвержденіемъ помянутаго офицера въ званіи редактора и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Гейденъ доложилъ о моемъ дѣлѣ военному министру, и по приказанію послѣдняго было написано письмо къ военному цензору, генералъ-лейтенанту Штюрмеру, о содѣйствіи къ скорѣйшему разрѣшенію моего ходатайства.

Письмо къ Похвисневу на утро я отвезъ и вручилъ Михаилу Николаевичу лично. Онъ вышелъ ко мнѣ заспанный, въ халатѣ. Прочитавъ письмо, приложилъ руку ко лбу и, подумавъ немного, сказалъ: — Не помню!.. кажется, такого представленія у насъ не было... впрочемъ, я прикажу справиться. Что окажется—увѣдомлю, или лучше, пойду гулять, самъ зайду къ графу Ѳедору Логгиновичу, такъ и скажите ему.

Генералъ Штюрмеръ, отъ 19-го ноября, отвѣчалъ: «Дѣло объ утвержденіи редакторомъ «Солдатской Бесѣды» извѣстнаго и мнѣ, по своимъ литературнымъ способностямъ, поручика Мартьянова еще не рѣшено, но начальникъ Главнаго Управленія цензуры принимаетъ въ просьбѣ г. Мартьянова живое участіе и надѣется устранить препятствія къ удовлетворительному его рѣшенію».

Изъ письма этого оказалось, что возникли какія-то препятствія. Но какія? откуда? Со стороны ли Горемыкина, или Капниста,— я не зналъ, какъ не зналъ и того, чѣмъ помочь дѣлу, такъ неожиданно подорванному въ самомъ началѣ. До конца года оставался одинъ мѣсяцъ: сотрудники, въ виду затрудненій со стороны цензуры, не знали, къ какому времени нуженъ будетъ матеріалъ

для журнала и одинъ за другимъ отказывались. И. И. Глазуновъ нашелъ положительно невозможнымъ отпечатать въ декабрѣ всѣ восемь книжекъ. «Все, что можно сдѣлать, прибавилъ онъ, это напечатать двѣ книжки, и то если нужный матеріалъ будетъ доставленъ въ началѣ декабря». Благопріятное для подписки время уходило. Объявленія о подпискѣ, обыкновенно, начинаютъ дѣлать съ октября, дабы подписчики могли заблаговременно знать о выходѣ журналовъ и подписаться. Начать же подписку въ декабрѣ—значило бы потерпѣть полнѣйшую неудачу, такъ какъ подписчики, въ особенности части войскъ, на которыя я болѣе всего долженъ былъ разсчитывать, большею частью, подписку уже сдѣлали. Положеніе становилось критическимъ; но я все еще ждалъ, не теряя надежды, разрѣшенія.

Но вотъ прошолъ ноябрь и наступилъ декабрь, а разрѣшенія нѣтъ, какъ нѣтъ! Начальство, встрѣчаясь со мной, освѣдомлялось и покачивало головой, товарищи подсмѣивались. Единственной отрадой въ это тяжелое для меня время было личное представленіе мое военному министру, генералъ-адъютанту Милютину.

Дмитрій Алексѣевичъ навѣщалъ иногда графа Гейдена, имѣвшаго квартиру въ зданіи Главнаго Штаба. Онъ прямо проходилъ къ нему въ кабинетъ, бесѣдовалъ, а изрѣдка поднимался на верхъ и посѣщалъ Главный Штабъ.

Кстати, мнѣ припомнился одинъ курьезный случай.

Въ пріемной графа дежурилъ молодой офицеръ, прикомандированный къ Штабу для зачисленія на должность чиновника для порученій. Не зналъ ли онъ министра, или хотѣлъ выдвинуться особой пунктуальностью службы, только, когда генералъ Милютинъ, войдя въ пріемную, направился прямо въ кабинетъ графа, онъ загородилъ ему дорогу и внушительно проговорилъ:—«позвольте, ваше высокопревосходительство, къ графу нельзя входить безъ доклада».

— Какъ нельзя! возразилъ озадаченный министръ: да развѣ вы меня не знаете? я—военный министръ...

Офицеръ сконфузился, но захотѣлъ выдержать характеръ до конца и отвѣчалъ: — «все-таки, ваше высокопревосходительство, позвольте доложить».

Генералъ-адъютанту Милютину пришлось отойти къ окну и стать какъ бы въ положеніе просителя. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ двери кабинета распахнулись и графъ Ѳедоръ Логгиновичъ, весь красный отъ волненія, бросился къ министру съ извиненіями.

— Вотъ какъ, графъ, замѣтилъ ему Дмитрій Алексѣевичъ, нынче ваши адъютанты меня уже не узнаютъ.

Бѣдный поручикъ на другой же день былъ отчисленъ въ полкъ.

Но возвратимся къ моимъ «Бесѣдамъ».

Въ одно изъ такихъ посѣщеній министромъ Главнаго Штаба,

когда онъ проходилъ чрезъ наше отдѣленіе въ Ученый Комитетъ, онъ былъ остановленъ графомъ у моего стола.

— Вотъ, ваше высокопревосходительство, тотъ офицеръ, сказалъ графъ, о которомъ я вамъ докладывалъ. Онъ пріобрѣлъ отъ Дерикера право на «Солдатскую Бесѣду» и теперь хлопочетъ объ утвержденіи его въ званіи редактора.

Дмитрій Алексѣевичъ подалъ мнѣ руку и спросилъ: — ну, что же, какъ у васъ идетъ дѣло?

Я было сталъ развивать картину возникшихъ затрудненій, но онъ перебилъ меня: — Да, я знаю... но все же есть надежда, что вы получите желаемое.

Я молчалъ.

— А я испросилъ, продолжалъ министръ, по просьбѣ Дерикера, на удовлетвореніе вашихъ подписчиковъ пособіе.

Не зная ничего о просьбѣ Дерикера, я счелъ долгомъ поблагодарить Дмитрія Алексѣевича за его покровительство изданію, и когда онъ ушелъ, бросился въ канцелярію за справкою. Оказалось, что Дерикеръ получилъ уже ассигнованное журналу пособіе.

Передъ праздникомъ Рождества, въ видѣ подарка на ёлку, я получилъ, чрезъ полицію, увѣдомленіе Главнаго Управленія по дѣламъ печати, что ходатайство мое объ утвержденіи меня въ званіи редактора «Бесѣдъ» уважено быть не можетъ. Причинъ отказа не приведено.

На утро, графъ Гейденъ, вѣроятно, получившій подобное же увѣдомленіе, пригласилъ меня къ себѣ и съ участіемъ спросилъ:— вамъ отказали?

— Отказали, ваше сіятельство.

— Что же вы намѣрены предпринять?

— Выждать время... я такъ пораженъ отказомъ, что теперь ничего не могу сообразить.

— Очень жаль!.. но что дѣлать!.. впрочемъ, если что нибудь надумаете, обратитесь къ Григорью Васильевичу, онъ мнѣ доложитъ...

И искренно, съ видимымъ сочувствіемъ къ моему горю, пожалъ мнѣ руку.

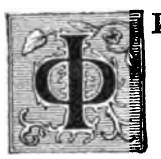
Таковъ былъ финалъ злополучной попытки возобновить изданіе «Бесѣдъ». Но я не отчаявался поправить дѣло. Лѣтомъ 1868 года, я думалъ возобновить мое ходатайство, съ тѣмъ, чтобы начать изданіе въ 1869 году. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. А. Ѳ. Погосскій вернулся изъ-за-границы и основалъ, въ 1868 году, новый журналъ «Досугъ и Дѣло». Изданіе это, въ первый же годъ своего существованія, пріобрѣло болѣе 5,000 подписчиковъ. Конкуррировать съ такимъ талантливымъ издателемъ, какъ Погосскій, при существованіи еще журнала Гейрота, было трудно, и я счелъ за лучшее отложить возобновленіе «Бесѣдъ» до болѣе благопріятныхъ временъ.

Но долго еще друзья-товарищи посмѣивались надъ моимъ редакторствомъ. Одинъ остроумный каррикатуристъ (Іевлевъ) нарисовалъ даже каррикатуру «Мартьяновскія Бесѣды». Представлена была аудиторія, переполненная солдатами и народомъ. Я пробираюсь на каѳедру, держа въ рукахъ «Бесѣды». На послѣдней ступенькѣ меня останавливаютъ жандармы. Одинъ («жандармъ права» съ лицемъ Горемыкина) говоритъ мнѣ:—«позвольте, вы бесѣдовать не можете, вы нарушаете государственныя тайны». Другой же («жандармъ мысли» съ лицемъ Капниста) отбираетъ отъ меня «Бесѣды», говоря:—«извините... я только исполняю, что приказано».

Сохранилась ли эта каррикатура? Набросана она и зло, и мѣтко.

П. Мартьяновъ.

УГОРСКІЕ НАРОДЫ [1].



ИНСКОЕ научное общество вообще очень дѣятельно и не проходитъ мѣсяца, чтобы оно не выпускало, болѣе или менѣе важныя по результатамъ, изслѣдованія своихъ членовъ. Еще очень недавно вышла въ свѣтъ крайне любопытная книга доктора Буха о вотякахъ, а теперь появилось полное интереса изслѣдованіе профессора Алквиста. Послѣ Кастрена врядъ ли можно отыскать такого знатока урало-алтайскихъ языковъ, каковъ почтенный профессоръ Гельсингфорскаго университета, посвятившій всю жизнь свою на изученіе народовъ этой отрасли, начиная отъ береговъ Ботническаго залива и кончая съ одной стороны широкою Обью, а съ другой — нижнимъ теченіемъ Волги. На этотъ разъ на судъ публики является плодъ многолѣтнихъ трудовъ г. Алквиста среди остатковъ чисто угорской семьи урало-алтайцевъ, причемъ авторъ явился въ среду изслѣдуемыхъ имъ народовъ во всеоружіи знанія ихъ языковъ, а слѣдовательно могъ видѣть и слышать то, чего другіе изслѣдователи, при всемъ желаніи съ ихъ стороны, видѣть и слышать не могли.

Не желая слѣдовать по, такъ сказать, торнымъ дорогамъ, г. Алквистъ избралъ такой путь, гдѣ онъ могъ встрѣтить незатронутыхъ еще огрызками культурности угровъ; теченія рѣкъ Сосвы, Вышмы, Тапсы, Пелыми, Тавды, Туры, Конды и наконецъ громадной Оби обслѣдованы были самымъ тщательнымъ образомъ, причемъ авторъ

[1]) Unter Ostjaken und Wogulen.—Reisebriefe und Ethnographische Mitheilungen von Aug. Ahlqvist (Среди Остяковъ и Вогуловъ. — Путевыя письма и этнографическія сообщенія Авг. Алквиста).

постоянно находился въ прямыхъ и самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, какъ съ вогулами, такъ и съ остяками, которые не видѣли въ немъ чиновника, а потому и говорили съ нимъ, не стѣсняясь. Въ наши цѣли отнюдь не входитъ слѣдить шагъ за шагомъ автора и мы постараемся лишь дать общій очеркъ добытыхъ имъ результатовъ.

При этомъ считаемъ долгомъ выразить финскому научному обществу искреннюю признательность за оказанную имъ намъ любезность. По порученію редакціи «Историческаго Вѣстника» мы обратились, черезъ посредство г. Алквиста, въ общество съ просьбой о разрѣшеніи воспроизвести въ нашей статьѣ нѣкоторые рисунки изъ изданнаго имъ изслѣдованія г. Алквиста. Общество съ полной готовностью и безвозмездно представило въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника» клише тѣхъ рисунковъ, которыми мы желаемъ иллюстрировать нашу статью.

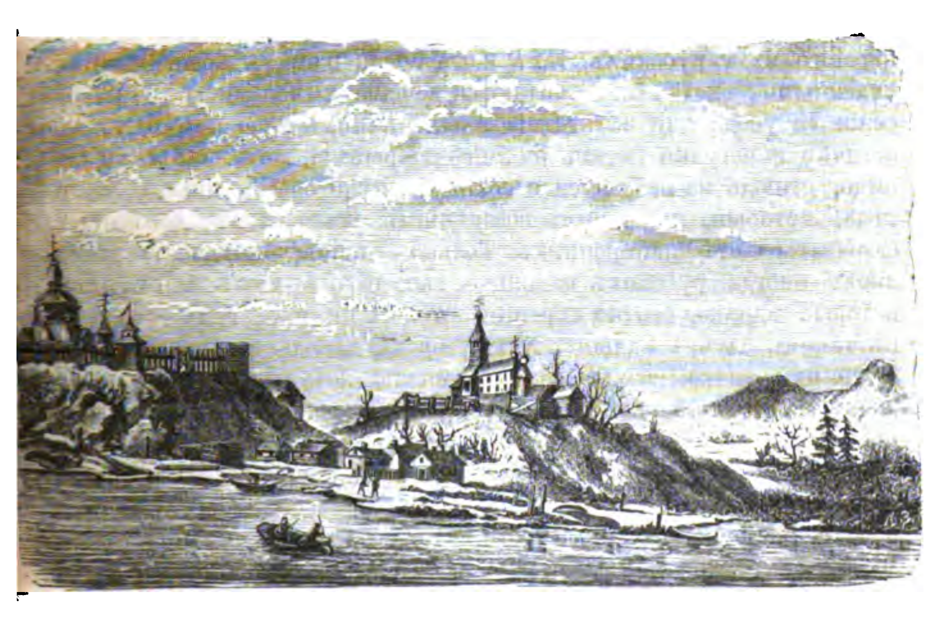
Вогулы (маньсъ) и остяки (хонда) считаютъ уграми (ор или йорынъ-яхъ) только самоѣдовъ, а себя любятъ называть по тѣмъ рѣкамъ, на берегахъ которыхъ они живутъ. Много было уже говорено объ этихъ народахъ въ литературѣ, и въ то время, какъ нѣкоторые писатели старались доказать живучесть ихъ и культурную способность, другіе, напротивъ, утверждали, что они должны неминуемо вымереть. Но причиною такого вымиранія отнюдь нельзя считать, по словамъ г. Алквиста, систематическое спаиваніе туземцевъ водкою, а скорѣе неспособность ихъ примѣниться къ новымъ условіямъ жизни, которыя устанавливаются на Оби. Но кто же, спрашивается, замѣнитъ здѣсь эти племена? Русскіе переселенцы отнюдь не способны къ колонизаціи этого обширнаго и богатаго края и остается лишь одинъ народъ, который съ давнихъ поръ уже старается забрать весь край въ свои умѣлыя руки. Ловкій, довольствующійся малымъ, дѣятельный и разсчетливый зырянинъ, всегда лучше русскаго, который успѣлъ на легкихъ хлѣбахъ облѣниться, съумѣетъ воспользоваться дарами страны; само собою разумѣется, что русскіе понимаютъ превосходство зырянъ и стараются всячески помѣшать имъ забрать Обь въ свои руки; остякъ увѣряетъ, что пришлые изъ за Калися (сѣверный Уралъ) зыряне воруютъ у нихъ оленей и грабятъ ихъ лѣсныя мольбища, а русскій кричитъ, что зырянинъ хуже еврея, но все же сильно его побаивается, такъ какъ, неравенъ часъ, зырянинъ его околдуетъ; какъ русскій, такъ и остякъ, видитъ въ зырянинѣ будущаго владѣльца этой страны, со всѣми ея богатствами, и старается поэтому, насколько у него хватаетъ силъ и возможности, помѣшать его водворенію въ краѣ. «Нѣсколько разъ уже», говоритъ почтенный авторъ «ходатайствовали зыряне, чтобы имъ дозволили поселиться на р. Надымѣ, впа-

дающей въ Обскую губу, но всѣ ихъ старанія остались до сихъ поръ тщетными», благодаря противодѣйствію мѣстныхъ властей, которымъ вѣроятно гораздо удобнѣе управляться съ неразвитыми остяками, нежели съ предпріимчивыми зырянами. «Только этотъ народъ, продолжаетъ г. Алквистъ, и можетъ покорить для культуры эту страну. Русское населеніе въ этомъ столѣтіи почти совершенно не умножилось и осталось все на тѣхъ же давно насиженныхъ предками мѣстахъ; остяцко-вогульское населеніе вымираетъ съ каждымъ годомъ, тогда какъ зыряне представляютъ собою плодовитое и крѣпкое племя, которое, словно, создано для звѣроловства, оленеводства и рыбной ловли, а также и вообще для культуры». Они завели уже у себя посѣвы вплоть до 65° сѣверной широты; здѣсь они могутъ завести на нижнемъ и среднемъ теченіи Оби обширное скотоводство при своей умѣлости удесятерить ежегодный уловъ рыбы. Пока еще дозволятъ, однако, зырянамъ заселить долины Сосвы и Оби пройдетъ еще много лѣтъ и оба интересующіе насъ народа успѣютъ пожалуй окончательно вымереть.

Внѣшній видъ остяковъ и вогуловъ вовсе не такъ некрасивъ, какъ это предполагали тѣ, кому приводилось видѣть лишь испившіеся экземпляры, попадавшіеся путешественникамъ въ немногихъ русскихъ поселеніяхъ. Глаза остяковъ, напримѣръ, часто напоминаютъ глаза монголовъ, но зачастую имѣютъ круглую и притомъ открытую прорѣзь, причемъ цвѣтъ ириса то темнокоричневый, то черный; болѣзни глазъ встрѣчаются очень часто, благодаря неудобству и грязи жилищъ. Скулы выдаются у многихъ лишь въ очень незначительной степени, хотя въ наукѣ и держится совершенно противуположное убѣжденіе; носъ зачастую прямъ и только лишь въ нижней части своей слишкомъ уже широкъ, что можно видѣть и на изображеніяхъ идоловъ; подбородокъ острый и при томъ нѣсколько выдающійся, ротъ часто широкъ, причемъ губы достигаютъ значительной толщины, что совершенно противурѣчитъ женскимъ узкимъ губамъ; волосы въ большинствѣ случаевъ черные, хотя иногда и встрѣчаются темнокаштановые при самомъ незначительномъ числѣ бѣлокурыхъ экземпляровъ, которые по большей части чаще встрѣчаются среди вогуловъ. Сѣвернѣе Березова носятъ и остяки и сосвинскіе вогулы волосы заплетенными въ двѣ косы, но многіе успѣли уже заимствовать русскую прическу; напротивъ того на югѣ Березова косы попадаются очень рѣдко. У обоихъ народовъ руки очень изящны и притомъ очень малы, что служитъ какъ бы подтвержденіемъ гипотезы одного ученаго объ угорскомъ доисторическомъ населеніи Европы. Внѣшніе углы глазной орбиты сильно приподняты, что приближаетъ угорскіе народы къ основному типу желтой расы; самые глаза малы, глубоко посажены и ирисъ самыхъ темныхъ оттѣнковъ. Интересно, что по строенію че-

репа оба народа очень напоминаютъ чистыхъ финновъ, хотя по внѣшности они болѣе похожи на лопарей.

Остякъ не плодовитъ, да къ тому же, вслѣдствіе дурныхъ условій и плохой пищи, дѣти его подвержены непомѣрной смертности, которая достигаетъ зачастую 75°/₀ всего числа дѣтей; многія пары остаются на всегда бездѣтными, да кромѣ того, многіе мужчины остаются неженатыми, такъ какъ пріобрѣтеніе себѣ жены стоитъ такъ дорого, что большинству приходится отказаться отъ семейной жизни. Рѣдко способенъ остякъ выплатить калымъ немедленно и обыкновенно уплата производится въ теченіи двухъ, иногда даже и болѣе, лѣтъ, такъ что, ради избѣжанія уплаты, остяцкій кава-



Видъ города Березова.

леръ уговариваетъ свою возлюбленную на уходъ; къ сожалѣнію, мѣстные ревнители всяческихъ «основъ» строжайшимъ образомъ преслѣдуютъ подобные уходы и тѣмъ съ одной стороны поощряютъ сожительство и развратъ, а съ другой—лишаютъ народъ возможности плодиться. Для примѣра затруднительности уплаты калыма, авторъ разсказываетъ объ одномъ остякѣ изъ Ендыра, который настолько счастливъ, что имѣетъ утѣху жизни, купленную имъ за 150 рублей; деньги были заняты имъ у Сухоруковскаго священника, о. Іоанна; уплата долга производилась кедровыми орѣхами, цѣнимыми за пудъ по 70 коп., тогда какъ они на худой конецъ стоятъ 1 руб. 10 коп.; въ уплату принимались оленьи шкуры за 50°/₀ ихъ стоимости, а также и соболя; весь долгъ былъ уплаченъ

въ 14 лѣтъ. Само собою разумѣется, что, пріобрѣтя за такія непомѣрныя деньги предметъ роскоши, остякъ съ нимъ не церемонится и женщина пользуется такими же правами, какъ олень или собака, которыхъ хозяинъ можетъ и любить и убить по своему усмотрѣнію. Каждый любящій отецъ семейства старается заблаговременно обезпечить для малолѣтняго еще сына удовольствіе имѣть жену и, такъ какъ по остяцкой пословицѣ: «покупай оленя теленкомъ, а жену—дитею», то нерѣдко можно видѣть, въ особенности на сѣверѣ, десяти-лѣтнихъ мужа и жену; случается, что отцы покупаютъ своимъ малолѣтнимъ сыновьямъ и взрослыхъ женъ, но тутъ они дѣйствуютъ уже отнюдь не въ выгодахъ сына, такъ какъ думаютъ больше о себѣ; извѣстное въ Россіи преступленіе развито среди угорскихъ народовъ чрезвычайно, и напрасно авторъ считаетъ его перенятымъ у русскихъ, такъ какъ среди нашихъ крестьянъ отъявленными «снохачами» считаются мордва и черемисы. Изъ опасенія ли увода или вслѣдствіе иныхъ какихъ либо причинъ, но и остячки и вогулки носятъ на лицѣ покрывала, хотя, закрывая себѣ лицо, отнюдь не заботятся о сокрытіи нѣкоторыхъ иныхъ частей тѣла, которыя, по нашимъ воззрѣніямъ, всего скорѣе должны бы скрываться отъ постороннихъ. Только непокрытая бѣдность заставляетъ иногда русскихъ женщинъ выходить за-мужъ за остяковъ, которые, однако, охотно скрещиваются съ ними, въ виду отсутствія въ такомъ случаѣ калыма. Хотя угорскіе народы и считаются христіанами, однако, все же нерѣдко можно встрѣтить здѣсь многоженство; въ 12-13 лѣтъ дѣвушка считается уже способною къ брачной жизни, что, однако, не мало вліяетъ на плодовитость браковъ. Съ достиженіемъ возмужалости, дѣвушка начинаетъ носить «вурыпъ» или поясъ цѣломудрія, сдѣланный изъ кожи или бересты, предназначенный для чистоплотности, что, по увѣренію Финша, вполнѣ достигаетъ цѣли. Если дѣвушка не соблюла своей чистоты, то это не ставится ей въ упрекъ и лишь нѣкоторыя, успѣвшія нѣсколько обрусѣть вогулки находятъ неудобнымъ приводить съ собою въ домъ мужа чужого ребенка; знатоки увѣряютъ, что не найдется тринадцатилѣтней дѣвушки, которая соблюла бы свою дѣвственность до этого возраста; мѣстные жители совершенно серьезно увѣряютъ даже, что остячки такъ и родятся женщинами и только въ рѣдкихъ случаяхъ на свадебномъ пиру, въ случаѣ неожиданнаго счастія для младожена, бьютъ посуду отъ радости и обсыпаютъ пухомъ родителей молодой при обычномъ разочарованіи въ ожиданіяхъ.

Если бы для того, чтобы превратить человѣка въ христіанина, было достаточно одного крещенія, то, конечно, оба угорскіе народа могли бы быть, за весьма лишь немногими исключеніями, признаны христіанами; но въ томъ-то и дѣло, что рука-объ-руку съ этимъ обрядомъ вовсе не идетъ подготовка крещающихся къ принятію великихъ христіанскихъ истинъ, все поддѣлывается подъ ладъ

ихъ же прежнихъ суевѣрій и новокрещенцы остаются на-вѣки все тѣми же язычниками, съ тою лишь разницею, что всѣ обязанности ихъ шамановъ принимаютъ на себя священники, по развитію очень не далеко ушедшіе отъ своихъ предшественниковъ. Страннѣе всего, что масса языческихъ суевѣрій только увеличивается новыми, заимствованными изъ житій и т. п. источниковъ, и слѣдствіемъ такого поведенія священниковъ является ящичекъ съ божками, который найдется во всякомъ домѣ, а любимый божокъ — въ карманѣ остяка, когда онъ находится на рыбной ловлѣ или на охотѣ; божку

Сортинье—русское поселеніе на рѣкѣ Сѣверной Сосвѣ.

этому обиваютъ лицо то жестью, а то и серебромъ, а остяцкій князь Тайшинъ употребилъ на эту богоугодную потребу то блюдо, которое было пожаловано ему императоромъ Николаемъ I. Обыкновенно эти идолы состоятъ изъ куска дерева, верхушка котораго обдѣлана въ нѣкоторое подобіе человѣческаго лица; на божка надѣвается рубаха изъ цвѣтнаго сукна, украшеннаго золотыми и серебряными позументами. Тѣ идолы, которые стоятъ по лѣсамъ, часто бываютъ очень толсты, такъ какъ доброхотные датели, обязанные имъ избавленіемъ отъ той или другой опасности или же добрымъ уловомъ и полѣсованьемъ, напяливаютъ на нихъ по нѣскольку сукон-

ныхъ рубахъ, навѣшиваютъ шкуръ, разныхъ мелкихъ вещицъ, кладутъ подлѣ нихъ даже деньги, а самимъ божкамъ вымазываютъ рты муксуньимъ жиромъ и оленьею кровью. Раза два въ годъ предъ особенно почитаемыми богами приносятся какъ бы общественныя жертвоприношенія, гдѣ убиваются олени, лошади, но чаще всего пѣтухи. И лошади и пѣтухи, считающіеся самою пріятною для боговъ жертвою, покупаются у русскихъ, такъ какъ сами остяки и вогулы не водятъ ни тѣхъ, ни другихъ. Непривычный путешественникъ будетъ очень удивленъ, когда въ пріобской русской деревнѣ спросятъ съ него рубль за курицу и два рубля за пѣтуха; но въ томъ-то и дѣло, что птицы эти разводятся съ спеціальною цѣлью быть проданными потомъ остякамъ; зачастую и мѣстные священники не брезгаютъ разводить сію выгодную для нихъ статью. Впрочемъ, какъ ни просты съ лица угорскіе боги, однако, они и не думаютъ брезгать болѣе богатыми приношеніями, въ родѣ соболей, зелененькихъ и синенькихъ бумажекъ, что̀, скажемъ между строкъ, весьма нà-руку захожему зырянину, да и нашему русскому человѣку, что «простъ» нà-руку. Въ тяжолое время случается, что туземцы отправляются къ своимъ богамъ и занимаютъ у нихъ то, что еще не унесено зырянами и русскими; не отдать этого долга—бѣда, такъ какъ боги накажутъ такого невѣрнаго должника, отнявъ у него все, что онъ имѣетъ. Что это за боги такіе — узнать рѣшительно невозможно, такъ какъ въ угорскомъ миѳологическомъ канонѣ царствуетъ путаница невообразимая; кромѣ того, всякому изъ писавшихъ объ этомъ дѣлѣ путешественниковъ трудно было стать, по малой своей приготовленности, къ такого рода изслѣдованіямъ, на остяцкую, напримѣръ, точку зрѣнія, а съ другой стороны, едва эти изслѣдователи начинали разговоръ о религіи, какъ туземцы незамѣтно начинали отмалчиваться, отнѣкиваться незнаніемъ и т. п. Главныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ заимствуются обыкновенно позднѣйшими путешественниками у своихъ предшественниковъ, которые всѣ, какъ оказывается, черпали полною рукой у нѣкоего священника Вологодскаго, писавшаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія о религіи угорскихъ народовъ въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», а что онъ зналъ и писалъ, то вотъ образчики. Нашелъ сей изслѣдователь у остяковъ бога «Мастеръ» или «Мастерко», мѣстопребываніе котораго находилось на мысу, при сліяніи Иртыша съ Обью, куда на поклоненіе къ нему сходились и остяки и даже вогулы и самоѣды; бога этого туземцы называютъ «турымъ—ас-теръ», т. е. Оби корня богъ, такъ какъ Обь по ихнему «асъ», а отецъ Вологодскій, ничто же сумняшеся, взялъ да и прибавилъ послѣднюю букву слова «турымъ»—богъ къ принятому имъ за одно слово «ас-теръ»; потомъ и пошли уже разныя хитросплетенія, въ родѣ приравненія «Мастера» къ нашему русскому «мастеру», а такъ какъ для русскихъ,

все-таки, этотъ божокъ являлся чѣмъ-то низкимъ, достойнымъ презрѣнія, то и пошелъ на потребу Финшей и другихъ довѣрчивыхъ людей никогда несуществовавшій на свѣтѣ «мастерко». Точно также и остальныя имена боговъ, встрѣчающіяся у Эрмана, Кастрена, Финша и Полякова, ничто иное, какъ имена нарицательныя; напримѣръ: «ортикъ» значитъ—господинъ, «менкъ» и «куль»—чортъ. злой, «лоньхъ»—идолъ, «урт-иге»—господинъ старый, и, наконецъ, «сорни-турымъ»—золотой (дорогой) богъ. Чѣмъ-то въ родѣ бога считается, вѣроятно, и медвѣдь, такъ какъ убіеніе его сопровождается

Драматическое представленіе у вогуловъ.

особымъ пиромъ, танцами и шутками, образчикъ которыхъ описываетъ авторъ въ своей интересной книгѣ. «Торжественное представленіе устроено было ввечеру въ одной изъ горницъ Сортиньскаго волостнаго правленія, гдѣ у одной изъ стѣнъ, на столѣ была разложена медвѣжья шкура такимъ образомъ, чтобы казалось, что медвѣдь лезетъ на столъ и положилъ уже на него свою морду и лапы. Въ каждую глазную впадину всунули по серебряной монетѣ, а на когти понадѣвали колецъ; возлѣ медвѣдя сидѣлъ человѣкъ, изображавшій его побѣдителя, а ὀ-бокъ съ нимъ помѣщался другой, который держалъ въ рукахъ нѣчто въ родѣ арфы и былъ музыкантомъ. На скамьяхъ и на полу сидѣла масса зрителей, вогуловъ

и русскихъ, мы помѣщались на почетной лавкѣ, а актеры одѣвались и гримировались въ другой комнатѣ. Самое представленіе началось съ того, что на сцену вышелъ замаскированный человѣкъ; маска его была сдѣлана изъ бересты и снабжена была, какъ и всѣ остальныя маски, очень комичнымъ длиннымъ носомъ, что, вѣроятно, и дало народу поводъ называть маску вообще—«лычнымъ носомъ». Вошедшій началъ монологъ, гдѣ онъ, между всевозможною похвальбою, хвастался также своею силою и мужествомъ, количествомъ перебитыхъ имъ на своемъ вѣку медвѣдей, съ которыми лежащій передъ нимъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сравняться, такъ какъ это не медвѣдь, а только медвѣженокъ. Но на бѣду тутъ-то именно и увидалъ онъ нечаянно бѣличій хвостикъ, который од изъ публики совершенно будто бы незамѣтно привязалъ ему ногѣ... Актеръ пугается невѣроятно, начинаетъ весь трястись, читъ и взываетъ о помощи, падаетъ, наконецъ, на полъ и скими ужимками выражаетъ свой неописанный ужасъ предъ довищемъ, которое, какъ ему кажется, впилось ему въ ноги. что цѣль представленія была въ этомъ трусливомъ человѣкѣ ставить рѣзче контрастъ съ мужественнымъ охотникомъ, гор сѣдавшимъ за столомъ подлѣ своей добычи. Послѣ этого на цѣлый рядъ маленькихъ драматическихъ сценокъ, большинство торыхъ исполнялось всего лишь двумя лицами; интересно, что эти отдѣльныя сценки отнюдь не имѣютъ никакой внутренней съ предметомъ празднества, но представляли картинки изъ вогуловъ. Такъ, напримѣръ, въ первой сценкѣ появился, пре всего, русскій городской купецъ или мѣщанинъ, котораго то же можно было узнать потому, что къ его маскѣ прикрѣплена длинная сѣдая борода; онъ вошелъ въ юрту вогула съ цѣлью ку у него полѣсовную добычу. Само собою разумѣется, что рус не приступая еще къ переговорамъ о цѣнѣ, вынимаетъ изъ мана бутылку водки, и полагаетъ, что при помощи этого сред ему удастся и скоро, и не безъ выгоды для себя, обойти дов ваго и падкаго на водку туземца. На повѣрку выходитъ, од что вогулъ себѣ-на-умѣ; пока въ бутылкѣ есть еще водка, онъ, видимому, склоненъ уступить все чуть не за даромъ своему фитріону, но едва послѣдняя капля драгоцѣнной жидкости вы какъ онъ объявляетъ, что не можетъ продать ничего, такъ къ великому своему прискорбію, запродалъ уже свой товаръ гому. Русскіе зрители отнеслись къ этой насмѣшкѣ соверше благодушно и отъ души смѣялись надъ своимъ одураченнымъ с отечественникомъ. Въ слѣдующей сценѣ выступили уже мать и дочь, которыя собирали въ лѣсу ягоды; и эти роли исполнялись мужчинами, которые были одѣты въ женское платье, но на этотъ разъ были уже безъ масокъ, хотя лица ихъ были закрыты платками, какъ это можно наблюдать у всѣхъ угорскихъ женщинъ.

Остячки съ рѣки Конды.

Не смотря на усиленныя предостереженія матери, дочь, все-таки. слишкомъ далеко заходитъ въ лѣсъ и въ концѣ-концовъ оказывается, что она заплуталась; исходъ носитъ отчасти трагическій характеръ, такъ какъ, когда она возвращается къ матери, то оказывается, что лѣшій лишилъ ее невинности. Слѣдующая сценка потѣшается уже надъ вогуломъ, который подъ вліяніемъ знакомства съ русскимъ желаетъ и самъ жить болѣе культурною жизнію; онъ хочетъ завести скотину и покупаетъ корову, которой, однако, онъ прежде въ жизнь свою никогда не видывалъ; понятно, что хозяинъ и приступиться не умѣетъ къ диковинному звѣрю, ведетъ ее домой за хвостъ и въ особенности остроумно доитъ ее; роль коровы разъигрываетъ тоже вогулъ, который выказалъ несомнѣнный талантъ, изображая строптивость удивленнаго животнаго, которое не привыкло, чтобы его доили подобнымъ образомъ. Но верхъ искусства была сцена, исполненная двумя молодыми еще вогулами; одинъ изъ нихъ представлялъ нѣсколько подвыпившаго человѣка, который идетъ по лѣсу въ лунную ночь; нечаянно глаза его опускаются на землю и тутъ-то замѣчаетъ онъ, что возлѣ него идетъ другой какой-то путникъ—его тѣнь; онъ заговариваетъ со своимъ спутникомъ и принимаетъ эхо за его отвѣты; мало-по-малу, актеръ выходитъ изъ себя и начинаетъ что есть мочи колотить палкою грубіяна, повторяющаго его слова и торчащаго постоянно возлѣ него; въ пылу битвы онъ вбѣгаетъ въ густой лѣсъ, куда свѣтъ луны не проникаетъ и рѣшаетъ въ своей головѣ, что надоѣдливый спутникъ спрятался въ кустарникѣ. Довольный своею побѣдою, пьяненькій отправляется домой, а актеръ, изображавшій тѣнь удостоивается похвалъ со стороны зрителей, такъ какъ роль свою онъ исполнилъ блистательно, а роль была отнюдь не изъ легкихъ, въ виду того, что едва пьяненькій поворачивался къ нему спиною, какъ онъ долженъ былъ проскользнуть у него между ногъ, чтобы тотчасъ же оказаться передъ его носомъ. Каждая сценка заканчивалась танцами подъ тактъ музыки; танецъ выплясывается въ одиночку и хотя танцуетъ и много лицъ, но всякій воленъ дѣлать тѣ движенія, которыя ему заблагоразсудятся; онъ состоитъ изъ прыжковъ, сопровождаемыхъ различными тѣлодвиженіями, позами и т. п. Все это производитъ отнюдь не дурное впечатлѣніе, но носитъ комическій отпечатокъ, такъ какъ исполняется мужчинами. Авторъ видѣлъ впослѣдствіи близъ Кондинска тѣ же танцы, но исполняемые уже женщинами и тутъ оказалось, что и женщины угорскихъ народовъ не лишены нѣкотораго стремленія придать танцамъ сладострастный оттѣнокъ, который дѣлаетъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ зачатковъ канкана. Почтенный путешественникъ хотѣлъ дождаться конца представленія, находясь въ полной увѣренности, что все совершается по заранѣе составленному плану; но каково же было его изумленіе, когда оказалось, что подобныя представле-

нія продолжаются иногда два и три дня, да и то сюжеты не исчерпываются вполнѣ; пока есть запасъ водки, до тѣхъ поръ тянется и самое представленіе, такъ что убитый медвѣдь, въ честь котораго устраивается празднество, навѣрное принесетъ счастливому охотнику меньше, чѣмъ онъ истратитъ на угощеніе. Не малую роль въ празднествѣ играетъ и самъ медвѣдь, такъ какъ къ нему обращаются съ теплою рѣчью, гдѣ увѣряютъ его, что его вовсе и не

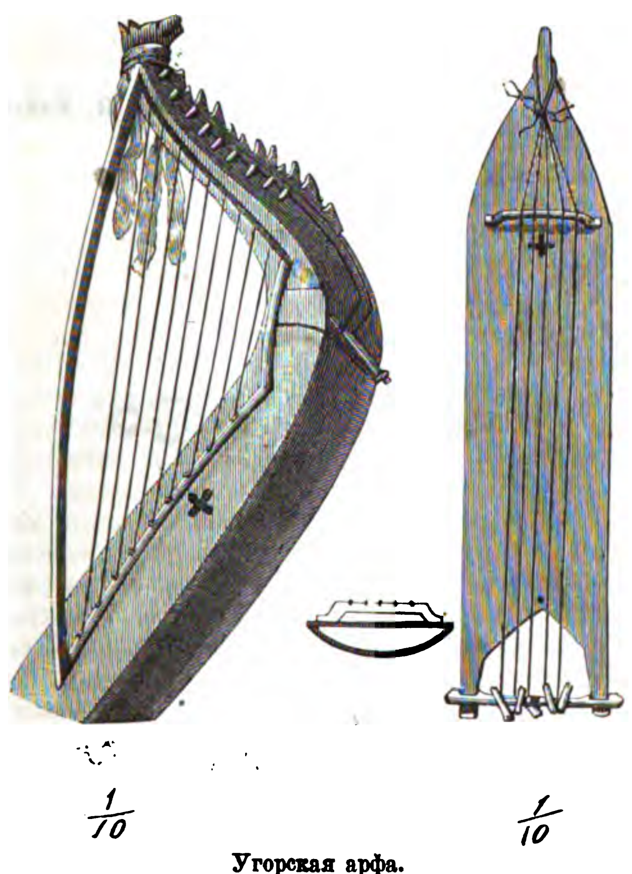
Остяцкіе идолы.

думали убивать, что это самъ онъ наткнулся на сучокъ, что никакого стыда для него отъ этой неловкости нѣтъ, а что, напротивъ того, шкура его будетъ служить для одѣянія знатныхъ людей. Съ головы шкуру никогда не сдираютъ, когти украшаютъ кольцами, въ глазныя впадины вставляютъ серебряные рубли и, въ концѣ концовъ, увѣряютъ «старика», что убитъ онъ не остякомъ, а русскимъ, который выдумалъ порохъ и огнестрѣльное оружіе. Божественное значеніе медвѣдя доказывается еще и тѣмъ, что остяки и вогулы клянутся его зубомъ или когтями.

Профессоръ Алквистъ не соглашается съ общераспространеннымъ въ наукѣ убѣжденіемъ, что остяки и вогулы до чрезвычайности искусны въ выдѣлкѣ разныхъ предметовъ домашняго и промысловаго обихода, но въ то же время свидѣтельствуетъ о томъ, что угорскія женщины дѣйствительно великія искусницы и обладаютъ въ высшей мѣрѣ вкусомъ и стремленіемъ къ изящному; изъ простой бересты онѣ умѣютъ выдѣлать самые разнообразные предметы, причемъ всѣ они сплошь покрыты очень красивыми рисунками, вырѣзанными въ берестѣ отъ руки ножомъ; въ особенности же выказываютъ онѣ свое мастерство въ вышивкахъ и въ украшеніяхъ одежды бусами и гарусомъ. Хотя и недолго оставались угорскіе народы подъ владычествомъ татаръ, но все же вліяніе этихъ послѣднихъ на бытъ обскихъ туземцевъ сказывается на каждомъ шагу; они не ѣдятъ свинины, женщины ихъ закрываютъ лицо, женская одежда есть почти точный сколокъ съ татарской, а главное—большинство, такъ называемыхъ, культурныхъ словъ, какъ напримѣръ: плугъ, соха, коса, рожь, горохъ, хмѣль, хлѣбъ, лошадь, корова, государство, господинъ, рынокъ, мыло и т. п. несомнѣнно татарскаго происхожденія.

Не мало интереса представляетъ у угорскихъ народовъ существующій у нихъ способъ счета времени; самымъ короткимъ мѣриломъ времени является «потъ», что значитъ—котелъ, и соотвѣтствуетъ тому времени, которое потребно на сварку ухи или похлебки. День у остяковъ въ смыслѣ «сутки» особаго наименованія не имѣетъ, а называется составнымъ словомъ «день-ночь»; недѣля называется запросто числительнымъ «семь», подобно мадьярскому языку, мѣсяцъ называется «луна», а годъ—опять-таки «зима-лѣто». Въ году мѣсяцевъ тринадцать и новый годъ начинается съ перваго весенняго новолунія. Замѣчательно, что у угорскихъ народовъ существуютъ зачатки письменъ, которые получили свое начало изъ семейныхъ и родовыхъ тавровъ, свидѣтельствующихъ не только о принадлежности того или другого предмета извѣстному лицу, но зачастую фигурирующихъ въ качествѣ подписей на приговорахъ и документахъ; тавры эти могутъ иногда группироваться и тогда свободно читаются въ видѣ болѣе или менѣе сложной фразы, какъ это намъ случилось уже разъ наблюдать у мордвы, образецъ письма которой былъ выставленъ въ одной изъ витринъ антропологической московской выставки 1879 года. Русскіе принесли къ остякамъ шахматы, шашки и карты, а туземныя удовольствія состоятъ въ танцахъ, музыкѣ, пѣніи и загадываніи загадокъ. Угорскіе народы обладаютъ своимъ народнымъ инструментомъ, который называется «журавлемъ», вѣроятно вслѣдствіе того, что верхняя часть его дѣйствительно вырѣзывается въ формѣ птичьей головы, иногда же—звѣриной; мотивы пѣсенъ представляютъ весьма значительное сходство съ финскими, но отъ нихъ вѣетъ еще большею безнадежностью

и они еще грустнѣе, нежели самая грустная изъ народныхъ финскихъ пѣсенъ; предметы, воспѣваемые въ пѣсняхъ, самые разнообразные: то пѣвецъ жалуется на отвергнутую изъ-за невозможности уплатить калымъ любовь, то зло остритъ надъ русскимъ торгашемъ, то описываетъ какой нибудь случай на охотѣ, то просто заявляетъ, что «брожу я по лѣсу, по темному лѣсу... соболь бѣжитъ предо мною, я убиваю его, продаю шкуру купцу, а потомъ напи-



Угорская арфа.

ваюсь до-пьяна въ Пелымѣ водкой», или: «ѣду я въ своей лодкѣ по большой рѣкѣ, много рыбы налавливаю я, наѣдаюсь рыбою досыта, самъ наѣдаюсь—пусть и жена моя наѣстся вволю, пусть и дѣти мои наѣдятся до отвала». Въ поэзіи угорскихъ народовъ нѣтъ ни размѣра, ни амгитераціи, ни риѳмы, и пѣсни отличаются отъ обыкновенной прозы лишь тѣмъ, что пѣвецъ старается почаще употреблять какое нибудь слово или основу его; только на Сѣверной Двинѣ, на Ладогѣ и Волгѣ появилась у урало-алтайцевъ дѣйствительная поэзія.

Несомнѣнно, что новый трудъ почтеннаго профессора составляетъ крайне отрадное явленіе въ нашей этнографической литературѣ, какъ и все, что до сихъ поръ выходило изъ-подъ его пера. Къ сожалѣнію, лишь не многое, написанное г. Алквистомъ, переведено на русскій языкъ (намъ извѣстны лишь его «Культурныя слова» въ переводѣ г. Майкова) и большинство его работъ существуетъ лишь на финскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, всѣ его лингвистическія работы, а также и нѣкоторыя этнографическія.

В. Майновъ.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА ОСВОБОЖДЕНІЯ АМЕРИКАНСКИХЪ НЕВОЛЬНИКОВЪ.

ПРЕКИ нашему времени въ холодности, безсердечіи, эгоизмѣ, стремленіи къ матеріальнымъ выгодамъ, недавно еще повторявшіеся какъ общее мѣсто, слышатся теперь все рѣже и рѣже. Имъ слѣдовало бы и вовсе замолкнуть во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія, послѣ трехъ великихъ освобожденій, соединенныхъ съ подвигами геройства и самоотверженія: освобожденія Италіи отъ нѣмцевъ, Сѣверныхъ Штатовъ отъ рабовладѣльчества, Россіи отъ крѣпостного состоянія. Два первыя освобожденія осуществились послѣ тяжелой, кровавой борьбы; третье совершилось мирнымъ, безкровнымъ путемъ, но и здѣсь борьба была тяжела и упорна. Теперь, когда нѣтъ ни тираніи мелкихъ итальянскихъ властителей, ни ужасовъ невольничества и крѣпостничества — настоящее положеніе всѣхъ трехъ странъ, гдѣ совершились небывалые историческіе перевороты, является до того естественнымъ, обыкновеннымъ, что прежнее тяжелое прошлое кажется отошедшимъ въ глубь давно минувшихъ временъ. И это свойство человѣка—быстро свыкаться съ улучшеніями, забывая о томъ, какою цѣною они достигнуты, лучше всего доказываетъ, что человѣчество неуклонно идетъ впередъ по пути прогресса и что если усиліямъ ретроградовъ удается на время задержать этотъ ходъ, то вернуть исторію къ прежнимъ временамъ рабства и обскурантизма становится положительно невозможнымъ. Мыслима ли, напримѣръ, теперь продажа рабовъ на какомъ нибудь пространствѣ великой заатлантической республики? Молодое поколѣніе нашего времени даже съ трудомъ представляетъ себѣ, что такое положеніе могло когда нибудь существовать—и многіе изъ нихъ,

конечно, удивятся, если имъ напомнятъ, что четверть вѣка тому назадъ, въ этой свободной республикѣ, людей вѣшали за то, что они хотѣли освободить негровъ. Но если существованіе рабовладѣльцевъ понятно въ монархіи, оно является совершеннымъ абсурдомъ въ странѣ равенства и братства. И однако же этотъ абсурдъ длился почти столѣтіе и уничтоженіе его стоило рѣкъ крови, сотенъ тысячъ людскихъ жизней, милліонныхъ имущественныхъ потерь. Не должно ли послѣ этого все человѣчество радоваться, что въ Россіи подобное уничтоженіе совершилось твердою волею только одного человѣка? Не должны ли мы гордиться этимъ человѣкомъ, стоящимъ выше всѣхъ реформаторовъ, благодѣтелей человѣчества?

Но мы не должны забывать и тѣхъ лицъ, которыя шли по одному пути съ нашимъ великимъ Освободителемъ, хотя дѣйствовали въ другихъ странахъ и при другихъ условіяхъ. Къ такимъ лицамъ принадлежалъ простой гражданинъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ, Джонъ Броунъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и симпатичныхъ характеровъ республики, посвятившій всю жизнь свою идеѣ освобожденія невольниковъ, типъ безкорыстнаго, безупречнаго аболиціониста, пожертвовавшаго жизнью своимъ великодушнымъ убѣжденіямъ. Глубоко религіозный, строгій пуританинъ, онъ не по буквѣ только, но и по духу, слѣдовалъ ученію евангелія, примѣняя его безусловно къ своей собственной жизни и къ жизни общества. Страданія рабовъ въ южныхъ штатахъ республики съ молодыхъ лѣтъ возбуждали въ немъ негодованіе къ тиранамъ, состраданіе къ ихъ жертвамъ. Съ неукротимою энергіею возставалъ онъ противъ позорнаго рабовладѣльчества, стремясь избавить отъ него свое отечество. Ему не было еще тридцати лѣтъ (родился онъ въ первый годъ нынѣшняго столѣтія) когда онъ принялся за осуществленіе своей идеи, вербуя вездѣ приверженцевъ къ партіи аболиціонистовъ, избавляя отъ рабства множество негровъ и креоловъ, давая имъ возможность бѣжать отъ своихъ господъ и подвергаясь при этомъ серьезнымъ опасностямъ. Съ 1854 года онъ началъ дѣлать экспедиціи противъ рабовладѣльцевъ Канзаса и Миссури, съ цѣлью насильственнаго освобожденія невольниковъ, играя главную роль въ этихъ набѣгахъ, не разъ рискуя жизнью, дѣйствуя съ героическимъ самоотверженіемъ гражданина и рѣдкаго, энергическаго человѣка. Джонъ Броунъ первый началъ войну противъ южныхъ штатовъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ торга неграми, въ силу «священнаго права собственности», основаннаго на владѣніи своими братьями какъ неодушевленною вещью. Не маіоръ Андерсонъ въ фортѣ Сомнеръ, въ штатѣ Каролины открылъ военныя дѣйствія противъ невольничьихъ штатовъ, а Джонъ Броунъ въ арсеналѣ Гарперсферри противъ штата Виргинія. Нападеніе Броуна положило конецъ всѣмъ переговорамъ, компромисамъ, нерѣшительности. Ударъ былъ нанесенъ, хотя и не достигъ цѣли, но онъ былъ объявленіемъ войны,

послѣ котораго нельзя уже было вернуться къ прежнимъ уловкамъ, оттягиванію, колебанію. Это было первое непризнаніе права владѣть живою собственностью, первое вооруженное возстаніе противъ правительства штата, занятіе его крѣпости, сопротивленіе его вой-

Джонъ Броунъ.

скамъ, попытка учредить національное управленіе на равноправности американцевъ и негровъ. Попытка Броуна была также важна какъ прокламаціи Линкольна, битвы Шермана и Гранта, конституціонныя соглашенія Сомнера. Резолюціи республиканской партіи

въ сѣверныхъ штатахъ прямо объявили уничтоженіе рабства на югѣ закономъ, выше всѣхъ конституцій отдѣльныхъ штатовъ; сохраненіе Союза—выше всѣхъ мѣстныхъ интересовъ, и Броунъ первый попытался осуществить этотъ принципъ въ то время, когда многіе патріоты юга и сѣвера еще пріискивали средства отвратить столкновеніе. Но долголѣтній опытъ убѣдилъ Броуна, что съ рабовладѣльцами невозможны никакія соглашенія, что противъ несправедливости можно дѣйствовать только силою, что только въ вооруженной борьбѣ съ своими притѣснителями негры могутъ пріобрѣсти увѣренность въ своихъ правахъ, въ своей силѣ, всѣ качества, необходимыя для того, чтобы быть гражданами въ странѣ, гдѣ они были только рабами. И чтобы поднять ихъ духъ и имѣть точку опоры, съ которой онъ могъ бы производить дальнѣйшія экспедиціи, Броунъ задумалъ овладѣть небольшимъ городкомъ Виргиніи, Гарперсферри, съ огромнымъ невольничьимъ населеніемъ, въ плодородной долинѣ, гдѣ сливаются Потомакъ и Шенандоа. Вблизи городка идетъ цѣпь Голубыхъ горъ, съ ихъ утесистыми долинами, низменными склонами, гдѣ отрядъ аболиціонистовъ могъ легко скрыться, въ случаѣ отступленія. Наконецъ и отрядъ и негры, которые могли присоединиться къ нему во время возстанія, нуждались въ оружіи, а въ Гарперсферри былъ большой арсеналъ, гдѣ хранилось множество военныхъ снарядовъ, подъ наблюденіемъ незначительнаго гарнизона. Захвативъ его, Броунъ могъ вооружить многочисленные отряды негровъ, которые изъ Голубыхъ горъ могли бы тревожить плантаторовъ Виргиніи, Тенесси и Алабамы и принудить ихъ освободить своихъ невольниковъ. Главныхъ рабовладѣльцевъ онъ хотѣлъ взять заложниками и посредствомъ этихъ плѣнниковъ произвести давленіе на ихъ товарищей.

Пріѣхавъ въ 1848 году въ Европу продавать шерсть огайскихъ овецъ, Броунъ прилежно изучалъ систему укрѣпленій мелкихъ фортовъ, способъ веденія горной войны Шамилемъ, партизанскіе кампаніи Тусенъ-Лувертюра и Дессалина на Санъ-Доминго. Немногимъ лицамъ говорилъ онъ о своихъ планахъ, но они были извѣстны корифеямъ аболиціонистовъ, хотя они и не сознавались въ этомъ, боясь упрека, что они подстрекали Броуна къ нападенію и не раздѣлили съ нимъ опасности. Въ 1859 году, онъ явился сначала въ Мерилендѣ съ своимъ другомъ, Андерсономъ, подъ видомъ туристовъ, отправляющихся въ горы для розысканія минераловъ. Въ іюлѣ онъ былъ уже въ Гарперсферри съ двумя сыновьями, подъ именемъ Смита. Онъ выдавалъ себя за ньюйоркскаго фермера, пришедшаго на югъ нанять клочокъ земли, такъ какъ на сѣверѣ у него погибъ весь урожай. Онъ, дѣйствительно, арендовалъ небольшой участокъ земли съ отдѣльнымъ домикомъ, удаленнымъ отъ другихъ жилищъ. Туда, постепенно, одинъ по одному, начали собираться его приверженцы. Привозили также ящики съ оружіемъ, порохомъ, аму-

ницiей. 16-го октября, ночью, отрядъ изъ 22-хъ человѣкъ двинулся на городъ: въ числѣ ихъ шестеро принадлежали къ семейству Броуна, изъ нихъ остался въ живыхъ только одинъ; изъ пятерыхъ негровъ — трое были бѣглые невольники. Они перешли мостъ на Потомакѣ, захватили съ собой его сторожа, потомъ сломали ворота арсенала и заняли его, взявъ въ плѣнъ директора, полковника Льюиса Уашингтона. Послѣ полуночи въ Гарперсферри пришелъ поѣздъ Огайской желѣзной дороги изъ Бальтиморы. Броунъ приказалъ своему сыну задержать его на мосту, который велъ въ городъ. Пассажиры, не зная причины остановки, стали безпокоиться и одинъ изъ нихъ, свободный негръ Гайвудъ, вышелъ изъ вагона и пошелъ черезъ мостъ. Вдругъ, съ другого конца моста ему крикнули, чтобы онъ вернулся назадъ. Не понимая, что значитъ это приказаніе, бѣднякъ непослушался и, хотя видѣлъ направленныя на него ружья, продолжалъ идти впередъ. Пуля положила его на мѣстѣ. Это была первая жертва возстанія. Выстрѣлъ встревожилъ, однако, нѣкоторыхъ жителей въ городѣ; они поднялись, не смотря на то, что едва начинало разсвѣтать и стали собираться кучками на улицахъ. Одни изъ нихъ пошли въ арсеналъ, гдѣ ихъ захватили въ плѣнъ и отвели подъ конвоемъ въ отдѣльное зданіе. Ирландецъ Берлей вздумалъ сопротивляться. Негръ Ньюби убилъ его наповалъ выстрѣломъ изъ карабина. Тогда поняли, что это дѣло не шуточное—и вѣсть о возстаніи негровъ быстро распространилась по городу. Дали знать и въ сосѣднія мѣстности, полагая, что инсургенты, овладѣвшіе арсеналомъ, многочисленны. Въ этомъ убѣждали часовые, разставленные на всѣхъ пунктахъ близъ арсенала и встрѣчавшіе выстрѣлами любопытныхъ, какъ только они показывались въ виду зданія. Около девяти часовъ утра группа кое-какъ вооруженныхъ гражданъ—во всемъ городѣ и окрестностяхъ могли найти нѣсколько плохихъ ружей—собралась подъ начальствомъ бывшихъ строевыхъ офицеровъ, полковниковъ Байлюра и Джибсона, обсудить положеніе дѣлъ. Убѣжденые въ томъ, что инсургенты не могутъ долго держаться въ арсеналѣ, рѣшили, прежде всего, отрѣзать имъ путь отступленія въ Голубыя горы со стороны Потомака и Шенандоа. Скоро явились два небольшіе отряда правительственныхъ войскъ изъ главнаго города Виргиніи—Чарльстоуна. Они тотчасъ овладѣли мостомъ, ведущимъ въ городъ, убивъ одного изъ часовыхъ инсургентовъ, и захвативъ другого. Арсеналъ былъ около полудня окруженъ и отрѣзанъ отъ всѣхъ путей сообщенія, по которымъ можно было ожидать помощи отъ соумышленниковъ или возставшихъ негровъ. На инсургентовъ сыпались выстрѣлы гражданъ и подоспѣвшихъ отрядовъ. Отстрѣливаясь, инсургенты отступили въ машинное зданіе арсенала, гдѣ были заперты десять плѣнныхъ, захваченныхъ въ началѣ стычки. Броунъ барикадировался въ этомъ зданіи и открылъ огонь по осаждающимъ. Первою жертвою палъ

безоружный желѣзнодорожный агентъ. Это до того озлобило на[illegible]
дающихъ, что они тотчасъ же разстрѣляли инсургента, захва[illegible]
наго ими сторожемъ на мосту. Одинъ изъ инсургентовъ хотѣлъ
спастись, бросившись въ рѣку, но былъ убитъ въ водѣ однимъ изъ
волонтеровъ.

Перестрѣлка продолжалась до наступленія сумерекъ. Осажда[illegible]
щіе стали держать совѣтъ: взять ли арсеналъ приступомъ, или
ждать утра для того, чтобы покончить съ мятежниками. Отъ при-
ступа отказались потому, что при взятіи арсенала вмѣстѣ съ ин-
сургентами могли погибнуть и заложники, если бы даже Броунъ
не выставилъ ихъ впередъ при нападеніи осаждающихъ. Рѣшили
отправить къ нему парламентера съ предложеніемъ сдаться. С[illegible]
сѣдній фермеръ принялъ на себя эту обязанность, весьма опасну[illegible]
такъ какъ мятежники не соблюдали законовъ правильной войны.
Укрѣпивъ бѣлый платокъ на старомъ зонтикѣ, фермеръ смѣло [illegible]
шелъ къ воротамъ машиннаго зданія и закричалъ громогласно:

— Кто командуетъ въ этомъ укрѣпленіи?

— Капитанъ Броунъ изъ Канзаса, отвѣчали ему изнутри зд[illegible]

— Капитанъ Броунъ изъ Канзаса! продолжалъ фермеръ, [illegible]
тѣмъ же торжественнымъ тономъ. Я посланъ къ вамъ, сэръ, на[illegible]
никами правительственныхъ отрядовъ, съ предложеніемъ сд[illegible]
и повторяю это предложеніе отъ имени всего населенія штата [illegible]
гиніи. Да хранитъ васъ Богъ!

— Какія условія предлагаете вы? спросилъ Броунъ.

— Условія! повторилъ фермеръ. Мнѣ не предлагали ника[illegible]
пославшіе меня. Какихъ же условій требуете вы сами?

— Чтобы мнѣ дали свободный пропускъ съ моими людь[illegible]
плѣнниками по мосту и вдоль по рѣкѣ до шлюзовъ, въ милѣ [illegible]
сюда, гдѣ я отпущу плѣнниковъ, но съ тѣмъ, чтобы меня не [illegible]
покоили и далѣе на дорогѣ, по которой я пойду.

— Вы потрудитесь изложить эти условія письменно, отв[illegible]
посланный.

— Теперь слишкомъ темно, чтобы заниматься писаньемъ, [illegible]
чалъ Броунъ.

— Это, однакоже, необходимо, и такой старый воинъ, какъ [illegible]
сэръ, должны понимать это. Въ случаѣ несогласія вашего, я [illegible]
нусь къ пославшимъ меня.

Тогда засвѣтился огонекъ въ зданіи и посланному была [illegible]
дана бумага съ условіями, написанными рукою Броуна. При[illegible]
ихъ было невозможно, и одинъ изъ начальниковъ отряда разор[illegible]
условія, считая ихъ новымъ оскорбленіемъ и требуя немедле[illegible]
приступа, все-таки, отложеннаго до утра. Ночью къ осаждающ[illegible]
прибыли новыя подкрѣпленія, подъ начальствомъ полковника [illegible]
прославившагося потомъ въ междоусобную войну. Отъ имени вой[illegible]
Соединенныхъ Штатовъ Броуну было повторено предложеніе сдаться

Допросъ Джона Броуна.

на единственномъ условіи охранить жизнь его отъ раздраженныхъ гражданъ города и передать его суду гражданскихъ властей.

— На такихъ условіяхъ мы не сойдемся, отвѣчалъ на это Броунъ: на вашей сторонѣ сила, но вы знаете, что солдаты не боятся смерти. Я предпочитаю смерть отъ пули — смерти на висѣлицѣ.

Тогда регулярныя войска пошли на приступъ зданія. Моряки въ нѣсколько минутъ разбили тяжелой лѣстницей двери машиннаго отдѣленія; осыпаемые выстрѣлами, они ворвались въ комнату, гдѣ въ густомъ пороховомъ дыму инсургенты защищались отчаянно. Броунъ израненный, растрѣлявъ всѣ заряды, отбивался какимъ-то багромъ. Поручикъ Гринъ нанесъ ему сильный ударъ саблею въ голову. Броунъ, упалъ обливаясь кровью. Борьба кончилась. Оставшіеся въ живыхъ инсургенты были схвачены. Раненымъ сдѣлали перевязку. Броунъ скоро пришелъ въ себя и хотя сильно страдалъ отъ ранъ, но спокойно отвѣчалъ на предложенный ему предварительный допросъ (помѣщенный въ настоящей статьѣ рисунокъ изображаетъ сцену этого допроса, а портретъ — самый схожій, исполненъ лучшимъ американскимъ художникомъ Вудманомъ и взятъ изъ журнала «The Century»).

— Что привело васъ сюда, капитанъ?

— Желаніе освободить вашихъ рабовъ! былъ отвѣтъ.

— Но какъ вы могли надѣяться достигнуть этого съ такими ничтожными силами, какъ у васъ?

— Я ожидалъ, что мнѣ помогутъ.

— Но кто и откуда? Неужели вы ждали помощи и отъ бѣлыхъ, какъ отъ негровъ?

— Да, и отъ бѣлыхъ, отовсюду.

— А теперь вы сознаетесь, что обманулись въ своихъ ожиданіяхъ?

— Да, я обманулся, прибавилъ онъ голосомъ, въ которомъ выражались грусть и сожалѣніе. Онъ говорилъ также, что планъ нападенія на Гарперсферри составленъ былъ имъ самимъ и что онъ не думаетъ, чтобы кому нибудь другому пришла въ голову подобная попытка. На упреки въ томъ, что онъ зажегъ въ странѣ междоусобную войну, онъ отвѣчалъ: время покажетъ въ правѣ ли я былъ сдѣлать это. Онъ не захотѣлъ видѣть католическаго патера, подвернувшагося тутъ же, въ первые же часы послѣ взятія въ плѣнъ Броуна, но писалъ къ своей женѣ и дѣтямъ, оставленнымъ въ штатѣ Нью-Іорка.

Попытка Броуна привела въ удивленіе и негодованіе южные штаты съ ихъ шестимиліоннымъ населеніемъ, предписывавшимъ законы не только четыремъ миліонамъ своихъ рабовъ, но и правительству всей республики. Эти штаты настояли на избраніи въ президенты Буханана, самаго преданнаго слуги рабовладѣльцевъ; они не только отказались прекратить торговлю неграми, къ чему

были обязаны трактатами, но ввели привозъ невольниковъ въ штаты Королины и Георгіи, нарушивъ ими же составленный договоръ о невведеніи рабства въ новыхъ штатахъ; они заставили главу судебной власти, Танея, обнародовать декретъ рабовладѣльческой олигархіи, объявить, что «четыре миліона американцевъ, американскаго происхожденія, не имѣютъ правъ, которыя бѣлый гражданинъ былъ бы обязанъ уважать». Южные штаты громогласно проповѣдывали убѣжденіе, высказанное прежнимъ президентомъ республики, Квинси Адамсомъ, что «сохраненіе, распространеніе и укрѣпленіе невольничества было жизненнымъ духомъ національнаго управленія». Даровой трудъ рабовъ считался существеннымъ источникомъ народнаго благосостоянія. Могли ли поэтому допустить, чтобы Джонъ Броунъ не только распространялъ убѣжденіе, что рабство немыслимо въ республикѣ, но и поддерживалъ его съ оружіемъ въ рукахъ. На захватъ арсенала въ Гарперсферри южные штаты взглянули серьезно, не какъ на разбойничью попытку, а какъ на объявленіе войны ихъ основному принципу. Вотъ что говорилъ самъ Броунъ въ Чарльстоунѣ, куда его перевезли изъ Гарперсферри, чтобы судить въ главномъ городѣ штата,—сенаторамъ Мезону изъ Виргиніи и Валандигаму изъ Огайо: «я надѣюсь, что поступокъ мой не примутъ за выходку разбойника: я считаю себя здѣсь жертвою большого зла. Лучше было бы, если бы южные штаты приготовились заранѣе къ рѣшенію этого вопроса и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше—иначе онъ рѣшится и безъ нихъ. Судъ надо мной не разрѣшитъ ничего».

На судѣ онъ говорилъ еще опредѣлительнѣе послѣ того, какъ ему произнесли смертный приговоръ:

— Судъ признаетъ, я полагаю, силу божьяго закона. Здѣсь лежитъ книга, которую цѣлуютъ принимающіе присягу. Книга эта евангеліе. Въ ней говорится, что я долженъ поступать съ другими такъ, какъ хотѣлъ бы, чтобы поступали со мною. Она учитъ также, что мнѣ отмѣрится тою же мѣрою, какою я измѣряю. Я старался дѣйствовать въ этомъ духѣ. Богъ не знаетъ лицемѣрія, и я полагаю, что дѣйствуя, какъ я дѣйствовалъ всегда, въ защиту презираемыхъ всѣми бѣдняковъ, я поступилъ не преступно, но справедливо».

Далѣе, на вопросъ судей, чѣмъ онъ оправдаетъ свой поступокъ, Броунъ отвѣчалъ, что они сами поступаютъ противъ законовъ Бога и человѣчества, что онъ всталъ на защиту бѣдныхъ и слабыхъ, противъ гнетущей ихъ системы рабства. Эта идея руководила всей его жизнью и сюда привелъ его крикъ отчаянія угнетенныхъ. Онъ подтвердилъ, что планъ вторженія въ Виргинію принадлежитъ ему одному и даже изъ друзей его многіе считали этотъ планъ непрактичнымъ и несвоевременнымъ. Но онъ, все-таки, прославилъ Броуна, и поставилъ его на ряду съ безсмертными бойцами за свободу:

Леонидомъ, Маккавеями, Теллемъ, Винкельридомъ, Валласомъ, Гоферомъ, Марко Боцарисомъ.

Джона Броуна приговорили къ повѣшенію за измѣну, убійство и за попытку возбудить рабовъ къ мятежу. Казнь отложили до 2-го декабря, чтобы осужденный могъ совершенно излечиться отъ ранъ. Надѣялись, что губернаторъ Виргиніи—президентъ республики по закону не имѣлъ даже права ходатайствовать за Броуна—окажетъ великодушіе и милосердіе. Но съ обѣихъ сторонъ страсти разгорались въ высшей степени: аболиціонисты стали печатать рѣзкія, страстныя рѣчи въ защиту стараго Канзаскаго бойца за свободу, угрожали, что съ милиціей сѣверныхъ штатовъ освободятъ Броуна изъ тюрьмы, вырвутъ его даже изъ петли. Рабовладѣльцы требовали точнаго исполненія закона, строгаго примѣненія мѣръ противъ мятежниковъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Говорили не стѣсняясь, что если губернаторъ смягчитъ приговоръ — это будетъ значить, что онъ испугался угрозъ аболиціонистовъ, но въ такомъ случаѣ и рабовладѣльцы не позволятъ ему пользоваться властью, въ ущербъ ихъ интересамъ. Викторъ Гюго обнародовалъ краснорѣчивое письмо къ «американской республикѣ», умоляя ее не допускать, чтобы одинъ штатъ безчестилъ всѣ остальные, чтобы «Вашингтонъ убилъ Спартака». Все было напрасно: Броунъ, былъ повѣшенъ на глазахъ значительныхъ военныхъ отрядовъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ южныхъ штатовъ. Тѣло Броуна было отправлено къ его семейству на ньюйоркскую ферму, гдѣ и погребено съ почестью. Изъ двадцати двухъ человѣкъ, геройски защищавшихся въ арсеналѣ противъ въ пятьдесятъ разъ сильнѣйшаго непріятеля, успѣли спастись только пятеро и въ числѣ ихъ сынъ Броуна Овенъ; два другихъ сына его—Оливеръ и Ватсонъ были убиты на глазахъ отца, въ числѣ десяти жертвъ, павшихъ при взятіи арсенала, остальные семеро, захваченные въ плѣнъ, повѣшены на другой день послѣ казни Броуна. Замѣчательно, что въ числѣ волонтеровъ, вызвавшихся сопровождать Броуна на висѣлицу и болѣе другихъ осыпавшій мученика оскорбленіями — былъ Вильксъ Бутъ, убившій потомъ президента Линкольна. Этими двумя преступленіями началась и окончилась война за освобожденіе американскихъ невольниковъ.

Во всѣхъ своихъ рѣчахъ, письмахъ, поступкахъ, Броунъ былъ простъ, прямъ и честенъ, безъ малѣйшихъ корыстныхъ или эгоистическихъ видовъ. Это былъ настоящій «историческій характеръ», твердо вѣрившій, что онъ предназначенъ къ исполненію той цѣли, какую поставилъ себѣ въ жизни. Въ этомъ отношеніи онъ походилъ на Кромвеля, только безъ его хитрости и честолюбія. Онъ шелъ твердо по слѣдамъ своего великаго предшественника, президента Джеферсона, уроженца той же Виргиніи, куда вторгнулся Броунъ, и писавшаго еще сто лѣтъ тому назадъ въ своей «деклараціи объ освобожденіи невольниковъ»: «какимъ проклятіямъ должны

мы предать тѣхъ такъ называемыхъ государственныхъ людей, которые допустили одну половину гражданъ владѣть другою и превратили этимъ однихъ—въ деспотовъ, другихъ—въ злѣйшихъ враговъ ихъ. Можно ли считать утвердившеюся свободу народа, когда не признали главнаго основанія этой свободы, лучшаго дара Бога и которую нельзя нарушить не возбудивъ его гнѣва. Я боюсь за свое отечество, когда думаю о томъ, что Богъ справедливъ и что его правосудіе не можетъ вѣчно спать. Принимая въ соображеніе положеніе вещей и число страдающихъ отъ него лицъ, нельзя не убѣдиться, что революція неизбѣжна, если не произойдетъ какое либо сверхъестественное вмѣшательство въ это дѣло. И Всемогущій будетъ, конечно, на нашей сторонѣ въ этомъ столкновеніи».

Прошло, однако, почти восемьдесятъ лѣтъ прежде, чѣмъ эти слова осуществились. Казалось бы, что̀ можетъ быть яснѣе мысли, что въ свободной странѣ одинъ гражданинъ не можетъ распоряжаться жизнью и имуществомъ другаго, что лицо, не признающее надъ собою власти самодержавнаго господина, не можетъ, въ свою очередь, быть господиномъ своего брата, созданнаго по тому же образу и подобію какъ онъ самъ. Рабство, родившееся на Востокѣ, приняло тамъ грандіозные размѣры потому только, что младенчествующее человѣчество считало властителей-деспотовъ существами другой, высшей породы, богами и дѣтьми боговъ. Эту же оскорбительную для человѣчества фикцію вздумали воскресить римскіе императоры уже въ то время, когда новое ученіе признало равенство и братство всѣхъ людей. Мудрено ли, что надъ богомъ — Геліогабаломъ, или сыномъ Юпитера Каракаллою смѣялись втайнѣ даже тѣ, кто публично приносилъ имъ жертвы и кадилъ имъ ѳиміамомъ. Потомъ, въ эпоху преобладанія физической силы, вторженія новыхъ племенъ, разрушавшихъ старыя государства, затѣмъ въ эпоху грубаго средневѣковаго невѣжества, въ періоды международныхъ столкновеній, племенныхъ и религіозныхъ войнъ, существованіе рабства еще могло быть если не оправдываемо, то извиняемо. Но удержаніе его въ заатлантической республикѣ, возникшей на основаніи принциповъ республики французской, положившей начало новымъ порядкамъ и понятіямъ—было положительнымъ абсурдомъ, и надо только удивляться, какъ болѣе развитая, здравомыслящая часть Соединенныхъ Штатовъ раньше не положила конецъ постыдному торгу людьми въ южныхъ штатахъ, и что для достиженія этой цѣли надо было ждать столько лѣтъ и пролить столько крови во время междуусобной войны. Но эта необходимая война началась съ попытки Броуна, о которой сѣвероамериканцы будутъ вспоминать, даже когда забудутся названія сотни другихъ, болѣе кровопролитныхъ сраженій этой войны.

Закончимъ характеристику великаго гражданина словами поэта и философа Соединенныхъ Штатовъ, Эмерсона:

«Я не удалюсь отъ истины, если скажу, что всѣ народы, насколько они одарены сочувствіемъ и самоуваженіемъ, симпатизируютъ Джону Броуну. Невозможно безъ участія видѣть эту храбрость, забвеніе собственныхъ интересовъ, эту любовь, не знающую страха. Каждый джентльменъ безспорно будетъ на его сторонѣ. Я называю джентльменомъ не надушенаго и расчесаннаго франта, а человѣка, проникнутаго истиннымъ благородствомъ, который, какъ Сидъ, удѣляетъ отверженному всѣми прокаженному мѣсто на своей постелѣ, или, какъ умирающій Сидней передаетъ раненому солдату чашку съ холодной водой, въ которой тотъ больше нуждается. Потому что въ чемъ же и состоитъ истинное благородство рыцарскихъ чувствъ, какъ не въ защитѣ слабаго противъ сильнаго притѣснителя? Кто былъ причиною появленія аболиціонистовъ?—Рабовладѣлецъ. Чувство милосердія — естественный законъ, защищающій родъ человѣческій отъ истребленія дикими страстями. Первымъ аболиціонистомъ гораздо прежде Броуна, прежде чѣмъ поднялись Голубыя горы на рѣкѣ Шенандоа — была любовь, у которой есть еще другое имя — справедливость. Она была до Ликурга и Альфреда, была прежде рабства — и будетъ послѣ него».

В. З.

ІОВЪ, ПРОМЕТЕЙ И ФАУСТЪ

(Опытъ этико-исторической параллели).

Законъ вселенной — это равновѣсье,
Возмездьями лишь держится она.
Изъ «Донъ Жуана»
гр. А. К. Толстаго.

Пусть не довѣряетъ суетѣ заблудшій,
ибо суета будетъ и воздаяніемъ ему.
«Книга Іова» (XV, 31).

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen.
Изъ «Фауста» Гёте.

ИЗУЧАЮЩЕМУ литературы народовъ древности, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, въ ихъ непрерывномъ развитіи и взаимнодѣйствіи, нерѣдко попадаются параллели и аналогіи въ области художественнаго творчества различныхъ народныхъ группъ, отдѣленныхъ одна отъ другой пространствомъ вѣковъ. И это, безъ сомнѣнія, потому, что духъ человѣческій въ сущности всегда оставался неизмѣннымъ; потому, что одинаковыя причины всегда оказываютъ одинаковое дѣйствіе, и у всѣхъ націй, доросшихъ до извѣстной высоты культуры, возникали однѣ и тѣ же проблеммы. На такое же сопоставленіе напрашивается и проблемма, нашедшая себѣ выраженіе въ трехъ величайшихъ произведеніяхъ художественнаго творчества, названія которыхъ приведены выше [1]. Одно досталось намъ отъ вет-

[1] Это указаніе на родственность названныхъ твореній, по ихъ основному мотиву, дѣлалось не разъ. Составители руководствъ по исторіи литературы, какъ Шерръ, напримѣръ, упоминаютъ о такой родственности не только Іова,

хозавѣтныхъ евреевъ, другое завѣщано античнымъ міромъ, третье принадлежитъ новѣйшей эпохѣ, и каждое изъ нихъ выросло и расцвѣло на своей родной почвѣ, въ непосредственной зависимости отъ окружавшей его атмосферы. Изучая ихъ параллельно, видишь ясно, какъ подъ дѣйствіемъ этой различной атмосферы одно и то же зерно даетъ ростки первоначально еле замѣтные, жидкіе и дряблые, потомъ они становятся виднѣе и сочнѣе, выносливѣе къ непогодѣ и вѣтрамъ и, наконецъ, крѣпнутъ настолько, что изъ нихъ выходитъ вѣтвистое и многолѣтнее дерево; видишь, какъ робкій порывъ мысли, пробудившейся въ неблагопріятныхъ условіяхъ, по мѣрѣ ихъ улучшенія, подъ лучами знанія и свободы, созрѣваетъ въ сознательную идею, которая переходитъ въ жизнедѣятельное стремленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ три литературныхъ типа — восточный Іовъ, этотъ «правовѣрный» [1]), эллинскій Прометей, этотъ «провидецъ» [2]) и европейскій Фаустъ, этотъ «счастливый» [3]) мужъ желаній—воплощаютъ въ себѣ терзающее человѣка раздвоеніе души его. Въ очертаніи типа безсильнаго и подневольнаго борца со зломъ, въ Іовѣ, вырисовывается уже силуетъ титаническаго характера Прометея, а съ этимъ характеромъ образъ борца, недовольствующагося плодами цивилизаціи, доискивающагося болѣе возвышеннаго счастья и болѣе высокаго могущества, складывается въ яркій и типическій портретъ Фауста. У всѣхъ троихъ одинъ общій источникъ недовольства жизнью — глубокій разладъ дѣйствительности съ идеаломъ человѣческаго счастья; у всѣхъ троихъ душевное раздвоеніе излечивается возвращеніемъ къ блаженству духовнаго равновѣсія. Но каждый изъ нихъ совершаетъ это по своему, примѣнительно къ воззрѣніямъ и чувствамъ своей эпохи, своей среды. Одному утѣшеніемъ служитъ вѣра, другому — надежда, третьему — любовь.

Прометея и Фауста, но и Шекспировскаго Гамлета, и Байроновскаго Каина. Намъ, однако, важны здѣсь не варіаціи одной и той же тэмы. Иначе параллель въ данномъ случаѣ можно бы распространить еще дальше. И въ персидскомъ «Шахъ-Наме» найдется свой Фаустъ и свой Прометей. Даже въ райскомъ миѳѣ о первомъ человѣкѣ не трудно отмѣтить зародышъ Фауста. Какъ ни привлекательны, быть можетъ, эти генеалогическія изысканія, но для цѣлей предлагаемаго этюда они не имѣютъ значенія. Задача этюда болѣе скромная,— прослѣдить прогрессивное развитіе одной и той же нравственной идеи, выраженной въ трехъ созданіяхъ поэзіи различныхъ народовъ и эпохъ, не касаясь однако ихъ художественныхъ достоинствъ.

[1]) По-арабски.

[2]) Буквальное значеніе по-гречески.

[3]) Faustus — счастливый.

I.

Ветхозавѣтный еврей, образецъ терпѣнія и покорности передъ волей Іеговы, поверженный для испытанія своимъ богомъ въ незаслуженныя несчастія, осмѣлился возроптать на свой жребій. Самый ропотъ не былъ заносчивымъ. «Твои руки трудились надо мною, и образовали всего меня кругомъ, и Ты же губишь меня», — вотъ что вырвалось изъ груди страдальца. Но стоило Іеговѣ напомнить человѣку, «омрачившему Провидѣніе словами безъ смысла», что тотъ, котораго разумъ не въ состояніи постигнуть видимаго міра, не смѣетъ доискиваться высшихъ помысловъ его устроителя, и библейскій пессимистъ тотчасъ смирился, отрекся отъ своихъ сомнѣній въ справедливости Іеговы и «раскаялся въ прахѣ и пеплѣ».

Тутъ, стало быть, восторжествовала еврейская мораль, въ силу которой тайны мірозданія и судебъ человѣческихъ неисповѣдимы смертному. Земной порядокъ вещей, такъ высоко поэтически прославленный въ бесѣдѣ Іеговы съ Іовомъ, напротивъ, убѣждаетъ израильскаго пессимиста въ глубинѣ его невѣдѣнія, въ необходимости смирить свою волю и покоряться неисповѣдимымъ велѣніямъ свыше. Жизнь и страданія Іова служатъ какъ бы предостереженіемъ смертному, что право на счастье и благополучіе въ рукахъ Іеговы, что и безбожнику оно можетъ улыбнуться, если Богъ Израиля пожелаетъ предостеречь или смутить нечестивца своими милостями, а несчастье, въ видѣ испытанія, можетъ поразить и воплощенную добродѣтель.

Съ точки зрѣнія ветхозавѣтнаго еврея существованія зла въ мірѣ, управляемомъ Іеговой, не полагалось. Понятіе о немъ пришло изчужа, со стороны. Книга Іова, дѣйствительно, въ данномъ случаѣ обличаетъ вліяніе персидскаго дуализма. Сатана тутъ впервые предсталъ передъ Іеговой, вмѣстѣ съ другими исполнителями его повелѣній. Моисеево же еврейство не знало такихъ лукавыхъ и вѣроломныхъ прислужниковъ. Борьба съ злыми искусителями человѣка, которые раздѣляли бы наравнѣ съ добрыми духами власть надъ міромъ, извѣстна была только Зороастрову кодексу. Въ «Вендидадѣ», напримѣръ, гдѣ Ормуздъ, представитель добра, научаетъ своего пророка Зороастра «доброму закону», разсказано, какъ злые духи, побуждаемые своимъ предводителемъ Ариманомъ, набросились на этого пророка изъ странъ сѣверныхъ. Демоны, говоритъ Зороастръ, искали меня уничтожить, и онъ храбро пошелъ имъ на встрѣчу. «Я перебью твоихъ злыхъ созданій», сказалъ онъ Ормузду. — Не убивай ихъ, Зороастръ, но скорѣе отрекись отъ маздаянскаго закона и достигнешь полнаго счастья. «Нѣтъ, я не отрекусь отъ священнаго закона».—Но какимъ же оружіемъ ты ду-

маешь уничтожить мои созданія? «Священной жертвой и молитвами священнаго текста, это—мое совершенное оружіе». И посредствомъ молитвъ Зороастръ проклялъ войско Аримана.

Такое представленіе о присутствіи въ мірѣ зла авторъ «Книги Іова», очевидно, могъ вынести съ береговъ Евфрата и, слѣдовательно, его произведеніе относится къ періоду послѣ плѣненія Вавилонскаго. Но, усвоивъ чужое воззрѣніе, библейскій еврей, все-таки, остался вѣренъ себѣ и заимствованное сдѣлалъ своимъ, сливъ его съ Моисеевыми возрѣніями и показалъ, какъ справедливость Іеговы и его благость умѣютъ примиряться съ видимымъ зломъ. Оттого-то, вѣроятно, и сатана, поражавшій Іова, по велѣнію свыше, послѣ бесѣды страдальца съ Богомъ Израиля, не счелъ нужнымъ выступать на сцену, какъ въ началѣ «Книги». Пораженіе злаго духа молчаливо признается, особенно, когда всѣ отнятыя имъ у Іова земныя блага возвращаются Іеговой вдвойнѣ. Еврейская черта видна здѣсь и въ самомъ мотивѣ къ примиренію со зломъ. Примиреніе это обусловливается достиженіемъ личнаго благополучія и внѣшняго благоденствія.

Но въ сѣтованіяхъ Іова уже виденъ зародышъ Прометея, зародышъ самостоятельной личности и характера. Развиться этому зародышу въ нѣчто цѣльное и опредѣленное трудно, да и нельзя было въ ветхозавѣтной обстановкѣ потому, что у евреевъ единственной самостоятельной личностью почитался Іегова, который и подавлялъ собою всякое проявленіе свободной воли у людей, не говоря уже о свободномъ дѣйствіи. А тѣмъ болѣе немыслимо было ожидать проявленія титанической непреклонности воли, какой отличается «Прикованный Прометей» Эсхила.

II.

Подобно Іову, и Прометей захотѣлъ познать тайны мірозданія и бороться со зломъ. Какъ въ Іовѣ подобное желаніе столкнулось съ необходимостью безусловно повиноваться волѣ Іеговы, отъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается, такъ и надъ Прометеемъ нависла страшная гроза. Отъ рока эллину некуда было уйти. Отсюда борьба становится неминуемой. Успѣхъ ея долженъ быть купленъ цѣною личныхъ страданій. Но вотъ и разница въ положеніи того и другаго борца.

Іовъ непосредственнымъ чувствомъ узналъ о несправедливостяхъ управителя вселенной и, какъ скоро заглушилось это невольное чувство другимъ, болѣе твердымъ и глубоко укоренившимся чувствомъ вѣры, онъ смирился и всецѣло подчинился запрету Іеговы помышлять о тайнахъ его промысла. Прометей родился въ иной атмосферѣ. Завѣса невѣдѣнія, закрытая для еврея, открылась эллину. Идея высшей

Гёте.

культуры, терпимости и свободнаго развитія духа распустилась уже широко. Прометея окрылила мысль о благѣ всѣхъ эллиновъ, т. е., по тогдашнимъ понятіямъ, о благѣ общечеловѣческомъ. Титанъ похищаетъ огонь, эту основу всѣхъ искусствъ и культуры, сознательно съ цѣлью сдѣлать людямъ добро. А сознаніе пользы своихъ дѣйствій, разумѣется, закаляетъ характеръ, придаетъ энергію и поддерживаетъ въ борьбѣ. Эта борьба становится тѣмъ упорнѣе, что и его противникъ, Зевсъ, не считаетъ себя непогрѣшимымъ. Онъ возсѣлъ на престолѣ Олимпа насиліемъ. Его намѣреніе—погубить всѣхъ людей—открылось наружу. Своимъ протестомъ Прометей уясняетъ людямъ, что громовержецъ олицетворяетъ собой тиранническій произволъ, точно какъ Іегова. Но если на Бога Израиля негдѣ было искать суда еврею, жившему только чувствомъ, то теперь, когда эгоистическое чувство смѣнилось сознательной и роковой мыслью объ общемъ благѣ, съ Зевсомъ явилась возможность помѣриться силами. Сама «Минерва съ мятежнымъ за одно», какъ характерно доноситъ Юпитеру Меркурій въ «Прометеѣ» Гёте. Даже самъ палачъ, Вулканъ, приковывающій осужденнаго титана къ утесу скалы, выражаетъ состраданіе къ гордому и непреклонному борцу за право жить и свободу мыслить. Подобно Іову, Прометей призываетъ въ свидѣтели своей правоты всю природу:

«Безпредѣльный эфиръ! восклицаетъ плѣнникъ, быстрокрылые вѣтры, истоки рѣкъ, несчетныя, ропчущія волны моря, земля общая мать всѣхъ существъ, и ты солнце, отъ котораго ничто не скрыто, я зову васъ въ свидѣтели: глядите, какъ поступаютъ всѣ съ Богомъ, какимъ ужаснымъ пыткамъ я преданъ, преданъ на тысячи лѣтъ. Такъ вотъ онѣ, позорныя цѣпи, придуманныя для меня новымъ владыкой безсмертныхъ! Увы! Мое настоящее положеніе, моя участь въ будущемъ одинаково ужасны. Когда взойдетъ послѣдній день этой муки? Но я предвижу все, что должно случиться; ничего неожиданнаго со мной произойти не можетъ. Буду твердо переносить рѣшеніе судьбы; не буду бороться противъ необходимости, о которой знаю, что она неодолима. Но не могу молчать о моемъ горѣ, хотя мнѣ и больно говорить о немъ. Несчастный! За то, что я былъ полезенъ смертнымъ моими дарами, я обреченъ этимъ долгимъ мученіямъ. Я похитилъ съ неба, я принесъ на землю искру того огня, который сталъ для ея жителей началомъ всякаго искусства, доставилъ имъ тысячи выгодъ» [1]).

Борьба съ Зевсомъ оказалась неизбѣжной, его произволъ можно сломить только упорствомъ, непреклонностью и энергіей протеста, хотя бы въ результатѣ борьбы протестанту приходилось лично погибнуть. И Прометей напрягаетъ всю свою волю, чтобы разумной силой души побѣдить физическія муки, на какія обрекъ его Зевсъ. Обезсиленный, онъ все таки угрожаетъ своему тирану, предвѣщая катастрофу, долженствующую сокрушить тронъ Зевса, а себѣ сулитъ безсмертіе. Тщетно принуждаютъ плѣнника повторить,

[1]) По переводу, помѣщенному въ «Исторіи греческой литературы» Корша.

какая это будетъ катастрофа и какъ ея избѣжать. Онъ противится и просьбамъ и угрозамъ, онъ продолжаетъ упорствовать и тогда, когда разражается землетрясеніе:

...Земля заколыхалась,
За молньей молнія—шипятъ и вьются
И всюду мечутъ огненныя стрѣлы;
Столбами вихри поднимаютъ пыль;
Вездѣ шумитъ, какъ въ буйномъ хмѣлѣ буря,
Съ мятежническою яростью и съ воемъ
Въ отчаянномъ схватились боѣ море
И небеса... И эту кару Зевсъ
Мнѣ шлетъ, чтобъ испугался я?.. Рази,
Хлещи, гроза!.. О, мать моя святая!
О ты, эфиръ, священная стезя
Зиждительнаго свѣта! Посмотрите,
Какую я терплю несправедливость!.. [1])

Изъ сказаннаго видно, что личность Прометея является величавой эмблемой нравственной свободы, которая и на самаго Зевса должна оказать благодѣтельное дѣйствіе. Въ «Освобожденномъ Прометеѣ» Зевсъ (Юпитеръ), дѣйствительно, перестаетъ быть деспотомъ; онъ только нравственная сила и Прометей, образумивъ тирана своимъ упорствомъ, примиряется съ нимъ, освобождается отъ мученій Геркулесомъ и получаетъ совѣщательный голосъ на Олимпѣ. Прометей достигъ безсмертія, достигъ того, о чемъ только мечталъ Іовъ, умоляя Іегову: «О, если бы ты въ преисподней сокрылъ меня и укрывалъ меня пока пройдетъ гнѣвъ твой; положилъ мнѣ срокъ, и потомъ вспомнилъ обо мнѣ!» [2]).

Но замѣчательно здѣсь, что такого результата эллинъ достигъ черезъ посредство женщины. Въ этомъ опять видна рѣзкая разница между ветхозавѣтнымъ произведеніемъ и трагедіей Эсхила, въ этомъ, наконецъ, послѣдняя обнаруживаетъ уже вѣяніе духа, роднящаго Прометея съ типомъ пессимиста, созданнымъ Гёте. Іовъ, согласно своему еврейскому понятію, терзаемый душевными муками, склоненъ даже объяснять присутствіе нечисти въ мірѣ своимъ рожденіемъ отъ женщины. «Человѣкъ, рожденный женою, сѣтуетъ Іовъ, краткодневенъ и пресыщенъ печалями». Къ этой мысли еврейскій скептикъ возвращается не разъ среди своихъ мрачныхъ размышленій. У эллина взглядъ иной. Такъ, страдающей отъ любовныхъ преслѣдованій Зевса дочери Инаха, Іо, которая въ восхитительномъ монологѣ открываетъ прикованному титану свои дѣвическія мечты и тревоги, Прометей предсказываетъ, что рожденный отъ нея, чрезъ тридцать поколѣній, Геркулесъ возвратитъ его къ безсмертію. Предсказаніе исполнилось, и гордый ти-

---

[1]) По переводу М. Елецкаго, «Современникъ» 1863 г., № 4.
[2]) Кн. Іова, XIV, 13.

танъ возсѣлъ на Олимпѣ, успокоенный надеждой, что начало безсмертія человѣческаго рода въ смыслѣ неуничтожаемости сознательнаго стремленія къ лучшему, положено незыблемо, что отвоеванное имъ право на жизнь, къ истоку которой возвратила его женщина, подобно Минервѣ въ «Прометеѣ» Гёте, послужитъ людямъ на пользу, открывъ имъ доступъ къ этому истоку; что

Въ новорожденномъ юношескомъ счастьѣ
Душа ихъ можетъ быть равной божеству...
Ихъ надо предоставить жизни [1]).

Прометею «равное по духу племя» получило возможность проявлять силы своего духа, раздвигая въ ширь завѣсу невѣдѣнія и стремясь слить міръ въ одно прекрасное цѣлое, гдѣ «незримо всюду вѣетъ вѣчно юный вѣчной жизни вѣчный духъ». Чтобъ достигнуть этого, человѣкъ долженъ былъ отдаться великому божеству жизни во всѣхъ ея формахъ. Такую миссію могъ выполнить только Фаустъ, этотъ воплощенный духъ новаго времени и его понятій, развитой высокоодаренный умъ, исчерпавшій всѣ источники знанія, изучившій всѣ науки и все-таки неудовольствовавшійся ничѣмъ, чего достигали люди вѣками.

III.

Сродство положенія Іова съ Фаустомъ не требуетъ доказательствъ. Какъ справедливо замѣчено въ предисловіи къ недавно изданному г. Фетомъ переводу «Фауста», на это сродство указываетъ прологъ первой части. Подобно сатанѣ, посылаемому Іеговой для испытанія Іова, Мефистофель получаетъ позволеніе отъ Господа «сбить этотъ духъ съ живыхъ его основъ»:

Пока съ земли онъ не сойдетъ,
То я тебѣ не возбраняю.
Блуждаетъ человѣкъ, пока живетъ [2]).

Кромѣ того, оба произведенія основаны на народномъ преданіи, въ которомъ рѣчь идетъ о человѣческой душѣ, отстранившейся отъ Бога и снова возвратившейся къ нему. Подобно Іову, Фаустъ чувствуетъ пустоту въ сердцѣ, убѣдившись въ своемъ безсиліи путемъ размышленій рѣшить вопросы бытія; подобно Іову, Фаустъ готовъ покончить съ жизнью. Наконецъ, подобно тому, какъ книга Іова для рѣшенія этихъ вопросовъ стремится выдти за предѣлы еврейства, и «Фаустъ» Гёте ищетъ разгадать проблемму мірозданія и въ стихійныхъ силахъ, и въ житейскихъ суетахъ, и въ ходѣ развитія человѣчества. Не даромъ же Гейне замѣтилъ, что «Фаустъ обнимаетъ собою небо, землю и человѣка».

---

[1]) «Прометей» Гёте въ изданіи Гербеля.

[2]) По переводу г. Фета.

Но не менѣе очевидна и разница между ветхозавѣтнымъ пессимистомъ и скептикомъ новаго времени. Въ каждомъ изъ нихъ основная проблема разрѣшается не одинаково. Со страхомъ смолкъ и преклонился Іовъ передъ неисповѣдимостью воли Іеговы, когда ему предстала картина чудесъ природы, засвидѣтельствовавшихъ въ его глазахъ безусловное превосходство всемогущества Бога Израиля надъ всякимъ человѣческимъ познаніемъ и пониманіемъ. Рабъ не смѣлъ больше ставить вопросы и страдалъ въ тиши и безмолвіи, пока не получилъ награды за долготерпѣніе. Фаустъ, напротивъ, выросъ уже въ атмосферѣ свободы. Право на эту свободу отвоевалъ уже Прометей цѣною собственныхъ страданій и вмѣстѣ съ свободой завѣщалъ человѣчеству свою титаническую непреклонность въ стремленіи къ свѣту и правдѣ. Именно такое титаническое упорство въ поискахъ за удовлетвореніемъ ненасытности своего духа проявляетъ Фаустъ въ первой части творенія Гёте. И не мудрено: поколѣніе, къ которому принадлежалъ великій поэтъ, было поколѣніемъ съ силою Прометея. Его типъ и нашелъ себѣ воплощеніе въ «Фаустѣ». Посмотримъ же, каковъ этотъ типъ [1]).

Передъ читателемъ Фаустъ выступаетъ прежде всего съ своимъ монологомъ, какъ ученый, неудовлетворенный своимъ знаніемъ и возлагающій надежды на магію. Свыше не посылается ему ника-

---

[1]) Въ характеристикѣ «Фауста», какъ типа, мы руководствуемся объяснительными изданіями трагедіи Гёте, появившимися въ послѣднее время, главнымъ же образомъ, чрезвычайно ясными и толковыми коментаріями къ переводу г. Фета и лекціями берлинскаго профессора Вильгельма Шерера о нѣмецкой литературѣ, вышедшими теперь отдѣльнымъ изданіемъ. У насъ до сихъ поръ не было сдѣлано сколько-нибудь удовлетворительной характеристики Фауста, если не считать замѣчаній, высказанныхъ И. С. Тургеневымъ при оцѣнкѣ перевода Врончeнко (Соч. Тургенева, т. I, изд. 1883 г.). Но покойный писатель находилъ въ «Фаустѣ» «рѣзкій отпечатокъ исключительности и эгоизма односторонняго», хотя это, по его словамъ, «великое произведеніе является самымъ полнымъ выраженіемъ эпохи, которая въ Европѣ не повторится — той эпохи, когда общество дошло до отрицанія самого себя, когда всякій гражданинъ превратился въ человѣка, когда началась, наконецъ, борьба между старымъ и новымъ временемъ, и люди, кромѣ человѣческаго разума и природы, не признавали ничего непоколебимаго». Какъ время, которому служитъ выраженіемъ «Фаустъ», время романтизма остается неоконченнымъ, такъ и это созданіе Гёте, по мнѣнію Тургенева, должно считаться незаконченнымъ, ибо «разрѣшеніе трагедіи» нашему романисту кажется «жалкимъ и бѣднымъ». Подобный приговоръ, однако, черезъ-чуръ поспѣшный и обязанъ лишь личному мнѣнію Ивана Сергѣевича о томъ, что «намъ теперь нужны не одни поэты» и что теперь пришла «пора, когда, не переставая признавать «Фауста» величавымъ и прекраснымъ произведеніемъ, мы идемъ впередъ, за другими, можетъ быть, меньшими талантами, но сильнѣйшими характерами, къ другой цѣли (?)»... Но на это мнѣніе, впрочемъ, довольно распространенное у насъ, можно отвѣтить собственными словами Гёте: «какъ скоро поэтъ хочетъ дѣйствовать политически, онъ долженъ пристать къ какой-нибудь партіи, а приставши къ партіи, онъ перестаетъ быть поэтомъ; онъ долженъ проститься съ своимъ свободнымъ духомъ, независимымъ взглядомъ и надвинуть на уши шапку ограниченности и слѣпой ненависти».

кихъ предостереженій. Ни одинъ голосъ не зоветъ его обратно. Фаустъ обладаетъ таинственной книгой и съ ея помощью онъ можетъ вызывать духовъ. Онъ и вызываетъ. Появляется исполинскій духъ земли. Фаустъ не выноситъ его вида, но не теряетъ мужества. Духъ, однако, отталкиваетъ его и исчезаетъ. Фаусту не подъ силу бесѣда съ глазу на глазъ съ духами. Отчаяніе овладѣваетъ имъ. Онъ хватаетъ чашу съ ядомъ и уже подноситъ ко рту, какъ вдругъ вблизи раздается звонъ колоколовъ и хоровое пѣніе: «Христосъ воскресъ!» Этотъ звонъ, ему знакомый съ юныхъ лѣтъ, вызываетъ въ отчаявшемся и потерявшемъ вѣру ученомъ воспоминанія счастливаго дѣтства и призываетъ его къ жизни. Онъ со слезами восклицаетъ:

Слеза течетъ, землѣ я отданъ снова!

На гуляньѣ въ свѣтлое воскресенье къ Фаусту пристаетъ пудель. Дома, когда пудель мѣшаетъ ему работать, ученый замѣчаетъ, что подъ видомъ пуделя оказывается Мефистофель, который, подъ дѣйствіемъ заклинаній, обличаетъ свою истинную натуру:

Той силы часть и видъ,
Что вѣчно хочетъ зла и вѣкъ добро творитъ.
. . . .
. . Часть той части я, что прежде всѣмъ была;
Часть истины, которая и свѣтъ произвела,
Свѣтъ гордый, что свою родительницу ночь,
Всего лишивъ, изъ міра гонитъ прочь,
А все удачи нѣтъ, затѣмъ что самъ
Вполнѣ прикованъ онъ къ дѣламъ.

Мефистофель соблазняетъ Фауста своими услугами, обѣщая такимъ «искусствомъ ублажать, какого никому изъ смертныхъ не видать». Договоръ заключенъ. Мефистофель обязывается служить разочарованному ученому и исполнять все, что онъ только пожелаетъ, безпрекословно до тѣхъ поръ, пока Фаустъ не скажетъ мгновенью: «Остановись! Прекрасно ты!» А съ того момента Фаустъ всецѣло принадлежитъ Мефистофелю. Этимъ договоромъ ученый порываетъ всякую связь съ былымъ существованіемъ и отдается потоку дѣйствительной жизни, желая испытать все, что «смертнымъ выпало на долю», восторгъ и скорбь и въ ихъ стремленьѣ найти свое стремленье, хотя бы и ему, какъ имъ, пришлось потерпѣть крушенье. Но для такой школы нужна юность и вотъ, при помощи Мефистофеля, Фаустъ, побывавъ на пиру гулякъ въ погребѣ Ауэрбаха, отправляется въ кухню вѣдьмы. А съ возвращеніемъ молодости является и потребность любви. Фаустъ влюбляется въ Гретхенъ, настоящаго ребенка, простота и невинность котораго побѣдили и очаровали его сердце. Тутъ Мефистофель пользуется случаемъ, чтобы побудить его совершить грѣхъ. Фаустъ желаетъ обладать кроткой, доброй, наивной, чистой и честной Гретхенъ. Ея крайне несложное существо охватывается пламенемъ пер-

Заключительная сцена Гётевскаго Фауста (Картина П. Корнеліуса).

вой любви и пламя это сжигаетъ ее. Она отдается безъ брака Фаусту, котораго любитъ, отдается съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякаго сопротивленія, даже безъ малѣйшаго желанія сопротивляться, единственно изъ глубокой женской привязанности. Удивленная и смущенная глубокими познаніями Фауста, Гретхенъ смотритъ на него, какъ на что-то высшее. «Для нея, по справедливому замѣчанію Георга Брандеса («Женскіе типы у Гёте»), какъ будто обратилось въ дѣйствительность древнее сказаніе, что сыны боговъ снизошли до человѣческихъ дочерей. Она совершенно теряется передъ возлюбленнымъ, вмѣстѣ съ нимъ возвышается и въ немъ исчезаетъ. Это не два равныхъ другъ другу существа, которыя даютъ другъ другу руку и принимаютъ на себя взаимныя обязательства, а пораженный смущеніемъ и удивленіемъ ребенокъ, прилѣпляющійся къ мужчинѣ». Для Гретхенъ это—вся жизнь, а въ жизни Фауста это только одинъ эпизодъ. Отдавшись ему, она уже никого не любитъ, остается вѣрной ему по инстинкту, а Фаустъ, соблазнивъ, бросаетъ ее. Эта любовная исторія причиняетъ смерть матери Гретхенъ, ея брату, ея ребенку и ей самой. Мать она умерщвляетъ усыпительнымъ напиткомъ, чтобы Фаустъ могъ придти къ ней ночью. Брата закалываетъ на поединкѣ Мефистофель, когда тотъ хотѣлъ отомстить за безчестіе своей сестры. Ребенка сама Гретхенъ убиваетъ изъ боязни позора. Ее заключаютъ въ тюрьму и казнятъ.

И такъ, въ своемъ стремленіи къ свѣту и познанію жизни, Фаустъ, на первыхъ порахъ, поддавшись страсти, вскорѣ убѣдился въ ея суетности и отрѣшился отъ нея. Во второй части онъ уже изъ «малаго свѣта» переходитъ въ «большой» и, окунаясь въ водоворотѣ нравственныхъ явленій, которыми обозначился ходъ общечеловѣческаго развитія, пускается на свои поиски по всей исторіи человѣчества.

«Весна—краса природы», въ лицѣ Аріеля, снова пробуждаетъ энергію въ Фаустѣ, начинавшую было ослабѣвать подъ тяжкимъ сознаніемъ вины относительно Гретхенъ. Онъ вмѣстѣ съ Мефистофелемъ, согласно легендѣ о Фаустѣ [1]), попадаетъ ко двору импе-

---

[1]) Кстати сказать, въ послѣднее время появилось нѣсколько любопытныхъ разъясненій объ этой легендѣ. Упомянемъ напримѣръ, статью Царнке въ мюнхенской «Allgemeine Zeitung» (№ 246, 1883 г.). Такъ какъ до сихъ поръ неизвѣстно имя автора знаменитой «Historia von D. Iohann Fausten», напечатанной въ 1587 году во Франкфуртѣ на Майнѣ и послужившей для «Фауста» Гёте фундаментальный канвой, то Царнке пытается очертить умственную атмосферу, среди которой появилась «Исторія». Изъ собранныхъ имъ библіографическихъ данныхъ объ издателѣ этой книги, Іоганнѣ Шписсѣ, видно, что она была продуктомъ строго лютеранскаго направленія.

Тутъ же умѣстно упомянуть объ одномъ изъ мемуаровъ, недавно увѣнчанномъ королевской академіей въ Мадридѣ, по поводу столѣтія Кальдерона. Задачей конкурса было рѣшить вопросъ, въ какомъ соотношеніи находятся сюжеты «El magico prodigioso» Кальдерона и «Фауста» Гёте, сообразно съ старин-

ратора Максимиліана I, при особѣ котораго Мефистофель занимаетъ должность шута. Императоръ предается беззаботной веселости, не замѣчая, какъ государство доходитъ до разоренія и упадка. Императору вздумалось вызвать образъ Елены. Но Фаустъ самъ плѣняется ея идеальной красотой до самозабвенія. Но, когда онъ хочетъ схватить явившійся призракъ, происходитъ взрывъ, Фаустъ лежитъ на землѣ, а Елена исчезаетъ въ туманѣ. На этомъ кончается первое дѣйствіе 2-й части. Мефистофель переноситъ обезсиленнаго Фауста въ его прежній кабинетъ, гдѣ его Фамулусъ Вагнеръ, этотъ «бумажной мудрости сухой ползунъ», какъ его мѣтко назвалъ Струговщиковъ въ своемъ переводѣ «Фауста» (1-я часть), только что сдѣлалъ великое открытіе. Ему удалось искусственнымъ путемъ создать человѣчка Гомункула. Этотъ человѣчекъ, знаменующій собой стремленіе человѣчества къ идеалу высшей культуры, выка-

---

ными и средневѣковыми легендами, которыми могли вдохновляться оба писателя. Могуэль получилъ премію. Въ его мемуарѣ основательно доказано, что въ обоихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего схожаго, даже сюжетъ иной. Во-первыхъ, любовь Фауста и Маргариты не исчерпываетъ сюжета «Фауста». Это—только эпизодъ. Между тѣмъ какъ сюжетъ «Чудодѣйственнаго Чародѣя» сводится къ любви Кипріана къ Юстиньѣ. Когда Фаустъ заключилъ договоръ съ діаволомъ, онъ не зналъ Маргариты. Только въ оперѣ Гуно онъ знакомъ съ ней и уже одно это измѣняетъ и искажаетъ трагедію Гёте. Въ «Чудодѣйственномъ Чародеѣ» Кипріанъ заключаетъ договоръ единственно съ намѣреніемъ овладѣть Юстиньей. Демонъ Кальдерона—настоящій сатана, только и помышляющій что о гибели душъ. Мефистофель же—скорѣе отрицатель, холодный и безпощадный насмѣшникъ надъ добромъ, нежели отъявленный служитель зла. Такого діавола, какъ Мефистофель, можно было придумать только въ концѣ XVIII столѣтія. Фаустъ продаетъ свою душу діаволу, чтобы возстановить силы молодости и съ ними отдаться жизни. Кипріанъ—не старъ, онъ красивъ и добивается только соблазнить Юстинью. Любовная исторія въ «Фаустѣ» вставлена, какъ эпизодъ, геніально изображающій роковыя послѣдствія человѣческихъ стратей. «Чудодѣйственный Чародѣй», напротивъ, оправдываетъ страсть и показываетъ резонность соблазна. Но гдѣ же зародилась личность Фауста? Изысканія Могуэля привели его къ слѣдующему заключенію. Около 1480 года въ Книттлингенѣ, въ Виртембергѣ, родился будущій великій ученый. Онъ изучалъ философію въ Гейдельберѣ, физику и магію въ Краковѣ, почему, вѣроятно, иные и считаютъ прототипъ Фауста полякомъ. При содѣйствіи Франца Сикингена, онъ былъ преподавателемъ и ректоромъ коллегіи въ Крейцнахѣ. Это былъ такой заправскій гуманистъ, что приводилъ на память цитаты изъ всѣхъ сочиненій Платона и Аристотеля. Въ своемъ невѣріи онъ доходилъ до того, что увѣрялъ въ возможности дѣлать всѣ чудеса, о какихъ повѣствуетъ евангеліе. Уже при жизни онъ сталъ легендарной личностью. Увѣряли, будто въ Виттенбергѣ онъ воскресилъ Елену и женился на ней. У него былъ слуга, всюду сопровождавшій его, по имени Мефистофель. Для всѣхъ нѣмцевъ этотъ слуга сдѣлался олицетвореніемъ сатаны. Однажды онъ убилъ своего господина въ Римлихѣ, близъ Виттемберга, и вотъ легенда готова: это, молъ, демонъ, сь которымъ ученый докторъ заключилъ договоръ и который, когда наступилъ срокъ расплаты и докторъ отказался исполнить условіе, убилъ своего господина и унесъ съ собой его душу. Легенда распространилась по Европѣ. Къ 1561 году, Фаустъ сталъ извѣстенъ въ Испаніи. Одинъ изъ нѣмецкихъ студентовъ, Конрадъ Геснеръ, написалъ своему другу Крафту, что док-

зываетъ свой скороспѣлый разсудокъ особеннаго рода. Онъ называетъ Мефистофеля, этого отрицателя, своимъ «братцемъ», отгадываетъ мысли Фауста, которыя все еще сосредоточены на Еленѣ, и совѣтуетъ ему отправиться на античную почву. Не бывавъ тамъ, Фаустъ не можетъ быть культурнымъ. Въ Фарсалѣ предстоитъ Вальпургіева ночь и сборище древнегреческихъ привидѣній; только тамъ Фаустъ могъ бы исцѣлиться. Такъ и случилось. Мефистофель и Гомункулъ вмѣстѣ съ Фаустомъ несутся по воздуху и спускаются на Пеней. Гомункулъ освѣщаетъ дорогу въ идеальный міръ греческаго искусства своимъ интеллигентнымъ фонаремъ. Только что коснулся земли Фаустъ, какъ уже спрашиваетъ: «А гдѣ она?» И блуждаетъ онъ въ кругу миѳологическихъ существъ, разспрашивая:

Скажите лики женскіе сейчасъ:
Елены кто не видѣлъ-ли изъ васъ?

Центавръ Хиронъ сажаетъ Фауста къ себѣ на спину и везетъ къ предсказательницѣ Манто, дочери Эскулапа, въ качествѣ помѣшаннаго, котораго ей надо излечить. Но она восклицаетъ: «кто хо-

---

торъ Фаустъ пользуется необычайной знаменитостью «въ кругу студентовъ, которые ведутъ беспутную жизнь». Въ 1599 году, по свидѣтельству Патера Мартина дель-Ріо, два магика Фаустъ и Агриппа платили въ испанскихъ гостинницахъ съ виду настоящими деньгами, а потомъ, черезъ нѣсколько дней, эти деньги превращались въ роговое вещество. Затѣмъ легенда проникла въ Англію. Въ 1584 году, Марло, по профессіи актеръ, разорившійся жуиръ, отождествилъ себя съ Фаустомъ и составилъ драму изъ легенды. Перебывавъ на всѣхъ кукольныхъ комедіяхъ въ Англіи, драма эта попала въ Германію. Въ 1759 году, Лессингъ задумалъ изобразить Фауста побѣдителемъ демона, при помощи ангела. Немногимъ, пожалуй, извѣстно, что современники Гёте, генералъ Клингеръ и Ленцъ, умершіе въ Россіи, сочиняли каждый «Фауста». Наконецъ въ 1775 году, Гёте прочелъ Клопштоку первые сцены своего «Фауста». Только Гёте вполнѣ далась эта сложная задача.

Съ тѣхъ поръ въ теченіе полустолѣтія варіаціи на тэму «Фауста» не переставали слѣдовать одна за другой. Въ своемъ тройномъ воплощеніи — философскомъ, литературномъ и артистическомъ — онъ оказывалъ истинное обаяніе на людей мысли и печатнаго слова. Отмѣтимъ здѣсь весьма любопытную и недавнюю попытку Камилля Беллэга («Faust») прослѣдить эту полувѣковую борьбу со сфинксомъ германскимъ. Беллэгъ, пробуя объяснить «Фауста», сознаетъ всю трудность и сложность подобной задачи, ибо каждый обыкновенно толкуетъ по своему всѣ выраженныя въ трагедіи Гёте тайны человѣческой души, ея сомнѣнія, ея страсти и порывы къ раскаянію; для каждаго эта эпопея борьбы человѣческихъ инстинктовъ съ требованіями разума служитъ зеркаломъ, въ которомъ каждый ищетъ слѣдовъ своей мысли и своихъ сердечныхъ движеній. Всегда тутъ, стало быть, анализъ получается нѣсколько индивидуальный; Беллэгу пришла счастливая мысль анализировать главнымъ образомъ художественныя и артистическія произведенія, вызванныя къ жизни созданіемъ Гёте. Такъ, безсмертный сюжетъ «Фауста» искушалъ талантъ живописцевъ и композиторовъ, — Делакруа, Ари Шеффера, Берліоза, Гуно и Шумана. Къ сожалѣнію, этотъ этюдъ, при всѣхъ его литературныхъ достоинствахъ, не чуждъ пристрастія къ излюбленнымъ автору композиторамъ.

четъ невозможнаго,—мнѣ милъ», и обѣщаетъ провести Фауста темными ходами къ Персефонѣ. Тамъ онъ можетъ свидѣться съ Еленой. Сцена, въ которой должно было произойти это свиданіе, осталась ненаписанной. Но въ третьемъ актѣ, послѣ того, какъ пронеслись всѣ чудеса классической Вальпургіевой ночи, послѣ того, какъ Гомункулъ, тщетно допытываясь у Ѳалеса и Анаксагора, какого направленія ему держаться, разбиваетъ, наконецъ, свою реторту, въ которой, до тѣхъ поръ, заключены были его несмѣтныя духовныя силы, у ногъ красоты, на тронѣ Галатеи, послѣ того, какъ Мефистофель принялъ античную наружность, переодѣвшись фуріей Форкіадой, желаніе Фауста исполняется.

Елена является ему въ собственномъ дворцѣ въ Спартѣ. Въ памяти ея удержалось случившееся только по возвращеніи изъ Трои. Она какъ будто только что приплыла къ Спартѣ, посланная Менелаемъ впередъ, чтобъ принести жертву богамъ. Тутъ на порогѣ дворца встрѣчаетъ ее Мефистофель въ образѣ Форкіады и объявляетъ ей, что жертвой должна быть она сама. Однакожъ, Мефистофель предлагаетъ Еленѣ убѣжище. Въ отсутствіе Менелая, въ горахъ за Спартой поселился сѣверный воинственный народъ; предводитель его готовъ ограждать Елену. Она соглашается. Въ волшебномъ туманѣ Мефистофель переноситъ ее съ ея служанками въ средневѣковый дворецъ, гдѣ Фаустъ, въ кругу толпы привидѣній, встрѣчаетъ ее въ качествѣ предводителя этихъ привидѣній и скоро пріобрѣтаетъ ея любовь. Онъ возвращается съ ней въ Аркадію. Ребенокъ Эвфоріонъ — плодъ ихъ союза; этотъ ребенокъ проявляетъ слишкомъ кипучую страстью природу, онъ вырывается изъ рукъ родителей, взлетаетъ на скалы, все выше и выше, туда, «гдѣ смертный стонъ», наконецъ, прекрасный юноша падаетъ къ ногамъ родителей. Его духъ возлетѣлъ горѣ. Изъ глубины онъ зоветъ мать и та исчезаетъ [1]). Фаустъ стоитъ одинъ. Только платье и покрывало остаются въ рукахъ у него. Эти одежды Елены разрѣшаются облаками и уносятъ Фауста.

Въ четвертомъ актѣ Фаустъ спускается съ облаковъ на вершину высокой горы. Является Мефистофель и спрашиваетъ, не

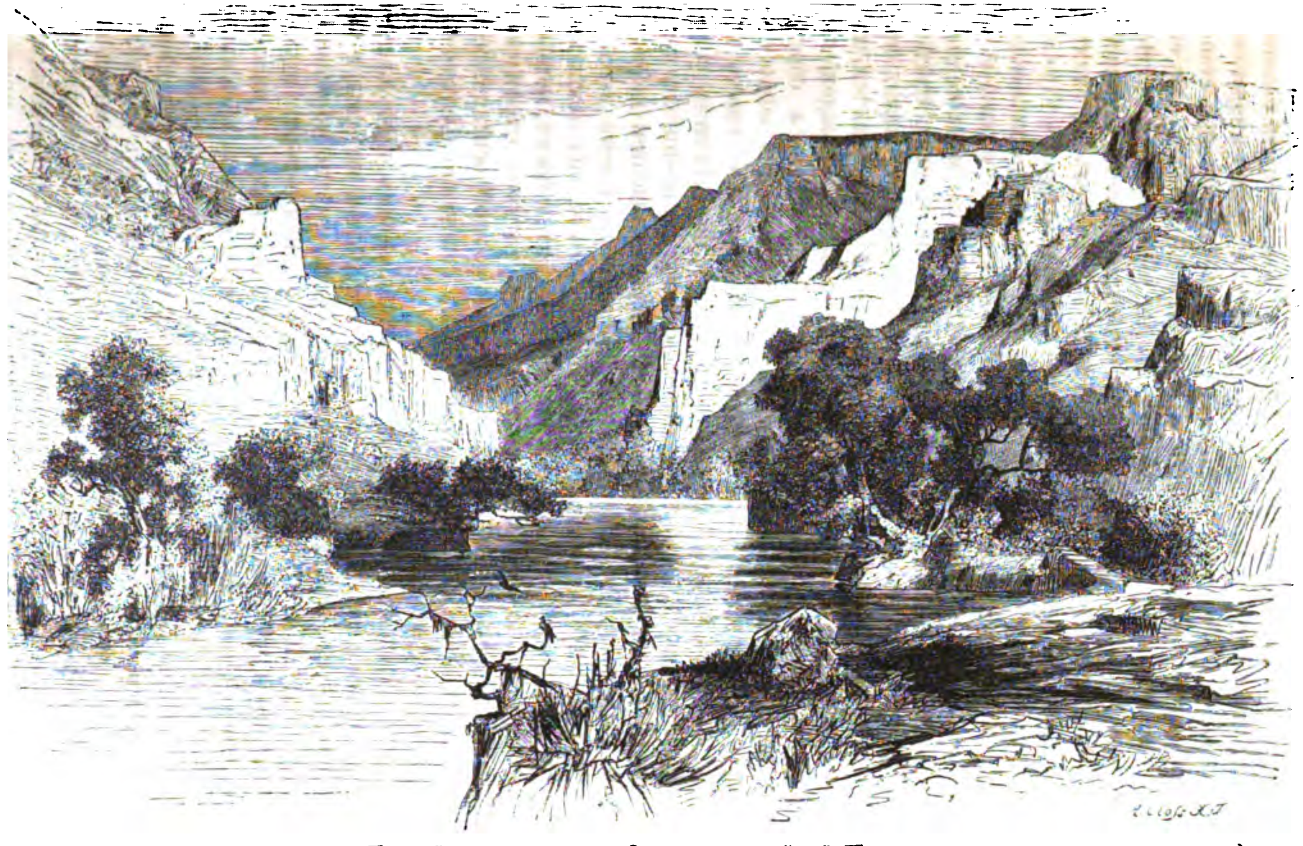
---

[1]) Въ образѣ Эвфоріона Гёте представилъ Байрона, какъ жреца новой лирической поэзіи. Любопытно упомянуть, что мнѣніе Бѣлинскаго о Байронѣ очень подходитъ къ Гётеву образу Эвфоріона, хотя комментаторы «Фауста» только въ недавнее время доискались значенія этого съ виду фантастическаго плода отъ сочетанія Фауста съ Еленой, идеаломъ классической красоты. «Душа его была бездонная пропасть», говоритъ нашъ критикъ про Байрона, «его притязанія на жизнь были огромны, а жизнь отказала ему въ его требованіяхъ... Въ аравійской пустынѣ желѣзнаго стоицизма нашелъ онъ свое убѣжище отъ карающей и презираемой имъ судьбы и не достигъ до обѣтованной земли благодати, гдѣ открывается вѣчная истина, разрѣшаются въ гармонію диссонансы бытія и мерцаетъ таинственнымъ блескомъ заря безконечнаго блаженства» (соч., т. II).

встрѣтилъ ли онъ во время своихъ странствій чего нибудь такого, что приглянулось бы ему, чѣмъ бы онъ хотѣлъ обладать. У Фауста есть такое желаніе. Онъ хотѣлъ бы морской берегъ сдѣлать плодороднымъ, побѣдить необузданную стихію. И желаніе его быстро исполняется. Въ государствѣ того императора, у котораго онъ когда-то былъ, вспыхнуло возстаніе. Фаустъ и Мефистофель отправляются на помощь императору съ своей волшебной силой и разбиваютъ враговъ его. Въ благодарность за это, Фаустъ награждается морскимъ берегомъ. Но тутъ опять, повидимому, недостаетъ сцены, гдѣ это, дѣйствительно, было бы исполнено.

Въ пятомъ актѣ морской берегъ принялъ новый видъ. Гдѣ прежде приливали волны — разведены пастбища, сады, построена деревня, выросъ лѣсъ. Правителемъ этой новой страны является престарѣлый Фаустъ. Мефистофель и духи послужили великой цѣли. Но за то, гдѣ только могутъ они, туда сейчасъ же дьявольски спѣшатъ внести злое начало. Вмѣсто торговли и судоходства они занимаются пиратствомъ. Гдѣ можно обойтись мирными средствами, они жгутъ и убиваютъ. Фаустъ чувствуетъ, что онъ не вполнѣ свободенъ, пока не отрѣшится отъ магіи. Тогда къ нему подходитъ «забота», онъ отказывается отъ магической силы и не произноситъ ни одного волшебнаго слова. Забота не покидаетъ его. Напрасно онъ устрашаетъ ее словами, напрасно потому, что отъ ея дыханія онъ слѣпнетъ. Внутренно у него, однако, горитъ яркій свѣтъ и онъ сзываетъ своихъ людей на работу. Надо прокопать каналъ и онъ радуется, прислушиваясь къ стуку заступовъ. Но они выкопали не то, что было приказано, они выкопали ему могилу. Фаустъ, между тѣмъ, мысленно переносится въ будущее, когда на новой почвѣ станетъ благоденствовать простолюдинъ и труженикъ. Съ свободнымъ народомъ и онъ бы наслаждался жизнью. Вотъ тогда онъ сказалъ бы мгновенію: «Остановись! Прекрасно ты!». Съ такимъ чувствомъ умираетъ Фаустъ. Мефистофель упустилъ его изъ своихъ рукъ. Ему не удалось совратить Фауста съ прямой дороги. Въ своемъ безостановочномъ стремленіи къ общему благу, Фаустъ былъ дѣятеленъ до послѣдней минуты, и въ будущемъ уже предчувствовалъ освобожденіе. Тщетно Мефистофель выпускаетъ своихъ чертей; въ борьбѣ съ ангелами, они побѣждены. Небесные вѣстники уносятъ «безсмертное» Фауста. Марія, въ кругу трехъ кающихся грѣшницъ, несется къ нему навстрѣчу, Гретхенъ принимаетъ его и уноситъ въ высшія сферы: любовь спасаетъ Фауста.

Какъ ни различны между собой, на первый взглядъ, обѣ части «Фауста», но не трудно замѣтить въ нихъ несомнѣнную аналогію. Наиболѣе значительные мотивы въ первой части, повторены во второй въ высшей мѣрѣ, съ точки зрѣнія художественнаго изображенія. Тамъ, напримѣръ, нѣмецкая средневѣковая Вальпургіева ночь, тутъ— классическая ночь; тамъ Вагнеръ—фамулусъ Фауста, здѣсь онъ са-



Темпейская долина съ Олимпомъ и рѣкой Пенеемъ.

мостоятельный ученый; жаждущій знанія ученикъ первой части во второй представленъ надменнымъ и надутымъ пустой чванливостью бакалавромъ; молитва отчаянія Гретхенъ превращается въ молитву радости; роль Гретхенъ во второй части въ совершенно аналогическомъ положеніи Фауста исполняетъ Елена. Обѣ грѣшницы становятся добрыми геніями для Фауста. Онѣ его ободряютъ, онѣ его отклоняютъ отъ зла. Подобно Гретхенъ, на него оказываетъ дѣйствіе Елена съ перваго взгляда. Но и тутъ порывъ страсти уступаетъ мѣсто благороднѣйшимъ чувствамъ; у Гретхенъ читатель это видитъ ясно, у Елены онъ долженъ это отгадывать. Самый Амуръ у Гёте совсѣмъ не такой, какимъ его изображаютъ обыкновенно, не милый ребенокъ, окруженный вѣнкомъ грацій. Это — скорѣе большой преступникъ, ищущій погубить такую простушку, такую мягкосердечную, довѣрчивую, кроткую, безсознательно, по инстинкту, преданную предмету своей любви, какъ Гретхенъ. У Елены, напротивъ, все сознательно. Она понимаетъ свое сердце, она прислушивается къ нему, она поступаетъ не по инстинкту, а съ полнымъ убѣжденіемъ. И, однакожъ, образъ Гретхенъ такъ ясенъ и свѣтелъ, а образъ Елены окруженъ нѣкоторымъ туманомъ. Комментаторы «Фауста» склонны объяснять это обстоятельство забвеніемъ ею своего существованія среди богинь, полагая, что только подъ такимъ условіемъ она вступила въ союзъ съ Фаустомъ. Но не проще ли признать, что Гёте не могъ изобразить этотъ идеалъ высшей красоты съ какой либо неприглядной стороны. Къ тому же Елена явилась путеводной звѣздой на пути Фауста. Покинувъ его, она завѣщала своему сѣверному другу энергію животворной дѣятельности, которая отвлекла его отъ зла. Отсюда понятно и неудержимое стремленіе къ Еленѣ, олицетворяемое Гомункуломъ, этой звѣздой, освѣщающей путь прекрасной Галатеи, этой прелюдіи къ сочетанію Фауста съ вѣчной красотой.

Конечно, Гомункулъ кажется жалкимъ существомъ, какъ произведеніе жалкаго ума Вагнера, но жалокъ онъ до той минуты, пока въ лабораторіи своего папаши жарится на огнѣ, тщетно порываясь разбить реторту. Съ той же минуты, какъ смѣшная реторта, одухотворенная мыслью человѣческою, вырывается изъ рукъ «бумажной мудрости сухаго ползуна», Гомункулъ становится великъ. Онъ какъ бы олицетворяетъ собою тѣхъ мыслителей-ученыхъ, которые не съумѣли оставить поколѣніямъ «ни мысли благотворной, ни геніемъ начатаго труда». Ихъ маленькія мысли, вычитанныя изъ большихъ фоліантовъ, заключены въ тѣсную реторту ихъ духа, томятся на огнѣ ихъ нравственной немощности. Но пробилъ часъ, маленькая мысль вырывается изъ рукъ ея родителя; оставляя его перебирать негодный хламъ въ углу затхлой лабораторіи мысль эту привѣтствуетъ Фаустъ, «мужъ желаній» и яркой звѣздочкой ведетъ она, все развиваясь и сіяя ярче и ярче, въ міръ прекраснаго. Разъ ге-

ній достигъ желанной цѣли, ему не нуженъ руководитель, жалкое произведеніе жалкой посредственности. Фаустъ самъ пойдетъ къ «матерямъ», въ міръ идей, самъ выведетъ ихъ мощной рукой изъ тьмы небытія и забудетъ о звѣздочкѣ — Гомункулѣ, преклонясь передъ солнцемъ красоты. Мысль не нужная, но забытая, разбивается у трона прекраснаго, у трона Галатеи, но въ мигъ своей ранней гибели она испытываетъ такое мучительное счастье, какому могутъ позавидовать тысячи живыхъ.

Фаустъ, овладѣвъ идеаломъ общечеловѣческой красоты, въ образѣ Елены, уже былъ спасенъ и могъ соединиться съ «женственно нѣжнымъ» созданіемъ, съ Гретхенъ. Соединеніе это явилось необходимостью для окончательнаго просвѣтленія Фауста, для окончательнаго возвращенія его къ блаженству духовнаго равновѣсія. Онъ отрѣшился отъ страсти, позналъ высшую красоту, испыталъ вѣяніе всеобъемлющаго духа жизни, и душа старца Фауста, исторгнутая изъ рукъ лемуровъ, сочеталась съ юной, чистой душой Гретхенъ. До чего дошелъ «мужъ желаній» путемъ страданій, разочарованій и даже преступленій, то открылось непосредственному чувству женщины, полюбившей всѣми силами своей души. Словомъ, Гретхенъ— инстинктивное стремленіе сердца къ свѣту и правдѣ, Фаустъ—сознательное стремленіе человѣческаго духа къ той же цѣли. И великій поэтъ вложилъ въ уста ангеловъ такой приговоръ надъ душами, сочетавшимися въ блаженствѣ духовнаго единенія:

Чья жизнь стремленіемъ была,
Тотъ чуждъ среды грѣховной.

Ѳ. Булгаковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія Н. Костомарова. 3 тома. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Спб. 1884.

АДНЯХЪ вышла, четвертымъ изданіемъ, историческая монографія Н. И. Костомарова — «Богданъ Хмельницкій».

Едва ли нужно въ настоящее время объяснять, чтò новаго внесла эта монографія въ исторію Россіи вообще и въ исторію южно-русскаго народа въ особенности: все это было указано критикою въ свое время. Притомъ же книга эта, выдержавъ три изданія послѣ того какъ она всѣми была прочитана въ журналѣ, въ которомъ первоначально печаталась, и обойдя, такимъ образомъ, обширный кругъ читателей, который, по малой мѣрѣ, захватываетъ собой тысячъ полтораста, а можетъ быть и несравненно больше, — книга эта — повторяемъ — мало кому неизвѣстна во всей читающей половинѣ Россіи. Поэтому говорить о ея достоинствахъ было бы — мы полагаемъ — излишне, особенно же въ виду того, что, какъ безспорно всѣми признано, монографія эта, вмѣстѣ съ монографіею «Стенька Разинъ», наиболѣе отличается тѣми яркими достоинствами, которыми болѣе чѣмъ всѣми послѣдующими своими сочиненіями авторъ завоевалъ себѣ, давно укрѣпившуюся за его именемъ, славу популярнѣйшаго въ Россіи историка-живописателя. Мнѣніе это высказалъ недавно и г. Пыпинъ въ послѣдней своей статьѣ «Народничество», упомянувъ въ ней о «художественной исторіографіи, замѣчательнѣйшими произведеніями которой — какъ онъ выражается — были въ особенности первые труды г. Костомарова» («Богданъ Хмельницкій» и «Стенька Разинъ»).

Если что остается сказать по поводу четвертаго изданія «Богдана Хмельницкаго», такъ это указаніе на то, чтò новаго даетъ оно сверхъ того, что было въ его трудѣ первыхъ трехъ тисненій. Новаго въ послѣднемъ изданіи не мало: многое прибавлено на основаніи новыхъ матеріаловъ, которыми авторъ не пользовался прежде; многое вновь переработано и исправлено; многое дополнено значительно и освѣщено новыми данными, особенно же свѣдѣніями изъ появившагося недавно «Діаріуша» Освѣцима, изъ венгерскихъ

историковъ, какъ напр. изъ Крауса, изъ записокъ современника, еврея Ганновера, недавно изданныхъ въ русскомъ переводѣ заграницею, и, наконецъ, кое-что изъ опубликованныхъ недавно г. Дитятинымъ въ «Русской Мысли» документовъ о московскомъ земскомъ соборѣ 1651 года, который историки какъ будто проглядѣли, о соборѣ, на которомъ выборными людьми Московскаго государства рѣшено присоединеніе Гетманщины или Малороссіи къ московской державѣ.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что мы доживемъ еще и до 5-го изданія лучшей исторической монографіи маститаго историка.

Д. М.

Андрей Замойскій. Станислава Скржинскаго. Краковъ. 1884 г. (Andrzej hr. Zamojski. Napisal Stanislaw Skrzynski. Wydanie drugie rozszerzone. Krakow. 1884).

Апологія памяти маркиза Велепольскаго въ извѣстномъ произведеніи г. Лисицкаго и успѣхъ этой апологіи побудили, безъ сомнѣнія, къ возстановленію памяти другой крупной личности изъ эпохи Велепольскаго, его соперника, графа Андрея Замойскаго. Впрочемъ, задача въ томъ и другомъ случаѣ была не вполнѣ одинакова, какъ неодинаковы и герои. Чтобы ни говорили о Велепольскомъ съ той и другой изъ крайнихъ сторонъ, однакожъ, эти нареканія, въ свое время очень страстныя, послужили поводомъ и какъ бы фундаментомъ для позднѣйшаго его историческаго оправданія, которое при обстоятельствахъ можетъ перейти даже въ возвеличеніе эффектной фигуры маркиза. Біографы маркиза сообщаютъ ему фигуру борца, который одинъ, противъ разныхъ теченій, сражался за свою идею, связалъ свое имя съ извѣстной, мимолетной эпохой и, побѣжденный обстоятельствами, палъ не безъ достоинства, не оставивъ послѣ себя ни преемниковъ, ни продолжателей. Порицатели маркиза прибавляютъ къ этому, что онъ и не могъ имѣть успѣха, такъ какъ взялся лечить политическую болѣнь административными средствами, но еще вопросъ — какими средствами сталъ бы тогда ее лечить Замойскій, если бы даже у него была склонность къ дѣйствію. Доходъ съ книги г. Скржинскаго предназначенъ на сооруженіе памятника Андрею Замойскому, но едва ли даже самые рьяные поборники идеи этого аристократа станутъ утверждать, что его имя, несмотря на большую популярность между современниками, останется въ памяти потомства, въ польской исторіи, столь же прочно, какъ имя нетерпимаго при жизни почти никѣмъ маркиза. Разумѣется, книжка составляетъ панегирикъ графу Андрею, иначе на нее нельзя и смотрѣть. Распространяясь чрезвычайно подробно о трудахъ по хозяйственнымъ улучшеніямъ, произведеннымъ Замойскимъ въ своихъ имѣніяхъ, о мѣрахъ по введенію долгосрочныхъ крестьянскихъ арендъ, съ отмѣною барщины и т. п., авторъ посвящаетъ сравнительно очень немного мѣста характеристикѣ того политическаго положенія, какое занималъ Замойскій въ началѣ польскаго броженія шестидесятыхъ годовъ, какъ президентъ земледѣльческаго общества. Извѣстно, что общество это, какъ вышедшее за предѣлы своей программы, было вскорѣ закрыто, а потомъ и Андрей Замойскій, допустившій свое участіе въ явно противозаконномъ адресѣ, былъ отозванъ въ Петербургъ и затѣмъ высланъ за границу, откуда болѣе уже не возвращался.

Роль его въ эту пору даже и г. Скржинскій также не разъясняетъ, если не считать безпрестанныхъ возгласовъ, что онъ стоялъ за право и законность.

Андрея Замойскаго одни называютъ идеалистомъ, поклонникомъ англійскихъ учрежденій, который не вѣдалъ политической дѣйствительности, виталъ воображеніемъ въ независимой, до-раздѣльной Польшѣ и, въ силу своей непрактичности и доброты, позволялъ себя увлекать къ рискованнымъ шагамъ, хотя бы имъ самъ же первый не сочувствовалъ. Другіе прямо винятъ его въ двоедушіи, и безъ сомнѣнія не безъ преобладанія такого взгляда состоялось самое удаленіе Замойскаго изъ края, такъ какъ если кто нибудь, то именно онъ могъ въ силу своей популярности задержать своихъ соотечественниковъ на скользкомъ пути, но графъ не сдѣлалъ для этого ровно ничего практическаго. Интересно, что авторъ біографіи Замойскаго винитъ тогдашнюю русскую (горчаковскую) администрацію въ слабости, чуть не въ попустительствѣ при первыхъ уличныхъ манифестаціяхъ въ Варшавѣ, которыя стали затѣмъ сопровождаться и кровавыми жертвами. Если бы намѣстникъ явилъ примѣръ строгости, то броженіе было бы прекращено въ самомъ началѣ, не было бы и возстанія столь гибельнаго для Польши...

Спрашивается: что же дѣлала такъ называемая «бѣлая» партія, и ея кумиръ, рыцарь порядка, правды, законности, какимъ выставляетъ Андрея Замойскаго его панегиристъ, и не падаетъ ли на нее также отвѣтственности? О Горчаковѣ мы говорить не будемъ, и дѣйствія русскихъ властей сюда не относятся, но обращаясь къ краснымъ и Велепольскому, нельзя отвергать, что у нихъ были свои, опредѣленныя программы. Бѣлые же только негодовали на ту и на другую сторону: ихъ предупредили и тутъ, и тамъ. Что бы ни говорили о патріотическихъ цѣляхъ Андрея Замойскаго, но ему больше гордость не позволила сойтись съ Велепольскимъ: по мнѣнію автора книги, Велепольскій долженъ былъ первый поднести на разсмотрѣніе Замойскому свои проекты, а тотъ этого не сдѣлалъ. Кромѣ того, графъ Андрей колебался и—выжидалъ событій, быть можетъ, въ силу своего прежняго афоризма, что «Польша, какъ зрѣлый плодъ, сама отпадетъ отъ Россіи». Но событія его опередили. Авторъ книжки говоритъ, что Замойскій и Велепольскій стремились къ одной и той же цѣли, но разными путями, что это были двѣ параллельныя линіи, которыя никогда сойтись не могутъ. Однакожъ, въ концѣ концовъ, Велепольскій, хотя и проигралъ партію, но шелъ несомнѣнно своей, оригинальной дорогой, тогда какъ Замойскій, поставившій себѣ правило—ничего не просить, не входить ни въ какіе компромиссы, былъ устраненъ съ поля дѣйствія силою самихъ обстоятельствъ, вслѣдствіе неопредѣленности, туманности для него самого поставленныхъ себѣ идеаловъ.

Авторъ біографіи Замойскаго старается придать этимъ идеаламъ жизненность и притомъ самую современную. Андрея Замойскаго онъ ставитъ какъ бы родоначальникомъ мирнаго «органическаго труда» на дѣло возрожденія Польши. Эта мысль, говоритъ онъ, составляетъ лозунгъ польскаго общества и въ настоящее время. Андрей Замойскій оставилъ трудъ цѣлой своей жизни въ наслѣдіе грядущему поколѣнію, которое въ общемъ усвоило его программу. Замойскій самъ работалъ на поприщѣ улучшенія народнаго быта, быта крестьянъ, и ему-то не мало обязано польское общество тѣмъ, что крестьяне, пріученные къ правильному хотя срочному земельному пользованію, могли усвоить себѣ и ввести въ жизнь принципъ земельной собственности.

Извѣстно, впрочемъ, что именно Замойскій былъ противникомъ закрѣп-

ленія земли въ собственность за крестьянами, въ чемъ сходился съ Велепольскимъ; между тѣмъ уже тогда были люди въ той же средѣ (какъ, Ѳома Потоцкій), которые сознавали необходимость реформы именно въ такомъ направленіи и высказывали свои мысли въ печати.

Политика Велепольскаго пала совершенно, а программа Андрея Замойскаго еще и теперь существуетъ и должна существовать, такой выводъ дѣлаетъ авторъ изъ своего труда, помимо многочисленныхъ похвалъ самой личности своего героя, взятой отдѣльно. Мы добавимъ, что въ сущности эта программа сама по себѣ не представляетъ ничего новаго. Въ каждомъ народѣ, во всѣхъ странахъ, граждане должны трудиться на пользу отечества въ томъ званіи, какое носятъ, на томъ поприщѣ, къ какому кто призванъ. И отъ такихъ единичныхъ доблестей на экономической и иной аренѣ въ общемъ судьба цѣлаго народа можетъ даже болѣе или менѣе выиграть, если нѣтъ какихъ либо противодѣйствующихъ, болѣе сильныхъ вліяній. Все это нельзя назвать даже вновь изобрѣтеннымъ политическимъ цѣлебнымъ средствомъ. Но связывать съ этимъ — и только съ этимъ, опредѣленные политическіе виды едва ли не столь же странно, какъ странны справедливо осмѣиваемыя авторомъ выспреннія и частію суевѣрныя политическія теоріи, получившія большой ходъ въ польскомъ обществѣ послѣ возстанія 1831 года. Вотъ именно отрицательною заслугою Замойскаго и останется, что послѣ увлеченія этими теоріями онъ понялъ ихъ несостоятельность и показалъ примѣръ спокойнаго, мирнаго экономическаго труда.

Н. С. К.

Эпизодическій курсъ исторіи. I. Всеобщая исторія. Курсъ 3-го и 4-го классовъ мужскихъ гимназій. Составилъ преподаватель Новочеркасской мужской гимназіи А. Кузнецовъ. Спб. 1884.

Прежде, чѣмъ говорить о книгѣ г. Кузнецова, коснемся вопроса: какъ должно быть поставлено дѣло обученія исторіи, предмета большой важности въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Нѣмцы давно рѣшили, и вполнѣ основательно, что всякому предмету обученія должна предшествовать закваска, на которой предметъ средней школы и строится. Безъ этой закваски не можетъ быть основательныхъ, вполнѣ сознательныхъ свѣдѣній. Языкъ, математика, географія, усвоиваются учениками лишь при томъ условіи, если они предварительно, т. е. прежде приступленія къ занятіямъ серьезнымъ, были развиваемы умственно по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ упомянутымъ предметамъ. Элементарная нѣмецкая школа полагаетъ означенную закваску и ведетъ дѣло подготовки дѣтей къ будущимъ научнымъ занятіямъ настолько замѣчательно хорошо, что намъ остается только учиться у нея. Конечно и нѣмецкая элементарная школа имѣетъ недостатки, но кто и что на свѣтѣ безъ недостатковъ? Въ этомъ случаѣ можетъ быть допущенъ лишь одинъ вопросъ: достоинства или недостатки берутъ перевѣсъ?

Основаніемъ, на которомъ строятся историческія знанія юноши, закваской этихъ знаній, служатъ родиновѣдѣніе и отечествовѣдѣніе, изучаемыя въ отрочествѣ.

Цѣль родиновѣдѣнія и отечествовѣдѣнія опредѣляется самыми ихъ названіями. Эти предметы подготовляютъ ученика къ усвоенію тѣхъ понятій, на

званій, которыя въ исторической наукѣ встрѣчаются на каждой страницѣ; постепенно подготовляютъ его къ тому, чтобы онъ проникался духомъ историческаго знанія. Ребенокъ, освоиваясь съ понятіями географическими и историческими не изъ книгъ, а изъ самой дѣйствительности, незамѣтно для самого себя, входитъ въ міръ исторической жизни. Понятій о рѣкѣ, озерѣ, горѣ и другихъ географическихъ и физическихъ явленіяхъ онъ не заучиваетъ безсмысленно, а усвоиваетъ навсегда какъ нельзя болѣе сознательно, ибо рѣку, гору, озеро ему показываютъ въ самой природѣ, какъ ему объясняютъ историческіе памятники родины; передаютъ въ подробности исторію мѣста, въ которомъ онъ живетъ, будетъ ли это деревня, село, городъ. Ребенокъ постепенно знакомится съ занятіями, промыслами жителей своего мѣста. Отъ мѣста родины, если родиной деревня, переходятъ къ уѣздному городу, не минуя волости, говоря нашимъ языкомъ. Исторія этого города, опредѣленіе сословій, его составляющихъ, наименованіе властей, въ немъ находящихся, занятія жителей, передаются дѣтямъ безъ спѣха, съ тою главною цѣлью, чтобы ученики ясно, отчетливо усвоили понятіе о власти, сословіяхъ, о промыслахъ, торговлѣ, именно тѣ понятія, которыя въ географіи и исторіи встрѣчаются на каждомъ шагу и безъ отчетливаго, вполнѣ сознательнаго усвоенія которыхъ не мыслимъ успѣхъ въ занятіяхъ исторіею и географіею. Отъ уѣзднаго города переходъ къ уѣзду, затѣмъ, къ губернскому городу и всей губерніи. Ознакомленіе съ столицей, въ которой, напримѣръ, какъ у насъ въ Москвѣ, сосредоточивается нерѣдко вся исторія государства, даетъ возможность передать многіе знаменательные историческіе факты. Дѣло не въ критикѣ этихъ фактовъ, недоступной дѣтскому уму, а въ сознательномъ усвоеніи ихъ и въ проникновеніи духомъ историческихъ событій.

Исторія, какъ наука, должна преподаваться въ старшихъ классахъ и, конечно, не въ эпизодическихъ разсказахъ, ибо вся сила историческихъ знаній заключается въ послѣдовательномъ ознакомленіи съ историческими событіями и именно потому, что всякое многознаменательное событіе можетъ быть воспринято умомъ ученика вполнѣ сознательно лишь при томъ условіи, если ученикъ въ состояніи указать на цѣлый рядъ предшествовавшихъ этому событію, повидимому, не важныхъ явленій, но въ дѣйствительности создавшихъ, породившихъ упомянутый многознаменательный историческій фактъ. Будетъ ли, спрашиваемъ мы, справедливъ нашъ судъ о дѣйствіяхъ человѣка, его душевныхъ свойствахъ, если мы въ нашемъ сужденіи примемъ человѣка лишь въ данное время, при данныхъ условіяхъ? Конечно, нѣтъ, если мы не разсмотримъ всей минувшей жизни его, того множества на первый взглядъ мелочныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ росъ и развивался. Точно также не могутъ быть вѣрны наши сужденія о свойствахъ той или другой исторической эпохи и историческихъ личностей, если мы не знаемъ всѣхъ минувшихъ событій, создавшихъ или, что вѣрнѣе, способствовавшихъ образованію многознаменательной эпохи или замѣчательнаго историческаго лица. Лютеръ, его реформація, никогда не будутъ поняты учениками, если они не узнаютъ всѣхъ явленій католичества и папской власти, безъ каковыхъ явленій великій реформаторъ никогда и не народился бы.

Нѣмцы понимаютъ, что усвоить ходъ историческихъ событій, понять тайныя движенія души человѣческой, побуждающія то или другое историческое лицо дѣйствовать такъ или иначе, понять связь едва уловимыхъ и для совершенно зрѣлаго ума самыхъ разнородныхъ обстоятельствъ, породившихъ

великое историческое событіе, немыслимо для мозговой силы какого нибудь 12-ти или 13-ти-лѣтняго ребенка.

Вотъ причины, заставляющія желать, чтобы исторія, какъ наука, преподавалась взрослымъ ученикамъ, если хотятъ, чтобы этотъ предметъ былъ принятъ ими сознательно и благотворно повліялъ бы на ихъ умственное развитіе.

Въ отечествовѣдѣніи ученикъ получаетъ, какъ мы замѣтили, подготовку къ пониманію исторіи. Для него понятія, на которыхъ держится исторія, совершенно ясны; онъ, такъ сказать, болѣе или менѣе освоился съ историческимъ духомъ; онъ самоувѣренно вступаетъ въ міръ исторіи. Мнѣ возразятъ, что подготовкой къ исторіи служитъ географія, въ которой историческій элементъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Во-первыхъ, географія далеко не такъ систематично излагаетъ присущій ей матеріалъ, представляя массу разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, съ которыми не легко справиться молодому уму; во-вторыхъ, при огромномъ матеріалѣ, заключающемся въ географіи, всякій учитель, что подтверждается опытомъ, до такой степени спѣшитъ набить головы учениковъ всевозможными городами, рѣками, озерами и прочимъ, что основныя, существенныя понятія, встрѣчающіяся въ географіи, повторяются учениками безъ пониманія ихъ внутренняго смысла. Ученикъ говоритъ о городахъ промышленныхъ, торговыхъ, не будучи въ состояніи отчетливо опредѣлить понятія: промышленность, торговля. Точно также смутно укладываются въ головахъ учениковъ и всѣ другія географическія понятія.

Книга г. Кузнецова изложена серьезно. Авторъ говоритъ о государственномъ управленіи различныхъ царствъ; объясняетъ, напримѣръ, къ какой цѣли стремилось то или другое законодательство греческихъ республикъ; объясняетъ причины нарожденія различныхъ многознаменательныхъ событій, но все это, въ виду тѣсныхъ предѣловъ, въ которыхъ авторъ долженъ былъ вращаться, изложено кратко, являясь совершенно понятнымъ для людей знакомыхъ съ исторіею и требующимъ многихъ толкованій для мальчиковъ 12-ти и 13-ти лѣтъ. Толкованія, конечно, не составляютъ бѣды, но важно то: много ли пользы отъ нихъ для учениковъ, ни мало не приготовленныхъ къ усвоенію серьезныхъ историческихъ истинъ. Г. Кузнецовъ, коснувшись различныхъ существенныхъ, важныхъ историческихъ вопросовъ, поступилъ вполнѣ основательно, ибо онъ писалъ не дѣтскіе разсказы, а всетаки курсъ исторіи, хотя и эпизодическій.

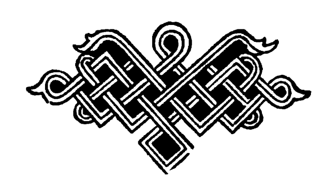
Вообще, въ нашемъ образованіи юношества замѣтенъ непомѣрный спѣхъ толкнуть по возможности умственное развитіе дѣтей. Зачѣмъ же послѣ этого удивляться нашимъ 14—15-ти-лѣтнимъ философамъ; попадаются даже 10-тилѣтніе философы? Зачѣмъ удивляться стремленіямъ нашихъ дѣтей разрѣшать такіе вопросы, которые служатъ для нихъ средствомъ упражняться во фразерствѣ. Все это и самъ г. Кузнецовъ, сколько мы понимаемъ, вполнѣ сознавалъ; сознавалъ трудность передать своимъ ученикамъ многія явленія исторической жизни народовъ и, вѣроятно, на этомъ основаніи, въ своемъ руководствѣ не коснулся греческой и римской миѳологіи, какъ, равнымъ образомъ, и значенія искусства въ греческой и идеи полезности въ римской жизни. Авторъ говоритъ только въ общихъ словахъ о великомъ значеніи христіанства въ исторіи народовъ, что безъ упоминанія о существѣ миѳологическихъ вѣрованій является очень мало понятнымъ — естественное послѣдствіе того, когда говорятъ съ дѣтьми, умственный уровень которыхъ не отвѣчаетъ предмету обученія. Если

послѣдовательно провести идею значенія языческихъ вѣрованій древнихъ народовъ, неудовлетворительность ихъ для духа человѣческаго, затѣмъ, великое значеніе христіанства, которое только въ сравненіи съ язычествомъ и можетъ быть понято учениками, то не представится ни малѣйшей возможности объяснить все упомянутое 12-ти или 13-ти-лѣтнимъ мальчикамъ, которые, безъ сомнѣнія, запомнятъ однѣ лишь фразы.

Разсматриваемая нами книга, какъ мы уже замѣтили, составлена очень удовлетворительно: вѣрный взглядъ на событія, преобладаніе въ книгѣ описанія внутренней жизни различныхъ обществъ, хорошій языкъ составляютъ отличительные признаки труда г. Кузнецова. Но, повторяемъ, опираясь на наши воззрѣнія о способахъ преподаванія исторіи, что книга г. Кузнецова можетъ быть названа хорошей книгой для чтенія для учениковъ старшихъ классовъ, но значенія ея, какъ учебника для учениковъ 3-го и 4-го классовъ, мы не признаемъ по той причинѣ, что для такихъ учениковъ существуетъ отечествовѣдѣніе, а не историческая наука.

Въ заключеніе замѣтимъ одинъ недостатокъ, бросившійся намъ въ глаза, при чтеніи книги г. Кузнецова: авторъ игнорируетъ воспитательное значеніе исторіи, ибо не обращаетъ вниманія учениковъ на такія дѣйствія историческихъ лицъ, которыя своею дѣятельностью могутъ благотворно вліять на развитіе благородныхъ и высоконравственныхъ стремленій въ юношахъ. Нѣтъ необходимости приводить много примѣровъ; укажемъ только на одинъ изъ числа многихъ фактовъ, оставленныхъ въ этомъ отношеніи авторомъ безъ вниманія: описывая всѣ препятствія, которыя Колумбъ долженъ былъ побѣдить, чтобы привести въ исполненіе свою великую мысль и которыя онъ побѣдилъ только силой терпѣнія и глубокаго убѣжденія въ справедливости своей задачи, авторъ ни однимъ словомъ не обращаетъ вниманія учениковъ на то важное обстоятельство, что лишь терпѣніе, ничѣмъ непобѣдимое, составляетъ отличительный признакъ всякой геніальной природы. Юность всего менѣе способна къ терпѣнію; но пускай она знаетъ, что безъ этой добродѣтели хорошія, большія дѣла не дѣлаются и цѣль никогда не достигается. Можетъ быть, мы ошибаемся въ своемъ упомянутомъ взглядѣ на воспитательное значеніе исторіи, но, во всякомъ случаѣ, мы держались этого взгляда во время своихъ уроковъ исторіи и остаемся неизмѣнно вѣрными ему и въ настоящее время.

И. В.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Біографія Петра I, написанная американцемъ.—Переводъ на англійскій языкъ книги генерала Гродекова. — Французскіе и англійскіе сочиненія о Тонкинѣ.— Біографія президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.—Исторія римскаго императора. — Двѣ книги о Константинополѣ. — Послѣдній трудъ Джона Грина. — Исторія Лондона. — Жизнь Бульвера описанная его сыномъ. — Біографія Линдгурста.—Книга XVI вѣка объ Ирландіи.—Берлинское общество. — Записки стараго солдата.—Супругъ королевы Викторіи.—Историческіе труды въ Германіи.— Біографіи Микель-Анджело и Лоренцо Медичи.

ЫВШІЙ американскій консулъ въ Россіи, Евгеній Скейлеръ, издалъ два большихъ тома въ 1200 страницъ слишкомъ, о Петрѣ I, подъ названіемъ: Петръ Великій, русскій императоръ; опытъ исторической біографіи (Peter the great, Emperor of Russia, a Study of historical biography). Сочиненіе это печаталось съ 1880 года въ американскомъ журналѣ The Century и тогда еще обратило на себя вниманіе. Это положительно лучшее сочиненіе о Петрѣ I изъ появлявшихся на иностранныхъ языкахъ. Авторъ, для своего труда, пользовался всѣмъ, что написано, въ послѣднее время, по этому предмету. Съ критическимъ тактомъ серьезнаго историка онъ относится ко многимъ общепринятымъ, но между тѣмъ, ничѣмъ не подтверждаемымъ разсказамъ о нѣкоторыхъ случаяхъ изъ жизни Петра. Такъ, онъ положительно опровергаетъ преданіе, что Петръ въ молодости боялся воды и съ большимъ трудомъ побѣдилъ эту боязнь; что Екатерина I спасла Петра при Прутѣ въ 1711 году, подкупивъ визиря бриллiантами; что Меншиковъ, родомъ изъ Минска, продавалъ въ молодости пирожки; что дикая лошадь, къ которой былъ привязанъ Мазепа унесла его къ запорожцамъ и пр. Нечего и говорить, что нелѣпая исторія о завѣщаніи Петра, отвергнутая критикою лѣтъ 20 тому назадъ, еще разъ и не менѣе категорически опровергается Скейлеромъ. Біографіи царя-реформатора онъ предпосылаетъ мастерски набросанную картину Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ. Разсказывая жизнь Петра, авторъ приводитъ мѣстами его письма, оправдываетъ его въ дѣлѣ царевича Алексѣя. Но отводя слишкомъ много мѣста дипломатическимъ сношеніямъ, войнамъ со Швеціей и Турціей, говоритъ гораздо меньше о реформатской дѣятельности, въ которой находитъ много темныхъ сторонъ.

— Книга Н. И. Гродекова переведена на англійскій языкъ подъ названіемъ «Война въ Туркменіи» (The war in Turcomania) и является весьма кстати при продолжающихся запросахъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ по поводу вступленія Мерва въ подданство Россіи. Изъ сочиненій нашего соотечественника прежде всего видно, что Туркменія вовсе не такая обѣтованная страна, изъ-за обладанія которой слѣдуетъ поднимать дипломатическіе походы. До сихъ поръ всѣ наши среднеазіатскія завоеванія не приносятъ намъ ровно ничего, кромѣ дефицита въ бюджетѣ, но однажды принявъ на себя обязанность уничтожить разбои въ этой странѣ и ввести въ нее европейскую цивилизацію, мы волей-неволей должны слѣдовать по этому пути и присоединить къ своимъ владѣніямъ всѣ эти ханства, пожирающія другъ друга. Это понимаютъ и англичане, поступавшіе точно такимъ же образомъ въ Индіи съ племенами, гораздо больше развитыми, чѣмъ всѣ бухарцы и мервцы. Дѣло только въ томъ, что считая свои дѣйствія совершенно законными и логичными, англичане не хотятъ, чтобы и мы поступали точно также въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Они могутъ цивилизовать Индію какъ имъ кажется выгоднѣе и удобнѣе, а мы не должны дѣлать того же въ Средней Азіи. Въ этомъ весь вопросъ и весь предлогъ дипломатическаго препирательства между двумя странами. Книга русскаго генерала, близко знакомаго съ Туркменіей, имѣетъ большой успѣхъ въ Англіи и критики очень довольны ея содержаніемъ и изложеніемъ.

— О другой азіатской странѣ, гдѣ теперь воюютъ французы также съ цивилизаторскою миссіею, вышли два сочиненія—англійское и французское. Первое принадлежитъ бывшему капитану бенгальскаго штаба Норману и называется «Тонкинъ и Франція на дальнемъ востокѣ» (Tonkin and France in the far East), второе написано путешественникомъ Котто и носитъ названіе «Туристъ на дальнемъ Востокѣ» (Un touriste dans l'extrême Orient). Норманъ начинаетъ съ описанія сношеній Франціи съ Тонкиномъ, до революціи 1789 года и оканчиваетъ послѣдними военными столкновеніями. Само собою разумѣется, что и тутъ англичанинъ очень недоволенъ тѣмъ, что французы хотятъ присвоить себѣ обширныя провинціи, цивилизуя аннамитовъ и кохинхинцевъ. Онъ отзывается благосклонно только о французскомъ посланникѣ въ Пекинѣ Бурже, который, дѣлая постоянно уступки китайцамъ, увеличилъ этимъ ихъ претензіи, сдѣлавшіяся еще требовательнѣе и наглѣе. На томъ же основаніи авторъ расхваливаетъ безхарактернаго губернатора Сайгона и осыпаетъ упреками Гарнье и Ривьера, начавшихъ военныя дѣйствія противъ анамитовъ. Французскій туристъ былъ въ Тонкинѣ въ 1881 году на возвратномъ пути изъ ученой экспедиціи по Сибири,—и не говоритъ ничего о послѣдніхъ событіяхъ въ странѣ, которую очень хвалитъ, вопреки привычкѣ французовъ быть постоянно недовольными краемъ, куда ихъ заброситъ судьба. Сайгонъ, по его словамъ—совершенно европейскій городъ. Въ особенности онъ приходилъ въ восторгъ отъ японцевъ, ихъ стремленія къ развитію, просвѣщенію и подражанію европейскимъ обычаямъ и привычкамъ, доходящему до мастерскихъ поддѣлокъ всего, къ чему привыкъ европеецъ во вседневной жизни. Такъ, Котто ненахвалится выдѣлкою въ Аннамѣ шведскихъ спичекъ точно такого же достоинства какъ изготовляемыя въ Парижѣ. Только тамъ такая коробочка спичекъ стоитъ десять сантимовъ, а здѣсь полтора.

— Въ январской книгѣ нью-іоркскаго журнала «Harper's new monthly magazine» помѣщается разборъ біографіи президента Сѣвероамериканскихъ

Штатовъ Джемса Буханана, бывшаго въ 1832 году посланникомъ въ Россіи. Статья эта составлена по обширной, двутомной книгѣ вышедшей въ концѣ прошлаго года подъ названіемъ «Жизнь Джемса Буханана, пятнадцатаго президента Соединенныхъ штатовъ» (Life of James Buchanan, fifteenth president of the United States). Для европейца совершенно достаточно этой статьи, чтобы ознакомиться съ политическимъ значеніемъ президента, принявшаго управленіе страной въ тяжелую эпоху передъ началомъ междуусобной войны. Бухананъ имѣлъ привычку записывать замѣчательныя историческія событія. Но такъ какъ отдѣльныя личности не играютъ преобладающей роли въ заатлантической республикѣ, то на ряду съ личными чертами управленія и мнѣніемъ Бухана о людяхъ и событіяхъ, приводится и политическая исторія его времени. Любопытно, что когда рѣшено было отправить его въ Россію для заключенія торговаго трактата, въ чемъ не успѣлъ предмѣстникъ его Рандольфъ, препятствіемъ къ этому назначенію служило то обстоятельство, что онъ не зналъ никакого языка, кромѣ мѣстнаго. И вотъ, слишкомъ сорокалѣтній дипломатъ началъ учиться по-французски и, пріѣхавъ въ Петербургъ, уже гораздо лучше говорилъ на этомъ языкѣ, чѣмъ Нессельродъ на англійскомъ, хотя, какъ писалъ онъ генералу Джаксону «совершенное знаніе французскаго языка, ловкость, развязность и вкрадчивость (insinuating) манеръ гораздо нужнѣе при русскомъ дворѣ, чѣмъ большое дарованіе». Переговоры о торговомъ трактатѣ, велись въ величайшемъ секретѣ, такъ какъ не задолго передъ тѣмъ, и англійскіе политики не успѣли заключить подобнаго трактата и почти всѣ русскіе министры были противъ него, съ Канкринымъ во главѣ. И однако Буханану удалось заключить торговый союзъ, положившій начало дружескимъ отношеніямъ Штатовъ къ Россіи. На дипломатическомъ пріемѣ, въ Рождество императоръ Николай сообщилъ объ этомъ словами: «вчера я подписалъ указъ, чтобы трактатъ былъ заключенъ согласно съ вашими желаніями». Англійскій посланникъ Блейгъ, стоявшій подлѣ Буханана, былъ болѣе всѣхъ пораженъ этими словами. Біографія собщаетъ также нѣсколько любопытныхъ подробностей о посольствѣ Буханана въ Англію передъ началомъ крымской войны, но подробности его президентства имѣютъ интересъ только для американцевъ. Европейцу трудно согласить, напримѣръ, такія противорѣчія въ характерѣ Буханана: онъ былъ противникомъ освобожденія негровъ и въ тоже время строгимъ пресвитеріанцемъ, каждый день читавшимъ молитвы, установленныя этой церковью, признающею изъ всѣхъ таинствъ одно крещеніе и отвергающей причащеніе.

— Историкъ и поэтъ Грегоровіусъ выпустилъ въ свѣтъ совершенно переработанное имъ второе изданіе своего «Императора Адріана» (Der Kaiser Hadrian). Эта «картина римско-эллинскаго міра» II вѣка представляетъ въ настоящемъ видѣ императора, во всякомъ случаѣ заслуживающаго изученія и идеализированнаго въ послѣднее время такими даровитыми романистами какъ Эберсъ и Тайлоръ. «Въ его натурѣ говоритъ Грегоровіусъ, лежало свойство, дѣлавшее его похожимъ на выдающіяся личности XV вѣка эпохи возрожденія. Спартіанъ говоритъ о его страсти къ путешествіямъ, что онъ каждую страну, о которой что нибудь узнавалъ, хотѣлъ видѣть своими глазами. Тертуліанъ называетъ его изслѣдователемъ всего замѣчательнаго на землѣ. Авторъ не скрываетъ и темныхъ сторонъ своего героя, сдѣлавшагося подъ конецъ жизни совершеннымъ человѣконенавистникомъ, не переставая любить прекрасный міръ. Вторая половина труда Грегоровіуса посвящена

«государству и его умственной жизни». Здѣсь, кромѣ управленія Римомъ изложена его общественная и юридическая жизнь, исторія наукъ, литературы, искуствъ, религіи, суевѣрій; кромѣ историческихъ личностей являются даже такія загадочныя личности какъ Перегринъ Протей или «Каліостро этого времени» грекъ Александръ Абонотейхосъ-Легкій, вполнѣ литературный языкъ книги Грегоровіуса придаетъ ей еще большее значеніе; мы посвятимъ ей особую статью въ слѣдующей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

— Новый членъ французской академіи Эдмондъ Абу и извѣстный своей беззастѣнчивостью публицистъ Бловицъ издали книги о Константинополѣ. Теперь ѣздятъ быстро—и Абу посвятилъ тринадцать дней на путешествіе черезъ Румынію въ Стамбулъ, куда перенесла его компанія «Orient exgress». Книга его называется «Отъ Понтуаза до Стамбула» (De Pontoise à Stambоul) и замѣчательна болѣе всего картиннымъ изображеніемъ природы, конечно, не такимъ фантастическимъ, какъ у Теофиля Готье, Шарля де Муи или Эдмонда Амьеля, въ ихъ описаніяхъ Константинополя, но все-таки достаточно прикрашенныхъ. Они даже зданія города русуютъ цвѣта розоваго, радужнаго и блѣдно-желтаго, тогда какъ они только бѣлы и сѣры. Книга кореспондента «Times» носитъ названіе «Поѣздка въ Константинополь» (Une course à Constantinople), и авторъ ея, не увлекаясь лирическими преувеличеніями, говоритъ обо всемъ тономъ скептическаго юмориста, но въ такихъ общихъ чертахъ, что можно подумать, будто онъ описывалъ городъ султановъ и св. Софіи сидя у себя въ кабинетѣ, что весьма возможно отъ такого, хотя и даровитаго, но не отличающагося добросовѣстностью писателя, какъ Бловицъ.

— Недавно умершій историкъ Джонъ Ричардъ Гринъ оставилъ неоконченнымъ сочиненіе: «Завоеваніе Англіи норманами» (The conquest of England). Оно издано теперь женою покойнаго, съ предисловіемъ, въ которомъ она разсказываетъ о томъ, какъ трудился Гринъ, умершій за работой (he died learning). Не смотря на то, что о томъ же предметѣ имѣются классическія сочиненія Огюстена Тьерри и Фримана, книга Грина превосходитъ ихъ глубиною наблюдательности и вѣрною, строго критическою оцѣнкою событій. Слогъ ея сжатъ и хотя не вездѣ отдѣланъ, но замѣчателенъ точностью и отсутствіемъ излишнихъ отступленій.

— Одинъ изъ учениковъ Грина, Лофтей, издалъ «Исторію Лондона» (History of London), матерьялы для которой доставила ему жена Грина, по смерти мужа. Книга имѣла такой успѣхъ, что черезъ нѣсколько недѣль потребовалось второе изданіе. Хотя объ этомъ предметѣ также писано не мало, Лофтей съумѣлъ извлечь новый интересъ изъ старыхъ хроникъ и представилъ полную и послѣдовательную картину развитія исполинскаго города. Къ книгѣ приложенъ рядъ чрезвычайно любопытныхъ картъ, изображающихъ постепенное разростаніе Лондона отъ эпохи вторженія саксовъ до послѣдняго времени.

— Исторія литературы обогатилась обширною біографіею, письмами и неизданными литературными статьями Бульвера, изданными его сыномъ, подъ заглавіемъ: The life, letters and litterary remains of Edward Bulwer, Lord Lytton, by his son. Вышли только первые два тома, заключающіе въ себѣ автобіографію писателя, журналиста, драматурга, историка, поэта, оратора, критика, государственнаго дѣятеля и свѣтскаго человѣка. Почти полстолѣтія онъ занималъ собою вниманіе интеллигентной Англіи, хотя по складу и живости ума походилъ больше на француза. Буль-

веръ, какъ литераторъ, не принадлежитъ къ числу первоклассныхъ знаменитостей, но романы его пользовались большимъ успѣхомъ, и драмы, какъ «Ришелье» и «Lady of Lyons» игрались чаще на театрѣ Англіи, чѣмъ какія либо другія произведенія. Только поэтъ онъ былъ плохой и поэтому больше всего дорожилъ своими стихотвореніями. Когда въ послѣднее время туристы и аристократы упрекали правительство Англіи въ томъ, что оно сдѣлало поэта Теннисона лордомъ и перомъ за его литературныя заслуги, то позабыли, что и Бульверу было дано то же званіе. Конечно, Бульверъ былъ въ то же время и государственнымъ дѣятелемъ, но заслуги его на этомъ поприщѣ гораздо меньше, чѣмъ въ литературѣ. Получивъ перство, онъ сдѣлался консерваторомъ и строго поддерживалъ прерогативы своего званія. Въ этомъ отношеніи, да и въ литературномъ также, по его слѣдамъ идетъ его біографъ и сынъ, лордъ Литтонъ, бывшій генералъ-губернаторомъ Индіи въ министерство тори и пишущій стихи и романы подъ псевдонимомъ Овенъ Мередитъ. Автобіографія самого Бульвера имѣетъ мало общаго интереса и оканчивается въ вышедшихъ томахъ 1837 годомъ. Въ ней онъ говоритъ о своей первой любви, называемой англичанами телячьею (calf love), о томъ, что онъ говорилъ стихами, еще не умѣя писать; о своихъ первыхъ произведеніяхъ: исторіи Аѳинъ, двухъ большихъ поэмахъ, одной драмѣ и двѣнадцати романахъ, между которыми «Пельгамъ» уничтожилъ, по его мнѣнію, гибельную и модную страсть, господствовавшую въ кругу молодежи того времени—хвастать своими пороками въ подражаніе Байрону. Дальнѣйшіе томы этой книги о Бульверѣ будутъ, конечно, болѣе интересны.

— Другая книга біографическаго содержанія: «Жизнь лорда Линдгурста по письмамъ и бумагамъ, находящимся въ его семействѣ» (A life of lord Lyndhurst, from letters and papers in possession of his family) издана съ цѣлью возстановить репутацію этого государственнаго дѣятеля. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія лордъ-канцлеръ Кампбель издалъ жизнеописанія лордовъ-канцлеровъ. Строгій и желчный ригористъ, Кампбель сдѣлалъ весьма нелестные отзывы о своихъ предшественникахъ и преемникахъ въ званіи лорда-канцлера. Лордъ Брумъ, зная, что Кампбель пишетъ его біографію, представилъ заранѣе въ своихъ запискахъ опроверженіе всѣхъ темныхъ сторонъ своей жизни и всѣхъ клеветъ, какія могъ возвести на него біографъ. Линдгурстъ, умирая, писалъ, что Кампбель будетъ говорить объ немъ «съ завистью, ненавистью, злобою и полнымъ отсутствіемъ всякой справедливости, потому что—такова его натура». Но Линдгурстъ не позаботился въ то же время представить какіе либо документы о своей политической дѣятельности, и Кампбель изобразилъ его въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Книга его возбудила негодованіе въ административныхъ сферахъ, но никто не опровергалъ ее и теперь этотъ трудъ взялъ на себя Теодоръ Мартинъ, въ названномъ выше сочиненіи. Линдгурстъ, какъ консерваторъ, былъ противникъ избирательной и ирландской реформы, возставалъ въ парламентѣ противъ Россіи во время крымской войны и противъ Италіи, когда она боролась за свое освобожденіе; поэтому ему трудно симпатизировать, но Мартинъ доказываетъ, что Кампбель, приводя его парламентскія рѣчи, умышленно искажалъ ихъ, увѣренный, что никто не будетъ справляться съ подлинными актами, а это уже не литературный, а гражданскій подлогъ и обнаруженіе такихъ фактовъ лежитъ на обязанности всякаго честнаго человѣка. Линдгурстъ былъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ даро-

витый и остроумный. Когда ему сказали, что г-жа Жанлисъ до того нравственна, что даже въ своей библіотекѣ сочиненія дамъ ставитъ на особой полкѣ отъ сочиненій мужчинъ, онъ замѣтилъ: «вѣроятно, она не желаетъ, чтобы эти сочиненія размножились».

— Въ то время, когда ирландцы, взрывая англичанъ динамитомъ, доказываютъ, что они — варвары, въ сочиненіяхъ противъ Англіи, въ Лондонѣ вздумали издать старинное сочиненіе объ Ирландіи, появившееся въ 1581 году и представляющее ее въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ. Оно носитъ названіе: «Изображеніе Ирландіи съ открытіемъ лѣсныхъ бродягъ» (The image of Ireland with a discoverie of Woodkarne). Эта странная, любопытная и рѣдкая книга, напечатанная готическимъ шрифтомъ, представляетъ, дѣйствительно, мрачную картину ирландскаго варварства, но изъ нея же видно, помимо воли автора, Джона Деррика, что и англичане въ то время отличались хищничествомъ и алчностью. Во всякомъ случаѣ, это очень интересная картина борьбы двухъ сосѣднихъ странъ въ XVI вѣкѣ.

— Въ офиціальныхъ и большесвѣтскихъ кружкахъ произвела впечатлѣніе книга какого-то графа Поля Васили: «Берлинское общество» (La société de Berlin). Книга эта, какъ сочиненіе Тиссо, запрещена въ Пруссіи, гдѣ не любятъ, чтобы, отзываясь даже съ похвалою о высокопоставленныхъ лицахъ, находили въ нихъ хоть какіе нибудь недостатки, свойственные всему человѣчеству. Авторъ, очевидно, псевдонимъ, напоминаетъ стараго дипломата, любящаго давать совѣты, сплетничать, высказывать докторальнымъ тономъ избитыя истины, но въ то же время, по своему положенію въ свѣтѣ, знающаго закулисную сторону мелкихъ случаевъ придворной и административной жизни и сообщающаго объ нихъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, характеризующихъ современное общество между множествомъ ни для кого не любопытныхъ подробностей. Подъ формою писемъ и совѣтовъ молодому дипломату, причисленному къ составу берлинскаго посольства, графъ Васили читаетъ своему другу курсъ о томъ обществѣ, въ которое онъ долженъ войти, описывая королевскую фамилію, принцевъ и принцесъ, парламентъ, дворъ, приближенныхъ императрицы, канцлера, союзный совѣтъ, министерство, политику Пруссіи, Виндгорста и католиковъ, Бебеля и соціалистовъ, Мольтке, Мантейфеля, генерала Камеке, Блейхредера, финансовыхъ тузовъ и пр. Портреты императора и императрицы, кронпринца, его супруги и сына довольно вѣрны и не представляютъ сплошнаго панегирика. Любопытны также свѣдѣнія о графинѣ Шлейницъ, о большомъ свѣтѣ въ Берлинѣ, о Штекерѣ и еврейскомъ вопросѣ, о дипломатическомъ корпусѣ, буржуазіи, артистахъ и ученыхъ, о печати и газетахъ, о Бисмаркѣ, — однимъ словомъ, обо всемъ, что въ послѣднее десятилѣтіе играло преобладающую роль въ политической исторіи Европы.

— Библіографическое общество въ Парижѣ, издающее совершенно напрасно множество благочестивыхъ брошюрокъ въ защиту католической церкви, обращается по временамъ къ своему прямому назначенію и обнародовало недавно «Мемуары Жака Шастене, владѣтеля Пюисегюра», подъ общимъ заглавіемъ: «Войны царствованія Людовика XIII и малолѣтство Людовика XIV» (Les guerres du règne de Louis XIII et de la minorité de Louis XIV. Mémoires de Jacques de Chastenet seigneur de Puységur). Эти записки обнимаютъ собою всю первую половину XVII вѣка и написаны старымъ солдатомъ, воевавшимъ съ 1617 года. Онъ былъ въ то же время королевскимъ мажордомомъ и его обязанностью было устраивать полки передъ

сраженіемъ. Во время фронды онъ оставался вѣренъ партіи двора и потомъ участвовалъ въ тридцатилѣтней войнѣ. По заключеніи мира, онъ вышелъ въ отставку и началъ писать свои записки въ 1677 году. Появились онѣ въ свѣтъ въ первый разъ черезъ восемь лѣтъ по смерти его, въ 1690 году, и перепечатанныя въ Амстердамѣ, сдѣлались вполнѣ библіографическою рѣдкостью. Теперь Тамизе де Ларокъ издалъ ихъ снова въ свѣтъ съ многочисленными и полезными примѣчаніями. Записки лица, бывшаго очевидцемъ и участникомъ самой бурной эпохи французской исторіи, конечно, представляютъ большой интересъ.

— За нѣсколько времени до появленія въ свѣтъ записокъ королевы Викторіи о своей жизни въ Бальморалѣ и о своемъ камердинерѣ, о которыхъ мы говорили въ прошлой книжкѣ «Историческаго Вѣстника», Огюстъ Гравенъ перевелъ съ англійскаго языка два огромные тома въ 1,100 страницъ прежнихъ записокъ королевы о ея супругѣ и издалъ ихъ подъ названіемъ: «Принцъ Альбертъ Саксенъ Кобургскій, супругъ королевы Викторіи, по ихъ письмамъ, журналамъ, мемуарамъ и пр.» (Le prince Albert de Saxe Cobourg, époux de la regne Victoria d'aprés leur lettres, journaux, memoires etc.). Въ подлинникѣ эта біографія, составленная Теодоромъ Мартиномъ, занимаетъ пять огромныхъ томовъ и заключаетъ въ себѣ всю политическую исторію двадцатилѣтняго сожительства супруговъ. Тутъ помѣщены описаніе ихъ путешествій, офиціальныхъ праздниковъ и пріемовъ, ихъ переписка, интимная жизнь и пр.; но во всемъ этомъ очень мало новаго и все это извѣстно изъ записокъ барона Штокмара, изданныхъ Сенъ-Рене Тальяндье, подъ заглавіемъ: «Король Леопольдъ и королева Викторія». Штокмаръ былъ докторомъ и совѣтникомъ молодого принца Леопольда, предназначавшагося сначала въ мужья Викторіи (Обѣ эти личности представлены въ ихъ настоящемъ свѣтѣ въ «Запискахъ Каролины Бауеръ», разобранныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 года). Когда Леопольдъ сдѣлался бельгійскимъ королемъ, а племянникъ его женился на королевѣ Викторіи, Штокмаръ былъ отправленъ въ Англію, въ качествѣ совѣтника молодого супруга, и оставался при немъ до его смерти. Вліяніе его видно въ запискахъ королевы, относившейся къ нему съ особеннымъ уваженіемъ въ виду услугъ, оказанныхъ имъ саксенъ-кобургскому и англійскому дому. Сокративъ книгу Мартена въ два тома, которыхъ все еще очень много для изображенія личности, не отличавшейся никакими особенными достоинствами, французскій переводчикъ выдвинулъ впередъ личность Викторіи—сентиментальной, какъ обитательницы береговъ Рейна, называющей своего мужа въ письмахъ «мой ангелъ, мое единственное сокровище» и считающей себя недостойною обладать такимъ совершенствомъ созданія. И этимъ совершенствомъ принцъ Альбертъ подавляетъ читателя. Хорошій мужъ, прекрасный садовникъ, собиратель насѣкомыхъ и автографовъ, онъ ненавидитъ Францію и не любитъ Россію. Въ книгѣ можно найти много любопытныхъ подробностей объ историческихъ событіяхъ того времени въ виндзорскомъ замкѣ, гдѣ жилъ Альбертъ и гдѣ происходило столько трагедій со времени Вильгельма-Завоевателя, въ эпоху Эдуарда III, Генриха VIII, Елизаветы и Кромвеля. Паркъ этого стараго замка былъ свидѣтелемъ идиллій съ того времени, когда въ немъ бродилъ Шекспиръ и до той поры, когда въ немъ поселились Альбертъ и Викторія.

— Изъ большихъ историческихъ трудовъ въ Германіи продолжали выходить: «Обнародованія королевско-прусскаго государственнаго архива» (Publi-

cationen aus der Königlich-Preussischen Staatsarchiven), томъ IV, заключающій въ себѣ сношенія Пруссіи съ католическою церковью, начиная съ 1640 года. Тутъ помѣщено очень много важныхъ документовъ, въ особенности относящихся къ перепискѣ Фридриха II съ аббатомъ Чіофани, его агентомъ въ Римѣ. Аббату дано было чрезвычайно деликатное порученіе къ папѣ: требовалось, чтобы онъ уменьшилъ число католическихъ праздниковъ, справляя которые, католическіе подданные Фридриха теряли добрую половину рабочаго года. Потомъ надо было убѣдить папу, чтобы онъ, входя въ письменныя сношенія съ королемъ, давалъ ему тѣ же титулы, какъ и католическимъ государямъ, отчего упорно отказывались всѣ папы, считая Пруссію еретическою державою. Надо видѣть въ письмахъ Чіофани, какъ папа, со слезами на глазахъ, увѣряетъ короля въ дружбѣ къ нему и въ симпатіи къ Пруссіи — и все-таки не уступаетъ. Non possumus. Фридрихъ сердится, угрожаетъ, папа оправдывается, объясняется; но это нисколько не подвигаетъ дѣла. Тутъ же есть письма короля къ Вольтеру, въ которыхъ онъ, смѣется надъ святымъ Кукузиномъ, и пр. Не смотря на его офиціальность, изданіе читается съ большимъ интересомъ.—«Историческихъ памятниковъ Германіи» (Monumenta Germaniae historica) вышелъ XIV томъ, относящійся, какъ и предъидущій, къ мѣстной исторіи и заключающій въ себѣ Gesta episcoporum или abbatum. Онъ начинается съ X вѣка, особенно обиленъ документами XII и оканчивается эпохой Гогенштауфеновъ. Большая часть документовъ въ первый разъ являются въ печати и текстъ ихъ тщательно свѣренъ съ рукописями (какъ бумаги Трирскаго епископства), монастырей Пфальцена и Эрена, XI вѣка и др. Кромѣ документовъ, прямо касающихся Германіи, встрѣчаются памятники и другихъ странъ: Венеціи—Chronicon Altinate и венеціанскіе анналы 1195 года, исторія венеціанскихъ герцоговъ (Historia ducum veneticorum) отъ 1102 по 1178 годъ, хроника Юстиніана (Chronicon Justiniani) 1229 года и др.—«Фамильные законы владѣтельныхъ нѣмецкихъ княжескихъ домовъ» (Hausgesetze der regierenden deutschen Fürstenhäuser), томъ III. Это изданіе подвигается впередъ чрезвычайно медленно. Первый томъ его вышелъ въ 1862 году. Составитель его, Германъ Шульце, съ большимъ тщаніемъ собираетъ важные документы. составляющіе предметъ изданія. Въ этомъ томѣ помѣщена настоящая исторія частнаго права Гогенцоллерновъ и превосходное резюме развитія этого дома.

— По части исторіи искусствъ вышло два замѣчательныхъ сочиненія. «Духъ Микель-Анджело» (La mente di Michelangiolo) Давида Леви. Это полный синтезъ духовной и интеллектуальной личности. Авторъ начинаетъ съ изученія грандіознаго произведенія Микель-Анджело—Сикстинской капеллы, причемъ рисуетъ политическое, соціальное и умственное значеніе его эпохи. Затѣмъ онъ разбираетъ его какъ частнаго, семейнаго человѣка и гражданина, о которомъ Викторія Колонна говорила, что не знаетъ, чему болѣе удивляться въ немъ: человѣку или художнику, его произведеніямъ или характеру. Въ третьей части своего труда Леви знакомитъ съ Микель-Анджело, какъ съ поэтомъ и мыслителемъ, разбирая его съ философской, артистической и исторической точки зрѣнія.—Другой трудъ представляетъ біографія Лоренцо Медичи (Lorenzo de Medici il Magnifico). Это уже второе изданіе книги Альфреда фонъ-Реймонта, вышедшее въ 1874 году. Съ тѣхъ поръ были обнародованы письма секретарей и бумаги Лоренцо, и авторъ воспользовался ими, чтобы пополнить свой прекрасный историческій трудъ, составленный имъ во Флоренціи по новымъ документамъ.

— Длинный рядъ историческихъ сочиненій, относящихся къ польскому возстанію 1831 года, недавно пополнился трудомъ Станислава Баржиковскаго, «посла остроленскаго, члена народнаго правительства, кавалера креста virtuti militari», какъ значится въ заголовкѣ книги. Эта «Исторія ноябрьскаго возстанія», приготовленная къ печати уже не авторомъ, а нѣкіимъ г. Аеромъ, появилась на свѣтъ пока только въ количествѣ двухъ томовъ и доведена до описанія Гроховской битвы, которою кончается второй томъ.

Благодаря довольно изобильной литературѣ событія, отстоящаго отъ насъ уже болѣе, чѣмъ на полвѣка, въ вышедшихъ до сихъ поръ частяхъ книги г. Баржиковскаго историкъ не найдетъ чего либо особенно новаго, кромѣ нѣкоторыхъ его личныхъ воспоминаній и военныхъ воззрѣній, напримѣръ, относительно Гроховской битвы, за дурныя распоряженія по которой упрекали, какъ извѣстно, генерала Хлопицкаго, бывшаго «диктатора». Авторъ показываетъ, что польская армія была крайне ослаблена потерями предшествующихъ дней, такъ что нельзя было и думать ни о наступательномъ движеніи, ни объ отдѣленіи части арміи противъ корпуса князя Шаховскаго. Единственный упрекъ польскимъ вождямъ, по мнѣнію автора, можно сдѣлать за то, что они не озаботились привести въ болѣе выгодное для себя положеніе поле битвы, что не было сдѣлано шанцевъ, засѣкъ, которыя бы затруднили атаку русской кавалеріи. Хлопицкій вообще авторомъ ставится на пьедесталъ: потеря сраженія приписывается отчасти именно «той гранатѣ, которая его ранила и свалила съ коня», затѣмъ, главнымъ образомъ, невыполненію приказовъ Хлопицкаго Круковецкимъ и Лубенскимъ. Не упущено изъ виду авторомъ и вредное для польскаго дѣла раздвоеніе командованія между Хлопицкимъ и неспособнымъ Радзивилломъ.

Что касается политической стороны возстанія и его причинъ, то здѣсь, на-ряду съ общеизвѣстными фактами, найдется кое-что новое. Сюда относятся старанія диктатора Хлопицкаго, до открытія еще военныхъ дѣйствій, завязать сношенія съ петербургскимъ дворомъ при посредствѣ берлинскаго кабинета, чрезъ разныхъ лицъ, какъ-то: прусскаго генеральнаго консула въ Варшавѣ, Шмидта, и графа Эдуарда Рачинскаго въ Познани. Эти переговоры, не обѣщавшіе сами по себѣ особаго успѣха, привели лишь къ неловкому положенію всякихъ прусскихъ посредниковъ, когда польскій сеймъ 25-го января 1831 года, въ порывѣ самообольщенія, провозгласилъ «низложеніе» своего конституціоннаго короля. Авторъ порицаетъ этотъ необдуманный актъ, называетъ его результатомъ тщеславія и закулисной женской интриги, политически вреднымъ, такъ какъ силы матеріальной это ни на волосъ не прибавило полякамъ, а пути соглашенія съ Россіей были безвозвратно порваны...

Въ политическомъ отношеніи любимымъ героемъ автора оказывается Адамъ Чарторыскій. Это, конечно, можетъ подлежать спору съ разныхъ сторонъ, да оно и не удивительно, такъ какъ большому спору подлежитъ, съ польской точки зрѣнія, и политическая цѣлесообразность самаго возстанія. Всякія недоразумѣнія могли быть улажены посредствомъ переговоровъ и депутацій въ Петербургѣ, пока пути къ этому не были еще отрѣзаны. Истинной причиной возстанія было — страстное желаніе независимости Польши, помимо всякихъ претензій и жалобъ на русское правительство. Авторъ разсматриваемой книги старается всѣми мѣрами оправдать инсуррекціонныя власти отъ обвиненія въ ошибкахъ, но встрѣчаетъ возраженія даже со стороны польскихъ рецензентовъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Суесловъ Водынинъ.

Всѣмъ, конечно, извѣстна недавняя исторія пермскаго расколоучителя Пушкина, бывшаго долгое время въ Соловецкомъ монастырѣ и нынѣ доживающаго свои дни въ одномъ изъ городовъ остзейскаго края. Пушкинъ остался непреклоннымъ и неисправимымъ, но другія лица въ той же пермской губерніи были исправлены и объ одномъ изъ таковыхъ здѣсь предлагается разсказъ.

Въ 1868 году, Филипповское волостное правленіе, Кунгурскаго уѣзда, представило приставу 1-го стана крестьянина Василья Иванова Водынина и при этомъ донесло, что Водынинъ отказывается отъ платежа податей и не признаетъ надъ собой верховной и другихъ властей. Объ этомъ началось уголовное дѣло.

При дознаніи, произведенномъ становымъ приставомъ, государственный крестьянинъ деревни Шубиной, Филипповской волости, Василій Ивановъ Водынинъ говорилъ то же самое, что и Пушкинъ и иные кривотолки, дѣлающіе изъ словъ св. писанія самыя наивныя, но неудобныя въ государственномъ смыслѣ теоріи. Водынинъ сталъ разсказывать, что онъ «за первую половину года государственныя подати въ количествѣ 6 рублей 70 копѣекъ сер. не заплатилъ и платить ихъ не станетъ, потому что платежъ податей считаетъ душегубнымъ и противнымъ священному писанію».—«О томъ, что податей не слѣдуетъ платить онъ начиталъ нѣчто въ книгѣ Мефодія Пацкаго, но у кого именно читалъ эту книгу—онъ не скажетъ, а у него у самого такой книги нѣтъ. Ни верховной власти государаря императора, ни какихъ другихъ властей надъ собою онъ не признаетъ. По раскольническому писанію (?!) подати требуетъ не царь, а антихристъ; слѣдовательно, если,—какъ ему сказали въ волостномъ правленіи, — подати собираетъ царь, то онъ и есть антихристъ, потому что никакого царя, ни царства нѣтъ, а если бы былъ царь, то мы (?!) тоже должны царствовать. Въ расколѣ онъ состоитъ лѣтъ пятнадцать, а до тѣхъ поръ былъ въ православіи. Кто его совратилъ въ расколъ — того не помнитъ. Писанію раскольническому (?) онъ научился у неизвѣстныхъ лицъ, которыхъ назвать не сможетъ».

Водынинъ былъ посаженъ въ тюрьму, а дознаніе о немъ передано судебному слѣдователю 1-го участка Кунгурскаго уѣзда. Въ то же время въ домѣ Водынина былъ произведенъ обыскъ, причемъ были найдены: псалтирь, молитвословъ и тринадцать писанныхъ листовъ; всѣ эти книги и листы были взяты и «пріобщены къ дѣлу».

Окончивъ дознаніе, слѣдователь представилъ дѣло о Водынинѣ губернскому прокурору, а прокуроръ—губернатору, губернаторъ же, «на основаніи высочайшаго повелѣнія, изъясненнаго въ циркулярномъ предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16-го ноября 1850 года за № 709»—препроводилъ все въ III-е Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи. При этомъ губернаторъ высказалъ такое мнѣніе, что «въ виду фанатическаго увлеченія крестьянина Водынина, могущаго вредно вліять на другихъ, представлялось бы необходимымъ удалить его изъ Пермской губерніи».

Генералъ Мезенцевъ, который за отсутсвіемъ шефа жандармовъ, управлялъ III-мъ Отдѣленіемъ, съ своей стороны препроводилъ дѣло о Водынинѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанту Тимашеву, а последній, по разсмотрѣніи, возвратилъ это дѣло обратно къ Пермскому губернатору, причемъ между прочимъ писалъ: «имѣя въ виду, что выраженія противъ священной особы государя императора въ настоящемъ случаѣ имѣютъ своимъ началомъ раскольническій фанатизмъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство дать этому дѣлу дальнѣйшее движеніе, въ порядкѣ установленномъ 585 ст. Свод. Зак. т. XV кн. I, изд. 1867 года».

Далѣе министръ писалъ: «независимо отъ сего, усматривая изъ первоначальнаго допроса, сдѣланнаго крестьянину Водынину Филипповскимъ волостнымъ правленіемъ по поводу неплатежа имъ государственныхъ податей, что волостной старшина дозволилъ себѣ неумѣстные вопросы, явно вызвавшіе Водынина, какъ раскольника-фанатика, въ произнесенію вышеупомянутыхъ дерзкихъ словъ, я прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время въ подобныхъ случаяхъ руководствовались извѣстною вамъ изъ циркуляра предмѣстника моего отъ 24-го января 1862 года за № 3 инструкціею, данною бывшимъ министромъ юстиціи подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ и лицамъ».

Вслѣдствіе этого предложенія, копія съ циркуляра 1862 года № 3 была сообщена губернаторомъ всѣмъ исправникамъ, при чемъ имъ поставлено было на видъ, чтобы «при производствѣ дознаній о раскольникахъ ограничиваться приведеніемъ въ извѣстность къ какой сектѣ принадлежатъ допрашиваемые и отнюдь не предлагать имъ вопросовъ, касающихся самаго существа ихъ ученія, въ особенности же мнѣнія ихъ о государѣ императорѣ».

Дѣло о Водынинѣ было передано въ пермскій уѣздный судъ. Книги, отобранныя у него при обыскѣ, были возвращены ему, за исключеніемъ «листовъ», которые были назначены «къ уничтоженію». Но что̀ содержали въ себѣ эти «листы» намъ, къ сожалѣнію, не удалось узнать.

Просидѣвъ около года въ тюрьмѣ, Водынинъ подаетъ губернатору прошеніе, въ которомъ выражаетъ свое раскаяніе и желаніе присоединиться къ православію. Прошеніе это писано рукою кунгурскаго миссіонера протоіерея Евфимія Веселовскаго.

Признавая себя виновнымъ какъ въ неплатежѣ податей, такъ и въ отрицаніи властей, Водынинъ въ прошеніи своемъ заявляетъ: «въ основѣ той и другой вины было главнымъ образомъ уклоненіе мое въ секту перекрещен-

цовъ; нынѣ-же, вполнѣ сознавъ свое заблужденіе, я чистосердечно раскаялся въ своемъ заблужденіи и изъявилъ чистосердечное желаніе состоять въ недрахъ православной церкви неуклонно и исполнять всѣ христіанскія обязанности неупустительно, въ чемъ, по исповѣданіи своихъ согрѣшеній, и далъ подписку кунгурскому отцу миссіонеру, копія съ которой при семъ прилагается».

Затѣмъ Водынинъ мотивируетъ причину своего раскаянія. «Оставленный мною духъ поморства принесъ мнѣ уже достаточно зла, разстроивъ мое хозяйство и подвергнувъ тюремному заключенію. Сознавши вполнѣ зловредность этого духа, въ настоящее время я болѣе его не питаю и далъ уже обязательство не уклоняться болѣе отъ св. церкви».

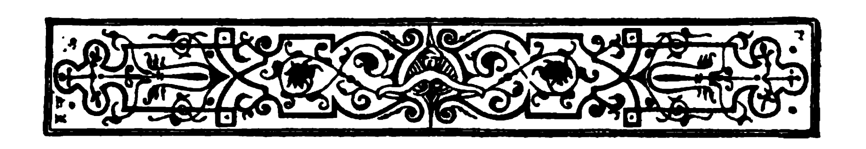
Прошеніе заканчивается слѣдующимъ образомъ: «въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла моего предавая себя правосудію законовъ и высочайшей милости августѣйшаго монарха, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство впредь до окончательнаго рѣшенія дѣда обо мнѣ, которое представлено въ Правительственный Сенатъ, отдать меня на поручительство односельчанъ моихъ. О послѣдующемъ по сему распоряженіи вашего превосходительства наградить меня установленнымъ объявленіемъ».—Прошеніе «своеручно» подписано Водынинымъ («потъписуюсь»).

Самое «обязательство» Водынина писано слѣдующимъ образомъ:

«1869 года мая, 19 дня, я, нижеподписавшійся, государственный крестьянинъ Пермской губерніи, Кунгурскаго уѣзда, Филипповской волости, деревни Шубиной, Василій Ивановъ Водынинъ, далъ сію подписку кунгурскому отцу миссіонеру, протоіерею Евфимію Веселовскому, при смотрителѣ тюремнаго замка, въ томъ, что я, уклонившійся въ секту перекрещенцевъ отъ св. церкви, внявъ гласу Евангелія, по увѣщанію миссіонерскому, нынѣ оставляю душепагубный расколъ и изъявляю симъ добровольно желаніе мое присоединиться въ нѣдра св. православной церкви, состоять въ приходѣ кунгурскаго благовѣщенскаго собора протоіерея Евфимія; въ ознаменованіе же моего присоединенія къ св. церкви, я исповѣдался у упомянутаго протоіерея въ 17-е число настоящаго мая. Къ сей подпискѣ своеручно и подписуюсь съ тѣмъ, чтобы исполнять неупустительно всѣ христіанскія обязанности. Крестьянинъ Василій Ивановъ Водынинъ.

Въ качествѣ свидѣтеля къ обязательству «приложилъ руку»... смотритель того тюремнаго замка, гдѣ Водынинъ томился за свои мнѣнія, но гдѣ от. Веселовскій довелъ его до убѣжденія въ его долголѣтнихъ и упорныхъ заблужденіяхъ.

Сообщено А. С. Пругавинымъ.



СМѢСЬ.

Полуторавѣковой юбилей Дмитревскаго. 28-го февраля исполнилось полтора столѣтія со дня рожденія знаменитаго русскаго актера Ивана Афанасьевича Дмитревскаго. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ самымъ скромнымъ образомъ. Мысль объ немъ не пришла ни кому въ голову: ни дирекціи театровъ, ни россійской Академіи, членомъ которой былъ покойникъ, ни литераторамъ, хотя Дмитревскій былъ также членомъ Общества любителей россійской словесности. Писателей, впрочемъ нельзя обвинять въ томъ, что они не сговорились отпраздновать этотъ день—имъ негдѣ даже собраться, чтобы потолковать о дѣлахъ литературы, нѣтъ никакого центра, не говоря уже о какомъ нибудь клубѣ, обществѣ или о чемъ нибудь подобномъ. Литературный фондъ только выдаетъ пособія, тому или другому изъ среды уже слишкомъ проголодавшейся пишущей братіи, но общество наше до сихъ поръ еще не признаетъ даже сословія писателей, корпораціи ихъ, какъ признаетъ напримѣръ корпорацію сапожниковъ, у которыхъ есть свой шустер-клубъ. Вспомнило о Дмитревскомъ только недавно народившееся «Петербургское Общество любителей сценическаго искусства» (Вотъ еще одна изъ аномалій русской жизни: общество любителей сцены существуетъ, а любителей литературы — нѣтъ) и устроило панихиду на могилѣ Дмитревскаго, на Волковомъ кладбищѣ, близъ церкви Спаса. На панихиду были приглашены и члены Академіи наукъ, и писатели и артисты русской драматической труппы—но на могилу явились только одинъ академикъ и четыре актера, да двое пріѣхали, когда уже всѣ разошлись. Вечеромъ того же дня, въ бывшемъ клубѣ художниковъ, а нынѣшнемъ помѣщеніи Общества любителей сценическаго искусства, состоялось торжественное собраніе, посвященное памяти покойнаго. На сценѣ былъ поставленъ бюстъ И. А. Дмитревскаго, увѣнчанный лаврами и декорированный цвѣтами. Бюстъ этотъ былъ нарочно заказанъ къ этому случаю и вышелъ весьма похожимъ. На особо поставленномъ около сцены столикѣ были положены гравюры, относящіяся ко времени и дѣятельности покойнаго. Тутъ находились портреты: Елагина (перваго директора театровъ), А. П. Сумарокова, нѣсколько портретовъ И. А. Дмитревскаго, Ѳ. Волкова (основателя театра), трагика Яковлева и другихъ знаменитыхъ современниковъ, виды театровъ, театральныхъ залъ, площадей того времени и т. п. Тутъ же лежалъ драматическій альбомъ съ рисунками Арапова, сдѣлавшійся въ настоящее время библіографическою рѣдкостью. Всѣ эти гравюры принадлежатъ къ коллекціи П. Я. Дашкова и только на этотъ день были одолжены обществу почтеннымъ собирателемъ. Собраніе открылось въ 10 часу небольшимъ словомъ, сказаннымъ товарищемъ предсѣдателя Общества любителей сценическаго искусства, объяснившимъ значеніе торжества. Лекторомъ явился В. О. Михневичъ, изложившій въ довольно

пространной рѣчи взглядъ на культурное значеніе И. А. Дмитревскаго, какъ представителя генераціи русскихъ артистовъ и основателя сценической школы, въ настоящее время, къ сожалѣнію, утратившей значеніе для современныхъ дѣятелей, предпочитающихъ играть безъ школы, какъ Богъ на душу положитъ. Правдивая рѣчь г. Михневича была покрыта рукоплесканіями. Вторымъ чтецомъ выступилъ В. П. Острогорскій, прослѣдившій въ своемъ чтеніи всѣ эпохи развитія русскаго театра и закончившій его горячимъ словомъ на пользу развитія частнаго дѣла, которое только одно можетъ двинуть впередъ искуство, смѣнившееся за послѣднее время оперетками. Чтеніе г. Острогорскаго было принято съ большимъ сочувствіемъ. Послѣднимъ читалъ П. Н. Петровъ и коснулся эпохи основанія перваго русскаго театра въ стѣнахъ кадетскаго корпуса. Рѣчь его отличалась глубокимъ знаніемъ предмета. По окончаніи чтенія былъ устроенъ небольшой ужинъ. Публики на собраніи присутствовало не болѣе 40 человѣкъ. Въ числѣ ея не было ни одного изъ выдающихся писателей и первоклассныхъ артистовъ драматической труппы. А между тѣмъ значеніе Дмитревскаго для театра такъ велико, что послѣ основателя русской сцены Ѳ. Г. Волкова, ему принадлежитъ первое мѣсто въ исторіи нашего театра. Дмитревскій—сынъ священника Дьяконова, родился въ 1736 году, въ Ярославской губерніи. Учился онъ сначала въ мѣстной семинаріи, потомъ у пастора, состоявшаго при Биронѣ, жившемъ въ то время въ Ярославлѣ. Познакомившись съ актеромъ Волковымъ, считающимся основателемъ русскаго театра, Дьяконовъ вступилъ на ярославскій театръ и игралъ женскія роли, подъ фамиліею Нарыкова. Когда императрица Елизавета Петровна узнала объ ярославскомъ театрѣ, то всю тамошнюю труппу перевела въ Петербургъ. Нарыковъ игралъ здѣсь въ первый разъ Оснельду, въ трагедіи Сумарокова, «Хоревъ», въ 1752 году. Сама государыня «убирала» его къ этой роли, причемъ сказала: Ты похожъ на польскаго графа Дмитревскаго, а потому я хочу, чтобы ты принялъ его фамилію». Съ тѣхъ поръ Нарыковъ сталъ называться Дмитревскимъ. По смерти Волкова, онъ, для усовершенствованія въ сценическомъ искусствѣ, въ 1765 году отправился во Францію и Англію. При посредствѣ И. Шувалова, онъ познакомился съ лучшими актерами того времени, между прочимъ, и съ Лекеномъ, съ которымъ свелъ тѣсную дружбу; съ нимъ онъ ѣздилъ въ Лондонъ, гдѣ познакомился съ Гаррикомъ. Въ Парижѣ Дмитревскій игралъ роль Замора въ «Альзирѣ», на домашнемъ театрѣ герцога Вильроа. По возвращеніи изъ-заграницы, онъ вышелъ въ первый разъ на придворномъ театрѣ въ роли Синава и поразилъ всѣхъ необыкновеннымъ талантомъ, усовершенствованнымъ наставленіями Лекена и Гаррика. Съ тѣхъ поръ онъ остался украшеніемъ русской сцены, и сверхъ того занимался переводами пьесъ, помогалъ писателямъ своими совѣтами. Россійская Академія приняла его въ свои члены и въ торжественномъ ея собраніи онъ читалъ похвальное слово Сумарокову. Въ 1787 году, послѣ 38-ми лѣтней службы, онъ былъ уволенъ отъ должности актера, съ пенсіей въ 2,000 рублей въ годъ. Послѣ того онъ оставался еще 8 лѣтъ инспекторомъ театральной школы. Въ 1797 году, Дмитревскій, по волѣ Павла I, игралъ на придворномъ театрѣ Дмитрія Самозванца, за что удостоился получить золотую, усыпанную бриллiантами табакерку. Въ послѣдній разъ Дмитревскій игралъ 30-го августа 1812 года, въ драмѣ Висковатова «Всеобщее Ополченіе». Публика приняла почтеннаго старца съ неописаннымъ восторгомъ. Въ концѣ 1817 года, Дмитревскій хотѣлъ еще разъ выдти на сцену въ представленіи, назначенномъ въ пользу семейства славнаго воспитанника его Яковлева, но внезапная болѣзнь, происшедшая отъ слишкомъ сильнаго волненія, не позволила ему выдти передъ публикой. Онъ скончался въ Петербургѣ 27-го октября 1821 года; Россійская Академія воздвигла надъ прахомъ его памятникъ на счетъ суммы, вырученной съ представленія, даннаго для этой цѣли театральною дирекціею. Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны: похвальное слово Сумарокову (1807), разныя стихотворенія, напечатанныя въ «Трудолюбивой пчелѣ»; имъ переведена на русскій языкъ трагедія «Беверлей» (1773) и передѣланы на русскіе нравы комедіи: «Раздумчивый» (1778), «Демокритъ», «Лунатикъ» и одинъ томъ путешествія Анахарсиса; также переведены оперы: «Антигона» (1772), «Армида» (1774), «Діанино древо» и «Рѣдкая вещь» (1792). Онъ написалъ еще аллегорическій прологъ «Непостижимость судьбы» на освобожденіе отъ болѣзни ве-

ликаго князя Павла Петровича (1772) и перевелъ поэму Томсона «Четыре времени года» (2-е изданіе 1803). Ему принадлежатъ также краткія, но полезныя для исторіи литературы свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ XVIII вѣка, напечатанныя сначала по-нѣмецки въ Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften (1768) потомъ въ Essai sur la littérature russe (1774). Переводъ М. И. Михайлова помѣщенъ въ «Библіографическихъ запискахъ» 1861 года № 20 и изданъ П. А. Ефремовымъ въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» (1867). Наконецъ Дмитревскій написалъ «Исторію русскаго театра», которая пропала въ Академіи Наукъ, куда она была представлена авторомъ.

Семидесятипятилѣтній юбилей Петербургской духовной академіи. 4-го марта, самымъ скромнымъ образомъ петербургская духовная академія отпраздновала 75-лѣтній юбилей своего существованія. Какъ школа, духовная академія существуетъ съ 1721 года. Въ 1721 году, по повелѣнію Петра I, въ Петербургѣ при Александро-Невскомъ монастырѣ устроена была школа. Въ началѣ предполагалось дать этой школѣ практическое направленіе, такъ нравившееся Петру I. Но этому желанію преобразователя Россіи не суждено было осуществиться, и послѣ его смерти новое училище было преобразовано по образцу тогда уже существовавшихъ московской и кіевской духовныхъ коллегій, въ основѣ которыхъ лежала схоластика. Тѣмъ не менѣе потребность въ преобразованіи духовныхъ училищъ или коллегій была сознаваема всѣми, и духовная комисія въ 1775 году представляла Екатеринѣ II проектъ богословскаго факультета при Московскомъ университетѣ и предположенія о преобразованіи Московской духовной академіи, на что, спустя 11 лѣтъ, въ 1786 году, послѣдовалъ отказъ. Въ 1788 году александро-невская духовная академія была тѣмъ не менѣе переименована въ главную. Не смотря на недостатокъ способныхъ профессоровъ, изъ александро-невской коллегіи въ концѣ XVIII вѣка вышло нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ личностей, каковы, напр.: Ѳеофилактъ Русановъ, Амвросій Орнатскій, Сперанскій, Мартыновъ, Словцовъ и др. Наконецъ, въ 1809 году александро-невская коллегія была переименована въ академію и стало быть теперь праздновали только переименованіе академіи въ духовную. Въ 1814 году выработанъ былъ первый уставъ для академіи. Подъ редакціей бывшаго ректора академіи, нынѣ протопресвитера І. Л. Янышева, выработанъ былъ новый уставъ, дѣйствующій и но настоящее время. Со дня своего основанія (1809 г.) и до 1883 года с.-петербургская духовная академія (по изданнымъ отчетамъ оберъ-прокурора св. синода) выпустила изъ своихъ стѣнъ 2035 человѣкъ. Самое большое число воспитанниковъ падаетъ на 1882—83 учебный годъ, когда въ академіи было 402 учащихся, а самое меньшее на 1855—56 годъ, когда всѣхъ студентовъ въ академіи было только 87. Въ настоящее время въ академіи при 36 преподавателяхъ 387 студентовъ. Съ 1821 года при академіи издается ученый журналъ «Христіанское Чтеніе». Ко дню юбилея одинъ изъ профессоровъ академіи, при помощи академическаго архива, готовилъ окончаніе исторіи с.-петербургской духовной академіи, которая доведена г. Чистовичемъ только до 1857 года. На торжественномъ актѣ, о которомъ, какъ и о предстоящемъ юбилеѣ не были оповѣщены бывшіе питомцы академіи, присутствовали два митрополита, три архіепископа, и два епископа. Въ публикѣ было нѣсколько прежнихъ воспитанниковъ академіи; читалась историческая записка, отчетъ, нѣсколько телеграмъ, воспитанники пѣли хоромъ; одинъ преосвященный пожертвовалъ въ пользу академіи сто рублей, потомъ почетные гости закусывали у ректора, чѣмъ и окончилось торжество.

Юбилей императора Вильгельма I. 15-го (27) февраля въ Берлинѣ происходило военное торжество по случаю семидесятилѣтней годовщины со времени полученія Вильгельмомъ I русскаго ордена Георгія IV степени. Къ этому дню въ Берлинъ отправилась депутація русскихъ георгіевскихъ кавалеровъ съ фельдмаршаломъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ въ главѣ и нижними чинами Калужскаго полка, шефомъ котораго императоръ Вильгельмъ состоитъ съ 15-го февраля 1818 года и въ рядахъ котораго, на обагренномъ кровью полѣ сраженія, тогда еще очень молодой принцъ завоевалъ первый военный знакъ отличія. По уставу ордена, чтобы получить георгіевскій крестъ четвертой степени, необходимо совершить выдающійся изъ ряда вонъ подвигъ. Взглядъ на достопамятный день 15-го февраля достаточенъ для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что принцъ Вильгельмъ дѣйствительно выполнилъ это усло-

віе устава. Въ этотъ день, въ 1814 году, въ семь часовъ утра, король Фридрихъ-Вильгельмъ III, приказавъ позвать двухъ старшихъ сыновей, сказалъ имъ: «Сегодня будетъ сраженіе; поѣзжайте впередъ, я васъ догоню; не подвергайте себя безъ нужды опасности; вы меня понимаете?» Оба принца поспѣшили сѣсть на коней и поскакали къ командующему русскими войсками князю Витгенштейну. Немного спустя выѣхалъ на русскихъ полевыхъ дрожкахъ и король, который затѣмъ также сѣлъ на коня. Бой кипѣлъ изъ-за обладанія виноградниками на небольшой возвышенности. Французы занимали виноградники и упорно защищались противъ атакъ русскихъ войскъ. Сначала противъ французской позиціи двинута была русская кавалерія — это былъ кирасирскій Псковскій полкъ,—которая не достигнувъ цѣли, вынуждена была отступить, вслѣдствіе чего въ аттаку пошли два русскихъ пѣхотныхъ полка, калужскій и могилевскій, за дѣйствіями которыхъ слѣдилъ съ своего мѣста король. Одинъ изъ этихъ полковъ рвался впередъ съ особеннымъ мужествомъ и упорствомъ; съ мѣста боя уносили множество раненыхъ. Король, желая узнать названіе полка, сказалъ принцу Вильгельму: «Поѣзжай назадъ и освѣдомись, какой это полкъ и къ какому полку принадлежатъ раненые, число которыхъ такъ быстро увеличивается». Не долго думая, принцъ далъ шпоры коню и поскакалъ къ сражающимся баталіонамъ, къ виноградникамъ, откуда возвращались раненые Калужскаго полка. Появленіе подъ огнемъ молодаго прусскаго принца обрадовало солдатъ, которые съ удвоеннымъ мужествомъ бросились на непріятеля. Съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто увѣренный въ томъ, что ни одна пуля его не тронетъ, принцъ освѣдомился о названіи полка, сосчиталъ раненыхъ и затѣмъ рапортовалъ своему державному родителю обо всемъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ. Король выслушалъ молча донесеніе, ни взглядомъ, ни выраженіемъ лица не показывая, что во всемъ этомъ онъ видитъ что̀-нибудь чрезвычайное. Но въ главной квартирѣ поведеніе принца возбудило много толковъ, и императоръ Александръ рѣшилъ пожаловать принцу первый знакъ отличія, украсившій его грудь, Георгіевскій крестъ 4-й степени, который жалуется только за личные подвиги. Вслѣдъ за тѣмъ принцъ получилъ также Желѣзный крестъ. Прошло 55 лѣтъ, прежде чѣмъ полученный въ сраженіи подъ Вар-сюр-Обомъ крестъ императоръ промѣнялъ на самую высшую степень знаменитаго военнаго ордена. Въ 1869 году, въ день Георгіевскаго праздника, императоръ Александръ II пожаловалъ своему державному дядѣ орденъ св. Георгія первой степени, единственнымъ кавалеромъ котораго былъ тогда императоръ. Въ то же время императоръ Александръ сообщилъ въ присланной императору Вильгельму телеграммѣ, «что орденъ пожалованъ былъ отъ имени всѣхъ кавалеровъ и на основаніи уставовъ ордена, что всѣ кавалеры гордятся тѣмъ, что грудь прусскаго короля украшаетъ лента ордена и что король долженъ видѣть въ этомъ новое доказательство дружбы обоихъ монарховъ, дружбы, которая основана на воспоминаніи о той достопамятной эпохѣ, когда русская и прусская арміи вмѣстѣ сражались за святое дѣло».

Отчетъ Академіи Наукъ за 1883 годъ. — Изъ обнародованнаго въ прошломъ мѣсяцѣ отчета нашей Академіи мы приведемъ результаты трудовъ, входящихъ въ кругъ занятій историко-филологическаго отдѣленія и отдѣленія русскаго языка и словесности. По русской исторіи въ теченіи года кончено печатаніемъ и выпущено въ свѣтъ нѣсколько обширныхъ изданій. Такъ, довершено печатаніе записокъ, въ которыхъ митрополитъ Литовскій Іосифъ сохранилъ память объ его участіи въ дѣлѣ возсоединенія въ 1839 году уніатовъ съ православною церковью. Другое обширное изданіе Академіи—«Доклады и приговоры Сената въ царствованіе Петра Великаго», успѣшно подвигалось впередъ. Въ выпущенномъ недавно новомъ томѣ содержатся документы за вторую половину 1712 года. Благодаря ревностному собирателю документовъ по новѣйшей русской исторіи, члену-корреспонденту Н. Ѳ. Дубровину, издано обширное собраніе писемъ главнѣйшихъ дѣятелей царствованія императора Александра I. Въ связи съ значеніемъ, какое эти письма получаютъ отъ высокаго положенія ихъ авторовъ, интересъ ихъ, въ смыслѣ историческаго матеріала, тѣмъ живѣе, что они, будучи изліяніемъ интимныхъ чувствъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, ярко рисуютъ, нерѣдко помимо воли самихъ писавшихъ, такія стороны характеровъ и побужденія этихъ лицъ, которыя было бы напрасно искать въ офиціальныхъ документахъ. Въ числѣ новыхъ предпріятій на

пользу русской исторіи первое мѣсто принадлежитъ предложенному академикомъ Н. В. Калачовымъ изданію докладовъ и приговоровъ, состоявшихся въ Московской боярской думѣ, въ разныхъ приказахъ и въ учрежденіяхъ областныхъ и сельскихъ древней Россіи. Въ ожиданіи того времени, когда будетъ возможно приступить къ осуществленію означеннаго предпріятія, Академія приняла на себя издать, по предложенію г. Калачова и подъ его редакціей, доклады и приговоры двухъ приказовъ, наиболѣе важныхъ въ системѣ древне-русскаго правительственнаго строя, а именно разряда или приказа разряднаго, вѣдавшаго всѣми распорядками по государственной службѣ, и приказа помѣстнаго, имѣвшаго въ своемъ вѣдѣніи верстаніе всѣхъ служилыхъ людей помѣстьями. Изъ документовъ этихъ приказовъ, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, подъ руководствомъ академика Н. В. Калачова, изготовляются выписки, нужныя для изданія. Вниманіе изслѣдователей отечественной исторіи въ послѣднее время обращается къ XVIII вѣку, какъ къ такой эпохѣ, для изученія которой масса обнародованныхъ матеріаловъ, при всей ея значительности, еще далеко не соотвѣтствуетъ важности событій, наполняющихъ этотъ вѣкъ. Подвиги Екатерины II издавна привлекали къ себѣ Н. Ѳ. Дубровина, который употребилъ много лѣтъ на розысканіе въ разныхъ архивахъ любопытнѣйшихъ документовъ Екатерининскаго времени. Вслѣдствіе этихъ поисковъ, ему посчастливилось составить, между прочимъ, относительно присоединенія Крыма къ Россіи, такое богатое собраніе еще неизданныхъ матеріаловъ, которое по своей полнотѣ можетъ разъяснить многое въ ходѣ русской исторіи, въ періодъ времени отъ заключенія Кучук-Кайнарджійскаго мира (1774 г.) до окончательнаго присоединенія Крыма въ 1783 году. Академіей уже приступлено къ изданію этого монографическаго сборника, который составитъ не менѣе двухъ объемистыхъ томовъ. Къ тому же XVIII столѣтію относится и другой, также печатаемый нынѣ сборникъ. Содержаніемъ его будутъ протоколы засѣданій Академіи за первыя сто лѣтъ ея существованія, остававшіеся до сихъ поръ неизданными въ полномъ ихъ видѣ. По тому значенію, какое труды эти доставили Академіи не только въ исторіи науки, но и въ исторіи отечественнаго просвѣщенія, эти подлинные акты ея занятій представятъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. 19-го апрѣля 1886 года, исполнится двѣсти лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, Василія Никитича Татищева. Это обстоятельство Академія признала поводомъ принести должную дань уваженія заслугамъ перваго русскаго историка изданіемъ ко времени празднованія его юбилея по возможности полнаго собранія его сочиненій, изъ которыхъ многія остаются еще неизданными, также какъ и матеріалы для его біографіи. Изданіе это поручено гг. Калачову и Кунику. Н. А. Поповъ изъявилъ желаніе составить біографію Татищева. По отдѣлу филологіи О. Н. Бетлинъ продолжалъ печатаніе санскритскаго словаря и разобралъ одно произведеніе будистской литературы: «Исторію купца Чампака» (Чампакакаттанака). В. В. Радловъ собралъ образцы народной словесности дико-каменныхъ киргизовъ и кульджинскихъ таранчей, впервые появляющіеся въ свѣтъ. Онъ же представилъ изслѣдованіе о куманскомъ или половецкомъ языкѣ, имѣющее значительный интересъ для вопросовъ древней русской исторіи. По археологической комиссіи Л. Е. Стефани представилъ изслѣдованія о произведеніяхъ античнаго искусства, найденныхъ при раскопкахъ въ южной Россіи, и, между прочимъ, о четырехъ серебряныхъ золоченыхъ чашахъ IV и V вѣка, превосходнѣйшихъ образцахъ древняго искусства.

Отдѣленіе «русскаго языка и словесности» присудило ломоносовскую премію архимандриту Амфилохію за изданіе «Галичскаго Четвероевангелія 1144 года», замѣчательнаго памятника древне-русской письменности, родоначальника юго-западной русской письменности. На изданіе матерьяловъ для исторіи Академіи наукъ назначено 5,000 рублей ежегодно, въ теченіи трехъ лѣтъ, и отдѣленіе «надѣется вскорѣ приступить» къ печатанію ея, такъ какъ главный источникъ для этого изданія—архивъ академической канцеляріи—находится въ такомъ порядкѣ, что въ немъ нѣтъ даже описей, и чтобы найти въ немъ какія нибудь свѣдѣнія, нужно просматривать множество фоліантовъ, писанныхъ большею частью дурною скорописью XVIII вѣка. Прежде всего нужно бы, конечно, напечатать протоколы этой канцеляріи, но и ихъ нѣтъ—за многіе годы перваго періода существованія Академіи. Отдѣленіе готовитъ также руководство по

русской фонетикѣ и ореографіи Я. К. Грота. Этотъ же академикъ издалъ въ отчетномъ году IX томъ «Сочиненій Державина», въ которомъ много любопытныхъ историческихъ документовъ: новые матерьялы для исторіи «Пугачевщины» и записка академика Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III. «Штелинъ былъ домашнимъ человѣкомъ у императора и находился при немъ неотлучно въ роковые для него дни 28-го и 29-го іюня 1762 года». Г. Гротъ оканчиваетъ также изданіе сочиненій Плетнева и приготовляетъ третье изданіе своихъ «Филологическихъ розысканій». Онъ оказывается едва ли не самымъ дѣятельнымъ членомъ отдѣленія, такъ какъ кромѣ того напечаталъ: «Замѣчанія о взаимномъ отношеніи нѣкоторыхъ славянскихъ и скандинавскихъ словъ» («Филологическія записки», издаваемыя въ Воронежѣ), «Императоръ Іосифъ II въ Россіи» («Русская Старина»), разборъ «Основаній фонетики» Сиверса («Журналъ Мин. Народ. Просвѣщенія»), разборъ «Исторіи русской литературы» Смита, на датскомъ языкѣ («Сборникъ II отдѣл.»). Онъ сотрудничалъ также въ шведскомъ энциклопедическомъ словарѣ «Nordisk Familiebok». А. Н. Веселовскій издалъ продолженіе «Розысканій въ области русскаго духовнаго стиля» и изслѣдованій о «южно-русскихъ былинахъ» («Записки Академіи», гдѣ печатались также «замѣтки по литературѣ и народной словесности» и, между прочимъ, комментаріи къ старой русской повѣсти «О Василіи королевичѣ Златовласомъ, чешскія земли», недавно открытой). И. В. Ягичъ издалъ замѣчательный памятникъ древне-славянской письменности «Маріинское четвероевангеліе» глаголическаго письма конца X или начала XI вѣка; въ приложеніи помѣщены обширныя изслѣдованія палеографическихъ, грамматическихъ и другихъ особенностей памятника. Г. Ягичъ продолжалъ также изданіе своего «Архива славянской филологіи». Готовятся также къ печати очерки жизни и научной дѣятельности А. В. Викторова, составляемые А. Ө. Бычковымъ и слѣдующій томъ исторіи Россійской Академіи, — продолженіе почтеннаго труда М. И. Сухомлинова.

Памятникъ старообрядцу. — Перваго марта, въ день памятный Россіи по утратѣ императора Александра II, на старообрядческомъ Громовскомъ кладбищѣ, въ присутствіи собравшихся прихожанъ-старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, происходило скромное торжество открытія надгробнаго памятника своему прихожанину, служившему въ конвоѣ казаку Александру Матвѣевичу Маленчеву, погибшему при исполненіи своей обязанности во время взрыва, брошеннаго злодѣйскою рукою снаряда подъ экипажъ государя, перваго марта 1881 года. Памятникъ, стоившій 1,500 рублей, сооруженъ на средства старообрядческаго общества. Онъ представляетъ сѣрую мраморную скалу съ водруженнымъ на ней восьмиконечнымъ крестомъ; кругомъ памятника поставлены четыре тумбы, тоже съ восьмиконечными крестами, соединенныя цѣпями; на памятникѣ высѣчена выпуклыми буквами соотвѣтствующая надпись съ подписью: «Старообрядцы».

† 8-го марта скончался генералъ-адъютантъ графъ **Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ.** Не взирая на свои очень преклонныя лѣта — ему было 93 года — покойный до минувшей осени пользовался относительно хорошимъ здоровьемъ. Онъ родился въ 1791 году. Отецъ его въ Выборгѣ командовалъ батальономъ (изъ него впослѣдствіи былъ сформированъ выборгскій пѣхотный полкъ и графъ былъ его шефомъ). Оставшись вдовою, мать покойнаго была назначена воспитательницей дѣтей императора Павла. Благодаря этому, произошло дружеское сближеніе между молодымъ Адлербергомъ и великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Въ 1806 году Адлербергъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, откуда выпущенъ въ офицеры въ 1811 году въ литовскій полкъ (изъ него составлены два полка: московскій и литовскій. Адлербергъ состоялъ въ пятой ротѣ стараго литовскаго полка, которая вошла въ составъ московскаго. Поэтому впослѣдствіи покойный былъ пожалованъ шефомъ пятой роты московскаго полка). Служа въ литовскомъ полку, Адлербергъ принималъ участіе въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. При восшествіи на престолъ, Николай I приблизилъ къ себѣ своего друга дѣтства и быстро отличилъ его. Въ 1828 году Адлербергъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ (онъ, слѣдовательно, прожилъ въ этомъ званіи пятьдесятъ пять лѣтъ) и сопровождалъ императора въ турецкую кампанію 1828 года. Четыре года спустя, онъ былъ назначенъ начальникомъ военно-походной канцеляріи. Въ 1842 году сдѣланъ главноуправляющимъ почтовымъ департаментомъ. По-

койному принадлежитъ введеніе у насъ почтовыхъ марокъ. Въ 1847 году Адлербергъ возведенъ въ графское достоинство, а въ 1852 году назначенъ министромъ Императорскаго Двора. Этотъ постъ онъ занималъ до 1870 года, а съ тѣхъ поръ жилъ въ спокойствіи въ сторонѣ отъ дѣлъ и свѣта, потерявъ зрѣніе. Онъ прожилъ такимъ образомъ при шести царствованіяхъ — Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и нынѣ царствующаго Императора Александра III.

† Въ Петербургѣ умеръ 77-ми лѣтъ археологъ **Александръ Ефимовичъ Люценко**, бывшій директоръ керченскаго музея древностей, одинъ изъ немногихъ скромныхъ тружениковъ науки, которые всецѣло отдаютъ себя ввѣренному дѣлу и знакомы только небольшому кружку спеціалистовъ. Сынъ не безъизвѣстнаго въ свое время писателя Е. П. Люценко, онъ въ 1826 году окончилъ образованіе въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и болѣе 25-ти лѣтъ провелъ сначала на службѣ по этому вѣдомству. Смолоду пристрастившись къ древностямъ и къ нумизматикѣ, въ особенности къ изученію монетъ классическаго міра, онъ, на скромныя средства свои, успѣлъ составить небольшую, но толково подобранную коллекцію греческихъ монетъ, которою обратилъ на себя вниманіе Л. А. Перовскаго, завѣдывавшаго тогда правительственными археологическими розысканіями на югѣ Россіи. Въ 1853 году, покойный, по приглашенію Перовскаго занялъ мѣсто директора керченскаго музея древностей и въ продолженіи 25-ти лѣтъ производилъ археологическія раскопки преимущественно въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ. Его открытія обогатили Эрмитажъ цѣлымъ рядомъ драгоцѣнныхъ художественныхъ произведеній древняго міра. Ему же наука обязана разслѣдованіемъ «Луговой Могилы» или Александропольскаго кургана (Екатеринославской губерніи), приведшихъ къ открытію замѣчательныхъ скиѳскихъ древностей, составляющихъ также одно изъ лучшихъ украшеній Эрмитажа, хотя даже въ нашемъ географическомъ словарѣ заслуга эта ошибочно приписывается П. С. Савельеву. Въ высшей степени честный и строгій блюститель казеннаго интереса, чуждый всякихъ искательствъ и личныхъ выгодъ, довольный убогимъ содержаніемъ и страстно любившій свои раскопки, которыя прерывалъ только на самый короткій срокъ, во время непродолжительной южной зимы, Люценко проводилъ почти все свое время на курганахъ и древнихъ пепелищахъ, среди гробничныхъ склеповъ и катакомбъ или за составленіемъ обстоятельныхъ отчетовъ о своихъ работахъ, пока, наконецъ, полнѣйшее разстройство здоровья, пострадавшаго особенно отъ частаго пребыванія въ сырыхъ могильныхъ подземельяхъ, не заставило его въ 1878 году отказаться отъ любимыхъ занятій и перебраться въ Петербургъ, въ кружокъ родныхъ, среди которыхъ онъ и умеръ послѣ продолжительной и мучительной болѣзни.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Дополненіе къ статьѣ „Неудачно окончившійся актъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ".

Въ воспоминаніяхъ П. С. Усова, появившихся въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1884 года, находится, между прочимъ, описаніе годичнаго акта С.-Петербургскаго университета въ 1847 году, требующее нѣкотораго дополненія и поправокъ. Разсказавъ довольно подробно, какъ во время чтенія актовой рѣчи всѣхъ посѣтителей внезапно охватилъ паническій страхъ и всѣ они въ ужасѣ бросились къ выходу изъ актоваго зала, авторъ не упомянулъ ничего объ естественномъ поводѣ къ этой непонятной паникѣ. Воображенію читателя представляется странною картина людей, бросившихся съ своихъ мѣстъ въ слѣдъ за какимъ-то задремавшимъ студентомъ, подобно глупому стаду барановъ, слѣпо стремящемуся за своимъ вожакомъ. Между тѣмъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, существовалъ довольно вѣскій поводъ къ этому всеобщему sauve qui peut и обуявшій всѣхъ страхъ имѣлъ довольно разумное основаніе. Г. Усовъ утверждаетъ, что несчастный виновникъ па-

ники находился въ самомъ залѣ, т. е. внизу; тогда какъ всѣмъ присутствовавшимъ на этомъ актѣ весьма памятно, что въ тотъ моментъ, когда раздался въ залѣ какой-то трескъ и шумъ отъ падающихъ стульевъ, взоры всѣхъ посѣтителей устремились по одному направленію, на правую сторону хоровъ въ концѣ залы. Неудивительно, что намъ, нижней публикѣ, при видѣ бѣжавшихъ на хорахъ студентовъ и дамъ представилась мысль объ обрушивающихся потолкѣ или хорахъ,—мысль весьма естественная въ виду незадолго передъ тѣмъ случившейся катастрофы въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ провалился потолокъ въ «бѣлой залѣ». Я очень хорошо помню, какъ сигналъ къ бѣгству поданъ былъ самыми почетными посѣтителями, сидѣвшими въ первыхъ рядахъ и слѣдовательно ближе къ сценѣ, на которой произошелъ первоначальный шумъ. Помню дряхлаго министра, обронившаго свои очки и залъ усыпанный перьями не только отъ генеральскихъ, но и оберъ-офицерскихъ (черныхъ) султановъ, какъ будто послѣ пѣтушинаго боя. Все это, наблюдалъ я изъ моего безопаснаго убѣжища, ибо, сообразивъ, что, находясь почти въ самомъ концѣ зала, и при паденіи потолка или хоровъ я не успѣю добѣжать и протолкаться къ выходу изъ оной, я предпочелъ послѣдовать примѣру весьма практическаго человѣка, профессора С. С. Куторги, и преспокойно помѣстился въ амбразурѣ ближайшаго отъ меня окна. Безопасность нашего убѣжища почтенный натуралистъ мотивировалъ тѣмъ, что мы находились подъ подоконнымъ крѣпчайшимъ сводомъ—которые встрѣчаются лишь въ старинныхъ зданіяхъ—въ размѣрѣ едва ли не косой сажени. Помню также, что стекла окна, гдѣ мы пріютились, были разбиты и что окно выходило на балконъ, куда вѣроятно въ первомъ испугѣ кто либо изъ близъ стоявшихъ студентовъ намѣревался проникнуть, но во время одумался; по крайней мѣрѣ на этомъ балконѣ никого не оказалось. Не знаю, были ли въ другихъ окнахъ также выбитыя стекла, но только залъ мгновенно наполнился холоднымъ и сквознымъ (въ февралѣ 1847 г. стояли порядочные морозы) вѣтромъ и при такихъ условіяхъ ректоръ университета Плетневъ уже ни какъ не могъ, какъ разсказываетъ авторъ, «просить присутствующихъ возвратиться въ залу...» Актъ, хотя и при участіи очень немногихъ посѣтителей, окончился благополучно въ одной изъ большихъ аудиторій; первый трескъ раздавшійся въ залѣ произошелъ на хорахъ отъ отвалившагося отъ колонны стюка, что, вѣроятно, и подало близъ стоящимъ поводъ къ предположенію о непрочности всей колонны. Въ всякомъ случаѣ можно положительно сказать, что главной причиной паники всетаки былъ прецедентъ съ «бѣлой залой» въ Зимнемъ дворцѣ.

А. Чуйковъ.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» нами напечатана небольшая замѣтка г. Х. С. Кирова подъ заглавіемъ «Пушкинская гречанка», къ которой присоединенъ въ переводѣ, касающійся Пушкина, отрывокъ изъ статьи молдавскаго писателя К. Негруцци «Калипсо». Помѣщая этотъ отрывокъ, мы сказали, что, на сколько помнится, онъ еще не появлялся въ русской печати. Въ настоящее время, мы получили отъ присяжнаго переводчика кишиневскаго окружнаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ нотаріуса, г. Г. С. Горѣ, письмо, гдѣ онъ «желая возстановить истину» проситъ насъ «предать гласности» что, въ 1866 году, въ качествѣ редактора «Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостей» (нынѣ губернскія) онъ напечаталъ въ № 44 «цѣликомъ и въ буквальномъ переводѣ» упомянутую статью Негруцци. Охотно исполняемъ желаніе г. Горѣ, «предаемъ гласности» содержаніе его письма къ намъ и сознаемся, что не только никогда не читали, но, къ сожалѣнію, даже не видали редактировавшихся имъ «Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостей», а потому и не могли воздать ему должную честь, какъ первому переводчику статьи Негруцци, въ чемъ и просимъ у него извиненія. Ред.

Джироламо Саванарола передъ умирающимъ Лоренцо Медичи.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 8 МАРТА 1884 г. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА.

были такіе же прекрасные каріе глаза и тѣ же изящныя и правильныя черты лица. Но въ то время, какъ красота одной достигла періода полнаго развитія, за которымъ должно было наступить отцвѣтаніе, другая представляла собой роскошно распускающійся цвѣтокъ, совмѣщавшій въ себѣ дѣвическую робость съ очарованіемъ ранней молодости.

— Бѣдная Маріанна врядъ ли встанетъ съ постели! сказала дама, обращаясь къ своей дочери. Я принесла ей лекарство и старалась по возможности утѣшить ее. Побудь здѣсь съ дѣтьми; я тотчасъ же пошлю кого-нибудь изъ замка для ухода за больной.

Дама остановилась, такъ какъ замѣтила присутствіе незнакомца. Она была видимо удивлена и съ недоумѣніемъ смотрѣла на него; на лицѣ ея вмѣстѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства знатной женщины выражалось искреннее доброжелательство.

Молодой художникъ подошелъ къ ней и, снявъ шляпу, сказалъ съ вѣжливымъ поклономъ:

— Простите синьора, что я рѣшаюсь заговорить съ вами. Мнѣ очень жаль, что мое внезапное появленіе нарушило вашу идиллическую жизнь. Я художникъ и путешествую съ цѣлью изученія природы, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ я видѣлъ только мѣстность возлѣ небольшаго замка моего отца, а затѣмъ ближайшія окрестности Флоренціи.

При этихъ словахъ мать и дочь внимательнѣе посмотрѣли на молодаго художника, привлекательная наружность и приличныя манеры котораго говорили въ его пользу.

— Вы изъ Флоренціи? ласково спросила пожилая дама. По тону ея голоса можно было замѣтить, что это обстоятельство не мало способствовало тому живому участію, съ какимъ она въ эту минуту отнеслась къ незнакомцу.

— Да, синьора, я уже нѣсколько лѣтъ живу въ прекрасной Флоренціи, гдѣ посвятилъ себя изученію живописи.

— Странно, что я ни разу не встрѣтила васъ въ нашемъ городѣ! сказала дама. Я рѣшаюсь также выразить удивленіе, что вы никогда не видали, ни меня, ни моей дочери... Быть можетъ это объясняется тѣмъ, что въ послѣднее время мы рѣдко бывали во Флоренціи, а затѣмъ переѣхали въ этотъ уединенный замокъ...

— Нѣтъ, синьора, возразилъ скромно художникъ; главная причина этого заключается въ моей ничтожности, такъ какъ до сихъ поръ я еще ничѣмъ не успѣлъ заявить о своемъ существованіи Хотя я не былъ изъ числа усидчивыхъ учениковъ въ мастерской великаго маэстро Верроккіо и достаточно странствовалъ по городу съ своими пріятелями, но мнѣ рѣдко приходилось бывать въ обществѣ знатныхъ дамъ. Вдобавокъ я слишкомъ неизвѣстный человѣкъ, чтобы обратить на себя чье либо вниманіе. Меня зовутъ Леонардо да-Винчи; я сынъ небогатаго дворянина, помѣстье кото-

раго названо его именемъ. Я посвятилъ себя изученію искусства, но порядочно владѣю оружіемъ и достигъ извѣстнаго искусства въ рыцарскихъ играхъ и упражненіяхъ, такъ что подчасъ у меня не достаетъ времени, чтобы серіозно заняться живописью.

— Если я не ошибаюсь, возразила дама, то мой сынъ разсказывалъ мнѣ о васъ. Вы видите передъ собой Біанку Медичи, жену Гуильельмо Пацци, а это моя дочь, Марія; къ сожалѣнію я должна поспѣшить домой, чтобы прислать кого нибудь на помощь больной женщинѣ, которая лежитъ въ этой хижинѣ. Не хотите ли отправиться вмѣстѣ со мной въ замокъ, гдѣ васъ ожидаетъ самый радушный пріемъ, тѣмъ болѣе, что при нашей уединенной жизни молодой художникъ — желанный гость. Сынъ мой будетъ радъ случаю побродить съ вами по здѣшнимъ горамъ; я увѣрена, что вамъ не придется сожалѣть, если вы посвятите нѣсколько дней изученію этой живописной мѣстности.

— Я не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ благородная синьора за ту честь, какой вы удостоили меня, и съ радостью принимаю ваше предложеніе. Но позвольте мнѣ присоединить къ этому нижайшую просьбу. Я слышалъ, что вы поручили синьоринѣ остаться здѣсь съ дѣтьми, пока вы не пришлете кого нибудь изъ замка. Вамъ извѣстно, что геній вдохновенія всецѣло властвуетъ надъ нами, живописцами, и мы находимся съ нимъ въ особенныхъ отношеніяхъ. Нерѣдко вдохновеніе неожиданно посѣщаетъ насъ и предлагаетъ свои услуги; мы должны пользоваться этими дорогими минутами, потому что въ противномъ случаѣ онѣ безвозвратно потеряны для насъ. Если вы ничего не имѣете противъ этого, то позвольте мнѣ остаться около синьорины, чтобы я могъ нарисовать ее въ этой позѣ. Мнѣ никогда не приходилось видѣть болѣе прекраснаго и дѣвственнаго образа, и я увѣренъ, что не увижу ничего подобнаго. Посмотрите на эту картину синьора: ваша дочь держитъ на рукахъ красиваго ребенка; курчавый мальчикъ стоитъ около нея и внимательно прислушивается къ нашимъ словамъ. Можно ли найти болѣе подходящую группу для изображенія Дѣвы Маріи съ младенцемъ Іисусомъ и Іоанномъ. Умоляю васъ исполнить мою просьбу; я чувствую, что святое вдохновеніе охватило мою душу: никогда я не испытывалъ ничего подобнаго.

Молодая дѣвушка была смущена этими словами и стыдливо опустила свою прелестную головку, но мать вполнѣ одобрила желаніе художника, такъ какъ чувствовала себя польщенной въ лицѣ своей дочери. Тѣмъ не менѣе, она колебалась и мысленно спрашивала себя: не будетъ ли непростительнымъ тщеславіемъ съ ея стороны, если она исполнитъ просьбу Леонардо.

Этотъ понялъ, что происходило въ душѣ благочестивой женщины и съ живостью продолжалъ:

— Вы изъ дома Медичи синьора и несомнѣнно признаете, что

истинное искусство также свято, какъ и религія. Вспомните прекрасную картину Сандро Боттичелли, на которой оба ваши брата держатъ книгу передъ Святой Дѣвой и она вноситъ въ нее свое имя. Развѣ во Флоренціи не считается почетомъ, когда знаменитый художникъ увѣковѣчитъ своей кистью черты лица какой нибудь синьоры? Хотя до сихъ поръ я ничѣмъ не успѣлъ прославить себя, но чувствую глубокое влеченіе къ искусству и его высшимъ цѣлямъ...

У Біанки было слишкомъ мало времени для раздумья. Трудно было ожидать, чтобы какой-либо извѣстный художникъ вздумалъ посѣтить уединенный замокъ Буэнфидардо, и во всякомъ случаѣ, поклоненіе молодого Леонардо красотѣ ея дочери было такое скромное и выражено въ такой деликатной формѣ, что синьора Біанка не имѣла никакого повода для отказа. Она, видимо, хотѣла сдѣлать какое-то возраженіе, но остановилась на полсловѣ и, ласково кивнувъ головой въ знакъ согласія, поспѣшила въ замокъ.

Необъяснимое, почти боязливое чувство охватило душу Леонардо, когда онъ остался наединѣ съ молодой дѣвушкой. Курчавый мальчуганъ еще крѣпче прижался къ колѣнямъ своей покровительницы, которая всегда ласково обращалась съ нимъ и нерѣдко дѣлала ему небольшіе подарки.

Въ этотъ часъ дня почти всѣ жители деревни были заняты работой въ полѣ или по домамъ, такъ что ничто не отвлекало вниманія живописца. Онъ молча устроилъ себѣ сидѣніе изъ нѣсколькихъ полѣньевъ, открылъ портфель и весь погрузился въ задуманный имъ эскизъ, переводя мѣломъ на бумагу прелестную группу, которая была передъ его глазами. Дѣти какъ бы замерли отъ удивленія и пристально смотрѣли на него такъ, что онъ могъ набросить абрисъ. Марія не рѣшалась прервать молчанія, и ждала, пока живописецъ самъ не заговоритъ съ нею. Но онъ спѣшилъ воспользоваться первыми драгоцѣнными минутами для своей работы, и только тогда, когда эскизъ былъ оконченъ въ общихъ чертахъ, у него явилось желаніе говорить съ молодой дѣвушкой.

— Какая привлекательная наружность у вашей матери, синьорина! воскликнулъ онъ. Что за величественная фигура, правильное и кроткое лицо! Сколько прелести и граціи во всѣхъ ея движеніяхъ! Дѣйствительно, я долженъ былъ бы сразу догадаться, что она уроженка Флоренціи и, вдобавокъ, изъ знатнаго дома...

Марія невольно улыбнулась, слушая восторженныя похвалы, расточаемыя молодымъ художникомъ ея матери: — Нужели, спросила она, необходимо происходить изъ знатной фамиліи и родиться во Флоренціи, чтобы обладать всѣми этими преимуществами?

— Нѣтъ, возразилъ Леонардо, тутъ играетъ роль не одно это; развѣ вы сами не признаете той разницы, которая является сама собой, когда человѣкъ, помимо прирожденныхъ качествъ, прекрас-

ныхъ чертъ лица и изящныхъ формъ совмѣщаетъ въ себѣ развитіе и образованіе.

Тѣмъ не менѣе, замѣтила Марія, тѣ личности, которыхъ наша религія представляетъ идеалами высшихъ добродѣтелей и совершенства были бѣднѣйшіе люди. Пресвятая Дѣва происходила изъ низшаго класса, между тѣмъ, вы оказываете мнѣ величайшую честь желаніемъ воспроизвести мою незначительную особу въ ея образѣ.

— Мы, художники, возразилъ Леонардо, невольно стараемся придать привлекательную наружность тѣмъ лицамъ, которыя прославились своею святостью и высокими добродѣтелями. Хотя нерѣдко случается, что люди изъ народа отличаются необычайной красотой и обладаютъ всѣми внѣшними преимуществами, но въ большинствѣ случаевъ, тѣлесная красота служитъ для насъ символомъ благородныхъ, духовныхъ стремленій, которыя проявляются въ выраженіи лица, во взглядахъ и манерахъ. Если церковь величаетъ Пресвятую Дѣву царицей небесной, то въ томъ смыслѣ, что красота является здѣсь выраженіемъ внутренняго превосходства, и ни въ какомъ случаѣ не должна считаться исключительнымъ преимуществомъ людей, занимающихъ высокое положеніе въ свѣтѣ.

— Мнѣ кажется, что я теперь поняла васъ, замѣтила краснѣя молодая дѣвушка.

— Я придаю особенное значеніе вѣрно́й оцѣнкѣ человѣческихъ достоинствъ, продолжалъ Леонардо, и поэтому желалъ бы какъ можно яснѣе выразить мою мысль. Природа надѣляетъ всякаго рода людей тѣлесными и духовными дарами, и наша благословенная Италія представляетъ безчисленные примѣры, что и въ простомъ народѣ можно встрѣтить красоту и талантъ. Но необходимъ случай, чтобы эти дары природы могли получить полное и равномѣрное развитіе, а это разумѣется всего чаще встрѣчается въ высшихъ сословіяхъ, гдѣ съ раннихъ лѣтъ обращено вниманіе на правильное физическое развитіе; умъ также вырабатывается благодаря хорошимъ примѣрамъ и тщательному воспитанію. Поэтому при встрѣчѣ съ вашей матерью синьорина, я невольно подумалъ, что помимо природныхъ дарованій необходимы были особенно счастливыя условія для такого гармоническаго развитія красоты и привлекательныхъ душевныхъ свойствъ.

Марія внимательно слушала своего краснорѣчиваго собесѣдника; но въ это время ребенокъ бывшій на ея рукахъ началъ громко плакать; старшій мальчикъ также выказывалъ явные признаки нетерпѣнія.

Она попросила у живописца дать отдыхъ дѣтямъ, говоря, что снова возьметъ ихъ къ себѣ, и что они вѣроятно будутъ смирнѣе сидѣть, если имъ продоставить теперь немного свободы.

Леонардо изъявилъ свое согласіе и замѣтилъ съ улыбкой: — Развѣ у насъ взрослыхъ людей также не является время отъ времени томительное желаніе избавиться отъ оковъ, которыя налагаетъ на насъ обычай и приличія... Но простите меня, синьорина, это ни въ какомъ случаѣ не относится къ вамъ; личность ваша настолько гармонична, что вы не можете имѣть подобныхъ желаній. Что же касается насъ, мущинъ, то мы часто переступаемъ положенныя границы и слѣдуемъ нашимъ безумнымъ фантазіямъ; благо тому, кто при этомъ можетъ соблюсти извѣстную мѣру и снова вернуться на истинный путь.

Марія опустила на землю ребенка, котораго держала на рукахъ и усадивъ рядомъ съ нимъ старшаго мальчика, вернулась на прежнее мѣсто. Она ничего не отвѣтила на лестное для нея замѣчаніе художника и возобновила прежнюю тэму разговора.

— Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, сказала она, что для надлежащаго развитія прирожденныхъ дарованій необходимы благопріятныя условія. Но мнѣ кажется, что художники совершенно не подходятъ подъ это правило. Возьмемъ любаго изъ нихъ, если въ немъ нѣтъ искры божественнаго огня, то безсильно будетъ образованіе, ученіе и даже самое тщательное воспитаніе.

Глаза Леонардо сверкнули, когда онъ услышалъ эти слова изъ прекрасныхъ устъ молодой дѣвушки.

— Вы правы, синьорина, возразилъ онъ; истинный художникъ не мыслимъ безъ этого; но и для него необходимо развитіе и благопріятныя обстоятельства, чтобы онъ могъ сдѣлаться достойнымъ своего призванія и искра божественнаго огня обратилась бы въ яркое пламя. Разумѣется, нерѣдко мы видимъ совершенно обратное явленіе; геній подчасъ достигаетъ еще болѣе широкаго развитія вслѣдствіе страданій и всевозможныхъ лишеній, нежели при самыхъ счастливыхъ условіяхъ жизни. Говорятъ даже, что въ большинствѣ случаевъ намъ необходимы сильныя нравственныя потрясенія, чтобы дойти до полнаго развитія художественныхъ силъ.

— Это было бы слишкомъ жестоко! воскликнула Марія, бросивъ пристальный взглядъ на своего собесѣдника. Въ такомъ случаѣ простымъ смертнымъ приходилось бы избѣгать всякихъ сношеній съ художниками изъ боязни низвести ихъ съ высоты желаніемъ составить ихъ счастье или же ежеминутно быть готовымъ видѣть ихъ страданія и мириться съ ними въ интересахъ искусства. Это плохой выборъ, добавила она съ легкимъ вздохомъ.

— Художники, какъ и всѣ люди должны мириться со всякимъ положеніемъ, отвѣтилъ Леонардо, потому что каждый изъ насъ въ большей или меньшей степени служитъ орудіемъ для цѣлей провидѣнія. Еслибы вашъ дядя, Лоренцо Медичи, началъ раздумывать, нужно или нѣтъ покровительствовать художественному генію, то

Флоренція никогда не увидѣла бы многихъ безсмертныхъ произведеній. Его всеобъемлющій умъ одинаково полезенъ для современниковъ, какъ въ области политики, такъ въ искусствѣ и наукѣ; онъ не задается вопросомъ, всѣ ли взлелѣянные имъ ростки достигнутъ полнаго развитія. Неужели природа заботится о томъ, что тысячи зародышей гибнутъ безвозвратно! Въ нашей душѣ должно быть только желаніе выполнить возложенное на насъ дѣло, остальное въ рукахъ божіихъ...

Леонардо замолчалъ, потому что въ эту минуту на дорогѣ изъ замка послышались шаги, и вслѣдъ затѣмъ къ нимъ подошла старая служанка въ простой темной одеждѣ и съ небольшой корзиной, которую она заботливо придерживала обѣими руками.

— Это ты, Нона! воскликнула Марія, вставая съ мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу старухѣ, которая объявила съ торжественнымъ видомъ, что принесла лекарства и взяла изъ дому все необходимое, чтобы облегчить страданія больной. Затѣмъ она обратилась къ молодому живописцу и съ болтливостью, свойственной женщинамъ ея званія, сказала:

— Да, синьоръ, печальная судьба этой бѣдной Маріанны! Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ она овдовѣла: никто не знаетъ кѣмъ убитъ ея покойный мужъ; только его нашли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ границы съ ножемъ въ груди. Вѣроятно все вышло вслѣдствіе того, что онъ поссорился съ какимъ нибудь пріятелемъ. Беппо похоронили, а его жена до сихъ поръ лежитъ больная отъ испуга и горя. Нашъ синьоръ хотѣлъ было изслѣдовать дѣло, но по ту сторону границы не добьешься справедливости; тамъ никто не думаетъ о наказаніи преступниковъ! Счастье для бѣдной женщины, что она живетъ по близости замка Буэнфидардо и наши господа принимаютъ въ ней участіе, потому что иначе ей пришлось бы просить милостыню и погибать отъ голоду съ двумя дѣтьми. Не мало нищихъ бродитъ въ здѣшнихъ мѣстахъ; вся ихъ одежда состоитъ изъ тряпья, подареннаго сострадательными людьми; питаются они чѣмъ попало,—сухими корками, которыя выпросятъ по деревнямъ, или же лѣсными орѣхами, ягодами и всякой-всячиной. Маріанна давно умерла бы съ голоду и дѣти были бы покинуты, если бы не наши милостивые господа...

— Довольно, Нона! прервала ее Марія. Къ чему ты разсказываешь все это. Пойдемъ, посмотримъ больную; синьоръ подождетъ насъ.

Съ этими словами она взяла ребенка на руки и въ сопровожденіи мальчика и служанки вошла въ убогую хижину, которая была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

Леонардо показалось, что съ ея удаленіемъ внезапно исчезло солнце, хотя оно свѣтило по-прежнему. Сердце его болѣзненно сжалось отъ неопредѣленнаго опасенія; но это продолжалось одну ми-

нуту; онъ снова чувствовалъ себя въ особенномъ, никогда не испытанномъ настроеніи духа. Это было какое-то просвѣтленіе свыше, какъ будто Дѣва Марія, образъ которой запечатлѣлся въ его сердцѣ, явилась ему во всей своей небесной всепрощающей благости.

Видѣніе сначала неясное и какъ бы подернутое туманомъ, принимало все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія, и наконецъ предстало глазамъ удивленнаго художника во всей своей недосягаемой красотѣ, когда отворилась низкая дверь хижины, и на порогѣ появилась нѣжная фигура молодой дѣвушки. На ея кроткомъ миломъ лицѣ выражалось глубокое сожалѣніе, вызванное зрѣлищемъ нищеты и страданій, которое придало ея чертамъ неземную, духовную красоту. Леонардо видѣлъ много восхитительныхъ про-

Храмъ музъ во Флоренціи.

славленныхъ красавицъ, но ни одна изъ нихъ не производила на него такого чарующаго впечатлѣнія, какъ въ эту минуту Марія Пацци.

Она робко предложила молодому художнику проводить ее въ Буэнфидардо. Леонардо съ радостью принялъ это приглашеніе и, не помня себя отъ счастья, шелъ рядомъ съ нею по дорогѣ, ведущей въ замокъ, между густыми изгородями, подъ тѣнью оливковыхъ деревьевъ. Сначала Марія была въ грустномъ настроеніи духа и заговорила о несчастіяхъ, которыя незаслуженно преслѣдуютъ людей. Но душа художника была такъ переполнена радостными ощущеніями, что въ ней не было отголоска для мрачныхъ мыслей. Онъ старался развлечь Марію и навести разговоръ на болѣе веселую тэму.

— Счастье и несчастье, сказалъ онъ, только ступени безконечной лѣстницы человѣческой судьбы. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ права отворачиваться отъ людскихъ бѣдствій или холодно относиться къ нимъ; но, съ другой стороны, не слѣдуетъ ради чужихъ страданій упускать изъ виду собственнаго счастья. Молодость, здоровье, веселое и бодрое настроеніе — величайшія сокровища, выпавшія на долю человѣка, и пока онъ обладаетъ ими, онъ долженъ благодарить судьбу и радоваться каждой минутѣ, съ твердой надеждой на хорошую будущность...

Марія торопливо отвѣтила, что вполнѣ раздѣляетъ этотъ взглядъ, тѣмъ болѣе, что ея грусть незамѣтно разсѣялась подъ вліяніемъ веселаго собесѣдника. Затѣмъ, разговоръ ихъ снова перешелъ на искусство, и они въ наилучшемъ расположеніи духа дошли до воротъ замка, гдѣ ихъ встрѣтилъ Пьетро Пацци, который узналъ отъ матери о прибытіи неожиданнаго гостя.

Пьетро только-что вернулся съ отцомъ съ соколиной охоты и, поручивъ лошадь конюху, поспѣшилъ на встрѣчу сестрѣ. Онъ привѣтствовалъ молодаго живописца сердечнымъ пожатіемъ руки какъ стараго пріятеля, такъ что ихъ прежнее мимолетное знакомство, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, приняло болѣе непринужденный и задушевный характеръ.

Владѣлецъ замка ожидалъ гостя въ нижней залѣ и радушно встрѣтилъ его съ свойственной ему обходительностью, исполненной чувства собственнаго достоинства. Званіе художника въ тѣ времена было лучшей рекомендаціей; сверхъ того, въ пользу Леонардо говорила его статная фигура, приличныя манеры и умное выраженіе лица, такъ что семья Пацци невольно отнеслась къ нему какъ къ близкому человѣку. Такому довѣрію, разумѣется, отчасти способствовало и его прежнее знакомство съ Пьетро.

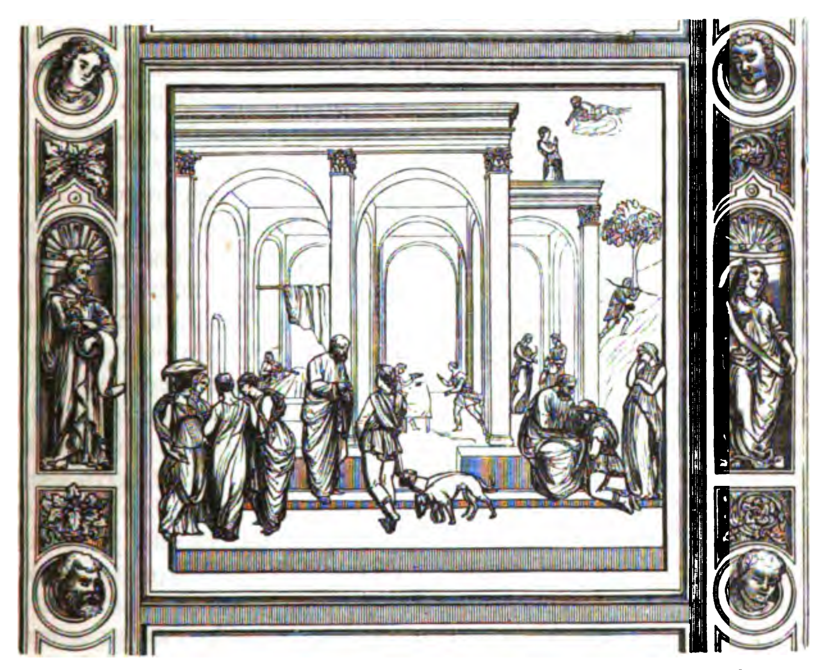
Молодой художникъ, съ своей строны, почувствовалъ себя хорошо среди радушной образованной семьи, гдѣ красота окружающихъ его лицъ совмѣщалась съ простотой обращенія и самыми привлекательными душевными свойствами.

Въ первый же вечеръ Леонардо долженъ былъ сообщить все, что̀ ему было извѣстно о Флоренціи. Онъ началъ свой разсказъ съ широкихъ предпріятій, выполненныхъ братомъ Біанки, Лоренцо Медичи. Садъ виллы Кареджи былъ посвященъ естественнымъ наукамъ, и здѣсь дѣлались ботаническіе опыты подъ руководствомъ ученаго монаха Энеа Сильвіо Пикколомини; небольшой домъ близъ Санъ-Марко предназначенъ для художественныхъ цѣлей: Лоренцо устроилъ въ немъ музей, гдѣ для назиданія начинающихъ художниковъ собраны были произведенія античной скульптуры.

Гуильельмо Пацци спросилъ молодаго живописца, какого онъ мнѣнія о новомъ движеніи въ искусствѣ и наукѣ.

Леонардо отвѣтилъ: — У насъ въ Италіи наука, какъ всегда,

опередила искусство. Послѣднее долго собирается съ силами прежде, чѣмъ рѣшится выразить то, что̀ уже стало признаннымъ фактомъ въ области знанія и поэзіи. Древній міръ давно уже сдѣлался идеаломъ ученыхъ, между тѣмъ, какъ художники только что начали основательно изучать его и подражать классическимъ произведеніямъ. Античныя зданія всегда возбуждали удивленіе, и еслибы дѣло только ограничилось этимъ, то прежній стиль остался бы во всей силѣ; чтобы ввести нѣчто новое необходимъ былъ вліятельный человѣкъ и городъ поставленный въ исключительныя условія. Такимъ городомъ могла быть только Флоренція; такимъ человѣкомъ



Вторая дверь баптистерія во Флоренціи работы Гиберти.

былъ Косьма Медичи. Во Флоренціи, въ періодъ ея высшаго развитія впервые пробудилось сознаніе, что жизненныя силы изсякли въ искусствѣ и что для него долженъ наступить новый фазисъ развитія. Художники пришли къ выводу, что истощенная и устарѣвшая природа не въ состояніи больше произвести ни великановъ, ни крупныхъ талантовъ. Между тѣмъ, мы видимъ, къ нашему радостному изумленію, пробужденіе новыхъ силъ, въ лицѣ такихъ художниковъ, какъ Брунеллески, Донателло, Гиберти, Лука Делла Роббіо, Мазаччіо, которые не уступаютъ въ талантѣ самымъ знаменитымъ древнимъ маэстро. Уже теперь новый стиль зодчества изгналъ готическій изъ его послѣднихъ убѣжищъ, и если онъ не

былъ бы прекраснѣе и цѣлесоооразнѣе, то его никогда не стали бы примѣнять во Флоренціи. Новое искусство выступило съ полнымъ сознаніемъ, что ему суждено не только открыть путь къ высшему напряженію всѣхъ наличныхъ силъ, но и достигнуть величайшей славы.

Все великое не есть только даръ природы или продуктъ извѣстной эпохи, но въ такой же мѣрѣ зависитъ отъ нашихъ стремленій и неутомимаго труда. Древнимъ легче было сдѣлаться великими, потому что живая традиція подготовляла ихъ къ высшимъ художественнымъ произведеніямъ, которыя стоятъ намъ столько труда, но тѣмъ больше будетъ честь, какую воздадутъ со-временемъ возрожденію искусства. Только геніальный человѣкъ могъ рѣшить вопросъ въ пользу новаго направленія и проложить путь къ осуществленію не однихъ своихъ личныхъ стремленій, но и большинства своихъ современниковъ. Этотъ подвигъ совершенъ во Флоренціи нашимъ знаменитымъ художникомъ Брунеллески; куполъ нашей церкви Санта Марія де'Фіори служитъ свидѣтельствомъ прекраснаго выполненія его великой задачи. Прежнія работы, начатыя имъ въ Римѣ, дали ему необходимую подготовку для этого блистательнаго произведенія, которымъ возрожденіе искусства обязано своей побѣдой. Такому успѣху въ значительной мѣрѣ способствовала его слава какъ скульптора и декоратора. Но еще до него Гиберти украсилъ нашъ баптистерій бронзовыми дверьми, которыя указываютъ на самую тѣсную связь между различными отраслями пластики, потому что композиція отдѣльныхъ частей представляетъ перенесенныя въ рельефъ картины, которыя могли быть созданы только самымъ талантливымъ живописцемъ. Если Гиберти дошелъ до такой высоты художественнаго творчества, то онъ равнымъ образомъ обязанъ этимъ изученію античныхъ произведеній, неподражаемая красота которыхъ никогда не остается безъ вліянія. Только со времени Гиберти начали выкапывать древнія статуи и отстаивать ихъ художественное достоинство противъ фанатиковъ, которые не хотѣли допустить, чтобы придавали какое либо значеніе этимъ остаткамъ языческаго міра. Насколько Гиберти умѣлъ цѣнить преимущества античныхъ художественныхъ произведеній видно изъ его сужденія объ античномъ торсѣ, найденномъ во Флоренціи, который, вѣроятно, хорошо извѣстенъ вамъ. Онъ сказалъ, что «этотъ торсъ отличается такой тонкой работой, что невозможно разглядѣть частности простымъ глазомъ, ни при полномъ, ни при уменьшенномъ свѣтѣ, и только при ощупываніи кончиками пальцевъ можно вполнѣ открыть ихъ и оцѣнить по достоинству». Стремленія Брунеллески воспроизвести красоту античнаго зодчества увѣнчались такимъ же блестящимъ успѣхомъ. Впослѣдствіи, онъ отправился въ Римъ вмѣстѣ съ своимъ младшимъ товарищемъ, Донателло. Подобно тому, какъ Гиберти былъ не только скульп-

торомъ, но и зодчимъ, такъ и Брунеллески былъ одинаково искусенъ въ живописи, скульптурѣ и работахъ изъ бронзы.

Въ Римѣ Брунеллески съ помощью Донателло занялся измѣреніемъ остатковъ античныхъ зданій, между тѣмъ какъ жители были убѣждены, что молодые флорентинцы отыскиваютъ золото и серебро въ развалинахъ храмовъ и императорскихъ дворцовъ. Донателло также многому научился у художниковъ древняго міра. Онъ впервые навелъ Косьму Медичи на мысль собирать античныя статуи и выставлять ихъ въ общественныхъ мѣстахъ. Самъ Донателло приводилъ въ цѣлость разбитыя или изувѣченныя художественныя произведенія, которыя, какъ вамъ извѣстно, послужили началомъ музея въ саду Санъ-Марко. Въ послѣднее время музей этотъ значительно расширенъ благодаря вашему брату, синьора Біанка...

Несмотря на предшествовавшія событія родственники Лоренцо съ удовольствіемъ слушали похвалы, которыя ему расточалъ художникъ. Послѣдній сообщилъ также, что академія философіи и поэзіи, основанная по иниціативѣ Лоренцо достигла значительной степени процвѣтанія и, что онъ самъ присутствуетъ на засѣданіяхъ, которыя обыкновенно происходятъ въ его дворцѣ. Прославленный поэтъ Луиджи Пуччи и ученый естествоиспытатель Пико де Мирандола, а равно Анджело Полиціано пользуются особеннымъ довѣріемъ Лоренцо Медичи; онъ выказываетъ имъ предпочтеніе передъ другими членами этого кружка, въ который допускаются по временамъ иностранные ученые и любители искусства. Такъ напримѣръ на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій присутствовалъ нѣмецъ недавно прибывшій во Флоренцію. Леонардо назвалъ его фамилію; присутствующіе сдѣдали попытку повторить ее; но это не удалось имъ, что послужило поводомъ къ веселымъ шуткамъ. Этотъ ученый нѣмецъ былъ Іоганъ Рейхлинъ, который въ качествѣ секретаря сопровождалъ одного нѣмецкаго князя, ѣхавшаго въ Римъ, и остановился проѣздомъ во Флоренціи.

Разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ до поздней ночи, пока наконецъ хозяйка дома не напомнила присутствующимъ, что время отправляться на отдыхъ, тѣмъ болѣе, что можно будетъ возобновить бесѣду на слѣдующій вечеръ.

Пьетро отвелъ гостя въ назначенную для него комнату рядомъ со своей спальней, гдѣ изъ оконъ открывался прекрасный видъ на окружающую мѣстность и было достаточно свѣта, чтобы заняться живописью. Леонардо былъ въ такомъ восхищеніи отъ перваго вечера, проведеннаго среди образованной и радушной семьи, что рѣшился воспользоваться ея гостепріимствомъ, насколько позволитъ приличіе, и провести въ Буэнфидардо возможно продолжительное время.

ГЛАВА VII.

Учредитель божьяго града.

Врядъ ли кто изъ лицъ, знавшихъ прежняго робкаго Джироламо Саванаролу, повѣрилъ бы теперь, что онъ тотъ самый суровый монахъ, который своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ возбуждалъ такое удивленіе въ монастырѣ Санъ-Марко во Флоренціи. Вернувшись въ Болонью, онъ поступилъ въ орденъ доминиканцевъ, потому что праздная созерцательная жизнь, на какую были осуждены монахи другихъ орденовъ не соотвѣтствовала стремленіямъ его подвижнаго воспріимчиваго ума. Теперь для него была доступна общественная дѣятельность: онъ могъ въ качествѣ доминиканскаго монаха сдѣлаться воспитателемъ юношества и народнымъ проповѣдникомъ и съ горячимъ рвеніемъ предался своему призванію. Еще въ Болоньи духовное начальство оцѣнило замѣчательныя способности и ученость Джироламо и назначило его преподавателемъ философіи въ монастырской школѣ.

Но вскорѣ Саванарола пришелъ къ убѣжденію, что онъ долженъ бороться съ различными препятствіями и собственными недостатками, если хочетъ имѣть вліяніе на публику своими проповѣдями. Его голосъ былъ слишкомъ слабъ и не благозвученъ; въ самомъ способѣ изложенія не доставало живости и граціи, и такъ какъ въ первое время своей монастырской жизни онъ наложилъ на себя строжайшій постъ, то настолько ослабѣлъ тѣломъ, что не былъ способенъ къ долгому и усиленному умственному напряженію. Ученики приходили въ восторгъ отъ необыкновеннаго ума

воего преподавателя; но всякій разъ когда начальство монастыря аставляло его говорить съ каѳедры, передъ болѣе многочисленной публикой, такія попытки кончались полнѣйшей неудачей.

Въ виду этого, Саванарола послѣ тяжелой внутренней борьбы и олгихъ колебаній рѣшилъ отказаться на нѣсколько лѣтъ отъ всякой общественной дѣятельности и посвятить себя изученію ораторскаго искусства, чтобы придать гибкость своему языку и добиться олѣе живаго и образнаго способа изложенія. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. То, въ чемъ ему отказала природа, было ъ избыткомъ восполнено имъ, благодаря его непреклонной волѣ и еутомимому труду. Когда онъ снова вступилъ на каѳедру, то его лушатели едва повѣрили, что это тотъ самый монахъ, котораго ни слышали прежде. Голосъ проповѣдника сдѣлался сильнымъ, вучнымъ и пріобрѣлъ необыкновенную выразительность, между ѣмъ какъ его пламенная внушительная рѣчь возбуждала общее дивленіе и неотразимо дѣйствовала на воображеніе и сердца лушателей. Тѣмъ не менѣе, онъ уже достигъ такого самообладанія, что, въ глубинѣ христіанскаго смиренія, приписывалъ происшедшую съ нимъ перемѣну не собственнымъ заслугамъ, а чуду, оторое было ниспослано ему свыше, чтобы указать его призваніе.

Съ этого времени Саванарола всецѣло посвятилъ себя проповѣди. Неудержимая сила постоянно влекла его къ открытой борьбѣ ъ дурными условіями, которыя все болѣе и болѣе роковымъ обраомъ проявлялись въ церкви и государствѣ. Соотвѣтственно своему мистическому настроенію, онъ преимущественно выбиралъ тэмой ля своихъ проповѣдей мѣста изъ Откровенія св. Іоанна. Вскорѣ лава его распространилась не только въ Болоньи, но и во всей кружающей мѣстности; каждый желалъ слышать его.

Пока еще никто изъ прежнихъ друзей Джироламо Саванаролы е зналъ, что могущественный проповѣдникъ, призывающій людей ъ покаянію, тотъ самый человѣкъ, который юношей бывалъ въ хъ обществѣ. Но въ самомъ непродолжительномъ времени онъ ріобрѣлъ такую громкую извѣстность, что даже въ семьѣ Бентиволіо на него обратили особенное вниманіе. Многіе города Италіи риглашали его къ себѣ для проповѣди, и онъ не разъ принималъ хи приглашенія; но теперь онъ рѣшился окончательно покинуть олонью, чтобы имѣть болѣе широкій кругъ дѣятельности. Эта рѣшимость не стоила ему никакихъ усилій, такъ какъ онъ былъ всецѣло проникнутъ вѣрой въ свое призваніе. Онъ разстался съ младшимъ братомъ Марко Авреліемъ съ твердой надеждой на будущость и отправился пѣшкомъ во Флоренцію, гдѣ поступилъ въ монастырь Санъ-Марко. Здѣсь имя его уже было настолько извѣстно, то настоятель и монахи съ радостью привѣтствовали его прибытіе.

Монастырь Санъ-Марко принадлежалъ доминиканцамъ около

пятидесяти лѣтъ. Но еще до этого онъ существовалъ болѣе чѣмъ полтора столѣтія и былъ основанъ съ цѣлью служить убѣжищемъ для аскетовъ Валомброза. Однако, мало-по-малу монахи заслужили дурную репутацію среди мѣстнаго населенія; поэтому папа Евгеній IV счелъ необходимымъ передать монастырь доминиканцамъ которые считались вліятельнымъ орудіемъ папской власти. Медичисы, въ свою очередь, постоянно дѣлали богатые вклады въ монастырь, вслѣдствіе чего послѣдній находился въ извѣстной зависимости отъ нихъ.

Въ описываемое время монастырь Санъ-Марко имѣлъ уже вполнѣ представительный видъ. Два двора были сплошь окружены зданіями. Фасадъ церкви, заключавшей въ себѣ множество драгоцѣнностей и мощей, былъ обращенъ на улицу; въ самомъ монастырѣ были двѣ трапезы — большая и малая, капелла и различныя хозяйственныя помѣщенія. Рядъ келій занималъ верхній этажъ; там же находилась библіотека, основанная Косьмой Медичи. Всюду стѣны были разукрашены живописью, благодаря такимъ первоклассным художникамъ, какъ монахъ Бартоломео и Доменико Гирландайо, которымъ предшествовало творчество знаменитаго монаха Анджелико (да-Фіэзоле), такъ что братія постоянно имѣла передъ глазами образцовыя произведенія, служившія выраженіемъ истинного благочестія въ искусствѣ.

Въ эти варварскія и смутныя времена, гдѣ себялюбіе заглушало всѣ благородные инстинкты, мирная жизнь въ флорентинскомъ монастырѣ Санъ-Марко представляла назидательный примѣръ самоотверженнаго стремленія къ возвышенной цѣли.

Представители другихъ монашескихъ орденовъ часто расхаживали по городскимъ улицамъ, и хотя у народа все еще сохранилось привитое съ дѣтства уваженіе къ ихъ сану, но въ отдѣльныхъ случаяхъ они не разъ подавали поводъ къ соблазну и открытому порицанію своимъ безстыднымъ поведеніемъ. Между тѣмъ доминиканцы Санъ-Марко поставили себѣ полезной задачей воспитывать юношество, и при этомъ стремились поучать народъ съ помощью своихъ проповѣдей. Когда глава римской церкви далъ свое согласіе на основаніе ихъ ордена, то сдѣлалъ это съ твердымъ убѣжденіемъ, что доминиканцы будутъ лучшей защитой святаго престола. Ему и въ голову не приходило, что этотъ орденъ можетъ со временемъ на столько усилиться, чтобы воспользоваться своимъ вліяніемъ на народъ противъ папства. Въ послѣднее столѣтіе среди духовенства часто поднимался вопросъ о томъ, что долгъ относительно церкви не имѣетъ ничего общаго съ папскими распоряженіями, въ тѣхъ случаяхъ, когда папа злоупотребляетъ своимъ святымъ саномъ для достиженія свѣтскихъ цѣлей. Этотъ взглядъ находилъ ревностныхъ защитниковъ среди доминиканцевъ и особенно въ лицѣ Саванаролы. Черезъ короткій промежутокъ времени

новый монахъ Санъ-Марко сталъ открыто проповѣдывать противъ вопіющихъ злоупотребленій церкви и папства.

Смиренный монахъ, ясный умъ котораго не былъ отуманенъ страхомъ земной власти, долженъ былъ считать чудомъ, что ему дана такая сила рѣчи, противъ которой никто не могъ устоять. Молодые монахи Санъ Марко тѣснились вокругъ него и скоро начали преклоняться передъ нимъ, какъ передъ своимъ руководителемъ, который могъ осуществить ихъ собственныя затаенныя стремленія. Они находили нравственное удовлетвореніе въ томъ, что могутъ сгруппироваться около человѣка, который не только укло-

Дворъ монастыря Санъ-Марко во Флоренціи.

нялся отъ устарѣвшихъ формулъ, но рѣшался свободно говорить противъ злоупотребленій церкви.

Вмѣсто прежней безцѣльной прогулки по корридорамъ монастыря, однообразной бесѣды или чтенія положенныхъ молитвъ въ тишинѣ уединенныхъ келій, они проводили теперь цѣлые часы въ монастырскомъ саду; здѣсь они слушали краснорѣчиваго проповѣдника, который объяснялъ имъ различные тексты св. писанія и будилъ ихъ умъ для новаго болѣе широкаго полета мысли. Среди роскошнаго тѣнистаго сада, расположеннаго за монастыремъ, былъ одинъ пунктъ, который скоро сдѣлался обычнымъ мѣстомъ сборища для друзей и слушателей Саванаролы. Огромный розовый

кустъ, привезенный изъ Персіи, широко раскинулъ свои вѣтви подъ тѣнью лавровъ и другихъ южныхъ деревьевъ. У этого куста, вѣчно покрытаго пышными цвѣтами, Саванарола говорилъ свои проповѣди; и не только молодые доминиканцы, но многіе ученые и знатные люди изъ города выхлопотали себѣ разрѣшеніе приходить сюда и слушать ученаго монаха, подающаго такія блестящія надежды. Свободное слово въ тѣ времена представляло крайне рѣдкій и тѣмъ болѣе цѣнимый даръ, такъ что число приверженцевъ смѣлаго проповѣдника постоянно увеличивалось. Онъ воспользовался этимъ, чтобы мало по малу возбудить недовольство и положить начало умственному броженію въ кругу мыслящихъ горожанъ. Все яснѣе и прозрачнѣе становились его намеки; онъ порицалъ корыстолюбіе и эгоизмъ знатныхъ людей и преимущественно указывалъ на злоупотребленія, вслѣдствіе которыхъ всѣ высшія и наиболѣе вліятельныя церковныя должности сдѣлались продажными. Саванарола не касался сущности церковныхъ учрежденій, но предсказывалъ самыя печальныя послѣдствія въ будущемъ, если не прекратится лихоимство относительно церковныхъ имуществъ, которыя были самымъ священнымъ достояніемъ всего человѣчества. Онъ считалъ такія послѣдствія неизбѣжными, если великіе міра сего не убѣдятся въ необходимости принести покаяніе и позаботиться о благѣ подвластныхъ имъ людей. Съ увѣренностью, неоставлявшей никакого сомнѣнія въ слушателяхъ, онъ предвѣщалъ близость божьей кары, которая разразится надъ Италіей въ отмщеніе за пороки ея вельможъ.

Когда выдающійся умъ въ какомъ либо направленіи обращаетъ на себя вниманіе и заставляетъ говорить о себѣ, то онъ прежде всего возбуждаетъ интересъ въ своихъ единомышленникахъ, которые съ искреннимъ участіемъ относятся къ его стремленіямъ. Но если онъ достигъ такого значенія, что имя его на устахъ каждаго, то къ мыслящему и разумному меньшинству примыкаетъ сразу вся масса несамостоятельныхъ умовъ, потому что никто не хочетъ отстать въ поклоненіи вліятельному человѣку, достоинства котораго оцѣнены всѣми. Такимъ образомъ, это кажущееся признаніе дѣйствительныхъ заслугъ нерѣдко становится дѣломъ пустой моды, а тщеславіе поклонниковъ находитъ себѣ полное удовлетвореніе въ томъ, что они увеличиваютъ собою свиту героя моды. Подобные примѣры всего чаще встрѣчаются между женщинами. Большинству ихъ совершенно безразлично, касается-ли дѣло новой шляпы, музыкальной піесы или краснорѣчиваго проповѣдника; имъ нужно только, чтобы это было нѣчто такое, что̀ возбуждало бы общее удивленіе, привлекало бы къ себѣ всякаго рода людей и о чемъ бы много говорили въ обществѣ. Всѣ эти условія совмѣщались въ особѣ Саванаролы, и поэтому въ непродолжительномъ времени цѣлая толпа тщеславныхъ и пустоголовыхъ жрицъ моды присоединилась къ его

слушателямъ. Противники Саванаролы тотчасъ-же воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы дать ему презрительную кличку «дамскаго» проповѣдника.

Между тѣмъ слава его далеко распространилась за предѣлы города Флоренціи. Монахъ, который осмѣлился открыто выступить противъ злоупотребленій папской власти, праздности монастырскихъ обитателей и роскоши расточаемой въ дворцахъ властелиновъ, представлялъ собою настолько любопытное явленіе, что каждый желалъ познакомиться съ нимъ.

Ближайшіе итальянскіе города оспаривали другъ у друга честь принять у себя знаменитаго проповѣдника, и хотя Саванарола избѣгалъ всякихъ почестей, которыя относились къ его личности, но въ надеждѣ принести пользу своему дѣлу время отъ времени проповѣдывалъ и въ другихъ городахъ. Изъ Болоньи онъ также много разъ получалъ приглашенія, такъ что наконецъ, уступая усиленнымъ просьбамъ своихъ приверженцевъ, согласился провести здѣсь нѣкоторое время.

Само собою разумѣется, что вѣсть о прибытіи знаменитаго проповѣдника покаянія и небесной кары тотчасъ же разнеслась по городу, и люди всякаго возраста и званія спѣшили воспользоваться возможностью послушать его. Считалось хорошимъ тономъ быть на проповѣди прославленнаго доминиканскаго монаха, и такъ какъ о немъ шли оживленные толки, то его прежніе друзья, жившіе въ Болоньи, мало-по-малу, припомнили всѣ обстоятельства его жизни, связанныя съ ихъ городомъ.

Вспомнила о прошломъ и супруга властителя Болоньи, Орсола Бентиволіо, урожденная Кантарелли, которая, благодаря своему непростительному легкомыслію, нѣкогда доставила столько страданій молодому Джироламо. Въ виду этого, давно забытаго происшествія, она вообразила себѣ, что должна оказать протекцію доминиканскому проповѣднику, чтобы до извѣстной степени загладить свою прошлую вину. Въ то же время, ей хотѣлось выступить передъ публикой въ блистательномъ свѣтѣ и разыграть роль покровительницы даровитыхъ и свободомыслящихъ людей. Поэтому Орсола рѣшилась сама отправиться на проповѣдь Саванаролы, въ соборъ, гдѣ всегда было наибольшее стеченіе народа, чтобы доказать своимъ соотечественникамъ, что если она, такая знатная дама, открыто покровительствуетъ бѣдному доминиканскому монаху, то дѣлаетъ это только изъ уваженія къ его умственному превосходству. Она пригласила нѣсколькихъ дамъ высшаго круга пойти вмѣстѣ съ нею на проповѣдь Саванаролы и просила ихъ предварительно собраться въ ея палаццо. Дамы были польщены честью, оказанной имъ супругой властелина Болоньи, и явились къ ней разряженныя въ назначенный день и часъ. Орсола была въ самомъ веселомъ настроеніи

духа и разсказала имъ со смѣхомъ, что Саванарола былъ нѣкогда ея поклонникомъ и даже объяснялся ей въ любви.

Въ это время раздался благовѣстъ соборнаго колокола, возвѣщавшій начало проповѣди; нѣкоторыя изъ дамъ выказали признаки нетерпѣнія, но Орсола не обратила на это никакого вниманія. Наконецъ, она поднялась съ мѣста и пошла въ сопровожденіи своей свиты въ соборъ, гдѣ пройдя сквозь густую толпу, которая почтительно разступалась передъ нею, направилась къ первымъ рядамъ съ торжественнымъ и напыщеннымъ видомъ.

Ея поздній приходъ былъ не только помѣхой для слушателей, но обратилъ вниманіе самого проповѣдника. Онъ узналъ Орсолу съ перваго взгляда, но ея присутствіе не пробудило въ немъ ни малѣйшаго признака прежнихъ ощущеній, такъ какъ уже ничто земное не могло тронуть его сердца. Ему было только досадно, что неожиданное появленіе разряженныхъ женщинъ отвлекло вниманіе его слушателей. Спокойно и съ полнымъ самообладаніемъ онъ прервалъ на минуту свою рѣчь и, обращаясь къ вошедшимъ дамамъ, заявилъ имъ, что если онѣ пожелаютъ въ другой разъ слушать его проповѣдь, то онъ проситъ ихъ прійти вò-время, чтобы не возбудить общаго неудовольствія своимъ позднимъ появленіемъ. Орсола считала себя слишкомъ высоко поставленной, чтобы подобное замѣчаніе могло относиться къ ней, поэтому она не придала ему никакого значенія. Она осталась до конца проповѣди, и громко разговаривая съ дамами своей свиты вышла съ ними изъ церкви, не обращая вниманія на остальную публику.

Нѣсколько дней спустя, Саванарола опять проповѣдывалъ въ соборѣ и Орсола осмѣлилась повторить ту же продѣлку. Въ своемъ нелѣпомъ тщеславіи она хотѣла прежде всего выказать себя покровительницей краснорѣчиваго монаха, о которомъ говорилъ весь городъ. При этомъ Орсола надѣла на себя тяжелое дорогое платье, такъ что, когда она проходила по церкви съ другими знатными дамами, то шорохъ богатой матеріи снова нарушилъ благочестивую тишину, господствовавшую въ храмѣ.

Саванарола опять обратился къ ней съ каѳедры съ увѣщаніемъ по поводу ея неприличнаго поведенія, но Орсола и на этотъ разъ приняла равнодушный видъ, какъ будто бы его слова вовсе не относились къ ней.

Въ кругу своихъ пріятельницъ и знакомыхъ она выражала живѣйшій интересъ къ проповѣдямъ смѣлаго доминиканца и даже хвасталась передъ своимъ мужемъ, что Саванарола обязанъ ей своей славой, потому что неудачная любовь была главной причиной его поступленія въ монастырь.

Вскорѣ назначена была третья проповѣдь Саванаролы въ Болоньи, и гордая супруга Ипполита Бентиволіо, не признававшая для себя никакихъ стѣсненій при своемъ высокомъ общественномъ

положеніи, отправилась въ соборъ позже прежняго. Она думала только о томъ, чтобы обратить на себя какъ можно болѣе вниманія и выказать передъ публикой полную готовность покровительствовать умственнымъ стремленіямъ своихъ соотечественниковъ.

Но терпѣніе Саванаролы было истощено. Глаза его сверкнули гнѣвомъ, когда Орсола вошла въ церковь въ сопровожденіи своей свиты; онъ выпрямился во весь ростъ, отъ чего фигура его казалась еще болѣе величественной, и, прервавъ проповѣдь, сказалъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Напрасно пытался я оградить отъ кощунства гласъ Господень, который говоритъ моими устами, ибо кто положитъ конецъ высокоумію гордыхъ и уничтожитъ ихъ надменность! Вотъ идетъ демонъ, чтобы ввести насъ въ искушеніе и нарушить слово Божіе...

Эти слова поразили присутствующихъ какъ ударъ грома, но для Орсолы они были смертельнымъ оскорбленіемъ, потому что дѣлали ее посмѣшищемъ презираемой ею толпы. Не помня себя отъ ярости, она тотчасъ же вышла изъ церкви въ сопровожденіи сопутствовавшихъ ей разряженныхъ дамъ, которыя сочли за лучшее послѣдовать ея примѣру.

Саванарола спокойно продолжалъ свою проповѣдь; когда онъ кончилъ, то его окружили многіе благомыслящіе люди и, не стѣсняясь, выразили сочувствіе его рѣзкой выходкѣ противъ супруги властителя Болоньи, находя ее вполнѣ заслуженной.

Между тѣмъ, Орсола поспѣшила домой и бросилась въ комнату мужа, который былъ занятъ пробой новаго оружія. Она разсказала ему о случившемся взволнованнымъ прерывающимся голосомъ и, требуя кровавой мести за нанесенное ей оскорбленіе, доказывала своему супругу, что онъ долженъ немедленно убить высокомѣрнаго монаха. Но Ипполитъ Бентиволіо не имѣлъ ни малѣйшаго желанія исполнить это требованіе, и такъ какъ его любовь къ Орсолѣ уже значительно охладѣла, а, съ другой стороны, ея прежнее поведеніе относительно Саванаролы было далеко не безупречное, то онъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ:

— Если ты хочешь мстить, добавилъ онъ, то сама займись этимъ, потому что ни одинъ разумный человѣкъ не согласится принести подобную жертву изъ-за нелѣпой женской фантазіи. Саванарола любимецъ народа и, въ настоящій моментъ, его жизнь быть можетъ имѣетъ больше значенія въ глазахъ толпы, нежели наша. Совѣтую тебѣ подавить гнѣвъ и забыть сегодняшнюю исторію; не говоря о прошломъ, ты и теперь вполнѣ заслужила его негодованіе своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ.

Орсола дрожала отъ злобы, но ей ничего не оставалось, какъ мысленно принести клятву отомстить тѣмъ или другимъ способомъ ненавистному монаху, а пока принять на себя передъ свѣтомъ ли-

чину полнѣйшаго равнодушія, тѣмъ болѣе, что смѣлый проповѣдникъ вскорѣ послѣ того выѣхалъ изъ Болоньи.

Во время отсутствія Саванаролы, во флорентинскомъ монастырѣ Санъ-Марко умеръ настоятель, и поднятъ былъ вопросъ о назначеніи ему преемника. Монахи тотчасъ же рѣшили между собою выбрать въ настоятели Джироламо, какъ самаго смѣлаго и даровитаго среди нихъ. Почти всѣ молодые доминиканцы преклонялись передъ нимъ, и даже между болѣе пожилыми монахами были у него приверженцы, которые относились къ нему съ уваженіемъ и любовью. Многіе изъ нихъ готовы были пожертвовать жизнью для Саванаролы, и эти преимущественно настояли на его выборѣ. Когда онъ вернулся въ монастырь, то ему торжественно объявили объ его новомъ санѣ. Но смиренный Джироламо видѣлъ въ этомъ событіи только указаніе Божественнаго промысла и безпрекословно покорился волѣ монаховъ.

Съ давнихъ поръ было въ обычаѣ, что вновь назначенные настоятели монастыря Санъ-Марко дѣлали визитъ главѣ дома Медичи, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, какъ бы въ знакъ того, что они отчасти обязаны ему своимъ саномъ. Но Джироламо не исполнилъ этой формальности. При своемъ строгомъ отношеніи къ людямъ онъ считалъ Лоренцо узурпаторомъ, присвоившимъ себѣ господство надъ Флоренціей, который, сверхъ того, по своей расточительности и свѣтскому направленію не заслуживалъ никакого уваженія. Лоренцо напрасно ждалъ нѣкоторое время посѣщенія новаго настоятеля монастыря Санъ-Марко, и ему было въ высшей степени непріятно, что этотъ монахъ не захотѣлъ покориться обычаю, издавна вошедшему въ употребленіе. Но еще больше была оскорблена невниманіемъ монаха супруга Лоренцо Медичи, гордая дщерь дома Орсини. Тѣмъ не менѣе, какъ она сама, такъ и Лоренцо вполнѣ сознавали, что, въ данномъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о насиліи, потому что Джироламо пользовался любовью толпы, и при этомъ его непоколебимое мужество было всѣмъ извѣстно.

У дома Медичи было нѣсколько довѣренныхъ лицъ, которыя въ былыя времена завѣдывали его торговыми дѣлами; Лоренцо, достигнувъ власти, давалъ имъ, время отъ времени, разныя порученія, касающіяся государственнаго управленія.

Теперь онъ послалъ двухъ изъ нихъ: Пьетро де-Бибіенъ и Доменико Бонти къ настоятелю Санъ-Марко, чтобы дружески убѣдить его въ необходимости покориться установленному обычаю. Посланные обратили вниманіе Саванаролы на тѣ преимущества, какими пользуется монастырь, благодаря щедрости Лоренцо Медичи, и доказывали, что отъ него собственно зависитъ утвердить выборъ настоятеля. Но Джироламо отвѣтилъ, что обязанъ своимъ саномъ Богу, и никому изъ смертныхъ.

Отказъ Саванаролы былъ тѣмъ непріятнѣе для Лоренцо, что настоятель такимъ образомъ открыто объявилъ себя его противни-

комъ. Онъ сдѣлалъ дальнѣйшую попытку подѣйствовать на Саванаролу, и съ этой цѣлью отправилъ тайно въ монастырь одного изъ своихъ приближенныхъ, такъ какъ ему необходимо было склонить на свою сторону всемогущаго проповѣдника, руководившаго настроеніемъ толпы. Леонардо Ручеллаи, посланный къ Саванаролѣ съ этимъ щекотливымъ порученіемъ, предложилъ ему цѣнные подарки отъ имени правителя Флоренціи, но потерпѣлъ полную неудачу. Джироламо съ презрѣніемъ отвергъ ихъ.

Лоренцо въ третій разъ отправилъ пословъ, которые должны были объяснить упрямому монаху, что его поведеніе посѣетъ раздоръ между флорентинцами и будетъ способствовать образованію новыхъ партій, и, что если онъ не измѣнитъ образа дѣйствій, то его дальнѣйшее пребываніе въ городѣ не можетъ быть терпимо.

Джироламо отвѣтилъ: Въ такомъ случаѣ, пусть удалится Лоренцо, но я долженъ остаться; изъ насъ двоихъ не я, а онъ самъ приноситъ несчастіе городу!

При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась Флоренція, Лоренцо могъ потерять всякое значеніе въ глазахъ народной толпы, еслибы въ данный моментъ не воспользовался тѣмъ преимуществомъ, какое имѣлъ надъ настоятелемъ монастыря Санъ-Марко въ силу своего общественнаго положенія. Но съ другой стороны онъ настолько цѣнилъ умнаго и смѣлаго противника, что въ глубинѣ души искренно желалъ примиренія и чувствовалъ потребность идти съ нимъ рука объ руку.

Наконецъ, онъ рѣшился сдѣлать еще одну и послѣднюю попытку, чтобы преодолѣть упрямство Саванаролы, и самъ отправился къ нему. Когда онъ, въ былыя времена, посѣщалъ монастырь Санъ-Марко, то настоятель всякій разъ торжественнно встрѣчалъ его въ корридорѣ съ старѣйшимъ изъ монаховъ, но Джироламо отступилъ отъ этого обычая и остался въ своей кельи. Такимъ образомъ Лоренцо долженъ былъ окончательно убѣдиться, что всѣ усилія побѣдить этотъ непреклонный характеръ будутъ напрасными

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы вполнѣ уяснить себѣ значеніе вышеописаннаго событія. Лоренцо Медичи былъ однимъ изъ выдающихся людей своего времени, и его духовныя стремленія могли осуществляться въ грандіозныхъ размѣрахъ потому, что, благодаря широкимъ торговымъ оборотамъ, онъ постоянно имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромныя суммы денегъ. И тогда было не мало властелиновъ, которые покровительствовали искусству; другіе отличались политическимъ честолюбіемъ или славились своимъ богатствомъ, но Лоренцо совмѣщалъ въ себѣ всѣ эти условія, такъ что передъ его звѣздой блѣднѣли всѣ остальныя.

Теперь искусство считается у насъ не болѣе, какъ украшеніемъ жизни, и источникомъ наслажденія для тѣхъ людей, которые спо-

собны понимать его, между тѣмъ, какъ для тогдашнихъ флорентинцевъ оно составляло неизбѣжное условіе существованія. Вездѣ слышалось пѣніе, сочинялись стихи; умный разговоръ считался одной изъ первыхъ потребностей всякаго образованнаго человѣка. И врядъ ли возможно было больше любить свой городъ, нежели его любили флорентинцы! То, что дѣлалось въ немъ, больше интересовало ихъ, чѣмъ важнѣйшія событія, происходившія въ остальномъ мірѣ.

Лоренцо былъ наилучшимъ правителемъ для своихъ соотечественниковъ и вполнѣ удовлетворялъ ихъ умственнымъ и нравственнымъ стремленіямъ. Между прочимъ, онъ основалъ въ монастырѣ Санъ-Марко родъ музея, гдѣ для художниковъ, желающихъ изучать искусство, выставлены были античныя и новыя скульптурныя произведенія. Благодаря этому музею талантливый Микель Анджело Буонаротти, который до этого, противъ воли своего отца, втайнѣ занимался живописью, поступилъ въ ученики къ Доменико Гирландайо, чтобы испытать свои силы въ скульптурѣ. Первымъ опытомъ Микель Анджело, въ этой области искусства, была маска фауна, сдѣланная имъ въ саду Санъ-Марко, куда онъ случайно зашелъ съ своимъ пріятелемъ Франческо Грановеччи, который также работалъ въ мастерской Гирландайо. Лоренцо Медичи обратилъ вниманіе на эту маску и выхлопоталъ у отца Микель Анджело, чтобы тотъ позволилъ своему сыну жить во дворцѣ Медичи. Вскорѣ послѣ того, Торриджьяно, одинъ изъ соучениковъ Микель Анджело разбилъ ему носъ ударомъ кулака, такъ что послѣдняго принесли замертво домой. Одни говорили, что Микель Анджело былъ самъ причиной ссоры, другіе, что поводомъ къ ней была зависть со стороны менѣе талантливаго художника. Торриджьяно принужденъ былъ бѣжать изъ Флоренціи и послѣ того много лѣтъ не возвращался на родину. Но это событіе не имѣло никакого вліянія на дальнѣйшую судьбу Микель Анджело, который неизмѣнно пользовался особенной милостью Лоренцо и до самой его смерти оставался во дворцѣ Медичи, гдѣ изучалъ богатыя, находившіяся тамъ, сокровища искусства. Кромѣ того, Лоренцо, узнавъ о плохихъ денежныхъ обстоятельствахъ отца Микель Анджело, назначилъ ему небольшую пенсію, что окончательно помирило старика съ профессіей сына. Эти и подобные случаи доказываютъ насколько Лоренцо любилъ и понималъ искусство; его непосредственное вліяніе отразилось и на успѣшныхъ занятіяхъ флорентинской художественной академіи, которая принесла богатые и блестящіе плоды. Властелины могутъ только унизить искусство, если покровительствуютъ ему изъ-за внѣшнихъ поводовъ, а не вслѣдствіе пониманія художественныхъ произведеній или нравственной потребности. Но самъ Лоренцо Медичи былъ основательно знакомъ съ классическимъ міромъ. Онъ выбиралъ болѣе способныхъ юношей по собственной инціативѣ, назначалъ преподавателей и изъ попытокъ

начинающихъ художниковъ могъ составить себѣ болѣе или менѣе правильное сужденіе объ ихъ дальнѣйшей будущности. Драгоцѣнныя коллекціи, предоставленныя имъ въ распоряженіе желающихъ, доставляли и ему самому величайшее наслажденіе. Онъ далъ возможность молодежи сходиться въ его дворцѣ съ первыми учеными Италіи. Тѣ изъ художниковъ, талантъ которыхъ представлялъ для него извѣстный интересъ, всегда находили мѣсто за его столомъ, и онъ всѣми способами старался сблизить ихъ съ своей семьей.

Однако, несмотря на всѣ достоинства Лоренцо и важныя услуги, оказанныя имъ культурѣ Флоренціи, новый настоятель монастыря Санъ-Марко осмѣлился открыто высказать ему свое презрѣніе. При тогдашнихъ условіяхъ, отказъ Саванаролы признать первенство Лоренцо было явнымъ объявленіемъ войны, потому что со времени заговора Пацци домъ Медичи достигъ такой недосягаемой высоты, что никто не осмѣливался оспаривать его власть и вліяніе.

Само собой разумѣется, что смѣлый монахъ долженъ былъ мотивировать своимъ приверженцамъ принятый имъ враждебный способъ дѣйствій. Онъ началъ свои обвиненія съ того, что Лоренцо старался усилить достигнутую имъ власть безнравственными средствами. Бракъ Маддаллены Медичи съ Франческетто Чибо послужилъ ему, въ данномъ случаѣ, наилучшимъ орудіемъ. Франческетто былъ извѣстный игрокъ и часто проматывалъ огромныя суммы; всѣмъ было извѣстно, что золото, которое онъ проигрывалъ, взято имъ изъ папской казны, составленной преимущественно изъ благочестивыхъ приношеній пилигримовъ и изъ доходовъ, получаемыхъ отъ индульгенцій и продажи мощей. Лоренцо выдалъ свою единственную дочь за этого легкомысленнаго человѣка, котораго всѣ считали сыномъ папы, чтобы по возможности сблизиться съ святымъ отцомъ. Цѣль была вполнѣ достигнута, потому что вскорѣ послѣ того второй сынъ Лоренцо, несмотря на свою раннюю молодость, былъ возведенъ въ санъ кардинала.

Въ тѣ времена почти въ каждомъ знатномъ домѣ, не исключая и Медичи, держали астролога, который долженъ былъ ставить гороскопъ при рожденіи дѣтей. Такимъ образомъ, Марсиліо Фичино, астрологъ, жившій во дворцѣ Лоренцо, предсказалъ при рожденіи Джьованни, что онъ будетъ папой. Нѣкоторые ученые въ томъ числѣ Пико де-Мирандола давно возставали противъ астрологіи, доказывая, что вѣра въ звѣзды ведетъ къ безбожію и безнравственности. Саванарола вполнѣ раздѣлялъ ихъ взглядъ. Все это, въ связи съ другими соображеніями, настолько повліяло на ревностнаго монаха, что онъ призналъ діавольскимъ навожденіемъ любовь Лоренцо къ роскоши и искусству и объявилъ ему открытую войну, какъ приверженцу языческихъ воззрѣній и участнику въ безбожныхъ дѣяніяхъ папскаго двора.

ГЛАВА VIII.

Смерть Лоренцо «Великолѣпнаго».

ВЪ ТО ВРЕМЯ, какъ въ итальянскихъ государствахъ господствовала разнузданность страстей и себялюбіе стало высшимъ принципомъ, которому подчинены были не только законы, но и всякое чувство, съ сѣверо-запада поднялась гроза, приближеніе которой можно было предвидѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Неожиданная смерть постигла преждевременно французскаго короля Людовика XI и его корона перешла къ Карлу VIII, который былъ тогда четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Умирающій король сдѣлалъ распоряженіе, чтобы старшая сестра его сына, Анна Божё, супруга Петра Бурбона, была назначена правительницей. Эта умная и энергичная принцесса со славой управляла страной въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; она съумѣла обуздать незаконныя притязанія остальныхъ принцевъ королевскаго дома, чѣмъ подавила всѣ внутреннія смуты и устранила кровавую междоусобную войну.

Равнымъ образомъ, при посредствѣ мирныхъ договоровъ, она присоединила многія владѣнія къ французской коронѣ, и, значительно, усилила и обезпечила власть своего дома. Она также позаботилась о томъ, чтобы пріискать для своего брата подходящую невѣсту, и, какъ ей казалось, нашла ее въ лицѣ Маргариты Бургундской, малолѣтней дочери римскаго короля Максимиліана, которому, въ свою очередь, обѣщана была рука и наслѣдство Анны Бретанской.

Задуманный бракъ былъ тѣсно связанъ съ предшествующими событіями, которыя ясно показываютъ, по какимъ мотивамъ заключались супружескіе союзы въ эту пору среднихъ вѣковъ. Еще

Людовикъ XI составилъ планъ женить своего сына Карла, когда ему было не болѣе восьми лѣтъ, на Маріи Бургундской, чтобы присоединить къ французской коронѣ владѣнія нидерландской принцессы.

Но Марія Бургундская уже была обручена съ Максимиліаномъ австрійскимъ и настояла на томъ, чтобы посланный короля Людовика XI, извѣстный цирюльникъ Оливье le Daim, вышедшій изъ низкаго званія, былъ отосланъ во Францію съ рѣшительнымъ отказомъ. Наконецъ, несмотря на всевозможныя препятствія, Маріи удалось выйти за любимаго человѣка. Но вѣрность ея не получила достойной награды, потому что ей не суждено было насладиться долгимъ счастьемъ. Она умерла послѣ немногихъ лѣтъ супружеской жизни, и французскій дворъ просилъ теперь руки ея дочери Маргариты для того же принца Карла, который нѣкогда былъ въ числѣ претендентовъ самой Маріи Бургундской. Чтобы заручиться согласіемъ овдовѣвшаго Максимиліана придумана была выгодная для него комбинація: ему предложили руку Анны Бретанской, родственницы французскаго королевскаго дома, обладавшей богатымъ наслѣдствомъ.

Максимиліанъ изъявилъ свое согласіе и маленькая Маргарита была отправлена во Францію, чтобы получить тамъ воспитаніе подъ непосредственнымъ руководствомъ правительницы.

Но это соглашеніе между обоими дворами было разрушено Карломъ VIII, который достигнувъ совершеннолѣтія, не захотѣлъ относительно своего брака подчиниться планамъ старшей сестры. Враги принцессы Бурбонской доказывали ему, что для него прямой разсчетъ самому жениться на Бретанской наслѣдницѣ, потому что онъ значительно увеличитъ этимъ свое государство, между тѣмъ, какъ наслѣдственныя права Маргариты не представляютъ ничего опредѣленнаго. Эти убѣжденія настолько подѣйствовали на Карла, что онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы увидѣть Анну Бретанскую, и былъ настолько очарованъ привлекательной наружностью своей молодой родственницы, что рѣшилъ уничтожить прежнее обязательство. Не обращая вниманія на неудовольствіе правительницы, у которой воспитывалась Маргарита, онъ отправилъ послѣднюю къ ея отцу, королю Максимиліану и немедленно послѣ того женился на Аннѣ Бретанской.

Этотъ поступокъ молодаго французскаго короля произвелъ не малую сенсацію въ Европѣ и обратилъ на него вниманіе большихъ и мелкихъ дворовъ. Самый фактъ, что онъ рѣшился дѣйствовать самостоятельно въ такомъ важномъ дѣлѣ и при этомъ выказалъ разсудительность, не соотвѣтствующую его возрасту, давалъ поводъ думать, что онъ и въ будущемъ проявитъ такую же разсчетливость и энергію и станетъ заботиться объ увеличеніи своей власти и блеска Анжуйскаго дома.

Дипломаты тотчасъ же начали дѣлать разныя предположенія; между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ о правахъ, которыя Карлъ могъ заявить на неаполитанское королевство. Царствующій король Фердинандъ аррагонскій не былъ законнымъ государемъ Неаполя и Анжуйскій домъ могъ во всякомъ случаѣ объявить его похитителемъ престола и заявить свои притязанія на неаполитанскую корону.

Но этотъ вопросъ могъ быть рѣшенъ годами и трудно было предвидѣть заранѣе, какъ будетъ вести себя Карлъ въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что походъ въ Италію считался довольно рискованнымъ предпріятіемъ.

Между тѣмъ, дѣла въ Италіи приняли другой оборотъ вслѣдствіе смерти папы Иннокентія VIII, который послѣ своего чудеснаго изцѣленія отъ влитой въ него здоровой крови прожилъ еще два года. Смерть папы была почти внезапная, но тѣмъ не менѣе, онъ успѣлъ надѣлить своего сына Франческетто Чибо большими помѣстьями въ Романьи.

Само собой разумѣется, что со смертью папы, Франческетто утратилъ въ значительной степени то блестящее положеніе, какое занималъ въ обществѣ, такъ какъ лично не пользовался уваженіемъ своихъ соотечественниковъ. Вслѣдъ затѣмъ, на его несчастіе, опасно заболѣлъ Лоренцо Медичи, и онъ могъ ожидать со дня на день смерти своего тестя.

Домъ Медичи много обязанъ былъ своимъ блескомъ вліянію Клары Орсини на мужа, но, тѣмъ не менѣе, главная цѣль стремленій этой властолюбивой женщины не была достигнута. Хотя властелины другихъ государствъ выказывали неизмѣнную дружбу Лоренцо, прославляли его изысканный вкусъ, высокое умственное развитіе и любовь къ искусству, но въ дѣйствительности относились къ нему свысока, какъ къ человѣку незнатнаго происхожденія. Они не признавали даже его министровъ и посланниковъ и презрительно называли ихъ «повѣренными по дѣламъ дома Медичи».

Клара надѣялась, что сношенія съ неаполитанскимъ дворомъ проложатъ путь къ дружественной связи ея дома съ королевской фамиліей, царствующей въ Италіи; но права самого Фердинанда на престолъ считались спорными, и чистокровные представители древнихъ владѣтельныхъ родовъ не считали его равнымъ себѣ по происхожденію.

Клара напрасно хлопотала о томъ, чтобы женить своего старшаго сына Пьетро на принцессѣ, которая могла бы доставить ему родство съ какимъ нибудь царствующимъ домомъ. Всѣ ея усилія въ этомъ направленіи остались тщетными. Вскорѣ возникли новыя препятствія къ достиженію этой цѣли, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Саванарола началъ возмущать народъ противъ Медичисовъ, называя ихъ незаконными похитителями верховной власти. Наконецъ,

Клара, потерявъ всякую надежду осуществить задуманный ею планъ, рѣшила женить сына на своей племянницѣ, Альфонсинѣ, крестницѣ Неаполитанскаго короля, чтобы еще болѣе сблизить Пьетро съ домомъ Орсини.

Лоренцо не противорѣчилъ своей супругѣ и предоставилъ ей распорядиться судьбой сына, тѣмъ болѣе, что въ это время неожиданный ходъ политическихъ событій начиналъ серьезно заботить его.

Пьетро выросъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ матери; онъ любилъ роскошь, но не былъ одаренъ, подобно Лоренцо, пониманіемъ искусства. Непомѣрная гордость, составлявшая отличительную черту характера Клары, перешла къ ея сыну въ усиленной степени и нерѣдко заглушала въ немъ всѣ другія душевныя побужденія; мысль сдѣлаться со временемъ неограниченнымъ монархомъ неотступно преслѣдовала его.

Лоренцо не останавливался ни передъ какой суммой денегъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы возвеличить домъ Медичи и восполнить внѣшнимъ блескомъ недостатокъ знатности своей фамиліи. Онъ не заботился о томъ, что разстраиваетъ свои денежныя дѣла безумными тратами; ему, прежде всего, необходимо было оправдать прозвище, «il magnifico» (великолѣпный), данное ему народомъ. Но такъ какъ онъ нерѣдко назначалъ на важнѣйшія государственныя должности своихъ повѣренныхъ по дѣламъ, то кончилось тѣмъ, что постоянно колоссальныя суммы казенныхъ денегъ употреблялись на погашеніе его личныхъ долговъ. Мало-по-малу, разстройство финансовъ дошло до такой степени, что поднятъ былъ вопросъ о томъ: прекратитъ ли торговый домъ Медичи свои платежи или же государство приметъ на себя его долги?

Но тутъ, противъ всякаго ожиданія, республика вступила въ сдѣлку, чтобы спасти отъ банкротства домъ Медичи. Облигаціи были понижены въ цѣнѣ и проценты уменьшены больше, чѣмъ на половину. Лоренцо воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ торговыхъ дѣлахъ и обратить свое имущество въ поземельную собственность.

Естественно, что при этихъ условіяхъ почва была достаточно подготовлена, чтобы Саванарола могъ посѣять на ней сѣмена своего ученія. До сихъ поръ, два человѣка были недосягаемы въ глазахъ флорентинцевъ по своему могуществу и высокому положенію, а именно: папа и Лоренцо Медичи, и противъ нихъ обоихъ выступилъ съ обличеніями смѣлый доминиканскій монахъ, незнавшій боязни передъ земными властями. Въ былыя времена все, что относилось къ римскому двору и дому Медичи казалось чѣмъ-то ниспосланнымъ свыше, не подлежащимъ людскому суду. Но теперь, на ряду съ папой и главой дома Медичи, произносили имя настоятеля монастыря Санъ-Марко, который боролся противъ нихъ

свободнымъ словомъ, и своими разсужденіями о Божьемъ царствѣ старался подорвать ихъ вліяніе. Саванарола скорѣе всего могъ быть названъ республиканцемъ на религіозной почвѣ. По его убѣжденію заповѣди Господни и христіанское ученіе должны были служить основой государственныхъ учрежденій. Онъ хотѣлъ перестроить міръ на новыхъ началахъ и твердо вѣрилъ, что земное блаженство доступно для людей только подъ условіемъ смиренія, неутомимаго труда и человѣколюбія.

Въ настоящее время далеко не легкая задача представить себѣ вполнѣ вѣрную картину монастырской жизни въ пятнадцатомъ столѣтіи. Реформація выставила на видъ только ея темныя стороны, такъ что, хотя всѣми было признано, что нѣкоторые монахи оказали существенную услугу списываніемъ старинныхъ рукописей, но на монастыри стали смотрѣть, какъ на притоны тайнаго разврата. Послѣднее было справедливо только до извѣстной степени и ни въ какомъ случаѣ не могло относиться къ доминиканцамъ и францисканцамъ, которые всегда принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ за духовную власть, хотя, разумѣется, съ своей точки зрѣнія. Едва разнеслась молва, что настоятель доминиканскаго монастыря, Саванарола, начинаетъ обращать на себя общее вниманіе, какъ это возбудило зависть францисканцевъ, и они объявили ему открытую войну.

За годъ до смерти Лоренцо Медичи, одинъ изъ горячихъ противниковъ Саванаролы, францисканскій монахъ Маріано, отправился изъ Флоренціи въ Римъ, чтобы доложить папѣ объ угрожавшей ему опасности со стороны безпощаднаго доминиканца. Говорили тогда, что Маріано рѣшился на этотъ шагъ по настоянію фамиліи Медичи. Папа Иннокентій VIII милостиво принялъ францисканца, который началъ свою рѣчь съ восклицанія: «Святой отецъ! прикажи сжечь на кострѣ это исчадіе сатаны!..» Неизвѣстно, повліяло ли на здоровье Маріано сильное нравственное напряженіе или усталость съ дороги, но только, вслѣдъ за его возвращеніемъ, съ нимъ сдѣлался параличъ; онъ навсегда лишился языка и не могъ болѣе произнести ни единаго слова.

Этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на флорентинцевъ и еще больше увеличилъ значеніе Саванаролы. Почти въ то же время заболѣлъ Лоренцо Медичи неизлѣчимой внутренной болѣзнью, и, такъ какъ, сверхъ того, его сильно мучила подагра, то имъ овладѣла непреодолимая боязнь умереть безъ покаянія.

Въ мрачный зимній вечеръ, вся семья Медичи, кромѣ кардинала Джьованни собралась въ виллѣ Карреджи, близь Флоренціи, въ спальнѣ больнаго Лоренцо, который лежалъ на постелѣ, окруженной тяжелыми штофными занавѣсями. Кромѣ Клары, Пьетро и Альфонсины тутъ былъ и Франческетто съ Маддаленой, которая привела съ собой двухъ маленькихъ сыновей. Всѣ съ одинаковымъ

безпокойствомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ ученаго друга дома Медичи, Пико де-Мирандола, взявшаго на себя обязанность врача; послѣдній держалъ въ рукѣ плоскую чашу съ лекарствомъ, которое, по его мнѣнію, должно было облегчить страданія больнаго.

Печальные, блуждающіе взоры Лоренцо переходили отъ лица жены къ сыну и другимъ членамъ семьи. Комната, въ которой онъ лежалъ, была украшена драгоцѣннымъ алтаремъ, гдѣ передъ Распятіемъ горѣла неугасаемая лампада. Стѣны были увѣшены картинами знаменитѣйшихъ художниковъ, которые отчасти были обязаны дому Медичи своевременнымъ развитіемъ своего таланта. Въ сосѣднихъ комнатахъ были собраны не менѣе цѣнныя художественныя произведенія древняго и новаго искусства; Лоренцо зналъ, что его домъ, по великолѣпію обстановки, не уступитъ ни одному изъ королевскихъ дворцовъ. Если церкви и площади Флоренціи были украшены произведеніями искусства, то они были обязаны этимъ его щедрости, и Лоренцо могъ надѣятся, что слава этихъ безсмертныхъ сокровищъ покроетъ и его имя неувядаемымъ блескомъ. Но теперь, лежа на смертномъ одрѣ, онъ долженъ былъ сознаться передъ самимъ собой, что далеко не достигъ той цѣли, къ которой стремился всю жизнь. Съ тайнымъ ужасомъ онъ думалъ о томъ, что со временемъ, если восторжествуетъ міросозерцаніе въ духѣ ученія Джироламо, то всѣ его стремленія будутъ признаны дѣломъ суетнаго бѣсовскаго навожденія. Хотя домъ его былъ спасенъ отъ раззоренія, но онъ зналъ, что народъ относится къ нему не съ прежнею любовью, и боялся что представители фамиліи Медичи со временемъ будутъ еще меньше пользоваться расположеніемъ флорентинцевъ. Таковы были плоды его честолюбивыхъ стремленій! Господь унизилъ его гордыню и показалъ въ лицѣ бѣднаго доминиканскаго монаха, что въ Его власти уничтожить земной блескъ и заставить людей ощутить страхъ Божій.

Но въ то время, какъ ученый врачъ и приближенные Лоренцо молча ждали дѣйствія лекарства въ надеждѣ услыхать слово утѣшенія изъ устъ больнаго, послѣдній мысленно готовился къ смерти. Покончивъ съ земными помыслами и заботами, онъ остановился на рѣшеніи, которое давало ему надежду на спокойную смерть и мирный переходъ къ другой лучшей жизни. Онъ подалъ знакъ рукой, чтобы къ нему подошла Клара, такъ какъ видимо желалъ сообщить ей нѣчно важное. Она наклонилась къ нему, и Лоренцо сказалъ ей на ухо нѣсколько словъ, послѣ чего, Клара попросила всѣхъ удалиться изъ спальни на нѣсколько минутъ, добавивъ, что больной желаетъ остаться съ нею наединѣ.

Лицо Клары было блѣдно, и ея большіе черные глаза блестѣли лихорадочнымъ огнемъ, потому что въ эту минуту она испытывала глубокія страданія при мысли о близкой смерти дорогаго для нея человѣка. Хотя врачи еще не потеряли надежды на выздоровленіе

Лоренцо, но она лучше всѣхъ знала своего мужа, видѣла полный упадокъ его физическихъ и нравственныхъ силъ и была убѣждена, что ничто не можетъ возстановить ихъ.

Когда они остались вдвоемъ Лоренцо сказалъ ей:

— Я желалъ бы приготовиться къ смерти и хотѣлъ просить тебя, чтобы ты немедленно послала за духовникомъ.

Эти слова болѣзненно отозвались въ душѣ Клары, но она овладѣла собой и отвѣтила, что готова исполнить его желаніе. Она намѣревалась выйти изъ комнаты, чтобы отдать соотвѣтствующее приказаніе; но больной сдѣлалъ быстрое движеніе и, судорожно схвативъ ее за руку, сказалъ слабымъ прерывающимся голосомъ:

— Подожди немного и выслушай меня! ты должна знать кого я выбралъ своимъ духовникомъ; помни, что это неизмѣнное желаніе умирающаго, которое должно быть исполнено... Я хочу исповѣдываться передъ однимъ человѣкомъ, а не передъ кѣмъ другимъ, и только изъ его рукъ желалъ бы принять св. Дары, какъ залогъ моего примиренія съ Богомъ!.. Пошли въ доминиканскій монастырь Санъ-Марко и прикажи передать настоятелю Джироламо Саванаролѣ, чтобы онъ пришелъ къ Лоренцо Медичи, который лежитъ на смертномъ одрѣ и желаетъ исповѣдываться у него.

Клара обомлѣла отъ ужаса. Въ ея гордой душѣ происходила тяжелая борьба разнообразныхъ ощущеній, но она не смѣла отказать умирающему въ его послѣдней просьбѣ.

Въ тѣ времена люди самаго непреклоннаго характера не рѣшались умереть безъ покаянія; поэтому Клара ни въ какомъ случаѣ не позволила бы себѣ лишить дорогаго ей человѣка возможности помириться съ своей совѣстью въ тотъ моментъ, когда онъ чувствовалъ приближеніе смерти.

Хотя она далеко не одобряла рѣшенія своего мужа и не предвидѣла добра отъ предстоящаго свиданія, но молча кивнула головой въ знакъ согласія, и, пожавъ руку Лоренцо, вышла изъ спальни, чтобы исполнить его желаніе.

Довольно значительное разстояніе отдѣляло виллу Карреджи отъ монастыря Санъ-Марко, поэтому приходилось дорожить каждой минутой, чтобы не увеличить нетерпѣнія больнаго. Двое слугъ по приказанію Клары немедленно сѣли на лошадей и отправились въ монастырь, захвативъ съ собой третью верховую лошадь для настоятеля. Затѣмъ Клара вернулась къ своему мужу и молча сѣла около его постели.

Остальные члены семьи не входили больше въ комнату больнаго, и хотя Пьетро и Маддалена не рѣшились бы противорѣчить отцу, но также отнеслись несочувственно къ его странному желанію.

Одинъ Пика де-Мирандола искренно обрадовался, узнавъ о предстоящемъ свиданіи, такъ какъ до этого онъ не разъ убѣждалъ Лоренцо помириться съ Саванаролой.

Клара взяла книгу и при свѣтѣ лампады читала вслухъ молитвы. Лоренцо лежалъ неподвижно и мысленно готовился къ исповѣди.

Такъ прошло довольно много времени. Неожиданное приглашеніе застало врасплохъ суроваго настоятеля монастыря Санъ-Марко; онъ медлилъ съ отъѣздомъ, потому что хотѣлъ предварительно обдумать свой способъ дѣйствій. Согласно своимъ убѣжденіямъ, Саванарола видѣлъ и въ этомъ событіи промыслъ Божій и рѣшился неуклонно слѣдовать его указаніямъ.

Наконецъ, вошелъ слуга и доложилъ вполголоса Кларѣ о прибытіи настоятеля Санъ-Марко; она молча поднялась съ своего мѣста и съ молитвенникомъ въ рукѣ вышла въ свою комнату, которая была рядомъ съ спальней Лоренцо. Она встала на колѣни передъ распятіемъ въ надеждѣ, что усердная молитва обратитъ ея мысли къ Всевышнему.

Саванарола медленнымъ шагомъ подошелъ къ постели больнаго Лоренцо, который устремилъ на него взглядъ, полный томительнаго ожиданія.

Въ данный моментъ, мысли Джироламо были исключительно заняты результатами его свиданія съ правителемъ Флоренціи. Но, не упуская изъ виду своей обязанности духовника, онъ хотѣлъ послѣ короткаго привѣтствія произнести тѣ слова, которыя, согласно догматамъ католической церкви, служатъ приготовленіемъ къ исповѣди.

Но Лоренцо предупредилъ его:

— Вы знаете мою жизнь, достопочтенный отецъ, сказалъ онъ, и мнѣ нечего каяться передъ вами въ моихъ грѣхахъ. Если помимо общечеловѣческихъ слабостей и ошибокъ я виновенъ въ поступкахъ, за которые мнѣ пришлось бы предстать на судъ Божій, то эти поступки, благодаря моему общественному положенію, настолько извѣстны всѣмъ, что я не считаю нужнымъ распространяться о нихъ. Вы не разъ публично высказывали свое мнѣніе обо мнѣ, и я имѣлъ не мало случаевъ убѣдиться, что мое поведеніе во многомъ встрѣтило съ вашей стороны самое строгое порицаніе. Дѣйствительно, много грѣховъ тяготѣетъ надъ моей совѣстью, но я надѣюсь на милосердіе Божіе, и поэтому рѣшился обратиться къ вамъ, какъ къ самому неумолимому обличителю моихъ дѣйствій, чтобы услышать изъ вашихъ устъ, что̀ я долженъ дѣлать, чтобы искупить ихъ и заслужить прощеніе грѣховъ. Быть можетъ, вы признаете меня достойнымъ святаго причастія и поможете мнѣ умереть христіанской смертью въ виду моего искренняго раскаянія...

Саванарола спокойно выслушалъ умирающаго:

— Вѣрите ли вы, спросилъ онъ, что милосердіе Божіе можетъ отпустить всѣ грѣхи ваши и устами священнослужителя дать вамъ прощеніе?

Умирающій отвѣтилъ, что онъ вѣритъ этому всѣмъ сердцемъ.

— Если такъ, возразилъ Саванарола, то, въ силу данной мнѣ духовной власти, вы получите разрѣшеніе грѣховъ, но только въ томъ случаѣ, когда исполните два условія, иначе вы напрасно будете разсчитывать на милосердіе Божіе! Во-первыхъ, я долженъ спросить васъ: намѣрены ли вы возвратить законному владѣльцу незаконно пріобрѣтенное вами имущество?

Лоренцо молчалъ. Невѣрный, мерцающій свѣтъ лампады, висѣвшей надъ алтаремъ, слабо отражался на искаженныхъ чертахъ умирающаго, въ душѣ котораго происходила тяжелая борьба; тѣмъ же слабымъ неровнымъ свѣтомъ освѣщена была фигура спокойно стоявшаго передъ нимъ настоятеля. Лоренцо зналъ о какомъ имуществѣ шла рѣчь, потому что по окончаніи своихъ торговыхъ дѣлъ присвоилъ себѣ огромныя суммы денегъ, нѣкогда взятыя имъ изъ государственной казны и купилъ на нихъ виллы и помѣстья.

Ему было тяжело рѣшиться изъять эти поземельныя владѣнія изъ имущества дома Медичи. Но онъ зналъ, что человѣкъ въ его положеніи не можетъ искупить свои грѣхи малыми жертвами, и такъ какъ при этомъ у него было искреннее желаніе доказать дѣломъ свое раскаяніе, то онъ отвѣтилъ съ глубокимъ вздохомъ, что готовъ исполнить требованіе Джироламо и сдѣлать передъ смертью соотвѣтствующія распоряженія.

Второе условіе заключалось въ томъ, чтобы Лоренцо возстановилъ республиканскую свободу Флоренціи и оффиціально отказался отъ господства, которое присвоилъ себѣ надъ нею домъ Медичи.

Больной едва могъ пересилить овладѣвшее имъ волненіе. Суровый настоятель требовалъ отъ него, чтобы онъ пожертвовалъ будущностью своего сына, общественнымъ положеніемъ семьи и плодами неусыпныхъ стараній всей его жизни. Передъ его смущенной душой предсталъ образъ любимой жены, сучастницы всѣхъ его заботъ и стремленій, имѣвшихъ конечной цѣлью возвышеніе дома Медичи.

Лоренцо не могъ выдержать подобнаго испытанія, потому что ему приходилось добровольно разрушить все, чѣмъ онъ дорожилъ на землѣ. Онъ отвѣтилъ отказомъ и сдѣлалъ попытку уговорить настоятеля измѣнить второе условіе. Но Саванарола былъ непоколебимъ и заявилъ, что не дастъ разрѣшенія грѣховъ, если Лоренцо не согласится выполнить требуемаго условія.

Послѣ короткаго молчанія, Лоренцо повторилъ еще разъ, что не въ состояніи выполнить невозможное требованіе, и въ доказательство своей неизмѣнной рѣшимости повернулся къ стѣнѣ, и не произнесъ больше ни одного слова.

Саванарола терпѣливо ждалъ нѣкоторое время, затѣмъ удалился медленнымъ шагомъ.

Въ передней онъ встрѣтилъ ученаго Мирандола и молча кив-

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета Іордана, гравировалъ на деревѣ Паннемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 сентября 1883 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

I.

СКЕПТИЧЕСКО-МАТЕРЬЯЛИСТИЧЕСКОЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Общій характеръ литературы екатерининской эпохи.

НОВАЯ РУССКАЯ литература, какъ и новая наша исторія, началась съ Петра Великаго.

На грандіозную личность Преобразователя до сихъ поръ не установилось еще общаго взгляда ни въ наукѣ, ни въ литературѣ. Одни думаютъ, что онъ порвалъ (или по крайней мѣрѣ хотѣлъ порвать) связи съ прошлымъ русской земли и толкнулъ насъ на проторенную колею европейской исторіи; другіе не хотятъ видѣть въ его реформахъ переворота и полагаютъ, что эти реформы имѣютъ прямую, непосредственную связь съ прошлымъ и вызваны естественнымъ и даже спокойнымъ ходомъ историческаго развитія. Оба взгляда могутъ быть названы ошибочными по-стольку, по-скольку они оба вдаются въ крайность. Не говоря уже о невозможности полнаго, настоящаго разрыва съ историческимъ прошлымъ, Петру-ли, этому-ли русскому съ ногъ до головы человѣку, русскому и по простотѣ души, и по здравой трезвости ума, — ему ли было желать разрыва съ родною почвой? Что же касается, съ другой стороны, до такъ-сказать ожиданной естественности его преобразованія, то это болѣе чѣмъ сомнительно. Преобразованіе было именно переворотомъ, ибо оно создало необычай-

ное въ исторіи явленіе: прошлое запада, прошлое чужихъ странъ стало для насъ, русскихъ, нашимъ прошлымъ. Ничего подобнаго ни французъ, ни нѣмецъ и никто другой не испыталъ и даже понять не можетъ. Мы, русское общество созданное реформой Петра, — наслѣдники не только образованности нашихъ предковъ, но и богатыхъ цивилизацій западныхъ народовъ. Для насъ, крестовые походы, реформація, чуть не такое же, или почти такое же, родное прошлое, какъ татарское иго или 1612 годъ на Руси? Кому Шекспиръ не такъ же близокъ, какъ «Слово о полку Игоревѣ»? Въ блестящихъ произведеніяхъ нашей новѣйшей литературы мы видимъ слѣды какъ нашей собственной старой жизни, такъ и западно-европейской. Напримѣръ, «Борисъ Годуновъ» Пушкина написанъ подъ вліяніями: съ одной стороны—Шекспира, съ другой—народной русской поэзіи и русскихъ лѣтописей.

Не переставая быть самими собою (хотя иной разъ и казалось, что мы отреклись отъ себя), мы, со временъ геніальнаго Преобразователя, стали жадно и страстно усвоивать себѣ и формы, и содержаніе чужихъ жизней. Выходилъ подъ-часъ хаосъ невообразимый; но здоровая природа русской души все выносила,—и чужое добро незамѣтно и тайно сливалось съ роднымъ богатствомъ. Этотъ необычайный и великій историческій процессъ еще далеко не завершился; но мы настолько уже вышли изъ начальнаго его хаоса, что можемъ оглянуться назадъ и посмотрѣть на него объективно: бродячія силы успокоились, и для нѣсколько чуткаго уха и зоркаго глаза уже начинаетъ выясняться новая, наша идея, новый духовный образъ, своеобразное міросозерцаніе.

Этотъ историческій духовный процессъ сильнѣе и яснѣе всего выразился въ литературѣ.

Наша новая литература распадается на довольно опредѣленные періоды. Первый изъ нихъ можетъ быть обозначенъ именемъ своего главнаго представителя — Ломоносова; этотъ періодъ — эпоха подготовки, время общаго ознакомленія нашего съ доставшимся намъ богатымъ духовнымъ наслѣдствомъ Запада, такъ сказать—введеніе во владѣніе имъ путемъ доказательства нашихъ правъ на это владѣніе.

Самъ Ломоносовъ такъ опредѣляетъ (въ письмѣ къ Теплову отъ 30 января 1761 года) [1]) значеніе своей дѣятельности:

«что жъ до меня принадлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь 20 лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину».

Цѣлью и внутреннимъ смысломъ дѣятельности нашего перваго великаго писателя было дать примѣры во всѣхъ видахъ литературныхъ произведеній, доказать нашу способность ко всему.

[1]) Пекарскій, Біографія Ломоносова, стр. 726.

И онъ исполнилъ задачу, пожертвовавъ для нея своею европейскою славой: не можетъ быть сомнѣнія, что Ломоносовъ совершилъ бы великія открытія въ области естествознанія, если бы сосредоточился на занятіи имъ, ибо при своей геніальности онъ стоялъ на высотѣ современныхъ ему знаній; но онъ предпочелъ разбросаться по разнымъ областямъ науки и литературы, размѣнять по мелочамъ свои силы. И вѣчная слава ему за этотъ великій подвигъ любви къ родной землѣ! Ломоносовъ породнилъ насъ и съ наукой, и съ поэзіей Запада, внося въ нихъ въ то же время наше русское содержаніе; онъ открылъ широкій путь русской мысли.

За ломоносовскимъ періодомъ слѣдуетъ литература екатерининской эпохи, отличающаяся другимъ характеромъ. Къ намъ приходятъ въ это время съ Запада уже не просто различныя формы умственной дѣятельности, а различныя направленія мысли. Возникаетъ борьба этихъ направленій, борьба, получающая высокое значеніе и интересъ между прочимъ потому, что въ нее вступаетъ возникающее тогда же самобытное, такъ сказать, исключительно-національное направленіе. Иностранныхъ направленій въ это время у насъ два: скептическо-матерьялистическое и мистическо-нравоучительное. Одно изъ нихъ возникло подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII вѣка, другое подъ вліяніемъ идей мистическихъ. — Три названныя теченія мысли развиваются не въ преемственной, хронологической послѣдовательности, смѣняя другъ друга, а идутъ параллельно, одновременно, иной разъ враждебно сталкиваясь, иной разъ мирно сливаясь между собою, причемъ зачастую однѣ и тѣ-же личности, одни и тѣ-же писатели совмѣщаютъ въ себѣ повидимому совершенно несовмѣстимыя, противорѣчащія другъ другу, начала. Литература даннаго періода представляетъ хаотическое броженіе всевозможныхъ идей, страстно усвоиваемыхъ русскимъ обществомъ. Но этотъ хаосъ не былъ признакомъ разложенія жизни: изъ него долженъ былъ сложиться новый міръ. Надъ хаосомъ носился творческій геній русскаго народа. И уже въ екатерининскую эпоху мы видимъ первые признаки новаго, самобытнаго направленія русской литературы, выработывавшагося изъ сліянія разнообразныхъ идей. Два писателя съ огромными (хотя далеко не равномѣрно развившимися) силами, не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ названныхъ выше направленій, стоятъ внѣ или (лучше сказать) выше ихъ односторонности: это—поэтъ (къ сожалѣнію мало понимавшій значеніе поэзіи) Державинъ и издатель журналовъ, сатирикъ и мыслитель—Новиковъ. Сказавшись у перваго лишь инстинктивными проблесками вдохновенія среди массы пустозвонныхъ фразъ, самобытное направленіе у втораго изъ этихъ писателей, бывшаго прежде представителемъ различныхъ направленій, выразилось въ позднѣйшихъ его журналахъ выработкой возвышеннаго, оригинальнаго міросозерца-

нія, на которомъ воспитались подъ его личнымъ руководствомъ лучшіе представители молодаго поколѣнія, читатели и сотрудники его изданій. Къ числу этихъ молодыхъ людей принадлежалъ и Карамзинъ, тотъ Карамзинъ, съ котораго начинается новый, третій періодъ литературы, смѣнившій періодъ броженія и борьбы идей екатерининской эпохи.

Разсматривая словесность екатерининскаго времени (предметъ настоящаго сочиненія), прежде всего дѣлжно изъ различныхъ ея умственныхъ теченій обратиться къ той струѣ, которую я назвалъ «скептическо-матерьялистическимъ» направленіемъ: это направленіе пользовалось особою славой и считалось въ свое время господствующимъ въ жизни.

Оно возникло подъ вліяніемъ такъ называемой «освободительной» философіи XVIII вѣка. Извѣстно, какъ сильно дѣйствовала эта философія на всѣ страны Европы, и своими свѣтлыми сторонами—борьбой съ предразсудками и суевѣріями, и сторонами темными—своими матерьялистическими вѣрованіями. Русское общество екатерининскаго вѣка было тоже подъ обаяніемъ знаменитыхъ идей. Масса сочиненій энциклопедистовъ ввозилась въ Россію; множество ихъ переводилось на русскій языкъ. Имъ покровительствовала императрица Екатерина, гордившаяся именемъ ученицы Вольтера. Свободомысліе дѣлало у насъ блестящіе успѣхи. Надо сказать, однако, что нами прежде всего усвоивалась легкомысленная сторона философскихъ идей Франціи: въ Россіи появилось множество «волтерьянцевъ», т. е. легкомысленныхъ скептиковъ и атеистовъ, которые слѣдовали ученію Гельвеція, Гольбаха и другихъ, что жизнь человѣка ограничивается землею, что такъ называемая духовная дѣятельность есть продуктъ матерьяльныхъ процессовъ тѣла, и которые спѣшили наслаждаться преходящими благами временной жизни, не заботясь ни о будущемъ, ни о достоинствѣ средствъ добыванія этихъ благъ. — Къ сожалѣнію, безотрадный скептицизмъ и матерьялизмъ подрывали порою дѣятельность и серьезныхъ, даровитыхъ людей. Таковъ, напримѣръ, Добрынинъ, авторъ талантливыхъ, истинно-художественныхъ записокъ о своей жизни, ничего кромѣ этихъ записокъ не написавшій. Онъ съ тоскою все подорвавшаго въ душѣ сомнѣнія разсуждаетъ въ нихъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

«Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь кажутся ему неограниченными временемъ; но, въ самомъ дѣлѣ, одна уже во мрачный ужасъ облеченная смерть достаточна его просвѣтить, что обитаемой нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго» [1]).

---

[1]) Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина, имъ самимъ писанная. Въ 3 част. Спб. 1872. Изд. 2-е, стр. 139. (Перв. изд. въ «Рус. Стар.» 1871 г. т. III и IV).

Впрочемъ эти скорбныя слова свидѣтельствуютъ и о вліяніи серьезной стороны идей освободительной философіи на нашу жизнь. Это вліяніе у насъ также было, и также въ значительныхъ размѣрахъ. Но я постараюсь указать на его проявленія при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ литературныхъ фактовъ.

II.

Вольтеръ.

Не буду предпосылать разбору русскихъ литературныхъ явленій общаго очерка дѣятельности энциклопедистовъ, во 1-хъ, потому, что такой очеркъ можно найти въ любой исторіи всеобщей словесности, во 2-хъ, потому, что мнѣ придется говорить о томъ или другомъ философѣ XVIII вѣка при разборѣ тѣхъ литературныхъ фактовъ, которые именно изъ этого философа берутъ свое начало. Но я остановлюсь на характеристикѣ нѣкоторыхъ воззрѣній главнаго изъ знаменитыхъ писателей XVIII вѣка—Вольтера. Я долженъ сдѣлать это, во 1-хъ, потому, что Вольтеръ по-праву можетъ быть названъ представителемъ своего времени: онъ—несомнѣнный и единственный между «философами» вѣка геній и въ то же время онъ человѣкъ не вдававшійся въ одностороннія крайности, какъ, напримѣръ, Гельвецій, или баронъ Гольбахъ, не носившійся по вѣтру идей, какъ, напримѣръ, Дидро, этотъ по словамъ нашеге великаго поэта:

То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ.

Во 2-хъ, я долженъ остановиться на личности Вольтера потому еще, что онъ имѣлъ у насъ сильнѣйшее вліяніе, несомнѣнно сильнѣйшее, чѣмъ всѣ современные ему писатели. Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ масса переводовъ изъ него [1]), такъ всего болѣе образовавшееся въ языкѣ нашемъ слово «волтерьянецъ»; это слово обозначало вообще представителя новыхъ свободныхъ идей, которые отождествлялись въ умахъ нашихъ предковъ съ дѣятельностью именно и преимущественно Вольтера. Самое слово «Вольтеръ» сдѣлалось у насъ даже нарицательнымъ:

«Фельдфебеля въ вольтеры дамъ!»

выражается Скалозубъ въ комедіи «Горе отъ ума», желая сказать: дамъ въ учители.

Геніальная личность Фернейскаго философа и невольно къ себѣ привлекаетъ, и невольно отъ себя отталкиваетъ. Есть что-то чарующее, обольщающее и вмѣстѣ ненавистное душѣ въ этомъ скепти-

---

[1]) См. Сопикова.

ческомъ, остромъ, могучемъ, холодномъ и циническомъ умѣ, такъ прекрасно выражающемся въ змѣиной улыбкѣ на его извѣстномъ изваяніи. И вотъ почему трудно хладнокровно, безъ увлеченія въ ту или другую сторону, анализировать эту колоссальную личность. Судъ человѣка надъ человѣкомъ вообще рѣдко бываетъ вполнѣ свободнымъ, т. е. вполнѣ безпристрастнымъ: извѣстныя убѣжденія, извѣстное направленіе влекутъ каждаго изъ насъ болѣе или менѣе въ односторонность. Но въ этомъ отношеніи очень важны и цѣнны приговоры поэтовъ. Древніе называли поэта—vates, и были совершенно правы: поэтъ (въ этомъ и заключается сущность поэзіи) смотритъ на жизнь не съ той или другой точки зрѣнія,—онъ живетъ и судитъ всею полнотой души; и потому судъ его чуждъ односторонности, безпристрастенъ и правдивъ, ибо его міросозерцаніе—міросозерцаніе цѣлостной и не-раздвоенной души. Я начну рѣчь о Вольтерѣ ссылкою на отзывы о немъ двухъ великихъ поэтовъ.

Намекая на поэму «Pucelle d'Orléan», Шиллеръ такъ отзывается о Вольтерѣ въ своемъ стихотвореніи «Орлеанской дѣвѣ» [1]).

Стараясь исказить твой образъ благородный,
Тебя насмѣшка въ грязь хотѣла затоптать;
Враждуя цѣлый вѣкъ съ прекраснымъ, умъ холодный
Не вѣритъ ни въ добро, ни въ Божью благодать,
Ни въ Ангеловъ святыхъ — и, полный святотатства,
Стремится у души украсть ея богатства.

Гораздо мягче приговоръ надъ великимъ писателемъ нашего Пушкина: въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній—въ «Посланіи къ князю Юсупову» великій русскій поэтъ такъ характеризуетъ Вольтера, обращаясь къ екатерининскому вельможѣ, посѣтившему Ферней:

Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней, — и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ [2]).

Соедините указанныя здѣсь Пушкинымъ черты въ одинъ образъ—и передъ вами возникнетъ Мефистофель. Мефистофель, совершенно незнакомый людямъ непосредственнымъ, близокъ каждому изъ насъ, пережившихъ состояніе рефлексіи. Бываетъ эпоха въ жизни человѣка, причастнаго европейской цивилизаціи, когда силы ума, порываясь къ господству надъ другими душевными си-

---

[1]) Соч. Шиллера въ пер. русск. поэтовъ, подъ ред. Гербеля, т. I, стр. 97.
[2]) Соч. Пушкина, изд. 1882 г., т. II, стр. 267.

лами, все подвергаютъ сомнѣнію, разрушая свѣтлые образы дѣтской фантазіи и горячіе порывы юношескаго чувства. Сомнѣвающаяся мысль не можетъ ни на чемъ остановиться, заподозривъ всякое вѣрованіе и всякое положеніе. Плодотворное по своимъ результатамъ, если человѣкъ не падетъ нравственно подъ гнетомъ сомнѣній, время это очень тяжело для переживающаго его. Душа ищетъ какой-нибудь опоры, чего-нибудь, на чемъ можно хоть на минуту успокоиться, и за-частую останавливается на жизни чувственной; но такъ какъ этою послѣдней человѣкъ удовлетвориться не можетъ, то скептицизмъ его получаетъ особый оттѣнокъ: соединяется съ насмѣшкой надо всѣмъ, что прежде было душѣ дорого и свято. Это тяжелое переходное время въ развитіи человѣческой личности великій нѣмецкій поэтъ олицетворилъ въ образѣ Мефистофеля, спутника своего Фауста; Мефистофель есть собственно состояніе души Фауста въ данное время. Какъ несвободное, темное, приближающее человѣка къ животному, состояніе это ненавистно душѣ; но въ то же время оно и дорого ей, потому что человѣкъ не можетъ отказаться отъ скептицизма и анализа, какъ не можетъ отказаться отъ ума.

Безспорно, есть аналогія между жизнью отдѣльной человѣческой личности и жизнью народа, даже жизнью человѣчества. Какъ бываетъ для отдѣльнаго лица, такъ и для цѣлаго западно-европейскаго общества была пора рефлексіи, сомнѣній; такою эпохою мы можемъ считать XVIII вѣкъ. Олицетвореніемъ этихъ сомнѣній, Мефистофелемъ западнаго человѣчества, представляется Вольтеръ, и въ этомъ его великое значеніе въ исторіи образованности; онъ необходимая переходная ступень, которую должно было пройти общество Европы, которую должны были пройти и мы, какъ наслѣдники западной цивилизаціи.

Вольтеръ представлялся нашему великому поэту съ одной стороны — «смѣлымъ вождемъ умовъ», съ другой — властолюбивымъ, пронырливымъ, льстивымъ циникомъ, легко смотрѣвшимъ на жизнь, безпечно наслаждавшимся ея матерьяльными благами. Такая мефистофелевская двойственность и была въ немъ на самомъ дѣлѣ.

Заслуга Вольтера въ его борьбѣ съ унаслѣдованными отъ среднихъ вѣковъ предразсудками и суевѣріями, съ фанатизмомъ, безспорно велика и вызываетъ наше полное сочувствіе. Великую службу цивилизаціи сослужилъ онъ и своимъ могущественнымъ скептицизмомъ, хотя этотъ послѣдній и былъ роковымъ для многихъ отдѣльныхъ личностей; но таковъ ходъ исторіи,—жизненныя силы, или «вѣянія» (употребляя терминъ одного изъ нашихъ критиковъ), овладѣвая въ извѣстныя эпохи обществомъ, покоряя умы массъ, закруживаютъ въ своемъ могучемъ водоворотѣ человѣческія единицы, слабыя умомъ или нравственною волею: свободными отъ власти судьбы остаются, по мысли нашего народнаго эпоса, только

такіе доблестные люди, какъ Илья Муромецъ, и ей подчинены даже даровитыя и смѣлыя, но не гармоническія, не владѣющія своими страстями натуры, какъ новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ.

Между сочиненіями Вольтера важное значеніе имѣютъ статьи философскія, въ которыхъ онъ высказалъ свои идеи отвлеченно, а также повѣсти и романы, въ которыхъ тѣ-же идеи популяризированы для болѣе удобнаго дѣйствія на массы.

Философскія произведенія Вольтера, собранныя вмѣстѣ, составляютъ особый отдѣлъ его сочиненій, озаглавливаемый въ изданіяхъ: «Dictionnaire philosophique» [1]).

Въ этомъ «Философскомъ словарѣ» мы видимъ блестящіе примѣры борьбы знаменитаго писателя съ темными явленіями исторіи и жизни, которыя задерживали прогрессъ человѣческой мысли. Силою могучей логики онъ разрушаетъ суевѣрія и предразсудки.

Такъ, напримѣръ, въ трактатѣ «Равенство» (Egalité, section II) мы встрѣчаемъ трезвый протестъ противъ сословнаго тщеславія.

«Каждый человѣкъ (пишетъ Вольтеръ [2]) въ глубинѣ своего сердца имѣетъ право считать себя совершенно равнымъ съ другими людьми. Изъ этого не слѣдуетъ, что поваръ кардинала можетъ приказать своему господину готовить себѣ обѣдъ. Но поваръ можетъ сказать: я такой же человѣкъ, какъ и мой господинъ. Я родился, какъ и онъ, плачущимъ; онъ умретъ, какъ и я, въ такой же агоніи. Мы оба совершаемъ одинаковыя животныя отправленія».

Какъ представитель освободительной философіи, Вольтеръ ратуетъ за свободу мысли и слова. Въ обширномъ разсужденіи «Душа» (Ame, section III) онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее про древній Римъ, сопоставляя его съ новыми временами:

«Случалось ли когда нибудь въ Римѣ, чтобы доносили консуламъ на Лукреція за переложеніе имъ въ стихи системы Эпикура? или на Цицерона за то, что онъ много разъ писалъ, что по смерти для человѣка не будетъ никакой печали? Случалось ли, чтобы обвиняли Плинія, Варрона за то, что они имѣли свои особенныя мнѣнія о Божествѣ? Свобода мысли была безгранична у римлянъ. Души жестокія, завистливыя и грубыя, которыя усиливались подавить среди насъ эту свободу, мать нашихъ знаній и первую пружину человѣческаго разума, выставляли на видъ какія-то химерическія опасности. Они и не подумали о томъ, что римляне, которые простирали эту свободу гораздо далѣе насъ, тѣмъ не менѣе были нашими побѣдителями, нашими законодателями, — что диспуты въ школахъ не имѣли большаго отношенія къ управленію государствомъ, чѣмъ бочка Діогена къ побѣдамъ Александра» [3]).

Французскій обычай воспитывать дѣвушекъ въ монастыряхъ, въ полномъ невѣдѣніи жизни и, слѣдовательно, неприготовленными

---

[1]) Oeuvres complètes de Voltaire. Basel, 1786, v. 37—43. См. также отдѣльное изданіе: Dictionnaire philosophique. Paris, 1816.

[2]) Diction. philosophique. Paris, 1816, v. VI, p. 237.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 217.

къ борьбѣ съ ея опасностями и соблазнами, вызвалъ у Вольтера благоразумныя слова въ статьѣ «Adultère»:

«Во Франціи дѣвушекъ запираютъ въ монастыри, гдѣ до сихъ поръ даютъ имъ смѣшное воспитаніе. Ихъ матери, чтобы утѣшить ихъ, внушаютъ имъ надежды, что онѣ будутъ свободны, когда выйдутъ замужъ. И вотъ, едва проживутъ онѣ годъ съ мужемъ, какъ начинаютъ уже стремиться испытать тайны своихъ прелестей. Молодая женщина живетъ, обѣдаетъ, прогуливается, ѣдетъ въ спектакль съ женщинами, уже устроившими свои дѣлишки; если у нея нѣтъ любовника, какъ у другихъ, ей стыдно, она не смѣетъ показаться въ свѣтъ... Мы оплакиваемъ женщинъ Турціи, Персіи, Индіи; но онѣ счастливѣе въ своихъ сераляхъ, нежели наши дѣвушки въ своихъ монастыряхъ» [1]).

Особенно замѣчателенъ въ «Философскомъ словарѣ» трактатъ— «Fanatisme», въ которомъ знаменитый писатель вооружается ироніей и негодованіемъ противъ страстнаго заблужденія неразумной и злобиой религіозной ревности, противъ поставленія фанатиками внѣшнихъ обрядовъ выше внутренней сущности вѣры.

«Ложная совѣсть (говоритъ Вольтеръ) порабощаетъ религію капризамъ воображенія и неправильностямъ страстей.

Вообразимъ огромный пантеонъ и, помѣстившись посрединѣ его, представимъ себѣ богомольцевъ различныхъ сектъ, прежнихъ и настоящихъ, у ногъ Божества, которое они почитаютъ каждый по своему... Тамъ гаеръ танцуетъ на могилѣ того, кого призываетъ. Здѣсь молящійся неподвиженъ и молчаливъ какъ статуя, передъ которой онъ преклоняется. Одинъ открываетъ то, что стыдъ прячетъ, потому что Богъ не стыдится своего подобія; другой закрываетъ даже лицо, какъ будто бы Создатель могъ испугаться своего созданія.

Ужасно видѣть, какъ мысль объ умилостивленіи неба жертвой, разъ высказанная, распространилась почти во всѣхъ религіяхъ, и какъ увеличилось число случаевъ необходимости жертвы, такъ что никто не могъ, наконецъ, считать себя свободнымъ отъ ножа. То жертвой являлись враги... то дѣти... (справедливость, жаждущая невинной крови! говоритъ Монтань), то проливалась кровь самая дорогая: карѳагеняне приносили въ жертву своихъ собственныхъ сыновей.

Сочтемъ тысячи людей, погибшихъ на эшафотахъ въ вѣка преслѣдованій, убитыхъ рукою соотечественниковъ въ междоусобныхъ войнахъ, безразсудныхъ фанатиковъ-самоубійцъ... Однимъ словомъ, всѣ ужасы 15-ти вѣковъ; народы беззащитно зарѣзываемые у подножія алтарей, короли пронзаемые кинжалами и отравляемые... мечъ между отцомъ и сыномъ, узурпаторы, тираны, палачи, отцеубійцы, святотатцы, нарушающіе всѣ завѣты божескіе и человѣческіе — вотъ исторія фанатизма и его подвиговъ.

Фанатизмъ есть религіозное сумашествіе, мрачное и жестокое. Это болѣзнь духа, которая распространяется какъ оспа... Тотъ, кто приходитъ въ экстатическое состояніе, у кого бываютъ видѣнія, кто принимаетъ сны за дѣйствительность и представленія своего воображенія за пророчества, тотъ фанатикъ-новичекъ подаетъ большія надежды, — онъ могъ бы совершить убійство изъ любви къ Богу.

[1]) Oeuvres complètes de Voltaire. Basel, 1786, т. 37, стр. 94.

Есть и фанатики холодные; это—судьи, которые приговариваютъ къ смерти людей, совершившихъ только то преступленіе, что они думаютъ иначе, чѣмъ ихъ обвинители [1]).

Можно бы, конечно, привести и еще не мало примѣровъ борьбы Вольтера съ предразсудками и суевѣріями; но ограничимся приведенными.

Скептицизмъ, отдѣленный отъ ложныхъ примѣсей къ нему (о которыхъ рѣчь впереди), какъ чистую, отвлеченную стихію мысли, не какъ нѣчто дающее намъ истину, а какъ острое орудіе ума въ его поискахъ за истиной и въ разрушеніяхъ заблужденій, можно отнести также къ числу свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности Вольтера. Примѣры скептицизма знаменитаго философа мы находимъ въ цитированномъ уже выше замѣчательномъ философскомъ сочиненіи «Душа» (Ame). Здѣсь въ отдѣлѣ I между прочимъ говорится:

«Мы дерзаемъ ставить вопросы: духъ или матерія — наша разумная душа? Создана ли она раньше насъ? Будетъ ли она жить въ вѣчности послѣ того, какъ одушевляла насъ на этомъ свѣтѣ? — Но что такое эти вопросы, которые кажутся такими возвышенными? Ничто иное, какъ вопросы одихъ слѣпцовъ другимъ — что такое свѣтъ?

Она — духъ, говорятъ одни. Но что такое духъ? Никто ничего объ этомъ не знаетъ... Душа—матерія, говорятъ другіе. Но что такое матерія? Мы знаемъ только нѣсколько ея признаковъ и свойствъ, и ни одно изъ этихъ свойствъ, ни одинъ изъ этихъ признаковъ — не имѣютъ ни малѣйшаго соотвѣтствія съ мыслью [2]).

Природа сущности вещей есть тайна Создателя. Какимъ образомъ воздухъ несетъ звуки? какъ образуются животные организмы? почему нѣкоторые изъ нашихъ членовъ повинуются нашей волѣ? какая рука помѣстила идеи въ нашей памяти, сохраняетъ ихъ тамъ и выводитъ оттуда, то согласно съ нашею волей, то противъ нея?» [3]).

Душа мыслящая приказываетъ своимъ рукамъ брать, и онѣ берутъ. Она не приказываетъ своему сердцу биться, своей крови течь... но все это дѣлается помимо нея» [4]).

Этими скептическими замѣчаніями Вольтеръ указываетъ намъ на непосильность для отвлеченнаго ума человѣческаго многихъ существеннѣйшихъ вопросовъ нашего бытія.

Но знаменитый писатель не удерживается на высотѣ своего скептицизма. Изъ-за приведенныхъ мыслей начинаетъ выглядывать холодная и циническая улыбка Мефистофеля. Вольтеръ незамѣтно переходитъ отъ скептицизма къ матерьялистическимъ вѣрованіямъ, подтверждая ихъ тонкими и хитрыми софистическими доводами; порой при этомъ софизмъ соединяется съ лице-

[1]) Diction. philos. Paris, 1816. IV, стр. 198.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 185—186.
[3]) Тамъ же. стр. 202.
[4]) Тамъ же, стр. 234.

мѣріемъ. Такъ, напримѣръ, лицемѣрное негодованіе слышится въ слѣдующихъ возраженіяхъ защитникамъ духовности человѣческой души: какія доказательства имѣете вы, что душа есть нѣчто отличное отъ матеріи? (спрашиваетъ Вольтеръ).

Вольтеръ.

Съ портрета, писаннаго въ 1764 г., въ Фернейскомъ замкѣ, Даузелемъ.

«Развѣ то, что матерія дѣлима и имѣетъ форму, а мысль нѣтъ? Но кто вамъ сказалъ, что первыя основы матеріи дѣлимы и имѣютъ форму? Очень вѣроятно, что нѣтъ; цѣлыя школы философовъ утверждаютъ, что элементы матеріи не имѣютъ ни фигуры, ни протяженія. Вы кричите торжественнымъ голосомъ: мысль не состоитъ ни изъ дерева, ни изъ камня, ни изъ песку, ни изъ металла, слѣдовательно не принадлежитъ къ числу матеріальныхъ предметовъ. Слабые и дерзкіе резонеры! Сила тяжести — не изъ дерева, не изъ песку, не

изъ металла, не изъ камня; движеніе, прозябаніе, жизнь тоже не изъ этихъ предметовъ, и однако жизнь, прозябаніе, движеніе, тяжесть даны матеріи. Говорить, что Богъ не можетъ сдѣлать матерію мыслящей, значитъ говорить самый заносчивый абсурдъ, какой никогда не дерзали произносить въ привилегированныхъ школахъ лжи».

Такія разсужденія Вольтеръ закончиваетъ ядовитой прибавкой:

«Мы не убѣждены, что Богъ такъ сдѣлалъ; мы только увѣрены, что онъ могъ это сдѣлать» [1]).

Вообще, скептическія мысли только эпизодически входятъ въ сочиненіе «Душа»; основная же идея и цѣль этого трактата—доказать, во что-бы то ни стало, смертность человѣческой души.— Остановимся еще на одномъ примѣрѣ софизма, болѣе смѣломъ и рѣзкомъ, и въ тоже время болѣе грубомъ.—У ребенка 6 или 7 лѣтъ почти столько-же идей въ мозгу (говоритъ знаменитый писатель [2]), сколько у охотничьей собаки. Съ возрастомъ человѣка число понятій въ его головѣ увеличивается и наконецъ дѣлается безконечнымъ. Но должно-ли вслѣдствіе этого вѣрить, что съ возрастомъ измѣняется природа человѣка?

«Нѣтъ, безъ сомнѣнія; ибо вы видите съ одной стороны слабоумнаго, съ другой — Ньютона: вы думаете однако, что они одной природы, и что разница между ними есть лишь различіе между великимъ и малымъ.

«А между ребенкомъ и собакой въ 100 разъ больше соотвѣтствія, нежели между такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ Ньютонъ, и совершеннымъ глупцомъ. Что-же я долженъ думать о природѣ души человѣческой? То, что думали всѣ народы до тѣхъ поръ, пока египетская политика не придумала духовности, безсмертія души.

«Я предположу съ достаточною вѣроятностью, что Архимедъ и кротъ—существа одного рода, хотя различнаго вида, такъ же какъ дубъ и горчичное зерно устроены по однимъ принципамъ, хотя одинъ — большое дерево, а другое—маленькое растеніе. Я буду думать, что Богъ далъ доли ума соразмѣрно съ долями матеріи, организованной для мышленія».

Софизмъ здѣсь (въ сопоставленіи ребенка и собаки и въ утвержденіи, будто между ними несомнѣнно больше общаго, нежели между мудрецомъ и глупымъ человѣкомъ),—софизмъ здѣсь почти очевиденъ.

Вольтеръ легкомысленно и дерзко играетъ мыслями и иногда, съ серьезнымъ видомъ и съ циническимъ смѣхомъ въ душѣ, высказываетъ до крайности грубые парадоксы, какъ напримѣръ слѣдующій, въ статьѣ «Mahométans» [3]): онъ утверждаетъ, что магометанскую религію нельзя назвать чувственной, такъ какъ она

---

[1]) Тамъ же, v. I, p. 186.
[2]) Тамъ же, 216—217.
[3]) Тамъ же, т. VI, стр. 6.

требуетъ соблюденія поста, запрещаетъ вино, азартныя игры и не дозволяетъ человѣку имѣть болѣе 4 женъ, между тѣмъ католическія духовныя лица имѣютъ несравненно бо̀льшее число любовницъ.

Если человѣкъ съ серьезнымъ умомъ, съ горячимъ и искреннимъ сердцемъ придетъ къ тѣмъ безотраднымъ мыслямъ, къ которымъ пришелъ Вольтеръ, къ увѣренности въ смертности души, въ безсиліи человѣческаго ума проникнуть въ сущность вещей,— у него на сердцѣ станетъ очень тяжело.

Съ безконечной тоскою высказываетъ свои горькія думы герой разсказа Тургенева «Довольно», пришедшій къ убѣжденію въ безсиліи человѣка передъ неотразимымъ могуществомъ матерьяльной природы.

«Ей (природѣ) спѣшить нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Безсознательно и неуклонно покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго... Человѣкъ ея дитя; но человѣческое, искусственное, ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизмѣннымъ и безсмертнымъ... она создаетъ, разрушая, и ей все равно: что̀ она создаетъ, что̀ она разрушаетъ... она также спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ Фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла» (гл. XV). «Ему (человѣку) одному дано «творить»; но странно и страшно вымолвить: мы творцы на часъ, какъ былъ, говорятъ, калифъ на часъ. Въ этомъ наше преимущество—и наше проклятіе: каждый изъ этихъ «творцевъ», самъ по себѣ, именно онъ, не кто другой, именно это *я*, словно созданъ съ преднамѣреніемъ, съ предначертаніемъ; каждый болѣе или менѣе смутно понимаетъ свое значеніе, чувствуетъ, что онъ сродни чему-то высшему, вѣчному — и живетъ, долженъ жить въ мгновеньи и для мгновенья. Сиди въ грязи, любезный, и тянись къ небу!» (XVI гл.). — «Тогда одно остается человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія... самопрезрѣнія: спокойно отвернуться отъ всего, сказать: довольно!— и, скрестивъ на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознанія собственнаго ничтожества».

Величайшій легкомысленникъ, Вольтеръ не понималъ и не чувствовалъ такихъ страданій человѣческаго *я*, страданій нашей духовной природы; онъ легко находилъ успокоеніе отъ скорбныхъ думъ. Пришедши къ мысли о безсиліи человѣческаго ума, онъ утѣшаетъ себя соображеніемъ, что «природа вещей—тайна Создателя».

«О человѣкъ! (восклицаетъ онъ) Богъ далъ тебѣ разумъ, чтобы жить какъ должно, а не для того, чтобы проникать въ сущность вещей, которыя Онъ создалъ» [1]).

---

[1]) Тамъ же, v. I, p. 240 («Ame»).

«Какъ печально, скажете вы, для нашей ненасытимой любознательности, для нашей неистощимой заботы о благосостоянiи, быть въ такомъ невѣжествѣ. Я соглашаюсь, и есть вещи еще болѣе печальныя; но я вамъ отвѣчу:

Sors tua mortalis, non est mortale quod optas» [1]).

«Будемъ жить въ братствѣ, будемъ почитать въ мирѣ нашего общаго Отца,— вы съ вашими душами мудрыми и смѣлыми (обращается философъ къ защитникамъ безсмертiя человѣческаго духа), мы съ нашими незнающими и робкими. Жизнь наша — день: проведемъ его тихо» [2]).

Нужно было имѣть очень большой «избытокъ веселости» (подмѣченный въ Вольтерѣ нашимъ великимъ поэтомъ), чтобы говорить такiя рѣчи и такъ просто и скоро себя успокаивать.

По мнѣнiю Вольтера, вѣрованiя человѣческiя, рѣшенiе вопроса о безсмертiи въ ту или другую сторону — не имѣетъ влiянiя на нравы людей, на общественную жизнь.

«Бо́льшая часть современныхъ мудрецовъ — чудовища (говоритъ онъ [3]), а древнiе были люди. Въ Римѣ въ театрѣ публично пѣли: Post mortem nihil est; ipsaque mors nihil [4]). Эти чувства не дѣлали людей ни лучшими, ни худшими; все было управляемо, все шло своимъ порядкомъ; и Титы, Трояны, Марки Аврелiи правили землей, какъ благотворные боги».

Подобныя воззрѣнiя, подобные совѣты (считать жизнь короткимъ днемъ, которымъ слѣдуетъ воспользоваться) приводили, конечно, къ проповѣди наслажденiя матерьяльными благами этой скоропреходящей жизни, приводили къ цинизму воззрѣнiй и на жизнь, и на человѣка.

«Циникъ посѣдѣлый», сказалъ Пушкинъ,—и тотъ не составитъ себѣ вѣрнаго представленiя о Вольтерѣ, кто не обратитъ достаточнаго вниманiя на эту сторону его характера. Сильнѣе всего цинизмъ проявляется у Вольтера въ его взглядахъ на любовь и на человѣческую природу, которую онъ называетъ эгоистической и злою.

Въ трактатѣ «Философскаго словаря»—«Amour» [5]) знаменитый писатель считаетъ любовь человѣческую чисто физическимъ чувствомъ и сравниваетъ ее съ вожделѣнiемъ животныхъ, отдавая послѣднимъ предпочтенiе въ стремительности и силѣ чувства: хочешь имѣть идею о любви (поучаетъ онъ человѣка),—посмотри на голубя, на коня: на

«этотъ ротъ, открывающiйся съ небольшими конвульсiями, эти волосы, поднявшiеся и развѣвающiеся, это стремительное движенiе, съ которымъ онъ кидается на предметъ, который ему назначила природа».

---

[1]) Тамъ же, p. 202. Судьба твоя — быть смертнымъ; а то, чего ты желаешь, не есть смертно.

[2]) Тамъ же, p. 226.

[3]) Тамъ же, p. 227.

[4]) Послѣ смерти нѣтъ ничего, и сама смерть — ничто.

[5]) Тамъ же, v. I, p. 245—260.

Но (утѣшаетъ Вольтеръ человѣка) не завидуй животному и подумай о преимуществахъ человѣческаго рода: животное не знаетъ объятій, поцалуевъ; оно можетъ предаваться любви лишь въ назначенные природою сроки, а человѣкъ—во всякое время; кромѣ того—

«такъ какъ люди имѣютъ даръ улучшать все, что дала имъ природа, то они усовершенствовали и любовь. Чистота, забота о себѣ самомъ, дѣлая кожу болѣе нѣжной, увеличиваютъ удовольствіе ощущенія... Всѣ другія чувства присоединяются затѣмъ къ чувству любви, какъ металлы амальгамируются съ золотомъ: дружба, уваженіе приходятъ на помощь; таланты тѣла и духа — вотъ еще новыя цѣпи...»

Далѣе Вольтеръ пускаетъ каплю яду въ эту идиллическую и циничную картину звѣриныхъ радостей; онъ съ насмѣшкой и лицемѣрной печалью говоритъ человѣку:

«Но если ты вкушаешь столько удовольствій, которыхъ животныя не знаютъ, то сколько у тебя горестей, о которыхъ животныя не имѣютъ и понятія!.. Не развратъ внесъ ихъ въ міръ. Фрины, Лаисы, Флоры, Мессалины не были никогда осаждаемы сифилисомъ; онъ родился на островахъ, гдѣ люди жили въ невинности, и оттуда онъ распространился въ старомъ мірѣ».

Остановимся еще на статьѣ «Adorer» (обожать): въ ней внутренній цинизмъ писателя облекся въ лицемѣрныя формы негодованія на человѣческую испорченность. Вольтеръ считаетъ большою ошибкой употребленіе въ нѣкоторыхъ языкахъ одного и того же слова (обожать) для обозначенія отношеній къ Высшему Существу и къ дѣвушкѣ. Онъ лицемѣрно ставитъ въ примѣръ новымъ народамъ древнихъ грековъ и римлянъ, которые, по его словамъ,—

«никогда не впадали въ эту безумную профанацію. Горацій никогда не говорилъ, что онъ обожаетъ Лалагу; Тибуллъ совсѣмъ не обожаетъ Делію» [1]).

Вольтеръ, очевидно, не понималъ и не хотѣлъ понимать чистоты романтическаго чувства, его благоговѣйныхъ отношеній къ любимому существу.

Назову еще статью «Adultère» [2]) (нарушитель супружеской вѣрности), въ которой развивается циническая мысль, что прекрасно были устроены отношенія мужчины и женщины въ Спартѣ, гдѣ была общность женъ, а дѣти принадлежали государству.

«Лакедемоняне имѣли основаніе говорить, что нарушеніе супружеской вѣрности было невозможно между ними. Не такъ у нашихъ націй, всѣ законы которыхъ основаны на различіи твоего и моего».

На человѣческую природу Вольтеръ смотрѣлъ съ полнымъ недовѣріемъ и считалъ ее дурною въ корнѣ.

«Всякій человѣкъ (пишетъ онъ въ трактатѣ «Egalité», sec. II) рожденъ съ довольно сильной наклонностью къ господству надъ другими, къ роскоши и удо-

---

[1]) Тамъ же, v. I, p. 83 и слѣд.
[2]) Тамъ же, p. 90 и слѣд.

вольствіямъ, и съ большимъ запасомъ лѣни; слѣдовательно, всякій человѣкъ хочетъ имѣть деньги и женъ или дочерей своихъ ближнихъ, быть ихъ обладателемъ, подчинить ихъ своимъ капризамъ и ничего не дѣлать, или, по крайней мѣрѣ, дѣлать только то, чтò ему пріятно. Вы видите, что съ этими прекрасными предрасположеніями такъ же невозможно, чтобы люди были равны, какъ невозможно, чтобы два проповѣдника или два профессора теологіи не завидовали бы другъ другу».

Но этотъ безотрадный взглядъ, эта увѣренность въ природной безнравственности человѣка нисколько не смущаютъ Вольтера: чтò-жъ такое, что изъ-за человѣческаго эгоизма всегда будетъ на землѣ много бѣдныхъ! Не всѣ бѣдные несчастны:

«Бóльшая часть ихъ родилась въ этомъ состояніи, и постоянная работа мѣшаетъ имъ особенно чувствовать свое положеніе».

Въ этомъ воззрѣніи на бѣдняковъ, въ спокойной увѣренности знаменитаго философа, что всегда на землѣ бѣдняки будутъ исполнять приказанія богатыхъ, слышится аристократизмъ. Аристократизмъ присущъ вообще взглядамъ Вольтера; но въ «Философскомъ словарѣ» его замѣтно менѣе; гораздо ярче и откровеннѣе высказывается онъ въ перепискѣ съ различными лицами, не предназначавшейся для печати. Такъ, въ письмѣ къ нашей императрицѣ Екатеринѣ, отъ 18-го ноября 1771 года, мы читаемъ:

«Смерть архіепископа (Амвросія) заслуживаетъ великое истязаніе, но убійство, сдѣланное кавалеру де-ла-Барру еще болѣе мерзостно и ужасно; оно учинено съ хладнокровіемъ такими людьми, которымъ, казалось, надобно бы имѣть общій смыслъ и человѣколюбіе» [1]).

То-есть значитъ чернь, простой народъ, не можетъ имѣть ни здраваго смысла, ни человѣколюбія.

Въ другомъ письмѣ къ императрицѣ Вольтеръ выражается про «чернь», что она

«никогда не бываетъ разумомъ управляема» и ее «должно школить точно такъ, какъ медвѣдей» [2]).

Луи Бланъ въ своей «Исторіи французской революціи» [3]) утверждаетъ, что Вольтеръ недостаточно любилъ народъ. «Забота о его памяти (говоритъ историкъ про знаменитаго философа) стòитъ менѣе, чѣмъ судьба народа, которому онъ могъ бы лучше служить. Геній заслуживаетъ прославленія, но онъ долженъ терпѣть и судъ. Неприкосновенны въ мірѣ только справедливость и истина».

Въ подтвержденіе своего отзыва Луи Бланъ приводитъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ писемъ Вольтера. Такъ, изъ одного письма къ д'Аламберу онъ беретъ слова:

---

1) «Философическая и политическая переписка импер. Екатерины съ г. Вольтеромъ, отъ 1763 по 1779 г.», въ 2-хъ ч. Спб., 1802 г.—Ч. II, стр. 68.

2) Тамъ же, стр. 72.

3) Paris. 1847. Переводъ г. Антоновича. Спб. 1871 г.—См. франц. изд., т. I, стр. 306.

«Никогда никому не приходило въ голову просвѣщать сапожниковъ и служанокъ. Разумъ восторжествуетъ, но у людей благородныхъ, канальи созданы не для него».

Въ письмѣ къ Дидро Вольтеръ говоритъ:

«Я рекомендую вамъ суевѣріе. Нужно разрушить его у благородныхъ людей и оставить канальямъ».

Геттнеръ въ своей «Исторіи всеобщей литературы XVIII вѣка» [1]) пытается защитить Вольтера отъ нападеній Луи Блана. «Вольтера обвиняютъ обыкновенно (говоритъ онъ) въ пошломъ аристократическомъ себялюбіи»; но это неосновательно: доказательство — «его человѣколюбивая дѣятельность въ Фернеѣ» и многія изъ его писемъ и стихотвореній; кромѣ того: «какъ сильна его ненависть ко всякимъ аристократическимъ комплотамъ, къ Фрондѣ, къ заговорамъ польскаго и шведскаго дворянства! Но съ другой стороны, Вольтеръ, какъ значительный и опытный землевладѣлецъ, слишкомъ близокъ былъ къ суровой почвѣ дѣйствительности, чтобы безотчетно отдаваться тѣмъ сантиментальнымъ мечтаніямъ о настоящемъ положеніи народнаго образованія и народнаго характера, какимъ могли подчиняться его друзья въ парижской салонной жизни». Не трудно замѣтить, что такая защита Вольтера не достигаетъ цѣли и слаба по самому существу своихъ доводовъ. Да кромѣ того тутъ же Геттнеръ самъ приводитъ опровергающіе его мысль отрывки изъ писемъ знаменитаго мыслителя. Такъ, въ письмѣ къ Дамилавиллю (отъ 1-го апр. 1766 г.) Вольтеръ выражается:

«Я думаю, что относительно народа мы не понимаемъ другъ друга. Я понимаю подъ народомъ populace, чернь, у которой есть только руки, чтобы работать. Я опасаюсь, что этотъ разрядъ людей никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться. Мнѣ кажется даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды. Еслибы вамъ пришлось воздѣлывать землю, какъ имъ, вы, конечно, согласились бы со мной; quand la populace se mêle de raisonner, tout est perdu».

Въ письмѣ къ Таборо (отъ 3-го февр. 1769 г.) Вольтеръ увлекается даже до такого мнѣнія:

«Народъ всегда безвкусенъ и грубъ; это — быки, которымъ нужно ярмо, погонщикъ и кормъ».

Высокомѣрный аристократизмъ, такъ несомнѣнно просвѣчивающій въ подобныхъ отзывахъ о народѣ, въ подобномъ презрѣніи къ «черни», уживался въ душѣ Вольтера съ самоуничиженіемъ передъ сильными міра. (Явленіе довольно обыкновенное, хотя на первый взглядъ какъ-будто поражающее противорѣчіемъ). Вольтеръ былъ льстецъ. Такъ, его письма къ императрицѣ Екатеринѣ удивительны по своей, непостижимой для нашего времени, беззастѣн-

[1]) Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. II. Французская литература. Спб. 1866 г. Стр. 162.

чивой, безграничной лести. Онъ писалъ императрицѣ (дѣлаю сводъ выраженій изъ разновременныхъ его писемъ), что она выше Солона и Ликурга, выше Петра I, Людовика XIV, Ганнибала; римляне не устояли бы въ войнѣ съ нею; она—первая между царями, она—единственный великій человѣкъ въ Европѣ, она—первая особа въ свѣтѣ, она—предметъ удивленія въ Европѣ и Азіи; всѣ люди ничто передъ нею; она должна быть императрицей всего міра; душа ея—всеобъемлюща и ничто великое не можетъ ее удивлять; своимъ великодушіемъ приноситъ она честь человѣческому роду; умъ ея можетъ быть мѣриломъ всякаго достоинства; она учительница философовъ, она ученѣе всякихъ академій; она достойна храмовъ и памятниковъ, и всѣми этими качествами обладаетъ не какъ императрица, а какъ человѣкъ; она «благотворительница человѣческаго рода», душа и жизнь народовъ; она призвана преобразовать міръ въ другой видъ, она сдѣлала XVIII вѣкъ златымъ вѣкомъ; она «вперяетъ геройство» въ своихъ приближенныхъ; гдѣ она—тамъ рай, и жить подъ ея законами—блаженство; она — «святая», она — Ангелъ, передъ которымъ людямъ надо молчать благоговѣйно, она выше всѣхъ святыхъ, она равна Богородицѣ, она «Пресвятая Владычица Снѣговая», она — божество сѣвера и богопочитаніе ея повсемѣстно; онъ, Вольтеръ, потому только не презираетъ греческую церковь, что Екатерина—ея «глава». «Te Catharinam laudamus, Te dominam confitemur!» восклицаетъ знаменитый писатель по поводу побѣды русской императрицы надъ турками, святотатственно передѣлывая христіанскій гимнъ. Екатерина — выше природы, исторіи, философіи; она успѣваетъ дѣлать столько, сколько не можетъ дѣлать человѣкъ, когда въ суткахъ только 24 часа, потому что у нея не одна душа, а нѣсколько, и число талантовъ ея — тайна; лавры нигдѣ не растутъ теперь больше, какъ только на сѣверѣ; философы отступаютъ отъ своихъ идей и убѣжденій, будучи очарованы ея великими дѣлами; «счастливъ будетъ тотъ писатель, который возможетъ исторію Екатерины Второй издать въ одно столѣтіе». Ея учрежденія—величайшія учрежденія міра: ея училище благородныхъ дѣвицъ—выше Сентъ-Сира; ея имперія—выше другихъ; ея законы—выше всѣхъ законовъ, ея Уложеніе—«всемірное Евангеліе». Наконецъ даже: празднества ея—самыя лучшія празднества; алмазъ, принадлежащій ей, больше Регента; руки ея — наипрекраснѣйшія во всемъ свѣтѣ и ноги ея — «бѣлѣе снѣгу въ Ея сторонахъ бывающаго». Про себя Вольтеръ говоритъ, что онъ до такой степени очарованъ императрицей, что, будучи врагомъ войны, жаждетъ, однако, извѣстій о побѣдахъ Екатерины: эти извѣстія исцѣляютъ его болѣзни, поддерживаютъ его жизнь. Онъ и д'Аламберъ только и дѣлаютъ, что ищутъ лавровъ для украшенія ея изображенія. Въ заключеніе всѣхъ этихъ восторговъ Вольтеръ выражаетъ даже удивленіе, какъ это она снисходитъ до переписки съ такимъ ничтожествомъ, какъ онъ; великій

писатель называетъ себя при этомъ «старымъ вралемъ» и «старой тварью».

Воззрѣніе Вольтера на народъ, презрѣніе его къ народу выразилось, если не такъ ярко, какъ въ письмахъ, то болѣе существенно въ сочиненіи, недавно открытомъ В. И. Семевскимъ [1]). Въ 1767 году Вольное Экономическое Общество въ Петербургѣ предложило на конкурсъ тему—«о поземельной собственности крестьянъ». Въ отвѣтъ на вызовъ былъ присланъ въ Общество цѣлый рядъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ. Между ними есть и произведеніе Вольтера, оно носитъ девизъ: «si populus dives, rex dives». Это произведеніе было удостоено отъ Общества почетнаго отзыва. По мнѣнію Вольтера, справедливость требуетъ, чтобы государь освободилъ церковныхъ рабовъ и своихъ собственныхъ. Но что касается помѣщиковъ, то имъ надо предоставить право—освобождать крестьянъ или нѣтъ, по ихъ собственному усмотрѣнію. Самъ Вольтеръ полагаетъ, что дворянамъ выгоднѣе отдавать земли въ оброкъ, чѣмъ воздѣлывать ихъ рабскимъ трудомъ; но онъ думаетъ, что во всякомъ случаѣ земля должна принадлежать помѣщикамъ; онъ убѣжденъ, что крестьянамъ не надо имѣть поземельной собственности.

«Нужно (говоритъ онъ), чтобы были люди, которые бы ничего не имѣли, кромѣ рукъ и доброй воли... Они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплатитъ, и это замѣнитъ имъ собственность».

Вольтеръ въ этомъ сочиненіи вѣренъ своей ненависти къ духовенству и своему всегдашнему взгляду на отношенія сословій.

III.

Вліяніе Вольтера и другихъ философовъ-матерьялистовъ на русское общество.

Г. Семевскій справедливо замѣчаетъ, что императрица Екатерина буквально исполнила программу Вольтера: она освободила монастырскихъ крестьянъ и не посягнула на права частныхъ владѣльцевъ.

На этомъ примѣрѣ мы такимъ образомъ наглядно видимъ, какъ сильно было вліяніе знаменитаго Фернейскаго философа на Екатерину,—она не изъ простой любезности называла себя его ученицей.

Съ раннихъ лѣтъ своей молодости до глубокой старости, до смерти, Екатерина считала и называла Вольтера своимъ учителемъ. Ея уваженіе къ нему и къ его сочиненіямъ было безгранично, пере-

[1]) Ст. В. И. Семевскаго: «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II», въ «Отеч. Зап.», 1879 г., №№ 10—12.

ходило въ благоговѣніе. Нужно при этомъ замѣтить, что она воспиталась и образовалась на его сочиненіяхъ. «Я ему (Гримму) сказывала (писала императрица Вольтеру [1]) и о томъ, что Вами можетъ быть и запамятовано, т. е. что Вы меня мыслить пріучили». Вольтера считала императрица величайшимъ писателемъ не только всѣхъ прошедшихъ временъ, но и будущихъ. «Не могу я не повторить тѣхъ же самыхъ словъ (писала она ему въ 1771 году [2]), словъ, которыя уже стократно говаривала, что никто до Васъ не писалъ такъ, какъ Вы, и что сомнительно, чтобы кто-нибудь и послѣ Васъ могъ сравняться съ Вами».—Величайшій человѣкъ по уму, Вольтеръ въ глазахъ Екатерины такъ же высокъ и нравственно:

«быть ходатаемъ за родъ человѣческій и защитникомъ угнетаемой невинности (говоритъ она про него ему самому [3]), это такія рѣдкія дѣянія, кои заслуживаютъ безсмертное имя, и рождаютъ къ Вамъ неизъяснимое почтеніе. Вы противоборствовали всѣмъ совокупившимся врагамъ человѣковъ: суевѣрію, иступленію, невѣжеству, ябедѣ, безсовѣстнымъ судьямъ и той власти, которая раздроблена по разнымъ рукамъ. Для преодолѣнія сихъ препонъ многія качества и добродѣтели потребны; и Вы доказали, что ихъ имѣете, поколику побѣдили».

Благоговѣйное уваженіе Екатерины къ Вольтеру такъ велико, что она (по поводу своего спора съ нимъ о русскомъ обычаѣ цаловать руку у священника) написала ему: «если Вы, пріѣхавъ сюда, сдѣлаетесь здѣсь сами священникомъ, то я стану у Васъ просить благословенія, по полученіи же онаго охотно поцалую ту руку, которая столь много хорошаго, столь много полезныхъ истинъ написала».

Не одну императрицу Екатерину увлекалъ Вольтеръ своими сочиненіями, не на одну ее у насъ на Руси вліяли онъ и другіе «философы» XVIII вѣка. Могущественному очарованію ихъ идей вообще, а его проповѣди въ особенности, поддавались люди всѣхъ слоевъ общества. Мнѣ приходилось уже говорить объ этомъ довольно подробно, на основаніи записокъ современниковъ, въ другомъ своемъ сочиненіи [4]). Такъ называемымъ «волтерьянствомъ» увлекались у насъ и дурные люди — и хорошіе, и вѣрующіе — и невѣрующіе, и глупцы—и умные и талантливые личности. Не повторяя сказаннаго уже, прибавлю здѣсь два-три характерныхъ факта. Болотовъ повѣствуетъ въ своихъ «Запискахъ» (своимъ вялымъ, монотоннымъ языкомъ и по обыкновенію глуповато), что старикъ князь, отецъ его начальника, «любилъ читать книги и по

---

[1]) Переписка Екатерины II съ г. Волтеромъ, ч. II, стр. 168—169.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 196.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 17.

[4]) «Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.». Спб. 1875 г.— Стр. 29, 30, 39.

днямъ большую часть времени занимался, сидючи одинъ въ комнатѣ, чтеніемъ». Онъ, «находясь при дверяхъ самаго гроба», обожалъ Вольтера, Гельвеція «и другихъ подобныхъ имъ извергозъ»[1]. — Д. В. Дашковъ, бывшій впослѣдствіи министромъ юстиціи, такъ писалъ о Вольтерѣ къ Н. Ѳ. Грамматину въ 1805 году: «Не удивляюсь тому, что Вольтеръ нравится тебѣ больше Корнеля. Самые недостатки перваго плѣнительны, а многія изъ лучшихъ мѣстъ втораго скучны и холодны для молодаго, пылкаго человѣка. Мнѣ досадно только то, что ты обижаешь Вольтера, говоря, что онъ упалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ругаетъ своихъ противниковъ... остерегайся, мой другъ, судить несправедливо такого человѣка, который, конечно, достоинъ нашего почтенія и благодарности». Въ другомъ письмѣ къ тому-же Грамматину Дашковъ поздравляетъ его «отъ всего сердца» съ тѣмъ, что онъ Вольтера призналъ выше «варвара Шекспира»: «Въ самомъ дѣлѣ поздравляю тебя! Главный шагъ уже сдѣланъ: нѣжныя и великолѣпныя красоты французовъ прельстили тебя, и съ сихъ поръ ты не иначе будешь смотрѣть на англичанъ...... какъ съ сожалѣніемъ, что они со всѣми ихъ талантами не родились, не образовались среди французовъ XVII и половины XVIII вѣка»![2] — Извѣстный типографщикъ Селивановскій (у котораго Радищевъ хотѣлъ-было печатать свое «Путешествіе») былъ, по свидѣтельству его сына,[3], человѣкомъ свободнаго образа мыслей, и его любимымъ чтеніемъ были «издаваемыя въ ту пору въ переводахъ и даже на его счетъ сочиненія Вольтера». — Жихаревъ расказываетъ въ своей книгѣ[4] объ одномъ израненномъ, или «изрубленномъ въ котлету» маіорѣ Евреиновѣ, съ которымъ онъ познакомился въ Липецкѣ: этотъ маіоръ «бредитъ Вольтеромъ, Дидротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами и внѣ ихъ сочиненій не находитъ ничего заслуживающаго вниманія и уваженія». Жихаревъ пробовалъ разувѣрить его насчетъ этихъ писателей и предлагалъ прочесть Шиллера: «куда тебѣ! Глаза нальются кровью, пѣна у рта; не даетъ слова выговорить. — Да читали-ли вы что нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей? — Не читалъ и читать не хочу и не буду!» кричалъ пылкій не только въ бою, но и въ поклоненіи «философамъ» XVIII-го вѣка, воинъ. — Тотъ же Жихаревъ, говоря, что по счастію онъ получилъ въ дѣтствѣ въ деревнѣ благочестивое русское воспитаніе, замѣчаетъ что это воспитаніе до такой степени было не въ духѣ вѣка, что надъ нимъ «издѣвались сосѣди»[5]. — Даровитый Добрынинъ въ

[1] Записки Болотова, т. III, гл. 20 (въ «Русской Старинѣ», 1872 г., № 10, стр. 927—928).

[2] Библіографическія Записки, 1859 г., № 9, стр. 258—259.

[3] Записки Селивановскаго, въ «Библ. Зап.», 1858 г., № 17, стр. 526—527.

[4] Записки Современника, стр. 121.

[5] Тамъ же, стр. 39.

своихъ художественныхъ запискахъ такъ проникнутъ идеями Вольтера и другихъ «философовъ» своего времени, что судитъ съ ихъ точки зрѣнія, обращаетъ свое сомнѣніе и свой юморъ на тѣ предметы, на которые любилъ обращаться умъ Вольтера. Въ одномъ мѣстѣ онъ, напримѣръ, такимъ образомъ говоритъ объ евреяхъ: «они примѣтно похожи на своихъ предковъ, которые обокрали у египтянъ серебро и золото, по согласію св. пророка Моисея, который потомъ, ушедши съ ними и съ покражею изъ Египта, прошелъ чудеснымъ образомъ чрезъ море, удостоился получить скрижали завѣта и тогда же ихъ разбилъ, осердившись на народъ, такъ точно, какъ бы генералъ, осердившись на солдатъ, разодралъ данное ему именное царское повелѣніе» [1]). Добрынинъ, не вѣря самъ въ чудеса («въ наши грѣшныя времена, говоритъ онъ [2]), не могутъ мѣститься на земли великіе чудотворцы, кромѣ обыкновенныхъ чудодѣевъ»), съ удивленіемъ и даже съ сожалѣніемъ разсказываетъ объ одномъ помѣщикѣ, Пассекѣ, что тотъ, думая, что «въ неизмѣримомъ пространствѣ воздуха» существуетъ «безчисленное множество міровъ», въ то же время вѣрилъ, что его чудесно избавилъ отъ болѣзни образъ Смоленской Божіей Матери. Добрынинъ прибавляетъ, что не онъ одинъ удивлялся вѣрѣ Пассека въ чудесное изцѣленіе: этому дивилась и дочь Пассека, «умная и бойкая барышня, лѣтъ 22-хъ»; она сказала Добрынину: «развѣ не можетъ все это присниться?» [3]).— Ученіе энциклопедистовъ объ эгоизмѣ, какъ руководящемъ принципѣ жизни, тоже усвоено Добрынинымъ: «что же въ родѣ смертныхъ (спрашиваетъ онъ [4]) есть безъ интереса? Да не онъ-то ли и есть, подъ различными именами и видами, душа и связь всего міра? міра моральнаго, натуральнаго и политическаго».

Русское общество екатерининскихъ временъ не отличалось образованіемъ, было даже невѣжественно; и если идеи Вольтера и другихъ «философовъ» распространялись въ немъ, то въ большинствѣ случаевъ, конечно, не путемъ прямаго усвоенія философскихъ произведеній этихъ мыслителей, а посредствомъ ознакомленія съ болѣе популярными сочиненіями ихъ. Такъ, мысли Вольтера широкой волною вливались въ головы и души нашихъ предковъ чрезъ его романы и повѣсти, столь заманчивые и по своему остроумію, и по скабрезности своего содержанія. Даже императрица Екатерина, принадлежавшая несомнѣнно къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, многія мысли своего уважаемаго учителя взяла именно изъ его беллетристическихъ произведеній. Въ одномъ письмѣ

---

[1]) Записки Добрынина (Истинное повѣствованіе и т. д.). Спб. 1872 г. Стр. 134.

[2]) Тамъ же, стр. 144.

[3]) Тамъ же, стр. 244.

[4]) Тамъ же, стр. 215.

1768 года къ нему, императрица, разсказывая о привитіи себѣ оспы, прибавляетъ: «я въ добавокъ къ тому малому количеству лекарствъ, которыя даются въ продолженіе оспы, или и совсѣмъ не даются, употребляла три или четыре превосходныхъ лекарства, коими совѣтую всякому благомыслящему въ подобномъ случаѣ пользоваться, а именно: чтеніе Шотландки, Кандида, Добросердечнаго, Человѣка въ 40 талеровъ и Принцессы Вавилонской; послѣ сихъ лекарствъ нельзя чувствовать ни малѣйшей боли».—Вольтеръ считался въ свое время поэтомъ и ставился своими поклонниками выше Шекспира и Шиллера.—Для насъ теперь, разумѣется, ясно, что поэтическимъ даромъ знаменитый писатель не обладалъ; но его повѣсти полны интереса по умѣнью живо разсказывать занимательныя событія, а главное по умѣнью ясно и общедоступно излагатѣ отвлеченныя воззрѣнія. Вольтеръ пользовался поэтической формой для популяризированія своихъ идей. Это, конечно, тѣ же идеи, что̀ въ «Философскомъ словарѣ» и другихъ сочиненіяхъ; но, выведенныя изъ отвлеченной сферы въ реальную жизнь, онѣ, если можно такъ выразиться, еще болѣе оматеріализировались. Скептицизмъ, покинувъ умственную область, оставилъ тамъ и свою отвлеченную чистоту и обратился на разбиваніе вѣры въ нравственную доблесть и силу человѣческой души въ ея проявленіяхъ какъ въ жизни индивидуумовъ, такъ и въ жизни обществъ и народовъ. Цинизмъ же въ воззрѣніяхъ знаменитаго писателя на человѣческую природу и людскія отношенія, обратившись къ реальнымъ фактамъ жизни, нашелъ себѣ богатую пищу въ изображеніи обширнаго ряда неприличныхъ похожденій и событій. За грязными картинками, съ любовью и обстоятельностью рисуемыми Вольтеромъ, скрываются и зачастую исчезаютъ даже добрыя намѣренія автора; такъ, желаніе обличить безнравственность и лицемѣріе католическаго духовенства отступаетъ на второй планъ передъ яркой, соблазнительной картиной похожденій монаховъ въ повѣсти «Письма Амабеда»; тоже надо сказать про борьбу съ фанатизмомъ и суевѣріями и вообще про свѣтлыя идеи Вольтера. Что же касается софизмовъ и непримиренныхъ противорѣчій, то ихъ въ романахъ и повѣстяхъ больше, чѣмъ въ философскихъ трактатахъ, потому что имъ, конечно, удобнѣе скрываться въ запутанныхъ изображеніяхъ житейскихъ событій, чѣмъ въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ. Ограничусь этими общими указаніями и не буду подробно разбирать беллетристическихъ произведеній знаменитаго писателя: такой разборъ сдѣланъ мною въ другомъ сочиненіи (въ моей книгѣ о Новиковѣ).

Мефистофель теряетъ свое обаяніе (обаяніе силы сомнѣнія, силы разлагающей мысли), когда спускается съ высоты своей отвлеченности въ дѣйствительность,—онъ ведетъ тогда Фауста, т. е. человѣка, въ грязь жизни, въ наслажденіе животными благами и радостями.—Нельзя сказать, разумѣется, что романы Вольтера создали

развратъ общества XVIII вѣка; но что они этотъ развратъ поддерживали и развивали — это несомнѣнно. Да и сами они, какъ и творецъ ихъ, были созданіемъ и яркимъ выраженіемъ низко стоявшаго въ нравственномъ отношеніи, разлагавшагося французскаго общества. — Что это было за общество, мы видимъ изъ картины его, нарисованной въ тѣхъ же повѣстяхъ (напримѣръ: въ «Простодушномъ», въ романѣ «Свѣтъ, какъ онъ есть»), видимъ изъ «Исповѣди» Руссо, изъ живыхъ, остроумныхъ, художественныхъ писемъ Фонвизина изъ-за границы. — Не буду здѣсь останавливаться на великой «Исповѣди» великаго романтика (это сдѣлано мною въ другомъ мѣстѣ); замѣчу только, что особенно трагическое впечатлѣніе при чтеніи ея производитъ созерцаніе того, какъ самъ знаменитый протестантъ противъ общественной неправды и безнравственности путается въ нравственныхъ вопросахъ, падаетъ и не умѣетъ, не можетъ отличить добра отъ зла. — Не буду останавливаться и на письмахъ Фонвизина (о нихъ рѣчь впереди); приведу только замѣчательный отзывъ о нихъ Бѣлинскаго; да позволю себѣ выразить сомнѣніе въ полной, будто бы, несправедливости взведеннаго нашимъ путешественникомъ обвиненія на «философовъ» вѣка въ корыстолюбіи и эгоизмѣ (по крайней мѣрѣ, сомнѣніе мое коснется нѣкоторыхъ изъ философовъ).

Бѣлинскій говоритъ о письмахъ Фонвизина изъ Франціи:

«Читая ихъ, вы чувствуете уже начало французской революціи въ этой страшной картинѣ французскаго общества, такъ мастерски нарисованной нашимъ путешественникомъ, хотя, рисуя ее, онъ, какъ и сами французы, далеко былъ отъ всякаго предчувствія возможности или близости страшнаго переворота». (Соч., т. VIII, стр. 119).

Бѣлинскій, говоря эти слова, конечно, не увлекался національными пристрастіями: онъ былъ въ это время западникомъ, какъ и всегда (въ данномъ случаѣ это надо особенно помнить).

Что же касается «философовъ», то, не рѣшаясь на обобщенія, приведу нѣсколько частныхъ фактовъ, относящихся къ двоимъ изъ нихъ, къ Дидро и Гримму. Обѣ эти знаменитости были въ Петербургѣ, пріѣзжали къ императрицѣ Екатеринѣ.

IV.

Дидро и Гриммъ въ ихъ отношеніяхъ къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Дидро принято у насъ, начиная еще съ записокъ кн. Дашковой, считать за энтузіаста, горячо и искренно, даже наивно увлекавшагося идеями, за человѣка въ высшей степени безкорыстнаго,

благороднаго и нѣжнаго въ дружбѣ; кн. Дашкова называетъ его, кромѣ того, «проницательнымъ и глубокомысленнымъ геніемъ». Руссо (въ своей «Исповѣди» [1]) думаетъ иначе: онъ заподозрилъ искренность и безкорыстіе Дидро. Жанъ-Жаку Руссо не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ довѣрять (говорятъ обыкновенно), потому что онъ былъ мизантропъ, болѣзненно-недовѣрчивый человѣкъ... Но вотъ о чемъ, однако, свидѣтельствуютъ событія [2]).

Императрица Екатерина купила у Дидро его библіотеку, которую до его смерти оставила въ его пользованіи; но такъ какъ онъ послѣ покупки завѣдовалъ уже не своею, а чужою собственностью, то императрица назначила ему жалованье; съ намѣреніемъ, или случайно жалованье это два года не выдавалось; тогда, во избѣжаніе повторенія такой ошибки, она приказала выдать ему единовременно 50,000 франковъ... Безкорыстный философъ не погнушался принять фантастическую должность библіотекаря въ своей собственной библіотекѣ! — Послѣ выдачи ему названнаго капитала, Дидро почувствовалъ желаніе ѣхать въ Петербургъ лично благодарить императрицу. Авторъ сочиненія «Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II», г. Шугуровъ, говоритъ, что поведеніе Дидро въ Петербургѣ при дворѣ Екатерины, куда онъ прибылъ въ 1773 году, было «честно и возвышенно». — «Нельзя заподозрить похвалу мою (пишетъ самъ Дидро про свои отношенія къ императрицѣ), ибо я обвелъ щедрость ея самыми тѣсными границами» [3]). «Возвращаюсь къ вамъ (говоритъ онъ въ другомъ письмѣ [4]) обремененный почестями. Если я пожелалъ бы черпать полными пригоршнями въ царской шкатулкѣ, то, вѣроятно, дѣло отъ меня зависѣло; но я предпочелъ заставить молчать петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру въ меня парижскимъ невѣрующимъ». — Оставивъ въ сторонѣ скептическій вопросъ (который можетъ возникнуть) — а что, еслибы не было въ Петербургѣ злоязычниковъ, а въ Парижѣ невѣрующихъ? оставивъ этотъ вопросъ, нельзя не замѣтить, однако, странности похвальбы человѣка тѣмъ, что онъ не попользовался изъ чужой шкатулки. — Дидро не «черпалъ пригоршнями» русскихъ денегъ... но пріѣхавши благодарить за низачто-нипрочто подаренный ему капиталъ, онъ, однако, при отъѣздѣ попросилъ императрицу заплатить всѣ издержки его путешествія въ Петербургъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ

---

[1]) Исповѣдь Ж. Ж. Руссо. Пер. Устрялова. Спб. 1865 г. Стр. 402, 434—435.

[2]) «Фонвизинъ». Соч. кн. П. А. Вяземскаго. Прилож. «Дидеротъ въ Петербургѣ».

Осмнадцатый вѣкъ, ч. I, 1869 г. Ст. г. Шугурова: «Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II».

«Историческій Вѣстникъ», 1880 г., октябрь. Письмо Дидро къ женѣ. Сообщ. Л. Н. Майкова.

[3]) «Фонвизинъ». Кн. Вяземскаго. Стр. 315—316.

[4]) Тамъ же, стр. 313.

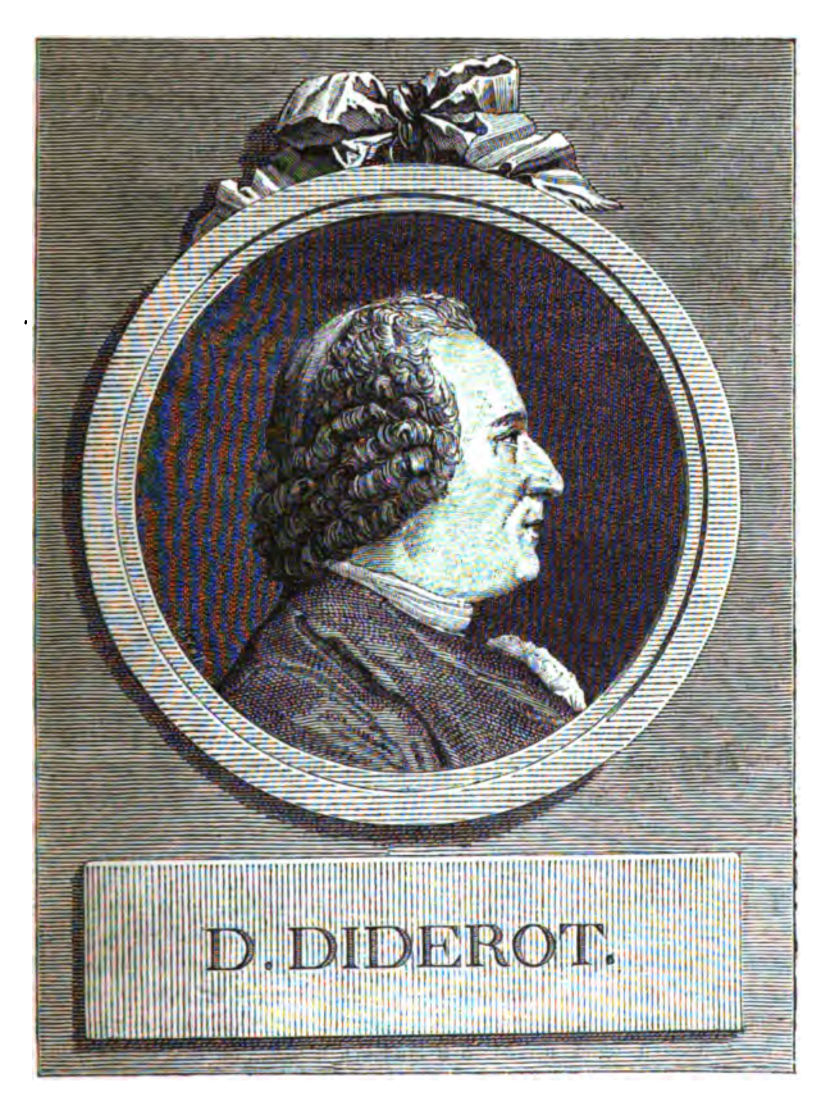
самъ въ одномъ письмѣ [1]): «императрица изволила согласиться на всѣ просьбы мои, представленныя ей, когда я откланивался: я просилъ уплатить путевые расходы пріѣзда и обратные и пребыванія моего, замѣтивъ, что философъ путешествуетъ не по-барски,—исполнено». А между тѣмъ онъ получилъ въ Петербургѣ еще въ подарокъ три кошелька съ 12,600 франковъ.— Не ограничиваясь настоящимъ, Дидро заручился и обѣщаніемъ императрицы помочь ему въ будущемъ, въ случаѣ если онъ раззорится по какимъ либо причинамъ. — Въ своемъ письмѣ къ женѣ изъ Гаги отъ 9-го апрѣля 1774 года [2]), знаменитый «философъ» говоритъ, что, уѣзжая, онъ подалъ Екатеринѣ просьбу не дѣлать ему больше подарковъ. По-видимому это совершенно безкорыстно; а между тѣмъ то же письмо свидѣтельствуетъ, что Дидро мучился сомнѣніемъ — не вздумала бы императрица въ самомъ дѣлѣ исполнить его желаніе; онъ передаетъ мучившій его вопросъ женѣ: «полагаешь ли ты (пишетъ онъ), что императрица исполнитъ мою просьбу?» Въ этихъ скептическихъ словахъ такъ и слышится жажда денежнаго подарка отъ Екатерины. Надежды на этотъ подарокъ особенно возбудились въ Дидро послѣ разговора съ шведскимъ посломъ, барономъ Нолькеномъ (разговоръ передается въ томъ же письмѣ). Нолькенъ видимо утѣшалъ философа тѣмъ, что онъ поступилъ благородно и исполнилъ свой долгъ, но что и императрица, въ свою очередь, въ долгу не останется, только, соблюдая деликатность, отсрочитъ минуту своего благодѣянія.—Интересна еще одна подробность письма: Дидро мучился въ дорогѣ сомнѣніемъ — подарить или нѣтъ часы сопровождавшему его изъ Петербурга, по повелѣнію императрицы, офицеру?

Изъ отношеній Дидрó къ Екатеринѣ въ Петербургѣ мы невольно выносимъ сомнѣніе и въ томъ, что онъ былъ энтузіастъ идеи, что мысль была ему всего дороже. — Императрица приняла его въ высшей степени любезно: онъ могъ ежедневно являться къ ней и бесѣдовать съ 3-хъ до 5-ти или 6-ти часовъ вечера. Съ жаромъ и увлеченіемъ развивалъ онъ передъ нею свои мысли, съ такимъ увлеченіемъ, что порой въ пылу разговора трепалъ ее по колѣнямъ. Какой же былъ результатъ подобныхъ бесѣдъ? Въ 1787 году, во время своего Таврическаго путешествія, императрица такъ разсказывала объ этомъ французскому послу гр. Сегюру:

«Я долго и часто съ нимъ (т. е. съ Дидро) бесѣдовала, но болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользою. Если бы я послушалась его, то пришлось бы все перевернуть въ моемъ государствѣ: законы, администрацію, политику, финансы—уничтожить все и замѣнить несбыточными теоріями. При всемъ томъ, такъ какъ я болѣе слушала его, чѣмъ говорила, то, взглянувъ на насъ со стороны, можно

[1]) Тамъ же, стр. 314.
[2]) «Историческій Вѣстникъ», 1880 г., октябрь.

было бы принять его за строгаго наставника, а меня за покорную его ученицу. По всей вѣроятности и ему самому такъ думалось; ибо по прошествіи нѣкотораго времени, замѣтивъ, что въ управленіи моемъ не послѣдовало никакихъ ве-



Дидеро.

Съ гравюры Катлена, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кошеномъ.

ликихъ нововведеній, которыя онъ мнѣ совѣтовалъ, онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ оскорбленной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я откровенно сказала ему: господинъ Дидро! я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что вы говорили мнѣ по внушенію вашего блестящаго ума; но со всѣми ва-

шими великими началами, которыя я понимаю отлично, хорошо писать книги, а плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ: она гладка, послушна вамъ и не представляетъ препятствій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ, какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги.— Я увѣрена (заключила императрица), что съ тѣхъ поръ онъ началъ смотрѣть на меня съ сожалѣніемъ, считая меня женщиной простой и ограниченной. Съ того времени онъ говорилъ со мною только о литературѣ: политика исчезла изъ нашихъ бесѣдъ» [1]).

Но императрица ошиблась насчетъ Дидро: онъ не измѣнилъ своего взгляда на нее:

«Что за государыня! что за необыкновенная женщина! (писалъ онъ изъ Гаги 15-го іюня 1774 года, по отъѣздѣ изъ Петербурга). Непостижимая твердость въ мысляхъ со всею обольстительною и возможною легкостью въ выраженіи; любовь истины, доведенная до высшей степени!» [2]).

Какъ понять эти восторженныя восклицанія послѣ того, что разсказываетъ императрица? Для Дидро видимо очень мало значило то обстоятельство, что его идеи не имѣли никакого реальнаго успѣха въ Петербургѣ. Онъ былъ доволенъ и счастливъ, потому что бесѣдами запросто съ императрицей удовлетворены были его гордость и тщеславіе.

«Милостивыя государыни и пріятельницы! (восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ изъ Гаги [3]), клянусь вамъ, что это время было наисчастливѣйшимъ въ жизни для моего самолюбія! О, тутъ спорить нечего, вы должны будете вѣрить тому, что скажу вамъ о сей необыкновенной женщинѣ!» и т. д.

Ясно, что эгоизмъ въ Дидро былъ сильнѣе любви къ идеѣ.

Кстати будетъ привести еще одинъ фактъ: въ письмѣ своемъ изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 года [4]) Дидро разсказываетъ, между прочимъ, какъ онъ проводитъ время въ Гагѣ въ домѣ русскаго посла кн. Голицына:

«Мы (т. е. онъ и княгиня Голицына) охотно споримъ до бѣшенства; я не всегда соглашаюсь съ мнѣніями княгини, хотя мы оба заражены страстью къ древности; но князь будто обязался намъ противорѣчить: Гомеръ дурачекъ, Плиній отъявленный глупецъ, китайцы — честнѣйшіе люди въ свѣтѣ и т. д. Весь этотъ народъ намъ не братья и не закадычные пріятели, и потому въ споры наши вмѣшивается одна веселость и живость и частица самолюбія для приправы».

И такъ, горячо отстаивая въ спорахъ свои мысли, Дидро, однако, въ сущности (по собственному признанію) не дорожитъ ими:

---

[1]) Записки гр. Сегюра.
[2]) «Фонвизинъ». Кн. Вяземскаго. Стр. 315—316.
[3]) Тамъ же, стр. 315.
[4]) Тамъ же, стр. 317.—Осмнадц. вѣкъ, ч. I, 1869 г., стр. 367.

ему все равно — дуракъ Гомеръ или нѣтъ, — онъ ему не братъ. Не таковы бываютъ энтузiасты идеи.

Баронъ Фридрихъ Мельхiоръ Гриммъ, по свидѣтельству Руссо [1]), былъ человѣкъ низкiй и фальшивый. Явившись во Францiю бѣднякомъ, безъ связей, онъ былъ очень скроменъ и заискивалъ во

Баронъ Гриммъ.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

всѣхъ. Руссо сблизился съ нимъ, познакомилъ его со своими друзьями, помогалъ ему. Въ отплату Гриммъ сталъ потомъ относиться къ нему высокомѣрно и покровительственно. Я никогда не могъ понять (говоритъ Руссо), почему онъ оказался моимъ меценатомъ?— Безсердечный, холодный, какъ ледъ, Гриммъ, войдя въ моду, про-

¹) Исповѣдь Руссо, перев. Устрялова, въ 2-хъ ч. Спб. 1865 г. Стр. 523—525.

слыть чудомъ любви, дружбы и привязанностей всякаго рода; прослыть между женщинъ человѣкомъ съ сильными чувств «Столько же фатъ, сколько тщеславный баринъ, онъ съ сво большими мутными глазами и безобразнымъ лицомъ имѣлъ тензію нравиться женщинамъ... онъ заразился женскою страс къ нарядамъ, сталъ краситься, и туалетъ сдѣлался для него ным занятіемъ», онъ бѣлился и посвящалъ много времени чистку ногтей особой щеточкой. Руссо удивляется, какъ мо было ему при этомъ хвастаться своею чувствительною душою энергіею чувствъ. «Какъ согласовать это съ пороками, свойст ными однимъ только мелкимъ душамъ?» «Съ своимъ рѣзкимъ природѣ обращеніемъ онъ соединялъ еще гордость выскочки (п должаетъ авторъ «Исповѣди»), и своею грубостью дѣлался д смѣшнымъ. Связи его съ знатью до того сбили его съ толку, что присвоилъ себѣ манеры, которыя встрѣчаются только развѣ у мыхъ безразсудныхъ вельможъ», онъ призывалъ, напримѣръ, с его лакея крикомъ: эй! какъ будто по многочисленности слугъ зналъ — кто дежурный; давая слугѣ порученіе, бросалъ деньги полъ. — «Я вспомнилъ (прибавляетъ Руссо) сущность его нравствен наго ученія, которое г-жа д'Эпине передала мнѣ и которое он приняла сама. Эта мораль заключалась въ томъ, что единственна обязанность человѣка—слѣдовать влеченіямъ своего сердца... вскор я увидѣлъ, что это правило, дѣйствительно, руководило имъ в жизни, и убѣдился въ этомъ собственнымъ опытомъ».

Трудно допустить, что въ этихъ словахъ Руссо заключаетс фактическая ложь. Положимъ, однако, что по своей мнительност Руссо неправильно истолковываетъ смыслъ многихъ фактовъ. Н вотъ передъ нами собственное свидѣтельство Гримма о себѣ—«Исто рическая записка о происхожденіи и послѣдствіяхъ моей предан ности императрицѣ Екатеринѣ II, до кончины ея величества» [1]. Записка эта писана, по всей вѣроятности, для императора Павл

Личность Гримма выступаетъ здѣсь изъ его собственныхъ слов очень рельефно, и она оказывается весьма непривлекательной. Онъ рисуетъ себя, разумѣется, человѣкомъ безкорыстнымъ и не эгоистомъ; но по какой-то странной нравственной слѣпотѣ ему не удается скрыть своихъ настоящихъ свойствъ. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ, что когда императрица предложила ему на чальствовать надъ заводимыми ею училищами, то онъ отказался тогда по незнанію русскаго языка; теперь же, въ «Запискѣ» онъ указываетъ другую причину своего отказа: это—боязнь, «что столь блестящая перемѣна въ службѣ... не можетъ быть продолжительна. Я предпочиталъ (говоритъ онъ) полное лишеніе предлагаемаго невѣрной возможности его потерять. Таково сердце человѣческое!»

[1]) Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. II, 1868 года.

иммъ сожалѣетъ теперь, что отказался прежде отъ мѣста (не сознавая неблаговидности и этого сожалѣнія, и истинной причины прежняго отказа). — Онъ увѣряетъ далѣе въ «Запискѣ», что смерть императрицы погрузила его въ такую скорбь, что онъ чуть не сошелъ въ могилу. Но изъ самой же «Записки» оказывается, что истинною причиною этой скорби была не привязанность къ усопшей, а боязнь потерять доходъ; дѣло въ томъ, что онъ получалъ отъ императрицы Екатерины 2,000 рублей жалованья за сообщеніе ей политическихъ и общественныхъ новостей во Франціи и за исполненіе нѣкоторыхъ ея порученій къ французскимъ министрамъ, и онъ опасался, что Павелъ прекратитъ это жалованье. Его возвратило къ жизни (по его собственнымъ словамъ) только полученное имъ извѣстіе, что императоръ утвердилъ его въ его должности, т. е. увѣренность, что онъ будетъ по-прежнему получать 2,000 рублей. Должно быть, чтобы обезпечить за собой эти 2,000, онъ старается увѣрить, что былъ искренно и безпредѣльно преданъ Екатеринѣ, и приэтомъ самымъ грубымъ образомъ преувеличиваетъ свое чувство (если оно и было); онъ увѣряетъ, что

«создалъ вдали отъ нея (императрицы Екатерины) нѣчто въ родѣ религіи, имѣвшей предметомъ исключительно ее, служеніе ей. Мысль о ней сдѣлалась для меня до того обычною, что не покидала меня ни днемъ, ни ночью, сосредоточивая всѣ мои мысли. Гдѣ бы я ни жилъ, въ уединеніи ли, въ вихрѣ ли свѣта, императрица всегда была передо мною. Расхаживая, путешествуя, или живя на мѣстѣ, сидя, лежа (какое, замѣтимъ мимоходомъ, холодно-риторическое соединеніе противоположеній!), что я дѣлалъ? лишь одно: лишенный возможности говорить съ нею, я мысленно писалъ цѣлые томы; половина ночи проходила въ письменномъ изложеніи моихъ мыслей, а между тѣмъ эта нескончаемая переписка передавала лишь частицу того, что я думалъ».

Но самое интересное и важное въ «Запискѣ» Гримма, это слѣдующія слова, характеризующія его взглядъ на самого себя. Разсказавъ, какъ онъ былъ тронутъ милостями императрицы, и какъ едва удержалъ слезы, онъ прибавляетъ:

«Больше чѣмъ когда нибудь мнѣ хотѣлось броситься къ ногамъ императрицы, умоляя ее сохранить меня въ числѣ собакъ ея».

Такъ понималъ и уважалъ человѣческое и свое личное достоинство гордый и тщеславный баронъ Гриммъ! Онъ не находилъ ничего унизительнаго въ сопоставленіи себя съ собаками императрицы. И это былъ одинъ изъ представителей «освободительной философіи» XVIII вѣка!

Вотъ нѣсколько умственныхъ и нравственныхъ чертъ французской философіи и французскихъ нравовъ прошедшаго столѣтія, которыя такъ сильно вліяли на нашу русскую жизнь, на русское общество екатерининской эпохи. — При невѣжественности и нравствен-

ной грубости этого общества, неудивительно, что оно воспринимало въ себя преимущественно вліяніе темныхъ и ложныхъ сторонъ ученія энциклопедистовъ. Что же касается литературы, то хотя и въ ней темныя вліянія брали перевѣсъ, но въ ней мы найдемъ и отраженіе свѣтлыхъ, «освободительныхъ» въ настоящемъ смыслѣ этого слова идей философіи вѣка.

А. Незеленовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ СКУДЕЛЬНИЦѢ.

ЦАРЬ IОАННЪ IV Васильевичъ сидѣлъ въ слободѣ Александровской.

Страшная Опричина тяготѣла надъ Россiею, особенно надъ Москвою. Въ ближнемъ совѣтѣ царскомъ голосовали Малюта Скуратовъ и Алексѣй Басмановъ, имена которыхъ въ народныхъ пѣсняхъ, неумолчно слагавшихся на крови, стали кличками!

Дружина царская была набрана не изъ лучшихъ людей, а изъ буйныхъ удальцевъ и распутниковъ. Этими потерянными людьми, виновными въ томъ или въ другомъ предъ правосудiемъ, окружилъ себя царь, въ расчетѣ на то, что, заслоняя ихъ могучею близостью своею, онъ будетъ защищенъ ими лучше всего отъ страшившей его крамолы.

Въ безмолвiи и безсилiи лежала опустѣвшая Москва; златотканнымъ вихремъ проносились по ней шумливые, веселые, озорные царскiе люди.

Подлѣ сѣделъ ихъ болтались собачьи головы!

— Это мы грыземъ лиходѣевъ царскихъ! говорили про себя опричники: пёсьи головы должны были изображать это.

А съ другой стороны висѣла метла!

— Это мы Русь отъ крамолы подметаемъ! толковали они.

Налетали царскiе дружинники-опричники къ дьякамъ, купцамъ, къ знатнымъ людямъ земщины, уворовывали ихъ деньги, сосуды, одежды, брали женъ ихъ себѣ; красивѣйшихъ представляли Iоанну, выѣзжавшему къ нимъ на встрѣчу. Послѣ нѣкотораго времени, эти женщины, возвращались отцамъ и мужьямъ. Не одна красавица умирала отъ стыда и горести...

Надо только припомнить затворническую жизнь русской дѣвушки, ея тихую свѣтлицу, подъ недремлющимъ надзоромъ мамушекъ и нянюшекъ, чтобы понять возможность быстрыхъ смертей всѣхъ этихъ испуганныхъ, поруганныхъ, обезстыженныхъ.

А въ Александровской слободѣ, въ честномъ храмѣ Богоматери, гдѣ на всякомъ изъ кирпичей, изъ которыхъ его сложили, изображенъ былъ крестъ, чтобы этими крестами, какъ бы нѣкоею броней, защититься отъ дьявольскаго навожденія, царь съ четвертаго часа утра ходилъ на моленье.

Выходилъ съ нимъ самъ Малюта и гудѣли послушные колокола, сзывали на молитву, а концы веревокъ ихъ мѣдныхъ языковъ покачивали и подергивали никто другой, какъ онъ, Малюта, и царь Іоаннъ!

И братія шла молиться!

Какая братія!

Далеко не отрезвившись, еле сдерживая на губахъ своихъ развеселую пѣсню, и не успѣвъ обтереть съ кинжаловъ крови людей, зарѣзанныхъ за ночь, еще полны богохуленьемъ и виномъ, входили опричники во внутренность храма. Кто бы посмѣлъ не пойти!

На головахъ ихъ красовались черныя скуфейки, на плечахъ болтались длинныя монашескія рясы, изъ подъ которыхъ, вслѣдствіе неувѣренной походки, то и дѣло просовывались шитые золотомъ кафтаны и ярко красные сафьяновые сапоги.

Царь, отягченный болѣзнью душевною, не то входитъ, не то приволакивается въ храмъ, поддерживаемый ближайшими людьми своими. На искаженномъ лицѣ его нѣтъ черты спокойной; трепетъ этого лица еще усиливается трепетомъ пламени зажженныхъ въ храмѣ свѣчей. Блѣдность въ лицѣ царевомъ становится еще сильнѣе, потому что пламя свѣчей тоже блѣдно, тоже трепетно.

Ввели царя въ церковь; онъ молится.

Служба въ храмѣ идетъ... Звучнѣе другихъ раздается подъ сводами голосъ царя поющаго, или читающаго; отъ земныхъ поклоновъ его остаются знаки на морщинистомъ лбу... Царь то и дѣло стукается!

Нѣтъ такой силы воображенія, которая могла бы совершенно наглядно воспроизвести дикую помѣсь представленій въ мысляхъ опричника, стоявшаго въ этомъ храмѣ, послѣ ближайшаго ликованія, и усердно молившагося подъ звучаніе рѣзкаго, нетвердаго голоса царя!..

Мелькаютъ синія очи изнасилованной красавицы... иконостасъ съ темными ликами... отзвучія послѣдней пѣсни... дымъ ладона, разъѣдающій глаза... а смѣлый прыжекъ лошади, прямо чрезъ тынъ, хорошъ былъ! На этотъ разъ, тоже, кинжалъ въ ножнахъ застрялъ... бѣсъ его вѣдаетъ! Не чищенъ, заржавѣлъ въ крови...

А сегодня ночью опять будетъ нуженъ... Господи помилуй! Господи помилуй! Госп... двѣнадцать разъ!

И пока клубится ладонъ и раздается херувимская, опричникъ, опустившійся на колѣна, тихонько поднимаетъ руку и, по пути къ совершенію крестнаго знаменія, испытываетъ кинжалъ: вынимается ли онъ изъ ноженъ.

— Вынимается! Хорошо! и рука идетъ выше и осѣняетъ могучую, волнующуюся подъ рясою грудь честнымъ крестомъ...

Въ это страшное время, какъ и во многія страшныя времена на Руси, рядомъ съ яркими, рѣзкими теченіями жизни, четко записанными въ лѣтопись, шли другія, болѣе широкія, болѣе охватывающія, но темныя, не замѣтныя, едва коснувшіяся пера лѣтописца!

Благотвореніе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, молчаливое, скромное, безпритязательное, разливалось цѣлебнымъ масломъ на широкія, жгучія раны, наносимыя царемъ! Русь, найдя себѣ удивительное воплощеніе въ личности митрополита Филиппа, терпѣла, молилась, надѣялась, но нисколько не останавливалась передъ тѣмъ, чтобы говорить царю правду, чтобы завѣрить его въ томъ, что она, Русь, будетъ терпѣть, какъ терпѣла до сихъ поръ, но что то, что дѣлаетъ царь, все-таки не хорошо и не должно быть дѣлаемо. Русь, увѣренная, какъ и Филиппъ, въ побѣдѣ «невооруженной любви», благотворила тѣмъ больше, чѣмъ больше ее терзали!

Если бояръ казнили десятками, то въ одну ночь поднимались, въ память ихъ, обыденныя церкви, распложались клѣти нищихъ, множилось число богадѣленъ, призрѣвали подкидышей. Если буйствовали опричники, то воздвигались и высились издавна знакомые на Руси типы св. Марка Гробокопателя, Боголюбиваго Станины, нищаго Жгальцо и многихъ несчетныхъ божедомовъ.

Совершенно самостоятельнымъ, единственнымъ является у насъ издревле типъ скудельницъ и особыхъ божьихъ людей, посвятившихъ себя служенію при трупахъ.

Въ полный разгаръ опричины, труповъ-ли недоставало и скудельное поле подъ Москвой населялось особенно щедро!

Въ слободѣ Александровской, въ одной изъ гридней, идетъ пиръ горой.

Весенняя зорька только что разгорается за мелкими, косящатыми окнами и бросаетъ первые лучи на золотыя братины и серебряныя блюда, на цѣнные поставцы и яндавы, на развеселыя, пьяныя лица опричниковъ, на золотые кафтаны ихъ. Гдѣ на стѣнкѣ кафтанъ пріютился, гдѣ на лавкѣ валяется, а гдѣ и съ плечь не совсѣмъ сошелъ, на половину повисъ, да такъ и остался!

На дворѣ, за послѣднею ростополью, сбѣжалъ послѣдній снѣгъ; по Москвѣ рѣкѣ ледоходъ; по небу сизыя, теплыя облачка въ ту же сторону пробираются.

— Эй, Петка, а Петка? кричитъ изъ краснаго угла опричникъ, по старше прочихъ, бородатый, смуглый, какъ татаринъ; воротъ рубахи его разстегнутъ; взглянуть на мохнатую грудь—точно медвѣдь обросъ.

— Каково тебѣ Петку? отвѣчаетъ изъ другаго угла тотъ именно, къ кому зовъ былъ обращенъ; мало-ли тутъ Петровъ; назы полнымъ именемъ.

— Ну, ладно! понялъ и такъ, самъ отвѣтилъ... извѣстно: зовутъ!!

— Такъ и величай понятливо, если отвѣта хочешь!

— Ну, ладно, боярскій сынъ князь Шустрый, сынъ Михѣе

— То-то!

— Сочини, голубчикъ Петка, чтобы намъ такую за шутку кинуть? Не спроста объѣздъ какой совершить, а съ новымъ мысломъ. Лучше тебя никто не сочинитъ.

— Сочини! сочини! загудѣло по сторонамъ. Пора! утро! Ко провѣтрить, да и себя продуть!

При этомъ многіе поднялись съ мѣстъ; стали оправляться, ка таны одѣвать; другіе вытянулись по прилавкамъ, завидя свобо ныя мѣста. Повалилась гдѣ-то со стола братина; опрокину скамью; въ одномъ изъ угловъ раздался звучный храпъ.

— Ну! Петка!

Петка сидѣлъ въ раздумьи. Ему что-то невесело было. М сыченый и зеленое вино къ тяжелой головѣ подступали и нили ее не въ примѣръ хуже, чѣмъ когда бы то ни было.

— Али тебѣ чередъ въ церковь съ царемъ идти?

— Нѣтъ!

— А почитай, братцы, замѣтилъ кто-то, скоро благовѣсть нется?

Отворили окно. Хлынулъ въ него свѣжій утренній воздухъ. новременно съ этимъ въ гриднѣ сразу водворилось полное, бо вое молчаніе.

Вдали, по улицѣ направлялись къ церковной колокольнѣ, м ступая одинъ подлѣ другаго, въ скуфейкахъ и черныхъ ра двѣ хорошо знакомыя опричникамъ фигуры: царя и Малюты С ратова. Поодаль шли кучею, покачивая кафтанами, наброшенн на плечи, ближайшіе князья и бояре.

Царя отличить не трудно по стану и по походкѣ: онъ идетъ со гнувшись, вынося далеко впередъ голову и ступаетъ тяжело, какъ бы подъ какою-то непосильною, невидимою ношею; длинная тростъ помогаетъ ему нести эту ношу и ступать. Малюта держится прямо, идетъ бодро, молодцомъ, трости у него не имѣется.

Вотъ подошли они къ колокольнѣ. На колокольню взошелъ одинъ государь, сопутствуемый звонаремъ. Малюта и бояре остались у входа...

Іоаннъ Грозный въ Александровской слободѣ. (Картина Шварца).

Едва только ударилъ колоколъ, какъ мало-по-малу, изъ за всѣхъ угловъ улицъ, изъ ближайшихъ домовъ, потянулись къ церкви одѣтые въ рясы братья-опричники. Нѣкоторые изъ нихъ прошли мимо отвореннаго окна гридни. Не любо было имъ идти въ церковь!

Перемигнулись, перебросились словечками съ товарищами въ гриднѣ.

— Куда, братцы? спросили у окна вполголоса.

— Вотъ, ужо Петка сочинитъ, отвѣтили тихо изъ гридни.

Петка, дѣйствительно, тѣмъ временемъ сочинилъ.

— Сѣдлай коней, товарищи! Знаю куда ѣхать. Только чуръ безъ шума! Втихомолку выѣздъ.

Всталъ онъ съ мѣста, тряхнулъ головою и оправился.

— Куда—чертъ, говори? спросили многіе.

— На скудельницу! отвѣтилъ Петка.

— А зачѣмъ?

— Сегодня четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ, такъ тамъ вотъ мертвыхъ хоронить будутъ; издалека собираются божьи люди! и дѣвки, и жены приходятъ... Ну! Поняли?

— Поняли!..

Не прошло и получасу, какъ изъ воротъ слободы, противулежавшихъ царскому дому, выѣхало человѣкъ пятнадцать опричниковъ.

Кафтаны на нихъ были все золотые, словно одной рукой шитые; шапки горѣли яркими бархатами, отъ свѣтлобирюзоваго до темнозеленыхъ; сытые кони, большіе, пѣгіе, тоже пестрѣли подъ высокими сѣдлами и осыпанною бляхами и кистями збруею. Бляхи збруи, мечи и кинжалы побрякивали въ ладъ конскому ходу.

Казалось, что поднимавшемуся солнцу любо было смотрѣть на эту воинскую красоту, такъ настойчиво старалось оно пронизать своими багровыми лучами глубокую синь и густоту клубившагося на разсвѣтѣ тумана.

Отъѣхавъ въ молчаніи шаговъ пятьсотъ отъ воротъ, опричники, точно сговорившись, всѣ разомъ стегнули нагайками по конямъ, гикнули, свистнули и помчались знакомою имъ на Москву дорогою.

Застонала не вполнѣ оттаявшая земля.

— Есть короче дорога! крикнулъ зычнымъ голосомъ чернобородый; сюда братцы!

Онъ молодецки метнулъ съ конемъ въ сторону черезъ плетень, вполнѣ увѣренный въ томъ, что остальные за нимъ послѣдуютъ.

Это такъ и было: точно черти какіе на разгоряченныхъ нагайками коняхъ перемахнули опричники одинъ за другимъ, а гдѣ и по трое, черезъ плетень.

Какъ разъ надъ этимъ мѣстомъ, за плетнемъ, чуя себя вполнѣ дома, прижавшись къ нему вплотную, стояли ребятишки изъ ближайшей хаты и глазѣли... Поворотъ всадниковъ на нихъ былъ совершенно неожиданъ. Да и всадники ихъ не замѣтили.

Перемахнулъ одинъ, перемахнулъ другой, третій... Обезумѣвшія отъ страха дѣти видѣли надъ собою животы лошадей да вытянутыя конскія ноги. Сѣрыя, пѣгія, рыжія мелькали надъ ними.

Конь подъ Петкою прошелъ ниже другихъ и чуть не тронулъ копытомъ одну изъ дѣтскихъ головокъ.

— Куда черти забрались! промолвилъ Петка, увидавъ дѣтей съ высоты скачка своей лошади.

Дрогнуло у него сердце. Но не отъ того дрогнуло оно, что малый ребенокъ отъ него мертвымъ покатиться могъ, а отъ того, что вотъ уже сколько времени, какъ его точно преслѣдуютъ какія-то предзнаменованія. И сны тяжелые, и трескъ въ полуночи, и въ ушахъ звенитъ, и постоянно онъ своего убитаго отца передъ собою видитъ.

На одной изъ первыхъ расправъ Іоанновыхъ посаженъ былъ на колъ князь Михѣй Шустрый, все имѣніе отобрано, а сынъ его, онъ, Петка, былъ уже въ то время опричникомъ. Проклялъ его отецъ, прокляла мать... а тутъ вотъ предзнаменованія пошли. И самое предложеніе его ѣхать на Скудельное поле, пришедшееся товарищамъ по сердцу, какъ новинка, было задумано имъ, согласно общему складу мыслей.

Хватилъ онъ нагайкой и безъ того замыленнаго коня и выругалъ его крѣпкимъ словомъ...

Вдали стало выясняться село Скудельничье.

Опричники сдержали коней, чтобы въѣхать въ него незазорно; чтобы люди не разбѣжались. Кони, облитые пѣною, сбились въ одну общую кучу, навалившись одинъ на другого. По утреннему холодку поднялся надъ ними плотный столбъ пара, такъ что:

От пару было отъ кониннаго
Не видать луча свѣта бѣлаго!

Многія изъ уздечекъ оказались окровавленными; не одинъ новый рубецъ вздулся на круглыхъ бокахъ вѣрныхъ коней...

Далеко не безмолвно было въ селѣ Скудельничемъ. Оно дѣйствительно кишѣло пришлымъ народомъ. Въ четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ люди добролюбивые сошлись сюда отовсюду рыть могилы для странниковъ и пѣть панихиды объ успокоеніи душъ тѣхъ, имя, отчество и вѣра которыхъ были неизвѣстны. Они не умѣли назвать ихъ, эти люди, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ за кого возносятъ молитвы.

Впрочемъ, не одни безъимянные люди погребались въ скудельницахъ: попаленные молніею, замерзшіе, утопшіе, разбойники, отравленные, самоубійцы, иноземцы, люди замученные пыткою и умершіе въ темницахъ, въ опалѣ, всѣ, всѣ свозились сюда, въ ожиданіи честнаго погребенія.

А мало ли было такихъ и подобныхъ за истекшую зиму?

Тѣла ихъ доставлялись отовсюду, изъ Москвы и окрестностей. Ихъ складывали или во временно вырытыя ямы, или въ убогіе домы, иногда въ подземелья со сводами. Надъ этими временными помѣщеніями ставились будки для чтеній надъ покойниками.

Особые люди, Божьи люди, божедомы, шли на службу къ ожидающимъ погребенія. Страшны должны были быть печали того смраднаго времени, которыя люди думали утолить, загасить въ этой близости къ безмолвнымъ гноищамъ. Были между чтецами мущины, были и женщины.

Едва только завидѣли въ селѣ, давнымъ давно проснувшемся, приближеніе наѣзда опричниковъ, все, что могло, попряталось въ избы.

Матери особенно усердно загоняли дѣтей.

— Ироды, Ироды ѣдутъ!! говорили онѣ со страхомъ, толкая дѣтей въ подворотни, въ сѣни, въ погреба.

Шагомъ въѣхали опричники въ село. Оправивъ шапки и подбоченясь, оглядывали они обезлюдѣвшую улицу.

— Куда же тутъ дальше, Петка? спросилъ кто-то.

— А вотъ, ужо, какъ колодезь минуемъ, вправо возьмемъ, тутъ въ самое поле къ покойникамъ и выѣдемъ.

Взяли вправо отъ колодца и дѣйствительно выѣхали въ широкое, чистое, безконечное поле.

Тамъ и сямъ, по ясной, свѣтлой, мерцающей дали темнѣли будочки, торчавшія надъ временными усыпальницами. Казалось, въ этой безконечности голубыхъ и розовыхъ цвѣтовъ сіяющаго утра, не можетъ быть такой близости смерти, гніенія и ужаса, какая была въ дѣйствительности, если бы не вѣтеръ, подувшій опричникамъ прямо въ лицо, полный гнойнаго, страшнаго, тяжелаго смрада. Гноища, оттаявавшія въ теплѣ весны, служили источниками этихъ невыносимыхъ повѣтрій.

Подлѣ самыхъ скудельницъ и будочекъ, темнѣвшихъ торчками по чистому полю, людямъ, собравшимся на Божье дѣло, спрятаться было некуда: отъ коней не убѣжишь! Мелькали монахи, калѣки, нищіе, мелькалъ и темный народъ и много было женщинъ и дѣвушекъ.

Опричники, сначала по двое и по трое, а потомъ и въ одиночку, разъѣхались по полю на смотрины, въ разсыпную.

Петка скорѣе другихъ отдѣлился отъ прочихъ.

Глазъ у него былъ зоркій, опытный; завидѣлъ онъ подлѣ одной изъ самыхъ ближнихъ скудельницъ красную дѣвушку. Красивой показалась ему ея осанка; остальное молодецъ дорисовалъ самъ и пустился за нею.

Испуганная, юркнула она въ открытыя двери скудельницы и исчезла.

Опричникъ хотѣлъ было слѣдомъ на конѣ въѣхать! Нельзя—о надолбу стукнешься. Передъ конемъ, рѣзко осаженнымъ съ наскока у самой надолбы, шли сходни внизъ, въ подземельное. Петка соскочилъ съ коня, привязалъ его къ суку ближайшаго столбика и началъ спускаться.

Скудельница оказалась обширнѣе прочихъ, она была поставлена по обѣщанію.

Широкій, каменный сводъ, почти плоскій, покрывалъ собою длинное, длинное логовище, наполненное трупами.

Едва не задыхаясь отъ трупнаго запаха и мало-по-малу приглядѣвшись въ потемкахъ, Петка отличилъ, благодаря свѣту, проникавшему въ раскрытую на сегодня дверь, что подлѣ логовища, кругомъ шелъ земляной выступъ, по которому можно было обойти скудельницу.

Дѣвушка скрылась несомнѣнно близко, но куда?

Петка озирался. Въ ушахъ у него звенѣло, въ глазахъ мутилось отъ невыносимаго запаха и гнойнаго воздуха.

Такъ какъ онъ остановился недалеко отъ входа, то блескъ золота на его кафтанѣ, оправа меча и кинжала, яркость голубаго бархата шапки и красные сапоги — должны были броситься въ глаза, если бы тутъ былъ кто живой, въ этой юдоли смерти и запустѣнія.

Въ неясныхъ черныхъ и бурыхъ тѣняхъ выдѣлялись предъ его глазами изъ глубокаго логовища очертанія, когда-то живыя, человѣческихъ тѣлъ, сваленныхъ какъ попало. Они точно на показъ выставили кто руку, кто ногу, а кто и ужасное, невѣроятно искаженное смертью и временемъ лицо.

Кровь приливала Петкѣ въ голову все больше и больше; онъ не двигался съ мѣста, задыхался!

— Но куда же она скрыться могла, думалъ онъ, и эта упорная мысль, занесенная имъ сюда со свѣжаго воздуха и изъ-подъ солнечнаго блеска, оказывалась самою ясною изъ всѣхъ мыслей его помутившейся головы.

— А! вотъ и божедомка! проговорилъ онъ вслухъ, отличивъ, наконецъ, шагахъ въ четырехъ отъ себя, сидѣвшую на выступѣ, темную, неподвижную фигуру.

— Эта скажетъ мнѣ, куда дѣвка скрылась!

Онъ осторожно отмѣрилъ отдѣлявшіе его отъ фигуры четыре шага, боясь поскользнуться въ потемкахъ и полетѣть въ логовище, и очутился надъ самою божедомкою.

Она сидѣла спиною къ своду, охвативъ обѣими руками свои поднятыя колѣна и опустивъ на нихъ голову, точно, будто, дыша такимъ образомъ и пропуская смрадный воздухъ сквозь гнилыя лохмотья одежды, было легче, было возможно оставаться тутъ жи-

вымъ и не задохнуться. Подлѣ нея, на уступѣ лежала раскрыта книжка, должно быть псалтырь.

Толкнулъ опричникъ божедомку ногою, толкнулъ сильно.

— Эй! тетка! крикнулъ онъ ей съ сердцемъ.

Фигура только и ждала чьего-либо толчка, чтобы повалиться Какъ была она согнутою, окостенѣвшею, такъ и скатилась, в расправившись, съ неширокаго обхода въ глубину логовища, к другимъ тѣламъ...

— Проклятая! промолвилъ Петка, продолжавшій озираться і занятый мыслью о дѣвушкѣ.

Глаза его, пріобыкшіе къ полумраку, отличили, что въ ску дельницѣ были отдѣльные ходы. Дѣвушка могла скрыться тольк по тому изъ нихъ, который шелъ вправо; маленькія отдушины, свѣ тившія тутъ и тамъ, указывали ему дорогу.

Какъ ни шумѣло въ головѣ Петки, какъ ни рокотало въ ушахъ какъ ни тяжело дышалось ему, но онъ все-таки пошелъ впередъ обогнулъ одинъ уступъ скудельницы, другой, повернулъ влѣво...

Открылось опять широкое логовище, не меньше перваго. Въ са момъ концѣ его, въ противуположномъ углу, бросилось въ глаз Петки удивительное сіянье...

Забѣжавъ въ уголъ, изъ котораго другаго пути, какъ назадъ не было, дѣвушка остановилась у самой отдушины и глядѣла н Петку, неподвижная, чудесная! Сквозь отдушину, обращенную прям на востокъ, обильнымъ потокомъ вливались румяные лучи утрен няго солнца и озолотили пламенемъ и багрянцемъ прижавшуюся къ углу бѣглянку.

— Красавица!! проговорилъ Петка, точно очарованный этимъ свѣтозарнымъ явленіемъ, возникшимъ передъ нимъ сразу, поверхъ труповъ и смрада, изъ глубокой темени и острыхъ очертаній скудельницы...

Дѣвушка продолжала горѣть неописуемымъ свѣтомъ.

— Воздуха, воздуха! крикнулъ неожиданно Петка, рванувъ что было силы воротъ своей рубахи.

А видѣнье все горѣло, да горѣло, и тѣмъ ярче становилось оно, чѣмъ болѣе затуманивалось сознаніе опричника... Онъ думалъ, было, опереться о стѣны, но руки скользнули... Подогнулись колѣни и грохнулся онъ на землю, какъ снопъ, и забѣгали огоньки отраженныхъ лучей солнца по шитому кафтану Петки, растянувшагося мертвымъ во весь молодецкій ростъ вдоль уступа, окружавшаго безобразное логовище... По уму его никакихъ мыслей больше не бѣгало...

К. Случевскій.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ И ДАЛАМБЕРЪ [1].

(Новооткрытая переписка Даламбера съ Екатериною и другими лицами).

XV.

Rasoumovski à d'Alembert.

S.-Petersbourg, ce 10 mai 1764.

Si l'Académie Impériale des sciences a tardé, Monsieur, à Vous offrir une place parmi ses membres externes, ce n'est pas qu'elle ait méconnu Votre mérite, mais c'est qu'elle n'a pas cru que ce titre pourrait rien augmenter à Votre gloire. D'abord qu'elle a èté informée que Vous n'étiez pas insensible à cette marque de distinction, elle a songé à reparer cette omission et je me fais d'autant plus de plaisir de Vous

---

XV.

Графъ К. Г. Разумовскій Даламберу.

С.-Петербургъ, 10-го мая 1864 г.

М. г. Если императорская академія наукъ медлила предложить вамъ мѣсто среди ея иностранныхъ членовъ, то не потому, чтобы она не признавала вашихъ достоинствъ, а потому, что полагала, что это званіе едва ли прибавило бы что нибудь къ вашей славѣ. Но лишь только она была увѣдомлена, что вы не нечувствительны къ этому выраженію отличія, она поспѣшила испра-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVI, стр. 107.

l'apprendre, que notre auguste souveraine, ou plutôt, la protectrice des arts et des sciences m'a donné à connaître, qu'elle approuvait beaucoup notre choix. Je Vous envoie en conséquence le diplôme ci-joint en Vous assurant des sentiments d'estime et de considéralion avec lesquels je suis etc.

XVI.

d'Alembert à Catherine.

15 juin 1764.

Madame. Votre Majesté Impériale me traite comme Auguste fait Cinna dans la tragédie de ce nom.

«Je t'ai comblé des biens, je t'en veux accabler!»

A peine m'avait on remis de sa part le beau présent dont elle m'a honoré et dont je lui ai fait déjà mes remerciments très-humbles, que j'ai reçu d'elle une lettre supérieure, s'il est possible, au présent même par toutes les marques de bonté dont elle est remplie. Permettez-moi, Madame, d'y répondre en détail; c'est la seule manière dont ma reconnaissance puisse s'acquitter envers Vous; encore n'oserais-je user de cette liberté qu'avec beaucoup de réserve, si Votre Majesté Impériale ne voulait m'assurer elle-même qu'elle n'en sera pas importunée. Vous avez la bonté de me dire, Madame, que Vous ne pensez qu'avec chagrin à ce que Vous appelez toujours mon refus; il Vous suffirait pour

---

вить этотъ пропускъ, и мнѣ тѣмъ пріятнѣе увѣдомить васъ объ этомъ, что наша августѣйшая государыня или, лучше сказать, покровительница искусствъ и наукъ, дала мнѣ знать, что она вполнѣ одобряетъ наше избраніе. Вслѣдствіе этого, препровождаю вамъ прилагаемый дипломъ съ увѣреніемъ въ отличныхъ чувствахъ уваженія, съ которыми остаюсь, и проч.

XVI.

Даламберъ Екатеринѣ.

15-го іюня 1764 года.

Государыня! Ваше императорское величество поступаете со мной, какъ Августъ съ Цинной въ трагедіи того же имени:

«Я осыпалъ тебя своими милостями, — я хочу тебя ими подавить!..»

Только-что былъ мнѣ переданъ прекрасный подарокъ, которымъ вамъ угодно было меня удостоить и за который я уже успѣлъ выразить вамъ мою почтительную благодарность, какъ получилъ отъ васъ письмо, преисполненное бо̀льшими, если это только возможно, доказательствами вашихъ ко мнѣ милостей, чѣмъ самый подарокъ. Позвольте мнѣ, государыня, подробно отвѣтить вамъ на ваше письмо; только такимъ образомъ я буду въ состояніи вполнѣ выразить вамъ мою признательность; но и при этомъ у меня не достало бы смѣлости писать вамъ длинное письмо, если бы вашему императорскому величеству не угодно было увѣрить меня, что своими письмами я не докучаю вамъ. Государыня! вы милостиво выговариваете мнѣ, что не иначе,

Vous consoler de me voir à l'ouvrage, dont Vous me croyez si capable. Soyez persuadée, que je Vous ai dit l'exacte verité sur mon peu de talent pour toute espèce d'éducation et surtout pour une éducation aussi importante que celle du souverain d'un grand empire. Celui qui se sentirait les talents, nécessaires pour former un prince éclairé et vertueux, serait je crois coupable envers le genre humain, s'il refusait d'aller faire une si grande et si bonne oeuvre, dût-il y aller à pied et gratuitement; mais on ne serait pas moins blâmable si après s'être examiné soi-même et s'être reconnu incapable d'une si grande entreprise, on succombait par vanité ou par interêt aux sollicitations même les plus honorables et les plus avantageuses. Je veux, Madame, que la lecture de mes ouvrages ait donné à Votre Majesté Impériale quelques préventions favorables sur ma manière de sentir et penser; mais Vous a-t-elle fait découvrir en moi les qualités, qui me manquent absolument; le talent d'enseigner, si différent de celui d'écrire, les connaissances, dont il est nécessaire de s'être occupé pour être en état de les transmettre à un jeune prince destiné à gouverner des millions d'hommes, la facilité de savoir se plier et souvent se contraindre, la fermeté et la prudence également indispensables pour écarter les obstacles moraux, qui s'opposent de toutes parts, surtout dans une cour, ou bien qu'on voudrait et qu'on pourrait faire,—voilà, Madame, ce qui ne m'a pas permis d'accepter la place, dont Votre Majesté Impériale a voulu

---

какъ съ сожалѣніемъ, вспоминаете о томъ, что̀ вы постоянно называете моимъ **отказомъ**; чтобъ утѣшиться, вамъ достаточно было бы увидѣть меня за работой, выполнить которую вы считаете меня столь способнымъ. Будьте увѣрены, что я сказалъ вамъ истинную правду относительно недостатка своихъ способностей въ дѣлѣ воспитанія вообще, и, въ особенности, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе будущаго монарха великой имперіи. Тотъ, кто, сознавая себя способнымъ воспитать просвѣщеннаго и добродѣтельнаго государя, отказался бы совершить это великое, благое дѣло, былъ бы виновенъ предъ всѣмъ человѣчествомъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы ему пришлось идти за этимъ дѣломъ пѣшкомъ и исполнить его безвозмездно; но также достоинъ осужденія былъ бы и тотъ, кто, провѣривъ себя и сознавъ себя неспособнымъ выполнить эту великую задачу, принялъ бы, ради тщеславія и корыстолюбія, сдѣланныя ему предложенія, какъ бы ни были они выгодны и какъ бы много чести они ему не дѣлали. Я допускаю, государыня, что изъ чтенія моихъ сочиненій вы вынесли благосклонное мнѣніе о моихъ чувствахъ и мысляхъ, но какимъ образомъ это чтеніе привело васъ къ открытію во мнѣ тѣхъ качествъ, которыхъ мнѣ именно недостаетъ? Способность къ преподаванію не имѣетъ ничего общаго съ дарованіемъ писателя; надо спеціально изучить, чтобы быть въ состояніи передать, тѣ науки, которыя нужны будущему государю, предназначенному управлять милліонами людей; надо умѣть легко примѣняться къ обстоятельствамъ, надо умѣть владѣть собой, имѣть много твердости и осторожности, чтобы избѣгать тѣхъ щекотливыхъ положеній, на которыя приходится наталкиваться всюду, въ

m'honorer et ce sera le regret de toute ma vie que de m'en être trouvé si peu digne. Vous me soupçonnez, Madame, d'être du nombre de ceux qui croient que les grands valent mieux à être vus de loin que de près. Cette maxime assez vraie en ell-même n'est pas faite pour Votre Majesté Impériale, mais elle est du moins aussi vraie pour les prétendus sages de ce monde, (et surtout pour moi) qu'elle peut l'être pour les grands. Que ne pouvez-Vous cependant, Madame, rapprocher Pétersbourg de Paris ou me donner la santé nécessaire pour entreprendre un si long voyage? La crainte de détruire la bonne opinion que Vous avez de moi céderait à l'envie d'aller auprès de Vous admirer et m'instruire, mais Dieu ne veut pas, Madame, que j'aie tant de bonheur en ce monde; je permets même que Votre Majesté Impériale me punisse par où elle croit que j'ai pêché, par le refus que j'osais attendre d'elle. J'avais pris la liberté de lui demander ses conseils pour perfectionner mes ouvrages; elle me répond par des compliments. Le Roi de Prusse, Madame, a eu la bonté de me lire avec plus d'intérêt ou de sévèrité; il a désiré que je donnasse plus d'étendue à quelques endroits de mes éléments de philosophie, qui lui paraissaient en avoir besoin et ce désir de sa part a produit un ouvrage que j'ai eu l'honneur de lui envoyer en manuscrit et dont j'ignore encore, quel a été le succès auprès de lui. Je serais bien tenté d'entreprendre le catéchisme, dont je parle dans ces éléments à la fin de la section, qui traite de la morale, mais mille obstacles s'y opposent; des occupations

---

особенности же при дворѣ, наконецъ, невозможность дѣлать то, что хотѣлъ бы и что могъ бы, — вотъ, государыня, причины, не позволившія мнѣ принять мѣсто, которымъ вашему императорскому величеству угодно было почтить меня; и сожалѣніе, что я оказался недостойнымъ занять его, будетъ преслѣдовать меня въ продолженіи всей моей жизни. Затѣмъ, государыня, вы подозрѣваете, что я изъ числа тѣхъ, которые думаютъ, что великіе люди лучше издали, чѣмъ вблизи. Это положеніе, хотя и достаточно справедливое само по себѣ, не примѣнимо къ вашему императорскому величеству; по отношенію же къ мнимымъ мудрецамъ (и особенно ко мнѣ), оно настолько же справедливо, насколько можетъ быть справедливо по отношенію къ великимъ міра сего. Для чего, государыня, не въ вашей власти приблизить Петербургъ къ Парижу или дать мнѣ то здоровье, которое нужно для совершенія столь длиннаго путешествія? Опасеніе, что вблизи я уничтожу ваше доброе мнѣніе обо мнѣ, не устояло бы предъ желаніемъ находиться около васъ, чтобъ удивляться вамъ и учиться у васъ; но, вѣрно, Богу не угодно, чтобы на этомъ свѣтѣ на мою долю выпало столько счастья; я даже допускаю, что ваше императорское величество наказываете меня тѣмъ же, чѣмъ я грѣшенъ передъ вами, — отказомъ, который я имѣлъ смѣлость предвидѣть. Я осмѣлился просить вашихъ совѣтовъ, чтобы усовершенствовать свои сочиненія; вы же отвѣчаете мнѣ похвалами. Прусскій король, государыня, былъ такъ добръ, что читалъ мои сочиненія съ бо̀льшимъ интересомъ или же съ бо̀льшей строгостью; онъ пожелалъ, чтобы я развилъ тѣ мѣста моихъ

d'un autre genre, qui absorbent presque tout mon temps, l'embarras où je suis sur la forme qu'il serait le plus avantageux de donner à ce catéchisme pour intéresser les enfants, enfin la crainte d'exciter les clameurs des sots et des fanatiques en réduisant la morale à la loi naturelle, comme si un ouvrage fait pour être utile á toutes les nations devait offrir aux Chinois des principes de vertus et d'équité puisées dans une religion qui leur est inconnue. Voilà, Madame, les liens aussi durs que surprenants, qui retiennent parmi nous la verité captive. Oui, je le répéte, le Nord donne sur cela des leçons au Midi. Voyez, Madame, par un seul exemple la distance énorme de l'un à l'autre. Jamais le Nord n'a voulu souffrir les Jésuites, le Midi commence à peine à s'en défaire et encore par quels motifs s'en défait-il, lorsqu'il y en a tant de bons pour les expulser. S'il fait avec raison une opération importante il faut avouer que ce n'est pas par raison. Votre Majesté Impérlale s'étonne, qu'une nation qui passe pour être si éclairée que la nôtre, soit si peu avancée à certains égards. L'explication de l'enigme est toute simple; la partie moyenne de la nation, c'est à dire la partie qui ne peut rien et qui ne fait que voir sans agir, est plus éclairée que jamais; les corps et la plus grande part des Grands, c'est à dire la partie puissante, sont à cent ans en arrière de la partie éclairée; et on peut comparer la nation française à la vipère où tout est bon excepté la tête. Que ne puis-je, Madame, pour l'instruction de tant d'hommes qui ont le pouvoir en main et qui en abusent

---

«Основъ философіи», которыя, по его мнѣнію, изложены недостаточно подробно; это его желаніе заставило меня написать сочиненіе, которое я представилъ ему въ рукописи, но я еще не знаю, насколько оно его удовлетворило. Желанію работать надъ моимъ Катехизисомъ, о которомъ я упоминаю въ концѣ той части Основъ, гдѣ я говорю о морали, препятствуетъ тысяча обстоятельствъ занятія другаго рода поглощаютъ почти все мое время; я затрудняюсь въ выборѣ наиболѣе подходящей формы изложенія этого катехизса, которая могла бы заинтересовать ребенка; наконецъ, я боюсь вызвать ропотъ глупцовъ и фанатиковъ, низводя мораль на степень естественнаго закона; но неужели же сочиненіе, написанное для пользы всѣхъ націй, должно учить и китайцевъ правиламъ нравственности и справедливости, почерпая ихъ изъ такой религіи, которая имъ совершенно неизвѣстна. Вотъ, государыня, тѣ оковы, столь же тяжелыя, какъ и необъяснимыя, въ которыя мы заключили истину. И я повторяю, сѣверъ въ этомъ отношеніи стоитъ выше юга. По одному только примѣру, государыня, вы можете увидать, какая громадная разница лежитъ между ними. Сѣверъ никогда не терпѣлъ іезуитовъ, югъ же только теперь начинаетъ отдѣлываться отъ нихъ; но чѣмъ онъ руководствуется при этомъ въ то время, когда къ ихъ изгнанію есть столько дѣйствительныхъ причинъ? Если это изгнаніе и является мѣрой разумной, то надо сознаться, что она приводится въ исполненіе не въ силу разумныхъ доводовъ. Ваше императорское величество удивляетесь, что наша нація, которую считаютъ столь просвѣщенной, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ мало подвинулась

rendre publique la lettre qu'elle m'a fait l'honneur de m'écrire? mais l'intérêt de la philosophie sera sacrifié à la modestie et aux ordres de Votre Majesté Impériale. Je la supplie même d'être persuadée, que si la première de ses lettres a vu le jour, ce n'a été ni par moi, ni de mon consentement. Quelques amis sensibles aux bontés de Votre Majesté Impériale à mon égard m'ont demandé des copies de cette lettre que je n'ai pu leur refuser et ces copies multipliées ont produit l'inconvéniant que je n'avais pas prévu; heureusement pour Votre Majesté Impériale et pour moi le succés général de cette lettre m'a consolé de mon imprudence et je ne puis me repentir d'une faute, qui a concilié le coeur de tous les gens de lettres à une princesse si digne de se les attacher. Mais ce n'est pas une faute à commettre deux fois. Avec quelque bonté que Votre Majesté Impériale me rassure sur la longueur de mes lettres, je suis effrayé et confus de la longueur de celle-ci. Je crains d'avoir prolongé d'un moment le malheur de quelques sujets infortunés, que Votre Majesté Impériale aurait soulagé pendant le temps, qu'elle a mis à me lire.

Je suis avec le plus profond respect etc.

впередъ. Объясненіе этой загадки весьма просто: среднее сословіе, т. е. та часть націи, которая не у дѣлъ, которой остается только наблюдать и бездѣйствовать, просвѣщена болѣе, чѣмъ когда-либо; въ этомъ отношеніи низшее сословіе и бóльшая часть знати — въ рукахъ которой сосредоточена власть — отстали отъ средняго сословія на цѣлое столѣтіе; поэтому французскій народъ можно сравнить съ ящерицею, у которой все хорошо, кромѣ головы. Отчего, государыня, вы мнѣ не позволяете обнародовать письмо, которымъ вамъ угодно было почтить меня, въ назиданіе тѣмъ людямъ, въ рукахъ которыхъ находится власть и которые ею злоупотребляютъ! Но такимъ образомъ интересъ науки будетъ принесенъ въ жертву скромности и приказаніямъ вашего императорскаго величества. Я умоляю васъ вѣрить мнѣ, что и первое ваше письмо было предано гласности не мною и не съ моего согласія. Нѣкоторые изъ моихъ друзей, радуясь за меня, что ваше императорское величество оказываете мнѣ столько милостей, просили меня дать имъ копіи съ вашего письма, въ чемъ я не могъ имъ отказать; съ этихъ копій были сняты новыя копіи и это привело къ тому, чего я не могъ предвидѣть. Но, къ счастью, письмо вашего императорскагò величества имѣло такой успѣхъ, что я утѣшился въ неосторожности и не могу раскаяваться въ ошибкѣ, вслѣдствіе которой монархиня, столь достойная всеобщей любви, покорила себѣ сердца всѣхъ ученыхъ. Но этой ошибки я не сдѣлаю вторично. Какъ бы милостиво ваше императорское величество ни относились къ моимъ письмамъ, но длина этого послѣдняго пугаетъ и смущаетъ меня. Мнѣ кажется, что я продлилъ несчастіе нѣсколькихъ вашихъ подданныхъ, у которыхъ есть какое нибудь горе и которыхъ бы вы могли утѣшить въ продолженіи времени, потраченнаго вами на чтеніе моего письма. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ... и т. д.

XVII.

Catherine à d'Alembert.

St.-Pétersbourg, ce 20 septembre 1764.

Monsieur, au retour de mon petit voyage le long des côtes de la Baltique j'ai reçu Vos deux lettres, l'une en réponse à la mienne et l'autre sur la médaille, qui m'ont fait beaucoup de plaisir. Si je ne craignais de nouveau vos remerciements, je serai tenté de vous envoyer celle que j'ai imaginé, et qui a été frappée, sur l'érection de la maison des enfants trouvés; elle n'en est peut être pas meilleure pour cela, mais elle me plaît parce qu'il y a peu de raffinement et que je hais celle, où il faut se casser la tête pour deviner ce qu'elle signifie et ordinairement c'est ce dont on se doutait le moins. Vous savez depuis longtemps que les grands seigneurs savent tout sans avoir rien appris. Voilà mon cas. Cessez donc de prétendre que je Vous dise mon avis sur Vos ouvrages. Je ne puis Vous dire ce qui y manque mais bien ce que j'y ai trouvé. Une profondeur de raisonnement jointe à une vaste étendue de génie, l'agrément du style et une grande aisance à manier et à rendre clair pour les ignorants (comme moi) même telle matière, qu'il Vous plaît. Ne Vous découragez pas; donnez nous ce catéchisme tel que Votre jugement Vous le dictera et moquez Vous des clameurs des sots. Tant pis pour eux, s'ils s'exposent à glaner sur ce

---

XVII.

Императрица Екатерина Даламберу.

С.-Петербургъ, 20-го сентября 1764 г.

М. г. По возвращеніи изъ маленькаго путешествія моего по Балтійскому побережью, я получила ваши два письма: одно, служащее отвѣтомъ на мое письмо, а другое—касающееся медали. Они доставили мнѣ большое удовольствіе. Если бы я не боялась новыхъ вашихъ благодарностей, я бы рѣшилась послать вамъ новую медаль, мною изобрѣтенную, и которая выбита въ память учрежденія воспитательнаго дома; она мнѣ нравится потому, что въ ней мало утонченнаго, а я ненавижу тѣ медали, надъ которыми нужно ломать себѣ голову, чтобы отгадать ихъ значеніе, и обыкновенно значеніе ихъ именно то, до котораго труднѣе всего додуматься. Вы давно знаете, что великіе господа знаютъ все, никогда ничему не учившись. Я нахожусь въ такомъ же положеніи. Поэтому перестаньте утверждать, что я должна выразить мое мнѣніе о вашихъ сочиненіяхъ. Я не могу сказать вамъ, чего въ нихъ недостаетъ, а развѣ только то, чтò я въ нихъ нашла — глубину сужденія, соединенную съ обширнымъ геніемъ, пріятность слога и большую легкость въ обработкѣ и въ разъясненіи даже для такой невѣжды, какъ я, всякаго предмета, за который вы принимаетесь. Не падайте духомъ; дайте намъ вашъ «Катехизисъ» такимъ, какимъ продиктуетъ его вамъ вашъ разумъ, и смѣйтесь надъ криками глупцовъ. Тѣмъ хуже для нихъ, если они рѣшаются попирать все, чтò полезно человѣчеству; тѣмъ болѣе будутъ они достойны

qui est utile au genre humain. Ils n'en seront que plus méprisés; que pouvez Vous craindre des fanatiques quand Vous me dites: la partie moyenne de la nation, c'est à dire la partie qui ne peut rien et qui ne fait que voir sans agir, est plus éclairée que jamais; voilà donc le plus grand nombre, il serait honteux aux autres de n'être de leur avis. Mais cessons ce badinage; il y a des fanatiques pourtant, je viens d'en faire la triste expérience et je suis persuadée que c'est un degré de maladie de cerveau à laquelle une certaine sorte d'éducation contribue, comme un corps d'habit mal fait rend bossues les petites filles. C'est votre catéchisme qui doit prévenir à l'avenir ces maux; voyez donc si désormais Vous pourrez Vous dispenser de ce travail sans Vous faire des reproches; il est déjà assez affligeant qu'Abraham Chaumaix [1]) aie arrêté l'Encyclopédie et qu'ensuite il soit venu à St.-Petersbourg où il m'écrit des panégyriques. Sa flatterie est fine, comme Vous voyez. Quand Vous en aurez le temps je Vous prie de me dire si tout de bon Vous ne travaillez plus à ce Dictionnaire? la défense de l'impression existe-t'elle encore? toutes les facilités Vous les auriez...

Je fais travailler aux reglements de mon Académie des Sciences; Vous aimez trop l'encouragement et l'augmentation des connaissances humaines pour me refuser j'éspère Vos avis sur cet article, quand je Vous prierai de me guider. Vous voudriez pour l'instruction de ceux qui

[1]) Né à Chanteau près d'Orléans vers 1730, l'adversaire inconsidéré des Encyclopédistes, très-calomnié par ses adversaires, auteur de la Petite Encyclopédie (Anvers, 1772) mort à Moscou en 1790.

презрѣнія. Чего можете вы опасаться со стороны фанатиковъ, когда вы мнѣ говорите: средній классъ народа, т. е. классъ, который ничего не въ состояніи совершить и который только наблюдаетъ, не имѣя возможности дѣйствовать, теперь болѣе просвѣщенъ, чѣмъ когда-либо,—вотъ большинство, и другимъ было бы стыдно не раздѣлять ихъ мнѣнія. Но оставимъ эти шутки; фанатики все-таки существуютъ на свѣтѣ; я только-что видѣла грустное доказательство этого и убѣждена, что это есть извѣстная степень душевной болѣзни, которой содѣйствуетъ извѣстнаго рода воспитаніе, подобно тому, какъ дурно сшитое платье можетъ сдѣлать дѣвочку горбатою. Вашъ «Катехизисъ» долженъ предотвратить въ будущемъ это зло; поэтому можете ли вы отклонить впредь эту работу, не навлекши на себя упрековъ; достаточно уже прискорбно то, что г. Авраамъ Шомэ могъ остановить печатаніе Энциклопедіи и затѣмъ пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ пишетъ мнѣ панегирики. Его лесть — очень тонкая лесть. Когда вы удосужитесь, я попрошу васъ сказать, рѣшились ли вы просто на-просто прекратить этотъ словарь? запрещеніе печатать его остается ли въ силѣ? А между тѣмъ вы имѣли бы всѣ облегченія...

Я поручила пересмотрѣть уставъ петербургской академіи наукъ; вы слишкомъ любите поощреніе и распространеніе человѣческихъ знаній, чтобы отказать мнѣ въ мнѣніи вашемъ по этому предмету, когда я обращусь къ

ont le pouvoir en main publier ma lettre; je Vous supplie n'en faites rien; selon l'Evangile ils n'écoutent ni Moïse, ni les prophètes; ils écouteront encore moins les vivants; soyez bien persuadé que Vos lettres, Monsieur, ne sont jamais trop longues pour moi, qui suis remplie de la plus parfaite estime pour Vous.

XVIII.

Betzki à d'Alembert.

St.-Pétersbourg, ce 22 septembre 1764. vieux style.

J'ai reçu à diverse fois, Monsieur, par Monsieur le Prince Galitzin les compliments dont Vous m'avez honoré et Vous en témoigne toute ma reconnaissance. Vous trouverez ci-joint une lettre de la main de Sa Majesté Impériale, notre auguste souveraine, à laquelle joint une médaille d'or sur le sujet dont cette princesse Vous parle; comme premier curateur de cet établissement, (je Vousprie) recevez-la comme une marque de mon estime pour Vous, heureux et trop flatté si par cette légère attention je puis m'attacher la continuation de la vôtre. J'ai l'honneur d'être etc.

XIX.

D'Alembert à Catherine.

Novembre 1764.

Madame! Les bontés multipliées, dont Votre Majesté Impériale m'honore sont trop au dessus de ma reconnaissance pour qu'elle puisse

---

вашему руководству. Вы желаете напечатать мое письмо для поученія тѣхъ, въ рукахъ которыхъ власть; умоляю васъ не дѣлать этого; они, какъ сказано въ Евангеліи, не слушаютъ ни Моисея, ни пророковъ, тѣмъ менѣе будутъ они слушать людей живыхъ. Будьте увѣрены, что ваши письма никогда не длинны для той, которая питаетъ къ вамъ глубочайшее уваженіе.

XVIII.

И. И. Бецкій Даламберу.

С.-Петербургъ, 22-го сентября 1764 г.

М. г. Я неоднократно получалъ чрезъ посредство князя Голицына привѣтствія, которыми вы меня удостаивали и за которыя я свидѣтельствую вамъ мою признательность. При семъ найдете вы собственноручное письмо императрицы, всемилостивѣйшей нашей государыни, къ которому приложена золотая медаль, выбитая по поводу событія, о которомъ она вамъ пишетъ. Примите ее отъ меня, какъ отъ перваго попечителя этого заведенія, въ знакъ моего къ вамъ уваженія. Буду счастливъ и весьма польщенъ, если этимъ малымъ къ вамъ вниманіемъ я могу упрочить за собою продолженіе вашего. Имѣю честь быть и проч.

XIX.

Даламберъ Екатеринѣ.

1764.

Государыня! Вамъ не слѣдуетъ бояться выраженій моей благодарности, потому что многочисленныя милости, которыми ваше императорское вели-

désormais craindre mes remercîments. Je ne la fatiguerai donc point par ces faibles marques des sentiments dont je suis pénétré pour elle; mais dût elle craindre mes justes éloges, je ne puis qu'applaudir à l'idée et à l'exécution de la belle médaille qu'elle a daigné m'envoyer Rien de plus juste et de mieux pensé, que ce qu'elle me fait l'honneur de me dire à ce sujet sur l'obscurité trop ordinaire de ces sortes de monuments et rien en même temps de plus clair, de plus noble et de plus simple que le sujet et la légende qu'elle a imaginés. Un pareil établissement était bien digne d'elle; j'ai vu le Roi de Prusse regretter beaucoup de ce qu'il manque encore à ses Etats. Je ne répondrai plus à tout ce que Votre Majesté Impériale veut bien me dire d'obligeant sur mes ouvrages qu'en tâchant de mériter l'idée favorable, qu'elle a conçue de moi. J'aurai bien dans mon porte-feuille de quoi donner de nouveaux volumes; mais les matières délicates auxquelles je touche, quoiqu' avec toute la réserve et la précaution possible me font craindre de nouvelles persécutions [1]).

Je me moquerais comme Votre Majesté Impériale m'y exhorte des clameurs des sots, si les sots ne faisaient que crier et si par malheur un grand nombre d'entre eux n'avait pas le pouvoir en main. J'ai fait

[1]) Ces opuscules seront prochainement publiés; ils traitent de la véritable réligion, du libre arbitre, de l'existence de Dieu, de divers problèmes de musique et de littérature.

чество меня удостоиваете, настолько превышаютъ мою признательность, что у меня недостанетъ словъ выразить вамъ ее. Поэтому я не стану утомлять васъ слабыми выраженіями чувствъ, которыя я къ вамъ питаю; но какъ бы вы не опасались моихъ справедливыхъ похвалъ, я не могу не выразить одобренія идеѣ и исполненію той прекрасной медали, присылкою которой вы меня почтили. Вы совершенно справедливо и очень глубокомысленно изволили выразиться относительно неясности, обыкновенно придаваемой этого рода памятникамъ, и въ то же время ничего не можетъ быть яснѣе, благороднѣе и проще сочиненной вами надписи. Такого рода учрежденіе вполнѣ достойно васъ, и, я знаю, прусскій король очень сожалѣетъ, что подобнаго нѣтъ въ его государствѣ. Я не буду говорить о снисходительности, съ которой вашему императорскому величеству угодно отзываться о моихъ сочиненіяхъ, я постараюсь только остаться достойнымъ того благосклоннаго мнѣнія, которое вы себѣ составили обо мнѣ. Матеріала, находящагося въ моемъ портфелѣ, хватило бы на нѣсколько томовъ; но щекотливость предмета, котораго я касаюсь, хотя и съ должной сдержанностью и осторожностью, заставляетъ меня опасаться новыхъ преслѣдованій.

Ваше императорское величество совѣтуете мнѣ пренебречь ропотомъ глупцовъ; я такъ бы и поступилъ, если бы эти глупцы только кричали и если бы, къ несчастью, бо̀льшее число ихъ не держало власти въ своихъ рукахъ. Я уже достигъ того, къ чему обыкновенно приводитъ избранное мною поприще— трудъ и разнаго рода огорченія уже надломили мое здоровье, и я долженъ

plus de la moitié naturelle de ma carrière; une santé affaiblie par le travail et par les chagrins de toute espèce n'a pas besoin de nouvelles secousses. Cette terre que j'habite et qui dévore ses habitants m'offre dans un petit nombre d'amis la seule consolation qui m'attache à la France et que je ne trouverais plus ailleurs: voilà, Madame, ce qui me lie les mains pour écrire: voilà ce qui m'empêchera peut être de travailler à ce Catéchisme de Morale qui pourrait néanmoins être si utile. Nos docteurs exigent non seulement qu'on ne les contredise pas, mais qu'on parle absolument comme eux et le moyen d'être leur écho quand on ne veut être ni hypocrite, ni absurde.

Si le genre humain désire qu'on l'éclaire, s'il en a besoin, pourquoi paye-t-il tant de gens pour éteindre le flambeau qu'on peut lui offrir avec les meilleurs intentions du monde. Il en faut revenir tôt ou tard à ces vers du bon La Fontaine:

Le repos, le repos trésor si précieux
Qu'on en fit autrefois le partage des Dieux.

Voilà, Madame, la dévise du sage au moins quand il a le bonheur d'être un simple et obscur particulier; le vrai malheur attaché aux souverains est de ne pouvoir prendre cette même dévise: ils sont redevables de leur repos à trop de malheureux pour les sacrifier à ces sentiments, d'ailleurs si naturels. Je connais les peines de Votre Majesté Impériale; je les ressens et je m'en afflige: mais elle a trop de courage

---

избѣгать новыхъ потрясеній. Франція — страна, пожирающая своихъ обитателей; но она даритъ меня небольшимъ числомъ друзей, привязывающихъ меня къ ней и составляющихъ мое единственное утѣшеніе, котораго я не найду ни въ какой другой странѣ. Вотъ, государыня, что связываетъ мнѣ руки и мѣшаетъ работать надъ моимъ нравственнымъ Катехизисомъ, который, однако же, могъ бы принести такую пользу!.. Наши богословы требуютъ, чтобы имъ не только не противорѣчили, но чтобы непремѣнно говорили то же, что̀ и они, а можетъ ли быть ихъ эхомъ тотъ, кто не хочетъ казаться ханжей и глупцомъ.

Если человѣчество требуетъ, чтобы его просвѣщали, если это необходимо для него, то зачѣмъ оно содержитъ столькихъ людей, гасящихъ свѣточъ, который могъ бы быть ему предложенъ съ самыми благими намѣреніями. Въ концѣ концовъ поневолѣ приходится возвращаться къ стихамъ добряка Лафонтена:

«Покой, покой,—это драгоцѣнное сокровище,
«Которое прежде считалось удѣломъ лишь боговъ...»

Вотъ, государыня, девизъ мудреца, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ счастье быть простымъ, незнатнымъ частнымъ человѣкомъ; истинное несчастіе государей состоитъ въ томъ, что не въ ихъ власти избрать себѣ такой девизъ; они будутъ обязаны своимъ покоемъ слишкомъ большому числу несчастныхъ, чтобы пожертвовать ими для своихъ чувствъ, хотя и весьма естественныхъ. Зная, какого рода печали есть у вашего им-

pour ne pas braver également l'ingratitude et la calomnie. Son apologie est signée d'avance dans tout ce qu'elle a fait d'utile à ses peuples et le sera de plus en plus dans tout ce qu'elle se propose encore de faire pour eux. Si Votre Majesté Impériale donne du pain à ce malheureux Abraham Chaumaix célébré d'abord et aujourd'hui abandonné par des protecteurs plus méprisables que lui; elle n'en imitera que mieux la Providence qui nourrit aussi les chenilles; il est vrai, Madame, que ces chenilles physiques et morales, ces insectes inutiles et malfaisants forment un assez fâcheux argument contre ce meilleur des mondes possibles; on prétend que le bon St. François ressuscita un jour un loup enragé, en lui faisant bien promettre de ne plus manger de moutons. C'est à Votre Majesté Impériale de juger si elle fera l'honneur à Abraham Chaumaix de le traiter comme ce loup; il est certain que malgré ses morsures on continue d'imprimer l'Encyclopédie et qu'elle paraîtra en entier incessament; mais il est encore plus certain que je n'ai plus aucune part à cet ouvrage; les persécutions qu'il a essayées d'une part et d'autre, les mauvais procédés des libraires et de quelques uns de mes collègues m'en ont entierement dégoûté.

Quelque peu capable que je me sente d'éclairer Votre Majesté Impériale sur les réglements de son Académie je serai à ses ordres pour les questions qu'elle voudra bien me faire à ce sujet, mais je crois qu'en général il faut traiter les gens de lettres et les artistes comme les commerçants; les encourager, les protéger et les laisser faire.

ператорскаго величества, я сочувствую вамъ и огорчаюсь за васъ; но у васъ есть настолько смѣлости, чтобы не обращать вниманія какъ на неблагодарность, такъ и на клевету. Ваша апологія намѣчена впередъ во всемъ, что̀ вами сдѣлано полезнаго для вашего народа, и будетъ намѣчаться все болѣе и болѣе во всемъ, что̀ вы еще намѣреваетесь для него сдѣлать. Если вы подаете кусокъ хлѣба этому несчастному Абраму Шомэ, прежде столь извѣстному, нынѣ же покинутому даже своими покровителями, заслуживающими бо̀льшаго презрѣнія, чѣмъ онъ самъ, то этимъ вы какъ нельзя болѣе подражаете Провидѣнію, которое питаетъ даже гусеницъ, хотя надо признаться, государыня, что существованіе этихъ физическихъ и нравственныхъ гусеницъ, этихъ безполезныхъ насѣкомыхъ, представляетъ довольно прискорбный доводъ противъ того, что нашъ міръ есть лучшій изъ міровъ. Разсказываютъ, будто добрый св. Францискъ однажды возвратилъ жизнь бѣшеному волку, заставивъ его дать обѣщаніе не трогать болѣе овецъ. Рѣшите же, ваше императорское величество, слѣдуетъ ли вамъ поступить съ Абрамомъ Шомэ, какъ поступилъ св. Францискъ съ этимъ волкомъ? Правда, что, не смотря на происки Шомэ, печатаніе Энциклопедіи продолжается,— она выйдетъ въ свѣтъ и изданіе ея будетъ доведено до конца,—но еще болѣе вѣрно и то, что я не принимаю теперь въ этомъ трудѣ никакого участія: мнѣ слишкомъ надоѣли тѣ преслѣдованія, которыя это изданіе выдержало съ той и съ другой стороны, и несовсѣмъ хорошіе поступки издателей и нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей.

Ne craignez point, Madame, que j'abuse jamais des bontés de Votre Majesté Impériale en les rendant publiques; quelques flatteuses qu'elles soient pour moi, quelque utile qu'il peut être de les divulguer pour le bien de la philosophie et des lettres, elles seront bornées à faire ma propre consolation; je respecte sur cela ses ordres suprêmes autant que son auguste personne.

C'est dans ces sentiments et avec la plus vive reconnaissance et l'admiration sincère, que je serai toute ma vie etc.

XX.

Question faite par la Czarine à Monsieur d'Alembert dans une lettre à Madame Geoffrin.

On demande si d'une accumulation de belles maximes mises en pratiques, il en résultera un bel et bon effet général.

Il serait à souhaiter pour faire une réponse précise à cette question qu'elle fût plus développée.

D'abord, il est certain que si les maximes dont il s'agit sont réellement belles, vraies, énoncées avec précision, et de manière qu'elles ne soient susceptibles d'aucune modification ni restriction dans leur énoncé, il ne peut manquer d'en résulter un trés bon effet général

---

Какъ ни мало я считаю себя способнымъ давать наставленія вашему императорскому величеству относительно устава вашей академіи, я все-таки готовъ къ вашимъ услугамъ по вопросамъ, касающимся этого предмета; вообще же, по моему мнѣнію, къ ученымъ и художникамъ надо относиться какъ къ купцамъ: поощрять ихъ, покровительствовать имъ и предоставлять имъ свободу дѣйствій.

Не бойтесь, государыня, что я когда нибудь злоупотреблю вашими ко мнѣ милостями и предамъ ихъ гласности; какъ бы лестны они для меня ни были, какъ бы ни могли онѣ быть полезны для распространенія блага философіи и наукъ, онѣ останутся утѣшеніемъ только для меня одного; въ этомъ отношеніи я исполню ваши августѣйшія приказанія.

Эти чувства съ живѣйшей моей благодарностью и искреннимъ къ вамъ удивленіемъ останутся во мнѣ на всю жизнь... и т. д.

XX.

Вопросы, предложенные Даламберу императрицею въ письмѣ ея къ г-жѣ Жоффренъ.

Предлагается вопросъ: отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, произойдетъ ли хорошій и полезный общій результатъ?

Для того, чтобы дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, желательно, чтобы онъ былъ болѣе развитъ.

Несомнѣнно, прежде всего, что если правила, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣйствительно хороши, истинны, выражены точно и такимъ образомъ, что

quand elles seront réduites en pratique, si cet effet n'en résulte pas, c'est qu'on a eu tort de les regarder dans l'application à la pratique comme absolument générales et sans modifications. Exemple: Il est beau de pardonner: voilà une belle maxime générale; cependant un législateur, un roi etc., qui la mettrait constamment en pratique, ouvrirait la porte à tous les crimes; c'est que cette maxime n'est vraie dans sa généralité que pour les particuliers et non pour les Etats; encore n'est-il pas sûr qu'elle soit sans restriction pour les particuliers mêmes. Autre exemple: Il faut toujours dire la verité aux hommes: cela est très vrai en général, mais cela est-il vrai sans restriction? Serait-on sage et ferait-on bien d'aller crier dans les rues de Constantinople. Mahomet est un imposteur! on peut apporter mille autres exemples semblables: Ma conclusion est qu'il peut résulter un mauvais effet général d'une accumulation de belles maximes mises en pratique; si on n'a pas d'égard aux modifications que doivent souffrir quelquefois (et même souvent) ces maximes mises en pratique, modifications qui tiennent aux lieux, aux temps, aux personnes, au caractère des nations, enfin à mille causes différentes que les législateurs ou les princes doivent connaître et combiner.

не подлежатъ никакому измѣненію, ни ограниченію въ ихъ изложеніи, то въ случаѣ примѣненія ихъ на практикѣ, не можетъ не произойти очень хорошій результатъ. Если же подобнаго результата не произойдетъ, то это будетъ значить, что неосновательно смотрѣли на эти правила, при примѣненіи ихъ на практикѣ, какъ на правила безусловно общія и неизмѣнныя. Примѣръ: прекрасно прощать — вотъ превосходное общее правило. Но однако законодатель, государь и т. д., которые постоянно примѣняли бы его на практикѣ, открыли бы дверь всякаго рода преступленіямъ, потому что это правило, въ его общности, нужно лишь для частныхъ лицъ, но не для государствъ; даже не вполнѣ еще вѣрно, чтобы оно могло существовать безъ ограниченія и для частныхъ лицъ. Другой примѣръ: нужно всегда говорить людямъ правду. Вообще, это вполнѣ справедливо, но справедливо ли это безъ ограниченія? Было ли бы благоразумно и полезно провозглашать на улицахъ Константинополя: Магометъ обманщикъ! Можно бы привести тысячу подобныхъ примѣровъ. Заключеніе мое состоитъ въ томъ, что отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, можетъ произойти и дурной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которымъ иногда (и даже часто) должны подвергаться эти правила при примѣненіи ихъ на практикѣ и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера,— однимъ словомъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодатели и государи должны знать и принимать въ соображеніе.

XXI.

Mémoire envoyé à d'Alembert au mois d'octobre 1772 et qui a été l'occasion de ses lettres à Catherine II sur les Français faits prisonniers en Pologne.

Messieurs: de Choisi, Lieutenant-Colonel de la Légion de Lorraine, de Galibert, Lieutenant-Colonel à la suite de la Légion, le baron de Malstizan, Aide-Major avec Commission de Colonel, le Chevalier de Saillant, Sous Aide-Major avec le rang de Capitaine, le Chevalier de Vioménil, Lieutenant avec rang de Capitaine, Donnezac, Lieutenant avec le rang de Capitaine, de Valour, Lieutenant avec le rang de Capitaine, Dalalain, Lieutenant, tous officiers de la Légion de Lorraine qui ont pris le château de Cracovie et l'ont défendu, ont été faits prisonniers de guerre et envoyés à ce que l'on croit en Sibérie. Plusieurs personnes se sont intéressées pour obtenir leur liberté. Monsieur le Duc d'Aiguillon lui-même y a échoué. On désirerait que Monsieur d'Alembert voulût bien écrire à l'Impératrice en leur faveur: il est très possible qu'elle accorde au philosophe une grâce qu'elle refuse à un ministre puissant qu'elle veut peut-être braver. Monsieur d'Alembert peut lui présenter cette affaire d'une manière propre à l'interesser. Ces officiers se sont conduits avec la plus grande valeur et l'événement de la prise de Cracovie leur a fait l'honneur aux yeux de toute l'Europe: à ce titre ils ont des droits à la bienveillance d'une Princesse, qui annonce

---

XXI.

Записка, посланная Даламберу въ октябрѣ 1772 года и послужившая основаніемъ писемъ его къ императрицѣ о французскихъ офицерахъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Польшѣ.

Офицеры лорренскаго легіона, гг. де-Шоази, де-Галиберъ, баронъ де-Мальтисанъ, шевалье де-Сальянъ, шевалье де-Віомениль, де-Валуръ и Далалэнъ, которые взяли краковскій замокъ и обороняли его, взяты были въ плѣнъ и отправлены, какъ полагаютъ, въ Сибирь. Многія лица приняли участіе въ ихъ освобожденіи. Самъ герцогъ д'Эгильонъ потерпѣлъ въ этомъ неудачу. Было бы желательно, чтобы г. Даламберъ согласился написать въ ихъ пользу императрицѣ; весьма возможно, что она даруетъ философу милость, въ которой отказываетъ могущественному министру, предъ которымъ желаетъ, можетъ быть, выказать свою независимость. Г. Даламберъ можетъ представить ей это дѣло такимъ образомъ, чтобы заинтересовать ее. Помянутые офецеры вели себя съ величайшею храбростью, и взятіе Кракова сдѣлало имъ честь въ глазахъ всей Европы: поэтому они имѣютъ право на благосклонность государыни, выказывающей любовь къ славѣ. Друзья и родственники этихъ офицеровъ умоляютъ г. Даламбера отважиться въ ихъ пользу на попытку, которая не можетъ представить ни малѣйшаго неудобства, но можетъ спасти восемь храбрецовъ отъ величайшихъ несчастій. Если онъ хотя одно мгновеніе подумаетъ о томъ, что имъ приходится и еще придется вынести, сердце его не позволитъ ему колебаться. Если ему откажутъ, онъ будетъ имѣть удовольствіе въ сознаніи, что сдѣлалъ все, что отъ него

l'amour de la gloire. Monsieur d'Alembert est supplié par les amis et la famille de ces officiers de vouloir bien hazarder en leur faveur une démarche qui ne peut avoir nul inconvénient et qui peut sauver huit braves gens des plus grands malheurs. S'il réfléchit un instant sur ce qu'ils ont et ce qu'ils auront à souffrir, son âme ne lui permettra pas de balancer. Si on le refuse, il aura la satisfaction d'avoir fait ce qui dépendait de lui, et s'il réussit, il aura sauvé plus que la vie à huit de ses Compatriotes: ce sera un évènement à jamais précieux dans la littérature et qui honorera également les lettres, Monsieur d'Alembert et une Princesse, qui accordera à la philosophie plaidant pour l'humanité ce qu'elle refuse à la puissance.

Le seul exposé de la situation de ces huit braves français aurait suffi pour exciter la sensibilité de Monsieur d'Alembert; mais l'auteur de ce mémoire s'est laissé aller à son sentiment. Il a été ravi de voir que les parents et les amis de ces officiers s'adressant à Monsieur d'Alembert pour obtenir leur délivrance. Cette prière qu'ils lui font est un hommage très flatteur. On fait des voeux pour qu'il réussisse et on ne le croit pas impossible.

XXII.

D'Alembert à Mademoiselle Tournon.

à Paris, ce 10 avril 1782.

Je n'ai plus depuis longtemps aucune relation avec l'Impératrice de Russie; mais je crois que Vous pouvez lui envoyer directement vos

---

зависѣло; а если онъ будетъ имѣть успѣхъ, то спасетъ болѣе чѣмъ жизнь восьми своихъ соотечественниковъ. Это сдѣлается событіемъ, навсегда драгоцѣннымъ въ литературѣ, и которое въ равной мѣрѣ почтитъ и словесность, и г. Даламбера, и государыню, которая даруетъ философіи, ходатайствующей въ пользу человѣчества, то, въ чемъ она отказываетъ власти.

Одинъ лишь очеркъ положенія этихъ восьми храбрыхъ французовъ былъ бы достаточенъ, чтобы возбудить чувствительность г. Даламбера, но составитель настоящей записки вполнѣ отдался своему чувству; онъ восхищенъ тѣмъ, что родственники и друзья этихъ офицеровъ, желая достигнуть ихъ освобожденія, обращаются къ г. Даламберу. Просьба, съ которою они къ нему обратились, есть очень лестное свидѣтельство уваженія къ нему. Возсылаются желанія, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ и успѣхъ этотъ не считаютъ невозможнымъ.

XXII.

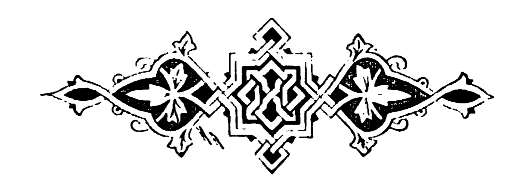
Даламберъ дѣвицѣ Турнонъ.

Парижъ, 2-го апрѣля 1782 года.

Съ давняго уже времени я не имѣю никакихъ болѣе сношеній съ русскою императрицею, но думаю, что вы можете послать ей ваши стихи не-

vers. Au reste, je vous exhorte à les faire revoir auparavant par quelqu'un d'eclairé, car ceux que vous m'avez fait l'honneur de m'envoyer et dont je vous remercie, sont susceptibles de critique ce qui est très pardonnable à votre âge; mes occupations ne me permettent pas une plus longue lettre. J'ai l'honneur etc.

посредственно отъ себя. Впрочемъ, умоляю васъ поручить предварительно просмотрѣть ихъ знающему лицу, потому что тѣ стихи, которые вы сдѣлали честь доставить мнѣ и за которые я вамъ благодаренъ, подлежатъ исправленіямъ, что совершенно простительно въ ваши годы. Мои занятія не позволяютъ мнѣ писать болѣе длинныхъ писемъ. Имѣю честь и т. д.



ПЕРВОЕ ПОДДАНСТВО ТУРКМЕНЪ РОССІИ.

Добровольное подчиненіе Россіи кочевниковъ Азіи явленіе очень обыкновенное. Въ XVII ст. пришли на Волгу изъ Джунгаріи калмыки, самовольно поселились въ степяхъ по лѣвому берегу этой рѣки; но присягу на подданство Россіи приняли добровольно въ 1655 году. Въ XVIII столѣтіи, безъ всякихъ помышленій съ нашей стороны и совершенно для насъ не ожиданно, киргизскій ханъ Абуль-Хаиръ отправилъ къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ пословъ съ просьбою о принятіи его и подчиненнаго ему народа въ русское подданство. Въ 1732 году и присягнули они на вѣрность императрицѣ. Съ XVII же столѣтія начались переселенія къ намъ въ Сибирь монголовъ, которые спасались отъ неурядицъ на своей родинѣ въ Россію иногда тысячами семей. И переходы ихъ были бы еще многочисленнѣе, если-бъ мы сами, изъ опасенія раздражить китайское правительство, не ставили препятствій этимъ переходамъ. Хотѣли было вернуться въ Россію и бѣжавшіе изъ нея въ Джунгарію калмыки, но китайцы во-время приняли свои мѣры, и переселеніе не состоялось.

Туркмены также давно стали стремиться въ русское подданство, безъ всякихъ поощреній къ тому со стороны нашего правительства. Не новостью, стало быть, является недавно состоявшееся добровольное подчиненіе россійскому скипетру туркменъ мервскаго оазиса, текинцевъ. Въ концѣ XVII столѣтія переселились къ намъ туркмены съ Мангышлака, приняли русское подданство и были размѣщены въ приволжскихъ степяхъ вмѣстѣ съ калмыками. И не только переселились, но даже служили Россіи, принимая участіе въ разныхъ походахъ. Когда-то мы умѣли обращать кочевни-

ковъ въ своихъ служилыхъ людей. Въ самомъ началѣ XVIII ст. число этихъ нашихъ туркменъ увеличилось новыми переселенцами съ Мангышлака же, вѣроятно, вслѣдствіе слуховъ, что въ новой странѣ переселенцамъ живется лучше, чѣмъ у себя на родинѣ. А на родинѣ приходилось имъ плохо отъ сѣверныхъ сосѣдей, волжскихъ калмыковъ. Ханъ Аюка только что предъ тѣмъ разграбилъ нѣсколько туркменскихъ каравановъ, шедшихъ изъ Хивы съ хлѣбомъ. Добыть еще разъ хлѣбъ являлась возможность только изъ Астрахани. И вотъ, часть мангышлакскихъ туркменъ переселилась въ Астрахань, оставшіеся просили покровительства у Русскаго царя.

Намъ удалось списать копію съ прошенія этихъ туркменъ астраханскому губернатору Якоби по поводу наложенія на нихъ ямской повинности въ 1777 году. Копія съ этого прошенія хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Памятникъ чрезвычайно интересный. Онъ съ точностію опредѣляетъ время прихода туркменъ въ Россію, что еще не было извѣстно въ печати. Въ немъ перечислены всѣ походы, въ которыхъ туркмены принимали участіе. Помимо содержанія, интересно оно и по изложенію, и по нѣкоторымъ своеобразнымъ выраженіямъ. Какой результатъ имѣло это прошеніе, т. е. дозволили ли туркменамъ нести тотъ родъ службы, къ которому они чувствовали себя способными, или ихъ заставили принять новый образъ жизни, намъ неизвѣстно. А равнымъ образомъ мы не знаемъ, какъ назывались эти туркмены. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на Мангышлакѣ кочевали туркмены Абдалъ, Бурунчукъ, Игдыръ, Чоудуръ, Бузачи; но въ виду частыхъ передвиженій обитателей Туркменіи, трудно утверждать, что въ XVIII столѣтіи размѣщалось ея населеніе такъ же, какъ и въ XIX-мъ.

Съ просьбою о хлѣбѣ обратились къ намъ въ 1741 году и Туркмены, удалившіеся на Мангышлакъ изъ Хивы и Бухары вслѣдствіе нашествія на эти ханства шаха Надира. Изъ Астрахани отправлено было просителямъ судно, нагруженное мукою. Приняли они нашу помощь и ушли обратно въ прежнія мѣста, извѣстившись, что шахъ удалился уже въ Персію. Въ 1802 году мангышлакскіе туркмены отправили четырехъ депутатовъ въ Петербургъ съ ходатайствомъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Депутаты были приняты очень радушно, и высочайшею грамотою, отъ 16-го апрѣля 1803 года, на имя Абдальскаго отдѣленія мангышлакскіе туркмены приняты подъ покровительство Россіи. Самимъ же депутатамъ назначено жалованье по 100 рублей серебромъ въ годъ каждому и, сверхъ того, они удостоились пожалованія золотыми медалями на алыхъ лентахъ. Подданство это числилось только на бумагѣ. А между тѣмъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны киргизовъ адаевцевъ, туркмены большею частію разбрелись въ разныя стороны. Между прочимъ, нѣкоторые изъ абдальцевъ и бурун-

чуковъ обратились къ русскому правительству съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство и разрѣшить имъ поселиться въ астраханской губерніи. Это переселеніе, состоявшееся въ 1813 году, причинило нашему правительству не мало хлопотъ и ввело въ значительныя издержки. Впослѣдствіи, возникла о нихъ большая переписка въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и тянулась довольно долго, такъ какъ эти переселенцы оказались очень неспокойными подданными. Оправившись подъ нашею властію, забыли они что̀ терпѣли на родинѣ, задумали вернуться на Манглышлакъ и стали просить разрѣшенія на то у нашего правительства. У насъ снисходительно взглянули на это ходатайство, но поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы туркмены предварительно отправили развѣдчиковъ на Мангышлакъ для осмотра мѣстъ, гдѣ-бы они могли поселиться, и для уговора съ своими соплеменниками на счетъ совмѣстнаго сожительства. Ходоки побывали на Мангышлакѣ и вернулись, повидимому, съ благопріятными вѣстями, потому что въ 1855 году 31 туркменскихъ семейства выселились изъ астраханской губерніи на свою родину. Скоро, однако, они увидали, что промѣняли кукушку на ястреба, и въ слѣдующемъ же году, воспользовавшись пребываніемъ въ Новопетровскѣ адмирала Васильева, стали просить его ходатайства передъ высшимъ правительствомъ о дозволеніи имъ вернуться въ Астрахань. Сдѣланъ былъ запросъ генералъ-губернатору оренбургской губерніи, графу Перовскому, можно ли исполнить просьбу туркменъ? Перовскій хотя и заявлялъ, что правительству не слѣдуетъ исполнять прихоти людей, которые сами не знаютъ что̀ дѣлать съ собою, но, принимая во вниманіе, что возвращеніе этихъ туркменъ можетъ подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ и на тѣхъ, которые оставались еще въ астраханской губерніи, призналъ возможнымъ исполнить желаніе просителей.

Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ едва не состоялось подданство туркменъ Россіи въ 1836 году, во время экспедиціи Карелина къ юго-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря. 40,000 кибитокъ туркменъ юмудовъ рѣшились податься Россіи, и депутаты ихъ подписали даже актъ о своемъ подданствѣ и вручили его Карелину; но правительство наше, считая юмудовъ подчиненными персіянамъ, оставило этотъ документъ безъ движенія. Мало того: была отправлена военная экспедиція въ Астрабатъ подъ начальствомъ графа Путятина, въ 1842 году, для усмиренія туркменъ, принявшихъ враждебныя намѣренія по отношенію къ Персіи.

Впослѣдствіи, когда наше правительство убѣдилось, что подданство туркменъ не доставляетъ намъ никакихъ выгодъ и не ограждаетъ нашихъ подданныхъ отъ ихъ набѣговъ и грабежей, перемѣнило политику по отношенію къ туркменамъ, и на новыя ихъ ходатайства о покровительствѣ и подданствѣ отвѣчало, что турк-

мены сперва должны заслужить это покровительство, а потомъ уже предлагать свое подданство.

Прошеніе мангышлакскихъ туркменъ, добровольно принявшихъ русское подданство при Петрѣ Великомъ.

«Высокородный и превосходительный господинъ генералъ-маіоръ, кавалеръ и Астраханской губерніи губернаторъ.

«Высокомилостивый государь и щедрый къ намъ иностраннымъ отецъ Иванъ Варфоломѣевичъ.

«Мы нижеподписавшіеся Трухменскіе Татаре, напредь сего дѣды наши и отцы, назадъ тому сто лѣтъ, пришли добровольно изъ Мангишлака, а послѣдніе, уже тому 70 лѣтъ, блаженной и вѣчно достойной памяти государю императору Петру Великому въ подданство служить, и его императорское величество соизволилъ приказать насъ калмыцкому владѣльцу къ Аюкѣ хану отдать подъ власть его, чтобъ насъ содержать ему подъ властію своею честно; и въ то время его величество въ книги насъ не записалъ, и подъ губернскою канцеляріею мы не состояли, и его величество изо всѣхъ мѣстъ счетъ требовалъ; а насъ не соизволилъ, потому что мы пришли къ его величеству добровольно въ подданство служить. И первая наша служба, первый походъ былъ за Каракалпаками со владѣльцевымъ сыномъ Черенъ Дондукомъ, съ каковымъ нѣсколько изъ нашего народа головъ положено. Во второй—въ Кубани Маклибашъ Ногая разбили съ Дундукъ Оби ханомъ и Донскимъ войскомъ вмѣстѣ были. Въ третій—въ Кубани-жъ Еташъ-кулъ Ногайцевъ-татаръ разбили съ нимъ же Дундукомъ Оби и съ Донскимъ войскомъ вмѣстѣ жъ были въ службѣ. Въ четвертый: въ Кубани-жъ Азаматъ Ногайскихъ татаръ разбили-жъ. Въ пятый: съ Дондукъ Даши ханомъ въ командѣ въ Кабардѣ Каракашъ Ногайцевъ разбили, которые и нынѣ здѣсь въ Астрахани находятся. Мы были въ шестой—съ намѣстникомъ Убашаинъ въ Кубани, Сукордъ Отжи разбили и нѣсколько нашего народа побито: въ которое время былъ надъ нами командиръ Иванъ Алексѣевичъ Кишенсковъ. Въ седьмой — въ Кабардѣ Ахлову деревню разбили и тутъ въ походѣ мы были; въ восьмой разъ — къ Бестеню ходили, и тутъ нѣсколько изъ насъ побито. И всѣ оные наши походы мы нижайшіе для высокой монаршей нашей великой государыни императрицы Екатерины Алексѣевны ходили и служили на своемъ коштѣ, полагая свои головы безъ пощады, и по окончаніи оныхъ походовъ калмыцкій намѣстникъ требовалъ изъ насъ сто человѣкъ обманомъ съ собою въ походъ; а какъ отъѣхавши отъ дворовъ своихъ въ дальнее мѣсто, то приказалъ оный намѣстникъ Калмыкамъ своимъ весь нашъ народъ гнать со всѣми домами съ собою въ Китай, и шли мы съ

Калмыками вмѣстѣ, и перешедъ Уралъ рѣку, три дни шли степью думали что куда насъ ведутъ въ отдаленное мѣсто; а какъ мы служили высокомонархинѣ нашей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ вѣрно до послѣдней крови капли: за что насъ и соизволила своимъ великимъ монаршескимъ милосердіемъ жаловать, — раздумали вознамѣриться [1]), и тѣ Калмыки, увѣдавши объ ономъ, не отпуская насъ отъ себя, дрались съ нами, чрезъ что насъ совсѣмъ разграбили, при чемъ и побили множество нашего народа и 130 дворовъ въ плѣнъ взяли съ собою, 825 душъ, и оный нашъ народъ, отбившись отъ оныхъ Калмыкъ, возвратился за нами, которые попались къ Каракалпакамъ въ полонъ, гдѣ и нынѣ находятся; а мы усильствомъ своимъ возвратились, оставя весь свой экипажъ, скотъ и прочее, что при насъ въ то время было, почти нагіе, не заходя въ свое отечество пришли прямо въ Астрахань, да и тѣ, которые сто человѣкъ взяты были въ походъ, за нами-жъ возвратились: чрезъ 3 мѣсяца пришли въ Астрахань же и явились у господина генералъ-поручика и кавалера и астраханскаго губернатора Никиты Аѳанасьевича Бекетова, который соизволилъ приказать насъ отослать въ Кизляръ; а мы не желали туда ѣхать въ то мѣсто, однако насильно высланы были, и мы нижайшіе одолжась здѣсь, взявши скота и выѣхали въ Кизляръ; а будучи въ Кизлярѣ отъ тамошняго воздуха скотъ нашъ чрезъ 2 года который попадалъ, а другой горскими Татарами и Кабардинцами троекратно отогнанъ былъ; да и нѣсколько и народа нашего померло, отчего пришли въ наикрайнее раззореніе почему и понынѣ не можемъ справиться. А миновавши двухъ лѣтъ, прибылъ сюда въ Астрахань губернаторомъ его превосходительство господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ Петръ Никитичъ Кречетниковъ, то подано было отъ насъ ему прошеніе, чтобъ насъ изъ Кизляра, по необыкновенію нашему въ такомъ воздухѣ, житье вывесть въ Астрахань на прежнее кочевье. По которому прошенію и соизволилъ приказать насъ вывесть въ Астрахань на прежнее кочевье, видя что нашъ народъ необыкновененъ въ такомъ воздухѣ жить и напрасно пропадаетъ праздно, и приказалъ жить по старому, какъ мы жили прежде; и пріѣхавши мы сюда въ Астрахань, по приказанію его превосходительства Петра Никитича Кречетникова, во время замѣшательства злодѣя Пугачева, старшиною Чираковымъ командировано изъ насъ 50 человѣкъ, при чемъ была легкая полевая команда; и во время онаго похода на Рынъ пескахъ мы съ командою обще 225 человѣкъ Калмыкъ бѣглыхъ поимали, и послѣ того, по его-жъ превосходительства приказу, съ старшиною мурзою 100 человѣкъ командировано вмѣстѣ съ Калмыками въ корпусъ г-на генералъ-порутчика и кавалера Демедема, да въ третій разъ, по его-жъ приказу, прикоман-

[1]) Вѣроятно описка, вм. возвратиться.

дировано съ старшиною Дулатъ Муратомъ къ нему-жъ г-ну генералъ-порутчику Демедему 100 человѣкъ; и въ оное время нѣсколько у насъ лошадей пало.

«Того ради вашего превосходительства высокомилостиваго государя и щедраго къ намъ отца и заступителя всепокорнѣйше просимъ, какъ мы, нижепоименованные, нѣсколько въ походахъ находились, отчего пришли отъ разграбленія Калмыками такожъ и падежемъ во время житья нашего въ Кизлярѣ скотомъ и въ походѣ лошадьми отъ Кизляра, и гонбѣ освободить, ибо мы первѣе въ великомъ раззореніи и по нынѣ не можемъ долги свои оплатить; второе, что мы къ оной гонбѣ люди совсѣмъ необыкновенные около арбъ ходить, — защитить насъ своимъ отеческимъ милосердіемъ и оставить насъ на прежнемъ нашемъ въ Астрахани кочевьѣ, какъ прежде служили съ Калмыками въ походахъ, или какъ вашего превосходительства соизволеніе будетъ: подать какую положить, чтобъ намъ платить въ астраханскую губернскую канцелярію ежегодно: а чтобъ мы не были смѣшаны съ Кабардинцами, ибо дѣды наши и отцы съ ними мѣшаны не бывали; а мы арбами ѣздить непобывшны, а верхами служить должны.

«Вашего превосходительства высокомилостиваго государя и щедраго къ намъ отца

«всенижайшіе и подданѣйшіе рабы».

На подлинномъ подписано татарскимъ письмомъ: 26-го іюля 1778 года.

Вслѣдствіе этого прошенія, астраханскій губернаторъ И. В. Якоби доносилъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ слѣдующее:

«Высочайшимъ ея императорскаго величества рескриптомъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 19-го октября прошлаго 1771 г. повелѣно всѣхъ оставшихъ послѣ побѣгу Калмыкъ бывшихъ въ подвласти ихъ Татаръ приписать въ вѣдомство Астраханское съ положеніемъ на нихъ земской службы и съ дачею имъ на первый случай льготы, дабы они лучше къ новому житью пріобыкнуть могли: во исполненіе чего та льгота имъ и дана была на 3 года опредѣленіемъ бывшаго астраханскаго губернатора г. генералъ-порутчика Бекетова, однако съ тѣмъ, чтобъ по прошествіи тѣхъ лѣтъ исподволь къ оной службѣ ихъ пріобучать, изъ которыхъ Трухменцы присовокуплены къ кизлярскимъ аульнымъ Татарамъ, и по прошествіи не только оныхъ льготныхъ трехъ, но и шести уже лѣтъ, изъ нихъ Хундровскіе Татары причислены къ астраханскимъ въ ясашную службу, о чемъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ іюня 12-го дня и донесено; но изъ числа ихъ Трухменцы остались свободными, коихъ и той службѣ хотя опредѣлить и велѣно въ общество къ кизлярскимъ аульнымъ Татарамъ; но они отзываются не только не имѣніемъ къ подводной

гоньбѣ у себя упряжки, но и съ природы необыкновеніемъ, почему склоняемы были кизлярскіе Ногайцы о пріемѣ отъ нихъ въ помощь себѣ какой либо годовой платы, которую они Трухменцы давать соглашались, токмо тѣ Ногайцы на пріемѣ отъ нихъ вспомогательныхъ денегъ ни мало не склоняются; а сіи послѣдніе, Трухменцы, держутся единственно того, что они къ повозкамъ незаобыкновенны и больше обычны по свойству Калмыкъ къ кочевью, съ коими они въ подвласти ихъ свою жизнь препровождали, въ такомъ случаѣ и настоить о своей жизни прежней сходствующей Калмыкамъ; я въ сихъ неудобностяхъ не могши ни того, ни другаго, по несходству даннаго объ нихъ высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, въ упорствѣ ихъ удовлетворить, принужденъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ войти объ нихъ съ представленіемъ: не соизволитъ ли повелѣть, по склонности ихъ къ прежней жизни калмыцкаго народа, оставить ихъ на кочевьѣ съ Калмыками и препоручить въ вѣдомство кому либо изъ лучшихъ калмыцкихъ владѣльцевъ, и о томъ опредѣлить меня указомъ; а каково они подали ко мнѣ отрекательное прошеніе съ того на усмотрѣніе государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ прилагаю при семъ точную копію».

«Иванъ Якоби».

«15 декабря 1778 года».

Приведенное нами прошеніе мангышлакскихъ туркменъ, очевидно, составлено русскимъ чиновникомъ, такъ какъ въ немъ попадаются выраженія, туркменамъ совершенно несвойственныя — въ родѣ: «трухменскіе татаре» — и составлено для просителей въ благопріятномъ смыслѣ, но не думаемъ, чтобы составитель могъ искажать факты. Искаженіе ихъ только повредило бы ходатайству просителей, а провѣрить фактическую сторону дѣла въ Астрахани въ то время ничего не стоило.

Н. Веселовскій.

ТЯЖЕЛЫЯ ВРЕМЕНА.

(Изъ воспоминаній доктора.)

О ОКОНЧАНІИ вступительнаго экзамена, въ августѣ 1838 года, я былъ зачисленъ студентомъ петербургской медико-хирургической академіи. Отецъ мой, служа въ купеческой конторѣ и получая скудное, едва достаточное для него самаго, жалованье, не могъ содержать меня; поэтому, для обезпеченія моего существованія въ Петербургѣ, представлялось мнѣ единственное средство — частные уроки, которые при знаніи древнихъ и новыхъ языковъ доставались тогда безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ городъ не былъ еще переполненъ разнаго рода училищами и пансіонами, какъ теперь. Благодаря этому обстоятельству, я имѣлъ возможность обезпечить себѣ свободу, т. е. поступить не казеннымъ студентомъ, а своекоштнымъ, которые въ отличіе отъ первыхъ назывались тогда у насъ «волонтерами».

Я пріютился во второй Госпитальной улицѣ, въ домѣ отставнаго унтеръ-офицера Маслова, гдѣ за 13 рублэй нанялъ себѣ въ мезонинѣ, подъ самой крышей, небольшую комнатку, въ которой едва могли помѣститься кровать, столъ и стулъ. Лекціи въ академіи начинались обыкновенно съ 1-го сентября и студенты очень аккуратно являлись къ этому сроку, впрочемъ не столько для лекцій, которыя до 15-го сентября шли вообще безпорядочно, сколько для свиданія съ товарищами послѣ двухмѣсячной вакаціонной разлуки. Товарищей у меня было много: всѣ они, три года тому назадъ, окончили вмѣстѣ со мною курсъ въ Петропавловскомъ училище и тогда же поступили въ академію, я же, покоряясь жела-

нію отца, хотѣвшаго непремѣнно образовать изъ меня купца, поступилъ въ купеческую контору и такимъ образомъ отсталъ отъ нихъ на цѣлые три года, потерянныхъ мною только для того, чтобы убѣдить отца въ полномъ отсутствіи способностей для того поприща, къ которому онъ готовилъ меня. Къ этимъ товарищамъ, большею частію нѣмецкаго происхожденія, присоединились еще и дерптскіе студенты, исключенные изъ своего университета, какъ члены корпораціи, извѣстной подъ названіемъ Burschenschaft. По случаю бракосочетанія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, они были помилованы и имъ для окончанія прерваннаго курса дозволено было поступить въ какой либо университетъ, исключая Дерптскаго.

Ближайшіе товарищи мои, бывшіе со мною въ Петропавловскомъ училищѣ однокашниками, жили въ домѣ 70-ти лѣтняго отставнаго унтеръ-офицера временъ Суворова, Савелья Савельича Волчкова, насупротивъ самаго зданія академіи, именно той части ея, гдѣ находилась конференцъ-зала.

Славный былъ человѣкъ этотъ Савелій Савельичъ — настоящій типъ добраго, симпатичнаго русскаго солдата. Родомъ хохолъ, помнится, уроженецъ Полтавской губерніи, при громадномъ ростѣ и атлетическомъ тѣлосложеніи, несмотря на преклонныя свои лѣта, онъ сохранялъ бодрость духа и тѣла. Это былъ человѣкъ честнѣйшихъ правилъ, привыкшій всегда говорить правду напрямки, безъ обиняковъ и виляній, въ хозяйствѣ своемъ разсчетливый, но не скупой; онъ любилъ военную службу, обожалъ Суворова и хорошо еще помнилъ походы свои въ Италіи. Ничѣмъ нельзя было болѣе потѣшить старика, какъ просьбою—разсказать что нибудь о прежней боевой его жизни. Съ довольной миной и нѣкоторою важностію, показывавшею польщенное самолюбіе, садился онъ за столъ и кусочкомъ мѣла рисовалъ мѣстность, обозначая на ней по-своему, лѣсъ, долину, возвышенности и расположеніе войскъ, причемъ крестики означали у него русскихъ, а кружечки непріятеля. Начинался разсказъ, какъ они подходили къ непріятелю, какъ завязывалось сраженіе и какъ потомъ кончалось оно, а кончалось всегда полнымъ пораженіемъ непріятеля, что обыкновенно завершалъ онъ стереотипной фразой: «а вотъ антиллерія шарахнетъ разъ, другой— мы сейчасъ въ штыки, ну и капутъ». При послѣднемъ словѣ онъ съ жаромъ проводилъ мѣломъ черту по кружечкамъ и тѣмъ наглядно воспроизводилъ Суворовскій «капутъ».

Волонтеры академіи всѣ безъ исключенія были люди крайне бѣдные, да иначе и быть не могло: кто же изъ богатыхъ поступаетъ на медицинскій факультетъ? Старикъ Волчковъ, зная очень хорошо карманныя обстоятельства своихъ постояльцевъ, касался ихъ всегда съ крайнею деликатностію и всячески старался избѣгать того, что, по понятіямъ его, могло показаться имъ оскорбительнымъ. Такъ, напримѣръ, по утру нужно узнать ему, понадо-

бится-ли самоваръ—потому что чай и сахаръ не всегда водились у волонтеровъ, стало быть, нечего было и тратиться на уголь—Волчковъ входитъ въ комнату и, шепча «Господи помилуй», смотритъ на молодежь, нѣжившуюся въ кроватяхъ. «А что, мои паны, чай будете пить сегодня, аль нѣтъ?» громко спрашиваетъ онъ. Нерѣдко получался отвѣтъ: «Рано еще хозяинъ»—это значило, что нѣтъ ни чаю, ни сахару. Волчковъ смѣкаетъ въ чемъ дѣло и говоритъ: «Рано... Эхма!..» и добавивъ неизбѣжное въ его устахъ «Господи помилуй!» потихоньку выходитъ изъ комнаты.

Судьба привела меня въ академію въ пору, можно сказать, самую неблагопріятную. Я съ разу же наткнулся, какъ говорится, на «исторію», исходъ которой не остался безъ послѣдствій для порядковъ заведенія, и безъ того уже тяжелыхъ, но тутъ еще болѣе обострившихся. Разскажу, что случилось.

Это было въ сентябрѣ 1838 года. Утромъ, 1-го числа, идя въ анатомическій театръ, находившійся въ особенномъ зданіи на берегу Невы, я долженъ былъ проходить мимо такъ называемой конференціи. Дворъ ея отдѣлялся отъ улицы желѣзной рѣшеткой. Смотрю: и дворъ, и улица полны студентовъ и народа; проѣздъ по улицѣ прекратился. Вся эта толпа волновалась и шумѣла, но узнать причину сборища среди общаго шума и смятенія не было никакой возможности. Наэлектризованный любопытствомъ, я поспѣшилъ къ товарищамъ, жившимъ у Волчкова, и вотъ что я узналъ тамъ. Казенный студентъ Сачинскій ворвался съ ножомъ въ залу конференціи, ранивъ швейцара, не хотѣвшаго впустить его и бросился на профессора химіи Нечаева, сидѣвшаго возлѣ профессора частной паталогіи Калинскаго, который, прикрывая собою Нечаева, былъ раненъ Сачинскимъ въ животъ, что виновнаго тотчасъ же арестовали и что, вслѣдствіе предварительно принятаго имъ яда, съ нимъ сдѣлалось дурно.

Вскорѣ послѣ моего прихода въ домъ Волчкова, на мѣсто сборища пріѣхалъ оберъ-полицiймейстеръ и приказалъ студентамъ и народу разойтись подъ опасеніемъ немедленнаго ареста; всѣ разошлись.

Вслѣдъ за этимъ происшествіемъ, недѣлю или двѣ, ужъ не помню теперь, лекцій конечно не было. Грустное событіе это, выходившее изъ ряда обыкновенныхъ студенческихъ исторій, стало исключительнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ и дало поводъ къ самымъ разнороднымъ толкамъ относительно тѣхъ послѣдствій, къ какимъ могло повести оно. Черезъ нѣсколько дней изъ различныхъ слуховъ и свѣдѣній выяснились передъ нами слѣдующія подробности:

Сачинскій былъ человѣкъ лѣтъ около 35. Про него разсказывали, что во время возстанія поляковъ, въ 1831 году, онъ чѣмъ-то навлекъ на себя подозрѣніе нашего правительства и вслѣдствіе того

нѣсколько лѣтъ содержался подъ арестомъ; другіе говорили, что онъ служилъ рядовымъ въ какомъ-то польскомъ уланскомъ полку, былъ взятъ въ плѣнъ и высидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ Петропавловской крѣпости; насколько были вѣрны всѣ эти разсказы—не знаю. Получивъ свободу съ приказаніемъ избрать себѣ родъ жизни, Сачинскій поступилъ фармацевтомъ въ медико-хирургическую академію, по бѣдности—на казенный счетъ. Курсъ фармацевтическій былъ трехгодичный; окончившій его получалъ степень гезеля или аптекарскаго помощника. Сачинскій благополучно добрался до третьяго курса, но при выпускномъ экзаменѣ въ 1837 году степени гезеля не получилъ, такъ какъ по химіи имѣлъ неудовлетворительный балъ. Профессоръ Нечаевъ отказался переэкзаменовать Сачинскаго, несмотря на то, что тотъ просилъ его объ этомъ убѣдительно, ссылаясь на то, что профессоръ нашелъ же возможнымъ сдѣлать подобное снисхожденіе нѣкоторымъ другимъ его товарищамъ, представляя ему притомъ, что онъ человѣкъ крайне бѣдный, что мать и сестра его живутъ въ нищетѣ, что единственная забота его—доставить имъ кусокъ хлѣба и что именно только поэтому ему такъ тяжело остаться еще на годъ. Не смотря на всѣ эти, казалось-бы, уважительные доводы, Нечаевъ остался непреклоннымъ и Сачинскій, покоряясь жестокому приговору, остался, скрѣпя сердце, еще на годъ на третьемъ т. е. послѣднемъ курсѣ фармацевтическаго училища.

Въ іюнѣ 1838 года, наступилъ опять экзаменъ изъ химіи и опять Нечаевъ поставилъ Сачинскому неудовлетворительный балъ. Теперь бѣдняку приходилось уже очень плохо, такъ какъ по существовавшему въ то время закону—не знаю, сохраняетъ ли онъ силу и теперь—всякій казенно-коштный студентъ, пробывъ два года на одномъ и томъ же курсѣ, не удостоившись перевода въ слѣдующій, или не выдержавшій выпускнаго экзамена, назначался фельдшеромъ въ армію впредь до окончанія обязательныхъ 6 лѣтъ казенной службы.

Опять Сачинскій явился къ Нечаеву, прося его позволить ему переэкзаменоваться передъ началомъ лекцій слѣдующаго полугодія, опять онъ представилъ ему всѣ побуждавшія его къ такой просьбѣ причины, и на этотъ разъ Нечаевъ согласился. Наступилъ конецъ августа. Сачинскій явился на экзаменъ, но Нечаевъ опять-таки поставилъ ему неудовлетворительный балъ. Тутъ Сачинскій, дошедшій до отчаянія, рѣшился погубить себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и того, кто довелъ его до такого состоянія. Во избѣжаніе всѣхъ послѣдствій строгости закона, несчастный Сачинскій, до приведенія въ исполненіе своего намѣренія, принялъ яду, но, или за неимѣніемъ средствъ, или по трудности добыть его, прибѣгнулъ къ свинцовому сахару—средству слабо и медленно дѣйствующему. Послѣ неудачнаго нападенія на Нечаева съ нимъ сдѣлалась рвота,

но ему дали противоядіе и онъ вскорѣ выздоровѣлъ, чтобы погибнуть позорно и безвозвратно.

Разсказъ мой основанъ на тѣхъ слухахъ, которые носились тогда между студентами академіи—не стою за ихъ вѣрность; не мудрено, что факты доходили до насъ въ искаженномъ видѣ, такъ какъ результаты оффиціальнаго слѣдствія остались намъ неизвѣстными, а потому, очень можетъ быть, что они разнились съ приведеннымъ мною разсказамъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ происшествія, профессоръ Нечаевъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны второй степени, а медико-хирургическая академія, находившаяся до того времени въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, перешла въ вѣдомство министра военнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ были назначены: Клейнмихель попечителемъ ея, а полковникъ арестантскихъ командъ (?), нѣкто Шенрокъ — инспекторомъ. Не стану приводить характеристики Клейнмихеля, ибо кто же изъ служившихъ въ царствованіе Николая I не знаетъ, или, покрайней мѣрѣ, не слыхалъ — что такое былъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель? Но о Шенрокѣ нужно сказать нѣсколько словъ. Это былъ сладенькій, гладенькій и гаденькій нѣмецъ, всегда и вездѣ застегнутый на указанное число пуговицъ. Вѣжливо и съ вѣчно пріятною улыбкою, тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ, онъ имѣлъ способность наговорить вамъ тысячу оскорбительныхъ и возмутительныхъ внушеній. Шенрокъ былъ весьма обыкновеннымъ, заурядныымъ типомъ николаевскихъ временъ. Его постоянныя замѣчанія студентамъ относительно внѣшняго ихъ вида были просто невыносимы: то волосы длинны, то коротки; то фуражка на полвершка ниже, чѣмъ полагалось, то выше; то цвѣтъ сукна на сюртукѣ оказывается слишкомъ свѣтлымъ, то слишкомъ темнымъ и т. п. Всѣ эти замѣчанія сопровождались угрозою карцеромъ, причемъ обыкновенно изъявлялось сожалѣніе, что вы сами вынуждаете его къ такой крутой мѣрѣ. Словомъ сказать, человѣкъ этотъ своими рѣчами и манерами въ состояніи былъ вывести изъ терпѣнія самаго скромнаго студента. Прежній президентъ нашъ Вилье былъ смѣненъ; на его мѣсто былъ назначенъ старшій докторъ московскаго военнаго госпиталя, Шлегель — нѣмецъ добродушный, но крайне неспособный и скудоумный, не успѣвшій даже научиться говорить по-русски. Слабохарактерность его была причиною того, что онъ тотчасъ же, по прибытіи въ академію, сталъ орудіемъ лукаваго Шенрока, который завладѣлъ имъ совершенно.

По дѣлу Сачинскаго началось слѣдствіе. Конечно, онъ оказался кругомъ и во всемъ виноватымъ; и такъ какъ въ то время въ нашемъ судопроизводствѣ смягчающимъ обстоятельствамъ мѣста не было, то несчастнаго присудили лишить всѣхъ правъ состоянія и прогнать сквозь строй.

Оправдывать Сачинскаго было бы безуміемъ. Но одинъ ли онъ былъ виноватъ? Не отчаяніе ли привело его къ преступленію?

Нечаевъ, какъ профессоръ, имѣлъ неоспоримыя достоинства: онъ читалъ свой предметъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и увлекательно; его лекціи возбуждали въ студентахъ самый живой интересъ и никогда ни однимъ изъ нихъ не пропускались; опыты производилъ онъ съ примѣрною ловкостію и рѣдкимъ навыкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ желчный, раздражительный, капризный, злопамятный, и при экзаменахъ крайне пристрастный, такъ какъ отмѣтки свои имѣлъ обыкновеніе ставить подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое производила на него физіономія студента. Если съ одной стороны справедливость требуетъ признанія, что, благодаря ему, всѣ мы отлично знали химію, разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, которые требуются отъ ученика, то съ другой, не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того, что привычная придирчивость его погубила карьеру многихъ молодыхъ людей, что въ то время дѣлалось, конечно, безнаказанно. Если Сачинскій оказался неспособнымъ къ дѣлу, для котораго себя готовилъ, то развѣ Нечаевъ не могъ остановить его ранѣе? Фармацевты были обязаны слушать химію два года къ ряду и экзаменоваться изъ этого предмета уже на второмъ курсѣ. Если Сачинскій оказался неспособнымъ при первомъ экзаменѣ, то не было никакой разумной причины предполагать, что онъ пріобрѣтетъ способность годомъ позже, и Нечаеву, конечно, слѣдовало остановить его вò-время, тѣмъ болѣе, что Сачинскому, какъ казеннокоштному студенту, въ случаѣ дальнѣйшихъ его неуспѣховъ, угрожала 6-ти лѣтняя служба фельдшеромъ въ арміи. Но если Нечаевъ признавалъ Сачинскаго способнымъ прежде, то поступить съ нимъ такъ, какъ поступилъ онъ послѣ, было просто жестоко.

Никто изъ насъ съ Сачинскимъ знакомъ не былъ, да и о существованіи-то его узнали мы только по несчастной его исторіи, тѣмъ не менѣе, мысль объ ожидавшей его участи страшно потрясла насъ и во всѣхъ вызвала чувство глубокаго соболѣзнованія о несчастномъ товарищѣ. Не трудно понять и представить себѣ всю тягость нравственнаго нашего состоянія въ эти дни, когда еще такъ свѣжи были впечатлѣнія происшедшей исторіи, но судьба, въ образѣ нашего начальства — не знаю, ближайшаго или высшаго—приготовила намъ новый ударъ, преисполнившій всѣхъ насъ сильнѣйшимъ негодованіемъ и ожесточенною ненавистію къ той власти, которая сочла себя въ правѣ, за преступленіе одного, всѣхъ насъ, ни въ чемъ неповинныхъ, подвергнуть нравственной пыткѣ. Студентовъ заставили дать письменное обязательство присутствовать при варварской экзекуціи, въ противномъ случаѣ угрожали исключеніемъ изъ академіи съ лишеніемъ права поступить въ какое либо учебное заведеніе въ предѣлахъ Россіи. Одна только бо-

лѣзнь избавляла студента отъ присутствованія на мѣстѣ казни, но предусмотрительное начальство распорядилось такъ, что льготой этой не было почти никакой возможности воспользоваться тѣмъ, кто захотѣлъ бы сказаться больнымъ. Не говоря уже о томъ, что студентъ, сославшійся на болѣзнь, долженъ былъ представить свидѣтельство не отъ врача только, но еще и отъ квартальнаго надзирателя, удостовѣренное сверхъ того еще частнымъ приставомъ, самое-то распоряженіе объ этомъ было объявлено лишь только наканунѣ экзекуціи. Кто помнитъ нравы тогдашней полиціи, тотъ легко пойметъ какого труда и какихъ издержекъ стоило бы студенту, не только здоровому, но и дѣйствительно больному, въ какихъ-нибудь полдня достать себѣ подобное свидѣтельство. Что было дѣлать? Нѣсколько человѣкъ, которымъ обстоятельства позволяли, подали прошеніе объ увольненіи изъ академіи, но остальные, которыхъ вся будущность зависѣла отъ окончанія курса, должны были подчиниться жестокому приговору.

Наступилъ роковой день экзекуціи. Это было въ послѣднихъ числахъ октября 1838 года. Шелъ мелкій, осенній дождь и весь городъ облекся густымъ сѣрымъ туманомъ, который, наводя невыразимую тоску на душу, казалось способенъ былъ раздражить нервы даже самаго беззаботнаго и спокойнаго духомъ человѣка. Чтобы быть на мѣстѣ къ назначеннымъ 9 часамъ утра, мы поднялись дò-свѣту и, терзаемые самыми горькими, самыми безотрадными, до мозга костей одуряющими ощущеніями, поплелись съ Выборгской стороны къ аракчеевскимъ казармамъ у Таврическаго сада. Шли пѣшкомъ, объ извощикахъ, при нашемъ поголовномъ безденежьѣ, нечего было и думать. Въ казармахъ, куда намъ велѣно было собраться, встрѣтилъ насъ инспекторъ со спискомъ въ рукахъ и съ своей сквернѣйшей и подлѣйшей улыбкой на лицѣ. Онъ сдѣлалъ намъ самую тщательную перекличку и аккуратно отмѣтилъ тѣхъ, кого не оказалось. По окончаніи повѣрки насъ вывели на большой дворъ, гдѣ увидали мы два ряда гарнизонныхъ солдатъ съ барабанщиками на каждомъ концѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ другаго отдѣленія казармъ вывели подъ конвоемъ Сачинскаго, одѣтаго въ сѣрый арестантскій халатъ. Проходя мимо насъ, онъ снялъ арестантскую шапку и поклонился намъ, мы молча поклонились ему... Его поставили на одномъ концѣ, между двухъ шеренгъ. Вслѣдъ затѣмъ къ нему подошелъ аудиторъ — длинный, сухопарый господинъ въ мундирѣ и треугольной шляпѣ—и прочелъ приговоръ военнаго суда. Онъ стоялъ однакожъ такъ далеко, что голосъ его не доходилъ до насъ, и что онъ читалъ мы не слыхали, да и не до того намъ было... По окончаніи этой процедуры, несчастнаго Сачинскаго обнажили до пояса, руки привязали къ прикладу ружья, которое несли передъ нимъ два солдата, надъ шеренгами высоко поднялись шпицрутены, раздался барабанный

бой и страдальца повели... Послышался крикъ терзаемой жертвы. Я не выдержалъ: душившія меня слезы сдавили мнѣ грудь и горло, я истерически зарыдалъ и бросился къ дверямъ казармъ, откуда мы вышли, чтобы не слыхать воплей, раздиравшихъ душу, но увидѣлъ двухъ солдатъ, преградившихъ мнѣ путь скрещенными ружьями. Оказалось, что начальство наше и тутъ выказало свою предусмотрительность. Предвидя, что студенты не будутъ въ состояніи вынести сцены истязанія и, явясь на мѣсто казни по приказанію, все-таки попытаются уклониться отъ вида ея, оно распорядилось такъ, что начальникомъ экзекуціи въ дверяхъ казармъ были поставлены часовые съ приказаніемъ никого не пропускать со двора. Видя невозможнымъ укрыться, я крѣпко зажалъ себѣ уши и обернулся лицемъ къ стѣнѣ; криковъ я не слыхалъ болѣе, но рокотъ барабановъ, глухо доходившій до слуха, давалъ мнѣ знать, что истязаніе еще продолжается. Долго я стоялъ такъ и ждалъ конца, но барабанный бой не прерывался; наконецъ въ нетерпѣніи и въ какомъ-то отчаяніи я обернулся и увидѣлъ, что несчастнаго Сачинскаго возятъ уже на двухколесной тележкѣ и все еще продолжаютъ бить—вопли умолкли и только слышался свистъ шпицрутеновъ... Я опять отвернулся, но тотчасъ почувствовалъ, что кровь какъ будто отхлынула отъ сердца, въ глазахъ стало темнѣть, голова закружилась; я потерялъ сознаніе, мнѣ сдѣлалось дурно. Очнувшись, я увидалъ себя на казарменной нарѣ и первое, на чемъ остановились мои глаза, была опять-таки гладкая, безучастная чиновничья физіономія инспектора съ его вѣчной, отвратительной улыбкой. Злоба охватила меня и право не знаю — чего бы я не сдѣлалъ съ этимъ ненавистнымъ мнѣ человѣкомъ. И чего хотѣлъ онъ?

Экзекуція кончилась, а вмѣстѣ съ нею и жизнь бѣднаго мученика. Молча отправились мы домой, спѣша оставить вертепъ варварства и безчеловѣчія. Печальный день! У насъ на Выборгской какъ будто все вымерло: на улицахъ тишина, безлюдье. Всѣ студенты сидѣли по своимъ угламъ и, томимые тоскливымъ чувствомъ, старались мысленнымъ взоромъ проникнуть въ свое будущее, въ тѣ года, которые еще оставалось имъ провести въ академіи. Чего имъ ждать, что будетъ впереди?

Трупъ Сачинскаго былъ привезенъ въ больницу арестантскихъ ротъ, находившуюся на Выборгской же сторонѣ. Нѣкоторые изъ студентовъ пятаго курса, бывъ знакомы съ служившими тамъ врачами, отправились взглянуть на трупъ и, возвратясь, съ ужасомъ разсказывали, что межреберныя мышцы были пробиты до грудной плевы, которую можно было видѣть, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и она была разрушена до самаго легкаго.

Тяжелая пора наступила для академіи. Новая администрація съ Клейнмихелемъ во главѣ, ознаменовала ревность свою рядомъ,

нововведеній, одно другаго нелѣпѣе; такъ, напримѣръ, на лекціи насъ гнали чуть не по барабану; въ аудиторіи безпрестанно торчалъ субъинспекторъ со спискомъ въ рукахъ и повѣрялъ студентовъ по три раза — въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ каждой лекціи; неоказавшихся студентовъ сажали въ субботу въ карцеръ и держали весь слѣдующій день подъ арестомъ; и все это продѣлывалось съ людьми, перешедшими уже 20 годъ возраста, добровольно поступившими въ академію и знавшими, что вся карьера ихъ зависѣла отъ добросовѣстнаго занятія наукой. Солдатская ферула ничего этого не хотѣла знать: въ аккуратномъ посѣщеніи лекцій она видѣла мѣру для водворенія между студентами дисциплины, между тѣмъ, кому же неизвѣстно, что на каждомъ факультетѣ и на каждомъ курсѣ бываютъ такія лекціи, слушать которыя значитъ терять только попустому время. Для примѣра напомню о профессорѣ фармаціи, человѣкѣ весьма трудолюбивомъ и хорошо знавшемъ дѣло, но больномъ, вслѣдствіе чего читавшемъ до того тихо, что уже на второй скамьѣ ничего не было слышно; а студентовъ на этомъ курсѣ было до 80 человѣкъ; другой, профессоръ минералогіи, не прибавлялъ ни одной іоты къ руководству, которое всякій имѣлъ у себя дома; третій, читавшій энциклопедію медицины, проводилъ время въ разсказываніи разныхъ анекдотовъ. Но, повторяю, начальство наше ничего этого знать не хотѣло и, заботясь объ одной только формальности, не догадывалось, что троекратная повѣрка студентовъ на лекціяхъ, отнимая время у насъ, и у профессоровъ, приносила болѣе вреда, нежели опущеніе нами нѣсколькихъ лекцій. Мѣра эта была до того нелѣпа, что даже многіе изъ профессоровъ не затруднялись открыто выказывать свое неудовольствіе: какъ только субъинспекторъ появлялся со спискомъ, они тотчасъ оставляли аудиторію.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Клейнмихеля по вступленіи его въ должность попечителя академіи, было назначеніе къ намъ субъинспекторовъ изъ военныхъ. Надо было видѣть, что это были за люди. Уже одно то, что всѣ они были назначены по выбору Шенрока, можно судить каковы были ихъ нравственныя свойства. Съ грубыми манерами, съ черствой душой и неразвитой головой, они не умѣли не только обращаться, но даже говорить съ людьми образованными. Въ числѣ этихъ Шенроковскихъ креатуръ былъ одинъ его родственникъ, отставной прапорщикъ Измаильскій, который, какъ говорили, былъ выгнанъ изъ какого-то армейскаго полка и только благодаря протекціи достойнаго своего родственника, нашелъ себѣ пріютъ на службѣ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Эта мелкая, ничтожная личность была живымъ воплощеніемъ всего того, отъ чего такъ брезгливо и съ такимъ негодованіемъ отворачивается всякій порядочный человѣкъ. Грубый съ студентами, но стелившійся ползучей травой передъ начальствомъ,

безтактный до тупоумія, онъ былъ предметомъ общаго нашего пре-зрѣнія. Не лучше были и его товарищи: всѣ они, дорожа своими мѣстами, старались удержаться на нихъ наушничествомъ и рабской угодливостью своему патрону Шенроку.

Да, хорошее было времячко! Припоминая его, я ни съ чѣмъ лучше не могу сравнить тогдашнее наше положеніе, какъ съ тѣмъ состояніемъ, когда на грудь человѣка надѣнутъ желѣзный обручъ и исподволь сжимаютъ его, отнимая у жертвы дыханіе до полнаго задушенія. Поистинѣ счастливы были тѣ, которые близились къ окончанію курса и доживали въ академіи послѣднее время; но у меня въ перспективѣ были еще четыре года, безъ всякой надежды на улучшеніе своего положенія. Исходъ былъ одинъ — замкнуться въ самомъ себѣ и терпѣть покуда силъ хватитъ; но, не смотря на всю мою сдержанность, силъ у меня не хватило и я долженъ былъ оставить академію.

Случай, который привелъ меня къ этому, былъ однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ моментовъ моей жизни; только благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, я избѣжалъ опасности быть солдатомъ, и можетъ быть закрыть глаза подъ сѣрой шинелью...

Со времени исторіи съ Сачинскимъ прошло два года—два года адской, невыносимой жизни. Новые «порядки» не измѣнялись, желѣзное кольцо завинчивалась все болѣе и болѣе. Чувствуя глубокую ненависть къ ближайшему виновнику всѣхъ нашихъ золъ — Шенроку, я держалъ себя на сторожѣ и всячески старался скрыть свои чувства, но должно быть не такъ легко скрыть то, что волнуетъ и кипятитъ молодую душу. Совершенно устранить себя отъ сношеній съ инспекторомъ студенту нѣтъ возможности; въ обыденной нашей жизни приходилось и мнѣ имѣть съ нимъ дѣло, и вотъ, при этихъ-то встрѣчахъ, вѣроятно, невольно высказывалась моя антипатія къ этому человѣку, что и было имъ замѣчено. Начались придирки къ неисправностямъ въ формѣ одежды и т. п. мелочамъ, но я, зная, что ему хочется вызвать меня на какую нибудь выходку, сталъ еще осторожнѣе: скрѣпя сердце, выслушивалъ задорныя его замѣчанія и всячески старался быть вѣжливымъ. Словомъ сказать, въ карцеръ меня засадить никакъ ему не удавалось.

Наступилъ іюнь мѣсяцъ—время переходныхъ экзаменовъ, пора самая трудная, когда всѣ помыслы, всѣ заботы студента сосредоточиваются на одномъ, чтобы, какъ говорятъ, не провалиться; моментъ этотъ важенъ въ каждомъ учебномъ заведеніи, но еще болѣе онъ былъ важенъ въ нашемъ исключительномъ положеніи, такъ какъ оставшійся на старомъ курсѣ, не только отдалялся отъ цѣли своего образованія, но обрекался еще на лишній годъ испытаній, а кто же могъ ручаться, что онъ вынесетъ Клейнмихелевскую школу?

Экзамены были расположены такимъ образомъ, что на каждый день приходилось по предмету, что при такихъ обширныхъ наукахъ,

каковы анатомія, физіологія, химія, фармація, физика и естественныя науки, было для насъ чрезвычайно неудобно. Краткость времени обрекала насъ на упорно внимательный и усидчивый трудъ, а между тѣмъ несносная іюньская жара и духота парализировали всѣ усилія. Для занятій оставались одни ночи и мы просиживали ихъ на пролетъ. Въ этомъ году анатомія по росписанію была послѣднимъ предметомъ. Это былъ труднѣйшій изъ всѣхъ экзаменовъ, какъ по обширности курса, такъ и по строгой требовательности экзаменатора, профессора И. В. Буяльскаго. Истощенный предшествовавшими экзаменами, въ послѣднюю ночь я не сомкнулъ глазъ и къ утру дошелъ до полнаго изнеможенія. Въ такомъ положеніи я отправился въ анатомическій театръ. Было не болѣе 10 часовъ, но солнце пекло уже сильно; я шелъ въ растегнутомъ сюртукѣ, весь сосредоточившись на предстоявшемъ экзаменѣ, какъ вдругъ, шагахъ во ста отъ анатомическаго театра, сталкиваюсь съ Измаильскимъ. Само собою разумѣется, что мой растегнутый сюртукъ прежде всего привлекъ его вниманіе и онъ, по обыкновенію, самымъ грубымъ тономъ началъ дѣлать свои замѣчанія, говоря, что форма не халатъ, что порядочные люди по улицамъ на распашку не ходятъ и т. п. Я отвѣчалъ ему, что самъ знаю, что растегнуть, и что застегнуться успѣю и при входѣ въ анатомическій театръ, и, повернувшись отъ него, пошелъ дальше. Измаильскій вслѣдъ мнѣ закричалъ, что онъ доложитъ обо мнѣ инспектору, но я, не обращая на него вниманія, продолжалъ идти.

Экзамены кончились благополучно. Желая взглянуть на полученные мною баллы, чтобы судить объ общемъ результатѣ, я отправился въ правленіе, гдѣ секретаремъ тогда былъ нѣкто Симановичъ—человѣкъ весьма любезный, добрый и всегда готовый къ услугамъ студентовъ; отъ него узналъ я, что ни въ одномъ предметѣ менѣе четырехъ («очень хорошо») отмѣтокъ у меня не было. Удостовѣрясь такимъ образомъ, что къ переходу моему въ слѣдующій курсъ препятствій не было, я тутъ же, не выходя изъ правленія, подалъ прошеніе объ увольненіи меня въ отпускъ на вакаціонное время. Я былъ намѣренъ ѣхать въ Финляндію, верстъ за 150, куда приглашалъ меня одинъ изъ моихъ знакомыхъ, чтобы подготовить сыновей его въ латинскомъ языкѣ для поступленія въ гимназію. Секретарь сказалъ мнѣ, что отпускъ будетъ готовъ на другой же день и что я могу получить его отъ дежурнаго субъинспектора. Уладивъ это дѣло, я тотчасъ же отправился пріискать себѣ ямщика. Не помню, сколько онъ взялъ съ меня, но хорошо помню, что за вычетомъ условленной платы, въ карманѣ моемъ на всѣ путевыя издержки оставалось съ небольшимъ 3 руб. асс., по теперешнему рубль серебромъ.

Ямщикъ обѣщалъ пріѣхать на другой день, часовъ въ 10, но вмѣсто того явился въ 5 часовъ утра и притомъ порядочно-таки

выпивши. Онъ шумно и настойчиво требовалъ, чтобы я ѣхалъ тотчасъ же, чего я, конечно, сдѣлать не могъ: безъ вида меня не пропустили бы на заставѣ, идти же въ правленіе или къ дежурному субъинспектору было еще рано, отпустить ямщика тоже нельзя было—задатокъ былъ отданъ, лишнихъ денегъ не было, а расходившійся возница стоялъ на одномъ: «ѣхать, такъ ѣхать сейчасъ». Что тутъ было дѣлать? Мнѣ пришла счастливая мысль напоить его еще больше, какъ говорится, до положенія ризъ; мужикъ завалится спать, а время пройдетъ. Я такъ и сдѣлалъ: истощая и безъ того уже скудную мою кассу, послалъ за полштофомъ водки и презентовалъ его несговорчивому ворчуну. Продѣлка удалась: пока ямщикъ благодушествовалъ съ знакомой ему посудиной, а потомъ предался блаженному храму, я спокойно выждалъ до 9 часовъ и отправился получить отпускъ. Въ правленіи узналъ я, что дежурнымъ въ тотъ день былъ Измаильскій, что произвело на меня пренепріятное впечатлѣніе, такъ какъ ни видѣть его, ни говорить съ нимъ, особенно послѣ послѣдней моей встрѣчи съ нимъ на улицѣ, мнѣ не хотѣлось, однако-же пошелъ къ нему на квартиру, которую онъ занималъ тутъ же, неподалеку, въ казенномъ флигелѣ. Войдя къ нему, я увидѣлъ его черезъ двѣ комнаты, двери которыхъ были отворены настежь; онъ былъ еще въ халатѣ и курилъ трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ. Замѣтивъ меня, онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ о причинѣ прихода. Я назвалъ свою фамилію и сказалъ, что пришелъ получить свидѣтельство объ отпускѣ. Проговоривъ «сейчасъ», онъ вышелъ въ другую комнату, порылся тамъ въ бумагахъ и вынесъ свидѣтельство, но лишь только я протянулъ руку, чтобы взять его, какъ Измаильскій, какъ бы подумавъ о чемъ-то, положилъ бумагу на столъ и, подойдя ко мнѣ еще ближе, сказалъ: «ты пьянъ»...

Не взвидѣлъ я свѣта! булатъ загремѣлъ...

Проще сказать, не думая ни секунды, я отмахнулъ ему такую пощечину, что онъ мигомъ полетѣлъ подъ столъ. Наглецъ не успѣлъ еще опомниться отъ моего отвѣта, какъ я взялъ со стола свое свидѣтельство и поспѣшно вышелъ изъ его квартиры. Прійдя домой, я растолкалъ разоспавшагося ямщика и мы поѣхали.

Вотъ эту-то минуту, когда я поднялъ руку на негодяя, когда я унизился до грубой расправы съ нимъ, я и считаю самой горькой минутой въ моей жизни. Но что дѣлать—я былъ молодъ, пылокъ и озлобленъ всѣмъ, что у насъ продѣлывалось въ академіи.

Изъ Финляндіи я вернулся наканунѣ 1-го сентября и былъ встрѣченъ такой новостью, какой никакъ не ожидалъ. Товарищи мнѣ передали, что я по какому-то случаю оставленъ на прежнемъ курсѣ. Я вѣрить не хотѣлъ, чтобы это могло случиться, ибо очень хорошо зналъ результатъ моихъ экзаменовъ: полученныя отмѣтки давали мнѣ полное право поступить на старшій курсъ. Встрево-

женный этой вѣстью, я поспѣшилъ въ правленіе и тутъ нашелъ разгадку: балы экзаменаторовъ оставались тѣ же, но инспекторъ дурно аттестовалъ мое поведеніе. По остроумному уставу академіи, студентъ, неудостоившійся хорошей отмѣтки за поведеніе, обреченъ былъ оставаться на прежнемъ курсѣ и слушать тѣ же предметы, которые уже слушалъ, какъ будто эта мѣра могла имѣть какое нибудь вліяніе на исправленіе поведенія, а не повести къ противному—къ затаенному ожесточенію, главнѣйшей причинѣ такъ называемаго «дурнаго поведенія». Подобное распоряженіе лучше всего показываетъ степень педагогическихъ соображеній тогдашняго нашего начальства.

О причинѣ дурной аттестаціи моего поведенія догадаться было не трудно. Измаильскому неудобно было жаловаться на меня оффиціально, потому что съ одной стороны непріятное приключеніе съ нимъ произошло безъ свидѣтелей, а съ друго—оглашеніе его могло бы повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ, какъ для него самаго, такъ и для покровительствовавшаго ему родственника.

Какъ бы то ни было, однако же, слухъ оказался вѣрнымъ: меня оставили на прежнемъ курсѣ. Зная характеръ и свойства Шенрока, я могъ разсчитывать, что, оставляя меня еще на годъ въ академіи, онъ готовилъ мнѣ мщеніе впереди, при какомъ нибудь другомъ, болѣе удобнымъ случаѣ, который въ то время найти было не трудно; поэтому надо было подумать, какъ поправить дѣло.

Послѣ долгаго размышленія и посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ старыхъ, наиболѣе уважаемыхъ мною товарищей, я рѣшился подать прошеніе объ увольненіи меня изъ академіи. Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ оно было подано, президентъ нашъ потребовалъ меня къ себѣ. Я нашелъ его въ кабинетѣ, сидящимъ за письменнымъ столомъ; тутъ же стоялъ и Шенрокъ. Вручая мнѣ увольнительное свидѣтельство, Шлегель обратился ко мнѣ, говоря своимъ ломанымъ русско-нѣмецкимъ языкомъ, что хотя инспекторъ и не былъ доволенъ моимъ поведеніемъ, тѣмъ не менѣе онъ, не желая мнѣ вредить, увольняетъ меня съ аттестатомъ, во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ. Я поблагодарилъ его и взялъ аттестатъ; но такъ какъ мнѣ былъ сдѣланъ упрекъ въ моемъ поведеніи, то я съ своей стороны не хотѣлъ оставить его безъ возраженія. «Не знаю ваше превосходительство, сказалъ я, почему г. инспектору угодно было дурно аттестовать меня, развѣ потому только, что я не принадлежу къ его роднѣ и не совершалъ преступленій въ родѣ тѣхъ, за которыя г. С*** просидѣлъ 8 мѣсяцевъ въ карцерѣ, что однакоже нисколько не помѣшало г. инспектору поставить этому, особенно любимому имъ родственнику, отличную отмѣтку за поведеніе».

Надо сказать, что этотъ С***, близкій родственникъ Шенрока и по его же протекціи опредѣленный въ число казеннокоштныхъ

студентовъ, былъ малый весьма сомнительныхъ правилъ нравственности: гуляка и картежникъ, онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ и дошелъ наконецъ до того, что сталъ мѣдныя деньги натирать ртутью и расплачиваться ими съ извощиками, получая съ нихъ сдачу настоящей монетой. Какъ это дошло до начальства — незнаю; но С*** за мошенничество не только не былъ исключенъ изъ академіи, но, высидѣвъ 8 мѣсяцевъ въ карцерѣ, аттестовался потомъ въ поведеніи всегда одобрительно. Я не имѣлъ никакого повода щадить ни С***, ни его родственника, а потому, говоря съ Шлегелемъ, не затруднился выставить на показъ этому слабодушному человѣку безпристрастіе его помощника.

При напоминаніи моемъ о С*** лицо Шенрока покрылось густой краской, но не стыда, а злости. Онъ молчалъ, молчалъ и Шлегель, да и что же можно было отвѣчать мнѣ? О позорномъ поступкѣ С*** было извѣстно всѣмъ не только въ академіи, но едва ли не каждому жителю Выборской стороны.. Я раскланялся и вышелъ.

По возвращеніи домой, я принялся разсматривать выданное мнѣ увольнительное свидѣтельство и, видя, что профессорскія отмѣтки всѣ до одной оставались въ прежнемъ видѣ, а поведеніе аттестовалось «хорошимъ», простодушно успокоился и радовался только тому, что развязался наконецъ съ людьми, которые, казалось, поставили себѣ задачей быть не руководителями юношества, а какими-то палачами. Въ простодушіи своемъ я и не подозрѣвалъ какой сюрпризъ приготовили мнѣ эти люди, увольняя изъ академіи.

За уроки мои въ Финляндіи я получилъ 100 р. асс., при помощи товарищей успѣлъ достать еще 75 р. и, взявъ мѣсто въ почтовомъ брикѣ, отправился въ Москву.

По прибытіи туда, первой заботой моей было пріискать себѣ квартиру и затѣмъ тотчасъ же подать въ управленіе университета прошеніе о принятіи меня студентомъ на медицинскій факультетъ. Прошеніе было принято и сказано, чтобы я явился черезъ недѣлю. Прихожу черезъ недѣлю и тотъ же чиновникъ, которому я передалъ прошеніе, объявилъ, что меня принять не могутъ.

— Почему же? спросилъ я.

— Въ вашемъ аттестатѣ поведеніе названо «хорошимъ».

— Такъ что же?

— Съ такой аттестаціей принять васъ нельзя.

— Да что же это значитъ? Вѣдь поведеніе названо хорошимъ.

— Это-то и значитъ, что оно нехорошо.

Слушая чиновника, я просто диву дался: хорошо — значитъ нехорошо. Что за чепуха?

— Что же мнѣ дѣлать? обратился я къ нему.

— Ужь, право, не знаю.

— Я поѣду въ Кіевъ, въ Харьковъ...

— Все равно, тоже будетъ. Вотъ, еслибъ поведеніе ваше было признано отличнымъ, тогда другое дѣло; а хорошее поведеніе у насъ во всѣхъ университетахъ принято понимать дурнымъ.

Теперь только я понялъ продѣлку Шенрока, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣла моя аттестація. Ему мало было того, что по его милости я прерывалъ свое образованіе, ему хотѣлось меня вовсе лишить его — иначе я не могъ понять поступка его со мною, да и теперь не могу. Мысль, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною въ академіи, пропали даромъ и что, не окончивъ курса, я ставлю себя въ неопредѣленное положеніе, что вся будущность моя гибнетъ, привела меня въ страшное волненіе и я почти съ отчаяніемъ сказалъ чиновнику: «Да дайте же мнѣ, ради Бога, совѣтъ— что мнѣ дѣлать»?

— Развѣ вотъ что—попробуйде сходить къ попечителю; по четвергамъ графъ принимаетъ всѣхъ, просите его.

— А если и онъ мнѣ тоже скажетъ, если и онъ того же мнѣнія, какъ всѣ университетскія начальства?

— О нѣтъ, графъ прекраснѣйшій человѣкъ и справедливый; вы можете говорить съ нимъ откровенно, онъ это любитъ...

Я поблагодарилъ чиновника и рѣшился сдѣлать попытку.

Въ первый же четвергъ, полный тревоги и самыхъ отчаянныхъ опасеній за свое будущее, явился я къ графу С. Г. Строганову. Меня провели къ нему въ кабинетъ. Передо мной былъ человѣкъ съ блѣднымъ, строгимъ лицомъ, въ правильныхъ чертахъ котораго отражались умъ, благородство и какое то спокойствіе твердаго, рѣшительнаго характера. Онъ сидѣлъ съ протянутою на стулъ перевязанною ногой, которую, какъ я узналъ послѣ, онъ незадолго передъ тѣмъ сломалъ. Подавъ ему прошеніе и аттестатъ, я робко прибавилъ, что мнѣ въ пріемѣ отказали и что я пришелъ просить его о снисхожденіи.

Графъ посмотрѣлъ мой аттестатъ и сказалъ: «Странно, господа: вы думаете, что если вы не годитесь въ какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи, такъ все-таки годны для московскаго университета—какое же вы составили о немъ понятіе»?

Хотя у меня и въ помышленіи не было ничего подобнаго, о чемъ говорилъ графъ, однакоже, узнавъ уже, что такое по университетскому словарю значило «хорошее» поведеніе, я затруднился сказать что либо въ опроверженіе такого предположенія и молчалъ, думая только объ одномъ: что будетъ со мною и куда я дѣнусь, если и онъ откажетъ мнѣ въ пріемѣ. Въ эти критическія минуты моего молчанія и размышленія графъ не спускалъ съ меня глазъ, смотря упорно и пытливо на мое смущенное лице и наконецъ спросилъ: «Какія у васъ тамъ были исторіи, за что вамъ дали такой аттестатъ»?

Не съ разу отвѣтилъ я. Что же я буду разсказывать, думалъ я про себя; лгать я не хочу, да и не могу, а сказать правду—значить окончательно погубить себя. Я молчалъ.

«Вотъ видите ли, сказалъ графъ необыкновенно спокойнымъ и мягкимъ тономъ,—вы пришли ко мнѣ и просите о снисхожденіи, значитъ вы вѣрите тому, что я могу помочь вамъ, и все-таки не хотите быть откровеннымъ».

Этотъ ласковый, задушевный тонъ, проникавшій прямо въ душу, котораго со времени моего студенчества мнѣ ни разу не приходилось еще слышать изъ устъ начальства, успокоительно подѣйствовалъ на меня; я ободрился и сказалъ: «Я хотѣлъ бы, ваше сіятельство, быть съ вами откровеннымъ, но опасаюсь, что откровенность эта внушитъ вамъ обо мнѣ невыгодное мнѣніе, впрочемъ, если вамъ угодно, я разскажу».

— Да, я хочу этого — говорите.

Тутъ я коротко, но не пропустивъ ни одного важнаго обстоятельства, разсказалъ то, что со мной было.

Графъ слушалъ, ни однимъ вопросомъ не прерывая меня, а когда я кончилъ, то также молча взялъ со стола карандашъ и поперекъ моего прошенія написалъ: «принять». Передавая мнѣ бумагу, онъ сказалъ: «Надѣюсь, что московскій университетъ не дастъ вамъ повода къ такимъ поступкамъ; но надѣюсь также, что и вы будете остерегаться отъ повторенія случившагося съ вами».

Разсказъ мой конченъ.

Сорокъ лѣтъ отдѣляютъ меня отъ того дня, когда великодушная помощь графа Сергія Григорьевича Строганова отвела меня отъ края бездны, надъ которой я стоялъ, готовый низринуться и погибнуть; но еслибъ мнѣ суждено было прожить и еще столько же, то и тогда благоговѣйная признательность къ памяти этого благороднѣйшаго человѣка не изсякла бы изъ моего переполненнаго благодарностью сердца.

N. N.

ПИСЬМА ПУШКИНА КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ [1].

(1826—1836 г.).

Въ ЛИТЕРАТУРНОЙ перепискѣ поэта Языкова, переданной мнѣ въ Симбирскѣ осенью 1882 года, нашлось всего только шесть писемъ Пушкина. Одно изъ нихъ было напечатано цѣликомъ въ «Матеріалахъ» П. В. Анненкова (стр. 174), и вошло въ VII-й томъ сочиненій Пушкина [2]), съ невѣрной переправкой числа; изъ трехъ сдѣланы извлеченія (см. изд. Пушкина 1882 г., т. II и VII); два — не были напечатаны. Привожу ихъ, нигдѣ не измѣняя орфографіи поэта.

---

[1]) Печатаемыя здѣсь «Письма Пушкина къ Языкову» сообщены намъ покойнымъ Дмитріемъ Николаевичемъ Садовниковымъ, статья котораго «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ» была помѣщена въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года. Ранняя кончина этого даровитаго и симпатичнаго писателя (онъ умеръ 19-го декабря 1883 года, на тридцать седьмомъ году жизни) составляетъ прискорбную утрату для русской литературы, особенно въ настоящее время, столь скудное на молодыя дарованія.

Д. Н. Садовниковъ собирался писать біографію поэта Н. М. Языкова, для которой уже собралъ всѣ необходимыя матеріалы и которую намѣревался помѣстить въ нашемъ журналѣ. Для этой біографіи мы даже заказали портретъ Языкова, прилагаемый къ настоящей книжкѣ, но увы! безъ біографіи.

Несчастливится Языкову! Его біографію хотѣлъ писать Ѳ. В. Чижовъ; но едва приступилъ къ работѣ, какъ смерть прервала ее въ самомъ началѣ. Та же участь постигла теперь и Д. Н. Садовникова. Ред.

[2]) Московское изданіе, 1882 года.

I.

Милый Николай Михайловичъ—сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское—спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишите много лучшаго—Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія [1])! Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ мой цензоръ, выгода конечно необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О ценз. уставѣ рѣчь впереди. Обнимаю Васъ и Вульфа.

Получили-ли Вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ — пришлите мнѣ ихъ, да къ стати и первое посланіе [2]).

О Москвѣ напишу Вамъ много.

(Писано на осьмушкѣ листа простой бумаги, сложенной втрое. Подписи нѣтъ; число не выставлено. Въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (VII) помѣчено г. Ефремовымъ: «Изъ Михайловскаго, 9-го ноября 1826 г.».

II.

Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода — Вамъ достойному пѣвцу того и другова — Пишу однакожъ изъ Москвы — куда вчера привезъ я Ваше Тригорское [3]). Вы знаете по газетамъ что я участвую въ «Моск. вѣстникѣ», слѣдственно и вы также—Адресуйте-же ваши стихи въ Москву на Молчановку въ домъ Ренкевичевой, оттуда передамъ ихъ во

---

[1]) Можетъ быть, Пушкинъ говоритъ о своемъ первомъ посланіи къ Языкову (т. II, стр. 158). Въ шеститомномъ изданіи Пушкина 1880 года, гдѣ оно помѣщено, г. Ефремовъ, опираясь на опровергнутую имъ позже помѣту (21-го ноября) подъ однимъ письмомъ Пушкина, относитъ стихотвореніе: «Языковъ, кто тебѣ внушилъ» и т. д., къ тому времени, когда поэтъ привезъ въ Москву «Тригорское» и предполагаетъ, что первое посланіе Пушкина было отвѣтомъ на эти стихи Языкова. Это не вѣрно: «Тригорское» посвящено П. А. Осиповой, а Пушкину есть особое посланіе, начинающееся словами: «О ты, чья дружба мнѣ дороже» и написанное 16-го августа 1826 года, какъ значится въ альбомѣ Н. Мих. Языкова, гдѣ оно записано его рукой. Посланіе Языкова не вошло въ собраніе его стихотвореній и напечатано позже, въ «Рус. Арх.» за 1867 г. (статья М. И. Семевскаго).

[2]) Вторая половина записки, начинающаяся со слова «Царь», у г. Анненкова не приведена.

[3]) Въ VII томѣ Пушкина (моск. изданіе 1882 г.) г. Ефремовъ утверждаетъ, что Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву 20-го декабря 1826 года. Намъ остается вѣрить самому поэту и числу, выставленному имъ въ концѣ этого письма, что и сдѣлалъ г. Анненковъ. Въ противномъ случаѣ придется два раза поправлять самого Пушкина.

храмъ безсмертія — Непремѣнно будьте-же нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется—

Я усталъ и боленъ — потому Вамъ и не пишу болѣе — Вульфу кланяюсь обѣщая мое высокое покровительство—

21-го ноября [1])

Тригорское ваше съ вашего позволенія, напечатано будетъ во-2-мъ № «Моск. Вѣстн. — Рады-ли вы журналу? Пора задушитьАльманахи — Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ Телеграфу — жаль, но чтожъ дѣлать —

(Писано на четвертушкѣ простой бумаги, сложенной вчетверо).

III.

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ нѣмецкій градъ тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты
Тобой воспѣтое вино—
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ—
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня
И на Невѣ хоть нѣтъ охоты
Окованнымъ [2]) остался я—
Ахъ [3]) юность, юность удалая!
Могулъ тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало утопая,
Заимодавцевъ избѣгая [4]),
Готовъ я всюду былъ летѣть [5]);
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ
И тяжесть денегъ и годовъ,
Остепенившись, проклинаю [6])—

---

[1]) 1826 года.

[2]) Въ печати (см. т. II, соч. Пуш., стр. 168, изд. 1880 г.) стоитъ: «Прикованнымъ».

[3]) Въ печати: «О юность» и т. д.

[4]) Въ печати: «Убѣгая».

[5]) Въ печати эта строка имѣетъ другую конструкцію: «Готовъ былъ всюду я летѣть».

[6]) Въ печати: «Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
Остепенившись проклинаю
Я тяжесть денегъ и годовъ».

Прости, Пѣвецъ! играй, пируй,
Съ Кипридомъ, Фебомъ торжествуй
Не знай ни скуки, ни жеманства [1]),
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ
По праву русскаго дворянства.

Стиховъ, ради бога стиховъ! Душа проситъ—Простите, желалъ бы сказать до свиданія [2]).

14 (і)юня [3]).
С. П. Б.

(Писано на листѣ почтовой бумаги того времени. Первая и вторая страницы исписаны, третья — бѣлая, а на послѣдней адресъ: Н. М. Языкову — въ Дерптъ. Годъ (1827) не помѣченъ. Письмо шло не по почтѣ, на немъ нѣтъ штемпеля. Оно сложено, какъ записка, и запечатано сквозь бумагу, должно быть перстнемъ. Сургучъ темный).

IV [4]).

Сердечно благодарю Васъ, любезный Николай Михайловичъ, Васъ и Кирѣевскаго за дружескія письма и за прекрасныя стихи, если бы къ тому присовокупили вы еще свои адресы, то я былъ бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Европейца. Готовъ съ моей стороны служить Вамъ чѣмъ угодно прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его; надняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ) Жуковскій пріѣхалъ; извѣстія имъ привезенныя очень утѣшительны; тысяча пробитая Вами очень поправитъ домашнія обстоятельства нашей бѣдной Литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ по прежнему прекрасны — Торопите Вяз. пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигѣ.—А вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто же? друзья его! ей богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и тряхнулъ стариною.

---

[1]) Въ печати: «Не знай сіятельнаго чванства».

[2]) Послѣднихъ двухъ строкъ письма въ изданіи Пушкина нѣтъ.

[3]) П. В. Анненковъ прочелъ: 14-го іюля, но Пушкинъ писалъ букву *л* не такъ.

[4]) Не было напечатано.

Онъ говоритъ

Приближася похода къ знаку
Я сталъ союзникъ Зодіаку;
Холеры не любя пилюль
Я пѣлъ при старости Іюль

и проч. въ томъ-же видѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ все у насъ благополучно.

(Подписи нѣтъ. Писано на четвертушкѣ почтовой бумаги. Рукою Н. М. Языкова подъ письмомъ выставлено число и годъ: «С.п.б. 18 ноября 1831»).

V [1]).

Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи пріѣздомъ Александра Михайловича [2]) который къ сожалѣнію пробылъ у меня нѣсколько часовъ. Блазнитъ онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково [3]), быть свидѣтелемъ его свадьбы обѣщаясь употребить меня съ пользою—но мнѣ не возможно—жена и дѣти...

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили что весьма не худо было бы мнѣ приняться за Альманахъ, или паче за журналъ, я и не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ Вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? Сами видите: Щелкоперы насъ одолѣваютъ. Пора, ей ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На дняхъ отправлюсь въ П. Б.—Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки адресуйте ихъ на Дворцовую Набережную въ домъ Баташева—у Прачечнаго моста.—Ал. Мих. изволитъ спѣшить — и я кончаю письмо мое поручая себя вашей благосклонности.

Вашъ богомолецъ
А. Пушкинъ.

26 сент. [4])
С. Болдино.

Искреннее мое почтеніе и мой поклонъ Петру Михайловичу.

(Писано на листѣ почтовой бумаги съ водяными знаками бумажной фабрики: А. Г. 1834 и ея гербомъ. Сложено очень замысловато. Письмо написано на первой и второй страницѣ. Третья и четвертая служатъ конвертомъ. Адресъ: «Н. М. Языкову», безъ означенія куда. Запечатано краснымъ сургучемъ).

---

[1]) Не было напечатано.
[2]) Братъ Н. М. Языкова.
[3]) Симб. губ., Карс. у., имѣнье Н. М. Языкова.
[4]) 1834 г.

VI.

Отгадайте откуда пишу къ Вамъ, мой любезный Николай Михайловичь? изъ той стороны гдѣ вольныя живали Вы [1]) гдѣ ровно тому десять лѣтъ [2]) пировали мы втроемъ — Вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи, и бокалы съ Еммой, гдѣ теперь вспоминаемъ мы Васъ—и старину. Поклонъ Вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны [3]), нѣкогда полувоздушной дѣвы, нынѣ дебелой жены, въ пятой разъ уже брюхатой, и у которой я въ гостяхъ — Поклонъ Вамъ ото всего и ото всѣхъ Вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью!

Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый Агрономъ, Тверской Ловласъ — по прежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ — Пребываніе мое во Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни какъ царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ Васъ напоминало что я не могъ не написать Вамъ нѣсколько словъ въ ожиданіи что и вы откликнитесь. Вы получите мой Современникъ; желаю чтобъ онъ заслужилъ Ваше одобреніе—Изъ статей Критическихъ моя одна: О Конскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи: вода живая; наши—вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрыснете его вашими кипучими каплями — Посланіе къ Давыдову [4]) — прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ, опять его вымылъ — и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи — Прощайте — пишите мнѣ, да къ стати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его посланіе напечатанное въ Новосельи (помнится) и о которомъ вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите. То есть: Живи и жить давай другимъ. Весь Вашъ Ал.

14 апр.

Пришлите мнѣ ради Бога стихъ объ Алексѣѣ Бож. человѣкѣ и еще какую нибудь легенду — Нужно [5]).

(Писано на листѣ почтовой бумаги. Письмо занимаетъ три страницы. На послѣдней — адресъ: «Николаю Михайловичу Языкову, въ Симбирскую губ., въ село Языково, въ Корсунь». Къ письму приложенъ почтовый штемпель. На немъ читаемъ: вкарсуне получено 7 маія 1836. «Sober» и слѣды короны надъ девизомъ).

Д. Н. Садовниковъ.

---

[1]) Отмѣченное разрядкой не было въ печати.

[2]) Лѣтомъ 1826 года Языковъ гостилъ у Пушкина.

[3]) Сестра Алексѣя Вульфа, вышедшая за барона Вревскаго.

[4]) См. 2-ю часть стихотвореній Н. Языкова, 1858 г., стр. 56. Посланіе было опмѣщено въ «Моск. Наблюд.» за 1835 г.

[5]) То что разрядкой въ P. S. написано курсивомъ въ подлинникѣ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Съ САМЫХЪ малыхъ лѣтъ своихъ и до послѣдующаго времени, постоянно слыша около себя однѣ и тѣ же разговоры о необходимости учиться, дабы потомъ, въ въ извѣстномъ уже возрастѣ, проложить дорогу, сдѣлать себѣ карьеру, я въ тайнѣ не соглашался съ этими доводами, находя ихъ фальшивыми, не естественными, а потому и смотрѣлъ на науку, какъ на какое-то принудительное средство и если учился, то лишь по настоянію. Будучи отъ природы впечатлительнымъ, имѣя живой, рѣзвый характеръ, быстро увлекаясь внѣшними мимолетными предметами, я питалъ особенную страсть къ лошадямъ, къ верховой ѣздѣ, къ собакамъ, любилъ пошалить, поповѣсничать. Не жажда познаній въ то время манила меня сдѣлаться студентомъ, а стремленіе скорѣй выйти на свободу, поступить въ гусарскій полкъ, схватить офицерскій чинъ и корнетомъ фигурировать въ обществѣ. Къ фраку я питалъ презрѣніе, какъ и большая часть молодежи того времени. Дворянскому сословію и въ особенности его нелѣпымъ тогдашнимъ правамъ вполнѣ не сочувствовалъ, между тѣмъ мнѣ необходимо было пріобрѣсти эти права для наслѣдованія родоваго населеннаго имѣнія, на владѣніе которымъ по закону, какъ не дворянинъ, я не имѣлъ права, и таковое по смерти матери моей должно было отойти въ казну.

I.

Въ 1830 году, я поступилъ вольнымъ слушателемъ въ московскій университетъ. Студентомъ я быть не могъ, потому что не выходили еще года—мнѣ было всего только пятнадцать лѣтъ. Но не-

ожиданныя обстоятельства помѣшали мнѣ въ этомъ году посѣщать и слушать лекціи.

Въ первыхъ числахъ сентября, надъ Москвой разразилась губительная холера. Паника была всеобщая. Массы жертвъ гибли мгновенно. Зараза приняла чудовищные размѣры. Университетъ, всѣ учебныя заведенія, присутственныя мѣста, были закрыты, публичныя увеселенія запрещены, торговля остановилась. Москва была оцѣплена строгимъ военнымъ кордономъ и учрежденъ карантинъ. Кто могъ и успѣлъ, бѣжалъ изъ города. Съ болью въ душѣ вспоминаешь теперь тогдашнее грустное и тягостное существованіе наше. Изъ шумной, веселой столицы, Москва внезапно превратилась въ пустынный, безлюдный городъ. Полиція силой вытаскивала изъ лавокъ и лабазовъ арбузы, дыни, ягоды, фрукты, и валила ихъ въ нарочно вырытыя (за городомъ) глубокія, наполненныя известью ямы. Оставшіеся жители заперлись въ своихъ домахъ. Никто безъ крайней необходимости не выходилъ на улицу, избѣгая сообщенія между собой. Это могильное, удручающее безмолвіе московскихъ улицъ по временамъ нарушалось тяжелымъ, глухимъ стукомъ колесъ большихъ четырехмѣстныхъ каретъ, запряженныхъ парою тощихъ лошадей, тянувшихся небольшою рысью по направленію къ одному изъ временно устроенныхъ холерныхъ лазаретовъ. Внутри каретъ или мучился умирающій, или уже лежалъ обезображенный трупъ. На запяткахъ этихъ злополучныхъ экипажей для видимости ставили двухъ полицейскихъ солдатъ-будочниковъ, какъ ихъ тогда называли. Мрачную картину изображали эти движущіеся рыдваны, заставляя робкаго, напуганнаго прохожаго бросаться опрометью въ ворота или калитку перваго попавшагося дома, во избѣжаніе встрѣчи съ этими вмѣстилищами ужасной смерти.

И вотъ, въ эту-то минуту повсемѣстной скорби и унынія, когда упорная зараза нещадно касила свои многочисленныя жертвы, повергая всѣхъ въ безнадежное отчаяніе, когда народъ волновался и можно было опасаться бунта и безпорядковъ, въ виду разнесшихся слуховъ, что никакой холеры нѣтъ, а что будто бы народъ отравляютъ злоумышленники,—неожиданно явился въ Москву императоръ Николай Павловичъ. Выкинутый царскій флагъ на кремлевскомъ дворцѣ мгновенно оповѣстилъ жителей о пріѣздѣ царя. Народъ ободрился. Въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, государь разъѣзжалъ по улицамъ и безстрашно посѣщалъ холерныя больницы, переполненныя страдальцами. Царь утѣшалъ и успокоивалъ. Твердый, внушающій довѣріе взглядъ государя, ободряющія слова, смѣлость передъ опасностью, имѣли неотразимое обаяніе и благотворно дѣйствовали на толпу. Съ непокрытыми головами, въ благоговѣніи, стоялъ народъ передъ своимъ царемъ. Онъ слушалъ его, вѣрилъ ему.

Къ веснѣ 1831 года, бѣдствіе столицы прекратилось. Всѣмъ памятная по своему ужасающему истребленію страшная эпидемія эта, называемая первой холерой, совершенно ослабѣла. Москва просіяла. Жизнь потекла обычнымъ своимъ путемъ. Хотя въ январѣ мѣсяцѣ университетъ и былъ открытъ, но лекціи какъ самими профессорами, такъ и студентами, посѣщались неаккуратно, надлежащій порядокъ еще не былъ возстановленъ, поэтому и злополучный годъ этотъ имъ не зачелся,—всѣ студенты остались на прежнихъ своихъ курсахъ.

Подъ конецъ лѣта, передъ самымъ началомъ вступительныхъ экзаменовъ, ко мнѣ пригласили на домъ ординарнаго профессора московскаго университета Ивашковскаго, постоянно назначавшагося экзаменаторомъ греческаго языка, въ которомъ я былъ очень слабъ, и страшился его болѣе всего. Профессоръ, давъ нѣсколько уроковъ, заранѣе предупредилъ меня о томъ, что̀ будетъ спрашивать на экзаменѣ, и указалъ то мѣсто въ греческой христоматіи, которое я долженъ былъ вызубрить. Мнѣ дали множество рекомендательныхъ писемъ почти ко всѣмъ профессорамъ экзаменаторамъ и даже къ самому почтенному ректору университета, престарѣлому Двигубскому. Всѣ эти письма были отъ болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, которымъ профессора въ свою очередь желали угодить. Случай съ однимъ изъ таковыхъ писемъ остался особенно у меня въ памяти.

Двоюродная сестра моей матери, Ольга Антоновна Языкова, дала мнѣ письмо къ своему другу, тогдашнему вельможѣ-писателю, Ивану Ивановичу Дмитріеву, проживавшему у Спиридонья, въ собственномъ домѣ, впослѣдствіе времени перешедшемъ во владѣніе писателя С. Т. Аксакова. Меня заранѣе предупредили, что Иванъ Ивановичъ человѣкъ ученый, очень умный, строгій и даже капризный, и что надобно стараться непремѣнно ему понравиться, такъ какъ онъ можетъ сдѣлать очень многое. Ужъ одно это предостереженіе пугало меня и заранѣе дѣлало боязливымъ.

Съ трудно скрываемой робостью переступилъ я порогъ дома этаго ученаго магната. Меня впустили въ пріемную комнату и обо мнѣ доложили. Выходитъ высокаго роста мущина съ густыми сѣдыми волосами на головѣ, черными большими косыми глазами; борода, усы, бакенбарды тщательно выбриты, въ черномъ сюртукѣ изысканнаго покроя. Прочитавъ поданное ему мною письмо и сурово и апатично оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, онъ сказалъ:

— Хорошо, я скажу, кому слѣдуетъ, чтобы вамъ по возможности облегчили доступъ въ студенты. Сожалѣю, что вы поступаете въ университетъ не для научной цѣли, а единственно для того, чтобы получить дипломъ — этотъ пергаментъ, дающій извѣстныя, исключительныя права. А есть бѣдные молодые люди, пришедшіе пѣшкомъ сюда изъ Воронежской губерніи въ худыхъ сапогахъ,

отлично подготовленные. Эти труженики пришли учиться и учиться серьезно. Вотъ этимъ то людямъ я вполнѣ сочувствую.

Сказавъ это, онъ поклонился и ушелъ.

Недовольный и сконфуженный отправился я домой. Всю дорогу ледяныя слова Дмитріева гудѣли у меня въ ушахъ.

II.

Меня экзаменовали болѣе, нежели легко. Сами профессора въ полголоса подсказывали отвѣты на заданнные вопросы. Отвѣты по билетамъ тогда еще не были введены. Я былъ принятъ въ студенты по словесному факультету. Съ восторгомъ поздравляли меня родные, мечтали о будущей карьерѣ, строили различные воздушные замки. Я былъ тоже доволенъ судьбой своей. Новая обстановка, будущіе товарищи, положеніе въ обществѣ — все это поощряло, тянуло къ университетскому зданію, возбуждало чувство собственнаго достоинства.

Всѣхъ слушателей на первомъ курсѣ словеснаго факультета было около стопятидесяти человѣкъ. Молодость скоро сближается. Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль мы сдѣлались своими людьми, болѣе или менѣе другъ съ другомъ сошлись, а нѣкоторые даже и подружились, смотря по роду состоянія, средствамъ къ жизни, взглядамъ на вещи. Выдѣлялись между нами и люди, горячо принявшіеся за науку: Станкевичь, Строевъ, Красовъ, Компанейщиковъ, Плетневъ, Ефремовъ, Лермонтовъ. Оказались и такіе, какъ и я самъ, то есть, мечтавшіе какъ нибудь три года промаячить въ стѣнахъ университетскихъ и затѣмъ, схвативъ степень дѣйствительнаго студента, броситься въ омутъ жизни.

Студентъ Лермонтовъ, въ которомъ тогда никто изъ насъ не могъ предвидѣть будущаго замѣчательнаго поэта, имѣлъ тяжелый, несходчивый характеръ, держалъ себя совершенно отдѣльно отъ всѣхъ своихъ товарищей, за что въ свою очередь и ему платили тѣмъ же. Его не любили, отдалялись отъ него и, не имѣя съ нимъ ничего общаго, не обращали на него никакого вниманія.

Онъ даже и садился постоянно на одномъ мѣстѣ, отдѣльно отъ другихъ, въ углу аудиторіи, у окна, облокотясь, по обыкновенію, на одинъ локоть и углубясь въ чтеніе принесенной книги, не слушалъ профессорскихъ лекцій. Это бросалось всѣмъ въ глаза. Шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ преподаванія, не производилъ никакого на него дѣйствія. Роста онъ былъ не большаго, сложенъ некрасиво, лицомъ смуглъ; темные его волосы были приглажены на головѣ, темнокаріе большіе глаза пронзительно впивались въ человѣка. Вся фигура этого студента внушала какое-то безотчетное къ себѣ нерасположеніе.

Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Мы не могли оставаться спокойными зрителями такого изолированнаго положенія его среди насъ. Многіе обижались, другимъ стало это надоѣдать, а нѣкоторые даже и волновались. Каждый хотѣлъ его разгадать, узнать затаенныя его мысли, заставить его высказаться.

Какъ-то разъ, нѣсколько товарищей обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ и тѣмъ вызвать его на какое нибудь сообщеніе.

— Вы подойдите къ Лермонтову и спросите его какую онъ читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ напряженнымъ вниманіемъ. Это предлогъ для начатія разговора самый основательный.

Не долго думая, я отправился.

— Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія очень интересную, судя потому, какъ углубились вы въ нее; нельзя ли подѣлиться ею и съ нами? обратился я къ нему не безъ нѣкотораго волненія.

Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи, сверкнули глаза его. Трудно было выдержать этотъ непривѣтливый, насквозь пронизывающій взглядъ.

— Для чего вамъ хочется это знать? Будетъ безполезно, если я удовлетворю ваше любопытство. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать; вы тутъ ничего не поймете, если бы я даже и рѣшился сообщить вамъ содержаніе ея, — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко и принялъ прежнюю свою позу, продолжая читать.

Какъ будто ужаленный, отскочилъ я отъ него, успѣвъ лишь мелькомъ заглянуть въ его книгу, — она была англійская.

Передъ рождественскими праздниками профессора дѣлали репетиціи, то есть, провѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе, и согласно отвѣтамъ ставили балы, которые брались въ соображеніе потомъ и на публичномъ экзаменѣ.

Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ Лермонтову какой-то вопросъ.

Лермонтовъ началъ бойко и съ увѣренностью отвѣчать. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ; я желалъ бы, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ? Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ, того, что я сейчасъ говорилъ, вы намъ не читали и не могли передавать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь источниками изъ своей собственной библіотеки, снабженной всѣмъ современнымъ.

Мы всѣ переглянулись.

Подобный отвѣтъ данъ былъ и адъюнктъ-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику.

Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и постарались срѣзать Лермонтова на публичныхъ экзаменахъ.

Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собой оживленныя сужденія о современныхъ интересныхъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ. Лермонтовъ иногда отрывался отъ своего чтенія, взглядывалъ на ораторствующаго, но какъ взглядывалъ! Говорившій невольно конфузился, умалялъ свой экстазъ или совсѣмъ умолкалъ. Ядовитость во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожаленія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ.

Лермонтовъ любилъ посѣщать каждый вторникъ тогдашнее великолѣпное московское благородное собраніе, блестящіе балы котораго были очаровательны. Онъ всегда былъ изысканно одѣтъ, а при встрѣчѣ съ нами дѣлалъ видъ, будто насъ не замѣчаетъ. Непохоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ университетѣ, на одномъ факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ. Онъ постоянно окруженъ былъ хорошенькими молодыми дамами высшаго общества, и довольно фамильярно разговаривалъ и прохаживался по заламъ съ почтенными и вліятельными лицами. Танцующимъ мы его никогда не видали.

Въ то время, о которомъ я говорю, всѣ студенты раздѣлялись на двѣ категоріи: своекоштныхъ и казеннокоштныхъ:

Казеннокоштные студенты помѣщались въ самомъ зданіи университета, въ особо отведенныхъ для нихъ нумерахъ, по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ, и были на полномъ казенномъ содержаніи, начиная съ пищи, одежды и кончая всѣми необходимыми учебными пособіями. Взамѣнъ этого, по окончаніи курса наукъ, они обязаны были отслужить правительству извѣстное число лѣтъ въ мѣстахъ имъ назначенныхъ, большею частью отдаленныхъ. Студенты юридическаго факультета казенными быть не могли. Всѣмъ студентамъ была присвоена форменная одежда, на подобіе военной: однобортный мундиръ съ фалдами темнозеленаго сукна, съ малиновымъ стоячимъ воротникомъ и двумя золотыми петлицами, трехъ-угольная шляпа и гражданская шпага безъ темляка; сюртукъ двухъ бортный, также съ металическими желтыми пуговицами, и фуражка темнозеленая съ малиновымъ околышкомъ. Посѣщать лекціи обязательно было не иначе, какъ въ форменныхъ сюртукахъ. Внѣ университета, также на балахъ и въ театрахъ, дозволялось надѣвать штатское платье. Студенты вообще не любили форменной одежды и, относясь индеферентно къ этой формальности, позволяли себѣ ходить по улицамъ Москвы въ форменномъ студенческомъ сюртукѣ, съ высокимъ штатскимъ цилиндромъ на головѣ.

Администрація тогдашняго университета имѣла нѣкоторую свою особенность:

Попечитель округа, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, богачъ, аристократъ въ полномъ смыслѣ слова, былъ человѣкъ высокообразованный, гуманный, добраго сердца, характера мягкаго. По высокому своему положенію и громаднымъ матеріальнымъ средствамъ, онъ имѣлъ возможность дѣлать много добра, какъ для всего ученаго персонала вообще, такъ и для студентовъ (казеннокоштныхъ) въ особенности. Имя его всѣми студентами произносилось съ благоговѣніемъ и какимъ то особеннымъ, исключительнымъ уваженіемъ. Занимая и другія важныя должности въ государствѣ, онъ не зналъ, какъ бы это слѣдовало, да и не имѣлъ времени усвоить себѣ своей прямой обязанности, какъ попечителя округа, въ отношеніи всего того, что происходило въ ученой іерархіи; поэтому онъ почти всецѣло передалъ власть свою двумъ помощникамъ своимъ, графу Панину и Голохвастову. Эти люди были совершенно противуположныхъ князю качествъ. Какъ одинъ, такъ и другой, необузданные деспоты, видѣли въ каждомъ студентѣ какъ бы своего личнаго врага, считая насъ всѣхъ опасною толпою, какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго общества. Они все добивались что то сломить, искоренить, дать всѣмъ внушительную острастку.

Голохвастовъ былъ язвительнаго, надмѣннаго характера. Онъ злорадствовалъ всякому случайному, незначительному студенческому промаху и, раздувъ его до maximum'а, находилъ для себя особаго рода наслажденіе наложить на него свою кару.

Графъ Панинъ никогда не говорилъ со студентами, какъ съ людьми болѣе или менѣе образованными, что нибудь понимающими. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на какихъ-то мальчишекъ, которыхъ надобно держать непремѣнно въ ежевыхъ рукавицахъ, повелительно кричалъ густымъ басомъ, командовалъ, грозилъ, стращалъ. И обѣимъ этимъ личностямъ была дана полная власть надъ университетомъ. За тѣмъ слѣдовали: инспектора, субъ-инспектора и цѣлый легіонъ университетскихъ солдатъ и сторожей въ синихъ сюртукахъ казеннаго сукна съ малиновыми воротниками (университетская полиція—городовые).

Городская полиція надъ студентами, какъ своекоштными, такъ и казеннокоштными, не имѣла ни какой власти, а также и правъ карать ихъ. Провинившійся студентъ отсылался полиціею къ инспектору студентовъ или въ университетское правленіе. Смотря по роду его проступка, онъ судился или инспекторомъ, или правленіемъ университета.

Инспектора казеннокоштныхъ и своекоштныхъ студентовъ, а равно и помощники ихъ (субъ-инспектора), имѣли въ императорскихъ театрахъ во время представленія казенныя безплатныя

мѣста въ креслахъ, для наблюденія за нравственностью и поведеніемъ студентовъ во время сценическихъ представленій и д ограждениія правъ ихъ отъ произвольныхъ дѣйствій полиціи и др гихъ враждовавшихъ противъ нихъ вѣдомствъ. Студенческій ка церъ замѣнялъ тогда нынѣшнюю полицейскую кутузку, и эта ка для студентовъ была гораздо цѣлесообразнѣе и достойнѣе.

Какъ то однажды, намъ дали знать, что графъ Панинъ неисте ствуетъ въ правленіи университета. Изъ любопытства мы брос лись туда. Даже Лермонтовъ молча потянулся за нами. Мы стали слѣдующую сцену: два казеннокоштные студента сидя одинъ противъ другаго на табуреткахъ, и два университетски солдата совершаютъ надъ ними обрядъ бритья и стрижки. Граф атлетическаго роста, принявъ повелительную позу, грозно кричал

— Вотъ такъ! Стриги еще короче! Подъ гребешокъ! Слышиш А ты! — обращался онъ къ другому — чище брей! Не жалѣй мы мыль его хорошенько!

Потомъ, обратившись къ сидящимъ жертвамъ, гнѣвно сказа

— Если вы у меня въ другой разъ осмѣлитесь только по мать отпускать себѣ бороды, усы и длинные волосы на голо то я васъ прикажу стричь и брить на барабанѣ, въ карцеръ с жать, и затѣмъ въ солдаты отдавать. Вы вѣдь не дьячки! П редайте это тамъ всѣмъ. Ну! Ступайте теперь!

Увидавъ въ эту минуту нашу толпу, онъ закричалъ:

— Вамъ что тутъ нужно? Вамъ тутъ нечего торчать! Зачѣ вы пожаловали сюда? Идите въ свое мѣсто!

Мы опрометью, толкая другъ друга, выбѣжали изъ правлені проклиная Панина.

Иногда, эти ненавистныя намъ личности, Панинъ и Голохвастов являлись въ аудиторію для осмотра, все ли въ порядкѣ. Объ это давалось знать всегда заранѣе. Тогда начиналась бѣготня по кор ридорамъ. Субъ-инспектора, университетскіе солдаты, суетились, а въ аудиторіяхъ водворялась тишина.

Однообразно тянулась жизнь наша въ стѣнахъ университета. Къ девяти часамъ утра мы собирались въ нашу аудиторію слушать монотонныя, безсодержательныя лекціи безцвѣтныхъ профессоровъ нашихъ: Побѣдоносцева, Гастева, Оболенскаго, Геринга, Кубарева, Малова, Василевскаго, протоіерея Ѳерновскаго. Въ два часа пополудни мы расходились по домамъ.

Профессора другихъ факультетовъ и высшихъ курсовъ, какъ Погорѣльскій, Перевощиковъ, Давыдовъ, Павловъ, — были тогдашнія знаменитости, а доктора Лодеръ, Мудровъ, Мухинъ, какъ искуснѣйшіе врачи, пожинали заслуженные лавры по своей части; но мы ихъ не знали, потому что медицинскій факультетъ стоялъ отъ насъ особнякомъ и мы не имѣли съ нимъ ничего общаго.

Въ старое доброе время любили повеселиться. Процвѣтали все-

возможныя удовольствія: балы, собранья, маскарады, театры, цирки, званые обѣды и радушный пріемъ во всякое время въ каждомъ домѣ. Многіе изъ насъ усердно посѣщали всѣ эти одуряющія собранія и различные кружки общества, забывая и лекціи, и премудрыхъ профессоровъ нашихъ. Наступило лѣто, а съ нимъ вмѣстѣ и роковые публичные экзамены, на которыхъ слѣдовало дать отчетъ въ познаніяхъ своихъ.

Разсѣянная свѣтская жизнь впродолженіе года не осталась безслѣдною. Многіе изъ насъ не были подготовлены для сдачи экзаменовъ. Нравственное и догматическое богословіе, а также греческій и латинскій языки, подкосили насъ. Панинъ и Голохвастовъ, присутствуя на экзаменахъ, злорадствовали нашей неудачѣ. Послѣдствіемъ этаго было то, что насъ оставили на первомъ курсѣ на другой годъ; въ этомъ числѣ былъ и студентъ Лермонтовъ.

Самолюбіе Лермонтова было уязвлено. Съ негодованіемъ покинулъ онъ московскій университетъ навсегда, отзываясь о профессорахъ, какъ о людяхъ отсталыхъ, глупыхъ, бездарныхъ, устарѣлыхъ, какъ равно и о тогдашней университетской нелѣпой администраціи. Впослѣдствіи мы узнали, что онъ, какъ человѣкъ богатый, поступилъ на службу юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Послѣ неудачи меня постигшей, не желая оставаться въ университетѣ, я также подалъ прошеніе объ увольненіи меня. Два года продолжалась прежняя веселая жизнь. Наконецъ я образумился. Надобно же было на что нибудь рѣшиться. Такъ продолжать было нельзя. Да и родные стали коситься. Я рѣшился отправиться въ Казань и поступить въ тамошній университетъ, куда мнѣ дали нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ вліятельнымъ лицамъ и въ томъ числѣ къ декану юридическаго факультета, ординарному профессору Петру Сергѣевичу Сергѣеву.

III.

По пріѣздѣ въ Казань, я представился и вручилъ рекомендательныя письма изъ Москвы разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, а также и профессору Сергѣеву, по ходатайству котораго я былъ принятъ въ число студентовъ казанскаго университета безъ экзамена на первый курсъ юридическаго факультета, гдѣ не читались ни греческій, ни латинскій языки.

Казанскій университетъ того времени далеко былъ не похожъ на московскій. Здѣсь все являлось въ миніатюрномъ видѣ, сравнительно съ обширными и громадными постройками московскаго университета, въ которомъ уже тогда насчитывалось болѣе тысячи слушателей, тогда какъ въ казанскомъ всего было около трехсотъ. Въ

то время состоялось уже высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ студен
имперіи обязательно носили присвоенную имъ форменную одеж
какъ во время пребыванія своего въ университетѣ, такъ и внѣ е
съ окончательнымъ воспрещеніемъ одѣваться въ штатское пла
какъ казеннымъ, такъ и своекоштнымъ студентамъ. Форма одеж
была измѣнена: вмѣсто малиновыхъ воротниковъ, даны были си
лосиніе съ золотымъ приборомъ для студентовъ двухъ столичны
университетовъ и серебрянымъ для студентовъ губернскихъ ун
верситетовъ. Познакомившись съ студентами, я убѣдился, что
здѣсь, какъ въ Москвѣ, надъ ними тяготѣла какая-то давящая си
и угнетающая власть. Въ Казани не полагалось помощниковъ п
печителя учебнаго округа, все было въ тискахъ самаго попечите
Михаила Николаевича Мусинъ-Пушкина. Студенты предупреди
меня, между прочимъ, что онъ имѣлъ слабость требовать, чтоб
какъ можно чаще его титуловали: «ваше превосходительство», ч
слабость эта доходила даже до смѣшнаго. Они рекомендовали е
какъ человѣка, позволявшаго себѣ вмѣшиваться не въ свои дѣл
которыхъ онъ не понималъ, какъ вспыльчиваго, взбалмошнаго,
имѣвшаго терпѣнья когда либо кого нибудь выслушать, находи
въ немъ много солдатскаго. Онъ иначе не относился къ студент
какъ говоря «ты» и слѣдя, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы в
пуговицы и крючки на воротникахъ были постоянно застегнут
къ чему студенты давно уже привыкли, мало впрочемъ обраща
вниманія на это нелѣпое требованіе.

Дня черезъ три, послѣ начала посѣщенія мною лекцій, во врем
чтенія адъюнктъ-профессоромъ Фогелемъ «Теоріи правъ», двер
съ шумомъ растворилась и вошелъ Мусинъ-Пушкинъ. Студент
засуетились, стали на-скоро застегиваться, мгновенно встали с
своихъ мѣстъ, низко поклонились и, стоя, ожидали приказанія са
диться.

Попечитель громко произнесъ:

— Садитесь.

Всѣ опустились на свои мѣста.

Мусинъ-Пушкинъ кивнулъ профессору:

— Продолжайте.

Профессоръ, сконфуженный, растерявшійся, не зная хорошо рус
скаго языка, продолжалъ читать, запинаясь.

— Какъ твоя фамилія? обратился вдругъ попечитель ко мнѣ
лорнируя меня прямо въ глаза.

Я сказалъ свою фамилію, привставъ съ своего мѣста, но за
былъ прибавить: «ваше превосходительство».

— Я не помню тебя на пріемныхъ экзаменахъ. Ты не былъ
тамъ? Откуда ты? спросилъ онъ меня грубо.

— Я перешелъ сюда изъ московскаго университета, отвѣтилъ
я ему.

— Когда ты здѣсь держалъ экзаменъ? продолжалъ онъ.

— Я здѣсь не держалъ экзамена, я его выдержалъ въ московскомъ университетѣ, и на основаніи свидѣтельства, выданнаго изъ самошняго совѣта, принятъ сюда безъ переэкзаменовки.

— Какъ! Безъ переэкзаменовки! Этого не можетъ быть. Ты непремѣнно долженъ снова держать здѣсь экзаменъ. Отчего ты оставилъ московскій университетъ и перешелъ именно сюда? продолжалъ онъ допытывать меня.

— По измѣнившимся обстоятельствамъ и по волѣ своей матушки, отвѣчалъ я и ввернулъ слова: «ваше превосходительство», вспомнивъ наставленіе своихъ новыхъ товарищей. Но, какъ кажется, эти привлекательныя для него слова я пустилъ въ ходъ слишкомъ уже поздно.

Попечитель оставилъ аудиторію съ такимъ же шумомъ и церемоніей, съ какимъ входилъ. Онъ скорымъ шагомъ отправился въ совѣтъ узнать обо мнѣ подробнѣе, и изъявилъ свое настойчивое требованіе относительно переэкзаменовки меня. Въ совѣтѣ ему положительно доложили, что этого теперь сдѣлать невозможно, такъ какъ журналъ подписанъ окончательно всѣми профессорами и перевершить его нельзя. Оставшись неудовлетвореннымъ, онъ въ душѣ возненавидѣлъ меня.

Порядки въ казанскомъ университетѣ были совершенно иные, чѣмъ въ московскомъ. По распоряженію Мусина-Пушкина, положено было за правило, что всѣ студенты безъ исключенія, какъ казенные, такъ и своекоштные, обязательно должны были каждую субботу и наканунѣ большихъ праздниковъ являться въ университетскую церковь ко всенощной и въ самый день праздника—къ обѣднѣ. Уклоняться отъ этого было невозможно, или очень трудно, потому что при входѣ у дверей церкви постоянно находился помощникъ инспектора съ двумя университетскими солдатами, имѣя въ рукахъ именной списокъ всѣмъ студентамъ. Онъ дѣлалъ отмѣтки о неявившихся, да притомъ и самъ попечитель, не пропуская никогда ни одной всенощной и обѣдни, зорко слѣдилъ за уклоняющимися отъ этого принудительнаго распоряженія. Неявившихся иногда въ церковь брали на худое замѣчаніе и подвергали взысканію. Изъ казенныхъ студентовъ былъ сформированъ хоръ, который стройно пѣлъ на правомъ клиросѣ. Во время службы церковь дѣлилась на двѣ половины: на лѣвой сторонѣ въ порядкѣ становились студенты, во главѣ которыхъ былъ самъ попечитель съ инспекторомъ. Профессора помѣщались поодаль, сбоку, за колоннами. На право сгрупировывались постороннія лица и дамы, большею частью изъ высшаго общества.

Въ воскресные и праздничные дни студенты обязаны были ходить въ мундирахъ, трехугольныхъ шляпахъ, при шпагахъ. Кто этого неисполнялъ, того сажали въ карцеръ на сутки или двое,

смотря потому, какъ часто повторялось неисполненіе этого обязательства провинившимся. Борода, усы, бакенбарды и длинные волосы на головѣ преслѣдовались безпощадно.

Всѣ эти строгости и притязанія поражали каждаго, въ особенности вновь прибывшаго свѣжаго человѣка. Я вспомнилъ тогда Панина и Голохвастова и не зналъ которому изъ троихъ отдать пальму первенства.

Купивъ себѣ лошадей и экипажъ, я началъ посѣщать общество, собранье, театръ.

Иногда сталкивался я съ Мусинымъ-Пушкинымъ въ домѣ князя Баратаева. Но онъ не любилъ этого и по обыкновенію всегда надмѣнно обращался какъ со мной, такъ и со всѣми другими студентами, обдавая каждаго своимъ покровительственнымъ и начальническимъ взглядомъ.

Были со мной и такіе случаи, что, ѣхавъ по городу довольно скоро, я иногда обгонялъ попечителя. Это видимо ему не нравилось, и когда я ему кланялся, то онъ, нахмурившись, едва удостоивалъ кивнуть мнѣ головой. Чуялъ я, что не миновать мнѣ бѣды.

Между тѣмъ время летѣло. Подошли и публичные экзамены. Попечитель присутствовалъ каждый день на всѣхъ экзаменахъ, переходя отъ одного стола къ другому и задавая иногда самъ нѣкоторые вопросы.

Онъ видимо ко мнѣ придирался, вслѣдствіе чего, не выдержавъ экзамена по многимъ предметамъ, я остался опять на первомъ курсѣ.

Профессора, преподаватели перваго курса юридическаго факультета, были замѣчательные оригиналы. Изъ нихъ, напримѣръ, адъюнктъ-профессоръ Хламовъ читалъ логику по Кизеветтеру, а также и психологію. Онъ никогда не садился на каѳедру, а имѣлъ обыкновеніе цѣлый часъ расхаживать по аудиторіи большими шагами, держа книгу въ рукахъ и размахивая ею. Онъ читалъ ее вслухъ для себя, часто бормоча что-то, не обращая никакого вниманія на слушателей, какъ будто въ аудиторіи ни кого и не было и никому нѣтъ надобности его слушать. Любимыя и частыя изрѣченія его были: «Всѣ люди смертны, Кай есть человѣкъ, слѣдовательно, Кай смертенъ»; или: «Когда идетъ дождь, то бываетъ влажно, теперь идетъ дождь, слѣдовательно, теперь влажно». Но находились студенты, которые, желая его побѣсить, утверждали, что Кай безсмертенъ. Хламовъ сердился и краснѣлъ, какъ ракъ.

Лекторъ Лукашевскій, читавшій римское право, былъ исключенъ изъ виленскаго университета и состоялъ подъ надзоромъ полиціи по польскому возстанію въ 1830 году. Онъ ненавидѣлъ Россію и помѣшанъ былъ на Юстиніанѣ. Со студентами обращался ласково, вкрадчиво, ставя всегда всѣмъ безъ различія хорошія отмѣтки. Попечителя презиралъ за его дерзость и деспотизмъ, по-

нимая, что и мы раздѣляемъ его взглядъ. Попечитель въ свою очередь ненавидѣлъ Лукашевскаго, часто распекалъ его и грозилъ, что рано или поздно онъ непремѣнно сошлетъ его куда нибудь подальше.

Разъ какъ-то Лукашевскій, выходя послѣ своей лекціи изъ университета, увидѣлъ стоящій по обыкновенію у подъѣзда экипажъ попечителя.

— Чей это, братецъ, экипажъ? спросилъ онъ кучера.

Кучеръ, подложивъ возжи подъ себя и сложивъ руки крестъ-на-крестъ, посмотрѣлъ надменно и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ на Лукашевскаго.

Лукашевскій повторилъ свой вопросъ.

Тогда кучеръ грубо отвѣтилъ:

— Развѣ вы не знаете, что экипажъ этотъ попечителя казанскаго учебнаго округа Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.

— Твой баринъ генералъ?

— Разумѣется, генералъ, и это вамъ тоже должно быть извѣстно, отвѣтилъ кучеръ.

— Ты учился грамотѣ?

— Нѣтъ, не учился.

— Поучись, братецъ, то и ты будешь такимъ же генераломъ, какъ твой баринъ, сказалъ Лукашевскій и пошелъ себѣ своей дорогой, опираясь на толстую суковатую свою палку.

Когда попечитель вышелъ изъ университета и сталъ садиться въ свой экипажъ, кучеръ разсказалъ ему разговоръ, который онъ имѣлъ съ Лукашевскимъ.

На другой день Лукашевскаго потребовали къ попечителю. Онъ кричалъ на него, грозилъ посадить въ карцеръ, отправить въ ссылку.

Когда Лукашевскій на другой день по обыкновенію читалъ намъ свой «Codex juris civiles Romanis», то, обращаясь къ намъ съ своей сардонической улыбкой, сказалъ:

— Ну, господа, то досталась же мнѣ вчера отъ нашего умнаго генерала. То я правду сказалъ, чтобы кучеръ его учился, то и онъ будетъ такой же генералъ, какъ и его баринъ; а нашъ дурень-то и обидѣлся, да якъ еще обидѣлся? — и при этомъ онъ лукаво улыбался.

Мы всѣ разсмѣялись.

Другой профессоръ, Фогель, плохо зная по русски, говорилъ: «Пасьлюшайте» вмѣсто «послушайте», «фозвратный человѣкъ» вмѣсто «развратный человѣкъ», «обжирное государство» вмѣсто «обширное государство» и проч. Онъ пилъ очень много водки и пива, поэтому и являлся на лекціи красный, съ сверкающими глазами. Носъ у него всегда былъ запачканъ нюхательнымъ табакомъ.

Архимандритъ Зилантьева монастыря, Гавріилъ, читалъ намъ

исторію ветхаго завѣта. Онъ имѣлъ обыкновеніе не читать, а разговаривать, и иногда, уходя изъ аудиторіи, уговаривалъ насъ не выносить сора изъ избы. Во время экзаменовъ, на билетахъ онъ дѣлалъ помѣтки такъ, чтобы каждый студентъ зналъ мѣтку своего билета, на который онъ и долженъ былъ вызубрить свой отвѣтъ заранѣе. Предметъ этотъ обязаны были слушать студенты всѣхъ факультетовъ. Гавріила всѣ мы очень любили. Увѣряли, что онъ будто бы былъ когда-то лихимъ гусарскимъ полковникомъ, а потомъ постригся въ монахи.

Лѣтомъ, жители бо́льшею частью разъѣзжались изъ Казани по деревнямъ, городъ пустѣлъ и становился скученъ. Но мнѣ было не до скуки. Я былъ влюбленъ первою, молодою, страстною любовью. Я полюбилъ молодую дѣвушку, воспитанницу хозяйки дома, въ которомъ проживалъ. Отношенія наши были замѣчены и Сашу заперли. Я долженъ былъ переѣхать на другую квартиру. Препятствія еще болѣе усилили нашу любовь, и безъ того безумную. Мы нашли средство переговариваться и кончились переговоры тѣмъ, что, въ одну темную ночь, я перенесъ Сашу черезъ заборъ изъ сада и черезъ ровъ, къ себѣ на квартиру.

Сначала все оставалось въ тайнѣ. Въ упоеніи мы и не замѣтили какъ промчались два мѣсяца. Вдвоемъ, по вечерамъ, мы катались по городу и окрестностямъ, совершали прогулки по Волгѣ и ни съ кѣмъ не дѣлились нашимъ счастьемъ...

Но вотъ каникулы кончились. Всѣ съѣхались. Начались лекціи. Мусинъ-Пушкинъ возвратился.

Какъ-то разъ, встрѣтясь со мной въ корридорѣ, онъ закричалъ, напустившись на меня:

— Я все знаю. Ты соблазняешь и похищаешь дѣвушекъ, скачешь по всему городу въ фаэтонѣ. Кончится тѣмъ, что я тебя выгоню вонъ изъ университета.

Слова эти меня ошеломили. Возвратившись съ лекцій домой, я былъ печаленъ и задумчивъ, но отъ Саши скрылъ истину.

На другой день, около часу дня, на дворъ ко мнѣ въѣхала колымага, запряженная парою невзрачныхъ лошадей. Довольно пожилая женщина вышла изъ нее. Разспросивъ моего кучера, она направилась прямо къ моему крыльцу. Не понимая, кто бы это могъ быть, я пошелъ въ переднюю и отворилъ самъ ей дверь.

— Вы господинъ Вистенгофъ? спросила она меня, снимая свой салопъ и вѣшая его на гвоздь.

— Я самый.

Она вошла въ гостиную.

— Моя фамилія Г..... я крестная мать проживающей у васъ незаконно дѣвушки Саши. Я пріѣхала нарочно за ней изъ Цивильска, чтобы, во чтобы-то ни стало, взять ее отъ васъ и увести съ собой, покуда она еще не окончательно погибла.

— Извините, я васъ не знаю. Кто вы такая? Кто далъ вамъ право такъ безцеремонно вторгаться въ мою квартиру? отвѣчалъ я.

— И не мудрено, что вы меня не знаете, я въ Казани очень давно не была. Да вамъ и не нужно меня знать. Госпожа К..... у которой вы похитили Сашу, можетъ засвидѣтельствовать мои отношенія къ дѣвушкѣ и права на нее.

Какъ видно, К..... не дремала, и тутъ только я вспомнилъ, что Саша какъ-то разъ говорила мнѣ о своей крестной матери, бездѣтной чиновницѣ, которой, послѣ смерти своей родной матери, она была отдана въ полное распоряженіе до ея замужества, и ею была отдана на воспитаніе къ К.....

Когда Саша вышла, старуха бросилась къ ней на шею и, заливаясь слезами, сжимала ее въ своихъ объятіяхъ.

Саша, блѣдная, молчала.

— Вы должны непремѣнно отдать мнѣ ее по чести, иначе я заявлю и заведу дѣло. Вы вѣдь студентъ, а студентамъ по закону жениться воспрещено, если же такъ все будетъ продолжаться, то она погибнетъ безвозвратно. У насъ въ Цивильскѣ для нее есть хорошій женихъ, я искуплю ея честь; хорошо, что во время мнѣ дали еще знать.

Саша попробовала было возражать, плакать, умолять оставить ее у меня, но старуха осталась непреклонною, и приходя все болѣе и болѣе въ раздраженіе, она стала стращать заключеніемъ обоихъ насъ въ монастырь, жалобой преосвященному владыкѣ, попечителю округа, грозила поднять на ноги полицію и въ заключеніе объявила о своемъ желаніи остаться съ Сашей наединѣ.

Я вышелъ.

Возвратившись поздно вечеромъ, я узналъ, что Саша рѣшилась уѣхать. Содержаніе разговора ея съ крестной матерью осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Когда Саша уѣхала, я бросился въ свою комнату и заперся на ключь. Квартира моя теперь сдѣлалась мнѣ противна. Не долго думая, я продалъ свой экипажъ, лошадей, всю обстановку, и переѣхалъ жить на полное иждивеніе къ профессору Фогелю, постоянно содержавшему у себя студентовъ-нахлѣбниковъ за довольно значительную плату. Онъ, разумѣется, всегда поддерживалъ ихъ на экзаменахъ и, при переходѣ изъ одного курса въ другой, ходатайствовалъ за нихъ и у другихъ профессоровъ. Я пересталъ выѣзжать въ свѣтъ и проводилъ время у себя дома, въ своемъ товарищескомъ студенческомъ кружкѣ.

Отъ попечителя не укрылось мое переселеніе къ профессору Фогелю и новая замкнутая жизнь моя.

По прошествіи нѣкотораго времени, Мусинъ-Пушкинъ встрѣтилъ меня при выходѣ изъ университета. Я поклонился ему. Онъ остановилъ меня и сказалъ довольно мягко:

— Ну, вотъ! давно бы такъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что переѣхалъ на жительство къ профессору Фогелю и перемѣнилъ образъ своей съумазбродной жизни; теперь я попробую смотрѣть на тебя другими глазами.

Весь годъ я занимался и много читалъ. Свободное время дѣлилъ съ товарищами, совершенно отсталъ отъ свѣта и меня даже къ нему не тянуло. Безъ всякихъ затрудненій я былъ переведенъ на второй курсъ.

Въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1836 года, было объявлено о пріѣздѣ въ Казань императора Николая Павловича. Государь никогда не былъ въ Казани и потому этотъ пріѣздъ, какъ первый въ его царствованіе, составлялъ нѣкотораго рода эпоху для губернскаго города. Приготовленія были большія. Особенно интересовались пріѣздомъ царя разные инородцы, входящіе въ составъ осѣдлыхъ жителей Казанской губерніи, какъ-то: чуваши, черемисы, татары, мордва и др. Изъ среды инородческихъ сельскихъ обществъ были выбраны по распоряженію администраціи пары и привезены заранѣе въ Казань; въ каждой парѣ былъ молодой человѣкъ восемнадцати лѣтъ и дѣвушка шестнадцати лѣтъ, обладавшіе самыми красивыми и типичными наружностями. Они были помѣщены въ особое, отведенное для нихъ зданіе. Ихъ превосходно кормили, чисто содержали и одѣли въ щегольскіе національные костюмы. По городу постоянно раздавался гулъ и грохотъ большихъ фургоновъ, запряженныхъ шестериками, съ форрейторами впереди. Въ фургонахъ этихъ сидѣли почтальоны и ямщики съ бляхами на шапкахъ. Вечеромъ, проѣздки эти окружались верховыми ямщиками съ зажженными факелами въ рукахъ; ямщики скакали у самыхъ глазъ лошадей, которые такимъ образомъ объѣзжались и пріучались заблаговременно подъ экипажи государя и его свиты. Масса безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія были собраны въ городѣ. За нѣсколько дней до пріѣзда государя, всѣ присутственныя мѣста и учебныя заведенія сами собой закрылись. Все приготовлялось къ чему то необыкновенному. Всѣ чистились, освѣжали свою одежду, исправляли свои заржавленные шпаженки и помятыя треуголки. Дамы не выходили изъ магазиновъ. Портные и портнихи были завалены работой. Жители всѣхъ сословій толпами сновали по главнымъ улицамъ.

Въ университетѣ царила суматоха. Все приводилось снаружи въ блестящее, показное состояніе.

Въ числѣ двѣнадцати студентовъ, выбранныхъ самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ, былъ и я назначенъ на балъ, даваемый дворянами въ домѣ благороднаго собранія въ честь пріѣзда государя.

Наканунѣ пріѣзда государя, попечитель сдѣлалъ распоряженіе собрать какъ всѣхъ профессоровъ, такъ и студентовъ, въ публичную актовую залу университета. Профессора размѣстились въ одну

шеренгу по правую сторону залы, студенты въ три шеренги, по факультетамъ и курсамъ, по лѣвую. Когда все было готово и всѣ стали по мѣстамъ, дали знать попечителю. Войдя въ залу онъ сказалъ:

— Господа! Я пригласилъ васъ всѣхъ сюда для того, чтобы прорепетировать тотъ пріемъ и порядокъ, который мы обязаны соблюсти при встрѣчѣ въ стѣнахъ этихъ такого дорагаго гостя для всѣхъ насъ, какъ государь императоръ. Мы встрѣтимъ его со всѣми подобающими почестями и должны угодить ему во всѣхъ отношеніяхъ. Васъ господа (обращаясь къ профессорамъ) вѣроятно государь императоръ удостоитъ своимъ словомъ; будьте готовы къ положительному и основательному отвѣту. А вамъ господа (обратившись къ студентамъ) рекомендую на первое его величества привѣтствіе отвѣтить: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!» Слышите, господа, что я вамъ говорю?

— Слушаемъ, ваше превосходительство, глухо отвѣтили мы.

— Ну, вотъ я сейчасъ уйду изъ залы и потомъ опять возвращусь къ вамъ и поздороваюсь. Вы вообразите, что это входитъ теперь уже самъ государь.

Онъ быстро вышелъ изъ залы и сейчасъ же возвратился.

— Здравствуйте господа! громко сказалъ онъ.

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! какъ то не въ тактъ и не ловко отвѣтили мы.

— Повторите еще разъ господа, продолжалъ Мусинъ-Пушкинъ.

Мы повторили.

— Ну, вотъ такъ! Прекрасно! Ласково отозвался онъ.

Насъ распустили.

Наконецъ, наступилъ, съ такимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ и давно всѣми ожидаемый, день 2-го сентября 1836 года, день незабвенный для жителей города Казани.

Прибытіе государя ожидали къ 11 часамъ дня. Фельдъегери летали, какъ птицы, одинъ вслѣдъ за другимъ. Народъ сплошной; массой хлынулъ на встрѣчу царю.

Профессора и студенты собрались въ публичную залу къ 10 часамъ утра.

Какъ на профессорахъ, такъ и на студентахъ, блестѣли новые мундиры. На хорахъ помѣстились дамы высшаго круга и семейства профессоровъ.

Наконецъ, къ 12 часамъ дня на улицѣ раздался потрясающій крикъ народа: «ура!» слившійся въ одинъ непрерывный гулъ государь подъѣзжалъ къ университету.

Мусинъ-Пушкинъ встрѣтилъ его величество у подъѣзда.

Государь вступилъ величественно въ залу. За нимъ слѣдовала многочисленная и блестящая свита, въ числѣ которой находились генералъ-адъютанты: графъ Строгановъ, графъ Перовскій, князь

Чернышевъ, графъ Бенкендорфъ, графъ Адлербергъ, князь Волконскій. Государь былъ въ кавалергардскомъ вицъ-мундирѣ и держалъ въ лѣвой рукѣ трехугольную шляпу съ длинными бѣлыми пѣтушиными перьями. Впереди почтительно шелъ Мусинъ-Пушкинъ, указывая путь. Государь слегка поклонился профессорамъ. Попечитель началъ представлять каждаго изъ нихъ по очереди, называя фамилію и предметъ преподаванія. Нѣкоторыхъ государь удостоивалъ краткими вопросами и съ особенною любезностью обратился къ профессору восточныхъ языковъ, персіянину Казембеку. Потомъ, быстро повернувшись къ намъ, съ высока окинулъ насъ своимъ холоднымъ взглядомъ и громко произнесъ:

— Здравствуйте господа!

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! громко и дружно отвѣтили мы, не хуже какого-нибудь батальона солдатъ.

На лицѣ государя выразилось удовольствіе, онъ ласково взглянулъ на Мусинъ-Пушкина и приказалъ вызвать впередъ студентовъ послѣднихъ курсовъ всѣхъ факультетовъ. Осмотрѣвъ ихъ и спрося у нѣкоторыхъ фамиліи, онъ распрашивалъ другихъ, куда они намѣрены поступить на службу послѣ окончанія курса?

Отвѣты даны были удовлетворительные.

Покончивъ съ этимъ, онъ отправился осматривать университетъ до мельчайшихъ подробностей, посѣтилъ библіотеку, химическую лабораторію, клинику, помѣщеніе казенныхъ студентовъ, обсерваторію, университетскую кухню.

Мы хотѣли слѣдовать за государемъ, но насъ до этого не допустили, а отправили всѣхъ по домамъ, съ подтвержденіемъ не шататься по городу и въ особенности толпами. Казенныхъ отослали по своимъ комнатамъ.

На другой день, въ десятомъ часу вечера, мы отправились на балъ, даваемый дворянами.

При обстановкѣ, полной блеска, это торжественное ожиданье какъ будто предвѣщало что-то необыкновенное. На всѣхъ лицахъ видѣлся отпечатокъ какой-то самодовольной заботы. Дочери дворянъ всей губерніи и высокопоставленныхъ лицъ, одѣтыя въ бѣлыя воздушныя платья, стояли въ обширной бальной залѣ отдѣльно, образуя полукругъ, для встрѣчи и привѣтствія государя до начала танцевъ.

Ровно въ 10 часовъ, государь вошелъ въ бальную залу, подъ руку съ женой губернскаго предводителя дворянства, которая встрѣтила его величество вмѣстѣ съ другими почетными дамами при входѣ его въ переднія комнаты. Музыка грянула польскій. Государь былъ окруженъ своей свитой. Онъ привѣтливо и любезно обращался къ окружающимъ. Мусинъ-Пушкинъ былъ въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, часто подходилъ къ намъ, упрашивая насъ,

чтобы мы какъ можно больше танцовали. Онъ ласково поощрялъ насъ, прибавляя, что государь очень доволенъ нами — доволенъ нашимъ умѣньемъ держать себя въ обществѣ. Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Въ двѣнадцать часовъ ночи, государь оставилъ залу собранья. Сдѣлано было предварительное распоряженіе, чтобы почтовыя лошади заранѣе были заложены въ дорожные экипажи назначенныхъ нумеровъ, и государь прямо съ бала отправился по тракту на Тамбовъ.

По отъѣздѣ государя, танцы продолжались самые оживленные.

Въ половинѣ третьяго часа, въ залѣ внезапно произошло движеніе. Музыка на хорахъ смолкла. Мы сидѣли на мѣстахъ, не понимая, что все это означало. Но вотъ въ залу быстро входитъ фельдъегерь, весь забрызганный свѣжей грязью, держа въ рукѣ запечатанный конвертъ большаго формата. Впереди его шелъ полиціймейстеръ, направляясь прямо черезъ залу къ Мусину-Пушкину, который въ это время стоялъ около того мѣста, гдѣ я сидѣлъ съ своей дамой. Полиціймейстеръ указалъ фельдъегерю попечителя. Онъ прямо подошелъ къ нему и вручилъ пакетъ, прибавивъ, что посланъ къ генералу отъ государя прямо на этотъ балъ съ первой почтовой станціи отъ Казани. Попечитель радостно смутился. Дрожащими отъ волненія руками разпечатываетъ онъ конвертъ, и звѣзда ордена св. Владиміра 2-й степени скользнула изъ конверта и упалъ къ ногамъ его на паркетъ. Совершенно инстинктивно я бросился поднять ее и подалъ попечителю. Мусинъ-Пушкинъ пожалъ мнѣ руку и взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Эту высокую награду я получилъ за васъ господа.

Затѣмъ, вынувъ изъ своего бумажника сторублевую ассигнацію, онъ вручилъ ее фельдъегерю. Тотъ повернулся и скрылся.

Музыка грянула тушъ. Всѣ бросились поздравлять Михайла Николаевича съ высокой наградой и такимъ отличительнымъ къ нему вниманіемъ государя императора. Коротко знакомыя ему дамы начали прилаживать къ его фраку вновь пожалованную звѣзду. Мазурка возобновилась съ большимъ оживленіемъ.

На другой день, къ двѣнадцати часамъ дня, весь городъ поспѣшилъ поздравить счастливца съ высочайшей наградой: военные чиновники, университетъ, купцы. Мусинъ-Пушкинъ принялъ насъ особенно ласково, повторилъ опять сказанное имъ на балѣ вчера, что онъ получилъ эту лестную для него награду именно за всѣхъ насъ студентовъ, сердечно благодарилъ, что мы оправдали его неусыпныя о насъ заботы, клонящіяся единственно къ нашей пользѣ и что мы осуществили его задушевныя надежды; въ заключеніе онъ ласково пригласилъ насъ на завтра къ себѣ на званый балъ.

Безъ особенныхъ трудовъ, перешелъ я въ этомъ году на третій курсъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года, посѣтилъ городъ Казань наслѣдникъ престола, цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Ему тогда было всего восемнадцать лѣтъ отъ роду. Онъ былъ въ чинѣ гвардейскаго капитана. Въ качествѣ воспитателей при немъ состояли: генералъ-адъютантъ Кавелинъ и извѣстный нашъ поэтъ Жуковскій. Въ свитѣ его находились гвардейскіе капитаны: графъ Адлербергъ 2-й, Паткуль, Вьельегорскій и князь Барятинскій. Какъ наслѣдникъ престола, такъ и эта молодая свита его, были во все время пребыванія своего въ Казани въ мундирахъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Приготовленія къ пріѣзду и пріему его высочества, посѣщеніе университета, балъ данный дворянами, смотръ собранныхъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ — все было совершенно тождественно съ прошлогоднимъ пребываніемъ въ Казани августѣйшаго родителя его, съ тою лишь только разницею, что Мусинъ-Пушкинъ не получилъ новой награды, а пріѣздъ цесаревича въ Казань ознаменовался тѣмъ, что многіе политическіе преступники-декабристы, по ходатайству его высочества, получили облегченіе своей участи. Мы видѣли, какъ потомъ проѣзжали они изъ Сибири черезъ Казань.

Въ 1839 году, во время нахожденія моего на послѣднемъ курсѣ во второмъ полугодіи, случилось слѣдующее грустное происшествіе:

Студентъ дерптскаго университета, графъ Сологубъ, по какимъ то дѣламъ, пріѣзжалъ на короткое время въ Казань. Онъ познакомился съ многими изъ нашихъ студентовъ и обучилъ ихъ нѣкоторымъ обычаямъ студентовъ дерптскаго университета. Особенно увлекательно разсказывалъ онъ про обыкновеніе, послѣ студенческихъ оргій и попоекъ, ходить ночью по улицамъ и бить стекла въ зажженныхъ уличныхъ фонаряхъ. Это приглянулось нашимъ студентамъ и вошло въ моду.

Какъ старшіе, мы образовали свой особый студенческій кружокъ, на которомъ, собираясь, толковали о разныхъ современныхъ вопросахъ, о профессорахъ, о методѣ ихъ преподованія, о предстоящемъ каждому изъ насъ служебномъ поприщѣ и тому подобное. Не рѣдко собирались и у меня. Эти сборища были въ родѣ маленькихъ митинговъ и кончались вседа попойкой, болѣе или менѣе ощутительной для головы. Употреблялся болѣе всего тогдашній любимый студенческій напитокъ ратафія или крамбамбули, а иногда и цимлянское донское вино. Вотъ послѣ этихъ то возліяній и отправились мы шататься ночью по городу, громя и разнося ни въ чемъ неповинныя стекла уличныхъ фонарей.

Разъ какъ то, на четвертой недѣли великаго поста, студентъ словеснаго факультета Петръ Аристовъ, часовъ въ двѣнадцать дня, пригласилъ нѣсколькихъ студентовъ къ себѣ на завтракъ по случаю дня своего рожденья. Аристовъ былъ человѣкъ богатый, ок-

рестный помѣщикъ, слѣдовательно у него всего было въ изобиліи, а винъ въ особенности.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ попойки, я уже начиналъ терять сознаніе, такъ какъ былъ слабѣе другихъ, и хотѣлъ уѣхать домой, но хозяинъ не пускалъ и настоятельно требовалъ, чтобы я непремѣнно выпилъ съ нимъ стаканъ ратафіи. Товарищи пристали тоже. Я выпилъ. Послѣ того ничего уже не помнилъ...

Когда на другой день я проснулся въ десять часовъ утра, человѣкъ доложилъ мнѣ, что попечитель два раза присылалъ за мной. Между тѣмъ, отъ жившихъ со мной товарищей я узналъ слѣдующее: увидя, что я свалился со стула, на которомъ сидѣлъ, студенты порѣшили отправить меня домой и сдать на руки моему слугѣ Купріяну. Былъ приведенъ извощикъ, замѣченъ его номеръ. Меня положили въ низъ саней, какъ какую нибудь вещь, задернули полостью, чтобы не видно было лица и строго приказали извощику везти меня ко мнѣ на квартиру. Извощикъ добросовѣстно исполнилъ данное ему порученіе. Грѣшное тѣло мое Купріянъ, вмѣстѣ съ извощикомъ, вытащилъ изъ саней и уложилъ спать.

Покончивъ со мной, оставшіеся у Аристова на квартирѣ студенты выпили еще ратафіи и потомъ, надѣвъ шинели въ рукава, пошли съ шумомъ и гамомъ по городу, ведя между собой пустой, безсодержательный разговоръ. Былъ уже пятый часъ вечера, когда они поднимались на Воскресенскую гору со стороны Чернаго озера, прямо къ церкви Воскресенія, гдѣ въ это самое время служилась вечерня. Было много говѣльщиковъ, въ томъ числѣ и чины пожарной команды полицейскаго дома, находившагося противъ самой церкви.

Студентамъ неожиданно бросился въ глаза яркій свѣтъ отъ горѣвшихъ въ алтарѣ свѣчей. Съ пьяну, когда въ глазахъ все двоится и представляется въ превратномъ видѣ, принявъ свѣтъ этотъ за фонарный, не разсуждая о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій, одинъ изъ нихъ подымаетъ валявшійся на улицѣ камень и кидаетъ его прямо въ окно алтаря, направляя въ самую точку огня. Стекло мгновенно со звономъ и трескомъ было выбито и самый камень, уже на излетѣ, попадаетъ въ священника, читавшаго въ алтарѣ молитву.

Предоставляю судить каждому о положеніи пастыря и всѣхъ прихожанъ, наполнявшихъ церковь въ этотъ моментъ...

Священникъ прекратилъ службу и, обратившись къ предстоящему народу, произнесъ:

— Православные! вотъ до какихъ тяжкихъ дней дожили мы Заблудшіе люди посягаютъ на храмъ божій, на святыню!

Толпа загудѣла. Всѣ бросились изъ церкви толкаясь и тѣсня другъ друга.

Злополучные студенты, спохватившись въ необдуманности своего поступка, хотѣли спастись бѣгствомъ, но это имъ не удалось. Полицейскіе солдаты, во главѣ разъяренной толпы, бросились на студентовъ, которые, при видѣ ихъ и вообще ненавидя полицію, рѣшились на самооборону. Началась свалка. Бой былъ не ровенъ и кончился тѣмъ, что ихъ всѣхъ скрутили принесенными изъ полиціи веревками и отволокли въ университетъ—тутъ же на противъ—прямо къ инспектору студентовъ, полковнику Геркену. Они были немедленно посажены въ карцеръ подъ самый строгій надзоръ.

Одѣвшись на скоро, я отправился къ попечителю.

Обо мнѣ доложили.

Онъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

Вхожу и кланяюсь.

— Здравствуй, Вистенгофъ! Скажи пожалуйста, ты былъ вчера у Аристова на завтракѣ? какимъ образомъ случилось, что ты не попалъ въ эту скверную исторію? Говори всю правду, какъ честный человѣкъ, я тебѣ вѣрю.

— Ваше превосходительство! Кутить и пить лишнее—дурное дѣло. Но на этотъ разъ случилось, что одинъ выпитый лишній стаканъ выручаетъ меня. Отъ этого стакана я сдѣлался безъ чувствъ, меня отвезли домой и уложили спать. Если бы не это, то болѣе, нежели вѣроятно, что я не отсталъ бы отъ своихъ товарищей и теперь сидѣлъ бы въ заточеніи вмѣстѣ съ ними. Говорю вамъ истину.

— Одинъ еще вопросъ: не происходило ли у васъ тамъ, во время попойки, какихъ нибудь разговоровъ про правительство? не осуждались ли его дѣствія? не говорили ли что нибудь про государя? а? добавилъ онъ въ полголоса, робко.

— Ничего подобнаго при мнѣ не было, ваше превосходительство! Мы мечтали и строили воздушные замки относительно будущей, предстоящей каждому изъ насъ служебной дѣятельности. Пѣли самыя обыкновенныя, дозволенныя пѣсни. Въ этомъ даю вамъ честное, благородное слово.

— Ты спасенъ. Иди себѣ. Я радуюсь за тебя, сказалъ онъ мнѣ, кивнувъ головой.

Съ быстротой плачевная исторія эта разнеслась по всей Казани съ обычными въ подобныхъ случаяхъ варіяціями и искаженіями.

Какъ о происшествіи чрезвычайномъ, попечитель объ этомъ донесъ министру народнаго просвѣщенія, губернаторъ Стрекаловъ—министру внутреннихъ дѣлъ, архіерей—синоду; начальникъ жандармскаго управленія—шефу жандармовъ; губернскій стряпчій—министру юстиціи. И вотъ эстафеты полетѣли въ Петербургъ. Каждое вѣдомство отдѣльно торопилось донести своему непосредственному начальству о случившейся катастрофѣ.

Я получилъ разрѣшеніе инспектора студентовъ повидаться съ заключенными. Они были очень довольны меня видѣть, ни мало на меня не сѣтовали и не завидовали моему случайному избавленію. Ихъ содержали очень строго. При встрѣчѣ съ ними, послѣ того злополучнаго дня, теперь, въ первый разъ, сердце мое мучительно сжалось. Взоры ихъ какъ то потускнѣли, лица осунулись. Впереди предстояла безотрадная, разбитая жизнь. Между ними находились умные, образованные, даровитые люди.

Отвѣтъ изъ Петербурга не замедлилъ. Согласно быстро произведенному слѣдствію, Мусину-Пушкину предоставлено было привести въ исполненіе, по своимъ соображеніямъ, опредѣленіе министра народнаго просвѣщенія. Кончилось тѣмъ, что двое были отданы въ солдаты, какъ главные зачинщики безпорядка, остальные исключены изъ университета съ воспрещеніемъ поступать въ другіе.

IV.

Наконецъ, наступилъ давно желанный для меня день—я окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ. Мы отпраздновали этотъ день общимъ по подпискѣ обѣдомъ, трогательно распрощались и разъѣхались по разнымъ мѣстамъ обширнаго отечества нашего.

Я явился проститься съ Мусинымъ-Пушкинымъ.

Онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ:

— Я вамъ всѣмъ желалъ отъ всей души одного лишь добра. Не упрекайте меня въ излишней строгости и педантизмѣ. Я зналъ, что дѣлалъ. Я исполнялъ свой долгъ. Вы вспомните меня не разъ на поприщѣ вашей службы и скажете, что я былъ правъ. Отъ души желаю тебѣ, другъ мой, всего хорошаго въ жизни. Служи вѣрно и будь честнымъ офицеромъ, и не забудь, что у тебя есть на свѣтѣ человѣкъ, который въ крайности и нуждѣ твоей, всегда готовъ будетъ помочь тебѣ; этотъ человѣкъ—я!

Распростившись съ друзьями, я сѣлъ на перекладную и, счастливый и довольный, поскакалъ въ Москву.

Подъѣзжая къ почтовой станціи города Свіяжска, я издали еще увидалъ стоящихъ около нея до десяти запряженныхъ почтовыхъ троекъ. Голубые жандармскіе мундиры сновали около нихъ. Что означаетъ это? подумалъ я.

Вхожу на станцію. У наружныхъ дверей стоитъ жандармъ-часовой.

Глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина:

Человѣкъ восемь молодыхъ людей, сидѣли за общимъ столомъ, какъ видно, только что окончивъ свой завтракъ. На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ винограднаго вина. Я замѣтилъ, что у одного изъ нихъ, который былъ моложе всѣхъ, ноги были закованы въ

желѣзныя цѣпи. Жандармы суетились, убирали и торопливо до ѳдали остатки яствъ. Тутъ же поодаль, въ сторонѣ, сидѣлъ молча, покуривая изъ короткаго черешневаго чубука, жандармскій офицеръ. Станціонный смотритель, подошелъ ко мнѣ съ озабоченнымъ видомъ, съ лоснящимся отъ пота лицемъ, и, указывая на группу, отрывисто сказалъ.

— Видите что? Лошадей нѣтъ, вамъ придется подождать возвращенья обратныхъ на станцію, и когда ихъ выкормятъ, тогда вы поѣдете,

— Да, вижу. Дѣлать нечего, отвѣчалъ я, отдавая ему свою подорожную, и сѣлъ на диванъ.

Вся компанія осмотрѣла меня и, увидавъ по одеждѣ, что я студентъ, одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ:

— Probablement, monsieur, vous êtes etudiant de l'université de Kazan? Pour ou partez vous?

— Oui, monsieur, vous avez raison. Je viens de finir mes études justement là et je pars maintenant pour Moscou, je vais voir ma mère, отвѣчалъ я.

— Господа! я не позволяю вамъ говорить по французски, я не понимаю этого языка. Если хотите, то можете говорить по русски, возвыся голосъ, отчеканилъ жандармскій офицеръ.

Мы переглянулись.

Чего добраго, подумалъ я, и меня еще посадятъ на тройку съ жандармомъ да и умчатъ.

— Вы счастливы, вы окончили курсъ свой въ университетѣ, вы ѣдете къ себѣ домой, къ роднымъ, а я ѣду также оканчивать свой курсъ въ ссылку, въ Сибирь, въ Нерчинскіе рудники сказалъ мнѣ печально, скованный молодой человѣкъ.

— Мы тоже бывшіе студенты кіевскаго университета, проговорили вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Позвольте васъ попросить выпить съ нами по стаканчику вина и пожелать вамъ добраго пути, какъ счастливому студенту отъ насъ несчастныхъ, теперь отчужденныхъ, бывшихъ также студентами, сказалъ, наливая стаканчики, одинъ изъ нихъ, съ русой бородкой и усами.

Потомъ, обратившись къ жандармскому офицеру, прибавилъ:

— Капитанъ, позвольте пожалуйста;—такая встрѣча не всегда можетъ быть.

— Дозволяю, отрывисто отвѣтилъ капитанъ.

Мы чокнулись и выпили.

Капитану былъ поднесенъ также стаканъ и онъ выпилъ его, не чокаясь ни съ кѣмъ.

— Все готово, ваше благородіе, громко произнесъ вошедшій жандармскій унтеръ-офицеръ, вытянувшись въ струнку у порога дверей станціонной комнаты.

— Хорошо. Зови людей.

Унтеръ-офицеръ мгновенно скрылся.

— Ну, собирайтесь, господа, пора уже, обратился капитанъ къ ссыльнымъ.

Быстро вошли съ шумомъ, звеня шпорами, восемь плечистыхъ жандармовъ, вооруженныхъ тяжелыми саблями и пистолетами въ кобурахъ. Каждый изъ нихъ вывелъ на улицу порученнаго ему преступника, помогъ ему влѣзть въ неуклюжую почтовую телѣгу и затѣмъ садился рядомъ съ нимъ.

Со звономъ колокольцовъ и крикомъ ямщиковъ тронулся этотъ печальный поѣздъ.

Всѣхъ троекъ было восемь; на девятой помѣстился капитанъ съ унтеръ-офицеромъ.

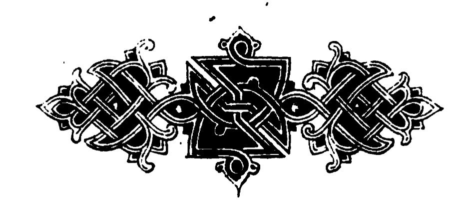
Ссыльные оглянулись назадъ, привѣтствуя меня маханьемъ своихъ картузовъ.

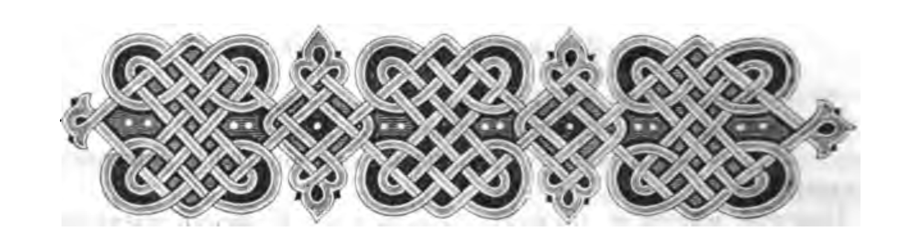
Я отвѣчалъ имъ тѣмъ же.

Тяжело было смотрѣть на этихъ несчастныхъ жертвъ увлеченья молодости. Тутъ я вспомнилъ попечителя Мусина-Пушкина.

Таково было первое впечатлѣніе мое за стѣнами университета.

Павелъ Вистенгофъ.





БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ ТРУДЫ С. Д. ПОЛТОРАЦКАГО.

Въ ОДНОМЪ изъ недавнихъ нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» (1883 г. № 22) появилось слѣдующее лаконическое извѣстіе: «Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій скончался въ Нёльи, близь Парижа, 19 (7) сего января, на 81 году жизни».—При чтеніи этихъ короткихъ строкъ, очень многимъ имя покойнаго могло казаться незначительнымъ, тѣмъ болѣе, что оно, послѣ указаннаго объявленія, не вызвало ни одной обстоятельной статьи. Между тѣмъ С. Д. Полторацкій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые въ кружкѣ русскихъ ученыхъ оставляютъ живую и дорогую память. Изъ подъ его пера даже вышла брошюра: «Notice sur M-r Serge Poltoratzky, bibliophile et bibliographe Russe, membre honoraire de la Bibliothèque Impériale publique de Saint-Pétersbourg (Paris, 1854, 20 p.), которая, вмѣстѣ съ другими, далеко немногими матеріалами[1]), предлагаетъ любопытныя свѣдѣнія о покойномъ. Прежде всего онъ былъ владѣльцемъ замѣчательной библіотеки въ селѣ Авчуринѣ, близь Калуги,—библіотеки, еще основанной извѣстнымъ собирателемъ рукописей, Петромъ Кирилловичемъ Хлѣбниковымъ. «Это книгохранилище—по воспоминанію одного стараго дипломата—отличалось не многочисленностію, но богатствомъ рѣдкихъ изданій и любопытныхъ манускриптовъ». Дѣйствительно, въ немъ находился такъ называемый Хлѣбниковскій списокъ лѣтописи, какимъ пользовался Карамзинъ для первыхъ томовъ своей «Исторіи»; въ немъ хранилось единственное полное собраніе

---

[1]) Наприм.: «Изъ записокъ стараго дипломата» (Библіограф. Записки, 1858 г., № 10, стр. 291—293) и «Изъ моихъ воспоминаній» П. С. Усова (Историческ. Вѣстникъ, 1882 г., кн. 5, стр. 330—332).

первыхъ русскихъ газетъ и періодическихъ изданій прошлаго столѣтія, которое впослѣдствіи значительно пополнило даже книжныя коллекціи императорской публичной библіотеки. Благодаря этимъ книжнымъ рѣдкостямъ и обезпеченной жизни, самъ владѣлецъ, до переѣзда за-границу, все свободное время посвящалъ чтенію и выпискамъ. О такихъ занятіяхъ среди своей дорогой библіотеки онъ оставилъ интересное признаніе: «пусть дѣлаютъ, какъ я; пусть извлекаютъ изъ всякой книги то, что есть въ ней полезнаго и любопытнаго, и сохраняютъ это, какъ я — въ картонахъ, съ примѣчаніями и отмѣтками, а изъ остальной бумаги дѣлайте, господа, что хотите: завертывайте въ нее всякую всячину, закуривайте ею трубку, оклеивайте стѣны и потолки... Кто велитъ хранить и переплетать дурную книгу? А ежели занимаетъ она у васъ лишнее мѣсто, такъ что тутъ церемониться: бросайте скорѣе книгу въ каминъ, да «и концы въ воду». Съ теченіемъ времени, эти картоны «съ примѣчаніями и отмѣтками» составили значительный запасъ свѣдѣній о рѣдкихъ книгахъ и дополненій къ біографіямъ русскихъ писателей. Къ этому цѣнному источнику очень часто прибѣгали ученые и библіографы, наводя справки о такихъ изданіяхъ, какихъ не оказалось на полкахъ даже столичныхъ библіотекъ. Наконецъ, тотъ же самый матеріалъ, заключенный въ картонахъ, постоянно служилъ и самому собирателю богатымъ рудникомъ, откуда онъ почерпалъ любопытныя данныя для своихъ печатныхъ трудовъ. Послѣдніе, насколько намъ извѣстно, представляются въ слѣдующей хронологической вереницѣ:

1827 г. Библіографическій вопросъ о началѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (Московск. Телеграфъ, ч. XIV, № 8).

Этою статьею покойный Полторацкій впервые поднималъ вопросъ: «въ которомъ году прошедшаго столѣтія начались издаваться русскія вѣдомости»; онъ приводилъ различныя указанія каталоговъ, «прося въ заключеніи занимающихся отечественною библіографіей доставить разрѣшеніе сего библіографическаго недоумѣнія и согласить противорѣчія». На такой отзывъ послѣдовали двѣ отвѣтныя статьи: одна—А. Я. Булгакова (М. Т., 1827 г., ч. XVI, № 13), другая—съ подписью: «Литературный Сыщикъ» (М. Т., 1827 г., ч. XVIII № 22, 23 и 24).

1828 г. Дополненія и поправки къ исторіи русскихъ газетъ и журналовъ (Московск. Телеграфъ, ч. XXIV, № 22).

Названный трудъ былъ вызванъ: «Обозрѣніемъ русскихъ газетъ и журналовъ съ самаго начала до 1828 года», напечатаннымъ съ подписью: «Литературный Сыщикъ». «Живя въ деревнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ—писалъ Полторацкій—и повѣряя въ библіотекѣ своей извѣстія «Журнальнаго Сыщика», я отыскалъ многое пропущенное имъ, многое неисправно означенное, и препровождаю составленныя мною замѣчанія». Далѣе слѣдовали пополненія и, главное, исправленіе годовъ для многихъ періодическихъ изданій.

1838 г. О первыхъ русскихъ вѣдомостяхъ (Сѣверн. Пчела, № 66).

Это — новая добавка къ предъидущимъ статьямъ.

Замѣтка о М. И. Антоновскомъ (Сынъ Отечества, ч. III, № 6).

1845 г. Извѣстія о первопечатныхъ Московскихъ и Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, изданныхъ при Петрѣ Великомъ (Сѣверн. Пчела, № 6).

Эта статья заключала перепечатку перваго нумера «Вѣдомостей» отъ 11-го мая 1711 года, по единственному экземпляру, и появилась отдѣльнымъ оттискомъ, какъ второе изданіе (Спб., 1845 г., 16 стр.).

Русскія біографическія и библіографическія лѣтописи (Сѣверн. Пчела, № 71).

Такія «лѣтописи» продолжали появляться въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1846 годъ (№ 19, 24, 31, 44 и 45), а потомъ, съ дополненіями и поправками, перепечатаны въ «Иллюстраціи» (1846 г., т. II и V). Въ нихъ сообщены, между прочимъ, свѣдѣнія: о первопечатныхъ басняхъ Крылова, о переводахъ сочиненій Карамзина на иностранные языки, объ Авчуринской библіотекѣ, о времени изданія первыхъ вѣдомостей въ Россіи и т. п. библіографическія замѣтки. При одной же изъ статей (№ 19) помѣщены два письма Карамзина къ къ Д. М. Полторацкому.

1846 г. Первыя русскія вѣдомости (Сѣверн. Пчела, № 10).

1846 г. Матеріалы для исторіи русской словесности (Москвитян., кн. 9 и 13).

Подъ этимъ заглавіемъ покойный Полторацкій, вмѣстѣ съ И. П. Быстровымъ, помѣстилъ новыя свѣдѣнія о Петровѣ, Державинѣ, Жуковскомъ, Крыловѣ, Сумароковѣ, Тредьяковскомъ и Эминѣ.

1851 г. Essai sur la littérature russe contenant une liste des gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le regne de Pierre le Grand. Par un Voyageur Russe. Imprimé à Livourne (en Toscane) en 1771. (Revue étrengère, t. LXXX, № 10).

Эту весьма рѣдкую брошюру, напечатанную и отдѣльно (Спб., 1851 г., 15 стр.), С. Д. Полторацкій приписывалъ кн. А. Бѣлосельскому (см. Bulletin du bibliophile Belge. т. IX, p. 355). Объ этой же брошюрѣ появилась замѣчательная статья проф. Н. С. Тихонравова (Московск. Вѣд., 1851 г., № 150).

1853 г. О первыхъ русскихъ вѣдомостяхъ (Сѣверн. Пчела, № 94, 103 и 172).

Въ этихъ новыхъ статьяхъ по старому вопросу Полторацкій подробно описываетъ «Вѣдомости», изданныя въ 1704 году.

1855 г. Dieu, hymne du poète russe Derjavine. Notice sur quinze traductions françaises de cette hymne suivie du texte russe. Leipzig, 78 p.

Опасный сосѣдъ, стихотвореніе В. Л. Пушкина, съ предисловіемъ. Лейпцигъ, 10 стр.

1856 г. Матеріалы для словаря русскихъ писателей: Пушкинъ (Сѣверн. Пчела, № 153 и 158).

Здѣсь подробно разсказано объ обстоятельствахъ, при которыхъ появилось первое печатное стихотвореніе Пушкина: «Къ другу-стихотворцу».

1858 г. Алексѣй Григорьевичъ Евстафьевъ, русскій писатель въ Америкѣ (Библіограф. Записки, № 7).

Театральное представленіе въ Кусковѣ, подмосковной графа Петра Бори-

совича Шереметева, въ присутствіи имп. Екатерины II, 30-го іюня 1787 года (Сѣверн. Пчела, № 203).

Эта статья, изданная и отдѣльно (Спб., 1858 г., 11 стр.), составлена, главнымъ образомъ, на основаніи подробнаго извѣстія «Московскихъ Вѣдомостей» (1787 г., № 54).

Матеріалы для словаря русскихъ писателей (Русск. Вѣстн., кн. 22).

Въ этихъ «матеріалахъ» Полторацкій дѣлаетъ указанія на переводы Лабзина и Баркова комедіи Бомарше: «Фигарова Женитьба», на переводъ Анастасевича и Городчанинова «Философической исторіи о торговлѣ въ обѣихъ Индіяхъ, сочиненія Рейналя», и на «Опытъ россійской библіографіи Сопикова».

Матеріалы для словаря русскихъ писателей, т. I, тетр. 1, М. 18 стр.

Въ названной брошюрѣ авторъ указываетъ на «русскихъ переводчиковъ одного стихотворенія Вольтера», а именно на Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, А. С. Пушкина, П. П. Сумарокова и кн. Г. А. Хованскаго.

1859 г. Матеріалы для словаря русскихъ писателей (Сѣверн. Пчела, № 200).

Эта статья, вышедшая и отдѣльно, какъ продолженіе предъидущей брошюры (М., 1859 г., т. I, кн. 2, 19—66 стр.), касалась стихотвореній Державина: «Властителямъ и судіямъ», «Изображеніе Фелицы» и «Хариты».

Аббатъ Іосифъ Добровскій (Московск. Вѣдомости, № 305).

1860 г. Матеріалы для словаря русскихъ писателей (Сѣверн. Пчела, № 259).

Тутъ находятся: извѣстія объ А. П. Сумароковѣ, замѣтки о Вольтеровой трагедіи: «Заира» и матеріалы для исторіи русскаго театра.

1861 г. Достовѣрныя свѣдѣнія о годѣ рожденія Карамзина (Сѣверн. Пчела, № 65).

Этотъ трудъ, ясно опредѣлившій время рожденія нашего исторіографа — 1-е декабря 1766 года, былъ перепечатанъ въ періодическихъ изданіяхъ 1865 года, наприм.: въ «Книжникѣ», № 12, въ «Отеч. Запискахъ», № 16, и «Соврем. Лѣтописи», № 44.

1862 г. Синхронистическія таблицы русской литературы (Наше Время, № 243 и 244).

Подъ такимъ заглавіемъ вышла и отдѣльная брошюра (М., 1862 г. 44 стр.), которая заключала въ себѣ любопытныя библіографическія данныя: о началѣ вѣдомостей, о Богдановичѣ, Хемницерѣ, Ководавлевѣ и Фонъ-Визинѣ.

Catalogue de ma bibliothèque, accompagné de notes bibliographiques et littéraires et suivi de tables alphabétiques et analytiques, tome premier, Moscou, 1862, 48 p.

Въ этомъ «Каталогѣ», послѣ обширнаго предисловія, находится обстоятельное описаніе только девяти иностранныхъ изданій, а именно: 1) Annuaire historique universel, par Lesur; 2) The annual Register, London, 1758—1840; 3) Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette; 4) Mémoire de B. Barère, Paris, 1842—1844; 5) Oeuvres politiques et littéraires d'Armand Carrel, Paris, 1857—1858; 6) Le Botaniste Cultivateur, par Dumont-Courset; 7) La Nicolaide, poëme par Desveaux-Saint-Félix; 8) Le Vicaire de Wakefield, par

Goldsmith, Paris, 1838; 9) Poems by Goldsmith and Parnell, London, 1804.

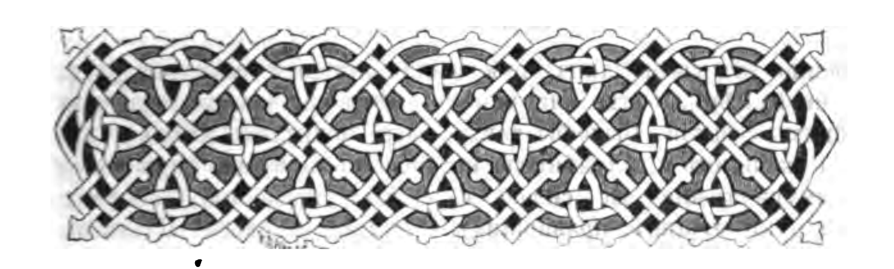
1864 г. Сборникъ всѣхъ біографическихъ статей, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ, о достопримѣчательныхъ русскихъ людяхъ: Головкинъ, Иванъ Алексѣевичъ. Висбаденъ, 10 стр.

1866 г. Юбилей Карамзина въ семейномъ кругу села Авчурина (Московск. Вѣд., № 266).

1867 г. Письма 1806—1823 годовъ И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу (Русск. Архивъ, кн. 7).

Къ этому списку знакомыхъ намъ трудовъ Полторацкаго остается прибавить, что покойный С. Д. дѣлился съ публикой нѣкоторыми дорогими автографами своей библіотеки: такъ, напримѣръ, онъ впервые съ вѣрныхъ рукописныхъ копій напечаталъ два прекрасныя стихотворенія Пушкина: «Couplets» (Библіограф. Записки, 1858 г., № 22, стр. 688) и «Въ альбомъ Е. А. Тимашевой» (Наше Время, 1862 г., № 228).

Дмитрій Языковъ.



ЛОЛА МОНТЕСЪ, ГРАФИНЯ ФОНЪ-ЛАНДСФЕЛЬДЪ.

I.

Хотя исторія занимается обыкновенно мущинами и притомъ стоящими на общественныхъ вершинахъ, но, по временамъ, ей приходится отводить страницы — и порою въ значительномъ числѣ — лицамъ женскаго пола не только царственнаго происхожденія, но и удѣлять мѣсто хорошенькимъ личикамъ самой простой породы. Личики эти имѣютъ право попасть на страницы исторіи, если они то быстро, то постепенно, то на долго, то на короткое время, поднимались съ общественныхъ низинъ на высоту, съ которой или съ холодной гордостью, или съ веселой улыбкой, смотрѣли на заурядныхъ смертныхъ, оставшихся на долѣ. Въ исторіи почти всѣхъ государствъ являлись такіе женскіе облики,—то освѣщенные яркимъ блескомъ величія, то какъ будто задернутые дымкой, то вовсе даже незамѣтные для современниковъ. Тѣмъ не менѣе, господствуя надъ сердцами земныхъ владыкъ, хорошенькія женщины оставляли иногда въ исторіи государства вообще, или въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ историческихъ событіяхъ, болѣе или менѣе замѣтные слѣды своего существованія. Около нихъ велись дворскія интриги, а по капризамъ ихъ то возвышались, то падали министры и вельможи, начиналась или вражда, или дружба съ сосѣдними государствами. Вообще, не рѣдко бывали онѣ двигательницами важныхъ политическихъ событій, хотя участіе ихъ и не всегда было явно.

Было бы долго, да и напрасно, перечислять здѣсь тѣхъ женщинъ, которыя, по исключительному положенію, сами, непосред-

ственно отъ своего лица, руководили исторіей народовъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе замѣтно вліяли на ходъ политическихъ событій. Было бы также долго исчислять имена и дѣянія тѣхъ женщинъ и полудѣвицъ, которыя съ помощью чаръ ихъ ума, преимущественно же силою тѣлесныхъ прелестей, забирали въ свои руки мущинъ, правившихъ судьбами народовъ. Перечень такого содержанія, не смотря на всю недостаточность потребныхъ для того источниковъ, дошелъ бы, быть можетъ, до супруги Пентефрія, состоявшаго, какъ надобно полагать, подъ туфлею своей жены. Пришлось бы упомянуть и о мудромъ Периклѣ, которымъ сильно заправляла прелестная Аспазія. По мѣрѣ того, какъ исторія все болѣе и болѣе проливаетъ свѣта на минувшіе вѣка, все яснѣе становится вліяніе женщинъ, которыя пріобрѣтали политическое значеніе, пользуясь или постоянной любовью, или страстнымъ увлеченіемъ женолюбивыхъ властителей. Наибольшую извѣстность въ этомъ отношеніи получили короли французскіе изъ дома Бурбоновъ. Ихъ «метрессы» за-частую управляли и внутреннею и внѣшнею политикою Франціи. Впрочемъ, быть можетъ, такою извѣстностью они, главнымъ образомъ, обязаны болтливости своихъ вѣрноподданныхъ, которые усерднѣе, чѣмъ представители другихъ національностей, вели такъ называемыя «скандалёзныя хроники» о своихъ августѣйшихъ повелителяхъ. Нѣмцы и англичане были всегда на этотъ счетъ гораздо сдержаннѣе, и потому о любовныхъ похожденіяхъ ихъ государей дошло до насъ несравненно менѣе свѣдѣній. Независимо, впрочемъ, отъ этого, можно сказать, что вообще нѣмецкіе династы разныхъ наименованій были поскромнѣе и сами по себѣ. Они не такъ легкомысленно нарушали супружескія узы, а также и тѣ сердечныя связи, которыя устанавливались иной разъ и помимо супружескихъ обѣтовъ. Если же они пошаливали на сторонѣ, то дѣлали это обыкновенно слишкомъ осторожно, безъ явнаго соблазна, и экономно, безъ особенныхъ затратъ изъ государственной казны. Правда, одинъ изъ нѣмецкихъ государей прошлаго столѣтія, а именно курфюрстъ саксонскій Августъ-Фридрихъ, нагрѣшилъ въ этомъ отношеніи на своемъ вѣку слишкомъ много, такъ что проказамъ его по любовной части могъ бы, пожалуй, позавидовать и самый наи-извѣстнѣйшій соблазнитель и отчаянный волокита донъ-Жуанъ; но такая доля, какъ будто, на роду была написана Августу-Фридриху, такъ какъ судьба предназначила ему царствовать одновременно въ двухъ такихъ странахъ — въ Саксоніи и въ Польшѣ — которыя славились хорошенькими женщинами. Поэтому, королю-курфюрсту было т[illegible]овато устоять противъ постояннаго искушенія, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ былъ такой молодецъ и красавецъ, что женщины увлекались имъ и отдавались ему со всѣмъ пыломъ страсти, безъ особаго съ его стороны ухаживанія и исканія.

Спустя слишкомъ столѣтіе послѣ воцаренія Августа въ Саксоніи, явился въ Германіи властитель другой отрасли германскаго племени, надѣлавшій много шума и переполоха въ своей, хотя и не слишкомъ обширной, но все-таки относительно Германіи весьма значительной державѣ, занимавшей, послѣ Австріи и Пруссіи, первенствующее мѣсто въ покойномъ Германскомъ союзѣ. Нельзя сказать съ достовѣрностью, былъ ли онъ женолюбивъ постоянно, отъ самой юности, или только однажды въ жизни лукавый попуталъ его, но за то попуталъ такъ ловко, что онъ своими любовными похожденіями надѣлалъ и самому себѣ, и своимъ подданнымъ, не мало хлопотъ и учинилъ превеликій скандалъ на всю Европу. Извѣстно, что есть люди, которые бываютъ такъ счастливы, что имъ все какъ-то безнаказанно сходитъ съ рукъ, и, наоборотъ, есть такіе, которые изъ-за пустяковъ попадаются съ перваго же разу не только въ просакъ, но и въ бѣду, и при этомъ — чтò бываетъ еще хуже — съ огласкою чуть ли не на весь бѣлый свѣтъ. Къ числу такихъ неудачниковъ принадлежалъ — какъ надобно полагать — и король баварскій, Людвигъ I. Объ его любовныхъ похожденіяхъ до поры не было ничего слышно. Къ тому же времени, къ которому относится нашъ разсказъ, онъ уже двадцать два года чинно и незазорно отсидѣлъ на своемъ наслѣдственномъ престолѣ и успѣлъ постарѣть, обрюзгнуть, поослабнуть, полысѣть и посѣдѣть. Такъ какъ ему шелъ уже шестьдесятъ второй годъ, то и можно было предполагать, что съ нимъ никакъ не приключится той напасти, которая такъ внезапно и такъ грозно разразилась надъ нимъ изъ-за его любовныхъ похожденій.

II.

Людвигъ I, король баварскій, родившійся въ 1786 году, не слылъ, какъ мы сказали, женолюбцемъ въ Европѣ — чтò, впрочемъ, могло происходить и отъ того, что Европа не особенно занималась имъ, какъ государемъ только второразряднымъ. Не слылъ онъ искателемъ любовныхъ похожденій и въ Германіи и даже въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, но тѣмъ не менѣе любовь къ женской красотѣ давно уже проявлялась въ немъ, какъ эстетическое чувство. Подобно тому, какъ курфюрстъ - король Августъ II отвелъ въ своемъ дворцѣ, въ Варшавѣ, особую залу для помѣщенія въ ней портретовъ красавицъ, такъ точно поступилъ въ Мюнхенѣ и Людвигъ I. Онъ также предназначилъ въ своемъ дворцѣ особую залу для портретовъ красивѣйшихъ женщинъ и дѣвушекъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что собранные имъ въ залѣ портреты не имѣли такого значенія трофеевъ, какое они имѣли въ коллекціи Августа II, который помѣщалъ въ своей дворцовой залѣ портреты тѣхъ женщинъ, надъ которыми онъ одерживалъ побѣды. Нынѣ эта любо-

пытная коллекція — неизвѣстно въ полномъ ли составѣ, или только частію — находится въ одной изъ залъ Лазенковскаго дворца подъ Варшавой. Король баварскій былъ страстный поклонникъ всего прекраснаго, и возведенныя имъ въ его столицѣ постройки и сооруженія остались до нынѣ памятниками его любви къ изящному, хотя нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ и оказываются не безъ изъяна при строго-художественной ихъ оцѣнкѣ. Любя все изящное, Людвигъ, конечно, не могъ обойти и того, что̀ едва ли не съ перваго дня сотворенія міра считалось, да и до нынѣ считается, вѣнцомъ всего прекраснаго, т. е. онъ не могъ обойти женской красоты, и потому задумалъ составить коллекцію наилучшихъ ея образчиковъ. Самъ король и работавшіе для него лучшіе германскіе и иностранные художники, а также разныя лица, на вкусъ которыхъ онъ могъ положиться, хлопотали о томъ, чтобы самыя привлекательныя женскія личики переносились на полотно и затѣмъ дѣлались бы украшеніемъ предназначенной для того дворцовой залы. Лишь только во дни короля Людвига I появлялась въ его столицѣ какая нибудь дѣвушка, замужняя женщина, или вдовушка замѣчательной красоты, то о такомъ появленіи безотлагательно представлялся его величеству всеподданнѣйшій докладъ. Затѣмъ, по удостовѣренію со стороны его самаго въ справедливости такого доклада, красавицѣ — смотря по ея званію — или лично королемъ, или подходящею къ тому персоною, дѣлалось лестное и самое любезное предложеніе—позволить снять съ себя портретъ. Разумѣется, что ни одна изъ такихъ избранницъ не отказывалась отъ дѣлаемой ей чести и потому дворцовая зала пополнялась все болѣе и болѣе снимками съ такихъ красотокъ, которыя теперь или отошли уже въ лучшій міръ, или доживаютъ свой вѣкъ на скорбномъ старушечьемъ положеніи, съ горестью вспоминая ту безвозвратно минувшую пору, когда ихъ взглядъ или улыбка приводили въ восторгъ толпы ихъ поклонниковъ. Изъ всѣхъ поступившихъ въ дворцовую залу красавицъ считается, по установившемуся преданію, на зависть всѣмъ ея соперницамъ, самою прелестною дочь какого-то мюнхенскаго сапожника; но судьба этой красавицы намъ неизвѣстна, какъ неизвѣстно и то мѣсто, гдѣ теперь или почіетъ ея прахъ, или обрѣтаются ея забытыя развалины.

Казалось бы, вращаясь въ области живописной женской красоты, король Людвигъ долженъ бы былъ встрѣтиться и съ такимъ одушевленнымъ образомъ, который могъ бы замѣнить ему безчувственный портретъ. Этого однако не случилось въ продолженіе многихъ лѣтъ. Собраніе портретовъ шло благополучно и король любовался ими только какъ истинный любитель художественныхъ произведеній. Много промелькнуло передъ королемъ и брюнетокъ, и блондинокъ, и даже рыженькихъ, и худенькихъ, и полненькихъ, и черноокихъ, и голубоокихъ, съ различными оттѣнками и отли-

вами ихъ очей, начиная отъ мрака ночи, или яркой синевы дневныхъ небесъ, и кончая или сѣрымъ небомъ, или цвѣтомъ морской волны. На бѣду, однако, послѣдній внесенный въ дворцовую залу портретъ надѣлалъ такой переполохъ, какого никакъ не предвидѣли ни самъ король, ни его вѣрноподданные, не только не тяготившіеся прежде его державствованіемъ, но выражавшіе ему по-

Photolypie Gaillard, Berlin.

Людвигъ I, король баварскій.

Съ портрета Бодмера.

стоянно чувство почтительной любви и безграничной преданности. Какъ обыкновенно случается, бѣда пришла къ королю оттуда, откуда ее вовсе не ожидали.

Подлинникъ этого рокового портрета чуть не сдѣлался причиною низложенія съ престола знаменитаго дома Виттельсбаховъ, владычествовавшаго въ Баваріи почти тысячелѣтіе, которое года два тому назадъ и истекло всею полностью. Вслѣдствіе тѣхъ бурныхъ

событій, какія вызвалъ упомянутый подлинникъ, снятый съ н портретъ подвергся опалѣ со стороны королевской фамиліи. Пре никъ Людвига I, родной его сынъ, приказалъ закрыть этотъ по ретъ, какъ несчастный памятникъ сердечной слабости его р теля, зеленою шелковою занавѣскою, и подъ этой занавѣской ск талось личико женщины, о похожденіяхъ которой мы и поведе теперь нашъ разсказъ.

Баварія — одно изъ древнѣйшихъ, средней руки, германски государствъ — пребывала подъ державою дома Виттельсбаховъ в непрерывномъ его мужскомъ поколѣніи, сперва въ видѣ герцогств потомъ курфюршества и, наконецъ, королевства. Государи Бавар были одно время въ такомъ большомъ почетѣ, что одинъ изъ них Оттонъ, еще въ началѣ XIII столѣтія, предъявлялъ свои притяз нія на римско-нѣмецкую императорскую корону. Въ 1623 году, гер цоги баварскіе получили наслѣдственное достоинство курфюрстов и одинъ изъ нихъ, Карлъ-Альбертъ, былъ на столько могуществен что, предъявивъ свое право на наслѣдство послѣдняго изъ Габсбу говъ, императора Карла VI, завоевалъ всю Австрію и во Фран фуртѣ-на-Майнѣ былъ, въ 1742 году, коронованъ императором римско-нѣмецкимъ. Затѣмъ ему, однако, не посчастливилось; он былъ побѣжденъ австрійцами, и послѣ его смерти право на бавар скую корону перешло сперва къ его сыну, а потомъ къ сроднику Максимиліану-Іосифу, которому императоръ Наполеонъ, въ 1806 году въ вознагражденіе за преданность Франціи, пожаловалъ королевскі титулъ, и титулъ этотъ, въ 1825 году, вмѣстѣ съ властью, ограни ченною конституціею 1818 года, достался его сыну и наслѣднику Людвигу I, который и занимаетъ самое видное мѣсто въ нашем разсказѣ объ оригиналѣ завѣшаннаго портрета.

Церковная реформація, произведенная Лютеромъ въ Германіи, не коснулась Баваріи. Страна эта не только осталась неизмѣнно вѣрною папскому престолу, но и стала гнѣздилищемъ ультрамон танства, которое, ко времени вступленія на престолъ Людвига I, сдѣлалось въ Баваріи могучею силою. Независимо отъ этого, ко ролю Людвигу не слишкомъ нравилась конституція, которую онъ нарушалъ постоянно въ пользу своихъ державныхъ правъ, и такой произволъ возбуждалъ порою неудовольствіе среди аристократіи; но вообще баварцы любили Людвига и вовсе не думали причинять ему какія-либо неудовольствія, и собственно не политика, но любовь, ослѣпившая состарившагося короля, была причиною извѣданныхъ имъ невзгодъ.

III.

За два года до вступленія на престолъ Людвига I, у одного карлистскаго офицера, Поррисъ-и-Монтесъ, родилась дочь, Марія-Долоресъ, отъ брака его съ креолкою, родомъ изъ Гаваны. Офи-

церъ этотъ вскорѣ умеръ и маленькая его дочь — называвшаяся ласкательнымъ именемъ «Лола» — осталась на попеченіи матери, вышедшей вскорѣ замужъ за какого-то благороднаго ирландца. Лола родилась въ Андалузіи, въ Севильѣ, на берегахъ Гвадалквивира. Отъ встрѣчающихся здѣсь именъ вѣетъ поэзіей испанскихъ романсеро, чудятся звуки гитары и мандолины, бряцанье кастаньетъ, напѣвъ серенады, а также бѣгъ и шумъ Гвадалквивира и видятся фанданго и болеро. Вообще, поэтическая обстановка окружала новорожденную Лолу; но жизнь ея, на первыхъ же порахъ дѣтства, обратилась для нея въ тяжелую прозу. Мать Лолы осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію, и подроставшей, а вмѣстѣ съ этимъ и хорошѣвшей день-ото-дня дѣвушкѣ пришлось искать средствъ къ жизни на театральныхъ подмосткахъ, гдѣ соблазны встрѣчаются на каждомъ шагу, такъ какъ для большинства мужчинъ актрисы, и преимущественно балерины, имѣютъ особое обаяніе и многіе изъ мужчинъ могутъ, примѣняя къ себѣ, сказать стихи Пушкина:

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прекрасны, милые друзья;
Но все же ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня...

Такъ, въ 1847 году, разсказывала о своемъ происхожденіи и о первыхъ годахъ своей жизни сама Лола Монтесъ въ статьѣ, напечатанной отъ ея имени въ «Кельнской Газетѣ», въ опроверженіе того злословія, которое стала распускать въ это время о ней періодическая нѣмецкая печать. Повѣрили ли, или нѣтъ, нѣмцы заявленію Лолы — неизвѣстно; но въ другихъ европейскихъ странахъ, а между прочимъ и въ Россіи, куда также дошла молва о Лолѣ Монтесъ, не справлялись ни о ея родословной, ни о ея прежней жизни, и видѣли въ ней только молоденькую и хорошенькую женщину, отличавшуюся большими странностями.

Давно уже забыта Лола Монтесъ, кружившая когда-то головы и юношамъ, и зрѣлымъ людямъ, и старикамъ. Давно уже не встрѣчалось имя ея въ европейской печати; но вдругъ, въ концѣ прошлаго года, одинъ нѣмецкій писатель, Альбертъ Линднеръ, въ журналѣ «Aus allen Zeiten und Landen» помѣстилъ статью подъ заглавіемъ «Lola Montez in München».

Можно сказать, что г. Линднеръ слишкомъ тяжеловѣсно отнесся къ Лолѣ, отличавшейся и легкостію поведенія, и легкостію ножекъ. Ухабисто-нѣмецкимъ слогомъ нѣмецкаго гелертера онъ написалъ учено-политическій розыскъ о Лолѣ. Съ строгою критикою онъ принялъ заявленія этой искательницы приключеній о себѣ самой, разсмотрѣлъ съ конституціонной точки зрѣнія отношенія къ ней ея высокаго покровителя, а также ея собственные

поступки съ юридической и нравственной стороны, обсудилъ всесторонне образъ дѣйствія тогдашняго баварскаго министерства, а также и вліяніе ультрамонтанской партіи въ Баваріи и государственные порядки въ этой странѣ. Короче, г. Линднеръ написалъ такой ученый трактатъ, который онъ смѣло бы могъ, съ полной увѣренностью въ успѣхѣ, представить на соисканіе академической преміи, если бы когда нибудь была задана тема: «политическое значеніе Лолы Монтесъ». Не смотря на ученыя достоинства этого трактата, читать его и скучно, и утомительно. Вся необходимая въ этомъ случаѣ, такъ сказать, женственность содержанія и красокъ исчезаетъ. Суровый біографъ Лолы Монтесъ является какимъ-то строгимъ судебнымъ слѣдователемъ и идетъ гораздо далѣе, чѣмъ обыкновенный безпристрастный историкъ. Конечно, политическими воззрѣніями г. Линднера на Лолу можно и даже должно воспользоваться; но при этомъ необходимо измѣнить одностороннюю точку зрѣнія автора упомянутой статьи, взяться за иной способъ изложенія и дополнить встрѣчающіеся у него пробѣлы другими свѣдѣніями, болѣе оживляющими разсказъ о молоденькой женщинѣ, надѣлавшей въ свое время не мало шуму въ цѣлой Европѣ, и съ своей стороны мы постарались исполнить это.

IV.

Къ настоящей нашей статьѣ приложены два портрета Лолы Монтесъ. Въ то время, когда она пріобрѣла свою извѣстность, фотографія была еще только въ зачаткѣ и произведенія ея являлись въ видѣ даггеротиповъ; нынѣшнія карточки и кабинетные портреты, воспроизводимые на бумагѣ, въ продажѣ еще не появлялись и даже едва-ли приготовлялись. Такимъ образомъ, нельзя по этимъ портретамъ, какъ гравированнымъ съ другихъ портретовъ, судить о вполнѣ удовлетворительномъ сходствѣ ихъ съ оригиналомъ, да притомъ вообще портреты, а тѣмъ болѣе гравированные, не могутъ передать, какъ должно, наружности человѣка, а въ особенности — молодой женщины, гдѣ цвѣтъ лица, блескъ глазъ, мѣняющаяся улыбка составляютъ такія принадлежности наружности, безъ которыхъ нельзя воспроизвести точный ея образъ. Впрочемъ, Лола не отличалась поразительною красотою. Тѣ изъ русскихъ, которые лично знали ее, разсказывали, что, стоя передъ нею, нельзя было вообразить себѣ, что стоишь передъ «испанкой благородной», такъ какъ она по своей наружности прежде всего напоминала миловидныхъ московскихъ цыганочекъ, — какую нибудь Матрешу или Стёшу. Очень можетъ быть, что она и дѣйствительно была по происхожденію не испанская донна, а андалузская хитана.

Съ своей стороны, г. Линднеръ, раздраженный тѣмъ, что Лола вызвала позоръ на одного изъ вѣнчанныхъ главъ Германіи, безпощадно преслѣдуетъ ее и разоблачаетъ собственныя ея, приведенныя нами выше, заявленія. Прежде всего, онъ отвергаетъ «благородное» происхожденіе Лолы, и ея прикрашенному, по его

Лола Монтесъ.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

мнѣнію, разсказу противопоставляетъ другой ходившій въ свое время разсказъ о томъ, что Лола родилась въ какой-то андалузской деревенькѣ и была дочь крестьянина, занимавшагося сапожнымъ мастерствомъ, что всѣ разсказы объ испытанныхъ ею въ дѣтствѣ лишеніяхъ ничто иное, какъ только собственная ея выдумка, и что она могла бы провести свою жизнь среди своей семьи въ

относительномъ довольствѣ, если бы ея романтическія наклонности не увлекали ее съ самой ранней молодости на театральныя подмостки.

Мало того, г. Линднеръ, просто на просто, сомнѣвается даже въ испанскомъ происхожденіи Лолы и по поводу этого замѣчаетъ, что если она и дѣйствительно родомъ испанка, то все же она въ въ очень раннемъ возрастѣ должна была покинуть свое отечество, такъ какъ она впервые является не въ Испаніи, а въ Ирландіи, и притомъ, какъ природная ирландка, безъ испанскаго имени и фамиліи. «Все это было очень темное дѣло, и трудно догадаться—язвитъ обличитель Долоресъ Поррисъ-и-Монтесъ — какимъ образомъ «благородный» ирландецъ могъ забраться въ безвѣстную испанскую деревушку».

Гнѣвающійся на Лолу ея берлинскій біографъ оскорбительно для нее затрогиваетъ одинъ изъ вопросовъ, щекотливыхъ для каждой женщины, а именно—вопросъ объ ея лѣтахъ. Онъ сомнѣвается въ вѣрности показанія Лолы о томъ, что она родилась въ 1823 году, и если не добавляетъ ей противъ этого нѣсколько лишнихъ годиковъ, то все же не безусловно признаетъ 1823 годъ годомъ ея рожденія.

Къ вопросу о годахъ Лолы г. Линднеръ подходитъ такимъ образомъ: «23-го іюля 1837 года — говоритъ онъ — была въ городѣ Мэтѣ, въ Ирландіи, обвѣнчана дѣвица Роза Джильбертъ», которая была — по мнѣнію его — никто иная, какъ та особа, которая впослѣдствіи составила себѣ извѣстность подъ произвольно принятымъ ею именемъ Лолы Монтесъ. «Если — продолжаетъ г. Линднеръ—принять въ соображеніе, что она родилась въ 1823 году, то окажется, что при вступленіи ея въ бракъ ей было только 14 лѣтъ. Возрастъ конечно ранній для замужества вообще но все же— насмѣшливо добавляетъ г. Линднеръ — весьма подходящій для дѣвицы съ такою южною кипучею кровью, которая бурлила въ Лолѣ».

Замужъ вышла Роза Джильбертъ—будущая Лола Монтесъ—за какого-то Томаса Джемса. Невозможно, однако, доискаться, кто именно былъ ея супругъ, такъ какъ въ Ирландіи встрѣчается столько же Томасовъ Джемсовъ, столько у насъ, въ Россіи, напримѣръ, Ивановъ Ивановыхъ.

Съ своей стороны, Лола, въ упомянутомъ выше газетномъ заявленіи, опровергала ходившіе о ней еще въ 1847 году слухи. Она— какъ мы видѣли — упирала на то, что она родомъ испанка, дочь офицера, служившаго въ арміи карлистовъ, и жаловалась на то, что ее оскорбляютъ и унижаютъ, ошибочно принимая за госпожу Джемсъ, стяжавшую себѣ въ Лондонѣ такую дурную славу. Къ этому Лола не преминула добавить, что такое смѣшиванье нельзя допустить уже потому только, что госпожа Джемсъ, по крайней

мѣрѣ вдвое старше, чѣмъ она — Лола Монтесъ. Лола также просила не примѣшивать ея личности къ тѣмъ политическимъ событіямъ, которыя происходили въ Баваріи, и къ которымъ она вовсе не причастна.

V.

Обвѣнчавшись законнымъ порядкомъ съ Джемсомъ, Лола, осенью 1838 года, отправилась въ Индію съ своимъ мужемъ, который, какъ человѣкъ военный, долженъ былъ ѣхать туда на службу, въ свой полкъ. Съ молодою четою поплылъ въ Индію и маіоръ Крейтопъ, отчимъ мужа Лолы. Но въ Индіи оставалась она не долго, такъ какъ, осенью 1840 года, Роза Джемсъ уѣхала оттуда въ Европу, ссылаясь на то, что не можетъ переносить бенгальскаго климата и что, независимо отъ этого, здоровье ея растроилось вслѣдствіе паденія съ лошади во время прогулки верхомъ въ Калькуттѣ. Мужъ Лолы и его отчимъ усадили Розу на корабль, который и поплылъ внизъ по Гангу. Неизвѣстно, съ радостью или съ тоскою, разставались супруги, не предполагая, однако, что они никогда болѣе не встрѣтятся въ этой жизни. При отъѣздѣ изъ Индіи, Роза Джемсъ была поручена на время продолжительнаго плаванія попеченію англійскаго семейства Энгрэма и еще какихъ-то супруговъ, отплывшихъ съ нею на одномъ кораблѣ, называвшемся «Леркинсъ».

Въ Мадрасѣ корабль этотъ остановился, чтобъ взять новыхъ пассажировъ, между которыми, на горе мистеру Джемсу, оказался и лейтенантъ Леноксъ. Спустя нѣсколько дней — какъ разсказываетъ г. Линднеръ — общество пассажировъ, бывшее на пароходѣ, замѣтило, что Лола принялась кокетничать съ молодымъ и красивымъ лейтенантомъ. Неблагорасположенный къ ней ея нѣмецкій біографъ поставляетъ это на видъ, какъ нравственную распущенность молодой женщины, хотя въ сущности здѣсь нѣтъ ничего особенно предосудительнаго, тѣмъ болѣе, что Лола пустила въ ходъ кокетство даже не при первой встрѣчѣ съ лейтенантомъ Леноксомъ, а спустя нѣсколько дней. Да и способъ ея кокетничанья г. Линдиеръ обозначилъ англійскимъ словомъ «flitation», подъ которымъ даже у самыхъ чопорныхъ англичанъ подразумѣвается собственно кокетство въ весьма скромной степени.

Когда Лола высадилась на берегъ въ Дублинѣ, то тамъ встрѣтилъ ее маіоръ Мюллэнъ, вниманію котораго поручилъ Лолу отчимъ ея мужа. Новый знакомецъ предложилъ мистрисъ Джемсъ воспользоваться его гостепріимствомъ и помѣститься въ его домѣ; но Роза отклонила это предложеніе и въ добавокъ совершенно неожиданно заявила, что она не желаетъ имѣть никакихъ сношеній съ родными своего мужа, а намѣрена выйти замужъ за лейтенанта Ленокса. Мистеръ Мюллэнъ поспѣшилъ сообщить объ

этой неожиданности Джемсу, который, какъ мужъ, оскорблен
такимъ поступкомъ своей супруги, въ свою очередь, не замедли
прислать въ Лондонъ просьбу о разводѣ съ измѣнницею.

Въ то время — а можетъ быть и теперь еще такъ ведется — бракоразводныя дѣла въ Англіи подлежали вѣдѣнію палаты ло довъ, и изъ членовъ этой палаты назначались особые судьи по д ламъ такого рода. Въ числѣ судей состоялъ тогда, между прочим и лордъ Брумъ, извѣстный своею страстью вмѣшиваться въ су ружескіе разлады. При разсмотрѣніи просьбы о разводѣ, онъ д искивался до самыхъ мельчайшихъ подробностей супружеской жизн причемъ свои ухищренные допросы онъ обращалъ преимуществен на просительницъ и обыкновенно принималъ ихъ сторону. Так какъ теперь о разводѣ просилъ не только мужъ, но и жена, т при участіи лорда къ судьбѣ мистрисъ Джемсъ, разводъ—впрочем не окончательный—былъ вскорѣ дозволенъ. Чету Джемсовъ толь разлучили, по формальному каноническому выраженію, отъ сто и ложа (a mensa et toro) но въ выданномъ мистрисъ Джемсъ копі судебнаго рѣшенія опредѣленіе суда было изложено такъ туманно что Роза могла считать себя совершенно свободною отъ брачных узъ. Получивъ такое рѣшеніе, будущая Лола Монтесъ объявила, что она не желаетъ вступать въ бракъ съ Леноксомъ, а предпо лагаетъ пользоваться безусловной свободой, и съ этого времени начинается ея кочевая жизнь.

VI.

Около этой поры, въ Парижѣ, подъ вліяніемъ поэзіи Альфред де-Мюссе, была мода на все испанское. Въ особенности же ув кались парижане испанскими танцами. Въ тамошнихъ теа ежедневно безъ устали танцовали качучу, болеро и фанданго. столицѣ Франціи появился цѣлый рой обольстительныхъ крас изъ испанскихъ уроженокъ, которыя, порхая на сценѣ, при въ восторгъ не только молодежь, но и старцевъ. Смѣтливая тотчасъ поняла, что испанскіе танцы проложатъ ей дорогу и, п нявъ испанское имя Маріи-Долоресъ Поррисъ-и-Монтесъ, выступила на сцену, какъ испанская танцовщица.

По свидѣтельству г. Линднера, подъискивающаго все не въ пользы доны Долоресъ, Лола очень дурно исполняла испанскіе танцы, и это обстоятельство, по мнѣнію придирчиваго ея біографа, заставляетъ предполагать подложность ея испанскаго происхожденія. Но если съ точки зрѣнія строгаго хореграфическаго искусства танцы Лолы оказывались и неудовлетворительными, за то та часть публики, которая, помимо искусства, искала въ танцахъ проявленія чувственности и страсти, была въ восхищеніи отъ новоявл-

вшейся танцорки. Большинство зрителей приходило въ восторгъ отъ тѣлодвиженій Лолы, то медленныхъ и томительныхъ, то такихъ быстрыхъ и напряженныхъ, что отъ нихъ трещалъ ея туго стянутый шелковый корсетъ. Какъ бы, впрочемъ, она ни танцо-

Лола Монтесъ.
Съ современной литографіи.

вала плохо въ художественномъ отношеніи, но всѣмъ нравились ея танцы, такъ какъ, вѣроятно, она исполняла ихъ примѣнительно къ словамъ одной современной намъ опереточной пѣсенки:

«Взгляните здѣсь, взгляните тамъ,
Скажите, нравится ли вамъ?..»

Составивъ себѣ въ Парижѣ не совсѣмъ скромную извѣстность, Лола Монтесъ отправилась путешествовать по Европѣ. Нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ она миновала разстояніе, отдѣляющее Парижъ отъ Берлина, но посѣщеніе ею этого послѣдняго ознаменовалось съ стороны ея громкимъ скандаломъ. Когда здѣсь король Фридрихъ Вильгельмъ IV производилъ парадъ своимъ войскамъ, Лола явилась на парадъ амазонкою, и когда она захотѣла проѣхать тамъ, гдѣ ѣзда была запрещена, то подскакавшій къ наѣздницѣ жандармъ счелъ нужнымъ удержать ея лошадь. Съ своей стороны Лола, вмѣсто того, чтобъ послушаться жандарма, въ возмездіе за его усердіе по части поддержанія порядка, нанесла ему сильный ударъ хлыстомъ по лицу. Въ Пруссіи никогда не любили шутить съ нарушителями общественнаго порядка и потому Лолу на другой же день потянули къ суду. Ей предстояла за ея поступокъ кара куда-какъ не легкая—заключеніе на нѣсколько мѣсяцевъ въ смирительномъ домѣ. Кару эту слѣдовало усилить еще болѣе, такъ какъ она, получивъ повѣстку о явкѣ въ судъ по дѣлу объ оскорбленіи дѣйствіемъ въ публичномъ мѣстѣ жандарма, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, оскорбила и судъ. Принявъ съ пренебреженіемъ присланную ей повѣстку, она разорвала ее въ клочки и бросила ихъ въ лицо полиціанту.

Лолѣ приходилось плохо и она обратилась съ просьбою о помилованіи непосредственно къ самому королю; а благодушный Фридрихъ-Вильгельмъ IV написалъ на ея просьбѣ слѣдующія строки:

«Мамзель Лола — простодушный ребенокъ и хорошенькая дѣвушка, и мы полагаемъ, что поступокъ ея не заслуживаетъ такого строгаго наказанія, какъ заключеніе въ смирительномъ домѣ. Полицейскія власти должны озаботиться, чтобы она немедленно выѣхала изъ Берлина, почему и надлежитъ выдать ей паспортъ».

Это собственноручное повелѣніе короля было закрѣплено постановкою внизу его двухъ буквъ—Ф. В. т. е. Фридрихъ-Вильгельмъ, и адресовано на имя президента берлинской позиціи Путкаммера.

Неизвѣстно, какимъ образомъ Фридриху-Вильгельму, человѣку весьма почтенному не только по его высокому сану, но и по его старческимъ годамъ, была знакома хорошенькая наѣздница, и при томъ не какъ замужняя дама, а какъ простодушная миленькая дѣвушка.

Изъ Берлина Лола переѣхала въ Варшаву, предшествуемая молвою о ней, какъ объ очаровательной вѣтреницѣ. Здѣсь она танцовала на сценѣ Большаго театра нѣсколько разъ, и дѣло шло благополучно то тѣхъ поръ, пока она приподняла уже слишкомъ высоко одну ногу, быстро сняла подвязку и бросила ее въ партеръ. Въ партерѣ поднялась суматоха: одни хотѣли овладѣть подвязкой Лолы, какъ дорогимъ сувениромъ, а другіе разразились сильнымъ негодованіемъ противъ такой дерзкой выходки. Около той поры,

балетъ въ Варшавѣ былъ превосходный, а польки-«балетнички» были на подборъ—красотка къ красоткѣ. Директоръ варшавскихъ театровъ, генералъ Абрамовичъ, чрезвычайно дорожилъ балетомъ, о представительницахъ котораго имѣлъ самое заботливое попеченіе и его высокій начальникъ, свѣтлѣйшій князь Варшавскій. Паскевича, во время казуса Лолы, въ Варшавѣ не было. Быть можетъ, онъ, хотя уже и порядкомъ поустарѣвшій и поуходившійся на поприщѣ любовныхъ похожденій, все-таки оказалъ бы Лолѣ снисхожденіе. Замѣстителемъ его былъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, вовсе не охотникъ до женскаго пола, человѣкъ весьма почтенныхъ лѣтъ, и при томъ крайне близорукій, и въ добавокъ чрезвычайно разсѣянный или, вѣрнѣе сказать, растерянный. Онъ отличался еще тѣмъ, что не только не засматривался на хорошенькихъ женщинъ, но даже и вовсе не замѣчалъ ихъ. Въ строгости съ Лолой была отчасти и политическая подкладка. Скандалъ былъ совершенъ ею въ императорско-царскомъ театрѣ, слѣдовательно, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, какъ бы въ нѣкоемъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ даже самыя игривыя балерины танцовали съ лукавою скромностью, благопристойно и чинно. Князь Горчаковъ, и почтенный генералъ-директоръ, хотя и совершенно напрасно, опасались, что заѣзжая балерина, какъ новинка, чего добраго отобьетъ молодежь отъ мѣстнаго балета, и потому выходкѣ Лолы былъ приданъ политическій оттѣнокъ. Мѣстнымъ властямъ пришло на мысль, что Лола можетъ подавать зловредный примѣръ подчиненнымъ театральному вѣдомству варшавяночкамъ, которыя съумѣютъ, если вздумаютъ, поднять ножку, да еще пожалуй и по выше, чѣмъ Лола и, чего добраго, станутъ снимать уже не подвязки, а башмачки и бросать ихъ въ партеръ, гдѣ засѣдаютъ правительственныя лица, такъ что здѣсь можетъ быть подразумѣваема и политическая демонстрація. Дѣло, однако, кончилось тѣмъ, что Лолу выпроводили изъ Варшавы. Она не хотѣла подчиниться такой полицейско-принудительной мѣрѣ и вступила въ переписку съ тогдашнимъ министромъ, статсъ-секретаремъ царства Польскаго, Туркуломъ, который, какъ говорили, былъ неравнодушенъ къ Лолѣ. Въ Варшавѣ къ числу ея обожателей примкнулъ молодой гусарскій офицеръ, родомъ полякъ. Пишущій настоящія строки зналъ лично этого молодаго человѣка. О немъ говорили, что онъ пользовался особенною благосклонностью Лолы и что, будто-бы, онъ отбилъ ее у короля Людвига I, за что и былъ отправленъ на Кавказъ. Но примѣсь короля по хронологической повѣркѣ оказывается не точною, такъ какъ тогда Лола не появлялась еще въ Мюнхенѣ.

Извѣстность Лолы распространялась все болѣе и болѣе, чему особенно содѣйствовали происходившія изъ за нее дуэли, которыя всего болѣе содѣйствуютъ прославленію женщины, ищущей себѣ поклонниковъ. Изъ Варшавы Лола переѣхала на житье въ Ба-

денъ-Баденъ, и тамъ однажды, на балу въ общественномъ собра[нiи]
затанцовалась—какъ выражались у насъ въ старину—столь «[не]истово», что присутствовавшiя на балу дамы поспѣшили поскорѣ[е]
выбраться изъ залы. Изъ Баденъ-Бадена Лола перебралась [въ]
Мюнхенъ, который и сдѣлался мѣстомъ ея любовно-политическ[ихъ]
подвиговъ, доставившихъ ей обще-европейскую извѣстность.

VII.

Мы уже ознакомили нашихъ читателей съ личностью корол[я]
баварскаго Людвига I, на столько, на сколько это нужно въ н[а]стоящемъ разсказѣ. Ни о государственныхъ его дѣянiяхъ, ни о е[го]
военныхъ подвигахъ, говорить теперь не приходится, да о послѣд[]
нихъ ничего нельзя и сказать, такъ какъ ихъ за Людвигомъ вов[се]
не числится. Въ Мюнхенѣ Лола не выступала въ качествѣ бал[ле]рины, не смотря на то, что нѣмцы очень любятъ танцы и бале[ту]
оказываютъ даже историческiй почетъ. Такъ, напримѣръ, въ дре[з]денскомъ музеѣ древностей помѣщено въ особой витринѣ, на ряд[у]
съ историческими бранными доспѣхами, нѣсколько паръ башма[]ковъ тѣхъ танцовщицъ, которыя въ былое время порхали по раз[]личнымъ европейскимъ сценамъ и прiобрѣли себѣ извѣстность.

Изъ Бадена Лола прiѣхала въ столицу Баварiи въ очень тя[ж]кихъ обстоятельствахъ. Она постоянно вела самую нерасчетливую
жизнь и на бѣду ея въ эту пору у ней не было покровителей съ
туго набитымъ карманомъ, такъ какъ подобные поклонники не
встрѣчаются сплошь-и-рядомъ. Дѣло дошло до того, что слишкомъ
много задолжавшую Лолу кредиторы ея хотѣли упрятать въ домъ
заключенiя неисправныхъ должниковъ; но вдругъ бѣдственныя ея
обстоятельства совершенно измѣнились, чему именно и посодѣйствовали ея кредиторы. Подъ страхомъ ихъ угрозъ и узнавъ уже
по опыту, въ Берлинѣ, что молоденькой и хорошенькой женщинѣ
не слишкомъ трудно прiобрѣсти себѣ даже высочайшихъ покровителей, и зная, что король Людвигъ большой любитель всего прекраснаго, а между прочимъ и женской красоты, Лола испросила
у него аудiенцiю, надѣясь, что его величество соблаговолитъ войти
въ ея бѣдственное положенiе и, такъ или иначе, избавитъ ее отъ
преслѣдованiй со стороны грозныхъ кредиторовъ. Лола не ошиблась въ своей прiятной надеждѣ. Тотчасъ по прiѣздѣ своемъ въ
Мюнхенъ, она обратила на себя вниманiе публики, и многiе считали ее достойной попасть въ дворцовую портретную залу. Докладъ
королю о томъ, что нѣкая дѣвица, «благородная испанка», Долоресъ Поррисъ-и-Монтесъ осмѣливается просить у его величества
самую непродолжительную аудiенцiю, сопровождался докладомъ и
о томъ, что ей можно было бы отвести мѣсто въ портретной залѣ.

Король изъявилъ желаніе допустить предъ свои ясныя очи «простодушнаго ребенка и хорошенькую дѣвушку». Неизвѣстно, была ли продолжительна первая аудіенція и повторилась ли она еще разъ; извѣстно лишь, что Лола, послѣ перваго свиданія съ королемъ, не только раздѣлалась со всѣми своими кредиторами, но и стала жить на очень широкую ногу; а портретъ ея появился въ дворцовой залѣ.

По другому разсказу, починъ знакомства Лолы съ королемъ принадлежалъ этому послѣднему, а не ей самой. Говорили, что во время одной духовной процессіи, происходившей на улицахъ католическо-набожнаго Мюнхена, какая-то молоденькая дамочка обратила на себя вниманіе короля своими «театральными манерами». Дамочка эта и была Лола, вѣроятно, пустившая въ ходъ тѣ обольстительные взгляды и тѣлодвиженія, которые увлекали зрителей во время ея танцевъ на сценѣ. Разумѣется, что она не могла танцовать на улицѣ, да еще во время духовной процессіи; но бросаемые ею на короля нѣжные и томные взгляды и выразительная мимика ея личика возбудили заснувшія страсти державнаго старца, который и поспѣшилъ свести близкое знакомство съ своей ловкой искусительницей.

Вскорѣ послѣ того, сперва въ Мюнхенѣ, а потомъ и во всей Баваріи, заговорили не только о сердечныхъ отношеніяхъ короля къ Лолѣ, но и о томъ, что она пріобрѣла надъ этимъ старцемъ неотразимое вліяніе. Толковали, что король вручилъ ей ключъ отъ своего кабинета, въ который она могла такимъ образомъ входить во всякое время безъ доклада. Лола являлась теперь какъ бы повтореніемъ любовницы Людовика XV, госпожи Дюбарри, разумѣется, въ уменьшонномъ размѣрѣ, соотвѣтственно той разницѣ, какая существовала между величіемъ короля французскаго и относительной незначительностью короля баварскаго. Чтобы нравиться своему высокому покровителю, Лола употребляла тѣ же самые пріемы, какіе употребляла Дюбарри въ своихъ сношеніяхъ съ Людовикомъ, и дѣла ея пошли отлично.

Доказательства любви къ ней короля были на лицо. Онъ купилъ ей на одной изъ лучшихъ улицъ своей столицы, Баррерштрассе, большой домъ, отдѣлалъ его съ поразительнымъ великолѣпіемъ и со всѣми удобствами. Въ немъ было все: и обширныя залы и гостиныя, и роскошные будуары, и зимній садъ, и фонтаны, и обширный, обставленный тропическими растеніями, мраморный бассейнъ съ проточной водой, замѣнявшій обыкновенную ванну.

Внѣшность дома, подареннаго королемъ Лолѣ, отличалась великолѣпной лѣпной работой, и ярко блестѣли въ окнахъ его большія зеркальныя стекла. Короче, домъ этотъ казался не жилищемъ заурядной танцовщицы, но дворцомъ владѣтельной особы, располагающей громадными богатствами.

При домѣ этомъ былъ изящный, открытый со всѣхъ сторонъ, балконъ, который — по разсказамъ современниковъ, перешедшимъ потомъ и въ печать — сдѣлался для Людвига I мѣстомъ публичнаго позора, не только какъ для короля, но и какъ для обыкновеннаго любовника. Забравъ Людвига въ свои руки, или — говоря нѣжнѣе — въ свои лапки, взбалмошная Лола позволяла себѣ съ нимъ самыя дерзкія и даже, просто-на-просто, глупыя выходки, и позволяла ихъ, не только оставаясь съ нимъ наединѣ или въ небольшомъ кружкѣ близкихъ къ королю людей, но выставляла его и на публичное посмѣшище. Такъ, однажды, она пригласила его усѣсться на балконъ, и, конечно, одно уже появленіе его здѣсь, да еще вмѣстѣ съ его любовницей, должно было произвести сильный скандалъ. Лола, однако, не удовольствовалась этимъ. Усадивъ короля на балконѣ, она быстро выпорхнула въ двери и впустила въ нихъ заранѣе приготовленнаго въ сосѣдней комнатѣ козла съ большущими рогами. Когда замечтавшійся, или, вѣрнѣе сказать, старчески-вздремнувшій на балконѣ король очнулся отъ происшедшаго около него шума, то съ изумленіемъ и, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнимъ негодованіемъ, увидѣлъ подлѣ себя вовсе неожиданнаго сосѣда, огромные рога котораго были самымъ наглядным намекомъ на то украшеніе, какое преподносила королю Лола. Король прежде всего кинулся къ дверямъ, чтобъ уйти съ балкона, но онѣ оказались запертыми на ключъ изнутри комнаты, и повелитель Баваріи долженъ былъ, въ виду собравшейся толпы, оставаться нѣкоторое время на балконѣ съ своимъ крайне непріятнымъ рогоноснымъ сотоварищемъ. Эта выходка Лолы сошла, однако, ей счастливо, и король остался съ ней въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, потерявъ, однако, среди своихъ вѣрноподданныхъ и послѣдній остатокъ уваженія.

VIII.

Въ ряду различныхъ скандаловъ, производимыхъ постоянно «простодушнымъ ребенкомъ», всего замѣтнѣе выдавалась ея страсть бить мущинъ; но женщинъ она никогда не затрогивала. Въ Мюнхенѣ эта страсть проявлялась въ ней съ особенной силою.

По пріѣздѣ въ Мюнхенъ, Лола помѣстилась въ самомъ лучшемъ въ ту пору тамошнемъ отелѣ — «Золотой Олень». Въ залѣ этого отеля устраивались между прочимъ и маскарады. Наступило заговѣнье, и въ этотъ день въ залѣ «Золотаго Оленя» былъ назначенъ маскарадъ по подпискѣ между общими знакомыми одного общества. Лакей Лолы захотѣлъ попасть на этотъ маскарадъ; но содержатель гостинницы, французъ Гавардъ, заявилъ ему, что онъ, Гавардъ, не имѣетъ права допустить его туда, такъ какъ маска-

радъ устроивается безъ постороннихъ гостей, только по личнымъ приглашеніямъ.

Когда Лола узнала о такомъ отказѣ ея лакею, то побѣжала къ Гаварду, котораго и застала въ общей залѣ. Французъ Гавардъ не только вѣжливо, но и чрезвычайно любезно объяснилъ ей причины отказа; а Лола, съ своей стороны, принялась съ запальчивостью говорить ему, что онъ не умѣетъ вести свое дѣло и поступаетъ весьма глупо, не допуская въ маскарадъ всѣхъ безъ разбора въ такой день, какъ заговѣнье. Но едва онъ началъ почтительно возражать Лолѣ, какъ получилъ отъ нея пощечину. Какъ кавалеръ, чрезвычайно сдержанный въ обращеніи съ дамами, Гавардъ сдѣлалъ видъ, будто и не замѣтилъ полученной имъ пощечины. Но на бѣду Лолы, находившійся въ это время въ залѣ портныхъ дѣлъ мастеръ Риль — неизвѣстно, желавшій ли поддержать Гаварда, или Лолу — вмѣшался въ ихъ разговоръ; но едва лишь онъ успѣлъ выговорить одно слово, какъ, за вмѣшательство не въ свое дѣло, тоже получилъ пощечину. Баварецъ, однако, не былъ такъ вѣжливъ, какъ французъ: онъ, сильно взбѣшенный, кинулся на обидчицу и принялся хлестать ее по щекамъ. Произошла сильная свалка. Риль скоро одолѣлъ свою противницу и, ухвативъ ее спереди за верхнюю часть корсета, поволокъ къ дверямъ, чтобъ вытолкать изъ залы. Поднялся страшный гвалтъ. Сбѣжались прислуга и жильцы; явилась также и полиція, и послѣдствіемъ этой схватки былъ уводъ и Риля, и Лолы въ полицейскій участокъ. Дѣло, однако, кончилось ничѣмъ, такъ какъ оскорбленіе и побои были обоюдными.

Не смотря на хорошую трепку, заданную Лолѣ Рилемъ, она не отставала отъ ручной расправы, и вслѣдствіе этого съ ней случился такой казусъ: у Лолы была любимая собачка, и когда эта любимица захворала, Лола отправила ее на излеченіе къ врачу, состоявшему профессоромъ при мюнхенскомъ ветеринарномъ училищѣ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Лола сама отправилась къ почтенному цѣлителю, чтобъ навѣдаться о состояніи здоровья поступившей къ нему паціентки. Ветеринаръ-профессоръ сообщилъ Лолѣ, что ея собачка не только не поправляется, но что ей сдѣлалось хуже, чѣмъ прежде. Лола отнесла это къ небрежности врача и, не вступая съ нимъ ни въ какія объясненія, закатила ему горячую оплеуху, а затѣмъ схватила собачку и побѣжала домой. Оскорбленный Лолою собачій эскулапъ не захотѣлъ спустить такой жестокой обиды и обратился въ судъ съ жалобой на Лолу. Но прежде, чѣмъ произошло разбирательство по этой жалобѣ, директоръ ветеринарнаго училища получилъ собственноручный рескриптъ короля, рекомендовавшій ему, директору, дѣвицу Долоресъ Поррисъ-и-Монтесъ, какъ шаловливаго ребенка, къ которому нельзя сурово относиться; и дѣло ея съ профессоромъ-ветеринаромъ было замято.

Драчливая Лола не унялась, и вскорѣ повторила тоже самое, по поводу той же собачки. Однажды, когда она прогуливалась по Людвигштрассе съ своей собачкой, въ сопровожденіи двухъ кавалеровъ, мимо нее прошелъ газетный разнощикъ съ своей собачкой. Разумѣется, что между этими собачками произошла обыкновенная встрѣча, а торопившійся по дѣлу разнощикъ, желая прекратить ихъ пріятную встрѣчу, замахнулся на нихъ. Лола не стерпѣла такого оскорбленія своей любимицы, и вдругъ разсыльный былъ ошеломленъ пощечиной, данной ему со всего размаху. Оскорбленный простолюдинъ, увидя, что драчунья была молоденькая, хорошенькая и изящно одѣтая дамочка, не заявилъ никакого протеста. Онъ только подивился ея смѣлости, пожалъ плечами, позвалъ свою собачку и преспокойно пошелъ своей дорогой. Иначе, однако, отнеслась къ такой расправѣ со стороны молодой дамы бывшая при этомъ публика. Тотчасъ собралась около Лолы толпа съ оскорбительными и угрожающими криками, такъ что она должна была укрыться въ находящійся поблизости магазинъ серебряныхъ издѣлій и оставаться тамъ до прибытія на ея выручку жандармовъ. По настоянію публики, миролюбивый самъ по себѣ простолюдинъ долженъ былъ заявить полиціи жалобу на нанесенное ему оскорбленіе; но затѣмъ онъ примирился со своей обидчицей, получивъ съ нее денежное вознагражденіе. Въ заступничествѣ за него публики была уже политическая подкладка. По поводу этого случая, мюнхенцы спрашивали одинъ другаго: почему какая-то иностранка позволяетъ себѣ оскорблять баварскаго гражданина? — и въ отвѣтъ на это слышались рѣчи, исполненныя негодованія противъ могущественнаго покровителя Лолы — короля Людвига. Король, однако, не обращалъ на этотъ зловѣщій признакъ никакого вниманія и только громко хохоталъ, когда ему разсказывали о расправѣ Лолы, и хвалилъ ее за ея отвагу.

Вскорѣ послѣ того, Лола опять пустила въ ходъ пощечину. Ей понадобилась какая-то справка на почтѣ и она отправилась въ королевскій почтамтъ. Когда она явилась туда, то начала распоряжаться тамъ, какъ у себя дома, и захотѣла войти въ то отдѣленіе почтамта, куда входъ публикѣ былъ запрещенъ. Одинъ изъ чиновниковъ указалъ ей на запретительное объявленіе, вывѣшанное на дверяхъ, но Лола, не отвѣчая ничего, размахнулась и звонкая пощечина раздалась въ залѣ почтамта. Былъ составленъ протоколъ приглашенною въ почтамтъ полиціей и на слѣдующій день Лола получила повѣстку — явиться въ полицейскую управу, какъ обвиняемая въ нарушеніи тишины и спокойствія въ присутственномъ мѣстѣ и за оскорбленіе дѣйствіемъ королевскаго чиновника, находившагося при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей. Взысканіе за это, само по себѣ, было не легкое; но Лола, раздраженная тѣмъ, что она должна была лично явиться въ по-

лицію и публично представить объясненія, поступила въ припадкѣ досады теперь точно такъ же, какъ поступила въ подобномъ случаѣ въ Берлинѣ. Полученную ею повѣстку она разорвала и принялась съ рѣзкою бранью топтать ее ногами. Вслѣдствіе этого, первоначальное дѣло приняло болѣе важный оборотъ: Лола должна была отвѣчать за оскорбленіе и поношеніе судебной власти; а за подобный поступокъ въ Баваріи полагалось наказаніе не менѣе строгое, какъ и въ Пруссіи, т. е., Лола подвергалась заключенію въ смирительномъ домѣ. На другой день послѣ этого, баронъ Пехманъ, президентъ мюнхенской полиціи, по распряженію котораго дѣло о Лолѣ приняло законное направленіе, получилъ приказаніе немедленно явиться къ его величеству.

Баронъ, проживавшій прежде въ своемъ помѣстьи Ландсгутѣ и состоявшій въ этой мѣстности окружнымъ судьей, былъ только что назначенъ на должность президента полиціи. Когда онъ явился къ королю, его величество приказалъ ему доложить въ подробности о скандалѣ, случившемся въ почтамтѣ. Президентъ исполнилъ королевское приказаніе.

— А что говорятъ объ этомъ въ народѣ? спросилъ король.

Баронъ замялся и пробормоталъ что-то едва слышное; но получивъ подтвердительное приказаніе, долженъ былъ исполнить волю государя.

— Ваше величество!—съ горестью сказалъ онъ,—вы потеряли лучшій перлъ вашей короны—вы потеряли любовь народа.

— А, знаете, любезный баронъ, процѣдилъ сквозь зубы король,—не худо было бы вамъ поѣхать опять въ Ландсгутъ и подышать тамъ свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ. Онъ, навѣрно, излечитъ васъ отъ вашихъ мрачныхъ мыслей.

На слѣдующій день объявлено было высочайшее повелѣніе объ увольненіи отъ должности президента Пехмана и о назначеніи на его мѣсто полицейскаго коммисара Марка.

Разумѣется, что послѣ этого дѣло объ оскорбленіи дѣвицею Лолою Монтесъ чиновника и судебной власти было прекращено.

IX.

Баронъ Пехманъ былъ совершенно правъ, высказавъ королю съ полною откровенностью горькую для его величества истину. Неудовольствіе мюнхенцевъ противъ Людвига I за ту поблажку, какую онъ оказывалъ своей дерзкой любовницѣ, съ каждымъ днемъ становилось все сильнѣе и сильнѣе. Во всѣхъ кружкахъ неумолчно слышались толки о господствѣ Лолы, и ея имя произносилось все чаще и чаще съ усиливавшеюся противъ нея ненавистью. Не мало содѣйствовала этому съ своей стороны и ультра-

монтанская партія, значеніе которой постепенно умалялось вслѣдствіе вліянія Лолы на короля и на правительство вообще. По личному своему расположенію къ тѣмъ или другимъ, или за большіе подарки, она доставляла мѣста и знаки отличія. Представители же ультрамонтанской партіи находили неприличнымъ добиваться чего-либо черезъ женщину, въ которой не было ни малѣйшаго признака набожности и преданности католической церкви. Заискивая въ Лолѣ, — въ этой отъявленной блудницѣ, и слѣдовательно въ страшной грѣшницѣ, — ультрамонтаны измѣнили бы самимъ себѣ. Вслѣдствіе вліянія Лолы, всѣ важныя должности въ королевствѣ начали занимать противники ультрамонтанъ, которые, съ своей стороны, не могли простить ей этого и возбуждали противъ нея общественное мнѣніе, и вскорѣ наступилъ кризисъ.

По поводу тѣхъ политическихъ событій, которыя произошли въ Мюнхенѣ, вслѣдствіе вліянія Лолы на короля, и стали сравнивать ее съ альпійской птичкой. Птичка эта отбиваетъ на вершинѣ горы своимъ маленькимъ клювомъ небольшой снѣжный комокъ, который, покатившись внизъ по снѣгу, обращается сперва въ снѣжную глыбу, а потомъ въ громадную лавину, разрушающую все, что встрѣчаются ей на пути.

Король Людвигъ, желая съ одной стороны сдѣлать удовольствіе своей возлюбленной, а съ другой прикрыть имя Лолы Монтесъ, которое стали произносить со злобою и презрѣніемъ, возвелъ ее въ графское достоинство съ фамиліей Ландсфельдъ. По поводу этого пожалованія, французскій стихотворецъ Мерй написалъ слѣдующее двустишіе:

De ces vaines honneurs ne sois point jalouse,
Ton meilleur parchemin c'est ta peau d'andalouse.

т. е. не тщеславься этими суетными почестями; твой лучшій пергаментъ—твоя собственная андалузская кожа. Для дѣйствительности заготовленнаго ей на пергаментѣ диплома на графскій титулъ требовалось, чтобы на дипломѣ была скрѣпа министровъ, которые теперь, какъ ультрамонтаны, и рѣшились отомстить новопожалованной графинѣ отказомъ въ своихъ подписяхъ. Ультрамонтанское министерство стало доказывать королю, конечно въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что выдача графскаго диплома такой особѣ, которая не оказала государству никакихъ услугъ, будетъ дѣломъ неподходящимъ, и что подобная милость будетъ объяснена въ публикѣ только личною милостію короля и породитъ вздорные толки въ неблагопріятномъ смыслѣ для его величества. Король не пожелалъ входить съ своими министрами въ какія либо пререканія, и, воспользовавшись правомъ, предоставленнымъ ему конституціей въ чрезвычайныхъ случаяхъ, уволилъ въ отставку непослушное передъ нимъ министерство. Королевскій указъ о такомъ увольненіи

былъ подписанъ королемъ не въ его кабинетѣ, а въ будуарѣ Лолы, откуда былъ посланъ и другой указъ—указъ о назначеніи новыхъ министровъ. Всѣ очень хорошо поняли, кто распоряжался и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Въ числѣ приверженцевъ павшаго такимъ образомъ министерства, было не мало професоровъ мюнхенскаго университета, которые и принялись теперь истолковывать своимъ слушателямъ распоряженіе короля не только какъ самовластный, но и какъ безнравственный поступокъ. Король не обращалъ на это вниманія, составивъ новое министерство изъ лицъ, которыя были пріятны ея сіятельству графинѣ Маріи фонъ-Ландсфельдъ.

Вслѣдствіе этого, въ Мюнхенѣ негодованіе противъ короля усиливалось все болѣе; взрывъ былъ уже подготовленъ. Оставалось только бросить искру, что̀ вскорѣ и случилось.

X.

Среди мюнхенскихъ студентовъ образовалась въ это время партія, или буршество такъ называемыхъ «аллемановъ». Партія эта состояла изъ молодежи, принадлежавшей исключительно къ баварской знати. Не мало въ составъ ея входило князей, графовъ, бароновъ и фоновъ. Партія эта была проникнута безусловною преданностью королю и поставила себѣ задачей защищать монарха отъ его враговъ. Такая ея преданность, однако, обратилась въ унизительную угодливость, такъ какъ аллеманы, желая доказать на дѣлѣ свою готовность стоять за короля, объявили себя защитниками и той, которая была его величеству дороже всего на свѣтѣ, т. е. графини Ландсфельдъ. Они сдѣлались ея тѣлохранителями, и такъ какъ въ Мюнхенѣ начались противъ нея уличныя демонстраціи, то аллеманы ежедневно сопровождали Лолу во время ея прогулокъ по городу, чтобы въ случаѣ надобности немедленно оказать ей защиту. Жители Мюнхена, не принадлежавшіе къ аристократіи, были крайне возмущены такимъ прислужничаніемъ аристократической молодежи, а также и всѣ прочіе студенты были противъ своихъ товарищей-охранителей. Такимъ образомъ, каждую минуту приходилось ждать уличнаго столкновенія.

По городу разнеслась молва, что одинъ изъ аллемановъ, какой-то графчикъ, ходитъ по городу съ кинжаломъ, чтобъ употребить въ дѣло это оружіе для защиты графини Ландсфельдъ, и когда, спустя нѣсколько дней, Лола, подъѣхавъ въ каретѣ къ зданію полиціи, вышла изъ экипажа и отправилась гулять пѣшкомъ подъ защитою директора полиціи, то собравшаяся на улицѣ толпа народа преградила дорогу каретѣ Лолы и съ громкими непріязненными криками окружила графиню. Она нисколько не испугалась

раздававшихся около нея угрозъ. Вынувъ изъ кармана своего плат пистолетъ и обратившись къ толпѣ, онѣ смѣло и громко, на иск верканномъ нѣмецкомъ языкѣ, крикнула:

— Берегитесь, у меня есть пистолетъ!

Эта угроза еще болѣе раздражила толпу, которая еще силь стала наступать на Лолу; но она продолжала свою прогулку, лая убѣдить своихъ непріятелей, что съумѣетъ справиться ними. Когда она проходила мимо церкви «театиновъ», то на встр ей попался какой то господинъ, который, какъ показалось ей, презрѣніемъ смотрѣлъ на нее. Не говоря ни слова, Лола подс чила къ нему и закатила пощечину. Въ толпѣ, при видѣ это раздался грозный ревъ, и теперь сильно струсившая забіячка д мала только о томъ, чтобы поскорѣе добѣжать до церкви и у рыться тамъ отъ ярости разсвирѣпѣвшей толпы. Она полагала, ч церковь будетъ для нее надежнымъ убѣжищемъ и, вбѣжавъ туд упала на колѣни, и начала усердно молиться. Надежда ея, одна не сбылась; толпа слѣдомъ за Лолой ворвалась въ церковь и вы толкала ее оттуда; и когда она появилась па паперти, то раздали дикіе вопли:

— Вотъ она!.. На фонарь ее!..

Прикрываемая своими тѣлохранителями, Лола кое-какъ добр лась до сосѣдняго дома, принадлежавшаго какому-то графу. Он хотѣла спрятаться во дворъ этого дома, но передъ нею захлопну дверь. Въ это время на мѣсто происшествія подоспѣли жандарм и Лола подъ ихъ защитою, преслѣдуемая толпою, запрудивше улицу во всю ширину, успѣла съ трудомъ, подвергаясь на каждом шагу опасности, добраться до королевскаго замка. Тамъ королев ская стража сдержала народъ. Лола пробыла у короля часа тр и когда уличное волненіе улеглось, она въ придворной каретѣ съ опущенными сторами возвратилась къ себѣ домой.

Нападеніе на Лолу приписано было университетскимъ студентамъ, противникамъ аллемановъ, и на слѣдующій день, послѣ описаннаго здѣсь происшествія, въ университетѣ, на черной доскѣ, было вывѣшено объявленіе о закрытіи университета и объ удаленіи изъ числа студентовъ тѣхъ, которые принимали участіе въ уличныхъ безпорядкахъ. Студенты собрались на сходку, но жандармы розагнали ихъ. Тогда зашумѣли горожане. Составилось въ городской ратушѣ громадное собраніе, которое постановило потребовать отъ короля удаленія изъ Мюнхена графини Ландсфельдъ. На случай же, если это требованіе не будетъ удовлетворено, 30,000 гражданъ положили взяться за оружіе. Дѣло, однако, не дошло до такой крайности.

XI.

11-го февраля 1849 года, раннимъ утромъ подъѣхалъ къ дому графини Ландсфельдъ очень плохенькій фіакръ, заготовленный заботливою полиціей на случай, если бы ей пришлось скрыться отъ народа, среди котораго въ это время началось волненіе, продолжавшееся усиливаться въ теченіи цѣлаго дня. Въ сумерки, передъ домомъ Лолы собралась громадная толпа, состоявшая изъ людъ всякаго званія. Теперь Лолу не покидала ея храбрость; она нѣсколько разъ появлялась съ пистолетомъ въ рукѣ у открытаго окна и кричала народу:

— Я здѣсь! Убейте меня, если у васъ хватитъ на то смѣлости.

Ей приходилось, однако, выдерживать настоящую осаду; народъ готовился брать приступомъ ея домъ и уже началъ ломать желѣзную рѣшетку, окружавшую садъ со стороны улицы. Погибель Лолы, казалось, была неизбѣжна; но прислуга силою вывела ее изъ дому и усадила въ бывшій на готовѣ фіакръ, а кучеръ пустилъ лошадей во всю прыть. Вскорѣ, послѣ отъѣзда Лолы, толпа ворвалась въ ея домъ и принялась опустошать его. Зеркальныя стекла въ оконныхъ рамахъ были выбиты каменьями; внутри дома фарфоровыя вазы, мраморныя статуи, хрустальныя вещи и зеркала были разбиты въ дребезги, картины, драпри и ковры разорваны на клочки, мебель ободрана и переломана, растенія въ зимнемъ саду уничтожены. Во время этого опустошенія, передъ домомъ графини Ландсфельдъ появился король, встрѣченный непріязненными криками. Онъ былъ смертельно блѣденъ, черты лица его были искажены отъ ужаса. Король оставался безмолвнымъ зрителемъ народной ярости и, видя свое безсиліе, поспѣшилъ возвратиться во дворецъ.

Ускакавшую изъ Мюнхена въ Ландау Лолу сопровождало нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ, а главнымъ ея охратителемъ былъ статскій совѣтникъ фонъ-Барксъ, который, по благополучномъ ея прибытіи въ Ландау, началъ безпрестанно посылать королю оффиціальные бюлетени о состояніи ея здоровья.

Послѣ побѣга Лолы изъ Мюнхена, всѣ разсудительные люди, видя данный ей жестокій урокъ и тотъ упадокъ духа, въ которомъ находился король, считали дѣло поконченнымъ и полагали, что Лола, не смотря на всю ея дерзость, не посмѣетъ возвратиться въ королевскую столицу. Вскорѣ, однако, пошла ходить по Мюнхену молва, что Лола пріѣзжала тайкомъ для свиданія съ королемъ. Разсказывали, что въ Мюнхенѣ видѣли ея кучера, переодѣтаго крестьяниномъ, что состоящій при ней фонъ-Барксъ появляется тайкомъ въ Мюнхенѣ, и, наконецъ, что даже ее самоё схватили, когда она спряталась подъ софу въ комнатѣ королевскаго

камердинера. Какія обстоятельства побудили ее укрываться такимъ страннымъ образомъ — никто объяснить не могъ; но достаточно было упомянуть о ней, чтобъ возбудить всеобщую ненависть противъ короля и утверждать, что онъ продолжаетъ оставаться подъ вліяніемъ своей любовницы.

Отъѣздъ Лолы не прекратилъ возбужденнаго ею волненія, принявшаго характеръ революціоннаго движенія, которое было направлено и противъ королевской власти, а кстати и противъ ультрамонтанской партіи. Революція 1848 года, охватившая всю Германію, шла своимъ чередомъ и въ Баваріи. Прежде всего она вынудила короля Людвига подписать, 20-го марта того же года, отреченіе отъ престола въ пользу старшаго его сына, Максимиліана II Іосифа, и заставила этого послѣдняго дать странѣ конституцію, несравненно болѣе либеральную, чѣмъ конституція 1818 года, а также устранить вліяніе ультрамонтанъ на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Послѣ отреченія Людвига, новое правительство признало недѣйствительнымъ дипломъ, выданный прежнимъ королемъ Лолѣ на графское достоинство. Король очень долго горевалъ о разлукѣ съ своей возлюбленной, которая, увидѣвъ, что отъ прежняго ея любовника ожидать уже нечего и что собственныя ея дѣла находятся въ очень плохомъ положеніи, отправилась на житье въ Лондонъ и тамъ вышла замужъ за поручика Гильда. Но родственники этого молодаго человѣка за несоблюденіе формальностей, установленныхъ для совершенія брачнаго обряда, притянули мистрисъ Гильдъ къ суду. Между тѣмъ, ея супругъ, не желавшій развода, уѣхалъ съ Лолою на материкъ Европы, гдѣ эта чета прожила нѣсколько лѣтъ, наслаждаясь тихимъ супружескимъ счастьемъ. Вскорѣ Лола была совершенно забыта и о смерти ея существуютъ противорѣчивыя свѣдѣнія; по однимъ — она въ безвѣстности умерла въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ въ какой-то итальянской деревушкѣ; а по другимъ — она умерла гораздо позже, а именно, только въ 1861 году, въ шотландскомъ городѣ Монтрозѣ.

Е. Карновичъ.

ПЕРЕДОВОЙ ЧЕЛОВѢКЪ ДРЕВНОСТИ.

Съ ВЫСОТЪ Капитолія смотрятъ на насъ не сорокъ вѣковъ, какъ съ египетскихъ пирамидъ, и, однако жъ, едва ли въ мірѣ найдется другая мѣстность, гдѣ бы «исторія» намъ была такъ понятна и близка, какъ въ вѣчномъ Римѣ. Древность, средніе вѣка и новѣйшія времена тамъ слѣдовали другъ за другомъ въ такой непрерывности и взаимной связи, что, даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи, современный человѣкъ, живущій только настоящимъ, не можетъ отрѣшиться отъ ихъ впечатлѣнія. Каждый туристъ, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ Римомъ, долженъ невольно признать, что тамъ совершилось нѣчто великое, что оттуда исторія человѣчества получила новыя вѣянія. Разумѣется, изъ развалинъ и палаццо Рима историкъ вычитаетъ гораздо больше, нежели туристъ. Гиббонъ, сидя на развалинахъ Капитолія, вдохновился мыслью написать исторію паденія римской имперіи. Спустя почти столѣтіе, пріѣхалъ въ Римъ Грегоровіусъ и, по его собственному признанію, его охватилъ «средневѣковой геній» вѣчнаго города. Но на изученіи исторіи свѣтской власти папъ не остановилась пытливость этого ученаго. Римъ императорскій также нашелъ въ немъ замѣчательнаго изслѣдователя. Это подтверждаетъ его обширный трудъ, недавно вышедшій въ значительной переработкѣ, объ императорѣ Адріанѣ [1]).

---

[1]) Kaiser Hadrian. Gemälde der römisch-hellenischen Welt zu seiner Zeit. Stuttgart. 1884.

Личность Грегоровіуса, какъ ученаго, весьма замѣчательна. Въ XXIII-мъ, томѣ извѣстнаго изданія «Nord und Süd» Фридрихъ Альтгаусъ посвятилъ Фердинанду Грегоровіусу обстоятельную біографію, изъ которой приведемъ суще-

Историку тутъ предстояла задача, тѣмъ болѣе сложная, что герой его монографіи вовсе не герой въ принятомъ смыслѣ слова. Личность Адріана не внушаетъ къ себѣ ни любви, ни уваженія, ни страха. Онъ не снискалъ себѣ пылкихъ сторонниковъ и почитателей, имъ не было совершено ни одного великаго, міръ приводящаго въ изумленіе, подвига. А между тѣмъ и романисты, и историки, Эберсъ и Ренанъ, состязались между собой въ стараніи обрисовать характерный образъ Адріана, уразумѣть его съ точки зрѣнія современной исторической науки и новѣйшихъ міровоззрѣній. Но имъ, очевидно, недоставало матеріаловъ. Оттого-то, при всемъ блескѣ красокъ, какими живописалъ Адріана Эберсъ, напримѣръ, образъ этого императора оставался неяснымъ, непонятнымъ. Ренанъ называетъ Адріана «bel esprit, grand causeur, curieux de cho-

---

ственнѣйшіе факты для характеристики историка. Грегоровіусъ родился въ 1821 году въ Нейденбургѣ (въ восточной Пруссіи). Когда ему было девять лѣтъ, онъ не только слышалъ, но и самъ видѣлъ многое изъ тогдашнихъ событій польской революціи. По окончаніи гимназическаго курса, онъ, 17-ти лѣтъ, поступилъ въ Кенигсбергскій университетъ, гдѣ, по настоянію отца, долженъ *былъ* заниматься спеціально богословіемъ. Но уже въ университетѣ онъ видѣлъ ясно, что не родился богословомъ. Его докторская диссертація — «О толкованіи прекраснаго Платономъ и неоплатониками» — обнаружила въ немъ усерднаго ученика Розенкранца и любителя изящной литературы. Въ немъ пробудилась страсть къ писательству. Онъ сочинялъ много, особенно по части лирики, и въ *1845 г.* впервые дебютировалъ въ печати романомъ «Werdomar und Wladislaw», въ которомъ сильно отразилось вліяніе тогдашняго періода «Sturm und Drang» и польско-прусскихъ вожделѣній. Основной тонъ здѣсь — романтическій, въ духѣ Жанъ Поля Рихтера, Эйхендорфа, Иммермана. Молодой авторъ, очевидно, мечталъ о великихъ дѣятеляхъ и подвигахъ: «эпосъ безъ подвиговъ — вотъ наше время», замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ этому роману. Не имѣя средствъ къ жизни, Грегоровіусъ принужденъ былъ заниматься педагогической дѣятельностью, но за то всѣ свои досуги посвящалъ литературѣ и наукѣ. Рядомъ съ философіей его интересовала исторія. По внушенію Друманна, онъ тогда же сталъ работать надъ монографіей объ Адріанѣ. Въ 1848 г. этотъ трудъ былъ оконченъ, но бури революціи задержали изданіе его до 1851 г. Исторія Адріана положила начало его изученію Рима, а революція 1848 г. отвлекала его вниманіе отъ далекаго прошлаго и влекла къ движенію настоящаго. Свои воззрѣнія на польскій вопросъ онъ развилъ въ этюдѣ, посвященномъ, Лелевелю, «Die Idee des Polenthums», нѣсколько позднѣе онъ напечаталъ «Polen-und Magyarenlieder». Но и здѣсь симпатіи его тяготѣли не столько къ политикѣ, сколько къ культурѣ. Адріанъ его плѣнилъ потому, что этотъ правитель велъ не много войнъ, и по его мнѣнію, теперь надо изучать мирную исторію человѣчества, исторію общества. Грегоровіусъ издалъ затѣмъ, по случаю юбилея Гете, «Wilhelm Meister in seinem socialistischen Elementen», гдѣ Гете провозглашался «Колумбомъ, открывшимъ въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ Америку гуманизма». Въ 1851 году, историкъ Адріана выступилъ драматургомъ. Его «Der Tod des Tiberius» опять обличаетъ симпатіи автора къ римской исторіи. Тогда же онъ началъ усердно заниматься итальянской литературой. Чѣмъ уже и мельче казались условія его жизни въ Кенигсбергѣ, тѣмъ живѣе возросталъ въ немъ интересъ къ странѣ художественныхъ идеаловъ и гуманизма. Поводъ къ путешествію въ Италію не замедлилъ представиться. Онъ отправился туда со-

ses bizarres, avide de tout savoir pour en plaisanter ensuite» [1]); но эти эпитеты только больше задѣваютъ любопытство историка познать столь сложный характеръ. Одному Грегоровіусу, потратившему тридцать лѣтъ на свои изысканія, удалось теперь исполнить это съ такой полнотой и всесторонностью, что личность и время Адріана становятся понятны каждому изъ образованныхъ людей.

Трудъ Грегоровіуса состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ разсказана политическая исторія римской имперіи въ правленіе Адріана, его путешествія, жизнь и кончина; второй отдѣлъ посвященъ обзору общественныхъ и нравственныхъ условій того времени, его научнаго и художественнаго развитія. Здѣсь исторія духовной жизни первой половины II-го вѣка нашей эры освѣщена ярко и рельефно.

Этотъ періодъ въ исторіи римской имперіи, обнимающій собой время правленія Адріана, Антонина Пія и первые годы Марка Аврелія, почитается счастливѣйшимъ. Единственная война омрачила царствованіе Адріана — усмиреніе возмутившихся евреевъ, повѣрившихъ въ лже-месссію Баркохбу. Но о ней будетъ рѣчь впереди. Пока же напомнимъ, что въ это время римская имперія пользовалась цвѣтущимъ благосостояніемъ, успѣхи культуры выражались въ развитіи художественной дѣятельности; архитектура, скульптура и живопись точно ожили, законодательныя нововведенія опирались на стоическую философію, участь бѣдныхъ и страждущихъ, вдовъ и рабовъ, была облегчена, во всѣхъ городахъ богатѣйшіе граждане старались служить общему благу. Цѣли ихъ, мысли и желанія, въ

провождать своего больнаго друга, Борнгрегера. Прежде всего онъ побывалъ въ Венеціи, откуда отправился въ Корсику. Плодомъ этого путешествія явилась книга о Корсикѣ (въ 1854 г.), въ короткое время переведенная на англійскій языкъ въ Лондонѣ, Эдинбургѣ и Америкѣ, а недавно вышедшая и въ французскомъ переводѣ. Въ 1855 г., черезъ два года по его пріѣздѣ въ Римъ, однажды мечтая на тибрскомъ мосту, онъ задумалъ заняться исторіей Рима въ средніе вѣка. Такая идея носилась въ воздухѣ тогда, въ періодъ междуцарствія, между реставраціей Пія IX и началомъ итальянской борьбы за независимость, ибо это время было дѣйствительно заключительной эпохой средневѣковаго Рима, его превращенія изъ столицы цезарей и папъ въ національную столицу Новой Италіи. Ученые по профессіи равнодушно встрѣтили трудъ писателя, нигдѣ не служившаго и не занимавшаго каѳедры. Но за то баронъ Бунзенъ, ученикъ Нибура, принялъ живѣйшіе участіе въ исполнимости этого труда, которому Грегоровіусъ посвятилъ семнадцать лѣтъ жизни (1855—1872 г.), причемъ послѣднія восемь лѣтъ онъ, благодаря Бунзену, получалъ пособія отъ прусскаго правительства. «Geschtichte Roms im Mittelalter» доставило Грегоровіусу почетное гражданство вѣчнаго города и почетное членство въ академіяхъ Италіи. Наконецъ, не считая мелкихъ трудовъ, Грегоровіусъ усердно работалъ надъ исторіей Адріана, которая и вышла недавно и служитъ источникомъ нашей статьи.

[1]) Т. е. «острякъ, отмѣнный собесѣдникъ, охотникъ до всякихъ диковинокъ, жаждавшій все знать, чтобъ надъ всѣмъ потѣшаться потомъ».

данномъ случаѣ, понятны намъ, людямъ XIX вѣка. Въ эту эпоху высокая идея о братствѣ всего человѣчества обозначилась ясно. Культуры римская и эллинская, порѣшивъ каждая съ своими задачами, слились теперь воедино. Одновременно и возникшая новая религія міровая — христіанство — послужила основой тому, чтобы это объединеніе обѣихъ культуръ перешло въ жизнь и достигло высшаго, плодотворнаго развитія. Этой же эпохѣ, когда императоры Рима сознали впервые свою мирную культурную миссію, человѣчество обязано первымъ проведеніемъ въ жизнь мысли о правахъ человѣка. Великій мыслитель античнаго міра, Аристотель, считалъ рабство необходимымъ, въ римскомъ государствѣ на раба смотрѣли, какъ на вещь. Адріанъ первый запретилъ произвольно распоряжаться жизнью рабовъ, и это явилось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ помянутаго объединенія, уничтожившаго враждебную обособленность націй и рознь между ними.

Изъ подъ такого-то блестящаго покрывала виднѣлся ликъ античнаго міра, медленно угасавшей красоты его и просвѣщенія. Эта красота, при Адріанѣ, еще разъ промелькнула во всемъ своемъ наружномъ величіи, подобно блестящему метеору, еще разъ улыбнулась она, еще разъ, собравшись съ послѣдними силами, воссоздала она въ Антиноѣ не преходящій идеальный образъ. Затѣмъ, кровь въ ея жилахъ словно изсякла, черты ея окоченѣли, поблѣднѣли, и на насъ она глядитъ теперь уныло изъ-подъ глубокомыслія Марка Аврелія, покорившись съ гордой скорбью своей неотвратимой судьбѣ, убѣжденная въ ничтожествѣ всего земнаго и въ безнадежности всякой дальнѣйшей борьбы. Рядомъ съ обиліемъ талантливыхъ и геніальныхъ людей, проявившихъ свои дарованія въ первое столѣтіе нашей эры, какая бѣдность на нихъ во второмъ вѣкѣ! Даже въ главнѣйшей силѣ эпохи—въ юномъ христіанствѣ—нѣтъ ни одного человѣка, который бы выдержалъ хоть отдаленное сравненіе съ Павломъ. Изъ безъименной толпы тогдашнихъ образованныхъ людей, жившихъ въ благополучіи, раздѣлявшихъ гуманныя и философскія воззрѣнія, выдѣляются всего трое. Они-то намъ и понятны, и памятны. Эти трое: два императора, Адріанъ и Маркъ Аврелій и писатель Лукіанъ Самосатскій. Если бы мраморъ могъ говорить, то, кажется, еще двое повѣдали бы о многомъ. Это — Антиной и Фаустина. Но эти прекрасные мраморные лики возбуждаютъ въ насъ тѣмъ больше загадочности, чѣмъ дольше мы всматриваемся въ нихъ.

I.

Во всей древности, Адріана можно считать едва ли не самымъ передовымъ человѣкомъ, весьма напоминающимъ современные характеры своимъ непостоянствомъ, своимъ хамелеонствомъ, своей жаждой

новизны, своей страстью къ путешествіямъ и къ изысканіямъ. Римляне его времени не прощали ему того, что онъ не скрывалъ своихъ симпатій къ Греціи, къ эллинскому искусству и языку, что онъ лишь немногіе годы, въ теченіе своего болѣе двадцатилѣтняго царствованія, провелъ въ Италіи, въ Римѣ. Въ глубинѣ его души они старались открыть нероновскіе страсти и пороки, которые онъ будто бы умѣлъ искусно маскировать. Въ своей сдержанности, общительности и кротости, онъ казался лицемѣромъ, и даже жажду славы, его снѣ-

Фаустина.

давшую, умѣлъ онъ скрывать. Но если поискать фактовъ проявленія его жестокости и самовластія, то ни одного не найдешь, помимо удаленія нѣсколькихъ военачальниковъ Траяна, которые, еще при жизни его предшественника, были его противниками и завистниками и которыхъ сенатъ, обличивъ въ заговорѣ противъ Адріана, велѣлъ казнить. Возможно, конечно, что на душѣ Адріана были кое-какія злодѣянія, возможно, что казненные имъ родственники были невинны, но слѣдуетъ ли отсюда, что такого рода темныя дѣла оправдываютъ огульный упрекъ въ злобности и жестокости его характера. Если ужъ противъ такого безпорочнаго правителя, какимъ былъ Маркъ Аврелій, нашлись заговорщики и возмутители,

то сколько ихъ могло явиться противъ Адріана, который своимъ благоволеніемъ къ эллинамъ, своей любовью къ миру и строгостью управленія, какъ и образа жизни, не разъ долженъ былъ давать поводъ къ недовольству завистникамъ и мятежнымъ головамъ. Посмотримъ, однако, на дѣло съ другой стороны. Что же оказывается?

При Адріанѣ, римскіе сановники жили въ полной безопасности, римскія провинціи пользовались довольствомъ. Кромѣ евреевъ, всѣ другіе подвластные тогда Риму народы находили покровительство у императора. Относительно христіанъ, какъ извѣстно, онъ проявлялъ терпимость въ законодательныхъ актахъ. Единственнаго мученика при немъ называютъ Иринея, но и тутъ причина остается невыясненной. Разумѣется, этотъ императоръ не безгрѣшный, и его характеръ не безъ пятенъ, но къ чему же непремѣнно образъ его представлять въ мрачномъ и отвратительномъ свѣтѣ, къ чему всѣ дѣйствія его приравнивать къ преступленіямъ, на лицо ему натягивать непремѣнно маску?

Адріанъ черезчуръ любилъ славу, которую Маркъ Аврелій въ своей стоической мудрости мало цѣнилъ; онъ не вѣрилъ, чтобы повелитель міра могъ заслужить ее иначе, помимо великихъ и полезныхъ дѣяній. Неронъ и Домиціанъ должны были служить ему примѣрами, какъ не подобаетъ слѣдовать дурнымъ побужденіямъ, если бы они въ немъ даже были. Сверхъ того, онъ прошелъ суровую школу при дворѣ Траяна: имераторъ, бывшій ему близкимъ и даже родственникомъ — тетка Траяна была его бабкой, — третировалъ его постоянно съ недовѣріемъ, и Адріанъ не былъ увѣренъ, дѣйствительно ли онъ назначается въ преемники Траяну. Императоромъ же онъ сдѣлался, когда ему было уже за сорокъ лѣтъ. На монетахъ онъ величается благодѣтелемъ міра, на медаляхъ время его прославляется, какъ золотой вѣкъ. Это, быть можетъ, слишкомъ преувеличено. Но во всякомъ случаѣ, судя по массѣ его сооруженій, по разносторонности его духовныхъ проявленій, отъ которыхъ позднѣйшимъ временамъ достались лишь скудныя развалины, такая слава Адріана имѣетъ за себя оправданіе. Современниковъ его особенно приводило въ удивленіе соединеніе въ немъ далеко не заурядныхъ качествъ правителя со всестороннимъ почти художественнымъ дарованіемъ. Онъ писалъ стихи по гречески и полатыни, онъ былъ музыкантъ и живописецъ, самъ набрасывалъ планъ для своихъ построекъ и пытался давать совѣты знаменитому Аполлодору, строителю форума Траяна въ Римѣ, что заставило однажды воскликнуть Аполлодора: «рисуй свои огурцы, а тутъ ты ничего не поймешь». Выступалъ онъ не разъ и ораторомъ. Всѣ эти таланты еще съ молоду сдѣлали ему имя въ избранномъ римскомъ обществѣ. Еще въ римской школѣ, товарищи, въ насмѣшку надъ его любовью къ греческому, называли «маленькимъ грекомъ».

Отецъ Адріана былъ сенаторомъ, когда Веспасіанъ управлялъ имперіей. Еще вопросъ, довелось ли бы Адріану играть историческую роль, если бы не случай помогъ возвышенію Ульпію Траяну. Фамилія Ульпіевъ и Эліевъ происходила изъ Испаніи: близь Севильи и теперь еще видны развалины ихъ роднаго города. О молодомъ Публіи Эліи Адріанѣ, потерявшемъ отца на 10-мъ году, принялъ заботы его родственникъ Траянъ. Адріанъ же оповѣстилъ своего

Траянъ.

опекуна въ Кельнѣ о смерти Нервы. 22 года было ему, когда Траянъ сталъ императоромъ. Такъ какъ у Траяна не было дѣтей отъ Плотины и сестра его Марціана была тоже бездѣтна, то ближайшимъ наслѣдникомъ престола оказался Адріанъ. Бракъ его съ надменной Сабиной, внучкой Марціаны, закрѣпилъ еще больше родство его съ правящимъ домомъ. И онъ, конечно, нуждался въ такой опорѣ, ибо воинственному Траяну не нравилась подвижная натура даровитаго Адріана, какъ вообще истому римля-

нину не по вкусу приходились эллинскія наклонности. Молодой родственникъ, однако, держался въ почетѣ, побывалъ съ императоромъ въ придунайскихъ провинціяхъ и въ Азіи, участвовалъ въ дакійской и пареянской войнѣ, занималъ разныя гражданскія и военныя высшія должности, причемъ могъ близко ознакомиться съ дѣломъ управленія имперіей и военной дисциплиной. Нигдѣ на службѣ онъ не давалъ повода къ недовольству императора. Но храбрый Траянъ все-таки оказывалъ къ литератору-наслѣднику недовѣріе за его вліяніе на Плотину и тещу, а также за его наклонности къ миролюбію и непріязненныя отношенія къ начальникамъ, пользовавшимся благоволеніемъ императора. Наконецъ, послѣ кратковременной болѣзни, на возвратномъ пути съ Востока въ Италію, Траянъ умеръ въ 117 году, и Адріанъ сдѣлался императоромъ.

Послѣ непрерывныхъ войнъ, веденныхъ его предшественникомъ и истребившихъ миріады жертвъ людьми, наступившій теперь миръ былъ благодѣяніемъ для тогдашняго человѣчества. Первымъ даромъ новаго императора явилось прощеніе налоговъ провинціямъ. Затѣмъ послѣдовали преобразованія въ придворномъ управленіи, силы войскъ были употреблены для общеполезныхъ сооруженій, гражданское управленіе усовершенствовано, законы улучшены, полномочія сената расширены. Словомъ, Адріанъ явилъ сразу организаторскій талантъ правителя государствомъ, не упускавшаго изъ виду ни одной его области. Но позднѣйшія поколѣнія въ немъ знаютъ не столько практическаго государственнаго человѣка, сколько поклонника Антиноя, любителя путешествій и всякихъ фантастическихъ затѣй.

II.

Въ Адріанѣ, дѣйствительно, выдавались двѣ страсти: къ путешествіямъ и сооруженіямъ. Въ обѣихъ онъ превзошелъ всѣхъ правителей. Страстью къ сооруженіямъ онъ удовлетворялъ своему желанію разсѣять всюду памятники о своей славѣ, а также удовлетворялъ этимъ и своимъ художественнымъ склонностямъ. Въ путешествіяхъ его проявились его подвижность и непостоянство, исканіе вѣчно новыхъ впечатлѣній, любовь къ розыскиванію всюду слѣдовъ старины и всего забытаго. Это, вообще, отличительная черта II-го вѣка.

Всю свою имперію объѣхалъ Адріанъ, путешествуя впереди своихъ спутниковъ, пѣшкомъ или верхомъ, съ непокрытой головой, подъ дождемъ и палящими лучами солнца. Ни разу онъ не пользовался экипажемъ. Нилъ онъ проѣхалъ до перваго водопада. Въ Египтѣ онъ побывалъ вмѣстѣ съ женой и со всѣмъ придворнымъ штатомъ. Его сопровождали всегда нѣсколько сотенъ инже-

неровъ, архитекторовъ, землемѣровъ, каменьщиковъ, такъ какъ вездѣ для нихъ находилась работа. Безсчетно воздвигались постройки, прокладывались улицы, строились мосты, водопроводы. При этихъ работахъ императоръ нерѣдко ѣлъ и пилъ съ своими солдатами, спалъ тутъ же, гдѣ и они, въ открытомъ полѣ. «Я не могъ бы императоромъ быть,—замѣчаетъ риторъ Флоръ въ ирони-

Антиной.

ческихъ стихахъ, — не могъ бы ни бродить по Британіи, ни мерзнуть въ Скиѳіи». «А я, — съ гордостью возражаетъ ему императоръ тоже въ стихахъ, — не могъ бы Флоромъ быть, по кабакамъ шататься и въ харчевняхъ крючиться, гдѣ меня гады кусаютъ». Онъ доходилъ до «шотландскихъ варваровъ», побывалъ въ Германіи, въ Дунайскихъ провинціяхъ, достигалъ самой Сахары. Въ Греціи и Малой Азіи не было города, гдѣ бы онъ не пожилъ, не оставилъ по себѣ памяти. Точно новѣйшій туристъ, онъ осматри-

валъ всѣ достопримѣчательности, историческія и религіозныя, храмы, бывшіе въ то время настоящими музеями въ городахъ, поля битвъ, могилы героевъ. Онъ выслушивалъ предсказанія различныхъ оракуловъ въ Элладѣ и Азіи, посвящался въ тайны элевзинскія и самоөракійскія. Слушалъ онъ вмѣстѣ съ женой и «божественный гласъ» Мемнона при первомъ проблескѣ утренней зари. На колѣняхъ колосса фараона Аменотефа III онъ выбилъ свое имя греческими буквами. И не только тайны и людскія дѣянія занимали его. Онъ былъ большой почитатель природы. Его очаровываетъ Темпейская долина, онъ взбирается на гору, чтобъ посмотрѣть на восходъ солнца.

Болѣе двѣнадцати лѣтъ Адріанъ провелъ вдали отъ своей резиденціи въ постоянномъ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ страну. Чистокровные римляне и сенатъ считали обиднымъ такое пренебреженіе Италіей и вѣчнымъ городомъ. Для него же, время, проведенное вдали, было счастливѣйшимъ въ его жизни, а дни его пребыванія въ Аөинахъ — самыми свѣтлыми. Съ греками онъ былъ эллиномъ, раздѣлялъ ихъ склонности и умѣлъ льстить ихъ слабостямъ. Вновь ожившая софистика, талантъ красиво говорить, дѣлавшіе риторовъ въ Греціи, на островахъ и въ Малой Азіи богачами, которымъ города, какъ своимъ благодѣтелямъ, воздвигали почетные монументы, у ногъ которыхъ засѣдала собиравшаяся со всѣхъ странъ свѣта любознательная молодежь, не только нашли въ императорѣ друга и покровителя, но давали ему матеріалъ для размышленій и рѣчей. Адріанъ самъ говорилъ умно и плавно, всѣ ученые имѣли къ нему доступъ. Охотно пускался онъ съ ними въ споры и ставилъ имъ трудные вопросы. Не всегда при этомъ обходилось дѣло безъ сатирической улыбки или колкаго замѣчанія со стороны императора. За нимъ, разумѣется, признавали превосходство, во-первыхъ, какъ за человѣкомъ съ большимъ умомъ и жизненнымъ опытомъ, во-вторыхъ, какъ за повелителемъ тридцати легіоновъ. Бывали, конечно, и у него стычки съ софистами, какъ у Фридриха Великаго съ Вольтеромъ, но въ общемъ отношенія императора къ этимъ греческимъ софистамъ и риторамъ, этимъ скульпторамъ и художникамъ были наилучшія. Всѣмъ онъ давалъ работу, ни для кого изъ нихъ не оскудѣвала его рука. Въ Аөинахъ онъ достроилъ храмъ Олимпійскому Зевсу, начатый еще Пизистратомъ,—132 колонны изъ фригійскаго мрамора составляли портики вокругъ храма, въ которомъ возвышался Зевсъ изъ слоновой кости, обдѣланный золотомъ. Цѣлымъ рядомъ игръ, на подобіе олимпійскихъ, отпраздновано было освященіе этого храма, огромная охота была устроена, быть можетъ, болѣе для удовольствія самого Адріана, нежели аөинянъ, ибо онъ былъ отпѣтымъ и страстнымъ охотникомъ, въ лѣсахъ Бэотіи убивалъ медвѣдей, а въ Ливійской пустынѣ — львовъ. Онъ съ такимъ блескомъ украшалъ

Аѳины, что аѳиняне объявили его вторымъ Тезеемъ и основателемъ ихъ города и воздавали ему божескія почести. Вездѣ въ храмахъ разставлялись его статуи и чтились наравнѣ съ изображеніями Зевса, а статуи жены его, Сабины,—на подобіе Геры или Деметры.

Читая описаніе путешествій Адріана и его пребыванія въ Аѳинахъ, невольно представляешь себѣ, будто давно угасшая красота эллинства снова, на короткое время, распустилась пышнымъ цвѣтомъ подъ дѣйствіемъ какой-то волшебной силы, будто прошлое со всѣми своими пестрыми зрѣлищами и своими народными собраніями, ораторскими ристалищами, снова воскресли во всемъ блескѣ и во всей своей красотѣ. Если Адріанъ высказывалъ иногда нѣкоторое безвкусіе въ оцѣнкѣ различныхъ произведеній искусства, то это всецѣло объясняется духомъ времени или побужденіями личнаго свойства. Такъ, онъ порицалъ сооруженія своего предшественника, Траяна, и велѣлъ снести театръ его на Марсовомъ полѣ, вопреки общему желанію. Тутъ, конечно, могли играть роль, съ одной стороны — не любовь къ архитектору Траяна, Аполлодору, и съ другой — зависть къ славѣ Траяна. Наконецъ, и то сказать, что его скептицизмъ искалъ непремѣнно принизить то, что большинствомъ признавалось красивымъ и вѣрнымъ. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, онъ былъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ самъ думалъ. Онъ являлся здѣсь лишь яркимъ выраженіемъ духа вѣка, который, неудовлетворившись классическимъ идеаломъ красоты, уклонился отъ него и въ формахъ сѣдой старины страстно искалъ пищи для ума и для сердца. При всемъ благосостояніи, при всемъ кажущемся благополучіи, въ теченіе II-го вѣка нашей эры, весь міръ какъ бы охваченъ чувствомъ ничтожества и пустоты отъ красоты и просвѣщенія, испытываетъ гнетъ какого-то грознаго, безпредѣльнаго самоуничиженія. Христіане ждутъ страшнаго суда, ихъ спасаетъ только вѣра въ Распятаго. Для язычниковъ же боги Олимпа превратились въ пустыя басни, въ фигуры, мѣдныя и мраморныя. Въ отжившихъ таинствахъ и у старыхъ идоловъ одни жадно ищутъ утѣшенія, другіе, настроенные философски, отварачиваются отъ этого видимаго міра со взорами печали и презрѣнія. «Еще нѣкоторое время, и ты — прахъ и пепелъ, — говоритъ Маркъ Аврелій, — и только имя остается, да и не имя даже, ибо что оно такое?—пустой звукъ и эхо. А что въ жизни всего болѣе цѣнно, то ничтожно, имѣетъ

Голова Антиноя.

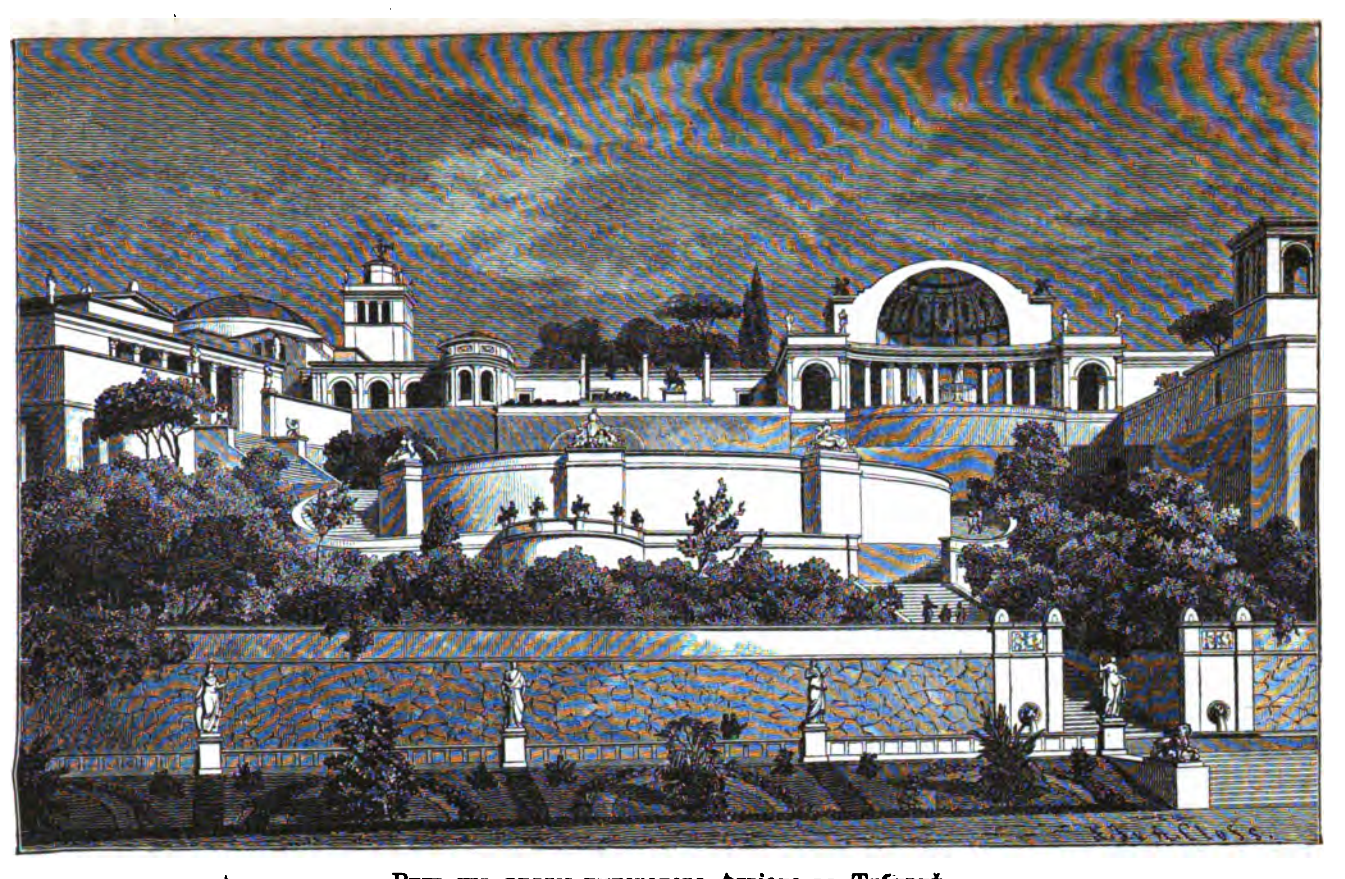
не больше значенія, чѣмъ грызня собакъ или возня дѣтей, — сейчасъ смѣются, а тамъ опять плачутъ». Красота и сила перестали быть богинями міра, въ которомъ какая-то неясная грусть и смутныя желанія удручаютъ сердце все болѣе и болѣе.

Первыя пятнадцать лѣтъ управленія имперіей Адріана окружены золотистымъ яркимъ блескомъ. Самъ онъ находится на вершинѣ славы. Его жизнерадостное чувство какъ бы разливается на все вокругъ. Міръ точно старается вызвать улыбку въ своемъ повелителѣ. Иронія въ этомъ поклоненіи древности скрывается за его жертвоприношеніями богамъ, его искусствомъ и философіей; за всѣмъ этимъ еще такъ трудно замѣтить, насколько Адріанъ сознавалъ ничтожность этой суеты. Не столько въ общемъ поклоненіи ему и въ обожаніи, какое оказываетъ ему Греція, подобно героямъ въ началѣ своей исторіи, не въ массѣ статуй, воздвигнутыхъ ему Испаніей, сколько въ блескѣ и великолѣпіи, среди которыхъ онъ видѣлъ міръ украшеннымъ и какъ бы обновленнымъ своими благодѣяніями, тогда находило себѣ удовлетвореніе его тщеславіе. Могъ ли онъ не любить жизнь и не наслаждаться ея радостями будучи въ цвѣтѣ лѣтъ, съ неразбитымъ здоровьемъ. Въ это время, передъ нами, словно въ полутьмѣ, тамъ и сямъ всплываетъ на поверхность и опять пропадаетъ во тьмѣ образъ виѳиньянина Антиноя изъ Клавдіополя. Какимъ образомъ молодой человѣкъ — среднее между мальчикомъ и юношей — гдѣ и когда сблизился съ императоромъ, не дознано съ положительною точностью. Но вскорѣ онъ пріобрѣтаетъ благоволеніе и любовь Адріана и отвѣчаетъ на нихъ безотчетной преданностью императору. Антиной, бывшій въ его свитѣ, во время путешествія по Нилу вдругъ утопаетъ въ 130 году. По свидѣтельству Діона Кассія, Адріанъ въ своихъ мемуарахъ приписывалъ чьему-то злому умыслу смерть своего любимца, къ которому онъ былъ привязанъ такъ сердечно, и въ утратѣ котораго никогда уже потомъ не могъ утѣшиться; но Діонъ Кассій самъ не вѣритъ этому. Такъ какъ императоръ причислилъ утонувшаго Антиноя къ сонму боговъ, то гибели любимца стали впослѣдствіи придавать иное значеніе, мистическое и суевѣрное. По этому толкованію Антиной добровольно, изъ преданности къ Адріану, принесъ себя въ жертву подземнымъ богамъ, чтобъ отклонить какую-то опасность, угрожавшую жизни императора. Такое объясненіе, однакожъ, есть просто порожденіе пустой фантазіи и скорѣе является попыткой оправдать зачисленіе Антиноя въ разрядъ боговъ.

Адріанъ не удовольствовался тѣмъ, что оплакивалъ Антиноя, «какъ женщину». Императоръ основалъ и городъ, назвавъ его именемъ своего любимца [1]), повсюду воздвигалъ въ честь его храмы,

---

[1]) Въ Египтѣ, на мѣстѣ древней Безы. Всего пятьдесятъ лѣтъ назадъ здѣсь стояло три римскихъ храма, прекрасно сохранившихся, портикъ и тріумфальная



Видъ изъ виллы императора Адріана въ Тибурнѣ.

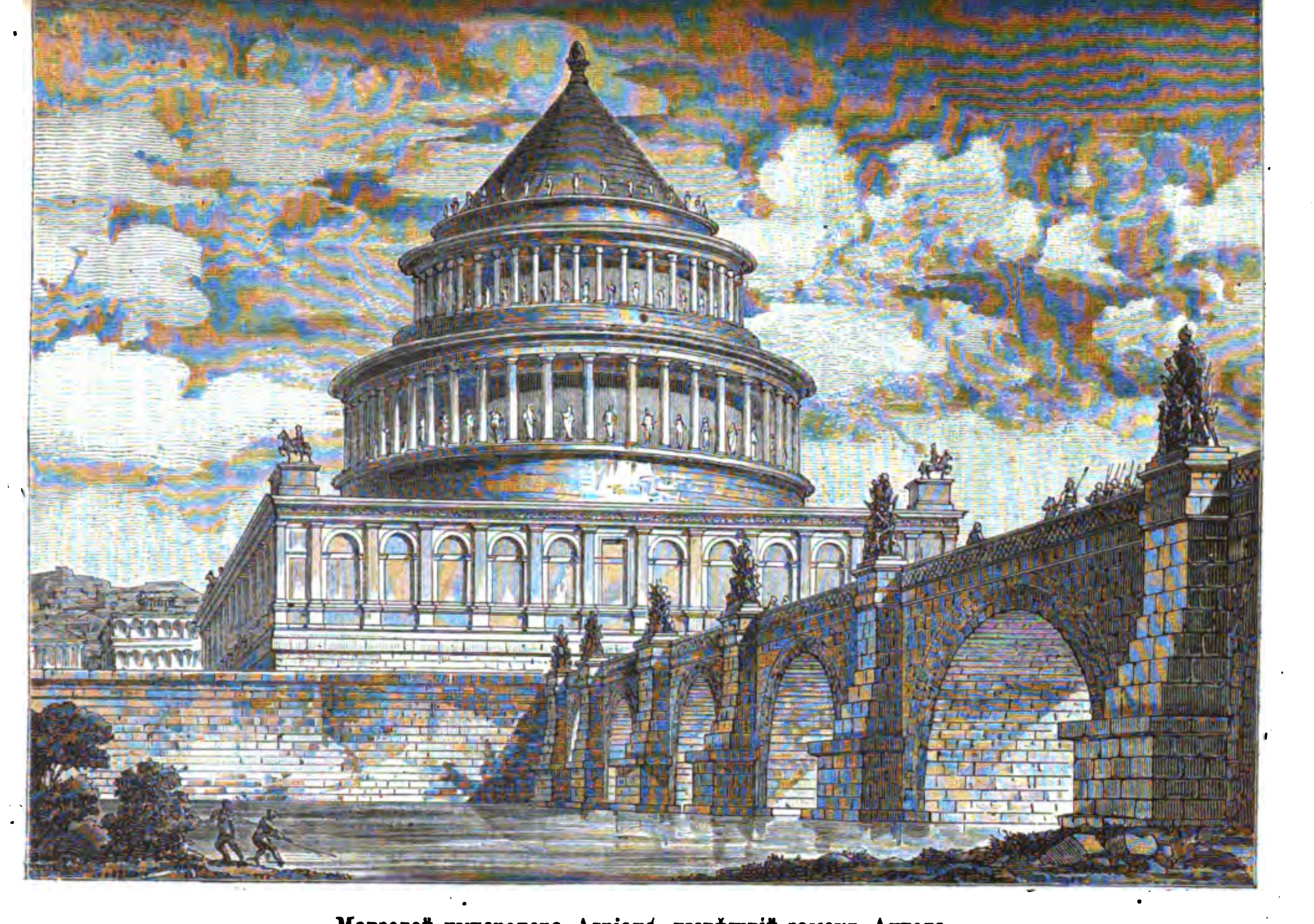
алтари и статуи. Людская лесть тоже сдѣлала свое, въ угоду страсти императора. Поэты сочинили гимны во славу покойнаго, астрономы открыли созвѣздія Антиноя вблизи млечнаго пути, подобно тому, какъ при Птоломеѣ были усмотрѣны ими на небѣ волосы супруги его Вероники.

Но и въ обоготвореніи Антиноя Адріанъ явился сыномъ своего вѣка. «Обоготвореніе Антиноя, — по словамъ Грегоровіуса, — теряетъ свою необычайность, если сопоставить его съ представленіями того вѣка». Въ тогдашней атмосферѣ смутно чувствовалось какое-то исканіе новой религіи. Вѣку нуженъ былъ какой нибудь новый богъ. Но ликъ этого бога, идеализированнаго и опоэтизированнаго юноши, созданнаго по образу Бахуса (см. рис. 3), выражалъ что-то меланхолическое. Антиной, съ низкимъ лбомъ и опущеннымъ взоромъ, смотрѣлъ точно разочарованнымъ дѣйствительной жизнью (см. рис. 4).

III.

Послѣдній проблескъ молодости, вспыхнувшій было румянецъ, хотя и не безъ искусственнаго возбужденія, постепенно угасалъ на хмуромъ обликѣ античнаго міра. Богъ, въ созданіи котораго этотъ міръ облекъ послѣднія силы своего идеальничанья, былъ меланхолическій богъ, самъ погасившій свой жизненный факелъ. Со смертью Антиноя въ жизни Адріана исчезли блескъ и веселость,—не сразу, конечно. Пока совершались разнообразныя чествованія покойнаго любимца, императоръ на нѣкоторое время забылъ о своемъ горѣ. Но когда прекратились всякія поминки, къ улыбкѣ общительнаго Адріана примѣшалась горечь разочарованія. Жизнь потеряла для него свою заманчивость. Въ это же время остатки еврейства въ Палестинѣ, смущенные Баркохбой, лживыми ожиданіями Мессіи, возстали противъ римскаго владычества. До сихъ поръ еще ученые спорятъ между собой, когда и отчего возгорѣлось возстаніе, было ли его причиной или послѣдствіемъ превращеніе Іерусалима въ языческій Элію Капитолійскую, находился ли Іерусалимъ или нѣтъ въ рукахъ евреевъ во время войны. Какъ бы то ни было, война велась отчаянно и съ обѣихъ сторонъ потребовала страшныхъ жертвъ. Діонъ Кассій свидѣтельствуетъ, что 580 тысячъ человѣкъ погибли

арка, такая высокая, что пальмы едва касались своими кудрявыми верхушками ея карниза, а изъ подъ наносной почвы виднѣлся цѣликомъ весь городъ. Этотъ городъ уничтоженъ Ибрагимомъ-пашей и взамѣнъ этихъ римскихъ памятниковъ возведена тамъ «четырехъ-этажная казарма съ паровыми машинами и трубами», долженствующая быть сахарнымъ заводомъ (Египетъ, В. Андреевскаго, стр. 311).



Мавзолей императора Адріана, нынѣшній замокъ Ангела.

въ битвахъ, а число умершихъ съ голоду, горя, болѣзней и опредѣлить трудно. Море крови было пролито. Плѣнныхъ евреевъ продавали въ рабство, зачинщиковъ и предводителей ихъ жестоко казнили. Тутъ еврейство нашло свою Трою, которая еще ждетъ своего Шлимана. Но и римскіе легіоны понесли огромныя потери. Пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу, въ сравненіи съ этой римской побѣдой, казалось бездѣлицей. Хотя Іерусалимъ, подъ новымъ названіемъ Эліи Капитолійской, обратился въ римскую колонію, но «побѣда Юпитера надъ Іеговой», по замѣчанію Грегоровіуса, была только кажущейся, ибо въ христіанскихъ понятіяхъ старый Іегова покорилъ уже Римъ и міръ».

Еще раньше усмиренія возстанія, Адріанъ вернулся въ Римъ. Онъ провелъ послѣдніе годы жизни въ Тибурнской виллѣ (Тиволи). Отъ прежняго величія ея остались теперь развалины, мозаичныя украшенія, разбитыя колонны. Все это заросло теперь травою и мохомъ. Но нѣкогда въ этой виллѣ было собрано все красивѣйшее и рѣдчайшее, что только встрѣчалъ Адріанъ во время своихъ путешествій. Далеко превосходила эта вилла своими размѣрами, искусствомъ постройки и богатствомъ украшеній золотой домъ Нерона. Это было диво свѣта. Долина, замкнутая искусственными скалами, напоминала Темпейскую—въ Ѳессаліи. Знаменитѣйшія зданія изъ городовъ и провинцій перенесены были къ виллѣ: лицей, стоа, аѳинская академія, храмъ Сераписа изъ Египта, добраться до котораго можно было на легкой ладьѣ по водѣ. Даже собственный Тартаръ здѣсь устроилъ себѣ Адріанъ. Досужая фантазія измышляла, будто подъ этими подземными слѣдами замучивались рабы, чтобъ ихъ глухіе стоны напоминали императору о скорбныхъ жалобахъ тѣней въ аду. Какое сокровище статуй, мраморныхъ и мѣдныхъ, находилось внутри виллы и въ садахъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ превосходныя произведенія, въ теченіе столѣтій вывозившіяся оттуда: красивѣйшія изображенія Антиноя, трагическія маски, фавны, центавры, барельефы и мозаики. Не смотря на розсказни о жестокостяхъ Адріана, не смотря на его разочарованіе и, такъ-сказать, міровую скорбь, Адріанъ не чувствовалъ недостатка ни въ друзьяхъ, ни въ ученыхъ и художникахъ.

Мучительная болѣзнь — недостатокъ крови, — къ которой присоединилась еще водянка, омрачила послѣдніе дни императора. Всякія средства испробовалъ онъ для облегченія своихъ страданій. Не разъ хотѣлъ онъ покончить съ жизнью насильственно. Онъ умолялъ врача дать ему ядъ, а прислужниковъ своихъ — вонзить ему мечъ въ разбитое сердце. Но никто не осмѣлился исполнить это, такъ какъ друзья зорко берегли жизнь императора. Страданія физическія усилили въ немъ влеченіе къ мистицизму и магіи. Въ то время онъ искалъ чудесъ и предзнаменованій, часто рылся въ Сивиллиныхъ книгахъ. Предчувствуя смерть, онъ передъ самой кон-

чиной напутствовалъ себя въ загробный міръ сочиненнымъ имъ пятистишіемъ, которое извѣстно и въ слѣдующемъ, довольно близкомъ къ подлиннику, переводѣ по русски:

О душа моя, странница бѣдная,
Тѣла бреннаго гостья и спутница,
Отлетаешь ты въ области темныя,
Обнаженныя, грозныя, блѣдныя,
Гдѣ не знать тебѣ смѣха и радости!

Въ 138 г. Адріанъ умеръ въ Байѣ, куда отправился лечиться морскимъ воздухомъ.

Такъ кончилъ свое существованіе этотъ характерный типъ передоваго человѣка древности. Въ ясномъ сознаніи и выполненіи мирныхъ задачъ его власти заключается историческое значеніе Адріана. Для возрожденія и распространенія античной культуры по всему свѣту онъ сдѣлалъ многое. И потому-то онъ такъ понятенъ современному человѣку, не смотря на загадочныя противорѣчія въ своемъ характерѣ. Какъ въ его огромныхъ коллекціяхъ, собранныхъ въ Тибурнской виллѣ, заключенъ былъ цѣлый міръ античнаго искусства, какъ изъ этихъ коллекцій памятники разсѣялись по всѣмъ европейскимъ музеямъ, такъ и въ его управленіи выступаютъ объединенными идеальныя и реальныя силы античной культуры. Тутъ все въ Адріанѣ соединялось въ общую гармонію пытливыхъ стремленій съ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ и во взорѣ. Но утерявъ въ Антиноѣ свой идеалъ, искусственно созданный, за неимѣніемъ болѣе жизненнаго, онъ впалъ въ безъисходную тоскливость и утѣшенія себѣ искалъ въ проявленіяхъ мистицизма того времени. Въ этомъ отношеніи Адріанъ очень напоминаетъ новѣйшій типъ разочарованныхъ людей. Не найдя себѣ живаго идеала въ окружающей дѣйствительности, они воздвигаютъ себѣ кумиры искусственные, принимая въ этихъ кумирахъ красивую внѣшность за содержаніе, а когда разлетится въ прахъ этотъ кумиръ, они кидаются въ міръ разныхъ причудъ. Такая аналогія въ душевномъ настроеніи двухъ эпохъ, отдѣленныхъ одна отъ другой, придаетъ особенный интересъ тѣмъ главамъ въ трудѣ Грегоровіуса, гдѣ рѣчь идетъ о софистахъ, которые, точно нынѣшніе всевозможныхъ видовъ артисты и виртуозы, объѣзжаютъ міръ, всюду находя себѣ клакеровъ и рекламистовъ, а равно и тѣмъ пространнымъ страницамъ, гдѣ излагаются мистическія и сумасбродныя продѣлки Перегрина, Протея и Александра Абонотейха.

Ѳ. Булгаковъ.

ЗАПИСКИ ВАНЪ-ГАЛЕНА.

I.

Происхожденіе Ванъ-Галена. — Его первоначальная служба. — Возвращеніе въ Испанію короля Фердинанда VII въ 1814 году. — Возстановленіе инквизиціи.— Недовольство испанцевъ.—Тайныя общества. — Арестъ и освобожденіе Ванъ-Галена.—Вступленіе его въ число заговорщиковъ.—Вторичный арестъ и заключеніе въ Муррай.—Допросы.—Отсылка въ Мадридъ.—Любимецъ короля, Ареллана.— Аудіенція у короля Фердинанда.—Письмо къ королю. — Новые допросы. — Преданіе суду инквизиціи. — Пытки. — Болѣзнь. — Романа, пріемная дочь тюремщика Марчелино. — Ея доброта и участіе къ Ванъ-Галену. — Бѣгство изъ тюрьмы.—Судьба Романы.—Отъѣздъ въ Англію.

ВЪ 1830 ГОДУ изданы были въ Лондонѣ «Записки» донъ-Хуана Ванъ-Галена, сдѣлавшіяся теперь библіографической рѣдкостью [1]). Записки эти состоятъ изъ двухъ частей, не имѣющихъ между собою никакой непосредственной связи, кромѣ хронологической. Въ первой части авторъ разсказываетъ исторію своихъ похожденій, во время французскаго владычества въ Испаніи при Наполеонѣ I, и тѣхъ преслѣдованій, которымъ онъ подвергся со стороны испанскаго правительства, послѣ возвращенія плѣннаго короля Фердинанда VII. Пребываніе автора въ тюрьмахъ инквизиціи, а равно

[1]) Memoirs of Don Juan van Halen, comprising the Narrative of his imprisonment in the dungeons of the inquisition at Madrid, and of his escape, his journey to Russia, his campaign with the army of the Caucasus etc. Ed. from the original spanish manuscript in two volumes, London, 1830.

описаніе его бѣгства и бесѣды съ королемъ даютъ наглядное понятіе о нравахъ тогдашней Испаніи, личности Фердинанда и новѣйшихъ инквизиторахъ. Вторая часть заключаетъ въ себѣ описаніе двухлѣтняго пребыванія Ванъ-Галена въ Россіи, съ 1818 по 1820 годъ, и его службы на Кавказѣ. Мы преимущественно постараемся познакомить съ нею нашихъ читателей, такъ какъ здѣзь встрѣчаются довольно любопытныя подробности о покореніи Дагестана, характерѣ генерала Ермолова и о томъ своеобразномъ способѣ, какимъ авторъ былъ вознагражденъ за свою вѣрную службу Россіи.

Соотвѣтственно содержанію «Записокъ», мы посвятимъ каждой части особенную главу.

I.

Ванъ-Галенъ, бельгіецъ по отцу, родился въ Испаніи въ 1790 году и, окончивъ воспитаніе въ морскомъ училищѣ, поступилъ на службу въ испанскій флотъ. Въ 1808 году онъ участвовалъ въ защитѣ Мадрида противъ Наполеона I, затѣмъ, вмѣстѣ съ другими офицерами галиційской арміи, долженъ былъ положить оружіе при сдачѣ Ферроля и присягнуть королю Іосифу Бонопарте, который принялъ его въ свою свиту и за которымъ онъ послѣдовалъ въ изгнаніе. Въ 1813 году Ванъ-Галенъ, съ разрѣшенія временнаго испанскаго правительства, вернулся на родину и, вскорѣ послѣ того, получилъ назначеніе въ католонской арміи, гдѣ оставался до конца войны за независимость.

Дивизія, въ которой онъ служилъ, первая встрѣтила на границѣ короля Фердинанда VII, возвращавшагося изъ французскаго плѣна, весною 1814 гооа. Испанскіе патріоты разсчитывали, что послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ несчастій, король оцѣнитъ принесенныя ему жертвы и свято исполнитъ обѣщаніе: заботиться о благѣ народа и присягнуть конституціи 1812 года, составленной кортесами въ Кадиксѣ. Но эта надежда оказалась напрасною. Король, едва переѣхавъ Пиринеи, послалъ часть войскъ преданнаго ему генерала Эліо въ Мадридъ съ приказомъ занять городъ и арестовать всѣхъ подозрительныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ было до 30 человѣкъ кортесовъ и членовъ временнаго правительства. Между тѣмъ, испанская чернь, возбужденная фанатическимъ духовенствомъ, радостно привѣтствовала короля по всей дорогѣ отъ Валенсіи до Мадрида, сопровождая его карету громкимъ крикомъ: «смерть либераламъ!»

Фердинандъ, находя поддержку въ простомъ народѣ и духовенствѣ, не счелъ нужнымъ исполнить обѣщанія, даннаго картесамъ, и ознаменовалъ свое вступленіе на престолъ неумолимымъ преслѣдованіемъ приверженцевъ короля Іосифа и конституціи

1812 года. Вмѣстѣ съ политическимъ гнетомъ, возстановленъ былъ во всей силѣ религіозный фанатизмъ: монастыри были вновь открыты и опять введена инквизиція со всѣми ея правами и привиллегіями и назначенъ великій инвизиторъ въ лицѣ епископа Альмерійскаго, Миръ-Кампильо; король окружилъ себя недостойными любимцами, которые, не уступая ему въ жестокости и дурныхъ наклонностяхъ, управляли страной, подъ общимъ названіемъ камарильи [1]). Расходы двора увеличились вдвое противъ того, что тратилось при Карлѣ III; государственные доходы покрывали только треть расходовъ; гражданскимъ должностнымъ лицамъ и офицерамъ не платили жалованья; ремесла, торговля и земледѣліе пришли въ окончательный упадокъ; по большимъ дорогамъ не было проѣзду отъ разбойниковъ.

Все это, въ самомъ непродолжительномъ времени, возбудило общее недовольство испанскаго общества, несмотря на взаимную вражду приверженцевъ стараго и новаго порядка; всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидали переворота, который положилъ бы конецъ бѣдствіямъ Испаніи. Чуть ли не въ каждомъ городѣ, говоритъ Ванъ-Галенъ, образовалось свое тайное масонское общество, членами котораго были многіе почтенные горожане, и большинство офицеровъ, стоявшихъ въ окрестностяхъ полковъ. Цѣль этихъ обществъ была исключительно политическая и состояла въ томъ, чтобы принудить короля къ исполненію изданнаго имъ декрета 4-го мая 1814 года, въ которомъ онъ обѣщалъ народу представительное правленіе и неприкосновенность лицъ и имуществъ. Насильственная смерть Порліера не только не остановила дѣятельность патріотовъ, но придала имъ еще большую энергію, такъ, что еще задолго до заключенія генерала Ласи, ежеминутно падавшія жертвы замѣнялись новыми борцами [2]).

---

[1]) Названіе камарилья произошло отъ небольшой комнаты «camarilla», смежной съ королевскимъ кабинетомъ и назначенной для слугъ, обязанныхъ являться по звонку короля. Удовольствіе, которое Фердинандъ съ дѣтства находилъ въ обществѣ слугъ, побуждало его часто бывать въ этой комнатѣ, которая, послѣ его вступленія на престолъ, сдѣлалась мѣстомъ rendez-vous его друзей. Это были, большею частью, люди низкаго происхожденія, какъ напримѣръ, Каморо, бывшій много лѣтъ лодочникомъ, Арелланo, кузнецъ по ремеслу, возведенный въ званіе камергера и т. п. Въ «camarilla» раздавались должности и всякія милости; поэтому, здѣсь, утромъ всегда можно было встрѣтить цѣлый рой честолюбцевъ и интригановъ, а по вечерамъ собиралось общество, состоящее изъ монаховъ, инквизиторовъ, шпіоновъ, разныхъ искателей приключеній, американцевъ низшаго разбора и, между прочимъ, неизмѣнно фигурировалъ русскій посланникъ Татищевъ, пользовавшійся такимъ вліяніемъ, что камарилья, отъ которой зависѣла жизнь и имущество всякаго испанца, повиновалась ему, по словамъ автора, какъ «отрядъ казаковъ своему начальнику».

[2]) Попытки военныхъ возстаній начались въ годъ вступленія Ферди-

Авторъ былъ изъ числа первыхъ жертвъ деспотизма Фердинанда VII. 8-го декабря 1815 года, въ полку, гдѣ служилъ Ванъ Галенъ, полученъ былъ приказъ арестовать его и отправить со всѣми находящимися у него бумагами въ замокъ Марвелла, стоящій на морскомъ берегу, въ четырехъ-дневномъ разстояніи отъ Малаги. Приказъ этотъ былъ немедленно исполненъ; но въ замкѣ Марвелла, полуразрушенномъ въ послѣднюю войну, не нашлось годной темницы, и узника помѣстили въ городской ратушѣ, въ комнатѣ осужденныхъ, en capilla. Здѣсь тотчасъ-же посѣтилъ его губернаторъ, въ сопровожденіи двухъ монаховъ, и посовѣтовалъ ему, «въ виду близкой смерти, облегчить свою совѣсть исповѣдью передъ святыми мужами». Затѣмъ, онъ приказалъ удвоить караулъ, что, совмѣстно съ угрозами и криками собравшагося подъ окнами народа, еще больше усилило безпокойство узника. Наконецъ, нѣсколько часовъ спустя, къ нему явился офицеръ и объявилъ, что велѣно доставить его въ Малагу, но что необходимо выждать наступленія сумерокъ, изъ боязни насилія со стороны толпы. Предосторожность эта оказалась не лишнею. Хотя узника вывезли въ часъ ночи, но сопровождавшіе его драгуны должны были защищать его отъ ярости фанатической толпы, возбуждаемой монахами.

Въ Малагѣ они также должны были выжидать ночи, чтобы въѣхать въ городъ. Ванъ-Галена представили правителю Гренады графу Монтихо; графъ показалъ ему письменный приказъ короля, по которому слѣдовало «немедленно разстрѣлять подсудимаго Ванъ-Галена, по прибытіи въ Малагу, за участіе въ заговорѣ противъ жизни его величества». Но вслѣдъ за тѣмъ, графъ Монтихо поспѣшилъ успокоить осужденнаго, говоря, что навелъ о немъ всѣ нужныя справки, и, убѣдившись въ его невинности, сообразно съ этимъ написалъ королю письмо, на которое надѣется получить благопріятный отвѣтъ. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, посланный гонецъ вернулся съ отвѣтомъ, что король вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ правителя Гренады и разрѣшаетъ выпустить на свободу Ванъ-Галена. Но послѣдній не довольствовался этимъ и просилъ графа Монтихо представить королю, что онъ считаетъ свою честь скомпрометированною и не можетъ вернуться въ полкъ безъ формальнаго признанія его невинности. На это Ванъ-Галену объявили оффиціально, что «король, въ знакъ своей высокой ми-

---

нанда VII на испанскій престолъ; но всѣ они были неудачны, какъ напр. генерала Мины въ Наваррѣ, который долженъ былъ бѣжать во Францію; въ 1815 году было возстаніе другаго знаменитаго предводителя гверильясовъ, Донъ-Хуана Перліера, въ Галиціи, который, послѣ небольшаго успѣха, былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ; въ 1817 году составился заговоръ въ войскѣ, въ Каталоніи; зачинщикъ его генералъ Ласи попалъ въ руки правосудія и былъ разстрѣлянъ и т. д. См. «Всемірная Исторія» Шлоссера, изд. 1876, т. VII стр. 55.

лости къ нему, жалуетъ его чиномъ подполковника, который онъ получитъ по возвращеніи въ полкъ».

Это событіе имѣло рѣшающее значеніе для дальнѣйшей судьбы автора. Несправедливый приговоръ къ смерти и ничѣмъ не заслуженная королевская милость побудили его окончательно перейти на сторону враговъ деспотизма Фердинанда VII. Лѣтомъ 1817 года, Ванъ-Галенъ, получивъ четырехъ-мѣсячный отпускъ, отправился, по порученію своихъ новыхъ друзей, въ разные города Испаніи для соединенія существующихъ тайныхъ обществъ и образованія новыхъ, въ виду военнаго возстанія, которое подготовлялось тогда въ Каталоніи. Но заговоръ этотъ былъ скоро обнаруженъ и главный его зачинщикъ, генералъ Ласи, посаженъ въ тюрьму, что послужило поводомъ къ дѣятельному преслѣдованію его сообщниковъ. Въ числѣ лицъ, арестованныхъ по этому дѣлу въ Мурсіи, былъ и Ванъ-Галенъ, выданный правосудію однимъ изъ своихъ мнимыхъ друзей, Донъ Антоніо Кальво, правительственнымъ шпіономъ, который пользовался его полнымъ довѣріемъ.

Мурсія, по словамъ автора, была тогда однимъ изъ городовъ Испаніи, наиболѣе отсталыхъ въ смыслѣ цивилизаціи, хотя находилась въ центрѣ богатой и плодоносной страны, пользующейся самымъ благодатнымъ климатомъ. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, господствовалъ клерикализмъ, поддерживаемый чваннымъ и невѣжественнымъ дворянствомъ. Несмотря на нищету народа и войска, которому не платили жалованье, монахи начали сооружать здѣсь новое великолѣпное зданіе инквизиціи, вмѣсто прежняго, полуразрушеннаго въ послѣднюю войну.

Новыя тюрьмы еще не были окончены; поэтому Ванъ-Галена помѣстили въ одной изъ четырехъ темницъ, уцѣлѣвшихъ отъ стараго зданія. Эти темницы, построенныя въ первые времена инквизиціи, были на одномъ уровнѣ съ рѣкой Сегурой, протекавшей подъ окнами, такъ что въ нихъ была постоянная сырость и рой насѣкомыхъ покрывалъ стѣны. Полумракъ, кирпичная скамья, служившая постелью, цѣпи и желѣзныя кольца, вдѣланныя въ стѣну, произвели подавляющее впечатлѣніе на узника, не смотря на матрацъ, положенный на скамью, занавѣси у постели и небольшой столъ, которые свидѣтельствовали о желаніи новѣйшихъ инквизиторовъ придать темницѣ извѣстный камфортъ.

Тяжесть одиночнаго заключенія еще болѣе усиливалась полною неизвѣстностью будущности, томительнымъ ожиданіемъ формальнаго допроса и частыми посѣщеніями инквизиторовъ, которые изощряли свое краснорѣчіе, стараясь уговорить узника къ признанію, и грозили ему смертной казнью за упорство. Единственнымъ развлеченіемъ Ванъ-Галена служило чтеніе религіозныхъ книгъ, прогулки по темному корридору и лаконическіе разговоры съ другими узниками, посредствомъ постукиванья въ стѣну.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, Ванъ-Галена повели къ допросу. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что всѣ его бумаги въ рукахъ инквизиціи и, что, благодаря его неосторожности, скомпрометировано множество достойныхъ лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ. За этимъ допросомъ слѣдовали другіе, съ длинными промежутками между ними; однообразные, скучные дни смѣнялись безконечными ночами, сопровождаемыми безсонницей и мучительными думами. Ванъ-Галенъ, не предвидя конца этой жизни и доведенный до отчаянія, попросилъ позволенія написать королю просьбу о переводѣ въ Мадридъ и дарованіи ему частной аудиенціи.

Между тѣмъ, его перемѣстили въ другую темницу, находившуюся во второмъ этажѣ новаго зданія инквизиціи. Эта темница была въ пять разъ обширнѣе прежней и съ кирпичнымъ поломъ; на потолкѣ было два большихъ окна съ рѣшетками; постель устроена на широкой доскѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ желѣзными крюками; такими-же крюками были прикрѣплены къ полу скамья и столъ. На противоположной стѣнѣ висѣлъ большой крестъ, выкрашенной зеленой краской.

Инквизидоръ Кастанеда, проводивъ узника въ его новую темницу, сказалъ ему съ видимымъ самодовольствомъ:

— Надѣюсь, г-нъ Ванъ-Галенъ, вы останетесь довольны вашимъ новымъ помѣщеніемъ! Какъ видите, при постройкѣ этихъ тюремъ мы съумѣли соединить безопасность съ здоровымъ воздухомъ и комфортомъ. Завтра же будутъ срыты до основанія знакомыя вамъ темницы со всѣми отвратительными вещами, которыя вы видѣли тамъ!..

Но Ванъ-Галену не долго пришлось пользоваться преимуществами новой тюрьмы, такъ какъ черезъ нѣсколько дней полученъ былъ отвѣтъ на поданное имъ прошеніе, вмѣстѣ съ приказомъ короля привести его въ Мадридъ.

Въ день, назначенный для отъѣзда, тюремщикъ, противъ обыкновенія, явился къ Ванъ-Галену въ десять часовъ вечера съ чашкой шоколаду и, усѣвшись у стола, спросилъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ:

— Извините меня сударь, но я желалъ бы знать: правда ли то, что говорятъ о васъ?

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Ванъ Галенъ, нѣсколько смущенный пристальнымъ взглядомъ тюремщика.

— Говорятъ сударь, что вы франмасонскій епископъ, распространяете ересь и дьявольское ученіе этой секты, сожигаете образа Спасителя и составили заговоръ противъ святой религіи и нашего католическаго монарха!

Ванъ-Галенъ, выслушавъ это обвиненіе, едва могъ удержаться отъ смѣха и замѣтилъ съ равнодушнымъ видомъ, что «не пони-

маетъ, кто могъ распространить подобный слухъ; и удивляется, что есть люди, которые вѣрятъ такимъ нелѣпостямъ».

— Когда васъ привезли сюда — продолжалъ тюремщикъ — я внимательно слѣдилъ за вашимъ поведеніемъ и разговорами и, правду сказать, не нашелъ ничего предосудительнаго. Мнѣ говорили также, что ваши родители почтенные и набожные люди; и я отъ души жалѣю, что всякій истинный христіанинъ долженъ считать васъ еритикомъ, отлученнымъ отъ церкви.

— Но я желалъ бы знать: на какомъ основаніи вы считаете меня еретикомъ?

— Помилуйте, сударь, весь городъ толкуетъ о томъ! — отвѣтилъ тюремщикъ. — Три дня спустя послѣ вашего ареста, хозяинъ дома, въ которомъ вы жили, по совѣту своего духовника, пришелъ къ обѣдни со всѣми домочадцами. Когда кончилось богослуженіе, священникъ въ полномъ облаченіи отправился процессіей на вашу квартиру, въ сопровожденіи хозяина, его семьи, друзей, знакомыхъ и другихъ вѣрующихъ; и здѣсь совершена была церемонія заклинанія, чтобы изгнать діавола, который, по общему убѣжденію, водворился тамъ. Затѣмъ, на крышѣ воздвигли крестъ, потому что иначе никто не рѣшился бы поселиться въ этомъ домѣ...

— При другихъ обстоятельствахъ — добавляетъ авторъ — эта нелѣпая исторія могла только насмѣшить меня; но когда я вспомнилъ насколько слухи о ней должны огорчить моего отца, то невольный вздохъ вырвался изъ моей груди; тюремщикъ, замѣтивъ это, тотчасъ-же перемѣнилъ разговоръ.

Въ часъ ночи пришли два инквизитора и предложили Ванъ-Галену слѣдовать за ними; въ корридорѣ ожидали еще трое людей, которые проводили ихъ по улицамъ, совершенно пустыннымъ въ это время. Ночной мракъ нарушался свѣтомъ фонаря, который несъ одинъ изъ слугъ. Пройдя большую часть города и около мили по большой дорогѣ, они достигли бенедиктинскаго монастыря, гдѣ ихъ ожидала карета. Едва посадили въ нее узника, какъ изъ воротъ вышелъ вооруженный отрядъ, который долженъ былъ сопровождать его. Они ѣхали шагомъ, однообразіе пути нарушалось недолгими ночевками въ гостинницахъ. Сообразно данной инструкціи, Ванъ-Галена привезли въ Мадридъ ночью и прямо доставили въ домъ инквизиціи, гдѣ его провели по великолѣпной лѣстницѣ въ комнаты великаго инквизитора, Миръ-Кампильо. Послѣдній принялъ его высокомѣрно, сидя въ креслѣ, и, сказавъ ему двѣ три фразы, приказалъ отвести въ приготовленную для него тюрьму.

Новая тюрьма Ванъ-Галена ничѣмъ не отличалась отъ темницы, которую онъ занималъ въ послѣднее время въ Мурсіи, кромѣ того, что двойная дверь была снабжена небольшимъ рѣшетчатымъ отверстіемъ; и хотя здѣсь соблюдалась еще большая чистота, но

узнику приходилось ѣсть деревянной ложкой и пальцами, такъ какъ ножи и вилки были запрещены.

Цѣлая недѣля прошла для Ванъ-Галена въ полной неизвѣстности относительно ожидавшей его участи. Онъ никого не видѣлъ кромѣ двухъ тюремщиковъ, Донъ Марчелино и Донъ Хуанито, которые по очереди убирали его темницу. Съ ними приходило иногда и третье лицо, которое узникъ не могъ разглядѣть, потому что въ подобныхъ случаяхъ его всегда переводили въ сосѣднюю темницу; но онъ догадался по походкѣ, что это была женщина. Только разъ посѣтили его два инквизитора, но, повидимому, скорѣе изъ любопытства, нежели для какой-нибудь опредѣленной цѣли, потому что разговоръ ихъ ограничился общими фразами. Наконецъ, однажды вечеромъ, Донъ Марчелино явился къ нему въ сопровожденіи фискала Зориллы и какого-то господина, завернутаго въ плащъ, который сдѣлавъ повелительный жесть рукой, приказалъ своимъ спутникамъ удалиться. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ непріятнымъ морщинистымъ лицомъ и злобнымъ выраженіемъ безпокойно бѣгавшихъ глазъ. Несмотря на простоту его одежды, узникъ сразу догадался по его самоувѣреннымъ манерамъ, что онъ изъ числа приближенныхъ Фердинанда VII.

— Вы просили аудіенціи у его величества!—сказалъ онъ надменнымъ тономъ.—Эта необычайная милость будетъ дарована вамъ! Но вы должны быть откровенны, чтобы доказать этимъ, что вы чувствуете ту честь, которую оказываютъ вамъ. Помните, что вы будете говорить съ королемъ!

Ванъ-Галенъ отвѣтилъ вѣжливой фразой и распространился о томъ, насколько онъ цѣнитъ честь быть представленнымъ его величеству.

— Завтра вечеромъ, около этого времени, — продолжалъ незнакомецъ—вы увидите нашего обожаемаго монарха. Если вы навлечете на себя неудовольствіе его величества, то, помните, что нѣтъ такого жестокого наказанія, которое не было бы примѣнено къ вамъ... Поговоривъ еще нѣкоторое время въ томъ-же тонѣ посѣтитель удалился.

Это былъ извѣстный Арелланo, одинъ изъ близкихъ друзей короля, имѣвшій на него большое вліяніе. На слѣдующій, день вечеромъ Арелланo снова явился въ тюрьму, но разукрашенный орденами, въ великолѣпной вышитой одеждѣ и въ шляпѣ, убранной перьями. Онъ приказалъ Ванъ-Галену слѣдовать за нимъ. Въ коридорѣ ихъ ожидалъ тюремщикъ и еще какой то господинъ, закутанный въ плащъ, который оказался секретаремъ короля, Фронтеномъ. Пройдя цѣлый лабиринтъ темныхъ переходовъ, они вышли на улицу и всѣ четверо сѣли въ карету. Арелланo болталъ безъумолку всю дорогу и давалъ разныя нелѣпыя наставленія узнику относительно того, какъ онъ долженъ вести себя съ королемъ.

По прибытіи во дворецъ, Ванъ-Галена провели особымъ ходомъ въ небольшую комнату, смежную съ кабинетомъ короля и извѣстную подъ названіемъ «Camarilla».

Ареллано подошелъ къ двери, и громко крикнулъ: ваше величество!

— Что случилось?—спросилъ чей-то голосъ густымъ басомъ.

— Я привезъ Ванъ-Галена!—отвѣтилъ Ареллано и, не дожидаясь позволенія, ввелъ государственнаго преступника въ королевскій кабинетъ.

Такъ началась своеобразная аудіенція, о которой подробно разсказываетъ авторъ.

«Когда мы вошли — говоритъ онъ — король сидѣлъ на единственномъ креслѣ. Его величество всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ намъ на встрѣчу. Онъ былъ въ полномъ negligé, безъ галстука; камзолъ его былъ растегнутъ на всѣ пуговицы. Передъ кресломъ стоялъ большой столъ, на которомъ лежали разныя бумаги, портфель, письменный приборъ и множество разбросанныхъ пачекъ гаванскихъ сигаръ. Я подошелъ къ его величеству и преклонилъ колѣно, чтобы поцѣловать его руку согласно этикету, но онъ поднялъ меня и спросилъ:

— Что вамъ нужно? зачѣмъ вы хотѣли видѣть меня?

— Ваше величество, я увѣренъ, что если вамъ угодно будетъ выслушать меня, то мнѣ удастся разсѣять то предубѣжденіе, которое вамъ внушили противъ меня и которымъ я могу только объяснить суровое обращеніе со мной.

— Вы участвовали въ послѣднемъ заговорѣ и должны все открыть мнѣ. Я все знаю! Назовите вашихъ соумышленниковъ.

— Желаніе блага родинѣ не можетъ быть названо заговоромъ, ваше величество. Я готовъ безъ малѣйшаго колебанія сообщить вамъ, въ чемъ состоятъ наши стремленія, но считаю это лишнимъ, такъ какъ вашему величеству все извѣстно. Если-же вамъ угодно будетъ получить дальнѣйшія объясненія, то они только смягчатъ вашъ гнѣвъ противъ меня и убѣдятъ васъ, что если мы считали нужнымъ соблюдать тайну, то дѣлали это съ единственной цѣлью избѣгнуть мести со стороны тѣхъ людей, которые хотятъ сдѣлать ненавистнымъ ваше славное имя.

— Я желаю знать имена тѣхъ лицъ, которые злонамѣренно ввели васъ въ заблужденіе. Говорите смѣло безъ всякаго опасенія!

— Если ваше величество имѣетъ обо всемъ вѣрныя свѣдѣнія, то вамъ вѣроятно сообщили, что никто не вводилъ меня въ заблужденье и что я всегда дѣйствовалъ по собственному убѣжденію. Благодаря текущимъ событіямъ, недовѣріе дошло до такой степени, что я лично не знакомъ ни съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые раздѣляютъ мои убѣжденія.

— Но вы должны знать какимъ способомъ можно открыть ихъ.

Вы обязаны повиноваться мнѣ. Выбирайте между моей милостью и вашей гибелью!

— Ваше величество встаньте во главѣ нашей ассоціаціи и вы узнаете имена каждаго изъ насъ.

При этихъ словахъ Арелланo не помня себя отъ ярости и размахивая руками, бросился впередъ и закричалъ грубымъ тономъ, неприличнымъ въ присутствіи монарха:

— Къ дѣлу! велите ему приступить къ дѣлу! Намъ не нужно предисловій и софизмовъ! Вотъ вамъ бумага, г-нъ Ванъ-Галенъ, возьмите перо, вотъ! (говоря это, онъ бросилъ на столъ перо и листъ бумаги). Вы должны написать здѣсь имена всѣхъ вашихъ сообщниковъ безъ всякихъ увертокъ. Его величество, король, долженъ знать все, что дѣлается на землѣ! Я былъ во Франціи и знаю, къ чему ведутъ всѣ эти партіи! Такъ-то вы соблюдаете данную вами присягу!..

Во время этой бѣшенной выходки—продолжаетъ авторъ—я внимательно слѣдилъ за королемъ, который превратился въ статую съ того момента, какъ заговорилъ Арелланo. Видя, что послѣдній настойчиво требуетъ, чтобы я взялъ перо, я сказалъ, обращаясь къ королю:

— Ваше величество, я не знаю ни одного имени.

— Передайте его инквизиціи! крикнулъ Арелланo. — Инквизиціонный судъ вынудитъ у него признаніе!

Король, повидимому, былъ несовсѣмъ доволенъ поведеніемъ своего любимца и замѣтилъ спокойнымъ голосомъ Ванъ-Галену:

— Возможно ли, чтобъ вы никого не знали!

— Ваше величество, если бы я хотѣлъ говорить о томъ, въ чемъ не вполнѣ увѣренъ, или желалъ скрыть преступниковъ, то избѣгалъ бы присутствія моего государя. Съ другой стороны, еслибы я чувствовалъ себя преступнымъ, то воспользовался бы случаемъ, чтобы просить вашего величества о помилованіи; но не дѣлаю этого въ виду моей невинности.

Король задумчиво смотрѣлъ на меня нѣсколько минутъ и сказалъ:

— Напишите все, что вы хотѣли сообщить мнѣ и пошлите на мое имя.

Наступила довольно продолжительная пауза. Король взялъ со стола сигару, зажегъ ее и спросилъ Ванъ-Галена: куритъ ли онъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ, обращаясь къ Арелланo. «Ты пошлешь ему сигаръ!» и сдѣлалъ знакъ, что аудіенція кончена.

При прощаніи король съ видимымъ участіемъ пожалъ руку Ванъ-Галену. Послѣдній вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ его ожидалъ королевскій секретарь Фронтенъ и тюремщикъ и гдѣ скоро присоединился къ нимъ Арелланo, послѣ чего они отправились въ обратный путь.

«На слѣдующее утро—разсказываетъ авторъ—тюремщикъ в
чилъ мнѣ небольшой пакетъ съ 200 сигаръ, говоря, что «это п
слано изъ дворца». Вслѣдъ затѣмъ, явился фискалъ Зорилла
письменнымъ приборомъ и нѣсколькими листами бумаги и пред
жилъ мнѣ написать письмо королю, добавивъ, что оно будетъ
медленно послано по назначенію. Я просилъ его зайти черезъ
сколько часовъ и тотчасъ же принялся писать безъ черновой, т
какъ бумага была нумерована, и повторилъ въ письмѣ все то,
я лично говорилъ королю, но только болѣе подробнымъ образо
Король, какъ я узналъ впослѣдствіи, добавляетъ авторъ, по
чилъ это письмо въ тотъ же день, но, благодаря вліянію Арел
и другихъ подобныхъ ему негодяевъ отнесся къ моимъ показані
такъ, какъ они этого хотѣли. Имъ нужны были новыя жерт
не находя въ моемъ письмѣ никакихъ указаній на лица, ко
рыя считались моими сообщниками, они употребили всѣ уси
чтобы король согласился предпринять противъ меня болѣе
шительный способъ дѣйствій, и доказывали его величеству «не
ходимость передать меня инквизиціонному суду»...

Но тѣмъ не менѣе, для виду, найдено было нужнымъ сдѣл
еще нѣсколько формальныхъ допросовъ узнику. Съ этою цѣл
военный министръ Эгіа послалъ къ Ванъ-Галену военнаго фиска
но этотъ допросъ, какъ и всѣ слѣдовавшіе за нимъ, не привелъ
къ какимъ результатамъ. Наконецъ, къ Ванъ-Галену явился к
ролевскій секретарь Фронтенъ и, доказывая всю непрактично
его политическихъ убѣжденій, уговаривалъ его открыть свои
сообщниковъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ будетъ п
данъ инквизиціонному суду. Ванъ-Галенъ отвѣтилъ упорнымъ
казомъ, и секретарь, потерявъ надежду убѣдить его, перемѣни
разговоръ. Разсказывая разныя придворныя исторіи и анекдо
онъ сообщилъ, между прочимъ, Ванъ-Галену, что въ числѣ его б
магъ найдено нѣсколько любовныхъ писемъ и что король отъ ду
смѣялся, читая ихъ, и два изъ нихъ взялъ себѣ на память.

Однако несмотря на видимую благосклонность короля къ у
нику, вскорѣ полученъ былъ приказъ предать его суду инквизиц

14 ноября 1817 года, инквизиціонный трибуналъ приготови
къ вечернему засѣданію. Со времени возстановленія инквизиц
это былъ первый примѣръ, что инквизиторы собрались въ та
позднее время. Въ семь часовъ вечера, въ темницу Ванъ-Гале
вошли оба тюремщика въ полномъ парадѣ и при шпагахъ подъ пре
водительствомъ Зориллы, который приказалъ ему высокомѣрны
тономъ слѣдовать за нимъ.

Я молча повиновался,—говоритъ авторъ.—Мы прошли множ
ство лѣстницъ и корридоровъ, пока не достигли залы инкви
ціоннаго суда, въ глубинѣ которой, на эстрадѣ, стоялъ длинн
столъ, окруженный креслами инквизиторовъ; великій инквизито

сидѣлъ подъ балдахиномъ. По обѣимъ сторонамъ эстрады были двери. Посреди стола стоялъ большой крестъ съ пальмовой вѣткой и мечомъ, которые были положены крестообразно, и съ надписью: Exsurge, Domine, et judica causam tuam. При этомъ, на столѣ горѣло множество восковыхъ свѣчей и лежала кипа бумагъ, возлѣ которыхъ и помѣстился фискалъ. Но я не видѣлъ — добавляетъ авторъ — черныхъ свѣтильниковъ, которые такъ подробно описаны въ разныхъ сочиненіяхъ объ испанской инквизиціи; и зала не была обтянута чернымъ сукномъ; черны были только души моихъ судей.

Какъ только я вошелъ въ залу, меня подвели къ эстрадѣ для принесенія присяги; положивъ руку на крестъ, я долженъ былъ повторить за великимъ инквизиторомъ длиннѣйшій символъ вѣры католической церкви, правила, касающіяся обязанностей христіанина относительно святыхъ, и т. п. По окончаніи этой церемоніи, фискалъ Зорилла приказалъ мнѣ отступить на средину залы, гдѣ для меня приготовленъ былъ стулъ; мои тюремщики встали по обѣимъ сторонамъ. Среди общаго молчанія, фискалъ произнесъ длинную высокопарную рѣчь, которая отличалась крайне искусственнымъ построеніемъ, и гдѣ онъ съ видимымъ недоброжелательствомъ перебралъ всѣ мои бумаги, отвѣты при допросахъ и мое письмо къ королю, прибавляя ко всему собственные комментаріи. Затѣмъ начался допросъ, такъ искусно подготовленный, что всѣ мои отвѣты должны были ограничиться однимъ «да» или «нѣтъ»; и хотя я нѣсколько разъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, но мнѣ удалось обмануть надежды моихъ судей, которые вообразили, что имъ удастся принудить меня къ доносу. Во время 3-хъ часоваго засѣданія говорилъ одинъ Зорилла; великій инквизиторъ и его товарищи упорно молчали. Наконецъ, въ одиннадцатомъ часу меня заставили подписать протоколъ засѣданія, составленный секретаремъ, послѣ чего великій инквизиторъ приказалъ увести меня обратно въ тюрьму.

На слѣдующій день, въ шесть часовъ вечера, — продолжаетъ авторъ — меня опять привели въ залу суда съ тѣми же церемоніями, но на этотъ разъ фискалъ такъ грубо обращался со мной, что одинъ изъ инквизиторовъ взялся замѣнить его при допросѣ, между тѣмъ какъ великій инквизиторъ и другіе судьи болѣе походили на статуи, чѣмъ на людей. Этотъ допросъ ничѣмъ не отличался отъ предъидущаго, кромѣ того, что мнѣ показали листъ, на которомъ было выставлено до 500 именъ; изъ нихъ многіе были мнѣ совершенно неизвѣстны, но въ числѣ ихъ я увидѣлъ имена нѣсколькихъ почтенныхъ лицъ, участвовавшихъ въ разныхъ тайныхъ обществахъ. Они, повидимому, замѣтили безпокойство, выразившееся на моемъ лицѣ, и спросили: не знаю ли я нѣкоторыхъ лицъ, названныхъ въ спискѣ и, между прочимъ, графа Монтихо. Я отвѣтилъ отрицательно, такъ какъ могъ убѣдиться изъ сдѣланныхъ

мнѣ вопросовъ въ ихъ желаніи привлечь графа къ моему дѣлу, и назвалъ нѣсколько человѣкъ, которые были извѣстны имъ, какъ мои хорошіе знакомые...

Черезъ день, судъ собрался позднѣе обыкновеннаго. По окончаніи длинной церемоніи присяги и не менѣе длиннаго допроса, узника заставили подписать свое имя, послѣ чего ему завязали руки ремнемъ и объявили, что если въ 24 часа онъ не признается во всемъ, то будетъ подвергнутъ строгому наказанію, которое примѣняется въ подобныхъ случаяхъ. Узника увели обратно въ тюрьму съ связанными руками и оставили его въ этомъ положеніи двое сутокъ, въ продолженіи которыхъ его два раза водили къ допросу. На третій день, утромъ, его посѣтилъ фискалъ Зорилла и, пощупавъ пульсъ, сказалъ съ злобной усмѣшкой: — Да, вы дѣйствительно больны, но мы нашли средство вылечить васъ!

Смыслъ этихъ словъ скоро выяснился для Ванъ-Галена. Въ 8 часовъ вечера, въ его темницу вошелъ тюремщикъ съ фонаремъ въ рукѣ, въ сопровожденіи четырехъ людей, которыхъ лица и головы были покрыты конусообразными капишонами, падавшими на плечи, съ отверстіями для глазъ. Узникъ, проснувшись отъ дремоты, сталъ пристально вглядываться въ страшныя фигуры, стоявшія передъ нимъ, въ полномъ убѣжденіи, что видитъ сонъ, пока тюремщикъ не потянулъ его за ремень, которымъ были связаны его руки и пригласилъ встать. Ему надѣли кожанную маску на лицо и провели, какъ ему показалось, черезъ нѣсколько корридоровъ въ какую-то комнату, гдѣ ихъ ожидалъ Зорилла, котораго онъ тотчасъ узналъ по голосу. Послѣдній обратился къ узнику съ длинною и увѣщательною рѣчью и кончилъ ее словами: «Теперь священный трибуналъ исполнитъ свой долгъ!»

Узника подняли съ земли и подставили ему подъ-мышки два высокихъ костыля, на которыхъ онъ повисъ; правую руку его привязали къ правому костылю, а лѣвую вытянули въ горизонтальномъ положеніи и одѣли на нее до кисти деревянную перчатку, чрезвычайно тѣсную, отъ которой были протянуты къ плечу два желѣзныхъ прута. Тѣло и обѣ ноги были также привязаны къ костылямъ. Въ первую минуту Ванъ-Галенъ не почувствовалъ никакой боли, потому что руки его, связанныя въ продолженіи двухъ сутокъ, совершенно онѣмѣли. Но вслѣдъ затѣмъ, когда по приказанію инквизитора онъ отказался дать требуемыя показанія, то перчатка, прикрѣпленная къ колесу, начала вертѣться и онъ, вслѣдствіе сильной боли, причиняемой выворачиваніемъ суставовъ, лишился чувствъ [1]).

---

[1]) Мы привели здѣсь буквально описаніе пытки со словъ автора, въ правдивости котораго врядъ ли можно сомнѣваться, потому что книга его издана не болѣе, какъ черезъ 13 лѣтъ, когда еще были живы многіе изъ очевидцевъ и могли печатно опровергнуть его разсказъ.

Несчастный опомнился уже въ темницѣ, куда его перенесли въ безсознательномъ состояніи. Онъ увидѣлъ себя на полу; ему заковывали руки и ноги въ тяжелыя цѣпи; но кожанной маски уже не было на его лицѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ухода своихъ мучителей, послѣ чего съ трудомъ дотащился до своей постели. Скорая смерть была его единственнымъ желаніемъ; онъ избѣгалъ малѣйшаго движенія изъ боязни, чтобы шумъ цѣпей не обратилъ вниманіе тюремщиковъ и не «заставилъ ихъ войти къ нему». Лихорадка, мучившая его въ послѣдніе дни, настолько усилилась отъ боли и испытаннаго имъ потрясенія, что съ нимъ начался бредъ, и онъ едва замѣтилъ, какъ тюремщики разрѣзали ему рукавъ, чтобы посмотрѣть больную руку.

На слѣдующій день явился докторъ и, осмотрѣвъ больнаго, объявилъ, что, пока съ нимъ будутъ обращаться такимъ способомъ, нечего ждать улучшенія болѣзни.

Дѣйствительно, Ванъ-Галенъ со дня на день чувствовалъ себя хуже, такъ что, по настоянію доктора или изъ боязни лишиться такого важнаго узника, съ него сняли цѣпи. Онъ настолько ослабѣлъ, что когда тюремщики принялись по обыкновенію чистить и убирать темницу, то не рѣшились тронуть его съ мѣста и только заставили постель ширмами, чтобы онъ не могъ видѣть особы, которая мела полъ. Но эта предосторожность оказалась напрасною. Узникъ увидѣлъ молодую дѣвушку съ приличными манерами, которая воспользовалась удобной минутой, чтобы взглянуть на него; при этомъ на ея живомъ лицѣ выразился ужасъ и состраданіе, и она едва удержалась отъ слезъ...

Это была Романа, пріемная дочь тюремщика Марчелино, взятая имъ изъ воспитательнаго дома себѣ въ помощь, для исполненія разныхъ домашнихъ работъ. Сдержанность и усердіе, съ какимъ она исполняла свое дѣло, заслужили ей полное довѣріе ея хозяина и всѣхъ служащихъ въ тюрьмѣ; одинъ только Хуанито, товарищъ Марчелино, неутомимо преслѣдовалъ ее и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать ей непріятное.

Послѣ этого, прошло много дней, прежде чѣмъ Ванъ-Галенъ снова увидѣлъ молодую дѣвушку, тѣмъ болѣе, что здоровье его настолько улучшилось, что при уборкѣ темницы, его по прежнему переводили въ сосѣдній казематъ. Между тѣмъ Хуанито заболѣлъ и слегъ въ постель. Романа въ тотъ же день воспользовалась болѣзнью своего врага, чтобы подойти къ двери узника и, выразивъ ему свое сочувствіе, спросила: не можетъ ли она чѣмъ нибудь помочь ему? Ванъ-Галенъ отвѣтилъ, что желалъ бы написать письмо. Она подала ему клочокъ бумаги и карандашъ черезъ рѣшетчатое окно въ дверяхъ и поспѣшно удалилась.

Ванъ-Галенъ, оставшись одинъ, долго былъ въ недоумѣніи, кому написать изъ своихъ друзей: многіе изъ нихъ были арестованы,

адресъ другихъ былъ ему неизвѣстенъ, а его товарищи офицеры постоянно переходили съ мѣста на мѣсто съ своими полками. Наконецъ, онъ вспомнилъ о своемъ двоюродномъ братѣ морякѣ, служившемъ въ одномъ гидрографическомъ бюро, и написалъ ему письмо, въ которомъ подробно извѣстилъ его о своемъ несчастномъ положеніи и намѣреніи бѣжать изъ тюрьмы. На слѣдующій день Романа взяла письмо и въ тотъ же вечеръ принесла Ванъ-Галену отвѣтъ отъ его двоюроднаго брата, который обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее. Такимъ образомъ, завязалась ежедневная переписка, которая, во время болѣзни Хуанито, передавалась черезъ дверь, а затѣмъ узникъ уговорился съ своей покровительницей, что онъ будетъ оставлять свои письма подъ подушкой, а она доставлять ему отвѣты тѣмъ же способомъ, при уборкѣ темницы. Этимъ путемъ Ванъ-Галену былъ переданъ подробный планъ всѣхъ улицъ по близости тюрьмы, съ обозначеніемъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ его будутъ ожидать друзья. Вслѣдъ за тѣмъ онъ получилъ письмо, въ которомъ его убѣдительно просили назначить день бѣгства, какъ только онъ почувствуетъ въ себѣ достаточно силъ для подобнаго предпріятія.

Между тѣмъ, наступилъ 1818 годъ. Здоровье Ванъ-Галена настолько поправилось, что онъ рѣшилъ не откладывать долѣе своего бѣгства и поспѣшилъ извѣстить объ этомъ своихъ друзей, такъ какъ вмѣстѣ съ возстановленіемъ силъ, у него явилась боязнь подвергнуться новымъ пыткамъ, въ чемъ еще больше утверждали двусмысленныя шутки и намеки тюремщиковъ. Друзья узника отвѣтили ему, что, начиная съ 30-го января, одинъ изъ нихъ будетъ ежедневно ожидать его по близости тюрьмы, и точно обозначили ему путь, по которому онъ долженъ былъ слѣдовать, и слова, по которымъ они могли бы узнать другъ друга, и проч.

Ванъ-Галенъ, безпокоясь объ участи Романы, уговаривалъ ее бѣжать вмѣстѣ съ нимъ, но она отвѣтила, что согласится на это только въ томъ случаѣ, если ея участіе въ бѣгствѣ сдѣлается извѣстнымъ и она не будетъ имѣть иного исхода.

30-го января, вечеромъ, въ часъ назначенный для бѣгства, Ванъ-Галенъ, стоя у дверей своей темницы, внимательно прислушивался къ малѣйшему шороху и, услыхавъ шумъ ключей, поспѣшно удалился къ своей постели. Но едва вошелъ Марчелино, какъ узникъ загасилъ свѣту и, толкнувъ тюремщика въ дальній уголъ, выскочилъ изъ двери и заперъ ее на ключъ. Въ корридорѣ онъ очутился въ совершенной темнотѣ; но оглушительные крики новаго узника придали ему силы и онъ смѣло бросился впередъ, такъ какъ зналъ изъ разсказовъ Романы, что Марчелино имѣлъ обыкновеніе оставлять за собою всѣ двери открытыми. Сбѣжавъ съ лѣстницы, Ванъ-Галенъ увидѣлъ налѣво полуосвѣщенную кухню, на полкѣ которой висѣлъ фонарь. Въ первую минуту онъ остано-

лся въ нерѣшимости, такъ какъ слышалъ по близости чьи-то лоса, но, пересиливъ свою робость, онъ вошелъ въ кухню съ намѣреніемъ схватить кочергу или топоръ, чтобы имѣть оружіе въ рукахъ, въ случаѣ, если понадобится открытое сопротивленіе. Здѣсь онъ встрѣтилъ Роману, помертвѣвшую отъ испуга, которая съ нетерпѣніемъ ожидала его.

— Гдѣ мой хозяинъ? спросила она шопотомъ, и, узнавъ, что Марчелино живъ и въ полной безопасности, вывела Ванъ-Галена на дворъ, говоря, что отсюда онъ можетъ прямо выйти на улицу, и просила его поторопиться, потому что ея хозяйка ожидаетъ къ себѣ гостей. Но на дворѣ было такъ темно, что, прежде чѣмъ Ванъ-Галенъ успѣлъ добраться до воротъ, онъ услышалъ женскіе голоса съ улицы; вслѣдъ за тѣмъ раздался звонокъ. Романа выбѣжала на дворъ и, отворивъ калитку, громко вскрикнула, говоря, что ее кто-то толкнулъ; испуганныя гостьи принялись кричать въ свою очередь, но Ванъ-Галенъ, не обративъ на это никакого вниманія, сшибъ съ ногъ первую вошедшую женщину и однимъ прыжкомъ очутился на улицѣ.

Здѣсь, согласно данному наставленію, Ванъ-Галенъ повернулъ за уголъ тюрьмы, гдѣ встрѣтилъ высокаго человѣка, завернутаго въ плащъ, который сразу узналъ его и громко воскликнулъ: — Хуанъ! Ванъ-Галенъ! вы ли это?

— Я! отвѣтилъ освобожденный узникъ, сердце котораго замерло отъ радости, когда онъ услыхалъ знакомый голосъ.

Пройдя улицу, — разсказываетъ авторъ, — мой спутникъ громко свиснулъ, и насъ тотчасъ же окружило нѣсколько человѣкъ друзей; одинъ накинулъ на меня шляпу съ перомъ, другой — плащъ, третій увѣрялъ, что они готовы защищать меня до послѣдней капли крови и т. п. Я послѣдовалъ за ними въ шляпѣ съ перомъ, въ плащѣ и въ зеленыхъ туфляхъ, которыя носилъ въ тюрьмѣ; но, по счастью, было такъ темно, что никто изъ прохожихъ не могъ обратить вниманія на это обстоятельство. Мы скоро достигли дома, который на первое время долженъ былъ служить мнѣ убѣжищемъ, и поднялись на нѣсколько лѣстницъ до верхняго этажа, гдѣ жила одна изъ испанскихъ героинь, участвовавшихъ въ послѣдней войнѣ за независимость, которая охотно согласилась пріютить меня у себя до пріисканія болѣе удобнаго помѣщенія. Хотя ее предупредили о моемъ приходѣ, но она, вѣроятно, не знала, что я являюсь къ ней прямо изъ тюрьмы, потому что очень удивилась, когда увидѣла меня въ странномъ костюмѣ и съ длинной бородой...

Въ это время въ тюрьмѣ инквизиціи, — какъ узналъ впослѣдствіи авторъ, — происходила слѣдующая сцена:

Жена Марчелино, встревоженная криками и разсказами прибывшихъ гостей, бросилась съ громкимъ плачемъ отыскивать своего мужа, такъ что Романа, тронутая ея горемъ, едва не созналась

въ своемъ участіи. Но тутъ пришелъ Хуанито въ сопровожденіи тюремныхъ слугъ и, не обращая никакого вниманія на вопли своего товарища и плачъ его супруги, оставилъ его въ заключеніи и заперъ всѣ выходы тюрьмы. Наконецъ, къ утру явился инквизиторъ и, приказавъ въ своемъ присутствіи выломать дверь, запертую бѣглецомъ, выпустилъ несчастнаго Марчелино, обезумѣвшаго отъ отчаянія, который тотчасъ былъ позванъ на допросъ и посаженъ подъ арестъ со всей семьей. Но этимъ дѣло не кончилось. Марчелино былъ преданъ суду и осужденъ на галеры на 10 лѣтъ, а Романа отправлена въ монастырь на вѣчное заключеніе [1]).

Король узналъ на слѣдующее утро о бѣгствѣ Ванъ-Галена и, по разсказу одного изъ присутствовавшихъ при этомъ господъ, громко расхохотался, когда ему сообщили всѣ подробности. Между тѣмъ какъ Арелланo, вернувшись отъ обѣдни, гдѣ онъ присутствовалъ ежедневно, пришелъ въ ярость отъ этого извѣстія и поставивъ на ноги всю камарилью, послалъ письменный приказъ ко всѣмъ инквизиціямъ и намѣстникамъ провинцій немедленно отыскать бѣглеца и доставить въ Мадридъ. Но эти распоряженія не привели ни къ какимъ результатамъ, равно и поиски въ самомъ Мадридѣ и окрестностяхъ, потому что многіе изъ родственниковъ полицейскихъ чиновниковъ и родной племянникъ фискала Зориллы принимали дѣятельное участіе въ укрывательствѣ бѣглеца.

Между тѣмъ, друзья Ванъ-Галена перевели его въ новое помѣщеніе, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города, гдѣ онъ прожилъ три мѣсяца до полнаго возстановленія силъ.

Наконецъ, наступила весна; снѣга начали таять въ Пиренеяхъ, ущелья сдѣлались проходимыми, и для бѣглеца открылась возможность искать убѣжища за предѣлами родины, такъ какъ путь черезъ горы былъ сравнительно наиболѣе безопасный отъ надзора инквизиціи. Друзья Ванъ-Галена добыли ему фальшивый паспортъ и онъ, подъ видомъ коммисаріатскаго чиновника, безъ всякихъ приключеній проѣхалъ Испанію и Францію, въ сопровожденіи одного изъ своихъ пріятелей, выдававшаго себя за торговца шерстью.

Въ концѣ іюня 1818 года, Ванъ-Галенъ благополучно прибылъ въ Англію, гдѣ простился съ своимъ спутникомъ и безъ опасенія объявилъ свое настоящее имя. Въ это время въ Англіи происходили выборы къ предстоящему парламенту. На встрѣчу попада-

---

[1]) Эта великодушная дѣвушка въ теченіи двухъ лѣтъ покорно выносила свою участь, пока событія 1820 года не возвратили ей свободы. Она вышла замужъ за одного солдата кирасирскаго полка, котораго она любила задолго до того времени, когда рѣшилась пожертвовать жизнью для человѣка, къ которому ничего не чувствовала, кромѣ состраданія. Марчелино былъ также освобожденъ и получилъ отъ конституціоннаго правительства болѣе покойную и почетную должность, чѣмъ ту, которую онъ занималъ въ инквизиціонной тюрьмѣ.

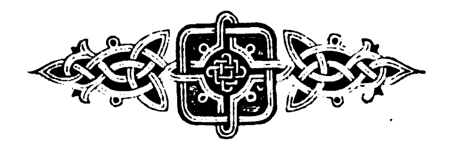
лись нарядныя толпы избирателей въ шляпахъ, украшенныхъ лентами; кандидатовъ несли торжественно на рукахъ; гостинницы были переполнены бочками пива и разукрашены эмблематическими девизами и флагами различныхъ цвѣтовъ; всюду были разставлены оркестры музыки; ораторы на улицахъ говорили рѣчи народу... Такое зрѣлище представилось глазамъ удивленнаго испанца въ Дуврѣ и во всѣхъ городахъ, гдѣ ему приходилось проѣзжать, до самаго Лондона, и глубоко поразило его своимъ контрастомъ со сценами нищеты и безправія, господствовавшими въ тогдашней Испаніи.

Въ Лондонѣ Ванъ-Галенъ остановился въ скромной гостинницѣ, гдѣ прожилъ около пяти мѣсяцевъ. «Уединенная жизнь и полное бездѣйствіе—говоритъ онъ—настолько не соотвѣтствовали моему характеру и привычкамъ, что я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падалъ духомъ. Воображеніе рисовало мнѣ печальныя картины несчастій, тяготѣвшихъ надъ моей родиной; невыносимо было для меня и самое положеніе эмигранта среди богатаго, счастливаго народа, пожинавшаго лавры своихъ вѣковыхъ усилій. Мои денежныя средства настолько истощились, что у меня не было иного исхода какъ искать военной службы въ какой нибудь отдаленной странѣ, интересы которой не могли прійти въ столкновеніе съ интересами моей родины. Я написалъ объ этомъ моимъ друзьямъ въ Испанію и объявилъ что не намѣренъ больше пользоваться ихъ великодушіемъ, послѣ чего мнѣ оставалось только выбрать страну, гдѣ бы я могъ, не измѣнняя своимъ убѣжденіямъ провести остатокъ моей жизни».

Этимъ авторъ оканчиваетъ первую часть своихъ записокъ. Въ слѣдующей главѣ мы передадимъ содержаніе втораго тома, гдѣ онъ разсказываетъ о своемъ пріѣздѣ въ Россію, службѣ на Кавказѣ и возвращеніи на родину.

Н. Бѣлозерская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ IX. Спб. 1884.

ОСЛѢ кончины князя Петра Андреевича Вяземскаго, въ Остафьевскомъ архивѣ найдено тридцать семь записныхъ книжекъ, въ которыя покойный, въ продолженіе слишкомъ шестидесяти лѣтъ, вносилъ всякаго рода мысли, впечатлѣнія замѣтки, анекдоты и выписки изъ сочиненій, почему нибудь обращавшихъ на себя его вниманіе. Печатаніе этихъ книжекъ въ полномъ изданіи его сочиненій началось съ восьмого тома, о которомъ въ свое время и помѣщенъ былъ отзывъ въ нашемъ журналѣ («Историческій Вѣстникъ», мартъ, 1883). Теперь въ вышедшемъ недавно девятомъ томѣ помѣщено еще нѣсколько книжекъ. Объемъ и содержаніе ихъ очень различны: однѣ состоятъ изъ немногихъ страницъ, другія болѣе или менѣе обширны и разнообразны по внесеннымъ въ нихъ статьямъ. Здѣсь, кромѣ всякаго рода выписокъ и замѣтокъ, есть цѣльныя письма, довольно полныя, рецензіи и, наконецъ, дневники, веденные при переѣздахъ по Россіи и при путешествіяхъ заграницей. Очевидно, что все это писано не для печати, а только на память, подъ вліяніемъ минутныхъ впечатлѣній. Тутъ прежде всего замѣчательно то, съ какой ясностью и какимъ правильнымъ языкомъ вносились въ памятныя книжки эти летучіе наброски, которымъ покойный не придавалъ никакого литературнаго значенія. Такую стройную и живую рѣчь не всегда можно встрѣтить и въ сочиненіяхъ обработанныхъ.

Личность князя Вяземскаго, его образъ мыслей, убѣжденія и вкусы выражаются съ бо́льшей ясностью и полнотою въ этихъ записныхъ книжкахъ, нежели въ его литературныхъ произведеніяхъ. Читая его замѣтки, вполнѣ понимаешь, почему одни считали его заносчивымъ и неисправимымъ либераломъ, а другіе — отсталымъ реакціонеромъ. Это зависѣло оттого, что самъ

онъ не принадлежалъ ни къ какой односторонне-узкой политической или литературной партіи, высказывался всегда по собственному убѣжденію и чувству, не подчиняясь вліянію какихъ бы то ни было авторитетовъ, и открыто возставалъ противъ всего, что̀ находилъ ложнымъ, изъ какого ни шло оно лагеря. Понятно, какимъ отъявленнымъ либераломъ долженъ былъ многимъ казаться человѣкъ, который въ 1822 году, по поводу посѣщенія имъ пензенскаго театра, гдѣ актерами были крѣпостные люди одного помѣщика, писалъ слѣдующее: «Больнѣе всего, что пьяный помѣщикъ имѣетъ право терзать своихъ подданныхъ за то, что они дурно играли или не понравились ему. Право господства не должно бы простираться до этой степени. При рабствѣ можно допустить право помѣщика взыскивать съ крѣпостныхъ своихъ подати деньгами или натурою и промышленностью, свойственныя ихъ назначенію и включенныя въ кругъ дѣйствія имъ сроднаго, и наказывать за неисполненіе таковыхъ законныхъ обязанностей, но обезпечить законною властью и сумазбродныя прихоти помѣщика, который хочетъ, чтобы его рабы плясали, пѣли и ломали комедь безъ дарованія, безъ охоты,—есть уродство гражданское и оно должно быть прекращено начальствомъ, предводителями, какъ злоупотребленіе власти. И послѣ такихъ примѣровъ находятся еще у насъ заступники крѣпостнаго состоянія». Съ другой стороны, понятно и то, какъ смотрѣли на князя Вяземскаго за слѣдующія его строки, писанныя въ 1831 году: «Очень хорошо и законно дѣлаетъ господинъ, когда приказываетъ высѣчь холопа, который вздумаетъ отыскивать незаконно и нагло свободу свою». Дѣло въ томъ, что Вяземскій всегда былъ противникомъ крѣпостнаго права, но въ то же время и отъявленнымъ врагомъ всякаго народнаго самоуправства. Мы позволимъ себѣ привести изъ его записной книжки еще одну выписку, которая вполнѣ знакомитъ съ его образомъ мыслей по этому вопросу. «По первому взгляду на рабство въ Россіи — пишетъ онъ — говорю: оно уродливо. Это наростъ на тѣлѣ государства. Теперь дѣло лѣкарей рѣшить: какъ истребить его? Свести ли медленными, но безпрестанно дѣйствующими средствами? Срѣзать ли его разомъ? Созовите совѣтъ лѣкарей: пусть перетолкуютъ они о способахъ, взвѣсятъ послѣдствія, и тогда рѣшитесь на что нибудь. Теперь что̀ вы думаете? Вы сознаетесь, что это наростъ, пальцемъ указываете на него и только что дразните больнаго тогда, когда̀ должно и можно его лѣчить».

Политическія мнѣнія князя П. А. Вяземскаго были также независимы и должны были вызывать нареканія со стороны людей различныхъ убѣжденій. Достаточно указать на то, какъ онъ смотрѣлъ на Польшу и революцію 1831 года. «Не благотворите полякамъ на дѣлѣ,—пишетъ онъ въ одной изъ своихъ книжекъ,— а витійствуйте имъ о благотвореніи. Они такъ дорожатъ честію слыть благородными и доблестными, что отъ словъ о доблести и мужествѣ полѣзутъ на стѣну... И добродѣтели-то ихъ всѣ театральныя... Наполеонъ совершенно по нихъ. Они всегда промѣняютъ солнце на фейерверкъ. Рѣчь, читанная государемъ на сеймѣ, дороже имъ всѣхъ его благодѣяній... Нельзя сказать, что они славолюбивы, а успѣхолюбивы. Имъ не въ томъ, чтобы дома быть счастливыми, а въ томъ, чтобы блеснуть передъ Европой. Политическіе Донъ-Кихоты». Послѣ усмиренія возстанія и взятія Паскевичемъ Варшавы, князь Вяземскій вноситъ въ другую записную книжку слѣдующее: «Вотъ и послѣднее дѣйствіе кровавой драмы, что̀ будетъ послѣ?.. При первой войнѣ, при первомъ движеніи въ Россіи, Польша возстанетъ на

насъ, или должно будетъ имѣть русскаго часоваго при каждомъ полякѣ. Есть одно средство: бросить Царство Польское, какъ даемъ мы отпускную негодяю, котораго ни держать у себя не можемъ, ни поставить въ рекруты». Такое же нареканіе должны были навлекать на князя Вяземскаго взгляды его на европейскіе порядки и нравы. Съ одной стороны, многимъ не нравилось, напримѣръ, его пристрастіе къ легкой французской литературѣ, съ которой у него не мало было общаго по самому роду его таланта и складу ума. Въ немъ видѣли послѣдователя отжившаго псевдо-классицизма, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ почитателемъ школы Корнеля и Вольтера, а только уважалъ въ ней хорошія стороны и не хотѣлъ относиться къ ней съ тѣмъ огульнымъ порицаніемъ, съ какимъ трактовали ее приверженцы романтизма. Съ другой стороны, онъ не поклонялся безусловно признаннымъ иноземнымъ авторитетамъ и даже шутилъ надъ недостатками и промахами людей, порицаніе которыхъ въ глазахъ многихъ было чуть не святотатствомъ. Позволимъ себѣ сдѣлать еще небольшую выписку изъ дневника его путешествія въ Палестину, въ 1850 году: «На смирнскомъ рейдѣ — пишетъ онъ — стоялъ французскій пароходъ, отправляющійся въ Константинополь, и на немъ Ламартинъ. Если турецкое правительство не было бы нелѣпо, то оно засадило бы Ламартина въ карантинъ, вмѣсто того, чтобы дать ему богатое помѣстье въ своихъ владѣніяхъ. Ламартинъ перевернулъ Францію вверхъ дномъ и послѣ того бѣжалъ изъ нея, какъ кошка, когда напроказитъ и разбросаетъ посуду; а Диванъ, который ищетъ покровительства и милости Франціи, оказываетъ неслыханное благодѣяніе безумцу, отъ котораго всѣ партіи во Франціи отказались и котораго всѣ равно обвиняютъ. Да и онъ хорошъ: устроилъ у себя республику, христорадничаетъ у потомковъ Магомета и записывается къ нимъ болѣе нежели въ подданство, а въ челядинцы, ибо идетъ питаться ихъ милостынею и хлѣбомъ». Конечно, и за эти строки одни могли называть ихъ автора либераломъ, а другіе ретроградомъ.

Съ бо́льшею подробностью, чѣмъ другія замѣтки, велъ князь Вяземскій свои путевые дневники при поѣздкахъ въ Польшу, въ Москву и Ревель, въ Нижній-Новгородъ и въ Пензенскую губернію и при путешествіяхъ по Европѣ и на Востокъ. Все это при небольшой обработкѣ могло бы составить прекрасную книгу путевыхъ впечатлѣній въ разныхъ частяхъ Россіи и во многихъ мѣстностяхъ заграницей. При его замѣчательной наблюдательности и безпристрастномъ отношеніи къ свѣтлымъ и темнымъ сторонамъ какъ русскаго, такъ и иноземнаго быта, записки его представляютъ несомнѣнный и крупный интересъ. Замѣчанія о различныхъ явленіяхъ общественной жизни, сужденія о людяхъ, отзывы о произведеніяхъ искусства или о книгахъ, которыя онъ читалъ и въ своихъ переѣздахъ, — все это отличается свѣтлымъ умомъ и разносторонними знаніями. Стоитъ прочесть его замѣчанія о нижегородской ярмаркѣ, о природѣ Италіи, о парижскихъ театрахъ и англійскомъ обществѣ, чтобы убѣдиться, какъ самостоятельны были его мнѣнія и какъ мало въ нихъ обиденной рутины. Въ каждой строкѣ его видно, что она внушена не чужими отзывами, а собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ.

Самъ князь П. А. Вяземскій не придавалъ своимъ записнымъ книжкамъ никакого литературнаго значенія, хотя, можетъ быть, и читалъ выдержки изъ нихъ близкимъ къ нему лицамъ. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ эти книжки въ посланіи къ королевѣ виртембергской, Ольгѣ Николаевнѣ:

Годовъ и поколѣній много
Я пережить уже успѣлъ,
И длинною своей дорогой
Событій много подсмотрѣлъ.

—

Талантовъ нѣтъ во мнѣ излишка,
Не корчу важнаго лица;
Я просто Записная Книжка,
Гдѣ жизнь играетъ роль писца.

—

Тутъ всякой всячины не мало:
Съ бездѣльемъ дѣло, грусть и смѣхъ,
То похвала, то шутки жало,
Здѣсь неудача, тамъ успѣхъ.

Въ слѣдующемъ томѣ собранія сочиненій князя Вяземскаго, вѣроятно, будутъ помѣщены и остальныя его памятныя книжки. Тогда еще съ бо̀льшею полнотою видно будетъ, какъ важны эти замѣтки для изученія русскаго общества въ настоящемъ столѣтіи. Должно замѣтить еще, что книжки печатаются не вполнѣ, и многое изъ нихъ, какъ заявлено въ предисловіи къ вышедшему теперь тому, еще не можетъ быть обнародовано.

А. М.

Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій, Е. П. Карновича, съ 13 гравюрами. Спб. 1884 г.

Въ ряду книгъ, посвящаемыхъ популяризаціи отечественной исторіи, монографіи Е. П. Карновича занимаютъ особенно видное мѣсто. Обширная начитанность г. Карновича, отличающая его добросовѣстность изученія даннаго сюжета по первымъ источникамъ, не только русскимъ, но и иностраннымъ, строгая тщательность изложенія, спокойный, благородный тонъ, вытекающій изъ яснаго, трезваго взгляда на событія и лица, и прекрасный языкъ,—все это дѣлаетъ историческія сочиненія почтеннаго автора чрезвычайно цѣнными и они должны особенно рекомендоваться читающей массѣ, которую нынѣ такъ часто морочатъ у насъ вздорными quasi-«историческими» розысканіями разные журнальные повѣствователи и романисты.

Всѣ указанныя достоинства характеризуютъ и послѣднюю вышеназванную книгу г. Карновича, интересную не только для любителей легкаго историческаго чтенія, но и для людей, слѣдящихъ за исторической наукой. Въ изображеніи «замѣчательныхъ и загадочныхъ личностей» авторъ является не простымъ компиляторомъ-фотографомъ, а самостоятельнымъ портретистомъ-изслѣдователемъ. Онъ находитъ, путемъ изученія новыхъ источниковъ и тщательной критики матеріаловъ, черты, пропущенныя предшествовавшими біографами этихъ личностей, даетъ имъ болѣе вѣрное очертаніе, оттѣняетъ ихъ характеръ съ бо̀льшей рельефностью и каждую фигуру ставитъ на должное историческое мѣсто, въ надлежащемъ освѣщеніи. Смѣло можно сказать, что въ нашей литературѣ очень немного историческихъ портретовъ, написанныхъ съ такой старательностью, такой строгой кистью, ставящей

своей цѣлью правду и возможно точное сходство изображаемыхъ персонажей съ историческими подлинниками.

Книга г. Карновича заключаетъ въ себѣ десять портретовъ-изслѣдованій, а именно: Морица графа Саксонскаго, прусскаго почтъ-директора Вагнера, Шевалье д'Еона, Каліостро, Маріи Терезіи Угрюмовой, герцогини Кингстонъ, князя А. А. Безбородко, Палатины Венгерской Александры Павловны, архимандрита Фотія и князя А. Н. Голицына.

Какъ можно видѣть изъ этого перечня, многія изъ описываемыхъ г. Карновичемъ личностей весьма мало извѣстны въ нашей популярной исторической литературѣ; другія же, хотя и описывались прежде, но часто въ такомъ превратномъ видѣ и съ такой поверхностностью, что въ тщательномъ изображеніи г. Карновича онѣ получаютъ интересъ новизны и такой законченной полноты, въ какой читателю онѣ еще не представлялись доселѣ. При этомъ, вотъ еще что очень важно.

Обыкновенно «загадочныя» историческія личности — такія, напримѣръ, какъ Шевалье д'Еонъ, герцогиня Кингстонъ, Каліостро и др. — занимали повѣствователей только, какъ курьезы, и описывались ими съ одной лишь анекдотической стороны, ради забавы читателей. Г. Карновичъ взглянулъ на нихъ серьезными глазами историка, для котораго всякіе курьезы и анекдотическія личности постолько лишь интересны, посколько они характеризуютъ данную эпоху, данное общество, посколько изученіе ихъ необходимо для возможно полнаго пониманія сихъ послѣднихъ.

Съ этой точки зрѣнія и шарлатанъ Каліостро, морочившій своимъ волшебствомъ всю Европу, и политическій проходимецъ д'Еонъ, шутовски закостюмированный въ женское платье, и честолюбивая авантюристка Кингстонъ, изъ тщеславія сдѣлавшаяся русской помѣщицей, и странная майорша Угрюмова, ставшая слѣпымъ орудіемъ «ненавистной» политической интриги, и злосчастный прусскій почтъ-директоръ, прокатившійся въ Сибирь за вѣрность отечеству, и блистательный вѣчный женихъ и претендентъ на курляндскую корону, Морицъ Саксонскій, — всѣ они получаютъ серьезное значеніе — не раритетное и анекдотическое, а вполнѣ историческое.

Авторъ, рисуя портреты этихъ личностей, помѣщаетъ ихъ, такъ сказать, въ рамку эпохи и на ея историческомъ фонѣ. Вслѣдствіе такого пріема, каждая личность становится понятной, ясной и исторически-необходимой, какъ органическій продуктъ своего времени и своего общества. Точно также — и наоборотъ — каждая личность представляется какъ бы иллюстрированнымъ, яркимъ комментаріемъ данной эпохи.

Вообще, книга г. Карновича можетъ быть признана не только пріятнымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической беллетристики, но и цѣннымъ вкладомъ въ науку отечественной исторіи. Слѣдуетъ добавить, что издана она очень старательно и изящно и снабжена прекрасно гравированными портретами описываемыхъ авторомъ личностей.

Мих. Н—евичъ.

Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. Изслѣдованіе Д. А. Ровинскаго. Атласъ къ книгѣ съ 33-мя гравюрами. Спб. 1884 г.

Гравюра на мѣди имѣетъ за собой давность четырехъ столѣтій. Ни одному изъ способовъ воспроизведенія художественнаго не выпало на долю столь счастливаго жребія. Родственный этому способу—гравюра на деревѣ—не больше столѣтія пользовался значеніемъ одновременно съ гравюрой на мѣди, но затѣмъ, въ теченіи доброй половины XVII-го и XVIII-го вѣка, находился въ упадкѣ и только въ наше время снова возродился въ измѣненномъ и усовершенствованномъ видѣ. Примѣненіе холодной иглы, во времена Дюрера бывшее возможнымъ лишь на желѣзныхъ доскахъ, такъ какъ тогда не знали еще кислотъ, травящихъ мѣдь, началось съ сороковыхъ годовъ XVI-го столѣтія, достигло цвѣтущаго состоянія въ XVII-мъ вѣкѣ и оставалось излюбленнымъ способомъ для художественнаго воспроизведенія до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось несовмѣстнымъ съ гладкимъ, вылизаннымъ классицизмомъ. Еще короче были дни стальной гравюры. Въ началѣ текущаго столѣтія явилась литографія, но послѣ кратковременнаго процвѣтанія обратилась въ ремесло. Только гравюра на мѣди пережила всякія перемѣны въ нравахъ и людяхъ, хотя и не безъ многократныхъ превратностей въ ея судьбѣ. Какъ впослѣдствіи случилось съ травленіемъ крѣпкой водкой, такъ и гравюра на мѣди первоначально была самостоятельнымъ плодомъ творчества художника. До половины XVI-го вѣка она не примѣнялась къ воспроизведенію картинъ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи. Граверъ былъ самъ художникомъ. Въ Италіи впервые стали пользоваться услугами гравера для копированія картинъ и рисунковъ со времени Марка Антонія. Съ теченіемъ времени это помогло размноженію повсюду въ копіяхъ художественныхъ произведеній всѣхъ школъ. Такія гравюры не только собирались въ папкахъ любителей, но и служили для украшенія комнатъ. Этотъ обычай былъ вытѣсненъ господствомъ стиля рококо, но прошла мода на цвѣтистую декоративность этого стиля и не нашлось лучшаго украшенія для комнатъ, помимо гравюры, исполненной по знаменитымъ оригиналамъ. Тридцать лѣтъ назадъ снова измѣнилось положеніе гравюры. Изобрѣтеніе фотографіи и разнообразныхъ механическихъ способовъ, опирающихся на ея основахъ, одно время грозило упадкомъ этому художественному способу воспроизведенія. Но тутъ новѣйшій гольцшнитъ достигъ необычайной виртуозности и гравированіе крѣпкой водкой разцвѣло, благодаря англійскимъ и французскимъ художникамъ. Подорвалось только значеніе гравюры на мѣди и потому собственно, что къ ней стали требовательнѣе по мѣрѣ того, какъ развивался вкусъ къ краскамъ. Рядомъ съ майоликами и фаянсами, рядомъ съ восточными коврами, черная гравюра съ своими бѣлыми полями являлась неумѣстной и некрасивой. Неудивительно, что на нѣкоторое время значеніе ея отошло въ сторону. Ее собирали не по прежнему, не въ большой массѣ. Любители, располагая достаткомъ, обратились къ инымъ отраслямъ искусства. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что надо опасаться за будущее гравюры. Она, пожалуй, приспособится къ измѣнившимся требованіямъ вкуса, но она не канетъ въ Лету забвенія, ибо гравюра есть нѣчто бо́льшее, чѣмъ копія художественнаго созданія, она—его истолковательница и глашатай.

Въ этомъ смыслѣ гравюра и у насъ имѣла немногихъ мастеровъ, и къ числу этихъ немногихъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Николай Ивановичъ Уткинъ. Д. А. Ровинскій посвятилъ особое изслѣдованіе его жизнеописанію и художественной дѣятельности, приложивъ къ этому изслѣдованію, которое основано, между прочимъ, на архивныхъ документахъ нашей академіи художествъ, подробный каталогъ всѣхъ работъ Уткина, перечисленныхъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ исполненія, и 33 гравюры его и учениковъ его, отпечатанныя съ оригинальныхъ досокъ, хранящихся въ академіи. Помимо характеристики Уткина, тутъ читатель знакомится съ исторіей гравированія въ Россіи за первое пятидесятилѣтіе въ текущемъ столѣтіи.

Своей подготовкой въ граверномъ искусствѣ Уткинъ обязанъ Клауберу, ученику знаменитаго Вилля. Но, по окончаніи академическаго курса, въ 1800 году, Уткинъ проявилъ уже оригинальность рѣзца, и черезъ два года былъ отправленъ заграницу, именно въ Парижъ, гдѣ 22-хъ лѣтнему русскому граверу посчастливилось пристроиться у знаменитаго мастера Бервика. Парижъ очень помогъ выдвинуться Уткину. Тамъ онъ въ 1810 году получилъ золотую медаль за гравиру Эней, спасающій Анхиза, бывшую на парижской выставкѣ того времени. Тамъ же у него «было свое маленькое общество, въ которомъ его принимали съ полнымъ радушіемъ и участіемъ, былъ и талантливый учитель граверъ, наконецъ, «была возможность работать почти цѣлые сутки». И не мудрено, что при такихъ условіяхъ Уткину не хотѣлось разстаться съ столицей Франціи, и на всѣ предложенія нашей академіи вернуться въ Петербургъ онъ отвѣчалъ уклончиво. Тѣмъ не менѣе, тогдашнія политическія обстоятельства заставили Уткина уѣхать изъ Парижа и, въ августѣ 1814 года, онъ уже находился въ Петербургѣ. Здѣсь онъ за портретъ князя Куракина, исполненный имъ подъ руководствомъ Бервика, получилъ званіе академика, а черезъ годъ, 16-го октября 1815 года, опредѣленъ былъ въ граверный классъ помощникомъ къ Клауберу. Жалованья Уткину не давалось при этомъ, такъ что теперь, на первыхъ же порахъ своей художественно-педагогической дѣятельности, ему пришлось хлопотать о средствахъ къ существованію. Тутъ помогла Уткину его извѣстность въ массонскомъ кругу. Есть основаніе предполагать, что граверъ самъ принадлежалъ къ массонамъ. Покровительство князя А. Н. Голицына не заставило себя ждать. Академія, по запросу князя, назначила Уткину жалованье по 600 рублей. Вскорѣ его матеріальное положеніе еще болѣе улучшилось. 13-го мая 1817 года умеръ Клауберъ и на его мѣсто опредѣленъ былъ Уткинъ, одновременно съ этимъ назначенный смотрителемъ эстамповъ въ Эрмитажѣ, конечно, съ приличнымъ жалованьемъ, а въ 1819 году, по ходатайству своего покровителя, Оленина, онъ получилъ и званіе гравера его императорскаго величества, «каковое прежде носили Саундерсъ, Кетерлинусъ и Керделли, которые, — замѣчаетъ А. Н. Оленинъ, — если говорить по совѣсти, сколько я могу судить о семъ художествѣ, гораздо менѣе Уткина имѣли способностей и искусства». Вполнѣ обезпеченный Уткинъ могъ теперь безпрепятственно изощрять и усовершенствовать свой рѣзецъ, и г. Ровинскій, дѣйствительно, перечисляетъ работы, выходившія изъ его мастерской съ 1818 по 1840 годъ, когда ему минуло 60 лѣтъ и дано было званіе заслуженнаго профессора академіи художествъ.

Самый цвѣтущій періодъ его дѣятельности, по возвращеніи въ Россію, начинается 1818-мъ годомъ и оканчивается 1836-мъ. За это время выпол-

нены Уткинымъ самыя капитальныя работы, множество мелкихъ досокъ, виньетокъ, бюстовъ и медалей для книгъ. Тутъ нашъ граверъ напоминаетъ техническіе пріемы то Клаубера, то Бервика, то своего «англійскаго пріятеля» Робинзона, но это, разумѣется, какъ замѣчаетъ и г. Ровинскій, очень горячій почитатель Уткина, нисколько не умаляетъ ни его заслугъ, ни достоинствъ, какъ гравера. Заимствуя техническіе пріемы того или другаго иностраннаго мастера, онъ, такъ сказать, перерабатывалъ ихъ по своему, «почти каждой изъ капитальныхъ работъ своихъ онъ придавалъ свой собственный оригинальный оттѣнокъ, домогался, чтобы каждый предметъ имѣлъ особый характеръ и «вкусъ работы». Послѣ 1836 года старческій рѣзецъ не въ силахъ былъ создать что нибудь равное его прежнимъ произведеніямъ, и въ 1845 году онъ взялъ на себя «подрядную работу» — гравировать большую доску «Василія Великаго», съ оригинала Шебуева, которая стоила академіи большихъ денегъ, но не принесла большой славы ни русской гравюрѣ, ни ея маститому представителю».

12-го декабря 1859 года, академія художествъ праздновала пятидесятилѣтній юбилей Уткина, а черезъ четыре года онъ скончался 82-хъ лѣтъ. Подводя итогъ художественной дѣятельности Уткина, г. Ровинскій замѣчаетъ: «въ портретномъ гравированіи Уткину принадлежитъ первое мѣсто въ числѣ русскихъ художниковъ; онъ награвировалъ ихъ болѣе 60, въ томъ числѣ до 20-ти портретовъ большихъ, безукоризненныхъ въ техническомъ отношеніи и стоившихъ граверу усиленнаго труда и много времени. Въ теченіи пятидесятилѣтняго художественнаго поприща своего (1795—1845) Уткинъ довольно часто перемѣнялъ манеру своего рѣзца; не то, чтобы онъ гравировалъ одной манерой въ одинъ извѣстный промежутокъ или періодъ времени, а въ другой періодъ переходилъ къ другой манерѣ, — онъ гравировалъ иногда въ одно и то же время въ двухъ и въ трехъ разныхъ манерахъ, подыскивая въ каждой работѣ тѣ или другіе наиболѣе подходящіе къ ней техническіе пріемы». Эти поиски за разными манерами всего убѣдительнѣе доказываютъ трудность и, пожалуй, невозможность у насъ выработать и упрочить свою школу граверовъ. Все, что усвоилъ Уткинъ, какъ образецъ для своихъ работъ, и чѣмъ прославились нѣкоторыя изъ его произведеній (портретъ князя Куракина, напримѣръ), принадлежало заграничнымъ мастерамъ. «Свой собственный оригинальный оттѣнокъ», какой, по словамъ г. Ровинскаго, старался придавать Уткинъ заимствованнымъ пріемамъ, въ сущности являлся случайностью и вовсе не выработывался систематически въ новый, своеобразный пріемъ, которымъ съ перваго взгляда отличается настоящій мастеръ, создающій свою школу. Да и школы-то этой не на что было опереться. Въ лучшіе годы гравировальной дѣятельности Уткина, граверный классъ его въ академіи пустѣлъ. Изъ учениковъ же его ни одинъ, не исключаю Олещинскаго и Ѳ. И. Іордана, не заявилъ себя ничѣмъ, кромѣ трудолюбія и «полезности», а иные изъ нихъ «напоминаютъ рѣзецъ Уткина не въ лучшее время» и оставили «по нѣскольку гравированныхъ досокъ невысокаго, впрочемъ, достоинства». Своеобразной школѣ, очевидно, тутъ не на чѣмъ было обосноваться и нечего было продолжать.

Вотъ какой выводъ получается изъ обстоятельной монографіи г. Ровинскаго, являющейся необходимымъ дополненіемъ къ его прежнимъ трудамъ по исторіи гравюры въ Россіи. Любителямъ, кромѣ того, дана возможность оцѣнить наглядно образцы гравюръ Уткина и его учениковъ. Въ атласѣ,

приложенномъ къ біографіи, помѣщены: портретъ Н. И. Уткина, «Меркурій обучаетъ Амура», «Св. Іоаннъ Креститель», портретъ К. Семеновой, виньетка «Громобой», портреты Аракчеева и Суворова, портикъ и лѣстница академіи художествъ, медаль съ изображеніемъ Кановы, портретъ митрополита Михаила, Екатерина II, гуляющая въ Царскосельскомъ саду, Ломоносовъ, Рикордъ, Ровенцвейгъ, Оленинъ (съ двухъ оригиналовъ, Крюгера и Брюллова), Уваровъ, памятникъ Ломоносову, двѣ доски для антропометріи Шебуева, св. Василій Великій и Св. Семейство—предсмертная работа Уткина. Къ этимъ гравюрамъ прибавлено 10 гравюръ учениковъ его. Всѣ эти образцы имѣются и въ академіи художествъ, и продавались въ суммѣ дешевле, нежели теперь въ атласѣ, которому цѣна 40 руб. на простой бумагѣ и 60 руб. — на китайской. Признательнымъ ученикомъ Уткина, Іорданомъ, недавнія академическія цѣны повышены до баснословныхъ размѣровъ и потому, слѣдовательно, атласъ г. Ровинскаго является сравнительно дешевымъ изданіемъ, хотя и не надо забывать, что оттиски гравюръ здѣсь новые.

Нельзя не пожалѣть, что въ такомъ добросовѣстномъ трудѣ, какъ этотъ, попадаются недосмотры, вызывающіе недоумѣніе и именно тамъ, гдѣ никакихъ недоумѣній быть не можетъ, ибо всегда возможны самыя точныя справки. Такъ, въ каталогѣ произведеній Уткина (стр. 145) сказано: «рѣчные боги, съ картины Мартина де-Во». Такого художника не сыщешь, что называется, днемъ съ огнемъ. Въ дѣйствительности же оказывается, что рѣчь идетъ о Мартинѣ де-Фосѣ, художникѣ бельгійской школы XVI-го вѣка.

Ѳ. В.

„Православный Палестинскій Сборникъ“, 6-ой выпускъ. Спб. 1884 г.

Въ своемъ сборникѣ Палестинское общество издаетъ сочиненія, касающіяся описанія Св. Земли, и наравнѣ съ современными, оно задалось цѣлью постепенно печатать памятники, относящіеся къ паломничеству прежнихъ вѣковъ. Въ настоящее время предъ нами два такихъ выпуска: 3-ій, заключающій въ себѣ первую часть «Житія и хожденія Данила Русьскыя земли игумена» (XII в.) по лицевой рукописи г. Хлудова, и 6-ой вып. «Хоженія гостя Василья» (1465—1466 г.), изданное по рукописи Моск. Синод. Библіотеки, № 420 (XVI вѣка), подъ редакціею архим. Леонида. Въ этой замѣткѣ мы скажемъ нѣсколько словъ только о послѣднемъ, какъ еще нигдѣ не напечатанномъ. Древне-русскія хожденія важны не только какъ литературныя произведенія извѣстнаго времени, но и какъ историческо-культурные памятники. Правда, они не даютъ намъ фактовъ или чертъ, проливающихъ свѣтъ на событія: называютъ имя путника, описываютъ намъ его путешествіе, чтò опять-таки не важно для исторіи; но они знакомятъ съ простосердечными воззрѣніями на обряды и преданія религіи, съ міровоззрѣніемъ русскаго человѣка, рисуютъ передъ нами полную картину духовной жизни въ минуту сильнаго возбужденія, при видѣ всего того, чтò давно, издали знакомо, уважаемо, дорого. Еще важнѣе ихъ значеніе, если мы вспомнимъ, что эти памятники доходятъ до насъ изъ эпохъ почти всеобщаго стремленія

къ паломничеству, что это міровоззрѣніе не двухъ, не трехъ личностей, имена которыхъ мы видимъ въ заглавіяхъ, а всего общества, всего православнаго люда, считавшаго хожденіе къ св. мѣстамъ дѣломъ богоугоднымъ, почти необходимымъ для спасенія. Почтенный редакторъ въ предисловіи говоритъ, что трудно извлечь хотя нѣсколько чертъ для біографіи гостя Василія, и только на сравненіи одной рѣки съ Окою дѣлаетъ предположеніе, что онъ— житель, а можетъ быть и уроженецъ, одного изъ при-окскихъ городовъ; но, кажется, такой выводъ будетъ не совсѣмъ основателенъ. О гостѣ Василіи можно сказать, что онъ былъ, несомнѣнно, человѣкъ бывалый, зналъ Кіевъ съ его Софіею, видалъ и «Цариградскую Софію», бывалъ и на Окѣ, да и самая наблюдательность, умѣнье схватить быстро все главное указываютъ, что путешествіе было ему знакомымъ дѣломъ. Причина путешествія у него та же, что и у Даніила: «подвизахся — говоритъ онъ — видѣти святыхъ мѣстъ и градовъ»...

При чтеніи, прежде всего, бросается въ глаза тотъ необычайный путь, по которому шелъ гость Василій. Мы находимъ его въ городѣ Бруссѣ (Бурса), куда явился онъ, вѣроятно, изъ Царьграда; отсюда путь его идетъ параллельно Черному морю, чрезъ города: Енишеры, Вали, Туссію, Токатъ, затѣмъ на югъ, чрезъ Сивазъ (Севастія), Анимабъ, Алеппо — до Дамаска, оттуда на Газу и Каиръ и, наконецъ, снова на сѣверъ, чрезъ Виѳлеемъ въ Іерусалимъ. Дорога дальняя, трудная и небезопасная; 100 дней шелъ онъ изъ Бруссы до Каира, а желанная цѣль все еще была не близка. Да Василій и не спѣшитъ; онъ идетъ не какъ паломникъ, а какъ любознательный путешественникъ, не проходитъ ни одного города, чтобы не остановиться, осмотрѣть его мѣстоположеніе, укрѣпленія, поклониться Христовымъ святынямъ, припомнить или записать мѣстныя преданія. Сравните его хожденіе съ паломникомъ Даніиломъ и вы тотчасъ замѣтите рѣзкую разницу. Даніилъ весь поглощенъ религіознымъ интересомъ, его интересуютъ только церкви, мощи, пещеры подвижниковъ, преданія или предметы, хотя чѣмъ нибудь связанные съ священными воспоминаніями; если онъ упоминаетъ, что островъ Кипръ производитъ «темьянъ», то можно съ увѣренностью сказать, потому только, что ѳиміамъ курится въ храмахъ. Василій, не забывая о всемъ этомъ, наблюдаетъ и остальное. Его интересуетъ, что въ «градѣ Колнокоу родится шафранъ», «Нишары мѣсто-торги великыи»; въ Гавзѣ онъ нашелъ баню съ горючей водой изъ горы и «крмю-сарѣй (каравань-сарай): кто не пріидетъ отъ какія вѣры, всякаго успокоиваютъ и кормятъ и поютъ». Въ городѣ Амасіи отмѣчаетъ онъ водопроводы: «градъ вельми великъ и подъ нимъ рѣка велика, подъ стѣну течетъ, да во всѣ дворы изъ тоа рѣки воду колесы вертятъ разводена»... Въ градѣ Воргоунѣ «соль копаютъ, какъ ледъ чиста». Въ другихъ мѣстахъ видѣлъ онъ мельницы — въ одномъ городѣ двѣ, въ другомъ семь, а въ градѣ Аблустанъ на каменной «заплатинѣ» «9 мельницъ великихъ, а стоятъ всѣ тѣ мельницы по ряду, и мелютъ водою единою». Но водопроводы, очевидно, болѣе всего занимали нашего путника, гдѣ только они существовали; Василій не приминетъ указать, что тамъ воды разведены по торгамъ и по улицамъ, и по дворамъ и по банямъ. Еще подъѣзжая къ городу, онъ уже осматриваетъ его положеніе, укрѣпленія; вотъ, напримѣръ, описаніе города Халяпа: «Градъ Халяпъ великъ зѣло, въ полѣ чистѣ видѣти его за три дни, а гора сыпана вельми высоко, да отъ самаго долу стѣны градныя, мураваны каменіемъ, да входъ и выходъ едиными враты, да мостъ

великъ, да конецъ мосту того стрѣльница веліа зѣло; да пониже градскія стѣны изо рва того, стрѣльницы выводныя часты вельми вкругъ всего града и входы въ нихъ потайныя изъ града... Да той градъ круголъ, да во рвѣ томъ вкругъ всего града того, рѣка велика приводна и глубока, рыбы въ ней многое множество; да вкругъ града того большій градъ, множество торговъ и бань хорошихъ». Городъ Каиръ (Египетъ) вводитъ въ заблужденіе легковѣрнаго путника: онъ вѣритъ, что въ этомъ городѣ 14 тысячъ улицъ, а въ каждой улицѣ по 15—18 тыс. дворовъ. Однако, гость Василій не забываетъ и своей ближайшей цѣли — поклониться святынямъ; всюду онъ отмѣчаетъ церкви со всѣми придѣлами, знаетъ, гдѣ сколько христіанъ и иновѣрцевъ, приводитъ даже имена: игумена Арсенія, настоятеля церкви въ Таукатѣ [1]), Макарія, митр. Карскаго, Михаила, митр. въ Газѣ. Въ Севастіи онъ видѣлъ озеро, «ту баню», гдѣ были утоплены 40 мучен., въ градѣ Хооузмѣ записано имъ преданье, какъ «св. Георгій избавилъ градъ отъ змія и дѣвицю спасе», видѣлъ пещеру, «откуду излази зміи»... «да гдѣ уморилъ зміа, тутъ курганъ великъ сыпанъ». Въ Карѣ «церковь большая есть съ Софію Кіевскую». Наконецъ, доходитъ онъ до мѣстъ — впрочемъ, еще по пути въ Египетъ — гдѣ каждый шагъ уже ознаменовывается священнымъ воспоминаніемъ, и онѣ длинной вереницей проходятъ предъ читателями вмѣстѣ съ названіями. Тутъ мостъ Іакова, Тиверіадское озеро, Ѳаворъ, Рама, Лида съ главой св. Георгія; наконецъ, видитъ смоковницу съ чудеснымъ источникомъ, образовавшимся для утоленія жажды Богородицы по пути въ Египетъ. Изъ Каира проходитъ Василій чрезъ усыпальницу рода Авраамова, въ Виѳлеемѣ посѣщаетъ храмъ Рождества, монастырь, гдѣ лежатъ св. Екатерина и 14 тысячъ «избіенныхъ отъ Ироди царя младенецъ и туто живущихъ старцовъ много и два сына королевичи Фряскихъ». Отсюда, по пути въ Іерусалимъ, Василій заходитъ поклониться могилѣ Рахили, мѣсту рожденія Давида, гробу его отца, въ церковь св. Иліи, «и туто поклонихомся». На пути попадается столпъ Сѵмеони, «храмина», гдѣ прор. Варухъ «спахъ 70 лѣтъ», Николаевскій Иверскій монастырь съ рукой Великія Варвары. Самый Іерусалимъ Василій описываетъ коротко, но ясно, простосердечно, очевидно онъ изложилъ все, что̀ ему удалось видѣть и узнать. Вотъ онъ въ церкви Воскресенія Христова, поклонился гробу Господню, видалъ 14 «кандилъ», которыя «безпрестани горятъ день и нощъ» (9 стр.). Отсюда перешелъ въ церковь Францескую и Фряхскую, затѣмъ посѣтилъ мѣста, гдѣ Пилатъ омывалъ руки, гдѣ Елена обрѣла крестъ, а отсюда, «поднявшись 18 степеней и видѣхомъ то мѣсто, гдѣ Христа распяли и гора расѣдеся отъ страха Его, и изыде кровь и вода отъ Адамовы главы». Поклонившись мѣсту, гдѣ лежала подъ крестомъ Адамова голова, и гробу Мельхиседека, Василій удостоился видѣть пупъ земли: «среди церкви большія пупъ земли и тутъ ірінде Христосъ со ученики своими и рече: «содѣла спасеніе посреди земли». Припомнимъ, что Даніилъ видѣлъ пупъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, именно, около церкви Воскресенія: «и есть отъ дверей гроба Господня до стѣны великаго алтаря 12 саженъ; а ту есть внѣ стѣны за алтаремъ пупъ земляный съ здана же надъ нимъ комара и горѣ написанъ Христосъ мусіею и глаголетъ грамота: «се пядію измѣрихъ небо, а дланію землю». Живя въ Іерусалимѣ, Василій обхо-

[1]) Игуменами назывались не только настоятели монастырей, но и приходскихъ церквей (см. Голубинскаго I т. 2 ч.).

дилъ и его окрестности, побывалъ на горѣ Елеонской, видѣлъ храмъ Вознесенія, пещеру съ гробомъ св. Пелагіи и ступень Христову, которой хотя и не видалъ Даніилъ, но видѣлъ храмъ и пещеру. Наконецъ, поклонившись Силуаму, Виѳаніи и Мамврійскому дубу, помолившись въ церкви Св. Духа, нашъ гость предпринялъ обратный путь чрезъ Антіохію на Бруссу. Антіохія поразила его своей величиной. Особенное вниманіе обратилъ на себя каменный мостъ «на многихъ восходехъ каменныхъ», но онъ подробно описываетъ и сильныя укрѣпленія города: 7 стѣнъ, желѣзныя ворота, стрѣльницы съ боями и даже сообщаетъ, что стѣны изнутри, «какъ хоромы сбиваны скобами желѣзными, да заливаны оловомъ». Характерно проводитъ онъ параллель между Антіохіей и Царьградомъ: «А средь града того (Антіохія) церковь святая Софія, а величествомъ со Цариградскую Софію, да въ ней не поютъ. А подобіемъ тотъ градъ, аки Царьградъ, а скончался, былъ Царскій градъ, нынѣ держатъ его Срацины».

Редакторъ въ примѣчаніяхъ замѣчаетъ много ошибокъ относительно священныхъ воспоминаній о различныхъ мѣстностяхъ, но это, понятно, и не могло быть иначе. Такому простосердечному человѣку, какими бывали наши паломники, трудно было разобраться во всей этой массѣ данныхъ; онъ вѣрилъ всему, что̀ сообщалъ ему проводникъ или туземный житель, обыкновенно желающій съ каждой мѣстностью связать какой нибудь болѣе или менѣе извѣстный эпизодъ изъ библейской исторіи. Наконецъ, не всюду удавалось проникнуть богомольцу, простому смертному. По этому поводу мы читаемъ у Даніила при описаніи «столпа Давидова» (Іерусалимск. цитадели): «мнѣ худому пригоди Богъ влѣсти въ столпъ той святой, и одва возмогахъ съ собою ввести единаго отъ людей моихъ именемъ Сдѣслава Иванковича, а иныхъ не впустиша никогоже», а Даніила «позналъ и любляши вельми» самъ Балдвинъ (Балдуинъ I, 1100—1118 г.). Путнику необходимъ былъ проводникъ: «невозможно бо безъ вожа ходити и безъ языка добрѣ испытати и видѣти всѣхъ тѣхъ св. мѣстъ», а проводника находилъ себѣ паломникъ только за плату, насколько же онъ свѣдущъ — объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи: «что у себя имѣя въ руку моею худого моего добытка — говоритъ Даніилъ — и отъ того всѣмъ подавахъ, вѣдущимъ добрѣ вся св. мѣста въ гради и внѣ гради, да быша мнѣ указали все добрѣ, якоже и бысть». Этимъ же доканчиваетъ описаніе своего путешествія и Стефанъ Новгородецъ XIV в.: «въ Царьградъ, какъ въ дуброву войти и безъ добраго вождя не можно ходить, а скупо или убого нельзя ни видѣти, ни цѣловать ни единаго святаго, развѣ на праздника святаго»...

Я немного подробно описалъ это «хожденіе», имѣя именно въ виду, что оно нигдѣ еще не напечатано, а слѣдовательно и неизвѣстно большинству. Въ заключеніе скажу, что изданіе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ относительно изданія памятника и снабжено именнымъ указателемъ.

А. Г—скій.

Библіографическая замѣтка по поводу III тома „Живописной Россіи“ (Литва и Бѣлоруссія, соч. Киркора). Бѣлорусса. Вильно. 1884.

Появленіе въ свѣтъ обширнаго по программѣ изданія книгопродавческой фирмы М. О. Вольфа «Живописная Россія» вызвало нѣсколько библіографическихъ статей и замѣтокъ. Къ числу такихъ библіографій относится

и настоящая брошюра, касающаяся собственно III-го тома «Живописной Россіи» и составляющая оттискъ изъ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Авторъ этой замѣтки ставитъ прежде всего вопросъ: для кого написаны въ «Живописной Россіи» очерки Литвы и Бѣлоруссіи? И приходитъ къ заключенію, что они не предназначались для русскихъ, а судя по источникамъ, бывшимъ въ распоряженіи ихъ автора, по направленію и тенденціямъ, и что авторъ имѣлъ въ виду только польскихъ читателей; если же, судя по языку, сочиненіе предназначалось для русскихъ, то развѣ только для ослѣпленія послѣднихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ. Этотъ строгій приговоръ библіографа не составляетъ, однако, поверхностнаго заключенія, основательность котораго могла бы быть заподозрѣна только потому, что замѣтка встрѣтила первый пріютъ въ мѣстномъ русско-церковномъ изданіи, а заключаетъ въ себѣ безпристрастный разборъ, каждый выводъ котораго подкрѣпленъ тѣми или другими доказательствами.

Существенныя возраженія, сдѣланныя авторомъ замѣтки составителю очерковъ Литвы и Бѣлоруссіи, сводятся къ слѣдующему.

Составитель этихъ очерковъ ограничился только польскими источниками и совершенно игнорировалъ такія историческія изслѣдованія и сочиненія, какъ изданія Виленской археографической коммиссіи, акты Кіевской коммиссіи, труды митрополита Макарія, профессора Кояловича и т. п. Съ такою же тенденціозностью подобраны и помѣщенныя въ изданіи иллюстраціи, среди которыхъ находятся только костелы, портреты польскихъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, рисунки католическихъ процессій и т. п., но нѣтъ рисунковъ, освѣщающихъ край со стороны русской. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи не могло конечно встрѣтиться недостатка и изданное въ Россіи сочиненіе о Литвѣ и Бѣлоруссіи должно бы заключать въ себѣ портреты такихъ, напримѣръ, лицъ, какъ М. Н. Муравьевъ. митрополитъ Макарій Булгаковъ, П. Н. Батюшковъ, и т. п., дѣятельность которыхъ извѣстна не по одному только занимавшему ими въ краѣ офиціальному положенію. Литовскому племени, которое заселяетъ лишь Ковенскую губернію и только незначительныя части нѣкоторыхъ уѣздовъ Гродненской и Виленской губерній, отданы авторомъ эти три губерніи цѣликомъ, а между народностями литовскаго полѣсья указывается на черноруссовъ — племя, существующее только въ польской литературѣ и вовсе не упоминаемое ни въ одномъ изъ западно-русскихъ актовъ. Коснувшись исторіи возникновенія въ краѣ просвѣщенія, авторъ замѣтки основательно упрекаетъ составителя очерковъ Литвы и Бѣлоруссіи въ неполнотѣ и неточности указаній относительно возникновенія въ нихъ русской школы и русской письменности и, послѣ обращенія къ величавымъ тѣнямъ гедиминовичей, ольгердовичей и первыхъ издателей письменнаго литовско-русскаго законодательства, — приводитъ на память усилія Стефана Баторія, Яна-Казиміра и особой цензурной коммиссіи 1794 года, состоявшей изъ 35 ксендзовъ, — усилія, клонившіяся къ закрытію диссидентскихъ школъ, братствъ, библіотекъ и уничтоженію книгъ, въ которыхъ оказался бы «ядъ противъ обычаевъ (?) и римско-католической вѣры»; изъ новѣйшей же исторіи края приводитъ справку о дѣятельности русскаго министра, князя Адама Чарторыйскаго и его клевретовъ, не безуспѣшно стремившихся путемъ школы произвести полную полонизацію великаго княжества Литовско-Русскаго. По поводу особой главы очерковъ: «Народный трудъ» авторъ замѣтки приводитъ, что смыслъ этой части очерковъ тотъ, что въ настоящее время народная

нравственность уцѣлѣла только въ губерніи Ковенской, гдѣ преобладаетъ вѣра римско-католическая и гдѣ духовенство сохранило будто бы свое прежнее вліяніе надъ народомъ; въ губерніяхъ же Виленской и Гродненской, гдѣ вѣроисповѣданіе или смѣшанное, или же по преимуществу православное, нравственныя добродѣтели народа иссякли. Какъ бы для подкрѣпленія всей силы впечатлѣнія такого вывода, библіографъ замѣчаетъ, что таможенное вѣдомство очень жалуется на контрабандистовъ, кровныхъ жмудинъ высоконравственной Ковенской губерніи, увлекающихся по преимуществу прусскимъ спиртомъ; о конокрадствѣ же и другихъ преступленіяхъ предпочитаетъ умолчать. Наконецъ, авторъ замѣтки коснулся и ореографіи названія города Вильны чрезъ *о* (Вильно) и на основаніи историческихъ документовъ дѣлаетъ поправку, что литовско-русскій городъ Вильню я никогда въ древнихъ актахъ не назывался Вильно, а носилъ названіе Вильна или Вильня.

По всѣмъ этимъ даннымъ, основательно и документально разработаннымъ въ «Библіографической замѣткѣ», можно имѣть понятіе о разбираемомъ въ немъ сочиненіи. Если бы сочиненіе Киркора появилось на польскомъ языкѣ въ Познани или Галиціи, гдѣ литовско-русскій край иначе не называется, какъ «Zabrany kraj», т. е. такой край, который забранъ, захваченъ у Польши, слѣдовательно—край польскій, то тенденціозность и натяжки, допущенныя въ этомъ сочиненіи, по крайней мѣрѣ, были бы понятны, вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ отношеній польской заграничной литературы ко всему русскому но сочиненіе Киркора, названное, какъ оказывается, несоотвѣтственно содержанію его, появилось на русскомъ языкѣ, въ русскомъ изданіи, имѣющемъ широкую программу описанія «нашего отечества въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи [1])», редактируемомъ предсѣдателемъ русскаго географическаго общества, г. Семеновымъ, носящимъ русскую фамилію, и поэтому должно представлять собою правдивую всестороннюю исторію края, съ безпристрастнымъ описаніемъ судьбы заселяющихъ его племенъ и съ указаніемъ на тѣ труды къ обновленію этого нѣкогда забытаго нами края, которые были положены достойными и до селѣ высоко чтимыми русскими дѣятелями, а не тенденціозное произведеніе на польско-католической подкладкѣ, за разоблаченіе которой нельзя не поблагодарить неизвѣстнаго автора «Библіографической замѣтки».

М. Г—кій.

Князь В. Ѳ. Одоевскій. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1884.

Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ и благородныхъ личностей—съ этимъ согласится всякій, кто знакомъ съ исторіею русской литературы. Но г. Сумцовъ прибавляетъ къ этому: «въ знаменитой плеядѣ дѣятелей сороковыхъ годовъ». А между тѣмъ, Одоевскій, издавъ въ 1844 году собраніе своихъ сочиненій, съ тѣхъ поръ почти ничего не писалъ (что говоритъ и самъ авторъ) и ему было уже за сорокъ лѣтъ. Лучшая, блестящая эпоха его дѣятельности принадлежитъ всецѣло тридцатымъ годамъ, и такой странный lapsus calami съ первыхъ строкъ брошюры можетъ

[1]) См. объявленіе фирмы М. О. Вольфа объ изданіи «Живописной Россіи».

расположить не въ ея пользу, тогда какъ самая брошюра заслуживаетъ вниманія и составлена вполнѣ добросовѣстно, представляя хотя краткій и бѣглый, но въ главныхъ чертахъ вѣрный очеркъ литературной характеристики писателя. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 года, т. IV помѣщена была біографія князя, составленная А. П. Пятковскимъ, разобравшимъ Одоевскаго, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля. Г. Сумцовъ представляетъ его оцѣнку и какъ писателя и, въ этомъ отношеніи, брошюра, можетъ служить дополненіемъ біографіи. Авторъ брошюры перечиталъ почти все, что было писано объ Одоевскомъ, но прибавляетъ, что собирая воспоминанія о немъ, разыскиваетъ неизданныя статьи и письма и проситъ указать, гдѣ и у кого можно узнать подробности о его жизни. Просьба эта нѣсколько странна: неизданныя статьи — если онѣ есть — и біографическія подробности могутъ находиться у ближайшихъ родственниковъ и наслѣдниковъ князя, а кто сохранилъ личныя воспоминанія о писателѣ, тотъ можетъ и самъ обнародовать ихъ, не прибѣгая къ посредству г. Сумцова. Напрасно также авторъ говоритъ, что своею брошюрою онъ хочетъ «вывести имя Одоевскаго изъ страннаго и непонятнаго забвенія, въ которомъ онъ находится въ настоящее время». Свѣтлое имя это никогда не забывалось въ литературѣ. Оцѣнка его произведеній сдѣлана лучшими нашими критиками. Въ годъ его смерти всѣ наши періодическія изданія—а ихъ было тогда вдвое больше чѣмъ теперь — помѣстили объ немъ самые сочувственные отзывы, изъ которыхъ многіе приводитъ и г. Сумцовъ. Если же въ настоящее время объ Одоевскомъ говорятъ и пишутъ рѣже, то не надо забывать, что современная журналистика посвящена злобѣ дня, а не ретроспективнымъ воспоминаніямъ. Д. Сумцовъ, по сочиненіямъ Одоевскаго, представляетъ, хотя и въ сжатыхъ выводахъ, всѣ фазисы его развитія, приводитъ его сужденія обо всѣхъ главныхъ предметахъ знанія, старается разъяснить смыслъ произведеній, которыя остались темны для Бѣлинскаго и другихъ критиковъ, какъ напр. значеніе «Пестрыхъ сказокъ», не вошедшихъ въ полное собраніе сочиненій. Авторъ свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи, огромной начитанности, рѣдкомъ энциклопедизмѣ писателя. Философъ и педагогъ, беллетристъ и ученый, музыкантъ и библіографъ, устроитель филантропическихъ заведеній для пролетаріевъ, писатель для дѣтей и народа—рельефно очерченъ г. Сумцовымъ. Но приводя мнѣніе Одоевскаго о различныхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ, авторъ не опровергаетъ тѣхъ изъ нихъ, которыя явно парадоксальны и ошибочны, какъ напр. мнѣніе объ исторіи, которая «не знаетъ куда идетъ и чѣмъ можетъ быть». Подобныя мысли нельзя оставлять безъ объясненій. Вѣдь сопоставилъ же авторъ сужденія о гніеніи Запада въ тридцатыхъ годахъ, съ такимъ мнѣніемъ шестидесятыхъ: «Народность—слово довольно бестолковое по своей неопредѣленности и гораздо точнѣе и скромнѣе замѣняется словомъ «народные обычаи», частью разумные, частью безсмысленные. Просвѣщеніемъ вырабатывается достоинство человѣческое; полупросвѣщеніемъ лишь національность, то-есть отрицаніе общечеловѣческихъ правъ». Это мнѣніе не мѣшаетъ имѣть въ виду и въ наше время, когда самобытники приписываютъ народности уже слишкомъ много значенія.

В. З.

Мольеръ. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ, съ біографіей, составленной А. Веселовскимъ. Изданіе О. Бакста. Спб. 1884.

«Всякій, кто только умѣетъ читать, непремѣнно читалъ Мольера», говоритъ Сентъ-Бевъ — и это справедливо не только по отношенію къ французамъ, но и къ намъ, русскимъ, познакомившимся съ великимъ писателемъ черезъ пять лѣтъ послѣ его смерти. 17-го сентября 1678 года, въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ палатахъ царевны Софіи Алексѣевны, представлена была комедія Мольера: «Врачъ противъ воли», переведенная съ французскаго на итальянскій языкъ самою царевною. Это была первая пьеса европейскаго театра, появившаяся въ Россіи, исполненная русскими вельможами, князьями Долгоруковымъ, Голицынымъ, Одоевскимъ, Щербатовымъ, Черкасскимъ, Козловскимъ, княгинями Хованскою, Барятинскою, Шереметьевою. Потомъ Мольера часто играла и труппа Волкова, и придворные актеры Елисаветы и всѣхъ послѣдующихъ царствованій. Всѣ лучшія комедіи его существуютъ въ нѣсколькихъ переводахъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, и хотя мы очень благодарны г. Баксту за изданіе двадцати пьесъ въ новомъ переводѣ, но онъ напрасно говоритъ, что даже «относительно позднѣйшіе переводы представляются мало пригодными, вслѣдствіе слишкомъ большихъ уклоненій отъ подлинника». Уклоненія, конечно, были, но потому, что прежніе переводы приспособлялись къ сценѣ, а ея условія совершенно иныя, чѣмъ для печати, не говоря уже о цензурѣ, требовавшей, напримѣръ, чтобы въ переводѣ «Донъ-Жуана» В. Строева (который нисколько не хуже перевода г. Бакста [1]), сцена съ нищимъ, котораго Донъ-Жуанъ заставляетъ богохульствовать, была передѣлана въ сцену съ жидомъ, принужденнымъ ѣсть колбасу. Послѣ такого цензурнаго остроумія нечего удивляться, что многія мѣста «Тартюфа», «Мизантропа» и пр. представляютъ «уклоненія отъ подлинника», какихъ, посчастію, не встрѣчается въ изданіи г. Бакста. Въ этомъ отношеніи оно, конечно, лучше прежнихъ, хотя, повторяемъ, и между прежними переводами можно было бы сдѣлать выборъ для изданія Мольера. Таковы переводы: «Мнимаго рогоносца» А. Г. Ротчева (эта пьеса вовсе не помѣщена въ сборникѣ г. Бакста, хотя написана послѣ «Жеманницъ» и не меньше ихъ имѣла успѣха), «Критики на школу женщинъ» Н. А. Полевого, «Хоть тресни, да женись» (Mariage forcé) Ленскаго, «Любовь — докторъ» князя Шаховскаго (этой пьесы также нѣтъ у г. Бакста, хотя въ ней насмѣшки надъ медициной и четыре типа, выведенныхъ Мольеромъ докторовъ гораздо комичнѣе, чѣмъ въ другихъ его пьесахъ), «Лекарь противъ воли» П. А. Корсакова; въ «Школѣ женщинъ» Хмельницкаго много отступленій отъ подлинника, но стихи очень хороши, также какъ въ «Тартюфѣ»; послѣднюю пьесу также очень удачно перевелъ В. А. Козадаевъ въ 1865 году; «Жоржа Дандена» перевелъ еще Ив. Чаадаевъ, «Скупого» — С. Аксаковъ, В. И. Орловъ въ 1849 году и М. И. Косинскій въ 1874 году; «Мѣщанинъ-дворянинъ» переведенъ въ 1844 году В. Зотовымъ для Мартынова, превосходно исполнившаго роль Журдена (интермедіи были выброшены по невозможности ихъ постановки); «Скапиновы обманы» переведены П. И. Гри-

[1]) Напечатанъ въ Пантеонѣ 1846 года.

горьевымъ, «Мнимый больной» Н. А. Полевымъ, «Ученыя женщины» И. И. Дмитріевымъ — прекрасными стихами. Все названное нами, съ небольшими измѣненіями, могло бы войти въ составъ мольеровскаго сборника, не прибѣгая къ новымъ переводчикамъ. А это послѣднее обстоятельство, конечно, повліяло на довольно высокую цѣну сборника (7 руб. 50 коп. за три тома, слишкомъ разгонисто напечатанные, съ названіемъ дѣйствующихъ лицъ посреди страницъ, что̂ безъ всякой нужды растягиваетъ текстъ до того, что онъ занимаетъ всего строкъ 20 на страницѣ въ часто прерывающихся діалогахъ). Въ переводѣ почти нѣтъ примѣчаній и объясненій,—изъ двадцати пьесъ только къ тремъ сдѣлано нѣсколько замѣтокъ, — а между тѣмъ безъ коментарій значеніе многихъ мѣстъ у Мольера остается неяснымъ. Почему бы не предпослать переводамъ характеристику мольеровскихъ типовъ, не разъяснить ихъ особенности и достоинства. Вмѣсто этого въ каждой пьесѣ приводятся фамиліи актеровъ, игравшихъ главныхъ лицъ. Кому это нужно? О томъ, при какихъ условіяхъ, въ какой обстановкѣ давались эти пьесы— ни одного слова. Вообще, изданіе г. Бакста имѣетъ значеніе литературное, но не научное, не образовательное. А между тѣмъ, Мольеръ — первое и послѣднее слово комедіи во Франціи. Въ его типахъ олицетворяется весь XVII вѣкъ съ поразительною вѣрностью. Показать, до какой степени типы эти правдивы по отношенію къ странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ общечеловѣчны необходимо въ наше время, которому чужды многія лица, многія понятія мольеровскаго времени. Съ этою цѣлью переводамъ предпосланъ біографическій очеркъ писателя, который слѣдовало бы сдѣлать критическимъ. Мы вправѣ были ожидать этого отъ такого «мольериста», какъ г. Веселовскій, издавшій два замѣчательныя изслѣдованія о «Тартюфѣ» и «Мизантропѣ». Между тѣмъ, авторъ ихъ представляетъ характеристику Мольера, а не его типовъ, разсказываетъ его жизнь, а не значеніе его пьесъ. Но и изъ біографическихъ фактовъ дѣлаются такіе выводы, съ которыми нельзя согласиться. Такъ, богатство мольеровскихъ типовъ онъ приписываетъ тому обстоятельству, что писатель много разъѣзжалъ по Франціи, какъ Крыловъ и Гоголь. Ну, а разнообразіе шекспировскихъ типовъ зависитъ отъ той же причины? Изъ всѣхъ пьесъ Мольера въ біографіи говорится нѣсколько подробнѣе только о «Тартюфѣ», «Донъ-Жуанѣ» и «Мизантропѣ», въ которыхъ критикъ видитъ какую-то трилогію, тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго. Объ остальныхъ пьесахъ говорится очень немного, да и трудно было бы опредѣлить значеніе ихъ, въ связи съ жизнью писателя, на 54-хъ страницахъ. Отъ этой сжатости изложенія происходитъ, конечно, и умолчаніе о многихъ обстоятельствахъ жизни Мольера: о его отношеніяхъ къ академіи, куда его хотѣли принять только подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ ремесла актера, на что̂ онъ не могъ согласиться; о непріязни къ нему Расина; о женитьбѣ въ сорокъ лѣтъ на семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, въ измѣнѣ которой утѣшали его потомъ сестра ея да актриса де-Бри; о томъ, какъ холодно и равнодушно относился король-эгоистъ къ великому писателю, на котораго смотрѣлъ, какъ на шута. Наконецъ, не упоминается вовсе о томъ, что въ день его похоронъ народъ собрался передъ его домомъ, чтобы оскорбить трупъ отлученнаго отъ церкви и что жена Мольера бросала толпѣ деньги, чтобы разогнать ее. Въ критическомъ отношеніи можно было бы указать на нѣкоторые недостатки переводовъ—въ цѣломъ, впрочемъ, весьма удовлетворительныхъ и добросовѣстныхъ; но отзывъ нашъ, сдѣланный съ

точки зрѣнія исторіи литературы, не можетъ касаться эстетическихъ сторонъ изданія, заслуживающаго полнаго вниманія публики.

В—ъ.

„Исторія упадка и разрушенія римской имперіи". Эдуарда Гиббона, перев. съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Часть III. Москва. 1884.

Классическое сочиненіе одного изъ замѣчательнѣйшихъ англійскихъ историковъ является вполнѣ на русскомъ языкѣ только черезъ 95 лѣтъ послѣ выхода его въ подлинникѣ. Правда, въ 1824 году было напечатано сокращенное изданіе этой исторіи, въ одномъ томѣ, переведенное съ французскаго П. Черевинымъ, но оно не имѣло ни малѣйшаго ученаго и литературнаго значенія. Съ тѣхъ поръ наши историки рѣдко вспоминали о Гиббонѣ и только М. М. Стасюлевичъ въ своей «Исторіи среднихъ вѣковъ» (1863 г.) перевелъ изъ Гиббона главу объ устройствѣ и развитіи древней христіанской общины въ западной Европѣ. А между тѣмъ, книга Гиббона, не смотря на труды послѣдующихъ писателей по тому же предмету, остается капитальнымъ произведеніемъ въ этой области исторіи. Двѣнадцать лѣтъ онъ приготовлялъ матеріалы для своего труда, и между появленіемъ въ свѣтъ перваго и послѣдняго, шестого, тома прошло еще тринадцать лѣтъ (1776—1789). Такимъ образомъ, на составленіе одной книги было употреблено четверть столѣтія. Историки нашего времени пишутъ скорѣе, но будутъ ли черезъ сто лѣтъ труды ихъ переводиться на другіе языки? Прежде чѣмъ посвятить себя труду, наполнившему всю его жизнь, Гиббонъ писалъ и о литературѣ, и о юридическихъ вопросахъ, и о монархіи мидянъ. Онъ задумывалъ даже изобразить «Вѣкъ Сезосѣрна». Въ своихъ мемуарахъ онъ откровенно сознается въ своихъ ошибкахъ, въ недостаткѣ образованія, хотя онъ воспитывался въ оксфордскомъ университетѣ; но этотъ университетъ, также какъ и кембриджскій, отличался сухостью и безплодностью занятій въ духѣ среднихъ вѣковъ. Отрѣшившись отъ самонадѣянности и заносчивости, молодой студентъ впалъ въ другое заблужденіе — началъ изучать католическое богословіе и тайно перешелъ въ католицизмъ, за что былъ исключенъ изъ университета. Отецъ отправилъ его въ Лозанну къ протестантскому пастору и тотъ возвратилъ увлекшагося юношу англиканской церкви и примирилъ его съ отцомъ. 27-ми лѣтъ онъ поѣхалъ въ Римъ и тамъ, въ Капитоліи, мечтая о древнемъ величіи города, онъ услышалъ, какъ монахи служили вечерню на развалинахъ храма Юпитера. У него явилась мысль написать исторію паденія Рима. Какъ это было трудно — видно изъ того, что послѣ семилѣтняго труда онъ готовъ былъ бросить всю работу. Три раза передѣлывалъ онъ первую главу, два раза вторую и третью и только тогда остался сколько нибудь удовлетворенъ ими Главы о христіанствѣ также передѣлывались три раза. Такъ ли работаютъ современные историки?

«Исторія упадка и разрушенія римской имперіи» обнимаетъ собою періодъ времени отъ Антониновъ до паденія западной имперіи, затѣмъ обзоръ судьбы восточной имперіи и германскихъ королевствъ отъ 1476 года до завоеванія турками Византіи въ 1453 году. Нынѣ вышедшій третій томъ за-

ключаетъ въ себѣ изложеніе событій отъ конца царствованія Юліана до смерти Ѳеодосія младшаго (1362 — 1450 г.). Здѣсь широкою кистью набросана исторія гунновъ, готовъ, аріанства, окончательнаго паденія язычества. Множество примѣчаній, взятыхъ изъ трудовъ послѣдующихъ историковъ въ той же области — Гизо, Венка, Шрейтера и др. — придаютъ еще болѣе значенія переводу г. Невѣдомскаго, вполнѣ тщательному и добросовѣстному. Нельзя не пожалѣть, что цѣна тома, хотя и въ 600 страницъ (4 руб.), очень высока. Заплатить болѣе 20-ти рублей за все сочиненіе не всякому легко.

З. Т. В.

Ярославскій уѣздъ, съ картою уѣзда. А. А. Титова (изданіе И. А. Вахрамѣева). Москва. 1884 г.

Книга эта представляетъ какъ бы дополненіе къ сочиненію того же автора («Путеводитель по городу Ярославлю»), отчетъ о которомъ уже данъ былъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ нынѣшнемъ своемъ трудѣ авторъ задался цѣлью составить краткое историко-археологическое, этнографическое и статистическое описаніе Ярославскаго уѣзда и статистическое описаніе всѣхъ населенныхъ мѣстъ его. Цѣль эта авторомъ вполнѣ достигнута. Сверхъ печатныхъ матеріаловъ, пособіемъ автору въ его трудѣ послужили собранные имъ лично свѣдѣнія, разспросы у жителей описываемыхъ имъ селеній, а также нѣкоторыя рукописи его библіотеки и одна рукопись ярославскаго губернскаго статистическаго комитета. Вслѣдствіе этого, въ этомъ изящно изданномъ описаніи Ярославскаго уѣзда содержатся многія данныя, до нынѣ остававшіяся неизвѣстными и пополняющія географическія и статистическія свѣдѣнія о Россіи. Въ подробномъ вступленіи авторъ касается довольно подробно бытовой стороны жителей уѣзда, сообщаетъ ихъ свадебные обряды и употребляемые ими притомъ пѣсни и причеты.

Ярославскій уѣздъ въ настоящемъ своемъ видѣ существуетъ съ 1777 года, когда, при учрежденіи Ярославскаго намѣстничества, нынѣшняя Ярославская губернія была раздѣлена на уѣзды. Ярославскій уѣздъ состоитъ изъ 3 становъ и 19 волостей, съ 1,070 населенныхъ мѣстъ. Всѣ эти селенія и деревни описаны въ статистическомъ и историческомъ отношеніи настолько подробно, насколько они представляли собою интересный для того матеріалъ. Къ книгѣ приложена карта Ярославскаго уѣзда, съ показаніемъ на ней всѣхъ населенныхъ мѣстъ, монастырей, фабрикъ, заводовъ, дорогъ, станцій почтовыхъ и обывательскихъ и алфавитный указатель всѣхъ населенныхъ мѣстъ. По вѣрности и точности данныхъ, это описаніе Ярославскаго уѣзда не можетъ быть пройдено безъ вниманія.

П. У.

Опытъ разбора повѣсти Гоголя „Тарасъ Вульба", К. Хоцянова. Спб. 1884.

Англійская и французская критическая литература богаты этюдами отдѣльныхъ произведеній лучшихъ писателей. У насъ предпочитаютъ представлять «рядъ статей» о выдающихся литературныхъ дѣятеляхъ или давать об-

щія ихъ характеристики. Поэтому нельзя не остановиться на «опытѣ» г. Хоцянова, становящагося въ рядъ критиковъ, называемыхъ англичанами «essayists». Мы не знаемъ прежнихъ произведеній автора: имя его не встрѣчается ни въ одномъ изъ книжныхъ каталоговъ, и если это первое его произведеніе, оно, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія. «Тарасъ Бульба» не принадлежалъ къ числу капитальныхъ произведеній Гоголя. Знатоки быта и исторіи Запорожья упрекаютъ автора Бульбы въ недостаточномъ знакомствѣ съ изображаемымъ имъ предметомъ. Но повѣсть эта замѣчательна не своимъ историческимъ значеніемъ, а глубокимъ чувствомъ, положеннымъ въ ея основу. Три рода любви разработаны въ ней въ высшей степени художественно и вѣрно съ психической стороны: любовь къ родинѣ, любовь отцовская и любовь личная, эгоистическая, заставляющая забывать и отца, и родину. Г. Хоцяновъ начинаетъ свое изслѣдованіе не съ этой, главной стороны повѣсти, а съ разсужденія о томъ, какъ вѣрно и поэтически изображаетъ она запорожское казачество. Авторъ въ особенности возстаетъ противъ стремленій Польши ввести католичество въ Малороссіи: «Какой возмутительный деспотизмъ — говоритъ онъ — насильно заставлять другихъ признавать совершеннѣйшимъ то вѣроисповѣданіе, которое мы сами признаемъ такимъ! Какое варварство вообще принуждать другихъ мыслить, чувствовать, жить, говорить по нашему и тѣмъ убивать ихъ человѣческую личность!» Но обвиняя поляковъ, авторъ въ то же время вмѣстѣ съ Гоголемъ видитъ «что-то очаровывающее» въ бѣшенномъ разгулѣ запорожцевъ, тогда какъ подобный разгулъ еще болѣе убиваетъ личность человѣка, унижая его до состоянія животнаго. Вообще, восторженное отношеніе автора къ запорожцамъ объясняется тѣмъ, что онъ смотритъ на нихъ съ той же точки зрѣнія, какъ и Гоголь; но чѣмъ объяснить слѣдующія затѣмъ на десяткѣ страницъ благочестивыя, но совершенно ненужныя размышленія о внутреннемъ и внѣшнемъ мірѣ человѣка? Вообще, если бы изъ 83 компактныхъ страницъ брошюры выбросить добрую треть — она производила бы гораздо бо̀льшее впечатлѣніе. Авторъ очень пространно выясняетъ сущность поэзіи и ея отличіе отъ науки, что̀ совершенно излишне, и къ Тарасу Бульбѣ обращается почти въ половинѣ брошюры. Характеристика стараго казака и двухъ его сыновей вѣрно и хорошо набросана. Но «опытъ» выигралъ бы гораздо больше, если бы выражался не такъ восторженно. «Вообще, дивное и колоссальное видимъ и слышимъ въ чудной повѣсти Тарасъ Бульба». Это языкъ не критика, а панегирика, а панегирики никогда и ни въ чемъ не убѣждали.

З — ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Современныя религіозныя движенія въ мусульманствѣ.—Африканскіе пророки.—Молодость Мишле, разсказанная его женою.—Біографія дочери министра Людовика XVI.—Французское общество въ эпоху консульства.—Автобіографія руссофоба-авантюриста.—Новое изданіе сочиненій Ричардсона.—Книга французскаго патера о нѣмцахъ.—Датскій министръ прошлаго столѣтія.—Воспоминанія тайнаго нѣмецкаго агента о послѣднемъ тридцатилѣтіи.—Дамскій писатель и гражданка Бонапарте.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ движеніе въ мусульманскомъ мірѣ, возникшее въ Суданѣ при появленіи пророка Махди, составляетъ не новое явленіе современнаго религіознаго фанатизма. Не разъ, въ послѣднее время, подобные пророки появлялись въ другихъ центрахъ мусульманства. Въ Аравіи, Тунисѣ, Мароко, даже въ Алжирѣ, подпимались возстанія съ религіозной цѣлью, но ихъ тотчасъ же подавляли и потому объ нихъ было мало извѣстно. Недавно членъ института, Левасёръ, представилъ въ академію брошюру, подъ названіемъ «Мусульманское братство Сиди Мохаммеда Бен-Али Эс-Сенѳуси и его географическая область» (La Confrerie musulmane de Sidi Mohammed Ben'Ali Es-Senousi et son domaine géographique). Эта брошюра написана извѣстнымъ путешественникомъ Ганри Дюверье, много лѣтъ проведшимъ въ странѣ туареговъ. Братство, которое онъ описываетъ, составилось въ самое недавнее время. Основатель его, Сиди Мохаммедъ, родился въ Алжирѣ, близъ Мостаганема, и былъ юристомъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ сдѣлался членомъ мистической секты Хад-гелійя. Врагъ французовъ, какъ прежде былъ врагомъ турокъ, онъ училъ одно время въ Каирѣ, въ Лагуатѣ, богословію и правовѣдѣнію. Глава Хад-гелизма, Ахмедъ Бен-Эдрисъ, умирая, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Ученіе, которое онъ началъ проповѣдывать, состояло въ томъ, что слѣдуетъ поклоняться только одному Богу, а святыхъ мужей почитать только при ихъ жизни, не продолжая почитать ихъ послѣ смерти, потому что всѣ они простые смертные, не исключая Магомета, только «совер-

шеннѣйшаго изъ созданій». Онъ требовалъ также отреченія отъ міра, допускалъ роскошь въ одеждѣ только для женщинъ, у которыхъ она возвышаетъ прелести, а мужчинамъ позволялъ употреблять только разукрашенное оружіе. Повиноваться должно только тѣмъ вождямъ, которые строго исполняютъ религіозные обряды, управляя свѣтскою властью. Должно также не входить ни въ какія сношенія съ христіанами или евреями и считать врагами всѣхъ, кто не платитъ дани правовѣрнымъ. Ученіе это быстро распространилось и сдѣлалось вскорѣ господствующимъ въ сѣверной Африкѣ. У него множество монастырей, школъ и приверженцовъ. Члены братства живутъ, смѣшавшись съ другими мусульманами, во всѣхъ племенахъ и городахъ. Они ничѣмъ не отличаются по одеждѣ, но должны каждый день читать положенныя молитвы, повторяя ихъ до ста разъ. Они обязаны безпрекословнымъ повиновеніемъ своему апостолу или мокгадему. Судьи братства рѣшаютъ всѣ споры и произносятъ приговоры, согласно съ юридическими постановленіями Сиди Мохаммеда. По временамъ, они отправляются въ паломничество по монастырямъ и платятъ въ кассу братства два съ половиною процента на свой капиталъ. Бѣдняки воздѣлываютъ земли братства. Организація его искусно устроена, пропаганда распрострается школами, судами, монастырями. Основатель секты умеръ недавно и при его сынѣ братство достигло еще большаго процвѣтанія. Ему уже приписываютъ чудеса. Главный монастырь секты, Іебубъ, на границахъ ливійской пустыни и Египта, сдѣлавшійся столицей главы братства, заключаетъ въ себѣ четыре тысячи превосходно вооруженныхъ тѣлохранителей пророка. Здѣсь онъ совершенно безопасенъ. Братство его считаетъ до трехъ милліоновъ своихъ приверженцевъ; укрѣпленными пунктами служитъ 121 монастырь. Англійскій писатель Бродлей доводитъ ихъ до 300. Вся древняя Киренаика, нынѣшняя Барка, занята этимъ братствомъ также, какъ Феццанъ, Триполи, южный Тунисъ, множество алжирскихъ племенъ, берберы, арабы Дахры, западная Сахара, Туареги и область Сенегала. Въ Суданѣ, сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ, Махди держится этого же ученія и его политическаго устройства. Между главою братства и Махди, несмотря на ихъ ненависть къ христіанамъ, не существуетъ, однако, соглашенія и единства дѣйствій, и, конечно, ни одинъ изъ нихъ не подчинится другому. Но въ то время, когда Махди уничтожаетъ въ Суданѣ послѣдніе остатки власти Египта и Англіи, его сѣверный собратъ, если вздумаетъ также открыто прибѣгнуть къ возстанію, можетъ принести громадный вредъ французскому вліянію въ сѣверной Африкѣ.

— Въ то время, когда Франція теряла своего замѣчательнаго историка Минье, о другомъ ея историкѣ, также недавно скончавшемся, Мишле, вышла любопытная книга «Моя молодость» (Ma Jeunesse). Судя по названію, можно полагать, что записки о молодости историка написаны имъ самимъ, но книга, напротивъ, составлена его женою по отрывочныхъ замѣткамъ покойнаго. Мишле не разъ приходилось воскрешать подобнымъ образомъ исторію, по отрывкамъ старинныхъ лѣтописей. Теперь такой же трудъ совершила его жена, возсоздавъ передъ нами дѣтство и молодость знаменитаго историка. Въ эти темные годы, любопытенъ, разумѣется, не фактъ скромной жизни, но исторія развитія идей и чувствъ, наполнявшихъ умъ и сердце Мишле. И передъ нами, дѣйствительно, возстаетъ всѣмъ извѣстный писатель съ его оригинальнымъ взглядомъ и способомъ выраженія. Та, которая была постоянною сотрудницей своего мужа, повѣренной самыхъ тайныхъ его мыслей, по-

нятно должна была заимствовать не только складъ его фразъ, но и особенности его взгляда. Главное достоинство этой книги состоитъ въ томъ, что она представляетъ для французской молодежи примѣръ поученія. Г-жа Мишле посвящаетъ свою книгу «тѣмъ, которые хотятъ сдѣлаться людьми». Дѣтство свое Мишле провелъ въ бѣдности, молодость въ трудѣ и печали, и это не помѣшало ему пріобрѣсти твердость духа въ слабомъ тѣлѣ, блестящую оригинальность, силу воображенія, нѣжность чувствъ, апостольское стремленіе къ правдѣ,—всѣ эти свойства, изъ которыхъ составляется образъ историка. Видя какъ онъ самъ страдалъ въ дѣтствѣ, понимаешь его состраданіе къ слабымъ, угнетеннымъ, униженнымъ. Волѣе всего удивляетъ въ этомъ томѣ терпѣніе Мишле и какая-то мягкая энергія. Онъ никогда не жалуется на свои невзгоды, не декламируетъ объ нихъ, какъ Жан-Жакъ Руссо, которому Мишле, однако, удивляется и говоритъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на его умъ. Хорошо еще, что это вліяніе не распространилось на его сердце. Ни физическія страданія его болѣзненной натуры, ни голодъ, ни холодъ, ни страданія нравственныя, какъ одиночество, которое труднѣе переносить, чѣмъ бѣдность, ни насмѣшки, ни дурное обращеніе товарищей, вымѣщавшихъ на немъ его умственное превосходство, ничто не могло уничтожить врожденной доброты Мишле, и изъ снисхожденія къ своимъ преслѣдователямъ въ немъ выработалась симпатія ко всему человѣчеству. Правда, отъ этой борьбы въ немъ сохранилась меланхолія, отразившаяся и на его воображеніи, но въ ней не было ничего ни слабаго, ни мечтательнаго. Съ первыхъ же годовъ его молодости, въ Мишле развилось поклоненіе вѣчно женственному элементу: «Das ewig weibliche». Въ этомъ томѣ разсказана его первая романтическая любовь и первая дружба. Хотя въ это время Мишле не игралъ еще никакой роли ни въ историческомъ, ни въ литературномъ мірѣ, но у него встрѣчается много любопытныхъ чертъ французскаго общества 1815 и 1818 годовъ.

— Французы дорожатъ не только великими личностями своей исторіи, но извлекаютъ изъ мрака забвенія и такія лица, которыя, не имѣя историческаго значенія, выражаютъ какую либо изъ сторонъ современной имъ жизни. Такъ, Барду издалъ любопытную біографію Полины Монморенъ, графини де-Бомонъ (Pauline de Montmorin comtesse de Beaumont). О графинѣ мы знали до сихъ поръ только нѣсколько фактовъ въ «Мысляхъ» Жубера (Pensées). Барду нашелъ новые документы, относящіеся къ этой женщинѣ, къ французскому обществу при Людовикѣ XVI, во время революціи и консульства. Полину выдали замужъ шестнадцати лѣтъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она развелась съ мужемъ и сдѣлалась центромъ большого свѣта 1787 года. Когда Монморенъ сдѣлался министромъ, графиня Вомонъ была представлена его товарищу Некеру и госпожѣ Сталь, салонъ которой начиналъ тогда входить въ моду и въ немъ являлись братья Шенье, абаты Луи и Талейранъ, графъ Нарбоннъ, Сюаръ, баронесса Крюднеръ. Въ этомъ обществѣ Клеронъ декламировала «Сонъ Гоѳоліи», Бомарше читалъ свою «Виновную мать». Аббатъ Мореле, Альфіери, Кондорсе, графиня Альбани, поднимали пренія о значеніи генеральныхъ штатовъ и средняго сословія. Барду представляетъ въ новомъ свѣтѣ несчастнаго Монморена. Этотъ министръ вовсе не былъ реакціонеромъ, какимъ его представляютъ историки революціи. При открытіи генеральныхъ штатовъ онъ смѣло отвѣчалъ графу д'Артуа, требовавшему для дворянства монополіи военныхъ чиновъ: «эти чины пріоб-

рѣтаются заслугами отечеству и должны принадлежать достойнѣйшимъ, а не породѣ и происхожденію». За нѣсколько дней до бѣгства въ Вареннъ, о которомъ Монморенъ узналъ только послѣ захвата короля, онъ писалъ въ циркулярѣ къ французскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ: «То, что называютъ революціею—не болѣе какъ уничтоженіе множества злоупотребленій, накопившихся въ теченіи вѣковъ: эти злоупотребленія были такъ же пагубны для націи, какъ и для монарха—теперь они не существуютъ. Французскій народъ состоитъ изъ равноправныхъ гражданъ, повинующихся одному закону; всѣ органы власти только исполнители закона и первый между ними— король. Революція—совершившійся, безвозвратный фактъ, и кто задумалъ бы возвратить насъ къ прошлому, подвергъ бы величайшей опасности всю Европу». Монморенъ, вмѣстѣ съ Неккеромъ, съ представителями аристократіи, стоялъ за англійскую конституціонную систему съ двумя палатами, поддерживалъ Лафайета, Мирабо, чтобы составить центръ умѣренной партіи, и когда все было напрасно, употребилъ всѣ усилія, чтобы спасти своего властелина, который обманывалъ его и разсылалъ контр-приказы послѣ прокламацій своего министра. Обвинённый въ сношеніяхъ съ Австріею, онъ былъ арестованъ 21-го августа 1792 года и, послѣ допроса, даже свирѣпый Мальяръ опредѣлилъ—отвести его въ тюрьму. Но толпа неистовой черни выхватила его у стражи и убила на дорогѣ. Несчастный еще дышалъ, когда эти звѣри посадили его на колъ и принесли, какъ трофей, къ дверямъ національнаго собранія. Его жена, сестра и братъ были арестованы въ замкѣ въ Пасси— и когда ихъ отправили въ Парижъ, явилась его дочь, графиня Вомонъ, потребовавшая, чтобы и ее взяли вмѣстѣ съ родными. Ее сначала послушали, но по дорогѣ одумались и высадили ее близъ Пасси. Ея мать, сестра и братъ были гильотинированы вмѣстѣ съ принцесою Елисаветою. Сама она, умирающая, нашла пріютъ въ хижинѣ винодѣла, въ Вильневѣ, откуда переѣхала въ Парижъ уже въ 1800 году. Здѣсь вокругъ нея стала собираться вся интеллигенція консульства: Жуберъ, Моле, Фонтанъ, Бональдъ, Шендолле, Шатобріанъ. Барду рисуетъ портреты этого общества, сообщая много новаго и интереснаго. Пламеннымъ поклонникомъ Полины Монморенъ былъ Жуберъ, но она предпочла ему Шатобріана и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вскорѣ раскаялась въ этомъ, хотя умерла въ Римѣ на его рукахъ. Въ своихъ запискахъ блестящій писатель даже не сознается, что любилъ ее. Забывчивость это или безсердечіе? Зная Шатобріана, склоняешься къ послѣднему.

— Извѣстный авантюристъ, руссофобъ Вамбери, издалъ свою автобіографію, подъ названіемъ: «Арминій Вамбери, его жизнь и приключенія, имъ самимъ описанныя» (Arminius Vambery, his life and adventures written by himself). Здѣсь много повтореній его перваго путешествія по Средней Азіи въ 1862—1863 году, когда онъ, въ костюмѣ дервиша, обошелъ страны, мало доступныя европейцамъ. Но встрѣчаются и новыя біографическія черты. Съ 12-ти лѣтъ, Вамбери уже долженъ былъ скитаться изъ города въ городъ, отыскивая средства существованія; 20-ти лѣтъ онъ отправился въ Константинополь, съ помощью барона Этвёша, гдѣ сдѣлался совершеннымъ туркомъ, и черезъ 12 лѣтъ отправился въ Персію, а оттуда въ Туркестанъ. Вернувшись изъ Хивы, онъ сдѣлался львомъ сезона въ Лондонѣ, но Парижъ смотрѣлъ на него только, какъ на довольно любопытнаго авантюриста. Онъ добился, однако, аудіенціи у другого коронованнаго авантюриста, и въ разговорѣ съ нимъ удивился его крайнему невѣжеству по исторіи и географіи

Азіи. Даже Вамбери не нашелъ въ Наполеонѣ III ничего, что̀ напоминало бы великаго человѣка. Въ самомъ Пештѣ, соотечественники туриста не очень вѣрили всѣмъ его разсказамъ, и журналисты уклончиво называли его «первымъ путешественникомъ или первымъ романистомъ». Представленный Францу Іосифу, Вамбери сталъ просить мѣста профессора восточныхъ языковъ въ пештскомъ университетѣ, желая посвятить конецъ жизни педагогикѣ.—«Но вѣдь охотниковъ до восточныхъ языковъ не много и въ Вѣнѣ, отвѣчалъ императоръ, а въ Пештѣ вамъ, пожалуй, некого будетъ и учить». — «Въ такомъ случаѣ я буду самъ имъ учиться», откровенно отвѣчалъ Вамбери — и получилъ мѣсто. А что ему надо еще многому учиться въ этой отрасли филологіи — доказываетъ лучше всего упорство, съ какимъ онъ не хочетъ признать мадьярскій языкъ отраслью финскаго, а непремѣнно хочетъ найти въ немъ татарскій діалектъ, чтобы объяснить симпатіи мадьяръ къ туркамъ и братство пештскихъ студентовъ съ турецкими софтами. Вамбери оканчиваетъ свою книгу политическими соображеніями о будущности Азіи: страна эта должна принадлежать Англіи, но Англіи консервативной. Франція вовсе не способна къ колонизаціи; о Россіи и говорить нечего. Все это доказываетъ только, что Вамбери такой же глубокій политикъ, какъ и знатокъ восточныхъ языковъ.

— Вышло полное собраніе сочиненій Ричардсона (The works of Richardson) въ 12-ти томахъ, съ біографико-критическою статьею Стефена. Этого романиста теперь мало читаютъ, хотя недалеко еще то время, когда онъ былъ идоломъ англійскихъ женщинъ, да и женщинъ другихъ націй, потому что романы его переводились на всѣ языки. Передъ нимъ расшаркивался Джонсонъ. Увлекающійся Дидро ставилъ его въ одинъ рядъ съ Моисеемъ и Гомеромъ. Бальзакъ, Жоржъ Зандъ и Альфредъ Мюссе называли его величайшимъ нувелистомъ своего времени. Руссо подражалъ ему, Маколей былъ отъ него въ восторгѣ. Правда, Морлей не хочетъ его даже причислить къ замѣчательнымъ англійскимъ писателямъ, но, во всякомъ случаѣ, если теперь и трудно читать его «Памелу» и «Грандисона», но «Кларисса Гарловъ» всегда останется лучшимъ произведеніемъ своей эпохи, а одинъ изъ любопытныхъ типовъ ея — типъ Ловеласа, созданъ Ричардсономъ.

— Сильное впечатлѣніе произвела не въ одной Франціи книга отца Дидона: «Нѣмцы» (Les Allemands). Этотъ доминиканецъ обратилъ на себя вниманіе въ 1872 году проповѣдями объ освобожденіи Франціи, сопровождавшимися имъ же устроенными сборами. Тьеръ, какъ извѣстно, произвелъ это освобожденіе страны отъ окупаціи съ помощью крупныхъ финансовыхъ займовъ, въ сравненіи съ которыми коллективныя милостыни играли роль капли воды. Но намѣреніе было прекрасное, и молодой отецъ Дидонъ сдѣлался моднымъ проповѣдникомъ. Однако, его краснорѣчіе уклонилось отъ путей, предписываемыхъ Силлабусомъ, и ораторъ долженъ былъ умолкнуть. Вмѣсто того, чтобы, подобно Ламеннэ и патеру Гіацинту, порвать съ папствомъ, Дидонъ подчинился приказу отправиться въ ссылку на о. Корсику, и по окончаніи срока высылки поѣхалъ путешествовать по Германіи, для ознакомленія съ мнѣніями современной критики о происхожденіи христіанства. Онъ поступилъ студентомъ сперва въ лейпцигскій, затѣмъ въ гётингенскій и берлинскій университеты. Плодомъ его занятій явилась книга «Les Allemands», которую единодушно хвалитъ вся свѣтская печать, между тѣмъ какъ съ не меньшимъ единодушіемъ нападаютъ на нее ультрамонтаны. Эти

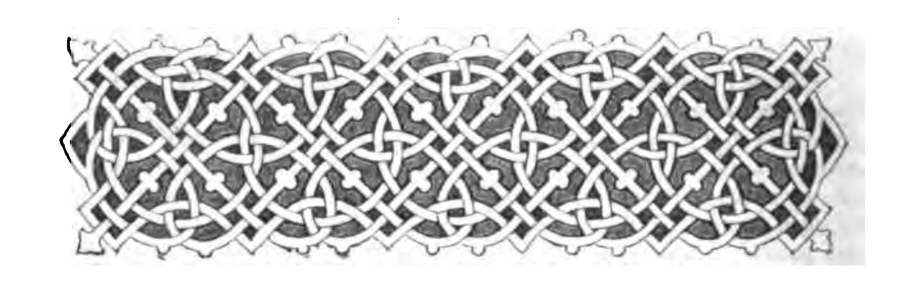
послѣдніе слишкомъ хорошо поняли, что похвалы монаха-патріота нравственной дисциплинѣ протестантской Германіи ничто иное, какъ указаніе на прискорбные результаты слишкомъ продолжительнаго преобладанія католицизма во французскомъ воспитаніи. Лютеръ, сдѣлавшій доступнымъ для народа библію, положилъ основаніе освобожденію школы отъ вліянія духовенства. «Школьный учитель», такъ много содѣйствовавшій успѣху возстанія Германіи въ 1813 году, побѣдилъ Францію въ 1870-мъ. Дидонъ вѣрно оцѣнилъ вліяніе германской школы на патріотическое воспитаніе націи, хотя онъ и смотритъ на него съ клерикальной точки зрѣнія, восхищаясь тѣмъ, что въ высшемъ образованіи первое мѣсто принадлежитъ богословію, впрочемъ, не только не католическому, но часто даже и не христіанскому. Заключеніе книги замѣчательно — и откуда бы ни исходилъ совѣтъ, за него нельзя не поблагодарить Дидона, проповѣдующаго въ печати, что «самая неотложная обязанность французскаго гражданина заключается въ томъ, чтобы прежде всего трудиться надъ смягченіемъ раздоровъ и разногласій въ своей странѣ, для осуществленія Франціей «ея великихъ надеждъ» и для того, чтобы явить сосѣднимъ народамъ типъ новаго народа, у котораго братство выражается всеобщею благотворительностью, равенство — непоколебимымъ господствомъ закона, а свобода — личнымъ почином и широкою терпимостью. Любопытно, что книга эта пропущена къ печати католическою духовною цензурою.

— Въ Копенгагенѣ вышла интересная дипломатическая книга: «Министерская корреспонденція графа Бернсторфа» (Correspondance ministerielle du comte I. H. E. Bernstorff, 1751—1770). Графъ былъ однимъ изъ выдающихся политическихъ дѣятелей прошлаго столѣтія. Вступивъ въ датскую службу въ 1732 году, онъ уже въ 1751 году былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и почти 20 лѣтъ управлялъ политикою Даніи. Струензе лишилъ его званія министра, но, послѣ паденія этого фаворита, Бернсторфу хотѣли возвратить его постъ, когда онъ умеръ внезапно въ 1772 году, не достигнувъ 60-ти лѣтъ. Періодъ управленія Бернсторфа былъ довольно бурный. Послѣ войны за австрійское наслѣдство и семилѣтней войны, въ ряду европейскихъ державъ явились двѣ страны, съ которыми должна была считаться политика. Пруссія силою оружія завоевала себѣ мѣсто въ ряду первыхъ державъ, а Россія въ войнѣ съ нею едва не уничтожила всѣ плоды побѣдъ Фридриха II. Въ этомъ столкновеніи Данія, не смотря на свою територіальную незначительность, играла роль примирительницы. Она употребила всѣ усилія, чтобы семилѣтняя война не превратилась въ религіозную, хотя Фридрихъ открыто заявлялъ себя защитникомъ протестантизма. Когда же Россія, занявъ своими войсками восточную Пруссію, изъявила намѣреніе удержать за собою свои завоеванія, Данія протестовала въ сильныхъ депешахъ противъ этого и угрожала тотчасъ же выступить противъ Россіи. При воцареніи Петра III, этотъ поклонникъ прусскаго короля, въ свою очередь, объявилъ войну Даніи, и Бернсторфъ напрасно обращался за помощью къ Франціи и Австріи. Данію спасли только низверженіе Петра III и его внезапная кончина. Въ депешахъ Бернсторфа много подробностей, рисующихъ не одни дипломатическія сношенія государствъ.

— Въ концѣ прошлаго года («Историческій Вѣстникъ» № 12, стр. 630) мы говорили о первомъ выпускѣ книги австрійскаго тайнаго агента Вольгейма де Фонсека: «Мои нескромности. Сообщенія изъ тайной дипломатіи послѣднихъ тридцати лѣтъ». Теперь вышелъ первый томъ этого объемистаго

сочиненія въ 550 страницъ, оканчивающійся 1870 годомъ включительно. Авторъ измѣнилъ только немного названіе книги, поставивъ вмѣсто: сообщенія — воспоминанія (Neue Indiscretionen. Erinnerungen aus der geheimen Diplomatie). Мы упоминали уже, что въ первыхъ четырехъ главахъ своей книги, составляющихъ первый выпускъ, авторъ гораздо больше говоритъ о себѣ, чѣмъ о событіяхъ своего времени, и выразили сомнѣніе въ правдивости многихъ изъ сообщаемыхъ имъ разсказовъ. Дальнѣйшее знакомство съ ними еще болѣе возбуждаетъ недовѣрчивость. Такъ, отправляемый министромъ Бахомъ, въ 1857 году, въ Италію, для развѣдыванія о настроеніи Кавура по отношенію къ Австріи, Вольгеймъ на нѣсколькихъ страницахъ развиваетъ министру свою теорію пессимизма, по которой «все въ твореніи, въ жизни человѣка, въ искуствѣ и исторіи идетъ назадъ, уменьшается, дѣлается хуже». Не упоминается только: уменьшается ли содержаніе австрійскихъ шпіоновъ. Только-что въѣхавъ въ Италію, Вольгеймъ встрѣчаетъ таинственнаго революціонера-путешественника и ведетъ съ нимъ на тридцати страницахъ таинственную бесѣду, въ которой дѣлаются таинственные намеки на близость войны и революціи. Такія предсказанія post factum нисколько не трудно составлять въ 1884 году. Но еще неправдоподобнѣе слѣдующій затѣмъ разговоръ автора съ Кавуромъ. Г. Вольгеймъ читаетъ великому патріоту лекцію по исторіи народнаго права (эти слова такъ и выставлены въ перечнѣ 6-й главы), причемъ Вольгеймъ говоритъ Кавуру комплименты въ родѣ того, что бесѣда съ нимъ «заставляетъ даже забывать о требованіяхъ природы», а Кавуръ называетъ его безпристрастнымъ журналистомъ; но послѣ двадцати страницъ бесѣды о положеніи Австріи и Сардиніи, догадывается, наконецъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и прямо говоритъ ему: вы австрійскій чиновникъ! на что̀ собесѣдникъ возражаетъ: прошу вѣрить мнѣ на̀-слово: я не только не австрійскій, но и вообще не чиновникъ. Кавуръ не догадывается отвѣтить, что, дѣйствительно, такихъ лицъ ни одна держава не называетъ своими чиновниками, но все-таки тотчасъ же прекращаетъ бесѣду. О главныхъ событіяхъ той эпохи — войнѣ Франціи съ Австріею, польскомъ возстаніи, освобожденіи Италіи, войнѣ Пруссіи съ Австріею — говорится нѣсколько словъ; за то цѣлыя 8 главъ (отъ 17 по 24) посвящены войнѣ 1870 года — не серьезному изслѣдованію военныхъ дѣйствій, а восхваленію пруссаковъ и ихъ подвиговъ (Вольгеймъ въ это время поступилъ на службу Пруссіи и уже называлъ себя прямо прусскимъ чиновникомъ). Болѣе трети книги наполнено выписками изъ французскихъ провинціальныхъ газетъ того времени, доказывающими, ка̀къ много вздору печатали французы о военныхъ событіяхъ, какъ будто не всѣ въ мірѣ военныя реляціи составляются въ одинаковомъ тонѣ, скрывающемъ наши ошибки и уменьшающемъ наши потери. Потомъ приводятся приказы герцога мекленбургъ-шверинскаго, генералъ-губернатора Шампаньи, вскорѣ, впрочемъ, смѣненнаго; защищается Базенъ и его сдача Меца; приводятся разныя мелкія сплетни о столкновеніи французовъ и даже француженокъ съ нѣмецкими властями въ занятыхъ провинціяхъ — все это мало интересно. Томъ оканчивается описаніемъ, какъ нѣмцы справляли во Франціи рождественскую елку въ 1870 году. Авторъ обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ еще одинъ томъ своихъ «Нескромностей», въ которыхъ ему слѣдовало бы быть поскромнѣе по отношенію къ выставленію своихъ заслугъ, весьма сомнительныхъ, и къ восхваленію начальствъ, которымъ онъ служитъ «не какъ чиновникъ».

— Между французскими писателями существуютъ спеціалисты, выбирающіе предметомъ своихъ литературныхъ произведеній одну какую либо спеціальность и только по этой части издающіе десятки томовъ. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ мало извѣстный Эмберъ де Сент-Аманъ (его нѣтъ даже въ словарѣ Ваперо). Кромѣ томика не замѣчательныхъ стихотвореній, біографіи аббата Дегерри и повѣсти «Молодая жертва коммуны» — произведеній ранней молодости, всѣ остальныя сочиненія его посвящены изображенію французскихъ женщинъ разныхъ эпохъ: француженкамъ XVIII и XIX столѣтій, г-жѣ Жирарденъ и пр. Такъ, подъ названіемъ «Les femmes de Versailles» онъ написалъ пять томовъ, въ которыхъ разсказывается о женщинахъ двора Людовика XV, и въ двухъ послѣднихъ томахъ, преимущественно — о Маріи Антуанетѣ. Объ ней же больше всего говорится въ четырехъ томахъ «Les femmes de Tuileries». Подъ тѣмъ же общимъ названіемъ вышла въ прошломъ году біографія Жозефины, въ эпоху ея молодости (La Jeunesse de Joséphine), и нынче «Гражданка-Бонапарте» (La citoyenne Bonaparte)— продолженіе ея жизнеописанія до консульства. Авторъ обѣщаетъ еще три тома этой біографіи: жена консула, императрица и разведенная жена. Во всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ 15-ти томахъ всѣ эти женщины представлены, конечно, въ лучшемъ свѣтѣ, хотя историческіе документы, даже приводимые авторомъ, не всегда говорятъ въ ихъ пользу. Такъ, въ разсказѣ о гражданкѣ-Бонапарте, женѣ генерала, сражавшагося въ Италіи, изъ писемъ его видно, что она ни за что не хотѣла ѣхать въ армію къ мужу и раздѣлять съ нимъ боевую жизнь, а предпочитала веселиться въ Парижѣ. И еще авторъ не помѣстилъ въ своемъ сочиненіи тѣхъ историческихъ писемъ Бонапарте къ Баррасу, въ которыхъ онъ прямо обвиняетъ свою жену въ вѣтренности и обманѣ. Книга Сент-Амана вообще представляетъ хорошо составленную компиляцію; встрѣчаются въ ней довольно любопытныя подробности, но новаго въ историческомъ отношеніи нѣтъ ничего, а панегирическій тонъ разсказа quand même и умолчаніе о многихъ, всѣмъ извѣстныхъ фактахъ, заподозриваютъ даже чисто анекдотическую сторону книги.



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Письмо К. Н. Батюшкова къ А. Н. Оленину о русскихъ художникахъ въ Римѣ въ 1819 году.

Въ «ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ» уже было говорено о новомъ изданіи сочиненій К. Н. Батюшкова, предпринятомъ его братомъ П. Н. Батюшковымъ, и притомъ были перечислены тѣ богатые матеріалы, которые почтенному издателю удалось собрать изъ разныхъ источниковъ, чтобы сдѣлать новое изданіе возможно полнымъ. Къ числу интереснѣйшихъ находокъ П. Н. Батюшкова принадлежатъ нѣсколько прекрасныхъ антологическихъ стихотвореній его брата, относящихся къ послѣднему періоду литературной дѣятельности поэта, предъ наступленіемъ той тяжкой болѣзни, которая преждевременно, въ цвѣтѣ лѣтъ, отняла его у русской литературы. Стихотворенія эти, отысканныя въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, напечатаны были въ одномъ изъ нумеровъ «Руси» прошлаго года. Еще позже, въ распоряженіе П. Н. Батюшкова передано было П. Н. Тихоновымъ еще нѣсколько стихотвореній К. Н. Батюшкова, также неизвѣстныхъ въ печати и относящихся къ началу его литературной дѣятельности. Но самымъ важнымъ вкладомъ новаго изданія въ литературу будутъ, безъ сомнѣнія, многочисленныя письма К. Н. Батюшкова, изъ которыхъ значительная часть до сихъ поръ не была напечатана. Изъ состава этой переписки П. Н. Батюшковъ извлекъ весьма любопытное письмо своего брата къ президенту академіи художествъ, А. Н. Оленину, и любезно передалъ его для напечанія въ редакцію «Историческаго Вѣстника» [1]).

---

[1]) Подлинники писемъ К. Н. Батюшкова къ А. Н. Оленину принадлежатъ Н. И. Стояновскому.

Римъ, февраль 1819 года.

Не требуйте отъ меня описанія моего путешествія, еще менѣе описанія Рима. Около двухъ недѣль какъ я здѣсь, почтеннѣйшій Алексѣй Николаевичъ, но насилу могу собраться написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Сперва бродилъ какъ угорѣлый: спѣшилъ все увидѣть, все проглотить, ибо полагалъ, что пробуду немного дней. Но, лихорадкѣ угодно было остановить меня, и я остался еще на недѣлю. Въ три недѣли что можно было здѣсь осмотрѣть? Назначаю мѣста для будущаго пріѣзда: сочиняю планъ на мѣстѣ, и когда будетъ угодно судьбѣ привести меня сюда въ другой или третій разъ, что-нибудь напишу, не говорю, достойное Рима, или васъ, но не совершенно меня недостойное.

Хвалить древность, восхищаться св. Петромъ, ругать и злословить италіанцевъ такъ легко, что даже и совѣстно. Скажу только, что одна прогулка въ Римѣ, одинъ взглядъ на форумъ (въ который я по уши влюбился) заплатятъ съ избыткомъ за всѣ безпокойства долгаго пути. Я всегда чувствовалъ мое невѣжество, всегда имѣлъ внутреннее сознаніе моихъ малыхъ способностей, дурнаго воспитанія, слабыхъ познаній: но здѣсь ужаснулся. Одинъ Римъ можетъ вылѣчить на вѣки отъ суетности самолюбія. Римъ—книга: кто прочитаетъ ее! Римъ похожъ на сіи героглифы, которыми исписаны его обелиски. Можно угадать нѣчто,—всего не прочитаешь. Простите мнѣ это маленькое предисловіе. Безъ него нельзя было отвѣчать вамъ на задачи ваши.

Видѣлся съ художниками. Доложите графу Николаю Петровичу [1]), что вручилъ его письмо Кановѣ и поклонился статуѣ Мира въ его мастерской. Она—ея лучшее украшеніе. Долго я говорилъ съ Кановою о графѣ Румянцовѣ, и мы оба отъ чистаго сердца пожелали ему долгоденствія и благоденствія [2]). Воспитанникъ его подаетъ хорошую надежду [3]); онъ, по словамъ Кипренскаго [4]), очень трудится, рисуетъ безпрестанно и желаетъ заплатить успѣхами дань должной признательности почтенному покровителю. Другіе

---

[1]) Румянцевъ.

[2]) Статуя эта находится въ Румянцевской залѣ московскаго публичнаго музея. Окрыленная богиня, попирая ногою змѣю, въ правой рукѣ, которою она легко склоняется на колонну, держитъ оливковую вѣтвь, а лѣвою—высокій жезлъ, обыкновенную принадлежность олимпійскихъ боговъ. На колоннѣ изсѣчена слѣдующая надпись: Миръ Абовскій, 1743; миръ Кайнарджскій, 1774; миръ Фридрихсгамскій, 1809. Мавзолей этотъ изваянъ, по желанію графа Н. П. Румянцова, знаменитымъ Антоніемъ Кановою (ф. 1757 † 1822), въ воспоминаніе трехъ договоровъ, заключенныхъ Румянцовыми: графомъ Александромъ Ивановичемъ (р. 1630 † 1849), графомъ Петромъ Александровичемъ (р. 1725 † 1796) и графомъ Николаемъ Петровичемъ (р. 1857 † 1826). Въ «Сынѣ Отеч.» 1817 г., № 14, есть статья Н. И. Гнѣдича: «Письмо къ Б. о статуѣ Мира, изваянной для графа Н. П. Румянцова скульпторомъ Кановою въ Римѣ». Письмо это, очевидно, адресовано къ Батюшкову.

[3]) Василій Сазоновъ, молодой художникъ, отправленный въ Италію на счетъ графа Румянцова.

[4]) Орестъ Адамовичъ, портретистъ и историческій живописецъ, сынъ двороваго человѣка бригадира Алексѣя Степановича Дьяконова, Адама Карловича Швальбе. Дьяконовъ, опредѣливъ пятилѣтняго Кипренскаго въ академію художествъ въ 1788 году, далъ ему и вольноотпускную. Полагаютъ, что отъ произвольнаго измѣненія прозвища Копорскій, которымъ О. А. назвали по мѣсту рожденія (Копорье, въ Петергофскомъ уѣздѣ), произошла фамилія Кипренскій. Въ 1816 году онъ былъ посланъ на казенный счетъ за границу и посѣтилъ Герма-

воспитанники академіи ведутъ себя отлично хорошо, и меня, кажется, полюбили. Я ласкаю ихъ, первое—потому что они соотечественники, а второе—потому что люблю художества и васъ. Щедрину [1]) заказываю картину: видъ съ паперти Жака Лотранскаго. Если ему удастся сдѣлать что-нибудь хорошее, то это дастъ ему нѣкоторую извѣстность въ Римѣ, особенно между русскими, а меня нѣсколько червонцевъ не раззорятъ. Съ княземъ Гагаринымъ [2]) я говорилъ о нихъ: разсуждалъ и такъ, и едакъ. Скажу вамъ рѣшительно, что плата, имъ положенная, такъ мала, такъ ничтожна, что едва они могутъ содержать себя на приличной ногѣ. Здѣсь лакей, камердинеръ получаетъ болѣе. Художникъ не долженъ быть въ изобиліи, но и нищета ему опасна. Имъ не на что купить книгу и не чѣмъ платить за натуру и модели. Дороговизна ужасная! Англичане наводнили Тоскану, Римъ и Неаполь, въ послѣднемъ еще дороже. Но и здѣсь втрое дороже нашего, если живешь въ трактирѣ, а домомъ—едва ли не въ полтора или два раза. Кипренскій вамъ это засвидѣтельствуетъ. Число четырехъ пансіонеровъ столь мало, что нельзя ожидать академіи великихъ успѣховъ отъ четырехъ молодыхъ людей. Болѣзни, обстоятельства, тысяча причинъ могутъ совратить ихъ съ пути или похитить отъ художествъ; что̀ я говорю—есть сущая правда. Желательно имѣть болѣе десяти въ Римѣ. Изъ десяти два, три могутъ удаться. Россія имѣетъ нужду въ хорошихъ артистахъ, нужду необходимую, особенно въ архитекторахъ, и я отъ чистаго сердца желаю, чтобы казна не пожалѣла денегъ. За ними нуженъ присмотръ; имъ нуженъ наставникъ, путеводитель. Если бы вы отрядили профессора, человѣка опытнаго, строгихъ нравовъ, хотя и не весьма искуснаго въ художествѣ, что нужды! Министерство ими занимается въ важныхъ случаяхъ; оно имъ покровительствуетъ, но присмотру не имѣетъ. ибо это не дѣло онаго. При наставникѣ поведеніе будетъ правильнѣе: отъ большаго сотоварищества родится соревнованіе—лучшая пружина трудолюбія и успѣховъ. Вамъ доставятъ уставъ французской академіи. У ней не домъ, а дворецъ. Желательно, чтобы наши имѣли только домъ, кельи для ночлегу и хорошія мастерскія, присмотръ, пищу и эту беззаботливость, первое условіе артиста съ музою или музы съ артистомъ. Впрочемъ, я говорю то, что̀ чувствую, что̀ видѣлъ на мѣстѣ: издали все кажется иначе. Исполнилъ мой долгъ, увѣдомилъ васъ о томъ, что̀ здѣсь каждому извѣстно: вы лучше знаете что̀ возможно, и чего нельзя сдѣлать. Моего письма никому не сообщайте, ибо я пишу только для васъ съ обыкновеннымъ чистосердечіемъ и такъ, какъ мысли приходятъ въ голову. Италинскому [3]) вручилъ вашу книгу и письмо. Онъ самъ отвѣчать будетъ. Старецъ почтенный и добрый, уваженный всѣми; онъ знаетъ Италію какъ отче нашъ; но можно ли

нію, Швейцарію и Италію. Въ 1823 году пріѣхалъ въ Петербургъ, но въ 1828 году уѣхалъ въ Италію и уже болѣе не возвращался. Умеръ въ Римѣ 5-го октября 1836 года. Своими портретами Кипренскій пріобрѣлъ европейскую извѣстность.

[1]) Сильвестръ Ѳеодосѣевичъ, пейзажистъ (р. 1791 г. † 2-го октября 1830 г. въ Сорренто). Въ 1818 году былъ отправленъ на казенный счетъ въ Италію. Своими картинами пріобрѣлъ большую извѣстность не только у русскихъ, но и среди иностранцевъ.

[2]) Григорій Ивановичъ, т. с. (р. 17-го марта 1782 † 12 февраля 1837 г.) состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Римѣ. Почетный членъ академіи художествъ.

[3]) Андрей Яковлевичъ, д. т. с. (р. 1743 г. † 27-го іюня 1827 г.), посланникъ въ Римѣ съ 1817 года. Занимался археологіей и филологіей. Съ 13-го августа 1821 года — почетный членъ россійской академіи.

его обременять новымъ учрежденіемъ — не знаю. Если бы вздумалось что-нибудь основать въ Римѣ, то лучшее средство отправить чиновника изъ Петербурга съ хорошею инструкціею, сообразной съ французскою: отмѣны можно сдѣлать на мѣстѣ. Учредя домъ и все нужное для принятія десяти (или болѣе) пансіонеровъ, чиновникъ сей могъ бы ихъ ожидать въ Римѣ. Еще повторю, нуженъ добрый, заслуженный профессоръ, который бы умѣлъ постигнуть вполнѣ свою обязанность и наставленія ваши.

Во Флоренціи есть слѣпки со всего музея, и мнѣ обѣщали доставить реэстръ цѣнамъ и статуямъ, который сообщу вамъ. Англійскій дворъ и французскій съ позволенія герцога Тосканскаго взяли сіи слѣпки въ недавнемъ времени. Здѣсь я видѣлъ собраніе египетскихъ статуй для двора баварскаго: по совѣсти, они жалки, и учиться надъ ними нечего. Могутъ быть интересны для антикваріевъ или для исторіи искусства, но для художника ни мало! Формы варварскія. При избыткѣ другихъ статуй можно пожелать имѣть и сіи, впрочемъ не много пользы. Объ Аристидовой статуѣ дамъ отвѣтъ изъ Неаполя, также о древнемъ оружіи, въ Помпеѣ и Геркулануме найденномъ, т. е. объ рисункахъ оружія. Всѣ другія порученія касательно художествъ исполню со временемъ. Важнѣйшее кончилъ. Забылъ сказать нѣсколько словъ о Кипренскомъ и Матвѣевѣ [1]). Первый еще не писалъ Аполлона и едва ли писать его станетъ, развѣ изъ упрямства. Но онъ дѣлаетъ честь Россіи поведеніемъ и кистію: въ немъ-то надежда наша! Матвѣевъ заслуживаетъ наше уваженіе. Онъ человѣкъ старый и хворый, но въ картинахъ его есть живость и огонь древняго Адама. Сорокъ лѣтъ прожилъ онъ въ Римѣ и никакого понятія о Россіи не имѣетъ: часто говоритъ о ней, какъ о Китаѣ, но за то набилъ руку и пишетъ водопады Тивольскіе часто мастерски. На все есть время; его слава здѣсь полиняла. Я безъ предразсудковъ и любуюсь его картинами: въ нихъ много хорошаго. Слава Богу, что русскій человѣкъ такъ пишетъ! Слава Богу, что онъ заслужилъ вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ путешественниковъ и не умеръ съ голоду въ негостепріимной Италіи. Ему назначенъ пенсіонъ государемъ; душевно этому радуюсь, ибо Матвѣевъ скоро будетъ не въ состояніи снискивать пропитаніе трудами. Торвальдсенъ гремитъ въ Римѣ. Его Меркурій прелестенъ. Каммучини пишетъ прекрасные портреты (не всегда) и всегда сѣрыя картины, но за то рисуетъ какъ Егоровъ [2]) (и получше его), иногда сочиняетъ умно и съ живостію, достойной римлянина. Basta! ни слова больше объ искусствахъ. Не мнѣ судить о нихъ; умничать не мое же дѣло. Скажу вамъ только, что здѣсь полкъ Рафаэлевъ. Всѣ нѣмцы одѣлись Рафаэлями. Отпустили себѣ волосы и надѣли черныя, бархатныя шапки; черное полукафтанье и сандаліи. На Рафаэля не похожи, а съ головы на маймистовъ; что̀ всего хуже—рисовать не умѣютъ, ибо въ Германіи рисовать порядочно не учатъ. Подражаютъ здѣсь Гольбейну и Перужино, а въ скульптурѣ и архитектурѣ среднимъ вѣкамъ. Зачѣмъ же

[1]) Ѳеодоръ Михайловичъ, пейзажистъ, сынъ солдата (р. въ Петербургѣ 1758 г. † въ Римѣ 1826 г.). Въ 1779 году, спустя годъ послѣ окончанія курса, былъ отправленъ на казенный счетъ за границу. Большую часть жизни провелъ въ Италіи.

[2]) Алексѣй Егоровичъ, историческій живописецъ, сынъ калмыка (р. 1776 г. † въ Петербургѣ 10-го сентября 1851 г.). Въ 1803 году былъ отправленъ за границу. Живя въ Римѣ, сблизился съ Кановою и Каммучини. Съ 1807 году поселился въ Петербургѣ и написалъ множество картинъ, преимущественно религіознаго содержанія.

было ѣхать въ Римъ? Чтобы ходить по Корсо въ Рафаэлевскомъ платьѣ, съ свиткомъ пергамента въ рукахъ. Иные изъ нихъ имѣютъ истинный талантъ и очень трудолюбивы; сіи послѣдніе ходятъ просто, какъ мы грѣшные. Но я сію минуту видѣлъ картины двухъ нѣмецкихъ художниковъ—повѣсть Іосифа, и примирился съ ними. Прекрасно!

Кончу мое мараніе; вы видите, что я, не глядя на развлеченіе и болѣзнь, отпѣлъ вамъ все, что̀ было на сердцѣ. Богъ вѣсть за что̀ я прослылъ у васъ человѣкомъ неисправимымъ. Въ отечествѣ никто пророкомъ не бывалъ. Къ Ѥ. Ѳ. [1]) писалъ, еще буду писать по пріѣздѣ въ Неаполь. Всѣмъ знакомымъ усердно кланяюсь и цѣлую ручки у Лизаветы Марковны [2]). Всему дому и Алексѣю Алексѣевичу [3]) бью челомъ. Крылову, Ермолаеву [4]) и Гнѣдичу усердное почтеніе; послѣдній, надѣюсь, писать будетъ. Пришлите мнѣ русскихъ книгъ и новостей, г. президентъ библіотеки, и скажите Сергѣю Семеновичу [5]) и Тургеневу [6]), что я ихъ задушу письмами изъ отечества Тассова. Простите!

Здѣсь великій князь, ласковый къ русскимъ, и котораго мы любимъ болѣе здѣшняго солнца [7]). Спѣшу поздравить его и министра съ карнаваломъ, который начался дождемъ и кончится дракою и шумомъ. Мы здѣсь ходимъ посреди развалинъ и на развалинахъ. Самый карнавалъ есть развалина Сатурналій, но эти праздники такъ мнѣ надоѣли отъ самой Венеціи, что я желалъ бы видѣть будни e l'alina tranquillita. Она у васъ вполнѣ въ Петербургѣ; пользуйтесь ею и не завидуйте нашему климату и чудесамъ искусства. Здѣсь зло ходитъ объ руку съ добромъ. Здѣсь все состарилось, и умъ, и сердце, и душа человѣческая. Но я не устану здѣсь васъ любить и почитать. Слышу выстрѣлы во всѣхъ улицахъ, залпъ за залпомъ. Шумъ ужасный! Не пугайтесь: карнавалъ. У насъ теперь на Руси катаются мирно съ горъ, играютъ въ бостонъ и танцуютъ. Здѣсь болѣе шуму, но не болѣе веселья для иностранцевъ. Но здѣсь Колизей, который мнѣ и во снѣ снится. Это лучшій коментарій на римскую исторію.

Константинъ Батюшковъ.

Великій князь заказываетъ картины Щедрину и работы Крылову [8]) и Гольбергу [9]); это имъ по сердцу. Кипренскій подноситъ ему голову ангела: прелестное, но истинѣ лучшее его произведеніе.

Сообщено П. Н. Батюшковымъ.

---

[1]) Екатерина Ѳедоровна Муравьева, вдова Михаила Никитича, урожд. Колокольцова (р. 1771 г. † 21-го апрѣля 1848 г. въ Москвѣ).

[2]) Жена А. Н. Оленина, урожд. Полторацкая (р. 2-го мая 1768 г. † 3-го іюля 1838 г.).

[3]) Сынъ Алексѣя Николаевича, д. с. с. (р. 30-го мая 1898 г. † 25-го декабря 1855 г.).

[4]) Александръ Ивановичъ (р. 1780 г. † 10-го іюня 1828 г.), археологъ и нумизматъ, ученикъ академіи художествъ. Съ 1816 года хранитель манускриптовъ императорской публичной библіотеки, а съ 1818 года конференцъ-секретарь академіи художествъ. Крыловъ и Гнѣдичъ также служили въ публичной библіотекѣ.

[5]) Уваровъ.

[6]) Александръ Ивановичъ.

[7]) Великій князь Михаилъ Павловичъ путешествовалъ въ это время по Италіи.

[8]) Михаилъ Григорьевичъ, скульпторъ, † 1846 году. Живя въ Италіи, сблизился съ Кановою, который признавалъ въ немъ замѣчательный талантъ. Въ академіи художествъ находится извѣстная его статуя «Бойцы», исполненная въ 1833 году.

[9]) Самуилъ Ивановичъ, профессоръ скульптуры (р. 2-го декабря 1787 г. † 10-го мая 1839 г.). Въ 1818 году былъ посланъ въ Италію, гдѣ провелъ 10 лѣтъ.

СМѢСЬ.

Столѣтняя годовщина кончины Хемницера. 20-го марта 1774 года, въ Смирнѣ умеръ, 39-ти лѣтъ, нашъ генеральный консулъ Хемницеръ. Только за пять лѣтъ до его смерти, немногочисленная читающая публика этой эпохи узнала, что въ свободное отъ служебныхъ занятій время, этотъ консулъ съ нѣмецкой фамиліей пишетъ русскія басни. Маленькій томъ этихъ басенъ съ никому неизвѣстнымъ именемъ Хемницера имѣлъ большой успѣхъ въ небольшомъ кружкѣ тогдашней интелигенціи. Стали узнавать, что̀ за человѣкъ этотъ писатель? Оказалось, что это сынъ военнаго лекаря, родившійся въ Енотаевской крѣпости, только что три года передъ тѣмъ основанной. По русски мальчикъ началъ учиться поздно, выучившись прежде своему родному, нѣмецкому языку. Ему былъ уже 11-й годъ, когда отецъ рѣшился оставить Астрахань, гдѣ жилъ послѣднее время, и перебраться въ Петербургъ съ женою и тремя дѣтьми. Въ дорогѣ мальчикъ чуть не пропалъ, отойдя въ темнотѣ отъ повозки и заблудившись въ степи. Его съ трудомъ отыскалъ калмыцкій конвой. Въ Петербургѣ отецъ сталъ готовить сына къ званію медика, но мальчикъ на 13-мъ году поступилъ въ солдаты Нотебургскаго полка, а отецъ, какъ штаб-лекарь, долженъ былъ идти съ арміей въ прусскій походъ. Въ 1759 году, отецъ съ сыномъ сошлись въ Эльбингѣ, а черезъ 12 лѣтъ Хемницеръ вышелъ въ отставку поручикомъ, «не бывъ въ баталіи, а употребляясь для случающихся курьерскихъ посылокъ». Отставной поручикъ поступилъ въ горное вѣдомство гиттенфервальтеромъ, потомъ сдѣланъ былъ маркшейдеромъ, ѣздилъ съ начальникомъ горнаго училища за границу, объѣхалъ Германію, Голландію, Францію и, въ 1769 году, напечаталъ «Басни и сказки N N», безъ обозначенія своего негромкаго имени. Въ 1781 году, онъ долженъ былъ, вслѣдъ за своимъ начальникомъ, выйти въ отставку. Другъ его, Львовъ, выхлопоталъ ему мѣсто консула въ Смирнѣ, гдѣ Хемницеръ умеръ черезъ полтора года, жертвою недуговъ и тяжелаго положенія. Біографы увѣряютъ, что тѣло его погребено въ Николаевѣ, тогда какъ Николаевъ началъ только возникать въ 1788 году, и что на гробницѣ была вырѣзана эпитафія, имъ же самому себѣ написанная и подходящая ко всѣмъ подобнымъ ему труженникамъ:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

И этотъ уроженецъ нѣмецкаго городка Хемнитцъ, до конца жизни писавшій стихи на своемъ родномъ языкѣ, писалъ однако и первыя русскія басни (уродливыя басни Хераскова, явившіяся нѣсколько раньше, только по формѣ принадлежатъ къ этого рода произведеніямъ) несомнѣнно послужившія образцомъ баснямъ Крылова. Академія наша, выбравшая Хемницера своимъ сочленомъ, за два мѣсяца до его смерти,—за басни или и за его «Кобальтословіе» и другія сочиненія по горной части—не сдѣлала даже никакого «засѣданія» въ память этого даровитаго писателя. Впрочемъ, ей надо быть благодарнымъ и за то, что она, еще въ 1873 году, выпустила въ свѣтъ 37-е полное изданіе сочиненій и писемъ Хемницера, гдѣ помѣщены даже черновые наброски его басенъ и его записная книжка—изданіе вполнѣ академическое и прекрасно составленное.

Доисторическія находки г. Нефедова. На рѣкѣ Ветлугѣ, въ такъ называемомъ «Ветлужскомъ городищѣ», въ верстѣ отъ села Николо-Одоевскаго и деревни Мундура, г. Нефедовъ сдѣлалъ любопытныя открытія слѣдовъ каменнаго вѣка въ Россіи, именно, цѣлой «фабрики», на которой выдѣлывались разнаго рода предметы и домашняя утварь этой эпохи. Городище расположено на высокомъ мысѣ, и на вершинѣ его стоитъ древняя часовня. Цѣлое лѣто разрывали городище и на глубинѣ десяти футовъ, въ пластѣ перегорѣлаго песку и золы, нашли пять большихъ очаговъ или «пещищъ», въ которыхъ еще валялись куски не совсѣмъ перегорѣвшаго дерева. По сторонамъ очаговъ—ямы, въ которыхъ вѣроятно жили мастера; все городище наполнено углемъ, костями животныхъ, черепками глиняной посуды, кремнями и каменными орудіями, а въ мѣстахъ поглубже нашлись цѣлые склады кремневыхъ орудій. Производство шло, очевидно, на широкую ногу, и намъ осталась отъ этой «фабрики» еще цѣлая масса необработаннаго матеріала (кремень, черный сланецъ, розоватый песчанникъ и множество костей животныхъ). Найденныя издѣлія отличаются примитивностью работы: одни предметы почти безформенны, другіе хотя имѣютъ фигуру, но сдѣланы крайне грубо. Даже на мелкихъ вещахъ, требовавшихъ отъ мастера болѣе тонкой отдѣлки (пилки, стрѣлки, иглы, шила, рыболовные крючки) незамѣтно признаковъ полировки. Издѣлія изъ глины также носятъ первобытный характеръ обработки и свидѣтельствуютъ, что «древній человѣкъ» Приветлужья не зналъ еще гончарнаго искусства. Нигдѣ на Ветлугѣ нѣтъ каменныхъ породъ, собранныхъ на «фабрикѣ», и весь матеріалъ, очевидно, перетащенъ съ Унжи, для обработки его здѣсь посредствомъ огня. Кремень, подъ вліяніемъ каленья, обрабатывался въ надлежащую форму и, между прочимъ, въ форму стрѣлъ. Доисторическій человѣкъ Приветлужья жилъ, какъ и древнѣйшіе западные люди, у воды, въ ямахъ или землянкахъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ первобытнымъ оленемъ и пещернымъ медвѣдемъ. Занимался онъ охотой и рыболовствомъ, дѣлалъ себѣ украшенія и орудія изъ костей и камня; за обѣдомъ особенно любилъ высасывать мозгъ изъ костей убитаго звѣря. Зачатки ремеслъ и рукодѣлій существовали уже. Узоры и фигурки на глиняной посудѣ доказываютъ пробужденіе эстетическаго чувства; древнія дамы носили уже разноцвѣтныя серьги. Нашелъ г. Нефедовъ и два кремня, на которыхъ изображены человѣческія головы съ маленькими рожками.

Археологическія изслѣдованія. Въ послѣднемъ засѣданіи археологическаго общества дѣлали сообщенія: писатель В. В. Крестовскій—«о курганахъ Средней Азіи» и архитекторъ Султановъ—«о русскомъ храмѣ XVII вѣка». Г. Крестовскій передавалъ свои наблюденія надъ видѣнными имъ курганами. Первыя изъ курганныхъ насыпей встрѣчены имъ въ мѣстахъ, называемыхъ Голодной степью, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Ходжента, въ той мѣстности,

гдѣ находятся слѣды древнихъ арыковъ. Искусственное происхожденіе этихъ кургановъ можно наблюдать и теперь въ Бухарѣ. Всѣ эти курганы приходится встрѣчать только въ мѣстахъ населенныхъ или бывшихъ населенными. Курганы имѣютъ форму батареи, безъ рва, и фронтомъ обращены къ горамъ, къ востоку или юго-востоку. Очевидно, врагъ тѣснилъ азіатскихъ жителей съ горъ и эти курганы были ихъ сторожевыми укрѣпленіями. Сглаженная форма кургановъ встрѣчается и у насъ въ новороссійскихъ степяхъ. Образованіе кургановъ мѣстное преданіе относитъ ко временамъ Чингис-Хана, который, отправляясь въ походъ съ 60,000 войска, велѣлъ каждому воину насыпать по горсти земли, и тоже, возвращаясь съ похода, и, такимъ образомъ, высотою двухъ кургановъ измѣрить убыль въ своихъ войскахъ. Но эта легенда общая всѣмъ курганамъ. Кромѣ сторожевыхъ кургановъ, встрѣчаются часто курганы могильные и курганы кладбищенскіе. Послѣдніе служатъ кладбищами въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Въ оазисахъ, гдѣ земля очень дорога, начинали хоронить на ровномъ мѣстѣ сперва, а затѣмъ кладбище постоянно росло и ростетъ вверхъ. Есть еще курганы молотильные, предназначенные для молотьбы, исключительно находящіеся только въ оазисахъ. Великій князь Николай Константиновичъ, проводя арыкъ въ 70 верстахъ отъ Ташкента, при раскопкѣ одного кургана нашелъ нѣсколько весьма любопытныхъ браслетовъ оригинальной формы; браслеты изъ сплава въ родѣ бронзы, въ которомъ однако большая часть находится серебра. Браслеты и другіе предметы, найденные въ курганахъ, переданы въ ташкентскій музей. Г. Султановъ представилъ въ продолжительной бесѣдѣ интересный очеркъ русскаго искусства въ XVII вѣкѣ, самымъ типичнымъ выразителемъ котораго являются русскіе храмы.

† 26-го марта скончался, на 64-мъ году, нѣкогда извѣстный экономистъ **Иванъ Васильевичъ Вернадскій**. Онъ началъ свою ученую карьеру въ Кіевѣ, гдѣ получилъ среднее и высшее образованіе. Около десяти лѣтъ онъ занималъ каѳедру въ университетѣ св. Владиміра политической экономіи и статистики. Въ началѣ 50-хъ годовъ, перейдя на службу въ министерство финансовъ, онъ перенесъ также въ Петербургъ свою ученую дѣятельность и сталъ издавать еженедѣльный спеціальный журналъ, подъ названіемъ «Экономическій Указатель». Журналъ этотъ пользовался нѣкоторое время успѣхомъ. Кромѣ того, Вернадскій былъ долго усерднымъ дѣятелемъ вольно-экономическаго общества, сперва въ качествѣ предсѣдателя комитета грамотности, затѣмъ многіе годы — предсѣдателя политико-экономическаго комитета. Петербургскій климатъ надломилъ здоровье И. В. Вернадскаго и онъ вынужденъ былъ перейти на службу въ Харьковъ, гдѣ получилъ должность управляющаго конторою государственнаго банка. Послѣдніе годы жизни, при непрерывавшемся болѣзненномъ состояніи, со времени постигшаго его, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нервнаго удара, Вернадскій провелъ въ Петербургѣ.

† 7-го марта, въ кирхшилѣ Саммати, Нюландской губерніи, въ родной своей деревнѣ, умеръ, на 83-мъ году, писатель, поэтъ и извѣстный собиратель финской народной поэзіи **Эліасъ Ленротъ**. Онъ былъ окружнымъ врачомъ въ Каянѣ, затѣмъ профессоромъ финскаго языка и литературы въ гельсингфорскомъ университетѣ. Плодомъ его многолѣтняго труда было отысканіе извѣстной поэмы о приключеніяхъ баснословнаго финскаго героя Вейнемейнена. Эта поэма, названная «Калевалою», издана была финскимъ литературнымъ обществомъ въ 1835 году. Финская поэма извѣстна и русскимъ читателямъ по переводу Я. Грота. Кромѣ «Калевалы» Ленротъ издалъ еще обширный сборникъ лирическихъ финскихъ пѣсенъ, подъ названіемъ «Кантела». Отрывки изъ этого собранія также переведены на русскій языкъ. Послѣдніе годы жизни Ленротъ провелъ въ своемъ помѣстьѣ Лямми, въ томъ же приходѣ, гдѣ родился, и тамъ его посѣщали литераторы и ученые Финляндіи и

Швеціи. Онъ ввелъ въ финскій языкъ множество научныхъ терминовъ и издалъ «Финско-шведскій лексиконъ», надъ которымъ трудился болѣе 15-ти лѣтъ. За сочиненіе «О магической медицинѣ финновъ» онъ получилъ званіе доктора медицины. Онъ издавалъ народный журналъ «Пчела», составлялъ сочиненія по ботаникѣ и законовѣдѣнію и т. п. Финская литература потеряла въ немъ своего лучшаго дѣятеля.

† 12-го марта въ Парижѣ скончался извѣстный историкъ и деканъ французской академіи, **Франсуа-Огюстъ-Минье**. Онъ родился 1796 года въ городѣ Э, прошелъ тамъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ Тьеромъ, курсъ юридическихъ наукъ и въ 1818 году былъ принятъ въ сословіе адвокатовъ. Успѣхъ написаннаго имъ конкурснаго сочиненія: «De l'état du gouvernement de saint Louis et des institutions de ce prince», которое было признано академіею достойнымъ высшей преміи, побудилъ Минье отказаться отъ занятій адвокатурою и посвятить себя литературѣ. Въ 1821 году онъ переселился въ Парижъ, познакомился съ журналистами опозиціоннаго лагеря и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ либеральной газеты «Courrier Français». Въ 1830 году онъ перешелъ въ редакцію газеты «National», только-что основанной другомъ его Тьеромъ. Къ тому же періоду его дѣятельности относятся лекціи, читанныя имъ въ Athénée, и появленіе его знаменитой «Исторіи французской революціи». Въ этой книгѣ, написанной прекраснымъ слогомъ, отдѣльныя событія французской революціи впервые были приведены въ систему и между ними установлена органическая связь. Послѣ іюльской революціи, въ которой онъ принималъ участіе въ числѣ журналистовъ, протестовавшихъ противъ королевскихъ указовъ, Минье былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и получилъ мѣсто директора богатаго драгоцѣнными и важными матеріалами архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ 1832 по 1835 годъ Минье былъ членомъ палаты депутатовъ. При основаніи пятаго отдѣленія института (Académie des sciences morales et politiques), въ 1832 году, Минье былъ назначенъ сначала членомъ, а впослѣдствіи секретаремъ этого отдѣленія, членомъ же французской академіи — въ 1836 году. Остроумныя рѣчи, которыя были произнесены имъ въ качествѣ секретаря означеннаго отдѣленія института, напечатаны въ «Notices et mémoires historiques» (1843—1854). Минье издалъ также прекрасный трудъ: «Négociations relatives à la succession d'Espagne». Февральская революція лишила его мѣста, а послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года онъ отказался и отъ должности предсѣдателя историческаго комитета. Съ тѣхъ поръ Минье совсѣмъ удалился въ частную жизнь и посвятилъ себя исключительно историческимъ изслѣдованіямъ. Изъ сочиненій его особенное вниманіе обратили слѣдующія: «Antonio Perez et Philippe II» (1845), «Charles-Quint, son abdication, son séjour et sa mort au monastère de Yusti» (1854), «Histoire de Marie Stuart» (1850, 2 т.), «Rivalité de François I et de Charles-Quint» (1875).

† Надняхъ умеръ во Флоренціи замѣчательный итальянскій писатель и гражданинъ **Джіамбатиста Джуліани**, одинъ изъ послѣднихъ членовъ славной группы писателей-патріотовъ, которые поднятіемъ народнаго духа въ Италіи много содѣйствовали ея освобожденію и объединенію. Джуліани родился въ 1818 году въ Пьемонтѣ, воспитывался въ духовномъ училищѣ, и еще семнадцатилѣтнимъ юношей принялъ монашество. Девятнадцати лѣтъ онъ преподавалъ математику въ Римѣ, но усиленные труды надломили его силы и заставили переселиться въ Неаполь. Во время болѣзни онъ принялся изучать Данте и задался мыслью популяризовать нравственныя и политическія истины, извлеченныя изъ сочиненій великаго флорентинца. Онъ написалъ рядъ произведеній, которыя скоро поставили его въ главѣ коментаторовъ Данте. Когда началось политическое движеніе 1848 года, общій потокъ увлекъ и Джуліани. Онъ получилъ каѳедру философіи и литературы въ генуэзскомъ уни-

версптетѣ и пріобрѣлъ огромное вліяніе надъ молодежью, какъ членъ генуэзской ревизіонной юнты. Несмотря на то, что ему еще тогда не минуло требуемыхъ закономъ тридцати лѣтъ, Генуя его дважды избирала своимъ депутатомъ, но онъ оба раза отказывался. Когда въ Геную пришло извѣстіе объ изгнаніи 23-го марта 1848 года изъ Милана австрійцевъ, Джуліани одинъ изъ первыхъ бросился въ церковь, отслужилъ благодарственный молебенъ и произнесъ пламенную рѣчь. Влекомый пристрастіемъ къ родинѣ излюбленнаго поэта, Джуліани проводилъ каникулярное время въ странствованіи по тосканскимъ городамъ и селамъ, гдѣ изучалъ народный языкъ и собиралъ образцы народной поэзіи. Итальянская литература обогатилась его замѣчательными филологическими изслѣдованіями и книгой: «Moralità e poesia del vivente linguaggio toscano», которую итальянцы называютъ золотою. Съ освобожденіемъ въ 1859 года Тосканы, во Флоренціи былъ открытъ институтъ высшихъ наукъ, а въ немъ—«Каѳедра Божественной Комедіи». Послѣднюю отдали въ распоряженіе Джуліани. Онъ занималъ ее въ теченіи 25 лѣтъ, до самой смерти, публично изъясняя произведенія поэта, которому придавалъ большое воспитательное значеніе.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Совпаденіе малороссійскаго преданія съ испанскимъ романомъ.

Недавно мнѣ пришлось имѣть въ рукахъ нѣсколько книжекъ журнала «Кіевская Старина» за 1883 годъ; просматривая ихъ, я обратилъ вниманіе на помѣщенную въ іюльской книжкѣ этого журнала статью Ст. фонъ-Носа: «Украинскій Соломонъ, его кейфъ и судъ,—по фамильнымъ воспоминаніямъ». Это — маленькая исторійка о житьѣ-бытьѣ и правосудіи сотника мѣстечка Смѣлаго, близь Роменъ, Тарана. Послѣ разсказа о привольной, беззаботной жизни смѣлянскаго сотника въ былые дни гетманщины, авторъ приводитъ случай, утвердившій за сотникомъ Тараномъ названіе украинскаго Соломона.

Правосудіе сотника, давшее ему такое почетное названіе, выразилось по поводу слѣдующаго событія.

Въ то время, когда сотникъ Таранъ, по обыкновенію своему, наслаждался на ганку стамбулкою, къ нему явилась дівчина Гапка Левандівна съ жалобой на Корнія Заволоку, который будто бы обезчестилъ ее. Первый вопросъ сотника заключался въ предложеніи, согласится ли она, послѣ такого безчестія, выйти замужъ за обидчика? Но та съ негодованіемъ отвергнула это предложеніе и выразила требованіе взыскать съ него за безчестіе. Сотникъ вызвалъ къ себѣ Заволоку и присудилъ его къ уплатѣ пострадавшей двадцать золотыхъ. На другой день Заволока безотговорочно внесъ сотнику присужденную сумму. Деньги, разумѣется, тотчасъ же были выданы Гапкѣ, которая, внѣ себя отъ радости, спрятала ихъ за пазуху и, поблагодаривъ сотника, поспѣшила къ себѣ домой; но едва она скрылась, какъ сотникъ призываетъ къ себѣ Заволоку и приказываетъ ему какъ можно скорѣе бѣжать за Гапкой и отнять отъ нея свои деньги, причемъ сотнику, конечно, не пришлось долго уговаривать Заволоку. Бросившись стремглавъ за Гапкой, онъ живо ее нагналъ и прямо къ ней за пазуху; но та съ силой оттолкнула его отъ себя и мигомъ пустилась къ сотницкому крыльцу.

— Такъ отъ, добродію,—начала она:—якъ вінъ шануется! Що ему ваша, выбачайте, кара? Тільки я за двіръ, а вінъ за мною, та заразъ до пазухи, та трохи грошей не выдеръ.

— И щожъ, отнявъ? спросилъ сотникъ.

— Эге, отнявъ! Я якъ штурхнула ёго, то вінъ и тину доставъ.

— Ну, а тоді... чомъ же ты не штурхнула ёго, якъ вінъ теечки, якъ ёго!?

Лавадівна и глаза потупила.

— Ну, небого, давай же назадъ гроши! Да впередъ не скачи, а то звелю пелену тобі подрізать и голову дегтемъ вымазать, та ще и пірья натыкать. Така тобі буде честь!..

Такимъ образомъ, сотникъ призналъ, что если Гапка не допустила Заволоку ограбить ее, то, конечно, она могла защитить и честь свою. Неосновательность обвиненія сдѣлалась очевидною, и потому сотникъ, подозвавъ къ себѣ Заволоку, тотчасъ же возвратилъ ему двадцать золотыхъ съ должнымъ наставленіемъ, какъ слѣдуетъ казаку держать себя предъ дівчинами, подобными Гапкѣ.

Мѣстный дьячекъ, узнавъ о такомъ правосудномъ рѣшеніи сотника Тарана, произвелъ его въ «украинскіе Соломоны», «и съ легкой руки дьячка— заключаетъ авторъ свой разсказъ — утвердилось за сотникомъ смѣлянскимъ, Тараномъ, названіе украинскаго Соломона, и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи»...

Разсказъ этотъ, основанный, по увѣренію автора, на фамильныхъ воспоминаніяхъ, обращаетъ на себя вниманіе потому, что точно такое же событіе передано въ извѣстномъ испанскомъ романѣ Сервантеса —«Донъ Кихотъ Ламанчскій» (ч. II, глава XLV, стр. 342—345, перев. Карелина, Спб. 1866 г.)— и притомъ съ такимъ сходствомъ, что даже сумма вознагражденія потерпѣвшей въ томъ и другомъ случаѣ одинакова — 20 золотыхъ монетъ; разница оказывается лишь въ томъ, что въ романѣ «Донъ Кихотъ» мѣсто дѣйствія и дѣйствующія лица другія, а именно, событіе происходитъ на островѣ Бараторія, а вмѣсто сотника новымъ Соломономъ является губернаторъ острова, бывшій оруженосецъ Донъ Кихота, Санчо Пансо.

Чѣмъ объяснить такое совпаденіе разсказа изъ жизни малороссійскаго сотника съ однимъ изъ событій, вышедшимъ изъ-подъ пера даровитаго испанскаго романиста? Малороссійское ли преданіе позаимствовано изъ испанскаго романа, или же — чтò едва ли, впрочемъ, возможно допустить — до испанскаго романиста дошло извѣстіе о распространенной въ Малороссіи легендѣ о правосудіи сотника, или, наконецъ, не есть ли это простое, чисто случайное совпаденіе?

Не задаваясь мыслію разрѣшать эти недоумѣнія, я указываю лишь на весьма странное совпаденіе между малороссійскимъ преданіемъ временъ гетманщины и испанскимъ романомъ, появившемся въ свѣтъ въ 1604 году.

М. Городецкій.

Новыя дополненія къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей.

Къ помѣщеннымъ мною въ «Историческомъ Вѣстникѣ» матеріаламъ для составленія словаря псевдонимовъ русскихъ писателей я считаю не лишнимъ добавить слѣдующіе псевдонимы и буквенныя подписи, собранныя мною за послѣднее время:

А.

А. Б. («Новое Время» 1883 г.) — А. Н. Масловъ.

А. В. В. (книга: «Митрополитъ сербскій Михаилъ», 1882 г.) — А. В. Васильевъ.

А. В—щ—н—к. («Вѣстн. Евр.» 1883 г.) — Ѳ. С. Стулли.

Александръ С. («Петерб. Лист.») — А. А. Соколовъ.

Анна Барвинокъ (малорос. пов.) — Александра И. Кулишъ.

А. Ѳ. Р. («Русск. Стар.» 1883 г.) — А. Ѳ. Рейнботъ.

Б.

Б. Д. («Нов. Вр.», № 2638) — К. Э. Веберъ.

Б. Д. В. («Искусство» и др.) — онъ же.

В.

В. Ан. («Записки учителя») — В. И. Анофріевъ.

В. Б. («Нов. Время») — В. П. Буренинъ.

В. К. (сельскохоз. журналы) — В. И. Ковалевскій.

Вл. С—въ («Нов. Время» 1883 г.) — В. С. Соловьевъ.

Волжановъ Д. («Искусство») — Д. Н. Садовниковъ.

В. П. («Ребусъ») — В. Прибытковъ.

Г.

Г—довъ («Сарат. Дневн.») — Т. И. Герольдовъ.

Графъ Биберштейнъ (малор. пов.) — Ф. Левицкій.

Гриневичъ Н. («Русск. Богат.») — Н. Алексѣевъ.

Д.

Другъ Кузьмы Пруткова («Гражданинъ» 1878 г., № 23—25) — Ѳ. М. Достоевскій.

Дядя Митяй («Осколки») — Д. Д. Тогольскій.

Е.

Е. Г—нъ («Рос. Библіогр.», № 98) — Е. М. Гаршинъ.

Ж.

Жанристъ («Литерат. Журн.») — Д. Н. Садовниковъ.

И.

Иванъ Нечуй (малор. пов.) — И. С. Левицкій.

И. Пл. («Записки учит.») — И. А. Плетневъ.

К.

К. Г. («Сарат. Лист.») — И. П. Горизонтовъ.

Кирилловъ («Карм. словарь иностр. словъ», Спб. 1845—1846 г.) — М. Буташевичъ-Петрашевскій.

Кіевскій («Иллюстр. Міръ») — С. А. Бердяевъ.

Кн. Е. Г—на («Воспомин. о Крымѣ», М. 1881 г.) — кн. Е. Гагарина.

Кохнивченко (малор. пов.) — Г. Клейфъ.

Л.

Л. А. («Голосъ») — Л. Н. Антроповъ.

Линейкинъ (малор. пов.) — М. Туловъ.

М.

М—ій («Отеч. Зап.» 1857 г., № 8) — Ѳ. М. Достоевскій.

М. К. («Записки учит.») — М. Н. Казецкая.

М. С. («Вѣстн. Евр.») — М. М. Стасюлевичъ.

М—скій С. («Землед. Газ.») — С. А. Марковскій.
Муха («Пет. Лист.») — А. Плещеевъ.

Н.

Н. А. Вроцкій («Рус. Рѣчь») — Навроцкій А. А.
Не-гомеопатъ («Нов. Время» 1881 г.) — А. М. Бутлеровъ.
Нелидова («Вѣстн. Евр.») — г-жа Ломовская.
Николай Ивановъ («Оса» и др.) — Н. И. Шульгинъ.
Н. Ш—въ («Дѣло») — Н. В. Шелгуновъ.
Н. Щ. («Записки учит.») — Н. И. Щедровъ.
N. («Новости» 1883 г., ст. «Наши артисты въ Италіи») — А. Поповъ.
N. («С.-Петерб. Вѣд.» 1873 г., № 23) — А. И. Сомовъ.

О.

О. А. Охтенская («Иллюстр. Міръ») — О. А. Лепко.
Онисимъ Черянскій («Буд.») — Ч. Ч. Ясинскій.

П.

П. Л. («Сарат. Лист.») — П. Лебедевъ.
П. Н. Т. («Вѣстн. Изящ. Иск.») — П. Н. Петровъ.
Посторонній («Отеч. Зап.») — Н. К. Михайловскій.
П. П. Г—чъ («Нива») — П. П. Гнѣдичъ.

Р.

Радда-Бай («Рус. Вѣстн.») — Е. П. Блаватская.
Рускинъ Л. («Новости») — Н. Н. Фирсовъ.
Р. Ч. («Морск. Сборн.» 1860—1874 г.) — А. В. Фрейтангъ.
Р. Ч—ъ («Морск. Сборн.») — онъ же.

С.

Сергѣй Занова («Гудокъ») — С. Н. Терпигоревъ.
—скій. («Кіевлянинъ») — П. Савлучинскій.
С. Ф. П. («Искусство» 1883 г.) — С. Ф. Пивоваровъ (актеръ).
Сѣверовъ Н. («Иллюстр. Міръ») — Л. П. Турба.

Ф.

Фру-Фру («Развлеч.») — Т. П. Герольдовъ.
Ф. Ч. («Нов. Время» 1883 г.) — Ѳ. В. Вишневскій.

Ч.

Чехонте (юморист. журн.) — А. П. Чеховъ.

Ш.

Шардинъ А. (Соврем. журн.) — П. П. Сухонинъ.

Э.

Эль («Сарат. Лист.») — Н. В. Лебедевъ.
Эсъ Гэ («Волга» и «Сар. Лист.») — С. В. Гусевъ.

Ю.

Юсковскій («Церк.-Общ. Вѣстн.») — И. Д. Павловскій.

Ѳ.

Ѳ. И. («Изв. Слав. Бл. Общ.») — Ѳ. М. Истоминъ.

Въ помѣщенный въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1883 годъ списокъ псевдонимовъ вкрались слѣдующія опечатки: вмѣсто А. Жикмонъ слѣдуетъ А. Жакмонъ; вмѣсто Иванъ Краткій — Иванъ Кроткій; вмѣсто И. Иванютенковъ — И. Иванющенковъ.

Вячеславъ Катеневъ.

АНТИЧНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ П. А. САБУРОВА.

Судьба коллекціи П. А. Сабурова, бывшаго русскаго посла въ Берлинѣ, занимавшая недавно всѣхъ любителей и знатоковъ античнаго искусства, рѣшена, наконецъ. Администрація нашего Эрмитажа очень хлопотала о пріобрѣтеніи собранія терракоттъ изъ этой коллекціи и хлопоты ея увѣнчались успѣхомъ. Въ то время какъ берлинскій музей успѣлъ купить всѣ Сабуровскіе мраморы, вазы и бронзы, по словамъ «Художественныхъ Новостей», заплативъ за нихъ баснословную цѣну, всѣ терракоты остались за нами. Число всѣхъ предметовъ, купленныхъ Эрмитажемъ за сто тысячъ рублей, простирается до 233. Кромѣ теракоттъ, въ этомъ числѣ есть нѣсколько другихъ древностей, какъ формы для оттискиванія мелкихъ барельефовъ изъ глины, маски, стеклянные сосуды и египетскіе предметы.

Безъ сомнѣнія, нельзя не порадоваться пріобрѣтенію такого художественнаго сокровища. И это не только изъ чувства патріотизма. Такимъ сокровищемъ имѣющаяся въ Эрмитажѣ коллекція антиковъ подобнаго рода значительно пополнится и вмѣстѣ съ Сабуровскими терракоттами составитъ такое собраніе этихъ памятниковъ искусства, какого нѣтъ нигдѣ въ мірѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, чтò содержится въ коллекціи г. Сабурова, всѣ европейскіе авторитéты по части классическаго искусства признали ея высокое историко-культурное значеніе. Такіе знатоки, какъ Любке и Курціусъ, поспѣшили познакомить съ ней ученый и художественный міръ Европы. Г. Сабуровъ самъ помогъ имъ въ этомъ, предложивъ въ прошломъ году изданіе снимковъ съ памятниковъ, входящихъ въ составъ коллекціи. Ученое обозрѣніе ея взялся исполнить докторъ Фуртвенглеръ; рисунки—мастеръ по этой части, Эйхлеръ, а техническая сторона изданія обезпечена извѣстностью фирмы Ашера. Теперь уже появились четыре выпуска этого «Sammlung Sabouroff» или «La Collection Sabouroff». Всѣхъ выпусковъ предполагается пятнадцать, въ каждомъ изъ нихъ помѣщается по десяти таблицъ.

Собраніе это отличается отъ всѣхъ подобныхъ ему во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно составлено прямо на мѣстѣ, въ бытность г. Сабу-

рова въ Аѳинахъ, и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ произведенія подлиннаго греческаго искусства. Во вторыхъ, въ коллекціи встрѣчаются всевозможные виды антиковъ: памятники скульптуры изъ мрамора, рельефы изъ мрамора, бронзы, терракотты и росписныя вазы, а равно въ ней имѣютъ своихъ представителей всѣ вѣка и художественныя школы, къ тому же въ превосходныхъ образцахъ. Въ третьихъ, наконецъ, образцы выбраны изъ массы художественныхъ произведеній съ явнымъ вкусомъ и знаніемъ дѣла, такъ что тутъ нѣтъ ни одной вещи, которая не была бы замѣчательна или по своему изяществу, или же для исторіи искусства.

По вышедшимъ выпускамъ описанія коллекціи, содержащимъ сорокъ таблицъ, можно составить себѣ полное понятіе о коллекціи. Виньетки здѣсь рѣзаны на деревѣ; росписныя вазы воспроизведены хромолитографически въ ихъ натуральную величину, съ передачей по возможности точно штриховъ и тоновъ колорита; для произведеній скульптуры примѣнена геліогравюра, тоже сдѣлано и относительно нѣкоторыхъ статуэтокъ изъ обожженной глины, въ которыхъ краска имѣетъ малое значеніе. Остальныя терракотты воспроизведены въ чертахъ съ помощью camera obscura, а затѣмъ рисунки и раскрашиваніе исполнены отъ руки съ соблюденіемъ тоновъ краски, сохранившихся въ оригиналахъ. Но суть, однако, не только въ пріятной для глазъ красотѣ предметовъ коллекціи.

Послѣдняя вводитъ современнаго изучателя въ самую глубь античной жизни, наглядно доказывая, насколько памятники искусства должны служить необходимымъ дополненіемъ и разъясненіемъ писаннаго преданія. Исторія Греціи намъ можетъ быть извѣстна съ начала до конца ея, но самый народъ остается для насъ чуждымъ, когда рѣчь идетъ только о государственныхъ людяхъ и полководцахъ его, о войнахъ и государственныхъ преобразованіяхъ, о побѣдахъ и пораженіяхъ. Все это оказывается лишь экстраординарнымъ, необычайнымъ, исключительнымъ. И понятно почему. Греческіе писатели не имѣли никакого повода описывать заурядную и обыденную жизнь своихъ соотечественниковъ, стараясь лишь о занесеніи въ свои лѣтописи выдающихся фактовъ и нисколько не заботясь о чужеземцахъ или о позднѣйшемъ потомствѣ. Если и встрѣчаются свидѣтельства о внутреннемъ бытѣ народномъ, какъ у Ѳукидита, впервые начавшаго подумывать о потомствѣ, то они касаются главнымъ образомъ перемѣнъ, постигавшихъ жизнь народную вслѣдствіе международныхъ войнъ и партійныхъ распрей. Все это — симптомы упадка, патологическія явленія. Объ условіяхъ же нормальной жизни въ древности не сохранилось никакихъ писанныхъ преданій. И тамъ, гдѣ исторія молчитъ, должны явиться ей на помощь памятники искусства. Такими-то памятниками, отражающими національную жизнь, независимо отъ внѣшнихъ перемѣнъ, богата коллекція г. Сабурова.

Г. Сабуровъ составлялъ ее въ то время, когда производились раскопки въ Танагрѣ, пролившія новый свѣтъ на эллинское искусство. Тутъ оказалась масса статуэтокъ изъ обожженной глины, изъ которыхъ каждая была исполнена художественно и которыя по виду отличались неисчерпаемымъ разнообразіемъ. По нимъ уже можно было судить, насколько изобразительное или, какъ его принято называть, образовательное искусство составляло дѣйствительно достояніе народа во всей Греціи. Терракотты изъ Танагры находятся теперь въ большинствѣ европейскихъ музеевъ и во многихъ частныхъ коллекціяхъ, но въ составъ собранія г. Сабурова вошли наилучшіе ихъ образцы,

отличающіеся красотой, разнообразіемъ сюжетовъ и превосходной сохранностью. Эта галлерея танагрскихъ статуэтокъ пополнена сверхъ того подобными же произведеніями искусства изъ другаго Бэотійскаго города, Коринеа, и изъ Малой Азіи. Это—или отдѣльныя фигуры, или цѣлыя группы, образно представляющія намъ различныя стороны домашняго быта, жизнь женщины и молодой дѣвушки, игры дѣвическія съ ихъ маленькими радостями и непріятностями. Вотъ, напримѣръ, двѣ дѣвушки состязаются въ игрѣ въ мячъ. По древнему обычаю, побѣжденная должна нести на спинѣ побѣдительницу, держащую мячъ въ рукѣ. Изъ числа извѣстныхъ того же типа терракоттъ образчикъ г. Сабурова — наилучшій, по мнѣнію Фуртвенглера. Въ такихъ-то образцахъ предъ нами раскрывается жизнь молодыхъ гречанокъ IV вѣка до Р. X. Онѣ выступаютъ предъ нами съ своими голубыми глазами и русыми волосами; мы видимъ ихъ движенія, ихъ одѣянія; мы узнаемъ, какой цвѣтъ предпочитали онѣ для каждой части своей одежды, какъ красиво дѣлали онѣ складки на платьѣ, какъ ловко сидѣли шляпы на ихъ головкахъ, какія у нихъ были прически. Но это только внѣшность, свидѣтельствующая о вкусѣ гречанокъ, умѣвшихъ устранять все некрасивое съ тактомъ и съ врожденнымъ чувствомъ благородства и простоты. Изъ терракоттъ мы узнаемъ и еще кое-что поважнѣе. Это—изящность во всемъ: во взглядѣ, въ движеніяхъ и осанкѣ. Все здѣсь кажется гармоничнымъ и въ мѣру, что, разумѣется, безъ высокой степени умственнаго и нравственнаго образованія было бы немыслимо.

И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ терракоттахъ есть аттрибуты, указывающіе на высшую степень умственнаго образованія прекрасной половины эллиновъ. Вотъ дѣвушка сидитъ задумчиво и читаетъ или пишетъ что-то на вощаной доскѣ. А вотъ другая держитъ въ лѣвой рукѣ лиру, а правая поднята съ живостью, какъ бы въ знакъ того, что ея настроеніе идетъ отъ сердца. Здѣсь чувствуется родина Коринны, обучавшей юнаго Пиндара лирическому искусству. Не безъизвѣстно, что въ средѣ эолійцевъ, населявшихъ Бэотію, женщины состязались съ мужчинами въ поэзіи и музыкѣ.

Коринескія терракотты имѣютъ свои особенности. Насколько танагріянки идилличны, настолько въ кориноянкахъ видно какое-то величіе, умѣющее возвысить и облагородить ничтожное. Такъ, къ коринескимъ терракоттамъ принадлежитъ вышеупомянутая группа играющихъ въ мячъ; изъ Коринеа же идутъ терракотты, представляющія двухъ подругъ, рядомъ стоящихъ, изъ которыхъ одна упирается рукой на плечо другой. Эта группа въ изданіи г. Сабурова снята дважды — геліографически и на камнѣ. Въ ней тонко охарактеризованъ психологическій мотивъ. Видно, что подруги или сестры внутренно льнутъ одна къ другой и взаимно дополняютъ другъ друга. Болѣе слабая ищетъ опоры въ спутницѣ, смотрящей вдаль съ нѣкоторой гордой увѣренностью.

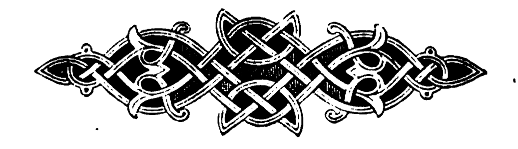
Открытія, которыми обязана современная наука раскопкамъ греческихъ могилъ, только-что начались. Важнѣйшія могилы еще не тронуты; но уже теперь по добытымъ памятникамъ искусства греческая жизнь представляется наглядно. Да и самое искусство оказывается инымъ по сравненію съ тѣмъ, какъ оно существовало въ тѣ времена, когда на государственный счетъ воздвигались мраморные храмы съ ихъ монументами, долженствовавшіе свидѣтельствовать о богатствѣ греческихъ городовъ и высотѣ ихъ художественнаго образованія. Здѣсь же, въ разсматриваемыхъ памятникахъ, искусство

является такое, какимъ мы не знали его у древнихъ грековъ,—искусство не публичное, не религіозное, а именно непосредственно соприкасающееся съ обыденной жизнью.

Большое значеніе имѣютъ въ коллекціи г. Сабурова и глиняные сосуды, найденные въ могилахъ: чаши, кувшины, сосуды для масла. Все это составляетъ натуральный символъ насущныхъ потребностей въ питьѣ и омовеніи, предполагаемыхъ у отошедшихъ въ вѣчность. Имѣется цѣлый рядъ глиняныхъ сосудовъ, изготовленныхъ нарочито при погребеніи покойниковъ, а также и множество нижнеиталійскихъ вазъ съ изображеніемъ умершихъ. Въ коллекціи г. Сабурова, послѣ терракоттъ, росписныя вазы—едва ли не самые краснорѣчивые памятники античной народной жизни, воспроизводящіе образно и наглядно семейный бытъ грековъ. Таковъ, напримѣръ, превосходный экземпляръ свадебной вазы. Невѣста изъ родительскаго дома переходитъ въ домъ жениха. Неподвижная какъ статуя, она въ объятіяхъ у жениха на колесницѣ, которой правитъ одинъ изъ его друзей. Затѣмъ видны факелы; ихъ держитъ мать невѣсты. Впереди вырисовывается новый домъ, хозяйка котораго съ двумя факелами вышла навстрѣчу къ молодой, а за старой хозяйкой этого дома виденъ хозяинъ со скипетромъ, въ знакъ своего главенства.

Вообще, художественныя произведенія, собранныя г. Сабуровымъ, значительно расширяютъ кругозоръ нашихъ познаній античнаго міра, ближе знакомя насъ съ жизнью древнихъ грековъ, чѣмъ это было доступно до открытія подобнаго рода памятниковъ. Не слѣдуетъ забывать, что изученіе классическаго міра сдѣлало большіе успѣхи съ первыхъ десятилѣтій нынѣшняго столѣтія главнымъ образомъ потому, что классическія страны стали изслѣдоваться въ культурномъ отношеніи, чему помогло, помимо вновь открытыхъ письменныхъ свидѣтельствъ на мѣди и на камнѣ, тщательное изученіе всѣхъ большихъ и малыхъ памятниковъ искусства въ связи съ ихъ мѣстной отчизной. Образцы этихъ памятниковъ въ коллекціи г. Сабурова доставляютъ яркую и разностороннюю иллюстрацію жизни древнихъ, и въ этомъ отношеніи они должны занять почетное мѣсто въ нашемъ главномъ хранилищѣ художественныхъ произведеній.

Ѳ. В.



нулъ головой. Затѣмъ онъ оставилъ виллу; Лоренцо не приказалъ вернуть его.

Клара слышала изъ сосѣдней комнаты бо́льшую часть разговора и съ трудомъ могла сдержать себя. Еще въ тотъ моментъ, когда Саванарола заявилъ о своемъ первомъ условіи, она должна была употребить невѣроятныя усилія, чтобы остаться на мѣстѣ, и кусала себѣ губы до крови, чтобы подавить вспышку гнѣва. Вслѣдъ дъ за тѣмъ, она узнала въ чемъ заключалось второе условіе и взялась за ручку двери съ намѣреніемъ поддержать больнаго въ его сопротивленіи. Рѣшительный тонъ, съ какимъ говорилъ Лоренцо, успокоилъ ее; она не сомнѣвалась, что заносчивый монахъ не достигнетъ своей цѣли.

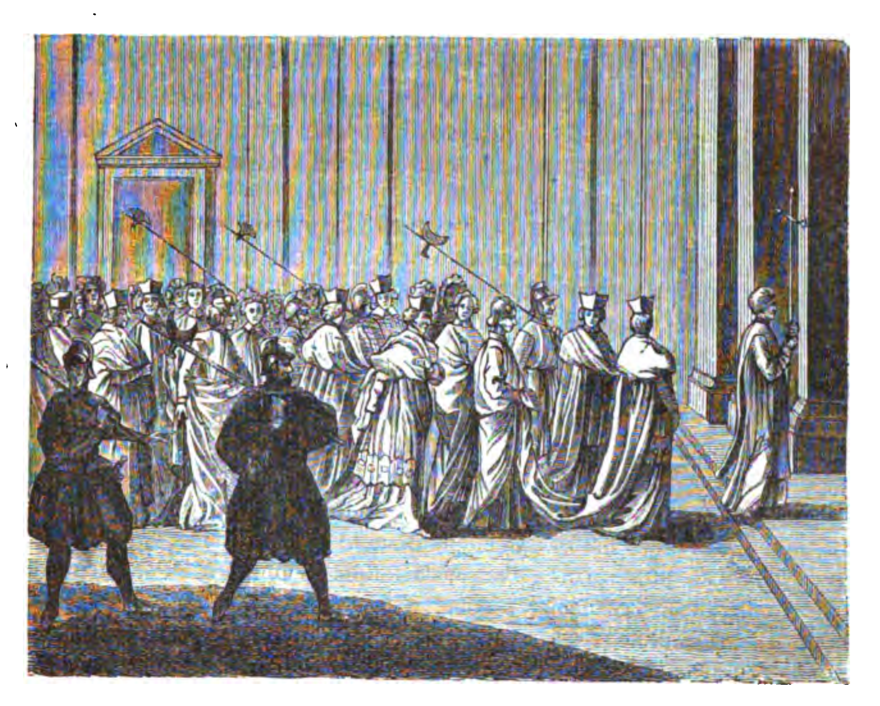
Едва удалился Саванарола, какъ она поспѣшно вошла въ комнату больнаго, съ намѣреніемъ благодарить Лоренцо за его твердость и сказать ему въ утѣшеніе, что Саванарола, при своемъ сума́сбродствѣ, не можетъ считаться истиннымъ представителемъ Бога на землѣ. Но слова замерли на ея устахъ, потому что, взглянувъ на больнаго, она съ безпокойствомъ замѣтила, что глубокое нравственное потрясеніе окончательно истощило его силы. Не теряя ни одной минуты, она позвала ученаго врача, который тотчасъ же явился, чтобы оказать возможную медицинскую помощь. Клара не сочла нужнымъ сообщать ему какія либо подробности о свиданіи ея мужа съ настоятелемъ монастыря Санъ-Марко, такъ какъ знала заранѣе, что Пико де-Мирандола не будетъ на сторонѣ Лоренцо.

Въ то время, какъ Джироламо Саванарола возвращался въ свой монастырь, ученый врачъ долженъ былъ убѣдиться въ полной безпомощности всякихъ медицинскихъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился еще разъ примѣнить свое искусство и приготовилъ для больнаго подкрѣпляющее лекарство, въ надеждѣ поддержать исчезающую жизнь; но все было напрасно. Лоренцо Медичи умеръ на его рукахъ послѣ непродолжительной агоніи.

Клара сохранила присутствіе духа, несмотря на постигшую ее тяжелую потерю. Она подробно передала своему старшему сыну Пьетро разговоръ Лоренцо съ Саванаролой и взяла съ него слово, что онъ поставитъ задачей своей жизни идти по тому же пути, какъ его отецъ, и будетъ больше всего заботиться о возвеличеніи дома Медичи. Съ своей стороны Пьетро торжественно обѣщалъ у трупа своего отца исполнить этотъ священный завѣтъ и не отступать ни передъ чѣмъ для достиженія цѣли.

Пышность погребальныхъ церемоній соотвѣтствовала высокому положенію, которое Лоренцо занималъ во Флоренціи, и служила очевиднымъ доказательствомъ, что фамилія Медичи не придаетъ никакого значенія тому обстоятельству, что онъ умеръ безъ причастія. У Саванаролы было не мало ожесточенныхъ противниковъ, готовыхъ напутствовать покойника въ могилу и дать разрѣшеніе

грѣховъ, въ которомъ настоятель Санъ-Марко отказалъ умирающему. Такимъ образомъ произнесено было не мало молитвъ за упокой души Лоренцо и отслуженъ не одинъ Requiem, на которые толпами стекались жители Флоренціи. Вскорѣ надъ его могилой поставленъ былъ великолѣпный памятникъ, исполненный мастерской рукой Вероччіо, который доказалъ флорентинцамъ, что домъ Медичи по внѣшнему блеску можетъ по прежнему затмить всѣ другія знатныя фамиліи ихъ города.



Собраніе конклава (Picart: Cérémonies reigiensis).

ГЛАВА IX.

Свадьба Лодовико Моро.

Почти одновременно съ Лоренцо Медичи умеръ папа Иннокентій VIII, смерть котораго послужила поводомъ къ недостойнымъ интригамъ во время избранія преемника святаго престола. Рѣшеніе зависѣло отъ средствъ, какими могли располагать претенденты для подкупа кардиналовъ; переговоры велись открыто и съ замѣчательнымъ безстыдствомъ. Само сабой разумѣется, что всѣ фамиліи, имѣвшія какое либо отношеніе къ Риму, находились въ лихорадочномъ волненіи и ожидали съ безпокойствомъ и страхомъ избранія новаго папы. Не удивительно, что и семья Медичи отчасти забыла свое горе о смерти Лоренцо и слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за собраніемъ конклава въ Римѣ, отъ котораго зависѣло рѣшеніе занимавшаго всѣхъ вопроса. Помимо того, что мужъ Маддалены могъ имѣть нѣкоторыя опасенія относительно неправильно пріобрѣтеннаго имущества, которымъ онъ былъ обязанъ покойному папѣ,

вопросъ объ избраніи новаго близко касался будущности молодаго кардинала Джьованни Медичи.

Побѣда осталась за испанскимъ кардиналомъ Родриго Борджіа, который по колоссальному богатству превосходилъ всѣхъ своихъ противниковъ. Онъ вступилъ на престолъ св. Петра подъ именемъ папы Александра VI.

Этотъ выборъ вполнѣ удовлетворилъ Клару Медичи, потому что возвышеніе Родриго Борджіа имѣло особенно важное значеніе для фамиліи Орсини и открывало новые пути для ея честолюбія. Самый фактъ, что такая знатная фамилія, какъ Орсини, съ такимъ великимъ прошлымъ, основывала свои надежды на преступной связи женщины изъ ихъ дома съ кардиналомъ, вступившимъ на папскій престолъ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ безграничной власти тогдашняго папства.

Фамилія Борджіевъ, кромѣ богатства, славилась своей знатностью. Къ ихъ роду принадлежалъ папа Каликстъ III, при которомъ эта испанская фамилія водворилась въ Римѣ къ неудовольствію древнихъ римскихъ домовъ Колонна и Орсини. Родриго на двадцать пятомъ году своей жизни былъ возведенъ въ санъ кардинала, и когда, вслѣдъ за тѣмъ, умеръ его братъ, также занимавшій видную должность и обладавшій огромными богатствами, то онъ наслѣдовалъ все его имущество и сдѣлался черезъ это однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ кардиналовъ.

Всѣмъ было извѣстно въ Римѣ, что новый папа ведетъ веселый образъ жизни въ дурномъ значеніи этого слова, такъ какъ уже много лѣтъ, забывая свой высокій духовный санъ, онъ проводилъ время среди роскошныхъ пировъ и давалъ богатую пищу скандальной хроникѣ. Равнымъ образомъ ни для кого не было тайной, что у него было нѣсколько дѣтей отъ красивой римлянки по имени Ваноцца де-Катанеи, изъ которыхъ старшій сынъ Чезаре и дочь Лукреція были почти взрослые. Родриго, еще до своего избранія въ папы, съ помощью богатаго приданаго выдалъ замужъ Ваноццу за одного уроженца Мантуи, получившаго при этомъ должность камераріа при папскомъ дворѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, Родриго Борджіа вступилъ въ дружескія сношенія съ синьорой Адріаной изъ фамиліи Борджіа, вдовой одного изъ представителей дома Орсини, и поручилъ ей воспитаніе своей дочери Лукреціи. Синьора Адріана была умная женщина и не сомнѣвалась, что кардиналъ Борджіа хотя и можетъ находить удовольствіе въ ея обществѣ, но по своему ненасытному сластолюбію не удовлетворится этимъ и будетъ искать другихъ связей; поэтому она сама свела его съ женой своего роднаго сына, прекрасной и молодой Джуліей Орсини, изъ дома Фарнезе. Кардиналъ встрѣтилъ Джулію незадолго до ея свадьбы въ домѣ синьоры Адріаны. Джулія, благодаря своей необыкновенной красотѣ, была извѣстна въ Римѣ подъ названіемъ

«la Bella». У ней были золотистые бѣлокурые волосы, большіе темноголубые глаза и прекрасныя правильныя черты лица; при этомъ, по отзывамъ ея современниковъ, она была такъ хорошо сложена, что и въ этомъ отношеніи никто не могъ найти въ ней ни малѣйшаго недостатка. Неизвѣстно, когда собственно это юное прелестное существо попало въ руки развратнаго Родриго Борджіа: случилось ли это до ея брака вслѣдствіе сводничества Адріаны, или она возбудила чувственность пятидесяти восьмилѣтняго кардинала въ тотъ день, когда стояла передъ нимъ въ его дворцѣ невѣстой Орсини, во всемъ блескѣ красоты и молодости? Но одно несомнѣнно, что Джулія послѣ немногихъ лѣтъ супружества сдѣлалась открыто любовницей Родриго Борджіа. Синьора Адріана покровительствовала этимъ постыднымъ отношеніямъ, потому что это давало ей возможность быть самой могущественной и вліятельной особой въ домѣ кардинала, а затѣмъ при папскомъ дворѣ.

Если достиженіе высшаго духовнаго званія въ христіанскомъ мірѣ зависѣло отъ суммы, какую могли дать соискатели папскаго престола, то мудрено ли, что всѣ другія церковныя должности выставлялись на продажу. Понятіе о женской чести и добродѣтели не играло никакой роли, когда дѣло шло о блестящей будущности, власти или пріобрѣтеніи богатствъ.

Кардиналъ Борджіа выдалъ замужъ свою прежнюю любовницу, Ваноццу, чтобы отстранить препятствіе къ достиженію папскаго престола, такъ какъ она была матерью его дѣтей, которыя съ этого времени должны были считаться его племянниками и племянницами. Разсчетъ умной Адріаны былъ вполнѣ вѣренъ, когда она, вслѣдъ за тѣмъ, обратила взоры будущаго папы на прекрасную Джулію Фарнезе; а кто умѣлъ хорошо разсчитывать, тотъ могъ всегда занять видное мѣсто при папскомъ дворѣ, гдѣ это качество цѣнилось выше другихъ добродѣтелей.

Въ день папскаго избранія, три женщины: Ваноцца, прежняя возлюбленная кардинала, Джулія Орсини, его новая возлюбленная, и синьора Адріана, воспитательница Лукреціи, возсылали пламенныя молитвы къ небу и давали всевозможные обѣты Мадоннѣ въ томъ случаѣ, если выборъ падетъ на Родриго Борджіа. Подобный фактъ достаточно краснорѣчивъ самъ по себѣ. Если мы взвѣсимъ отношенія кардинала Борджіа къ этимъ тремъ женщинамъ и мотивы, какіе могли руководить ими въ данномъ случаѣ, то получимъ наглядное представленіе о печальномъ состояніи церкви и той путаницѣ, какая господствовала тогда въ религіозныхъ воззрѣніяхъ.

Родриго Борджіа дѣйствительно одержалъ верхъ надъ другими соискателями папскаго престола. Большинство голосовъ было на его сторонѣ, но, чтобы обезпечить за собой побѣду, ему необходимо было заручиться голосомъ кардинала Ровере, племянника

Сикста IV, впослѣдствіи вступившаго на папскій престолъ подъ именемъ Юлія II. Наконецъ и это препятствіе было устранено, благодаря находчивости Родриго Боржіа, который обезоружилъ своего противника обѣщаніемъ отдать въ его распоряженіе важнѣйшія крѣпости страны. Эта уступка составляла завѣтную мечту воинственнаго кардинала Ровере, и онъ, какъ показало будущее, съумѣлъ при случаѣ воспользоваться предоставленными ему преимуществами.

Новый папа Александръ IV, по случаю своего вступленія на престолъ св. Петра, получилъ самыя восторженныя поздравленія отъ всѣхъ итальянскихъ государствъ; хотя со стороны многихъ эти внѣшнія заявленія преданности далеко не соотвѣтствовали дѣйствительному настроенію. Венеція была особенно недовольна избраніемъ кардинала Борджіа, между тѣмъ какъ фамилія Медичи связывала съ этимъ большія ожиданія. Неаполь относился недовѣрчиво къ новому папѣ; одинъ герцогъ миланскій, Лодовико Сфорцо, искренно радовался перемѣнѣ правительства въ Римѣ, потому что его братъ Асканіо занялъ должность вице-канцлера у новаго папы; и можно было заранѣе предвидѣть, что онъ будетъ имѣть большое вліяніе на дѣла государства.

Лодовико Сфорца, названный «il Moro» по смуглому цвѣту лица, незадолго передъ тѣмъ, достигъ господства въ Миланѣ, откуда родъ его былъ изгнанъ фамиліей Висконти, которая, въ свою очередь, была вытѣснена Симонетти. Теперь послѣдніе должны были уступить власть фамиліи Сфорца, которая, такимъ образомъ, снова водворилась въ Миланѣ.

Въ виду этихъ условій, Лодовико Моро употребилъ всѣ усилія, чтобы утвердить свое господство въ Миланѣ и пріобрѣсти надежныхъ союзниковъ, которые могли бы оградить его отъ притязаній другихъ знатныхъ фамилій. Такими союзниками могли быть Медичисы и новый папа.

Лодовико представлялъ собой рѣдкій типъ мужской красоты. Смуглый цвѣтъ его лица прекрасно гармонировалъ съ черными волосами и блескомъ глазъ. Онъ былъ высокаго роста; сила соединялась въ немъ съ необыкновенной гибкостью мышцъ; всѣ его движенія были благородны и соразмѣрны. Но въ нравственномъ отношеніи это былъ образецъ человѣка тѣхъ временъ, не особенно совѣстливаго въ дѣлахъ, гдѣ были замѣшаны его собственные интересы, хотя не способнаго къ безцѣльной жестокости. Онъ любилъ шумныя удовольствія, роскошные праздники, охоту, турниры и другія рыцарскія забавы. При этомъ онъ былъ одаренъ изящнымъ вкусомъ, который проявлялся въ его изысканной и богатой одеждѣ, чуждой какого либо излишества. Онъ цѣнилъ искусство, хотя въ этомъ отношеніи далеко уступалъ фамиліи Медичи.

Положеніе дѣлъ въ Италіи было хорошо извѣстно Лодовико

Моро. Онъ задался мыслью доставить своему дому прочное господство надъ Миланомъ и сдѣлать послѣднiй однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Италiи. Цѣль эта могла быть скорѣе достигнута, еслибы ему удалось посредствомъ брака породниться съ домомъ Медичи. Клара, узнавъ о намѣренiи миланскаго герцога, рѣшилась отказать ему возможное содѣйствiе. До этого, въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ, она относилась совершенно безучастно къ судьбѣ единственной сестры Лоренцо; но теперь она вспомнила, что Марiя Пацци родная племянница ея покойнаго мужа. Гуильельмо Пацци сильно разбогатѣлъ послѣ заговора, такъ какъ наслѣдовалъ значительную часть имущества своихъ родственниковъ. Но какъ жилось правнукамъ Косьмы Медичи въ старомъ уединенномъ замкѣ Буэнфидардо? Клара не могла составить себѣ даже приблизительнаго понятiя о подобной жизни.

Молодой живописецъ Леонардо да Винчи прожилъ довольно долго въ замкѣ Буэнфидардо, и еслибы онъ могъ руководствоваться, въ данномъ случаѣ только своимъ личнымъ желанiемъ, то остался бы здѣсь еще долѣе, такъ какъ нигдѣ не проводилъ болѣе счастливыхъ дней. Цѣлыми часами онъ бродилъ по окрестностямъ съ Пьетро и его отцомъ, занимался охотой и рыбной ловлей, но при этомъ посвящалъ много времени живописи. Онъ не только тщательно отдѣлалъ набросанный имъ эскизъ Мадонны, для котораго Марiя служила моделью, но и началъ нѣсколько новыхъ работъ.

Леонардо былъ давно извѣстенъ между художниками не только по своей оригинальности, но и какъ замѣчательный живописецъ, подающiй большiя надежды. Онъ въ состоянiи былъ нѣсколько дней сряду преслѣдовать незнакомаго человѣка, поразившаго его своею наружностью, чтобы подробно изучить его лицо и перенести на бумагу. Между прочимъ, онъ пригласилъ къ себѣ однажды на обѣдъ группу крестьянъ, занималъ ихъ разговорами, безпрестанно смѣшилъ и съ помощью своихъ прiятелей поддерживалъ ихъ веселое настроенiе духа до тѣхъ поръ, пока ихъ смѣющiяся лица не запечатлѣлись въ его памяти. Тогда онъ выбѣжалъ изъ комнаты и набросалъ нѣсколько эскизовъ, которыхъ никто не могъ видѣть безъ смѣха. Въ подобныхъ случаяхъ у него какъ будто являлась потребность въ рѣзкомъ контрастѣ съ тѣми идеальными небесными изображенiями, которыя удавалиеь ему болѣе, чѣмъ кому либо изъ его современниковъ. Его домашняя обстановка поражала своей фантастичностью. Съ необыкновенно красивой наружностью и физической силой въ немъ соединялись недюженный умъ и образованiе. Въ своемъ обращенiи онъ былъ одинаково привѣтливъ съ высшими и низшими и поражалъ всѣхъ знавшихъ его разнообразiемъ своихъ талантовъ. Онъ нетолько былъ первоклассньмъ живописцемъ, но и даровитымъ музыкантомъ, поэтомъ, скульпторомъ, архитекторомъ и механикомъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ въ немъ замѣтна была осо-

бенная склонность къ живописи. Отецъ Леонардо показалъ нѣкоторые изъ его рисунковъ Андреа Вероччіо, ученику Донателло, который послѣ смерти послѣдняго сталъ первымъ художникомъ Флоренціи. Вероччіо уговорилъ старшаго да-Винчи сдѣлать сына живописцемъ и принялъ Леонардо въ свою мастерскую, гдѣ кромѣ живописи, производились работы изъ мрамора и бронзы.

Впослѣдствіи, Леонардо-да-Винчи, на ряду съ изученіемъ пластическихъ искусствъ, занялся механикой и архитектурой. Его высокій творческій умъ стремился внести нѣчто новое и въ эту область человѣческаго знанія; онъ занялся изобрѣтеніемъ искусственныхъ мельницъ, мечталъ о проведеніи тоннелей въ горахъ и перевозкѣ большихъ тяжестей, придумывалъ способы осушки болотъ.

Однако, не смотря на такое серіозное направленіе ума, Леонардо вполнѣ наслаждался жизнью и молодостью. Онъ любилъ красивыхъ лошадей и другихъ животныхъ, и чувствовалъ особенную склонность къ естественнымъ наукамъ; но такъ какъ при этомъ онъ посвящалъ много времени астрологіи, то его обвинили въ ереси и языческихъ воззрѣніяхъ.

Вскорѣ онъ превзошелъ въ живописи самого Верроччіо. На одной картинѣ, которую послѣдній писалъ для монаховъ Балломброза, совмѣстно съ своимъ ученикомъ, ангелъ, нарисованный рукой Леонардо, настолько выдѣлялся изъ остальныхъ фигуръ своей неподражаемой красотой, что съ тѣхъ поръ Верроччіо окончательно бросилъ живопись. Слѣдующей работой Леонардо былъ рисунокъ ковра, который былъ заказанъ во Фландріи для португальскаго короля. Въ то время, между Флоренціей, Лиссабономъ и Нидерландами существовали самыя дѣятельныя сношенія, и рисунокъ ковра долго служилъ предметомъ общаго восхищенія. На картонѣ было изображено грѣхопаденіе; при этомъ, весь ландшафтъ, съ растеніями и животными, а равно и древо познанія добра и зла, съ вѣтвями и листьями, были такъ тонко выполнены и съ такимъ совершенствомъ, что можно было одинаково удивляться, какъ искусству художника, такъ и его необыкновенному терпѣнію. Еще тогда было всѣми признано, что тщательность отдѣлки у Леонардо могла только сравниться съ той добросовѣстностью, съ какой онъ самъ изготовлялъ масляныя краски для своихъ картинъ.

Живость фантазіи при подвижномъ и впечатлительномъ характерѣ побуждала молодаго художника къ частой перемѣнѣ мѣста и была одной изъ главныхъ причинъ, заставившихъ его покинуть Флоренцію. Онъ менѣе всего могъ предвидѣть то значеніе, какое будетъ имѣть эта случайная поѣздка для его дальнѣйшей жизни.

Леонардо чувствовалъ себя какъ бы околдованнымъ въ уединенномъ замкѣ Буэнфидардо. Онъ сознавалъ, что Марія произвела на него глубокое впечатлѣніе и плѣнила его сердце; но не въ нравахъ того времени было задумываться надъ подобными явленіями

или изъ-за нихъ считать себя несчастнымъ. Для молодаго художника было ясно съ перваго момента, что ему нечего мечтать о бракѣ съ богатой и красивой племянницей Лоренцо Медичи.

Между Маріей Пацци и ея матерью было такое поразительное сходство, что минутами Леонардо не могъ вполнѣ отдать себѣ отчета, которая изъ двухъ женщинъ сильнѣе дѣйствовала на его художественную фантазію. Выдающійся умъ Біанки, ея кротость, сознаніе собственнаго достоинства, неотразимая прелесть всей ея личности возбуждали въ немъ родъ нѣжной почтительной дружбы, и онъ искренно восхищался ея характерной и все еще прекрасной наружностью. Совсѣмъ иное чувство пробуждала въ немъ дѣвическая красота Маріи; но и это чувство скорѣе походило на поклоненіе, какое нерѣдко встрѣчалось между тогдашними художниками относительно женщинъ знатныхъ домовъ. Это поклоненіе могло легко перейти у Леонардо въ пламенную любовь, если бы онъ могъ допустить мысль о бракѣ съ робкой и очаровательной дѣвушкой

Наконецъ, Леонардо принужденъ былъ вернуться во Флоренцію, но здѣсь онъ вскорѣ началъ испытывать мучительное раздвоеніе въ своемъ сердцѣ. Цѣлыми часами онъ ходилъ въ какомъ-то полуснѣ, и нерѣдко, за мольбертомъ, черты лица Маріи живо рисовались въ его воображеніи. Но это не мѣшало дальнѣйшему развитію его таланта, и, напротивъ, давало ему новыя силы неуклонно идти по избранному пути, потому что всякій разъ, когда онъ начиналъ какую либо работу, у него, прежде всего, являлся вопросъ: заслужитъ ли онъ ею одобреніе Маріи и ея матери. Хотя и теперь онъ, по прежнему, даже мысленно не допускалъ возможности болѣе тѣсной связи съ семьей Пацци, но въ тѣ минуты, когда воображеніе рисовало ему картины заманчивой будущности, онъ не могъ себѣ представить бо́льшаго счастья, какъ предаваться творчеству и работать на глазахъ Маріи, слышать ея сужденіе, сообщать ей свои планы и говорить съ ней обо всемъ, что наполняло его душу и составляло цѣль жизни.

Продолжительное пребываніе молодаго живописца въ замкѣ Буэнфидардо такъ сблизило его съ Пьетро, братомъ Маріи, что вскорѣ между обоими юношами завязалась самая тѣсная дружба, основанная на общихъ свойствахъ ихъ характеровъ. Оба чувствовали одинаковую потребность въ движеніи и упражненіи своей силы и находили удовольствіе въ фехтованіи, прогулкахъ по лѣсу и полямъ, въ охотѣ и рыбной ловлѣ. Но все это имѣло для нихъ только второстепенное значеніе; болѣе серьезныя задачи занимали ихъ умъ, такъ какъ въ натурѣ обоихъ, при свойственной имъ беззаботности, таились задатки глубокой нравственной силы.

Пьетро давно чувствовалъ потребность въ иной жизни, хотя онъ по прежнему, изо дня въ день, совершалъ далекія прогулки съ отцомъ и добросовѣстно помогалъ ему въ управленіи обширными помѣсть-

ями. Онъ не могъ, подобно Гуильельмо Пацци, довольствоваться заботой о себѣ и своихъ близкихъ въ ограниченной сферѣ семейныхъ интересовъ и различными хозяйственными улучшеніями. Душа его стремилась къ болѣе широкой, преимущественно общественной дѣятельности, такъ, что даже въ ранней молодости, онъ не могъ помириться съ узкимъ міровоззрѣніемъ своего отца, и чѣмъ дальше, тѣмъ рельефнѣе становилась эта разница въ ихъ взглядахъ.

Житейскій опытъ, пріобрѣтенный Пьетро, въ значительной степени способствовалъ преждевременной зрѣлости его ума. Онъ пережилъ тяжелыя минуты въ то время, когда его безобидная склонность къ двоюродной сестрѣ встрѣтила неожиданныя препятствія и отразилась на судьбѣ его семьи; послѣ этого событія, родительскій домъ долго казался ему слишкомъ тѣснымъ. Однако, мало-помалу, внутреннее недовольство улеглось въ его душѣ; безмятежное счастье дружной семейной жизни временно усыпило его, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ нѣжную привязанность къ родителямъ и сестрѣ. Но это пріятное самозабвеніе было настолько чуждо подвижному и энергичному характеру юноши, что желаніе иной жизни и дѣятельности начало неотступно преслѣдовать его; теперь всѣ его помыслы были направлены къ достиженію одной завѣтной цѣли.

Прибытіе Леонардо-да-Винчи въ замокъ Буэнфидардо пролило лучъ свѣта въ его душу, охваченную мучительными сомнѣніями. Пьетро невольно завидовалъ молодому художнику, который могъ слѣдовать своему призванію и примѣнить присущія ему силы на поприщѣ, гдѣ его ожидало столько нравственныхъ наслажденій и прочное вліяніе на умы людей. Когда они оставались вдвоемъ или гуляли по окрестностямъ, то главной темой ихъ разговора служила та польза, которую каждый изъ нихъ можетъ принести человѣчеству, сообразно своимъ личнымъ способностямъ и стремленіямъ. Выборъ былъ рѣшенъ для Леонардо и онъ съ радостной увѣренностью говорилъ о предстоящемъ ему художественномъ поприщѣ, такъ что вопросъ, главнымъ образомъ, заключался въ томъ, какой путь изберетъ для себя Пьетро, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ въ возможно обширной сферѣ. Принимая во вниманіе знатное происхожденіе Пьетро и условія его воспитанія, оба друга все чаще и чаще возвращались къ той мысли, что духовное званіе всего скорѣе можетъ дать наиболѣе значительную и плодотворную дѣятельность человѣку, для котораго закрыто художественное поприще и военная профессія. Обоимъ было извѣстно, что высшій санъ въ церковной іерархіи можетъ быть достигнутъ только съ помощью самыхъ постыдныхъ средствъ, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ непосредственой близости святаго престола, можно было сдѣлать весьма многое, чтобы улучшить существующія условія.

Леонардо разсказалъ своему другу о Саванаролѣ, и отсюда разговоръ ихъ естественно перешелъ на положеніе дѣлъ въ Римѣ.

Можно было съ увѣренностью сказать, что тогдашній глава церкви самый безнравственный человѣкъ въ христіанскомъ мірѣ, потому что онъ не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія цѣли и никогда не держалъ даннаго слова, если этого требовала выгода. Въ своей политикѣ онъ менѣе всего руководствовался чувствомъ справедливости, и въ мести доходилъ до безчеловѣчной жестокости. Хотя онъ, въ качествѣ духовнаго лица, на-

Леонардо да-Винчи въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

зывалъ себя защитникомъ вѣры и врагомъ еретиковъ и считался главой церкви, но въ дѣйствительности не чувствовалъ ни малѣйшаго уваженія къ религіи. Онъ возбудилъ общее негодованіе не только своими постановленіями, которыя противорѣчили церковнымъ законамъ, но и своимъ поведеніемъ въ частной жизни. Для него не было ничего святаго. Онъ жертвовалъ всѣмъ ради выгоды, честолюбія или удовлетворенія чувственности.

По мнѣнію Леонардо, единственнымъ оправданіемъ поведенія папы, и то до извѣстной степени, могло служить полнѣйшее разстройство и деморализація подвластной ему страны. Ни одно го-

сударство въ мірѣ не управлялось хуже церковной области, обманъ и жестокости составляли обыденное явленіе. Всѣ до такой степени привыкли къ подобному порядку вещей, что самые ужасающіе и возмутительные факты почти не производили никакого впечатлѣнія.

Та часть церковной области, которая была всего ближе къ Риму, находилась почти исключительно подъ властью двухъ могущественныхъ фамилій: Орсини и Колонна. Первая распространила свое господство надъ мѣстностью, по ту сторону Тибра, между тѣмъ какъ въ рукахъ Колонна была римская Кампанья и Сабинскія горы, по эту сторону Тибра. Названіе гвельфовъ и гибеллиновъ, примѣненное къ этимъ двумъ фамиліямъ, означало уже не различіе политическихъ взглядовъ, а глубокую взаимную ненависть, которая придавала ихъ распрямъ дикій и неумолимый характеръ. Все дворянство сгруппировалось около двухъ главныхъ представителей этихъ фамилій. Савелли и Конти пристали къ партіи гибеллиновъ, Вителли взяли сторону гвельфовъ.

Могущество знатныхъ фамилій поддерживалось ихъ умѣніемъ владѣть оружіемъ и преданностью набранныхъ ими отрядовъ, между тѣмъ какъ папское правительство предоставило защиту государства наемникамъ. Всѣ Орсини, Колонна, Савелли и Конти, однимъ словомъ, все римское дворянство состояло изъ кондоттьери; каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отрядъ вооруженныхъ людей, безусловно преданныхъ ему; и каждый поступая на службу того или другого короля, республики или папы, велъ переговоры и заключалъ условія отъ своего имени. Въ короткіе промежутки отдыха отъ чужихъ войнъ, кондоттьери возвращался въ свой укрѣпленный замокъ и группировалъ вокругъ себя новыя силы. Чѣмъ больше было такихъ предводителей въ той или другой фамиліи, тѣмъ она была могущественнѣе.

Продолжительныя войны между Колонна и Орсини заставили сельскихъ жителей окончательно удалиться изъ Кампаньи, гдѣ они не находили больше безопасности ни для себя лично, ни для своихъ стадъ и жатвы. Одни только обитатели укрѣпленныхъ замковъ были защищены отъ грабежа солдатъ. Среди постоянныхъ опустошительныхъ войнъ уничтожены были всѣ виноградники и оливковыя деревья, такъ что, мало по малу, римская Кампанья обратилась въ безлюдную пустыню безъ жилищъ и деревьевъ. Только кое-гдѣ можно было встрѣтить отдѣльныя полосы засѣянной земли, обработанныя наскоро, съ слабой надеждой на жатву. На покинутыхъ поляхъ распространился заразительный воздухъ мареммъ; всякій разъ, когда прежніе жители, пользуясь спокойнымъ временемъ, дѣлали попытки вернуться на старыя мѣста, то погибали отъ злокачественной лихорадки. Также безуспѣшны были старанія мѣстнаго дворянства загладить опустошенія, произведенныя

…айной, потому что вслѣдъ затѣмъ начинались новыя распри и …твы, которыя уничтожали плоды ихъ труда.

Рѣзкую противоположность съ этой печальной картиной представляли многочисленные дворы мелкихъ правителей, придававшіе Романьи внѣшній видъ щеголеватости и богатства. Во всѣхъ резиденціяхъ были прекрасные церкви и дворцы, и при этомъ значительныя библіотеки. Въ числѣ приближенныхъ каждаго владѣтельнаго князя было всегда нѣсколько поэтовъ, художниковъ и ученыхъ. Такая умственная роскошь вела еще къ большей деморализаціи; придворные льстецы наперерывъ восхваляли щедрость своего покровителя, между тѣмъ какъ надъ подданными тяготѣлъ безпощадный гнетъ.

Возможность получить болѣе или менѣе богатое наслѣдство составляла важный вопросъ для князей при ихъ незначительныхъ средствахъ; въ этихъ случаяхъ они не останавливались ни передъ какими злодѣяніями для достиженія цѣли. Когда дѣло шло объ устраненіи ближайшихъ родственниковъ, то происходили возмутительныя семейныя трагедіи; корыстолюбіе уступало мѣсто жестокости, непризнающей никакихъ человѣческихъ чувствъ.

Леонардо сообщилъ своему другу, что Саванарола много разъ говорилъ противъ этихъ злоупотребленій въ своихъ проповѣдяхъ.

Но еще сильнѣе ратовалъ смѣлый монахъ противъ положенія дѣлъ при папскомъ дворѣ.

«Возможно-ли, что ты, Римъ, еще стоишь на землѣ? воскликнулъ онъ однажды во время проповѣди. Въ одномъ Римѣ одиннадцать тысячъ распутныхъ женщинъ; и это только приблизительная цыфра. Священники проводятъ ночи съ этими женщинами, а утромъ служатъ обѣдню и раздаютъ святые дары! Все продажно въ Римѣ; всѣ духовныя должности и даже кровь Христову можно получить за деньги! Но скоро настанетъ судъ Божій! Римъ и Италія будутъ уничтожены до-тла. Страшныя полчища мстителей ворвутся въ страну и покараютъ высокомѣріе князей! Церкви обращенныя священниками въ публичныя дома позора, будутъ служить стойлами для лошадей и нечистаго скота».

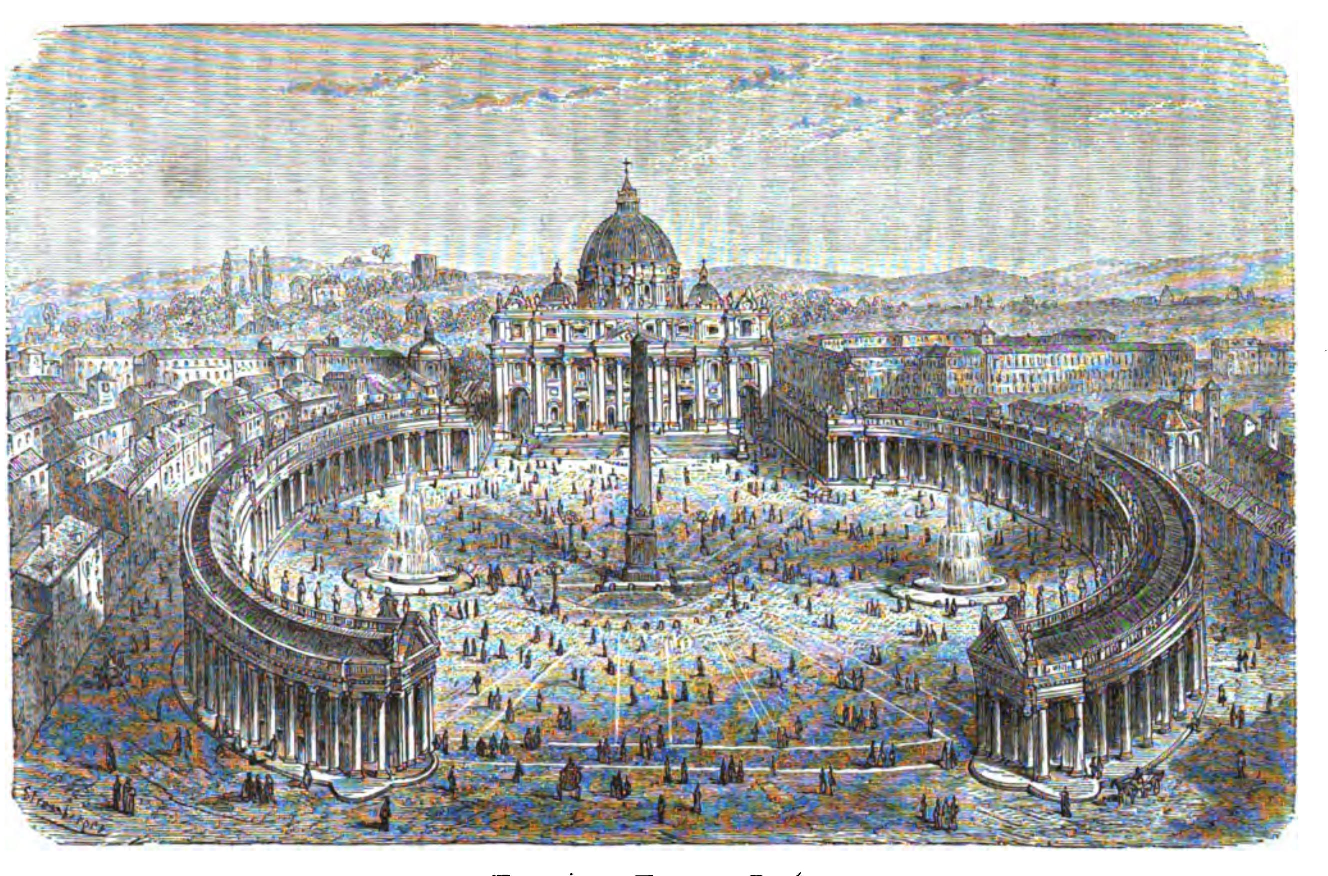
При тогдашнихъ условіяхъ, на каждомъ поприщѣ дѣятельности можно было найти цѣль, гдѣ человѣкъ съ благороднымъ образомъ мыслей и высокими стремленіями могъ достойно примѣнить свои умственныя силы. Вездѣ проявлялись задатки могучаго прогрессивнаго движенія, которое уже не ограничивалось одной областью искусства. Наукой ревностно занимались выдающіеся люди, отъ которыхъ можно было заранѣе ожидать, что они вскорѣ достигнуть въ ней блистательныхъ результатовъ; удивительныя открытія предвѣщали совершенно новую эпоху культуры. Кто въ это время чувствовалъ потребность плыть за потокомъ великихъ событій, для того возможность стоять у центра христіанскаго міра должна была казаться особенно заманчивой.

Пьетро Пацци не могъ сомнѣваться, что его стремленія въ этомъ направленіи увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, потому что послѣ смерти Лоренцо, не только Клара, но сынъ и наслѣдникъ Лоренцо, Пьетро Медичи, возобновилъ прежнія отношенія съ своими родственииками. При этомъ условіи естественно было ожидать, что молодой Медичи приметъ живое участіе въ судьбѣ своего двоюроднаго брата Пацци.

Пьетро Медичи не отличался энергичнымъ характеромъ. Сначала онъ совсѣмъ подчинился матери и своей супругѣ Альфонсинѣ, но теперь онъ искалъ противовѣса этому вліянію въ дружескихъ сношеніяхъ съ семьей Пацци, съ которой былъ связанъ воспоминаніями дѣтства. Пьетро Медичи былъ воспитанъ какъ сынъ владѣтельнаго королевскаго дома; привитое ему высокомѣріе, мало по малу, сдѣлалось какъ бы его природнымъ свойствомъ. Флонентинцы вѣроятно примирились бы съ его недостатками изъ уваженія къ памяти Лоренцо и признали бы его власть надъ Флоренціей, но оскорбительное обращеніе двухъ гордыхъ римлянокъ постоянно возбуждало неудовольствіе знатныхъ домовъ города. Было нѣсколько случаевъ, когда Клара требовала себѣ услугъ отъ женщинъ древнѣйшихъ фамилій и ставила ихъ этимъ въ положеніе статсъ-дамъ; не разъ также она сидя принимала женъ уважаемыхъ патриціевъ, которыя являлись къ ней съ визитомъ, и, не приглашая ихъ сѣсть, считала въ порядкѣ вещей, чтобъ онѣ стояли передъ ней.

Такія же выходки, время отъ времени, позволяла себѣ Альфонсина и вызвала ими пассивный протестъ со стороны Пьетро, который все болѣе и болѣе началъ тяготиться окружавшей его атмосферой безумнаго высокомѣрія и тупаго поклоненія неподвижной формѣ. Въ душѣ его невольно воскресало воспоминаніе о счастливыхъ годахъ дѣтства, когда онъ игралъ въ саду виллы Пацци съ своимъ двоюроднымъ братомъ Пьетро и его сестрой, и слышалъ похвалы простому и привѣтливому обращенію своего прадѣда, великаго Косьмы Медичи. Хотя его симпатія къ обитателямъ замка Буэнфидардо выражалась въ видѣ весьма незначительныхъ и какъ бы случайныхъ знаковъ вниманія, но семья Пацци не могла сомнѣваться, что Пьетро Медичи лично расположенъ къ ней. Тѣмъ не менѣе, это не имѣло никакого дѣйствительнаго значенія, пока мать и жена Пьетро Медичи не рѣшились отступить отъ своей неприступной гордости, которая служила главнымъ препятствіемъ къ возобновленію прежнихъ дружественныхъ отношеній. Теперь Клара сама сдѣлала первый шагъ къ примиренію съ семьей Пацци; поводомъ къ этому послужило желаніе Лодовико Моро породниться съ домомъ Медичи.

Леонардо да-Винчи, во время своего пребыванія въ замкѣ Буэнфидардо, такъ привязался къ его обитателямъ, что долгая разлука



Церковь св. Петра въ Римѣ.

съ ними была немыслима для него. Тѣсная дружба съ Пьетро Пацци вполнѣ объясняла его частыя посѣщенія, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, искренное и привѣтливое обращеніе съ нимъ хозяина дома, въ связи съ тѣмъ восторженнымъ поклоненіемъ, съ какимъ онъ относился къ Біанкѣ и Маріи, настолько сблизили молодаго художника со всѣми членами семьи, что они съ нетерпѣніемъ ждали его пріѣзда и всегда встрѣчали съ радостью, какъ любимаго родственника.

Не разъ случалось, что Леонардо проводилъ въ Буэнфидардо нѣсколько недѣль сряду. Онъ давно кончилъ первую начатую имъ картину и пожертвовалъ ее въ капеллу замка; затѣмъ слѣдовали другія работы, за выполненіемъ которыхъ обѣ женщины слѣдили съ живымъ участіемъ. Кромѣ того, Леонардо былъ занятъ различными архитектурными проэктами и обсуждалъ ихъ вмѣстѣ съ Пьетро Пацци, такъ что великое возрожденіе искусствъ чаще прежняго служило предметомъ ихъ разговора.

Такъ называемый готическій стиль, впервые принятый во Франціи, проникъ въ Италію не ранѣе XIII-го вѣка. Причина, почему этотъ стиль былъ перенесенъ сюда не французами, а нѣмцами, могла быть та, что во Франціи, при постройкѣ многихъ соборовъ, ни одинъ сколько нибудь искусный ремесленникъ не имѣлъ надобности искать работы на сторонѣ. Новое направленіе зодчества могло проявиться въ Италіи въ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ оно перешло сюда въ то время, когда здѣсь особенно господствовало стремленіе къ сооруженію монументальныхъ церковныхъ зданій. При этихъ условіяхъ античныя формы слились съ готическими, и сдѣлана была попытка постройки куполовъ въ гигантскихъ размѣрахъ; фасадъ нерѣдко принималъ характеръ великолѣпной декораціи; башня оставалась отдѣленной или ее только прислоняли къ церкви. Еще XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ, флорентинцы освоились съ древнеримскими формами, какъ это достаточно показываетъ баптистерій, который вслѣдствіе этого долго считался античнымъ храмомъ. Флорентинскій соборъ былъ первоначально сооруженъ по модели Арнольфо, а затѣмъ Брунелески. Николай V-й былъ первый изъ папъ, который чувствовалъ положительную страсть къ постройкамъ. Онъ намѣревался возстановить римскія городскія стѣны, перестроить Борго для помѣщенія курій и соорудить заново Ватиканъ и соборъ св. Петра.

Онъ говорилъ, что началъ эти грандіозныя предпріятія не изъ тщеславія, любви къ роскоши или желанія прославить себя, а съ единственной цѣлью возвысить значеніе апостольскаго престола въ глазахъ всего христіанскаго міра, чтобы впредь немыслимо было изгнать папу изъ Рима, взять его въ плѣнъ или притѣснять какимъ либо способомъ.

Послѣдующіе папы: Каликстъ III, Пій II, Павелъ II, Сикстъ IV,

Иннокентій VIII и Александръ IV не выказывали большаго усердія въ данномъ направленіи. Хотя Сикстъ IV велѣлъ построить Понте Систо (средній мостъ на Тибрѣ) и возстановить фонтанъ Треви, но только могущественный папа Юлій II предпринялъ, въ грандіозныхъ размѣрахъ, сооруженіе собора св. Петра и Ватикана. Для исполненія своей задачи онъ могъ пользоваться услугами такихъ людей, какъ Браманте, Рафаэль, Бальтассаре Перуцци, Антоніо да-Сангалло и Микель Анджело.

Леонардо да-Винчи, пользуясь уединенной жизнью въ замкѣ Буэнфидардо, помимо живописи, усердно занимался механикой и производилъ свои научные опыты. Подчасъ онъ настолько увлекался ими, что синьора Біанка не разъ говорила шутя, что еще вопросъ: составляетъ ли живопись призваніе Леонардо, и не лучше ли ему сдѣлаться механикомъ или архитекторомъ?

Хотя сердце молодаго художника не всегда оставалось спокойнымъ въ присутствіи Маріи, но если это и было проявленіемъ болѣе страстнаго чувства, нежели обыкновенная дружба, то онъ могъ еще настолько владѣть собой, что не терялъ разсудка и не предавался безумнымъ надеждамъ.

Тѣмъ не менѣе, его поѣздки въ замокъ Буэнфидардо становились все чаще; разставаясь въ послѣдній разъ съ своими друзьями, онъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ вернуться къ нимъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Но едва успѣлъ онъ расположиться въ своей городской квартирѣ и приняться за начатую картину, какъ неожиданно явился къ нему Пьетро Пацци и сообщилъ, что вся его семья переѣхала во Флоренцію, въ свою подгородную виллу, и что возобновились прежнія родственныя отношенія съ Медичисами. Поводомъ къ этому переѣзду послужило настоятельное приглашеніе со стороны Пьетро Медичи, въ виду ожидаемаго прибытія миланскаго герцога.

Леонардо былъ не только удивленъ, но и глубоко огорченъ этимъ извѣстіемъ, потому что ему не трудно было догадаться о настоящей причинѣ примиренія между обѣими родственными фамиліями.

Въ городѣ упорно ходили слухи, что начаты переговоры о бракѣ Лодовико Моро съ Маріей Пацци; и молодой живописецъ не сомнѣвался, что только ждутъ пріѣзда миланскаго герцога, чтобы съ общаго согласія приступить къ оффиціальному обрученію.

Теперь для Леонардо должна была прекратиться идилія дружескихъ отношеній съ обитателями замка Буэнфидардо, которая дала ему столько свѣтлыхъ, счастливыхъ минутъ. Пьетро видѣлъ, что сообщенное имъ извѣстіе глубоко взволновало его друга, и съ искреннимъ участіемъ пожалъ ему руку.

— Съ практической точки зрѣнія, сказалъ Пьетро, блистательная судьба ожидаетъ мою сестру. Лодовико Сфорца, герцогъ ми-

ланскій, черезъ своихъ посланниковъ предложилъ тѣсный оборонительный союзъ Пьетро Мидичи; при этомъ поднятъ былъ вопросъ о бракѣ герцога съ моей сестрой. Начались переговоры, и герцогъ выразилъ желаніе видѣть портретъ Маріи. Но такъ какъ врядъ ли возможно передать болѣе осязательно черты лица Маріи и общее впечатлѣніе, производимое ея личностью, какъ ты это сдѣлалъ, Леонардо, на картинѣ, написанной тобою для нашей капеллы, то рѣшено было послать въ Миланъ со всевозможными предосторожностями это образцовое произведеніе твоей кисти.

Леонардо закрылъ лицо обоими руками; его другу показалось, что изъ груди молодаго художника вырвался глубокій вздохъ.

Но Леонардо овладѣлъ собой и послѣ минутнаго молчанія спросилъ:

— А твоя сестра?

— Марія готова исполнить волю родителей. Если бракъ состоится и она будетъ несчастна, то покорится судьбѣ съ терпѣніемъ и кротостью. Она надѣется на милость провидѣнія.

— Значитъ, этотъ бракъ уже дѣло рѣшенное со стороны герцога?

— Когда была послана картина, возразилъ Пьетро, то вмѣстѣ съ нею отправился повѣренный по дѣламъ дома Медичи, который въ точности уговорился съ герцогомъ относительно условій брачнаго контракта. Лодовико Моро женится не на дочери Гуильельмо Пацци, а на племянницѣ Лоренцо Медичи, такъ что взаимный оборонительный союзъ домовъ Сфорца и Медичи составляетъ настоящую цѣль предстоящаго брака.

Леонардо при этихъ словахъ еще больше упалъ духомъ, но это продолжалось не долго. Развѣ онъ не зналъ, что Марія недосягаема для него, и не лучшимъ ли доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что она скоро сдѣлается владѣтельной особой, герцогиней миланской? Во время разговора онъ все болѣе и болѣе приходилъ въ себя, такъ что ему наконецъ стало казаться, что рѣчь идетъ о бракѣ любимой сестры. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ разспрашивалъ о малѣйшихъ подробностяхъ; и такъ какъ извѣстно было, что Лодовико Сфорца дѣятельный и энергичный человѣкъ и съ возвышенными стремленіями, то онъ подавилъ въ своемъ сердцѣ всякую искру ревности и отъ души пожелалъ, чтобы Марія была счастлива съ своимъ будущимъ мужемъ.

Въ тотъ-же день Леонардо отправился на виллу Пацци, чтобы привѣтствовать своихъ друзей. Грустное чувство снова овладѣло имъ, когда онъ увидѣлъ Марію.

Леонардо не могъ заговорить съ нею о предстоящемъ супружествѣ, которое еще нельзя было считать совершившимся фактомъ; но въ той застѣнчивости, съ какой молодая дѣвушка поздоровалась съ нимъ, заключалось своего рода признаніе.

Леонардо мысленнно хвалилъ себя, что никогда не престу-

палъ границы, отдѣлявшей бѣднаго художника отъ дочери знатнаго дома. Между ними могли продолжаться прежнія дружескія отношенія; хотя сердце юноши всякій разъ болѣзненно сжималось, когда онъ думалъ о томъ, что, быть можетъ, съ его глазъ скоро исчезнетъ прелестное существо, составлявшее предметъ его восторженнаго поклоненія.

Родители Маріи были въ наилучшемъ расположеніи духа; помимо того, что личныя качества миланскаго герцога казались имъ достаточнымъ ручательствомъ счастья ихъ единственной дочери,— ожидавшая ее блистательная участь превосходила ихъ самыя смѣлыя ожиданія.

Фамилія Медичи была не менѣе довольна предстоящимъ бракомъ; но Клара съ безпокойствомъ думала о встрѣчѣ своей замужней дочери, Маддалены Чибо, съ Пьетро Папци.

Маддалена, мало по малу, примирилась съ своей участью и не обращала никакого вниманія на мужа, всѣ помыслы котораго были устремлены на увеличеніе доходовъ и удовлетвореніе своихъ порочныхъ наклонностей. Она сама наслѣдовала отъ отца любовь къ роскоши; повидимому ей доставляло двойное удовольствіе тратить на блескъ домашней обстановки, великолѣпные наряды, блистательныя празднества и покупку драгоцѣнныхъ вещей огромныя суммы денегъ, которыя мужъ ея охотнѣе употребилъ бы на карточную игру. Вслѣдствіе этого, въ кругу знакомыхъ она заслужила репутацію крайне расточительной женщины, между тѣмъ какъ ея уборы и дорогія ткани, купленные на вѣсъ золота, возбуждали зависть дамъ высшаго круга.

Но въ легкомысленной Маддаленѣ, которая до этого интересовалась одними нарядами и удовольствіями, произошла неожиданная перемена, послѣ встрѣчи съ предметомъ ея первой любви. Характеръ ея сдѣлался тихимъ и сосредоточеннымъ; она перестала обращать вниманіе на туалетъ и, противъ своего обыкновенія, равнодушно отсылала отъ себя купцовъ, которые ежедневно являлись въ ея палаццо съ различными драгоцѣнностями и образчиками новыхъ матерій.

Франческетто Чибо скоро догадался о причинѣ такой перемѣны въ настроеніи духа своей жены и пришелъ въ ярость, тѣмъ болѣе, что сознавалъ свое полное безсиліе. Онъ плохо владѣлъ оружіемъ; и при своей непопулярности имѣлъ мало приверженцевъ, такъ что для удовлетворенія мести у него не было другого исхода, какъ пріискать наемныхъ убійцъ, которые избавили бы его отъ ненавистнаго соперника.

Клара видѣла все и знала характеръ своего зятя; она рѣшилась употребить всѣ средства, чтобы отклонить семейную трагедію, которая казалась ей особенно неумѣстною при настоящемъ положеніи дѣлъ. Поэтому она искренно обрадовалась, когда ея страш-

ній сынъ, Пьетро Медичи, передалъ ей разговоръ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Пацци, который откровенно сознался ему, что тяготится тихой сельской жизнью и охотно посвятилъ бы себя дипломатическому поприщу при папскомъ дворѣ.

Клара увидѣла въ этомъ желанный исходъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и съ свойственной ей энергіей взялась хлопотать за молодого Пацци, чтобы удалить его изъ Флоренціи.

Еще до начала празднествъ, устроенныхъ въ честь герцога миланскаго, она вступила въ переписку со своими родными въ Римѣ и, сообщивъ имъ о предполагаемомъ бракѣ Маріи Пацци съ герцогомъ миланскомъ, выразила настоятельное желаніе пристроить при римскомъ дворѣ своего племянника Пьетро Пацци. Отвѣтъ былъ благопріятный: она получила торжественное обѣщаніе, что при первой ваканціи молодой Пацци будетъ возведенъ въ санъ кардинала.

Бракъ племянницы Лоренцо Медичи съ герцогомъ Лодовико Моро былъ важнымъ событіемъ для всей Италіи, потому что фамилія Сфорца, хотя и находилась долгое время въ изгнаніи и едва была возстановлена въ своихъ правахъ, но принадлежала къ самымъ значительнымъ родамъ Италіи. Сестра Лодовико была замужемъ за императоромъ Максимиліаномъ, который женился на ней вскорѣ послѣ своего неудачнаго сватовства къ Аннѣ Бретанской.

Лодовико Моро, вступивъ на герцогскій престолъ, сознавалъ всю непрочность своего положенія и, не находя поддержки въ правителяхъ сосѣднихъ итальянскихъ гусударствъ, искалъ на сторонѣ надежныхъ союзниковъ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на фамилію Медичи, представители которой, въ теченіи многихъ лѣтъ, были самовластными правителями Флоренціи. Любовь, какой пользовался Лоренцо среди своихъ соотечественниковъ, давала поводъ надѣяться, что Пьетро будетъ возстановленъ въ правахъ своего отца. Для Медичисовъ родственный союзъ съ герцогомъ миланскимъ былъ тѣмъ болѣе желателенъ, что вполнѣ удовлетворялъ ихъ честолюбивымъ стремленіямъ; и еслибы у Пьетро Медичи была незамужняя сестра, то она сдѣлалась бы супругой Лодовико Моро, вмѣсто Маріи. Въ тѣ времена, дочери знатныхъ домовъ знали съ дѣтства, что ихъ судьба будетъ рѣшена сообразно волѣ ихъ родителей. Онѣ выростали въ такомъ нравственномъ подчиненіи, что въ большинствѣ случаевъ имъ даже не приходила въ голову мысль о возможности собственнаго выбора.

Такъ было и съ Маріей Пацци. Хотя она никогда не рѣшилась бы противиться желанію родителей и родственниковъ, но днемъ и ночью она не разъ обращалась съ сердечной молитвой къ пресвятой Дѣвѣ по поводу предстоящаго брака. Она молилась, чтобы ея будущій мужъ не былъ безобразнымъ, грубымъ и кровожаднымъ тираномъ, а красивымъ и привѣтливымъ въ обраще-

нія; и по этому поводу давала различные обѣты, съ полной увѣренностью, что будетъ вѣрной и любящей женой.

Наконецъ, наступилъ день, когда Лодовико Моро въѣхалъ во Флоренцію и остановился передъ палаццо Медичи съ своей многочисленной свитой. Хотя многіе съ волненіемъ ждали его прибытія, но ничье сердце не билось сильнѣе, какъ у Маріи Пацци, въ тѣ безконечныя минуты, когда она въ ожиданіи жениха сидѣла въ большой залѣ нижняго этажа, между матерью и Кларой Медичи, окруженная родными и женами знатнѣйшихъ горожанъ Флоренціи. Когда герцогъ показался на порогѣ въ сопровожденіи Пьетро Медичи, обоихъ Пацци и части своей свиты, то Марія едва не вскрикнула отъ радостнаго изумленія; хотя въ послѣднее время она слышала нѣкоторыя подробности о фигурѣ и чертахъ лица миланскаго герцога, но она далеко не представляла его себѣ татакимъ мужественнымъ и красивымъ. Сообразно принятому этикету, Марія, вмѣстѣ съ матерью и теткой, должна была сдѣлать нѣсколько шаговъ на встрѣчу гостю; но ей стоило большаго труда исполнить эту формальность, потому что она едва держалась на ногахъ отъ волненія; яркій румянецъ покрылъ ея щеки.

Герцогъ былъ не менѣе пріятно пораженъ очаровательной наружностью молодой дѣвушки, которая скоро должна была сдѣлаться его женой. Онъ едва нашелся, чтобы сказать ей нѣсколько словъ въ видѣ привѣтствія. Марія полусознательно отвѣтила ему. Ея застѣнчивость возвратила герцогу его обычное самообладаніе; онъ послѣдовалъ влеченію сердца и вопреки всѣмъ существующимъ обычаямъ, обнялъ свою невѣсту и поцѣловалъ въ губы.

Этимъ нарушены были всѣ предписанія этикета и исчезло стѣсненіе, неизбѣжное въ подобныхъ случаяхъ. Сердце Маріи усиленно билось отъ новыхъ, никогда не испытанныхъ ощущеній полнаго внутренняго счастья; до сихъ поръ никто еще не производилъ на нее такого впечатлѣнія, какъ молодой герцогъ.

Лодовико Сфорца въ свою очередь былъ настолько очарованъ красотой своей невѣсты, что всѣ его честолюбые планы и мысли о великой будущности отступили на задній планъ. Онъ воспользовался первымъ случаемъ, когда остался наединѣ съ Маріей, чтобы сказать ей:

— Я чувствую себя глубоко виноватымъ передъ вами, синьорина, съ самой минуты нашей встрѣчи. Но будьте милостивы ко мнѣ и простите то преступленіе, которое я позволилъ себѣ относительно васъ.

— Но въ чемъ же заключается ваше преступленіе, синьоръ герцогъ?

— Въ томъ, что я считалъ свой бракъ рѣшеннымъ, прежде чѣмъ познакомился съ вами. Только теперь, когда я увидѣлъ ваши кроткіе, прекрасные глаза, у меня явилось сознаніе, какъ горячо нужно любить васъ.

Марія улыбнулась. — Такое преступленіе, сказала она, можетъ быть искуплено неизмѣнной вѣрностью; и поэтому я заранѣе готова простить васъ...

Этотъ отвѣтъ привелъ въ восторгъ герцога. Взглядъ его огненныхъ глазъ смягчался и становился кроткимъ всякій разъ, когда онъ встрѣчался съ глазами очаровательной дѣвушки. Онъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа и велъ себя, какъ домашній человѣкъ, въ семьѣ своихъ будущихъ родныхъ, которые, благодаря этому, отнеслись къ нему съ полной сердечностью.

Хотя Гуильельмо Пацци долженъ былъ изъявить согласіе, чтобы свадьба была отпразднована въ палаццо Пьетро Медичи, какъ главы семьи, но при своемъ богатствѣ не имѣлъ надобности прибѣгать въ чемъ либо къ помощи племянника. Онъ назначилъ такое огромное приданое своей единственной дочери, что превзошелъ всѣ ожиданія самого Лодовико Сфорца. Поэтому переговоры продолжались недолго и кончились благополучно; вскорѣ послѣ первой встрѣчи, совершилось обрученіе и назначенъ былъ день свадьбы. Приготовленія заняли нѣсколько недѣль, потому что Пьетро Медичи зналъ, что предстоящая свадьба интересуетъ всѣ европейскіе дворы, которые потребуютъ о ней подробныхъ донесеній отъ своихъ посланниковъ, и не хотѣлъ упустить случая блеснуть пышностью дома Медичи, вошедшей въ поговорку.

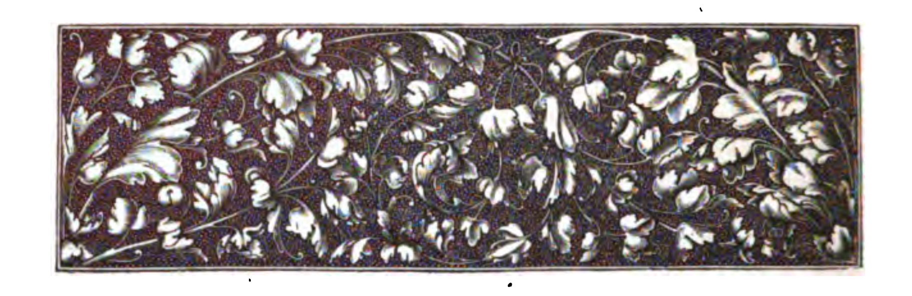
Брачныя празднества продолжались нѣсколько дней, а свадьба была такъ великолѣпно обставлена, что самая гордая владѣтельная принцесса была бы удовлетворена оказаннымъ ей почетомъ.

Невѣстѣ были поднесены на память подарки отъ всѣхъ классовъ населенія, такъ что давнишняя непріязнь флорентинцевъ къ дому Пацци, казалось, перешла въ обратное чувство. Взглядъ Маріи всего дольше остановился на дорогомъ молитвенникѣ съ заглавными буквами и прелестными арабесками, нарисованными рукой художника Леонардо да-Винчи. Она держала въ рукахъ этотъ прекрасный подарокъ во время всей свадебной церемоніи, и не разъ на ея глазахъ навертывались слезы при воспоминаніи о счастливыхъ и беззаботныхъ дняхъ, проведенныхъ ею въ замкѣ Буэнфидардо.

Городъ устроилъ въ честь молодой четы большой турниръ, за которымъ слѣдовало грандіозное пиршество. Во Флоренціи привыкли къ роскошнымъ празднествамъ и ко всякому великолѣпію, но богатство, выказанное въ этотъ день домомъ Медичи, поразило даже самихъ жителей пышнаго города. Среди художественно свитыхъ цвѣточныхъ гирляндъ, развѣшены были вдоль улицъ нарисованные и тканые ковры, которые, по живости и разнообразію красокъ, не уступали окружавшей природѣ. Вечеромъ мѣстность вокругъ палаццо Медичи освѣщена была факелами; народъ толпился здѣсь въ безчисленномъ множествѣ, не столько ради шумной музыки и изъ

желанія видѣть гостей, какъ потому, что время отъ времени щедрая рука бросала изъ оконъ деньги, которыя люди, стоявшіе на улицѣ, съ громкимъ ликованіемъ оспаривали другъ у друга.

Еще вечеромъ, наканунѣ свадьбы, на виллѣ Пацци, знатнѣйшіе кавалеры и дамы города исполнили «морески»—театральное представленіе, сопровождаемое мимическими танцами, въ которомъ участвовалъ герцогъ съ своей невѣстой. Всѣ видѣвшіе ихъ обоихъ въ этотъ вечеръ вынесли впечатлѣніе, что врядъ ли имъ придется когда нибудь встрѣтить болѣе красивую и подходящую чету.



ГЛАВА X.

Состязаніе поэтовъ.

Еще въ царствованіе Людовика XI, отца Карла XIII, начало увеличиваться значеніе и могущество французской націи. Людовикъ, незадолго до своей смерти, наслѣдовалъ владѣнія провансальскаго короля Рене, совмѣстно съ его притязаніями на неаполитанскій престолъ. Имя короля Рене не только прославилось, благодаря его качествамъ, какъ правителя, но и по романической репутаціи, которую онъ пріобрѣлъ своими поэтическими дарованіями и покровительствомъ, какимъ пользовались пѣвцы при его дворѣ. Если въ данный моментъ, подъ вліяніемъ вновь отрытыхъ образцовыхъ произведеній античнаго міра, Италія переживала блестящую эпоху Возрожденія, то поэзія еще раньше достигла апогея своей славы, благодаря «Божественной Комедіи» Данте. Но по странному совпаденію, подобно тому, какъ плодотворные зачатки зодчества, въ формѣ готическихъ соборовъ, перешли въ Италію изъ Франціи, такъ и Данте обязанъ былъ своимъ первымъ поэтическимъ вдохновеніемъ этой странѣ. Хотя искусство, вслѣдствіе возврата къ древнему міру, достигло новаго разцвѣта въ Италіи, но Франція могла во всякомъ случаѣ заявить притязаніе, что она въ значительной мѣрѣ способствовала этому возрожденію.

Содержаніе «Божественной Комедіи» Данте преимущественно относится къ эпохѣ борьбы гвельфовъ и гибелиновъ во Флоренціи. Данте въ молодости принадлежалъ къ гвельфамъ, затѣмъ перешелъ на сторону гибеллиновъ, много писалъ и сочинялъ стихи

въ защиту своей партіи, которая возлагала большія надежды на прибытіе германскаго императора. Въ своихъ стихахъ Данте впервые поставилъ итальянскій языкъ на опредѣленную и твердую почву для отличія отъ прежнихъ діалектовъ, бывшихъ въ употребленіи. Другъ его, Гіотто, изобразилъ голову поэта, въ серьезныхъ чертахъ котораго выражается глубокое душевное томленіе. Какъ въ Данте, такъ и въ Гіотто видѣнъ новый пошибъ итальянской поэзіи и искусства. Данте учился въ Парижѣ. Портретъ поэта—самое знаменитое произведеніе Гіотто, такъ какъ въ его мадоннахъ отчасти видѣнъ отпечатокъ мадоннъ византійскаго типа. Онъ былъ извѣстенъ, какъ живописецъ, скульпторъ и архитекторъ, выполнилъ большія работы въ Неаполѣ и Миланѣ и былъ не разъ приглашаемъ папами въ Римъ и Авиньонъ.

Данте и Гіотто остались друзьями до конца жизни. Когда Гіотто переѣхалъ въ Феррару, то Данте употребилъ всѣ усилія, чтобы его пригласили въ Равенну, гдѣ онъ находился въ то время.

Изъ произведеній Гіотто въ области зодчества наибольшей славой пользуется четырехъ-угольная башня, стоящая рядомъ съ соборомъ Санта-Марія-дель-Фіоре во Флоренціи, сверху до низу обшитая мраморомъ. Ему не удалось окончить ее, равно какъ и Арнольфо не дожилъ до окончанія постройки собора. Гіотто поручили соорудить башню, которая бы превосходила все, что было до этого создано греческимъ и римскимъ искусствомъ. Обшивка изъ черныхъ и бѣлыхъ мраморныхъ плитъ украшена въ высшей степени художественными орнаментами и скульптурными произведеніями.

Гіотто умеръ въ 1336 году, пятнадцать лѣтъ спустя послѣ Данте; его вліяніе на флорентинское искусство удержалось до конца столѣтія. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія, выступили: Гиберти, Бруннелески, Донателло и Мазаччіо, изъ которыхъ каждый увеличилъ, въ свою очередь, богатое наслѣдство, оставленное Гіотто въ области искусства.

Между тѣмъ, въ южной Франціи, подъ вліяніемъ мавританской поэзіи и искусства, началась новая жизнь въ смыслѣ развитія языка, эпической и лирической поэзіи.

Трудно сказать въ настоящее время, насколько пребываніе папскаго двора въ Авиньонѣ способствовало художественной и поэтической дѣятельности страны. Въ тѣ времена, въ Испаніи сильно преслѣдовали мавровъ и ихъ соплеменниковъ, евреевъ, но тѣмъ не менѣе, высокій умственный уровень этихъ двухъ народовъ имѣлъ огромное вліяніе на мѣстное населеніе какъ въ Испаніи, такъ и въ южной Франціи. Исламъ и Ветхій Завѣтъ относились враждебно къ скульптурѣ и живописи, но тѣмъ роскошнѣе проявилось художественное творчество въ области архитектуры и поэзіи, и въ обоихъ направленіяхъ, благодаря мавританскому вліянію, созданы были образцовыя произведенія, которыя возбудили удивленіе совре-

менниковъ и оказали могущественное воздѣйствіе на развитіе художественной жизни. Зодчество шло рука объ руку съ стремленіемъ создать обстановку, которая бы соотвѣтствовала великимъ произведеніямъ архитектуры; на ряду съ великолѣпными зданіями устраивались прекрасно распланированные сады съ терассами, прудами и фонтанами. Все, что могъ создать свободный полетъ фантазіи, находило у мавровъ роскошное примѣненіе. Подобно тому, какъ въ своихъ постройкахъ они любили изогнутыя линіи и сочетаніе пестрыхъ красокъ, такъ и въ садахъ они устраивали уютные поэтическіе гроты и лабиринты, которые смѣнялись прелестными клумбами цвѣтовъ и шумящими водометами. Танцовальное искусство пользовалось у нихъ особеннымъ почетомъ и, такъ называемые, «морески»—театральныя представленія, сопровождаемыя мимическими танцами,—долгое время были любимымъ развлеченіемъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ.

Мавры не разъ поселялись на югѣ Франціи и во многомъ оставили здѣсь слѣды своего духовнаго вліянія.

Фантастическія восточныя сказки, въ которыхъ отразился жаркій климатъ Аравіи, подъ вліяніемъ мягкаго и очаровательнаго воздуха южной Франціи, приняли характеръ поэтическихъ образовъ, гдѣ главную роль играла храбрость и рыцарскія добродѣтели, въ связи съ различными приключеніями. Подъ вѣяніемъ христіанскаго міровоззрѣнія, пламенныя любовныя приключенія востока превратились въ нѣжное почитаніе женской красоты, которое со временемъ получило названіе «galanterie». Подобно тому, какъ въ христіанской церкви небесная царица Марія пользовалась высшимъ почитаніемъ, такъ и красивымъ нравственнымъ женщинамъ воздавали родъ поклоненія. Если такая женщина съ красотой соединяла обаяніе ума, знатное происхожденіе и богатство, то около нея группировался цѣлый дворъ мечтательныхъ рыцарей, которые считали для себя честью исполнять ея приказанія или добровольно носили ея гербъ и цвѣта, и этимъ способомъ посвящали себя на служеніе ей. Такіе рыцари во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ руководились мечтательной надеждой заслужить милость дамы своего сердца въ видѣ подарка ленты, перчатки или ласковаго слова и нѣжнаго взгляда. Выраженіемъ этого рыцарскаго направленія и связаннаго съ нимъ культа служили, между прочимъ, многія мирныя празднества.

Такъ, въ одинъ чудный весенній вечеръ, на равнинѣ, близь того мѣста, гдѣ нѣкогда Петрарка сочинялъ стихи въ честь прекрасной Лауры, собралось многочисленное общество дамъ и кавалеровъ съ нарядной свитой слугъ обоего пола. Мужчины были на рослыхъ сильныхъ коняхъ; женщины — на чистокровныхъ, хорошо выѣзженныхъ иноходцахъ. Всѣ сошли съ лошадей, потому что достигли цѣли своей поѣздки и увидѣли палатки, приготовленныя

для ихъ пріема. Они были на разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ замка Водемонъ; гдѣ жила Жоланта, дочь короля Рене, съ своимъ супругомъ Жофредомъ, графомъ водемонскимъ. Замокъ Водемонъ славился своимъ гостепріимствомъ; но рѣдко его хозяевамъ приходилось принимать такихъ знатныхъ дамъ и кавалеровъ, какъ въ данный моментъ. Французскій король Карлъ VIII, съ своей молодой супругой, удостоилъ посѣщеніемъ свою родственницу Жоланту,

Данте въ мастерской Гіотто (по Г. Фогелю).

и въ честь его было устроено празднество, которое должно было напомнить до малѣйшихъ подробностей старые провансальскіе нравы и дворъ отца графини водемонской.

Ходили слухи, что Жоланта была слѣпа въ дѣтствѣ и что впослѣдствіи искусство одного мавританскаго врача возвратило ей зрѣніе. Теперь она уже была нѣсколько лѣтъ замужемъ и имѣла дѣтей, но вела тотъ же образъ жизни, какъ ея отецъ: она и мужъ ея покровительствовали поэтическому творчеству и поддерживали

дѣятельное сношеніе съ лучшими и наиболѣе извѣстными представителями его.

Времена тяжелыхъ бѣдствій прошли для Франціи. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Іоанна д'Аркъ воодушевляла французское войско, которое подъ ея предводительствомъ одерживало надъ англичанами побѣду за побѣдой. Съ тѣхъ поръ, послѣ многихъ другихъ битвъ и борьбы, образовалось единое могущественное королевство, и Карлъ VIII имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительное войско, послушное его волѣ и настолько пріученное къ дисциплинѣ, что въ этомъ отношеніи съ нимъ не могло сравниться ни одно изъ европейскихъ войскъ. Въ данный моментъ нельзя было предвидѣть ни его будущихъ плановъ, ни того направленія, какое приметъ честолюбіе молодаго короля, потому что супружеское счастье отвлекало его отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Различныя увеселенія, устроенныя графиней Жолантой, настолько подходили къ его душевному настроенію, что онъ, въ числѣ другихъ гостей, съ нетерпѣніемъ ожидалъ предстоящаго празднества.

Неизмѣнно ясная и хорошая погода, свойственная этой благословенной мѣстности, вполнѣ благопріятствовала подобнымъ затѣямъ, такъ что еще за день передъ тѣмъ, на большой равнинѣ были раскинуты великолѣпныя палатки, которыя должны были служить мѣстомъ сборища и пріютить многочисленныхъ гостей.

Для королевской четы была приготовлена особенно изящная палатка, голубая, шелковая, съ золотыми лиліями. При этомъ, радушные хозяева позаботились о доставленіи возможнаго комфорта своимъ гостямъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ чувствовать себя хорошо и уютно. Передъ палатками короля и королевы поставлена была стража, которая должна была охранять спокойствіе ихъ величествъ. Какъ стража, такъ и вся прислуга была одѣта въ фантастическихъ пестрыхъ костюмахъ, соотвѣтственно цвѣту палатки, при которой она должна была находиться. Сами господа одѣлись съ большимъ вкусомъ въ легкіе, хотя и дорогіе, наряды; кавалеры были безъ оружія; дамы, вмѣсто золота и драгоцѣнныхъ камней, украсили себя живыми цвѣтами. Вездѣ были развѣшены гирлянды и разставлены букеты рѣдкихъ цвѣтовъ, чтобы гости могли насладиться разнообразіемъ ихъ красокъ и тонкимъ ароматомъ.

Праздникъ долженъ былъ продолжаться день и ночь, до слѣдующаго утра. Въ числѣ другихъ развлеченій, вмѣсто обычныхъ рыцарскихъ турнировъ, предположено было устроить поэтическое состязаніе, и съ этой цѣлью графъ Водемонъ пригласилъ нѣсколькихъ наиболѣе извѣстныхъ импровизаторовъ Франціи. Для нихъ приготовлены были различные призы, а тотъ, кто превзойдетъ всѣхъ остальныхъ, долженъ былъ получить изъ рукъ молодой королевы лавровый вѣнокъ и драгоцѣнный аграфъ на шляпу. Раздача призовъ была для поэтовъ самымъ важнымъ моментомъ праздника и

могла еще больше утвердить ихъ славу, такъ какъ слухи объ этомъ состязаніи должны были дойти до самыхъ отдаленныхъ дворовъ Европы. Ожиданія остальныхъ гостей соотвѣтствовали ихъ вкусу и склонностямъ; одни собирались ухаживать за дамами, другіе съ удовольствіемъ думали о лакомыхъ блюдахъ и превосходномъ винѣ, которые будутъ поданы за столомъ.

Сообразно обычаю, на одного изъ болѣе пожилыхъ гостей возложена была обязанность распорядителя, которому всѣ должны были повиноваться. Одинъ король могъ отмѣнять его распоряженія, но Карлъ VIII объявилъ, что добровольно отказывается отъ своего права и наравнѣ съ другими признаетъ надъ собою власть распорядителя. Хотя небольшое путешествіе изъ замка Водемонъ не было особенно утомительно, но назначено было полчаса для отдыха, чтобы увести лошадей и дать время гостямъ привести въ порядокъ свой туалетъ. Дамы сняли шляпы и украсили свои головы цвѣтами, выборъ которыхъ зависѣлъ отъ ихъ личнаго вкуса; у однѣхъ волосы были распущены у другихъ подобраны въ сѣтки. Кавалеры остались въ томъ же платьѣ, только перемѣнили тяжелые ботфорты на легкую обувь.

Французскій король, Карлъ VIII.

Въ назначенное время всѣ сошлись около королевской палатки, и когда общество оказалось въ полномъ сборѣ, появился король Карлъ съ своей супругой. Затѣмъ гостей пригласили въ большую открытую палатку, гдѣ были разставлены богато сервированные столы. Король сѣлъ рядомъ съ графиней Жолантой; королева около графа Водемонъ; остальные гости размѣстились попарно пестрыми рядами. Поданъ былъ легкій завтракъ, который состоялъ преимущественно изъ плодовъ и рѣдкихъ винъ. Общество было въ наилучшемъ расположеніи духа; серьезные разговоры смѣнялись веселыми шутками и смѣхомъ; но всѣ умолки, когда вошелъ распорядитель и почтительно поклонился королю. Тогда Карлъ поднялся съ своего мѣста; остальные гости послѣдовали его примѣру.

Общество двинулось въ томъ же порядкѣ, въ какомъ сидѣло за столомъ, къ обширному лугу, на которомъ сдѣланы были приготовленія для состязанія поэтовъ. На дорогомъ коврѣ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, стояли два трона для ихъ величествъ; на правой и лѣвой сторонѣ отъ нихъ разставлены были кресла и табуреты для остальныхъ гостей. Прислуга была также допущена и сгруппировалась въ почтительномъ отдаленіи отъ своихъ господъ.

Шестеро изъ наиболѣе прославленныхъ поэтовъ, всѣ изъ рыцарскаго званія, явились по приглашенію графа Водемона. Для нихъ были приготовлены особыя мѣста въ сторонѣ отъ зрителей. Общество особенно интересовалось двумя изъ нихъ: рыцаремъ Гуго де-Марилльякъ и сеньеромъ де-Летеллье, которые въ послѣднее время заслужили особенную благосклонность публики своими прекрасными стихотвореніями. При этомъ упорно ходили слухи, что стихи де-Летеллье сочиняются въ монастырѣ однимъ ученымъ монахомъ, который, не желая, чтобы его имя было связано съ подобными свѣтскими произведеніями, отдаетъ ихъ въ полное распоряженіе своего родственника. Но кто могъ поручиться въ справедливости этихъ слуховъ!

Изъ множества присутствующихъ рыцарей, молодой Баярдъ обращалъ на себя общее вниманіе своей могучей фигурой и красивыми очертаніями лица. Баярдъ еще въ скромномъ званіи пажа прославился своей храбростью и считался образцомъ рыцарскихъ добродѣтелей; поэтому, многія знатныя дамы завидовали кроткой Клотильдѣ де-Лиможъ, которую онъ избралъ своей повелительницей на этомъ праздникѣ и даже теперь сидѣлъ рядомъ съ нею.

Когда зрители заняли свои мѣста, распорядитель снова поклонился королю, и его величество подалъ знакъ къ началу состязанія. Первый выступившій поэтъ былъ Клодъ Турнэ: въ его мелодичномъ стихотвореніи, исполненномъ глубокаго чувства, воспѣта была красота неизвѣстной дамы.

Присутствующіе слушали его съ величайшимъ вниманіемъ. Разговоры прекратились; слышенъ былъ только легкій шорохъ вѣеровъ. Если кто изъ кавалеровъ осмѣливался шепнуть сидѣвшей около него дамѣ какое нибудь замѣчаніе, то неодобрительная улыбка и легкій ударъ вѣеромъ немедленно принуждалъ его къ молчанію. Наконецъ, Турнэ произнесъ послѣдніе строфы своего стихотворенія и удалился съ почтительнымъ поклономъ.

Начался оживленный споръ о достоинствахъ и недостаткахъ поэтическаго произведенія Турнэ; но всѣ сходились въ одномъ, что оно во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ похвалы. Дамы очень желали бы узнать къ кому обращены стихи; но пока нельзя было сдѣлать о нихъ никакого окончательнаго вывода, потому что приходилось предварительно выслушать остальныхъ поэтовъ.

Затѣмъ наступила очередь де-Летеллье. Въ его стихотвореніи

говорилось о чувствѣ любви въ общихъ, хотя вполнѣ наглядныхъ чертахъ; но оно было настолько украшено учеными ссылками на греческихъ и римскихъ поэтовъ, что это невольно вызвало у многихъ недовѣрчивую улыбку. Всѣ признавали, что стихи были безупречны по формѣ и въ нихъ заключались возвышенныя прекрасныя мысли; но въ виду возникшаго подозрѣнія относительно ихъ подлинности, никому не пришло въ голову осчастливить де-Летеллье первымъ призомъ.

Другіе, слѣдовавшіе за нимъ поэты, равнымъ образомъ заслужили одобреніе слушателей, такъ какъ по приглашенію графа Водемонъ явились самые знаменитые изъ нихъ, и чтобы достойно почтить великолѣпное празднество, представили лучшія свои произведенія.

Хотя еще не всѣ поэты успѣли представить свои стихи на судъ публики, но когда наступила очередь рыцаря Гуго де-Мариллькъ, то всѣ были увѣрены заранѣе, что онъ получитъ высшій призъ. Его стихотвореніе, помимо глубины мысли и поэтическихъ образовъ, представляло то преимущество, что было исключительно посвящено прекрасной королевѣ Аннѣ. Даже король выразилъ вслухъ свое полное одобреніе.

Быть можетъ, покажется страннымъ, почему никто изъ остальныхъ поэтовъ не выбралъ этой тэмы; но, какъ оказалось впослѣдствіи, каждый изъ нихъ остановился на другомъ сюжетѣ въ увѣренности, что его товарищи посвятятъ свои стихотворенія молодой королевѣ. Одинъ Гуго находилъ вполнѣ естественнымъ, чтобы прекрасная Анна Бретанская была воспѣта всѣми поэтами, приглашенными на праздникъ, удостоенный ея присутствіемъ.

Когда послѣдній изъ поэтовъ представилъ свое стихотвореніе на судъ слушателей, то объявленъ былъ конецъ состязанія. Король, черезъ распорядителя праздника, пригласилъ пятерыхъ лицъ, которые, подъ его предсѣдательствомъ, составили совѣтъ для раздачи наградъ, потому что, согласно обычаю, каждый изъ поэтовъ долженъ былъ получить награду.

Королева, въ свою очередь, выбрала пятерыхъ дамъ, чтобы сговориться съ ними относительно того, кто будетъ раздавать призы. Это послужило поводомъ къ веселымъ шуткамъ и смѣху, потому что было извѣстно, которой изъ дамъ особенно благоволятъ нѣкоторые изъ поэтовъ; при этомъ названо было имя той особы, на которую въ общихъ чертахъ намекнулъ де-Летеллье въ своихъ строфахъ о любви.

Вслѣдствіе этого, объявлено было, что каждый поэтъ получитъ призъ отъ дамы, вдохновившей его музу, такъ какъ изъ ея рукъ ему всего пріятнѣе будетъ принять награду.

Прежде всѣхъ де-Мариллькъ преклонилъ колѣна на подушку, которую ему подалъ придворный пажъ, и получилъ изъ рукъ молодой королевы лавровый вѣнокъ и драгоцѣнный аграфъ на шляпу

съ брилліантовымъ вензелемъ ея величества, выложеннымъ въ видѣ прелестныхъ арабесокъ.

Такіе же призы, хотя меньшей цѣнности, были розданы избранными дамами остальнымъ поэтамъ, подъ шумный говоръ блестящаго общества, обступившаго ихъ со всѣхъ сторонъ.

Когда кончилась раздача призовъ, король и королева встали съ своего мѣста и присоединились къ остальнымъ гостямъ, изъ которыхъ каждый удостоился ихъ милостиваго вниманія. Никто не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія въ образовавшихся группахъ шелъ оживленный разговоръ, время отъ времени слышался дружный смѣхъ; поэтамъ оказывали особенный почетъ на этомъ веселомъ своеобразномъ празднествѣ.

Баярдъ воспользовался моментомъ, когда онъ очутился рядомъ съ де-Летеллье, и сказалъ ему:

— Я хочу просить васъ, синьоръ де-Летеллье, заняться моимъ обученіемъ; быть можетъ, и мнѣ удастся выражать мои чувства въ прекрасныхъ риѳмахъ. Мы живемъ среди такого полнаго и безмятежнаго мира, что наши шпаги окончательно заржавѣли бы, еслибы не было маленькихъ стычекъ съ разбойниками на большихъ дорогахъ и мы не дрались на турнирахъ. Намъ необходимо искать другихъ способовъ, чтобы привлечь на себя вниманіе красивыхъ женщинъ, хотя бы въ видѣ служенія изящнымъ искусствамъ, потому что геройство не въ модѣ, и теперь всякій вправѣ сказать о насъ, что мы производимъ много шуму изъ пустяковъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ де-Летеллье, что вамъ нечего искать новыхъ способовъ, чтобы заслужить расположеніе прекраснаго пола. Не только среди придворныхъ дамъ, но и между деревенскими дѣвушками ходятъ разсказы о вашей храбрости и различныхъ приключеніяхъ. Вы скоро сдѣлаетессь героемъ баснословныхъ сказаній. Вмѣсто того, чтобы сочинять стихи, доставляйте намъ, по прежнему, сюжеты для нашихъ поэмъ и будьте увѣрены, что ваша слава не уменьшится, если когда нибудь ласковый взглядъ прекрасныхъ глазъ поощритъ поэта. Пусть пройдетъ годъ послѣ женитьбы короля, и онъ неизбѣжно почувствуетъ потребность въ другихъ развлеченіяхъ, чѣмъ то, какое мы сегодня доставили ему, и тогда снова возсіяетъ слава нашего благороднаго рыцарства. Повѣрьте, что король по своему характеру неспособенъ удовлетвориться долгимъ спокойствіемъ и пустыми забавами.

— Клянусь честью, возразилъ Баярдъ, что такая прелестная женщина, какъ королева Анна, можетъ надѣть розовыя оковы на самаго храбраго человѣка; поэтому я думаю, что и для насъ наступило время заняться мирнымъ искусствомъ, чтобы заслужить ея одобреніе. У короля было много плановъ до его женитьбы, и мы надѣялись, что онъ пожелаетъ овладѣть неаполитанской короной, но теперь я больше не вѣрю этому, такъ какъ красивые глаза

МИЛЬТОНЪ, ДИКТУЮЩІЙ СВОИМЪ ДОЧЕРЯМЪ „ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ“.

Картина Мункачи.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 мая 1884 г. Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

КОЛЫБЕЛЬ МИЛЛІОНОВЪ.

(Очерки золотаго царства).

I.

По пути въ Верхъ-Нейвинскъ.—На земляныхъ работахъ. — Желѣзнодорожный городокъ.—Динамитные взрывы.—Встрѣча съ властью.

МЕНЯ ДАВНО манило въ самую глубь Урала, туда, гдѣ въ вѣчномъ мракѣ рудника, гномъ-человѣкъ, цѣною невѣроятныхъ усилій, отнимаетъ у земли ея глубоко схороненныя сокровища, гдѣ одинокія старательскія артели, въ глуши дремучихъ лѣсовъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ выживаютъ у золотоносныхъ рѣкъ, еще не намѣченныхъ даже на картѣ, гдѣ высокія горы стали на самый рубежъ студенаго сибирскаго царства, точно заслоняя Россію отъ его леденящаго дыханія.

Выѣхавъ изъ Екатеринбурга къ сѣверу, я уже, на первыхъ порахъ, погрузился въ вѣчную дрему суроваго мрачнаго лѣса. Со всѣхъ сторонъ дорогу обступали мрачныя сосны, почти къ самому небу простиравшія свои вѣтви. Впереди были все тѣ же голые красноватые стволы, словно сквозь ихъ старческую кору видна была кровь, пробѣгавшая по безчисленнымъ жиламъ этихъ великановъ, невѣдомо какъ уцѣлѣвшихъ отъ топора промышленника. Вокругъ все молчало; молчала рѣченка, будто притаившаяся у старыхъ корней; молчалъ, думая свою таинственную думу, лѣсъ, молчало сѣрое, точно нахмурившееся сегодня, небо, по неволѣ молчали

и мы, глядя впередъ, не просвѣтлѣетъ ли, наконецъ, не покажется ли гдѣ нибудь веселое сельбище... Но версты за верстами остаются позади, а ни одной хатки не видать ни гдѣ. Мы, было, уже заснули, какъ вдругъ какой-то шумъ заставилъ насъ выглянуть изъ кибитки.

— Эхъ, бабами лѣсъ-то понасыпало. Словно, тебѣ, грибы послѣ дождя поднялись!

И откуда взялись онѣ! У самой дороги сидятъ кучами, между стволами сосенъ мерещутся яркими пятнами. Сотни ихъ здѣсь.

У всѣхъ бабъ въ рукахъ кузовки, полные грибовъ и малины. Изъ глубины, точно удивленнаго всѣмъ этимъ шумомъ и гамомъ лѣса, несутся обрывки пѣсенъ, визгливые голоса стараются перекричать одинъ другаго; смѣхъ, заразительный, веселый, стремится намъ на встрѣчу.

Дорога пошла вдоль строящагося желѣзнодорожнаго пути. Недавно только насланное полотно осѣло и потрескалось; щели разбѣжались во всѣ стороны, сливались и перекрещивались, расходились трещинами, точь въ точь какъ старое прорѣзанное тысячами морщинъ лицо. Всѣ эти трещины нужно опять забивать и засыпать,—до перваго сухаго дня; тогда солнечные лучи опять посмѣются надъ цѣлою массою потраченнаго людьми труда. Сегодня, впрочемъ, ихъ заслонили холодныя сѣрыя тучи; прямо въ лицо намъ уже дышала близкая осень; вѣтеръ, пролетая мимо сосновыхъ вершинъ Урала, захватывалъ съ собою и леденящій холодъ. По бокамъ пути была вездѣ снята верхняя почва, оставлены только корни деревьевъ съ четырехъ-угольниками правильно срѣзанной земли, точно эти пни стояли временно на пьедесталахъ, приготовленныхъ для болѣе благородной цѣли. Безпорядочные холмы изъ камней, цѣлыя скалы, грудами торчатъ, однѣ на другихъ. Въ ихъ скважины когда-то вѣтромъ нанесло земли, съ земли поднялись веселыя елки и треплются онѣ по вѣтру, точно радуясь, что ихъ корни, все глубже и дальше заползая въ скалы, дѣлаютъ тамъ свою разрушительную работу. Камни надвигаются на дорогу; скоро она должна каждый клочекъ отвоевывать у нихъ. Посѣдѣвшій отъ старости, крѣпко-зернистый гранитъ—всюду. Скоро дорога поднялась на него; полотно желѣзнодорожнаго пути наслано на первозданной породѣ. Мѣстность всхолмливается. Мы то опускаемся въ глубокія долины, гдѣ внизу шумятъ безчисленные ручейки, точно злясь на лѣсную чащу, заслонившую отъ нихъ небо, то наша кибитка въѣзжаетъ на вершины горъ, которыя, точно сторожа, оцѣпили кругомъ тѣнистую падь. Горы за горами: веселыя, зеленыя—впереди, за ними — синія, сливающіяся однѣ съ другими, дальше сѣрыя, — а тамъ уже и не отличить вершинъ ихъ отъ уральскихъ пиковъ; ихъ тучи наслоились и застыли въ своемъ очаровательномъ снѣ; отдѣльные пики кое-гдѣ торчатъ изъ общей массы этихъ

горъ; вонъ, такъ называемыя «типичныя» —красивыя, парныя вершины. Онѣ встрѣчаются на всемъ Уралѣ и составляютъ его особенность. По всему пути, то и дѣло, пересѣкаетъ намъ дорогу или идетъ съ ней бокъ о бокъ прелестная, капризная, какъ женщина, гибкая, извилистая, какъ змѣя, рѣка. Она въ котловинахъ раскидывается въ свѣтловодныя озерки, словно стальные щиты, едва поблескивающіе сегодня: въ узинѣ, стѣсненной двумя крутогорьями, она рвется впередъ, съ грохотомъ ворочая каменья, перегораживая нашъ путь. Вонъ, зеленые луга пошли изрѣдка, взглядъ скользитъ по нимъ вплоть до горъ, закутавшихся въ синія издали лѣса. По косогорамъ пути — жалкія землянки, шалаши, похожіе на лапландскія вѣжи. Оттуда клубомъ вырывается дымъ, костры разложены и между этими жалкими логовищами желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Пермяки верхами и такъ, съ конями въ поводу, по одиночкѣ и толпами, пересѣкаютъ нашу дорогу. Все это изможженное на непосильной работѣ, все это сумрачное, потное; выраженіе лицъ, характеризующееся народнымъ присловьемъ — «глаза бы ни на что не глядѣли». Не сладко, видимое дѣло, и здѣсь, несмотря на высокую поденную плату!

Мы остановились у одного изъ костровъ. Въ котелкѣ надъ нимъ вскипала и булькала каша. Безносая баба помѣшивала ее; рядомъ сидѣло трое совсѣмъ одичавшихъ людей.

— Хлѣбъ да соль.

Подняли на насъ глаза и оторопѣло передвинулись въ сторону.

— Чугунку работаете, братцы?

Тоже молчанье. Только баба на нихъ вскинулась:

— Чего же вы, идолы, молчите. Аль у васъ язва языкъ отъѣла... Ишь, купцы спрашиваютъ.

— Оно самое... чугунку...

— Отколь вы?..

— Пермяки. Мы туточныхъ волостей... все за нихъ же объясняла баба. — Да что!.. Думали, ни вѣсть какъ будетъ хорошо... На рупь польстились... А только и бѣда! — кони теперь падаютъ, хлѣбъ дорогъ, живемъ, что черви, въ землѣ, въ сырости — въ холодѣ. Грязи на насъ-то... Вша насъ ѣстъ, во какъ!..

— Истъ, истъ! одушевились рабочіе. — Вша теперь вездѣ — потому бань нѣтъ.

— И кабаковъ про васъ, иродовъ, понастроили... Все, что заработаютъ, пропиваютъ, плакалась баба.

— Какъ не пить-то? Пьемъ, матка... Потому, сама говоришь, холодно. Коли бы не пить — не жить.

— Ты что же, жена чья?

Баба потупилась.

— Она наша, господинъ. Наша... Въ маткахъ у насъ живетъ.

Для всѣхъ, значить, на трехъ — одна! пояснилъ пермякъ. — Дѣ бабье сполняетъ. Рубахи намъ моетъ, кашу варитъ..

Добрались мы до Дѣдовыхъ каменныхъ горъ. Онѣ совсѣмъ п регородили путь желѣзной дорогѣ. Одну изъ нихъ, по ниже, нуж снести прочь, и вотъ, въ четыре мѣсяца, едва-едва удалось таки образомъ покончить съ ея верхушкой. Бѣлая, цѣльная скала внизу,- а въ верху изломы; видимо вся изорвана здѣсь динамитомъ. Свѣ жія выбоины по сторонамъ. Вода отъ вчерашняго дождя въ них Въ одну забрался рабочій и купается, въ другой баба полощет бѣлье. Дальше работа идетъ правильнѣе. Плоскія поверхности, кра только что сдѣланныхъ выемокъ правильны. Мы посмотрѣли сверх внизъ. Мошки-люди дѣятельно борются съ первозданной породо До насъ едва достигаетъ стукъ молотковъ по бурамъ, съ каждым ударомъ все глубже и глубже входящихъ въ бѣлое громадное тѣл скалы.

— Много-ль за этотъ египетскій трудъ платятъ?

— Съ каждаго вершка... по три копѣйки за вершокъ. За инымъ то побьешься-побьешься... Съ ума сойти надо!..

— А сколько вершковъ въ день выбьешь такъ-то.

— Какъ кто въ силахъ. Вонъ Митрій и всѣ двадцать выбьетъ коли съ утра съ самаго ранняго... А то и пятнадцать, слава т Господи!

Какіе-то черномазые люди бѣгаютъ между ними съ шляпам на затылкѣ. Смѣлый очеркъ южнаго, со всѣмъ не русскаго лица мелкорослыя фигурки, подвижныя, быстрыя; каждое слово сопро вождается жестами.

— Это кто такіе?.. Ишь что размахались.

— Зажигальщики, тальянцы они...

Оказались, дѣйствительно, итальянцы; ихъ тутъ много, и он исключительно занимаются закладкою динамитныхъ минъ, которы у каждаго изъ нихъ находятся у пояса въ коробкѣ. Длинные сверт бумажныхъ лентъ съ порохомъ играютъ роль фитилей; такой фити проводится въ пистонъ, пистонъ защипывается въ динамитную ми провертывается дырочка, куда и вкладывается пистонъ. Когда назначенной линіи всѣ буры вбиты до необходимой глубины итальянцы отмѣриваютъ ихъ, отмѣчаютъ въ рабочихъ книжка количество вершковъ, затѣмъ вкладываютъ динамитную массу аршинъ внутрь скалы. Къ этой массѣ прибавляется динамитн патронъ. Вонъ, итальянцы что-то заболтали по своему, одинъ и нихъ заигралъ что-то на трубѣ.

— Первый сигналъ этотъ... Сейчасъ рабочіе побѣгутъ.

Они, дѣйствительно, разбѣжались за огромныя скалы, впроче недалеко, видимо, привыкли. По второму сигналу всѣ патро должны быть уже вложены, по третьему итальянцы зажигаютъ б мажныя ленты и бѣгутъ сами опрометью.

Мы отошли тоже подальше; послышался грохотъ взрыва, трескъ отъ коловшейся скалы, и цѣлая масса земли и камня валетѣла вверхъ и съ громомъ разсыпалась по окрестнымъ скатамъ и утесамъ. Человѣкъ-мошка сдѣлалъ свое дѣло разрушенія, и, казавшаяся несокрушимою, гордая масса первородной горы разбилась и раскинулась вся безжизненными, жалкими обломками.

— А что, всегда такъ безопасно происходятъ взрывы? спрашиваю я у ближайшаго.

— Ну, какъ кому... Вчера бабу одну попортило. Въ голову ей— вдарило. Стояла она — видимъ... Господи!..

— Что же она теперь?

— Какъ теперь?.. Да мы ее ночью и зарыли. Потому ей камнемъ-то полголовы прочь снесло... И не ахнула. И баба-то была какая...

Здѣшняя порода до того крѣпка, что порохъ на нее не дѣйствовалъ вовсе, поневолѣ пришлось пустить въ дѣло динамитъ или какъ называютъ его рабочіе, «демобитъ». Лучшіе изъ мѣстныхъ рабочихъ получаютъ въ день по рублю, но рѣдко; чаще плата колеблется между 45 и 75 копѣйками. Вонъ, у самаго полотна желѣзной дороги цѣлый городъ землянокъ; говоръ такъ и ходитъ волной надъ этимъ сельбищемъ полуголаго и, во всякомъ случаѣ, работающаго въ проголодь люда. Однимъ бабамъ, очевидно, хорошо здѣсь; яркими пятнами отличаются онѣ въ массѣ сѣрыхъ людей, сѣрыхъ построекъ и сѣрой земли. Красный кумачъ такъ и рябитъ глаза. Визгливыя пѣсни ихъ такъ и садятся въ ухо. Бабы здѣсь занимаются возкой песку.

Кучи дѣтей возились между землянками и шалашали; мы вошли въ одно изъ логовищъ. Въ землянкѣ оказались со всѣхъ сторонъ нары съ соломой. Въ верху сушилась обувь и промоченное платье, въ кадкахъ по угламъ стояла капуста. Страшный воздухъ напомнилъ намъ жилье мурманскихъ покрученниковъ на дальнемъ сѣверѣ. Какъ можно было дышать имъ, какія легкія нужно имѣть, чтобы жить въ такихъ условіяхъ! Между такими жильями то и дѣло краснѣли ярко раздувавшіеся огни безчисленныхъ кузницъ и слышался правильный, какъ біеніе стальнаго пульса, стукъ молотовъ; рядомъ визжало желѣзо подъ инструментомъ слесарей, дальше пильщики потѣли надъ громадными бревнами и безшумно, молчаливо землекопы снимали дернъ съ сырыхъ, тотчасъ же наполнявшихся водой понизей.

Наконецъ, вдали блеснуло большое озеро, выдвинулись обступившія его съ сѣвера горы... Зеленые острова, на нѣкоторыхъ — сквозная березовая чаща. Воображаю, какъ красива она подъ яркимъ солнцемъ лѣтняго полудня, когда всю ее проникаютъ золотые лучи, когда каждый нѣжный листокъ точно купается въ тепломъ воздухѣ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ, то высту-

паютъ, то пропадаютъ извивы берега, уходящаго на лѣво, въ густую чащу сумрачнаго сѣвернаго лѣса... Прямо, напротивъ, въ озеро обрывается гора, на которой разбросаны зданія завода. За ней мерещутся другія горы. На одной изъ нихъ самая высокая башня... Ближе, въ покойныя воды Таватуя смотрится масса деревянныхъ домиковъ, каменныя крытыя постройки, похожія на старинныя крѣпости... Все вѣетъ просторомъ, привольемъ. Глаза разбѣгаются по красивымъ деталямъ этого замѣчательнаго даже на Уралѣ пойзажа. Вонъ, по берегу озера вытянулись ряды пихтъ; точно станомъ стали тамъ, у самой воды.

Мы вышли, чтобы дойти до самаго завода пѣшкомъ, такъ хороши казались окрестности.

Не успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ сзади налетѣла тройка, гремя колокольцами и бубенчиками.

— Стой! послышалось оттуда. Тройка остановилась.

— Стой!.. Стой!.. Ей, вы... Стойте!.. Мы поняли, что дѣло касается насъ.

Какой-то одутловатый парень въ свалившейся на бекрень фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и кокардой вышелъ оттуда.

— Кто такіе будете?

— А вамъ что за дѣло?

— Значитъ, есть дѣло, если спрашиваю. Куда вы? Я васъ по обязанности...

— Мы путешественники.

— Пѣшкомъ-то?

— Ну, значитъ, поджигатели! Вотъ озеро Таватуй поджечь хотимъ, расхохотался я.

— Да вы не смѣйтесь. Паспорты у васъ есть?

— Нѣтъ, потому что мы бѣжали изъ Нерчинскихъ рудниковъ и еще не запаслись таковыми.

Власть, видимо опѣшила.

— То есть, позвольте!.. Какъ же это — бѣжали? Въ какомъ смыслѣ?.. Для чего?..

— Для чего бѣжали? Для изученія отклоненій магнитной стрѣлки на сѣверныхъ отрогахъ Урала.

Мой спутникъ фыркнулъ; расхохотался и я. Едва удалось отдѣлаться отъ ревностной власти.

У самой слободки насъ поджидалъ ямщикъ.

— А чиновникъ про васъ спрашивалъ, смѣялся онъ. — У насъ начальство дошлое. Потому, нельзя, оно за поимку награды получаетъ.

II.

Верхъ-Нейвинскъ. — Трудно кормиться!—Цифры. — Золотое и желѣзное дѣло.— Порядки на Чусовой. — Виды съ Сухой горы. — Семь братьевъ. — Фонари вмѣсто памятниковъ и молебенъ, замѣнившій свадьбу.

Верхъ-Нейвинскіе заводы славятся своимъ листовымъ желѣзомъ; оно оказывается чуть ли не лучшимъ изо всѣхъ существующихъ. Съ марками «А. Я. Сибирь», оно идетъ даже въ Америку и продается тамъ баснословно дорого для печей и для футляровъ. Чрезвычайно красивое, оно никогда не красится снаружи. Я попалъ сюда въ праздники, такъ что, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось видѣть самаго производства, тѣмъ болѣе, что Рудянка, гдѣ прокатывается это желѣзо, была тогда временно закрыта. Кромѣ этого спеціальнаго дѣла, въ Верхъ-Нейвинскѣ разработываютъ золото изъ пріисковъ, которыхъ здѣсь до десяти. Хотя нѣкоторые изъ нихъ уже оставлены, а всѣ другіе отданы старателямъ, т. е. вольнымъ артелямъ, добывающимъ драгоцѣнный металлъ на владѣльческой землѣ съ условіемъ — за опредѣленную плату отдавать его заводоуправленію, которое принимаетъ его отъ 1 руб. 90 к. до 2 руб. за золотникъ. Работа эта, когда-то столь выгодная, теперь не даетъ болѣе пятидесяти копѣекъ поденной платы, да и то не всегда. Иной день крестьянинъ напрасно промоетъ цѣлую массу песку, земли и пустой породы, не найдя въ ней ни крупинки золота. Эксплуатируемые заводомъ старатели, въ свою очередь, стараются эксплуатировать женщинъ. Они ихъ нанимаютъ на работы уже отъ себя; плата ничтожная — по 20 коп. въ день. Такимъ образомъ, въ теченіи двѣнадцати часовъ, баба трудится, чтобы получить возможность только-только не умереть съ голода. Въ мое время цѣна хлѣба доходила до 80 коп. за пудъ. Чрезъ два года она поднялась еще выше, перешла за 1 руб. 10 коп., а вознагражденіе старателямъ и старательницамъ осталось все тоже! Почва здѣсь давно истощена и богатые пріиски выработаны предшествовавшими поколѣніями; въ годъ заводоуправленіе собираетъ, такимъ образомъ, довольно мало золота. На другихъ здѣшнихъ пріискахъ работаютъ не вольныя артели, а наемныя; но первыя гораздо болѣе добываютъ металла такъ, въ то время, какъ по прежней номенклатурѣ на господскихъ работахъ въ Ягодномъ, Полуденно-Шураянскомъ, Ключевскомъ, Шигиринскомъ, Кухарскомъ, Алексѣевскомъ пріискахъ съ мая по май вымыто золота: въ 1874 году— 9 п. 25 фун. 97 золотниковъ, а въ 1875 г. — 12 п. 4 фун. $50^1/_2$ золотн., — старательскія работы дали золота: въ 1874 г. — 19 п. 12 ф. 57 зол., а въ 1875 г. — 14 п. 29 фун. Сверхъ этого, добыто самое незначительное количество шурфочнаго золота и не больше—

жильнаго. Чтобы дать понятіе о количествѣ работы въ Верхъ-Нейвинскомъ округѣ, довольно привести слѣдующія цифры: съ 1-го мая по 18-е іюля 1876 года, т. е., въ два съ половиною мѣсяца, здѣсь считалось 14,885 рабочихъ дней, распредѣляемыхъ на 233 человѣка, которые подняли и промыли огромную массу породъ. Содержаніе золота въ нихъ колеблется, смотря по мѣстности. Самою богатою является Ключевскій, гдѣ на сто пудовъ земли пришлось отъ 19 до 20 золотниковъ маталла; самымъ бѣднымъ—Шингиринскій, гдѣ то-же количество промытыхъ породъ дало только 17 долей золота. Всего же въ 1876 году, за шесть первыхъ мѣсяцевъ, съ 5.144,000 пудовъ песку добыто восемь пудовъ и 13 фун. золота. Старательскія работы представляютъ гораздо болѣе крупныя цифры. Въ 1876 году; на нихъ было 781 чел. съ такимъ же количествомъ ручныхъ станковъ, на которыхъ поднято 8.500,000 пудовъ песку, давшаго за первое полугодіе 7 пуд. 2 фун. золота.

— Охъ, трудно, трудно кормиться нонче! говорили мнѣ здѣсь крестьяне-старатели.

— Особливо, бабамъ! — Тѣмъ на нашихъ работахъ хоть помирай.

— Отчего же вы, старатели, имъ такъ мало платите?

— На «господскихъ» — баба еще меньше получаетъ!..

И дѣйствительно, оказалось, что женщины, нанимаемыя заводоуправленіемъ, получаютъ, каждая, на своихъ харчахъ, только по 12 коп. въ день, тогда какъ мальчикъ подростокъ зарабатываетъ 20 коп. Не ужасно ли это?

— Отчего же женскій трудъ такъ мало цѣнится?

— Сбили онѣ цѣну. Баба за какую угодно плату пойдетъ.

Самыя предпріимчавыя изъ женщинъ уходятъ въ окрестные лѣса и ищутъ тамъ золота. Часть ихъ гибнетъ отъ голода, отъ морозовъ. Случалось, что здѣшнія бабы, попавъ въ совершенно безвыходное положеніе, сами составляли изъ себя артели и работали за свой счетъ; но дѣло это не ладилось, учасницы большею частію ссорились между собою и артель расходилась во всѣ стороны, хотя бы опять въ кабалу къ тѣмъ же эксплуатировавшимъ ихъ мужикамъ. Въ общемъ, баба здѣсь не заработаетъ и сорока рублей въ годъ, потому что, помимо рожанія дѣтей, изъ трудовыхъ дней ея, оплачиваемыхъ столь скудно, нужно еще исключить почти мѣсяцъ, который каждое заводоуправленіе даетъ своимъ крестьянамъ для сѣнокоса и полевыхъ работъ. Этого краткаго срока довольно, потому что хлѣбопашество тутъ ничтожно. Сѣютъ самое незначительное количество ржи, ячменя и овса, причемъ хорошіе урожаи неизвѣстны, а недородъ повторяется чуть ли не каждые три года.

— Мы этимъ золотомъ да заводомъ живемъ! — объявляютъ здѣсь...

— А огороды?

— Огороды у насъ хорошіе, да неколи ими заниматься... Мы и подсолнухи выращиваемъ, да это что — баловство одно! Мастерства больше никакого нѣтъ. Закрой заводъ—всѣ по міру пойдемъ. Теперь у насъ много народу пошло чугунку строить. Сулили хорошую плату, да что!..

— Не даютъ?

— Штрахвы донимаютъ!.. кабаковъ понасажено... а житье холодное... пьешь! — только пойломъ и спасаешься. Народъ тамъ вольный, съ четырехъ сосенъ собрался... всякое дѣло въ ходу, обманъ, развратъ этотъ... Ну, глядишь, домой-то принести и нечего. Все что ни получилъ, все пропилъ. Прежде намъ жилось лучше. Больше денегъ получали, хлѣбъ дешевле былъ. Ты погляди, старыя избы какъ были строены: просторъ, бревно крѣпкое, холдовое, крупное; а теперь: торчатъ хаточки убогія, ни стать, ни сѣсть, печь черная, лѣсъ самый жидкій, всего его ноздря проѣла. Съ хвораго лѣса и житьишко въ этихъ хатахъ самое холодное. Зимой-то морозомъ охаживаетъ какъ! —таракану не завестись... Потому тараканъ звѣрь балованный, ему тоже тепло надо... Безъ тепла онъ жить не согласенъ!

— Отчего же вы другихъ промысловъ не ищите?

— Какіе еще промыслы-то? Изъ нашихъ мѣстъ бѣжать надо. Тутъ, недалеко, есть деревня; такъ въ ней никого не осталось. Былъ заводъ, лѣса сжегъ. А безъ лѣсовъ домна (доменная печь) не работаетъ; печь погасла—и заработковъ нѣтъ. Первое время крестьяне свои дома рубили, да на заводъ, какъ дрова, продавали, а потомъ и рубить стало нечего, да и жить негдѣ. Помирать начали; кои примерли, кои разбѣжались... Остались только тѣ, кого къ землѣ пришибло. Силы съ нею подняться нѣтъ, да и смерть не приходитъ... Ну, и живутъ, а чѣмъ кормятся, поди, и сами не знаютъ. Наше дѣло рабочее такое: сегодня сытъ, и слава Богу! а что завтра будетъ — никому не въ домекъ... Заводъ запустуетъ и деревня запустуетъ...

— Вотъ для этого-то промыслы и нужны.

— А откуда ихъ возьмешь?.. Гдѣ они — промыслы то?.. Лѣса нѣтъ, рѣки нѣтъ, — вся въ прудъ ушла, высохла; а тамъ и прудъ спустили — прудъ ушолъ. Поле есть — хлѣба не родитъ, потому земля не любитъ, чтобъ съ нее шубу снимали — лѣсъ-отъ!.. Ну, и мремъ пока. Мастерство какое? да на кого работать-то?.. Никому не нужно...

Желѣзное дѣло здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ золотое. И населеніе по своимъ нравственнымъ качествамъ рѣзко раздѣляется здѣсь по двумъ этимъ главнымъ отраслямъ производства. То, что я наблюдалъ на остальномъ Уралѣ, оказалось и тутъ. Тѣ, что стоятъ на золотомъ дѣлѣ, давно спились и обратились въ ничего неимущихъ нищихъ, при чемъ даже старательскій трудъ, въ

удачныхъ случаяхъ дающій исключительный заработокъ, не поправляетъ ихъ положенія. Золото, вызывающее столько пороковъ, преступленій, являющееся причиною такихъ глубокихъ паденій, такой порчи, и здѣсь роковымъ образомъ вліяетъ на людей, добывающихъ его изъ нѣдръ земли. Кажется, что это именно тотъ бѣсовскій кладъ, который, по зароку схоронившихъ его убійцъ, нельзя получить, не оставивъ на его мѣстѣ своей совѣсти, чести, своей души. Съ первыхъ минутъ своего появленія на свѣтъ, онъ уже разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на рабочаго, и прежде чѣмъ въ видѣ золотой монеты успѣетъ попасть въ цѣпкія руки, уже развратитъ достаточно много людей, отдѣляющихъ его отъ песка, льющихъ его, завѣдующихъ его отправкою въ Петербургъ... Желѣзо—иное дѣло. Это, какъ выражаются на Уралѣ—металлъ строгій; и даетъ онъ цѣлыя поколѣнія сумрачныхъ и строгихъ людей, которымъ чужды сангвическое легкомысліе старателей и ихъ покладистая совѣсть. Кротъ-рабочій, роющійся въ желѣзномъ рудникѣ, обжаривающійся у устья доменныхъ печей и сталеваренъ, совсѣмъ иной типъ, такъ же не похожій на лихорадочнаго, безпокойнаго золоискателя, какъ, напримѣръ, мексиканецъ не похожъ на неразговорчиваго, спокойнаго американца-скваттера. На желѣзномъ дѣлѣ люди много думаютъ, имѣютъ зачастую дѣло съ машинами, сверхъ того, если вѣрить мѣстнымъ психологамъ, своимъ внутреннимъ организмомъ складываются въ твердыя, стойкія формы, какъ будто чугунъ и желѣзо передаютъ имъ свои основныя качества. Желѣзо сюда, въ Нейвинскъ, доставляется изъ Высокогорскаго рудника. Богатая содержаніемъ металла руда привозится къ доменнымъ печамъ, находящимся въ Рудянкѣ, (въ Верхъ-Нейвинскѣ есть одна, но она пока не дѣйствуетъ) и тамъ переплавляется въ чугунъ, который, въ свою очередь, тутъ же передѣлывается въ болванку. Болванка прокатывается въ листовое желѣзо — предметъ справедливой гордости здѣшняго завода. Въ самомъ Верхъ-Нейвинскѣ плавится всякое литье, при чемъ на это въ году идетъ семьдесятъ дней. Въ печахъ завода сжигается 115 саженей куренныхъ (14 четвертей въ вышину, семь въ ширину) дровъ, причемъ проплавлено было въ 1875 году, напримѣръ, 26,000 пудовъ чугуна, въ видѣ литья изъ него поступило 7,140 пуд., припасовъ—17,796 пуд. Среднимъ числомъ выплавлялось въ сутки 353 пуда. Каждая сажень дровъ идетъ на проплавку 217 пудовъ металла, а на 1,000 пудовъ литья нужно было употребить 1080 пуд. чугуна. Мѣстные заводы заняты также ковкою желѣза изъ чугуна. Это производство даетъ слѣдующія цыфры: широкополоснаго желѣза выковано здѣсь 87,593 пуд., повиночнаго (брака, находнаго)—1,944 пуд., брусковаго—3,289 пуд., причемъ все это обжимается подъ тремя паровыми молотами, раскаливается въ шести горнахъ ста восемью рабочими, раздѣляющимися на двѣ смѣны, дневную и ночную. Для

этой цѣли сожжено 5,357 коробовъ угля сосноваго (въ каждомъ коробѣ 27,216 куб. вершковъ) или 126,875 пуд. этого топлива. При помощи каждаго короба угля выковывается 17 пуд. 10 фунтовъ желѣза, причемъ, на 100 пуд. чугуна идетъ его только 73 пуда. Каждый мастеръ въ одну смѣну долженъ, такимъ образомъ, выковать 26 пуд. 10 фунтовъ. При прокаткѣ желѣза—рабочихъ смѣнъ 831. Угля на это идетъ 268 коробовъ, дровъ 689 саженъ. Всего въ прокатку пошло 79,456 пуд. желѣза и изъ него получено узкой болванки 78,819 пуд. причемъ въ одну смѣну каждый мастеръ обязанъ прокатать 664 пуд. Изъ узкой болванки выдѣлывается широкая; на это идетъ 40,598 пуд.; излишекъ отправляется въ Нижне-Нейвинскій заводъ. Получаемое желѣзо, листовое, красное, должно опять подвергнуться обработкѣ, чтобы обратиться въ глянцевое. Тутъ, въ смѣну на одного мастера приходится 145 пуд. и на каждые 1,000 пуд. металла обращается 3 короба сосноваго угля, 6 саженъ дровъ и 1,080 пуд. узкой болванки. Въ семь рабочихъ смѣнъ получается, наконецъ, эта тысяча пудовъ. Окончательная отдѣлка листоваго желѣза въ глянцовое требуетъ 1,699 рабочихъ смѣнъ, 280 коробовъ угля, 886 саженъ сосновыхъ дровъ и 6,678 верховья, т. е. негоднаго желѣза, въ которое закутывается листовое. Всего на выдѣлку глянцоваго желѣза пошло на Верхъ-Нейвинскомъ заводѣ широкой болванки (красной листовой) 183,866 пудовъ, изъ которыхъ и получено требумаго металла 150,798 пудовъ да 29,411 пуд. обрѣзковъ. Въ одну смѣну на мастера приходится выдѣлаяннаго желѣза: 63 пуда 10 фунт. глянцоваго и 218 пуд. 19 фунт. краснаго.

Большая часть выработанной массы отправляется въ Петербургъ и въ Нижній; такимъ образомъ, ежегодно на караваны грузится здѣсь 83,132 пуда глянцеваго желѣза, 35,922 пуда краснаго, 1760 пуд. сковородъ, 512 пуд. обрѣзковъ. Остальное продается на мѣстѣ. Караваны идутъ по Чусовой.

— Бѣда намъ съ нашимъ сплавомъ! жаловались здѣсь.

— А что?

— Да какъ же, помилуйте. Сколько каждый годъ барокъ разбивается, часто воды нѣтъ. Нужно пользоваться первымъ валомъ, которые пускаютъ изъ Ревзинскаго и другаго прудовъ, чтобы стремглавъ прокатить въ Каму. А тутъ берега извилистые, скалы вдвигаются въ рѣку.

— Я уже слышалъ объ этомъ и писалъ [1]).

— Давно толковали, что выше Ревды Демидовской, на Чусовой нужно сдѣлать плотину. На это собранъ капиталъ изъ четверти °/о всѣхъ сплавляемыхъ грузовъ. Мы уже ходатайствовали, ходатайствовали!.. Но куда путейцы дѣли эти деньги, никому не извѣстно.

— Чтоже были отвѣты на ходатайства?

---

[1]) Смот. «Русскую Рѣчь» 1881 года. №№ 9, 10, 11, 12.

— Точно воды въ ротъ набрали въ Питерѣ, ни одного слова!.. Ничего не дѣлаютъ. Судоходная рѣка — бечевника нѣтъ, о съуженіи фарватера — не слыхано. Часто весною не хватаетъ воды, и только заводскій прудъ поддерживаетъ судоходство, выпуская въ нее свой запасъ; тогда какъ если бы была выше Ревды запасная плотина, то и навигація оказывалась бы вполнѣ обезпеченною.

— Неужели же ничего такъ и не сдѣлано?

— Ничего... Впрочемъ, однѣ заплавки устроили при крутыхъ поворотахъ.

— Это что еще?

— Брусья съ особымъ механизмомъ, сжимающимся при ударѣ судна и снова отталкивающемъ его. Будете тамъ, распросите-ко сплавщиковъ; они не даромъ гибнутъ тамъ сотнями!.. Знаете, какъ они эту нашу питательницу зовутъ?

— Какъ?

— Похоронной рѣкой, губительницей, водяною смертью... А то еще райской...

— Почему — райской:

— Въ шутку; потому что весной, кто отправится по ней, такъ имѣетъ много шансовъ немедленно въ рай попасть!.. Нашъ одинъ купецъ вздумалъ самъ исправить теченіе рѣки и снесъ камень, мѣшавшій движенію судовъ, такъ — чтобы вы думали? — чуть суду не предали! Едва-едва отвертѣлся...

Не особенно большой заработокъ даетъ мѣстному населенію и поставка дровъ на заводъ. Онъ же подвозитъ и уголь, при чемъ всю эту операцію берутъ на себя подрядчики. За сажень дровъ раскатныхъ или куренныхъ они получаютъ по 4 руб., а за каждый коробъ угля — 1 руб. впрочемъ, если лѣсъ близко, то и меньше. Лѣса изводятся не свои — свои давно вырублены; заводы только и дышутъ, пока еще есть казенные; но будь исполненъ проектъ одного изъ рьяныхъ пермскихъ чиновниковъ, продай казна лѣса частнымъ лицамъ, промышленникамъ, — населенію оставалось бы умереть съ голода, потому что никакой заводъ безъ лѣса существовать не можетъ. Билеты на порубку казеннаго лѣса подрядчикамъ выдаетъ заводоуправленіе. Для выжига угля, артели идутъ въ лѣса еще весною. Тамъ они рубятъ деревья, на лѣто оставляютъ ихъ лежать, осенью вновь приходятъ и выжигаютъ ихъ; самая же доставка на заводъ совершается въ теченіи зимы. Везутъ за пятнадцать, за двадцать верстъ, — ближе уже не осталось лѣса вовсе; весь съѣденъ жадными пастями доменныхъ печей, сожженъ въ горнахъ, въ сталеварняхъ, или вывезенъ вонъ, потому что въ доброе старое время довольно обширную статью заводскихъ доходовъ составляла лѣсоторговля.

— У насъ и работа то не постоянная на заводѣ.

— Почему это?

— Да заводъ не все работаетъ, а какъ выполнятъ заказъ и шабашъ. Иди на всѣ четыре стороны.

— Что же вы тогда дѣлаете?

— Къ подрядчику идемъ уголь жечь. Разбѣгаемся на другія работы... А то и такъ голодуемъ. Еще мастеру — лучше. Онъ хоть что нибудь отложить можетъ, Ну, а намъ плохо. Мастеру въ мѣсяцъ иной разъ и всѣ двадцать рублей приведется, отдѣлочному тоже хорошо — бываетъ и по пятнадцати рублей; ну, а намъ изъ двѣнадцати ничего на черный день не прикопишь... На старательской работѣ еще хоть бабъ берутъ, а на нашу заводскую баба не гожа, ее не надо. Оно и тутъ помоги нѣтъ!

— Безъ работы плохо!

— Чего хуже! Бываетъ по мѣсяцамъ такъ-то... Пухнешь!.. Опрошлый годъ бѣда была. Николи сплавомъ по Чусовой не ходилъ, а тутъ на барки вдарился. Ну, прокормиться прокормился, а домой ничего не послалъ. Хозяинъ жидъ попался. Барки-то утопить хотѣлъ.

— Какъ утопить?

— Очень просто. Потому онъ пермское желѣзо везъ. Ну, показалъ его больше, а что на рукахъ было — распродалъ, оставилъ самую малость. Ну, только мы барку-то отстояли.

— Досталось ему?

— Кому, жиду то? Куда!..

И рабочій махнулъ рукой,

— Имъ, аспидамъ, воровать завсегда свободно; вотъ, ежели намъ — ну, точно — съ голоду что сдѣлаешь — не пожалѣютъ. А имъ что?... Имъ хорошо!... Слава те, Господи! помирать не надо!

Оставить Верхъ-Нейвинскъ, не полюбовавшись его дивными видами съ Сухой горы, на которой поставлена башня,— нельзя. Мы отправились туда и невольно заждались до вечера. Такъ хороши окрестности! Отсюда на сѣверъ виденъ Тагилъ, кругомъ верстъ на сорокъ открываются дали, то полныя суроваго и мрачнаго величія, то приковывающія къ себѣ взглядъ идиллическою прелестью долинъ и полей, раскидывающихся подъ вами. Кругомъ каймами, грядами, перепутавшимися узлами, поднялись крутыя горы. Одни кряжи хотятъ точно переброситься черезъ другіе, сливаются и снова раздѣляются, принижаются, чтобы тотчасъ же гордо выдвинуть остроконечный пикъ. Ихъ то окутываютъ зеленыя облака лѣсовъ, то сѣрые скалы взрѣзываютъ ихъ скаты снизу, поднимаются вверхъ и тамъ располагаются каменными вѣнцами, развалинами какихъ то легендарныхъ башенъ, крѣпостей, замковъ. Дальше всего видно на югъ. Вонъ два пруда... Сегодня, послѣ вчерашнихъ тучъ и холода, солнце пригрѣло землю и пруды, точно клочки голубаго неба, улыбаются изъ своихъ глубокихъ долинъ. Между ними — серебряная бить извилистой и капризной Нейвы. Кое-гдѣ,

далеко, ложатся темныя черточки просѣкъ. Изъ лѣсовъ подымаются дымки. Далѣе мерещутся какія то пятна; только вглядѣвшись, отгадываешь въ нихъ захолустное село, или затерянный въ глуши заводъ. Внизу, прямо подъ ногами, разбѣгаются во всѣ стороны бѣлыя улицы Верхъ-Нейвинска; прямо подо мною двѣ церкви, круглое башенное строеніе, гдѣ помѣщается управленіе завода, и другіе дома. Кажется, на этотъ золотящійся крестъ храма можно спрыгнуть. Крыша его — вотъ тутъ. Видны голуби, засѣвшіе на ней... Вонъ, на право, голубѣетъ какая-то рѣченка, то спрячется въ рощу, то забѣжитъ за утесъ, то снова, и совсѣмъ уже не ожиданно, покажется и блеснетъ, чтобъ шаловливо схорониться въ темную лощину, откуда, очевидно, нѣтъ ей выхода. На западъ вершины грозныхъ и сумрачныхъ горъ заслонили даль. Между ними и покрытой лѣсами понизью, подступающей къ самому Верхъ-Нейвинску, — Рудянское озеро. Мы видимъ только ближайшую кайму его — дальше оно переходитъ въ туманную полосу. Туманная полоса точно сливается съ небомъ, и на немъ уже висятъ вершины, точно они не имѣютъ ничего общаго съ землею, точно сейчасъ повѣетъ вѣтеръ и унесетъ ихъ далеко, далеко... На сѣверъ — цѣлый станъ горъ и холмовъ. Всѣ они, закутавшись въ свои лѣса, напоминаютъ крутыя, окаменѣвшія въ моментъ самой сильной зыби, волны. Вотъ-вотъ очарованный сонъ оставитъ ихъ и онѣ мѣрно и съ громовымъ шумомъ покатятся тогда къ нашей Сухой горѣ, къ нашей башнѣ и унесутъ ее съ собою... Между ними дорога въ Нейвинскъ то выбѣжитъ желтымъ зигзагомъ, то опять уйдетъ... Рѣдки золотыя пятна овсянаго посѣва, рѣдки зеленые разливы логовинъ... На сѣверъ — все мрачно, все угрюмо. Еще мрачнѣе, еще угрюмѣе мѣстности къ востоку... Тутъ болѣе двадцати отдѣльныхъ вершинъ. Между ними мерцаютъ серебренные ерики, мерещутся бѣлыя нитки вспѣнившихся ручьевъ, шумно бѣгущихъ съ крутыхъ яровъ въ глубокія долины. Вонъ, гора Верхняго Тагиля смѣлымъ взлетомъ рванулась въ высоту — да неудалось ей отдѣлиться отъ мощно захватившей ее земли; и такъ стоитъ она, одинокая, недовольная, утопая въ небѣ, манящемъ ее къ себѣ.

— Вонъ семь братьевъ! показали мнѣ семь отдѣльныхъ, стоящихъ на вершинѣ крутой горы, утесовъ.

— Почему семь братьевъ?

— Народъ говоритъ... Ермакъ шелъ тутъ, ну, семь волшебныхъ братьевъ на дорогѣ ему горъ навалили. Только онъ пройдетъ одну — они ему сейчасъ другую, одолѣетъ эту — третья ростетъ. На четвертой шибко усталъ Ермакъ. А они, братья то, выбѣжали и смѣются всѣ надъ нимъ. Тутъ Ермакъ и взмолился: «не дай, Господи, посмѣяться колдунамъ невѣжнымъ надъ честнымъ, животворящимъ крестомъ твоимъ!..» Поднялъ онъ крестъ да и пошолъ на

нихъ. Хотятъ уйти волшебные люди, да не могутъ, ноги къ землѣ приросли — камнемъ къ камню, хотятъ руки опустить — руки не шелохнутся, каменья къ каменнымъ бокамъ приростаютъ; а какъ дошелъ онъ къ нимъ до верху, такъ они и совсѣмъ въ утесы обратились. Только эти утесы не простые. Иной разъ, ночью, слышно, какъ сердца въ нихъ колотятся. Такъ они до скончанія вѣка стоять будутъ за то, что надъ крестомъ посмѣялись. Ермакъ ихъ до страшнаго суда самаго заклялъ...

Назадъ намъ пришлось идти черезъ старообрядческое кладбище, мимо большой и красивой церкви. Много массивныхъ, мраморныхъ памятниковъ очень изящнаго рисунка.

— Вы съ нами не шутите. Прежде въ Нейвинскѣ какъ жили?.. Въ Италіи заказывали монументы.

— Ну, а теперь?

— Было время да сплыло; тутъ когда то одинъ самодуръ вживѣ себѣ памятникъ поставилъ, только не пришлось лежать подъ нимъ, потому что на Чусовой утонулъ. Былъ другой — давно это — такъ онъ непремѣнно хотѣлъ на кладбищѣ пса своего зарыть. Даже къ митрополиту вошелъ съ ходатайствомъ, въ которомъ пояснилъ, что песъ его былъ необыкновенный и, умирая, пять тысячъ на благотворительныя цѣли оставилъ. Ну, только этому досталось.

— Судили?

— Нѣтъ, только вмѣсто пяти тысячъ съ него двадцать тысячъ взяли и едва едва дѣло прекратили.

— А это что за фонари?

Дѣйствительно между памятниками торчали длинные чугунные столбики съ фонариками. Ужъ не для освѣщенія ли кладбища? подумалъ я. Оказалось, что это тѣже памятники; въ фонарикахъ, за дверцою, мѣдные складени; передъ ними теплятся лампадки. На одной могилѣ четыре такихъ фонарика. Обиліе металла сказывается во всемъ. Доски на могилахъ чугунныя; говорятъ, прежде здѣсь и гроба приготовлялись желѣзные. Кое-гдѣ кресты, выкрашенные въ ярко-красную краску. Особенно изященъ оказался памятникъ надъ священникомъ Іосифомъ, неизвѣстно какъ попавшемъ сюда.

— Тутъ съ этими монументами бѣда?

— А что.

— Да какже, въ одномъ заводѣ купецъ Шабашовъ, когда откупа уничтожили, поставилъ имъ памятникъ на площади — крестъ состоящій изъ полуштофовъ. Также хотѣли суду предать, да откупился. А другой пирамиду возвелъ, якобы надъ своей женой. Она отъ него сбѣжала; ну, онъ и рѣшилъ, что для него она умерла навсегда, поставилъ мраморную массу, на которой высѣкъ, да еще золотою вязью:

«Судьба не долго насъ ласкала, —
«Семь лѣтъ съ женою я прожилъ;
А на восьмой она сбѣжала
«И память я о ней подъ камнемъ схоронилъ!»

«Упокой Господи грѣшную душу рабы твоей Анны, оставившей безутѣшнаго мужа и сирыхъ чадъ своихъ на произволъ стихій. Сбѣжала сего 1855 года, Іунія 25-го, съ инженеръ-поручикомъ Шварцовымъ изъ нѣмцевъ».

— Неужели это возможно?

— Да такія ли у насъ еще дѣла бывали... Это еще что! А слышали ли вы, какъ одинъ заводчикъ на гувернанткѣ своей недавно женился. Это уже исторія самаго недавняго времени. Она несоглашалась отдаться ему такъ; ну, онъ сдѣлалъ ей формальное предложеніе француженка обрадовалась и приняла. Порусски она непонимала. Онъ пошелъ съ нею въ церковь, велѣлъ священнику отслужить молебенъ о здравіи и долгоденстіи болярина Алексѣя, самъ серьезно простоялъ съ нею на колѣняхъ все время. Она при этомъ горько плакала, затѣмъ онъ ее поцѣловалъ въ церкви и объявилъ, что они мужъ и жена. Только черезъ годъ она узнала объ этомъ подлогѣ и бросилась жаловаться.

— Разумѣется, ничего но добилась?

— Еще бы! на нашихъ заводчиковъ и посейчасъ никакой управы нѣтъ. Но она, впрочемъ, отмстила ему по своему.

— Какъ это?

— Да опять помирилась съ нимъ и убѣдила ѣхать съ собою въ Петербургъ; тотъ отправился... Тамъ у нее было двое братьевъ. Она имъ пожаловалась. Французы было вскипятились, да видятъ, что ничего не подѣлаешь, и порѣшили наказать его. Зазвали къ себѣ, завязали ротъ, чтобы не кричалъ, да и высѣкли раба божьяго. Что жъ бы вы думали, вѣдь образумился.

— Въ какомъ отношеніи?

— А въ такомъ, что женился на ней дѣствительно... Ты, говоритъ, этимъ такъ мнѣ любовь свою доказала... Ну, и она тоже ловкая: какъ изъ церкви вышли они, она, вмѣсто того чтобы къ нему, пересѣла къ какому то французу перчаточнику въ коляску, да съ нимъ и уѣхала. Такъ нашъ заводчикъ въ дуракахъ и остался...

III.

Глушь. — Рудянка. — Какъ въ старину дѣлались двоеженцами. — Какъ вѣнчали съ мертвецами? — Село Шуралинское. — Старатели. — Золотое дно. — Невьянскъ. — Какая земля. — Истребленные лѣса. — Фея стараго замка. — Цифры и факты.

Лѣса и горы, горы и лѣса. Изрѣдка покажутся главныя вершины каменнаго Урала и опять уйдутъ изъ глазъ. Путь идетъ мимо Рудянскаго пруда и громаднаго болота съ другой стороны; мы двигаемся точно по перешейку... На право, черезъ болото прокладывается дамба желѣзной дороги. Люди — мухи ползаютъ по этой желтой насыпи, копошатся на ней... Вонъ, издали — точно готическій монастырь изъ краснаго кирпича. Совсѣмъ обманываешься; такъ разстояніе, сливая всѣ детали этой громады, придаетъ ей еще болѣе грандіозные размѣры... Чѣмъ ближе, тѣмъ поэтическое старинное аббатство все больше и больше блекнетъ, теряетъ свою прелесть и величіе и, наконецъ, обращается въ довольно красивое заводское строеніе и только; другіе корпуса тянутся внизъ, къ самому озеру, на свѣтлыхъ водахъ котораго сегодня ярко блеститъ солнце. На здѣшнемъ заводѣ вырабатывается болѣе 350 тысячъ пудовъ чугуна, 120,000 пудовъ кричнаго желѣза, 180 тысячъ пудовъ болванки. Строено все это въ доброе старое время, когда руки были дешевы, когда не приходилось нанимать крестьянъ, когда цѣлыя села издали сгонялись въ данную мѣстность. На Уралъ часто силой гнали тысячи «головъ» несчастныхъ мужиковъ, отрываемыхъ отъ семьи, умиравшихъ на пути и рѣдко возвращавшихся назадъ. Страшное время!.. Тутъ же мнѣ разсказывалъ, напримѣръ, старый кричный рабочій:

— Мой отецъ-то двоеженецъ былъ.

— Какъ?

— Такъ — по хозяйскому приказу. Взяли его изъ села и послали сюда. Жену съ малолѣтками на мѣстѣ оставили. А здѣсь хозяинъ говоритъ: «чѣмъ тебѣ жену сюда тащить, я тебя здѣсь оженю». Отецъ было утерся — куда тебѣ!.. баринъ такой былъ — что̀ ему въ голову втемяшится, онъ ужъ на своемъ поставитъ. Приказалъ попу и оженили отца. Потомъ время пришло — первая жена съ нами пришла сюда; — глядь, а у него ужъ вторая семья.

— Чтожъ она?

— Вмѣстѣ и зажили.

Съ двумя женами?

— Да!.. Чтожъ подѣлаешь... Съ тѣхъ поръ и звать насъ стали Двоежоновыми. Прежде это было просто, не то, что нынѣ.

Рудянка красиво расположена по берегу озера. Когда мы подъѣхали къ заводу, на площади стояла сплошная толпа старателей.

Кудлатые, всклоченные, измазанные землей, съ удивительно энергическими лицами. Громкій говоръ и громкія шутки. Очевидно, незагнанная заводская челядь, что все тишкомъ да бочькомъ... По четвергамъ они сходятся отовсюду сдавать золото, намытое ими въ теченіи недѣли...

— Теперь вотъ они какъ слѣдоваетъ! обьяснилъ мнѣ спутникъ. А только получатъ деньги — пойдутъ въ кабаки... Что тутъ шуму будетъ!

— Еще бы цѣлую недѣлю по лѣсамъ да по болотамъ работать — напьешься.

— Ужъ они пьютъ очень шибко, потому что старатель—онъ вольный рабочій, безстрашный. По одиночкѣ мѣсяцы, бываетъ, въ лѣсу живутъ. Пню молятся!..

Между старателями были и бабы.

— Тутъ такой обычай; старательская баба со всѣмъ на особомъ положеніи.

— А именно?

— Другая — мужу своему покорствуетъ, а этой мужъ не грозенъ. Какая дѣвка старательская, такъ она сама себѣ мужа выбираетъ, а не онъ ее... А бабы у нихъ шибкія, ничего не пужаются... и сильные же есть! Разъ одна двухъ бѣглыхъ въ лѣсу поймала...

За Рудянкой мы вновь увидѣли Уралъ. Величавая панорама грандіозныхъ и безчисленныхъ горныхъ вершинъ, обступившихъ горизонтъ, невольно приковывала взглядъ. Что то торжественное, молчаливое чувствовалось въ этомъ. Синіе силуэты этихъ горъ поражали разностью своихъ очертаній. Вонъ, по пути, небольшой Шигирскій золотой пріискъ, затерявшійся въ пустынѣ. Безпросвѣтная глушь кругомъ; двѣ-три артели рабочихъ живутъ тутъ. Воображаю, какое гнетущее впечатлѣніе должно производить это захолустье въ сумрачные вечера, среди густыхъ и безмолвныхъ лѣсовъ, въ виду острыхъ пиковъ и грузныхъ массъ надвигающагося на эту дебрь Урала. Желѣзная дорога, разумѣется, сожжетъ и увезетъ отъ сюда эти лѣса, и тогда впечатлѣніе, производимое ими, будетъ далеко не такъ сильно. Еще нѣсколько верстъ неподвижныхъ лѣсовъ и покрытыхъ топкимъ слоемъ воды болотъ и передъ нами Шуралы... Рѣка Шуралинка бѣжитъ, извиваясь, по долинѣ.

— Золотая рѣчка!..

— Богаты пріиски?

— Сказать даже нельза, какъ богаты! Тутъ до шестидесяти старательскихъ и господскихъ пріисковъ. Между ними самый лучшій—Ключи...

По берегамъ — масса избъ... Шуралинское село обстроилось чудесно. Дома прочные, бѣдныхъ хижинъ почти нѣтъ. Стѣны выве-

дены изъ толстыхъ бревенъ, окна прорѣзаны частыя и большія, крыши тесовыя... улицы широкія, красивыя, хоть и безлюдны.

— Вѣдь вотъ живутъ же и безъ завода.

— Отчего не жить. Положимъ, что лѣса сожгли въ долинахъ, такъ и заводъ закрыли. За то золотое дѣло здѣсь ужь очень выгодно.

Я не разъ убѣждался, впрочемъ, что хорошія избы и постройки вовсе недоказываютъ богатства населенія. Вологодская и архангельская окраины — яркій примѣръ этого. Не тамъ ли села обстроены на славу. Двухэтажныя избы — а въ нихъ, внутри, зачастую, гнѣздится такая нищета, какой не найдешь подъ соломенными кровлями гдѣ-нибудь въ Смоленской или Витебской губерніяхъ. Ставились большія, просторныя избы въ тѣ времена, когда голода не было, а какъ ударили недороды, да недостача, повымерли кормильцы, такъ и въ большихъ хороминахъ стало хлебать нечего. Не случалось ли читателю въ такихъ чудесныхъ домахъ изъ стараго кандоваго лѣсу останавливаться и встрѣчать хозяевъ, просившихъ ради христа?.. Мнѣ, по крайней-мѣрѣ, не разъ приводилось встрѣчать и такихъ.

— Чѣмъ же живутъ шуралинцы? Положимъ — золотомъ, да вѣдь оно всѣмъ же не даетъ хлѣба.

— А конная сила слишкомъ велика!..

Тутъ, дѣйствительно, благодаря хорошимъ лугамъ, коневодство поддерживаетъ крестьянскія хозяйства. Мужикъ, какой нибудь старатель, а дѣти идутъ съ лошадьми на желѣзную дорогу, въ обозъ.

— Такъ и кормятся... Шуралинцы у насъ на диво сложены, народъ крупный, дѣти ростутъ сильныя, здоровыя... Тоже работаютъ; сызмала еще, а ужь наживщикъ, въ домъ несетъ, а не изъ дома...

— Ну, дѣтямъ не слѣдовало бы работать.

— Какъ судить! Читалъ и я въ газетахъ, что не надо. А только кто сообразитъ: отецъ заработаетъ двадцать рублей, не хватаетъ у него на семью-то и нищаетъ. И семья голодная, и дѣти больны. А какъ четверо мальцовъ принесутъ еще двадцать рублей — анъ онъ и на ногахъ уже... Ему и не страшно, крѣпко стоитъ и отложитъ кое что, и коня прикупитъ, и коровку...

Потянуло къ вечеру. Мнѣ уже надоѣли эти горы. Одно измѣненіе въ характерѣ мѣстности я замѣтилъ, приближаясь къ Невьянску. Позади еще были лѣса, но чѣмъ дальше мы подымались впередъ, тѣмъ ихъ становилось все меньше. Новообразимое уныніе лежало на этихъ оголеныхъ долинахъ и скатахъ, въ этихъ вырубленныхъ сплошь ущельяхъ. Я завернулся въ пледъ и зажмурился. Не было охоты смотрѣть на это запустѣніе.

— Вотъ старѣйшій изъ нашихъ уральскихъ заводовъ — Невьянскъ.

Я было уже заснулъ — дѣло было подъ вечеръ.

— Гдѣ Невьянскъ?.. Тотъ, который теперь называютъ золотымъ дномъ.

— Тотъ самый.

Вдали клочекъ озера и верхушки башень. Масса домовъ по сторонамъ. Озеро раздвигается, башни ростутъ и ростутъ. Одна оказалась соборной колокольней, а другая выстроена въ 1725 году, по образцу московскихъ кремлевскихъ, только значительно ихъ выше. Она покосилась на одну сторону, какъ знаменитыя кампаниллы Пизы и Болоньи. Разумѣется, болонская только покрупнѣе, а пизанская изящнѣе этой... Вокругъ Невьянска ни лѣсинки. Оказалось, все что можно было вырубить — давно вырублено и сожжено въ заводскихъ печахъ, такъ что все дѣло здѣсь нѣкоторое время было закрыто и возобновилось только благодаря льготному разрѣшенію пользоваться лѣсами монетнаго двора, когда-то существовавшаго въ Екатеринбургѣ... Уже стемнѣло, когда мы проѣзжали по широкимъ улицамъ этого завода, который по величинѣ своей побольше иного города. Вонъ, яркое пламя блеснуло намъ на встрѣчу. Оказалось, что его выбрасывала домна, выбрасывала вверхъ, выбрасывала въ круглыя окна, выбрасывала еще въ открытое устье печурки, откуда лилось въ это время поспѣвшее чугунное молоко.

— Поклонитесь! схватилъ меня за плечо спутникъ.

— Что такое?

— А какъ упадетъ! расхохотался онъ, показавъ на наклонившуюся въ нашу сторону массу Невьянской башни.

Наскоро переодѣвшись, мы отправились къ управляющему заводомъ, Салареву. Въ первой же комнатѣ на встрѣчу намъ вышла такая красавица, какой, признаюсь, и въ Петербургѣ мы не видали. Оказалась дочь хозяина. Прелестные, сѣрые глаза весело смотрѣли изъ подъ красиво очерченныхъ бровей, тонкій овалъ лица, съ безукоризненнымъ носомъ и артистически вырѣзанными губами поражалъ своимъ изяществомъ. Масса бѣлокурыхъ волосъ на головѣ была заплетена въ двѣ низко падавшія косы. Стройная, какъ пальма, она казалась не шла, а скользила намъ на встрѣчу.

— Папа сейчасъ выйдетъ.

Мы не нашлись даже что̀ отвѣтить благодѣтельной феѣ этого замка... Иначе не знаю какъ и назвать старинную постройку, всю покоившуюся на громадныхъ аркахъ. Комнаты были устроены съ самыми различными фокусами акустическаго свойства. При всей ихъ величинѣ шопотъ въ одномъ углу слышался въ противоположномъ; тотчасъ на столѣ явился самоваръ, а вслѣдъ за тѣмъ вышелъ и хозяинъ, въ высшей степени пріятный, милый и радушный человѣкъ.

Невьянскъ въ 1698 году подаренъ Петромъ Великимъ туляку Демидову. Тогда этотъ участокъ былъ великолѣпенъ только глухими лѣсами, но отъ нихъ теперь остаются рѣдкіе клочки. 180,000

десятинъ, составляющія здѣшнюю заводскую дачу,—вырублены до тла и, какъ я уже говорилъ, заводъ существуетъ только благодаря разрѣшенію пользоваться лѣсами бывшаго монетнаго двора. Изъ нихъ ежегодно должно вырубаться не менѣе 21,000 кубическихъ саженъ, съ уплатою за каждую 30 коп. Въ силу этого только и держатся еще доменныя печи и старое кричное производство въ Невьянскомъ и лежащемъ къ с. в. отъ него Петрокаменскомъ заводахъ. Кромѣ этого, здѣсь добывается золото и на пріискахъ, и старателями, которые за три послѣдніе мѣсяца сдали его 4 пуда и получили по 2 руб. за золотникъ. Саларевъ первый поднялъ плату старателямъ на Уралѣ. До него ихъ притѣсняли, брали металлъ по произвольной цѣнѣ, но онъ сталъ сейчасъ же на ихъ сторону, и первымъ его дѣломъ здѣсь было подъемъ рабочихъ цѣнъ и вознагражденіе за промытое вольными артелями золото. Чтобы окончательно раздѣлаться съ цифрами, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя.

Желѣза полосоваго на Невьянскомъ заводѣ приготовляется до 300,000 пудовъ; добыча золота колебалась отъ 7 до 33 пудовъ въ годъ. За послѣдніе годы она колебалась между 12 — 26 пудами, а въ слѣдующій, 1877 годъ, Саларевъ ожидалъ 30 пудовъ. Невдали отъ Невьянска находится самый лучшій пріискъ—Быньговскій. Когда сократили дѣятельность завода за недостаткомъ лѣсовъ, то неоказалось надобности въ прудѣ, воду изъ котораго и спустили; обнаружилось ложе рѣки Нейвы, и самое дно пруда по изслѣдованіи найдено золотоноснымъ. Сейчасъ же промыли до семи пудовъ драгоцѣннаго металла, а теперь собираются шурфовать все ложе рѣки. Не вездѣ, впрочемъ, поиски были сразу удачны: въ верхней част Быньги израсходовали много денегъ, но не нашли ничего, хотѣли было совсѣмъ уже оставить дальнѣйшія изысканія, какъ однимъ шурфомъ наткнулись на богатѣйшую розсыпь, которая въ первое же время дала 11½ пудовъ золота, промывъ для этого 2.153,800 пудовъ земли. Всего же на Невьянскомъ заводѣ, съ 20-го года нынѣшняго столѣтія по 1876 годъ, добыто, не мало не много, какъ 1,000 пудовъ этого металла. На сколько новый пріискъ оказался богатъ, видно изъ сравненія съ другими. Напримѣръ, на Золотоключевскомъ на 2.321,400 пуд. песку пришлось только 2 пуда 2 фунта 14 золотниковъ металла.

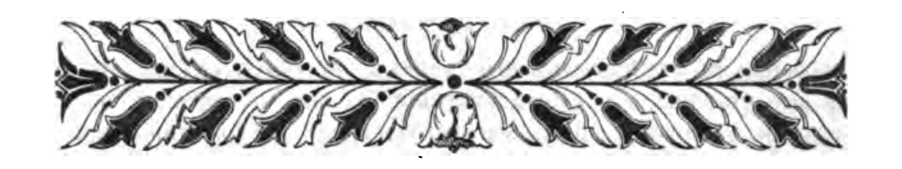
На 180,000 десятинахъ этой дачи разбросано 44 селенія съ тремя заводами, въ томъ числѣ населено здѣсь 33,000 душъ, которымъ надо выдать изъ мѣстныхъ лѣсныхъ участковъ, еще уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ, отъ 7 до 8000 кубическихъ сажень дровъ. Такимъ образомъ, заводы не пользуются вовсе этими жалкими островками лѣса, предоставляя ихъ крестьянамъ. По административному распоряженію горнаго управленія, ближе пяти верстъ къ деревнѣ лѣсъ рубить нельзя. Если взять циркуль и по радіусу въ пять

верстъ очертить имъ деревни, то круги всѣ зайдутъ одинъ за другой. Такимъ образомъ, мудрое распоряженіе, если бы его стали исполнять, выселило бы всѣхъ крестьянъ отсюда. Изъ 33,000 населенія на заводахъ и рудникахъ работаютъ только 2200 человѣкъ. Остальные частью живутъ хлѣбопашествомъ. Запашки здѣсь большія. Отъ Невьянска до Петрокаменска на десять верстъ идутъ сплошные посѣвы ржи, овса, ячменя и немного льна. Остальная масса крестьянства живетъ извозомъ и работами на здѣшнихъ кожевняхъ, салотопняхъ и другихъ фабрикахъ. Здѣсь выдѣлывается винтовка, сундуки, разныя желѣзныя вещи, и во всемъ замѣчается одно: промышленность развилась бы удивительно, такъ же, пожалуй, какъ въ Кунгурѣ, если бы только не ощущалась постоянная, страшная нужда въ топливѣ. Много мѣстной руды бураго желѣзняка остается не выработанной вслѣдствіе этого, хотя она содержитъ въ себѣ 45% чистаго металла; такой руды запасъ громадный — но ничего съ ней не подѣлаешь, потому что нѣтъ лѣса, а лѣса нѣтъ и дѣла нѣтъ.

Я заинтересовался, какъ и вездѣ, рабочими дѣлами, и оказалось, что мастера здѣсь получаютъ на желѣзномъ заводѣ до 40 руб. въ мѣсяцъ, подмастерья 35 р., работники 20 р. поденно платится по 40 коп., и только для плотниковъ отъ 60—40.

В. Немировичь-Данченко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ[1].

I.

СКЕПТИЧЕСКО-МАТЕРЬЯЛИСТИЧЕСКОЕ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вліяніе „освободительныхъ“ идей на сочиненія императрицы Екатерины и на журналы Новикова.

Будущее время, дальнѣйшее изученіе екатерининской эпохи, подмѣтитъ, вѣроятно, не мало отраженій свѣтлой стороны идей «освободительной» философіи въ фактахъ нашей словесности. Но и въ настоящую минуту мы можемъ опредѣлительно указать, что, напримѣръ, борьба Вольтера съ предразсудками, фанатизмомъ, суевѣріями, что его скептицизмъ отразились свѣтло и ярко въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины и... какъ это ни странно съ перваго взгляда — въ журналахъ Новикова.

Императрица Екатерина не любила, какъ извѣстно, всего туманнаго, мистическаго, не уживавшагося съ яснымъ разсудкомъ; и потому она враждебно относилась къ масонству. Нельзя сказать, чтобы ея отношенія къ этому направленію умовъ были совершенно вѣрны: въ воззрѣніяхъ императрицы на масонство слишкомъ много раціонализма, разсудочности; она совершенно не замѣчала того хорошаго, что несомнѣнно было въ орденѣ Вольныхъ Каменьщиковъ,

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVI, стр. 241.

и особенно въ отдѣльныхъ его членахъ, братьяхъ ордена. Но темныя его стороны, его фантастическія бредни и мечтанія, обманы и плутни, забиравшіеся въ масонскую среду и дурачившіе простодушныхъ, а иногда и непростодушныхъ братьевъ-каменьщиковъ, подмѣчены императрицей вѣрно и живо осмѣяны въ нѣсколькихъ ея комедіяхъ.

Въ комедіи «Шаманъ Сибирскій» [1]) Екатерина сближаетъ масоновъ съ сибирскими шаманами и съ кликушами. Герой комедіи — шаманъ Амбанъ-Лай; про него носятся слухи, что онъ «потаенно запершись въ погребу солнечные лучи въ котлѣ распускаетъ (явный намекъ на масоновъ) и изъ нихъ какую-то мазь варитъ». Этотъ Амбанъ-Лай погружается въ «восхитительныя думы», «гдѣ онъ бываетъ аки внѣ себя», и тогда кричитъ на разные звѣриные голоса, произноситъ какія-то непонятныя и безсмысленныя слова и т. п. Онъ «своими финты-фантами не только привлекаетъ массу посѣтителей, но и предсказаніями и угадками по чертамъ лица выманиваетъ у всѣхъ деньги колико можетъ» [2]).—Онъ по ремеслу сапожникъ, но живетъ пронырствомъ и обманомъ; такъ напримѣръ, «чтобы выманить у какой-то вдовы-купчихи денегъ, онъ обѣщалъ ей показать мужа на-яву, и для этого приводилъ къ ней два дня сряду какихъ-то нарочно наряженныхъ бородачей, которыхъ она, испугавшись, принимала за мертваго сожителя» [3]).—Замѣчательно, что въ комедіи Амбанъ-Лаю менѣе всего вѣрятъ простые люди, слуги нѣкоего Бобина, у котораго онъ живетъ.—Основная мысль комедіи та, что масонство, пришедшее къ намъ изъ чужихъ земель, есть такое-же суевѣріе, какого у насъ дома много. Шамановъ «не зачѣмъ выписывать изъ-за моря» (говоритъ въ концѣ піесы одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Брагинъ). «Повидимому этова товару вездѣ сыскать можно»... (добавляетъ другое лице — Кромовъ).

Въ комедіи «Обманщикъ» проводится та-же идея, что масонство есть обманъ и суевѣріе, и притомъ не новые. Въ заключительныхъ словахъ послѣдняго (5-го) акта одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, не есть новый, но едва не беретъ-ли онъ по временамъ на себя виды только разные» [4]).—Императрица, разумѣется, ошибается, дѣлая слишкомъ широкое обобщеніе; но что обманщики играли не малую роль въ орденѣ вольныхъ каменьщиковъ, въ этомъ она права.—Героемъ комедіи является нѣкто Калифалкжерстонъ, подъ которымъ надо разумѣть, конечно, извѣстнаго графа Каліостро, масона и фокусника. Масоновъ императрица называетъ здѣсь (вовсе, впрочемъ, не остро-

---

[1]) Полное собраніе соч. имп. Екатерины II, 3 т. Изд. А. Смирдина. Спб., 1849 г. Т. II.

[2]) Тамъ же, стр. 502.

[3]) Тамъ же, стр. 499.

[4]) Тамъ же, стр. 600.

умно) «мартышками», пародируя наименованіе одной изъ сектъ ордена — «мартинисты». Калифалкжерстонъ — плутъ, пользующійся всякимъ случаемъ, чтобы извлечь для себя выгоду... Онъ явно обкрадываетъ глуповатаго и простодушнаго Самблина, выманивая у него червонцы и алмазы будто-бы для того, чтобы варить ихъ въ котлѣ и этимъ безконечно умножать; котелъ съ ними (говоритъ онъ) «при рожденіи новаго мѣсяца я сниму съ очага при свидѣтеляхъ и тогда окажется неисчерпаемое богатство, въ ономъ теперь

Н. И. Новиковъ.

Съ гравированнаго портрета Розокова.

зрѣющее» [1]). — Калифалкжерстонъ выдаетъ себя за человѣка, живущаго уже много столѣтій. Когда Самблинъ застаетъ его въ задумчивости, разговаривающимъ съ самимъ собою, и спрашиваетъ — съ кѣмъ это онъ бесѣдуетъ? онъ отвѣчаетъ, что къ нему приходилъ давнишній его знакомецъ—Александръ Македонскій.

«Я его зналъ (говоритъ шарлатанъ), когда онъ завоевалъ Персію; онъ тогда прошелъ съ войскомъ сквозь мои маетности; я ему поднесъ анкерокъ вина моего винограднаго, который ему столь понравился, что онъ на три дня остано-

[1]) Тамъ же, стр. 566.

вился въ моемъ домѣ съ своими генералами, пилъ и ѣлъ со мною вмѣстѣ, и послѣдній вечеръ пьянехонько всталъ изъ-за стола» [1]).

Калифалкжерстонъ увѣряетъ еще, что умѣетъ предсказывать по звѣздамъ судьбу человѣка до самаго его смертнаго часа. Притомъ онъ озадачиваетъ простодушно-довѣряющихъ ему людей загадочными, неясными, таинственными выраженіями.—Замѣчательно, что и въ этой пьесѣ, какъ въ «Шаманѣ Сибирскомъ», простой человѣкъ (по волѣ автора) скептически относится къ масонству: служанка Самблина называетъ разговоръ масоновъ непонятнымъ бредомъ.

Въ третьей комедіи того-же рода — «Обольщенные» — императрица высказываетъ простое и здравое возраженіе противъ «тайны» масонскаго ордена, «тайны» его ученій, обрядовъ и главное — дѣлъ: не зачѣмъ дѣлать добро потаенно, когда узаконенія даютъ возможность дѣлать его явно. Въ этой пьесѣ различные плуты обманываютъ честныхъ людей, притворяясь, будто хотятъ имъ сдѣлать добро.

Кромѣ названныхъ комедій, противъ масонства направлено еще сочиненіе императрицы Екатерины (впрочемъ довольно слабое) — «Тайна противо-нелѣпаго общества».

«Освободительныя» идеи отразились затѣмъ въ «Наказѣ», гдѣ императрица говоритъ противъ суевѣрій и отмѣняетъ пытки. Но о «Наказѣ» рѣчь впереди.

Можетъ быть, болѣе существенно, по крайней мѣрѣ, съ бо́льшей широтою, свѣтлыя идеи освободительной философіи отразились въ послѣднемъ періодѣ литературной дѣятельности Новикова, преимущественно въ послѣднемъ его журналѣ — «Покоящійся Трудолюбецъ» (1784 — 1785 гг.). Здѣсь помѣщенъ цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ противъ фанатизма, противъ суевѣрія. Таковы: «Бильфельдово разсужденіе о тщетныхъ наукахъ и художествахъ» (ч. II), статья «О предвѣстіяхъ грядущихъ бѣдствій» (ч. I), «Сонъ» (ч. IV) и другія.

Что подобныя произведенія могли возникнуть подъ вліяніемъ именно философіи вѣка, на это прямо намекаетъ одна статья названнаго журнала— «Письмо къ издателямъ Покоящагося Трудолюбца». Авторъ этой интересной статьи, говоря о Вольтерѣ, находитъ въ знаменитомъ писателѣ много чертъ, заслуживающихъ осужденія; но съ другой стороны признаетъ въ немъ и достоинства.

«Кто бы ни былъ Вольтеръ (говоритъ онъ), хотя, впрочемъ, и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не извинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятовъ. По мнѣнію пустосвятовъ и по сію пору должны бы не угасать инквизиціонные костры и под

---

[1]) Тамъ же, стр. 557.

земные заклепы должны бы наполняться стономъ людей, не состоящихъ или не хотящихъ быть въ полчищѣ фанатиковъ» [1]).

Кромѣ борьбы съ фанатизмомъ, кромѣ осмѣянія суевѣрія, мы встрѣчаемъ въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» и скептицизмъ. Скептицизмъ (въ его чистомъ видѣ) и составляетъ отличительный характеръ философскихъ статей и вообще философіи этого журнала Новикова. Есть въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» чрезвычайно интересное и важное въ этомъ смыслѣ сочиненіе, носящее нѣсколько странное и черезъ-чуръ длинное заглавіе — «Человѣкъ наединѣ разсуждающій о неудоборѣшимыхъ пневматологическихъ, психологическихъ и онтологическихъ задачахъ» [2]).

Здѣсь мы встрѣчаемъ почти прямой переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ вольтеровскаго трактата «Душа» (въ «Философскомъ словарѣ»). Мы ничего не знаемъ о существѣ вещей (говоритъ авторъ): можетъ быть это происходитъ отъ того, что мы по бо̀льшей части заимствуемъ понятія свои отъ однихъ чувствъ. Оттого мы и не можемъ «проникнуть проходы и скважины огромной машины, которой одни только дѣйствія намъ видны». Все это можно примѣнить къ нашимъ понятіямъ о душѣ:

«душа, говорятъ философы, есть существо; но что есть существо? Не знающіе при этомъ вопросѣ молчатъ, а разумные сами себѣ противорѣчатъ, и молчаніе однихъ не яснѣе пустословія другихъ».—«Можно ли больше понимать о рожденіи душъ, какъ и о ихъ существѣ?»

Рождается-ли душа отъ души? существуетъ-ли душа человѣка до рожденія? имѣетъ ли она тогда понятіе о своемъ бытіи? — Все это намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, какъ человѣкъ переходитъ отъ состоянія, когда имѣлъ только способность чувствовать и мыслить, къ состоянію, когда свободно чувствуетъ и мыслитъ?— Затѣмъ, точно также непонятны намъ отношенія души и тѣла.

«По какому особому механизму существо безъ протяженія можетъ быть соединено съ существомъ, имѣющимъ протяженіе?» — «Почему душевныя способности, которыя не сотворены изъ вещества, возрастаютъ по мѣрѣ чувствъ тѣлесныхъ, которыя не суть духъ?» — «Какъ душа дѣйствуетъ во внутренности человѣка и какое бываетъ отраженіе матеріи на духъ? Какъ зрительная жилка трогаетъ душу?»

Далѣе, — гдѣ «жилище души?» Разные философы указываютъ на разныя части тѣла;

«но духовный человѣкъ не равно ли станетъ удивляться глупости отвѣтовъ, какъ и запросовъ? Для чего, скажетъ онъ, думаютъ они, яко бы душа заключена въ тѣлѣ, подобно какъ существо могущее быть содержимо въ сосудѣ? Помѣщать душу въ малѣйшихъ мозговыхъ сосудахъ есть заблужденіе столь же грубое, какъ и думать, что она обитаетъ въ солнцѣ».

---

1) Покоящійся Трудолюбецъ, ч. IV, 1785 г., стр. 67—69.

2) Тамъ же, ч. II, 1784 г.

Затѣмъ, также непостижимы уму нашему и самыя душевныя силы:

«кто можетъ истолковать, для чего мои чувства меньше меня обманываютъ, чѣмъ разумъ: я розу не приму за алмазъ, а всякій день малыя причины принимаю за великія?»

Наконецъ,

«гдѣ тѣ предѣлы, которые различаютъ въ человѣкѣ свободное и не-свободное дѣйствіе? Я свободенъ, но для чего мои глаза повинуются моей волѣ, а кровь не повинуется?»

«Наше разсужденіе (заключаетъ авторъ свою статью) не далѣе простирается своимъ понятіемъ и о будущемъ состояніи души, какъ о ея началѣ и существѣ. Ибо намъ говорятъ философы, что она безмертна, а болѣе ничего» [1]).

Таковы основныя мысли статьи «Покоящагося Трудолюбца». Если мы сравнимъ всѣ здѣсь выписанныя соображенія и скептическіе вопросы съ приведенными выше идеями Вольтера изъ его трактата «Душа», то увидимъ, что русскій журналъ былъ въ этихъ вопросахъ подъ явнымъ вліяніемъ знаменитаго французскаго писателя. Но есть, однако, (и на это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе), и огромная разница между міросозерцаніемъ Вольтера и нашего «Покоящагося Трудолюбца».—Мы видѣли, что французскій философъ не можетъ и не хочетъ въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ о душѣ (какъ и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ) удержаться на высотѣ чистаго, отвлеченнаго скептицизма,—онъ переходитъ отъ него къ матерьялистическимъ вѣрованіямъ, переходитъ притомъ путемъ софизмовъ, порой даже грубыхъ и циническихъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ новиковскомъ журналѣ: знаменитый издатель «Покоящагося Трудолюбца» съумѣлъ взять изъ Вольтера одинъ его чистый скептицизмъ, отбросивши все примѣшавшееся къ нему нечистое и ложное, какъ пчела умѣетъ высосать изъ цвѣтка одинъ его чистый медовый сокъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ вліянія свѣтлыхъ сторонъ «освободительной философіи» на нашу литературу. Повторяю, что ими дѣло, конечно, не исчерпывается и подобныхъ примѣровъ найдется еще не мало.

II.

Вліяніе на русскую литературу темныхъ сторонъ философіи XVIII вѣка.—Поэмы В. Майкова.

Но едва-ли можно сомнѣваться, что вліяніе темныхъ сторонъ философіи XVIII вѣка было у насъ сильнѣе; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что оно отразилось на несравненно большемъ

[1]) Покоящійся Трудолюбецъ, ч. II, стр. 66—74.

числѣ литературныхъ произведеній, или (точнѣе сказать) цѣлыхъ видовъ словесности. Можетъ быть, это потому, что въ самой «освободительной философіи» начало злое и ложное пересиливало свѣтъ истины.

Такъ, мутная струя чувственности, легкомыслія и снисходительныхъ отношеній къ жизненному злу (одинъ изъ элементовъ философіи вѣка) охватила у насъ цѣлый рядъ особаго рода сочиненій, извѣстный подъ названіемъ «комической оперы», завладѣла однимъ изъ направленій журналистики, и выразилась въ дѣятельности нѣсколькихъ даровитыхъ писателей, напр. Вас. Майкова, Богдановича, имп. Екатерины.

Она, эта темная струя, захватила, впрочемъ, названныхъ писателей не цѣликомъ. У Майкова и Богдановича она выразилась, среди ряда чуждыхъ ей произведеній, почти только въ поэмахъ. Но, къ сожалѣнію, именно эти поэмы и были ихъ главными созданіями, составившими ихъ славу.

Василій Ивановичъ Майковъ [1]) (1728 — 1778) былъ сынъ ярославскаго помѣщика и получилъ очень неблестящее образованіе; такъ, онъ не зналъ никакого иностраннаго языка. Въ 1748 г. онъ поступилъ на службу въ Семеновскій полкъ. Можно догадываться, что эта служба не могла хорошо повліять на душу даровитаго юноши. «Всѣмъ извѣстно (говоритъ въ своихъ запискахъ Болотовъ [2]), что ничто все благородное россійское юношество такъ много не портило, какъ гвардія: въ ней-то служа они дѣлались и повѣсами, и шалунами, и мотами, и расточителями имѣнія своего и буянами, и негодяями; словомъ гвардейская служба, въ которой утопали они только въ роскошахъ и безпутствахъ, была для нихъ сущимъ ядомъ и отравою». Къ чести Майкова слѣдуетъ сказать, что по выходѣ изъ полка въ отставку, онъ занялся самообразованіемъ и сблизился съ замѣчательными писателями и общественными дѣятелями: Сумароковымъ, Херасковымъ, Дмитріевымъ, Бибиковымъ и другими. Впослѣдствіи, онъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества и затѣмъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ.— Какъ въ творчествѣ, такъ и въ жизни Майкова замѣчается двойственность. Съ одной стороны онъ сближается съ мистиками и масонами, участвуетъ въ журналѣ Хераскова «Полезное увеселеніе» и самъ дѣлается масономъ (онъ посѣщалъ въ Петербургѣ ложуУраніи, а въ 1775 году былъ сдѣланъ великимъ провинціальнымъ секретаремъ Великой провинціальной ложи; въ Москвѣ сошелся съ главой масонства у насъ — Шварцомъ, и способствовалъ знакомству послѣдняго съ Новиковымъ);

---

[1]) Сочиненія В. И. Майкова, изд. Глазунова, 1867 г., подъ редакц. Л. Н. Майкова. Здѣсь и біографія поэта.

[2]) Русск. Архивъ, 1864 г., изд. 2-е, стр. 746.

съ другой стороны — онъ былъ близокъ съ извѣстнымъ въ свое время вольтерьянцемъ, кн. Козловскимъ, и выдающеюся чертой въ его характерѣ была, какъ у всѣхъ вольтерьянцевъ, любовь къ удовольствіямъ. — Въ пользу Майкова говоритъ, однако, то обстоятельство, что онъ находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Новиковымъ и участвовалъ въ его «Трутнѣ». Новиковъ и въ журналахъ своихъ, и въ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» отзывался о Майковѣ, какъ объ авторѣ, съ большимъ уваженіемъ.—Майковъ былъ честенъ. Но опредѣленныхъ политическихъ или общественныхъ убѣжденій у него не было: это былъ человѣкъ даровитый, но не имѣвшій сознательнаго направленія, и потому носившійся по вѣтру различныхъ идей.

Въ поэзіи его мы находимъ задатки возвышеннаго религіознаго лиризма; этому, какъ можно предположить, способствовало его религіозное воспитаніе въ родительскомъ домѣ и сношенія съ Новиковымъ. Изъ духовныхъ его одъ слѣдуетъ указать, какъ на самую лучшую, на оду «О суетѣ міра», написанную въ 1775 году:

Все на свѣтѣ семъ превратно,
Все на свѣтѣ суета,
Исчезаетъ невозвратно
Всякой вещи красота:
Младость и лица пріятство,
Сила, здравіе, богатство,
И порфира, и виссонъ,
Что въ очахъ намъ ни блистаетъ,
Все то, яко воскъ, растаетъ,
И минется, яко сонъ.

Эти стихи, прекрасные и по формѣ, и по возвышенности выраженнаго въ нихъ взгляда на жизнь, несомнѣнно проникнуты вдохновеніемъ. Объ умѣньи Майкова понимать поэтическія красоты библіи и о возвышенности порой его мысли свидѣтельствуетъ «Переложеніе псалма 136—на рѣкахъ Вавилонскихъ».—Въ стихотвореніи «Война» поэтъ, проникнутый религіознымъ лиризмомъ, описывая ужасы битвъ, осуждаетъ войну; замѣчательно, что онъ включилъ въ это свое сочиненіе заимствованную имъ изъ народныхъ духовныхъ стиховъ—жалобу земли къ Богу на грѣшниковъ.—Майковъ даже пытается въ своихъ стихотвореніяхъ бороться противъ матерьялизма; такъ, въ одѣ «Преосвященному Платону о безсмертіи души» онъ высказываетъ мысль, что о безсмертіи человѣка свидѣтельствуетъ ненасытность человѣческихъ желаній, наша жажда безсмертія. Ужели можно думать, говоритъ онъ,

Чтобъ Богъ, податель всѣхъ мнѣ благъ,
Источникъ всѣхъ существъ согласныхъ,
Мнѣ далъ желаньевъ тьму напрасныхъ,

Дабы развѣять ихъ, какъ прахъ;
И чтобы духъ мой по кончинѣ
Исчезъ, какъ искра водъ въ пучинѣ?

Но, будучи въ силахъ въ минуты вдохновенія подниматься на высоту религіозной мысли, Майковъ не могъ, однако, твердо держаться на этой высотѣ: сомнѣнія одолѣвали его; въ концѣ оды «Преосвященному Платону» онъ обращается къ знаменитому пастырю

В. И. Майковъ.

Съ портрета, приложеннаго къ собранію его сочиненій.

съ мольбой—помочь ему «опровергнуть сомнѣнія», «утишить бурю мыслей».

Какая-то слабость духа слышится вообще въ его лирикѣ. Она особенно замѣтна въ его похвальныхъ одахъ, въ которыхъ онъ, обладающій самобытнымъ талантомъ, подражаетъ, однако, Ломоносову, и его стихи, какъ всегда бываетъ съ подражаніями, выходятъ безконечно слабѣе оригинала. Вообще, въ своихъ хвалебныхъ одахъ Майковъ является холоднымъ риторомъ и переполняетъ стихи гиперболами.

Замѣчательною чертою въ творчествѣ Майкова, кромѣ религіознаго одушевленія, слѣдуетъ признать и присутствіе въ немъ народности. Такъ, иной разъ у него попадаются цѣлыя картины, заимствованныя изъ народныхъ созданій; напр. въ поэмѣ «Елисей» такими чертами описывается нарядъ героя:

Багрянъ сафьянъ до икръ, черкесски чеботы
Превосходили всѣ убранства красоты;
Персидскій былъ кушакъ, а шапочка соболья.
Изъ пѣсни взятъ уборъ, котору у приволья
Бурлаки волгскіе напившися поютъ;
А пѣсенку сію Камышенкой зовутъ:
Рѣка, что̀ устьецомъ въ мать-Волгу протекаетъ.
Искусство красоты отсюду извлекаетъ.

Въ послѣднемъ стихѣ авторъ какъ будто извиняется, что взялъ описаніе убора изъ народной пѣсни; но сквозь выразившееся въ этомъ извиненіи высокомѣрное отношеніе къ народной поэзіи слышится, однако, что онъ эту поэзію любитъ.—Разсказывая, какъ его Елисей дрался дубиною, Майковъ заимствуетъ обороты рѣчи изъ былинъ:

Гдѣ съ нею онъ пройдетъ, тамъ улица явится,
А гдѣ повернется, тамъ площадь становится.

Въ той же поэмѣ авторъ остро подсмѣивается, съ народной точки зрѣнія, надъ нашими петиметрами, французоманами: молодые русскіе щеголи ѣздятъ во Францію, говоритъ онъ, не для того, чтобы учиться или знакомиться съ политическимъ и экономическимъ положеніемъ чужой страны; они хотятъ лишь веселиться...

А если весело тамъ время проводить,
Такъ должно по домамъ кофейнымъ походить,
Узнать, въ какіе дни тамъ зрѣлища бываютъ,
Какіе и когда кафтаны надѣваютъ,
Какіе носятъ тамъ тупеи и виски,
Какія тросточки, какіе башмаки,
Какія стеклышки, чулки, манжеты, пряжки,
Чтобъ, выѣхавъ оттоль, одѣться безъ промашки,
И тѣмъ подъ судъ себѣ подобныхъ не подпасть;
Умѣти изъяснить свою безстыдно страсть,
Вертѣться, вздоръ болтать по самой новой модѣ,
Какая только есть во вѣтренномъ народѣ.

Юморъ здраваго русскаго смысла выражается у Майкова порою и въ осмѣяніи высокопарности псевдо-классической поэзіи; вотъ напр. два стиха—пародія на пріемы торжественнаго эпоса:

Подъ воздухомъ простеръ свой ходъ веселый чистымъ,
Поѣхалъ, какъ Нептунъ, по водъ верхамъ пѣнистымъ.
Прости, о Муза мнѣ, что я такъ захотѣлъ

И два сіи стиха неистово воспѣлъ;
Тебѣ я признаюсь: хотя въ нихъ смысла мало,
Да естество себя въ нихъ хитро изломало.

Затѣмъ, народною чертой поэзіи Майкова можно считать еще отсутствіе въ ней аристократизма воззрѣній. Мы это видимъ, напр., въ басняхъ; такъ, въ баснѣ «Конь знатной породы» осмѣиваются сословные предразсудки; въ другой — «Общество» — проводится та мысль, что всѣ сословія одинаково важны:

Крестьянинъ, князь, солдатъ, купецъ, мастеровой
Во званіи своемъ для общества полезны,
А для монарха ихъ какъ дѣти всѣ любезны.

Басня «Поваръ и портной» осмѣиваетъ тщеславіе дворянъ, и т. д.

Но не возвышенная лирика религіознаго характера и не народное начало занимаютъ главное мѣсто въ произведеніяхъ Майкова. Главныя его сочиненія — это тѣ, по которымъ протекаетъ мутная струя чувственности. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ остановиться на названной уже выше большой поэмѣ — «Елисей, или Раздраженный Вакхъ». Въ герои этого произведенія возведенъ пьяный, буйный и развратный ямщикъ, которому, однако, авторъ очевидно сочувствуетъ. Содержаніе поэмы — буйныя и циническія похожденія этого ямщика Елисея въ кабакѣ, въ части, въ «обители дѣвицъ по нуждѣ благочинныхъ», въ погребѣ и спальнѣ жены откупщика. Притомъ сущность поэмы (должно замѣтить) заключается не въ общемъ откровенно-грубомъ содержаніи ея, а въ ядовито-циническихъ подробностяхъ, въ тонѣ, въ юморѣ. — Юморъ Майкова двухъ родовъ: съ одной стороны — это простой смѣхъ здраваго смысла (мы видѣли его выше); съ другой — это грубое осмѣяніе того, что слѣдовало бы уважать, циническая потѣха надъ народными вѣрованіями, надъ народными чувствами. Такъ, боги древности представляются, какъ въ современныхъ оперетахъ, въ смѣшномъ, въ дурацкомъ видѣ. Напр. Вакхъ говоритъ Зевесу:

Твой долгъ есть, отче мой, пить, ѣсть и утѣшаться,
Но ты теперь пути къ піянству заградилъ.

а Юпитеръ отвѣчаетъ ему:

Купцы, подъячіе, художники, крестьяне
Спилися съ кругу всѣ и насъ забыли въ-пьянѣ,
А сверхъ того еще отъ сидки винный дымъ
Восходитъ даже къ симъ селеніямъ моимъ
И выкурилъ собой глаза мои до крошки,
Которы были, самъ ты знаешь, будто плошки,
А нынѣ, видишь ты, ужь стали какъ сморчки,
И для того-то я ношу теперь очки.

Подобными же чертами изображаются и другіе боги; когда Юпитеръ приказываетъ Гермесу созвать боговъ на совѣщаніе, тотъ ле-

титъ «какъ гончій песъ» и съ трудомъ находитъ олимпійцевъ въ разныхъ странахъ среди такихъ занятій:

Плутонъ по мертвецѣ съ жрецами пировалъ,
Вулканъ на Устюжнѣ пивной котелъ ковалъ
И знать, что помышлялъ онъ къ празднику о брагѣ;
Жена его была у женъ честныхъ въ ватагѣ,
Которыя собой прельщаютъ всѣхъ людей;
Купидо на часахъ стоялъ у лебедей,
Марсъ съ нею былъ тогда; а Геркулесъ отъ скуки
Игралъ съ ребятами клюкою длинной въ суки;
Цибела старая во многихъ тамъ избахъ
Загадывала всѣмъ о счастьи на бобахъ;
. . . .
Нептунъ съ предлинною своею бородою
Трезубцемъ, иль, сказать яснѣе, острогою,
Хотя не свойственно угрюмому толь мужу,
Мутилъ отъ солнышка растаявшую лужу
И преужасныя въ ней волны воздымалъ
До тѣхъ поръ, что свой весь трезубецъ изломалъ,
Чему всѣ малые ребята хохотали, и т. д.

Цинизмъ произведенія Майкова особенно сказывается, во 1-хъ, въ непостижимо-откровенномъ для нашего времени изображеніи грязныхъ картинъ и событій, нисколько не возмущающихъ нравственнаго чувства автора; во 2-хъ, въ легкомысленномъ осмѣяніи такихъ чувствъ, уваженіе къ которымъ обязательно для каждаго человѣка. Вотъ, напр., осмѣяніе сыновней любви къ матери, или представленіе этого чувства въ глупомъ видѣ: симпатичный своему автору герой поэмы такъ выражается о смерти матери, описывая свой бой:

Ужь тѣло старое оставила душа,
А тѣло безъ души не стóитъ ни гроша,
Хотя-бъ она была еще и не старуха.
Я плачу, плачетъ братъ; но тотъ уже безъ уха;
И трудно было всѣмъ узнать его печаль —
Старухи ли ему, иль уха было жаль.
Потеря наша намъ казалась невозвратна;
Притомъ и мертвая старуха непріятна.
На завтра отдали мы ей послѣдню честь:
Велѣли изъ дому ее скорѣе несть (III, 31—40).

Сообразно съ чувственнымъ и легкомысленнымъ взглядомъ на жизнь и на человѣка, и мораль у Майкова (авторы произведеній, подобныхъ «Елисею», обыкновенно заботятся о морали) является уступчивою, сговорчивою. Такъ, когда въ поэмѣ всѣ боги строго осудили Елисея за его буйства, Зевесъ, наоборотъ (и авторъ, очевидно, ему въ этомъ сочувствуетъ), отнесся къ нему снисходительно и благосклонно:

По вашему —

говоритъ онъ богамъ —

его, я вижу, должно сжечь;
Но я не соглашусь казнить его столь строго,
Понеже шалуновъ такихъ на свѣтѣ много,
И если мнѣ теперь ихъ жизни всѣхъ лишать,
Такъ долженъ я почти весь свѣтъ опустошать.
Когда бы я, какъ вы, былъ мыслей столь нестройныхъ,
Побилъ бы множество я тварей недостойныхъ,
Которыя собой лишь землю тяготятъ (V, 193—199).

Стихъ «понеже шалуновъ такихъ на свѣтѣ много» свидѣтельствуетъ, что по пониманію автора его (по всей вѣроятности безсознательному)—нравственность дѣло условное и относительное.

Есть у Майкова еще поэма въ томъ же родѣ, или «пѣснь», какъ онъ назвалъ,—«Судъ Паридовъ» (т. е. судъ Париса). Это сочиненіе наглядно показываетъ намъ, какъ идеальныя мысли въ душѣ поэта подрывались матерьялизмомъ и чувственностью. Повидимому, въ поэмѣ проводится возвышенная идея; молодымъ людямъ дается такой совѣтъ:

А вы, о юноши, сей пѣсни гласъ внимайте,
И мыслей тлѣнными вещьми не занимайте.
Когда плѣнять начнетъ вашъ разумъ красота,
Воспомните, что то есть свѣтска суета,
Котора, какъ магнитъ, сердца младыя тянетъ,
И коя съ временемъ, какъ сельный кринъ, увянетъ,
Лишится прелестей блестящихъ навсегда
И болѣ цвѣсть уже не будетъ никогда (стихи 17—24).

Но замѣчательно, что это прекрасное правоученіе совершенно отвлеченно: оно не подтверждается самимъ разсказомъ, и тамъ, гдѣ Парисъ (въ ходѣ повѣствованія) чувственно увлекается красотой Венеры, увлекается также и авторъ, вопреки своей мысли.

III.

Богдановичъ и его „Душенька".

Весьма похожа по своему духу и направленію на разсмотрѣнныя произведенія Майкова поэма другаго извѣстнаго писателя екатерининскихъ временъ, Иполлита Ѳедоровича Богдановича,— «Душенька». — «Душенька» была знаменита въ свое время; ею увлекались не только современники, но и ближайшее потомство; въ честь автора ея писались хвалебные стихи. Платонъ Бекетовъ сочинилъ такую надпись къ портрету Богдановича:

Зефиръ ему перо изъ рукъ своихъ самъ далъ;
Амуръ водилъ рукой: онъ «Душеньку» писалъ.

Извѣстный стихотворецъ, другъ Карамзина, И. И. Дмитріевъ написалъ восторженную «эпитафію автору Душеньки»:

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Грацін! вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичъ спитъ, любимый вашъ пѣвецъ».

Богдановичу придавали значеніе даже такіе писатели, какъ Пушкинъ и Бѣлинскій. Великій поэтъ въ своей, дѣтской еще, правда, поэмѣ «Русланъ и Людмила» слѣдовалъ автору «Душеньки» въ очеркѣ образа героини, и впослѣдствіи, въ «Евгеніи Онѣгинѣ», засвидѣтельствовалъ, что въ ранней юности ему были милы «Богдановича стихи».—Бѣлинскій, не признавая особенной талантливости за авторомъ «Душеньки», довольно рѣзко даже отзываясь о тяжести стиховъ поэмы, объ отсутствіи въ ней всякой поэзіи, игривости, граціи, остроумія, тѣмъ не менѣе говоритъ, что «поэма Богдановича все-таки замѣчательное произведеніе, какъ фактъ исторіи русской литературы; она была шагомъ впередъ и для литературы, и для литературнаго образованія нашего общества», такъ какъ служила переходной ступенью отъ громкихъ, напыщенныхъ одъ и тяжелыхъ поэмъ, которыя всѣхъ оглушали и удивляли, но никого не услаждали, къ болѣе легкой поэзіи, куда вводится комическій элементъ, гдѣ высокое смѣшивается съ смѣшнымъ, какъ это есть въ самой дѣйствительности, и сама поэзія становится ближе къ жизни [1]).

Но особенно интересны отношенія къ поэмѣ Карамзина, обладавшаго большимъ эстетическимъ чувствомъ и понимавшаго Шекспира (что можно сказать про немногихъ изъ современниковъ его молодости); онъ увлекался поэмой. Въ статьѣ своей «О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ» [2]) знаменитый писатель выражается такъ: «Въ 1775 году Богдановичъ положилъ на алтарь Грацій свою Душеньку». «Она не есть поэма героическая», и потому (говоритъ Карамзинъ) ее нельзя судить по законамъ, установленнымъ Аристотелемъ: «Душенька есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса, а для нихъ нѣтъ Аристотеля». Но «въ такомъ сочиненіи все правильно, что забавно и весело, остроумно выдумано, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко,—и въ самомъ дѣлѣ не трудно, но только для людей съ талантомъ».

«Душенька»—не самобытное произведеніе Богдановича; нашъ писатель собственно переложилъ въ стихи «Les amours de Psyché», прозаическій разсказъ Лафонтена, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ романа римскаго писателя Апулея — «Золотой оселъ»; Апулей же въ своемъ произведеніи обработалъ древній

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. V (изд. 2-е, 1865 г.), стр. 299—304.

[2]) Соч. Карамзина. Изд. А. Смирдина, 1848 г., т. I. — См. также при I т. Соч. Богдановича, стр. 82.

греческій миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ, о сочетаніи души съ любовью. Но кромѣ литературной формы (стиха), разсказъ нашего писателя отличается отъ французскаго своего оригинала и тономъ (болѣе шутливымъ), и многими подробностями (обстоятельное сравненіе ихъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Карамзинъ въ упомянутой выше статьѣ своей). Нечего и говорить, что отъ древняго миѳа, послѣ цѣлаго ряда его обработокъ и передѣлокъ, ничего или почти ничего не осталось въ поэмѣ Богдановича.

Содержаніе поэмы таково: оракулъ предсказываетъ царю, отцу Душеньки, что его дочери суждено выйти замужъ за чудовище,— такъ угодно судьбѣ; царевну должно отвезти «на вершину невѣдомой горы» и тамъ оставить. Царь исполняетъ повелѣніе судьбы и отвозитъ дочку на гору. Душенька, сама того не подозрѣвая, попала въ царство Амура, который и долженъ быть ея супругомъ. Она окружена богатствомъ, роскошью; но мужа своего не видитъ: онъ является ей лишь во тракѣ; узнать—кто онъ такой она не смѣетъ: это запрещено ей подъ страхомъ потерять всѣ окружающія блага. Однако, любопытство превозмогаетъ все: при появленіи Амура Душенька зажигаетъ лампу. Но она тотчасъ-же наказана за ослушаніе: окружавшая ее роскошь исчезла и она очутилась въ пустынѣ. Отчаяніе овладѣваетъ царевной; отъ горя, скитаній и лишеній пропадаетъ ея красота, и она, наконецъ, рѣшается лишить себя жизни. Но Амуръ спасаетъ ее при всѣхъ попыткахъ самоубійства. И дѣло оканчивается тѣмъ, что Душенька раскаявается въ своемъ любопытствѣ и награждена за это возращеніемъ красоты и всѣхъ утраченныхъ благъ роскоши.

Богдановичъ высказываетъ въ своемъ повѣствованіи довольно возвышенную отвлеченную мораль: Душенька прощена, потому что очистилась отъ своего грѣха терпѣніемъ въ страданіяхъ, и Зевсъ объявляетъ народу «грамоту» такого содержанія:

Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ,
Наружный блескъ въ очахъ проходитъ такъ, какъ дымъ,
Но красоту души ничто не измѣняетъ:
Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.

Повидимому возвышенная мысль этихъ стиховъ должна лежать въ основѣ сочиненія. Но замѣчательно, что, напротивъ, ей совершенно противорѣчитъ сама поэма. (Мы видѣли тоже и въ поэмахъ Майкова). Прежде всего съ ней совершенно не гармонируетъ характеръ героини произведенія: въ Душенькѣ нѣтъ никакой «душевной красоты». Она просто, говоря языкомъ прошедшаго вѣка, щеголиха: живя еще въ отцовскомъ домѣ, она любитъ очень наряды, любитъ быть окруженной постоянно поклонниками, и когда ихъ нѣтъ вокругъ нея— скучаетъ. Притомъ у нея не оказывается никакихъ нравственныхъ убѣжденій: она думаетъ, какъ и ея родные, что мужъ ея—«чудо-

вище»; «чудовище» страшитъ ее... но оно окружило царевну богатствомъ, роскошью, и Душенька отлично примиряется съ своимъ положеніемъ, только любопытство одно ее мучитъ; авторъ говоритъ:

Супружество могло царевнѣ быть пріятно,
Лишь только таинство казалось непонятно.

Это не то, что героиня народной сказки, переложенной С. Т. Аксаковымъ («Аленькій цвѣточекъ»): та полюбила чудовище за его «добрую душу», а не за несмѣтныя богатства; легкомысленная же героиня Богдановича любитъ лишь себя самоё да роскошь; лишившись богатства, она умѣетъ только предаться отчаянью и, вопреки увѣреніямъ автора, никакого терпѣнія въ страданіяхъ не выказываетъ.—Замѣчательно, что Богдановичъ вполнѣ симпатизируетъ своей Душенькѣ; но замѣчательно также и то, что онъ ее не уважаетъ (мы увидимъ подобное и у другихъ авторовъ того-же направленія): такъ, ему ничего не стоитъ назвать ее мимоходомъ «дурой», даже не совсѣмъ кстати: во время ея скитаній по пустынѣ (разсказываетъ поэтъ) встрѣчный рыболовъ спросилъ ее — кто она такая; она отвѣтила:

«Я Душенька... люблю Амура».
Потомъ расплакалась какъ дура.

Кромѣ характера героини, возвышенной морали, отвлеченно высказанной въ поэмѣ, противорѣчитъ и тонъ ея, шутливый въ томъже духѣ, какой мы видѣли въ «Елисеѣ» Майкова. Такъ, въ «Душенькѣ», какъ и въ «Елисеѣ», легкомысленно осмѣиваются народныя вѣрованія, боги древности представляются въ дурацкомъ видѣ; вотъ, напр. изображеніе Сатурна:

А тамъ предъ ней (Душенькой) Сатурнъ безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ:
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.

Смерть изображается—«курносымъ чучеломъ съ плѣшивой головой».

Осмѣиваются легкомысленно и естественныя человѣческія чувства: разсказывая о разлукѣ Душеньки съ родными, авторъ такъ смѣхотворно изображаетъ горе отца:

И напослѣдокъ царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.

Это уже нравственный цинизмъ. Цинизмъ сказывается и въ многочисленныхъ нескромныхъ и даже грязныхъ подробностяхъ повѣствованія; среди нихъ первое мѣсто въ этомъ смыслѣ занимаетъ разсказъ о томъ, какъ Душенька бросилась съ древеснаго сука, желая лишить себя жизни. У Лафонтена этого эпизода нѣтъ, —

онъ созданъ игривой фантазіей нашего писателя. И замѣчательно, что подобный разсказъ былъ совершенно въ духѣ времени, — онъ нравился; даже Карамзинъ не видѣлъ въ «Душенькѣ» ничего предосудительнаго: въ своей статьѣ о поэмѣ онъ говоритъ, что, «вольность бываетъ слабостью поэтовъ; строгіе люди давно осуждаютъ ихъ, но снисходительные многое извиняютъ, естьли воображеніе неразлучно съ остроуміемъ и не забываетъ правилъ вкуса».

Въ характерѣ и жизни Богдановича, какъ и у Майкова, мы видимъ смѣшеніе различныхъ чертъ и направленій. Такъ, можно подмѣтить въ немъ какъ будто что-то народное. Въ 1785 г. онъ издалъ книжку русскихъ пословицъ, — значитъ изрѣченія народнаго ума интересовали его. Въ самой «Душенькѣ» есть кое-что позаимствованное изъ народныхъ сказокъ; Карамзинъ справедливо говоритъ: «Душенька служитъ трудныя, опасныя службы богинѣ (Венерѣ) совершенно въ тонѣ русскихъ старинныхъ сказокъ». Въ поэмѣ встрѣчаются чисто-народныя имена и выраженія: Кощей-безсмертный (впрочемъ здѣсь только имя народно, а по характеру это древній сфинксъ), царь-дѣвица, кисельные берега, мертвая и живая вода (добывать ихъ Душенька идетъ по повелѣнію Венеры) и т. п.; впрочемъ, надо замѣтить, что зачастую Богдановичъ и съ насмѣшкою относится къ народнымъ вѣрованіямъ (съ высоты своего европейскаго полу-просвѣщенія).—Народная поэзія, должно быть, вліяла на нашего писателя въ дѣтствѣ, проведенномъ имъ въ Малороссіи; онъ отличался тогда впечатлительностью, увлекался чтеніемъ, музыкой, рисованіемъ.

Были въ его характерѣ и задатки мистицизма; по крайней мѣрѣ на это намекаетъ сближеніе его съ знаменитымъ мистикомъ и масономъ Херасковымъ; Богдановичъ принималъ участіе даже въ журналахъ Хераскова, имѣвшихъ весьма опредѣленное направленіе.

Но не народность, и не мистицизмъ тѣмъ болѣе, лежатъ въ основахъ его главнаго произведенія, — въ «Душенькѣ» мы видимъ проявленіе темныхъ сторонъ философіи XVIII вѣка, наше вольтерьянство. То-же можно подмѣтить и въ жизни Богдановича, и въ его воззрѣніяхъ. Онъ былъ пристрастенъ къ легкому веселью, къ щегольству, отличался, по выраженію Карамзина, «чувствительностью къ любезности женской», и подъ старость легкомысленно и безнадежно влюбился въ молоденькую женщину. Легкомысліе и тщеславіе сказались, между прочимъ, въ его излишней впечатлительности къ похваламъ высокопоставленныхъ лицъ; императрица одобрила его поэму, и онъ возгордился. «Екатерина царствовала въ Россіи (пишетъ Карамзинъ). Она читала Душеньку съ удовольствіемъ и сказала о томъ сочинителю: что могло быть для него лестнѣе? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели государей, старались изъявлять ему знаки своего уваженія... блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника музъ

въ самое цвѣтущее время таланта (30-ти лѣтъ съ небольшимъ) — и вѣнокъ Душеньки остался единственнымъ на головѣ его [1])». — Съ чувствительностью Богдановича къ похвалѣ знатныхъ совершенно гармонируетъ его воззрѣніе на хвалебную оду, высказанное въ интересной статьѣ его «О древнемъ и новомъ стихотвореніи», напечатанной въ «Собесѣдникѣ» кн. Дашковой и имп. Екатерины [2]). Онъ находитъ, что стихотворная похвала и «поэтическіе къ украшенію ея вымыслы» одобрительны во всякомъ случаѣ. «И хотябы люди (говоритъ онъ) не согласились въ мнѣніяхъ, кто и когда таковою добродѣтелью отличается, нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что добрая похвала заслуженная есть пища душъ чувствительныхъ; не заслуженная же побуждаетъ ее заслуживать, и бываетъ для многихъ наилучшимъ нравоученіемъ».

Преклоненіе передъ сильными міра сказывается и во взглядѣ Богдановича на силу и значеніе личности. Такъ, въ поэмѣ «Сугубое блаженство» онъ выражаетъ мысль, что избавить общество отъ злоупотребленія страстей можетъ личная воля царя, посредствомъ изданія законовъ. Согласно съ этой мыслью и въ «Душенькѣ» царь-отецъ героини изображается исправляющимъ пороки своихъ подданныхъ: онъ отмѣчаетъ провинившихся въ несоблюденіи какойлибо добродѣтели видимыми, понятными народу и подходящими къ пороку знаками:

...если находилъ въ подсудныхъ низки души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши.

—

Клеветникамъ въ удѣлъ
И доносителямъ неправды государю
Вездѣ носить велѣлъ
Противнѣйшую харю,
Какая изъявлять клевещущихъ могла.

—

Спесивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться.

Можетъ быть, нѣсколько въ грубой и смѣхотворной формѣ, но здѣсь, конечно, выражается знаменитая въ XVIII вѣкѣ «идея просвѣщеннаго деспотизма».

Идея веселья, проведенія жизни въ удовольствіяхъ тоже отразилась въ произведеніяхъ Богдановича; онъ не придавалъ поэзіи высокаго значенія; онъ высказываетъ въ «Душенькѣ» мнѣніе, что занятіе поэзіей есть забава:

Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою;
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

---

[1]) Соч. Богдановича I, 72—73.
[2]) Соч. Богдановича, т. II, стр. 29 (Изд. 1809—1810).

Стихи «Душеньки» — вольные и игривые — самъ авторъ противополагаетъ серьезной и тяжелой поэзіи Гомера:

О ты, пѣвецъ боговъ (восклицаетъ онъ),
Гомеръ, отецъ стиховъ
Двойчатыхъ, ровныхъ, стройныхъ
И къ пѣнію пристойныхъ!
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю.

И. Ѳ. Богдановичъ.
Съ гравированнаго портрета Ческаго.

Въ статьѣ «О древнемъ и новомъ стихотвореніи» Богдановичъ говоритъ, что поэзія должна идеализировать природу, воспѣвать поля, ручьи и кустарники, рисовать идиллическихъ пастуховъ и пастушекъ... ибо «разумъ, удручаясь важными размышленіями, не рѣдко ищетъ отдыха въ самыхъ бездѣлицахъ».

Богдановичъ былъ почитатель и поклонникъ Вольтера, его поэтическихъ произведеній. Онъ перевелъ Вольтерову поэму «На разрушеніе Лиссабона» и его-же трехъ-актную комедію «Нанина или Побѣжденное предразсужденіе». (Спб. 1766 г.). Эта послѣдняя пьеса, слабая въ литературномъ отношеніи, довольно, однако,

характерна: она показываетъ — на какихъ образцахъ учились наши писатели. Герой пьесы, молодой графъ Ольбанъ, «не имѣющій свойствъ нынѣшняго свѣта», невзлюбившій шумъ столицы и поселившійся въ деревнѣ, чуждъ предразсудковъ; онъ борется противъ нихъ и презираетъ обычаи, стѣсняющіе свободу «чувствовать и мыслить по своему разуму». «Вамъ нравится (говоритъ онъ своей свойственницѣ, баронессѣ) пышность, вы полагаете высокость въ гербахъ, а я чту ее въ сердцѣ» [1]. Графъ хочетъ, слѣдуя своимъ убѣжденіямъ, жениться на дѣвушкѣ простаго званія, Нанинѣ, которую онъ полюбилъ и которая отвѣчаетъ ему взаимностью. На этотъ бракъ соглашается и его мать, маркиза, женщина преклонныхъ лѣтъ, не сочувствующая новой жизни, но отличающаяся терпимостью къ чужимъ недостаткамъ, добротою и простодушіемъ.—Повидимому, идея пьесы заключается въ отрицаніи сословныхъ предразсудковъ. Но думать такъ было-бы ошибочно: этой идеѣ, несомнѣнно видной въ сочиненіи, противорѣчитъ, однако, характеръ и образъ мыслей героини — Нанины. Нанина сама убѣждаетъ графа не жениться на ней, говоря, что такой неравный союзъ всегда бываетъ несчастливъ, — любовь проходитъ и остается раскаяніе; «я осмѣливаюсь напомнить вамъ (говоритъ дѣвушка) [2]) вашъ высокій родъ. Не приводите въ заблужденіе мой молодой и слабый разумъ». Въ другомъ мѣстѣ пьесы она, выказывая по волѣ автора полное самоуничиженіе, проситъ маркизу, мать любимаго человѣка, не соглашаться на бракъ съ нею графа. «Нѣтъ, не соглашайтесь, сударыня (говоритъ она): сопротивляйтесь его страсти... и моей. Я выпрашиваю то у васъ такъ, какъ милость. Любовь слѣпа, должно ослѣпляемыхъ выводить изъ заблужденія. Ахъ! оставьте меня обожать моего господина въ уединеніи; разсмотрите мое состояніе, разсмотрите, кто мой отецъ: могу-ль я называть васъ матерью»? [3]). Должно обратить вниманіе на то, что здѣсь въ словахъ Нанины, указывается не на неравенство образованія, какъ на возможную причину будущаго несчастья въ бракѣ, а именно только на различіе происхожденія.—Идеѣ отрицанія сословныхъ предразсудковъ противорѣчатъ и заканчивающія комедію слова матери героя, которой авторъ видимо сочувствуетъ; когда свадьба графа и Нанины уже рѣшена, маркиза горорить: «Пусть этотъ день будетъ достойнымъ воздаяніемъ добродѣтели... однако, чтобъ всѣ нашей свадьбы примѣромъ себѣ не ставили» [4]).—Какъ во множествѣ своихъ произведеній, такъ и въ комедіи Нанина, Вольтеръ является

---

[1]) Нанина или Побѣжденное предразсужденіе. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Переводъ съ французскаго. Спб. 1766 г. Стр. 12.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) Тамъ же, стр. 116.

[4]) Тамъ же, стр. 117.

лицомъ двойственнымъ, Мефистофелемъ, подсмѣивающимся надъ всякими чувствами и идеями и запутывающимъ людей въ противорѣчія.

Такія противорѣчія мы видѣли и въ поэмахъ нашихъ авторовъ екатерининскихъ временъ — у Майкова, у Богдановича. Переводъ послѣднимъ разобранной Вольтеровой пьесы прямо намекаетъ—у кого наши писатели учились этой двойственности. Въ другомъ сочиненіи [1]) мнѣ пришлось уже указать, что Радищевъ, въ сказкѣ своей «Бова», которая, собственно, можетъ быть отнесена къ тому же роду сочиненій, какъ «Елисей» и «Душенька» (но только она циничнѣе послѣднихъ), прямо указываетъ, что онъ слѣдовалъ Вольтеру, подражалъ ему; величайшее его честолюбіе (по его собственнымъ словамъ) заключалось въ томъ, чтобы его «Бова» былъ хоть «тощей» тѣнью «Орлеанской дѣвственницы», своего оригинала.

Надо только замѣтить, что наши писатели, заключая двойственность въ свои произведенія, дѣйствовали безсознательно: они были гораздо простодушнѣе Вольтера и на Мефистофеля не походили.

IV.

Комическая опера.

(Аблесимовъ, В. Майковъ, Княжнинъ и друг.).

Та же мутная струя чувственности, какую мы видѣли въ поэмахъ, протекаетъ и по цѣлому ряду особаго рода театральныхъ піесъ екатерининской эпохи, которыя были извѣстны подъ именемъ «комическихъ оперъ». Ихъ отнюдь не должно смѣшивать съ комедіями, имѣющими совсѣмъ другой смыслъ и другое значеніе. «Комическая опера» XVIII вѣка совершенно соотвѣтствуетъ позорнымъ піесамъ, къ стыду нашему заполонившимъ въ настоящее время русскій театръ, такъ называемымъ «опереткамъ». Въ «комической оперѣ» мы видимъ тѣ же начала, что̀ и въ поэмахъ Майкова, Богдановича, Радищева: и здѣсь встрѣчаемъ мы представленіе боговъ древности въ смѣшномъ видѣ, насмѣшки надъ народными вѣрованіями, надъ возвышенными чувствами, цинизмъ; и здѣсь характеры героевъ — низменные характеры, а мораль авторовъ — легкая и уступчивая. Но различаются комическія оперы отъ поэмъ тѣмъ, что указанныя начала достигли въ нихъ высшихъ предѣловъ своего развитія. Особенно замѣчательно, что героемъ комической оперы обыкновенно является не просто дурной человѣкъ (какъ въ поэмахъ), а сознательный плутъ, который въ то же время,

---

[1]) А. Н. Радищевъ, литерат. характеристика. — «Историческій Вѣстникъ», 1888 г., № 4.

по волѣ автора, совершаетъ прекрасныя дѣла, помогаетъ людямъ. Это противоестественное примирительное смѣшеніе зла и добра въ одномъ человѣкѣ дѣлается съ цѣлью вызвать сочувствіе читателя или зрителя къ герою пьесы, къ завѣдомому негодяю; въ этомъ кроется (безсознательное, впрочемъ, у нашихъ авторовъ, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ) циническое осмѣяніе нравственныхъ началъ вообще, примиреніе съ пошлостью и зломъ.

Нельзя, однако, не замѣтить, что у нашихъ писателей въ ихъ «комическихъ операхъ» попадаются и слѣды другаго рода направленія, встрѣчается, напр., кое-что народное, непосредственное, простое, совершенно не вяжущееся, обыкновенно, съ основнымъ началомъ піесы. Это наивное противорѣчіе, эта безсознательная двойственность есть вообще одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ нашей литературы екатерининской эпохи. Процессъ усвоенія русскими людьми иноземныхъ идей, хорошихъ и дурныхъ, совершался тогда почти вполнѣ инстинктивно.

Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ «комической оперы», для подтвержденія высказанныхъ выше общихъ положеній.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что множество подобныхъ піесъ, въ перемежку съ комедіями и драмами, напечатано въ замѣчательномъ изданіи конца прошедшаго столѣтія—«Россійскій ѳеатръ» (первая часть его появилась въ 1786 г.; всѣхъ частей вышло 42). Это изданіе было предпринято по иниціативѣ княгини Дашковой императорскою россійскою академіей.

Авторъ «Елисея», Майковъ, написалъ пастушескую драму «Деревенскій праздникъ или увѣнчанная добродѣтель», въ 2-хъ актахъ (1777 г.). Дѣйствующія лица здѣсь крестьяне: но народности въ пьесѣ нѣтъ, потому что нельзя признать народнымъ соединеніе сантиментальной идилліи съ чувственной мелодрамой. Дѣйствіе начинается тѣмъ, что крестьянинъ Медоръ (странное имя для русскаго мужика!) украшаетъ шалашъ цвѣтами; вскорѣ приходитъ его невѣста, и онъ обращается къ ней съ такими словами: «жестокая! или ты не видишь моей къ себѣ привязанности, или ты не слышишь тяжкихъ моихъ вздоховъ?» и затѣмъ онъ поетъ:

Я тобой повсечасно
Рвусь и мучусь, стеня,
Я люблю тебя страстно,
Ты не любишь меня.

Невѣста, Надежда по имени, такъ же похожая на крестьянку, какъ Медоръ на крестьянина, отвѣчаетъ ему:

Всѣ вы полны отравы,
Полнъ обмана вашъ взоръ,
Всѣ мущины лукавы,
Ты — мущина, Медоръ!

Въ другомъ мѣстѣ пьесы Надежда говоритъ еще бо́льшую пошлость:

«Вѣдь мущины, какъ мухи, на медъ падки; скажи-ка ему, что любишь, такъ и не отвяжешься; а потомъ и броситъ».

А Медоръ, въ соотвѣтствіе этому, бранитъ однажды муху проклятою за то, что она укусомъ въ губы разбудила Надежду и этимъ предостерегла отъ него: «и эта тварь ее остерегаетъ», говоритъ онъ.

Счастье Медора и Надежды устраиваетъ герой пьесы — цыганъ, тунеядецъ и корыстолюбивый человѣкъ; онъ увѣряетъ Надежду, что ее дѣйствительно любитъ ея сантиментально-чувственный вздыхатель. Авторъ вполнѣ примирительно и сочувственно смотритъ на своего плута-героя. — Оканчивается пьеса согласіемъ помѣщика на бракъ Медора и Надежды и сценою радости и веселья крестьянъ. Помѣщикъ говоритъ:

«Увѣнчайтесь, любезныя дѣти! ваши добродѣтели сего достойны, и имѣйте во мнѣ такъ, какъ и всѣ мои служители, отца себѣ».

Въ отвѣтъ на это женихъ и невѣста поютъ ему:

Господинъ мой духъ спокоитъ,
Отъ него сего я жду.
Онъ мнѣ счастіе устроитъ,
Я { съ Надеждою / съ Медоромъ } иду.

А хоръ крестьянъ прославляетъ блаженство своей жизни:

Мы живемъ въ счастливой долѣ,
Работая всякій часъ,
Жизнь свою проводимъ въ полѣ,
И проводимъ веселясь.
Мы руками работаемъ
И за долгъ себѣ считаемъ
Быть въ работѣ таковой.
Давъ оброкъ, съ насъ положенной,
Въ жизни мы живемъ блаженной
За господской головой.
Мы своей всегда судьбою
Всѣ довольны и тобою.
Лошадей, коровъ, овецъ
Много мы имѣемъ въ полѣ
И живемъ по нашей волѣ,
Ты намъ баринъ и отецъ.

Это прославленіе «блаженства» крестьянской жизни и идеализированіе крѣпостнаго права свидѣтельствуетъ о примирительномъ взглядѣ автора піесы на темныя стороны жизни. Впрочемъ, надо замѣтить, что тутъ же Майковъ дѣлаетъ указаніе и на то, что у помѣщиковъ есть нѣкоторыя обязанности въ отношеніи къ кре-

стьянамъ; онъ влагаетъ въ уста барина такія слова про крѣпостныхъ людей:

«Ихъ долгъ намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка, соразмѣрнаго силамъ ихъ, а нашъ — защищать ихъ отъ всякихъ обидъ и даже, служа государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе. Вотъ какая наша съ ними обязанность».

Вставка Майковымъ въ пьесу этого монолога говоритъ намъ о присутствіи въ его душѣ простаго и здраваго смысла, не окончательно затемненнаго сантиментальнымъ и грубымъ содержаніемъ произведенія.

Піеса Аблесимова — «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» нѣкогда славилась какъ народная комедія; но она принадлежитъ тоже къ числу комическихъ оперъ. Въ ней, правда, есть кое-что народное; такъ, въ началѣ 3-го дѣйствія вставлены три свадебныя пѣсни; кромѣ того, встрѣчаются въ ней народные обороты рѣчи и выраженія. Но нравы крестьянъ поняты и изображены авторомъ какъ-то грубо и странно. Онъ полагаетъ, напр., что любовь простаго человѣка должна соединяться непремѣнно съ побоями. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Филимонъ, говоритъ про свою невѣсту: «А, а!.. это ей не по сердцу, што я сказалъ; гоняться-то за ней не буду, этакъ-то лучше съ ними водиться; у насъ вѣдь по-сельски: какъ любушкѣ своей тулунбаса два-три въ спину влѣпишь, и она стерпитъ, такъ и наша». Во 2-мъ дѣйствіи Анкудинъ, отецъ невѣсты, Анюты, поетъ:

Мнѣ на спорщицу-женищу
Купить добрую плетищу,
Настрехать ея спиницу...
Будетъ жить, какъ я хочу.

Аблесимовъ думалъ, сочиняя подобные стихи, что выражается совершенно въ народномъ духѣ. Онъ полагалъ также, что въ крестьянскомъ быту у насъ было затворничество женщинъ; Филимонъ говоритъ Анютѣ: «Да тебя давно ужь на посидѣлкахъ не видно»; а Анюта отвѣчаетъ: «Матушка меня не пущаетъ, — говоритъ: ты, дескать, ужь дѣвушка-невѣста, такъ женихи осудятъ; я отъ этова иногда и плачу».

Герой піесы — колдунъ мельникъ — плутъ, корыстолюбецъ и пьяница. Онъ разсуждаетъ такъ:

«А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и горраздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ. Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ, а мы наживемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ,
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,

Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ,
какъ и азъ грѣшный!» (1-е д., 1-е явл.).

Сговариваясь съ Филимономъ устроить его дѣло, мельникъ поетъ:

А чтобъ быть намъ посмѣлѣе,
И приттить повеселѣе,
Такъ зайдемъ мы въ кабачокъ,
Тяпнемъ тамъ винца крючокъ!

Но этотъ плутъ и пьяница устраиваетъ, по волѣ автора, счастіе Филимона и Анюты; негодный человѣкъ, согласно обычаю и духу комическихъ оперъ, совершаетъ доброе дѣло, и самъ авторъ ему видимо сочувствуетъ. — Нечего и говорить, что народнаго въ личности плута-мельника нѣтъ ничего.

Извѣстный **Княжнинъ** также писалъ комическія оперы; таковы, напр., его піесы: «**Несчастье отъ кареты**» и «**Сбитеньщикъ**».

Въ первой, состоящей изъ двухъ дѣйствій, гораздо больше народнаго, чѣмъ въ «Мельникѣ» Аблесимова; въ ней мы видимъ ѣдкое и острое осмѣяніе французоманіи русскихъ дворянъ. Помѣщикъ Фирюлинъ пишетъ въ деревню своему прикащику:

О, ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили, изъ особенной моей къ тебѣ милости за то, что ты бóльшую часть крестьянъ одѣлъ по-французски, жалую тебя Клеманомъ».

Когда прикащикъ, прочитывающій вслухъ барское письмо, произноситъ эти слова, мужики кланяются ему и поздравляютъ съ новымъ чиномъ. Прикащикъ продолжаетъ читать:

«И впредь повелѣваю всѣмъ не оф... ан... си... ро... вать... тебя словомъ Клементія, а называть Клеманомъ... Между тѣмъ знай, что мнѣ прекрайняя нужда въ деньгахъ. Къ празднику мнѣ необходимо нужна карета новая. Хотя у меня и много ихъ, но эта вывезена изъ Парижа. Вообрази себѣ, г. Клеманъ, какое безчестье не только мнѣ, но и вамъ всѣмъ, что вашъ баринъ не будетъ ѣздить въ этой прекрасной каретѣ, а барыня ваша не купитъ тѣхъ прекрасныхъ головныхъ уборовъ, которые также прямо изъ Парижа привезены. Отъ такого стыда честный человѣкъ долженъ удавиться. Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился: это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня: найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь по моей сеньорской милости платье французскаго бальи, и такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало ли есть способовъ достать денегъ? Напр., нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты? И такъ, нахватай ихъ и продай.

Въ этомъ прекрасномъ письмѣ, кромѣ смѣха надъ пристрастіемъ русскихъ дворянъ къ Франціи, мы видимъ еще теплое слово за крестьянъ, указаніе на ихъ безъисходное положеніе подъ властью

помѣщиковъ, подобныхъ супругамъ Фирюлинымъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы есть нѣсколько сценъ въ такомъ-же родѣ. Такова, напр., сцена, гдѣ отецъ невѣсты, Трофимъ, желая избавить жениха дочери отъ продажи въ рекруты, пытается разжалобить помѣщика; онъ говоритъ Фирюлину съ низкимъ поклономъ: «ты — отецъ»; но эти слова приводятъ барина въ страшный гнѣвъ. «Что это за тварь! (презрительно кричитъ Фирюлинъ). Меня отцемъ называть смѣетъ. Развѣ мой батюшка былъ твой отецъ, а я не хочу такому свиньѣ отцемъ быть. Впредь не отваживайся!»

Мы видимъ изъ этого, что авторъ «Несчастья отъ кареты» трезво смотритъ на крѣпостное право и порою прекрасно изображаетъ положеніе крестьянъ. Но замѣчательно, что тутъ-же въ піесѣ встрѣчаются и сантиментально-идиллическія картины жизни поселянъ. Такъ, Лукьянъ поетъ (въ 1 явл. I дѣйствія):

О, пышные вы жители градскіе,
Которыхъ видѣлъ я въ сей часъ,
Стократно я счастливѣй васъ!

А нѣсколько далѣе онъ на вопросъ невѣсты, Анюты: «что ты видѣлъ въ городѣ?» отвѣчаетъ высокопарно и неестественно: «шумъ, великолѣпіе. Золото рѣками льется, а щастія ни капли».

Не смотря на присутствіе въ ней народныхъ чертъ, пьеса Княжнина, однако, несомнѣнно — комическая опера. Объ этомъ прежде всего свидѣтельствуетъ герой ея, шутъ помѣщика. Это — человѣкъ плутоватый и корыстолюбивый, за деньги устраивающій дѣла крестьянъ. Онъ похожъ на «мельника» Аблесимова и на «цыгана» Майкова; но въ его характерѣ прибавлена къ общему типу еще одна черта: онъ — скептикъ, цинически смотрящій на жизнь. Онъ поетъ въ 6 явл. I дѣйствія:

Полезнымъ быть, нѣтъ хуже ничего;
    На свѣтѣ таково:
Кто шутъ, кто плутъ,
    Того не гнутъ.
А тотъ страдаетъ,
    Кто работаетъ.
О чемъ грустить, стонать?
    На свѣтѣ все плевать, плевать.
По дудочкѣ чужой плясать — вотъ вся наука,
Быть шутомъ, плутомъ — въ томъ вся штука!

Этотъ циникъ, шутъ Аѳанасій, совершаетъ доброе дѣло: избавляетъ Лукьяна отъ продажи въ рекруты, и пьеса оканчивается счастьемъ любящихъ сердецъ. — Шутъ говоритъ въ заключеніе:

«О чемъ вы плакали? Гдѣ шутъ Аѳанасій, тамъ надобно смѣяться. Видите ли, что на свѣтѣ ни о чемъ не надобно тужить и никогда не надобно прежде времени умирать.

Должно-ль, чтобъ насъ жизнь крушила,
Хоть и много въ жизни зла?
Насъ бездѣлка погубила,
Но бездѣлка и спасла.

Эти стихи поютъ вслѣдъ затѣмъ всѣ (кромѣ помѣщиковъ, конечно): очевидно, что съ ихъ легкомысленнымъ содержаніемъ, съ

Я. Б. Княжнинъ.

Съ гравированнаго портрета (Ферапонтова) рѣз. на деревѣ А. Зубчаниковъ.

ихъ низьменной моралью соглашается самъ авторъ. Нельзя не замѣтить при этомъ и наивности автора, или наивнаго противорѣчія въ пьесѣ: радостное окончаніе ея совершенно не гармонируетъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что помѣщикъ все-таки купитъ плѣнившую его парижскую карету, только продастъ для этого не Лукьяна, вырученнаго изъ бѣды добродѣтельнымъ плутомъ, а кого-нибудь другаго.

Вторая изъ названныхъ пьесъ Княжнина — «Сбитеньщикъ» — характернѣе первой, какъ комическая опера. Герой ея, сбитеньщикъ Степанъ, циникъ и плутъ, устраивающій счастье добродѣтельнаго офицера, Извѣда, и простодушной купеческой дѣвушки, Паши, обрисованъ весьма ярко. Этотъ Степанъ откровенно и беззастѣнчиво признаетъ и прославляетъ побѣдное могущество денегъ въ жизни; онъ поетъ (въ I дѣйствіи) слѣдующіе характерные стихи, прекрасно выражающіе собою духъ и направленіе комическихъ оперъ, міросозерцаніе этого вида литературы екатерининской эпохи:

Кажется не ложно —
Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать.
Только должно
Осторожно
Поступать.
Люди всѣмъ торгуютъ,
Да и въ усъ не дуютъ.
И Степанъ
Не болванъ;
Только должно
Осторожно
Класть въ карманъ.
Правда, честенъ буди,
Только какъ всѣ люди,
Отъ ума,
Не до дна,
Вчетвертину,
Вполовину,
Не сполна.
Чтя корысть едину,
Всякъ свою скотину
То сосетъ,
То стрижетъ;
Кто умѣетъ,
Тотъ и брѣетъ
Весь заводъ...
Чтобы выйти въ люди,
Что плыветъ, все уди...

Трудно ярче и смѣлѣе высказать циническій взглядъ на человѣческую природу, чѣмъ какъ онъ высказанъ въ этихъ талантливыхъ стихахъ.

Сбитеньщикъ Степанъ — не глупъ; но онъ смѣется надъ умомъ, и счастіе ставитъ выше разума.

«Счастье сильнѣе ума, говоритъ онъ (II д., 2 явл.). Положусь на его волю. Безъ счастья какъ ни будь проворенъ, пригожъ, уменъ, ученъ, — все будешь дуракъ дуракомъ.

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него куда съ умомъ!
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ.
Знаемъ мы людей довольно,
Знаемъ съ головы до ногъ;
Говорить — такъ будетъ больно
Вдоль спины и поперегъ.
Но сказать о нихъ неложно
Потихоньку можетъ всякъ:
Безъ ума таки жить можно,
А безъ счастія никакъ.

Степанъ проповѣдуетъ теорію веселья, у него эпикурейскій взглядъ на жизнь.

«Вотъ я такой человѣкъ (говоритъ онъ), что ни на кого не сержусь, и оттого живу весело на свѣтѣ. Забавнѣе любить, нежели ненавидѣть ближняго. Такъ и долгъ христіанскій велитъ (III д., 17 явл.).

Замѣчательно это добавочное, по его мнѣнію, значеніе христіанскаго долга въ жизни. — Сбитеньщикъ думаетъ, что всѣ люди въ сущности однихъ съ нимъ убѣжденій, что «всѣ люди — Степаны».—Пьеса оканчивается легкомысленнымъ отрицаніемъ всякой «грусти, досады, злобы», такъ какъ

Сердцу лишь онѣ надсада
И сто-кратъ полезнѣй смѣхъ (III, 17).

Кромѣ цинизма, состоящаго въ сочувствіи автора плуту-герою, въ пьесѣ есть еще цинизмъ двусмысленныхъ выраженій.

Отношенія автора къ изображаемому имъ народу какъ-то неопредѣленны и двойственны: съ одной стороны — сочувственны, съ другой — насмѣшливы. Идеальный офицеръ, Извѣдъ, влюбляется въ простую дѣвушку, Пашу, — и авторъ видимо ему симпатизируетъ; но въ то-же время юморъ пьесы состоитъ въ осмѣяніи этой Паши за то, что она простодушна и воспитана по-просту. Интересна въ I актѣ сцена объясненія въ любви Извѣда съ Пашей. Образованный офицеръ выражается отборными фразами; вотъ отрывокъ этого объясненія:

Извѣдъ. О, неоцѣненная невинность! прекрасная Пашенька! ты видишь несчастнаго...

Паша. Кто? вы несчастны? да отъ кого?

Извѣдъ. Отъ тебя.

Паша. Отъ меня? ахъ какая бѣда! да какъ это сдѣлалось? Я, право, вамъ никакого худа не желаю.

Извѣдъ. Ты дала мнѣ рану, отъ которой я умру.

Паша. Ахъ, какое несчастіе! Да въ которое мѣсто я рапу вамъ дала? да какъ это сдѣлалось? развѣ ненарокомъ. Не уронила-ль я чего, какъ вы мимо нашего дома ходили? кажется, нѣтъ. Не Ѳаддей ли что̀ бросилъ?

Извѣдъ. Нѣтъ, не Ѳаддей; но вы вашими прекрасными глазами поранили мнѣ сердце, и вы же меня изцѣлить можете.

И восторженный любовникъ, покидая прозу, переходитъ въ высокопарные стихи:

Твой взглядъ, какъ пламенна стрѣла,
Во сердце нѣжное вонзился...

Паша поражена всѣмъ этимъ и недоумѣваетъ: «ни слова не понимаю (говоритъ она). Мои глаза поранили сердце...»

Намъ теперь, если кто представляется смѣшнымъ въ этой сценѣ, то, конечно, напыщенный и вычурный, изломанный Извѣдъ; а наивному автору пьесы, наоборотъ, казалась комичною простодушная и искренняя Паша.

Остановимся еще на одномъ примѣрѣ комической оперы, на пьесѣ «любителя литературы» — «Матросскія шутки» (1788 г., помѣщена въ XXIV ч. Росс. Ѳеатра).

Піеса эта довольно глуповата по содержанію. Къ идеально-счастливымъ крестьянамъ въ деревню приходятъ какіе-то матросы и начинаютъ сманивать ихъ въ какую-то неизвѣстную блаженную страну; они говорятъ:

Въ нашемъ миломъ вы краю
Заживете, какъ въ раю.

Одинъ изъ этихъ матросовъ, Проворъ по имени, оказывается уроженцемъ изображаемой деревни; чтобъ его не узнали, онъ явился съ наклееннымъ носомъ; онъ хочетъ убѣдиться — продолжаетъ ли еще любить его крестьянка Красана, женихомъ которой онъ былъ 7 лѣтъ тому назадъ. Испытавши вѣрность своей невѣсты, Проворъ женится на ней.

Въ піесѣ мы видимъ совершенно циническое идеализированіе дѣйствительности; крестьяне изображаются счастливыми, богатыми, веселыми и вольными, хотя они и крѣпостные. На предложеніе матросовъ переселиться въ счастливую страну, одна изъ крестьянокъ, самая должно быть умная, по имени Пріята, поетъ:

Мы въ вашемъ раю
Никто не бывали,
А въ нашемъ краю
Не знаемъ печали.
На что-жь намъ стараться
Того добиваться,
Въ чемъ нужды намъ нѣтъ?
Мы веселы, вольны,
Другъ другомъ довольны,
Не знаемъ мы бѣдъ.
Помѣщикъ не давитъ
Работою насъ,
Оброки съ насъ правитъ

Не всякій онъ разъ.
Мы любимъ сердечно
Его, какъ отца,
Плѣнилъ себѣ вѣчно
Онъ наши сердца.

И не только передъ властью помѣщика благоговѣетъ авторъ, какъ въ этихъ стихахъ, но онъ рабски идеализируетъ всякую власть, напр., власть прикащика. Во II дѣйствіи Проворъ осуждаетъ большіе города, гдѣ «живутъ столько много разныхъ людей, сколько въ морѣ рыбы; а здѣсь (противополагаетъ онъ городу деревню) мы всѣ равны...» «Постой, Проворушка», перебиваетъ его сантиментальныя разсужденія мать его невѣсты — Шумида:

«выключи Савельича-то. Онъ нашъ прикащикъ; такъ стало, что онъ и не равіонъ съ нами. Да этому такъ и быть должно: для того, што мы бы какъ мухи пропали, ежелибъ господа наши чрезъ нево насъ не миловали».

За это замѣчаніе прикащикъ, присутствовавшій тутъ же, благодаритъ Шумиду: «Ай, старуха! (восклицаетъ онъ) спасибо тебѣ за умное твое словцо».—Съ этимъ «умнымъ словцомъ», очевидно, соглашается самъ авторъ піесы.

По мнѣнію автора, если жизнь такъ хороша, такъ прекрасна, то слѣдуетъ лишь веселиться; и онъ оканчиваетъ піесу идиллическимъ хоромъ крестьянъ:

«Мы надѣемся на милость
Благосклонныхъ къ намъ господъ.
Позабудемъ всю унылость,
Будемъ веселы впередъ.

Во взглядѣ сочинителя піесы на чувство, на женщину тоже замѣтенъ цинизмъ. Изображенная идеальной личностью, вѣрная своему жениху Красана не можетъ, однако, не засматриваться на «хорошенькихъ» мущинъ и не увлекаться ими. Она поетъ:

Любопытство отъ природы
Въ женскій полъ вкоренено;
Не смотря на наши годы,
Сродно намъ всегда оно.
Мы глядимъ съ пріятнымъ чувствомъ
На пригоженькихъ мущинъ;
Но скрываемъ то съ искусствомъ,
Не видалъ чтобъ ни одинъ.
Мы суровостью своею
Гонимъ ихъ отъ нашихъ глазъ:
Устрашенные вдругъ ею,
Прочь бѣгутъ они отъ насъ.
Но ахъ! если-бъ было можно
Имъ желанья наши знать, —
То-бъ, конечно, имъ не должно
Насъ такъ скоро убѣгать».

Эту пѣсенку подслушалъ спрятавшійся за деревомъ Проворъ; онъ выходитъ и начинаетъ любезничать съ Красаной; та (не узнавая въ немъ жениха) отталкиваетъ его, какъ будто хочетъ отъ него вырваться, а между тѣмъ говоритъ «въ сторону»: «Ахъ, какой это пригожій мущина!» Симпатичная автору Красана, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, оказывается чувственно-легкомысленной и плутоватой кокеткой. А Красана видимо изображаетъ собою въ піесѣ женщину - вообще, женщину какою она должна быть по міросозерцанію комической оперы.

Нѣсколько приведенныхъ примѣровъ характеризуютъ до нѣкоторой степени особый видъ драматическихъ произведеній нашей литературы прошедшаго вѣка, видъ, соотвѣтствующій оперетамъ нашего времени. О немъ нѣтъ еще у насъ изслѣдованій. Но безъ сомнѣнія «комическая опера» екатерининской эпохи должна быть подвергнута внимательному спеціальному разсмотрѣнію, какъ очень характерное явленіе литературы, притомъ-же имѣвшее успѣхъ на сценѣ и, значитъ, вліявшее на общество, на нравы. Въ «Драматическомъ словарѣ» 1787 года, напр., про «Нещастіе отъ кареты» Княжнина сказано: «и нынѣ много разъ представляется на россійскихъ театрахъ»; про его-же «Збитеньщика»: «представлена въ первый разъ на придворномъ театрѣ въ Санктпетербургѣ... Потомъ часто повторяема была и въ Москвѣ на публичномъ театрѣ къ удовольствію публики». А «Мельникъ» Аблесимова, тотъ имѣлъ даже огромный успѣхъ. «Словарь» говоритъ про него:

«Сія піеса столько возбудила вниманія отъ Публики, что много разъ съ ряду была играна, и завсегда театръ наполнялся (рѣчь идетъ о Москвѣ); а потомъ въ Санктпетербургѣ была представлена много разъ у Двора, и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя г. Книпера была играна съ ряду двадцать семь разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; кратко сказать, что едва ли не первая Русская опера имѣла столько восхитившихся спектатеровъ и плесканія».

V.

Матерьялизмъ и отрицаніе въ одномъ изъ направленій журналистики XVIII в: („Всякая всячина“, „Ни то-ни сьо“).

Какъ мы видѣли, главный принципъ «комическихъ оперъ», — нравственный цинизмъ въ воззрѣніяхъ на жизнь и человѣка; кромѣ того мы замѣтили въ нихъ еще: легковѣсность, легкомысліе сатиры и снисходительность, уступчивость морали. Эти два послѣднія начала, какъ другая темная сторона нашего «волтерьянства» XVIII вѣка, выступили на первый планъ опять въ особомъ видѣ

литературы, именно — въ одномъ изъ направленій нашей журналистики [1]).

Остановимся, какъ на примѣрахъ, на двухъ изданіяхъ подобнаго характера: на журналахъ «Всякая всячина» и «Ни то ни сьо».

Въ 1769 году у насъ появился цѣлый рядъ еженедѣльныхъ сатирическихъ листковъ. Первымъ изъ нихъ по времени была «Всякая всячина», которую по этой причинѣ стали потомъ называть «бабушкою» другихъ листковъ. Она выходила и въ 1770 г., подъ названіемъ «Барышокъ Всякой всячины». Пекарскій доказалъ, что̀ императрица Екатерина не только участвовала своими статьями въ этомъ журналѣ, но и была его истиннымъ редакторомъ.

Характеръ и направленіе «Всякой всячины» выяснились главнымъ образомъ въ ея полемикѣ съ журналомъ Новикова — «Трутень». Споръ между двумя изданіями возникъ изъ-за нравственныхъ воззрѣній. «Всякая всячина» снисходительно смотрѣла на пороки. Въ 52 статьѣ своей, напр., она такъ говоритъ о какомъ-то г. А., отказываясь помѣстить у себя его письмо:

«любовь его къ ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому. И такъ, просимъ г. А. впредь подобными присылками не трудиться; нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси; сверхъ того мы не любимъ меланхолическихъ писемъ».

Изъ этихъ характерныхъ признаній ясно, что «Всякая всячина» была совершенно чужда всякаго идеализма и очень легкомысленно смотрѣла на жизнь. Въ слѣдующей статьѣ своей (53) она, осмѣивая человѣка, который «вездѣ видѣлъ пороки, гдѣ другіе... на силу приглядѣть могли слабости», сравниваетъ этого человѣка по злости съ Калигулой, и говоритъ, что

«всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ»,

---

[1]) О журналистикѣ нашей прошлаго столѣтія существуетъ довольно много изслѣдованій. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: г. Неустроева: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ отъ 1703 г. по 1802 г.», Спб. 1875 г. (превосходное библіографическое сочиненіе). — Н. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика», Спб. 1854 г. — Афанасьевъ: «Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 гг.», М. 1859 г. — Добролюбовъ: 1) «Русская сатира Екатерининскаго времени»; 2) «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова» (обѣ въ I т. Соч.). — Д. Мордовцова: «Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности» (Русск. Слово, 1860 г., №№ 2 и 3). — П. Пекарскаго: «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II (Прилож. къ III т. Зап. Имп. А. Н., Спб. 1863 г.). — М. Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты», М. 1867 г.— А. Незеленова: «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.», Спб. 1875 г.

и потому надобно поставить себѣ слѣдующія правила: 1) никогда не называть слабости порокомъ, 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе, 3) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было, и для того 4) просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія.

Противъ всего этого, противъ подобныхъ принциповъ горячо возражалъ «Трутень». Такъ, въ «письмѣ Правдулюбова» онъ рѣзко и благородно опровергаетъ мысли «Всякой всячины».

«Я самъ того мнѣнія (пишетъ Правдулюбовъ «Трутню»), что слабости человѣческія сожалѣнія достойны; однако-жь не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своей мыслію и душою госпожа ваша прабабка, давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по-русски) потакаетъ; и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ не имѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющій никогда не исправится».

Переходя отъ общихъ воззрѣній къ частностямъ, замѣтимъ, что «Всякая всячина» снисходительно относилась къ взяточничеству и неправосудію; она говорила, напримѣръ, что «подъячихъ» нельзя строго осуждать за нечестность, потому что много «около нихъ изкушателей», дающихъ имъ взятки.

Подобнымъ мыслямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и взглядъ журнала на сатиру, — сатира, по его мнѣнію, должна быть смѣшной, веселой, и отнюдь не желчной, не меланхолической. Да и вообще лучше писателю рисовать примѣры добродѣтелей, чѣмъ осмѣивать порочныхъ людей.

Противъ всего этого тоже возражалъ «Трутень» Новикова. — И ужь конечно — въ литературной полемикѣ двухъ журналовъ «Трутень», благородно отстаивавшій высокую мысль, что терпимость къ пороку — вовсе не то-же самое, что̀ милосердіе, былъ болѣе правъ, чѣмъ «Всякая всячина». Но справедливость требуетъ сказать, что и эта послѣдняя не выдерживала строго своего направленія: въ ней мы встрѣчаемъ, напр., сатирическія обличенія взяточничества.

По субботамъ, въ 1769 году, выходило въ свѣтъ весьма оригинальное изданіе — «Ни то ни сьо, въ прозѣ и стихахъ». Изданіе это отличалось матерьялистическимъ направленіемъ и доходило до цинической откровенности въ выраженіи своихъ мнѣній. — Съ перваго взгляда «Ни то сьо» можетъ показаться глупымъ. На глупость его указываетъ и помѣщенное на первой страницѣ объявленіе цѣны:

Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ,
Тому ни то ни сіо дадутъ листокъ одинъ,

и странный эпиграфъ изъ Проперція: «maxima de nihilo nascitur historia, т. е. наипространнѣйшая изъ ничего родится повѣсть»; и главнымъ образомъ о глупости журнала свидѣтельствуетъ, по-видимому, помѣщенное въ 1-мъ листѣ разъясненіе издателями причинъ и цѣлей, съ которыми они начали свое изданіе; они говорятъ, что предприняли журналъ изъ самолюбія и изъ стремленія показаться грамотными; они откровенно заявляютъ, что въ случаѣ неудачи утѣшаютъ себя надеждой, что «между множествомъ ословъ и они вислоухими быть не покраснѣютъ». Таково первое впечатлѣніе «Ни то сіо».

Но разсматривая дѣло внимательнѣе, мы, напротивъ, видимъ, что журналъ вовсе не глупъ. Объ этомъ можно заключить уже и по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ; издатели видимо были люди образованные: они толково ссылаются на иностранныхъ писателей, употребляютъ греческія слова, латинскіе эпиграфы. Но главнымъ образомъ интересно внутреннее содержаніе изданія; мы видимъ здѣсь опредѣленный подборъ статей, опредѣленное направленіе. Это направленіе состоитъ въ отрицаніи всего.

Въ 1-мъ же № мы встрѣчаемъ стихотвореніе, намекающее на такое отрицаніе, на будущій характеръ журнала:

Имѣвъ отъ должности свободное мы время,
И сѣемъ и садимъ нулей въ сихъ нивахъ сѣмя
. . . .
И весь сей будетъ трудъ основанъ на нуляхъ,

заявляютъ издатели.

Со 2-го № начинается беззастѣнчивая проповѣдь грубаго практическаго матерьялизма. На первомъ планѣ помѣщено здѣсь недурное по формѣ стихотвореніе «Деньги», въ которомъ воспѣвается и прославляется сила золота, его торжество надо всѣмъ въ мірѣ.

Можно ли нищенство
Деньгамъ предпочесть?
Деньги — лучше средство
Въ свѣтѣ все обрѣсть.
Деньги въ честь выводятъ,
Намъ друзей находятъ.
Гдѣ сребро блеснетъ,
Взоры тамъ народны;
Гдѣ богачъ идетъ,
Путь открытъ свободный...
Мудрость драгоцѣнна,
Что черплемъ изъ книгъ,
Деньгамъ покоренна...
. . . .
Деньги во страны

Носятъ насъ далеки,
Имъ отворены
Всѣ библіотеки.
О, сребро и злато!
И ты, звонка мѣдь!
Что у насъ отъято,
Коли васъ имѣть?
Вы чрезъ пищу голодъ,
Чрезъ одежду холодъ
Отвративши прочь,
Въ изнуренно тѣло
Льете прежню мочь.
. . . .
Это есть безспорно:
Деньгамъ все покорно,
Все находимъ въ нихъ.

Чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, которое эти стихи могли произвести на нѣкоторыхъ читателей, редакція журнала софистически оправдываетъ помѣщеніе ихъ тѣмъ соображеніемъ, что

«ей припала охота... поискать причины, для чего люди, будучи подперты со всѣхъ сторонъ то разумомъ, то законами, то другими благородными побужденіями, часто однакожь колеблются красотой или скороподвижностью тѣхъ кружковъ, которые мы деньгами называемъ».

Въ этихъ словахъ слышится ироническое отношеніе къ «разуму» и «законамъ», сомнѣніе въ ихъ силѣ. — «У голоднаго хлѣбъ на умѣ» — прибавляетъ редакція еще и субъективное объясненіе дѣла.

За теоріей практическаго матерьялизма слѣдуетъ въ журналѣ проповѣдь теоріи веселья. Въ 3 и 4 №№, вышедшихъ въ великомъ посту, «Ни то ни сіô» печатаетъ нравоучительныя письма Сенеки, съ ироническимъ поясненіемъ, что дѣлаетъ это, «чтобы не оскоромить читателя въ сіи на благоговѣніе опредѣленные дни». Еще яснѣе и рѣзче звучитъ иронія въ письмѣ, будто бы присланномъ по этому случаю въ редакцію, и въ отвѣтѣ на него. Неизвѣстный корреспондентъ пишетъ:

Безспорно, что весьма полезно
О смерти въ жизни разсуждать,
Но въ свѣтѣ не для всѣхъ любезно
Толь страшную мораль читать.
Что смерти рокъ неизбѣжимый
О семъ давно ужъ всякъ вѣстимый,
И мы то всѣ знаемъ безъ васъ:
Ввязались не въ свое вы дѣло, —
Ни то, ни сіо, а загремѣло
Сенекой, какъ Перунъ у насъ.

Очевидно соглашаясь съ веселыми и безпечными мыслями этого письма, редакція для виду возражаетъ, оправдывается въ помѣ-

щеніи у себя Сенеки, и въ этомъ оправданіи слышится циническая насмѣшка.

«Правду сказать, онъ (Сенека) очень похожъ на великопостное сухояденіе; но мы обрадовались по крайней мѣрѣ тому, что никто изъ читателей отъ него не вскружился и не упалъ въ обморокъ».

Затѣмъ, дѣло поясняется ещѐ стихотвореніемъ, гдѣ высказана такая идея:

Не то ѣсть чижикъ, что индѣйка,
Не то пѣтухъ, что канарейка,
Кормъ разный гуся съ соловьемъ.
Такъ въ свѣтѣ люди разнородны
И каждаго различенъ нравъ:
Однимъ морали суть угодны,
Другіе склонны для забавъ.

Очевидно, что авторъ этихъ виршей считаетъ и нравственность, и всякаго рода убѣжденія и взгляды — дѣломъ совершенно условнымъ и независящимъ отъ личной воли и совѣсти человѣка.

Въ 6 и 7 №№ журнала напечатанъ переводъ одного сочиненія Вольтера — «Разговоръ дикаго съ бакалавромъ»; здѣсь съ матерьялистической точки зрѣнія осмѣивается пытливость ума, и человѣкъ сопоставляется и уравнивается съ животнымъ. Вотъ отрывокъ этого разговора:

Бакалавръ. Желалъ бы я знать, въ чемъ состоятъ ваши размышленія, что вы разсуждаете о человѣкѣ?

Дикой. Я разсуждаю, что человѣкъ есть животное о двухъ ногахъ, имѣющее способность умствовать, говорить, смѣяться, дѣйствующее руками своими гораздо искуснѣе, нежели обезьяна.

Бакалавръ. Но о своей душѣ какое вы имѣете понятіе, откуда она происходитъ, что она есть, какія ея упражненія, какъ она дѣйствуетъ и куда она переселяется?

Дикой. Я объ ней ничего не знаю: я ее никогда не видалъ.

Бакалавръ. А ты, господинъ дикой, какъ думаешь, какое имѣешь преимущество передъ скотами?

Дикой. Я имѣю память безконечнымъ образомъ превосходящую, гораздо больше понятій, и при томъ, какъ я уже вамъ сказалъ, языкъ, который въ голосѣ несравненно бо ьше производитъ звоновъ, нежели языкъ скотской, способность смѣяться, которую всякій великій умствователь заставляетъ во мнѣ дѣйствовать».

Разговоръ этотъ напоминаетъ намъ нѣкоторыя идеи философскаго трактата Вольтера «Душа». Сопоставленіе двухъ сочиненій знаменитаго писателя приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что онъ самъ на сторонѣ Дикаго, а не Бакалавра, — и надъ послѣднимъ, надъ его отвлеченными, метафизическими вопросами подсмѣивается.

А помѣщеніе «Разговора» въ журналѣ указываетъ намъ — откуда, изъ какихъ источниковъ «Ни то ни сіо» и подобныя ему изданія заимствовали свое отрицательное и матерьялистическое направленіе, свои убѣжденія и взгляды.

Съ нашей журналистикой прошедшаго вѣка связано имя императрицы Екатерины: она была, какъ мы знаемъ, редакторомъ «Всякой всячины»; она принимала и самое дѣятельное участіе въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова», который началъ выходить въ 1782 году.

Поэтому, и по многимъ другимъ причинамъ, слѣдуетъ теперь перейти къ разсмотрѣнію сочиненій императрицы.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

А. Незеленовъ.

КАЛИГУЛА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

А. Дюма-отца [1]).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

КАЛИГУЛА, цезарь.
АКВИЛА, галлъ.
АФРАНІЙ.
ПРОТОГЕНЪ.
ЮНІЯ, кормилица Каллигулы.
СТЕЛЛА, ея дочь.
ФЕВЕ, раба.
Преторъ, ликторы, свидѣтели.

Дѣйствіе происходитъ въ Байѣ.

Богато убранная комната. Налѣво, на первомъ планѣ, статуи пенатовъ, въ нишѣ перед ними небольшой алтарь. Бронзовое ложе и разная античная мебель. Въ глубинѣ сцены, посрединѣ дверь; двѣ другія двери по бокамъ.

СЦЕНА I.

ЮНІЯ, молится передъ алтаремъ.

Вы, божества, дарующія счастье
И миръ семьѣ! Священные пенаты,

---

[1]) По нѣкоторымъ соображеніямъ, переводчикъ позволилъ себѣ кое-что въ пьесѣ Дюма измѣнить и переработать.

Хранители полей и очага
Домашняго! мольбѣ моей внемлите!
Я каждый день вѣнчаю ваши лики
Вѣнками изъ фіалокъ ароматныхъ,
Я осень каждую кладу на вашъ алтарь
Плоды садовъ! О, будьте благосклонны,
Удвойте попеченья и заботы
Объ этомъ домѣ: чрезъ его порогъ
Сегодня переступитъ дочь моя,
Мое дитя возлюбленное — Стелла...
Вы помните ее въ тѣ дни, когда
Она была ребенкомъ: отражалась
Въ ея глазахъ небесная лазурь
И улыбалась весело малютка,
И волосы вкругъ мраморнаго лба
Вздымались золотистою волною
И падали по плечамъ, извиваясь;
Теперь она взросла еще прекраснѣй —
И вамъ ее, хранительные боги,
Какъ лучшее сокровище свое,
Съ любовью, съ тайнымъ страхомъ и надеждой
Вручаетъ мать. Молю васъ: оградите
Ее отъ бѣдствій и печалей жизни!

(Фебе показывается въ среднихъ дверяхъ, вводя Стеллу и Аквилу; она хочетъ подойти къ Юніи; Стелла удерживаетъ ее и, тихо приближаясь съ Аквилой, становится позади Юніи).

О, если вы услышите мольбу
И ниспошлете ей благое счастье, —
Я буду чтить васъ въ сердцѣ, наравнѣ
Съ богами высшими! На вашъ алтарь
Я положу ячмень и медъ душистый
И возліянье совершу виномъ...
Когда же годъ окончитъ кругъ обычный
И радостный приблизиться апрѣль,
И день придетъ, счастливый, свѣтлый день,
Въ который Стелла увидала солнце —
Я бѣлую телицу принесу
Вамъ въ жертву... Будьте милостивы, боги,
Ко мнѣ и къ дочери... И дайте, дайте
Обнять скорѣй любимое дитя...
Я жду ее, я истомилась сердцемъ
Въ разлукѣ долгой съ нею...

СЦЕНА II.

Юнія, Стелла, Аквила.

СТЕЛЛА.

Мать моя,
Я здѣсь!

ЮНІЯ, кидаясь къ ней въ объятія.

О, Стелла! милая! родная!
Тебя ли вижу я?.. Да: это ты...

(Беретъ ее за руку и смотритъ ей въ лицо).

Дай наглядѣться на тебя, голубка...
Какъ выросла, какъ хороша ты стала!
О, поцѣлуй меня... Еще, еще...
Ты, наконецъ, со мной, ты возвратилась...

СТЕЛЛА.

Въ разлукѣ долгой какъ страдали мы...

ЮНІЯ.

Не говори... забудь, забудь объ этомъ:
Я снова счастлива...

СТЕЛЛА, показывая на Аквилу.

Родная, а ему
Ты ничего не скажешь?..

ЮНІЯ, протягивая руку Аквилѣ.

Ахъ, Аквила!
Сынъ брата моего, желанный гость!

АКВИЛА, склоняясь передъ ней.

Привѣтъ мой, благородная матрона.

ЮНІЯ.

Нѣтъ, матерью зови меня. Какъ сына,
Тебя я обниму.

(Въ полголоса, указывая на Стеллу).

Скажи, любовь
Меня не ослѣпляетъ: вѣдь, неправда ль,
Она прекрасна?

АКВИЛА.

Какъ богиня!

ЮНІЯ.

Стелла,
Я вѣрю: добрый геній охранялъ
Тебя въ разлукѣ.

СТЕЛЛА, показывая на Аквилу.

Вотъ мой добрый геній:
Онъ обо мнѣ заботился всегда...
О, если бы ты видѣла, какъ нѣжно,
Во время долгаго пути меня
Оберегалъ онъ: трудностей дороги,
Благодаря ему, не знала я.

ЮНІЯ.

Онъ свой исполнилъ долгъ: его заботы —
Ревнивыя заботы жениха
О будущей супругѣ... Ты краснѣешь...
Ну, хорошо, оставимъ эту рѣчь.
Присядемьте и будемъ говорить...
Ахъ, какъ я рада, Стелла...

СТЕЛЛА, садясь.

Это мѣсто
Любимое мое!

ЮНІЯ.

Ты помнишь — да?
А это узнаешь ты?
(показываетъ начатое вышиванье).

СТЕЛЛА.

Покрывало?

ЮНІЯ.

Да, покрывало, что пять лѣтъ назадъ
Оставила ты вышивать: его я
Хранила здѣсь...

СТЕЛЛА.

Теперь его узоръ
Окончу я.

ЮНІЯ.

Узнала-ль ты всѣхъ нашихъ:
Старуху Гету, что тебя звала
Своею дочерью? Фебе, съ которой
Играла ты, какъ съ доброю сестрой?

А на стѣнѣ — вонъ тамъ — собаку помнишь:
Какъ ты ее боялося, дитя?..
Однако, я болтаю, точно брежу,
Все о быломъ, о прошломъ... Разскажи
Мнѣ о себѣ. Я слушаю. Навѣрно,
Есть много у тебя, что передать
Ты матери желала бы, малютка?

СТЕЛЛА.

Да, матушка, есть тайна у меня.

ЮНІЯ.

Какая тайна, Стелла?

СТЕЛЛА.

Не тревожься...
Узнай: меня не Стеллой, а Маріей
Теперь зовутъ.

ЮНІЯ.

Не понимаю я,
Какъ измѣнить могла свое ты имя:
Вѣдь я тебя такъ назвала.

СТЕЛЛА, сложивъ руки.

Прости...

ЮНІЯ.

Марія!

СТЕЛЛА, набожно.

Это имя Чистой Дѣвы.

ЮНІЯ.

Но прежнее?

СТЕЛЛА.

Тобою мнѣ дано:
Я это знаю; для меня оно
Такъ дорого... О, мать, оставь мнѣ оба!

ЮНІЯ.

Но какъ случилось это...

СТЕЛЛА.

Разскажу
Тебѣ я все. У матери Аквилы
Въ Нарбоннѣ былъ роскошный зимній домъ;

Но лѣтомъ жили мы подъ кровомъ виллы,
Построенный на берегу морскомъ;
Спуская къ морю бѣлыя ступени,
На скалахъ поднималася она,
Сосновой рощей вся окружена;
Днемъ въ рощѣ той царила тишина;
Но къ вечеру, когда ложились тѣни
На мраморъ плитъ терассы и волна
Дробилася о скалы въ часъ прилива,—
Шумѣли тихо сосны и лѣниво
Съ кипящимъ моремъ разговоръ вели...
Любила я прислушиваться къ волнамъ:
Въ ихъ ропотѣ, печали тайной полномъ,
Звучала пѣснь разлуки; издали
Онѣ, казалось, дружной ратью шли,
На берегъ каменистый набѣгая,
И, внявъ деревъ задумчивый разсказъ,
Вновь уплывали далеко... Не разъ
За ними я слѣдила и, мечтая,
Я спрашивала ихъ: «быть можетъ вамъ
Случалось приносится къ берегамъ,
Гдѣ въ зелени садовъ уснула Байя:
Вы мать мою не видѣли-ли тамъ?..»

ЮНІЯ.

О, милое мое дитя!

СТЕЛЛА.

Однажды
Я замѣчталась долго. Ночь сошла,
И въ полумглѣ морской дремавшей дали
Лучи луны серебряной дрожали...

ЮНІЯ.

Ужели ночью ты одна была?

АКВИЛА.

О не тревожься, мать: я постоянно
Слѣдилъ за ней...

СТЕЛЛА.

Вдругъ, вижу среди волнъ
Изъ-за сребристо-синяго тумана
Плыветъ ко мнѣ все ближе, ближе челнъ
И къ берегу причалилъ. Съ изумленьемъ
Смотрѣла я: отбросивши весло,

Выходитъ женщина... Она видѣньемъ
Мнѣ показалась: блѣдное чело
Сіяетъ, будто въ свѣтломъ ореолѣ
Златыхъ кудрей, откинутыхъ назадъ,
И неземнымъ восторгомъ полонъ взглядъ...
Покорная какой-то тайной волѣ,
Я къ ней пошла, заговорила съ ней,
И повѣсть чудную судьбы своей
Мнѣ путница святая разсказала:
Въ странѣ далекой истины законъ
Она толпѣ безстрашно возвѣщала;
И, злобою безумной раздраженъ,
Ее схватилъ народъ и съ ветхимъ челномъ
Въ добычу бросилъ бушевавшимъ волнамъ;
Но властію небесъ укрощена,
Утихла буря, и была она
Незримой силой много дней хранима
И къ берегу пристала невредимо!

ЮНІЯ.

Все это такъ необычайно...

СТЕЛЛА.

Да,
Какъ чудеса небесъ необычайно.
На утро странница просила насъ
Ей указать среди лѣсовъ сосѣднихъ,
Иль среди скалъ убѣжище, чтобъ тамъ
Укрыться навсегда. Аквила вспомнилъ:
У склона Альпъ охотясь, онъ не разъ
Въ пещеру проникалъ. Мы проводили
Отшельницу туда въ вечерній часъ,
И скрылася она отъ нашихъ глазъ,
Какъ будто въ темной и сырой могилѣ...
Но позабыть я не могла о ней,
Меня влекла невѣдомая сила
Къ пещерѣ той... И много, много дней
Мы вмѣстѣ провели... И просвѣтила
Она мнѣ сердце вѣрою своей...

ЮНІЯ.

Кто-жъ эта женщина была?

СТЕЛЛА.

Не знаю:
Отшельница свое скрывала имя.

Она томилась въ юные года
Недугомъ страшнымъ: демонская сила
Ее терзала и огонь страстей
Сжигалъ ей душу, и въ порочной нѣгѣ
Она губила молодость свою;
Но исцѣлилъ ее пророкъ великій
Изъ Іудеи, названный Христомъ;
Онъ въ эти дни, въ сіяньи дивной славы,
По городамъ и селамъ проходилъ,
Творя повсюду чудеса: онъ зрѣнье
Давалъ слѣпымъ, онъ поднималъ съ одра
Разслабленныхъ, онъ воскрешалъ умершихъ.
Онъ звалъ къ себѣ рабовъ и бѣдняковъ
И имъ любви небесные завѣты
Провозвѣщалъ... И шелъ къ нему народъ,
Его хвалою, какъ царя, встрѣчая!
И къ ней склонился кроткій взоръ его:
Своимъ спасительнымъ, могучимъ словомъ
Изгналъ онъ демоновъ, ее терзавшихъ...
И озарилъ ей душу неба свѣтъ:
Покинувши грѣхи и заблужденья,
Она во слѣдъ Спасителю пошла
И божествомъ его своимъ признала.

ЮНІЯ.

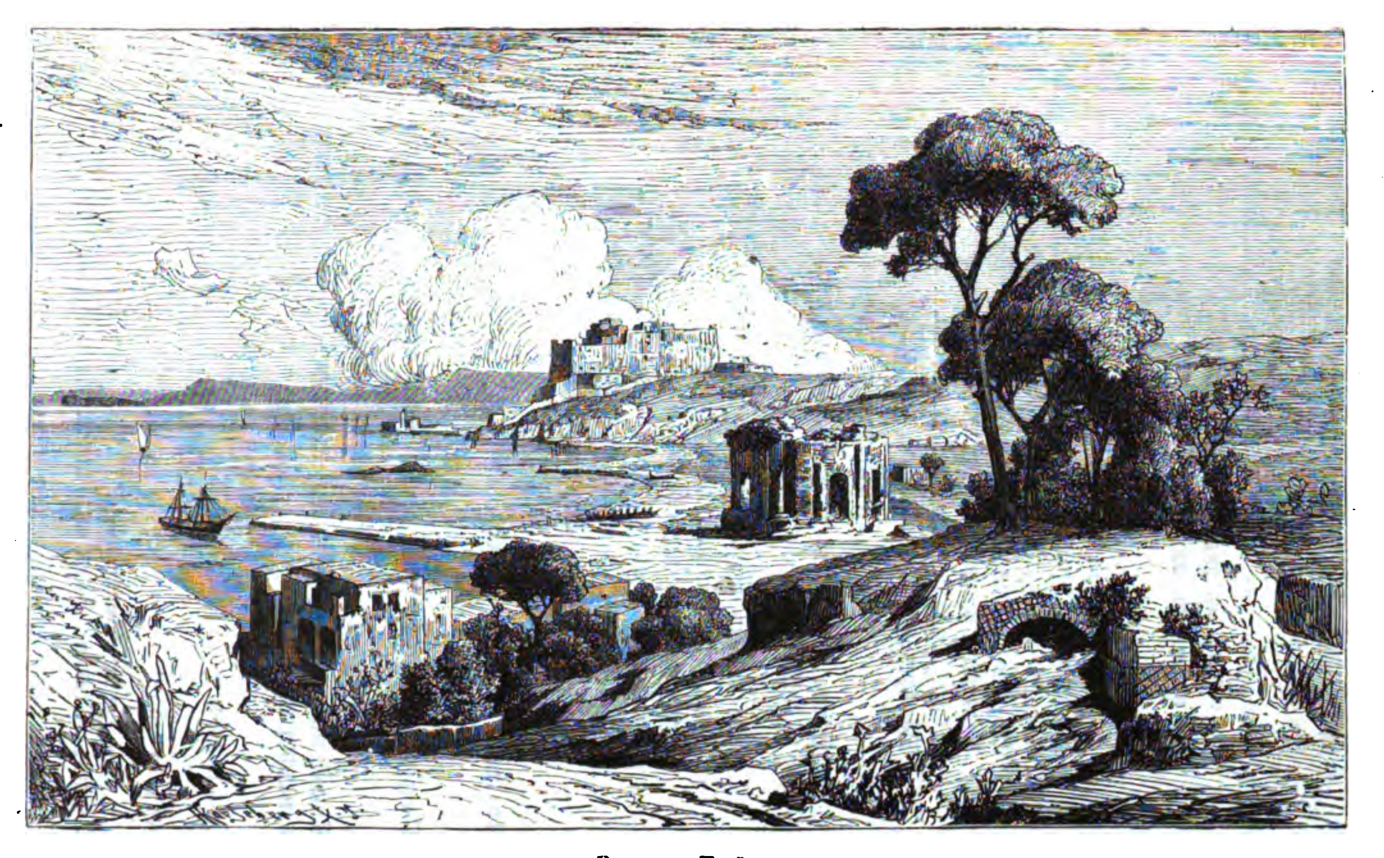
Онъ божескихъ достоинъ жертвъ; Ему,
Навѣрно, въ храмахъ алтари воздвигли?

СТЕЛЛА.

Нѣтъ, мать моя, — онъ умеръ на крестѣ!..
Онъ возвѣщалъ народу, что предъ Богомъ
Равны всѣ люди: властелинъ и рабъ,
Богачъ и нищій; ложь и лицемѣрье
Неправедныхъ учителей закона
Онъ обличалъ, и ими схваченъ былъ
И осужденъ на казнь... Но умирая
Въ мученьяхъ на крестѣ, онъ имъ простилъ,
Онъ за своихъ враговъ молился небу!..
Вотъ тотъ пророкъ божественный, кому
Я покланяюсь свято, чье ученье
Я сердцемъ чту.

(Становится на колѣни предъ Юніей).

О, мать, прости меня,
Коль я за то виновна предъ тобою.



Заливъ Байя.

ЮНІЯ.

Его ученье къ матери любовь
Не воспрещаетъ?

СТЕЛЛА.

Онъ въ завѣтъ священный
Ее вмѣняетъ людямъ.

ЮНІЯ.

Если такъ —
Въ ученьи, принятомъ тобой, я вижу
Законъ души и нашихъ предковъ боги
Не оскорбятся тѣмъ, что дочь моя
Великаго пророка почитаетъ...
И ты, Аквила, такъ же какъ она,
Навѣрно, принялъ новое ученье?

АКВИЛА.

Нѣтъ, я молюсь богамъ родной земли.

СТЕЛЛА.

Его чередъ настанетъ; высшей правды
Лучъ благодатный до его души
Покуда не коснулся; но, я вѣрю,
Придетъ желанный день — и онъ Христа,
Страдавшаго за міръ, признаетъ Богомъ!

(Входитъ Фебе).

ЮНІЯ.

Что тебѣ надобно, Фебе?

ФЕБЕ.

Госпожа, у нашего дома остановился отрядъ всадниковъ.

ЮНІЯ, встаетъ.

Какой нибудь благородный римлянинъ, проѣзжая мимо, пожелалъ навѣстить насъ.

АКВИЛА, заглянувъ въ среднюю дверь.

Это цезарь.

СТЕЛЛА.

Ахъ, я уйду!

ЮНІЯ.

Зачѣмъ, Стелла? Вѣдь онъ почти твой братъ.

СТЕЛЛА.

Но, говорятъ, онъ жестокій, злой...

ЮНІЯ.

Я не вѣрю этимъ толкамъ... Нѣтъ, онъ совсѣмъ не золъ.

АКВИЛА.

Онъ не можетъ быть злымъ: вѣдь ты вскормила его своей грудью.

СТЕЛЛА.

Я все таки уйду, матушка.

ЮНІЯ.

Какъ хочешь, Стелла.

(Стелла и Аквила уходятъ).

СЦЕНА III.

Юнія, Калигула, Афраній.

ЮНІЯ, встрѣчаетъ Калигулу у двери.

Юпитеръ милость посылаетъ мнѣ:
Самъ цезарь посѣтилъ мой домъ.

КАЛИГУЛА.

Въ Пуццолу,
Я проѣзжалъ, кормилица, и вздумалъ
Заѣхать въ Байю, навѣстить тебя:
Давно съ тобой мы не видались.

ЮНІЯ.

Боги
Нежданной радостью меня дарятъ:
Я сына своего встрѣчаю снова,
Коль этимъ именемъ назвать себя
Позволитъ побѣдитель-тріумфаторъ.

КАЛИГУЛА, облакачиваясь на ложе.

Вотъ какъ! и ты узнала о моей
Войнѣ побѣдной съ варварами?

ЮНІЯ.

Цезарь,
О ней вездѣ промчалася молва.

КАЛИГУЛА, ложится на ложе.

Ты льстишь мнѣ.

ЮНІЯ.

Нѣтъ, я правду лишь сказала:
Ты лаврами вѣнчался...

КАЛИГУЛА.

Перестань,
Кормилица: меня всегда любила
Ты баловать.

ЮНІЯ.

Какъ радовалась я,
Когда счастливыя внимала вѣсти
О славѣ цезаря, и какъ душой
Тревожилась, когда боговъ властитель,
Завидуя властителю земли,
Тебя, мой сынъ, хотѣлъ отнять у Рима.

КАЛИГУЛА.

Да, какъ Тезей, я былъ готовъ сойти
Въ подземный міръ и волны Ахерона
Катились предо мной, и я стоялъ
На берегу его, межъ скалъ ужасныхъ,
Внимая смерти роковой призывъ...
Но вотъ кто для меня былъ Геркулесомъ —
Афраній добрый мой: онъ поклялся
Священной клятвой умереть, коль боги
Жизнь цезаря спасутъ.

ЮНІЯ.

За это Римъ
И цѣлый свѣтъ его благословляютъ.
Позволь и мнѣ, Афраній благородный,
Воздать тебѣ отъ сердца благодарность:
Ты жизнь, здоровье сыну моему
Своимъ обѣтомъ вымолилъ у неба.

АФРАНІЙ.

Я сдѣлалъ то, что долгъ повелѣвалъ;
Но цезарь—богъ, онъ смерти не подвластенъ:
Я въ это вѣрилъ.

КАЛИГУЛА.

И однако жъ всѣ
Земные боги низошли къ Плутону:
Былъ Ромулъ первымъ и послѣднимъ былъ
Божественный Тиберій... Нѣтъ, душою,

Отважень ты, Афраній, и другой
Подобной клятвы дать бы не рѣшился.

(Фебе приноситъ вино).

ЮНІЯ.

Цезарь, окажи мнѣ милость: отвѣдай вина изъ моихъ виноградниковъ.

КАЛИГУЛА.

Хорошо. Но мнѣ кажется, что болѣе благородная рука должна поднести кубокъ цезарю.

ЮНІЯ, беретъ амфору.

Ты правъ.

КАЛИГУЛА, останавливая ее.

Что ты дѣлаешь?

ЮНІЯ.

Я хочу услужить тебѣ. Ты не лишишь меня этого удовольствія.

КАЛИГУЛА.

Я думалъ, что это обязанность моей сестры. Я думалъ, что она нальетъ чашу гостепріимства цезарю, когда онъ пришелъ навѣстить его мать.

ЮНІЯ.

Ты знаешь, что она возвратилась?

АФРАНІЙ.

Цезарь знаетъ все: вѣдь онъ богъ.

ЮНІЯ.

Фебе, позови Стеллу.

(Фебе уходитъ).

ЮНІЯ.

Не прошло часа, какъ она переступила порогъ моего дома. Этотъ день счастливѣйшій въ моей жизни: я увидѣла моихъ дѣтей. Посмотри, вотъ они. Какъ они хороши — неправда-ли?

КАЛИГУЛА.

А кто это съ ней?

ЮНІЯ.

Ея женихъ.

СЦЕНА IV.

Тѣ-же, Аквила, Стелла.

СТЕЛЛА, становясь на колѣни.

Да будутъ къ тебѣ милостивы боги, божественный цезарь.

АКВИЛА, преклоняясь.

Привѣтъ тебѣ, императоръ.

АФРАНІЙ, тихо Калигулѣ.

Что, цезарь, я не обманулъ тебя?..

КАЛИГУЛА.

О, нѣтъ, клянусь моей сестрой Друзиллой!..

(Юніи).

Какъ ты могла пять лѣтъ въ разлукѣ быть
Съ такой прелестной дочерью? Конечно,
Ее не даромъ удалила ты
Въ чужую сторону? Скажи мнѣ, Стелла,
Въ чемъ тутъ загадка?

СТЕЛЛА.

Я не знаю, цезарь:
Объ этомъ мать не говорила мнѣ.
Въ одинъ печальный день мы разлучились.
И съ той поры я тосковала горько:
Вотъ все, что мнѣ извѣстно.

ЮНІЯ, подзывая Стеллу.

Дочь моя...

КАЛИГУЛА.

Юпитеромъ клянусь, все это странно:
Тутъ тайна.

ЮНІЯ.

Стелла, принеси плодовъ
Для цезаря.

КАЛИГУЛА.

Уходишь ты?

ЮНІЯ.

Вернется
Она сейчасъ. Иди, мое дитя.

(Стелла уходитъ).

Узнать ты хочешь, цезарь, почему я
Цвѣтокъ прелестный этотъ укрывала
Вдали отъ Рима, въ сторонѣ чужой?
Боялась я, онъ можетъ здѣсь увянуть
Безвременно. Тиберій — помнишь ты—
Состарившись, подогрѣвалъ распутствомъ
Любви угасшій пламень. Похищалъ
Онъ съ помощью отпущенниковъ подлыхъ
Изъ нѣдръ семействъ невинныхъ дочерей.
Боялась я, въ ужасное то время
Насилья, беззаконія, оставить
Твою сестру. Кто поручиться могъ,
Что вечеромъ, когда моя малютка
Порой, ходила къ берегу гулять, —
Вдругъ не причалитъ воровская лодка
И не умчитъ ее туда, туда на Капри,
Въ ужасныя обьятья старика
Безумнаго... и къ матери несчастной
Вернутъ потомъ лишь бѣдный трупъ ея,
Отъ гнусныхъ поцѣлуевъ помертвѣвшій...
Но эти дни ужасные прошли:
Я не тревожусь больше опасеньемъ
И вновь къ себѣ я призвала мое
Любимое дитя. Теперь имѣетъ
Могучаго защитника она
Въ лицѣ ея властительнаго брата:
Неправда-ли?

АКВИЛА.

О будь спокойна, мать:
Мои заботы охраняютъ Стеллу
И помощи чужой не надо мнѣ:
Я сберегу сокровище, богами
Мнѣ данное.

ЮНІЯ, испугавшись.

Надменныя слова
Проститъ великій цезарь...

КАЛИГУЛА.

Нравы галловъ,
Моихъ друзей давнишнихъ, знаю я:
Люблю языкъ ихъ гордый и суровый;
Къ тому же, зять твой будущій — мнѣ братъ...
Иди, кормилица, иди: займися

Домашними заботами, а насъ,
Мужчинъ, оставь поговорить о битвахъ
И объ охотѣ.

(Юнія уходитъ).

Ну, мой юный Бреннъ,
Скажи-ка мнѣ: когда бушуетъ буря
И громъ гремитъ, и пламенный перунъ
Летитъ съ небесъ — ты предъ грозой отступишь,
Иль дротикъ свой и съ молніей скрестишь?

АКВИЛА.

Я не страшусь грозы.

КАЛИГУЛА.

А если море,
Какъ левъ гигантскій съ гривою сѣдой,
Съ ужаснымъ ревомъ прядая на скалы
И разбивая крѣпкій ихъ оплотъ,
Тебя волной кипящей захлестнетъ —
Ты поблѣднѣешь ли предъ бурнымъ моремъ?

АКВИЛА.

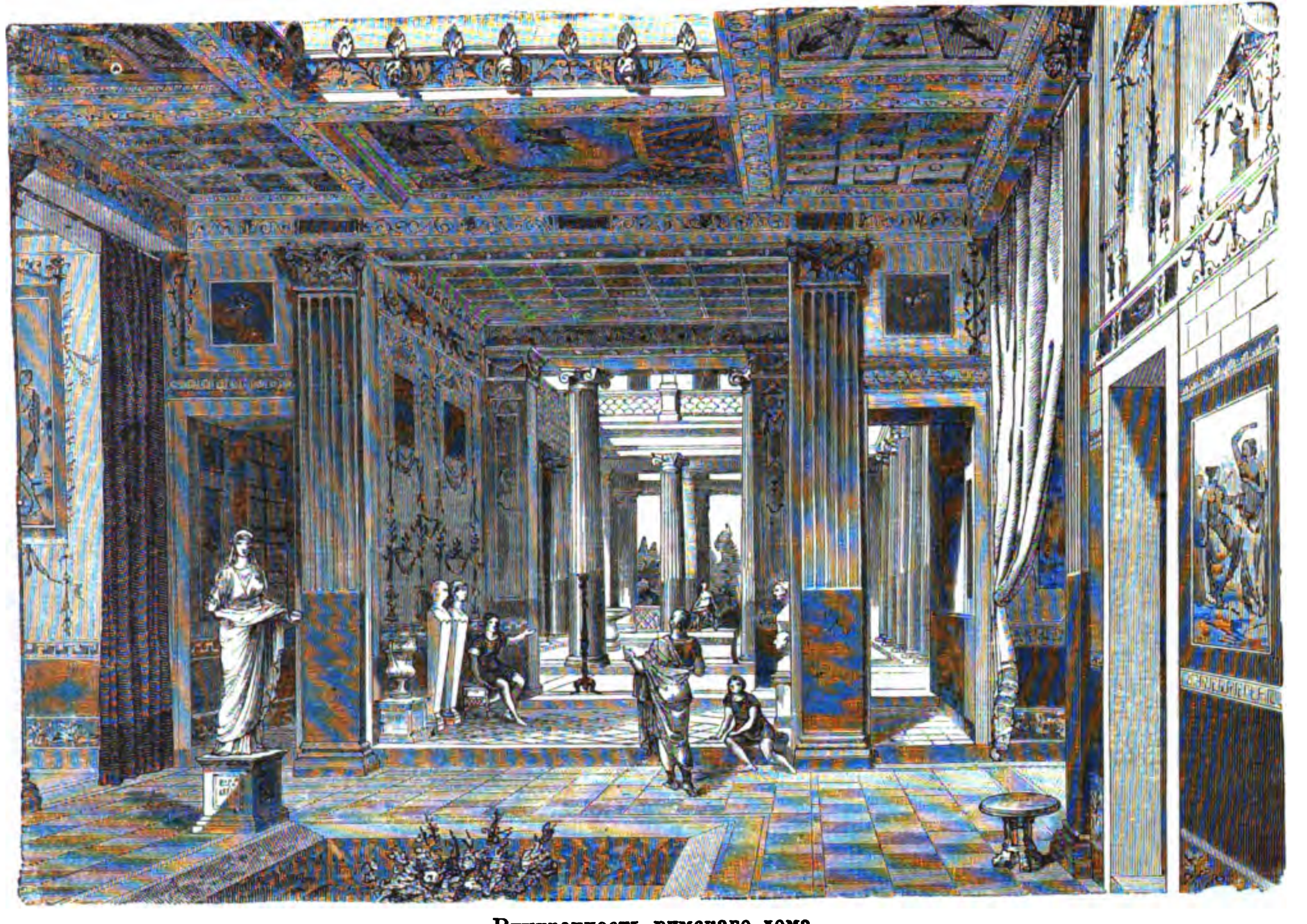
Нѣтъ, цезарь; моря грозную волну
Я встрѣчу грудью, буду съ ней бороться.

КАЛИГУЛА.

Ты храбръ и силенъ. Мужество твое
Равняется, навѣрное, искусству
Владѣть оружіемъ. Скажи, не разъ
Ты убивалъ и вепрей, и медвѣдей
Въ лѣсахъ дремучихъ родины твоей?

АКВИЛА.

Увы, теперь ихъ нѣтъ — священныхъ сѣней,
Гдѣ приносили жертвы божествамъ
Друиды мудрые. Я былъ ребенкомъ,
Когда пришелъ невѣдомый народъ
Въ мою родную землю и въ равнины
Онъ обратилъ дремучіе лѣса:
И алтари и дубы вѣковые
Упали подъ сѣкирами пришельцевъ
И скрылись наши боги... Съ той поры
Исчезли предковъ славныя охоты:
Теперь охотникъ мечетъ дротикъ свой,
Гонясь за слабой и трусливой ланью,



Внутренность римскаго дома.

Иль бьетъ стрѣлой лукавою орла,
Который, взоры устремляя къ солнцу,
Внизу не видитъ своего врага.

КАЛИГУЛА.

Но все же вѣрность глаза и искусство
Своей руки ты упражнялъ не разъ
Въ такой охотѣ и стрѣлу умѣешь
Намѣтить въ цѣль?

АКВИЛА.

Умѣю.

КАЛИГУЛА.

Покажи
Мнѣ опытъ ловкости твоей.

АКВИЛА, подходитъ къ двери.

Вотъ видишь,
За лебедемъ несется хищный ястребъ:
Желаешь ты, чтобъ я остановилъ
Его полетъ?

КАЛИГУЛА.

На этомъ разстояньи?

АКВИЛА, цѣлится и стрѣляетъ изъ лука.

Слѣди же Цезарь за моей стрѣлой.

КАЛИГУЛА.

Онъ падаетъ, клянусь я Геркулесомъ!
Онъ падаетъ, кружась!.. Я не могу
Глазамъ повѣрить! Посмотри, Афраній?!
(Аквилѣ).
Иди туда, и принеси трофей
Твоей стрѣлы: его хочу я видѣть.
(Аквила уходитъ).

СЦЕНА V.

Калигула, Афраній.

КАЛИГУЛА, быстро выходя на авансцену.

Мы, наконецъ, одни. Ну, слушай:
Чтобъ завтра-же — ты понимаешь — завтра
Она моей была, во чтобъ ни стало!

АФРАНІЙ.

Она и будетъ завтра же твоей.
А этотъ галлъ?

КАЛИГУЛА.

Что хочешь дѣлай съ нимъ.

СЦЕНА VI.

Тѣ-же, Стелла, Юнія, потомъ Аквила.

СТЕЛЛА, подноситъ корзину съ плодами.

Не осуди, великодушный цезарь,
У насъ теперь въ садахъ неурожай.

КАЛИГУЛА, показывая на апельсины.

Но вотъ плоды, румяно-золотые
Изъ сада Гесперидъ.

ЮНІЯ.

Увы, драконъ
Ихъ плохо охраняетъ.

АКВИЛА, входитъ и кладетъ у ногъ цезаря ястреба.

Вотъ добыча
Моей стрѣлы.

КАЛИГУЛА.

А! хорошо. Налей,
Кормилица, мнѣ чашу. Юный воинъ,
Пью за твою любовь!

(Пьетъ и передаетъ чашу Аквилѣ).

АКВИЛА.

Благодарю.

(Пьетъ).

СТЕЛЛА.

Не хочешь ли плодовъ?

КАЛИГУЛА.

Возьму я, Стелла,
Вотъ это яблоко и, какъ Парисъ,
Отдамъ его прекраснѣйшей изъ женщинъ..
Пора. Прощайте.

ЮНІЯ.

Боги да хранятъ
Тебя, мой сынъ. Прощай. Надѣюсь, въ Байю
Ты снова, цезарь, возвратишься.

КАЛИГУЛА.

Да,
Кормилица.

АКВИЛА.

Будь счастливъ, императоръ!

СТЕЛЛА.

Прощай.

КАЛИГУЛА.

Прощай прекрасная сестра.
(Начинаетъ темнѣть).

СЦЕНА VII.

Тѣ-же, кромѣ Калигулы и Афранія.

ЮНІЯ.

Ну, что же, Стелла, цезарь все еще тебѣ кажется страшнымъ?

СТЕЛЛА.

О, нѣтъ. Онъ добръ. Онъ любитъ тебя, могу ли я не любить его.

ЮНІЯ.

А ты, мой сынъ?

АКВИЛА.

Цезарь уважаетъ наши законы. Онъ никогда не дѣлалъ зла галламъ. Пусть охраняютъ его боги отъ скорби и бѣдствій.

ЮНІЯ.

Я рада, дѣти, что вы согласны со мною... Скажи, Аквила: вѣдь ты, кажется, имѣешь права римскаго гражданина?

АКВИЛА.

Да.

ЮНІЯ.

Въ такомъ случаѣ ты знаешь обычай: надобно сегодня же идти къ городскому претору и заявить о вашемъ пріѣздѣ. Преторъ Лентулъ живетъ недалеко отсюда... всего четверть часа ходьбы. Идите, дѣти, сдѣлайте, что требуетъ законъ, и возвращайтесь поскорѣе.

АКВИЛА.

Хорошо, будь спокойна, мать.

ЮНІЯ, цѣлуя дочь.

До свиданья.

СТЕЛЛА.

Мы вернемся сейчасъ же.

(Стелла и Аквилла уходятъ).

СЦЕНА VIII.

Юнія, Фебе, входитъ и зажигаетъ бронзовый канделябръ.

ЮНІЯ.

Фебе!

ФЕБЕ.

Что угодно, госпожа?

ЮНІЯ.

Поди сюда. Ты все приготовила, какъ я приказывала.

ФЕБЕ.

Все, госпожа.

ЮНІЯ.

Курильницы зажжены? Ванна нагрѣта?

ФЕБЕ.

Все приготовлено, госпожа. Если тебѣ угодно, то можешь идти...

ЮНІЯ, вздрогнувъ.

Фебе!..

ФЕБЕ.

Что прикажешь, госпожа?

ЮНІЯ.

Ты... ничего не слышала?.. (прислушиваясь). Нѣтъ, это мнѣ показалось... Какъ будто кто-то кричалъ... Да, скажи: комната Стеллы... Слышишь? Слышишь? Тамъ!..

(Показываетъ въ ту сторону, куда ушли Аквила и Стелла).

ФЕБЕ.

Тамъ ничего не слышно...

ЮНІЯ.

Ничего?.. Въ комнату Стеллы ты поставила золотую лампу съ душистымъ масломъ?

ФЕВБ.

Да, госпожа...

АКВИЛА, за сценой,

Мать! Юнія!

ЮНІЯ.

А, слышишь?... Я не ошибаюсь: тамъ кричатъ, зовутъ о помощи...

АКВИЛА, за сценой.

Юнія!

ЮНІЯ, бѣжитъ къ двери.

Это голосъ Аквилы! Идемъ!..

СЦЕНА IX.

тѣ-же, Аквила, потомъ преторъ, Протогенъ, два свидѣтеля, ликторы.

АКВИЛА, окровавленный, одежда въ безпорядкѣ, въ рукѣ мечъ; вбѣгаетъ, сталкивается въ дверяхъ съ Юніей.

О, мать!

ЮНІЯ, въ ужасѣ отступаетъ.

Гдѣ, Стелла? Что случилось съ нею?..

АКВИЛА.

Разбойники...

ЮНІЯ.

И ты не могъ спасти...
Не могъ ты защитить ее?.. Стыдися!..

АКВИЛА, указывая на свои раны.

Смотри...

ЮНІЯ.

Ты весь въ крови!?

АКВИЛА.

Та кровь — моя!

ЮНІЯ.

Ты раненъ?

АКВИЛА.

Все равно!

ЮНІЯ.

Но гдѣ-же Стелла?

АКВИЛА.

Ихъ было десять человѣкъ... Скорѣй
Сбери рабовъ твоихъ, дай имъ оружье:
Мы бросимся въ погоню — и, клянусь,
Я ихъ настигну... Я разстанусь съ жизнью,
Но Стеллу возвращу тебѣ! Зови
Своихъ рабовъ, скорѣй, скорѣй!..

ЮНІЯ, потерявшись.

Да, да,
Ты правду говоришь... рабамъ оружье,
Скорѣй оружье всѣмъ... мы всѣ пойдемъ...
Туда... за ней...

(Преторъ, Протогенъ и два свидѣтеля показываются въ среднихъ дверяхъ; за ними ликторы).

ПРЕТОРЪ.

Остановитесь!

ЮНІЯ.

Преторъ?
Чего желаешь ты...

АКВИЛА.

Не слушай, мать:
Тутъ новая измѣна...

ПРЕТОРЪ.

Замолчи.
Ты, женщина, въ своемъ скрываешь домѣ
Бѣжавшаго раба. За нимъ пришелъ
Его хозяинъ.

ЮНІЯ.

Ты ошибся, преторъ:
Здѣсь бѣглыхъ нѣтъ рабовъ.

ПРЕТОРЪ.

Довольно.

ЮНІЯ.

Нѣтъ
Здѣсь никого, тебѣ я повторяю.

ПРЕТОРЪ, зоветъ Протогена.

Иди сюда.

ПРОТОГЕНЪ, приближаясь, Юніи.

Ты лжешь.

(Указываетъ на Аквилу).

Вотъ бѣглый рабъ.

АКВИЛА.

Я — рабъ?!

ПРОТОГЕНЪ.

Да, ты. Осмѣлься предо мною
Сказать, что я не господинъ твой.

АКВИЛА.

Ты,
Ты господинъ мой?

ПРОТОГЕНЪ.

Да.

АКВИЛА.

Послушай, преторъ,
Онъ сумасшедшій.

ПРОТОГЕНЪ.

Я привелъ съ собой
Свидѣтелей.

ЮНІЯ.

Но это невозможно:
Вѣдь онъ — мой сынъ.

ПРЕТОРЪ, обращаясь къ свидѣтелямъ.

Свидѣтели, сюда!

АКВИЛА, порывисто выводя свидѣтелей на авансцену.

Ну, хорошо: покажемся другъ другу...
Вы знаете меня?

ПЕРВЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Я знаю.

АКВИЛА.

Какъ:
Ты говоришь, что я...

ЮНІЯ.

Не вѣрь имъ, преторъ:
Обмануть ты... О, выслушай, молю...

АКВИЛА.

Вы знаете меня... меня?

ВТОРОЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Да, знаемъ.

ПРЕТОРЪ, даетъ свидѣтелямъ два камня поднятые имъ на дворѣ.

Клянитесь.

ПЕРВЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Юпитеромъ и Августомъ клянусь
Божественнымъ: даю я показанье
По совѣсти:

(Указываетъ на Аквилу).

Вотъ этотъ человѣкъ,
Какъ рабъ, былъ купленъ имъ.

(Указываетъ на Протогена).

Когда солгалъ я,
Пускай Юпитеръ также далеко
Меня отброситъ отъ себя, какъ я
Отбрасываю камень.

(Бросаетъ камень за себя).

ПРЕТОРЪ, второму свидѣтелю.

Подтверждаешь
Ты клятвой тоже.

ВТОРОЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Да, я подтверждаю.

АКВИЛА, уничтоженный, бросаетъ мечъ.

Лжецы! Клятвопреступники!

ПРЕТОРЪ

Довольно.
Свидѣтельство доказано. Ликторы, уведите раба.

(Ликторы уводятъ Аквилу. Всѣ уходятъ, кромѣ Юніи).

СЦЕНА X.

ЮНІЯ.

Одна... одна я... Стелла... дочь моя!..
Аквила!.. васъ со мною нѣтъ... Напрасно
Я васъ зову... Все отнялъ жадный рокъ...

Домъ опустѣлъ... разбитъ очагъ домашній
И сердце съ нимъ разбилось...

(Подходитъ къ кумирамъ пенатовъ).

Боги, боги!
Ужель могли вы это допустить?..
Не я-ль сейчасъ склонялась передъ вами,
Вотъ здѣсь, у этихъ алтарей святыхъ,
Не я-ли увѣнчала васъ цвѣтами,
Съ молитвой жаркой за дѣтей моихъ?..
Гдѣ жъ ваша правда? гдѣ же ваша сила:
У матери крадутъ злодѣи дочь —
И вы несчастной не могли помочь,
И молнія небесъ не поразила
Преступниковъ!.. Иль вашъ ослѣпшій взоръ
Не видитъ дѣлъ земли безчеловѣчныхъ?
Иль, въ наши дни, на небѣ, въ сонмѣ вѣчныхъ,
Какъ здѣсь, царитъ безумье и позоръ?
О жалкіе кумиры! въ дни былые
Изъ глины были вы, но довѣрять
Вамъ дочь свою могла спокойно мать;
Теперь же ваши лики золотые
Безсильны стали... И когда грозятъ
Намъ бѣдствія и злой судьбы тревоги —
Отъ насъ вы отвращаете свой взглядъ...
Погибнете же суетные боги!

(Разбиваетъ кумиры и попираетъ ихъ ногами).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

КАЛИГУЛА.
АФРАНІЙ.
ПРОТОГЕНЪ.
ХЕРЕЯ.
КЛАВДІЙ.
МЕССАЛИНА.
ЮНІЯ.
СТЕЛЛА.
РАБЫ.
НАРОДЪ.

Терасса во дворцѣ цезаря, на холмѣ Палатинскомъ. Кругомъ галерея съ колоннадой; она вся покрыта матеріей на манеръ театральнаго веларіума. Двѣ боковыя двери. Въ глубинѣ дверь, сквозь которую видна круглая лѣстница на верхъ. Направо отъ зрителей бронзовое ложе. На лѣво столъ съ кедровымъ ящикомъ. При открытіи занавѣса на сценѣ гроза.

Дѣйствіе въ Римѣ.

СЦЕНА I.

Калигула и нѣсколько рабовъ.

КАЛИГУЛА, на ложѣ, обращаясь къ рабамъ.

Не отходите отъ меня, рабы,
Пока гроза ужасная бушуетъ
И молнія сверкаетъ, точно мечъ,
Надъ головой моей... не отходите!
Властитель неба мстительный огонь
Въ ревнивомъ гнѣвѣ на меня бросаетъ...
Юпитеръ Громовержецъ! усмири
Свой гнѣвъ: я предъ тобою преклоняюсь,
Я чту тебя, я смертный, я не богъ...
А, снова молнія!.. Еще!.. Еще!.. Падите,
Рабы, во прахъ съ мольбой: стрѣлы небесной
Полетъ грозящій миновалъ меня...

ОДИНЪ ИЗЪ РАБОВЪ.

Властитель, тучи грозныя проходятъ,
Стихаетъ громъ и твой напрасенъ страхъ.

КАЛИГУЛА.

Ты правду говоришь? Клянусь богами,
Я дамъ тебѣ свободу...
(Молнія).
Рабъ, ты лжешь!

ОДИНЪ ИЗЪ РАБОВЪ.

Нѣтъ, цезарь: громъ гремитъ уже далеко.

КАЛИГУЛА.

Далеко?.. да... Отецъ боговъ! внемли:
Какъ Августъ, для тебя я храмъ воздвигну...
(Молнія).
Вновь молнія... О, пощади меня!..
(Громъ).
Опять!.. колонны гордыя изъ бронзы
Я вознесу, одѣну въ мраморъ стѣны
И жертвенникъ поставлю золотой...
(Пауза. Громъ стихаетъ).
А, наконецъ, грозы утихла ярость
И замолкаетъ громъ... и я вздохнуть
Могу отрадно... Снова я державный
Земли властитель, цезарь. Предо мной
Трепещетъ Римъ и всемогущимъ богомъ,
Меня зоветъ онъ... Да: я богъ, я богъ!
Смотрите! даже тучи грозовыя
Бѣгутъ отъ блеска взора моего
И самъ Юпитеръ, мною побѣжденный,
Склоняется предъ властію моей!..
Теперь идите! и пускай межъ вами
Никто помыслить даже не дерзнетъ
Что цезарь смертенъ и доступенъ страху!
(Рабы уходятъ).

СЦЕНА II.

Калигула, Протогенъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Властитель, будь спокоенъ: ничего
Не выдадутъ они подъ злою пыткой.

КАЛИГУЛА.

А, это ты, мой Протогенъ. Скажи
Гроза прошла?

ПРОТОГЕНЪ.

Послѣднихъ молній трепетъ
Угасъ на небѣ. Милостью боговъ
Опасность миновала.

КАЛИГУЛА.

Такъ не будемъ
Объ этомъ больше думать и душой
Воскреснемъ вновь для наслажденій жизни...
Ну, что: какъ наше дѣло? Удалось?

ПРОТОГЕНЪ.

Вполнѣ.

КАЛИГУЛА.

И бѣлая голубка?...

ПРОТОГЕНЪ.

Скоро
Она предстанетъ, цезарь, предъ тобой

КАЛИГУЛА.

А этотъ пылкій галлъ?

ПРОТОГЕНЪ.

Его сегодня
Сведутъ на рынокъ вечеромъ: какъ рабъ,
Онъ будетъ проданъ.

КАЛИГУЛА.

Видишь, Протогенъ:
Я все еще судьбой повелѣваю!

ПРОТОГЕНЪ.

Но развѣ, цезарь, усумнился ты
Въ могуществѣ своемъ?.. Ты нынче блѣденъ;
Чѣмъ смущена властителя душа?

КАЛИГУЛА.

Я видѣлъ сонъ ужасный... И грозою
Взволнованъ былъ потомъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Ты знаешь, цезарь,
Во всякомъ снѣ, коль объяснить его,
Бываетъ предсказанье.

КАЛИГУЛА.

Кто съумѣетъ
Истолковать значенье грезъ моихъ,

Того признаю я, клянусь Друзиллой,
Великимъ мудрецомъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Ты испыталъ
Не разъ мое искусство, повелитель:
Дозволь сегодня опытъ повторить.

КАЛИГУЛА.

Такъ слушай-же. Мнѣ снилось: въ блескѣ славы
Божественной, взойдя на небеса,
Я рядомъ сѣлъ съ Юпитеромъ на тронѣ;
Какъ вдругъ, нахмуривъ грозное чело,
Отецъ боговъ ко мнѣ оборотился
И оттолкнулъ меня ногой и сбросилъ
Съ высокаго Олимпа... Я упалъ
На берегъ каменистый океана.
Былъ часъ прилива. Ярою толпой
Впередъ рвались бушующія волны,
И видѣлъ я: ихъ горные хребты
Кровавою окрашивались пѣной...
Я въ ужасѣ хотѣлъ отъ нихъ бѣжать,
Но обизсилѣлъ, точно опьяненный,
И двинуться не могъ. Нагнавъ меня,
Упала разъяренная стихія
Къ моимъ ногамъ и оковала ихъ
Какъ будто цѣпью тяжкой... и, вздымаясь
Все выше, выше, бушевали волны
Вокругъ меня. Я сталъ кричать, молить
О помощи... и страшный, грозный голосъ,
Какъ бы изъ нѣдръ шумящихъ океана,
Откликнулся на жалобный мой зовъ
Громовыми, ужасными словами:
«Твой часъ пришелъ: смотри, смотри и гибни!»
И, повинуясь тайному велѣнью,
Я оглянулся: въ пѣнѣ волнъ кровавыхъ
Вздымались всюду трупы; каждый валъ
Несъ мертвеца съ простертыми руками
И съ воемъ на меня его бросалъ!
Казалось мнѣ, межъ мертвыми тѣлами
Я задыхаюсь... Въ ужасѣ нѣмомъ,
Я въ лица ихъ смотрѣлъ и узнавалъ я
Убитыхъ мной: тутъ были всѣ они,
Отъ первой жертвы до послѣдней... всѣ!
И каждый трупъ шепталъ свое мнѣ имя

Устами посинѣлыми, и каждый
Заглядывалъ померкшимъ, тусклымъ взоромъ
Въ мои глаза и простиралъ ко мнѣ
Объятья ледяныя... Съ дикимъ воплемъ
Я пробудилася, наконецъ... Смотрю:
Гроза бушуетъ, отъ раскатовъ грома
Дрожитъ дворецъ мой, молніи небесъ
Слѣпятъ мнѣ очи нестерпимымъ блескомъ...
Дѣйствительность и сонъ въ моемъ умѣ

Мессалина.

Перемѣшались и, въ безумномъ страхѣ,
Метался я на ложѣ и не могъ
Опомниться, пока сіянье утра
Не разогнало мрака грозныхъ тучъ
И съ нимъ мои видѣнья роковыя.

ПРОТОГЕНЪ.

Твой страшный сонъ ниспосланъ отъ боговъ:
Они тебя предупреждаютъ, цезарь,
Что ты въ заботахъ о самомъ себѣ
Не долженъ покидать заботы власти...

Народу Рима бѣдствіе грозитъ
Не менѣе ужасное, чѣмъ буря
И призраки тревожныхъ сновидѣній.

КАЛИГУЛА.

Какое бѣдствіе?

ПРОТОГЕНЪ.

Нѣтъ больше хлѣба
Средь нашихъ житницъ, и вчера народъ,
Узнавъ объ этомъ, силой въ нихъ ломился,
Хотѣлъ разграбить остальной запасъ.

КАЛИГУЛА.

Но почему же не хватаетъ хлѣба?

ПРОТОГЕНЪ.

Ты знать желаешь почему? — Теперь
По всей Италіи, гдѣ были нивы, —
Настроены и виллы, и дома,
И мраморъ стѣнъ по всюду раздавилъ
Когда то пышно созрѣвавшій колосъ...
Мы золотомъ и роскошью блестимъ,
Но голодъ нашей роскоши должны мы
Питать на счетъ иныхъ, счастливыхъ странъ,
Гдѣ пажити тучнѣй и плодороднѣй;
Вотъ отчего, когда капризный вѣтеръ
Порой задержитъ въ морѣ корабли,
Весь Лаціумъ безъ хлѣба голодаетъ
И подаянье онъ идетъ просить
У цезаря, какъ исхудалый нищій.

КАЛИГУЛА.

Тѣмъ лучше: пусть съ униженною мольбой
Ко мнѣ толпа голодная приходитъ,
Пускай она у ногъ моихъ лежитъ,
Глотая прахъ: я ненавистью полонъ
Къ презрѣнной, жалкой черни, что всегда
Готова жадно подбирать остатки
Отъ моего стола... О, этотъ сбродъ
Лѣнтяевъ топоумныхъ, что народомъ
Себя зовутъ — я знаю, знаю ихъ:
Они изъ гордости бѣгутъ работы
И не хотятъ воздѣлывать поля;
Ну, хорошо: пускай-же голодаютъ!
Я буду радъ, коль кто нибудь по звѣздамъ

Предскажетъ мнѣ, что новыхъ бѣдствій рядъ
Въ грядущемъ чернь безумную постигнетъ...
Клянусь тебѣ: желаю я порой,
Чтобъ голову одну она имѣла:
Тогда я сразу бы ее отсѣкъ!

ПРОТОГЕНЪ.

Я дать тебѣ совѣтъ осмѣлюсь, цезарь:
Останови мятежъ, покуда онъ
Не разлился.

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, пусть волною темной
Онъ выступитъ изъ узкихъ береговъ,
Пусть онъ рѣкой широкой устремится
При свѣтѣ дня: тогда мы укротимъ
Его теченье, наказавъ бичами,
Какъ нѣкогда властитель гордый персовъ
Наказывалъ шумящій Геллеспонтъ.
Опасность эта не изъ тѣхъ, которыхъ
Боюся я.

ПРОТОГЕНЪ.

Желаешь ты узнать
Зачинщиковъ народнаго волненья?

КАЛИГУЛА.

Ихъ было много?

ПРОТОГЕНЪ.

Только двое, цезарь.

КАЛИГУЛА.

Кто-жъ эти двое?

ПРОТОГЕНЪ.

Анній и Сабиній.
Одинъ патрицій: древній родъ его
Восходитъ до временъ созданья Рима;
Другой — трибунъ и, кажется, не знатенъ
Происхожденьемъ.

КАЛИГУЛА.

Хорошо, открой
Вотъ этотъ ящикъ, вынь оттуда книгу:
На завтра мы съ обоими покончимъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Ты хочешь, цезарь, «Мечъ» или «Кинжалъ»? [1]).

КАЛИГУЛА.

Дай «Мечъ».
(Беретъ тростникъ, опускаетъ въ чернила и пишетъ).
Оружіе убійцъ оставимъ
Для тѣхъ, которымъ дѣлаю я честь
Бояться ихъ; а для такихъ героевъ
Платить убійцамъ лишняя растрата:
Тутъ справятся задаромъ палачи.

ПРОТОГЕНЪ.

Ты, цезарь, правъ.

КАЛИГУЛА.

Возьми преторіанцевъ:
Пусть схватятъ ихъ и отвезутъ въ тюрьму
Подземную дворца. Остерегайся,
Чтобъ не было огласки, чтобъ тебя
Никто не видѣлъ... Клавдія скорѣе
Позвать сюда: его совѣтъ мнѣ нуженъ
Въ такихъ дѣлахъ.

ПРОТОГЕНЪ.

А Мессалину ты
Желаешь также видѣть?

КАЛИГУЛА.

Будь спокоенъ,
Она сама придетъ... Сегодня утромъ
Съ Афраніемъ прибудетъ, можетъ быть,
И плѣнница прекрасная...
(Входитъ Афраній).

СЦЕНА III.

Тѣ же, Афраній.

АФРАНІЙ, преклоняясь.

Властитель!

КАЛИГУЛА.

Привѣтъ мой, консулъ.

---

[1]) «Мечъ» и «Кинжалъ» — названіе книжекъ Калигулы, въ которыхъ онъ записывалъ имена тѣхъ, кого предназначалъ къ смерти.

АФРАНІЙ.

Яблоко твое
Готово ль, цезарь?

КАЛИГУЛА.

Какъ: Венера наша
Ужъ развѣ здѣсь?

АФРАНІЙ.

Да, цезарь: ждетъ она.

КАЛИГУЛА.

Такъ пусть войдетъ.

АФРАНІЙ, отходя къ двери.

Эй, рабъ: сюда, скорѣе!
(Тихо отдаетъ приказаніе рабу).

КАЛИГУЛА, Протогену.

Когда вернешься изъ казармъ, ко мнѣ
Ты Клавдія пришлешь.

ПРОТОГЕНЪ.

А если, цезарь,
Нѣтъ во дворцѣ его?

КАЛИГУЛА.

Ищи въ тавернахъ.
(Протогенъ уходитъ въ правую дверь).

АФРАНІЙ, возвратясь.

Властитель, не забудь моихъ услугъ...

КАЛИГУЛА.

Я помню ихъ всегда: ты знаешь, консулъ,
Какъ преданность я дорого цѣню.

АФРАНІЙ.

Еще не будетъ, цезарь, приказаній?
Я возвращусь...

КАЛИГУЛА.

Да, хорошо. Прощай.
(Афраній уходитъ).

СЦЕНА IV.

КАЛИГУЛА, одинъ.

Приди ко мнѣ, прекрасная богиня,
Съ кудрями золотистыми, приди:
Тебя ждетъ цезарь, властелинъ вселенной!..
Къ моимъ ногамъ склоняется народъ
И умоляетъ о спасеньи жизни,
Но отвѣчаю я мольбамъ его:
«Теперь не время, я любовью занятъ»!
Да, нахожу я тайную отраду
Смотрѣть надменно съ ложа своего
На эту чернь, кипящую, какъ лава,
Извергнутая пламеннымъ волканомъ;
Тревожныхъ волнъ ея безумный гулъ
Внимаю я, покуда сна желанье
Не снизойдетъ мнѣ въ душу, и тогда
Я говорю: «затихните, довольно»!..
Мнѣ нравится страстей грозящихъ ярость,
Мнѣ нравится ужасная любовь
И бѣшенная ревность Мессалины;
Когда ко мнѣ склоняется она
Съ пронзающими, темными глазами
Съ горячими устами, что лобзая,
Какъ будто жаждутъ укусить, — во мнѣ
Невольно просыпается желанье
Ее замучить пыткой, чтобъ узнать,
Какими чарами она умѣетъ
Мою любовь удерживать... Не разъ,
Минутнымъ увлеченіямъ покорный,
Я поддавался женщинамъ другимъ,
Но вновь она невѣдомою властью
Меня въ свои запутывала сѣти...
Тутъ тайна есть... но также и борьба...
А я люблю борьбу. Пускай стремится
Вокругъ меня потокъ страстей живыхъ:
Я радъ, — я жажду серцемъ насладиться
Ихъ бѣшенствомъ, волненьемъ сладкимъ ихъ!

СЦЕНА V.

Калигула, сидитъ; **Стелла,** входитъ, сопровождаемая двумя людьми.

СТЕЛЛА.

Гдѣ я? Зачѣмъ схватили вы меня?
Куда влечете силою?..
(Увидѣвъ Калигулу).
Ахъ, цезарь!..
(Бросается передъ нимъ на колѣни).
Я спасена!..
(Сопровождавшіе Стеллу уходятъ).
О, будь защитой мнѣ:
Меня похитили вотъ эти люди
У матери, съ Аквилой разлучили...
Ни вопли, ни моленія мои
Не тронули жестокость ихъ: насильно
Они меня изъ Байи увлекли...
Ты справедливъ: злодѣевъ ты накажешь...

КАЛИГУЛА.

Ихъ не за что наказывать.

СТЕЛЛА.

Ужель
Потерпишь ты такое преступленье?
О, цезарь, то, что сдѣлали они...

КАЛИГУЛА.

То сдѣлано по моему желанью:
Я повелѣлъ имъ привести тебя
Въ мой Палатинъ, и еслибъ повелѣнья
Они ослушались — я наказалъ бы ихъ.
Тебя люблю я и хотѣлъ я видѣть
Живою или мертвою. Дитя,
Моимъ словамъ не вѣришь ты?

СТЕЛЛА.

О, небо!
Какъ я несчастна!..

КАЛИГУЛА.

Я, властитель Рима,
И съ подданными добрыми всегда
Такъ поступаю: развѣ ты не знаешь?
Не для того-ль Юпитеръ мнѣ вручилъ

Верховное могущество, чтобѣ могъ я,
Какъ онъ, любовью смертныхъ надѣлять?
Иль ты отвергнешь даръ, что̀ мнѣ ниспосланъ
Отцомъ боговъ? Оставь свою боязнь,
Приди ко мнѣ, прекраснѣйшая Леда!..
Ты добродѣтельна душой — я знаю,
Но отъ земныхъ обязанностей я,
Какъ властный богъ, тебя освобождаю:
Приди ко мнѣ, приди, любовь моя!..

СТЕЛЛА.

О, вспомни, цезарь: ты своей сестрою
Зовешь меня...

КАЛИГУЛА.

Такъ что же? я всегда
Хорошимъ братомъ былъ: поочередно
Я въ жены трехъ сестеръ себѣ избралъ,
И знаютъ всѣ, какъ пламенно любилъ я
Одну изъ нихъ — Друзиллу. Ахъ, когда
Смерть разлучила насъ, я какъ безумецъ,
Гонимый злобнымъ геніемъ, скитался
Вокругъ ея гробницы; и теперь,
Какъ божествомъ небесъ, я постоянно
Ея священнымъ именемъ клянусь...
Тебя любить я буду столь же страстно,
Но боги благосклонные, надѣюсь,
Дадутъ намъ дольше насладиться счастьемъ.
(Обнимаетъ ее).
Приди же, Стелла, дай обнять тебя...

СТЕЛЛА, опуская покрывало и скрещивая на груди руки.

О, цѣломудріе! своимъ покровомъ
Закрой мой ликъ, зардѣвшійся стыдомъ.

КАЛИГУЛА.

Повѣрь, прозрачнымъ этимъ покрываломъ
Ты не укроешь блеска красоты,
Сіяющей свѣтлѣй звѣзды полночной!..
Дитя, я вижу, ты не понимаешь,
Что цезаря всевластная любовь
Не можетъ тратить сладкія мгновенья
Въ напрасномъ ожиданіи: судьба
Его желаніямъ вручила въ помощь
Вѣнецъ и мечъ: тотъ потеряетъ жизнь,

Кто уступить его не хочетъ страсти!
Такъ прекрати же тщетную борьбу.
Подумай: гдѣ бы ты не укрывалась
Я все-таки найду тебя, найду —
И будешь ты побѣждена. Подумай:
Твоя рука слаба, моя — всевластна!
Я захочу — и въ мигъ одинъ сорву
Цвѣтокъ твоей, едва расцвѣтшей жизни,

(Срываетъ съ нея покрывало).

Клавдій.

Какъ эту ткань, скрывающую тщетно
Красу лица отъ жадныхъ глазъ моихъ!
Смири же лаской нѣжной и покорной
Мой гнѣвъ, мою карающую месть!

СТЕЛЛА, падая на колѣни.

О Боже! дай мнѣ силы на страданье.
Дай силы умереть... и смерть мою
Прости тому, кто хочетъ этой смерти...

КАЛИГУЛА, поднимая ее.

Ну что же, Стелла...

ЮНІЯ, за средней дверью.

Я вамъ говорю,
Я къ цезарю близка, меня онъ приметъ...

СТЕЛЛА бросается къ двери.

То голосъ матери...

(Калигула удерживаетъ ее и закрываетъ ей ротъ рукою, такъ что слѣдующія слова едва слышны).

О мать моя... я здѣсь...

КАЛИГУЛА, увлекаетъ Стеллу къ первой двери и отдаетъ рабамъ.

Возьмите эту дѣвушку и скройте:
Вы за нее отвѣтите мнѣ жизнью!..
Скорѣй... идите!..

(Стеллу уводятъ).

СЦЕНА VI.

Калигула, Юнія.

КАЛИГУЛА, подходя къ двери, въ которую стучиться Юнія, отворяетъ ее самъ.

Что такое тамъ?
Кормилица?... Я твой услышалъ голосъ...
Чего ты хочешь?

ЮНІЯ.

Правосудья, цезарь,
Лишь правосудья!.. У меня украли
Мое дитя, сестру твою...

КАЛИГУЛА.

Кто могъ
Рѣшиться на такое преступленье?

ЮНІЯ.

Не знаю... Я пришла къ тебѣ, къ тебѣ:
Ты всемогущъ, ты богъ, ты, какъ Юпитеръ,
Караешь молніей, ты знаешь все
И дочь мою ты возвратишь мнѣ, цезарь!
Твоя рука властительная всюду
Ее найдетъ и вырветъ у злодѣевъ,
Похитившихъ несчастное дитя;
Найди ее, отдай, отдай мнѣ Стеллу
И будешь ты великъ, какъ властелинъ,
Чей мечъ разитъ враговъ и чья рука
Несчастьямъ Рима отираетъ слезы!

КАЛИГУЛА.

Но гдѣ жъ она... гдѣ Стелла — я не знаю.

ЮНІЯ.

Такъ слушай же: иди, иди, скорѣй!
Я поведу тебя, пойду съ тобою,
Мнѣ чувство матери укажетъ вѣрный путь,
Какъ плачущей богинѣ, Прозерпину
Искавшей въ мрачныхъ пропастяхъ Аида:
Оно зажжетъ мнѣ факелъ путеводный...
Безъ отдыха и свѣтлымъ днемъ и ночью
Ее искать я буду, и съ рыданьемъ
Распрашивать въ пути у матерей:
Не встрѣтили-ль онѣ мою малютку...
И мы найдемъ ее, найдемъ, найдемъ,
Хотя бы намъ пришлось къ богамъ подземнымъ
Сойти за бѣдной дочерью моей!

КАЛИГУЛА.

Я думаю, что оказать бы помощь
Намъ могъ Аквила.

ЮНІЯ.

Ахъ, забыла я —
Какъ матери себялюбиво горе —
Забыла я сказать тебѣ: злодѣи
Напали на него, онъ раненъ былъ,
Потомъ его связали, какъ раба,
И увели... куда, зачѣмъ — не знаю!
Ты видишь, Августа великій внукъ,
Тутъ не одно — два преступленья разомъ,
И близь тебя, почти въ твоихъ глазахъ!
Преступникамъ отмстишь ты правой местью
За оскорбленіе сестры твоей!

КАЛИГУЛА.

Быть можетъ, у тебя есть подозрѣнье,
Что дочь твою похитилъ кто нибудь
Изъ знатныхъ римлянъ?

ЮНІЯ.

Нѣтъ. Ударъ безчестный
Мнѣ нанесенъ, но не видала я
Руки преступника, хотя заранѣй
Я знала тѣхъ, кто могъ бы совершить
Позорное и злое это дѣло.

Ахъ, многіе изъ тѣхъ, что окружаютъ
Тебя, мой сынъ, давно привычны къ злу...
Твой дядя...

КАЛИГУЛА.

Клавдій?

ЮНІЯ.

Да, изъ всѣхъ — онъ первый...

КАЛИГУЛА, съ презрѣніемъ.

Ты много чести дѣлаешь ему:
Онъ склоненъ только къ подлымъ куртизанкамъ.

ЮНІЯ.

Херея также могъ...

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, онъ лѣнивъ,
Изнѣженъ слишкомъ онъ для преступленья.
Онъ на цвѣтахъ покоется и пьетъ
Безъ отдыха вино, въ честь Афродиты,
Изъ золотой амфоры, тяжелѣй
Его меча.

ЮНІЯ.

Сабиній...

КАЛИГУЛА, улыбаясь.

До того-ли
Ему теперь! трибунъ нашъ озабоченъ
Необычайно важными дѣлами:
Онъ возбуждаетъ къ мятежу народъ...
Всѣ подозрѣнія твои, какъ видишь,
Неосновательны; но, можетъ быть,
Дѣйствительно виновникъ преступленья
Могущественный, сильный человѣкъ;
И, не смотря на то, что ты откроешь
Его вину — онъ поразитъ тебя
Ударомъ мести.

ЮНІЯ.

Я не испугаюсь
И самой смерти: что мнѣ жизнь, когда
Меня съ моею Стеллой разлучили!

КАЛИГУЛА.

Но я обязанъ охранять тебя
Отъ всѣхъ опасностей: ты поселишься

От нынѣшняго дня здѣсь, во дворцѣ;
Я прикажу преторіанцамъ вѣрнымъ
Оберегать тебя и — будь спокойна —
Я Стеллу самъ найду и возвращу
Ее въ объятья матери.

ЮНІЯ.

О, цезарь:
Тебя всегда любила я, всегда, —
Теперь тебѣ я буду поклоняться,
Какъ божеству... Но только не теряй
Ни дня, ни часа...

КАЛИГУЛА.

Вѣрь мнѣ, мать моя:
Не потеряю я мгновенья даже.
Сама ты знаешь, цезарь не даетъ
Напрасныхъ обѣщаній: не печалься,
Ты снова дочь увидишь.

ЮНІЯ.

Но когда,
Когда? скажи; я умоляю...

КАЛИГУЛА.

Завтра.

ЮНІЯ.

О, всемогущій цезарь, о, мой сынъ:
Ты этимъ словомъ жизнь мнѣ возвращаешь!..
Такъ завтра — говоришь ты — завтра?

КАЛИГУЛА.

Да.

(Слышенъ шумъ и голоса народной толпы, собравшійся внизу дворцовой терассы)

ЮНІЯ, вздрогнувъ.

Что это тамъ? Ты слышишь, цезарь, слышишь?

КАЛИГУЛА.

Да, слышу. Ничего. То на яву
Осуществляется видѣнье ночи:
На берегъ устремляетъ океанъ
Свирѣпыя, бунтующія волны;
Но я смирю ихъ ропотъ своенравный;
И предъ скалой величья моего
Онѣ безсильной разлетяться пѣной!

(Калигула и Юнія уходятъ въ среднюю дверь; занавѣсъ лѣвой двери поднимается и показывается Мессалина, смотрящая имъ во слѣдъ).

СЦЕНА VII.

Мессалина, одна.

А, хорошо! ты похищаешь дочь
У матери! Заботливо обманомъ
Ты разлучаешь ихъ и, во дворцѣ
Скрывая тайно, приставляешь стражу
У ихъ дверей: безплодный, жалкій трудъ!
Все знаю я, все вижу — и проникну
Я къ нимъ, когда понадобится мнѣ.
Ни ты, ни вѣрные твои преторіанцы
Не остановятъ замысловъ моихъ!
Клянусь Венерою! Все въ заговорѣ
Противъ тебя: ты самъ и твой народъ,
И цезаря вѣнецъ готовъ другому...
О, Римъ, могучій Римъ, кому весь свѣтъ
Несетъ съ нѣмой покорностію дани, —
Ты будешь мой! Рукою смѣлой власть
Я захвачу для Клавдія, но буду
Одна, одна властительницей міра!
Что Клавдій? Онъ посредственный актеръ,
Неприготовленный къ великой роли;
Пусть онъ ее играетъ для толпы
И рядиться, какъ шутъ, въ блестящій пурпуръ,
А въ нѣдрахъ золотаго рудника,
Что властію зовутъ, рукою жадной
Сокровища я буду черпать, я!
Я жажду тѣхъ сокровищъ — и напрасно
Ихъ стережетъ драконъ, какъ Гесперидъ
Плоды чудесные; напрасно, чуя
Мой замыселъ, порою предо мной
Онъ открываетъ пасть, сверкая жаломъ:
Настанетъ мигъ — въ объятіяхъ моихъ
Я задушу властительнаго змѣя!

СЦЕНА VIII.

Калигула, Мессалина.

КАЛИГУЛА.

Ты здѣсь?.. Я удивлялся, что тебя
Совсѣмъ не видно.

МЕССАЛИНА.

Нѣжное свиданье
Назначено у цезаря — я знала —
И не хотѣла помѣшать ему
Въ счастливыя и сладкія мгновенья.

Римская Матрона.

КАЛИГУЛА.

Ну, цезарь, — берегись: сегодня мы
Добры необычайно...

МЕССАЛИНА.

Мой Юпитеръ
Въ шутливомъ настроеньи. Если онъ

Задумалъ нимфу наградить любовью, —
Я не хочу Юноной строгой быть.

КАЛИГУЛА.

О, женщина — коварное созданье:
Ея душа измѣнчивѣй волны!

МЕССАЛИНА.

Ну, что жъ, скажи: красавица, съ кудрями,
Какъ золото блестящими, тебя
Совсѣмъ очаровала? Позабылъ ты
Для голубыхъ ея очей глаза,
Темнѣе ночи? Говорятъ, что ласки
Такихъ созданій слабыхъ и покорныхъ
Неотразимо побѣждаютъ васъ?
Навѣрно цезарь обольщенъ ихъ робкой,
Молящей прелестью?

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, Мессалина,
Я обольщенъ не ласками — слезами.

МЕССАЛИНА.

Вотъ какъ! Невинность слезы пролила?..
Она, конечно, очень понимаетъ,
Что взоръ, въ которомъ ласка и слеза
Сіяютъ вмѣстѣ, кажется прелестнѣй.

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, это было искреннее горе,
Глубокое, я убѣдился въ томъ.
Любовь моя отвергнута.

МЕССАЛИНА.

Не вѣрю!
Когда бы цезарь потерпѣлъ отказъ,
Онъ смертію такое оскорбленье
Отмстилъ бы дѣвушкѣ надменно-дерзкой.

КАЛИГУЛА.

Юнона въ гнѣвѣ ревности своей
Забыла, кажется, что въ государствѣ
Законы существуютъ, что они
Невинность охраняютъ непреклонно.

МЕССАЛИНА.

Однако же, Сеяна дочерей
Не охранили властные законы:

Тиберій бросилъ ихъ въ тюрьму и самъ
Тюремщика избралъ для нихъ, и скоро
Онѣ разстались съ жизнью...

КАЛИГУЛА.

За совѣтъ
Благодарю: его готовъ принять я.
Я не могу довѣрится другимъ
И буду самъ тюремщикомъ прекрасной
Невинности... но, тише: къ намъ идутъ...
Оставимъ этотъ разговоръ: другія
Намъ предстоятъ дѣла.

СЦЕНА IX.

Тѣ-же, Протогенъ, потомъ Херея, Клавдій, Афраній.

ПРОТОГЕНЪ.

Я твой приказъ
Исполнилъ, цезарь.

КАЛИГУЛА.

Знаю.

ПРОТОГЕНЪ.

Повелѣній
Еще не будетъ?

КАЛИГУЛА.

Ликторовъ сюда,
Шесть ликторовъ мнѣ надо... Ну, а Клавдій?

ПРОТОГЕНЪ.

Онъ здѣсь.

КАЛИГУЛА.

Такъ пусть войдетъ ко мнѣ.

ПРОТОГЕНЪ.

Одинъ?

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, все равно — войти я дозволяю
Всѣмъ, кто собрался тамъ; но у дверей
Поставить стражу, чтобъ никто отсюда
Не выходилъ.

(За сценой голоса народа).

МЕССАЛИНА.

Что значитъ этотъ шумъ?

КАЛИГУЛА.

Открой же занавѣсъ: пусть воздухъ утра
Благоухающій повѣетъ къ намъ
Струею чистой; небо лучезарно
И облачко послѣднее грозы
Уносится, гонимое зефиромъ...
Какъ хорошо! какъ сладко мнѣ дышать...

МЕССАЛИНА.

Ты слышишь, цезарь, крики?.. Слышишь, слышишь?..

КЛАВДІЙ, входитъ.

Привѣтъ властителю... Ты знаешь: тамъ
Вокругъ дворца народъ толпой мятежной
Сбирается...

КАЛИГУЛА.

А, Клавдій, это ты?
Тебя желалъ я видѣть, и услугу
Прошу мнѣ оказать.

КЛАВДІЙ.

Повелѣвай.

КАЛИГУЛА.

Въ искусствѣ краснорѣчья ты не знаешь
Соперниковъ.

КЛАВДІЙ.

Ты льстишь мнѣ, цезарь.

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ...
Вотъ дѣло въ чемъ: сенаторы привѣтомъ,
Надняхъ коня почтили моего,
Прославили заслуги всѣ его
И рѣчь весьма недурную при этомъ
Онъ выслушалъ. Пристойно отвѣчать
Экспромптомъ я не могъ за Инцитата [1]);

---

[1]) Инцитатъ — имя любимой лошади Калигулы, которую онъ рядилъ въ пурпуръ, обвѣшивалъ драгоцѣнностями, помѣстилъ во дворцѣ, возвелъ въ консулы. По волѣ цезаря, Инцитатъ задавалъ роскошные пиры, ужины, и на нихъ собирались самые знатные гости.

Но такъ какъ можетъ выдти и опять
Такой же случай — на привѣтъ сената,
Пожалуйста, мой Клавдій, за меня
Рѣчь сочини отъ имени коня.
Просить Сенеку думалъ я сначала,
Да онъ ораторъ скучный и педантъ:
Учености въ немъ много — толку мало...
Ты, право, лучше: у тебя талантъ.

ГОЛОСА НАРОДА, внизу терассы.

Хлѣба, цезарь, хлѣба!

ХЕРЕЯ, входитъ.

Привѣтъ тебѣ, властитель. Я пришелъ
Спросить тебя о томъ, какія мѣры
Ты противъ бунта повелишь принять?
Народъ въ волненіи бѣжитъ на форумъ...
Ты слышишь крики?

ГОЛОСА НАРОДА.

Хлѣба, цезарь, хлѣба!

КАЛИГУЛА.

А, мой Херея, здравствуй!.. Ты, какъ разъ,
Приходишь во время. Къ тебѣ я съ дѣломъ:
За ужиномъ съ Мнестеромъ и Апелломъ
Вчера зашелъ великій споръ у насъ:
Какъ декламировать удобнѣй монологи
Трагедіи — подъ тихій лирный звукъ
Иль просто?.. Мнѣніе твое, мой другъ?..

(Входитъ Афраній).

Но вотъ и консулъ... какъ онъ блѣденъ, боги!

АФРАНІЙ.

Да, цезарь, я...

КАЛИГУЛА.

Что съ тобою? Ты дрожишь?

АФРАНІЙ.

Отъ страха... за тебя.

КАЛИГУЛА.

Въ самомъ дѣлѣ?

АФРАНІЙ.

Развѣ ты не видишь эти толпы безумной черни, шумящія у подножія Палатина? Развѣ ты не слышишь ихъ ужасные крики?

ГОЛОСА НАРОДА.

Хлѣба, хлѣба, цезарь!

АФРАНІЙ.

Слышишь? Слышишь ихъ угрозы?

КАЛИГУЛА.

Ты ошибаешся, консулъ: это привѣтственные клики.

АФРАНІЙ.

Не смѣйся, цезарь: дѣло идетъ о твоей жизни... Когда я вышелъ изъ дворца, озлобленнная чернь бросилась на меня... Я былъ безъ ликторовъ, безоруженъ, я не могъ имъ сопротивляться...

КАЛИГУЛА.

Но чернь, однако узнала тебя, почтила твое священное званіе и отпустила консула?

АФРАНІЙ.

Да, но я долженъ былъ принести народу клятву, что передамъ тебѣ его требованіе.

КАЛИГУЛА.

А, значитъ, ты пришелъ вѣстникомъ отъ народа къ цезарю? Хорошо, хорошо: говори-же, чего хочетъ народъ.

АФРАНІЙ.

Цезарь, я не дерзну передъ тобою повторить ихъ безумныя рѣчи.

КАЛИГУЛА.

Ты далъ клятву. Клятвы должно соблюдать!

АФРАНІЙ.

Желанія черни преступны... Но если цезарь повелѣваетъ, я передамъ ихъ...

КАЛИГУЛА.

Да, да, я повелѣваю.

АФРАНІЙ.

Цезарь, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ неблагопріятный вѣтеръ отгоняетъ отъ гавани сицилійскія корабли съ запасомъ хлѣба. Народъ видитъ въ этомъ гнѣвъ боговъ и думаетъ, что цезарь... Прости повелитель, это говоритъ народъ...

КАЛИГУЛА.

Кончай-же: что онъ говоритъ?

АФРАНІЙ.

Народъ говоритъ, что цезарь нанесъ какое нибудь тяжкое оскорбленіе, богамъ и разгнѣванные боги мстятъ Риму за грѣхи одного человѣка. Въ этомъ безумномъ заблужденіи онъ требуетъ у цезаря возмездія!..

КАЛИГУЛА.

Да, правъ народъ и въ мудрости великъ!
Да, цезарь въ преступленіи повиненъ:
Онъ не сдержалъ Юпитеру обѣтъ,

Римская дѣвушка.

И божество разгнѣванное долженъ
Смягчить немедленно ужасной жертвой.
Ты помнишь, консулъ, въ дни, когда въ Авлидѣ
Собралися эллиновъ корабли,
Такой же случай былъ: попутный вѣтеръ
Не посылали боги имъ за то,
Что вождь Агамемнонъ нарушилъ клятву
Обречь на жертву Артемидѣ дочь:
И я, подобно древнему Атриду,
Свершилъ обмана грѣхъ: я обѣщалъ

Жизнь человѣка небесамъ, но жалость
Заставила меня забыть объ этомъ,
И вотъ небесъ неумолимый гнѣвъ
Устами раздраженнаго народа
Гремитъ передо мной: отдай намъ жизнь
Обѣщанную божествамъ тобою!..
Я долженъ голосъ сердца заглушить:
И если крови требуетъ Юпитеръ —
Она прольется на его алтарь!

АФРАНІЙ.

Ты говоришь, властитель...

КАЛИГУЛА.

Говорю я,
Что цезарь кается... Нѣтъ, цѣлый Римъ
За одного страдать не будетъ больше:
Ты предъ богами клялся умереть,
Чтобъ цезаря спасти — исполнижъ клятву!

АФРАНІЙ.

О, пощади, о, сжалься...

ГОЛОСЪ НАРОДА.

Хлѣба цезарь!

КАЛИГУЛА.

Народъ, тебя я слышу... Потерпи...
Да, греки, человѣческую жертву
Богамъ свершили — и повѣялъ вмигъ
Ихъ кораблямъ благопріятный вѣтеръ:
И за твоею смертію во слѣдъ
Народъ увидитъ наши корабли,
Бѣгущія съ запасомъ хлѣба въ гавань.

АФРАНІЙ.

О, вспомни, цезарь, мой священный санъ...
Молю тебя, подумай...

КАЛИГУЛА.

Нѣтъ, довольно!

АФРАНІЙ, бросаясь въ отчаяніи къ ступенямъ терассы.

Ко мнѣ, народъ!..

ГОЛОСЪ НАРОДА.

Смерть цезарю! Подать
Намъ консула! Мы консула хотимъ!

КАЛИГУЛА.

А, вы его хотите?..
(Сталкиваетъ Афронія внизъ).
Вотъ вамъ консулъ!..
Юпитеръ, жертву позднюю прими!

ХЕРЕЯ, тихо Мессалинѣ.

Что еслибы теперь...
(Дѣлаетъ движеніе вслѣдъ за цезаремъ).

МЕССАЛИНА, удерживая его.

Постой, Херея!
Смотри: народъ колѣна преклонилъ.

ГОЛОСА НАРОДА.

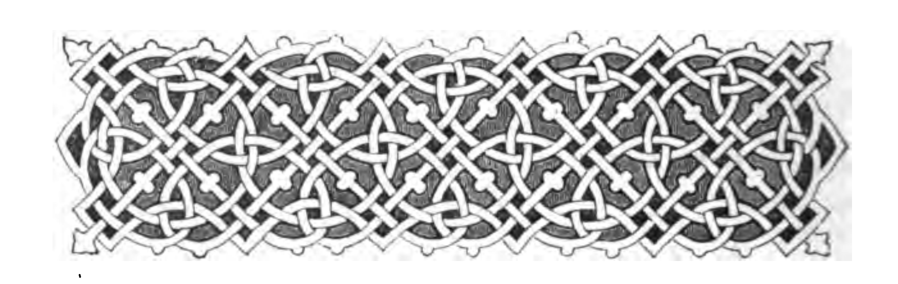
Да здравствуетъ Калигула, нашъ цезарь
Божественный! — Да здравствуетъ!.. — Кого
Въ замѣну консула ты дашь, властитель,
Народу Рима?

КАЛИГУЛА, съ презрѣніемъ.

Моего коня!

В. Буренинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ВОСПОМИНАНІЯ О С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1852—1856 ГОДАХЪ.

Въ числѢ моихъ бумагъ находятся наброски о многомъ пережитомъ, видѣнномъ и перечувствованномъ мною въ теченіи моей жизни, между прочимъ, и замѣтки, относящіяся къ тому времени, когда я былъ студентомъ С.-Петербургскаго университета. Съ тѣхъ поръ прошло около тридцати лѣтъ. Многія изъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ образованія, сошли въ могилу, другія навсегда окончили свою ученую дѣятельность. Но, какова бы ни была ихъ ученая дѣятельность, они, безспорно, должны были имѣть и имѣли громадное вліяніе на массу тогдашней учащейся молодежи, и память о нихъ осталась въ средѣ весьма многихъ лицъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ с.-петербургскому университету. То время замѣчательно, въ особенности, отразившимся на немъ характеромъ жестокаго перелома: конецъ царствованія императора Николая Павловича и восшествіе на престолъ императора Александра Николаевича, начало Крымской войны, сдача Севастополя и Парижскій трактатъ 1856 г., стѣсненіе самостоятельныхъ стремленій къ образованію, съ учрежденіемъ всевозможныхъ цензуръ, полнымъ ограниченіемъ печатнаго слова и комплекта учащихся,—и, вдругъ, разомъ, полная свобода, полный доступъ всѣхъ сословій въ учебныя заведенія. Съ одной стороны, отживающій порядокъ вещей и рьяные его приверженцы, всѣми силами цѣпляющіеся за сгнившія, готовыя рухнуть, послѣднія опоры формализма и рутины, съ другой, — внезапный разсвѣтъ, близкая надежда на осуществленіе завѣтныхъ идеаловъ и цѣлей.

Эти характеристичныя черты той эпохи и побудили меня, въ настоящее время, собрать въ одно цѣлое мои личныя впечатлѣнія, во время пребыванія моего въ Петербургскомъ университетѣ, и издать ихъ въ свѣтъ. Какъ бы ни были бѣдны и блѣдны эти впечатлѣнія, я думаю, что читатель, а тѣмъ болѣе изслѣдователь бытовыхъ сторонъ пятидесятыхъ годовъ русской жизни, найдетъ въ моихъ замѣткахъ, до нѣкоторой степени, пригодный матеріалъ.

I.

До моего поступленія въ Петербургскій университетъ, я воспитывался дома. Мой отецъ рѣшилъ лучше самому постоянно слѣдить за моимъ образованіемъ, нежели отдать меня на сторону, въ приготовительный пансіонъ или въ какое либо изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Я былъ единственнымъ сыномъ; съ отцомъ меня связывали и дружба, и постоянное житье вмѣстѣ. Ему, безъ сомнѣнія, было бы тяжело разстаться со мною, измѣнивъ, такимъ образомъ, весь строй прежней жизни: мы жили только вдвоемъ, — моя мать умерла, когда мнѣ было всего одиннадцать мѣсяцевъ. Одинокая жизнь, безъ товарищей, безъ соревнованія въ ученіи и играхъ съ другими мальчиками, произвела на меня странное, но вполнѣ объяснимое вліяніе: я былъ нелюдимъ, робѣлъ въ обществѣ и жилъ преимущественно головою: самыя фантастическія понятія о жизни и о людяхъ, не имѣвшія ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности, приходили мнѣ на умъ, создавались какіе то волшебные замки, зараждались призрачныя фантазіи, — и все это черпалось изъ книгъ, которыхъ въ нашей библіотекѣ было до десятка тысячъ томовъ самаго разнообразнаго содержанія.

Мой отецъ обладалъ достаточными средствами для того, чтобы, какъ говорилось тогда, дать мнѣ «приличное» домашнее воспитаніе. Кромѣ того, будучи самъ всегда одинокимъ, всегда замкнутымъ въ своей ученой сферѣ, чуждаясь всякихъ знакомствъ, за исключеніемъ обязательныхъ сношеній по службѣ или поддержанія родственныхъ связей, онъ, очевидно, нѣсколько опасался втолкнуть меня сразу въ ту среду, которая могла бы, по его мнѣнію, повліять дурнымъ образомъ на мою нравственную сторону.

Подготовка шла довольно успѣшно при помощи учителей, изъ которыхъ большая часть были люди добросовѣстные, знавшіе свой предметъ всесторонне и окончившіе курсъ въ университетѣ.

Съ благодарностію вспоминаю я, въ особенности, о тогдашнихъ молодыхъ моихъ наставникахъ В. М. Ведровѣ, М. И. Скобликовѣ, И. А. Дмитріевѣ и Н. А. Лавровскомъ (только что вышедшемъ тогда изъ Главнаго Педагогическаго института и получившемъ золотую медаль); они относились ко мнѣ въ высшей степени сочув-

ственно, радовались моимъ успѣхамъ, когда таковые оказывались,— и, вообще, заботились постоянно о моемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Наибольшее вліяніе оказалъ на меня, въ послѣднее время, Н. А. Лавровскій: при самомъ строгомъ, серьозномъ отношеніи къ дѣлу воспитанія, онъ на столько сблизился со мною, что наши дружественныя отношенія,—на сколько они могли существовать между взрослымъ мальчикомъ и опытнымъ педагогомъ,—продолжались не только во время моего пребыванія въ университетѣ, но и по выходѣ изъ него. Съ такимъ же чувствомъ признательности вспоминаю о почтенномъ протоіереѣ П. Ѳ. Солярскомъ, субъ-инспекторѣ университета Э. А. Бостремѣ и преподавателѣ французскаго языка г. Жакне. Второй изъ нихъ училъ меня одновременно англійскому и нѣмецкому языкамъ, а также и музыкѣ, которую въ послѣдствіи преподавалъ мнѣ Э. А. Кламротъ, (бывшій директоромъ оркестра въ Александринскомъ театрѣ при драматическихъ спектакляхъ) уже въ то время, когда я былъ въ университетѣ. Добрый и всѣми любимый Э. А. Бостремъ скончался почти внезапно, вскорѣ по вступленіи моемъ въ университетъ.

Музыка не пошла мнѣ въ прокъ, хотя я учился семь лѣтъ и отецъ купилъ мнѣ беккеровскій рояль, за который заплатилъ 750 руб. Правда, я наигрывалъ кое какъ разные вальсы и польки, даже сочинялъ музыку къ чувствительнымъ романсамъ, но у меня не было ни музыкальнаго слуха, ни прилежанія.

Точно также хромали и языки, въ особенности нѣмецкій и латинскій, къ которымъ я чувствовалъ, до нѣкоторой степени, отвращеніе. Англійскій шелъ лучше, а во французскомъ я имѣлъ достаточную практику, благодаря моему отличному учителю, г. Жакне.

Дѣло домашняго воспитанія, въ послѣдніе годы, пошло несравненно лучше прежняго: лѣнь стала пропадать, близость университета, мысль о предстоящихъ роковыхъ экзаменахъ заставляли меня по цѣлымъ ночамъ сидѣть за книгами; многое,—и очень многое,—приходилось, къ несчастію, долбить наизусть; какъ то совершенно внезапно, я пристрастился къ русской литературѣ и всеобщей исторіи, сталъ писать историческія сочиненія, дѣлалъ извлеченія, и это послужило мнѣ къ выработкѣ извѣстнаго «слога», которому завидовали мнѣ, конечно, только мои университетскіе товарищи.

Наступило, наконецъ, время, когда слѣдовало рѣшить весьма важный вопросъ: въ какой именно поступить мнѣ факультетъ. Къ математикѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго расположенія, хотя занимался ею поневолѣ; къ древнимъ языкамъ тоже не чувствовалъ никакой охоты; оставался, слѣдовательно, одинъ факультетъ—юридическій, раздѣлявшійся на два разряда: юридическій и камеральный.

Въ который изъ этихъ двухъ разрядовъ поступить было мнѣ безразлично: о юридическихъ наукахъ я имѣлъ самое смутное понятіе, точно такъ же, какъ и о естественныхъ. Мой отецъ склонялся на сторону камеральнаго разряда, возникшаго послѣ другихъ разрядовъ, какъ говорили, по иниціативѣ профессора В. И. Порошина, прожившаго много лѣтъ за границею и слывшаго за большаго либерала. Я уже не засталъ его въ университетѣ.

Камеральный разрядъ былъ мнѣ тоже понутру: въ немъ, между прочимъ, преподавались науки, привлекавшія меня по наслышкѣ: политическая экономія и статистика, сельское хозяйство и земледѣліе; ботаника, зоологія, даже строительное искусство.

Такимъ образомъ, по обоюдномъ соглашеніи, было рѣшено, что я поступлю въ камеральный разрядъ, который, собственно говоря, представлялъ собою чистѣйшій винигретъ, давая образованіе энциклопедическое, причемъ хватались только верхушки, а при выборѣ дальнѣйшей дѣятельности, окончившій курсъ находился точно въ лѣсу, не зная, какую выбрать себѣ спеціальность или, что то же, карьеру.

Мой отецъ, давно будучи профессоромъ и академикомъ русской исторіи, пріобрѣлъ себѣ въ университетѣ самостоятельное значеніе, въ теченіи двѣнадцати лѣтъ онъ былъ постоянно избираемъ въ деканы историко-филологическаго факультета и неоднократно исправлялъ должность ректора, въ отсутствіе П. А. Плетнева. Отношенія его къ сослуживцамъ — товарищамъ по наукѣ, были вообще сдержанны и холодны, что̀, разумѣется, зависило отъ его характера; но, какъ я слышалъ впослѣдствіи отъ множества его бывшихъ слушателей, молодежь его любила за непоколебимую честность и справедливость. Впрочемъ, съ нѣкоторыми изъ префессоровъ онъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ знакомства, такъ на примѣръ съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, съ А. А. Воскресенскимъ (профессоромъ химіи), М. С. Куторгой (профессоромъ всеобщей исторіи, женатымъ на моей теткѣ) и нѣкоторыми другими. Глубоко напечатлѣлись мнѣ въ памяти отношенія отца къ П. А. Плетневу. Мой отецъ зналъ его давно, еще въ то время, когда жилъ Пушкинъ; да и Пушкинъ интересовался трудами отца, который видѣлся съ нимъ раза два или три, незадолго до смерти Александра Сергѣевича, въ магазинѣ Смирдина. Отецъ часто разсказывалъ мнѣ про свиданія съ Пушкинымъ, который раза два — три обращался къ моему отцу съ распросами о предполагаемыхъ имъ къ изданію историческихъ трудахъ. Въ «Отрывкахъ изъ дневника» (Соч. Пушкина, изд. 3, подъ редакціей Ефремова, 1881 г. т. V, стр. 239) Пушкинъ пишетъ: «17-го марта 1834 года Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь»! Процесса Никона мой отецъ не издалъ.

П. А. Плетневъ имѣлъ обыкновеніе прогуливаться вечеромъ по набережной Невы; разъ-два въ недѣлю онъ регулярно заходилъ къ моему отцу, жившему со мною въ домѣ Академіи Наукъ, на углу 7-й линіи и набережной; — въ девять часовъ выпивалъ стаканъ чая, выкуривалъ сигару и въ 10 часовъ уходилъ домой. Не знаю, о чемъ они говорили, — изъ деликатности въ кабинетъ отца я не входилъ во время посѣщеній. Знаю только, что П. А., покуривая сигару, большею частью прохаживался по комнатѣ и больше говорилъ самъ, такъ какъ мой отецъ былъ вообще не словоохотливъ. Очень живо до сихъ поръ представляется мнѣ въ памяти этотъ прекрасный, добрѣйшей души человѣкъ, соединявшій въ себѣ всѣ привязанности и симпатіи тогдашнихъ славныхъ представителей литературы, помогавшій имъ словомъ и дѣломъ, ходатайствовавшій за нихъ передъ царемъ, покровительствовавшій имъ въ первыхъ начинаніяхъ. Высокаго роста, съ слегка склонившеюся на плечо головою, тихій, скромный, мягкою поступью проходилъ онъ по комнатамъ...

Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, относился къ моему отцу съ большимъ уваженіемъ. Въ такихъ же хорошихъ отношеніяхъ находился мой отецъ и съ попечителемъ Петербургскаго университета, Михаиломъ Николаевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, извѣстнымъ своимъ крутымъ нравомъ, грубостью, самодурствомъ и самымъ строгимъ обращеніемъ съ университетскою молодежью, не исключая даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и профессоровъ.

II.

По высочайшему повелѣнію, состоявшемуся, сколько мнѣ помнится, года за три до поступленія моего въ университетъ, число студентовъ было ограничено 300 чел. Попасть въ комплектъ студентовъ своекоштныхъ было чрезвычайно трудно: помимо казеннокоштныхъ стипендіатовъ изъ гимназій, разныхъ институтовъ и т. п., входившихъ, равнымъ образомъ, въ этотъ ограниченный контингентъ, существовала масса желающихъ, подобно мнѣ, но не слушавшихъ курсъ ни въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Для послѣднихъ лицъ предназначалось весьма не много вакансій, и студентами зачислялись лишь получившіе наибольшее, сравнительно, количество балловъ; остальные же имѣли право записываться вольно-слушателями, но пользовались меньшими правами; такъ, напримѣръ, для нихъ не существовало степени дѣйствительнаго студента, а должны были они держать прямо выпускной экзаменъ, за всѣ четыре года, на степень кандидата.

При тогдашнихъ порядкахъ, значительною льготою считалось то постановленіе, что молодые люди, не воспитывавшіеся въ сред-

нихъ учебныхъ заведеніяхъ, могли держать вступительный экзаменъ, съ разрѣшенія попечителя, не въ августѣ, какъ принято было для всѣхъ, а въ маѣ, т. е. тремя мѣсяцами ранѣе.

Въ виду моего слабаго здоровья, дѣйствительно разстроеннаго усиленными занятіями, и просьбы отца о томъ, чтобы мнѣ дана была возможность уѣхать на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ изъ Петербурга по окончаніи вступительныхъ экзаменовъ, М. Н. Мусинъ-Пушкинъ разрѣшилъ подвергнуть меня испытанію вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, получившими домашнее образованіе, въ маѣ 1852 года.

Хорошо помню я это время, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло болѣе тридцати лѣтъ. 2-го мая 1852 года, облеченный во фракъ, повязавъ на шею бѣлый галстугъ, я съ трепещущимъ сердцемъ вступилъ въ стѣны университета. Впрочемъ, вступленіе въ эти стѣны не было для меня новинкой: уже нѣсколько лѣтъ я говѣлъ въ университетской церкви, бывалъ въ ней и въ заутреню на Свѣтлое Христово Воскресенье, очень хорошо зналъ извѣстнаго весьма почтеннаго человѣка — швейцара университета, Савельича, который нерѣдко своими «репартіями» озадачивалъ самого Михаила Николаевича. Вообще, Савельичъ отличался невозмутимымъ хладнокровіемъ; высокаго роста, сѣдой, всегда опрятно одѣтый, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ съумѣлъ какъ-то невольно внушать къ себѣ привязанность всѣхъ находящихся въ университетѣ, начиная со сторожа и кончая профессорами.

Какъ часто, проходя по длиннымъ корридорамъ, съ величайшимъ интересомъ, посматривалъ я въ открытыя двери на тѣ аудиторіи, въ которыхъ, по словамъ моего отца, мнѣ предстояло въ скоромъ времени слушать лекціи. Самою большою была XI; въ ней обыкновенно читалъ С. С. Куторга лекціи зоологіи и сравнительной анатоміи, привлекавшія массу студентовъ, даже и тѣхъ, для которыхъ было не обязательно ихъ слушаніе. Затѣмъ, въ ней же засѣдалъ профессоръ богословія, протоіерей Райковскій, но единственно потому, что предметъ его чтеній — богословіе, логика, психологія и церковные законы — былъ обязателенъ для всѣхъ курсовъ и для всѣхъ разрядовъ. Преподавали въ этой аудиторіи еще и другіе профессора, читавшіе для бо̀льшей части студентовъ.

Нѣсколько меньшей величины слѣдовала аудиторія V, въ которой, между прочимъ, читалъ и мой отецъ лекціи изъ русской исторіи для юристовъ, камералистовъ, филологовъ и восточниковъ.

Однако, ни въ одной изъ этихъ издавна знакомыхъ аудиторій не пришлось мнѣ держать экзаменъ: онъ происходилъ въ дежурной комнатѣ для профессоровъ, направо изъ небольшой пріемной, при входѣ съ лѣстницы.

Изъ закона божія экзаменовалъ меня профессоръ Райковскій; изъ исторіи и географіи — адъюнктъ-профессръ М. И. Касторскій.

изъ ариѳметики, алгебры, геометріи и тригонометріи (а также логариѳмы) извѣстный профессоръ математики О. И. Сомовъ (впослѣдствіи академикъ); изъ физики — профессоръ Э. Х. Ленцъ; изъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ — И. В. Штейнманъ (впослѣдствіи директоръ Историко-филологическаго института).

Долженъ замѣтить, между прочимъ, что въ то время мнѣ еще не было 16-ти лѣтъ: до августа не доставало 3-хъ мѣсяцевъ; но такъ какъ баллы должны были считаться сравнительно съ баллами прочихъ молодыхъ людей, поступающихъ въ августѣ, то мой ранній возрастъ, или, лучше сказать, недочетъ до установленнаго закономъ числа лѣтъ, не являлся препятствіетъ къ держанію экзаменовъ въ маѣ.

Никогда не подвергался я публичному экзамену, даже ни разу не видалъ прежде тѣхъ «жрецовъ науки», т. е. профессоровъ, которые въ моемъ воображеніи казались мнѣ неумолимо строгими и какими-то недосягаемыми существами. Однако, трепетъ началъ мало-по-малу проходить и къ концу перваго дня почти совершенно пропалъ, особенно, когда я вполнѣ удовлетворительно рѣшилъ задачи, предложенныя мнѣ Сомовымъ. По окончаніи экзамена, онъ обратился къ моему отцу, вошедшему въ ту минуту въ профессорскую комнату, съ заявленіемъ, что я недурно подготовленъ изъ математики и спросилъ, кто былъ моимъ учителемъ. Отецъ назвалъ М. Скобликова, поступившаго черезъ годъ доцентомъ по технологіи и скончавшагося отъ чахотки мѣсяца черезъ три по защищеніи диссертаціи на степень магистра технологіи.

Въ первый день я получилъ полное количество балловъ изъ всѣхъ предметовъ; вообще, экзаменъ не былъ въ дѣйствительности на столько строгимъ, на сколько онъ мнѣ представлялся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я ощущалъ даже нѣсколько комическое впечатлѣніе: оказалось, что я зналъ по нѣкоторымъ предметамъ болѣе чѣмъ требовалось. Катехизисъ, евангеліе, тексты изъ св. Писанія я выучилъ въ долбяшку. Изъ исторіи я разсказалъ по Лоренцу, а не по Смарагдову; изъ математики такъ скоро вычислилъ логариѳмы, что самъ удивился своей прыти. Но комизмъ былъ здѣсь еще и другаго рода. Такъ, напримѣръ, гроза студентовъ, профессоръ богословія А. И. Райковскій, о которомъ я не разъ слыхивалъ прежде, встрѣтилъ меня въ весьма невзрачномъ видѣ: его ряса была замаслена, лицо красное и лоснилось; кромѣ того, въ произношеніи ясно проглядывали какое-то заиканіе и непріятный гнусливый тонъ. Своими манерами онъ рѣзко отличался отъ моего преподавателя закона божія, протоіерея П. Θ. Солярскаго. Этими словами я нисколько не хочу сказать что-либо неподходящее къ памяти о. Райковскаго, слывшаго умнымъ человѣкомъ и отличавшагося своею діалектикою въ спорахъ съ раскольниками и сектантами; знаніемъ церковныхъ книгъ онъ обладалъ громаднымъ.

Еще болѣе странное впечатлѣніе произвелъ на меня адъюнктъ-профессоръ всеобщей и русской исторіи, М. И. Касторскій (бывшій впослѣдствіи цензоромъ). Одна его физіономія съ приподнятыми, взъерошенными волосами, маленькими глазами и широкими выдающимися скулами, нѣсколько похожая на калмыцкій типъ, совершенно разсѣяла мой страхъ. Начиная говорить, Касторскій необычайно надувалъ щеки, натуживался, краснѣлъ и вдругъ выпаливалъ фразою, которая никакъ не могла считаться образцомъ краснорѣчія.

III.

Я уже и теперь чувствую, какъ мнѣ будетъ трудно и неловко представлять хотя бы поверхностную характеристику тѣхъ профессоровъ, которые преподавали въ то время въ университетѣ и къ которымъ я относился совершенно безпристрасно, или, лучше сказать, совершенно равнодушно, имѣя съ ними дѣло, большею частью, во время переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. Тотъ, кто помнитъ это время, пойметъ хорошо, о комъ я говорю; тому же, кто не знаетъ этого времени, все равно, стану ли я называть фамиліи или нѣтъ? Я благодаренъ всѣмъ моимъ профессорамъ за принесенную ими мнѣ пользу; но, конечно, каждый изъ нихъ, по своимъ способностямъ, приносилъ эту пользу неравномѣрно.

Весьма памятны мнѣ пріемные экзамены изъ русской исторіи и русской словесности. Меня экзаменовалъ, въ присутствіи моего отца и В. В. Никитенко, самъ М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Ни живъ, ни мертвъ, подошелъ я къ столу, взглянулъ на моего отца, спокойно сидѣвшаго по правую руку попечителя, и ожидалъ вопросовъ отъ грознаго Михаила Николаенича.

Изъ русской исторіи онъ предложилъ мнѣ вопросъ о томъ, кто былъ первый митрополитъ. Я отвѣтилъ: «Іовъ». «Прекрасно, сказалъ попечитель;—а въ которомъ году былъ Констанскій соборъ?» Положимъ, это нисколько не относилось къ русской исторіи, но, тѣмъ не менѣе, я отвѣтилъ вѣрно (теперь, конечно, я не помню). Попечитель остался доволенъ и, крякнувъ, обратился къ моему отцу съ словами: «Вашъ юноша приготовленъ основательно». Тогда онъ передалъ меня А. В. Никитенко, предложившему мнѣ написать тутъ же сочиненіе о царствованіи Іоанна III. Сочиненіе было удостоено 5+ балловъ. Конечно, попечитель прочелъ его и вдругъ громовымъ голосомъ закричалъ на меня: «Какъ ты смѣешь въ русскомъ университетѣ писать фразу: Іоаннъ III втолкнулъ Россію въ разрядъ **цивилизованныхъ** государствъ? Развѣ нельзя сказать **образованныхъ**? Видно, вамъ, молодымъ людямъ, русскія науки преподаются иностранцами!»

Дѣйствительно, эта фраза была мною написана въ сочиненіи; но я никакъ не могъ предположить, чтобы слова цивилизованный и цивилизація были изгнаны изъ обращенія въ русскомъ университетѣ, единственно по волѣ М. Н. Мусина-Пушкина.

Изъ нѣмецкаго и латинскаго языковъ меня экзаменовалъ И. Б. Штейнманъ, женатый на родственницѣ знаменитаго въ свое время профессора Грефе; это былъ человѣкъ извѣстный своею добротою, симпатичностью и мягкостью характера. Изъ физики я, что называется, «провалился». Э. Х. Ленцъ экзаменовалъ меня въ физическомъ кабинетѣ. Довольно полный, въ форменномъ вицъ-мундирѣ, очень представительной наружности, типа чистѣйшаго нѣмецкаго бюргера, съ волосами, зачесанными впередъ на вискахъ, съ выговоромъ нѣмецкаго пошиба, онъ прежде всего задалъ мнѣ вопросъ о «магдебургскихъ полушаріяхъ». Съ большою самоувѣренностью, я отвѣтилъ, что если изъ этихъ полушарій вытянуть воздухъ, то разъединить ихъ невозможно. Тогда Э. Х., взявъ мѣлъ и подойдя къ доскѣ, доказалъ мнѣ, простымъ вычисленіемъ, что степень трудности ихъ разъединенія зависитъ только отъ величины наружной поверхности полушарій.

Долженъ замѣтить, что хотя физика меня очень интересовала, но занимался я ею только въ послѣдніе мѣсяцы передъ экзаменомъ и очень поверхностно прочелъ самые трудные отдѣлы о свѣтѣ, электричествѣ и теплотѣ. Мнѣ даже говорили, что обыкновенно на пріемномъ экзаменѣ изъ этихъ отдѣловъ почти никогда не предлагается вопросовъ, точно такъ же, какъ, напр., никогда не предлагалось изъ русской исторіи вопросовъ объ удѣльномъ періодѣ, составлявшемъ камень преткновенія для учащихся. Какъ нарочно, послѣ «магдебургскихъ полушарій», Ленцъ спросилъ меня о строеніи глаза и предложилъ подойти къ доскѣ для того, чтобы нарисовать кристаликъ, роговую оболочку и проч. Рисованіемъ я никогда не отличался и тутъ окончательно сплоховалъ.

Затѣмъ былъ заданъ вопросъ объ электричествѣ. Я начиналъ трепетать. Съ добродушно-ироническою улыбкой, Ленцъ спросилъ меня, имѣю ли я понятіе объ электричествѣ. Но тутъ, вдругъ, я почувствовалъ себя въ своей сферѣ: у меня дома была электрическая машина. Много денегъ, щедро даваемыхъ отцомъ, тратились на нее: лейденскія банки, змѣйки, куклы изъ бузинной сердцевины, иллюминаціи и т. п.—все это было мнѣ извѣстно. Я подошелъ къ огромной электрической машинѣ, находившейся въ физическомъ кабинетѣ, и началъ эксперементировать. Это такъ понравилось Ленцу, что онъ, промучивъ меня болѣе получаса, поставилъ мнѣ четверку. Я былъ жестоко раздосадованъ на самого себя, вполнѣ сознавая, что и четверки было для меня черезъ чуръ много.

Экзамены окончились благополучно: изъ всѣхъ предметовъ, кромѣ нѣмецкаго языка и физики, я получилъ по пяти балловъ. Вмѣстѣ

со мною экзаменовались и еще нѣсколько молодыхъ людей, тоже во фракахъ, но я не познакомился съ ними, будучи весь преданъ лишь одной мысли,—мысли о выдержаніи экзамена.

Какое наслажденіе, какое торжество было для меня, когда 8-го мая я надѣлъ на себя студенческій мундиръ, прицѣпилъ къ боку шпагу и нахлобучилъ на голову безобразную треугольную шляпу! Восторгу моему не было предѣловъ, я насилу узнавалъ самого себя!.. Очень неловко было мнѣ въ этой огромной треуголкѣ, особенно когда приходилось держать ее въ лѣвой рукѣ, входя въ комнату. Конечно, прежде всего, я представился нашему инспектору—всѣми любимому Александру Ивановичу [1]), память о которомъ, какъ о человѣкѣ добромъ и защитникѣ молодежи, осталась незабвенною въ университетѣ. Маленькаго роста, худощавый, съ острымъ носомъ, густыми сѣдыми бровями, необычайно юркій, проворный, добрый, несмотря на свой строгій видъ,—Александръ Ивановичъ такъ отлично умѣлъ себя поставить, что студенты его слушались и уважали. Въ немъ былъ тактъ, была выдержка, сочувствіе къ нуждамъ бѣдняковъ и горячее, человѣчное сердце.

Насупивъ свои густыя брови, онъ тотчасъ же потрепалъ меня по плечу и съ улыбкою промолвилъ:

— Хорошо, хорошо! завтра къ попечителю, ровно въ девять, я тамъ буду.

Затѣмъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, вонзился глазами въ мою треуголку и прибавилъ:

— Чтобы перчатки были замшевыя!

Попечитель жилъ на Сергіевской, сколько мнѣ помнится. Я всталъ чуть ли не въ пять часовъ, да ѐдва ли сомкнулъ глаза въ теченіе ночи. И вотъ я явился предъ грозныя очи. Отвѣсивъ глубокій поклонъ, я остался неподвиженъ...

— Занимайся, занимайся! проговорилъ попечитель, предварительно взглянувъ, все ли у меня въ порядкѣ и нѣтъ ли какого нибудь франтовства. Я даже цѣпочку отъ часовъ запряталъ себѣ за мундиръ.

— Ну, куда ты теперь ѣдешь?

— Въ Павловскъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ я съ замираніемъ сердца.

— Поѣзжай! Только чтобы форму соблюдать! проговорилъ попечитель грознымъ тономъ.

Попечитель былъ одѣтъ въ сѣрую шинель, служившую у него, вѣроятно, вмѣсто халата. Кабинетъ его былъ маленькій, неопрятный, неубранный. Очевидно, онъ былъ спартанецъ.

Въ залѣ встрѣтилъ меня Александръ Ивановичъ.

---

[1]) А. И. Фицтумъ фонъ Экстедтъ.

— Ну, батюшка, убирайтесь теперь съ Богомъ. При этомъ онъ меня поцѣловалъ.

На другой день отецъ увезъ меня въ Павловскъ, на дачу.

IV.

Я слишкомъ много говорю о себѣ; но это необходимо теперь для того, чтобы представить окружавшую меня обстановку.

Въ Павловскѣ жилъ на дачѣ министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ. Отцу моему чуть ли не каждый день приходилось ѣздить въ городъ: въ университетѣ держалъ экзаменъ на степень магистра русской словесности молодой человѣкъ, впослѣдствіи извѣстный писатель, Н. Г. Ч—скій. Онъ представилъ диссертацію «Объ эстетическомъ отношеніи искусства къ дѣйствительности». Диссертація была предварительно разсмотрѣна моимъ отцомъ и одобрена, затѣмъ поступила на разсмотрѣніе историко-филологическаго факультета, который тоже ее одобрилъ. Ч—скій выдержалъ «экзаменъ» на степень магистра и ее диссертація была напечатана съ разрѣшенія университета, за подписью моего отца. Публичный диспутъ былъ назначенъ на дняхъ.

Едва ли не наканунѣ диспута, Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, проѣздомъ изъ Павловска въ Петербургъ, встрѣтился въ вагонѣ съ моимъ отцомъ.

— Николай Герасимовичъ! что вы надѣлали! воскликнулъ министръ, увидѣвъ моего отца.—Какъ могли вы пропустить диссертацію Ч—скаго? Вчера, ложась спать, я просмотрѣлъ ее. Вѣдь это вещь невозможная! Вѣдь это полнѣйшее отрицаніе искуства и изящнаго!.. Помилуйте!.. Сикстинская мадонна и Форнарина — итальянка-натурщица. Къ чему же сводится искусство? Это невозможно, невозможно!

Отецъ замѣтилъ, что диссертація одобрена совѣтомъ, что экзаменъ выдержанъ магистрантомъ, диссертація напечатана и день диспута назначенъ.

— Отмѣнить! остановить все это! Я не могу согласиться! рѣшилъ Норовъ.—Какъ хотите, но такая диссертація невозможна и все это дѣло слѣдуетъ окончить.

Абрамъ Сергѣевичъ былъ очень добрый, знающій и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, передовой человѣкъ. Но онъ отличался крайнею слабостью характера. Очень можетъ быть, что кто нибудь изъ «приверженцевъ» какъ его, такъ и существовавшаго въ то время порядка, нарочно обратилъ его вниманіе на диссертацію Ч—скаго. Такимъ образомъ, вышелъ престранный и доселѣ небывалый казусъ.

Несмотря на утвержденіе совѣта, Ч—скій, выдержавъ экзаменъ на магистра, не получилъ этой степени, напечатанная диссертація его была конфискована, экзаменъ не былъ принятъ во вниманіе и, конечно, въ его глазахъ вся эта процедура должна была казаться жалкою и пустою комедіей.

V.

16-го августа начались лекціи. Въ первомъ курсѣ камеральнаго разряда преподавали: богословіе и логику — профессоръ протоіерей Райковскій; государственное право — профессоръ Калмыковъ; учрежденія Россійской имперіи — адъюнктъ-профессоръ В. А. Милютинъ; земледѣліе — профессоръ С. М. Усовъ; ботанику — профессоръ И. О. Шиховскій; зоологію — профессоръ С. С. Куторга; древнюю исторію — адъюнктъ-профессоръ Касторскій; русскую исторію — профессоръ Устряловъ. Кромѣ того, студенты должны были обязательно посѣщать лекціи по одному изъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ и держать изъ него экзаменъ въ теченіе четырехлѣтняго курса. Я избралъ французскій языкъ, какъ наиболѣе для меня доступный и интересный. Его преподавалъ лекторъ Жюль Перрò, бойкій и начитанный человѣкъ, довольно порядочно говорившій по русски. Въ былое время онъ служилъ въ рядахъ французской арміи, захватилъ ревматизмъ въ ногахъ и ходилъ на костыляхъ. Его познанія во французской литературѣ были, кажется, не особенно велики: по крайней мѣрѣ, онъ съ нами занимался исключительно переводами стихотвореній Пушкина и Лермонтова французскими стихами. Безъ сомнѣнія, переводы были имъ же подготовлены заранѣе; впослѣдствіи, сколько помнится, они были гдѣ-то напечатаны. Дѣло не обходилось безъ разныхъ кунштюковъ, доставлявшихъ намъ не мало развлеченія. Такъ напримѣръ стихи Лермонтова:

«По синимъ волнамъ океана,
«Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
«Корабль одинокій несется,
«Несется на всѣхъ парусахъ», —

онъ переводилъ:

«Sur l'océan aux eaux d'azur
«Le vaisseau-fantôme s'élance»...

Далѣе я не помню. Впрочемъ, Перро былъ человѣкъ способный, но умеръ въ нищетѣ, въ какомъ-то госпиталѣ.

Нѣмецкій языкъ преподавали сперва Эльснеръ, потомъ докторъ Мейеръ, бывшій впослѣдствіи редакторомъ «С.-Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей». Англійскимъ языкомъ занимался

Шау, извѣстный своею англійскою грамматикою для русскихъ. Этихъ послѣднихъ трехъ лекторовъ я не слыхалъ ни разу.

О профессорахъ Райковскомъ и Касторскомъ я уже говорилъ отчасти. Ихъ лекціи отличались непроходимою скукою. Собственно говоря, слушать ихъ не предстояло ни какой надобности. Стоило лишь, для лекцій перваго, купить «Догматическое богословіе», архимандрита Макарія (впослѣдствіи митрополита московскаго) и записки литографированныя изъ теоретическаго богословія, продававшіяся у нашего швейцара Савельича руб. за 7 или 8, и по этимъ двумъ пособіямъ легко можно было приготовиться къ экзамену изъ богословія. Но попечитель, бывая на лекціяхъ ежедневно, весьма строго слѣдилъ за посѣщеніемъ ихъ студентами, въ особенности новичками, а потому приходилось поневолѣ испытывать непреодолимую скуку, не ожидая себѣ никакой пользы. Что же касается Касторскаго, то для него было совершенно достаточно не только руководства Лоренца, но и Смарагдова, котораго мы уже учили, приготовляясь къ вступительному экзамену.

С. М. Усовъ читалъ земледѣліе по литографированнымъ запискамъ, чуть ли не десятки лѣтъ переходившимъ отъ одного поколѣнія студентовъ къ другому. Придерживался онъ ихъ весьма строго и настойчиво, не пропуская ни единой буквы и твердо отвергая новѣйшія системы сельскаго хозяйства. Его любимыми авторами были Ж. Б. Сэ, Адамъ Смитъ и Тэръ. Его лекціи отличались снотворностью: ни малѣйшаго выдающагося факта, ни малѣйшей интересной подробности, которые хотя бы на одну минуту могли обратить на себя наше вниманіе. Даже самъ голосъ профессора, ровный, методичный, съ большими паузами, невольно наводилъ дремоту. Устарѣлыя системы давно уже были видоизмѣнены наукою, на основаніи теоріи и практики; мы знали, мелькомъ пробѣгая сочиненія новѣйшихъ писателей, въ особенности иностранныхъ, что существуютъ, нововведенія, практическія приспособленія и т. п., а объ нихъ въ лекціяхъ совсѣмъ не упоминалось. Мало того: лекціи почтеннѣйшаго С. М. Усова, преимущественно въ послѣдующихъ курсахъ, значительно разнились, въ своихъ опредѣленіяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ, отъ тѣхъ лекцій, въ которыхъ другіе профессора трактовали о томъ же.

Такъ напримѣръ, Усовъ придерживаясь устарѣвшихъ теорій, провозглашалъ въ своемъ «Сельскомъ Хозяйствѣ», что капиталъ есть богатство, а И. Я. Горловъ, въ III курсѣ политической экономіи, объяснялъ, что капиталъ есть трудъ; профессоръ же Кранихфельдъ, въ теоретической части финансоваго права, выражалъ ту мысль, что капиталъ есть совокупность результатовъ труда и знанія. Изъ этого одного примѣра легко представить себѣ, насколько вѣрныя опредѣленія могли мы имѣть объ одномъ и томъ же предметѣ у разныхъ профессоровъ и въ различныхъ курсахъ.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличались лекціи ботаники. Профессоръ И. О. Шиховскій, человѣкъ весьма зоркій, съ сморщенными, вѣчно-смѣющимися глазками, въ коротенькихъ панталонахъ, съ порядочнымъ брюшкомъ, входилъ въ ботаническій кабинетъ, обыкновенно держа въ рукахъ довольно объемистый пучекъ засохшихъ растеній, имѣвшій немалое сходство съ вѣникомъ. Стебли этого пучка онъ раздавалъ каждому студенту для того, чтобы тотъ опредѣлилъ, къ какому классу, роду и виду принадлежитъ попавшій ему въ руки растительный предметъ. Все это время онъ ходилъ по аудиторіи, ни разу не присаживаясь на каѳедру, и говорилъ вещи, наименѣе всего относившіяся къ ботаникѣ: такъ, напримѣръ, разсказывалъ, что вздорожала капуста, а картофель упалъ въ цѣнѣ; что кухарки имѣютъ сдѣлки съ овощными торговцами и обманываютъ своихъ господъ, покупая дурныя овощи; что человѣкъ, знающій ботанику, сейчасъ же отличитъ хорошія овощи отъ дурныхъ, и проч. Все это приправлялось ужимочками, улыбочками, простодушными анекдотиками и самыми наивными сужденіями. Эти лекціи производили на насъ какое то подавляющее впечатлѣніе пустоты, доводившей до крайней истомы. Мы рѣшительно не знали въ началѣ, что дѣлать съ этими вѣниками и пучками, и въ чемъ же заключалась, собственно, ботаника, — неужели въ этихъ несносныхъ анекдотахъ?.. Наконецъ, рѣшили: пучки и вѣники бросать подъ столъ, а къ экзамену приготовляться по недавно вышедшему руководству, изданному нашимъ же профессоромъ.

Первыя лекціи моего отца, гдѣ говорилось объ источникахъ и учебныхъ пособіяхъ для изученій русской исторіи, представляли нѣкоторый интересъ съ научной точки зрѣнія. Далѣе лекціи, разсказывались по его же пространному руководству, слѣдовательно, не заключали въ себѣ ничего новаго. Иногда только онъ нѣсколько оживлялся, особенно когда дѣло касалось Петра Великаго (во II курсѣ); но оживленіе быстро проходило... Я засталъ его уже въ концѣ его педагогической дѣятельности, когда онъ усталъ и утомился отъ своихъ непрерывныхъ кабинетныхъ занятій. Его лекціи посѣщались не большимъ числомъ студентовъ. Конечно, я считалъ своимъ прямымъ долгомъ не проманкировать ни одной его лекціи — что и исполнялъ неуклонно въ теченіи двухъ лѣтъ.

П. М. Калмыковъ, профессоръ государственнаго права, отличался величественною наружностью, ходилъ размѣреннымъ шагомъ, считался глубокимъ юристомъ (хотя кромѣ брошюры о «Правѣ литературной собственности», не написалъ ничего), прибѣгалъ къ напыщенной дикціи, даже къ нѣсколько театральной мимикѣ въ патетическихъ минутахъ. Впрочемъ, эти минуты были извѣстны заранѣе, по университетскимъ преданіямъ: подобно многимъ, онъ читалъ по литографированнымъ запискамъ изъ года въ годъ, безъ

измѣненій. Представляя изъ себя оратора по преимуществу, съ круглымъ большимъ лицомъ, глазами на выкатъ и волосами, зачесанными съ затылка для прикрытія почтенной лысины, П. М., какъ то невольно, заставлялъ насъ вспоминать о Херасковѣ, Ломоносовѣ и прочихъ старинныхъ представителяхъ науки и знанія. Его изреченія запоминались студентами и повторялись между собою; такъ напр., знаменитая фраза Лейбница: «l'avenir est gros du passé» была произносима имъ съ особенною силою, причемъ тотчасъ же являлся и переводъ: «будущее чревато прошедшимъ». Когда же дѣло доходило до историческаго значенія императорскаго герба и титула, то, отъ избытка чувствъ, П. М. выходилъ изъ себя: при словахъ «Кабардинскія земли», онъ въ тактъ стучалъ кулакомъ по каѳедрѣ и съ гордостью взиралъ на студентовъ.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производили на студентовъ, въ сравненіи съ остальными преподавателями въ первомъ курсѣ, два профессора: Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ и Степанъ Семеновичъ Куторга, хотя оба они представляли между собою совершенный контрастъ.

Самой симпатичной, красивой наружности, съ густыми каштановыми волосами, въ высшей степени скромный, сдержанный, даже отчасти робкій, съ спокойнымъ, всегда ровнымъ голосомъ, Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, блистательно окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, былъ утвержденъ магистромъ государственнаго права (по защищеніи диссертаціи), назначенъ адъюнктомъ и года два-три читалъ въ университетѣ для юристовъ и камералистовъ 1-го курса учрежденія Россійской имперіи. Метода его чтенія была совсѣмъ особенная: онъ обладалъ необычною памятью, которая славилась между стундентами его выпуска; извѣстна была пословица и въ наше время: «у него память, какъ у Милютина». Дословное запоминаніе доставалось ему, можно сказать, безъ всякаго труда: говорятъ, ему было достаточно прочесть два три раза цѣлую печатную страницу, чтобы проговорить ее наизусть, безъ малѣйшей ошибки и безъ малѣйшаго усилія. В. А. приходилъ въ аудиторію, не имѣя никакихъ записокъ (литографированныхъ «учрежденій» еще не было), садился за каѳедру и наизусть читалъ всю лекцію. Изъ любопытства, мы слѣдили по письменнымъ запискамъ прошлаго года за его словами. Ни разу не могли мы найдти ни одной ошибки. Эта метода чтенія, однако, нисколько не дѣйствовала неблагопріятно на наши нравы. Онъ обладалъ даромъ перефразированія: одну и туже мысль онъ на столько искусно повторялъ на разные лады что она, въ концѣ концовъ, по неволѣ врѣзывалась въ памяти слушателя. Странныя были его къ намъ отношенія: онъ часто краснѣлъ, точно молоденькая дѣвушка, а между тѣмъ мы всѣ относились къ нему съ такимъ уваженіемъ, съ какимъ не относились

даже къ инымъ старымъ профессорамъ: мы видѣли въ этомъ молодомъ ученомъ, искренно и безкорыстно любившемъ науку, что-то себѣ родственное; между нами, очевидно, была духовная связь, и эта связь, подразумѣвавшаяся инстинктивно съ обѣихъ сторонъ, привела къ слѣдующему результату.

Въ своихъ лекціяхъ В. А. Милютинъ не разъ высказывалъ ту мысль, что историческая часть «Учрежденій Россійской Имперіи» мало разработана, а между тѣмъ представляетъ много интересныхъ данныхъ, и изслѣдованіе послѣднихъ облегчило бы изученіе нѣкоторыхъ не вполнѣ выясненныхъ сторонъ отечественнаго права.

Эти слова намъ, новичкамъ, стремившимся къ работѣ, по возможности самостоятельной, пришлись какъ нельзя болѣе по душѣ. Небольшой кружокъ студентовъ съ радостью ухватился за мысль объ обработкѣ одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ государственнаго права и предложилъ Милютину, не найдетъ ли онъ возможнымъ задать желающимъ нѣсколько темъ изъ исторіи «Учрежденій». Наше предложеніе ему понравилось, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, какъ бы нарочно, навелъ насъ на него. Онъ обѣщалъ избрать нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ изъ исторіи развитія государственнаго права вообще и представить ихъ въ смыслѣ задачъ на разсмотрѣніе и утвержденіе университетскаго совѣта, а затѣмъ раздать ихъ желающимъ. При этомъ онъ высказался, что совѣтъ безъ сомнѣнія приметъ также въ уваженіе и его ходатайство о томъ, чтобы наилучшія сочиненія, написанныя студентами на заданныя темы, считались диссертаціями, требуемыми обыкновенно отъ студентовъ при полученіи ими степени кандидата.

Дѣйствительно, мѣсяцъ спустя Владиміръ Алексѣевичъ провозгласилъ намъ съ каѳедры слѣдующія задачи: «историческое происхожденіе и значеніе боярской думы», «исторія верховнаго тайнаго совѣта», «исторія комитета министровъ», «исторія государственнаго совѣта» и нѣсколько другихъ. Человѣкъ десять если не болѣе мгновенно разобрали эти темы и записались у Милютина въ качествѣ желающихъ заниматься ихъ разработкою.

Мысль нашего профессора была во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная: она давала пищу молодымъ умамъ, заставляла ихъ работать, самостоятельно обращаться къ самымъ источникамъ русскаго права, ознакомляться съ лѣтописями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждала соревнованіе.

Почти совсѣмъ незнакомый съ исторіею русскаго права, я выбралъ то, что казалось мнѣ полегче, а именно исторію комитета министровъ. Въ библіотекѣ моего отца находилось Полное Собраніе Законовъ; цѣлые два мѣсяца рылся я неустанно въ этомъ «Собраніи», выписывалъ разные указы и постановленія, приводилъ ихъ въ систему и мѣсяца черезъ три одолѣлъ наконецъ свою задачу. Это было простое историческое изложеніе страницахъ на сорока

или пятидесяти, основанное на источникахъ. Главнѣйшимъ же результатомъ работы для меня явился нѣкоторый навыкъ къ историческому труду, пріобрѣлось кое-какое умѣнье обращаться съ историческимъ матеріаломъ и интересоваться предметомъ, не смотря на его кажущуюся въ началѣ сухость. Все это впослѣдствіи принесло мнѣ большую пользу.

Совсѣмъ другой пріемъ, съ совершенно инымъ взглядомъ—взглядомъ вполнѣ сознательнымъ и самостоятельнымъ, приложилъ къ своей работѣ мой товарищъ по университету, А. А. Евреиновъ, юноша необычайно способный, умный и образованный. Онъ началъ съ лѣтописей, корпѣлъ надъ ними дни и ночи; работа такъ его поглотила, такъ привлекла его къ себѣ, что онъ въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, ни о чемъ другомъ не думалъ. Онъ разработалъ, на основаніи лѣтописныхъ матеріаловъ, историческихъ монографій и небольшаго числа новѣйшихъ изслѣдованій, весьма важный и интересный періодъ возникновенія и первоначальнаго развитія боярской думы, со времени Іоанна III до Алексѣя Михайловича. Его «разсужденіе» было, дѣйствительно, образцовое, и Милютинъ, по разсмотрѣніи представленныхъ ему сочиненій, отдалъ первенство работѣ Евреинова, отнесясь къ ней со всѣми пріемами ученаго критика, посвятивъ на ея обсужденіе едва ли не цѣлую лекцію, строго взвѣсивъ всѣ недостатки и хорошія стороны труда молодаго студента. Выказавъ къ его произведенію полное уваженіе, какого оно вполнѣ заслуживало, Милютинъ отозвался въ лестныхъ словахъ и о нѣкоторыхъ изъ представленныхъ сочиненій.

Прошло около трехъ мѣсяцевъ, а объ окончательной судьбѣ нашихъ диссертацій не было и помина: точно въ воду онѣ канули. Насъ, понятно, въ высшей степени интересовала ихъ дальнѣйшая участь, такъ какъ, вслѣдствіе лестныхъ отзывовъ профессора, мы еще болѣе надѣялись, что эта работа, какъ я уже сказалъ, избавитъ несъ отъ представленія оффиціальной кандидатской диссертаціи въ послѣднемъ курсѣ. Спрашивать Милютина объ участи нашихъ трудовъ было неловко и никто изъ насъ на это не рѣшался. Самъ по себѣ, неожиданно представился къ тому удобный случай.

Передъ экзаменами профессоръ Калмыковъ внезапно заболѣлъ и между студентами разнесся слухъ, что изъ государственнаго права будетъ экзаменовать Милютинъ. Обыкновенно, студенты сами составляли программы или, лучше сказать, вопросные пункты для экзаменовъ. Я взялъ на себя составленіе программы изъ государственнаго права и мнѣ пришлось по неволѣ отправиться съ нею къ Милютину. Я былъ взволнованъ,—что очень понятно въ юношѣ, встрѣчающемся въ первый разъ въ «приватной» аудіенціи съ любимымъ професссоромъ. Я даже до того растерялся, что при входѣ спросилъ его будетъ ли насъ экзаменовать изъ государственнаго

права профессоръ Милютинъ вмѣсто Калмыкова. Тутъ я окончательно срѣзался.

Милютинъ жилъ очень скромно, но въ хорошей квартирѣ. Такимъ же робкимъ и застѣнчивымъ, какъ и въ аудиторіи, показался онъ мнѣ у себя. Не смотря на смущеніе, у меня, однако, хватило духа спросить его о нашихъ диссертаціяхъ. Лицо его вспыхнуло, и онъ сказалъ съ жаромъ:

— Не напоминайте мнѣ о вашихъ диссертаціяхъ! Я столько перенесъ изъ-за нихъ непріятностей, что мнѣ тошно объ этомъ подумать!.. Я чуть было не подалъ въ отставку, меня заподозрили въ какихъ-то неблагонамѣренныхъ, черезъ-чуръ либеральныхъ мысляхъ... призывали къ отвѣту, и все это надѣлало сочиненіе Евреинова о боярской думѣ! Въ этомъ сочиненіи нашли намекъ на то, что, будто бы, боярская дума ограничивала самодержавную власть государя, что она являлась какимъ-то status in statu, представляла собою сословное правленіе изъ выборныхъ людей русской земли... Словомъ, нагородили Богъ знаетъ что и обвинили меня Богъ знаетъ въ чемъ. Хорошо, что дѣло этимъ и окончилось. Я ждалъ, что выйдетъ хуже. А по поводу диссертацій лучше даже и совсѣмъ не упоминать о нихъ.

Студентовъ очень интересовала личность В. А. Милютина. Насколько мы знали, въ жизни онъ былъ далеко не такимъ, какимъ являлся намъ въ университетѣ. Младшій изъ четырехъ братьевъ, онъ хотя и посвятилъ себя наукѣ, но жизнь, ея удовольствія, ея страстность и увлеченія, борьба молодыхъ силъ съ окружавшимъ зломъ, протестъ всему нечистому, — дѣйствовали на него неотразимо и скорѣе даже во вредъ. Кажется, онъ не находилъ настоящаго исхода своей кипучей, полной огня и порыва, дѣятельности... И жизнь его убила.

Какъ говорили, онъ былъ веселымъ, замѣчательно остроумнымъ собесѣдникомъ въ кругу коротко знавшихъ его лицъ. А лица эти были Некрасовъ, Панаевъ, Дружининъ, братья Жемчужниковы и еще нѣкоторыя.

В. А. Милютинъ много писалъ въ «Современникѣ»; статьи молодаго ученаго «Мальтусъ и его противники», «Пауперизмъ и пролетаріатъ» и друг. обратили на себя вниманіе образованной публики. Въ немъ выказывался, очевидно, будущій финансистъ, основательно изучавшій какъ науку о финансахъ, такъ и политическую экономію. Его статьи произвели такое впечатлѣніе на читателей, что одна высокопоставленная дама, самаго высшаго круга, пожелала слышать его лекціи изъ политической экономіи. Эта дама, помимо своего положенія, обладала ослѣпительною, могущественною красотой, замѣчательнымъ умомъ и рѣдкимъ образованіемъ. Онъ сталъ читать ей лекціи и влюбился въ нее.

Не могу вполнѣ ручаться за справедливость слуховъ, распро-

странившихся въ то время по этому поводу между студентами; однако, много говорили о томъ, что В. А. совершенно измѣнился. Изъ веселаго, остроумнаго собесѣдника онъ сдѣлался человѣкомъ мрачнымъ, ипохондрикомъ; даже наука стала менѣе интересовать его. Онъ, вѣроятно, самъ хорошо понялъ, что любовь его безуспѣшна, а между тѣмъ эта любовь нахлынула на него и увлекла. Мечтатель, человѣкъ, жившій только мыслью о добрѣ и пользѣ, не находившій удовлетворенія въ окружавшей его средѣ, онъ впервые встрѣтилъ въ дѣйствительности тотъ идеалъ, къ которому стремился всею душою. Идеалъ этотъ оказался недосягаемымъ.

Я встрѣчалъ В. А. Милютина въ слѣдующемъ году, находясь во второмъ курсѣ. Видъ его былъ болѣзненный; онъ какъ бы ушелъ въ себя, казался еще болѣе робкимъ, еще болѣе медленнымъ въ движеніяхъ.

Какъ-то совершенно случайно встрѣтилъ онъ женщину, походившую чертами лица и всѣмъ своимъ обликомъ на ту, о которой онъ не могъ даже помышлять безъ трепета. Прекрасная копія замѣнила еще болѣе прекрасный оригиналъ. Но результатъ неожиданнаго знакомства оказался самымъ прискорбнымъ: эта женщина даже не принадлежала къ женщинамъ полу-свѣта, она была гораздо ниже его и прошла черезъ всѣ мытарства, можетъ быть побывавъ и въ разныхъ петербургскихъ трущобахъ...

Устроивъ ей хорошую обстановку, В. А. надѣялся хотя нѣсколько отвязаться отъ постояннаго гнета преслѣдовавшей его одной мысли. Сходство было поразительное, отвязаться отъ этой копіи, такъ близко подходившей по наружности къ оригиналу, онъ не могъ, несмотря на всѣ увѣщанія друзей и близкихъ лицъ, несмотря на полное сознаніе того, что она недостойна его во всѣхъ отношеніяхъ.

Проболѣвъ болѣе полугода въ Петербургѣ, онъ, по совѣту врачей, отправился въ Эмсъ, гдѣ воды только ухудшили его болѣзненное состояніе. Болѣзнь оказывалась неизлѣчимою, что, будто бы, засвидѣтельствовали, подъ конецъ, и эмскіе врачи. Онъ никуда не выходилъ, не принималъ никого къ себѣ, писалъ отчаянныя письма въ Петербургъ, не показывался въ послѣднее время даже прислугѣ — и застрѣлился.

Извѣстіе о кончинѣ В. А. Милютина поразило студентовъ: жалко было этой безвременно погибшей жизни, этихъ молодыхъ силъ, такъ страстно рвавшихся къ свѣту и наукѣ... Повторяю, я не могу ручаться за полную достовѣрность приведенныхъ мною фактовъ; знаю только, что въ студенческихъ кружкахъ разсказъ о кончинѣ Милютина и причинахъ ея считался вполнѣ правдивымъ.

Совершенно другимъ образомъ возбуждалъ къ себѣ интересъ между студентами профессоръ Степанъ Семеновичъ Куторга. Маленькаго роста, юркій и ловкій, съ волосами спускавшимися, въ

видѣ локоновъ, на воротникъ его вицмундира, съ длиннымъ, заостреннымъ носомъ, маленькими умными глазами и вѣчною саркастическою улыбкою на тонкихъ губахъ, С. С. производилъ на насъ неоспоримое впечатлѣніе умнаго человѣка, главное, вслѣдствіе особеннаго, ему одному свойственнаго, пошиба. Онъ преподавалъ зоологію и сравнительную анатомію, но послѣдняя, неизвѣстно почему, считалась въ то время наукою антирелигіозною. Поэтому, въ своихъ лекціяхъ, онъ премущественно обращалъ вниманіе на зоологію, касаясь сравнительной анатоміи лишь вскользь.

Обладая замѣчательною начитанностью и глубокимъ умомъ, зная въ совершенствѣ иностранные языки, слѣдя за успѣхами современной науки, С. С. владѣлъ и даромъ слова, и общедоступностью изложенія предмета. Его чтенія настолько интересовали слушателей, что XI-я аудиторія наполнялась студентами всѣхъ курсовъ и факультетовъ. Каждая изъ его лекцій была до такой степени обработана самостоятельно, до такой степени обнимала собой излагаемый предметъ, что студентъ какъ-то невольно поддавался горячему, пылкому, краснорѣчивому слову профессора и сознавалъ, что именно здѣсь есть и знаніе, и наука, и польза. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ни покажется страннымъ, его лекціи отличались остроуміемъ. Система Дарвина явилась около 20-ти лѣтъ позже; теорія происхожденія человѣка отъ обезьяны показалась бы намъ странною шуткою въ то время. А между тѣмъ С. С. Куторга какъ бы предугадывалъ Дарвина. Въ «высшихъ» сферахъ его лекціи считались либеральными. Онъ шелъ прямо противъ общепринятыхъ казенныхъ условій, и говоря о самомъ ничтожномъ, повидимому, нисколько не могущемъ интересовать предметѣ, всецѣло овладѣвалъ вниманіемъ слушателей, раскрывалъ передъ ними заповѣдную область науки и своимъ бойкимъ, горячимъ словомъ какъ бы приподнималъ завѣсу неизвѣстнаго. Вотъ въ чемъ заключалось «обаяніе» его лекцій. Мало того: когда по корридорамъ университета раздавался звонокъ, возвѣщавшій объ окончаніи лекцій, С. С. сходилъ съ кафедры и вступалъ въ бесѣду со студентами, продолжавшуюся иногда по получасу и болѣе. Толпа окружала его; всякій хотѣлъ услыхать отъ него слово, и на вопросъ каждаго онъ отвѣчалъ съ полною готовностью, а также съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Помню, я однажды обратился къ нему съ вопросомъ, имѣетъ ли значеніе для науки только что изданная тогда «Русская Фауна», Ю. Симашко. Онъ посмотрѣлъ на меня, прищурившись, и отвѣтилъ:

— А объ этомъ вы ужъ спросите его самого.

Онъ жаждалъ популярности; самолюбіе его было громадно. Онъ избралъ путь самый вѣрный и дѣйствительный для достиженія своей цѣли: методъ его изложенія былъ, на самомъ дѣлѣ, сравнительный. Говоря, напримѣръ, о кошкѣ, мыши, крысѣ или лягушкѣ, онъ приравнивалъ ихъ инстинкты съ непроизвольными рефлексами чело-

вѣческихъ нервовъ; сравнивая мозговую систему тѣхъ другихъ, онъ выводилъ заключеніе, что только природа оказывается во всемъ совершенною, и что она точно такъ же, какъ въ животныхъ, только одна управляетъ всѣми дѣйствіями, помышленіями и желаніями человѣка.

С. С. Куторга, собственно говоря, занимался не столько зоологіею и сравнительною анатоміею, сколько геологіею. Послѣдняя была его любимымъ предметомъ, хотя онъ и не преподавалъ геологію въ университетѣ. Его «Геологическая карта С.-Петербургской губерніи» представляетъ образецъ совершенства для тогдашняго времени. Въ нашей академіи наукъ засѣдаютъ... всевозможные нѣмцы, а для русскаго ученаго, высоко держащаго знамя просвѣщенія, двери ея не отверзеты. Какой нибудь Шмидтъ, Шульцъ, и т. п. навѣрно найдутъ тамъ пріютъ, а Куторга, которымъ по справедливости можетъ гордиться Россія, не попалъ въ сонмъ ученыхъ ужей, знающихъ только другъ друга. Такъ было и съ Пироговымъ и со многими лучшими «избранными» людьми нашей земли.

VI.

Надзоръ за студентами не отличался особенною строгостью, хотя при комплектѣ въ 300 человѣкъ находилось, кромѣ инспектора, четыре субъ-инспектора: Озерецкій, Бостремъ, Петерсенъ и Антроповъ. Оффиціально казенное наблюденіе за образомъ жизни студентовъ, конечно, не имѣло существеннаго значенія! студентамъ выдавались билеты, которые должны были каждый мѣсяцъ представляться инспектору, и онъ на нихъ расписывался. Этою обрядностью и исчерпывалась оффиціальная сторона надзора. Но дѣйствительное наблюденіе сосредоточивалось въ стѣнахъ университета и прямо зависѣло отъ бдительнаго ока нашего тогдашняго попечителя, Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.

Личность эта была оригинальная, недалекая и въ высшей степени непріятная. Получивъ самое ограниченное образованіе, онъ служилъ прежде въ военной службѣ и, можетъ быть, нюхалъ порохъ, но, конечно, не изобрѣлъ его. Онъ свыкся съ казарменною жизнью и все спасеніе находилъ въ дисциплинѣ прежнихъ, аракчеевскихъ временъ. Дисциплину онъ старался примѣнить и къ наукѣ, и къ профессорамъ, и къ студентамъ. Видъ его былъ свирѣпый: густыя, нахмуренныя брови, крючкомъ выдающійся носъ и угловатый подбородокъ обозначали нѣкоторую силу характера и упрямства. Говорили, будто, по временамъ, онъ бывалъ добрымъ человѣкомъ; но я полагаю, что если, въ рѣдкихъ случаяхъ, и выказывалъ онъ доброту, то она происходила единственно отъ самодурства. Онъ умѣлъ пользоваться обстоятель-

ствами, надѣвалъ на себя личину человѣка съ страшною силою характера и поддѣлывался къ великимъ міра. Въ немъ, точно въ послѣднемъ осколкѣ, воплощались отживавшій строй жизни, порядокъ ненавистныхъ временъ: все то, что дали намъ казенщина, солдатчина, крѣпостное право и барство, выражалось въ немъ во всемъ своемъ безобразіи.

Представитель николаевской эпохи, Мусинъ-Пушкинъ стремился олицетворять собою идеалъ маленькаго деспота, считая, что только однимъ страхомъ можно дѣйствовать на молодежь. А наилучшимъ средствомъ для держанія ее въ страхѣ являлась, по его мнѣнію, лишь грубость. И, дѣйствительно, трудно представить себѣ въ настоящее время, до какой степени неукоснительно и строго придерживался Мусинъ-Пушкинъ этихъ принциповъ грубости и дерзкаго обращенія. Онъ не могъ понимать нравственное состояніе молодежи, такъ какъ самъ былъ человѣкъ мало образованный и невоспитанный. Въ частности, вся цѣль его дѣятельности устремлялась на соблюденіе формы: онъ пересчитывалъ пуговицы на сюртукахъ студентовъ, наблюдалъ, чтобы у каждало волосы были коротко острижены и чтобы каждый становился во фронтъ при встрѣчѣ съ его превосходитольствомъ. Всякому студенту онъ говорилъ ты и, при входѣ въ аудиторію, быстрымъ взглядомъ окидывалъ находившихся на лицо. Бѣда бывала тому студенту, который не успѣвалъ встать и поклониться во время. Михаилъ Николаевичъ громовымъ голосомъ, съ пѣною у рта, разражался противъ виновнаго цѣлымъ потокомъ ругательствъ: приплеталъ тутъ и вольнодумство, и неповиновеніе начальству, грозилъ, что забрѣетъ лобъ, выгонитъ вонъ изъ университета и т. п., и все сопровождалось выраженіями: дрянь, мальчишка, какъ ты смѣешь! да я тебя!.. При мнѣ, подобныя угрозы ни разу но осуществились, но достаточно было того, что онѣ произносились весьма часто.

Про Мусина-Пушкина ходило много слуховъ и анекдотовъ. О немъ и впереди будетъ рѣчь, такъ какъ онъ оказывался самымъ выдающимся дѣятелемъ въ университетѣ до начала 1855 г, и слѣдовательно, во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ принималъ живое, хотя и не прошенное участіе. Теперь я приведу только нѣсколько фактовъ изъ его отношеній къ окружающимъ, — фактовъ, которыхъ я самъ былъ свидѣтелемъ.

Когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, въ 1848 г., зашелъ я, по порученію отца, въ цензурный комитетъ, помѣщавшійся въ зданіи университета. Предсѣдателемъ комитета былъ Мусинъ-Пушкинъ. Я вошелъ въ первую комнату и обратился къ секретарю съ просьбою дать мнѣ какой-то журналъ. Вслѣдъ за мною, вошелъ въ комнату человѣкъ высокаго роста, черноволосый, съ большими, блестящими глазами, съ оригинальнымъ и выразительнымъ лицомъ. Изъ сосѣдней комнаты доносился ревъ Михаила Николаевича, ко-

торый, въ тотъ день, былъ, вѣроятно, не въ духѣ и кого то распекалъ. Быстро распахнулась дверь въ секретарскую и Михаилъ Николаевичъ явился во всемъ грозномъ величіи...

— Вы что за птица? гнѣвно обратился онъ къ неизвѣстному господину. Что вамъ нужно?

— Я, ваше превосходительство, не птица, а человѣкъ, отвѣтилъ черноволосый господинъ, и этимъ отвѣтомъ такъ сразилъ Михаила Николаевича, что тотъ, безъ дальнихъ словъ, поспѣшилъ убраться въ предсѣдательскую комнату.

Это, какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, былъ Петрашевскій, котораго, мѣсяца три спустя, постигла извѣстная печальная участь.

Года черезъ два, мой бывшій преподаватель, Владиміръ Максимовичъ Ведровъ, написалъ на степень магистра всеобщей исторіи диссертацію подъ названіемъ «Критія, игемонъ аѳинскій», которую онъ долженъ былъ защищать въ публичномъ собраніи совѣта. Отецъ мой, бывшій въ то время деканомъ филологическаго факультета, взялъ меня съ собою въ университетъ для того, чтобы я посмотрѣлъ, въ первый разъ, какимъ образомъ происходитъ вся эта процедура. Для меня это дѣло было тѣмъ интереснѣе, что касалось весьма близкаго мнѣ наставника. Залъ наполнился профессорами, опонентами, студентами и довольно многочисленною публикою. Явился попечитель и диспутъ начался.

Сначала все шло благополучно. Диспутантъ оспаривалъ возраженія оппонентовъ; каждый остался при своемъ мнѣніи, но общему торжеству это разногласіе нисколько не мѣшало. Наконецъ, мой отецъ, въ качествѣ декана, предложилъ, какъ это обыкновенно принято, не пожелаетъ ли кто либо изъ постороннихъ лицъ сдѣлать возраженія диспутанту по поводу его диссертаціи. Первый поднялся профессоръ Калмыковъ, который, съ ломоносовскою дикціею, заявилъ, что одно греческое выраженіе было не вѣрно передано диспутантомъ. Не помню этого выраженія, но знаю, что дѣло шло о какомъ то привѣтствіи: В. М. Ведровъ перевелъ эту фразу въ смыслѣ: какъ ваше здоровье? П. Д. Калмыковъ утверждалъ, что здѣсь подразумѣвается не здоровье, а кожа т. е. спрашивается эмбламатическимъ образомъ, — «какъ состояніе вашей кожи?» На это Вердовъ вполнѣ резонно отвѣтилъ, что это совершенно все равно, но, прибавилъ онъ, — «было бы очень странно, Петръ Давыдовичъ, если бы я, вмѣсто того, чтобы спросить васъ о здоровьи, сталъ освѣдомляться, каково состояніе вашей кожи».

Вся аудиторія разразилась смѣхомъ, возраженіе было дѣйствительно, остроумное... Петръ Давыдовичъ покраснѣлъ. Вдругъ поднялся съ мѣста грозный попечитель: гнѣвно окинулъ онъ взоромъ публику и зычнымъ голосомъ провозгласилъ:

— Кто смѣетъ здѣсь смѣяться? Это невѣжество! неприличіе въ

высшей степени! Такъ не ведутъ себя порядочные люди, особенно въ присутствіи попечителя!

Публика испугалась и остолбенѣла. Тогда Михаилъ Николаевичъ обратился къ В. М. Ведрову съ слѣдующими словами:

— Вы осмѣлились сказать всѣми уважаемому профессору, что было бы странно освѣдомляться о состояніи его кожи... Это дерзость!.. Вы нарушили всѣ правила приличія и должны просить у него извиненіе.

Несчастный Владиміръ Максимовичъ Ведровъ, хорошо понимая, что этотъ невольный эпизодъ могъ повліять на всю его карьеру, обратился съ извиненіями къ профессору Калмыкову. Тотъ, будучи поставленъ попечителемъ въ самое неловкое положеніе, поспѣшилъ увѣрить, что не видитъ въ выраженіи диспутанта никакого личнаго для себя оскорбленія.

Диспутъ окончился благополучно.

Въ 1853 году, пріѣхалъ къ моему отцу редакторъ «Библіотеки для чтенія», Альбертъ Викентіевичъ Старчевскій, съ просьбою дать ему статью изъ петровскаго времени. Я видался съ Старчевскимъ и предложилъ ему маленькій біографическій очеркъ о жизни и дѣятельности графа Сергія Семеновича Уварова, недавно скончавшагося. Это была моя первая напечатанная статья. Въ то время я занимался исторіею русскаго права и у меня уже была готово довольно большое изслѣдованіе о вліяніи германскаго законодательсиви на Русскую Правду Ярослава и Судебникъ Іоанна III. Старчевскій обѣщался напечатать и эту статью. Мѣсяца черезъ два, я отправился къ Старчевскому узнать о ея участи. Онъ мнѣ сказалъ что она уже набрана, но должна была подвергнуться университетской цензурѣ и потому, по распоряженію попечителя, отправлена въ гранкахъ, не сверстанная, къ профессору Калмыкову. Эта несчастная статья причинила мнѣ много хлопотъ; самою сильнѣйшею непріятностью было то, что инспекторъ приказалъ мнѣ явиться такого-то числа къ попечителю.

— Это ты вздумалъ писать статьи о какомъ то германскомъ законодательствѣ? встрѣтилъ меня Михаилъ Николаевичъ. — Вздумалъ сочинителемъ быть! Слишкомъ, братъ, рано: нужно учиться и учиться, особенно, когда экзамены на носу. И какъ же ты смѣлъ представить сочиненіе помимо начальства?.. Положимъ, плохой тотъ казакъ, который не надѣется быть атаманомъ. Вотъ и я, бывъ прапорщикомъ, хотѣлъ сдѣлаться фельдмаршаломъ... Но все таки это сочиненіе печатать я не позволяю. Можешь идти.

Я поклонился и вышелъ.

VII.

Между студентами перваго курса не существовало ничего общаго: разряды и курсы совсѣмъ не сходились между собою. Камералисты и восточники пользовались меньшимъ уваженіемъ, сравнительно съ прочими. Филологи, математики, юристы и натуралисты смотрѣли на нихъ свысока, считая ихъ диллетантами въ наукѣ, знавшими лишь верхушки. Да и въ самомъ нашемъ курсѣ студенты распадались на небольшіе кружки, человѣкъ въ пять-шесть, познакомившихся и сблизившихся между собою; затѣмъ, сношенія съ другими ограничивались лишь шапочнымъ знакомствомъ, что было отчасти естественно: въ первомъ курсѣ камералистовъ было до 60-ти человѣкъ; въ числѣ ихъ находились и бывшіе гимназисты, и семинаристы, и пріѣхавшіе изъ провинціи, и, наконецъ, получившіе, подобно мнѣ и еще четыремъ-пяти молодымъ людямъ, домашнее образованіе. Этимъ обстоятельствомъ обусловливалось и самое дѣленіе на кружки. О кутежахъ, веселыхъ попойкахъ не было и помина; намъ даже строго воспрещалось посѣщеніе ресторановъ и другихъ увеселительныхъ заведеній, за исключеніемъ театровъ. Впослѣдствіи, это нѣсколько измѣнилось.

Каждый годъ, въ большомъ актовомъ залѣ, въ теченіи зимы, давались такъ называемыя симфоническія утра, числомъ десять, по воскресеньямъ, въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Эти утра устраивались, благодаря стараніямъ и усердію — во первыхъ, нашего инспектора, Фицтума фонъ-Экстедтъ, страстнаго охотника до музыки, и затѣмъ, при участіи его хорошихъ знакомыхъ, К. Шуберта, Маурера и др. Дирижировалъ обыкновенно К. Шубертъ. Оркестръ состоялъ изъ любителей, въ томъ числѣ и студентовъ, и изъ нихъ нѣкоторые оказывались хорошими исполнителями классической музыки. Преимущественно разыгрывались произведенія Бетговена, Мендельсона, Моцарта, Гайдна и Баха. Для истинныхъ любителей эти концерты доставляли большое наслажденіе. Публика полюбила симфоническія утра, и собиралась въ большомъ количествѣ, такъ что ею бывали заняты даже нижнія и верхнія боковыя галлереи зала. На утрахъ присутствовалъ, конечно, попечитель, понимавшій въ музыкѣ столько, сколько въ китайской грамотѣ; бывали также и нѣкоторые профессора, дѣлавшіеся меломанами ex officio. Особенно блестящій видъ принимали университетскіе концерты, когда въ нихъ участвовали извѣстные пѣвцы и пѣвицы итальянской оперы, — разумѣется, безвозмездно, единственно съ цѣлью благотворительности. Такъ, въ нашемъ залѣ я слышалъ де-Мерикъ, Лаблаша, Рокони; всѣ они принимались студентами съ восторгомъ и удостоивались шумныхъ овацій. Но

особенный энтузіазмъ возбуждала Бозіо, которую, вообще, обожала русская публика.

Концерты приносили въ результатѣ довольно значительную сумму прибыли, которая и распредѣлялась между недостаточными студентами съ полнымъ безпристрастіемъ.

Неизвѣстно почему, студенты находились на дурномъ счету въ глазахъ правительства; говорили, что они шалятъ, что они либералы, вольнодумцы и т. п. Носились слухи, что покойный государь Николай Павловичъ не долюбливалъ студентовъ, и это нерасположеніе прямо повліяло на ограниченіе ихъ комплекта, тогда какъ воспитанники другихъ высшихъ учебныхъ заведеній пользовались, до извѣстной степени, монаршею благосклонностью. Кажется, что Мусинъ-Пушкинъ, бывшій прежде попечителемъ Казанскаго университета, и былъ вызванъ въ Петербургъ нарочно, съ цѣлью подтянуть нашъ университетъ, и, дѣйствительно, для осуществленія этой цѣли напрягалъ всѣ свои усилія и способности, хотя подтягивать насъ рѣшительно не было нужды. Студентовъ очень мало интересовали политическіе вопросы; что же касается внутренняго распорядка, то весь протестъ противъ него выражался лишь въ переписываніи и передачѣ другъ другу различныхъ запрещенныхъ стихотвореній, изъ которыхъ большая часть въ настоящее время находится въ печати, какъ напримѣръ «У параднаго подъѣзда», Некрасова, «Русскій Богъ», Вяземскаго, и т. п. Мы принуждены были слишкомъ много заниматься для того, чтобы думать о чемъ либо, не относившемся къ намъ непосредственно.

До какой степени было могущественно обаяніе государя Николая Павловича и до какой степени, при видѣ его, или даже при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, можно было растеряться, доказываетъ самый обыкновенный, маловажный случай, происшедшій со мною, сколько помнится, въ началѣ осени 1853 года. Въ солнечный, хотя и морозный день, часа въ четыре передъ обѣдомъ, шелъ я, закутавшись въ мѣховую шинель, отъ Невскаго по Большой Морской, по правой сторонѣ. Только что поравнялся я съ магазиномъ Риппа, какъ съ изумленіемъ увидалъ множество полицейскихъ, бѣжавшихъ мнѣ на встрѣчу, сгонявшихъ съ тротуара «черный» народъ и останавливавшихъ экипажи на перекресткахъ. Сначала я не могъ понять что это значитъ: не пожаръ ли, или не случилось ли чего нибудь необычайнаго? Но вдругъ, какъ то внезапно, мелькнула мысль: не идетъ ли мнѣ навстрѣчу государь? Невольный страхъ объялъ меня съ головы до ногъ, я посмотрѣлъ по сторонамъ и готовился быстро перейти черезъ улицу, но было уже поздно... Величественная, статная фигура покойнаго императора, одѣтаго въ холодную шинель и въ кавалергардской каскѣ, скорою поступью приближалась мнѣ на встрѣчу. Ни живъ, ни мертвъ, отступилъ я съ тротуара къ стѣнѣ, вытянулся во фронтъ и приложилъ правую руку

къ треуголкѣ. Его величество окинулъ меня быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ, чарующихъ глазъ, изъ подъ насупленныхъ бровей, и отдалъ мнѣ честь. Только послѣ того, какъ онъ повернулъ на Невскій, я замѣтилъ, придя въ себя, что позабылъ надѣть на правую руку перчатку и былъ безъ шпаги (не носить шпагу у насъ считалось, въ нѣкоторомъ родѣ, франтовствомъ). Что̀ если государь замѣтилъ и то, и другое въ то время, когда у меня распахнулась шинель при сдѣланіи чести!..

Согласно общепринятому обычаю, я долженъ былъ немедленно сообщить инспектору о моей встрѣчѣ, что̀ я и поспѣшилъ исполнить, конечно, умолчавъ о погрѣшностяхъ въ форменной одеждѣ. Инспекторъ сказалъ, что онъ тотчасъ же отправится къ попечителю и доложитъ ему объ этомъ.

Вечеромъ, того же числа, я получилъ приказаніе явиться къ попечителю на другой день, по обыкновенію утромъ, въ девять часовъ.

— Ты удостоился вчера встрѣтить государя императора? началъ попечитель и на мой утвердительный отвѣтъ прибавилъ: — былъ ли ты одѣтъ по формѣ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Государь императоръ удостоилъ отдать тебѣ честь?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Больше ничего не имѣешь сказать?

— Ничего, ваше превосходительство.

— Можешь идти.

Я ушелъ.

Таковы были немногосложныя впечатлѣнія, вынесенныя мною по окончаніи перваго курса. Я ожидалъ бо̀льшаго, и ожиданія мои оказались напрасными какъ въ наукѣ, такъ и въ университетской жизни. За то, многое изъ пережитаго мною въ слѣдующіе годы, осталось напечатлѣннымъ неизгладимыми чертами въ моей памяти.

Ѳ. Устряловъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УЧИТЕЛЬ ЛЕРМОНТОВА — А. З. ЗИНОВЬЕВЪ.

Четырнадцатаго февраля, скончался старѣйшій питомецъ Московскаго университета, ветеранъ русской науки и, между прочимъ, учитель знаменитаго поэта Лермонтова — Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ. Этотъ человѣкъ, не смотря на свою долгую и нѣкогда извѣстную дѣятельность, былъ такъ полузабытъ въ послѣднее время, что библіографъ Геннади, еще четыре года назадъ, зачислилъ его въ ряды «покойныхъ авторовъ» (Словарь, т. II, стр. 32), профессоръ Висковатовъ, при біографіи поэта, ограничился немногими строками о его жизни (Русск. Мысль, 1881 г., кн. XI), а г. Межовъ не занесъ въ свой «Систематическій каталогъ» многихъ трудовъ покойнаго. Поэтому, считаемъ необходимымъ передать извѣстныя намъ біографическія данныя о Зиновьевѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить полный обзоръ его трудовъ.

Алексѣй Зиновьевичъ родился 4-го февраля 1801 года, въ Москвѣ, и для окончательнаго образованія поступилъ на словесное отдѣленіе (нынѣ — историко-филологическій факультетъ) Московскаго университета; тамъ, на студенческой скамьѣ, ему пришлось завязать тѣсную дружбу съ М. П. Погодинымъ, о чемъ свидѣтельствовало его позднѣйшее признаніе: «живо припоминаю — писалъ онъ покойному историку — какъ вы, въ день появленія девятаго тома «Исторіи Государства Россійскаго» въ Москвѣ, прибѣжали къ намъ прямо изъ книжной лавки въ университетскую аудиторію, запыхавшись раскрыли этотъ томъ и при немногихъ товарищахъ читали» (Пятидесятилѣтіе службы М. П. Погодина, М. 1872 г., стр. 94). Вмѣстѣ же съ Погодинымъ, Зиновьевъ, въ 1821 году, окончилъ уни-

верситетскій курсъ дѣйствительнымъ студентомъ (Отчетъ Московскаго университета за 1821 годъ, стр. 10), но черезъ годъ выдержалъ установленный экзаменъ на кандидата (Исторія Московск. универс. Шевырева, стр. 461—462) и получилъ двѣ должности въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ — надзирателя и преподавателя двухъ языковъ — латинскаго и русскаго. Эта учебно-воспитательная дѣятельность удѣляла немного досуговъ, которые всецѣло посвящались печатнымъ трудамъ, приготовленію къ магистерскому экзамену и частнымъ урокамъ. Такъ, въ первые три года своей службы, Алексѣй Зиновьевичъ, вмѣстѣ съ другимъ преподавателемъ, Н. Стриневскимъ, занимался переводомъ извѣстнаго тогда произведенія Александра Адама: «Roman Antiquities» и издалъ его подъ такимъ заглавіемъ: «Римскія древности, или изображеніе нравовъ, обычаевъ и постановленій римскихъ, служащее для легчайшаго уразумѣнія латинскихъ писателей» (2 ч., М. 1824 г.; второе изданіе: М. 1834 г.). Въ то же время, на страницахъ «Вѣстника Европы» имъ помѣщенъ трудъ: «Объ управленіи Дюка Ришелье въ полуденной Россіи» (1824 г., кн. 16). Затѣмъ, еще въ началѣ 1826 года, онъ окончилъ свое «разсужденіе» на степень магистра: «О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической россійской исторіи» (М. 1827 г., 72 стр.). Эта диссертація, защищенная съ успѣхомъ, являлась добавкою къ магистерскому труду друга — Погодина, къ его историко-критическому разсужденію: «О происхожденіи Руси» (М. 1825 г., 176 стр.): она открывалась небольшимъ введеніемъ, гдѣ объяснялись пріемы исторической критики; потомъ шло подробное описаніе важнѣйшихъ матеріаловъ для русской исторіи; наконецъ, давался обзоръ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, посвященныхъ древнѣйшимъ событіямъ Россіи; здѣсь тоже, какъ и Погодинъ, авторъ касался вопроса о «первоначальныхъ Руссахъ» и, равнымъ образомъ, держался взглядовъ Августа Шлецера. Кромѣ возраженій М. Т. Каченовскаго, предъявленныхъ на диспутѣ, «разсужденіе» вызвало рецензію Погодина: послѣдній не согласился съ нѣкоторыми выводами Зиновьева, но заключилъ свой разборъ такими строчками: «поблагодаримъ автора за сдѣланное и пожелаемъ успѣха въ усовершенствованіи его разсужденія; во всякомъ случаѣ начало, какъ канва, полезно и для него, и для другихъ» (Московск. Вѣстн., 1827 г., ч. III, № 9, стр. 53). Слова Погодина поощрили Зиновьева къ новой исторической работѣ: онъ напечаталъ большую статью: «О скандинавскихъ путешествіяхъ въ Константинополь и другія страны съ IX-го вѣка» (Записки и труды Общества исторіи и древностей, 1828 г., ч. IV; 1830 г., ч. V).

Къ этому-то періоду службы и учено-литературной дѣятельности относились занятія А. З. съ М. Ю. Лермонтовымъ. По разсказу самого Зиновьева, Мещериновы, родственники Е. А. Арсеньевой, рекомендовали его для приготовленія «Мишеля» къ эк-

заменамъ въ Благородный пансіонъ. Бабушка поэта одобрила этотъ выборъ, и А. З. съ 1827 года началъ давать уроки какъ по русскому, такъ и по классическимъ языкамъ. Черезъ годъ Лермонтовъ поступилъ въ названное заведеніе полупансіонеромъ, но не порвалъ связи со своимъ учителемъ: по прекрасному обычаю пансіона, каждый воспитанникъ отдавался подъ заботливый присмотръ одного изъ наставниковъ, считался его «кліентомъ»; будущій поэтъ, тоже по выбору Арсеньевой, сдѣлался «кліентомъ» Зиновьева и оставался подъ его надзоромъ во все пребываніе въ пансіонѣ — до 16-го апрѣля 1830 года. Объ этихъ занятіяхъ съ «милымъ питомцемъ» въ домѣ бабушки и въ пансіонѣ сохранились свѣдѣнія, важныя для біографіи какъ знаменитаго поэта, такъ и самого Зиновьева. Уцѣлѣло, напримѣръ, интересное воспоминаніе объ изученіи поэтомъ классическихъ писателей: «Лермонтовъ—вспоминалъ А. З.—зналъ порядочно латинскій языкъ, не хуже другихъ. Происходило это оттого, что у насъ изучали не языкъ, а авторовъ. Языку можно научиться въ полгода настолько, чтобы читать на немъ, а хорошо познакомясь съ авторами, узнаешь хорошо и языкъ» (Русск. Мысль, 1881 г., кн. XI, стр. 156 и 162). Долетѣло до насъ и другое, болѣе интересное извѣстіе о пансіонскихъ занятіяхъ Лермонтова по русскому языку: «какъ теперь—разсказывалъ Зиновьевъ—смотрю на милаго моего питомца, отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 года[1]). Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе по русскому языку» (Сочиненія Лермонтова, Спб., 1873 г., т. I, стр. XIX). Этого мало: рукописныя тетради, куда Лермонтовъ занесъ первые плоды своей юной музы, до сихъ поръ хранятъ отмѣтки поэта, которыя ясно говорятъ о вниманіи Зиновьева къ поэтическимъ трудамъ «милаго питомца», напримѣръ, противъ шестой строфы въ поэмѣ «Черкесы», на поляхъ виднѣется помѣтка автора: «Зиновьевъ нашелъ, что эти стихи хороши», а немного ниже—«тоже» (Русск. Мысль, 1881 г., кн. XI, стр. 163). Правда, ни одинъ біографъ Лермонтова еще не опредѣлилъ степень вліянія Зиновьева на поэзію автора «Демона»; но мы въ настоящую минуту можемъ указать на одинъ, едва ли кому извѣстный фактъ, который проливаетъ небольшой свѣтъ на данный вопросъ. Именно, А. З., прекрасный де-

---

[1]) Такое предположительное указаніе заставило насъ навести справку, и мы нашли полное подтвержденіе словамъ Зиновьева въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1830 г., № 5, стр. 212): тамъ помѣщенъ подробный отчетъ объ «испытаніи изъ искусствъ» въ благородномъ пансіонѣ Московскаго университета, 21-го декабря 1829 года.

кламаторъ, человѣкъ, горячо любившій поэзію до маститой старости, самъ, въ періодъ ученыхъ занятій, пробовалъ писать чисто-литературные труды: ему принадлежитъ разсказъ: «Возмездіе», напечатанный въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1827 г., ч. VI, № 24); изъ-подъ его же пера вышли два стихотворенія: «Волга» и «Смерть праведника» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1845 г., т. 47, отд. III, стр. 75).

Одновременно со своимъ «кліентомъ», въ 1830 году, А. З. покинулъ Благородный пансіонъ: Лермонтовъ поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ, а Зиновьевъ, «по удостоенію университетскаго совѣта», отъ котораго тогда зависѣлъ выборъ, былъ утвержденъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ, на мѣсто покойнаго Ханенки, «профессоромъ россійскаго краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ» (Отчетъ Московск. унив. за 1830 годъ, стр. 158). Съ этого времени начинается для него болѣе обширная и самая плодотворная дѣятельность, которая тянется безъ перерыва въ теченіе семнадцати лѣтъ: вмѣстѣ съ двумя профессорскими каѳедрами онъ соединяетъ должность инспектора; рядомъ съ лекціями ведетъ учено-литературныя занятія. Но между послѣдними берутъ перевѣсъ не изслѣдованія по исторіи и классическимъ языкамъ, а труды по педагогикѣ и такъ называемой «теоріи словесности». Подтвержденіемъ можетъ служить слѣдующій перечень его работъ, напечатанныхъ въ этотъ семнадцатилѣтній періодъ:

«О цѣли и главныхъ правилахъ воспитанія» (Актъ въ Ярославск. Демид. училищѣ, 1831 г., 30 стр.).

«Нѣкоторыя замѣчанія для сравнительной исторіи языковъ» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1834 г., ч. IV).

«О всемірной исторіи, изданной при Петрѣ Великомъ» (Ibid, 1835 г., ч. V).

«Не довѣряйте времени: оно обманетъ» (Молва, 1835 г., № 11).

«О примѣчательныхъ мужахъ, оказавшихъ услуги славянской словесности» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1836 г., ч. IX).

«Основанія риторики по новой и простой системѣ Аурбахера» (М., 1836 г., 2 части).

«Основанія русской стилистики по новой и простой системѣ» (М., 1839 г., 52 стр.).

«Историческій взглядъ на развитіе теоріи художественно-прекраснаго» (М., 1841 г., 84 стр.).

«Объ участіи словесности въ системѣ общаго образованія» (Москвитян., 1842 г., кн. 8).

«О воспитаніи» (Ibid, 1843 г., кн. 10).

«Августинъ Сахаровъ, епископъ оренбургскій и уфимскій» (Ibid, 1844 г., кн. 8).

«Акты Ярославскаго Демидовскаго училища высшихъ наукъ, съ основанія онаго до преобразованія» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1845 г., ч. XLVII).

Послѣднимъ трудомъ, посвященнымъ исторіи лицея съ 1803 по 1834 годъ, А. З. какъ бы подводилъ итогъ и своей дѣятельности въ Ярославлѣ [1]): въ 1846 году, когда исполнилось двадцать пять лѣтъ ученой службы, онъ получилъ отставку, но черезъ годъ, по переѣздѣ въ Москву, былъ утвержденъ инспекторомъ и профессоромъ русской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Эта новая педагогическая служба продолжалась десятъ лѣтъ—по 1858 годъ, и отмѣтилась немногими печатными трудами, особенно важными для института. Такъ, мы можемъ назвать его «Воспоминаніе о П. М. Меликовѣ» (Москвитян., 1848 г., ч. VI), «Некрологъ И. Е. Лазарева» (Московск. Вѣд., 1858 г., № 40) и «Историческій очеркъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ» (Спб., 1855 г. 117 стр., съ десятью портретами и четырьмя рисунками; второе дополненное изданіе, М. 1863 г., 145 стр.). «Составленный мною очеркъ—писалъ авторъ въ предисловіи—да послужитъ началомъ исторіи описываемаго учебнаго заведенія, болѣе обширной и подробной; я, съ своей стороны, радуюсь, что успѣлъ сдѣлать начало, исполнивъ тѣмъ потребность нравственнаго чувства». Къ этимъ словамъ, въ видѣ оцѣнки труда, можно прибавить, что факты, собранные Зиновьевымъ, съ немногими измѣненіями и добавками, вошли въ «Очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности Лазаревскаго института», написанный г. Канановымъ (См. Рѣчи и отчетъ Лазаревскаго института по случаю совершившагося пятидесятилѣтія, М. 1865 г. 38 стр.).

Наконецъ, послѣ тридцатипятилѣтней службы (1822—1858 гг.), А. З. вышелъ въ новую, уже окончательную отставку, но не прекратилъ ни частной педагогической дѣятельности, ни учено-литературныхъ занятій. Онъ даже съ полупотухшимъ зрѣніемъ давалъ уроки въ малолѣтнемъ отдѣленіи Воспитательнаго дома и Маріинско-Ермоловскомъ училищѣ: въ первомъ—по-русскому, а въ послѣднемъ—по латинскому языку. Равнымъ образомъ, до послѣдняго дня жизни, хотя и съ большими промежутками, маститый педагогъ не переставалъ печатать свои труды, какъ, напримѣръ:

«Экспромптъ Г. Р. Державина» (Развлеченіе, 1860 г., № 47 [2]).

«Потерянный рай, поэма Джона Мильтона», перев. съ англійскаго (М., 1861 г.; второе изданіе М., 1871 г., съ присовокупленіемъ «Возвращеннаго рая»).

---

[1]) Здѣсь кстати замѣтить, что А. З. женился въ Ярославлѣ на Любови Ивановнѣ Назимовой и прожилъ съ нею болѣе пятидесяти лѣтъ: два года тому назадъ, онъ праздновалъ свою золотую свадьбу.

[2]) По поводу этого «Экспромта», т. е. вѣрнѣе—басни: «Сильная рука владыки», академикъ Я. К. Гротъ сдѣлалъ разысканія и убѣдительно доказалъ, что ея авторъ не Державинъ, а Н. Ѳ. Эминъ (См. Сочиненія Державина, Спб. 1866 г., т. III, стр. 578 и Жизнь Державина, Спб. 1880 г., стр. 435).

«Къ біографіи барона Влад. Иван. Штейнгейля» (Московск Вѣд., 1862 г., № 218).

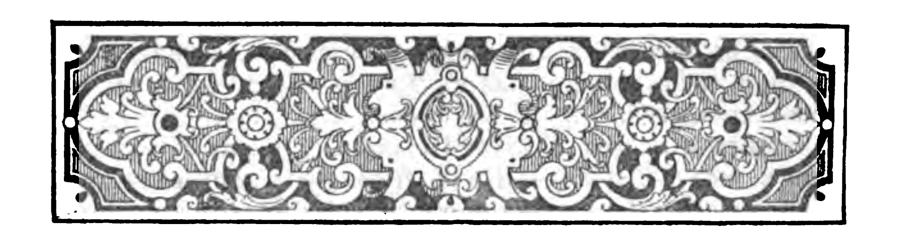
«Марка Туллія Цицерона: бесѣда о старости», перев. съ латинскаго (М. 1866 г.).

«Римскія древности: описаніе государственнаго устройства, частной жизни и военнаго дѣла римлянъ» Коппа, перев. съ нѣмецкаго (М. 1868 г.; изд. 2-е, М. 1873 г.).

«Чудеса Господа нашего Іисуса Христа, сочиненіе Тренча», перев. съ англійскаго (М. 1883 г.).

Даже эта послѣдняя книга, изданная въ концѣ прошлаго года, не оказалась предсмертнымъ трудомъ. Угасавшій старецъ началъ уже печатать большое оригинальное сочиненіе о римскихъ древностяхъ; но смерть не позволила видѣть окончанія: она заставила его только сказать незадолго до кончины: «не такъ жаль разставаться съ жизнью, какъ разставаться съ трудомъ...»

Дмитрій Языковъ.



ЖЕНЩИНЫ ПУГАЧЕВСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

Приключенія и судьба «женокъ», причастныхъ къ Пугачевскому бунту.

I.

Щекотливый вопросъ Пугачевскаго возстанія.—Поношеніе имени Екатерины II.— Взятіе жены Пугачева, Софьи, съ дѣтьми, и ея показанія. — Истребленіе памяти Пугачева. — Сожженіе его дома и переименованіе станицы.

Въ числѣ многихъ непріятныхъ для императрицы Екатерины II вопросовъ, поднятыхъ заволжскимъ пугачевскимъ пожаромъ, былъ одинъ, весьма щекотливый для нея, какъ для женщины и императрицы.

Назвавшись именемъ Петра III, Пугачевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ величать себя ея мужемъ, и имя его, вмѣстѣ съ ея именемъ, поминалось на эктеніяхъ передавшагося Пугачеву духовенства.

Онъ славилъ ее своей невѣрной женой, отъ которой идетъ отнимать престолъ, а его приближенные старались распускать среди заволжскаго казачества, и вообще среди народа, самыя невыгодныя мнѣнія о ней.

Вслѣдствіе этого, въ числѣ мѣръ, принятыхъ противъ Пугачева, въ особенности, въ видахъ уясненія его личности и не сходства съ Петромъ III, было приказаніе отыскать его жену, Софью Дмитріеву, дочь донскаго казака Недюжина. Она была отыскана, въ октябрѣ или ноябрѣ 1773 г., на мѣстѣ прежняго жительства

Пугачева, въ Зимовейской станицѣ, и оказалась женщиною лѣтъ 32-хъ съ троими дѣтьми: сыномъ Трофимомъ, 10-ти лѣтъ, и дочерьми—Аграфеной, 6-ти, и Христиной, 3-хъ лѣтъ.

Прихватили за одно и брата Пугачева, Дементія Иванова, служилаго казака 2-й арміи, — и весь этотъ уловъ отправили въ Казань въ острогъ, «безъ всякаго оскорбленія», чтобы ими уличить самозванца въ случаѣ поимки.

Въ казанской тюрьмѣ Софьѣ Дмитріевой Пугачевой сдѣлали допросъ, причемъ обнаружилось, что Емельянъ Пугачевъ женился на ней лѣтъ десять тому назадъ, жилъ въ Зимовейской станицѣ своимъ домомъ, служилъ исправно въ казачествѣ, а въ послѣднее—передъ бунтомъ — время нѣсколько замотался, разстроился, былъ въ колодкахъ и бѣжалъ.

Тутъ же обнаружилось, что Софья была не очень преданной женой и заслужила сама то пренебреженіе, какое оказалъ ей Пугачевъ въ послѣдствіи. Скитаясь и голодая, Пугачевъ подобрался однажды ночью, въ великомъ посту 1773 года, къ своему собственному дому и робко стукнулъ въ окно, прося у жены пристанища и хлѣба.

Софья пустила его, но съ коварной цѣлью выдать станичному начальству и, незамѣтно увернувшись, донесла о немъ.

Среди ночи Пугачева снова схватили, набили на него колодки и повезли на расправу, но въ Цымлянской станицѣ онъ снова бѣжалъ и скрывался вплоть до грознаго своего появленія уже подъ именемъ Петра III.

Софья Дмитріевна съ дѣтьми и съ братомъ Пугачева осталась по взятіи ея въ Казани въ тюрьмѣ.

Въ январѣ (10-го) 1774 года войсковому атаману, Семену Сулину, послали изъ Петербурга указъ слѣдующаго содержанія:

«Дворъ Емельки Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи не находился, и хотя-бы состоялъ онъ въ развалившихся токмо хижинахъ, — имѣетъ донское войско при присланномъ отъ оберъ-коменданта крѣпости св. Дмитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшихъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ сжечь и на томъ мѣстѣ черезъ палача или проѳоса пепелъ развѣять, потомъ это мѣсто огородить надолбами или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ оскверненное жительствомъ на немъ, всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими превзошедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзостью на вѣки, а особливо для донскаго общества, яко оскорбленнаго тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени—хотя отнюдь такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска донскаго ни усердіе онаго, ни ревность къ намъ и отечеству помрачаться и ни малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ».

Домъ Пугачева въ Зимовейской станицѣ оказался проданнымъ

Софьею отъ нечего ѣсть за 24 рубля 50 копѣекъ на сломъ въ станицу Есауловскую казаку Еремѣ Евсѣеву и перевезеннымъ покупщикомъ къ себѣ.

Домъ отобрали отъ Еремы, вновь поставили на мѣсто въ Зимовейской станицѣ и сожгли торжественно.

Чтеніе указа императрицы, какъ видно изъ послѣдующаго, такъ подѣйствовало на казаковъ, устыдя ихъ, что они, по совершеніи экзекуціи надъ домомъ, просили чрезъ того же донскаго атамана Семена Никитача Сулина за одно ужъ и станицу ихъ перенести куда нибудь подальше отъ проклятаго и зараженнаго Емелькою Пугачевымъ мѣста, хотя бы и не на столь удобное.

Просьба ихъ была уважена въ половину: станица не перенесена, а только переименована изъ Зимовейской въ Потемкинскую.

II.

Первые успѣхи Пугачева. — Маіоръ Харловъ и его жена. — Харлова наложница Пугачева и его къ ней привязанность. — Неестественная, но вѣроятная взаимность этого чувства со стороны Харловой. — Слобода Берда и царскій антуражъ. — Убійство Харловой.

Въ то время, когда подобными мѣрами истреблялась самая память о Пугачевѣ, самозванецъ, опираясь на общее недовольство казаковъ и инородцевъ — башкиръ, калмыковъ и киргизовъ, дѣлалъ быстрые кровавые успѣхи и жестоко расправлялся съ дворянствомъ за угнетеніе народа и преданнымъ Екатеринѣ начальствомъ крѣпостей.

26-го сентября 1773 года, совершая свое побѣдоносное шествіе къ Оренбургу, Пугачевъ отъ крѣпости Разсыпной, покорившейся ему, подошелъ къ Нижне-Озерной (всѣ расположены на берегу рѣки Яика), гдѣ командиромъ былъ маіоръ Харловъ. Слыша о шествіи мятежника и его безцеремонности съ женскимъ поломъ, Харловъ заблаговременно отправилъ свою молоденькую и хорошенькую жену, на которой недавно женился, изъ своей крѣпости въ слѣдующую по направленію къ Оренбургу, Татищеву крѣпость, къ отцу ея, командиру той крѣпости, Елагину. Съ Нижне-Озерной крѣпостью случилась обыкновенная въ Пугачевщину исторія: казаки передались Пугачеву, Харловъ со своей немощной инвалидной командой не могъ устоять противъ Пугачева, и по не долгой битвѣ крѣпость была занята. Маіоръ думалъ откупиться отъ смерти деньгами, но напрасно: судъ Пугачева надъ непокорнымъ ему начальствомъ былъ коротокъ. Полумертваго отъ ранъ Харлова, съ вышибленнымъ и

висящимъ на щекѣ глазомъ, повѣсили вмѣстѣ съ двумя другими офицерами.

Расправившись съ Нижне-Озерной крѣпостью, Пугачевъ двинулся на Татищеву. Разставивъ противъ крѣпости пушки, Пугачевъ сначала уговаривалъ осажденныхъ «не слушать бояръ» и сдаться добровольно, а когда это не имѣло успѣха, приступилъ не спѣша къ осадѣ и къ вечеру ворвался въ крѣпость, пользуясь смятеніемъ осажденныхъ во время произведеннаго имъ пожара. Начались расправы. Съ Елагина, отличавшагося тучностью, содрали кожу. Бригадиру барону Билову отрубили голову, офицеровъ повѣсили, нѣсколькихъ солдатъ и башкиръ разстрѣляли картечью, а остальныхъ присоединили къ своимъ войскамъ, остригши волосы по казачьи — въ кружокъ. Въ Татищевой, между плѣнными, попалась Пугачеву и Харлова; онъ былъ прельщенъ ея красотою такъ, что пощадилъ ей жизнь, а по ея просьбѣ и ея семилѣтнему брату, и взялъ ее въ свои наложницы.

Вскорѣ хорошенькая Харлова зовоевала симпатію Пугачева, и онъ началъ къ ней относиться не какъ къ простой наложницѣ, а удостоилъ ее своей довѣренности и даже принималъ въ иныхъ случаяхъ ея совѣты. Харлова стала около Пугачева не только близкимъ, но и любимымъ человѣкомъ, чего нельзя сказать о другихъ, даже самыхъ преданныхъ ему, приверженцахъ, въ основѣ отношеній къ которымъ была общность кроваваго преступленія — связь ненадежная, что и доказала послѣдовавшая черезъ годъ выдача самозванца сообщниками.

Трудно сказать, что сама Харлова чувствовала къ своему завоевателю, но безспорно, что Пугачевъ питалъ къ симпатичной Харловой непритворную привязанность, и она имѣла право всегда, во всякое время, даже во время его сна, входить безъ доклада въ его кибитку; — право, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его сообщниковъ.

Это довѣріе Пугачева къ своей наложницѣ, да къ тому еще «дворянкѣ», заставляетъ насъ сдѣлать весьма вѣроятное заключеніе, что и сама Харлова не наружно только (Пугачева провести было трудно) была съ нимъ дружна, а почувствовала нѣчто другое, противоположное страху и отвращенію, которые онъ долженъ былъ-бы ей внушить началомъ своего знакомства.

Или Пугачевъ умѣлъ завоевывать расположеніе къ себѣ женщинъ, или тутъ кроется одна изъ тѣхъ загадокъ, какихъ много представляетъ намъ женское сердце и женская натура.

Съ сентября же началась осада крѣпости Яицкаго городка, гдѣ укрѣпился съ горстью преданныхъ людей храбрый Симоновъ, тогда какъ самый городъ предался Пугачеву и былъ въ его рукахъ, а съ начала октября 1773 года былъ осажденъ Оренбургъ съ нерас-

порядительнымъ нѣмцемъ губернаторомъ, Рейнсдорпомъ, и обѣ осады затянулись надолго.

Пугачевъ расположился станомъ на зиму въ Бердской слободѣ, въ семи верстахъ отъ Оренбурга, и повелъ осаду не спѣша, не желая «тратить людей», а имѣя намѣреніе «выморить городъ моромъ».

Въ Бердѣ, которую Пугачевъ хорошо укрѣпилъ, онъ устроился совсѣмъ по царски, сдѣлавъ себѣ маскарадный царскій антуражъ: Чика (или Зарубинъ), его главный наперсникъ, былъ названъ фельдмаршаломъ и графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ, — графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ — графомъ Панинымъ, Чумаковъ — графомъ Орловымъ. Равнымъ образомъ и мѣстности, гдѣ они дѣйствовали, получили названія: слобода Берда — Москвы, деревня Каргале — Петербурга, Сакмарскій городокъ — Кіева.

Харлова поселилась вмѣстѣ съ Пугачевымъ въ Бердской слободѣ и пользовалась тамъ своимъ исключительнымъ положеніемъ, но ей недолго пришлось пожить на свѣтѣ.

Скоро любовь къ ней Пугачева возбудила ревнивыя подозрѣнія его сообщниковъ и главныхъ помощниковъ, не хотѣвшихъ никого имѣть между собою и главою возстанія. Можетъ быть, это была и зависть къ любимому человѣку, можетъ быть, «дворянка» Харлова, опираясь на любовь къ ней лже-царя, пренебрегла заискиваніемъ у пугачевскихъ «графовъ» или обошлась съ ними нѣсколько презрительно; наконецъ, можетъ быть и то, что «графы» видѣли и боялись смягчающаго вліянія молодой прекрасной женщины на ихъ суроваго предводителя. Какъ бы тамъ ни было, но скоро сообщники стали требовать отъ Пугачева, чтобы онъ удалилъ отъ себя Харлову, которая-де на нихъ наговариваетъ ему. Весьма вѣроятно, что Харлова и жаловалась Пугачеву на оскорбленія ее грубыми воротилами Бердской орды.

Пугачевъ не соглашался на это изъ сильной привязанности къ своей плѣнницѣ, чувствуя, что съ нею онъ лишится любимаго (а можетъ быть и любящаго) человѣка, но, въ концѣ концовъ, эта борьба кончилась побѣдою его сообщниковъ. Пушкинъ говоритъ, что Харлову Пугачевъ выдалъ самъ, а графъ Саліасъ въ своемъ романѣ «Пугачевцы» описываетъ расправу, какъ происшедшую въ отсутствіе Пугачева, и, по нашему мнѣнію, онъ ближе къ истинѣ: Харлову безжалостно застрѣлили, вмѣстѣ съ ея семилѣтнимъ братомъ, среди улицы и бросили въ кусты.

Передъ смертью, истекая кровью, несчастные страдальцы еще имѣли силу, чтобы подползти другъ къ другу и умереть обнявшись.

Трупы ихъ долго валялись въ кустахъ, какъ отвратительное доказательство тупой жестокости сподвижниковъ Пугачева.

Пугачевъ, скрѣпя сердце, покорился этой наглости своихъ сообщниковъ и, вѣроятно, загоревалъ о потерѣ любимой женщины, ибо мы видимъ, что вскорѣ послѣ этого казаки принялись высва-

тывать Пугачеву невѣсту настоящую, чтобы стала женою, какъ слѣдуетъ великому государю, и тутъ снова вопросъ объ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ женѣ Петра III, принялъ весьма щекотливую и оскорбительную форму, будучи поднятъ и обсуждаемъ на казачьихъ «кругахъ» т. е. собраніяхъ, но объ этомъ будетъ повѣствованіе дальше.

III.

Прасковья Иванаева, ярая поклонница Пугачева.—«Алтынный глазъ».—Курьеръ Петра III.—Иванаева и ея смутьянства.—Плети маіоршѣ.—Она дерется за Пугачева, переодѣтая казакомъ.—Пугачевъ ее беретъ въ стряпки и экономки.—Торжество Иванаевой.

Говоря о женщинахъ Пугачевскаго возстанія, нельзя обойти молчаніемъ интересную личность жены войсковаго старшины, Прасковьи Гавриловой Иванаевой, ярой поклонницы Пугачева.

Передъ Пугачевскимъ бунтомъ, вѣроятно, незадолго, когда ей было 26 лѣтъ отъ роду, мужъ-ли ее бросилъ, или она оставила мужа, но только они жили розно—мужъ въ Татищевой крѣпости на службѣ, а жена въ Яицкомъ городкѣ (нынѣ Уральскѣ) въ своемъ собственномъ домѣ.

Прасковья Иванаева слыла въ Яицкомъ городкѣ женщиной непорядочной и на языкъ невоздержной; завела себѣ любовниковъ, что строго наказывалось у казаковъ, словомъ, была въ городкѣ человѣкомъ замѣтнымъ.

Слухи о появленіи оставшагося въ живыхъ Петра III, ходили въ яицкомъ войскѣ уже давно, съ самой смерти его въ 1762 году.

Казакъ Слудынковъ, прозванный «алтыннымъ глазомъ», еще задолго до появленія Пугачева, уже мутилъ народъ, разъѣзжая по Оренбургской губерніи и появляясь въ горнозаводскихъ селеніяхъ.

Онъ называлъ себя «курьеромъ Петра III», которому поручено осмотрѣть порядки, каково казачество живетъ, да не притѣсняется ли начальствомъ, чтобы потомъ императоръ Петръ III разсудилъ всѣхъ по правдѣ. Алтынный глазъ при этомъ дѣлалъ сборы на подъемъ батюшки-царя, и хотя былъ пойманъ и наказанъ, но искра въ народъ была брошена.

Такія событія поселили во всемъ Заволжьи непреодолимую вѣру «въ пришествіе Петра III», и вѣры этой не могли поколебать никакія, даже самыя жестокія, мѣропріятія правительства.

Онѣ только озлобляли народъ, скопляли недовольство, чтобы потомъ, при малѣйшемъ поводѣ, вспыхнуть страшнымъ пожаромъ мятежа.

Много слышала объ этомъ и Прасковья Иванаева, но до поры до времени крѣпилась и разговаривала объ этомъ, какъ всѣ, въ полголоса, такъ чтобы начальству не очень было слышно и замѣтно.

Но вотъ, надъ Прасковьею собирается бѣда: строгое общество яицкаго городка, скандализованное непотребнымъ житьемъ Прасковьи Иванаевой, вздумало прибѣгнуть къ своимъ старымъ законамъ о наказаніи за блудъ и подало жалобу яицкому коменданту, полковнику Симонову, прося Иванаеву, по старому обычаю, высѣчь въ базарный день.

Разъярилась невоздержная на языкъ Иванаева, услышавъ объ этомъ, и въ таковой крайности начала по всему городку громко проповѣдывать, что-де скоро придетъ государь Петръ Федоровичъ, который всѣ настоящіе порядки уничтожитъ и все начальство смѣститъ. Проповѣдывала она съ присущимъ озлобленной женщинѣ азартомъ и неустанно—и находила много сочувствующихъ ея проповѣди людей и голосовъ, вторившихъ ей.

Городокъ замутился, начальство и не радо было, что тронуло такую горластую бабу въ такое смутное время, но дѣлать нечего—надо было расправляться.

Симоновъ донесъ о смутѣ оренбургскому губернатору Рейнсдорпу; тотъ ордеромъ отъ 17-го іюля 1773 года, почти передъ самымъ приходомъ Пугачева, приказалъ Иванаеву публично выдрать плетьми, что и было исполнено,—Прасковью жестоко отодрали на площади.

Это въ конецъ озлобило неуемную бабу противъ начальства, но не смирило нисколько. Прошелъ только одинъ мѣсяцъ и грозный Пугачевъ явился предъ Яицкимъ городкомъ. Казаки встрѣтили его съ радостью и городокъ передался ему весь, только храбрый Симоновъ засѣлъ съ тысячью команды въ укрѣпленіи и не сдавался самозванцу.

Городокъ вооружился противъ своего прежняго начальника, сами жители повели противъ него осаду, и между ними особенною яростію отличалась переодѣтая казакомъ—Прасковья Иванаева!..

Такъ дождалась она исполненія своей завѣтной мечты и съ радостью пошла служить Пугачеву. Съ этого времени Иванаева становится преданнѣйшимъ Пугачеву человѣкомъ, словомъ и дѣломъ ратуя за него, даже съ пренебреженіемъ къ плетямъ, которыми неоднократно послѣ этого драли ее.

Пугачевъ замѣтилъ Прасковью Иванаеву, призвалъ къ себѣ и обласкалъ; она вызвалась быть у него стряпкой и экономкой, чтобы вести его царское хозяйство. Тутъ выступаетъ на сцену ненадолго и мужъ ея, полковой старшина Иванаевъ: онъ передался Пугачеву, вмѣстѣ съ прочимъ казачествомъ, при взятіи Татищевой крѣпости, и служилъ при немъ, надѣясь достичь степеней из-

вѣстныхъ, и пожалуй, достигъ бы этого, еслибъ ему не стала мѣшать жена его.

Стоя гораздо ближе и интимнѣе къ Пугачеву, она начала интриговать противъ своего мужа, и вслѣдствіе этого Иванаевъ былъ у Пугачева въ нѣкоторомъ пренебреженіи, несмотря на свой маіорскій чинъ. Ему предпочитались простые рядовые казаки и ставились надъ нимъ начальниками, и Иванаевъ, въ концѣ концовъ, бѣжалъ отъ Пугачева и скрывался, не передаваясь на сторону и правительства изъ боязни наказанія за измѣну.

Прасковья Иванаева торжествовала и вскорѣ начинается дѣло о женитьбѣ Пугачева, гдѣ она принимаетъ живое и дѣятельное участіе.

IV.

Сборы женить Пугачева. — Красавица Устинья — невѣста Пугачева. — Затрудненіе по поводу нерасторгнутаго брака съ Екатериною II. — Свадьба. — Поминовеніе Устиньи на эктеніяхъ. — Саранскій архимандритъ и его услужливость. — Недолгое царствованіе Устиньи.

Сообщники Пугачева задумали женить своего царя, Петра Ѳедоровича, чтобы, во-первыхъ, отвлечь его отъ грусти по убитой Харловой, а во-вторыхъ, чтобы бракомъ на яицкой казачкѣ скрѣпить еще болѣе узы симпатіи и сочувствія, какія питали къ Пугачеву яицкіе казаки.

Въ Яицкомъ-городкѣ жила въ это время красавица-дѣвушка, дочь казака Петра Кузнецова, Устинья, со своею матерью Марьею, въ собственномъ домѣ. Выборъ палъ на нее, какъ на вполнѣ достойную по своей крастотѣ высокой чести быть женою государя Петра Ѳедоровича.

Собранъ былъ «кругъ», т. е. сходка, для совѣщанія объ этомъ важномъ дѣлѣ и на немъ было рѣшено послать къ Пугачеву выборныхъ съ этимъ предложеніемъ. Пугачевъ сначала отговаривался, ссылаясь на то, что-де законная жена его, императрица Екатерина II, еще здравствуетъ и что-де хотя она и повинна предъ нимъ и идетъ онъ отнимать у нея престолъ, но все-таки бракъ не растергнутъ, и отъ живой жены жениться нельзя.

А между тѣмъ красота предлагаемой невѣсты прельщала страстнаго Пугачева; онъ сначала хотѣлъ повернуть дѣло такъ, чтобы обойтись безъ вѣнчанія, но казачій кругъ рѣшительно этому воспротивился, представилъ убѣдительные доводы насчетъ недѣйствительности брака съ Екатериною, и Пугачевъ согласился вѣнчаться на Устиньѣ Кузнецовой со всею возможною въ Яицкомъ-городкѣ роскошью, какъ подобаетъ царской свадьбѣ.

Безспорно, что Пугачевъ если не питалъ къ своей невѣстѣ любви, то она возбуждала его страсть и нравилась ему красотою, что же касается ея участія въ совершеніи этого брака, то оно было, какъ и по всему видно, довольно пассивное.

Свадьба совершилась по однимъ источникамъ въ январѣ, а по другимъ — въ февралѣ 1774 года, въ Яицкомъ-городкѣ. Для житья «молодымъ» былъ выстроенъ домъ, называвшійся «царскимъ дворцомъ», съ почетнымъ карауломъ и пушками у воротъ.

Устинья Кузнецова стала называться «государыней-императрицей», была окружена роскошью и изобиліемъ во всемъ — и все это совершалось тогда, когда комендантъ Симоновъ сидѣлъ въ укрѣпленіи осажденный, терпѣлъ голодъ, подвергался приступамъ и ждалъ смерти.

Въ царскомъ дворцѣ пошли пиры горой и разливанное море.

На этихъ пирахъ «императрица Устинья Петровна» была украшеніемъ и принимала непривычныя ей почести и поклоненіе, отъ которыхъ замирало ея сердце и кружилась голова. Ей, не раздѣлявшей ни мыслей, ни плановъ Пугачева, не знавшей — ложь это или истина, должно было все казаться какимъ-то сказочнымъ сномъ на-яву. Мужъ окружилъ ее подругами и сверстницами — казачками, онѣ назывались «фрейлинами государыни-императрицы»; Прасковья Иванаева играла въ этомъ грубо-маскарадномъ антуражѣ важную роль и душевно была предана и Пугачеву, и Устиньѣ Петровнѣ, по простотѣ души или по разсчету почитая ихъ за истинныхъ царя и царицу. Пугачевъ, чтобы сохранить за этимъ маскараднымъ актомъ все значеніе, отдалъ повелѣніе поминать во время богослуженія на эктеніяхъ Устинью Петровну, рядомъ съ именемъ Петра Θедоровича, какъ императрицу, но это не удалось ему почему-то въ Яицкомъ-городкѣ: духовенство отказалось отъ этого, ссылаясь на неимѣніе указа отъ синода, — и Пугачевъ, по непонятной причинѣ не настаивалъ на этомъ. Этотъ отказъ довольно страненъ: если духовенство не боялось вѣнчать его съ Устиньей, какъ царя, поминать его на эктеніяхъ, какъ царя, то что же духовенству стоило къ этимъ винамъ присоединить и новую? Вѣдь отговорка неимѣніемъ указа отъ синода была смѣшна, если духовенство, хотя наружно, почитало его за царя! И умный Пугачевъ соглашается съ этимъ смѣшнымъ доводомъ, хотя его «царскому достоинству» наносился этимъ нѣкоторый ущербъ.

Или ему самому казалось ужь это черезъ-чуръ смѣшнымъ по отношенію къ Устиньѣ Петровнѣ Кузнецовой — Пугачевой.

Впрочемъ, такимъ упорствомъ было заражено не все духовенство, и мы имѣемъ свѣдѣніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовный чинъ былъ сговорчивѣе и покорнѣе велѣніямъ самозванца. Гораздо позже, по переходѣ Пугачева на эту сторону Волги, 27-го іюля 1774 года, когда онъ съ торжествомъ вошелъ въ Саранскъ,

Пензенской губерніи, встрѣченный не только простонародьемъ, ждавшимъ его съ нетерпѣніемъ, но и купечествомъ и духовенствомъ со крестами и хоругвями, на богослуженіи архимандритъ Александръ помянулъ вмѣстѣ съ Петромъ Ѳедоровичемъ и императрицу Устинью Петровну, уже бывшую въ это время въ рукахъ правительства, но саранскому простолюдью и духовенству не долго пришлось торжествовать.

На третій день, 30-го іюля, торжествующій Пугачевъ направилъ свое тріумфальное шествіе къ самой Пензѣ, поставивъ надъ Саранскомъ «своихъ» начальниковъ, а 31-го вошелъ въ Саранскъ слѣдовавшій за Пугачевымъ по пятамъ Меллинъ и началъ перевертывать порядки по старому: арестовалъ пугачевское «начальство» и «зачинщиковъ» духовныхъ и свѣтскихъ, а усердный архимандритъ Александръ былъ преданъ суду въ Казани, изверженъ сана (причемъ въ церкви были солдаты съ примкнутыми штыками, а на Александрѣ оковы), остриженъ и сосланъ. Этотъ случай даетъ намъ основаніе предполагать, что въ отказѣ яицкаго духовенства поминать Устинью были особенныя, мѣстныя причины, и ихъ уважилъ Пугачевъ, не хотѣвшій ссориться съ нужными ему людьми.

На самомъ дѣлѣ Устинья была царицей только по своей красотѣ, подругой же Пугачеву, умному и кипѣвшему жизнью, быть не могла. Таковою могла быть Харлова, но ее столкнули съ дороги прежде времени. Неразвитая Устинья могла быть только наложницей, и Пугачевъ первый это увидѣлъ и устроилъ дѣла сообразно этому. Онъ не приблизилъ свою новую жену къ себѣ, какъ это было съ Харловой, а, живя подъ Оренбургомъ въ Бердской слободѣ, за 300 верстъ отъ Яицкаго-городка, оставилъ Устинью въ этомъ послѣднемъ забавляться со своими фрейлинами-казачками, Прасковьей Иванаевой и ея матерью, Марьей Кузнецовой, ѣздилъ лишь къ ней каждую недѣлю, прохлаждаться и нѣжиться съ 17-тилѣтней писаной красавицей.

Начальниками осады Яицкаго-городка были пугачевскіе предводители Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, которые вели ее въ отсутствіе Пугачева, но, кромѣ того, каждый пріѣздъ «самого» ознаменовывался сильнѣйшими аттаками храбро державшихся и изнемогавшихъ уже отъ голода приверженцевъ Екатерины II. Осажденные уже ѣли глину и падаль, но не думали сдаваться; уже Пугачевъ разсвирѣпѣлъ отъ упорства своихъ противниковъ и поклялся перевѣшать не только Симонова и его помощника Крылова, отца нашего баснописца, но и семейство послѣдняго, находившееся въ Оренбургѣ, а въ томъ числѣ и малолѣтняго сына его, Ивана Андреевича Крылова.

Осажденные уже выдержали полугодовую осаду, отрѣзанные со всѣхъ сторонъ отъ остальнаго міра, имѣя врагами своими

весь городъ. Замедли избавленіе еще немного, и угроза Пугачева была бы приведена въ исполненіе со всею жестокостью разъяреннаго упорствомъ побѣдителя.

Но освободители пришли 17-го апрѣля 1774 года. Въ этомъ день приблизился и вступилъ въ городъ отрядъ Мансурова, мятежники разбѣжались, начальники осады были выданы, голодные накормлены. Это случилось на страстной недѣлѣ, но день этотъ для осажденныхъ былъ радостнѣе самаго Свѣтлаго Воскресенія — они избавились отъ вѣрной и мучительной смерти.

V.

Арестъ «императрицы Устиньи» и Прасковьи Иванаевой. — Иванаеву снова дерутъ и водворяютъ на старое мѣсто жительства. — Взятіе Пугачевымъ Казани и освобожденіе Софьи съ дѣтьми. — Вмѣсто Софьи Устинья въ Казани. — Софья снова отнята отъ Пугачева. — Поимка его самого. — Вяжи!

Въ этотъ же день пришелъ конецъ и прохладному житью «матушки-царицы» Устиньи Петровны: «фрейлины» ея тотчасъ же разбѣжались, а ее самое, ея мать и вѣрную Прасковью Иванаеву, вступившій снова въ должность, Симоновъ арестовалъ, заковалъ по рукамъ и по ногамъ и посадилъ въ войсковую тюрьму.

При взятіи Устиньи задорная и преданная Иванаева подняла скандалъ, защищая «матушку-государыню» и грозя гнѣвомъ Петра Ѳедоровича, но съ ней въ этомъ случаѣ поступили «невѣжливо», и бѣдная баба все-таки снова попала въ руки ея враговъ, побѣду надъ которыми она уже торжествовала!..

Дома и имущество Устиньи и матери ея были опечатаны и охранялись карауломъ; домъ Иванаевой оказался сданнымъ внаймы вдовѣ войсковаго старшины Аннѣ Антоновой и его не тронули.

26-го апрѣля 1774 года, Устинью съ матерью и Иванаевой, въ числѣ другихъ 220 колодниковъ, Симоновъ отправилъ уже въ освобожденный Оренбургъ, въ учрежденную «секретную коммисію» для допросовъ.

Эти три женщины, бывъ приближены къ Пугачеву, могли сообщить слѣдователямъ много важныхъ свѣдѣній о самозванцѣ, который въ это время ловко увертывался отъ посланныхъ за нимъ отрядовъ и особенно отъ энергичнаго въ преслѣдованіи Михельсона.

Въ Оренбургѣ женщинъ допрашивалъ предсѣдатель секретной коммисіи, коллежскій совѣтникъ Иванъ Лаврентьевичъ Тимашевъ, и дѣло о Прасковьи Гавриловой Иванаевой нашелъ не особенно важнымъ, ибо рѣшилъ его собственною властью. Преступленія Прасковьи, которая на этотъ разъ, можетъ быть, и присмирѣла,

было рѣшено наказать трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а послѣ того бить плетьми и затѣмъ сослать на житье въ Гурьевъ-городокъ.

Но этотъ послѣдній пунктъ былъ впослѣдствіи отмѣненъ, и Иванаеву, наказавъ плетьми, водворили на мѣсто ея жительства, въ Яицкій-городокъ, въ собственномъ домѣ, о чемъ и былъ увѣдомленъ яицкій комендантъ Симоновъ, вмѣстѣ съ препровожденіемъ къ нему его «старой знакомки».

Не весела возвратилась яростная поклонница Пугачева въ Яицкъ, въ среду жителей, помнившихъ и позоръ, и кратковременное торжество ея.

Иванаева, затаивъ злобу, поселилась въ своемъ домѣ, вмѣстѣ съ нанимавшемъ его семействомъ войсковаго старшины Антонова.

Устинья Кузнецова съ матерью въ Оренбургѣ были трактованы, какъ важныя для слѣдствія лица, сидѣли закованныя въ тюрьмѣ, и всѣ допросныя рѣчи ихъ хранились въ тайнѣ.

А въ это время Пугачевъ, тѣснимый Михельсономъ, опрокинулся на Казань и 12 іюля 1774 года взялъ ее, предавъ огню и разграбленію своихъ шаекъ. Къ вечеру, оставивъ Казань въ грудахъ дымящихся развалинъ, Пугачевъ оступилъ, а на утро спасавшіеся въ крѣпости люди, ожидавшіе съ ужасомъ полчищъ Пугачева, съ радостію увидѣли гусаръ Михельсона, спѣшно мчавшихся къ городу. Казань была въ ужасномъ состояніи, двѣ трети города выгорѣло, двадцать пять церквей и три монастыря тоже дымились въ развалинахъ!

Тюрьма, гдѣ Пугачевъ годъ только тому назадъ самъ сидѣлъ въ оковахъ, была имъ сожжена, а колодники всѣ выпущены на свободу.

Тамъ-же, въ тюремныхъ казармахъ, содержалась и первая жена Пугачева, Софья Дмитріева съ троими дѣтьми. Узнавъ объ этомъ, Пугачевъ, велѣлъ ихъ представить къ себѣ, и ея жалкій видъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ былъ растроганъ и, не помня стараго зла, велѣлъ освободить изъ рукъ правительства и взять въ свой лагерь, чтобы онѣ слѣдовали вмѣстѣ съ нимъ.

— Былъ у меня казакъ Пугачевъ, сказалъ самозванецъ окружающимъ, хорошій мнѣ былъ слуга и оказалъ мнѣ великую услугу! Для него и бабу его жалѣю!..

Такимъ образомъ, Софья Дмитріева снова попала въ руки Пугачева, но онъ не мстилъ ей за выдачу его въ трудную минуту.

Правительство пріобрѣло Устинью Пугачеву, и потеряло Софью, но она уже не была ему такъ нужна теперь — все необходимое было выспрошено.

Въ обозѣ Пугачева Софья Дмитріева съ дѣтьми переправилась и за Волгу, на нашу сторону, сопровождала его во всѣхъ дальнѣйшихъ походахъ, послѣдовала за нимъ и тогда, когда, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Пугачевъ снова поворотилъ къ Волгѣ.

Между тѣмъ въ очищенной отъ мятежныхъ шаекъ Казани приводилось все въ старый порядокъ.

На смѣну освобожденной Софьи Дмитріевой привезли въ Казань Устинью Кузнецову съ матерью и снова подвергли допросу въ казанской секретной коммисіи, гдѣ дѣйствовали генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ и капитанъ гвардіи Галаховъ.

Тутъ обнаружилось, что въ опечатанномъ домѣ Устиньи, въ Яицкомъ городкѣ, находятся сундуки съ имуществомъ ея мужа, Пугачева, и за ними тотчасъ-же послали нарочнаго, чтобы Симоновъ выдалъ ихъ и препроводилъ подъ надежнымъ конвоемъ въ Казань.

Что найдено въ этихъ сундукахъ — неизвѣстно. Вѣроятно, кромѣ драгоцѣнностей, награбленныхъ за Ураломъ, — ничего важнаго.

Вся эпоха Пугачевскаго бунта представляетъ какую-то странную игру въ прятки: сегодня входитъ въ городъ Пугачевъ и расправляется по своему, завтра онъ уходитъ, — по пятамъ его вступаютъ правительственныя войска и начинаютъ все передѣлывать. Быстрыя перемѣны, отъ которыхъ хоть у кого закружится голова — и въ концѣ концовъ — кровь, стоны, пожары, грабежъ!..

Пугачевъ доигрывалъ свою страшную комедію съ переодѣваніемъ; онъ уже, какъ дикій звѣрь, загнанный охотниками, свирѣпо бросался изъ стороны въ сторону и затѣмъ вдругъ повернулъ къ Волгѣ обратно, питая все таки какіе-то грандіозные планы. Его преслѣдовали по пятамъ; въ самомъ войскѣ его открылись измѣны, начали уходить отъ него массами; среди самыхъ близкихъ сообщниковъ начались тайные переговоры о выдачѣ самаго Пугачева!..

Въ этомъ переполохѣ, когда преслѣдовавшіе Пугачева отряды отхватывали отъ него кусокъ за кускомъ отъ обоза и войскъ, въ августѣ 1774 года, была снова взята правительственными войсками и Софья Дмитріева съ обѣими дочерьми; малолѣтній сынъ Пугачева, Трофимъ остался при немъ. Софью Пугачеву опять, во второй разъ, отправили въ Казань, гдѣ сошлись теперь обѣ жены Пугачева, и съ этого времени, кажется, судьба ихъ связана вмѣстѣ, онѣ терпятъ одну и ту-же участь.

Наконецъ, Пугачева снова угнали за Волгу. Къ преслѣдовавшимъ мятежника Михельсону, Меллину и Муфелю присоединился Суворовъ; они переправились за Пугачевымъ черезъ Волгу и тамъ осѣтили его со всѣхъ сторонъ, отрѣзавъ всякую возможность вырваться.

Наконецъ, пробилъ часъ Пугачева: 14-го сентября 1774 года, въ старовѣрческомъ селеніи, гдѣ отдыхалъ Пугачевъ, къ нему приступили его сообщники и потребовали, чтобъ онъ кончилъ наконецъ морочить людей.

Пугачевъ догадался, въ чемъ дѣло, увидѣлъ свою полную беззащитность и — протянулъ руки казаку Творогову, сказавъ только:

— Вяжи!..

VI.

Пугачевъ въ клѣткѣ. — Софья пущена въ Москвѣ по базарамъ разсказывать о мужѣ. — Казнь Пугачева и рѣшеніе суда о «жонкахъ». — Устинья у императрицы Екатерины II. — Пропажа обѣихъ женокъ съ горизонта и изъ памяти.— Чрезъ 21 годъ онѣ оказываются въ Кексгольмской крѣпости.

Теперь начинается развязка всѣхъ прошедшихъ предъ читателемъ трагическихъ и комическихъ сценъ.

Пугачева, послѣ допроса въ Яицкомъ городкѣ, Суворовъ повезъ въ деревянной клѣткѣ, какъ русскаго звѣря, въ Симбирскъ къ Панину; съ нимъ былъ и сынъ его отъ Софьи, Трофимъ, «рѣзвый и смѣлый мальчикъ», какъ называетъ его Пушкинъ въ своей «Исторіи Пугачевскаго бунта». Изъ Симбирска ихъ отправили въ Москву.

Еще раньше туда-же посланы были и «жонки» Пугачева, Софья съ дочерьми и Устинья съ матерью для новыхъ допросовъ въ тайной экспедиціи, къ завѣдывавшему московскимъ ея отдѣломъ оберъ-секретарю сената, Степану Ивановичу Шешковскому.

Послѣ допросовъ Устинью Пугачеву посадили подъ крѣпкій караулъ, приберегая для посылки въ Петербургъ, гдѣ императрица Екатерина II выразила желаніе видѣть пресловутую «императрицу Устинью», а Софью Дмитріеву, въ видахъ успокоенія народной молвы, ибо о Пугачевѣ въ народѣ говорили «разно» и подчасъ для правительства непріятно,—пустили гулять по базарамъ, чтобы она всѣмъ разсказывала о своемъ мужѣ, Емельянѣ Пугачевѣ, показывала его дѣтей, словомъ разсѣявала своимъ живымъ лицомъ и свидѣтельствомъ мнѣніе, что Пугачевымъ назвали истиннаго государя Петра III.

Народъ, не задолго передъ тѣмъ съ нетерпѣніемъ ожидавшій Пугачева, какъ царя Петра Θеъоровича, слушалъ разсказы Софьи, ходилъ смотрѣть «самого Пугача» на монетный дворъ — и, должно быть, убѣждался.

10-го января 1776 года, въ жестокій морозъ была совершена казнь Пугачева, а о женахъ его въ пунктѣ 10 сентенціи о казни было сказано:

«А понеже ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовали обѣ жены самозванцевы, первая Софья, дочь донскаго казака Дмитрія Никифорова (Недюжина) вторая Устинья, дочь яицкаго казака Петра Кузнецова, и малолѣтные отъ первой жены сынъ и двѣ дочери, то безъ наказанія отдалить ихъ, куда благоволитъ Правительствующій Сенатъ».

Передъ «отдаленіелъ» Устинью Кузнецову привезли въ Петербургъ, чтобы показать ее императрицѣ Екатеринѣ II, и когда мо-

нархиня внимательно осмотрѣла яицкую писанную красавицу, то замѣтила окружающимъ:

— Она вовсе не такъ красива, какъ прославили...

Устиньѣ въ это время было не болѣе 17 — 18 лѣтъ. Можетъ быть, волокита и маета по тюрьмамъ, секретнымъ коммисіямъ и допросамъ, при которыхъ не разъ, вѣроятно, она попробовала и плетей, сняли съ лица ея красоту и состарили!..

Съ этого времени объ Устиньѣ и Софьѣ исчезли—было всякія свѣдѣнія, а на Уралѣ такъ и до сихъ поръ ничего не знаютъ о дальнѣйшей участи несчастныхъ женщинъ. Есть только преданіе, что ни Софья, ни Устинья назадъ не воротились — и это справедливо.

Свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ «пугачевскихъ жонокъ» нынѣ появляется въ печати въ первый разъ, заимствованныя изъ подлиннаго документа, находящагося въ Государственномъ Архивѣ, и въ копіи обязательно сообщеннаго редакціи «Историческаго Вѣстника».

Судьба ихъ послѣ сентенціи и казни Пугачева, вѣроятно, была никому или очень не многимъ извѣстна и изъ современниковъ-то, а черезъ короткое время память о нихъ по сю сторону Волги и совсѣмъ сгибла — убрали, «отдалили»—и концы въ воду!

И только черезъ двадцать одинъ годъ послѣ казни Пугачева, короткое свѣдѣніе о нихъ появляется на свѣтъ божій.

Императоръ Павелъ Петровичъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ (14 декабря 1796 года), приказалъ отправить служившаго при тайной экспедиціи коллежскаго совѣтника Макарова въ Кексгольмскую и Нейшлотскую крѣпости, поручивъ ему осмотрѣть содержащихся тамъ арестантовъ и узнать о времени ихъ заточенія, о содержаніи ихъ подъ стражею или о ссылкѣ ихъ туда на житье.

Въ свѣдѣніяхъ, представленныхъ Макаровымъ, между прочимъ записано:

«Въ Кексгольмской крѣпости: Софья и Устинья, женки бывшаго самозванца Емельяна Пугачева, двѣ дочери, дѣвки Аграфена и Христина отъ первой и сынъ Трофимъ.

«Съ 1775 года содержится въ замкѣ, въ особливомъ покоѣ, а парень на гауптвахтѣ, въ особливой (же) комнатѣ.

«Содержаніе имѣютъ отъ казны по 15 копѣекъ въ день, живутъ порядочно.

«Женка Софья 55 лѣтъ, Устинья—около 36 лѣтъ [1]), дѣвка одна лѣтъ 24-хъ, другая лѣтъ 22-хъ; малый-же лѣтъ отъ 28 до 30.

«Присланы всѣ вмѣстѣ, изъ Правительствующаго Сената.

«Софья — дочь донскаго казака, и оставалась во время разбоя

---

[1]) Устинья, вѣроятно, была моложава, что сдѣлали по виду такое заключеніе. Ей, должно быть, было въ то время лѣтъ 40.

мужа ея въ домѣ своемъ (вначалѣ, а впослѣдствіи она была взята подъ стражу), а на Устиньѣ женился онъ, бывъ на Яикѣ, а жилъ съ нею только десять дней [1]).

«Имѣютъ свободу ходить по крѣпости для работы, но изъ оной не выпускаются; читать и писать не умѣютъ».

О матери Устиньи ничего не говорится — вѣроятно, она давно померла въ крѣпости.

Такъ вотъ какова судьба усладительницъ дней Пугачева; послѣ разныхъ треволченій и бѣдъ, послѣ разнообразнѣйшихъ и чудныхъ приключеній, а Устинья послѣ титула «императрицы» — онѣ были отданы на жертву гарнизонныхъ сердцеѣдовъ-солдатъ и офицерства, и долгую жизнь свою проводили въ стѣнахъ крѣпости, питаясь поденьщиной. Что было съ ними далѣе — неизвѣстно; вѣроятно, онѣ такъ и померли въ Кексгольмской крѣпости, сжившись съ нею.

VII.

Запрещеніе разговоровъ о Пугачевѣ. — Опять Иванаева и опять плети. — Ссора изъ-за дровъ. — Комедіанты на Уралѣ представляютъ Устинью. — Сочувствіе къ ней. — Заключеніе.

Не скоро улеглось умственное волненіе въ народѣ, поднятое Пугачевскимъ бунтомъ; волной ходили въ народѣ по сю сторону Волги разговоры о Пугачевѣ, и Екатерина распорядилась запретить всякіе разговоры о немъ, т. е. пойманныхъ на этомъ наказывали, и это запрещеніе имѣло силу до самаго воцаренія императора Александра I.

Не скоро поблѣднѣла память о Пугачевѣ въ народѣ, а въ средѣ Яицкихъ, переименованныхъ въ Уральскіе, казаковъ она жива и до сихъ поръ.

Кстати, сообщимъ, чѣмъ окончилось въ Яицкѣ дѣло объ Устиньѣ. Домъ ея, запечатанный Симоновымъ съ самаго ареста Устиньи съ матерью, стоялъ пустой до самаго окончанія дѣла о Пугачевѣ, и много спустя былъ по просьбѣ родственниковъ Кузнецовой распечатанъ и отданъ имъ во владѣніе войсковымъ начальствомъ.

Прасковья Гаврилова Иванаева не унялась и послѣ казни Пугачева; по прежнему стала она невоздержна на языкъ, чуть дѣло касалось предмета ея преданности и любви, по прежнему жадно ухватывалась за всякій слухъ о появленіи бунтовщиковъ, чтобы грозить ими насолившему ей начальству.

---

[1]) Если Устинья считаетъ «житьемъ» съ ней еженедѣльные его къ ней пріѣзды, то она совершенно права.

Въ Астрахани появился разбойникъ «Метла» или «Заметаевъ», и вотъ Иванаева ожила и насторожила уши. Надобенъ былъ самый пустячный предлогъ, чтобы вывести неугомонную бабу изъ труднаго для нее молчанія; предлогъ не замедлилъ явиться: Иванаева поругалась со своей квартиранткой, вдовой Антоновой, изъ-за дровъ, а потомъ вцѣпились другъ другу и въ косы. Антонова, вѣроятно, попрекнула Прасковью Пугачевымъ и плетями, которыми ее неоднократно подчивали — и Иванаева разсвирѣпѣла!..

— Врешь, дура нечесаная! Пугачева казнили, а батюшка Петръ Ѳедоровичъ живъ еще и придетъ еще съ войскомъ!.. А не онъ, такъ наслѣдникъ его отплатитъ вамъ!.. А въ Астрахани вонъ «Метла» появилась, смететъ всѣхъ васъ и съ начальствомъ-то вашимъ! Вотъ тогда я посмотрю!..

Антонова донесла на Прасковью Иванаеву по начальству; исправлявшій должность коменданта Яицкаго-городка, войсковой старшина Акутинъ, донесъ Рейнсдорпу объ этомъ 5 марта 1775 года, и оренбургскій губернаторъ приказалъ Иванаеву снова выдрать плетьми, подтвердивъ ей, «что впредь за подобныя слова и разглашенія, по жестокомъ наказаніи, будетъ выслана въ отдаленное мѣсто отъ Уральскаго городка».

Бѣдной неугомонной бабѣ снова пришлось отвѣчать своей спиной за слѣпую преданность Пугачеву, и съ этого раза, она, вѣроятно, присмирѣла, разсудивъ, что, въ концѣ концовъ, «плетью обуха не перешибешь», а своя шкура дороже!..

Относительно памяти объ Устиньѣ Кузнецовой на Уралѣ, существующей и до сихъ поръ, г. Р. Игнатьевъ, въ статьѣ своей объ Устиньѣ, помѣщенной въ первыхъ нумерахъ «Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостей» за нынѣшній годъ, сообщаетъ любопытное свѣдѣніе, что Устинью Кузнецову не только свѣжо помнятъ и до сихъ поръ и сочувствуютъ этой безвременно погибшей красавицѣ, но и «образъ ея лицедѣйствуется въ живыхъ картинахъ» разъѣзжающими по городамъ и селамъ труппами комедіантовъ. Дѣйствіе изображаетъ свадьбу Пугачева на Устиньѣ, невѣсту изображаетъ молоденькая артистка «не жалѣя гримировки» — и представленіе всегда привлекаетъ огромную толпу зрителей, съ любопытствомъ и сочувствіемъ смотрящую на изображеніе своей «народной героини»...

Въ настоящей статьѣ приведены всѣ извѣстныя свѣдѣнія о женщинахъ, непосредственно участвовавшихъ въ Пугачевскомъ возстаніи; передъ читателемъ въ возможной полнотѣ представлено четыре женскихъ типа этой смутнвй эпохи. Какое разнообразіе психологическихъ положеній и какіе любопытные выводы въ этомъ отношеніи можно сдѣлать даже и изъ приведенныхъ отрывочныхъ чертъ!..

А. В. Арсеньевъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ СПА РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

I.

Еще въ XIII-мъ столѣтіи желѣзныя воды въ городкѣ Спа, находящемся въ Бельгіи, въ недальнемъ разстояніи отъ города Льежа, были извѣстны своею цѣлебною силой. Хотя извѣстность ихъ становилась со временемъ все громче въ разныхъ концахъ Европы, но никогда она не достигала такой громкой славы, какъ въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, благодаря посѣщенію ихъ Петромъ Великимъ. Европа давно уже знала Петра и дивилась его генію, его дѣяніямъ и побѣдамъ, а потому, распущенная всѣми тогдашними европейскими газетами молва объ исцѣленіи Петра водами Спа отъ тяжкаго недуга—была самою лучшею для нихъ рекламою. Даже спустя почти полтора столѣтія послѣ этого, извѣстный французскій фельетонистъ Жюль-Жаненъ въ своихъ «Les delices de Spa», упомянувъ объ исцѣленіи Петра тамошними водами, воскликнулъ: «Ce-ci est le grand miracle de Spa». Нѣкто Альбенъ Боди, обитатель Спа, воспользовался, въ 1872 году, двухсотлѣтнею годовщиною рожденія Петра, чтобы подновить давнишнюю репутацію водъ Спа, и съ этою цѣлью издалъ въ Брюсселѣ небольшую книжку подъ заглавіемъ: «Pierre le Grand aux eaux de Spa».

Въ самомъ Спа до нынѣ имя Петра сохранилось въ памяти мѣстнаго населенія, и Этьенъ Араго, упоминая, однажды, объ этомъ, замѣтилъ: «Le Czar Pierre est un nom, qu'on apprend à l'enfance». По словамъ другаго французскаго писателя, имя Петра жителямъ Спа гораздо болѣе извѣстно, нежели имена всѣхъ другихъ истори-

ческихъ личностей. Кромѣ г. Боди, свѣдѣнія о пребываніи Петра въ Спа собиралъ къ 1872 году еще и другой французскій писатель, У. Капитонъ, но смерть воспрепятствовала ему окончить и издать свой трудъ. На основаніи всѣхъ упомянутыхъ свѣдѣній, а также и другихъ источниковъ, мы разскажемъ о посѣщеніи Спа русскими государями и разумѣется, намъ придется начать нашъ разсказъ съ Петра Великаго.

Въ 1716 году, Петръ отправился во второе путешествіе по Европѣ Онъ проѣхалъ черезъ Копенгагенъ и Любекъ въ Шверинъ, гдѣ сильно захворала его супруга Екатерина, а потому, онъ отправился одинъ въ Амстердамъ, куда вскорѣ за нимъ пріѣхала и Екатерина. Опасаясь, что, вслѣдствіе переѣздовъ, здоровье ея можетъ разстроиться еще болѣе, онъ безъ нея отправился въ Парижъ, имѣя въ виду проѣхать оттуда въ Спа, для пользованія тамошними водами, по совѣту своего лейбъ-медика Арескина.

Изъ Парижа Петръ выѣхалъ 20-го іюня н. ст. 1717 года. На всемъ пути ему оказывали торжественныя встрѣчи, которыя въ подробностяхъ описываемы были въ тогдашнемъ повременномъ парижскомъ изданіи «Le Mercure historique et politique». Петръ на эти торжественные пріемы не обращалъ, впрочемъ, особаго вниманія, но въ каждомъ городѣ осматривалъ преимущественно все, чтò относилось къ инженерному искусству. Онъ не отказывался, однако, отъ предлагаемыхъ ему угощеній и, что въ особенности замѣчательно,—танцовалъ всюду съ большимъ удовольствіемъ. Наибольшею пышностію отличались встрѣчи, сдѣланныя ему въ Намурѣ. Но не желая быть предметомъ любопытства праздной толпы, онъ просилъ, чтобы пушечные выстрѣлы производились въ честь его только тогда, когда онъ или уже въѣдетъ въ назначенное помѣщеніе, или совсѣмъ выѣдетъ изъ города.

Въ Нидерландахъ, состоявшихъ въ то время подъ властію Габсбурговъ, ему также оказывали чрезвычайный почетъ, но онъ хотѣлъ, чтобы назначенный ему военный конвой состоялъ не болѣе, какъ изъ двѣнадцати всадниковъ, и чтобъ онъ могъ въѣзжать въ города инкогнито. Но такая просьба государя не вполнѣ была удовлетворена, такъ какъ испанско-австрійскій дворъ былъ въ ту пору самымъ ревностнымъ поборникомъ придворнаго этикета, и встрѣча, несоотвѣтствующая достоинству царствующаго государя,—хотя бы и по собственному желанію этого послѣдняго,—показалось бы ему нарушеніемъ основныхъ приличій.

Петру I особенно нравились въ Бельгіи народныя увеселенія и подобія морскихъ битвъ, производимыхъ на рѣчныхъ лодкахъ. Правитель Бельгіи, въ донесеніи своемъ высшей власти о пріѣздѣ царя, сообщалъ, между прочимъ, что лица, пріѣхавшія изъ Россіи съ царемъ, уже лѣтъ десять не видали его такимъ веселымъ, какимъ онъ былъ во время своего пребыванія въ Бельгіи.

II.

Еще въ бытность свою въ Парижѣ, Петръ отправилъ одного изъ своихъ дворянъ въ Бонъ, къ Іосифу-Клименту, принцу Баварскому, считавшемуся въ то время княземъ-епископомъ Льежскимъ, чтобъ извѣстить его о своемъ желаніи провести нѣсколько недѣль въ его владѣніяхъ. Получивъ такое неожиданное извѣщеніе, его преосвященнѣйшая свѣтлость призамялся: съ одной стороны, ему было очень лестно принять у себя такого знаменитаго гостя, а съ другой — онъ боялся сопряженныхъ съ этимъ хлопотъ и слишкомъ значительныхъ расходовъ. Ему, между прочимъ, было извѣстно, что королю французскому пребываніе Петра въ Парижѣ обходилось ежедневно до 600 экю. Припугнули его и личностью русскаго государя: ему насказали, что Петръ прихотливъ, сварливъ, своенравенъ и отличается странными, варварскими привычками и что спутники его вовсе не подъ-стать мѣстнымъ жителямъ. При всемъ этомъ, однако, у князя-епископа на первомъ мѣстѣ стоялъ вопросъ о денежныхъ издержкахъ, и онъ, отпустивъ посланца Петра съ уклончиво-дипломатическимъ отвѣтомъ и подаривъ ему свой портретъ въ медальонѣ, осыпанномъ бриллiантами, надѣялся, что жители Льежа возьмутъ на себя всѣ издержки по торжественному пріему русскаго царя. Но онъ въ этомъ случаѣ крѣпко обманулся въ своихъ разсчетахъ: вѣрноподданные его епископской свѣтлости отвѣчали, что въ Спа они не могутъ принять царя на свой счетъ, такъ какъ означенный городокъ, по причинѣ существующихъ въ немъ цѣлебныхъ водъ, посѣщается многими владѣтельными персонами, и что поэтому имъ, жителямъ, было бы неудобно заводить такой порядокъ гостепріимства, потому что тогда слѣдуетъ дѣлать тоже самое и для другихъ государей, а это для нихъ, жителей Спа, будетъ уже слишкомъ накладно.

Въ виду этого, пришлось самому князю-епископу потратиться на пріемъ царя. Онъ отправилъ въ Льежъ своего гофмаршала, графа Вентура, съ своей прислугой и съ домашней рухлядью, а также часть своей конной гвардіи съ трубачами-цимбалистами, нѣсколько каретъ съ запряжкою въ шесть лошадей, драбантовъ, стрѣльцовъ и гайдуковъ; все это помѣстилось въ епископскомъ дворцѣ. Тогда уже церковный капитулъ и городскія власти постарались и съ своей стороны посодѣйствовать, сколь возможно, наиболѣе блестящему пріему русскаго царя.

Наканунѣ его пріѣзда, городской совѣтъ составилъ депутацію и снарядилъ городской оркестръ, а духовенство избрало своихъ представителей для встрѣчи Петра въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій, называвшемся Шокье.

Депутація, музыка и представители, помѣстились на большомъ суднѣ, въ сопровожденіи мелкихъ лодокъ, украшенныхъ разноцвѣтными фестонами, гирляндами и лентами. На этихъ лодкахъ ѣхали трубачи, гобоисты и другіе музыканты. Судно, отправившееся изъ Льежа, причалило къ тому судну, на которомъ находился Петръ. Представители депутаціи взошли на него, и льежскій бургомистръ сказалъ царю привѣтственную рѣчь, послѣ чего оба судна поплыли далѣе съ музыкой, при пушечныхъ выстрѣлахъ, а между тѣмъ толпы народа покрывали оба берега рѣки Мёза или Мааса и радостными кликами привѣтствовали высокаго гостя. Петръ вступилъ на городскую землю при звукахъ трубъ и при салютаціонной пальбѣ, а кафедральный каноникъ, послѣ сказанной имъ царю на латинскомъ языкѣ рѣчи, подалъ Петру кредитивную грамоту отъ князя-епископа. Говорились также тутъ рѣчи и на голландскомъ языкѣ, который Петръ зналъ очень хорошо, научившись ему во время своего пребыванія въ Голландіи. Добавимъ здѣсь кстати, что по отзыву его современника, лично его знавшаго, герцога Сенъ-Симона, Петръ хорошо понималъ по-французски и — добавляетъ герцогъ — «если бы царь пожелалъ, то, какъ я думаю, могъ бы говорить на этомъ языкѣ». Но для передачи его отвѣтовъ переводчикомъ служилъ ему русскій посолъ въ Парижѣ, князь Куракинъ. Вѣроятно, Петръ, французскій выговоръ котораго, несомнѣнно, былъ плохъ, не говорилъ по-французски, не желая быть предметомъ насмѣшекъ со стороны французовъ.

Въ назначенное ему въ Льежѣ помѣщеніе, царь поѣхалъ въ парадной каретѣ, запряженной восьмью лошадьми. За каретою ѣхали царскіе дворяне, а за ними—вершники князя-епископа, поѣздъ же открывался отрядомъ его конной гвардіи. Домà въ Льежѣ были убраны флагами, цвѣтами и зеленью, а по обѣимъ сторонамъ улицъ, по которымъ слѣдовалъ поѣздъ, были разставлены войска на всемъ пути царя, отъ пристани до епископскаго дворца.

Вскорѣ послѣ его пріѣзда туда, онъ принялъ депутацію, причемъ бургомистры выпили за его здоровье, а послѣ полудня былъ данъ блестящій банкетъ, на который собрались всѣ почетныя лица города.

По окончаніи банкета, царь отправился осматривать городъ. Онъ посѣтилъ каѳедральный соборъ и другія замѣчательныя церкви. Какъ въ Парижѣ Петръ отказался помѣститься въ Луврѣ, такъ точно въ Льежѣ онъ не захотѣлъ жить во дворцѣ и перебрался оттуда въ «Hotel de Lorraine», гдѣ для него и для его свиты былъ приготовленъ графомъ Веентура роскошный ужинъ. При этомъ, на столахъ была разставлена великолѣпная серебряная посуда самого епископа и нѣкоего барона Ванъ-денъ-Штеенъ-де-Егай. Замѣчательно, что баронъ получилъ эту посуду въ наслѣдство, но такъ какъ тогда въ льежскомъ епископствѣ дѣйствовали законы, ограничивавшіе рос-

копь, то баронъ подлежалъ наказанію и штрафамъ. Однако, князь епископъ смягчилъ въ отношеніи къ нему суровость этихъ законовъ, но съ тѣмъ, чтобы эта посуда была обращена въ родовую собственность бароновъ Ванъ-денъ-Штеенъ на майоратномъ правѣ и чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ владѣтели Льежа имѣли право пользоваться ею при торжественныхъ случаяхъ. Сила такого обязательства дѣйствовала до 1794 года.

Въ день въѣзда Петра въ Льежъ, погода была великолѣпная. Вечеромъ весь городъ былъ блистательно иллюминованъ, и въ добавокъ къ тому, былъ сожженъ на рѣкѣ Мёзѣ прекрасный фейерверкъ при звукахъ музыки, звонѣ колоколовъ и игрѣ курантовъ на городскихъ церквахъ. Пріемъ Петра въ Льежѣ обошелся городу и князю-епископу въ 4.828 тогдашнихъ брабантскихъ флориновъ.

На другой день, рано по утру, Петръ, осмотрѣвъ угольныя копи, выѣхалъ изъ Льежа, встрѣтившаго его съ такимъ радушіемъ. Онъ направился прямо въ Спа, сопровождаемый своею свитой, каѳедральнымъ каноникомъ, однимъ полкомъ конной гвардіи курфирста и отрядомъ льежскаго полка. Отрядъ этотъ не только проводилъ Петра до Спа, но и былъ оставленъ въ Спа на все время пребыванія царя на тамошнихъ водахъ.

III.

Въ ту пору, пути сообщенія въ этихъ мѣстахъ были ужасны, и это чрезвычайно вредило развитію благосостоянія городка Спа, такъ какъ многіе больные, вслѣдствіе неудобнаго переѣзда, не рѣшались туда ѣхать и предпочитали отправляться на ахенскія или другія воды. Только въ 1768 году начали пролагать большую дорогу отъ Льежа къ Спа, и жители этого послѣдняго городка никакъ не могли думать, чтобы къ нимъ по такому скверному пути рѣшился пробраться русскій царь, тѣмъ болѣе, что ходила молва объ его тяжкой болѣзни. Но какъ краснорѣчиво замѣтилъ г. Боди— «завоеватель степей на сѣверѣ и на югѣ своей имперіи не могъ убояться такихъ, собственно для него, ничтожныхъ препятствій».

Спа въ это время былъ ничтожный городокъ, состоявшій всего на всего изъ 300 домовъ, въ числѣ которыхъ бо́льшая часть была или мазанки, или домишки, построенные изъ дерева. Но и это не могло затруднять Петра, привыкшаго съ странствованію по Россіи и къ военно-походной жизни подъ открытымъ небомъ. Онъ былъ увѣренъ, что всюду найдетъ для себя удобное, хотя бы и самое неприхотливое помѣщеніе. Послѣ труднаго и утомительнаго переѣзда, Спа казалось уже ему мѣстомъ пріятнаго отдохновенія. Такъ какъ тамъ нельзя было имѣть хорошаго вина, то заботливыя го-

родскія власти Льежа отправили туда въ извѣстномъ количествѣ стараго рейнскаго вина, которое, по пріѣздѣ Петра въ Спа, и было предложено ему въ видѣ привѣтственнаго тоста.

Петръ, ожидавшій по увѣренію своего лейбъ-медика Арескина, если и не совершеннаго излеченія, то, по крайней мѣрѣ, значительнаго облегченія своего недуга отъ минеральныхъ водъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Спа, началъ пользоваться ими. По установив-

Главная улица въ Спа въ XVIII столѣтіи.

Съ старинной гравюры.

шемуся съ давнихъ временъ лечебному порядку, онъ на другой же день принялся пить воду изъ источника Пугонъ и употреблялъ ее въ теченіи двухъ дней. Затѣмъ, онъ перешелъ къ водѣ изъ источника Жеронстеръ, которая въ то время употреблялась еще очень рѣдко. Посовѣтовалъ ему пить эту воду врачъ Арескинъ, который предварительно занялся изслѣдованіемъ ея химическаго состава, и вмѣстѣ съ другими, бывшими въ Спа врачами, призналъ, что вода изъ этого источника будетъ всего полезнѣе для царя. Не оставляя своихъ привычекъ, Петръ, живя въ Спа, вставалъ рано утромъ и каждый день отправлялся къ источнику Жерон-

стеръ. Иногда онъ ѣздилъ туда въ каретѣ или въ берлинѣ, иногда верхомъ, но всего чаще въ бричкѣ, запряженной парою лошадей, которыми онъ самъ любилъ править.

Источникъ, указанный врачами царю, былъ самый отдаленный отъ города изъ всѣхъ мѣстныхъ источниковъ, такъ какъ онъ находится отъ него на разстояніи трехъ съ половиною верстъ Такъ какъ Жеронстеръ посѣщали очень рѣдко, то было чрезвычайно трудно добраться до него. Вотъ въ какихъ словахъ одинъ изъ современниковъ Петра описываетъ тотъ путь, по которому долженъ былъ проѣзжать Петръ: «Дорога была до того дурна, что кареты должны были употреблять на проѣздъ этого пространства около пяти часовъ. Самый путь былъ крайне непріятенъ. Тотчасъ же по выѣздѣ изъ Спа, не было уже никакихъ признаковъ населенія, и можно было думать, что находишься въ пустынѣ. Куда не обратились бы глаза, всюду встрѣчали только пустоту. Всюду были видны только деревья, кусты и глыбы мрамора. Вся дорога была и засыпана, и стиснута или скалами, или большими обломками камней, такъ, что какъ бы ни погоняли лошадей, все-таки онѣ могли двигаться только шагомъ, потому что кучеръ долженъ былъ идти постоянно рядомъ съ ними и направлять ихъ подъ устцы въ опасныхъ мѣстахъ, а также долженъ былъ смотрѣть, чтобъ экипажъ не наѣхалъ на камень».

«Для этого труднаго и узкаго переѣзда имѣлись особыя кареты, нѣчто въ родѣ легкихъ креселъ съ кузовомъ изъ кожи или клеенки, безъ дверецъ и стеколъ. Онѣ устанавливались на дрогахъ съ двумя огромными и прочными колесами. Въ задней части кузова было продѣлано отверстіе, чтобъ въ него можно было наблюдать за поклажей, которую привязывали сзади къ дрогамъ, потому что помѣстить тамъ служителя не было никакой возможности. Въ такой каретѣ нельзя было ѣздить скоро и потому еще, что небыло возможности запрячь двухъ лошадей въ рядъ, а приходилось запрягать ихъ гуськомъ. Въ какую бы то ни было пору, лошади шли всегда одномѣрнымъ шагомъ, и иныя изъ нихъ такъ прекрасно знали дорогу, что въ опасныхъ мѣстахъ ставили ноги въ однѣ и тѣ же выбоины и на тѣ же самыя камни, такъ что въ извѣстныхъ мѣстахъ были уже извѣстны и толчки и встряски».

Возвращаться назадъ было бы удобнѣе верхомъ, но царь предпочиталъ проходить это пространство пѣшкомъ, въ видѣ прогулки. При этомъ условіи, если поѣздка къ источнику была утомительна и однообразна — такъ какъ приходилось постоянно подниматься въ гору — то возвращеніе оттуда было чрезвычайно пріятно, потому что на пути представлялись хотя и дикіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательные виды.

Хотя Петръ и пріѣхалъ въ Спа съ твердымъ намѣреніемъ поправить на цѣлебныхъ его водахъ свое здоровье, изнуренное по

отзывамъ пользовавшихъ его врачей не столько разнаго рода излишествами, сколько утомительными трудами, но тѣмъ не менѣе онъ очень не охотно подчинялся предписаніямъ врачей. Такъ, напримѣръ, онъ иногда выпивалъ чрезмѣрное количество минеральной воды. Льежскій каноникъ де-ла Ней, пріѣхавшій съ нимъ въ Спа, разсказывалъ, что ему однажды случилось видѣть, какъ царь сразу выпилъ двадцать одинъ стаканъ воды изъ источника Пугона и что это не только не подѣйствовало на него дурно, но лишь возбудило въ немъ превосходный аппетитъ. Медицинскій ареопагъ вообще строго запрещалъ больнымъ, пьющимъ воду, ѣсть сырые плоды. Это мнѣніе врачей до такой степени утвердилось, что въ отеляхъ Спа почти никогда не подавали къ десерту фруктовъ. Царь, однако, не придерживался общаго мнѣнія врачей, и встрѣчаются записанныя въ мѣстной медицинской хроникѣ указанія, что онъ тотчасъ же послѣ того, какъ выпивалъ воду, съѣдалъ около шести фунтовъ вишенъ и дюжину фигъ. По отзыву врача, нужно было имѣть необыкновенно крѣпкую натуру, чтобъ не почувствовать печальныхъ послѣдствій такой неосторожной ѣды.

Видно было, что правильное леченіе очень надоѣдало Петру и онъ слишкомъ часто придерживался своего обычнаго образа жизни.

Сохранился чрезвычайно любопытный отчетъ о ежедневномъ времяпрепровожденіи царя. Отчетъ этотъ написанъ въ видѣ письма упомянутаго выше каноника де-ла Ней къ господину де-Пасрà, министру статсъ-секретарю курфирста Кельнскаго, находившемуся тогда въ Бонѣ. Оно помѣчено: Спа, 27-го іюля 1717 года.

«Надобно сказать правду, что этотъ государь, какъ и вообще всѣ московиты—пречуднòй. Графу д'Аржанто, который долженъ завтра пріѣхать въ Бонъ, будетъ чѣмъ потѣшить его пресвященнѣйшую свѣтлость, разсказывая то, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Но такъ какъ графъ обѣдалъ у царя только по праздникамъ, то мнѣ слѣдуетъ описать его повседневную жизнь.

«Я пріѣхалъ въ Спа въ четвергъ, 22-го іюля, и засталъ царя въ палаткѣ. Я поднесъ ему вазу съ плодами изъ моего сада; онъ мнѣ сдѣлалъ честь, пригласивъ меня отобѣдать съ нимъ, и мнѣ непростительно было бы, если бы я не сообщилъ вамъ всѣхъ подробностей этого обѣда.

«Меня озаботились предупредить, что я буду видѣть повседневный образъ жизни царя.

«Хотя столъ и былъ накрытъ только на восемь кувертовъ, но за него умудрились посадить двѣнадцать человѣкъ. Царь сидѣлъ за обѣдомъ въ ночномъ колпакѣ и безъ галстуха. Два солдата изъ мѣстнаго гарнизона приносили блюда, въ которыхъ ровно ничего не было, но у краевъ ихъ были поставлены глиняныя миски, въ которыя былъ налитъ бульонъ и положенъ кусокъ говядины. Каждый бралъ одну изъ этихъ мисокъ и ставилъ ее такъ далеко, что

нужно было протягивать руку, какъ при военныхъ экзерциціяхъ, для того, чтобы взять ложку бульона. Когда бульонъ былъ съѣденъ, то можно было черпать его изъ миски сосѣда, какъ это и сдѣлалъ его величество относительно своего канцлера. Адмиралу, сидѣвшему противъ Петра Великаго, не хотѣлось ѣсть, и онъ отъ нечего дѣлать развлекался тѣмъ, что грызъ ногти. Вдругъ вошелъ какой-то человѣкъ и почти что кинулъ на столъ шесть бутылокъ вина, не разставивъ ихъ какъ должно. Царь взялъ одну изъ бутылокъ и роздалъ стаканы всѣмъ собесѣдникамъ.

«Канцлеръ, рядомъ съ которымъ я сидѣлъ, замѣтивъ, что я ѣмъ говядину безъ соли — такъ какъ единственная солонка стояла на концѣ стола, ласково сказалъ мнѣ: «если, милостивый государь, вамъ угодно соли, то вы сами должны ее взять». Я, не желая дѣлать видъ стѣсняющаго себя гостя, протянулъ руку къ солонкѣ, стоявшей передъ царемъ и запасся солью на весь обѣдъ.

«Почти всѣ миски были опрокинуты на скатерть, такъ же, какъ и бутылки вина, которыя не были хорошо закупорены. Когда сняли приборы, то скатерть оказалась залитою и запачканою жиромъ.

«Стали подавать второе блюдо. Солдату, который въ это время проходилъ мимо кухни, сунули въ руки на скоро блюдо, и такъ какъ у него были теперь заняты руки, а шапки онъ снять прежде не успѣлъ, то онъ и принялся мотать головой, чтобъ сбросить съ нее шапку. Но царь знакомъ приказалъ ему войти съ шапкой на головѣ. Блюдо это состояло изъ двухъ пластовъ телятины и четырехъ курицъ. Его величество, увидѣвъ одну курицу, которая была жирнѣе прочихъ, взялъ ее рукою, потеръ ею около своего носа, сдѣлалъ мнѣ знакъ, что она хороша, и оказалъ мнѣ свое вниманіе тѣмъ, что бросилъ ее на мою тарелку. Затѣмъ блюдо стали передвигать съ одного конца стола на другой и оно подвигалось безпрепятственно, тѣмъ болѣе, что жирныя пятна облегчали его передвиженіе.

«Затѣмъ, подали десертъ. Онъ состоялъ изъ трехъ бисквитовъ, приготовлявшихся въ ту пору въ Спа. Въ настоящее время производство такихъ бисквитовъ пришло въ упадокъ. Они приготовлялись изъ легкаго тѣста, сдѣланнаго на сливкахъ, яицахъ и маслѣ, и были обсыпаны сахаромъ и корицей. Бисквиты пользовались большою извѣстностію и за предѣлами Спа.

«Наконецъ, встали изъ за стола и царь, подойдя къ окну, взялъ толстые и заржавленные щипчики, чтобы вычистить ими ногти.

«Въ продолженіе всего обѣда, я, чтобъ не расхохотаться, долженъ былъ думать о чемъ нибудь серьезномъ. Я мысленно прочитывалъ мой молитвенникъ и только тогда вспомнилъ, что въ пятницу наѣлся скоромнаго, но это прегрѣшеніе было искуплено самымъ обѣдомъ».

Есть, впрочемъ, и другое, болѣе опредѣленное и, какъ надобно полагать,—болѣе достовѣрное извѣстіе о томъ, какъ продовольствовался въ Спа Петръ Великій. Замѣтку эту оставилъ находившійся съ нимъ въ Спа секретарь его, Черкасовъ. Онъ пишетъ, что государь любилъ самыя простыя кушанья, какъ, напримѣръ, щи, кашу, выпоеннаго молокомъ поросенка, простоквашу, какое нибудь холодное мясо съ приправою изъ корнишоновъ или соленыхъ лимоновъ, ветчину и лимбургскій сыръ, до котораго онъ былъ большой охотникъ. Передъ обѣдомъ онъ выпивалъ немного анисовой водки, а послѣ обѣда пилъ квасъ, красное французское вино и венгерское. Почти то же самое говоритъ въ своихъ «Запискахъ» и герцогъ Сенъ-Симонъ.

Затѣмъ, нѣкто Леувиль, современникъ пребыванія Петра въ Спа, разсказываетъ, что царь обыкновенно былъ воздержанъ и только по временамъ справлялъ оргіи. «Но что касается его свиты — добавляетъ Леувиль — то трудно себѣ представить сколько выпивали лица, ее составлявшія. Между ними, его духовникъ (Надаржинскій) выпивалъ шестнадцать бутылокъ вина, а иной разъ даже и вдвое больше».

IV.

Обстановка Петра въ Спа была крайне незатѣйлива. «Если бы, замѣчаетъ г. Боди, онъ во время своего пребыванія въ этомъ городѣ могъ найти достойныхъ его наблюдателей, то несомнѣнно, что мы имѣли бы много любопытныхъ свѣдѣній объ этомъ великомъ человѣкѣ. Но къ сожалѣнію, во множествѣ извѣстій, напечатанныхъ по поводу пребыванія Петра въ Спа, встрѣчаются только такія мелочи, о которыхъ едва ли даже и стоитъ упоминать».

Укажемъ, впрочемъ, на одно замѣчаніе, сдѣланное о Петрѣ Ж. Е. Леклеромъ, въ сочиненіи этого послѣдняго подъ заглавіемъ: Abrégé de l'histoire de Spa».

Замѣчательно, что упомянутый Леклеръ былъ не только ярымъ республиканцемъ, но и членомъ національнаго конвента, такъ что его уже никакъ нельзя подозрѣвать въ сочувствіи къ высокимъ достоинствамъ монарховъ. Между тѣмъ, Леклеръ говоритъ о Петрѣ слѣдующее:

«Этотъ необыкновенный человѣкъ, этотъ исполинъ XVIII вѣка, который прославляется въ потомствѣ и за побѣды, и за глубину своей политики, за свою правительственную мудрость, за склонность къ наукамъ и за свою жадность къ тѣмъ изъ нихъ, которыя полезны и которыя онъ такъ заботливо распространялъ, за свою неутомимую дѣятельность, за свой творческій умъ, за свою философію—нѣсколько странную, въ которой проявлялась своего рода рѣзкость, чтобъ не сказать московитское варварство—короче, тотъ че-

ловѣкъ, которому не отыщется ни подобнаго, ни равнаго... съумѣлъ пріобрѣсти себѣ славу, насаждая въ своей странѣ зачатки гражданственности».

Вотъ какъ описываетъ Сенъ-Симонъ наружность Петра во время пребыванія его въ Спа:

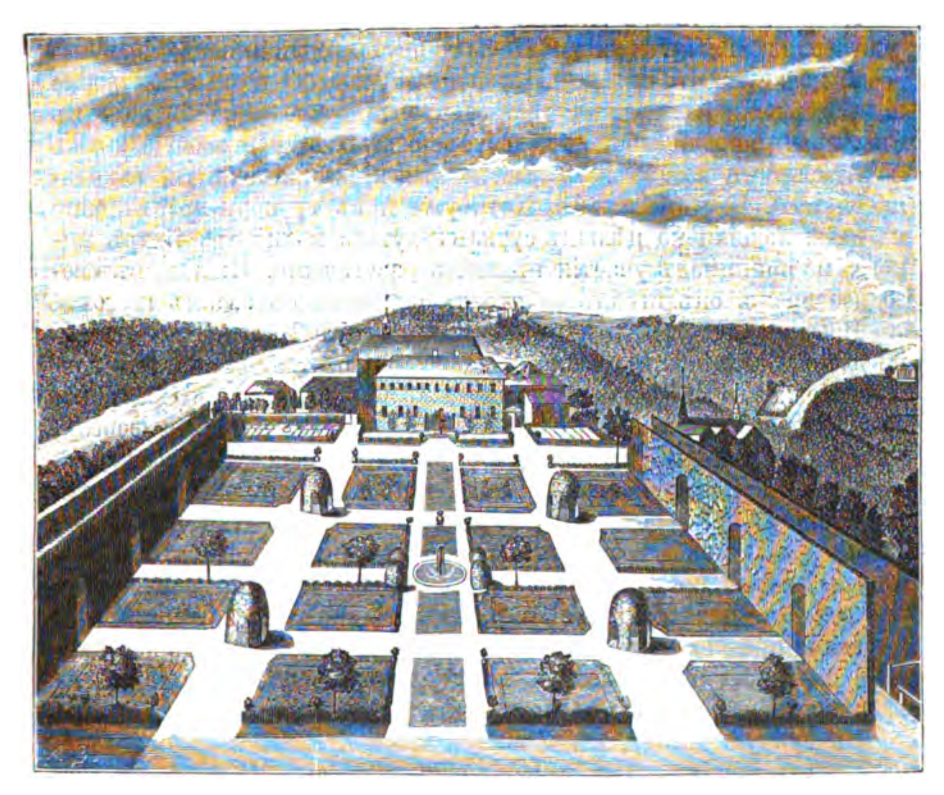
«Онъ очень высокъ ростомъ и очень хорошо сложенъ, довольно худощавъ, лицо у него круглое, высокій лобъ, хорошо очерченныя брови. Носъ у него довольно короткій и плоскій; цвѣтъ лица — красновато-смуглый, губы довольно толстыя; прекрасные, живые, черные и проницательные глаза, взглядъ его величественъ и ласковъ — если онъ пожелаетъ — если же нѣтъ, то строгъ и свирѣпъ. У него не очень часто повторялось нервное подергиваніе, которое искажало его глаза и все лицо и дѣлало его ужаснымъ. Это продолжалось одинъ лишь моментъ, и тогда взглядъ его становился блуждающимъ и страшнымъ. Вся его наружность выражала умъ, подвижность и величіе, съ прибавкою къ этому и пріятности. Онъ носилъ только полотняный воротничекъ, круглый, безъ пудры, парикъ, локоны котораго не спускались до плечъ, зеленый, безъ шитья, кафтанъ съ золотыми пуговицами, камзолъ и панталоны, плотно обхватывавшія ноги. Онъ не надѣвалъ никогда ни перчатокъ, ни маншетъ, на кафтанѣ у него была орденская звѣзда, а подъ кафтаномъ лента. Кафтанъ его очень часто былъ растегнутъ на-распашку, шляпа была на столѣ, а не на головѣ, и онъ зачастую выходилъ безъ нея. Не смотря на плохой экипажъ и на плохую обстановку, въ немъ все-таки можно было подмѣтить прирожденное ему величіе».

Въ Спа при Петрѣ находилась его собственная свита, состоявшая изъ сорока человѣкъ; въ числѣ ихъ было до двѣнадцати лицъ, знатныхъ или по рожденію, или по занимаемымъ ими должностямъ. Такими лицами были: князь Куракинъ, посланникъ его въ Парижѣ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, посолъ въ Турціи, тайный совѣтникъ Толстой, капитанъ Румянцовъ, лейбъ-медикъ Арескинъ и секретарь государя, Черкасовъ. Личная прислуга Петра состояла изъ одного камердинера и ливрейнаго лакея. Ученость каноника дела Ней, его веселость и его оживленный разговоръ чрезвычайно нравились государю, и изъ всѣхъ лицъ, назначенныхъ состоять при немъ въ Спа, онъ удержалъ только де-ла Ней и господина Сіанена, шталмейстера князя-епископа.

Пренебрегая пышностію обстановки, Петръ согласился, однако, принять, въ видѣ назначеннаго для него почетнаго конвоя, только небольшой отрядъ отъ войскъ князя-епископа, состоявшій изъ пѣхоты и конницы въ числѣ 200 человѣкъ и 70 коней. Графъ Аржанто командовалъ этимъ отрядомъ. Собственно же при царѣ было только четыре выбранныхъ гайдука.

Находившіяся при Петрѣ лица не могли размѣститься всѣ въ домахъ такого небольшаго въ ту пору городка, какимъ былъ Спа,

и для нихъ были выстроены особые бараки. Самъ Петръ не желалъ жить въ назначенномъ ему помѣщеніи и цѣлые дни проводилъ въ простой палаткѣ, разбитой, по его приказанію, на городской площади, которая еще и до сихъ поръ носитъ его имя. Петръ, привыкшій вести жизнь простую, былъ врагъ всякихъ удобствъ, и въ Спа сидѣніемъ ему служилъ только простой деревянный стулъ, который, послѣ его отъѣзда, показывали, какъ особую достопримѣчательность.



Садъ Капуциновъ въ Спа въ XVIII столѣтіи.
Съ старинной гравюры.

Пребываніе Петра въ Спа привлекло туда множество постороннихъ людей. Въ Спа являлись жители сосѣднихъ городовъ—Льежа и Вервье, чтобы только взглянуть на царя и, возвращаясь, удивлялялись его простотѣ и обходительности. Каждое воскресенье сходились въ Спа и окрестные поселяне, и нерѣдко случалось, что государь разговаривалъ съ ними. «Царь — писалъ посѣтившій въ 1740 году Спа баронъ Пельницъ — пользуется здѣсь до сихъ поръ чрезвычайнымъ уваженіемъ, и никто о немъ не можетъ сказать ничего дурнаго».

Не любя выставлять себя передъ другими, Петръ желалъ, чтобы его принимали какъ обыкновеннаго «boblin», т. е. за простаго смертнаго, пріѣхавшаго лечиться на воды. Въ Спа онъ носилъ то же самое платье, въ какомъ ходилъ и въ Парижѣ, и не надѣвалъ никакихъ знаковъ отличія. Онъ строго сообразовался со всѣми установившимися въ Спа обычаями, и чтобы показать примѣръ повиновенія мѣстнымъ властямъ, не носилъ шпаги какъ и всѣ тамошніе жители.

По разсказамъ современниковъ, Петръ бо̀льшую часть времени употреблялъ на прогулки. Онъ былъ неутомимый пѣшеходъ, и надобно полагать, что вслѣдствіе усиленной ходьбы воды благотворно подѣйствовали на него. Извѣстно, что при употребленіи водъ въ Спа, врачи предписываютъ ходьбу, верховую ѣзду и вообще жизнь на открытомъ воздухѣ. Петръ посѣтилъ всѣ источники, находящіеся въ Спа и около него. Хотя уже и въ ту пору пріѣзжавшіе на воды любили по цѣлымъ суткамъ дуться въ карты, Петръ никогда не принималъ участія въ этомъ развлеченіи. Иногда, въ свободное время, онъ игралъ только въ шахматы съ своимъ шутомъ.

Извѣстно, что Петръ I, какъ и внукъ его Петръ III, никогда не ѣлъ рыбы и никогда не развлекался ни охотой, ни рыбной ловлей. Между тѣмъ, какъ разсказываетъ О. Скваррь, въ Спа показывали около той части рѣки, гдѣ водятся превосходныя форели, мѣсто, на которомъ будто владѣлецъ этого прибрежья, Ксофле, захватилъ Петра на ловлѣ форелей, которыхъ онъ ходилъ удить каждое утро. Потерпѣвшій отъ царя мнимые убытки Ксофле не только былъ щедро вознагражденъ государемъ, но и быстро разжился, начавъ продавать форели, будто бы пойманные русскимъ царемъ. Въ справедливости этого разсказа приходится сомнѣваться и должно предполагать, что Ксофле, захвативъ кого нибудь изъ царской свиты на недозволенной ловлѣ, только для пущей важности разгласилъ, что этотъ рыболовъ былъ русскій царь.

Въ дурную погоду, когда нельзя было пускаться на прогулку, царь, самъ превосходный токарь, посѣщалъ бывшія тогда въ Спа токарныя мастерскія и мастерскія живописцевъ по лаку, и по-долгу оставался тамъ. Въ ту пору мѣстные токари пользовались большою извѣстностію; они были настоящіе художники и производства ихъ до нынѣ считаются чудесами своего рода. Царь, по разсказамъ барона Пёльница, очень охотно принималъ участіе въ работахъ и накупилъ въ Спа множество бездѣлушекъ. Онъ очень желалъ и любопытствовалъ ознакомиться съ способами выдѣлки художественныхъ издѣлій.

V.

Оцѣнивъ цѣлебную силу минеральныхъ водъ, Петръ, по возвращеніи изъ Спа въ Россію, обратилъ вниманіе на источники минеральныхъ водъ, находившіеся въ его владѣніяхъ. Узнавъ, что около деревни Бовигова, въ окрестностяхъ Олонца, существуетъ желѣзный источникъ, онъ приказалъ Арескину произвести химическій анализъ тамошней воды и затѣмъ, предложивъ своимъ вельможамъ пользоваться этими водами, приказалъ выстроить въ этихъ мѣстахъ церковь и помѣщенія для жилья, и чтобы придать этимъ водамъ извѣстность, онъ самъ съ Екатериною и со вдовствующею герцогинею курляндскою, Анной Ивановной, отправился туда въ 1719 году. Изъ этого Бовигова онъ хотѣлъ сдѣлать подобіе Спа и потому завелъ тамъ мастерскія для токарей и лакировщиковъ. Замѣчательно, что примѣру, поданному Петромъ, захотѣли слѣдовать и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и даже на Антильскихъ островахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ стали также устроивать свои Спа, тоже съ токарями и лакировщиками, гдѣ къ такому устройству представлялся поводъ по имѣнію минеральныхъ водъ; но ни одному изъ этихъ учрежденій не привелось достигнуть такого важнаго значенія, какое выпало на долю Спа.

Въ томъ же 1719 году, когда Петръ поѣхалъ въ Олонецъ, онъ отправилъ доктора Шробера на Терекъ, на Кавказъ, для изслѣдованія тамошныхъ цѣлебныхъ водъ.

Во время своего пребыванія въ Спа, Петръ не переставалъ заниматься политическими дѣлами. Послы его при иностранныхъ дворахъ сообщали ему не только о всѣхъ важныхъ событіяхъ, но и о всякихъ случаяхъ, имѣвшихъ какое либо значеніе. Важнѣйшимъ дѣломъ, которымъ занимался Петръ, живя въ Спа, былъ вопросъ о соединеніи церквей, восточной и западной. Въ бытность его въ Парижѣ, ученые представители Сорбоны предложили ему устроить такое соединеніе, а въ Спа они прислали ему составленную ими относительно этого вопроса записку. Спа замѣчательно еще и тѣмъ, что, незадолго до отъѣзда, Петръ написалъ укрывшемуся отъ него въ Неаполь своему сыну, царевичу Алексѣю, письмо, съ которымъ, 17-го іюля 1717 года, и поѣхали изъ Спа къ Алексѣю Толстой и Румянцовъ.

Петръ, пробывъ въ Спа около мѣсяца, почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и предположилъ уѣхать оттуда. Онъ пригласилъ къ себѣ представителей городскаго управленія а также и состоявшій при немъ военный отрядъ отъ войскъ князя-епископа. Черезъ Куракина онъ благодарилъ всѣхъ за оказанное ему гостепріимство, роздалъ медали членамъ городскаго управленія, а войско наградилъ деньгами. Де-ла Ней, разсказывая объ этомъ, оканчи-

ваетъ свое ранѣе упомянутое письмо слѣдующими строками: «государь оказалъ мнѣ свое вниманіе, подаривъ двѣ золотыя медали, стоимостью каждая въ десять луидоровъ. Онѣ очень хорошо вычеканены и на одной изъ нихъ изображено взятіе Нарвы и Эльбинга, а на другой — бюстъ царя, быть можетъ, самый схожій».

Вечеромъ, передъ своимъ отъѣздомъ, Петръ пригласилъ на банкетъ главныя мѣстныя власти. Хотя Петръ и избѣгалъ общественныхъ увеселеній, устроиваемыхъ городомъ въ честь его, но наканунѣ своего отъѣзда онъ уклонился отъ этого правила. Около восьми часовъ вечера, на окрестныхъ холмахъ, облегающихъ Спа, были зажжены большіе костры, а взрывы фугасовъ разразились перекатистымъ эхомъ изъ двадцати различныхъ мѣстъ. Оркестръ музыкантовъ, игравшихъ на рогахъ, флейтахъ и трубахъ, и находившійся на скалахъ, гремѣлъ въ продолженіе цѣлой ночи. Около источника и крыльца горѣли тысячами разноцвѣтныхъ огней построенныя на скоро пирамиды, а на рынкѣ, передъ домомъ, занятымъ царемъ, явились крестьяне съ пылавшими огнемъ горшками, прикрѣпленными къ высокимъ шестамъ; крестьяне привѣтствовали царя радостными кликами.

Петръ, прежде чѣмъ уѣхать изъ Спа, захотѣлъ оставить этому городку, если не памятникъ, достойный великаго монарха, то хоть память, которая указывала бы пріѣзжавшимъ на воды больнымъ ту пользу, какую онѣ принесли ему. Онъ приказалъ, чтобъ въ воспоминаніе о пребываніи его въ Спа поставлена была мраморная доска, а по просьбѣ городскаго управленія поручилъ своему лейбъ-медику Арескину выдать удостовѣреніе, что онъ, Петръ, былъ обязанъ здѣшнимъ водамъ своимъ изцѣленіемъ.

Упомянутое удостовѣреніе гласило слѣдующее:

«Я, нижеподписавшійся, тайный совѣтникъ и первый медикъ его величества, царя всероссійскаго, удостовѣряю симъ, что его величество, при значительной потери аппетита и при ослабленіи желудочныхъ фибръ, при опухоли въ ногахъ и при бывшихъ по временамъ жолчныхъ коликахъ, и при блѣдности въ лицѣ, пріѣхалъ въ Спа, чтобъ пользоваться здѣшними минеральными водами. Я свидѣтельствую о той пользѣ, какую онъ извлекъ изъ этого леченія, съ каждымъ днемъ поправляясь все болѣе и болѣе. Онъ ежедневно отправлялся въ Жеронстеръ, отстоящій отсюда на три мили, зная очень хорошо, что эти воды бываютъ несравненно полезнѣе, если ихъ не приносятъ, а пьютъ на мѣстѣ. Наконецъ, хотя его величество и лечился другими водами въ разныхъ мѣстахъ, но онъ не нашелъ никакихъ водъ, которыя на него подѣйствовали лучше, чѣмъ воды въ Спа. Дано въ Спа. 24-го іюля 1717 года.

«Р. Арескинъ».

Съ своей стороны, одинъ изъ извѣстныхъ врачей-писателей, описывая воды въ Спа, прибавляетъ: «очевидно, что у царя была лев-

ко-флегмазія, которая могла бы поразить весь организмъ и обратиться въ водяную». Выпрашивая такое свидѣтельство отъ царя, представители города не обманулись въ своихъ разсчетахъ на то, что оно доставитъ имъ большія выгоды и что оно скорѣе всего увѣковѣчитъ воспоминаніе о пребываніи русскаго царя въ Спа.

Государь выѣхалъ 25-го іюня. Онъ обѣдалъ въ Лимбургѣ, а къ вечеру прибылъ въ Ахенъ. Здѣсь уже были предувѣдомлены объ его прибытіи, и въ честь его была устроена великолѣпная

Минеральный источникъ близъ Спа въ XVIII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

встрѣча. Отрядъ юлихъ-клевской кавалеріи, подъ начальствомъ полковника Фольвиля, прибылъ въ Ахенъ утромъ 25-го іюля. Правитель княжества Юлихъ-Клевскаго, баронъ Гакстгаузенъ, начальствовалъ надъ другимъ отрядомъ, пришедшемъ со стороны Лимбурга. Отсюда баронъ отправился въ Лонтценъ, гдѣ обѣдалъ царь, и предложилъ ему почетную эскорту. Петра встрѣтили на границѣ при играніи на трубахъ и при битіи въ литавры, а въ Ахенъ въѣхалъ онъ при громѣ пушекъ. На другой день Петръ посѣтилъ купальни и соборъ, въ которомъ короновались императоры римско-

нѣмецкіе, и гдѣ съ благоговѣніемъ приложился къ главнымъ мощамъ, а затѣмъ поѣхалъ на обѣдъ, приготовленный для него въ городской ратушѣ. 27-го іюля, въ день его отъѣзда, ему были возданы тѣ же самыя почести. Изъ Ахена онъ отправился въ Мастрихтъ. Здѣсь, послѣ торжественной, оказанной ему встрѣчи, онъ осматривалъ грозныя для того времени укрѣпленія этой голландской крѣпости. Вечеромъ онъ былъ въ театрѣ, гдѣ давали трагедію Корнеля «Горацій». Дирекція театра замедлила нарочно началомъ представленія, въ ожиданіи, что, быть можетъ, пріѣдетъ царь, и такое ожиданіе исполнилось. Послѣ спектакля были концерты, вокальный и инструментальный, а въ заключеніе и балетъ. На слѣдующій день, на рѣкѣ Маасѣ было примѣрное нападеніе судовъ на крѣпость, построенную посрединѣ рѣки.

Изъ Мастрихта царь отправился въ Амстердамъ, гдѣ его ожидала царица, съ которою онъ и возвратился въ Россію, озабоченный дѣломъ царевича Алексѣя.

«Посѣщеніе нашего города Петромъ Великимъ — говоритъ г. Боди — составляетъ въ лѣтописяхъ Спа памятную на вѣки эпоху. Дѣйствительно, пребываніе тамъ русскаго царя, молва объ его исцѣленіи, похвалы, которыя онъ публично воздавалъ тамошнимъ минеральнымъ источникамъ, отозвались крайне благопріятно и много способствовали благосостоянію нашего города. Каждый былъ пораженъ удивленіемъ, слыша, что эти воды сохранили дни человѣка, драгоцѣннаго для всей Европы. Съ тѣхъ поръ онѣ взяли верхъ надъ своими соперницами. Каждый годъ былъ для нихъ годомъ новаго торжества, и если Вольтеръ могъ сказать, что «въ Россіи все обязано Петру Великому», то мы смѣло можемъ утверждать, «что Спа многимъ обязано царю».

Уже въ сезонъ 1717 и 1718 годовъ былъ замѣтенъ значительный приливъ иностранцевъ. Источникъ Жеронстеръ, который почти не былъ прежде посѣщаемъ, сдѣлался теперь настоящею цѣлью странствованія. Онъ былъ впервые открытъ въ 1580 году и получилъ нѣкоторую извѣстность около 1612 года. Вслѣдствіе землетрясенія, бывшаго въ 1692 году, онъ измѣнилъ мѣсто первоначальнаго нахожденія.

VI.

Что касается памятника, относительно пребыванія Петра Великаго въ Спа, то онъ представляетъ простую мраморную доску съ латинскою велерѣчивою надписью, въ составленіи которой, разумѣется, Петръ Великій, не любившій ни лести, ни напыщенныхъ похвалъ, не принималъ ни малѣйшаго участія. Означенная надпись, составленная на латинскомъ языкѣ, гласитъ слѣдующее:

«Петръ I Божію милостію Императоръ Всероссійскій,
Благочестивый, благополучный и непобѣдимый
Востановитель воинской дисциплины,
Создатель всѣхъ наукъ и искусствъ въ своемъ государствѣ,
Учредившій собственнымъ своимъ геніемъ
Страшную морскую силу,
Значительно увеличившій свои войска
И упрочившій, даже во время жестокой войны, безопасность
Своихъ наслѣдственныхъ и завоеванныхъ земель,
Предпринялъ путешествіе въ чужія страны,
И, изучивъ нравы различныхъ европейскихъ народовъ,
Отправился черезъ Францію, Намуръ и Льежъ, на воды въ Спа,
Какъ въ мѣсто своего спасенья.
Тамъ онъ пилъ чрезвычайно цѣлебныя воды,
Преимущественно изъ источника Жеронстеръ;
Этимъ онъ совершенно возстановилъ и свои силы, и свое здоровье,
Въ 1717 году, въ 23 день іюля.
Послѣ того онъ проѣхалъ черезъ Голландію
И, возвратившись въ свое государство,
Приказалъ помѣстить здѣсь
Этотъ памятникъ своей высокой признательности,
Въ 1718 году.

Доска эта была украшена императорско-русскимъ гербомъ, сдѣланнымъ барельефомъ изъ алебастра. На отдѣлку этого памятника, заготовленнаго въ Амстердамѣ, былъ употребленъ мраморъ различныхъ цвѣтовъ. Разумѣется, что городское управленіе не замедлило извлечь для города выгоды какъ изъ свидѣтельства, такъ равно и изъ памятника. Оно воспользовалось и тѣмъ, и другимъ, чтобъ въ современныхъ изданіяхъ обратить вниманіе всей Европы на то цѣлебное сокровище, которымъ обладаетъ Спа, и въ тамошнемъ городскомъ архивѣ находится не мало относящихся къ тому указаній.

Изъ хвалителей Спа выступилъ, между прочимъ, одинъ мѣстный аптекарь Сальптеръ, написавшій для напечатанія въ газетахъ слѣдующую статью:

«Его царское величество, пившій прошлое лѣто воды изъ Жеронстерскаго источника Спа, по причинѣ весьма значительныхъ недуговъ, нашелъ здѣсь не только облегченіе отъ нихъ, но и здоровье его настолько укрѣпилось, что онъ прислалъ великолѣпный памятникъ съ надписью золотыми буквами и съ гербомъ, какъ вѣчный знакъ тѣхъ превосходныхъ свойствъ и того благотворнаго дѣйствія, какія онъ нашелъ въ этихъ водахъ, послѣ того, какъ тщетно употреблялъ множество другихъ лекарствъ и минеральныхъ водъ».

Къ этому аптекарь-рекламистъ прибавлялъ, что многіе находятъ нужнымъ издать особую книжку и награвировать надпись, съ цѣлью распространить эту книжку въ чужихъ странахъ, тѣмъ болѣе, что

и свидѣтельство, полученное отъ царя, содержитъ въ себѣ удивительныя похвалы.

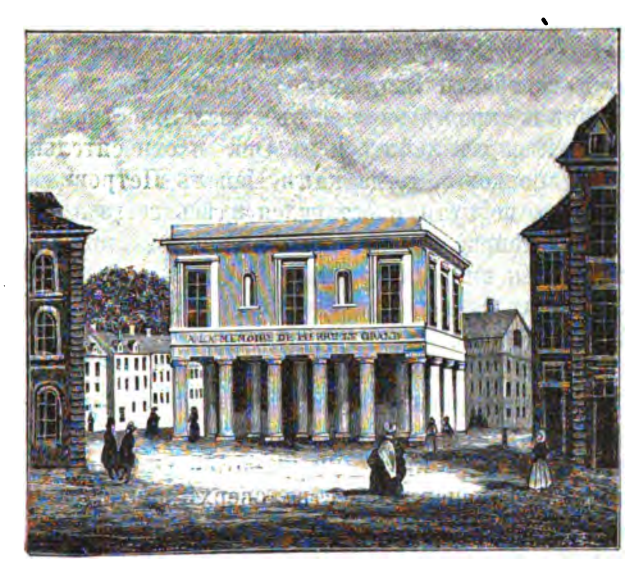
Послѣ различныхъ соображеній, положено было напечатать въ громадномъ числѣ экземпляровъ особую книжку, которая и явилась подъ заглавіемъ: «Discription du magnifique present, que Sa Majesté l'Empereur de la Grande Russie a fait au Magistrat de Spa en reconnaissance de ce que par la vertu de ses Eaux il a obtenu l'entier recouvrement de sa santé en 1717». Въ эту же книжку внесено удостовѣреніе Арескина и разсказанъ способъ леченія Петра минеральными водами.

Доставленіе доски изъ Амстердама возбудило вопросъ, гдѣ помѣстить ее. Одни предполагали вдѣлать ее въ стѣну монастыря капуциновъ, стоявшаго по дорогѣ въ Жеронстеръ и извѣстнаго своимъ прекраснымъ садомъ, который въ прежнее время былъ единственнымъ мѣстомъ гулянья для городскаго населенія и для пріѣзжихъ въ Спа. Неудобство же этого сада состояло въ томъ, что въ немъ не было тѣнистыхъ аллей, и что самыя аллеи сдѣлались узки при значительномъ скопленіи гуляющихъ. Другіе же полагали установить доску на рыночной площади, а такъ какъ въ это время при источникѣ Пугонъ существовалъ уже небольшой курзалъ, то и рѣшено было вдѣлать доску въ фронтисписъ этого зданія, сдѣлавъ вокругъ доски украшеніе изъ мрамора и алебастра.

Когда же началась французская революція и преслѣдованіе всего, что носило на себѣ отпечатокъ монархіи и феодализма, какъ, напримѣръ, гербовъ, то бургомистръ города Спа, опасаясь, что существовавшій тамъ памятникъ въ честь русскаго государя, можетъ подвергнуться разрушенію, велѣлъ снять ночью доску и запряталъ ее на сѣновалъ. Но впослѣдствіи она была вставлена на прежнее мѣсто. Затѣмъ, когда послѣ Аустерлицкаго сраженія произошелъ новый разрывъ между Россіею и Франціею, то префектъ того департамента, въ составъ котораго — по присоединеніи Бельгіи къ Франціи — входилъ городъ Спа, потребовалъ отъ тамошняго мэра объясненій относительно значенія памятника и содержанія сдѣланной на немъ надписи, приказавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ памятникъ этотъ былъ убранъ. Мэръ, однако, не уступилъ безпрекословно своему начальству, но попытался защитить этотъ дорогой для жителей памятникъ въ слѣдующемъ письмѣ, отправленномъ къ префекту:

«Русскій гербъ, который въ 1718 году былъ доставленъ на фронтосписѣ залы у Пугона въ Спа, а не надъ этимъ источникомъ, ни что иное, какъ только памятникъ Петра Великаго, русскаго императора, доставленный сюда въ 1717 году, послѣ его отъѣзда въ свое государство. Онъ возвѣщаетъ каждому, что отягченный недугами найдетъ изцѣленіе въ этомъ чудномъ источникѣ. Такое засвидѣтельствованіе признательности великимъ человѣкомъ состав-

ляетъ гордость Спа, и при семъ я сообщаю вамъ для свѣдѣнія надпись, сдѣланную подъ гербомъ. Никогда, господинъ префектъ, не смотрѣли у насъ на этотъ гербъ иначе, какъ лишь на памятникъ, свидѣтельствующій о цѣлительной силѣ нашихъ водъ. Хотя во время революціи гербъ и былъ снятъ, но доска оставалась. Гербъ же былъ снятъ въ виду того, чтобы какой нибудь злонамѣренный человѣкъ не задумалъ уничтожить его. Источникъ Гросбекъ въ Совньерѣ до сихъ поръ украшенъ гербомъ Гросбековъ, возстановившихъ этотъ источникъ, и никто не обращаетъ на это вниманія. Во всѣхъ странахъ уважаютъ памятники старины, а па-



Источникъ «Крапо» въ Спа.
Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

мятникъ, существующій въ Спа съ 1718 года, какъ подарокъ, сдѣланный городской общинѣ, былъ всегда охраняемъ, насколько это было возможно. Когда я возстановилъ гербъ надъ надписью, я никакъ не думалъ, чтобъ возгорѣлась война между французскою имперіею и Россіей. Г. Новосильцевъ былъ между воюющими сторонами вѣстникомъ мира, но случилось иное. Никакого распоряженія о снятіи герба сдѣлано не было. Но по приказанію вашему онъ будетъ снятъ. Спа, однако, дорожитъ имъ, какъ воспоминаніемъ о пребываніи въ этомъ городѣ императора, сдѣлавшаго такой подарокъ въ знакъ признательности за возстановленіе его здоровья на здѣшнихъ минеральныхъ водахъ».

Наконецъ, въ 1815 году медальонъ съ русскимъ гербомъ былъ возстановленъ снова.

VII.

Спустя шестьдесятъ пять лѣтъ, послѣ пребыванія въ Спа Петра Великаго, городъ этотъ, въ 1788 году, посѣтилъ будущій императоръ всероссійскій, тогда еще великій князь и наслѣдникъ престола, Павелъ Петровичъ, съ своею супругою, великою княгинею Маріею Θеодоровной. Они путешествовали по Европѣ подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ. Разумѣется, что между этимъ и предшествовавшимъ посѣщеніями была громадная разница. Не говоря уже о томъ, что Петръ былъ царствующимъ государемъ, онъ лично на столько прославился своими дѣяніями и подвигами, что служилъ удивленіемъ всей Европы, тогда какъ великій князь Павелъ Петровичъ былъ только знаменитою особою по своему высокому положенію, безъ всякихъ доблестей въ глазахъ иностранцевъ. Сверхъ того, Петръ пріѣзжалъ лечиться въ Спа и относительно прожилъ въ немъ довольно долго, тогда какъ Павелъ Петровичъ заѣзжалъ туда, собственно, по пути и оставался здѣсь всего лишь два дня. Великаго князя сопровождали въ Спа: генералъ-аншефъ Н. И. Салтыковъ, камергеръ князь Куракинъ, — внукъ Куракина, бывшаго въ Спа съ Петромъ Великимъ, — князь Трубецкой и лейбъ-медикъ великаго князя, Крузъ.

Въ Спа великій князь нашелъ блестящее собраніе лицъ, извѣстныхъ или своею ученостью, или занимавшихъ высокое положеніе въ обществѣ. Здѣсь были: Фонтенель, Соссюръ и знаменитый основатель теоріи и практики животнаго магнетизма, Месмеръ. Представителями высшаго общества, сверхъ эрцгерцогини австрійской, Маріи-Христины, и ея мужа, герцога Саксенъ-Тешенскаго, были: принцесса Гессъ-Рейнфельская, герцогъ и герцогиня Глочестеръ, графъ Монтекукули, архіепископъ и папскій нунцій и епископъ шартрскій, а изъ русскихъ — князь и княгиня Гагарины и князь Вяземскій.

Въ самый день своего пріѣзда, великій князь осмотрѣлъ памятникъ Петра Великаго, при чемъ видъ его былъ срисованъ однимъ изъ придворныхъ, сопровождавшимъ великаго князя. Вечеромъ въ «редутѣ» былъ данъ блестящій балъ въ честь высокихъ посѣтителей, а на другой день эрцгерцогиня сдѣлала великолѣпный завтракъ, на который приглашены были всѣ, находившіяся въ Спа «знатныя персоны». Вечеромъ, въ тотъ же день, графъ и графиня Сѣверные находились въ спектаклѣ, во время котораго одинъ изъ актеровъ, выйдя на сцену, пропѣлъ въ честь прибывшихъ въ Спа графа и графини Сѣверныхъ стихи. Въ стихахъ этихъ, сообразно комплиментарности той поры, говорилось, что теперь нѣтъ розы на Паѳосѣ и нѣтъ лиліи на Цитерѣ, что теперь въ Спа находятся и богиня красоты, и богъ войны, что Олимпъ

унылъ и недоволенъ, завидуя этому городу, въ который подъ крыльями Амура, прибыли Венера и Марсъ и т. п.

Въ 1818 году, въ то время, когда Европа прославляла императора Александра Павловича, какъ своего безкорыстнаго и великодушнаго освободителя, онъ посѣтилъ Спа. Понятно, что его встрѣтили здѣсь съ бо̀льшимъ торжествомъ, чѣмъ его отца, и съ шумнымъ выраженіемъ восторга, болѣе или менѣе искренняго. Онъ проѣхалъ въ Спа послѣ распущенія Ахенскаго конгреса съ генераломъ Чернышевымъ — впослѣдствіи свѣтлѣйшимъ княземъ — и съ графомъ Шуваловымъ. При немъ находился также и великій князь Михаилъ Павловичъ. По поводу этого пріѣзда нужно замѣтить слѣдующія особенности. Во время пребыванія Петра Великаго въ Спа, тамъ не было ни одной знаменитости, но онъ самъ былъ знаменитъ на столько, что затемнилъ бы каждую, бывшую съ нимъ рядомъ, другую знаменитость. При посѣщеніи Спа императоромъ Павломъ, тамъ если и не находились дѣйствительныя знаменитости, то все-таки были хоть крупныя извѣстности, и при томъ двѣ изъ нихъ—Фонтенель и Соссюръ—изъ ученаго міра. При Александрѣ I, въ Спа собралось столько высокопоставленныхъ лицъ, сколько не бывало ихъ тамъ прежде. Въ Спа тогда находились: король прусскій, принцъ прусскій, Фридрихъ, принцъ и принцесса Оранскіе, принцъ Карлъ прусскій герцогъ и герцогиня Кумберландскіе, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, герцогъ Веллингтонъ, лордъ Кастельре и многіе другіе замѣтные политическіе дѣятели той поры.

Разумѣется, что императоръ Александръ Павловичъ, помѣстившійся въ Спа въ гостинницѣ «Чернаго Льва», осмотрѣлъ все, что̀ относилось къ пребыванію Петра Великаго въ этомъ городѣ. Затѣмъ, кромѣ пропѣтыхъ на театральной сценѣ въ честь русскаго государя французскихъ куплетовъ — въ которыхъ сравнивали его съ королемъ французскимъ Генрихомъ IV и превозносили, какъ миротворца — отъ пребыванія его въ Спа не осталось никакихъ воспоминаній.

Спустя послѣ этого три года, т. е. въ 1821 году, въ Спа пріѣхалъ будущій русскій императоръ, а тогда еще великій князь, Николай Павловичъ, съ своею супругою, Александрою Ѳеодоровною. Въ эту пору здѣсь набралось столько высокихъ особъ, что онѣ едва могли размѣститься по отелямъ и частнымъ квартирамъ. Здѣсь были: король и королева нидерландскіе, принцъ Фридрихъ и принцеса Маріана нидерландскіе же, король прусскій и принцы прусскіе: Вильгельмъ — нынѣшній императоръ германскій — и недавно умершій братъ его, Фридрихъ, король виртембергскій — подъ именемъ графа Тека, — наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій и герцогъ Нассаускій. На балѣ, данномъ королевою нидерландскою,

присутствовали между прочимъ: три короля и четырнадцать принцевъ и принцессъ королевской крови.

Николай Павловичъ стоялъ въ гостинницѣ «Ville Anvers». Онъ много гулялъ по живописнымъ окрестностямъ Спа, но еще болѣе разъѣзжалъ по нимъ на вывезенныхъ для него изъ Россіи за границу дрожкахъ, запряженныхъ парою лошадей, изъ которыхъ одна была бѣлой, а другая черной масти. Иностранцы удивлялись и экипажу, и длиннобородому, одѣтому по русски, кучеру, и той ловкости, съ какою онъ правилъ лошадьми въ такой упряжи, какъ наша, такъ называемая «пристяжка». Мѣстные живописцы-лакировщики во множествѣ экземпляровъ рисовали экипажъ и упряжь великаго князя, и эти рисунки быстро распродавались въ громадномъ количествѣ. Самъ Николай Павловичъ обратилъ особенное вниманіе на производство въ Спа лакированныхъ издѣлій и—какъ сообщаетъ г. Боди—рисовалъ очень хорошо.

Въ 1856 году, А. Н. Демидовъ, имѣвшій у себя превосходный бюстъ Петра Великаго, работы извѣстнаго берлинскаго скульптора Рауха, подарилъ его — по совѣту извѣстнаго французскаго писателя Жюль-Жанена — городу Спа. Бюстъ этотъ былъ поставленъ въ колонадѣ залы, выстроенной королевой нидерландскою, Анной Павловной, а городское управлліе предоставило за него званіе гражданина Спа художнику Рауху. Бюстъ былъ поставленъ на гранитномъ пьедесталѣ, напротивъ источника Пугонъ, а сдѣланная на немъ по французски надпись гласитъ, что памятникъ этотъ сооруженъ въ честь царя Петра Великаго и въ память его пребыванія въ Спа въ 1717 году. Памятникъ, устроенный Демидовымъ, былъ открытъ въ 1865 году съ большою торжественностію.

Въ 1872 году, 11-го іюня н. с. была отпразднована въ Спа двухсотлѣтняя годовщина Петра Великаго. Надпись на зданіи и бюстъ Петра были украшены зеленью и цвѣтами, а музыка исполняла разныя пьесы на русскіе мотивы. Торжество это сопровождалось благимъ дѣломъ: въ Спа были собраны по подпискѣ пожертвованія на русскія школы, и, конечно, устроители этого празднества не могли ничѣмъ болѣе достойно почтить память Великаго Преобразователя Россіи.

К. Н. В.

ЗАПИСКИ ВАНЪ-ГАЛЕНА [1].

II.

Рѣшеніе Ванъ-Галена поступить въ русскую службу. — Путешествіе въ Россію. — Петербургъ. — Князь П. М. Волконскій. — Графъ Румянцевъ. — Генералъ Бетанкуръ. — Критическое положеніе. — Вниманіе русскихъ офицеровъ. — Любезность Скарятина. — Неуспѣхъ просьбы, поданной императору Александру I. — Испанскій посланникъ Вермундезъ. — Поступленіе Ванъ-Галена въ русскую военную службу. — Подарокъ князя Голицына. — Іезуитская миссія въ Моздокѣ. — Прибытіе въ главную квартиру генерала Ермолова въ Чечнѣ. — Представленіе Ермолову. — Андреевскій аулъ. — Образъ жизни Ермолова въ походѣ. — Командировка въ Тифлисъ. — Генералъ Вельяминовъ. — Баронъ Ренненкамфъ. — Бѣгство слуги. — Карабахъ. — Полковникъ Климовскій. — Царскіе колодцы. — Тифлисъ. — Экспедиція въ Казикумыхъ. — Князь Мадатовъ. — Асланъ-ханъ Кюринскій и его братъ Гассанъ-ага. — Кавалерійское дѣло. — Смерть Гассанъ-аги. — Штурмъ Хозрека. — Покореніе Казикумыхскаго ханства. — Пріѣздъ генерала Бетанкура въ Тифлисъ. — Неожиданная отставка Ванъ-Галена и повелѣніе императора Александра I о высылкѣ его изъ Россіи. — Благородство Ермолова. — Отъѣздъ изъ Тифлиса. — Генералъ Гогель. — Передача Ванъ-Галена австрійскимъ властямъ. — Высылка его изъ Австріи.

Ванъ-Галенъ, послѣ долгаго колебанія, пришелъ къ убѣжденію, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ ему всего удобнѣе искать военной службы въ Россіи, такъ какъ трудно было предположить, чтобы русскія войска когда либо пришли въ столкновеніе съ испанскими. Не менѣе важнымъ казалось ему и то обстоятельство, что императоръ Александръ I пользовался наилучшей репутаціей въ Европѣ, благодаря своимъ либеральнымъ взглядамъ и умѣренности, съ какой онъ

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XVI, стр. 402.

пользовался своей неограниченной властью. Въ виду этихъ соображеній, Ванъ-Галенъ окончательно рѣшилъ ѣхать въ Россію и отправился къ секретарю русскаго посольства въ Лондонѣ, Блудову, чтобы навести болѣе точныя справки о малоизвѣстной странѣ, о которой, подобно большинству своихъ соотечественниковъ, онъ имѣлъ самое неопредѣленное понятіе. Блудовъ встрѣтилъ привѣтливо испанскаго эмигранта и, удовлетворивъ его любопытству, посовѣтовалъ запастись возможно бо́льшимъ количествомъ рекомендательныхъ писемъ, потому что императоръ недавно издалъ указъ, по которому запрещено было принимать иностранныхъ офицеровъ въ русскую армію.

Но это обстоятельство не могло остановить предпріимчиваго испанца, который, имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе 60 фунтовъ стерлинговъ, считалъ невозможнымъ для себя дальнѣйшее пребываніе въ Лондонѣ. Сначала онъ хотѣлъ отправиться въ Петербургъ моремъ въ виду дешевизны; но долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ уже была поздняя осень и прошло больше мѣсяца, пока ему выдали паспортъ, задержанный испанскимъ посланникомъ, который старался всѣми способами помѣшать его выѣзду.

«Наконецъ, 24-го ноября 1818 года — пишетъ авторъ — получивъ паспортъ и около десяти рекомендательныхъ писемъ къ вліятельнымъ лицамъ въ Петербургѣ, я выѣхалъ изъ Гравезенда на купеческомъ кораблѣ и черезъ три дня прибылъ въ Гамбургъ. Отсюда я отправился сухимъ путемъ въ Берлинъ. Дорога эта показалась мнѣ невыносимой; дилижансы были настолько неудобны, гостинницы такъ плохи, что я не могъ ни на что обращать вниманія. Испанія также не можетъ похвастать своими гостинницами, но тамъ, по крайней мѣрѣ, видишь своего рода жизнь и веселіе. Ничего подобнаго вы не встрѣтите на берлинской дорогѣ. Все скучно до невыразимости: дома, хозяева гостинницъ, собаки, мебель — все имѣетъ какую-то особенно постную физіономію.

«Земля была уже отчасти покрыта снѣгомъ; сѣрое нависшее небо еще болѣе усиливало тоску однообразнаго путешествія; и только къ вечеру втораго дня по мѣрѣ приближенія къ прусской столицѣ мѣстность сдѣлалась нѣсколько живописнѣе. Нашъ дилижансъ въѣхалъ въ Берлинъ въ полдень своимъ обычнымъ медленнымъ шагомъ, и послѣ осмотра моего паспорта и вещей таможенными и полицейскими чиновниками, я отправился въ гостинницу «Золотаго Ангела», гдѣ мнѣ совѣтовали остановиться.

«Отдохнувъ съ дороги, продолжаетъ авторъ, я прежде всего отправился къ секретарю русскаго посольства, Крафту, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Онъ принялъ меня очень любезно и, узнавъ о цѣли моего путешествія, сообщилъ мнѣ самыя точныя свѣденія о характерѣ, а равно и степени вліянія при дворѣ тѣхъ лицъ, съ которыми я хотѣлъ познакомиться въ Петербургѣ. Эти свѣдѣнія были крайне неутѣшительны и настолько ослабили мои

блестящія надежды, что у меня явилась внезапная рѣшимость ѣхать въ Вѣну, гдѣ ожидали тогда русскаго императора, и представиться его величеству, чтобы ускорить рѣшеніе своей судьбы. Но Крафтъ отговорилъ меня отъ этого намѣренія и посовѣтовалъ мнѣ ѣхать прямо въ Петербургъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, господиномъ Кохъ, который могъ быть моимъ спутникомъ до самаго Дерпта, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться у своихъ родственниковъ. Это предложеніе было слишкомъ заманчиво, чтобы отказаться отъ него; и я съ благодарностью принялъ его, тѣмъ болѣе, что ничто не удерживало меня въ Берлинѣ, гдѣ театръ былъ моимъ единственнымъ развлеченіемъ...

«Мы выѣхали 18-го декабря. До этого момента мой приличный костюмъ въ нѣкоторой степени скрывалъ плохое состояніе моихъ финансовъ, но трудно было скрыть его въ дорогѣ. Мой спутникъ скоро замѣтилъ необычайную легкость моего дорожнаго наряда, который состоялъ изъ мѣховыхъ сапоговъ, перчатокъ и поношеннаго плаща, доставленнаго мнѣ друзьями въ ночь моего бѣгства изъ тюрьмы, и совѣтовалъ купить теплое платье. Хотя я вполнѣ сознавалъ справедливость его словъ, но не желая открыть ему настоящей причины моего стоицизма, отвѣтилъ, что настолько привыкъ къ своему плащу, что не чувствую надобности въ болѣе теплой одеждѣ и легко переношу всякій холодъ. Кохъ не счелъ нужнымъ настаивать. Но въ Кёнигсбергѣ, когда мы вошли на высокую башню замка Тевтонскихъ рыцарей, откуда открывался прекрасный видъ на городъ и окрестности, я прозябъ до костей, и еслибы не былъ увѣренъ въ добродушіи моего спутника, то навѣрно заподозрилъ бы его, что онъ пригласилъ меня съ собой, чтобы испытать мою выносливость къ холоду и наказать за хвастовство»...

Въ Полангенѣ, при осмотрѣ вещей, Ванъ-Галенъ получилъ впервые понятіе о безчисленныхъ формальностяхъ, которымъ подвергается иностранецъ на русской границѣ, и былъ отчасти избавленъ отъ нихъ, благодаря вмѣшательству своего спутника. У дверей таможни ихъ осадила цѣлая толпа евреевъ, предлагавшихъ довезти ихъ до Риги, но Кохъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія и отправился на станцію, гдѣ нанялъ почтовыхъ лошадей. Погода была необыкновенно мягкая, несмотря на конецъ декабря, и только подъ Митавой начали они ощущать холодъ, вслѣдствіе неожиданно наступившихъ морозовъ. Вдоль всей дороги не было никакихъ гостинницъ и только встрѣчались грязныя корчмы, передъ которыми стояло множество телѣгъ и саней, принадлежащихъ мѣстнымъ крестьянамъ.

Въ Дерптѣ Ванъ-Галенъ простился съ своимъ спутникомъ, который, во избѣженіе неудобствъ, ожидавшихъ его при незнаніи языка, написалъ ему подробный маршрутъ дальнѣйшаго пути до Петербурга, снабдилъ подорожной и заставилъ выучить наизусть нѣ-

сколько необходимыхъ русскихъ фразъ. Изъ Дерпта Ванъ-Галенъ отправился одинъ въ телѣгѣ, но съ каждой верстой снѣгъ становился все глубже и ѣзда затруднительнѣе. Слѣдуя совѣту Коха, путешественникъ всюду давалъ ямщикамъ на водку, и вѣроятно съ особенною щедростью, потому что многіе кланялись ему въ ноги и везли во всю прыть. Одинъ изъ нихъ, желая выказать свое усердіе, несся съ такой быстротой, что сломалъ телѣгу, слетѣлъ самъ и выронилъ сѣдока, который съ страшной болью въ спинѣ долженъ былъ пѣшкомъ вернуться на станцію, гдѣ съ большимъ трудомъ добылъ себѣ сани. По мѣрѣ приближенія къ Петербургу мѣстность становилась все населеннѣе, и, наконецъ, за три версты отъ столицы потянулся рядъ деревянныхъ домиковъ. «У городской заставы, говоритъ авторъ, ко мнѣ подошелъ солдатъ и попросилъ меня выйти, чтобы переговорить съ офицеромъ. Тотъ, видя, что я насилу передвигаю ноги, извинился, что обезпокоилъ меня и, проводивъ до саней, далъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ относительно полицейскихъ формальностей, которыя мнѣ предстояло выполнить по прибытіи въ городъ: «Вы ѣдете изъ странъ, сказалъ онъ, — гдѣ многіе путешествуютъ безъ прислуги и могутъ всюду разсчитывать на хорошій пріемъ, но въ Петербургѣ хозяевамъ гостинницъ можетъ показаться страннымъ, что вы одни. Еслибы у меня былъ здѣсь кто нибудь изъ моихъ слугъ, то я съ удовольствіемъ далъ бы вамъ его на время, чтобы избавить васъ отъ тѣхъ непріятностей, которыя вѣроятно ожидаютъ васъ»...

Ванъ-Галену пришлось убѣдиться на опытѣ съ справедливости этихъ словъ. Послѣ четырехъ-часовой ѣзды по Петербургу, онъ все-таки не могъ найти себѣ помѣщенія, вслѣдствіе полнаго отсутствія меблированныхъ комнатъ и труднаго доступа въ гостинницы, гдѣ неохотно принимали людей бѣдно одѣтыхъ. Встрѣчая всюду отказъ, путешественникъ обратился, наконецъ, въ «Hôtel de l'Europe», лучшую гостинницу въ городѣ, находившуюся противъ дворца, гдѣ, сверхъ всякаго ожиданія, онъ былъ любезно принятъ хозяиномъ, который отвелъ ему большую, роскошно убранную комнату, такъ какъ всѣ остальные номера были заняты. На третій день послѣ пріѣзда, Ванъ-Галенъ, въ виду стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствъ, рѣшился начать хлопоты по своему дѣлу и посѣтить господъ, къ которымъ имѣлъ рекомендательныя письма, хотя, по его словамъ, «великолѣпный видъ ихъ домовъ, неуваженіе, которое оказывали въ Петербургѣ частнымъ лицамъ, и пріемъ, встрѣченный въ гостинницахъ, сильно смущали его». Прежде всего онъ отправился къ начальнику главнаго штаба, князю Волконскому, но тотъ, едва узнавъ о цѣли его посѣщенія, замѣтилъ рѣзкимъ тономъ: «Это невозможно! Его императорское величество больше не принимаетъ иностранцевъ на свою службу, и безъ того ихъ слишкомъ много!» Ванъ-Галенъ, не зная, что отвѣчать на это, молча поклонился и вернулся домой въ самомъ

печальномъ настроеніи духа. Также неудаченъ былъ его второй визитъ къ другому русскому сановнику, графу Румянцову, имѣвшему большое вліяніе при дворѣ: «Когда я снялъ плащъ въ передней — говоритъ авторъ — то многочисленные графскіе лакеи, при видѣ моего скромнаго костюма, отнеслись ко мнѣ съ такимъ презрѣніемъ, что мнѣ стоило большаго труда заставить ихъ доложить о себѣ. Наконецъ, меня ввели въ большую залу, куда, послѣ долгаго ожиданія, вошелъ хозяинъ дома съ какимъ-то господиномъ, который простоялъ во все время моего визита. Графъ, у котораго были вообще очень приличныя манеры, пригласилъ меня сѣсть возлѣ него и, вставивъ серебряный рожокъ въ ухо, внимательно выслушалъ то, что я ему говорилъ, отвѣчая, то шопотомъ, то громко, какъ всѣ глухіе, и при этомъ немилосердно гримасничалъ. Что же касается рекомендательнаго письма, то онъ положилъ его въ карманъ не читая, надавалъ мнѣ самыхъ блестящихъ обѣщаній и, безъ сомнѣнія, забылъ о моемъ существованіи, какъ только я вышелъ изъ комнаты, потому что моя просьба къ нему осталась безъ всякихъ послѣдствій»...

Но совсѣмъ иной пріемъ былъ сдѣланъ Ванъ-Галену въ другихъ знатныхъ петербургскихъ домахъ, куда ему пришлось явиться съ рекомендательными письмами, какъ, напримѣръ, у генерала Бетанкура, главно-управляющаго путями сообщенія въ Россіи, у графа Салтыкова, князей Голицыныхъ, барона Ралля, у братьевъ Тургеневыхъ и проч. Всѣ они отнеслись къ Ванъ-Галену съ большимъ участіемъ, особенно Бетанкуръ, испанецъ по происхожденію, пользовавшійся милостью императора за свои блестящія способности и честность. Онъ самъ вызвался хлопотать за своего молодаго соотечественника, хотя предупредилъ его, что не ручается за успѣхъ, такъ какъ имѣлъ много враговъ при дворѣ, которые вредили ему всѣми способами.

Благодаря Бетанкуру и другимъ знакомымъ, гдѣ Ванъ-Галенъ часто бывалъ на вечерахъ и обѣдахъ, у него скоро образовался обширный кругъ пріятелей, преимущественно среди военныхъ, которые, узнавъ о цѣли его пріѣзда въ Россію, обѣщали сдѣлать все отъ нихъ зависящее, для его скорѣйшаго поступленія на службу. Но на дѣлѣ это оказалось труднѣе, чѣмъ можно было ожидать. Просьба Ванъ-Галена, поданная императору, осталась безъ отвѣта. Между тѣмъ, его денежныя средства быстро истощались. Онъ сознавалъ, что его дальнѣйшее пребываніе въ дорогомъ отелѣ становилось невозможнымъ и не рѣшался выѣхать изъ него изъ боязни, что не будетъ въ состояніи заплатить по счету. «Но по счастью— говоритъ авторъ — мои великодушные друзья, догадавшись о печальномъ состояніи моихъ финансовъ, заплатили за всѣ шесть недѣль, проведенныхъ мною въ отелѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, однажды утромъ ко мнѣ явился графъ М.... и сообщилъ, что его пріятель,

Скарятинъ, котораго я ни разу не видѣлъ въ моей жизни, уѣзжаетъ въ Москву и предлагаетъ мнѣ помѣщеніе въ своемъ домѣ. Отказаться отъ подобнаго предложенія при моемъ безвыходномъ положеніи было бы нелѣпостью, и я немедленно переселился въ домъ Скарятина, гдѣ дворецкій отдалъ въ мое полное распоряженіе крѣпостнаго человѣка, который оказался крайне честнымъ и услужливымъ. Такимъ образомъ, я очутился въ великолѣпномъ и комфортабельномъ помѣщеніи; одинъ изъ моихъ пріятелей предоставилъ въ мое пользованіе свой экипажъ: сверхъ того, я получалъ ежедневно приглашенія къ обѣду въ разныхъ семейныхъ домахъ»...

Но и эта спокойная жизнь, чуждая всякихъ матеріальныхъ заботъ, скоро стала въ тягость Ванъ-Галену, вслѣдствіе неизвѣстности, въ какой онъ находился, относительно своей будущности, и полнаго бездѣйствія. Познакомившись съ достопримѣчательностями Петербурга и не зная, чѣмъ занять время, онъ ходилъ для развлеченія по русскимъ церквамъ и слушалъ пѣніе, которое «очень нравилось ему при его печальномъ настроеніи духа». Русская жизнь и нравы интересовали его только съ внѣшней стороны. Онъ подробно описываетъ увеселенія во время масляницы, пасхальную заутреню, разныя столичныя зданія и преимущественно казармы. Между прочимъ, онъ упоминаетъ о множествѣ гауптвахтъ на улицахъ и обязаности офицеровъ носить постоянно мундиръ и ордена, и находитъ это очень полезнымъ въ смыслѣ дисциплины. Съ этой точки зрѣнія онъ хвалитъ привычку Александра I гулять пѣшкомъ по городу безъ свиты и являться тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидали, такъ какъ это заставляло солдатъ быть всегда настороже. По его словамъ, императоръ ежедневно присутствовалъ на парадѣ безъ шинели во всякое время года, что было также обязательно для всѣхъ офицеровъ главнаго штаба... Однако, не смотря на всѣ эти подробности, мы не знаемъ, случалось ли Ванъ-Галену видѣть императора, потому что онъ нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ.

Наконецъ, по прошествіи болѣе четырехъ мѣсяцевъ, генералъ Бетанкуръ сообщилъ своему соотечественнику, что причина неуспѣха его просьбы къ императору заключается въ неудовольствіи, которое онъ навлекъ на себя со стороны испанскаго посланника, Бермундеза, не сдѣлавъ ему визита. «Такое объясненіе — говоритъ авторъ — показалось мнѣ невѣроятнымъ, но я по неволѣ повѣрилъ ему, когда вслѣдъ затѣмъ мнѣ приказали явиться къ графу Нессельроде и тотъ объявилъ мнѣ, что его величество не можетъ принять меня на службу, потому что испанскій посланникъ считалъ бы это оскорбленіемъ для своего государя. При этомъ графъ добавилъ, что если это препятствіе не будетъ устранено, то моя просьба будетъ оставлена безъ вниманія».

«Не зная на что рѣшиться — продолжаетъ авторъ — я послѣ-

шилъ къ генералу Бетанкуру и сообщилъ ему о результатѣ моего свиданія съ графомъ. Онъ тотчасъ же приказалъ подать себѣ экипажъ и поѣхалъ къ испанскому посланнику, а на другой день написалъ мнѣ, что посланникъ ожидаетъ меня къ себѣ. — Объяснитесь съ нимъ откровенно, писалъ Бетанкуръ въ своей запискѣ, и постарайтесь расположить его въ свою пользу. Иной способъ дѣйствій кажется мнѣ нелѣпымъ и несвоевременнымъ»...

Ванъ-Галенъ рѣшился послѣдовать совѣту своего почтеннаго соотечественника и отправился къ посланнику, который принялъ его очень вѣжливо и старался всѣми способами отговорить отъ намѣренія поступить на русскую службу. — Вы этимъ дадите огласку нашимъ домашнимъ несогласіямъ, замѣтилъ, между прочимъ, посланникъ. Вы должны знать, что неприлично и не принято, чтобы испанцы, подобно швейцарцамъ, служили подъ чужими знаменами то въ одной странѣ, то въ другой, въ качествѣ авантюристовъ... Если вамъ будетъ угодно, то я похлопочу, чтобы васъ приняли въ отрядъ Абисбаля, который отправляется въ южную Америку и ручаюсь за успѣхъ... Я готовъ также взять на себя всѣ издержки вашего путешествія сухимъ путемъ и моремъ... Но Ванъ-Галенъ отказался наотрѣзъ и просилъ только не препятствовать его поступленію въ русскую армію. Посланникъ, видя, что всѣ убѣжденія безполезны, обѣщалъ исполнить его желаніе.

Бермундезъ сдержалъ слово, но и это не принесло никакой пользы, потому что причина неуспѣха просьбы Ванъ-Галена была иная, въ чемъ онъ скоро убѣдился на опытѣ. Друзья его, зная какъ дорога жизнь въ полкахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Петербурга, посовѣтовали ему подать просьбу Нессельроде о принятіи его въ кавказскую армію, гдѣ генералъ Ермоловъ заслужилъ общее уваженіе не только со стороны русскихъ офицеровъ и солдатъ, но и покоренныхъ народовъ.

«Хотя я мало разсчитывалъ на удачу — говоритъ авторъ — но, тѣмъ не менѣе, отправился къ графу и заявилъ ему о своемъ желаніи отправиться на Кавказъ. Я тотчасъ же замѣтилъ по его лицу, что мое дѣло значительно подвинулось впередъ и что мои друзья были правы, давъ мнѣ такой совѣтъ. Русскіе не даромъ называютъ Грузію «теплою Сибирью», потому что туда ссылаютъ офицеровъ, которыхъ политическія убѣжденія считаются неблагонадежными. Мнѣ говорили даже, что это прозвище изобрѣтено самимъ Александромъ I.

«Послѣ этого прошло еще нѣсколько недѣль въ полной неизвѣстности, пока генералъ Бетанкуръ не напомнилъ его величеству о моей просьбѣ. Онъ же сообщилъ мнѣ, что мое назначеніе состоится въ самомъ непродолжительномъ времени и что еслибы я не изъявилъ желанія отправиться на Кавказъ, то моя просьба осталась бы безъ всякаго результата. Наконецъ, 16-го мая 1819 года,

состоялся приказъ, которымъ я былъ принятъ въ кавказскую армію съ чиномъ маіора въ драгунскій Нижегородскій полкъ. По обычаю, я долженъ былъ тотчасъ сдѣлать себѣ форменное платье, но и тутъ сказалась щедрость моихъ друзей. Они обмундировали меня, прежде чѣмъ я успѣлъ заказать себѣ что-либо и, устроивъ прощальную пирушку, проводили меня въ дорогу, причемъ князь Борисъ Голицынъ подарилъ мнѣ маленькаго негра, съ которымъ я и отправился въ путь»...

Короткое пребываніе въ Москвѣ не позволило автору познакомиться надлежащимъ образомъ съ достопримѣчательностями древней русской столицы. Онъ упоминаетъ мимоходомъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него длинными, грязными улицами и отсутствіемъ оживленія, которое можно было ожидать отъ такого обширнаго и торговаго города. Но общество показалось ему еще болѣе гостепріимнымъ и доступнымъ, нежели въ Петербургѣ, такъ что, по его словамъ, еслибы онъ принялъ всѣ тѣ приглашенія, какія получалъ отъ лицъ, къ которымъ имѣлъ рекомендательныя письма, и отъ ихъ знакомыхъ, то ему пришлось бы остаться въ Москвѣ нѣсколько недѣль. Хотя дорога на Кавказъ была ближе черезъ Тулу, но Ванъ-Галенъ отправился на Нижній-Новгородъ, гдѣ въ то время была ярмарка. Сообщаемыя имъ подробности о Нижнемъ, Воронежѣ и другихъ городахъ, черезъ которые ему приходилось проѣзжать, настолько неинтересны, что мы считаемъ лишнимъ приводить ихъ.

По прибытіи въ Моздокъ, Ванъ-Галенъ тотчасъ же представился коменданту, который сообщилъ ему, что генералъ Ермоловъ находится въ Чечнѣ, и посовѣтовалъ оставить экипажъ и лишнія вещи на храненіе въ домѣ іезуитской миссіи. «Я не имѣлъ особеннаго желанія обратиться къ іезуитамъ — говоритъ авторъ — но, когда я вошелъ въ домъ одного изъ мѣстныхъ жителей, гдѣ мнѣ предложили провести ночь, то былъ настолько пораженъ дурнымъ запахомъ, грязью, множествомъ насѣкомыхъ и крайней нищетой хозяевъ, что тотчасъ же отправился къ іезуитамъ. Ихъ было всего двое. Я былъ принятъ очень вѣжливо однимъ изъ нихъ; другой былъ въ это время въ отсутствіи, потому что на немъ лежала обязанность исповѣдовать католиковъ, служащихъ въ русской арміи. Мой хозяинъ, живой и дѣятельный старикъ, ввелъ меня въ чистую и красиво убранную комнату. Вечеромъ онъ явился ко мнѣ съ визитомъ, и я узналъ отъ него, что онъ выселился изъ Франціи во время революціи, много путешествовалъ, былъ даже въ Китаѣ и, вернувшись оттуда, поселился въ Моздокѣ съ своимъ товарищемъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Ермоловъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ оставилъ свою обычную резиденцію, Тифлисъ, и выступилъ съ отрядомъ противъ чеченцевъ, которые грозили всей линіи Терека и особенно Кизляру».

На слѣдующій день Ванъ-Галенъ снова явился къ коменданту и, выхлопотавъ у него конвой изъ трехъ казаковъ, отправился въ главную квартиру генерала Ермолова. Линія Терека, еще недавно пустынная, была теперь защищена на всемъ протяженіи казачьими станицами.

Не смотря на увѣренія въ полной безопасности, Ванъ-Галенъ съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что ему придется проѣзжать черезъ лѣса, окаймляющіе Терекъ, съ такимъ малочисленнымъ конвоемъ. Поэтому онъ былъ очень доволенъ, когда встрѣтилъ въ Шаликовской станицѣ два пѣхотные полка, которые также направлялись въ главную квартиру, и тотчасъ же присоединился къ нимъ. Полки подвигались тихо, потому что за ними слѣдовало 300 телѣгъ съ провіантомъ и только прекрасные виды, представлявшіеся на каждомъ шагу, до извѣстной степени сокращали дорогу. Миновавъ редутъ, близъ деревушки Аксай, который не задолго передъ тѣмъ былъ самымъ крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ, они черезъ сутки приблизились къ Андреевскому аулу, около котораго находилась главная квартира русскихъ. Самъ главнокомандующій вышелъ къ нимъ на встрѣчу пѣшкомъ, безъ всякой свиты. Главная квартира и весь лагерь были расположены въ полѣ, подъ стѣнами аула, и поэтому прибывшіе полки расположились тутъ же съ своимъ обозомъ. Ванъ-Галенъ, воспользовавшись приглашеніемъ одного маіора, провелъ ночь въ его палаткѣ.

«На слѣдующее утро — говоритъ авторъ — пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ приближеніе утренней зари. Я вышелъ изъ палатки и съ высоты, на которой былъ расположенъ лагерь, увидѣлъ одно изъ самыхъ величественныхъ зрѣлищъ, которое когда либо представлялось моимъ глазамъ: съ одной стороны былъ живописно раскинутый аулъ; съ другой — тянулись на широкомъ пространствѣ плодоносныя долины, окруженныя высокими горами самыхъ причудливыхъ очертаній. Когда пробило шесть часовъ я отправился вмѣстѣ съ офицерами прибывшихъ со мною полковъ къ главнокомандующему, который жилъ въ войлочной кибиткѣ съ однимъ окномъ, и все убранство которой состояло изъ походной кровати, стола и двухъ стульевъ.

«Изъ кибитки вышелъ адъютантъ и ввелъ насъ. Ермоловъ, дружески поздоровавшись съ нами, обнялъ поочереди офицеровъ, съ которыми познакомился во время послѣдней кампаніи противъ Наполеона. Затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ подробно распространился о положеніи дѣлъ на Кавказѣ, провелъ юмористическую параллель между французской и кавказской кампаніями и указалъ на цѣли каждой изъ нихъ.

«Ермолову было на видъ около сорока лѣтъ. Онъ очень высокъ ростомъ, пропорціонально и крѣпко сложенъ, съ живымъ и умнымъ лицомъ. На немъ былъ военный сюртукъ съ краснымъ стоячимъ

воротникомъ и орденской ленточкой Георгія въ петлицѣ; на его постели лежала сабля и фуражка, которыя служили дополненіемъ его обычнаго походнаго костюма. Простившись съ офицерами, онъ пригласилъ меня остаться съ нимъ еще нѣсколько минутъ. Я счелъ лишнимъ представить ему рекомендательныя письма, пока онъ самъ не спроситъ о нихъ. Когда мы остались наединѣ, Ермоловъ поздравилъ меня съ благополучнымъ пріѣздомъ и отозвался съ похвалой о Нижегородскомъ драгунскомъ полкѣ. При этомъ онъ добавилъ, что полкъ бездѣйствуетъ, благодаря способу веденія войны въ гористой мѣстности, гдѣ правильная кавалерія не можетъ быть употреблена въ дѣло надлежащимъ образомъ и, гдѣ необходимо замѣнять ее туземной конницей. Я выразилъ желаніе принести возможно бо́льшую пользу на русской службѣ; и онъ простился со мной, пригласивъ къ обѣду на слѣдующій день»...

Кавказъ въ это время находился въ состояніи сильнаго броженія. Необходимость принять энергическія мѣры для болѣе прочнаго умиротворенія края побудила Ермолова устроить цѣлую цѣпь редутовъ и укрѣпленій, чтобы остановить безпрерывныя нападенія горцевъ на русскія селенія и побудить ихъ уважать власти, а также съ тою цѣлью, чтобы защитить болѣе мирныя кавказскія племена отъ ихъ разбоевъ. Согласно этому плану, Ермоловъ считалъ весьма важнымъ занятіе Андреевскаго аула въ Чечнѣ и испросилъ высочайшее соизволеніе на постройку тамъ крѣпости. Изъ всѣхъ горцевъ чеченцы отличались наибольшею дикостью и склонностью къ грабежу. Вмѣстѣ съ кабардинцами они нападали на русскія селенія, расположенныя на линіи Терека, имѣвшей большое значеніе для русскихъ, такъ какъ вслѣдствіе скудныхъ ресурсовъ страны весь провіантъ и боевые запасы для войска получались этимъ путемъ. Обстоятельство это было одной изъ главныхъ причинъ, побудившихъ главнокомандующаго начать военныя дѣйствія въ Чечнѣ. Занятіе Андреевскаго аула не представляло особенной трудности, и Ермолову удалось одержать рѣшительную побѣду надъ соединенными силами горцевъ, которые, бросивъ свой лагерь и раненыхъ, бѣжали въ горы. Андреевскій аулъ опустѣлъ съ приближеніемъ русскихъ, которые нашли въ немъ только одного священнослужителя и нѣсколько стариковъ. Ермоловъ приказалъ своимъ войскамъ расположится лагеромъ за стѣнами аула и, строго запретивъ солдатамъ входить въ него въ теченіи трехъ дней, далъ знать бѣжавшимъ черезъ оставшихся стариковъ, что они могутъ безопасно возвратиться въ свои дома. Это распоряженіе оказало свое дѣйствіе, хотя между вернувшимися семьями почти не было мужчинъ.

«На слѣдующее утро послѣ нашего прибытія — продолжаетъ авторъ — былъ отданъ приказъ нѣсколькимъ баталіонамъ занять аулъ и главная квартира была перенесена въ укрѣпленную башню, смежную съ мечетью и стоявшую на самомъ высокомъ пунктѣ аула.

Передъ нею было поставлено нѣсколько полевыхъ орудій, больше для устрашенія, нежели съ враждебными намѣреніями.

«Я отправился въ главную квартиру вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, маіоромъ, который пріютилъ меня ночью въ своей палаткѣ. Имѣя въ виду, что пріемы у генерала Ермолова во время похода были совершенно безцеремонные и гости часто не знали точнаго часа обѣда, мы рѣшили осмотрѣть аулъ. По дорогѣ намъ попалось на встрѣчу нѣсколько возвращавшихся семействъ горцевъ, между которыми мы замѣтили необыкновенно красивыхъ женщинъ, полузакрытыхъ чадрами. Андреевскій аулъ единственный промышленный пунктъ въ Чечнѣ и сравнительно наиболѣе богатый; поэтому жители изъ боязни, чтобы ихъ дома не были разграблены, сочли нужнымъ отправить свои семьи обратно въ аулъ. Хотя русскіе солдаты вообще составляютъ предметъ ненависти магометанъ, но такъ какъ они не прибѣгаютъ къ насилію и неистовствамъ, которыя столь обычны среди этихъ варварскихъ народовъ, то мужское населеніе города безъ всякой боязни отправило впередъ своихъ женъ и дѣтей. Но сами они медлили возвращеніемъ до послѣдней возможности, опасаясь заслуженнаго наказанія за всѣ убійства, грабежи и всякаго рода насилія, которые они позволяли себѣ относительно русскихъ.

«Когда мы пришли въ аулъ, куда была перенесена главная квартира, то намъ сказали, что обѣдъ давно готовъ. Но въ виду того, что Ермоловъ въ этотъ день отправлялъ депеши къ императору, въ которыхъ давалъ самый подробный отчетъ о дѣйствіяхъ отряда, намъ пришлось еще цѣлый часъ ожидать обѣда. Я вышелъ съ нѣкоторыми изъ собравшихся офицеровъ въ садъ, гдѣ открывался превосходный видъ на весь аулъ и окрестности. Отсюда мы прошли въ мечеть, смежную съ башней: я нашелъ здѣсь нѣсколько пергаментовъ, написанныхъ на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, и взялъ ихъ чтобы подарить іезуиту въ Моздокѣ.

«По возвращеніи въ столовую, я увидѣлъ, что гостей больше чѣмъ мѣстъ, обстоятельство повторявшееся довольно часто, потому что всякій имѣлъ право являться безъ приглашенія къ столу Алексѣя Петровича, какъ называли всѣ главнокомандующаго. Слуги въ въ подобныхъ случаяхъ приставляли къ столу деревянныя скамьи работы русскихъ солдатъ. По принятому обычаю мы всѣ ожидали прихода генерала, чтобы занять свои мѣста. Наконецъ, онъ вошелъ, поздоровался со всѣми съ своимъ обычнымъ добродушіемъ, не дѣлая никакихъ различій, и сѣлъ у средины стола, пригласивъ нѣкоторыхъ начальниковъ сѣсть рядомъ съ нимъ, а меня и маіора усадилъ на почетныя мѣста въ концѣ стола.

«Обыкновенно Ермоловъ передъ обѣдомъ усиленно занимается дѣлами съ своими молодыми адъютантами, не отдавая предпочтенія ни которому изъ нихъ. Какъ словесные, такъ и пись-

менные приказы онъ поручалъ тому изъ нихъ, кто первый попадался ему подъ руку. Я слышалъ отъ людей, знавшихъ Ермолова въ молодости, что онъ всегда любилъ серіозное чтеніе и хорошо знакомъ съ классиками. При этомъ онъ не терпѣлъ пьянства и игры въ карты. Послѣднее онъ строго преслѣдовалъ, хотя эту страсть очень трудно вывести между его соотечественниками. Это была единственная вещь, гдѣ онъ высказывалъ нетерпимость, особенно, если чувствовалъ нѣкоторое уваженіе къ лицу, имѣвшему этотъ порокъ.

Вечеромъ по уходѣ приближенныхъ, (которые почти ежедневно собираются у него за чаемъ), онъ пишетъ и читаетъ; и такъ какъ никогда не употребляетъ часовъ, то не ложится до тѣхъ поръ, пока не смѣнится караулъ у его окна. Однако, не смотря на это, прежде чѣмъ пушечный выстрѣлъ возвѣстить приближеніе зари, онъ уже на ногахъ и производитъ осмотръ лагеря. Таковъ неизмѣнный образъ жизни этого человѣка, который несетъ такую тяжелую отвѣтсвенность и которому приходится переносить столько трудовъ по обширному и сложному управленію отдаленнымъ краемъ. Съ солдатами онъ обращается какъ съ братьями, дорожитъ каждой каплей ихъ крови и во время экспедицій употребляетъ всѣ мѣры чтобы обезпечить успѣхъ. Благодаря этому, онъ пользуется общею любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ»...

Ванъ-Галенъ прожилъ три дня въ Андреевскомъ аулѣ, послѣ чего Ермоловъ вручилъ ему нѣсколько депешъ для передачи командующему въ Грузіи генералъ-лейтенанту Вельяминову, откуда онъ долженъ былъ отправиться на мѣсто квартированія Нижегородскаго полка.

Ванъ-Галенъ отправился въ Тифлисъ въ сопровожденіи восьми козаковъ по узкой и неудобной дорогѣ, имѣвшей мало общаго съ нынѣшней военно-грузинской дорогой, но сравнительно настолько же безопасной. Начиная отъ Терека, всѣ военные посты до персидской границы были заняты казаками; на станціяхъ устроены были или редуты, или сторожевыя башни, гдѣ день и ночь стояли часовые для наблюденій.

По прибытіи въ Тифлисъ Ванъ-Галенъ немедленно явился къ генералу Вельяминову и передалъ ему депеши главнокомандующаго. Генералъ принялъ его очень любезно и познакомилъ съ штабными офицерами, изъ которыхъ особенно понравился Ванъ-Галену одинъ молодой лифляндецъ, баронъ Рененкамфъ, предложившій ему остановиться въ его квартирѣ.

Срокъ пребыванія Ванъ-Галена въ Тифлисѣ зависѣлъ отъ генерала Вельяминова, который не только не стѣснялъ его въ этомъ отношеніи, но даже пригласилъ къ себѣ обѣдать запросто и отдалъ въ его распоряженіе свою библіотеку. Однако, Ванъ-Галену не удалось воспользоваться этимъ любезнымъ приглашеніемъ; онъ забо-

лѣнъ перемежающейся лихорадкой, которая, по его словамъ, черезъ пять недѣль обратила его въ совершенный скелетъ». Въ довершеніе несчастія, маленькій негръ, подаренный ему Голицынымъ, воспользовался безпомощнымъ положеніемъ своего господина и, захвативъ все его платье и деньги, бѣжалъ въ Персію. Послѣ этого приключенія больной поневолѣ долженъ былъ довольствоваться услугами двухъ приставленныхъ къ нему деньщиковъ, которые съ трудомъ понимали его ломаный русскій языкъ. Такъ прошло два мѣсяца. Ванъ-Галенъ всталъ съ постели и, видя, что ему слишкомъ долго придется ожидать полнаго выздоровленія, рѣшилъ отправиться въ полкъ, несмотря на энергическій протестъ лѣчившаго его почтеннаго доктора Прибиля.

«16-го декабря — говоритъ авторъ — я выѣхалъ изъ Тифлиса съ полковникомъ Ермоловымъ, родственникомъ главнокомандующаго, барономъ Унгерномъ и нѣсколькими другими офицерами. Нашъ путь лежалъ черезъ Кахетію, которая въ это время года была покрыта снѣгомъ и показалась мнѣ крайне непривлекательной. Спустившись съ высотъ Сигнаха, мы отправились вдоль богатыхъ и живописныхъ долинъ, которыя тянутся отъ рѣки Алазана до Каракаха, бывшаго цѣлью нашего путешествія. Мѣстность эта считалась очень опасною, вслѣдствіе близости лезгинъ, которые часто нападали на проѣзжихъ, особенно на офицеровъ, въ надеждѣ захватить ихъ въ плѣнъ и получить богатый выкупъ. Но мы проѣхали совершенно благополучно, хотя съ нами не было никакого конвоя и мы могли издали обратить на себя вниманія горцевъ своими блестящими мундирами и перьями на шляпахъ.

«По прибытіи въ Каракахъ, гдѣ расположенъ былъ на зимнихъ квартирахъ Нижегородскій драгунскій полкъ, мы тотчасъ же представились командиру этого полка, полковнику Климовскому, такъ какъ для этого заблаговременно нарядились въ мундиры. Полковникъ принялъ насъ очень привѣтливо; но мнѣ очень было трудно объясняться съ нимъ: я говорилъ очень плохо по русски, а онъ не зналъ другаго языка, кромѣ русскаго, хотя служилъ адъютантомъ у великаго князя Константина во время кампаніи 1813 и 1814 г. Это обстоятельство побудило меня усерднѣе прежняго заняться русскимъ языкомъ, но несмотря на всѣ усилія, дѣло подвигалось крайне медленно.

Всѣ офицеры полка, по установленному обычаю, ежедневно завтракали, обѣдали и ужинали у полковаго командира. Когда онъ былъ въ отсутствіи то одинъ изъ офицеровъ занималъ его мѣсто. Ванъ-Галенъ наравнѣ съ другими встрѣтилъ здѣсь самый радушный пріемъ. Ему отвели готовую квартиру; между солдатами оказались обойщики, столяры и проч., которые сдѣлали ему необходимую мебель. Для прислуги ему назначили двухъ деньщиковъ, которые были отданы въ его полное распоряженіе. Благодаря этому

и суточнымъ раціонамъ, отпускаемымъ на него самаго, слугъ и лошадей, русскій офицеръ, по словамъ автора, «могъ жить прилично, особенно въ Грузіи, гдѣ получалъ двойное жалованье, хотя оно было гораздо ниже того, что получали офицеры въ другихъ европейскихъ странахъ».

Не смотря на извѣстныя удобства, зимовка въ горахъ показалась автору своего рода ссылкой, вслѣдствіе крайняго однообразія лагерной жизни. «Каждое утро, говоритъ онъ, полковникъ Климовскій присутствовалъ при ученіи и упражненіяхъ въ верховой ѣздѣ; послѣ завтрака полковое начальство осматривало конюшни и любовалось красотой лошадей. Въ праздники главнымъ занятіемъ офицеровъ была охота. Всякаго рода дичь водилась въ такомъ изобиліи, что шестеро солдатъ охотниковъ снабжали ею весь полкъ. По вечерамъ всѣ собирались у полковаго командира, пили въ изобиліи чай и пуншъ, курили трубки, играли въ шахматы и карты, подъ звуки полковой музыки; въ этомъ—замѣчаетъ авторъ—состояло все наше занятіе въ длинные зимніе вечера. Жена священника была наша единственная дама, но мы только изрѣдка видѣли ее, потому что она вела очень уединенную жизнь. Ея мужъ, еще молодой человѣкъ, пользовался общимъ уваженіемъ; докторъ же, наоборотъ, былъ настолько небреженъ, что еслибы сами офицеры не заботились о больныхъ солдатахъ, то смертность въ лагерѣ вѣроятно достигла бы ужасающихъ размѣровъ... Наши сосѣди лезгины не безпокоили насъ днемъ, за то ночью приходилось брать постоянныя предосторожности противъ ихъ нападеній. Мнѣ разсказывали, что незадолго до моего пріѣзда шайка лезгинъ, человѣкъ въ двадцать, ворвалась ночью въ лагерь, убила часовыхъ и нѣсколькихъ спавшихъ солдатъ, пока крики раненыхъ не подняли на ноги весь полкъ. Послѣ этого, сторожевые посты вокругъ лагеря были удвоены. По ночамъ оклики часовыхъ смѣшивались съ воемъ шакаловъ, которыхъ было такое множество, что съ наступленіемъ сумерокъ, они забѣгали въ лагерь и таскали куръ... Такъ прожили мы нѣсколько мѣсяцевъ; всѣ наши свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ мірѣ, ограничивались короткими извѣстіями, которыя заключались въ приказахъ, еженедѣльно присылаемыхъ изъ Петербурга. Приказы эти мы получали съ бо̀льшею или меньшею правильностью, смотря по состоянію дорогъ въ горахъ»...

Наконецъ, наступила весна; Нижегородскій драгунскій полкъ собирался перейти на лѣтнюю стоянку въ Царскіе Колодцы, снабженные хорошей водой и считавшіеся самой здоровой мѣстностью. Но и тамъ полкъ долженъ былъ оставаться въ такомъ же бездѣйствіи, какъ и на зимнихъ квартирахъ; поэтому Ванъ-Галенъ, воспользовавшись возвращеніемъ генерала Ермолова изъ Чечни, выпросилъ отпускъ у полковаго командира и отправился въ Тифлисъ, куда прибылъ 5-го апрѣля 1820 года. Отдохнувъ съ дороги, онъ представился главнокомандующему и выразилъ ему свое желаніе

получить назначеніе въ одну изъ экспедицій противъ горцовъ. Ермоловъ позволилъ ему оставаться при своей особѣ до начала военныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ авторъ довольно близко познакомился съ Тифлисомъ, о которомъ, благодаря болѣзни, не могъ составить никакого понятія въ свой первый пріѣздъ. Мы приведемъ здѣсь въ общихъ чертахъ сообщаемыя имъ свѣденія.

Тифлисъ и въ то время былъ средоточіемъ всей торговли Грузіи. Хотя базаръ былъ довольно обширенъ, но русское правительство для поощренія торговли рѣшило построить другой базаръ въ новомъ городѣ, на мѣстѣ прежняго кладбища, хотя это не особенно нравилось суевѣрнымъ жителямъ. Новый городъ расположенъ на правомъ берегу рѣки и составляетъ какъ бы продолженіе стараго. Здѣсь лучшіе дома принадлежатъ русскимъ властямъ и нѣсколькимъ богатымъ армянамъ. Бани, которыя играютъ такую важную роль въ жизни азіатовъ, находились на восточной сторонѣ города. Женщины, особенно высшаго круга, по словамъ автора, проводили въ нихъ чуть ли не цѣлыя сутки и угощали тутъ своихъ пріятельницъ обѣдомъ, плодами и разными прохладительными. Кромѣ того, сообразно мѣстному обычаю, каждое воскресенье знакомые собирались другъ у друга и проводили время въ танцахъ; но женщины плясали отдѣльно, потому что приличіе не позволяло мужчинамъ принимать участіе въ ихъ танцахъ. Въ теплое время года тифлисское общество собиралось въ публичномъ саду, зимою—въ клубѣ, основанномъ въ концѣ 1819 года. Генералъ Ермоловъ, не имѣя при себѣ семьи, не могъ приглашать дамъ, но желая по возможности сблизить общество, поощрялъ вечернія собранія въ клубѣ, который помѣщался въ домѣ одного богатаго армянина. При клубѣ была устроена библіотека и выписано нѣсколько французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ; нѣкоторыя комнаты назначены были для чтенія, другія для игры въ карты и для танцевъ. Въ началѣ грузинское дворянство противилось этому нововведенію, но потомъ мало по малу привыкло къ нему, хотя дамы, вслѣдствіе незнакомства съ европейскими танцами, плясали въ особой залѣ, откуда слышались рѣзкіе звуки дайра (бубны), тари (родъ гитары) и другихъ мѣстныхъ инструментовъ. Только за ужиномъ все общество соединялось...

Но скоро всѣ эти развлеченія были прерваны слѣдующими событіями. Въ Имеретіи и Гуріи произошли безпорядки; правитель Имеретіи, полковникъ Пузыревскій, былъ измѣннически убитъ въ лѣсу. Для наказанія мятежниковъ посланы были отряды подъ начальствомъ генерала-лейтенанта Вельяминова и вновь назначеннаго имеретинскаго правителя, князя Горчакова [1]). Одновременно съ

---

[1]) Экспедиція эта, какъ извѣстно, кончилась полнымъ успѣхомъ. Шайки имеретинскаго царевича Давида и князя Абашидзе были разсѣяны; первый изъ нихъ

этимъ, главнокомандующій рѣшилъ начать военныя дѣйствія въ сѣверномъ Дагестанѣ. Цѣлью ихъ было усмиреніе Сурхай-хана Казикумыхскаго, который позволялъ себѣ всякія жестокости и насилія относительно своихъ подданныхъ и сосѣдей и втайнѣ подстрекалъ другихъ хановъ, данниковъ Россіи, къ возмущенію, которое должно было начаться одновременно на двухъ противоположныхъ концахъ Грузіи. Генералъ Ермоловъ хотѣлъ затушить возмущеніе въ самомъ началѣ и назначилъ въ Казикумыхъ экспедицію подъ начальствомъ князя Мадатова.

Мадатовъ, уроженецъ Карабага, вступилъ въ русскую службу съ молодыхъ лѣтъ, участвовалъ въ кампаніи 1812—1814 годовъ противъ Наполеона и впослѣдствіи былъ отправленъ на Кавказъ подъ начальство генерала Ермолова. Благодаря знанію языка и обычаевъ страны, храбрости и представительной наружности, онъ былъ чрезвычайно полезенъ при сношеніяхъ съ горцами. Ванъ-Галенъ былъ прикомандированъ, въ числѣ другихъ офицеровъ, къ генералу Мадатову на время экспедиціи и съ радостью принялъ назначеніе, которое давало ему возможность познакомиться съ различными народами Кавказа и удобный случай отличиться.

Для дѣйствій противъ казикумыхскаго хана Мадатову поручено было образовать отрядъ въ составѣ двухъ баталіоновъ Куринскаго полка, одного баталіона Апшеронскаго, двухъ баталіоновъ 41-го егерскаго полка, всего 2,500 человѣкъ пѣхоты, сотни казаковъ и 14 орудій. Къ этимъ войскамъ присоединились 500 всадниковъ карабагскихъ, 300 шемахинскихъ и 400 изъ Ширвана, которыхъ князь Мадатовъ, проѣзжая черезъ эти провинціи, приказалъ собрать въ своемъ присутствіи. Осмотрѣвъ конницу, онъ отправилъ ее въ южный Дагестанъ, а самъ съ отрядомъ послѣдовалъ туда же кратчайшей, но чрезвычайно трудной дорогой черезъ кавказскій хребетъ.

«Дорога отъ Ширвана въ южный Дагестанъ—говоритъ авторъ—шла по крутымъ тропинкамъ, которыя мѣстами были загромождены огромными обломками скалъ, а горные склоны покрыты дремучими лѣсами. На самомъ перевалѣ, когда мы думали, что миновали всѣ препятствія, встрѣтилась пропасть около шести саженъ ширины и болѣе двухъ сотъ саженъ глубины, черезъ которую вмѣсто моста перекинуты были три дуба съ вѣтвями, образовавшіе переправу

былъ убитъ, второй бѣжалъ въ Ахальцыхъ. По водвореніи спокойствія въ Имеретіи, Вельяминовъ вступилъ въ Гурію и подошелъ къ крѣпкому замку, принадлежавшему Кайхосро Гуріелю, одному изъ главныхъ зачинщиковъ заговора противъ Пузыревскаго, который былъ извѣстенъ своею преданностью Турціи. Гуріель, не считая себя въ безопасности, обратился въ бѣгство. По взятіи замка, Вельяминовъ приказалъ разорить его до основанія, кромѣ находившейся тамъ церкви, у которой былъ поставленъ памятникъ полковнику Пузыревскому. (См. Исторія царствованія Александра I Богдановича, т. VI. стр. 309.

не болѣе трехъ футовъ шириной. Мадатовъ первый переѣхалъ на другую сторону на своей маленькой лошадкѣ; мы поневолѣ должны были слѣдовать за нимъ. Спускъ съ горы занялъ болѣе двухъ часовъ. Насъ окружалъ такой густой лѣсъ и такія высокія горы, что несмотря на утреннее время, намъ казалось, что мы въ какой-то пещерѣ. Миновавъ горы, мы вступили въ Дагестанъ, который сдѣлалъ на насъ впечатлѣніе нескончаемаго сада. Къ вечеру слѣдующаго дня мы достигли Кубы. Этотъ городъ былъ нѣкогда столицей ханства этого имени и по присоединеніи къ Россіи сдѣлался главнымъ городомъ Дагестана, хотя онъ далеко уступаетъ другимъ городамъ той же мѣстности. Онъ окруженъ полуразрушенной стѣной и улицы его настолько узки, что движеніе по нимъ экипажей почти невозможно.

Въ Кубѣ къ русскому отряду присоединились два лица, которымъ суждено было играть видную роль въ предстоящей экспедиціи. Это были Асланъ-ханъ кюринскій, владѣтель небольшой области, дородный человѣкъ лѣтъ 45, и его братъ Гассанъ-ага, который былъ значительно моложе его, очень красивъ собой и считался однимъ изъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ Кавказа. Онъ самъ былъ такого высокаго мнѣнія о своей военной доблести, что однажды, разсказывая товарищамъ о совершенныхъ имъ подвигахъ, воскликнулъ: «Еслибы Аллахъ сказалъ, что есть въ мірѣ человѣкъ храбрѣе меня, я убилъ бы себя со стыда». Братья явились въ сопровожденіи 800 человѣкъ рослыхъ всадниковъ, вооруженныхъ длинными копьями въ панцыряхъ, шлемахъ и щитахъ, что придавало имъ видъ средневѣковыхъ рыцарей. Князь Мадатовъ принялъ обоихъ братьевъ съ большимъ почетомъ, такъ какъ они многократно оказывали важныя услуги русскому правительству, и тотчасъ же назначилъ Асланъ-хана командующимъ всей горской конницей. Гассанъ-ага обидѣлся этимъ, такъ какъ считалъ себя одного достойнаго такого почетнаго назначенія, и, бросившись въ палатку своего брата, вызвалъ его на поединокъ, осыпая оскорбительною бранью. Всѣ усилія присутствовавшихъ русскихъ офицеровъ помирить ихъ оказались напрасными; наконецъ, князь Мадатовъ успокоилъ раздраженнаго Гассанъ-агу, назначивъ его начальникомъ авангарда мусульманской конницы.

5-го іюня пришло извѣстіе о скоромъ прибытіи обоза, и князь Мадатовъ отдалъ приказъ своимъ войскамъ выступить изъ Кубы къ Чираху, лежавшему на дорогѣ въ Казикумыхъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Сурхай-ханъ, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, собралъ поголовное ополченіе и присоединивъ къ нему лезгинъ, расположился съ 20,000 человѣкъ у селенія Хозрекъ на неприступной и хорошо укрѣпленной позиціи. Это было будущее поле битвы; но у князя Мадатова, по словамъ автора, не было никакихъ данныхъ, чтобы составить заранѣе планъ дѣйствій. О картѣ не могло быть и рѣчи; и никто изъ туземцевъ, находившихся въ

русскомъ отрядѣ, не бывалъ въ Хозрекѣ, такъ что всѣ свѣдѣнія ограничивались сбивчивыми и легендарными показаніями мѣстныхъ татаръ.

10-го іюня войска князя Мадатова прибыли въ Чирахъ, а въ слѣдующую ночь передовые посты уже находились на непріятельской землѣ, въ трехъ верстахъ за Чирахомъ. Отсюда до Хозрека оставалось всего 25 верстъ. Дорога, по которой двигался русскій отрядъ, пролегала между двумя обрывистыми отрогами Кавказскаго хребта, изъ которыхъ лѣвый постепенно понижался, а правый тянулся до самаго Хозрека. Въ 6 часовъ утра русскіе были уже въ семи верстахъ отъ Хозрека; когда разсѣялся бывшій въ это время туманъ, они увидѣли на высотахъ, вправо отъ дороги, толпы непріятельской конницы съ разноцвѣтными значками. Чтобы сколько нибудь обезпечить движеніе русскаго отряда вдоль подошвы этихъ высотъ и отвлечь отъ Хозрека значительную часть непріятельскихъ силъ, князь Мадатовъ приказалъ Гассанъ-агѣ врѣзаться въ лѣвое крыло непріятеля съ авангородомъ конницы. Якубовичъ и Ванъ-Галенъ, какъ единственные кавалеристы изъ русскихъ офицеровъ, находившихся при князѣ Мадатовѣ, должны были присоединиться къ брату Асланъ-хана и принять дѣятельное участіе въ этомъ опасномъ движеніи. «Непріятель, стоявшій на высотахъ въ превосходномъ числѣ — говоритъ авторъ — встрѣтилъ насъ громкимъ крикомъ и ружейными залпами, которые заставили насъ дважды отступить. При этомъ я невольно обратилъ вниманіе на отдѣльныя сцены свирѣпости азіатовъ, которые были тѣмъ чаще, что въ этой гористой мѣстности не было никакого единства дѣйствій и все зависѣло отъ личной храбрости. Между прочимъ, я видѣлъ одного изъ всадниковъ Асланъ-хана и лезгина, борющихся въ предсмертной агоніи; они рвали другъ друга зубами и крѣпко схватившись покатились въ скалистую пропасть, увлекая за собою лошадей, которыхъ оба держали за узду. Другой лезгинъ, поручивъ свою лошадь товарищу, сползъ по крутизнѣ внизъ, чтобы отрѣзать голову непріятелю... Наконецъ, послѣ третьей атаки, мы ворвались въ непріятельскую линію; противникъ защищалъ каждую пядь земли съ отчаянною храбростью; но намъ все-таки удалось обратить его въ бѣгство и прогнать до окоповъ. Въ это время братъ Асланъ-хана упалъ пораженный пулей въ самое сердце; умирая, онъ просилъ окружающихъ отомстить за его смерть. Эта потеря, которая въ европейскомъ войскѣ только слегка отразилась бы на ходѣ дѣйствій, почти парализовала насъ въ самый критическій моментъ. Благодаря обычаю азіатовъ оплакивать убитаго вождя и причитывать надъ его тѣломъ, непріятель успѣлъ собрать свои силы и окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ»... По счастью, князь Мадатовъ, слѣдившій издали за ходомъ дѣла, замѣтилъ смятеніе, произведенное смертью Гассанъ-аги, и прискакалъ самъ на мѣсто боя. Горцы,

ободренные его присутствіемъ, окончательно сбили непріятеля съ высотъ. Въ то же время, маіоръ Мартиненко, съ тремя ротами Апшеронскаго полка, напалъ на лѣвое крыло казикумыхской позиціи и заставилъ непріятеля отступить къ второму завалу. Артиллерія, въ свою очередь, открывъ сильный огонь по селенію Хозрекъ, нанесла большой вредъ полкамъ, тѣснившимся на улицахъ, при этомъ взорвано было нѣсколько патронныхъ ящиковъ, посланныхъ Сурхай-ханомъ...

Съ горъ, по словамъ автора, видна была вся линія непріятельскихъ заваловъ и весь лагерь Сурхай-хана казикумыхскаго. Его пестрая палатка была украшена знаменами; кругомъ были палатки его приближенныхъ, также покрытыя шелковыми разноцвѣтными матеріями. Тутъ же стояло множество осѣдланныхъ лошадей и нѣсколько отрядовъ пѣхоты, составлявшихъ непріятельскій резервъ. Все это представляло чрезвычайно оживленное зрѣлище и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывало на ресурсы непріятеля и способы его защиты, что̀ имѣло большое значеніе въ данный моментъ. Князь Мадатовъ, соображаясь съ положеніемъ непріятельскихъ войскъ, выждалъ прибытія остальной татарской конницы и шедшей въ аріергардѣ пѣхоты, приказалъ Асланъ-хану съ его всадниками направиться въ обходъ праваго фланга непріятельской позиціи, чтобы отрѣзать Сурхай-хану дорогу въ Казикумыхъ, между тѣмъ, какъ вся остальная пѣхота, построенная въ трехъ колоннахъ, подошла къ укрѣпленіямъ Хозрека на ружейный выстрѣлъ. Артиллерія удачной канонадой, продолжавшейся около часа, успѣла сдѣлать нѣсколько брешей въ валахъ, прикрывавшихъ селеніе, и тогда всѣ три колонны съ крикомъ «ура!» кинулись на штурмъ. Подполковникъ Сагиновъ, командовавшій апшеронцами и майоръ Ванъ-Га́ленъ первые вошли на валъ и оба были ранены; затѣмъ солдаты ворвались въ бреши, выбили непріятеля изъ укрѣпленій, гнали до мечети и преодолѣвъ всякое сопротивленіе, водрузили на минаретѣ знамя Апшеронскаго полка. Непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ и отрѣзанный отъ дороги въ Казикумыхъ, принужденъ былъ уходить подъ выстрѣлами артиллеріи, по крутому ущелью, ведущему въ лагерь Сурхай-хана, который также обратился въ бѣгство со всей конницей, опрокидывая все, что задерживало его на пути. На разстояніи шести верстъ земля была усѣяна тѣлами убитыхъ; 600 человѣкъ взято въ плѣнъ. Трофеями побѣды были: весь лагерь и богатая ставка Сурхая, 11 знаменъ и значковъ и до 2,000 ружей.

Къ концу дня князь Мадатовъ приказалъ остановить преслѣдованіе непріятеля, а вслѣдъ за тѣмъ отданъ былъ приказъ войскамъ выступить изъ Хозрека и расположиться лагеремъ подъ его стѣнами. Раненые горцы были поручены мулламъ, подъ надзоромъ одного изъ русскихъ врачей, который былъ оставленъ въ селеніи. Всѣ плѣнные были отпущены на свободу по просьбѣ Асланъ-хана.

Въ это время Сурхай-ханъ, бѣжавшій съ поля сраженія съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ, прискакалъ ночью къ воротамъ своей резиденціи въ надеждѣ найти убѣжище. Но въ Казикумыхѣ уже знали объ его пораженіи и не впустили его, такъ какъ, по желанію народа, онъ былъ лишенъ власти и въ городѣ учреждено временное правленіе старшинъ. Сурхай-ханъ не рѣшился лишить себя жизни и просилъ о возвращеніи ему власти, предлагая самыя унизительныя условія, которыя были единогласно отвергнуты, благодаря общей ненависти, какую онъ возбудилъ противъ себя своей жестокостью и постоянными интригами. Наконецъ, городскіе старшины выслали ему, въ видѣ милости, его женъ и дѣтей подъ прикрытіемъ отряда, который долженъ былъ проводить его до границъ Казикумыхскихъ владѣній.

Вслѣдъ за тѣмъ, старшины отправили нѣсколько человѣкъ изъ своей среды къ Асланъ-хану, чтобы черезъ его посредничество изъявить покорность русскому правительству. Депутаты эти, по словамъ автора, явились въ русскій лагерь въ три часа пополудни и были немедленно введены въ палатку князя Мадатова, гдѣ, послѣ предварительныхъ переговоровъ, они сами предложили остаться въ видѣ заложниковъ, что̀ было безусловно принято. Это были люди пожилые, съ степенными манерами и воинственной осанкой, одѣтые очень богато и съ оружіемъ самой тонкой работы. Согласно нѣкоторымъ пунктамъ предполагаемаго договора, присяга русскому императору, провозглашеніе Асланъ-хана владѣтелемъ Казикумыха и нѣкоторыя другія условія должны были быть заключены въ самой резиденціи сверженнаго хана. «Въ виду этого — продолжаетъ авторъ — 13-го іюня, вечеромъ, былъ отданъ приказъ войскамъ двинуться къ Казикумыху, за исключеніемъ двухъ ротъ пѣхоты, которыя были оставлены въ Хозрекѣ. Это путешествіе было однимъ изъ самыхъ трудныхъ, вслѣдствіе встрѣчавшихся на пути горъ, переправъ черезъ рѣки и узкихъ тропинокъ, такъ что мѣстами солдаты везли на себѣ орудія и зарядные ящики...

За десять верстъ отъ Казикумыха, князя Мадатова встрѣтила депутація старшинъ съ обычными привѣтствіями. У городскихъ воротъ ожидала его другая депутація съ знаменами и шестами, украшенными зеленью, и подала ключи отъ города на богатомъ блюдѣ, наполненномъ вареным рисомъ, который князь Мадатовъ долженъ былъ отвѣдать. При этомъ ему подарили красивую и богато осѣдланную лошадь, ружье, пистолетъ, саблю и кинжалъ. Князь Мадатовъ обратился къ старшинамъ съ рѣчью на мѣстномъ языкѣ, гдѣ въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ и со всевозможными жестикуляціями распространился о миролюбивыхъ намѣреніяхъ императора Александра I, который послалъ свои войска въ ихъ столицу съ единственною цѣлью водворенія новаго хана, посланнаго имъ Провидѣніемъ, котораго управленіе обезпечитъ ихъ благоден-

ствіе. Отвѣтомъ на эту рѣчь были громкіе крики одобренія многочисленной собравшейся толпы.

«По прибытіи въ ханскій дворецъ, не отличавшійся особеннымъ изяществомъ и великолѣпіемъ, — разсказываетъ Ванъ-Галенъ, — мы взошли на лѣстницу, убранную богатыми коврами и золотыми тканями, и, проводивъ Асланъ-хана въ главную залу, удалились вмѣстѣ съ княземъ Мадатовымъ. Послѣдній приказалъ разбить себѣ палатку за городскими стѣнами и запретилъ кому либо изъ военныхъ оставаться въ городѣ.

«Въ началѣ слухъ о прибытіи русскихъ войскъ возбудилъ неудовольствіе мѣстнаго населенія, но послѣ рѣчи Мадатова, о которой быстро разнеслись слухи по всей области, безпрестанно прибывали новыя толпы, чтобы присутствовать при провозглашеніи новаго хана. 17-го числа, въ день назначенный для церемоніи, двери большой мечети были отворены настежъ; Асланъ-ханъ вошелъ, окруженный многочисленной свитой, которая провожала его отъ самаго дворца. Посрединѣ мечети, на барабанѣ, подъ распущенными знаменами втораго Апшеронскаго полка лежалъ Коранъ, на которомъ старшины всѣхъ магаловъ (округовъ) принесли присягу на вѣрноподданство русскому императору и на повиновеніе Асланъ-хану, вступавшему въ управленіе областью.

«Для бо́льшей торжественности у дверей мечети поставлена была рота солдатъ и взводъ Апшеронскаго полка; все же остальное войско стояло на нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленій. По окончаніи присяги, Асланъ-ханъ появился на городской стѣнѣ въ пурпуровомъ плащѣ и былъ провозглашенъ ханомъ Казикумыха при громкихъ крикахъ толпы и 24-хъ выстрѣлахъ русской артиллеріи. Мадатовъ не считалъ приличнымъ присутствовать на церемоніи и оставался съ нами въ своей палаткѣ, куда вскорѣ явился Асланъ-ханъ съ своей свитой и сказалъ рѣчь, въ которой упомянулъ о разворенномъ состояніи страны и просилъ о выводѣ русскаго отряда. Князь Мадатовъ возразилъ, что считаетъ необходимымъ принять мѣры къ полному умиротворенію края, такъ какъ отвѣтственъ въ этомъ передъ генераломъ Ермоловымъ, и добавилъ, что русскія войска немедленно удалятся, какъ только ему будутъ представлены гарантіи относительно миролюбиваго настроенія жителей. Асланъ-ханъ указалъ на русскій орденъ, висѣвшій на его груди и, схвативъ руку князя Мадатова, сказалъ съ горячностью, что ручается за вѣрность и прямодушіе своего народа. Мадатовъ возразилъ, что не можетъ дать окончательнаго отвѣта и ханъ удалился. Затѣмъ князь Мадатовъ видѣлся втайнѣ съ Асланъ-ханомъ и, переговоривъ съ нимъ, объявилъ собравшимся старшинамъ, что, зная благонамѣренность хана, не потребуетъ никакого залога отъ казикумыховъ и удалится немедленно съ своимъ войскомъ, какъ только будетъ приведена къ присягѣ остальная часть населенія, не

участвовавшая въ церемоніи. На слѣдующее утро князю Мадатову выданы были десять мѣдныхъ орудій и двѣ пушки, находившіяся въ башняхъ дворца и возвращены русскіе плѣнные, забранные въ разное время.

Вечеромъ 19-го іюня снятъ былъ лагерь у Казыкумыха. Асланъ-ханъ проводилъ князя Мадатова за четыре версты, гдѣ русскій отрядъ расположился на ночь. Вслѣдъ за этимъ явились старшины городовъ и деревень и принесли требуемую присягу въ соблюденіи мира. Отсюда войска двинулись въ обратный путь черезъ Хозрекъ и Кубу, гдѣ была отпущена горская конница, участвовавшая въ экспедиціи.

Между тѣмъ, вѣсть о побѣдѣ, одержанной при Хозрекѣ, дошла до Ермолова со всѣми подробностями. Онъ торжественно благодарилъ князя Мадатова въ письмѣ за способъ, какимъ была ведена экспедиція, и поручалъ передать его благодарность отличившимся офицерамъ и солдатамъ. Мадатовъ, исполнивъ порученіе главнокомандующаго, отпустилъ собранные имъ батальоны на прежнія квартиры, а самъ вернулся въ Карабагъ для окончательнаго устройства ханствъ, порученныхъ его управленію. Трое изъ офицеровъ, причисленныхъ къ его штабу: Коцебу, Исаковъ и Ванъ-Галенъ отправились ближайшей дорогой въ Тифлисъ, куда прибыли 6-го іюля. Ванъ-Галенъ по прежнему остановился у барона Рененкамфа, такъ какъ еще дорогой получилъ радостное извѣстіе о полномъ успѣхѣ испанской революціи и намѣревался вернуться на родину въ самомъ непродолжительномъ времени.

«На слѣдующій день по моемъ пріѣздѣ — говоритъ авторъ — мы представились генералу Ермолову, который принялъ насъ самымъ лестнымъ образомъ, и указывая на знамена Хозрека, стоявшія въ углу его залы, отозвался съ похвалой о храбрости офицеровъ и солдатъ, находившихся въ отрядѣ князя Мадатова. Распросивъ о нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ ему подробностяхъ, онъ любезно пригласилъ насъ располагать его домомъ, обѣдомъ и библіотекой. Имѣя доступъ въ его домъ во всякое время, я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и откровенно сообщилъ ему о причинахъ, побуждавшихъ меня оставить русскую службу и вернуться на родину, Ермоловъ выслушалъ меня очень внимательно и отвѣтилъ, что ничего не имѣетъ противъ этого, но совѣтовалъ остаться до тѣхъ поръ, пока будутъ выполнены необходимыя формальности и онъ напишетъ донесеніе императору. Требованіе это было вполнѣ законно и я тѣмъ охотнѣе подчинился ему, что получилъ извѣстіе, что генералъ Бетанкуръ, проѣздомъ въ Крымъ, остановится въ Кизлярѣ. Я рѣшилъ воспользоваться свободнымъ временемъ и повидаться съ моимъ почтеннымъ покровителемъ въ Кизлярѣ чтобы еще разъ поблагодарить его за оказанныя мнѣ услуги. Ермоловъ охотно отпустилъ меня и поручилъ передать письмо, въ которомъ

просилъ генерала Бетанкура проѣхать черезъ Кавказскія горы въ Тифлисъ и бросить взглядъ на устроенныя имъ пути сообщенія, чтобы имѣть возможность доложить императору о пользѣ улучшеній, сдѣланныхъ въ краѣ».

Бетанкуръ ласково встрѣтилъ своего молодаго соотечественника, но предложенная ему поѣздка въ Тифлисъ поставила его въ затруднительное положеніе: маршрутъ его былъ назначенъ, и онъ ѣхалъ въ Крымъ по особому указу его величества. Однако, узнавъ нѣкоторыя подробности о способѣ путешествія и разсчитавъ время, онъ рѣшился исполнить желаніе генерала Ермолова. Едва отдохнувъ съ дороги, онъ выѣхалъ изъ Кизляра съ Ванъ-Галеномъ, котораго посадилъ съ собой въ экипажъ. Бетанкуръ путешествовалъ съ комфортомъ, неизвѣстнымъ на Кавказѣ, но который былъ необходимъ при его преклонныхъ лѣтахъ. Помимо нѣсколькихъ колясокъ для него и его приближенныхъ, сзади слѣдовалъ огромный рыдванъ со всевозможной провизіей, кухонной посудой и проч. На всѣхъ станціяхъ были заранѣе приготовлены лошади и конвой, во избѣжаніе какихъ-либо остановокъ и т. п.

Ермоловъ былъ очень доволенъ пріѣздомъ главно-управляющаго путями сообщенія, принялъ его съ большимъ почетомъ и самъ показывалъ ему всѣ сдѣланныя имъ улучшенія въ городѣ и окрестностяхъ.

Генералъ Бетанкуръ пробылъ всего четыре дня въ Тифлисѣ, но какъ разъ въ это время случилось неожиданное событіе, которое положило конецъ военной карьерѣ Ванъ-Галена въ Россіи: Императоръ Александръ I прислалъ приказъ съ обозначеніемъ орденовъ, повышеній въ чинѣ и другихъ милостей для всѣхъ отличившихся въ Казикумыхской экспедиціи, согласно донесенію главнокомандующаго. «Въ этомъ донесеніи — замѣчаетъ авторъ — я былъ также упомянутъ, что мнѣ достовѣрно извѣстно; но полученная мною награда была совершенно иная. Его величество, не одобряя положеніе дѣлъ въ Испаніи, счелъ нужнымъ сдѣлать меня отвѣтственнымъ за то неудовольствіе, которое возбудили въ немъ мои соотечественники. Онъ повелѣлъ главнокомандующему немедленно уволить меня отъ службы и выслать изъ Россіи подъ конвоемъ, который будетъ отвѣтственъ за скорое и безусловное исполненіе высочайшаго повелѣнія...

«Я не считаю себя вправѣ — продолжаетъ авторъ — описать вполнѣ великодушное поведеніе генерала Ермолова въ настоящемъ случаѣ, но въ то же время не могу умолчать о нѣкоторыхъ подробностяхъ, такъ какъ это было бы неблагодарностью съ моей стороны.

«Главнокомандующій, зная насколько моя насильственная отставка произведетъ дурное впечатлѣніе на моихъ товарищей, въ виду дарованныхъ имъ милостей, и желая подготовить меня къ не-

пріятному извѣстію, утаилъ отъ всѣхъ содержаніе полученнаго имъ приказа, кромѣ Бетанкура, который долженъ былъ сообщить мнѣ объ этомъ передъ своимъ отъѣздомъ. Я удивлялся странному обращенію со мной генерала Бетанкура и печальнымъ взглядамъ, которые онъ бросалъ на меня, и не могъ понять причины. Въ часъ, назначенный для его отъѣзда, я пришелъ проститься съ нимъ, такъ какъ лошади уже были поданы у крыльца. Онъ ожидалъ меня и, отойдя къ окну, сказалъ мнѣ съ видомъ участія и сожалѣнія: — Мой дорогой другъ, несчастіе преслѣдуетъ васъ... вы узнаете очень непріятную новость, которую нельзя было ни предвидѣть, ни предупредить... Не нужно ли вамъ денегъ?.. Онъ остановился и, видя, что я готовъ отказаться, вынулъ свою записную книжку, написалъ въ ней нѣсколько словъ, и, вложивъ въ мою руку, сказалъ:— Въ какой бы изъ европейскихъ столицъ вы не очутились безъ средствъ воспользуйтесь этой запиской, вы получите требуемую вами сумму. Говоря это, онъ простился со мной со слезами на глазахъ и сѣлъ въ экипажъ, оставивъ меня въ совершенномъ недоумѣніи. Я былъ сильно встревоженъ и терялся въ догадкахъ, припоминая слова моего великодушнаго покровителя...

Послѣ отъѣзда Бетанкура, милости императора были объявлены участникамъ Казикумыхской экспедиціи, но ни слова не было сказано объ увольненіи Ванъ-Галена, которое не могло долѣе оставаться тайной для послѣдняго. Наконецъ, главнокомандующій, откладывавшій до послѣдней минуты непріятное объясненіе, потребовалъ къ себѣ Ванъ-Галена, чтобы поговорить о важномъ дѣлѣ.

«Я пришелъ къ Ермолову въ назначенный часъ — говоритъ авторъ — онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и, сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно превратностей моей судьбы, сообщилъ мнѣ высочайшую волю. Но при этомъ замѣтилъ, что не намѣренъ исполнять полученный приказъ во всей строгости, потому что знаетъ характеръ Александра I и убѣжденъ, что подобное распоряженіе исходитъ не отъ самаго императора, а отъ окружавшихъ его лицъ, которые часто обманываютъ его.— По моему мнѣнію, продолжалъ онъ, вы должны написать его величеству и изложить въ короткихъ словахъ всѣ тѣ несчастія, которыя вы испытали въ жизни, не исключая и послѣдняго распоряженія. Я, съ своей стороны, объясню, почему я позволилъ себѣ отступить отъ повелѣнія, которое могло дать поводъ обвинить его величество въ неблагодарности и несправедливости. Я настолько дорожу честью и достоинствомъ его имени, что не допущу, чтобы офицеръ, на услуги котораго я хотѣлъ обратить его высочайшее вниманіе, уѣхалъ отъ насъ съ непріятнымъ впечатлѣніемъ. Въ виду этого, я не стану торопить васъ съ отъѣздомъ и не считаю нужнымъ приставлять къ вамъ стражи; единственно, что я потребую отъ васъ, чтобы вы не вздумали посѣтить Петербурга или Москвы. Пока совѣтую вамъ

носить по прежнему вашъ мундиръ, чтобы никто не догадался о настоящей причинѣ вашего отъѣзда...

Черезъ сутки письмо Ванъ-Галена было отправлено въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣе онъ не желалъ увеличивать отвѣтственность генерала Ермолова передъ правительствомъ и рѣшилъ по возможности ускорить свой отъѣздъ изъ Тифлиса. Ему не удалось скопить денегъ на русской службѣ, такъ что онъ принужденъ былъ продать свою лошадь и книги, но и тутъ вырученная сумма не могла покрыть расходовъ путешествія съ одного конца Европы въ другой. Но это не особенно безпокоило Ванъ-Гилена. Окончивъ свои дорожные сборы, онъ явился къ главнокомандующему, чтобы получить отъ него послѣднія приказанія.

Ермоловъ назначилъ ему маршрутъ до Дубно, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать окончательной резолюціи государя. — Я увѣренъ, добавилъ онъ, что его величество увидитъ свое заблужденіе и отдастъ вамъ должную справедливость. На всякій случай возьмите этотъ документъ, онъ можетъ пригодится вамъ [1]). Кромѣ того, по пріѣздѣ въ Дубно я совѣтую вамъ сдѣлать визитъ дивизіонному генералу Гогелю, моему старому пріятелю, который приметъ васъ наилучшимъ образомъ... Затѣмъ, Ермоловъ, узнавъ о желаніи барона Рененкамфа проводить Ванъ-Галена до Моздока, охотно далъ на это свое согласіе; но только просилъ обоихъ друзей отложить свой отъѣздъ до вечера, чтобы еще разъ пообѣдать съ нимъ.

«Когда мы встали изъ-за стола — говоритъ авторъ — и я долженъ былъ окончательно проститься съ Ермоловымъ, онъ пригласилъ меня и Рененкампфа въ свой кабинетъ, и обращаясь ко мнѣ, спросилъ съ самымъ сердечнымъ участіемъ: имѣю ли я достаточно денегъ, чтобы совершить путешествіе отъ азіятской границы до самаго крайняго конца Европы?

Я отвѣтилъ на это, что помимо тѣхъ денегъ, которыя имѣются у меня, я получилъ прогоны и надѣюсь доѣхать до Дубно.

— А затѣмъ на какія средства вы будете продолжать свое путешествіе? спросилъ онъ.

— Я думалъ обратиться къ помощи испанскаго посланника въ первой столицѣ, какая попадется на пути, и надѣюсь, что онъ дастъ мнѣ средства, чтобы доѣхать до испанской границы.

«Ермоловъ добродушно усмѣхнулся и сказалъ: — У васъ довольно странное представленіе о посланникахъ! Но вѣдь это ребячество!.. Я хочу устроить такимъ образомъ, чтобы вы могли вернуться домой, не подвергая себя напраснымъ униженіямъ... Примите это отъ

---

[1]) Это былъ лестный письменный отзывъ главнокомандующаго о заслугахъ Ванъ-Галена въ Грузіи и особенно во время послѣдней экспедиціи противъ казикумыхскаго хана.

меня... Не смѣйте отказываться... Когда поправятся ваши дѣла вы можете возвратить мнѣ эти деньги.

«Съ этими словами онъ всунулъ въ мою руку кошелекъ съ 300 голандскихъ дукатовъ (3,300 франковъ). Это было все его достояніе въ данный моментъ, какъ я узналъ потомъ отъ Рененкамфа, въ чемъ врядъ ли кто могъ сомнѣваться, зная полное равнодушіе Ермолова къ деньгамъ и его безпримѣрную щедрость. Кромѣ того, онъ подарилъ мнѣ отличную бѣлую бурку и просилъ сохранить ее на память, какъ произведеніе страны, въ которой я находился на службѣ.

«Затѣмъ, онъ крѣпко обнялъ меня съ отеческою нѣжностью и сказалъ: — Прощайте, мой дорогой другъ! Господь да благословитъ васъ!..»

«Лошади уже были готовы и мы двинулись въ путь, — продолжаетъ авторъ; — на седьмой день мы прибыли въ Моздокъ, гдѣ я простился на вѣки съ моимъ дорогимъ пріятелемъ Рененкамфомъ. Съ этого дня я не получалъ объ немъ никакихъ извѣстій и не знаю дошли ли до него тѣ письма, которыя я писалъ ему»...

Въ Дубно Ванъ-Галенъ встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны дивизіоннаго генерала Гогеля, который былъ предупрежденъ объ его пріѣздѣ письмомъ Ермолова и тотчасъ же предложилъ ему остановиться въ его домѣ, старался доставить ему всевозможныя развлеченія и познакомилъ съ офицерами своей дивизіи. Здѣсь Ванъ-Галенъ прожилъ около мѣсяца, пока, наконецъ, 14-го декабря получена была давно ожидаемая «окончательная резолюція императора», которая была послана изъ Варшавы, откуда Александръ I отправился на конгрессъ въ Траппау. «Хотя въ этой резолюціи, говоритъ авторъ, уже не заключался приказъ, чтобы я былъ высланъ изъ Россіи подъ конвоемъ, на подобіе преступника, но она была ничуть не утѣшительнѣе для меня. Въ ней было сказано, къ моему величайшему удивленію, что императоръ отдаетъ меня въ полное распоряженіе австрійскаго правительства, къ которому я не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія». Вмѣстѣ съ тѣмъ генералу Гогелю послана была инструкція немедленно отправить маіора Ванъ-Галена въ Львовъ въ сопровожденіи русскаго офицера, который долженъ былъ сдать его австрійскому губернатору города.

Гогель старался всѣми способами смягчить этотъ суровый приговоръ, онъ дружески спросилъ Ванъ-Галена не нуждается ли онъ въ деньгахъ? предложилъ ему самому выбрать офицера, который долженъ былъ сопровождать его, и далъ ему до Львова свой собственный дорожный экипажъ.

Въ Австріи Ванъ-Галенъ встрѣтилъ далеко не такое добродушное отношеніе къ нему властей, какъ въ Россіи. Львовскій губернаторъ, князь Рейсъ Плауенъ, къ которому онъ тотчасъ же явился по пріѣздѣ, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его маіоромъ Тархановымъ,

сразу объявилъ ему, что онъ вѣроятно пробудетъ довольно долго въ Львовѣ, потому что «еще не рѣшено, что дѣлать съ нимъ». Затѣмъ Плауенъ обратился къ маіору Тарханову и довольно ясно намекнулъ ему, что его присутствіе сдѣлалось лишнимъ и что онъ беретъ Ванъ-Галена на свое попеченіе.

«По возвращеніи въ отель, говоритъ авторъ, смыслъ этихъ словъ сталъ вполнѣ понятенъ для насъ. Мы нашли здѣсь гренадера, который долженъ былъ сдѣлаться моимъ стражемъ; онъ съ такою точностью исполнялъ свою обязанность, что слѣдовалъ за мной по пятамъ и даже присутствовалъ, когда я ложился въ постель. Маіоръ Тархановъ доказывалъ князю Плауену всю нелѣпость и безцѣльность такого надзора; но на его слова не было обращено никакого вниманія, и такъ какъ кончался срокъ, на который онъ былъ отпущенъ, то онъ простился со мной, оставивъ меня на попеченіе гренадера. Ничто не могло быть скучнѣе, какъ постоянное присутствіе этого тѣлохранителя, который тѣмъ не менѣе однажды сильно позабавилъ меня. Львовскій комендантъ позвалъ меня къ обѣду, я принялъ это приглашеніе, въ надеждѣ узнать что нибудь относительно ожидавшей меня участи, и отправился въ путь въ сопровожденіи моего сторожа, который къ моему удивленію послѣдовалъ за мной въ залу, какъ тѣнь ходилъ за мной, когда я двигался, и стоялъ у моего стула, когда я садился. Во все время обѣда онъ не шевельнулся, его суровый и серіозный видъ былъ въ высшей степени комиченъ при его неподвижной позѣ...

Такъ прожилъ я много дней въ обществѣ гренадера, мнѣ не дозволено было ни писать, ни знакомиться съ кѣмъ бы то ни было въ городѣ, всѣ мои просьбы и жалобы не приводили ни къ какимъ результатамъ»...

Наконецъ, 15-го января Ванъ-Галену объявили, что онъ можетъ оставить Австрію. При этомъ ему данъ былъ подробный маршрутъ, котораго онъ долженъ былъ держаться при проѣздѣ черезъ австрійскія владѣнія, съ обозначеніемъ дорожныхъ издержекъ; гренадеръ былъ смѣненъ полицейскимъ агентомъ. Послѣдній проводилъ Ванъ-Галена до Брюнна и сдалъ двумъ полицейскимъ, которые не разставались съ нимъ во все время, пока онъ былъ въ городѣ. Здѣсь ему торжественно объявили черезъ коммисара о запрещеніи въѣзжать въ Вѣну, хотя, по словамъ автора, у него не было тамъ ни единаго знакомаго. Изъ Брюнна его отправили въ Линцъ, гдѣ полиціймейстеръ грубо обошелся съ нимъ и приказалъ повелительнымъ тономъ подписать бумагу на непонятномъ для него языкѣ. Ванъ-Галенъ отказался и просилъ предварительно представить ему копію въ переводѣ. Тогда полиціймейстеръ разразился такой бранью, что Ванъ-Галенъ, выведенный изъ терпѣнія «всѣми непріятностями, которыя ему пришлось испытать отъ агентовъ австрійскаго правительства», поднялъ со стола тяжелую чернильницу, чтобы бросить

ее въ голову дерзкому чиновнику. Но его удержали во время и увели обратно въ отель.

По счастью эта исторія осталась безъ послѣдствій. Въ тотъ-же вечеръ Ванъ-Галену подали для подписи требуемый документъ въ переводѣ и дозволили продолжать путь.

Такъ кончилось 50-ти дневное пребываніе автора въ австрійскихъ владѣніяхъ. Въ Пассау его окончательно освободили отъ полицейскаго надзора, и онъ безъ дальнѣйшихъ приключеній благополучно прибылъ на родину 27-го февраля 1821 года.

Н. Бѣлозерская.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Памятники древней письменности. „Сводный старообрядческій синодикъ". Второе изданіе синодика, по четыремъ рукописямъ XVIII—XIX в. А. Н. Пыпина. 1884.

НЕ МОЖЕТЪ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что расколъ и старообрядчество, захватившіе до 15 милліоновъ самаго подлиннаго русскаго народа, заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованія со стороны тѣхъ, для которыхъ изученіе родной исторіи, во всѣхъ ея проявленіяхъ, есть самая дорогая задача жизни. Старообрядчество и расколъ до сей поры, послѣ многихъ лѣтъ существованія, соединеннаго съ тяжкими страданіями, носятъ въ себѣ силу, крѣпость, даютъ себя чувствовать; слѣдовательно, уже только поэтому заслуживаютъ вниманія всякаго мыслящаго человѣка, если онъ хотя сколько нибудь держится за родную почву. «Расколъ — говоритъ г. Пыпинъ — есть не только прошедшій фактъ, но и нынѣ живущій — непосредственное, ревниво охраняемое продолженіе исторической старины». Вотъ причины, заставляющія насъ радоваться появленію литературнаго труда, открывающаго очень многія и очень важныя стороны знаменательнаго въ нашей исторіи раскола.

«Синодикъ» или «Помянникъ», о которомъ идетъ рѣчь, составленъ, какъ сказано въ его заглавіи, по благословенію великаго господина и первонастольнаго отца нашего, святѣйшаго Іова, патріарха Московскаго и всея Россіи; но въ старообрядческой редакціи «Синодикъ» примѣненъ спеціально къ кругу лицъ, памятныхъ для старообрядчества. Послѣ статей «вселенскихъ», заключающихъ общее поминаніе святыхъ и вѣрующихъ, «отъ Адама до сего дня», «Синодикъ» даетъ рядъ статей, заключающихъ русскія поминанія, куда вошли только лица, старообрядчествомъ признаваемыя въ старыя времена русской исторіи и въ новѣйшія времена старообрядчества; изъ древней исторіи это

лишь времена тѣхъ временъ, когда въ русской жизни еще не было нарушено «древнее благочестіе», а затѣмъ дѣятели и подвижники самаго раскола, которыхъ память онъ хотѣлъ почтить и сохранить. Русская исторія, признаваемая старообрядческимъ «Синодикомъ», оканчивается половиною XVII вѣка: послѣдній патріархъ московскій, здѣсь названный, есть Іосифъ, предшественникъ Никона; послѣдній царь московскій—Михаилъ Ѳедоровичъ. Затѣмъ любопытенъ общій историческій синодикъ пострадавшихъ за святыя Божіи церкви и за вѣру христіанскую, «въ бояхъ съ иноплеменными и въ междоусобныхъ браняхъ», гдѣ пересчитываются битвы въ разныхъ концахъ русской земли, сохранившіяся въ народной памяти старообрядчества, и гдѣ въ самомъ перечетѣ битвъ слышится пѣвучесть народнаго пѣсеннаго склада. Наконецъ, цѣлый особый отдѣлъ, составляющій главный интересъ «Синодика», занимають подвижники старообрядства, «пострадавшіе и сожженные благочестія ради»— отчасти по-именно, отчасти общими числами, съ обозначеніемъ мѣстъ, гдѣ они пострадали, а иногда съ указаніемъ года и дня. Названныя здѣсь мѣста простираются отъ Архангельска и Пустозерска до Дона и отъ Питера до Сибири. Самое раннее хронологическое указаніе—1676 годъ, самое позднее—1738. Разсматривая «Синодикъ», очень не рѣдко встрѣчаемъ молитвы за сожженныхъ благочестія ради, причемъ, какъ замѣчено выше, слѣдуютъ и имена или означается число всѣхъ сгорѣвшихъ, доходившее иногда до 700 и болѣе человѣкъ.

Мы вполнѣ соглашаемся съ авторомъ предисловія къ новому изданію— «Исторіи Выговской пустыни»—что не существовало догматическаго ученія о самосожженіи для спасенія души или по приказу учителей. Самосожженіе было не догматъ, не ученіе, а крайнее выраженіе борьбы съ сильнѣйшею властью, слѣдствіе убѣжденія въ своемъ безсиліи, въ невозможности избѣгнуть отъ наказанія,—средство уравнять свое безсиліе пожертвованіемъ личностей. Что предшествовало самосожженію? Извѣстіе, что идутъ подьячіе, начальники съ солдатами и понятыми—захватить укрывающихся раскольниковъ; затѣмъ слѣдовало соглашеніе раскольниковъ не отдаваться въ руки гонителей. Но чѣмъ противостоять силѣ? Они собираются вмѣстѣ въ часовнѣ, въ церкви, въ избѣ или въ ригѣ, загораживаютъ себя бревнами, зоборами. прокладываютъ вездѣ смольемъ и соломою, запираютъ двери, окна, ворота; укрѣпляютъ ихъ перекладинами, бревнами, крѣпкими задвижками и ожидаютъ своихъ гонителей; только при ихъ появленіи и только при нападеніи ихъ, зажигался безчеловѣчный огонь, въ которомъ погибали они съ своими отцами, женами и дѣтьми. «Отойдите,—кричали они гонителямъ:—оставьте насъ или мы сгоримъ». Бывали случаи, что гонители отходили и самосожигатели не сожигались и оставляли свое намѣреніе. Всѣ извѣстные случаи были всегда и не иначе, какъ въ виду явившихся для захвата раскольниковъ воинскихъ командъ и, бо̀льшею частью, во время ихъ нападенія на жилища раскольниковъ. «Вездѣ чѣпи брячаху, вездѣ вериги звеняху, вездѣ трясци и хомуты» (орудія пытки). «Никонову ученію служаху—говоритъ Иванъ Филиповъ, историкъ Выговской пустыни—вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической повсядневно омочахуся».

Значеніе самосожженія, какъ догмата, болѣе всего, по нашему крайнему мнѣнію, опровергается самой природой русскаго человѣка, не способной доходить въ религіозныхъ стремленіяхъ до фанатизма, ибо его разсудочная способность слишкомъ сильна и беретъ значительный перевѣсъ среди другихъ

душевныхъ свойствъ. Но также справедливо, что, вслѣдствіе постоянныхъ гоненій, самосожженіе явилось простымъ, привычнымъ средствомъ къ исходу изъ тяжкаго положенія и съ теченіемъ времени приняло, такъ сказать, священный характеръ, что̀, конечно, слишкомъ далеко отъ догмата. Мы нисколько не оспариваемъ мнѣнія г. Пыпина, что самосожженіе превратилось въ ужасающую эпидемію, едва ли не безпримѣрную въ исторіи. Такія аномальныя движенія души человѣческой должны дѣйствовать эпидемически и дѣйствительно дѣйствуютъ: исторія представляетъ не мало подобныхъ примѣровъ. «Въ книгѣ Іоаннова—говоритъ г. Пыпинъ—приведена повѣсть нѣкоего многогрѣшнаго Ксенофонта объ обращеніи его изъ раскола, писанная въ 1792 году. Находясь подъ стражей, онъ былъ въ большомъ «двоемысліи» о томъ, которая истинная церковь; лукавый постоянно искушаетъ его на этомъ вопросѣ. «Почто ихъ слушаешь? Вси они прелестники, вси они противники... Паки лукавый привелъ мнѣ на умъ, что многіе старовѣры сами себя огнемъ сожгли и ножемъ заклали, а многіе въ водѣ себя потопили, то же и мнѣ паки совѣтовалъ сдѣлать: и я думалъ сгорѣть»... И не сгорѣлъ потому только, что въ тюрьмѣ невозможно было этого устроить.

Вотъ этотъ-то лукавый, искушавшій многогрѣшнаго Ксенофонта, и есть то эпидемическое вліяніе, о которомъ мы сказали выше.

Хотя «Синодикъ» и сохранилъ имена и число сожженныхъ, но по всей вѣроятности — говоритъ г. Пыпинъ — это не всѣ сожегшіеся, а тѣ только, о которыхъ пришли въ старовѣрческій центръ мѣстныя поминанія. Имена, конечно, безразличны, кромѣ главныхъ предводителей; но поражаетъ ихъ масса и, между прочимъ, присутствіе (въ подробныхъ спискахъ) даже «младенцевъ». Историческое значеніе этой части «Синодика» и состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ документальное свидѣтельство къ существующимъ свѣдѣніямъ о самосожигателяхъ.

Страшный обычай держался очень долго. Въ первое время самосожженія были, конечно, неожиданностью для правительственной власти, и она долго, повидимому, была въ недоумѣніи, какъ быть съ этимъ фанатизмомъ. Только въ половинѣ прошлаго столѣтія мы встрѣчаемъ въ узаконеніяхъ нѣкоторую заботу о мирныхъ способахъ дѣйствій противъ раскола, и въ данномъ случаѣ предписанія, чтобы мѣстное начальство озаботилось не допускать раскольниковъ до сборищъ, побѣговъ, самосожженій. Такъ, въ 1737 году предписывалось о «добронравномъ», а не свирѣпомъ дѣйствованіи на раскольниковъ. Въ царствованіе Петра III сенатъ издалъ 1-го февраля 1762 года указъ о прекращеніи слѣдствій о самосожигательствѣ и объ успокоеніи раскольниковъ; 7-го февраля того же года, сенатъ въ новомъ указѣ говоритъ уже прямо о защитѣ раскольниковъ отъ чинимыхъ имъ обидъ и притѣсненій.

Представивъ нашимъ читателямъ сущность содержанія «Синодика», мы въ заключеніе скажемъ, что исторія русскаго раскола ждетъ разработки самой внимательной и строгой, и чѣмъ болѣе она будетъ разрабатываться, тѣмъ яснѣе и яснѣе будетъ выступать внутренняя сторона исторіи народа, тѣмъ осязательнѣе будутъ обозначаться его душевныя свойства, на долю которыхъ выпали тяжкія испытія. Только великая сила народа и могла ихъ выдержать. Расколъ именно тѣмъ и замѣчателенъ, что онъ служитъ вѣрнѣйшимъ мѣрителемъ этой дивной силы.

И. В—въ.

Критическіе очерки и памфлеты В. Буренина, Спб., 1884.

Отдавая недавно отчетъ о замѣчательномъ критическомъ этюдѣ г. Буренина о литературной дѣятельности Тургенева, мы ждали встрѣтить въ новомъ сборникѣ того же автора продолженіе его работъ, появлявшихся въ «Новомъ Времени», по оцѣнкѣ Гончарова, Успенскаго и другихъ писателей. Но изданный нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ очеркъ прежнихъ критическихъ работъ, изъ которыхъ иные относятся къ довольно отдаленному времени, отдаленному не по годамъ, а по событіямъ, измѣнившимъ въ недавнее время положеніе нашей журналистики. Такъ, авторъ, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей, относится съ особенною страстностью, мѣстами даже съ рѣзкостью—къ газетѣ и къ журналу, уже исчезнувшимъ изъ небольшаго числа русскихъ періодическихъ изданій. И газета, и журналъ могли ошибаться въ своихъ воззрѣніяхъ. Но они все-таки, въ свое время, сослужили службу русскому обществу, и въ особенности журналъ, въ теченіи своего почти полувѣковаго существованія соединившій въ себѣ всѣ силы нашей литературы. Поэтому, любитель русской литературы, дорожащій каждымъ органомъ ея, не встрѣтитъ съ удовольствіемъ возобновленіе полемики съ изданіями, которыя столько лѣтъ пользовались вниманіемъ общества. Мы даже думаемъ, что объемистый (почти 20 листовъ) сборникъ г. Буренина былъ уже давно готовъ къ печати и что, выпуская его въ свѣтъ въ маѣ нынѣшняго года, авторъ не могъ уже смягчить рѣзкихъ приговоровъ объ этихъ изданіяхъ. Мы не думаемъ также, чтобы возобновленіе въ трехъ статьяхъ полемики автора съ покойнымъ «Порядкомъ» и судомъ, не одобрившимъ эту полемику, было своевременно. Статьи эти написаны бойко, блещутъ остроуміемъ, представляютъ любопытную картину журнальныхъ нравовъ, которую не мѣшаетъ сохранить и въ исторіи журналистики, но теперь это едвали будетъ интересовать читателей.

Изъ шестнадцати статей сборника, въ восьми г. Буренинъ является не памфлетистомъ, а критикомъ, и здѣсь его наблюдательность, вѣрность сужденій, меткость оцѣнки заслуживаютъ вниманія. Такъ у него представлены замѣчательныя литературныя характеристики Лассаля, Зола, Эртеля, Каронина, Крылова, Аверкіева, Анны Стацевичъ и общественный типъ Солодовникова по поводу его процесса съ Куколевской. Очерки эти, написанные живымъ, остроумнымъ языкомъ, читаются съ удовольствіемъ, даже въ мѣстахъ, гдѣ нельзя согласиться съ авторомъ, какъ напр. въ слишкомъ огульныхъ приговорахъ надъ гг. Эртелемъ и Каронинымъ, составленныхъ на основаніи немногихъ и далеко не лучшихъ произведеній этихъ начинающихъ писателей. Г. Буренинъ, вообще, критикъ строгій, хотя и говоритъ, что снисходителенъ къ произведеніямъ малоизвѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ авторовъ. Но его приговоры основаны всегда на искреннемъ убѣжденіи, мотивированы литературными принципами, поддерживаются горячо и убѣдительно. Если авторъ увлекается иногда насмѣшками надъ либерализмомъ, то дѣлаетъ это въ виду его крайностей, увлеченій и смѣется собственно надъ лже-либерализмомъ.

З. Т. В.

Похвала глупости. Сатира Эразма Роттердамскаго. Перевелъ съ латинскаго проф. А. Кирпичниковъ. Москва. 1884.

Въ нѣкоторыхъ ученыхъ сочиненіяхъ встрѣчается мнѣніе, что на свѣтѣ было три лица, крайне схожихъ по таланту и силѣ вліянія на современное имъ общество: Лукіанъ въ II вѣкѣ, относившійся съ насмѣшками къ христіанамъ и циникамъ; Эразмъ Роттердамскій въ XVI в., глава гуманистовъ, и Вольтеръ въ XVIII в., старавшійся подорвать вѣру въ непогрѣшимость какого бы то ни было церковнаго порядка вещей, откуда бы не исходилъ этотъ порядокъ — отъ отцовъ церкви, съ тіарой на головѣ, или отъ Лютера, съ евангеліемъ въ рукѣ. Всѣ три мыслителя отличались отъ схоластиковъ, ересіарховъ, реформаторовъ и соціаль-демократическихъ сектантовъ тѣмъ, что обсуждали папскую власть и священное писаніе не на богословской, но болѣе на свѣтской почвѣ и этимъ, совмѣстно съ другими факторами, подготовили свѣтскій характеръ средневѣковой, монашеско-теологической жизни и раціонализмъ въ области науки и литературы. Чтобы понять вліяніе Эразма Роттердамскаго и его книги — «Похвала глупости» — на современниковъ, необходимо представить себѣ общую картину порядковъ и нравовъ, осмѣянію которыхъ Эразмъ посвятилъ всю свою жизнь. Онъ принадлежалъ къ школѣ гуманистовъ — этой предтечи реформаторовъ. Соціально-политическая философія гуманистовъ не могла не влiять на повсемѣстное господство принциповъ такъ называемаго божественнаго права, съ опекой Рима и авторитетомъ всевозможныхъ преданій и постановленій церковныхъ соборовъ надъ властителями, темной массой и интеллигентнымъ меньшинствомъ. Первый, кто поднялъ протестъ противъ папства — это была имперія, въ знаменитомъ спорѣ Филиппа IV Красиваго съ Бонифаціемъ VIII, и греческіе выходцы Платоновой философіи, распространявшіе классическія знанія и положившіе начало возрожденію наукъ и искусствъ въ Европѣ, а затѣмъ и протестантизму. Свѣтская власть очень скоро размежевалась съ церковью, особенно, когда народъ и его мыслители рѣшились сперва удовлетвориться однимъ св. писаніемъ, безъ комментаріевъ Рима, а впослѣдствіи не пожелали быть связанными ни библіей, ни евангеліемъ. Расколъ среди католическаго міра (папа римскій и авиньонскій), вражда епископовъ или собора съ первосвященникомъ, соперничество тѣхъ и другихъ съ свѣтскимъ закономъ тотчасъ же смолкли, какъ только народъ, устами своихъ предводителей, выразилъ мысль, что Богу не нужны ни клиръ, ни библія. Все сплотилось противъ подобныхъ выводовъ; гоненія съ личности перешли на цѣлыя области. На плахѣ или кострѣ кончаютъ свою жизнь Саванорола, Іоаннъ Гусъ, Іеронимъ Пражскій, Виклефъ (сожженный послѣ смерти), Мельхіоръ, Іоаннъ Лейденскій, Шторхъ и Мюнцеръ. Гибнутъ подъ мечомъ и пытками инквизиторовъ секты: Вальденсы, Табориты, Анабаптисты, Моравскіе братья, Амальрикіане, Катары, швабскіе и франконскіе крестьяне. Все вооружилось противъ рѣшительнаго освобожденія массъ отъ всевозможныхъ тезисовъ и каноновъ, отъ какихъ бы то ни было церквей, не основанныхъ на свѣтской логикѣ или реальныхъ нуждахъ народа. За религіознымъ освобожденіемъ послѣдовало политическое, за индивидуальнымъ — соціальное. Сами гуманисты и реформаторы ужаснулись того обстоятельства, что ихъ споры и книги повели къ страшному кровопролитію.

Между тѣмъ, ученія тѣхъ и другихъ должны были имѣть своимъ слѣдствіемъ неминуемое пробужденіе массъ: если мірянинъ равняется съ священникомъ, то почему же крѣпостному унижаться и работать на господина? Если христіанинъ свободенъ, то почему же человѣкъ долженъ быть порабощенъ? Если возможно возстаніе совѣсти, то почему невозможно возстаніе бѣдности? Подобный пріемъ мышленія всего болѣе развили гуманисты своими учеными трудами и въ особенности массою популярныхъ изданій памфлетовъ, сатиръ и басенъ. Эразмъ Роттердамскій былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ дѣятелей въ этомъ смыслѣ. Его сатира «Похвала глупости» должна была имѣть необыкновенное вліяніе на читателей. Эта злая насмѣшка, не щадящая ни митру, ни корону, мѣстами остроумная и веселая, какъ салонный разговоръ, но болѣе тонко-діалектическій трактатъ, мѣстами рѣзкій, какъ ударъ бича, о томъ, что̀ достойно любви и что̀ достойно ненависти и насмѣшки. Талантливый переводчикъ сатиры Эразма, профессоръ Кирпичниковъ, считаетъ эту неопредѣленность темы — недостаткомъ сатиры. «Что такое «глупость», которую Эразмъ изобличаетъ? спрашиваетъ г. Кирпичниковъ. — Это не одно понятіе, а цѣлый рядъ понятій, часто противоположныхъ. И Донъ-Кихотъ, и Санчо-Панчо, и шутъ короля Лира, и Ричардъ III, и Гамлетъ и Офелія, и Озрикъ, и дикарь, и мученикъ науки — всѣ найдутъ мѣсто въ свитѣ Эразмовой богини». По нашему мнѣнію, эта общность и космополитность темы дѣлаетъ брошюру Эразма еще болѣе цѣнной; въ ней не замѣтно никакого партійнаго, тенденціознаго духа. Логика не знаетъ различій, и то, что̀ смѣшно, Эразмъ осмѣялъ, при каждомъ удобномъ случаѣ прибавляя: «еслибъ человѣкъ былъ мудръ и сознаьъ бы свой позоръ, онъ не жилъ бы болѣе. Хвала глупости!» Обрисовавъ нравы католическаго міра, индифферентизмъ церкви и усвоеніе ею мірскаго духа или внѣшняго пониманія религіи, насмѣявшись надъ человѣкомъ, эгоизмомъ и суевѣріемъ, Эразмъ заканчиваетъ свою сатиру словами: «Ну, будьте здоровы, аплодируйте, живите и пьянствуйте, славные жрецы глупости!» Міръ держится глупостью, ею онъ окрашенъ, и того, кто въ этомъ сомнѣвается, Эразмъ спрашиваетъ: могъ ли бы міръ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, еслибъ люди уважали мудрость, а не глупость? Сатира, составленная въ этомъ духѣ, обнимающая иронiей всѣ проявленія общественной и личной жизни, должна была пошатнуть основы этой жизни. Ничто такъ не убиваетъ на-вѣрняка, какъ насмѣшка въ то время, когда всякое серьезное изслѣдованіе влекло мыслителя на судъ въ Римъ и къ отреченію отъ своихъ книгъ и положеній. Эразмъ насмѣялся до сыта надъ человѣческой глупостью и умеръ въ 1536 году покойно на постелѣ, что̀ удавалось въ то тревожное время весьма немногимъ ученымъ. Сатира Эразма, прекрасно̀ переведенная съ весьма труднаго латинскаго оригинала, до сихъ поръ имѣетъ значеніе и представляетъ большой интересъ.

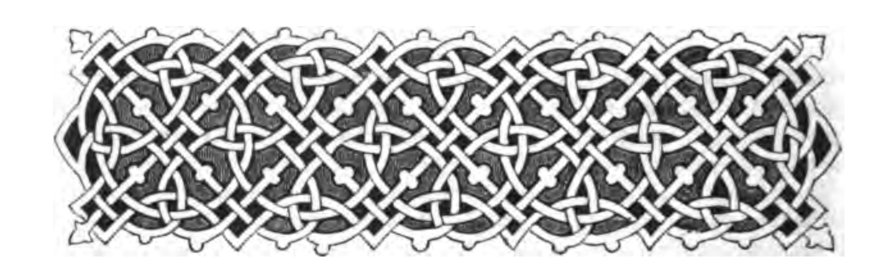
А. И. Ф—овъ.

Календарь и памятная книжка Курской губерніи на 1884 годъ. Изданіе губернскаго статистическаго комитета. Составлено секретаремъ комитета, С. П. Вѣльченко. Курскъ. 1884.

Курскій губернскій статистическій комитетъ никогда не отличался особенной дѣятельностью на поприщѣ науки. До половины 70-хъ годовъ онъ, однако, подавалъ еще признаки жизни и издалъ разновременно 5 томовъ «Тру-

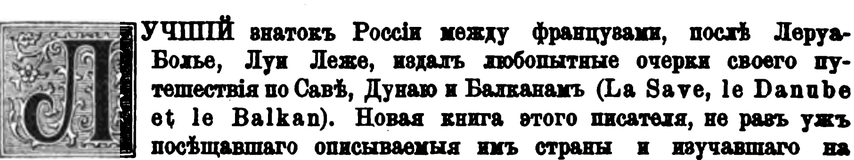
довъ» своихъ, въ которыхъ, кромѣ статистическихъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія, было помѣщено нѣсколько довольно обстоятельныхъ изслѣдованій по исторіи и этнографіи края, каковы, напримѣръ: «Курганы Суджанскаго уѣзда», «Очерки холерной эпидеміи въ 1830—1831 г. въ Курской губерніи», «Акты Оспольскаго края», «Курская духовная семинарія» и т. д. За послѣдніе же годы комитетъ соблюдалъ строгое молчаніе, такъ что публика даже какъ будто забыла о его существованіи. Но на дняхъ онъ опять напомнилъ о себѣ, издавъ «Календарь и памятную книжку на 1884 годъ». Къ сожалѣнію, нужно сказать, что было бы гораздо лучше, если бы комитетъ продолжалъ попрежнему молчать, потому что выпущенная книжка совсѣмъ не дѣлаетъ ему чести. Изданіе раздѣляется на три отдѣла: въ первомъ заключается церковный календарь, «съ указаніемъ неприсутственныхъ дней въ году»; во второмъ — адресъ-календарь мѣстныхъ чиновныхъ особъ; въ третьемъ помѣщены «мѣстныя свѣдѣнія» о почтовыхъ трактахъ и ярмаркахъ, о пространствѣ и раздѣленіи уѣздовъ Курской губерніи въ административномъ и судебномъ отношеніи,— свѣдѣнія самыя пустыя, которыхъ и печатать совсѣмъ бы не стоило. И все: больше въ книгѣ ничего нѣтъ. Мы совсѣмъ не понимаемъ, для чего было «составлять» подобную книгу и тратить деньги на ея изданіе. Кому она нужна? И неужели у губернскаго комитета не нашлось болѣе интереснаго матеріала, чѣмъ эти адресъ-календари и разстоянія отъ городовъ до квартиръ слѣдователей, мировыхъ судей и становыхъ приставовъ? Курская губернія, искони населенная славянами (у Нестора — сѣверяне по р. Семи) и во время царскаго московскаго періода постоянно пополнявшаяся разными выходцами, вольными и «воровскими людьми», прибѣгавшими сюда отъ московской «нудьги-нужды»,— несомнѣнно, представляетъ большой интересъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи; но при всемъ томъ она еще, къ сожалѣнію, очень мало изслѣдована, такъ что комитетъ принесъ бы наукѣ немалую пользу, занявшись разработкой исторіи и этническихъ особенностей края. Разработка исторіи по мѣстнымъ архивамъ комитету болѣе доступна, чѣмъ какому нибудь частному лицу, которое иногда, не смотря на всѣ свои старанія, ничего не можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, потому что двери провинціальныхъ архивовъ у насъ вообще очень туго открываются для частныхъ лицъ... Право, это было бы гораздо лучше, чѣмъ издавать безцѣльные, никому не нужные календари...

Н. Д—скій.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Книга о славянахъ. — Отношенія Сербіи и Болгаріи къ Россіи. — Будущая славянская имперія. — Исторія труда и заработной платы. — Трудъ и богатство. — Біографія генерала Мекензи. — Исторія Европы и Англіи. — Араби-паша и Египетъ. — Трехсотлѣтній юбилей Эдинбургскаго университета. — Разговоры въ царствѣ мертвыхъ. — Книга о Суданѣ. — Двадцать лѣтъ второй имперіи. — Исторія масонства. — Сравнительная всемірная литература. — Оправданіе Ксантипы. — Исландская сага. — Новая теорія разселенія человѣчества.



ЛУЧШІЙ знатокъ Россіи между французами, послѣ Леруа-Болье, Луи Леже, издалъ любопытные очерки своего путешествія по Савѣ, Дунаю и Балканамъ (**La Save, le Danube et le Balkan**). Новая книга этого писателя, не разъ ужъ посѣщавшаго описываемыя имъ страны и изучавшаго на мѣстѣ языкъ и бытъ южныхъ и западныхъ славянъ, относится скорѣе къ разряду политическихъ, а не этнографическихъ сочиненій. Въ ней авторъ говоритъ болѣе всего о стремленіяхъ и будущности сербовъ, болгаръ и обитателей Восточной Румеліи. Онъ вскользъ касается австрійскихъ владѣній по Савѣ, но подробно изслѣдуетъ положеніе, созданное для болгаръ Берлинскимъ трактатомъ. Это положеніе онъ считаетъ, конечно, временнымъ. Общіе результаты его изслѣдованій дунайскихъ и балканскихъ странъ сводятся къ слѣдующимъ тезисамъ: полнѣйшая непопулярность Австро-Венгріи въ Босніи и Герцеговинѣ, и даже въ старинныхъ провинціяхъ—Иллиріи и Славоніи, не смотря на всѣ хорошія стороны управленія Габсбурговъ; тайное недоброжелательство сербовъ (вѣрнѣе было бы сказать: сербскаго правительства) къ Россіи; моральное могущество русскихъ въ Болгаріи и стремленіе южной Болгаріи соединиться со своими братьями. Причины нерасположенія Сербіи къ Россіи авторъ видитъ въ томъ положеніи, какое создалъ для нее Берлинскій трактатъ, отдавъ ей только округи Ниша и Пирота, а Боснію и Герцеговину — Австріи. Это убило всѣ надежды Сербіи, расчитывавшей на соединеніе со своими герцеговинскими и боснякскими единоплеменниками,

тогда какъ теперь сербское королевство поневолѣ должно быть вассаломъ своего могущественнаго сосѣда, уже заявляющаго претензію быть наслѣдникомъ Турціи и распространить свои владѣнія до Архипелага. Правда, въ этомъ положеніи дѣлъ всего менѣе виновата Россія, и Сербія могла бы быть ей благодарна хоть за спасеніе страны послѣ Дьюнишскаго погрома; но не говоря уже о томъ, что неблагодарностью въ политикѣ, послѣ примѣра Австріи, никого не удивишь, Сербія считаетъ, что она вполнѣ отплатила Россіи за ея услугу тѣмъ, что, объявивъ войну Турціи, отвлекла диверсіею на лѣвый флангъ турецкой арміи значительныя силы ея отъ участія въ борьбѣ съ русскими войсками. Кромѣ того, сербы оскорбляются тѣмъ, что, провозглашая храбрость черногорцевъ, русскіе съ пренебреженіемъ отзываются о сербскихъ войскахъ. Пруссія давно уже рѣшила, что Сербія должна принадлежать австрійской монархіи, которая преградитъ русскимъ путь къ Балканамъ. Но на этомъ пути, по мнѣнію автора, она встрѣтитъ серьезныя затрудненія. Болгары преданы Россіи; въ странѣ осталось не болѣе 300,000 турокъ, принадлежащихъ къ бѣднѣйшимъ классамъ, «мечети превращаются въ развалины, всюду царствуетъ самоваръ; войско слушается команды на русскомъ языкѣ». Самоваръ, по словамъ Л. Леже, возрождаетъ общественную жизнь въ Болгаріи, отвлекаетъ женщину отъ гаремнаго затворничества, дѣлаетъ ее центромъ семьи, а семья создаетъ гражданскую жизнь, жизнь націи. Благодаря обычаю пить чай въ кругу родныхъ и друзей, авторъ видитъ у болгаръ болѣе задатковъ общественной жизни, чѣмъ у сербовъ, раньше ихъ пользующихся благами свободы и цивилизаціи. Эти блага даны и Болгаріи въ видѣ свободы печати и сходокъ, министерской отвѣтственности, представительныхъ формъ правленія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой странѣ не умѣютъ ни приготовить хлѣба, ни выдѣлывать вина, землю пашутъ деревяннымъ плугомъ и половина ея остается необработанною. Но русская культура, по немногу вводимая въ Болгаріи, все-таки ставитъ хоть какую нибудь преграду распространенію нѣмецкаго вліянія, гибельнаго для славянъ. Л. Леже говоритъ прямо, что Европѣ нечего опасаться преобладанія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Австрія завладѣла Босніей и Герцеговиной, не Россія грозитъ въ этихъ странахъ нарушеніемъ европейскаго мира. Сознательно или нѣтъ, Австрія на Востокѣ—благодаря Германіи, трудится, по извѣстной поговоркѣ—«для прусскаго короля». По этому, вовсе не лишнее, чтобы противовѣсомъ ей служила другая, сильная держава. Въ выборѣ Софіи столицею княжества, вмѣсто Тырнова, старой резиденціи болгарскихъ царей, находящейся въ равномъ разстояніи отъ Чернаго моря и Тимока, отъ Балканъ и Дуная, между тѣмъ, какъ Софія находится на границахъ Румеліи и въ центрѣ группы, образуемой этой областью съ Болгаріей и Сербіей, — авторъ видитъ будущее соединеніе этихъ племенъ между собою и съ ихъ единоплеменными братьями, находящимися еще подъ властью турокъ.

— Еще болѣе широкую будущность для южныхъ славянъ рисуетъ другой писатель, виконтъ Кекс-де-Сент-Эмуръ, въ своей книгѣ «Юго-славянскія области Австро-Венгріи: Кроація, Славонія, Боснія, Герцеговина, Далмація» (Les pays sudo-slaves de l'Austro-Hongrie, Croatie, Slavonie, Bosnie, Herzegovine, Dalmatie). Отправившись въ эти страны съ археологическою цѣлью, авторъ этой книги набросалъ интересную картину политическаго положенія южныхъ славянъ, ихъ настоящаго и будущаго. Онъ

прямо говоритъ, что панславизмъ — слово, не имѣющее смысла, что между сѣверными и южными славянами нѣтъ ни малѣйшей симпатіи, какъ между нѣмцами и голландцами, хотя и тѣ, и другіе одного и того же племени. Нѣмцевъ славяне ненавидятъ такъ же, какъ мадьяръ и турокъ. Они стремятся, какъ всѣ народы, къ автономіи и имѣютъ на это полное право. Къ несчастію ихъ раздѣляютъ еще и религіозныя вѣрованія. Въ Хорватіи, по словамъ автора, національнымъ движеніемъ управляетъ католическое духовенство. Епископъ Штроссмайеръ, получающій полмилліона дохода, столько же независимъ отъ Рима во всемъ, что не касается духовныхъ дѣлъ, какъ и отъ Австріи во всемъ, что не касается государственныхъ обязанностей. Въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ преобладаетъ православное населеніе, оно находится въ жалкомъ положеніи, потому что земля тамъ принадлежитъ не тому, кто ее обрабатываетъ, а тому, кто ее завоевалъ, то есть — туркамъ, а они сдаютъ ее для обработки на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Когда австрійцы завладѣли этими провинціями, они разрѣшили церквамъ звонить въ колокола сколько имъ угодно, но оставили по прежнему «третину», то есть, обязательство вносить за обработку земли двѣ трети урожая въ казну, предоставляя треть земледѣльцу. Относительно политической будущности южныхъ славянъ авторъ высказываетъ два предположенія: Германія, или вѣрнѣе Пруссія, толкаетъ Австрію къ Босфору и поможетъ ей захватить Балканскій полуостровъ, отнявъ у нея семь милліоновъ ея нѣмецкихъ подданныхъ, со всѣми землями, населенными германскимъ племенемъ. Тогда Австрія сдѣлается славянскою имперіею. Или, если славянскія племена будутъ сами по себѣ достаточно сильны, они могутъ составить восьми милліонное федеративное государство, которое остановитъ и германизацію южныхъ славянъ, и «вторженіе сѣверныхъ славянъ въ Европу». Гдѣ видитъ авторъ такое вторженіе—извѣстно только ему. Не смотря на многія фантастическія стороны этого сочиненія, въ немъ не мало любопытнаго и достойнаго замѣчанія.

— Профессоръ Роджерсъ, авторъ замѣчательной исторіи земледѣлія въ Англіи, отъ Генриха III до Елизаветы, написалъ новое сочиненіе: «Шесть столѣтій труда и заработной платы» (Six Centuries of Work and Wages). Книга эта представляетъ картину общественнаго положенія Англіи съ XIII столѣтія и производительныхъ классовъ, бывшихъ сначала въ рабскомъ состояніи, а въ послѣдствіи игравшихъ преобладающую роль. Любопытно прослѣдить исторію развитія разнаго рода производствъ: земледѣльческаго, шерстяного, кожевеннаго и пр., перемѣны въ цѣнахъ на разные товары, въ платѣ за трудъ, исторію законодательныхъ мѣръ, промышленныхъ кризисовъ, возникновенія и паденія мануфактуръ и заводовъ, ярмарокъ, большихъ торговыхъ складовъ. Широкими красками обрисовано положеніе страны послѣ черной смерти, истребившей треть населенія. Исторія нерѣдкихъ возмущеній рабочихъ классовъ противъ притѣсненій лордовъ и правительства передана безпристрастно, начиная съ возстанія Ват-Тейлера въ 1381 году. Вообще, книга Роджерса во многихъ случаяхъ поясняетъ политическія событія въ исторіи Англіи, бросая на многія изъ нихъ новый свѣтъ своими коментаріями.

— Въ этомъ же родѣ замѣчательна книга, взятая изъ сочиненій разныхъ писателей: «Богатства, составленныя трудомъ» (Fortunes made in business). Это рядъ оригинальныхъ очерковъ біографическаго и анекдотическаго содержанія изъ современной исторіи промышленности и торговли. Для практическаго человѣка интересно знать, какими путями можно на-

жить богатство, какихъ усилій требуетъ его пріобрѣтеніе. Въ книгѣ помѣщены исторіи изобрѣтателей разнаго рода машинъ, какъ Гольдена, Листера, Фостеровъ, такихъ всестороннихъ дѣльцовъ, какъ Джосіа Мезонъ, заводчиковъ, основателей торговыхъ и фабричныхъ фирмъ и т. п. Особенно любопытныя страницы жизнеописанія всѣхъ этихъ лицъ представляетъ ихъ борьба съ разнаго рода препятствіями, мѣшавшими имъ осуществить свои идеи или достигнуть предположенной цѣли. Борьба если не за существованіе, то за наживу представляетъ въ біографіи нѣкоторыхъ лицъ такіе драматическіе моменты, съ какими не сравнятся вымышленныя похожденія героевъ романовъ. Къ сожалѣнію. біографіи эти, составленныя разными писателями, не всѣ изложены одинаково талантливо и занимательно.

— Вышла біографія генерала Колина Мекензи подъ названіемъ: «Бури и солнечные дни въ жизни солдата» (Storms and sunshine of a soldier's life). Мекензи обладалъ несомнѣнными дарованіями и храбростью. Онъ игралъ выдающуюся роль въ Кабульской катастрофѣ 1841 года. Его біографія разсказана его женою; но передавая его боевые подвиги, она совершенно напрасно приводитъ и его религіозныя мнѣнія, не имѣющія никакого отношенія къ военной карьерѣ генерала. Девятнадцати лѣтъ, онъ вступилъ въ мадрасскую армію, въ 1826 году. Онъ дрался и съ непокорными индійскими племенами, и съ сингапурскими пиратами и въ Афганистанѣ. Онъ спасся во время Кабульской рѣзни, долгое время былъ въ плѣну у Акбаръ-Хана, потомъ служилъ въ индійской арміи до 1866 года и умеръ въ 1881 году, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и занимая важныя должности въ управленіи Индіею.

— Второе изданіе «Исторіи современной Европы» (A History of modern Europe) Фейфа послѣдовало быстро за первымъ. Теперь вышелъ только первый томъ, обнимающій событія отъ 1792 года по 1814-й. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе новые документы, касающіеся дипломатическихъ переговоровъ предшествовавшихъ объявленію войны Франціи Англіею въ 1793 году. — Вышло также продолженіе англійской исторіи Гардинера (History of England). Шестой и седьмой томы этого замѣчательнаго труда обнимаютъ собою пространство времени въ десять лѣтъ, отъ 1625 по 1635-й годъ. Это одно изъ лучшихъ историческихъ сочиненій нашего времени.

— Адвокатъ Бродлей, защитникъ Араби-паши въ его процесѣ, издалъ объ немъ книгу подъ заглавіемъ: «Какъ мы защищали Араби-пашу и его друзей» (How we defended Arabi and his friends). Авторъ хорошо сдѣлалъ, что далъ пройти больше года со времени суда надъ пашею. Теперь можно спокойно говорить объ этомъ процессѣ и спокойно выслушивать мнѣніе о немъ. Извѣстно, что всѣ обвиненія Араби въ убійствѣ англійскихъ солдатъ, мирныхъ жителей и поджогахъ въ Александріи не были доказаны, и судъ обвинилъ его только въ возмущеніи противъ правительства. Бродлей разсказываетъ всю процедуру суда и подтверждаетъ, что адъютанты хедива осыпали самыми грубыми оскорбленіями побѣжденнаго пашу, взятаго англичанами. Адвокатъ приводитъ также любопытные допросы обвиненнаго коммиссіею, въ которой одинъ изъ членовъ, старый шейкъ Гассанъ-эль-Эдви, поставилъ въ тупикъ своихъ товарищей вопросомъ: «если вы мусульмане, какъ же вы не видите, что Тевфикъ-паша, обманувшій страну и предавшійся англичанамъ, недостоинъ управлять нами!» Бродлей стоитъ за своего кліента, но изъ его друзей признаетъ порядочными только его военнаго министра да каирскаго префекта, которому Каиръ обязанъ тѣмъ, что спокойствіе въ

немъ не было нарушено. Описавъ всю безтолочь настоящаго управленія Египтомъ, всю бездарность и продажность совѣтниковъ хедива, авторъ приходитъ къ заключенію, что единственное средство ввести хоть какой-нибудь порядокъ въ несчастной странѣ — это вернуть Араби-пашу съ Цейлона и вручить ему управленіе Египтомъ.

— Къ празднованію юбилея Эдинбургскаго университета, Александръ Грантъ издалъ исторію этого университета въ продолженіи трехъ первыхъ столѣтій (The Story of the university of Edinburgh during its first three hundred years). Книга эта — цѣлый вкладъ въ исторію высшаго образованія Британскаго королевства. Съ безпристрастіемъ историка авторъ соединилъ въ своемъ сочиненіи серьезные взгляды педагога и патріота. Эдинбургскій университетъ былъ первою «городскою коллегіею», основанною послѣ реформаціи, когда уже существовали, съ XV столѣтія, католическіе университеты въ Гласгоу, Абердинѣ, Сент-Андрюсъ. Онъ первый началъ раздавать ученыя степени. Въ книгѣ Гранта, подробно излагающей всѣ періоды развитія этого учрежденія, помѣщено много портретовъ лучшихъ лекторовъ университета и его покровителей; въ приложеніи, занимающемъ три четверти книги, находятся списки всѣхъ профессоровъ и служащихъ лицъ, отрывки изъ записокъ разныхъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ университету, и т. п. Особенно интересны подробности, сообщаемыя авторомъ о послѣднемъ двадцатилѣтіи учрежденія, процвѣтавшаго во всѣхъ отношеніяхъ.

— Когда-то въ литературѣ были въ большой модѣ «разговоры въ царствѣ мертвыхъ», составлявшіеся въ подражаніе «разговорамъ боговъ» Лукіана. Д. Трейль возобновилъ эту форму сочиненій, подъ названіемъ «Новый Лукіанъ» (The new Lucian). Это рядъ бесѣдъ историческаго и, еще чаще, политическаго содержанія. Таковы разговоры лорда Вестбери съ епископомъ Вильберфорсомъ, Гамбеты и Бланки, Роберта Пиля съ Биконсфильдомъ. Бесѣдующіе высказываютъ сужденія о событіяхъ своего времени и о настоящихъ событіяхъ; въ ихъ разговорахъ много остроумія, мѣткихъ выводовъ, блестящихъ фразъ, но нельзя встрѣтить вѣрной оцѣнки того или другого общественнаго дѣятеля, той или другой политической системы. Другіе бесѣды имѣютъ литературное или научное значеніе, какъ Стерна съ Текереемъ, Гаррика и Льюиса, Лукіана и Паскаля, Борке и Горсмана (съ рѣзкими выходками противъ Гладстона) Лукреція и Дарвина. Есть даже разговоръ между Петромъ I и Александромъ II. Все это читается легко и съ интересомъ, хотя не можетъ имѣть серьезнаго, а тѣмъ болѣе историческаго значенія.

— Современныя событія въ Суданѣ придаютъ особый интересъ книгѣ туриста Джемса: «Дикія племена Судана, разсказъ о путешествіи и охотѣ преимущественно въ странѣ Базе» (The wild tribes of the Soudan: an account of travel and sport, chiefly in the Base country). Страна эта лежитъ между египетскою провинціею Така и Абиссиніею. Джемсъ отправился въ нее изъ Суакима, въ декабрѣ 1881 года. Джемсъ, какъ истый охотникъ, не заботился, конечно, о собираніи этнографическихъ и статистическихъ данныхъ о земляхъ, по которымъ онъ странствовалъ, но сообщаетъ все-таки много любопытныхъ свѣденій, могущихъ пополнить изслѣдованіе Самуила Беккера, собранныя имъ въ книгѣ «Нильскіе данники Абиссиніи». Сочиненіе Джемса роскошно иллюстрировано, что придаетъ ему еще больше цѣны. Гравюры рѣзаны съ фотографій, снятыхъ на мѣстѣ.

— Не давно умеръ французскій журналистъ Альфредъ Даримонъ, редакторъ газеты «Le peuple» 1848 года и одинъ изъ членовъ опозиціи наполеонов-

скому правительству въ законодательномъ корпусѣ 1857 и 1863 года. По смерти его, вышли записки подъ названіемъ: «Исторія двѣнадцати лѣтъ» (Histore de douze ans), обнимающая событія эпохи имперіи съ 1857 по 1869 годъ. Въ книгѣ много интереснаго. Вотъ, что Даримонъ разсказываетъ о регентствѣ императрицы Евгеніи во время путешествія императора въ Алжиръ. Регентша по четвергамъ приглашала на свои интимные обѣды наиболѣе выдающихся депутатовъ. Она бесѣдовала съ ними о проектахъ законовъ, внесенныхъ въ палату, спрашивала ихъ мнѣнія относительно необходимыхъ реформъ въ администраціи, — однимъ словомъ, очень добросовѣстно старалась управлять Франціей. Однажды, она подошла къ одному изъ членовъ опозиціи и внезапно сказала ему: «Какая, по вашему мнѣнію, реформа самая необходимая въ настоящее время»? Депутатъ не смутился и отвѣчалъ: «Свобода печати, ваше величество»! Императрица не могла скрыть удивленія и досады. «Но подумали-ли вы, сказала она, о послѣдствіяхъ такой мѣры? Если позволить журналистамъ говорить, чтò имъ приходитъ въ голову, то правительство не оберется клеветъ. Императора ежедневно будутъ упрекать въ произведеніи государственнаго переворота 2-го декабря». — «Можетъ быть; избѣгнуть этихъ упрековъ можно только однимъ средствомъ: нужно доказать, что правительство искренно заботится о благѣ Франціи. Съ государственнымъ переворотомъ только потому не могутъ примириться, что исключительные законы, вызванные имъ, до сихъ поръ существуютъ; къ нимъ принадлежитъ также и декретъ относительно ограниченій печати. Когда этотъ законъ будетъ отмѣненъ, тогда и нападки на имперію исчезнутъ». Императрица подумала нѣсколько секундъ, потомъ отвѣтила: «Все, что вы говорите, очень логично. Но это — не политика. Печать должна быть ограничена до тѣхъ поръ, пока второе декабря не будетъ забыто»... Книга Даримона наполнена массой подобнаго рода анекдотовъ.

— Въ то время, когда папа въ своей послѣдней энцикликѣ предаетъ проклятію всѣхъ масоновъ за одно съ учеными, либералами и правительствами, не признающими «божественнаго ученія о папствѣ», въ Лейпцигѣ выходитъ пятое изданіе «Исторіи масонства, отъ его возникновенія до настоящаго времени» (Geschichte der Freimauerei von der Zeit ihres Entstehens bis auf die Gegenwart). Авторъ этой книги, Финдель, не видитъ слѣдовъ происхожденія масонства ни въ древнихъ мистеріяхъ и преданіяхъ, ни въ рыцарскихъ средне-вѣковыхъ орденахъ, а отыскиваетъ начало этого братства въ цехахъ каменщиковъ, составлявшихъ въ средніе вѣка отдѣльныя общества съ своимъ уставомъ, остававшимся тайною для непосвященныхъ. Стремленіе масоновъ вести свою родословную отъ древнѣйшихъ учрежденій въ томъ родѣ объясняется сходствомъ ихъ уставовъ Мысль эта высказывалась не разъ и прежде, и философъ Краузе подтвердилъ ее очень вѣскими доказательствами. Финдель не признаетъ вовсе въ масонствѣ характера ордена, а видитъ въ немъ только свободный союзъ людей всѣхъ странъ, которые подъ символическими знаками каменщиковъ строятъ невидимый храмъ, куда сходятся исповѣдующіе вѣротерпимость, гуманность и братскую любовь всего человѣчества. Исторія развитія этого братства, въ особенности по отношенію его къ задачамъ культуры и просвѣщенія, подробно и безпристрастно изложена авторомъ, обращающимъ гораздо больше вниманія на духъ и цѣли масонства, а не на его таинства и обряды, въ наше время потерявшіе всякое значеніе.

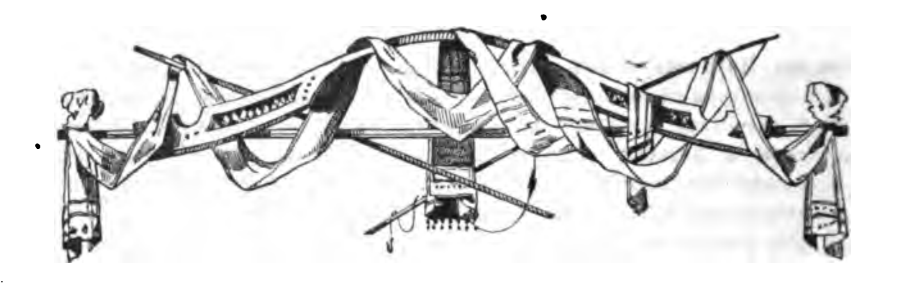
— Нѣмецкій философъ, Морицъ Карьеръ, авторъ замѣчательнаго, многотомнаго сочиненія, переведеннаго и на русскій языкъ: «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалами человѣчества», написалъ другое, не менѣе важное изслѣдованіе о поэзіи, ея сущности и формахъ въ основныхъ чертахъ сравнительной исторіи литературы (Die Poesie, ihr Wesen und ihre Formen, mit Grundzügen der vergleichenden Litteraturgeschichte). Въ этомъ капитальномъ трудѣ, вышедшемъ надняхъ вторымъ изданіемъ, авторъ сравниваетъ и сопоставляетъ основные поэтическіе мотивы во всемірной литературѣ, указываетъ на возникновеніе и развитіе ихъ у всѣхъ народовъ. Говоря о формахъ поэзіи и объ эпосѣ, онъ видитъ зародыши его въ лирическихъ гимнахъ евреевъ и арабовъ. Рапсодіи соединяютъ въ одно цѣлое разбросанныя пѣснопѣнія, и тогда является объективный эпосъ, какъ изъ греческихъ пѣсенъ о троянской войнѣ и судьбѣ Одиссея, собранныхъ и приведенныхъ въ порядокъ при Солонѣ. Со времени открытія цилиндровъ съ клинообразными письменами въ развалинахъ Ниневіи, нашли слѣды эпоса и у ассиро-вавилонянъ. Исторія ветхозавѣтныхъ патріарховъ чисто эпическая, и только Іовъ является лицомъ драматическимъ. Финская «Калевала» настоящій народный эпосъ, тогда какъ «Шах-Наме» Фирдуси эпосъ искусственный. Къ этому роду поэзіи принадлежитъ циклъ древнихъ скандинавскихъ, германскихъ, британскихъ, французскихъ, итальянскихъ эпопей. Къ юмористическимъ эпопеямъ Карьеръ причисляетъ «Pucelle» Вольтера, «Дон-Жуана» Байрона, «Атта-Тролля» Гейне. Эпопея въ прозѣ сдѣлалась романомъ. Къ ней причисляетъ авторъ и гномику, басни и притчи, алегоріи и нравоученія. Величайшій представитель этого рода эпоса — Дантъ. Такимъ же сравнительнымъ поэтико-этнологическимъ путемъ излагается развитіе лирики. Здѣсь особенно любопытны изслѣдованія взаимнаго вліянія мавританской поэзіи на провансальскую. Въ драматической поэзіи доказывается господство идей и манеры Плавта въ театрѣ англичанъ и испанцевъ, Теренція—у французовъ и итальянцевъ. Вообще, во всемъ сочиненіи разбросано множество новыхъ и меткихъ сопоставленій, хотя не со всѣми изъ нихъ можно согласиться. Такъ Карьеръ говоритъ, что средневѣковая французская поэзія была выше искусственной поэзіи временъ Людовика XIV. Въ изложеніи замѣтенъ также недостатокъ соразмѣрности при оцѣнкѣ поэтовъ. Такъ, испанской драмѣ отведено слишкомъ много мѣста, а Альфреду Мюссе, Гейне, Уланду, Фрейлихрату, Гейбелю, Лингу, Мёрике и Эйхендорфу отведена одна страница, гдѣ еще, кромѣ нихъ говорится о Генделѣ, Бахѣ, Моцартѣ и Бетговенѣ. Отсутствіе хронологіи и указателя составляетъ также большой недостатокъ въ книгѣ Карьера.

— Молодому поэту и нувелисту, Фрицу Маутнеру, вздумалось почему то явиться защитникомъ лица, получившаго уже въ дошедшихъ до насъ преданіяхъ опредѣленную и непривлекательную характеристику, и онъ написалъ новую біографію Ксантипы (Xanthippe), выставивъ ее совсѣмъ не въ томъ видѣ, какою мы знаемъ ее по разсказамъ греческихъ писателей. Реабилитаціей историческихъ лицъ занимались многіе. Въ литературѣ существуютъ даже защитники Робеспьеровъ и Маратовъ; въ оправданіи такихъ лицъ можетъ быть политическая цѣль; но для чего понадобилось обѣлять сварливую жену Сократа—это трудно понять. «Не то, что дѣлается внѣ моего дома, но то, что происходитъ въ немъ хорошаго или дурного—дѣлаетъ меня счастливымъ или несчастливымъ», говорилъ философъ, и эти

слова его Маутнеръ взялъ эпиграфомъ къ своему сочиненію. По словамъ автора, Ксантипа не имѣла никакого вліянія на Сократа: его добрыя дѣла и ошибки, радости и страданія зависѣли отъ него самого. Она была прекрасною женою и матерью—въ этомъ старается убѣдить авторъ, но основанія, по которымъ онъ хочетъ заставить всѣхъ перемѣнить мнѣніе о Ксантипѣ, не подтверждаются никакими вѣскими доказательствами.

— На нѣмецкомъ языкѣ въ первый разъ явился переводъ саги Графнкелля Фрейсгоди (Die Saga von Hrafnkell Freysgodhi). Сага эта, принадлежащая X вѣку, переведена Ленкомъ съ древнеисландскаго языка съ объяснительными примѣчаніями и введеніемъ, въ которомъ говорится о сагахъ и ихъ литературномъ значеніи. Это исторія семейства или рода, защищающаго свои права противъ нарушителя ихъ. Въ простомъ, безъискусственномъ разсказѣ выведены только правовыя и имущественныя отношенія, и нѣтъ ни слова о любви. Въ приложеніи говорится о бытѣ и семейныхъ отношеніяхъ въ Исландіи во времена язычества.

— Любопытную книгу издалъ въ Вѣнѣ Карлъ Пенка: «Арійскія начала. Лингвистико-этнологическія изслѣдованія древнѣйшей исторіи арійскихъ народовъ и языковъ» (Origines ariacae. Linguistisch-ethnologische Untersuchungen zur ältesten Geschichte der arischen Völker und Sprachen). Исторія и лингвистика согласны въ томъ, что большая часть европейскихъ народовъ и часть азіатскихъ происходитъ отъ арійскаго племени, распространившагося съ высотъ Памира по южной Азіи и Европѣ. Въ этомъ убѣждаетъ родство всѣхъ европейскихъ языковъ и многихъ арійскихъ, происходящихъ очевидно отъ одного корня. К. Пенка утверждаетъ, что происхожденіе народовъ нельзя основывать на языкѣ; оно узнается по антропологическимъ даннымъ—формѣ черепа, цвѣту волосъ и глазъ, отчасти, по физическому характеру. Колыбель человѣчества, по мнѣнію автора,—сѣверъ Европы. Оттуда, въ ледяной періодъ, людское племя двинулось въ Европу и Америку, но не вдругъ, а постепенно, совершая переселенія въ теченіи многихъ вѣковъ, оттѣсняя все далѣе своихъ, раньше эмигрировавшихъ единоплеменниковъ. Первыми вышли патагонцы, готентоты и австралійцы. Первые племена были ростомъ въ семь футовъ, сильны, закалены въ борьбѣ съ враждебной имъ природой. Авторъ сохраняетъ за ними названіе арійцевъ. Отъ нихъ отдѣлились впослѣдствіи семиты въ Азіи, хамиты въ Африкѣ и іафетиты въ Европѣ. Послѣдніе населили три южные полуострова Европы (пеласги, италійцы, иберы) позже всѣхъ пришли въ Европу короткоголовые туземцы и смѣшались въ средней Европѣ съ длинноголовыми арійцами. Чистый арійскій типъ сохранился только въ Скандинавіи; менѣе смѣшанный въ Англіи и сѣверной Германіи. Скандинавы переселялись постепенно въ нынѣшнія славянскія земли, на Кавказъ, въ Арменію, Иранъ и въ Индію. На своемъ пути они встрѣчали угро-финскія племена и придавали имъ арійскій оттѣнокъ. И всю эту теорію авторъ основываетъ только на черныхъ волосахъ и глазахъ! Но кто-же знаетъ, каковы были доисторическіе люди? Возставая противъ лингвистическихъ выводовъ, Пенка основывается, однако, на звукахъ арійскаго языка, описывая это племя бѣлымъ, съ свѣтлыми волосами, голубыми глазами, а туземцевъ и кельтовъ — смуглыми, темными, съ черными волосами. Во всякомъ случаѣ изслѣдованія автора заслуживаютъ, однако, вниманія, и знакомство съ его книгою необходимо для этнографа и лингвиста.



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ волненій.

(Записанъ со словъ Е. И. Ивановой, владѣлицы села Ивановскаго, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи).

ДѢЛО происходило въ 1862 году, въ Пермской губерніи, въ Ирбитскомъ уѣздѣ, въ принадлежавшемъ намъ селѣ Ивановскомъ.

Послѣ объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, въ деревняхъ начали появляться разныя темныя личности, которыя распространяли въ народѣ слухъ, что манифестъ прочтенъ крестьянамъ невѣрно, что царь надѣлитъ ихъ землей отдѣльно отъ помѣщиковъ и дастъ имъ земли столько, сколько кто пожелаетъ. Не избѣжало этой участи и наше село Ивановское.

Лѣтомъ 1862 года, въ нашемъ селѣ началось особенное волненіе. До насъ дошелъ слухъ, что въ селѣ появились двѣ странныя личности, въ оригинальныхъ костюмахъ — въ длинныхъ халатахъ, опоясанныхъ кушаками, и въ сѣрыхъ широкополыхъ шляпахъ съ кистями — изъ которыхъ одна, выдавая себя за одного изъ великихъ князей, мутитъ народъ, другую же называетъ своимъ братомъ.

— Пришелъ я разузнать — говорилъ крестьянамъ первый изъ нихъ — какъ помѣщики съ вами здѣсь обращаются? Не обижаютъ ли они васъ? Не ложно ли истолковали вамъ манифестъ, изданный для васъ моимъ братомъ, государемъ?

Услыхавъ такую рѣчь, крестьяне пали предъ нимъ на колѣни, благодарили и старались всячески ему угодить. «Ваше преподобіе! ваша свѣтлость! — говорили они ему — чѣмъ же прикажете васъ угощать?» Гости объявили, что они ничего не ѣдятъ, кромѣ пироговъ съ изюмомъ и индѣекъ, а пьютъ только красное, да бѣлое вино. Засуетились крестьяне, снарядили пословъ въ Ирбитъ и стали угощать своихъ дорогихъ гостей на славу.

Невѣдомый незнакомецъ, окруженный толпой крестьянъ, осматривалъ мѣстность и ходилъ около нашей усадьбы, но на насъ вообще не обращалъ никакого вниманія. Однажды, катаясь въ экипажѣ, я встрѣтила его. Когда нашъ экипажъ поровнялся съ крестьянами, то всѣ сняли шапки; онъ же грозно окинулъ насъ взоромъ и, какъ я узнала потомъ, тутъ же объявилъ крестьянамъ, что на слѣдующій день сдѣлаетъ намъ честь своимъ посѣщеніемъ и будетъ обѣдать у насъ. «Вотъ тогда увидите, съ какимъ почетомъ меня тамъ будутъ принимать», замѣтилъ онъ. Наружности его я хорошенько не замѣтила. Помню только высокую фигуру въ оригинальномъ костюмѣ. Насъ, конечно, онъ не посѣтилъ; на вопросы же крестьянъ, почему онъ не идетъ къ господамъ, незнакомецъ оправдывался тѣмъ, что теперь спѣшитъ, а будетъ у насъ на возвратномъ пути. Вслѣдъ за этимъ онъ собралъ крестьянъ на сходку и объявилъ, что для веденія дѣла ему нужны деньги; сначала онъ обложилъ всѣхъ по 75 коп. съ души, а затѣмъ прибавилъ еще по рублю и, собравъ съ крестьянъ деньги, скрылся. Всего онъ собралъ около семисотъ рублей.

Съ этой поры крестьяне—ихъ было у насъ 300 ревизскихъ душъ—стали оказывать намъ полное неповиновеніе: ни оброка, ни издѣльной повинности не хотѣли признавать и объявили, что не желаютъ помѣщичьихъ надѣловъ. «Царь насъ надѣлитъ и землей, и дастъ намъ скота: мы знаемъ это изъ вѣрныхъ рукъ». При этомъ никакихъ доводовъ и объясненій съ нашей стороны они не хотѣли слушать.

Нечего было дѣлать: пришлось обратиться къ властямъ. Ни мировой посредникъ Оршеневскій, ни становой приставъ Ильинъ, ничего не могли съ ними сдѣлать, и вызвали исправника Сабашинскаго. Исправникъ далъ знать въ Пермь губернатору, и изъ Ирбити была выслана команда. При появленіи солдатъ, крестьяне, надѣвъ самые старые зипуны, съ понуренными головами, чинно вышли на встрѣчу начальства и команды. За ними, но подъ заборами, двигалась цѣлая вереница бабъ, вооруженныхъ рогачами, ухватами, кочергами и всякой домашней утварью, какая только способна была служить орудіемъ защиты.

— Смѣй только они, окаянные, нашихъ мужиковъ (т. е. мужей) тронуть, попробуй, мы имъ покажемъ тогда! Мы ихъ на рогачи такъ и поднимемъ! кричали бабы.

Къ толпѣ подъѣхалъ исправникъ.

— На колѣни, мерзавцы! скомандовалъ онъ. — Я буду читать вамъ манифестъ! Вы не поняли его!

Крестьяне повиновались и, опустившись на колѣни, слушали чтеніе манифеста. По окончаніи чтенія, исправникъ обратился къ толпѣ съ вопросомъ:

— Поняли теперь, въ чемъ дѣло?

— Поняли, отвѣчаютъ крестьяне.

— Такъ принимаете надѣлъ?

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не желаемъ принимать надѣла!

Исправникъ совсѣмъ вышелъ изъ себя.

— Какъ! власть царя не хотите исполнять!?

— Нѣтъ, не принимаемъ надѣла, упорствовали крестьяне.

Исправникъ подалъ знакъ солдатамъ; команда надвинулась... ружья были на-готовѣ... всѣхъ насъ охватилъ ужасъ: думали, что сейчасъ начнется свалка. Но крестьяне не двигались. Тогда команда оцѣпила ихъ, и всѣхъ повели въ

зданіе стекляннаго завода; привезли возъ розогъ и, вызывая по нѣсколько человѣкъ зачинщиковъ, начали сѣчь. Бабы въ отчаяніи прибѣжали сюда «защищать своихъ мужиковъ», но и ихъ постигла та же участь. Послѣ того, какъ наказали зачинщиковъ, крестьяне стали какъ будто сдаваться и ихъ отпустили.

Движеніе еще не улеглось, какъ вдругъ появились двое мужиковъ, которые объявили, что назвавшій себя великимъ княземъ и его братъ находятся въ сосѣднемъ селѣ и начальство само можетъ убѣдиться, точно ли это великій князь. Отрядили нѣсколько человѣкъ солдатъ подъ предводительствомъ станового въ с. Красное, гдѣ самозванцевъ и отыскали спрятавшимися въ подвалѣ у одного изъ крестьянъ. Ихъ схватили и привели въ наше село къ исправнику, когда весь народъ былъ въ сборѣ. Исправникъ грозно обратился въ вопросомъ къ одному изъ арестованныхъ:

— Ты что за личность? Подай свой видъ!

На это арестантъ небрежно отвѣчалъ: «У меня вида нѣтъ; если бы ты зналъ, съ кѣмъ говоришь, то ты бы такъ меня не спрашивалъ». Мужики пришли въ волненіе, стали толкать другъ друга и послышался шепотъ: «вишь, вишь, какъ онъ исправнику-то говоритъ; значитъ, что это истинная высокая личность великаго князя; задастъ онъ теперь исправнику — радовались крестьяне — засадитъ онъ его теперь, увидишь!» Исправникъ же продолжалъ допрашивать арестованныхъ, требуя ихъ виды. Видя упорство, онъ велѣлъ ихъ раздѣть и обыскать, но ничего не нашли. Затѣмъ ихъ заковали въ кандалы и отправили въ Ирбитъ, гдѣ вскорѣ тотъ, который называлъ себя великимъ княземъ, умеръ въ острогѣ. Узнавъ объ этомъ, крестьяне стали распространять слухъ, что его отравило начальство, чтобы не отвѣчать за то, что такую высокую особу посадили въ острогъ. О судьбѣ второго арестанта или арестантки — такъ какъ оказалось, что это была переодѣтая женщина — я ничего не знаю. Послѣ этого пріѣзжалъ самъ губернаторъ изъ Перми, но и ему не удалось вполнѣ успокоить крестьянъ, которые то и дѣло волновались.

Сообщено **В. Бородаевской.**

СМѢСЬ.

Открытіе памятника Александру II. 23-го апрѣля, въ Москвѣ, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея введенія въ Россіи новыхъ судебныхъ учрежденій, состоялось торжественное открытіе памятника императору Александру II, поставленнаго въ Екатерининской или Круглой залѣ окружного суда. Въ часъ пополудни начался молебенъ. Высшіе чины судебнаго вѣдомства съ министромъ юстиціи помѣщались въ срединѣ залы, вмѣстѣ съ почетными гостями: генералъ-губернаторомъ, гражданскимъ губернаторомъ, комендантомъ, вице-губернаторомъ и пр.; среди нихъ были товарищи предсѣдателей и лица прокурорскаго надзора, судебные пристава, судебные слѣдователи, кандидаты на судебныя должности и другія лица судебнаго вѣдомства; посторонняя публика помѣщалась на хорахъ. По окончаніи молебствія, прочитана была молитва объ упокоеніи души императора Александра II. При провозглашеніи «вѣчной памяти», присутствующіе опустились на колѣни. Съ памятника спущена была завѣса, открывъ статую монарха, на высокомъ пьедесталѣ, среди тропической зелени. Предсѣдатель судебной палаты, Шаховъ, произнесъ рѣчь, за которой послѣдовало исполненіе народнаго гимна. Памятникъ состоитъ изъ бѣлой мраморной статуи покойнаго государя въ натуральную величину, поставленной на круглый высокій пьедесталъ изъ сѣраго мрамора. На пьедесталѣ золотыми буквами изображено: «Царю-Законодателю. Московскія судебныя установленія 23-го апрѣля 1884 года». Государь изображенъ стоящимъ, съ нѣсколько выдвинутою впередъ правою ногою; лѣвою рукою онъ опирается на колонну, на которой лежатъ книги законовъ, а правая рука опущена вдоль корпуса. На листѣ, лежащемъ на колоннѣ, написаны слова: «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!»

Полуторастолѣтній юбилей морской артиллеріи. 25-го апрѣля, исполнилось 150 лѣтъ, какъ указомъ императрицы Анны Іоанновны учрежденъ корпусъ морской артиллеріи «для лучша́го порядка въ артиллеріи». Первыми морскими артиллеристами въ Россіи были иностранцы или солдаты бомбардирской роты Преображенскаго полка; появленіе ихъ совпадаетъ съ первыми азовскими походами въ 1696 г.; а въ 1714 г. Петромъ Великимъ была открыта морская

артиллерійская школа, куда принимались «шляхетскія дѣти» и лучшихъ учениковъ выпускали подконстапелями; Петръ принималъ живое участіе во всѣхъ вопросахъ, касающихся морской артиллеріи. Съ его смертію, былъ учрежденъ отдѣльный корпусъ съ цейхмейстеромъ морской артиллеріи; онъ назначалъ офицеровъ на суда, на немъ лежала обязанность заботиться, чтобы всѣ суда были въ достаточной мѣрѣ вооружены, чтобы арсеналы и склады были полны артиллерійскими запасами, и пр. Корпусъ морской артиллеріи пережилъ нѣсколько эпохъ, былъ преобразованъ въ артиллерійскій корпусъ въ 1810 г., раздѣленъ на бригады и состоялъ изъ 330 офицеровъ и 6,000 нижнихъ чиновъ. Въ 1830 году артиллерійскій корпусъ былъ преобразованъ опять въ корпусъ морской артиллеріи и главное начальство возложено на инспектора артиллеріи. Въ 1846 году чины корпуса вошли въ составъ флотскихъ экипажей и стали нести общую службу, что̀ продолжается и до сихъ поръ. Арсенальныя же роты, переименованныя въ артиллерійскія, просуществовали до 1863 года; съ ихъ закрытіемъ для артиллерійскихъ работъ нанимаютъ рабочихъ по вольному найму.

Столѣтіе гатчинскаго дворца. Въ текущемъ году исполнилось 100 лѣтъ со времени покупки императрицею Екатериною II обширнаго гатчинскаго дворца, построеннаго въ 1770 г. княземъ Г. Г. Орловымъ, по плану архитектора Ринальди. Екатерина II купила этотъ дворецъ у наслѣдниковъ князя Орлова въ 1784 г. и подарила его наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу, который имѣлъ здѣсь любимое мѣстопребываніе и въ 1796 г. сдѣлалъ Гатчину уѣзднымъ городомъ. Впослѣдствіи Гатчина оставлена за штатомъ и причислена къ Царскосельскому уѣзду. Трехъ-этажный дворецъ расположенъ среди отраслей Дудергофскимъ холмовъ, съ обширнымъ паркомъ и англійскимъ садомъ, обильно орошенными водою и заключающими въ себѣ много живописныхъ мѣстоположеній, террасъ, островоръ, изъ которыхъ въ особенности отличается островъ Любви (L'île d'amour), рощей, цвѣтниковъ, множество вазъ, статуй, обелисковъ и другихъ произведеній искусства, дѣлающихъ паркъ гатчинскаго дворца однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ садовъ сѣверной полосы Россіи.

Развалины древняго города на Аму-Дарьѣ. Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о раскопкахъ развалинъ древняго города. На правомъ берегу Аму-Дарьи, верстахъ въ двадцати отъ Намангана, невдалекѣ отъ нынѣшняго кишлака Ахсы, существуютъ развалины нѣкогда бывшаго на томъ мѣстѣ города Ахсы, существованіе котораго относятъ къ временамъ глубокой древности. Очевидцы, посѣщавшіе эти мѣста, разсказывали, что у самаго берега Аму-Дарьи, на возвышенности ясно видны и теперь остатки кирпичныхъ стѣнъ и другихъ построекъ, занимающихъ большое пространство, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о существовавшемъ здѣсь нѣкогда большомъ городѣ; развалины его нынѣ занесены отчасти пескомъ, отчасти разными наслоеніями и отложеніями послѣдующихъ вѣковъ. Не разъ приходилось слышать разсказы, что на территоріи этихъ развалинъ случайно находили то какой-нибудь котелъ, то глиняную посуду, то человѣческіе скелеты. Нынѣ окрестные жители, неизвѣстно по чьему наущенію, дѣятельно принялись за раскопки. Разсказываютъ, что находятъ небольшіе кувшины, залитые сверху свинцомъ, наполненные мѣдной, серебряной и золотой монетой, кувшины съ кораллами и другими женскими украшеніями; открыта галлерея изъ жженаго кирпича, съ явными слѣдами водопровода; откопаны цѣлыя стѣны изъ хорошаго жженаго кирпича. Этотъ кирпичъ ахсынцы продаютъ теперь желающимъ на постройки, по 40 коп. за сотню. Найдена цѣлая усыпальница со множествомъ человѣческихъ костей; отрыто зданіе, по всѣмъ признакамъ бывшее баней, съ сосудами для воды въ одномъ изъ отдѣленій; находятъ, наконецъ, и разныя стеклянныя вещи. Насколько справедливы всѣ эти разсказы—въ точности неизвѣстно, но что раскопки дѣй-

ствительно производятся (хотя и не слышно было о разрѣшеніи ихъ) это доказывается пріобрѣтающимися съ мѣста раскопокъ вещами (монеты, браслеты). Въ настоящее время работами занято до 1,000 человѣкъ.

Судьба русскаго изобрѣтенія. Въ нынѣшнемъ году минуло полстолѣтія одному изъ русскихъ изобрѣтеній, первоначально признававшемуся у насъ «нелѣпостью», а вскорѣ потомъ усвоенному иностранцами, тогда какъ на долю настоящаго изобрѣтателя достались только забвеніе и почти полная неизвѣстность. Многимъ ли изъ русскихъ даже, за исключеніемъ ученыхъ, извѣстно, что первый электрическій телеграфъ изобрѣтенъ въ Россіи барономъ Шиллингомъ? Обыкновенно честь этого открытія приписывается американцу Морзе, хотя въ дѣйствительности послѣдній только улучшилъ электромагнитный телеграфъ механическими приспособленіями и получилъ за это въ 1858 г. въ Парижѣ международную награду въ 400 тысячъ франковъ. Съ тѣхъ поръ Морзе почитается изобрѣтателемъ телеграфа. Раньше этого времени, открытіе приписывалось англичанину Куку, который даже не понималъ устройства аппарата, изобрѣтеннаго Шиллингомъ. Этотъ Кукъ впервые увидѣлъ телеграфъ Шиллинга въ 1834 г. на лекціяхъ гейдельбергскаго профессора Мунке, бывшаго почетнымъ членомъ нашей академіи, которому Шиллингъ показалъ свое изобрѣтеніе. Кукъ сдѣлалъ модель аппарата и, возвратившись на родину, сошелся съ физикомъ Уитстономъ, съ нимъ получилъ патентъ и сталъ строить телеграфъ въ Англіи. Черезъ два года тотъ же Кукъ предлагалъ и у насъ устроить телеграфъ по системѣ Шиллинга, выдавая это за собственное изобрѣтеніе. Предложеніе не было принято, а между тѣмъ баронъ Шиллингъ еще въ 1834 г. устроилъ въ зданіи адмиралтейства телеграфъ и встрѣтилъ полное сочувствіе этому открытію со стороны Николая I. Но комиссія, назначенная императоромъ для обсужденія мысли изобрѣтателя объ устройствѣ телеграфа между Петербургомъ и Петергофомъ, смотрѣла на это, какъ на смѣшную затѣю. Свою затѣю, однако, Шиллингъ имѣлъ неосторожность повѣдать съѣзду германскихъ естествоиспытателей въ Боннѣ и затѣя живо перешла изъ Германіи въ Лондонъ, откуда и получила широкое распространеніе. Въ то время, какъ Шиллингъ умиралъ въ 1837 г., Кукъ съ Уитстономъ были героями дня, а черезъ четыре мѣсяца послѣ кончины русскаго изобрѣтателя, въ ноябрѣ того же года, Морзе устроилъ снарядъ для передачи сигналовъ, за что и признанъ былъ впослѣдствіи изобрѣтателемъ телеграфа.

Могила близъ Тамани. Археологическая коммисія, дѣлая изысканіе близъ Тамани, въ Кубанской области, открыла могилу, въ которой найдено весьма много цѣнныхъ вещей, служившихъ, по мнѣнію коммисіи, украшеніемъ задолго до Р. Х. молодой дѣвушки. Могила, по устройству склеповъ, заканчивающихся на верху куполами, относится къ разряду весьма древнихъ и рѣдкихъ. Въ этой могилѣ были найдены: золотые вѣнецъ, ожерелье, два браслета, одинъ серебряный, съ какимъ-то неопредѣленнымъ камнемъ кольцо, много издѣлій изъ слоновой кости, а также глиняныхъ и бронзовыхъ статуэтокъ, погребальная каменная доска въ видѣ эллипсиса, и много другихъ вещей.

Раскопки въ Римѣ. Недавно въ Римѣ сдѣланы два важныя археологическія открытія. Во-первыхъ, отрытъ храмъ Весты и соединенныя съ нимъ помѣщенія для весталокъ. Правда, еще при раскопкахъ въ XVI столѣтіи, въ этомъ самомъ мѣстѣ, вблизи церкви s-ta Maria Liberatrice, между Священною дорогой и улицей Новою, были открыты пьедесталы двѣнадцати статуй. Нѣкоторые ученые высказывали и тогда предположеніе, что тутъ находился храмъ Весты, но только теперь это предположеніе оправдалось. Открыты надписи съ именами старѣйшихъ весталокъ изъ знаменитѣйшихъ римскихъ фамилій, остатки стѣнъ и т. п.; словомъ, теперь нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что открыто истинное locus Vestae. Во время этихъ раскопокъ сдѣлана другая, весьма интересная находка. Одинъ землекопъ напалъ на

большую вазу изъ обожженной глины, герметически закупоренную и имѣвшую значительный вѣсъ. Ваза была немедленно доставлена въ министерство народнаго просвѣщенія и, по вскрытіи, въ ней оказалось около 800 золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Это монеты англо-саксонскія X вѣка по Р. Х. и, по заключеніи археологовъ, представляютъ весьма цѣнную и рѣдкую находку. На монетахъ находятся имена Эдуарда, Ательстана, Эдуарда Древняго и Эдмонда I. Всѣ эти короли потомки Эгберта и царствовали въ періодъ времени 901—941. На нѣкоторыхъ монетахъ встрѣчается изображеніе архіепископа Кантербюрійскаго, бывшаго въ то время митрополитомъ Англіи. Эти монеты были, какъ полагаютъ, присланы въ даръ римскому папѣ Мартину III (умершему въ 946 г.) и, вѣроятно, зарыты въ землѣ кѣмъ-либо изъ служащихъ при папѣ.

Прекращеніе Отечественныхъ Записокъ. 20-го апрѣля 1884 года въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось правительственное сообщеніе, въ силу котораго прекращенъ навсегда старѣйшій органъ русской періодической печати, существовавшій болѣе полустолѣтія. Основанныя П. Свиньинымъ въ 1820 году, «Отечественныя Записки» помѣщали на своихъ страницахъ статьи и извѣстія, исключительно относящіяся къ нашему отечеству. Такая исключительность въ эпоху, когда знакомство съ европейской цивилизаціей было необходимо для образованнаго русскаго человѣка, не могла способствовать распространенію журнала, и онъ, съ трудомъ поддерживаемый своимъ основателемъ, со смертью его прекратилъ свое существованіе до 1839 года, когда было дано высочайшее разрѣшеніе на передачу редакціи и изданія журнала А. А. Краевскому, бывшему помощникомъ редактора журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія и Русскаго Инвалида, редактору Литературныхъ Прибавленіи къ Русскому Инвалиду, превратившихся въ послѣдствіе въ «Литературную Газету». Журналъ былъ основанъ на паяхъ, но въ первый же годъ его возобновленнаго существованія всѣ пайщики отказались отъ взноса назначенныхъ суммъ и вся тяжесть изданія пала на г. Краевскаго, который успѣлъ, однако, въ первое же десятилѣтіе соединить въ своемъ журналѣ всѣ лучшія силы писателей сороковыхъ годовъ. Въ 1851 году, принявъ на себя редакцію «Петербургскихъ Вѣдомостей», г. Краевскій передалъ завѣдываніе «Отечественными Записками» Дудышкину, принявшему на себя, послѣ смерти Бѣлинскаго, и критическій отдѣлъ журнала. По смерти Дудышкина «Отечественныя Записки» утратили нѣсколько прежнее значеніе, хотя въ нихъ появлялись статьи всѣхъ писателей, имена которыхъ остались въ исторіи русской литературы; основавъ въ 1863 году ежедневную газету «Голосъ», г. Краевскій не имѣлъ возможности посвящать весь свой трудъ журналу. Когда былъ запрещенъ по высочайшему повелѣнію «Современникъ», редакторъ его Некрасовъ сдѣлался главнымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», завѣдуя ихъ литературною частью, а по смерти его редакцію принялъ на себя М. Е. Салтыковъ. Въ послѣдніе годы журналъ расходился по подпискѣ въ числѣ восьми тысячъ экземпляровъ и не рѣдко съ первыхъ мѣсяцевъ прекращалась дальнѣйшая подписка на изданіе. Въ нынѣшнемъ году редакція успѣла выпустить въ свѣтъ только четыре книжки «Отечественныхъ Записокъ».

† 2-го мая, въ Вѣнѣ, скоропостижно скончался протоіерей нашей посольской церкви, **Михаилъ Федоровичъ Раевскій.** Въ апрѣлѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ, какъ онъ поселился въ австрійской столицѣ, центрѣ западнаго и южнаго славянства. Въ маѣ предполагалось отпраздновать юбилей многолѣтней неутомимой и полезной дѣятельности о. Раевскаго, около котораго, начиная съ тридцатыхъ годовъ, постоянно группировались наши славянофилы и славянскіе дѣятели Австріи и Турціи. О. Раевскій былъ всегда посредникомъ между ними. Московскіе славянофилы встрѣчались въ его домѣ съ чешскими славистами, съ словаками и словенцами, съ хорватами и сербами и вели бесѣды о единеніи всѣхъ славянъ. Кромѣ собирателей преданій славянства и

воскресителей народнаго языка, Штура, Гая, Вука Стефановича, Раевскій зналъ близко поколѣніе славянскихъ героевъ и вождей: князя Милоша сербскаго, патріарха Раячича и черногорскаго князя Петра. Австрійское правительство всегда внимательно слѣдило за Раевскимъ, подсылало къ нему агентовъ изъ славянъ, но никогда не могло открыть ничего предосудительнаго въ поступкахъ пастыря-славянофила: политика дѣйствія не входила въ его программу. Тѣмъ не менѣе полувѣковое пребываніе Раевскаго въ Вѣнѣ, гдѣ сходятся нити славянскаго движенія, имѣло большое значеніе. Исторія не забудетъ скромнаго, неутомимаго дѣятеля славянства. Необыкновенно отзывчивый, Раевскій во всѣ фазисы періода съ 1834 — 1884 г. жилъ всегда жизнью даннаго историческаго момента. Съ тѣмъ же живымъ интересомъ и душевныхъ сочувствіемъ, съ какимъ онъ относился въ сороковыхъ годахъ къ борьбѣ славянъ за право своего языка, онъ въ семидесятыхъ относился къ борьбѣ ихъ за независимость. Онъ видѣлъ первые всходы самосознанія славянства и до могилы сохранилъ глубокую вѣру въ торжество славянской идеи.

† Въ Казани, 21-го марта скончался экстраординарный профессоръ казанской духовной академіи **Петръ Алексѣевичъ Милославскій.** Занимая съ 1877 г. каѳедру метафизики и состоя преподавателемъ англійскаго языка въ академіи, онъ былъ извѣстенъ, какъ знатокъ философіи и естественныхъ наукъ. По окончаніи курса въ казанской духовной академіи (1875 г.), онъ былъ командированъ синодомъ за-границу для знакомства съ современнымъ состояніемъ философскихъ наукъ въ Западной Европѣ; плодомъ его путешествія явилось цѣнное въ научномъ отношеніи сочиненіе: «Типы современной философской мысли въ Германіи» (1877 г.). Затѣмъ, въ теченіе семилѣтней службы при академіи онъ издалъ нѣсколько сочиненій: «Основаніе философіи, какъ спеціальной науки», «Современная ученость и христіанство», «Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ» (1873 г.), «Наука и ученые люди въ русскомъ обществѣ» (по поводу толковъ, возбуждаемыхъ г. Михайловскимъ и профессоромъ П. Цитовичемъ, 1879 г.). Ему не было еще 35-ти лѣтъ и только въ истекшемъ году онъ получилъ каѳедру экстраординарнаго профессора.

† Въ Петербургѣ, 59-ти лѣтъ, малоизвѣстный труженикъ и литераторъ, о которомъ не упомянулъ ни одинъ некрологъ—**Андрей Константиновичъ Ярославцевъ**, бывшій секретарь здѣшняго цензурнаго комитета, получившій потомъ мѣсто цензора, но занимавшій его очень недолго, такъ какъ его прямая натура не подходила къ этому званію. Изъ его литературныхъ работъ, кромѣ мелкихъ, журнальныхъ, замѣчательно изслѣдованіе «О личности Гамлета въ шекспировской трагедіи», изданное въ 1865 году, въ память 300-лѣтняго юбилея Шекспира. Близко знакомый съ авторомъ «Конька Горбунка», такой же сибирякъ какъ и Ершовъ, Ярославцевъ издалъ полное собраніе сочиненій Ершова съ обширной біографіей, характеристикой поэта и оцѣнкою его произведеній.

† Въ Римѣ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ, **Джіованни Прати.** Онъ родился въ 1815 г., въ городѣ Тренто, въ итальянскомъ Тиролѣ, и по окончаніи курса мѣстной гимназіи, поступилъ въ Падуанскій университетъ. Еще студентомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе лирическими стихотвореніями и поэмою въ байроновскомъ родѣ «Edmenegarda» Вслѣдъ затѣмъ появились его «Canti lirici», «Canti per il popolo», сонеты «Memorie e lacrime» и другія стихотворенія, окончательно выдвинувшія его въ первый рядъ поэтовъ. Не будучи въ состояніи переносить гнетъ Австріи, Прати переселился въ Туринъ, гдѣ сдѣлался настоящимъ національнымъ поэтомъ, предсказывая въ проникнутыхъ патріотическимъ чувствомъ стихахъ скорое возрожденіе Италіи и возвѣщая савойскому дому великую роль, которую предназначала ему судьба. Его «Canti politici» свидѣтельствуютъ, что онъ былъ не только выдающимся поэтомъ и горячимъ патріотомъ, но и

обладалъ замѣчательною политическою проницательностью. Въ Туринѣ, Прати написалъ еще три романтическія поэмы: «Rodolfo», «Ariberto» и «Armando», сатирическое стихотвореніе «Satana e le Grazie» и много мелкихъ лирическихъ произведеній. Въ 1862 г. Онъ былъ избранъ въ члены палаты депутатовъ, а въ 1876 г. возведенъ въ званіе сенатора. Послѣдніе годы поэтъ провелъ въ Римѣ, гдѣ занималъ должности члена совѣта министерства народнаго просвѣщенія и директора высшей женской школы.

† 7-го апрѣля, въ Любекѣ, одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ лирическихъ поэтовъ, **Эммануилъ Гейбель**. Онъ родился въ Любекѣ въ 1815 г. и по окончаніи курса богословія и филологіи въ Боннскомъ университетѣ, поселился въ Берлинѣ, гдѣ сотрудничалъ въ «Musenalmanach». Съ 1838 по 1840 г. онъ былъ преподавателемъ дѣтей у Катакази, русскаго посланника въ Аѳинахъ. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ издалъ первый сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній, за что былъ награжденъ пожизненною пенсіею. Какъ лирическій поэтъ, Гейбель пріобрѣлъ почетное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ, но попытки его пріобрѣсти извѣстность драматическаго поэта не увѣнчались успѣхомъ. Его трагедіи «Софонизба» и «Брунгильда» не лишены достоинствъ, но не могутъ быть причислены къ разряду выдающихся драматическихъ произведеній.

† Въ Таифѣ, въ Аравіи, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ турецкихъ государственныхъ людей, Мидхатъ-паша, на 63-мъ году. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ обнаружилъ способности и любовь къ наукѣ. Посланный для укрощенія разбойничества въ Румеліи, онъ съ успѣхомъ исполнилъ это порученіе, а съ 1858 г. по 1860—61 г. провелъ въ Парижѣ, гдѣ занялся изученіемъ французскаго языка, и по возвращеніи назначенъ губернаторомъ Болгаріи, прекратилъ многія злоупотребленія, способствовалъ открытію школъ и больницъ, улучшилъ пути сообщенія и обуздалъ хищничество турецкихъ чиновниковъ, но управлялъ съ излишними жестокостями и преслѣдовалъ болгарскихъ патріотовъ, даже тѣхъ, противъ которыхъ не было никакихъ уликъ. Въ 1867 г. онъ занялъ постъ министра путей сообщенія, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, поссорившись съ старо-турецкою партіею, былъ переведенъ генералъ-губернаторомъ въ Аравію, гдѣ содѣйствовалъ устраненію препятствій, мѣшавшихъ плаванію по Тигру и Евфрату. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ великимъ визиремъ, но черезъ два мѣсяца смѣненъ; вступивъ въ заговоръ противъ султана, онъ содѣйствовалъ низложенію Абдулъ-Азиса и при Мурадѣ сдѣлался первенствующимъ лицомъ, а впослѣдствіи и при Абдулъ-Гамидѣ, котораго убѣдилъ дать Турціи конституцію. Но старо-турецкая партія, видя, что произволу ея приходитъ конецъ, успѣла убѣдить султана, что Мидхатъ хлопочетъ объ учрежденіи республики, и реформаторъ былъ отправленъ въ ссылку. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сиріи, гдѣ пріобрѣлъ большую популярность, чѣмъ воспользовались враги его, увѣривъ Абдулъ-Гамида, что Мидхатъ намѣренъ образовать независимое государство. Успѣху этого обвиненія не мало способствовало участіе сторонниковъ сирійскаго генералъ-губернатора въ заговорѣ противъ султана, открытомъ въ 1880 году. Мидхатъ былъ смѣщенъ съ должности, обвиненъ въ убійствѣ Абдулъ-Азиса и приговоренъ къ смерти. Султанъ замѣнилъ казнь ссылкою. Мидхатъ былъ ожесточенный противникъ Россіи, но этого нельзя поставить ему въ вину. Онъ понималъ, что Порта должна предоставить всѣмъ христіанамъ равноправность или утратить всякую политическую самостоятельность; Россія ему представлялась опаснымъ врагомъ потому, что со славянскими племенами ее связывали единства племенное и религіозное. Человѣкъ энергическій и умный, но далеко не геніальный, онъ думалъ задавить въ болгарахъ стремленіе къ независимости жестокостями и удержать Россію съ помощью Англіи, почему и сдѣлался орудіемъ въ рукахъ европейской дипломатіи, которая бросила его тотчасъ же, какъ перестала въ немъ нуждаться;

«молодая же Турція», въ главѣ которой онъ стоялъ, не имѣла ни силы, ни даровитыхъ дѣятелей, чтобы предпринять съ успѣхомъ возрожденіе отечества. Конституція не имѣла корней въ мусульманскомъ государствѣ и потому уничтоженіе ея совершилось безъ всякаго сопротивленія.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Столѣтіе со дня рожденія художниковъ: Гомзина, Мельникова и Пименова.

Всѣ три фамиліи названныхъ художниковъ помѣщены на медали въ память столѣтія нашей Академіи Художествъ, въ которой они были профессорами. Подъ руководствомъ ихъ образовались не одинъ архитекторъ и скульпторъ, такъ какъ спеціальностію первыхъ двухъ была архитектура, а послѣдняго—ваяніе. Воспоминаніе объ этихъ чисто-русскихъ художникахъ не можетъ быть пройдено молчаніемъ, и, нужно думать, что с.-петербургское общество архитекторовъ, а, быть можетъ, сама академія почтутъ память этихъ профессоровъ, одинъ изъ которыхъ, именно Мельниковъ, былъ даже ректоромъ архитектуры весьма продолжительное время. Мы, со своей стороны, приведемъ хотя краткія біографическія о нихъ свѣдѣнія.

Иванъ Григорьевичъ Гомзинъ, сынъ священника Софійскаго собора, что въ Царскомъ Селѣ, родился 14-го іюня 1784 г.; поступилъ въ Академію Художествъ въ 1795 году. Въ 1804 г. получилъ вторую золотую медаль за программу казармъ для л.-гв. Коннаго полка. Черезъ годъ конкурировалъ на первую золотую медаль проэктомъ «сдѣлать монументъ, посвященный натуральной исторіи, который бы могъ назваться храмомъ природы, ибо въ немъ должны храниться всякаго рода сокровища, кои только производитъ природа, даже всякаго рода животныхъ, мертвыхъ и живыхъ». Но за этотъ храмъ совѣтомъ было опредѣлено: по превосходящему уже числу получившихъ большія медали назначить конкурентамъ только меньшія золотыя медали. Въ слѣдующемъ году опять состоялась программа для большой медали, сочинить зданіе для всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ столицѣ, за которое Гомзинъ и удостоенъ былъ высшей награды. Въ 1811 году, служащаго при главномъ адмиралтействѣ, губернскаго секретаря Гомзина, академія пожаловала званіемъ академика за «важное зданіе, предпринимаемое къ постройкѣ по его чертежамъ, генералъ-маіоромъ Алекс. Петр. Ермоловымъ въ его деревняхъ». Послѣ смерти же извѣстнаго строителя Казанскаго собора Воронихина († 1814 г.), Гомзинъ по его личной просьбѣ былъ принятъ въ академію съ званіемъ адъюнктъ-профессора, въ помощь профессору Михайлову, для преподаванія архитектуры ея воспитанникамъ, причемъ въ постановленіи совѣта было сказано, что коллежскій секретарь Гомзинъ извѣстенъ, какъ бывшій отличный питомецъ академіи и помощникъ строителя адмиралтейства Захарова. Наконецъ, въ 1831 г., 10-го января, И. Г. Гомзинъ былъ повышенъ въ званіе профессора 2-й степени, а 19-го іюля его свела въ могилу свирѣпствовавшая тогда холера.

Авраамъ Ивановичъ Мельниковъ, сынъ старосты придворной Ораніенбаумсков церкви, родился 30-го іюля 1784 г., вступилъ въ академію одновременно съ Гомзинымъ, съ которымъ шелъ все время вмѣстѣ, получая тѣ же медали, по тѣмъ же программамъ, съ тою только разницею, что ему удалось въ 1808 г. быть посланнымъ за границу, въ Римъ, гдѣ академія поручила его вниманію знаменитаго скульптора Кановы. Въ 1810 г. Мельниковъ донесъ академіи, что онъ составилъ проектъ «публичнаго увеселительнаго мѣста», который выставленъ въ Кампидоліи и что Сентлукская академія за этотъ проектъ пожаловала его званіемъ академика, причемъ онъ

писалъ, что полученіе этого званія стоило ему многихъ издержекъ, а все что онъ могъ скопить изъ своей ежемѣсячной пенсіи въ 30 скуди, употребилъ «на путешествіе въ Геркуланъ, Помпею, Неаполь, Пестумъ, Казертъ, Албано, Баію, Пуццлу, Тиволи и Фроскато» почему онъ просилъ у академіи пособія, которое ему и было дано въ размѣрѣ 40 скуди. Въ 1811 г. Мельниковъ возвратился въ Петербургъ вмѣстѣ съ архитекторомъ Калашниковымъ, и такъ какъ въ академіи имѣлась всего одна ваканція на должность адъюнктъ-профессора, то не желая обидѣть ни того, ни другаго, оба они были назначены состоять при академіи, а жалованье присвоенное этой должности (400 р.) было раздѣлено между ними поровну. Въ 1813 г. Мельниковъ былъ утвержденъ въ адъюнктъ-профессорской должности, не задолго передъ тѣмъ получивъ за проектъ театра, составленный въ концѣ 1812 года, званіе академика. Вскорѣ, за смертію профессора перспективы Томоне, строителя биржи и Большаго театра въ Петербургѣ, поручено было преподаваніе этого предмета Мельникову, какъ для живописцевъ, такъ и для архитекторовъ. Въ 1818 году, Мельникова баллотировали за проектъ церкви и построенныхъ имъ оранжерей въ профессоры, но онъ, хотя и получилъ большинство избирательныхъ голосовъ, не былъ возведенъ въ это званіе, за неимѣніемъ свободнаго мѣста, которое предоставлено было занять старшему его годами адъюнктъ-профессору Михайлову. Но какъ скоро открылась ваканція, Мельниковъ получилъ званіе профессора, а затѣмъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, уже занималъ должность ректора архитектуры. Умеръ Мельниковъ 19-го января 1851 г. Женатъ былъ на дочери извѣстнаго профессора Мартоса, отъ брака имѣлъ единственнаго сына, который въ настоящее время живетъ въ Парижѣ и занимается маіоликою. Въ Петербургѣ Мельниковымъ построена старообрядческая церковь, находящаяся на углу Николаевской улицы и Кузнечнаго переулка.

Степанъ Степановичъ Пименовъ, сынъ губернскаго секретаря, родился въ 1784 г., но какого числа въ метрическомъ свидѣтельствѣ, находящемся въ дѣлахъ академіи не сказано, упомянуто лишь, что онъ крещенъ при Богоявленскомъ-Николаевскомъ морскомъ соборѣ. Въ академію поступилъ въ 1795 г.; въ 1802 г. получилъ вторую золотую медаль за программу: «Юпитера и Меркурія, посѣщающихъ подъ видомъ странниковъ Филимона и Бавкиду», и одновременно также вторую золотую медаль по конкурсу, назначенному президентомъ академіи, гр. А. С. Строгановымъ, за памятникъ профессору скульптуры Козловскому. Въ 1803 г. удостоенъ большой золотой медали за фигуры «двухъ варяговъ изъ христіанъ, отца и сына, преданныхъ жрецомъ на приношеніе одного изъ нихъ по жребію въ жертву богамъ, причемъ жрецы и воины, не могши вырвать одного изъ объятій другаго, кинжалами поражаютъ обоихъ.» Въ слѣдующемъ году, сдѣланный Пименовымъ эскизъ статуи для Казанскаго собора «Св. Владиміра» былъ одобренъ совѣтомъ академіи, а въ 1809 г., онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ и возведенъ въ академики. Въ 1812 г., за работу въ Казанскомъ соборѣ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ, а въ 1814 г. пожалованъ въ званіе профессора за колосальную статую «Славы». Изъ работъ С. С. Пименова до сихъ поръ существуютъ фигуры съ колесницами на зданіи Главнаго штаба и Александринскомъ театрѣ, на лѣстницѣ Горнаго кадетскаго корпуса; также нѣкоторые барельефы на зданіи Биржи и Главнаго адмиралтейства, гдѣ особенно были хороши фигуры Днѣпра и Невы, находившіяся около малыхъ воротъ, противъ зданія Сената, для котораго Пименовъ исполнялъ статуи, но не успѣлъ ихъ окончить за смертію и работу отца исполнилъ 12-ти-лѣтній его сынъ Ник. Ст. Пименовъ, имя котораго пользовалось еще болѣе громкою славою, и не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго года почитатели его таланта и ученики поставили ему памятникъ на Смоленскомъ кладбище.

И. Божеряновъ.

королевы имѣютъ для него болѣе сильное обаяніе, нежели потребность увеличить свое могущество.

— На все свое время, продолжалъ де-Лételлье, подождите только, чтобы Карлъ VIII вспомнилъ въ одинъ прекрасный день, что король Рене, отецъ нашей гостепріимной хозяйки, графини Жоланты, былъ законный наслѣдникъ Неаполя, и тогда снова наступитъ пора для рыцарскихъ подвиговъ.

Рыцарь Баярдъ.

— Давай Богъ! замѣтилъ со вздохомъ Баярдъ, потому что мнѣ не легко будетъ научиться пѣснопѣнію, и я убѣжденъ, что всегда останусь жалкимъ риѳмоплетомъ. Мы всѣ учимся съ ранней молодости владѣть оружіемъ, и между служителями музъ есть не мало храбрыхъ людей, но не всякому дано сочинять художественные стихи, а плохой поэтъ играетъ слишкомъ жалкую роль...

Если бы Баярдъ могъ слышать разговоръ, который въ это время происходилъ между королемъ и Марилльякомъ, то онъ убѣдился бы въ справедливости словъ де-Летеллье.

Мариллькъ много путешествовалъ по свѣту; онъ представлялъ собой образецъ странствующаго пѣвца въ широкомъ значеніи этого слова; при всѣхъ дворахъ Европы онъ пользовался особенной милостью, чему отчасти способствовало его необыкновенное умѣніе примѣняться къ обстоятельствамъ. Въ данный моментъ, находясь въ присутствіи своего короля и властелина, онъ откровенно высказалъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ коронованныхъ особахъ. Карлъ съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ остроумнаго Мариллька, когда этотъ началъ разсказъ о нѣмецкомъ императорѣ Максимиліанѣ, который, по его словамъ, не только покровительствовалъ поэзіи, но и самъ сочинялъ стихи.

— Имѣете ли вы о нихъ какое нибудь понятіе? спросилъ король съ насмѣшливой улыбкой.

— Его римско-германское величество, отвѣтилъ Мариллькъ, самъ изволилъ мнѣ читать одно изъ своихъ произведеній; я едва не заснулъ, слушая ихъ. Дѣло шло о восхваленіи двухъ королей: «Weisskunig» (бѣлаго короля) и «Theuerdank» (благомыслящаго); первый долженъ былъ означать отца его германскаго величества, второй — самого императора. Но кто не имѣлъ счастья слышать это образцовое произведеніе, тотъ не можетъ составить себѣ понятія, сколько въ немъ напыщенности и преувеличенія!

— Вполнѣ вѣрю вамъ, возразилъ со смѣхомъ Карлъ; но я постараюсь найти стихи императора восхитительными, потому что скоро наступитъ время, когда его дружба будетъ имѣть для меня большое значеніе. Марія Бургундская была причиной нашей ссоры, но я надѣюсь, что Біанка Сфорца сблизитъ насъ, потому что ея братъ, Лодовико Моро, желаетъ сдѣлаться нашимъ союзникомъ. Вѣроятно, это доставитъ намъ удобный поводъ вмѣшаться въ дѣла Италіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявить наши права на неаполитанскій престолъ. Вы, кажется, недавно были въ Италіи; разскажите, какъ тамъ идутъ дѣла?

— Насколько я могъ видѣть и слышать, во всей Италіи господствуетъ броженіе. Но среди общей безурядицы, въ особенно непривлекательныхъ краскахъ выдвигается личность старшаго сына его святѣйшества; я убѣжденъ, что въ непродолжительномъ времени имя Чезаре Борджіа будетъ внушать ужасъ на всемъ полуостровѣ. Вашему величеству извѣстно, что герцогъ миланскій недавно породнился съ Медичисами, и, вѣроятно, вы ничего не имѣете противъ этого союза?

Король кивнулъ головой въ знакъ согласія. — Какъ вы думаете, спросилъ онъ неожиданно, какой пріемъ будетъ оказанъ нашимъ войскамъ въ Италіи?

Этотъ вопросъ смутилъ Мариллька, но онъ тотчасъ овладѣлъ собой и отвѣтилъ уклончиво:

— Французскія войска вездѣ съумѣютъ внушить къ себѣ уваженіе...

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, воскликнулъ король, потому что нигдѣ нѣтъ такой дисциплины, какъ у насъ! Въ Италіи принятъ самый жалкій способъ веденія войны! Національныя войска рѣдко бываютъ въ бою; обыкновенно, правители и города составляютъ военную силу съ помощью найма, и какъ веденіе самой войны, такъ вооруженіе и плата жалованья предоставляется лицу, съ которымъ заключаютъ контрактъ. Сыновья многихъ знатныхъ дворянскихъ фамилій играютъ роль подобныхъ поставщиковъ войска; они берутъ подряды на извѣстныя войны, и ведутъ ихъ съ помощью армій, не знающихъ ни городовъ, ни правителей, за которыхъ имъ приходится сражаться. Большинство этихъ наемныхъ солдатъ представляютъ сборище бродягъ изъ всевозможныхъ странъ. Если дѣло доходитъ до настоящей битвы, то они въ безпорядкѣ напираютъ другъ на друга, съ обѣихъ сторонъ, съ единственной цѣлью обратить непріятеля въ бѣгство. Затѣмъ, они стараются захватить возможно большее количество плѣнныхъ, отбираютъ у нихъ лошадей и оружіе и отпускаютъ на всѣ четыре стороны. Въ виду этого, можно себѣ легло представить, какой страхъ нагнали бы тамъ наши войска, при ихъ обыкновеніи убивать тѣхъ, которые не хотятъ добровольно покориться имъ. Способъ, какимъ бьются наши наемники швейцарцы, стоя, какъ стѣны, замкнутыми баталіонами, показался бы совершенно новымъ въ Италіи и привелъ бы въ трепетъ ихъ жалкія войска. Но еще бóльшій эффектъ произвела бы наша артиллерія. Вмѣсто ихъ каменныхъ пуль, бросаемыхъ изъ огромныхъ желѣзныхъ трубъ, у насъ летятъ желѣзныя пули изъ бронзовыхъ орудій; мы перевозимъ ихъ не въ тяжелыхъ повозкахъ и не на быкахъ, а на легкихъ лафетахъ, запряженныхъ лошадьми, и къ нимъ приставлены опытные и умѣлые люди. Клянусь честью, я съ удовольствіемъ представилъ бы когда нибудь этому изнѣженному народу образчикъ настоящаго способа веденія войны...

Этими словами король кончилъ свой разговоръ съ Марилльякомъ.

Впрочемъ, молодому рыцарю Баярду нечего было завидовать поэтамъ относительно благосклонности прекраснаго пола. Многія дамы, и въ томъ числѣ Клотильда де-Лиможъ, поговоривъ нѣкоторое время съ служителями музъ, обратили все свое вниманіе на красиваго и храбраго рыцаря, потому что изъ всѣхъ качествъ сила и мужество всего больше цѣнятся въ мужчинѣ. Это особенно было замѣтно въ тотъ моментъ, когда король предложилъ всѣмъ участникамъ праздника отправиться на прогулку къ близь лежащимъ развалинамъ изъ временъ римскаго владычества въ Галліи, которыя были окружены дикими скалами и непроходимымъ лѣсомъ. Баярдъ могъ предложить себя въ спутники любой изъ дамъ и каждая сочла бы

это для себя величайшимъ счастьемъ; но онъ, слѣдуя рыцарскимъ правиламъ вѣжливости, предложилъ свои услуги Клотильдѣ де-Ліможъ. Молодая дѣвушка, польщенная этимъ предпочтеніемъ, предалась сладкой надеждѣ, что храбрый рыцарь избралъ ее своей дамой, не только на то время, пока продолжается праздникъ, но что она навсегда пріобрѣла его сердце.

Радостныя мечты о блестящей будущности туманили ей голову; она медленно шла подъ руку съ героемъ, внимательно прислушиваясь къ его словамъ. Хотя разговоръ ихъ не представлялъ ничего особеннаго, но они были настолько поглощены имъ, что только тогда замѣтили, что отстали отъ другихъ, когда дорога стала круто подниматься къ развалинамъ среди кустарника и массивныхъ каменныхъ глыбъ. Баярдъ разсказывалъ о своихъ охотничьихъ приключеніяхъ, о которыхъ напомнила ему дикая, окружавшая ихъ мѣстность, съ ея широкими долинами и причудливыми вершинами скалъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, вѣроятно скрывавшимъ много дичи.

Клотильда съ живымъ интересомъ слѣдила за его разсказомъ, хотя оглядывалась время отъ времени, чтобы не потерять изъ виду остальнаго общества. Вдругъ она громко вскрикнула и упала безъ чувствъ на руки своего спутника. Баярдъ въ первую минуту не могъ понять причины ея испуга, но, повернувъ голову, увидѣлъ огромнаго медвѣдя, который выглядывалъ изъ-за скалы своими свирѣпыми, налитыми кровью, глазами. Густой кустарникъ отдѣлялъ скалу отъ дороги, такъ что, быть можетъ, звѣрь спокойно остался бы на мѣстѣ, еслибы его не потревожилъ внезапный крикъ дѣвушки. Рыцарю ничего не оставалось, какъ немедленно напасть на чудовище. Онъ прислонилъ свою даму, лежавшую въ обморокѣ, къ стволу ближайшаго дерева и сталъ пробираться сквозь кустарникъ. Медвѣдь, почуявъ приближеніе врага, поднялся на заднія лапы и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу смѣлому человѣку. У Баярда не было другаго оружія, кромѣ шпаги, для защиты отъ ожидавшихъ его объятій; онъ хладнокровно подошелъ къ звѣрю и внезапно вонзилъ ему въ грудь острый клинокъ до самой рукоятки. Раненый медвѣдь съ храпомъ повалился на землю въ предсмертныхъ судорогахъ.

Рыцарь вытащилъ свою шпагу изъ раны, изъ которой хлынулъ цѣлый потокъ крови, и тѣмъ же спокойнымъ шагомъ вернулся къ своей дамѣ. Клотильда въ это время пришла въ себя и видѣла конецъ приключенія. Она бросила на смѣлаго рыцаря взглядъ, исполненный восторженной благодарности, когда онъ, вычистивъ травой свою окровавленную шпагу, молча подалъ ей руку, чтобы довести до остальнаго общества, которое дошло до развалинъ и удивлялось долгому отсутствію отставшей пары. Когда они явились, то обрызганная кровью одежда рыцаря и разстроенный видъ молодой дѣ-

вушки возбудили общее любопытство и послужили поводомъ къ различнымъ вопросамъ и догадкамъ. Баярдъ предоставилъ своей дамѣ сообщить о приключеніи; она сдѣлала это въ самомъ преувеличенномъ видѣ и, называя храбраго рыцаря своимъ спасителемъ' разсыпалась въ выраженіяхъ благодарности.

Баярдъ замѣтилъ, что здѣсь не можетъ быть рѣчи объ опасности и спасеніи, потому что медвѣдь врядъ ли рѣшился бы самъ напасть на нихъ, и что при какихъ бы то ни было условіяхъ его шпага можетъ считаться достаточнымъ ручательствомъ противъ всякихъ случайностей. — Во всемъ этомъ приключеніи, добавилъ онъ, меня собственно поразило то обстоятельство, что мадемуазель де-Лиможъ упала въ обморокъ!

Тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова, глубоко огорчилъ бѣдную Клотильду, потому что сразу разрушилъ всѣ ея надежды. Баярдъ, который по справедливости заслужилъ отъ своихъ современниковъ названіе «рыцаря безъ страха и упрека», былъ въ высшей степени щекотливъ во всемъ, что касалось его мужской чести. Онъ не могъ простить женщинѣ, которая могла испугаться чего либо въ его присутствіи, и Клотильда поняла, что выказала этимъ недостатокъ довѣрія къ его рыцарской храбрости. Идя подъ руку съ Баярдомъ, она не имѣла никакого повода упасть въ обмарокъ отъ страха, и это былъ едва ли не единственный пунктъ, гдѣ она могла нанести ему кровное оскорбленіе.

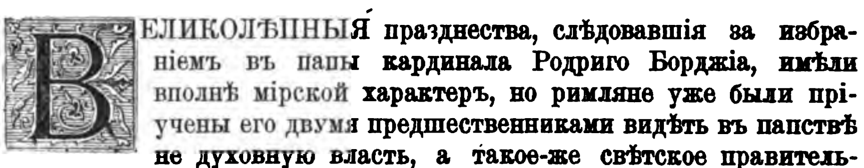
Такимъ образомъ, Клотильда, по собственной винѣ, упустила единственный представившейся ей случай навсегда привязать къ себѣ сердце рыцаря. Хотя Баярдъ безупречно исполнялъ по отношенію къ ней обязанность вѣжливаго кавалера во время пира, устроеннаго послѣ прогулки; но въ его обращеніи было столько холодной сдержанности, что бѣдная дѣвушка окончательно убѣдилась, что навсегда утратила его расположеніе.

Вечеръ прошелъ въ танцахъ и разнообразныхъ играхъ, которыя продолжались до поздней ночи. На слѣдующее утро все общество отправилось обратно въ замокъ Водемонъ, гдѣ, вслѣдъ за тѣмъ, королевская чета милостиво простилась съ гостепріимными хозяевами и уѣхала въ сопровожденіи своей свиты.

Клотильда де-Лиможъ вернулась въ замокъ своего отца съ тяжелымъ сознаніемъ, что еслибы она сохранила присутствіе духа при видѣ медвѣдя, то могла бы сдѣлаться невѣстой самаго храбраго французскаго рыцаря.

ГЛАВА XI.

Саванарола на высотѣ своего могущества.



Великолѣпныя празднества, слѣдовавшія за избраніемъ въ папы кардинала Родриго Борджіа, имѣли вполнѣ мірской характеръ, но римляне уже были пріучены его двумя предшественниками видѣть въ папствѣ не духовную власть, а такое-же свѣтское правительство, какъ въ другихъ государствахъ. При этомъ, переговоры между кардиналомъ Родриго Борджіа и его избирателями велись настолько гласно, что ни у кого не могло остаться ни малѣйшаго сомнѣнія относительно личныхъ свойствъ новаго главы римской церкви. У палаццо вновь избраннаго папы устроена была большая тріумфальная арка, по образцу арки Октавія близь Коллизея, съ великолѣпнымъ карнизомъ изъ роговъ изобилія и гирляндъ и разноцвѣтныхъ, отчасти позолоченныхъ рельефовъ. Къ аркѣ была привѣшена доска съ надписью. У второй арки въ двѣнадцати нишахъ стояли молодыя дѣвушки, изображавшія различныхъ символическихъ лицъ: харитъ (граціи), Викторію, Европу (Юнону), Рому (олицетвореніе Рима) и пр.

Вообще, въ тѣ времена, зелень, особенно въ формѣ гирляндъ, примѣнялась въ большомъ количествѣ во всѣхъ праздничныхъ декораціяхъ. Тріумфальныя арки приняли характеръ великолѣпныхъ пестро расписанныхъ построекъ, украшенныхъ лентами, на которыхъ висѣли дощечки съ надписями; статуи были замѣнены живыми людьми въ богатыхъ костюмахъ и съ аттрибутами миѳологическихъ, изображаемыхъ ими, лицъ. Въ каждомъ домѣ былъ готовый запасъ ковровъ для развѣшиванія на окнахъ въ торжественныхъ случаяхъ. Равнымъ образомъ, вмѣсто сукна, которое рас-

тилалось вдоль длинныхъ улицъ и обширныхъ площадей, нерѣдко протягивали красивый узорчатый коверъ.

Давно исчезли послѣдніе остатки римской свободы. Папы ревностно старались принудить къ покорности дворянство сосѣднихъ провинцій. Ожесточеніе, съ какимъ Сикстъ IV преслѣдовалъ всѣхъ Колонна, а Инокентій VIII—Орсини, настолько ослабило эти двѣ могущественныя фамиліи, что они сами начали искать защиты въ покровительствѣ святаго престола. При тѣхъ-же условіяхъ находились и другія государарства Италіи, такъ что можно сказать безъ преувеличенія, что папа Александръ IV былъ всемогущъ не только въ качествѣ главы христіанскаго міра, но и свѣтскаго государя. Только этимъ можно объяснить себѣ то явленіе, что женщина изъ благороднаго дома Фарневе, — фамильный палаццо котораго до сихъ поръ по строго выполненному стилю считается образцовымъ произведеніемъ эпохи Возрожденія, — могла открыто сдѣлаться любовницей папы.

Въ тѣ времена, болѣе чѣмъ половина Европы находилась въ полной духовной зависимости отъ святаго престола, со всѣхъ сторонъ въ Римъ стекались пожертвованія; и отсюда ждали повеленій въ боѣе важныхъ дѣлахъ. Кардиналы назначались изъ знатнѣйшихъ фамилій Италіи; это были большею частью молодые воинственные люди, въ порѣ наибольшаго разгара страстей. Кардиналъ Асканіо Сфорца употребилъ огромныя суммы денегъ, въ надеждѣ быть избраннымъ въ папы послѣ смерти Иннокентія VIII. Тоже сдѣлалъ и кардиналъ Ровере. Но еще болѣе богатый Родриго Борджіа одержалъ верхъ надъ всѣми своими соперниками.

Вскорѣ послѣ свадьбы Лодовико Моро, заключенъ былъ дружественный союзъ итальянскихъ государей, которые въ доказательство своего единодушія рѣшились отправить сообща посольство къ новому папѣ. Планъ этого союза былъ составленъ герцогомъ миланскимъ, подъ вліяніемъ чувствъ глубокаго внутренняго счастья, которымъ было переполнено его сердце. Онъ надѣялся съ помощью тѣсной дружбы съ итальянскими правителями установить прочный и продолжительный миръ; но его похвальныя намѣренія встрѣтили неожиданное препятствіе въ ребяческомъ тщеславіи Пьетро Медичи. Послѣдній былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что его назначили представителемъ республики въ предполагаемомъ посольствѣ, между тѣмъ какъ его друзья: Лодовико Моро и неаполитанскій король, не участвовали лично въ посольствѣ и намѣревались послать вмѣсто себя дворянъ въ качествѣ своихъ представителей.

Пьетро и его мать были глубоко оскорблены этимъ распоряженіемъ, тѣмъ болѣе, что должны были молча покориться ему, такъ какъ сынъ и наслѣдникъ Лоренцо не былъ оффиціально признанъ властелиномъ Флоренціи. Пьетро рѣшилъ въ настоящемъ тор-

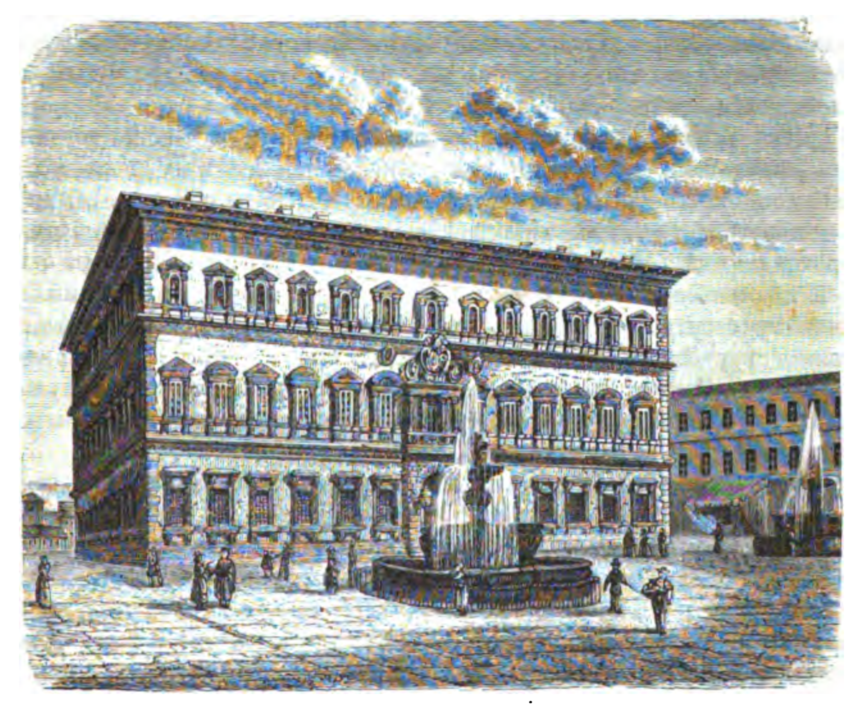
жественномъ случаѣ настолько превзойти остальныхъ посланниковъ роскошью и внѣшнимъ блескомъ, чтобы этимъ различіемъ обратить на себя общее вниманіе. Онъ хотѣлъ ослѣпить римлянъ великолѣпіемъ экипажей и ливрей, всѣми своими сокровищами и массой драгоцѣнныхъ камней, собранныхъ его отцомъ. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ дворецъ Медичи былъ переполненъ портными, золотошвейными мастерами и декораторами; не только платье самого Медичи, но одежды пажей и оруженосцевъ были покрыты драгоцѣнными камнями; разсказывали, что одно ожерелье перваго камердинера стоило около двухъ сотъ тысячъ дукатовъ.

Но Пьетро Медичи не довольствовался этимъ и требовалъ чтобы ему было предоставлено говорить отъ имени посольства, хотя зналъ, что первое мѣсто принадлежало по праву представителю неаполитанскаго короля. По этому поводу начались переговоры, которые повели къ такимъ непріятнымъ объясненіямъ, что Лодовико Сфорца долженъ былъ отказаться отъ задуманнаго имъ плана, чтобы не поссориться съ своимъ новымъ союзникомъ.

Само собою разумѣется, что подобные случаи не способствовали популярности дома Медичи, и жители Флоренціи уже не разъ открыто высказывали свое нерасположеніе къ сыну Лоренцо.

Еслибы Пьетро не былъ въ такой степени проникнутъ гордымъ сознаніемъ своего мнимаго могущества, то онъ употребилъ бы всѣ усилія, чтобы удалить изъ Флоренціи человѣка, который пріобрѣталъ все большее вліяніе на общественное мнѣніе. Этотъ человѣкъ былъ доминиканецъ Джироламо Саванарола; его проповѣди мало по малу сдѣлались настолько популярны, что не проходило дня, чтобы въ самомъ городѣ или въ окрестностяхъ, вокругъ него не собиралась многочисленная толпа. Публику особенно привлекали предсказанія, которыя онъ дѣлалъ въ своихъ проповѣдяхъ, чѣмъ непосредственно дѣйствовалъ на воображеніе слушателей. Онъ преимущественно выбиралъ темой величественныя картины изъ Откровенія Іоанна и добавлялъ ихъ объясненіями, смыслъ которыхъ былъ вполнѣ доступенъ народу. Римъ, который по его словамъ былъ средоточіемъ разврата, постоянно давалъ ему обильную пищу для обличеній, но онъ предсказывалъ не менѣе строгую кару флорентинцамъ, если они не измѣнятъ свой образъ жизни. Онъ пророчилъ близкое паденіе государства; и такъ какъ при этомъ онъ всегда говорилъ во имя христіанской религіи, приглашая слушателей къ исправленію и покаянію, то всегда находилъ плодотворную почву для своего ученія. Нерѣдко онъ изображалъ яркими красками картины общаго упадка нравовъ, чрезмѣрной роскоши, безнравственности всѣхъ сословій и неумолимо возставалъ противъ всякаго рода расточительности. Его слушатели невольно чувствовали, что онъ чуждъ какихъ либо личныхъ разсчетовъ и только стремленіе къ истинѣ руководитъ имъ. Онъ ука-

зывалъ имъ на безпорядки въ церковныхъ дѣлахъ, пороки священнослужителей, на полное разстройство государства и тиранію властелиновъ и съ увлеченіемъ говорилъ объ учрежденіи божьяго града на землѣ и благодати, какая снизойдетъ на людей, если они вернутся къ прежней простотѣ нравовъ и истинной религіи. Слова проповѣдника тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на толпу, что въ своей личной жизни онъ отличался крайней умѣренностью и аскетизмомъ. Пользуясь своимъ саномъ настоятеля Санъ-Марко, онъ ввелъ строжайшія правила въ монастырѣ, внимательно слѣдилъ



Палацдо Фарнезе въ Римѣ.

за выполненіемъ ихъ и, такимъ образомъ, сдѣлалъ первую попытку осуществить ту реформу, о которой говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ. Равнымъ образомъ, онъ ратовалъ противъ всякихъ нововведеній въ монастырской жизни, доказывая монахамъ, что они должны твердо придерживаться древнихъ уставовъ св. отцовъ, которые были мудрѣе и благочестивѣе ихъ.

Народъ, видя съ какой строгостью и самоотреченіемъ дѣйствовать Саванарола въ дѣлахъ, близко касавшихся его, признавалъ за нимъ законное право судить о дѣлахъ церкви и государства. Жители Флоренціи, желая показать, что они сочувствуютъ реформѣ, о ко-

торой говорилъ Саванарола, стали соблюдать большую простоту въ одеждѣ, сдѣлались скромнѣе въ рѣчахъ и обращеніи; женщины бросили свои наряды, такъ что во всемъ городѣ мало по малу произошла замѣтная перемѣна. Можно было заранѣе предвидѣть, что если проповѣди Саванорольі могли оказать такое дѣйствіе на общественные нравы, то они будутъ имѣть не меньшее вліяніе въ политическомъ отношеніи. Всѣмъ было извѣстно, что взглядъ Саванароды на государственное устройство представляетъ полнѣйшую противоположность съ существующими порядками. Въ этомъ отношеніи онъ впалъ въ такую-же крайность, какъ и его противники въ обратномъ направленіи. Безпредѣльный эгоизмъ, согласно ученію Саванороды, долженъ былъ уступить мѣсто великому братскому объединенію людей; обитатели дворцовъ должны были слиться съ народомъ и имѣть общіе интересы съ нимъ.

Духъ времени выражался въ самомъ способѣ постройки тогдашнихъ итальянскихъ палаццо. Фасадъ былъ обращенъ на дворъ, который составлялъ центръ строенія. Это было четырехъ-угольное замкнутое пространство, гдѣ во всѣ часы дня господствовала пріятная прохлада; здѣсь же находился колодезь и были разставлены статуи въ наиболѣе выгодномъ освѣщеніи. Съ улицы палаццо имѣли видъ мрачныхъ неприступныхъ зданій и дѣйствительно представляли всѣ удобства для защиты обитателей, въ случаѣ внезапнаго нападенія. Но эти массы камня, темныя и однообразныя снаружи, были окружены со стороны двора легкими открытыми колоннадами, которыя придавали имъ совсѣмъ иной характеръ.

При той-же безопасности здѣсь можно было оставаться подъ открытымъ небомъ. Кругомъ были расположены жилища слугъ и приверженцевъ владѣльца палаццо. Узкіе переходы между домами на ночь закрывались цѣпями. Такимъ образомъ, у каждаго магната въ городѣ былъ какъ бы свой городъ, болѣе или менѣе многочисленный дворъ и своя церковь; въ его распоряженіи были солдаты, дворяне, художники и ученые. Между этими мелкими дворами и папскимъ дворомъ въ самомъ Римѣ происходили постоянныя интриги и господствовала открытая или затаенная вражда.

На этомъ обстоятельствѣ Сиванарола основывалъ отчасти свои предсказанія о скоромъ паденіи государства.

Само собой разумѣется, что огромное значеніе, какое пріобрѣлъ Сананарола своими проповѣдями во всей Италіи, было извѣстно его семьѣ. Но молва распространяла о немъ такіе разнообразные и противорѣчивые слухи, что его отецъ долго не понималъ смыслъ того общественнаго движенія, во главѣ котораго стоялъ Джироламо. Семья въ присутствіи старика старалась какъ можно меньше говорить что либо въ защиту или въ порицаніе знаменитаго проповѣдника. Неожиданное поступленіе Джираламо въ монастырь было кровнымъ оскорбленіемъ для старика, тѣмъ болѣе, что его млад-

шій сынъ, Марко Аврелій, также сдѣлался монахомъ противъ его воли.

Наконецъ, отецъ Джироламо умеръ; дочери его одна за другой вышли замужъ, кромѣ самой младшей, Беатриче, которая жила вмѣстѣ съ матерью въ Фераррѣ. Уединенная жизнь вдовы и ея незамужней дочери не представляла никакого разнообразія, такъ что мало по малу, сообразно духу того времени, чуть ли не единственнымъ интересомъ ихъ жизни стало ежедневное хожденіе къ обѣдни и точное исполненіе всѣхъ церковныхъ предписаній. Но тутъ, среди окружавшаго ихъ уединенія, какъ чуждый отголосокъ изъ другаго міра, до нихъ дошло извѣстіе, что Джироламо въ своихъ проповѣдяхъ открыто заявляетъ свои реформаторскія стремленія. Онѣ слышали о силѣ его краснорѣчія и узнали теперь, что онъ пользуется своимъ могуществомъ для борьбы съ папой и правительствомъ.

Мать Джироламо, Анна Саванорола Буонакорси, была умная и образованная женщина, но считала религіозную форму неприкосновенной и никогда не позволила бы себѣ произнести слово осужденія противъ главы христіанства. Она держалась того взгляда, что слѣдуетъ искать помощи въ молитвѣ и самобичеваніи, но, что человѣкъ не имѣетъ права бороться съ общественнымъ зломъ. Поэтому, ее сильно встревожило извѣстіе, что ея сынъ называетъ святаго отца Люциферомъ, демономъ высокомѣрія и что онъ упорно ратуетъ въ своихъ проповѣдяхъ противъ злоупотребленій, вкоренившихся въ церкви.

Младшая сестра Джироламо была ребенкомъ, когда ея братъ оставилъ родительскій домъ; и она слишкомъ мало знала его, чтобы живо интероваться имъ, такъ что огорченная мать не могла найти съ этой стороны утѣшенія или поддержки. Беатриче была въ томъ возрастѣ, когда блекнутъ надежды юности и мечтательность уступаетъ мѣсто ожесточенію. Если бы знаменитый проповѣдникъ прославился святостью и относился съ уваженіемъ къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, то она гордилась бы имъ и, быть можетъ, нашла бы въ этомъ чувствѣ выполненіе ея личныхъ неудавшихся стремленій. Но теперь она сердилась на своего брата и осуждала его строже другихъ; и такъ какъ многіе относились къ нему съ порицаніемъ, то ея тщеславіе было оскорблено, и въ то же время онъ не былъ настолько близокъ къ ней, чтобы она могла безусловно увѣровать въ правоту его дѣла. Къ этому примѣшивалось еще то обстоятельство, что въ Фераррѣ придворная партія стояла тогда на сторонѣ папы.

Между тѣмъ, несчастная мать испытывала тяжелое чувство раздвоенія. Въ глубинѣ души она оправдывала своего сына, но не смѣла произнести его имени, чтобы не слышать новыхъ обвиненій, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Она не могла составить самостоятельнаго сужденія о дѣятельности Джироламо, такъ

какъ не слышала ни одной его проповѣди, и должна была руководствоваться отзывами постороннихъ людей; поэтому у ней не было никакихъ данныхъ, чтобы защищать его. Нерѣдко она задавала себѣ одинъ и тотъ же мучительный вопросъ, почему, несмотря на всѣ обвиненія, она все-таки остается на его сторонѣ. Между тѣмъ, причина этого заключалась въ кроткой всепрощающей любви матери, которая не въ состояніи оттолкнуть виновнаго сына, а тѣмъ болѣе въ подобномъ случаѣ, когда еще оставалось подъ сомнѣніемъ: дѣйствительно ли то, въ чемъ обвиняютъ его, составляетъ преступленіе въ глазахъ Всевышняго или величайшую добродѣтель.

Такимъ образомъ, ей пришлось пережить рядъ тяжелыхъ испытаній. Ея духовникъ, которому она въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ повѣряла всѣ свои душевныя сомнѣнія, выразилъ однажды удивленіе, почему она никогда не говоритъ съ нимъ о своемъ сынѣ Джироламо. При этомъ патеръ добавилъ, что считаетъ особенно важнымъ узнать ея душевное состояніе относительно даннаго вопроса, чтобы имѣть возможность высказать ей свое мнѣніе и дать добрый совѣтъ. Анна выслушала эти слова съ внутреннимъ содроганіемъ, такъ какъ не ожидала добра отъ предстоящей бесѣды. Ея бѣдное материнское сердце сжималось при мысли, что, быть можетъ, ее заставятъ предать проклятію сына.

Но она была избавлена отъ этого новаго мученія. Ея духовный наставникъ, патеръ Евсевій, осторожно приступилъ къ дѣлу; онъ началъ съ того, что отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о необыкновенномъ умѣ Джироламо и заговорилъ о пользѣ, какую подобный человѣкъ можетъ принести церкви.

— Но для этого, продолжалъ патеръ, необходимо смиреніе, потому что каждый смертный въ отдѣльности можетъ достигнуть завѣтной цѣли только въ томъ случаѣ, если сознаетъ все свое ничтожество. Вашъ сынъ, по милости Божьей, обладаетъ даромъ направлять сердца людей по своему усмотрѣнію; но весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы онъ не злоупотреблялъ своимъ талантомъ для собственной гибели. Искуситель рода человѣческаго пользуется всякимъ случаемъ, чтобы посѣять сѣмена самообольщенія, потому что его главная задача — склонить къ себѣ души людей. Я не обвиняю вашего сына, но жалѣю объ его участи, если онъ настолько ослѣпленъ, что ставитъ милость народа выше мира съ Богомъ и церковью. Кто выступилъ на стезю высокоумія и надменности, тотъ рано или поздно попадетъ въ сѣти лукаваго, и его наградой будетъ вѣчный огонь, то невыразимое мученіе, которое заставляетъ души проклинать виновниковъ своего существованія. Остается только пожелать, чтобы вашъ сынъ позналъ во-время, гдѣ истинный путь, и вернулся къ нему, такъ какъ онъ стоитъ на краю пропасти...

Еслибы патеръ разразился проклятіями и сталъ читать нравоученія, то его слова далеко не произвели бы такого глубокаго впечатлѣнія на встревоженную мать, какъ теперь, когда онъ видимо щадилъ ее и старался быть умѣреннымъ въ своихъ выраженіяхъ.

Бѣдная женщина сначала облегчила свое стѣсненное серце потокомъ слезъ, затѣмъ начала извиняться, что только теперь рѣшается высказать горе, которое давно гнететъ ее. Она умоляла патера помочь ей добрымъ совѣтомъ и научить какимъ образомъ спасти душу Джироламо, если дѣйствительно избранный имъ путь ведетъ къ гибели.

— Успокойтесь и не теряйте надежды! возразилъ патеръ, бросивъ на свою собесѣдницу взглядъ исполненный трогательнаго участія. — Господь по своему милосердію можетъ обратить на стезю добродѣтели самаго ожесточеннаго злодѣя, а тѣмъ болѣе человѣка, который вслѣдствіе ослѣпленія совратился съ истиннаго пути. Мы даже не знаемъ дѣйствительно ли это случилось! Все дѣло заключается въ томъ, чтобы онъ опомнился или, вѣрнѣе сказать, чтобы Господь пробудилъ бы въ немъ сознаніе. Благо тому, кого изберетъ небо для этой цѣли. Спасеніе души отъ вѣчной гибели составляетъ главную задачу, къ которой мы должны стремиться на землѣ. Уже тò заслуга, если мы достигаемъ этого молитвой и покаяніемъ; но кто обратитъ грѣшника на путь истины, тотъ окажетъ ему величайшее благодѣяніе и въ то же время высшій подвигъ, какой вообще можетъ совершить христіанинъ...

Огорченная мать съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за словами своего духовника. Она ясно видѣла, что по мнѣнію патера душа ея сына въ опасности, хотя онъ не говорилъ какого рода была эта опасность и въ чемъ состояло спасеніе.

Но ей не долго пришлось ждать объясненія:

— Мы не можемъ дать лучшаго имени нашей церкви, продолжалъ патеръ, — какъ назвавъ ее нашей матерью; развѣ она не мать нашего Спасителя, источникъ милосердія, воплощеніе всего высшаго, что только можетъ себѣ представить человѣкъ? Но что мы скажемъ о той матери, которая, родивъ сына, спасаетъ его отъ вѣчной гибели и вторично даетъ ему жизнь въ высшемъ значеніи этого слова? Развѣ это не лучшій и самый достойный зависти удѣлъ, какой только существуетъ на землѣ! Кто не позавидуетъ матери, которой суждено обратить на путь истины блуднаго сына и дать ему надежду заслужить вновь утраченное блаженство!

Съ этими словами патеръ опять многозначительно посмотрѣлъ на мать Джироламо и простился съ ней съ обычнымъ благословеніемъ.

Анна поспѣшила домой. Въ душѣ ея произошла странная перемѣна; глубокое, никогда не испытанное до сихъ поръ чувство безпокойства всецѣло охватило ее. Она напрасно старалась привести

себя въ нормальное расположеніе духа ревностнымъ исполненіемъ религіозныхъ предписаній, безъ устали перебирала четки, шептала молитвы, вставала ночью, чтобы подвергнуть себя бичеванію, но ничто не помогало. Наконецъ, у ней явилась неудержимая потребность переговорить съ дочерью.

Беатриче давно считала Джироламо погибшимъ человѣкомъ, такъ что слова патера были только подтвержденіемъ ея собственнаго мнѣнія. Поэтому, она дала имъ такое толкованіе, что патеръ несомнѣнно считаетъ прямой обязанностью матери указать сыну на ту пропасть, передъ которой онъ стоитъ, и что ей слѣдуетъ выполнить это богоугодное дѣло, несмотря ни на какія затрудненія и сердечныя страданія.

Ни мать, ни дочь не подозрѣвали, что патеръ дѣйствовалъ и говорилъ по непосредственному приказанію своего начальства.

Простой доминиканскій монахъ во Флоренціи начиналъ внушать серіозныя опасенія римскому двору, потому что во всеуслышаніе говорилъ языкомъ правды, безъ всякихъ прикрасъ, и безпощадно обличалъ всѣ погрѣшности церковнаго управленія. Онъ не только громилъ индульгенціи, впервые введенныя папой Іоанномъ XXIII, и продажное отпущеніе грѣховъ, которое съ тѣхъ поръ вошло въ обычай къ соблазну всѣхъ мыслящихъ людей, но смѣло проповѣдывалъ противъ постыднаго подкупа при раздачѣ духовныхъ должностей и въ особенности противъ свѣтскаго и безнравственнаго образа жизни главы христіанскаго міра. До сихъ поръ, папскій дворъ, чтобы не уронить своего достоинства, не обращалъ вниманія на обличенія ничтожнаго доминиканскаго монаха, но въ послѣднее время ему пришлось убѣдиться, что Джироламо Саванарола представляетъ собой силу, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя игнорировать. Нѣсколько разъ проповѣдникъ объявлялъ своимъ слушателямъ, что видѣлъ, какъ съ неба опускалась рука съ мечомъ, на которомъ была огненная надпись: «Изъ устъ же Его исходитъ острый мечъ и вскорѣ поразитъ землю!»

Мрачныя предсказанія Саванаролы были всего чаще обращены къ Флоренціи, которой онъ предвѣщалъ тяжелыя бѣдствія, приглашая жителей къ покаянію, чтобы опасность не застала ихъ неприготовленными.

Онъ видимо избралъ Флоренцію почвой для выполненія своихъ реформаторскихъ плановъ. Отсюда новый общественный строй долженъ былъ постепенно распространиться по всему міру.

Но въ то время, какъ угрозы Саванаролы непосредственно дѣйствовали на толпу и наполняли страхомъ невѣжественные умы, болѣе образованные и развитые люди относились къ нимъ скептически, считая ихъ пустыми разглагольствованіями. Тѣмъ не менѣе всѣ одинаково удивлялись замѣчательной твердости характера настоятеля монастыря Санъ-Марко, особенно съ того памятнаго для

всѣхъ дня, когда онъ отказалъ въ разрѣшеніи отъ грѣховъ умирающему Лоренцо. Знаменитый Пико де-Мирандола, который по своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ въ естественныхъ наукахъ считался чудомъ своего времени и совмѣщалъ въ себѣ талмудскую мудрость раввина съ греческой ученостью, — высоко цѣнилъ Саванаролу, и несмотря на свою дружбу съ Лоренцо Медичи, подробно описалъ послѣднюю встрѣчу этихъ двухъ замѣчательныхъ людей Италіи.

Вскорѣ произошло событіе, которое должно было служить какъ бы нагляднымъ подтвержденіемъ предсказаній Саванаролы и предоставило ему неограниченное господство надъ флорентинскимъ народомъ.

Вся Италія пришла въ трепетъ, когда разнеслась страшная вѣсть, что французскій король съ многочисленнымъ войскомъ перешелъ Альпы съ намѣреніемъ поработить итальянскіе народы своей власти.

Флорентинцы увидѣли въ этомъ событіи исполненіе пророчества Саванаролы. Сердца ихъ были переполнены скорбью въ виду предстоявшихъ бѣдствій, такъ какъ небесная кара должна была теперь неминуемо разразиться надъ ихъ родиной.

Между тѣмъ не только во Флоренціи, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Саванарола, но и во всей Италіи, и даже въ Европѣ, шли толки о томъ, что знаменитый доминиканскій монахъ предсказалъ заранѣе нашествіе французовъ. Изъ этого непосредственно выводили заключеніе, что онъ пророкъ, который ясно видитъ будущее, и что на его слова нужно смотрѣть, какъ на божественное откровеніе.

Въ тѣ времена намѣренно поддерживали суевѣріе толпы и старались извлекать пользу изъ мнимыхъ чудесъ и необыкновенныхъ явленій. Поэтому, случайное совпаденіе иноземнаго нашествія съ предскезаніемъ о неизбѣжности такого событія, въ виду извѣстныхъ условій, должно было произвести сильное волненіе въ простомъ народѣ. До сихъ поръ церковь считала себя единственной посредницей между видимымъ и невидимымъ міромъ, но теперь смѣлый доминиканецъ открыто говорилъ о незаконности подобнаго притязанія и представилъ несомнѣнныя доказательства, что наступаетъ судъ Божій и положитъ предѣлъ высокомѣрію римской церкви. Народъ приходилъ въ ужасъ, но вѣрилъ, что мѣра небеснаго долготерпѣнія переполнилась и что скоро наступитъ день кары.

Саванарола обратилъ на себя вниманіе Рима, и папа въ первый разъ совѣтовался съ своими кардиналами о томъ, какія мѣры могутъ быть приняты противъ дерзкаго проповѣдника. Наведены были точныя справки объ его происхожденіи, семьѣ, личныхъ отношеніяхъ, послѣ чего рѣшено было, что нужно дѣйствовать съ возможной осторожностью и сдѣлать сначала попытку отвлечь реформатора отъ избраннаго имъ пути съ помощью убѣжденія. Если первый приступъ окажется удачнымъ и будетъ малѣйшая надежда обратить его популярность въ пользу церкви, то можно было бы

сдѣлать ему еще болѣе выгодныя предложенія и, принудивъ къ молчанію, достигнуть цѣли мирнымъ способомъ.

Сообразно съ этимъ рѣшеніемъ, патеру Евсевію дано было порученіе, чтобы онъ внушилъ матери Саванаролы, что ея прямая обязанность поговорить съ сыномъ и обратить его на путь истины, тѣмъ болѣе, что было извѣстно, что Джироламо въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими родными и дорожитъ ихъ привязаностью.

Благополучный исходъ переговоровъ ясно показываетъ, насколько патеръ ловко исполнилъ возложенную на него задачу. Мать Саванаролы, которая до этого вела слишкомъ уединенную жизнь, чтобы знать что либо о ходѣ политическихъ событій, пока они прямо не касались Феррары, рѣшилась ѣхать во Флоренцію, чтобы убѣдить сына отказаться отъ борьбы съ церковью и папой.

Само собою разумѣется, что Анна Саванарола послѣ своего перваго разговора съ патеромъ сообщила ему все, что такъ долго терзало ея сердце, и не разъ бесѣдовала съ нимъ относительно своей будущей поѣздки. Патеръ совѣтовалъ ей никому не говорить о своемъ рѣшеніи и осторожно приступить къ дѣлу; но при этомъ онъ доказывалъ ей необходимость скорѣйшаго выполненія задуманнаго предпріятія. Она не противорѣчила ему. Хотя только что начался январь и время года было не особенно удобно, чтобы пускаться въ путь, такъ какъ еще вездѣ лежалъ снѣгъ и природа имѣла мрачный и суровый видъ, но для материнскаго сердца не существуетъ внѣшнихъ препятствій, когда идетъ вопросъ о спасеніи дѣтей отъ неминуемой гибели.

Церковь достигла тогда наибольшаго могущества на землѣ, и страхъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, которымъ служители алтаря поддерживали свое вліяніе не только въ массѣ народа, но и въ высшихъ слояхъ общества. Стремленіе избѣгнуть мукъ ада послѣ смерти составляло предметъ серіозной заботы для всего христіанскаго міра; поэтому индульгенціи, заупокойныя обѣдни, благочестивыя пожертвованія на сооруженіе капеллъ, церквей и монастырей были въ полномъ ходу. Основой всего этого была вѣра въ непосредственное воздѣйствіе церкви на небесное правосудіе и боязнь божьяго суда, которая въ такой степени охватила всѣхъ вѣрующихъ, что даже самые просвѣщенные люди находились въ вѣчномъ и мучительномъ колебаніи между страхомъ и надеждой.

Путешествіе изъ Феррары во Флоренціи въ тѣ времена было не легкимъ предпріятіемъ для двухъ безпомощныхъ женщинъ, такъ какъ дороги не были безопасны и всюду шныряли бродяги и вооруженныя шайки разбойниковъ. Единственный большой городъ, черезъ который приходилось проѣзжать обѣимъ женщинамъ, была Болонья, гдѣ жили родственники Анны, и она намѣревалась посѣтить въ монастырѣ своего сына Марко Аврелія. Патеръ Евсе-

вій внушилъ ей, что она должна смотрѣть на свое путешествіе, какъ на богомолье, и поэтому избѣгать всякихъ сношеній съ людьми, не принадлежащими къ духовному званію. Онъ распредѣлилъ ея маршрутъ такимъ образомъ, чтобы она могла проводить ночи въ которомъ либо изъ женскихъ монастырей; и даже въ Болоньи, гдѣ ей дозволено было остаться цѣлый день для отдыха, она должна была остановиться у благочестивыхъ сестеръ.

Анна, по пріѣздѣ въ Болонью, воспользовалась случаемъ, чтобы увидѣться съ своимъ сыномъ Марко Авреліемъ, такъ какъ матерямъ монаховъ былъ свободный доступъ въ монастырь. Беатриче не могла быть допущена и должна была отказаться отъ свиданія съ братомъ. Въ доминиканскомъ монастырѣ не только Марко Аврелій, но и другіе монахи относились съ величайшимъ уваженіемъ къ своему прежнему товарищу Джироламо, такъ что сердце бѣдной матери исполнилось радостной надеждой. Здѣсь считали Джироламо божьимъ человѣкомъ, неутомимымъ борцомъ за чистоту христіанской церкви; и она съ гордостью слушала лестные отзывы о своемъ сынѣ.

Совершенно инаго мнѣнія были благочестивыя сестры, давшія ей пріютъ въ своемъ монастырѣ. Онѣ сожалѣли о ней и краснорѣчиво уговаривали ее отклонить сына отъ ложнаго пути, на который онъ вступилъ по своему безумному высокомѣрію. Патеръ Евсевій заранѣе позаботился о томъ, чтобы мать Джироламо на пути слышала сужденія, которыя согласовались бы съ его взглядами и окончательно убѣдили ее, что ея сынъ богоотступникъ и что его душа осуждена на вѣчную гибель, если онъ не искупитъ свои грѣхи полнымъ покаяніемъ. Но патеръ не могъ предвидѣть, что въ доминиканскомъ монастырѣ Болоньи онъ встрѣтитъ противодѣйствіе своимъ мѣрамъ предосторожности.

Однако, прежде чѣмъ обѣ женщины добрались до Флоренціи, онѣ могли видѣть по нѣкоторымъ признакамъ, что здѣсь совершилось нѣчто особенное, потому что на большой дорогѣ замѣтно было необычайное оживленіе. Имъ сообщили, что въ городѣ произошли разныя перемѣны и что жители съ нѣкотораго времени въ сильномъ волненіи.

Былъ уже поздній вечеръ, когда Анна съ дочерью пріѣхали во Флоренцію; и такъ какъ женскій монастырь, въ которомъ онѣ должны были остановиться по совѣту патера, былъ на другомъ концѣ города, то онѣ должны были переночевать въ ближайшей гостинницѣ.

Хотя обѣ женщины были слишкомъ утомлены отъ дороги, чтобы вступать въ разговоры, но тѣмъ не менѣе имъ пришлось выслушать длинный разсказъ хозяина гостинницы о послѣднихъ событіяхъ.

Извѣстіе, что французскій король перешелъ Альпы, возбудило оживленные толки во Флоренціи, потому что этотъ фактъ имѣлъ

непосредственное отношеніе къ двумъ людямъ, около которыхъ сгруппировались всѣ прежнія партіи. Если съ одной стороны появленіе Карла VIII въ Италіи было блестящимъ подтвержденіемъ предсказаній Джироламо Саванороллы, то съ другой это была тяжелая кара за тщеславіе Пьетро Медичи и нравственную зависимость отъ двухъ женщинъ изъ дома Орсини, которая придавала его характеру женственный нерѣшительный оттѣнокъ. Слишкомъ поздно долженъ онъ былъ прійти къ сознанію, что поступилъ бы несравненно благоразумнѣе, если бы энергически поддержалъ стремленія Лодовико Моро, вмѣсто того чтобы создавать ему рядъ препятствій своимъ нелѣпымъ тщеславіемъ. Этимъ онъ только побудилъ миланскаго герцога призвать въ страну чужеземнаго короля въ надеждѣ, что общее бѣдствіе неизбѣжно приведетъ къ тѣсному союзу государей и городовъ Италіи и скрѣпитъ ихъ взаимныя отношенія. Клара должна была убѣдиться, какъ нелѣпы были ея высокомѣрныя притязанія въ то время, когда ей казалось невыносимымъ, чтобы ея сынъ явился въ Римъ въ качествѣ посланника отъ республики, а не самостоятельнаго властелина. Теперь она впала въ другую крайность и требовала отъ своего сына, чтобы онъ безусловно послѣдовалъ политикѣ миланскаго герцога и объявилъ себя сторонникомъ французскаго короля.

Лодовико Моро, раздраженный неопредѣленнымъ положеніемъ дѣлъ, видя полную неудачу своей попытки образовать тѣсный союзъ отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, рѣшился утвердить себя на престолѣ съ помощью иностранныхъ державъ. Онъ искренно желалъ добра своей родинѣ, но его благородныя стремленія потерпѣли крушеніе, благодаря себялюбію и тщеславію людей, дружба которыхъ казалась ему вполнѣ обезпеченной. Такимъ образомъ, потерявъ всякую надежду достигнуть своей завѣтной цѣли мирнымъ путемъ, онъ остановился на мысли привлечь въ Италію общаго врага своей родины, чтобы разомъ покончить игру. Между тѣмъ, Карлъ VIII употребилъ всѣ усилія, чтобы сблизиться съ германскимъ императоромъ Максимиліаномъ, при посредствѣ его супруги, Біанки Сфорца, сестры Лодовико Моро, такъ что вскорѣ между обоими дворами произошелъ обмѣнъ дружественныхъ увѣреній. Вслѣдъ за тѣмъ, французскій король заключилъ союзъ съ Англіей и такимъ образомъ обезпечилъ себя со стороны обѣихъ великихъ державъ, прежде чѣмъ предпринялъ походъ въ Италію, чтобы заявить свои притязанія на неаполитанскій престолъ.

При дворѣ Пьетро Медичи жилъ тогда нѣкто Кардьеро, знаменитый импровизаторъ, превосходно игравшій на лютнѣ. Однажды утромъ, Кардьеро пришелъ блѣдный и разстроенный въ палаццо Медичи и, вызвавъ Микель Анджело, объявилъ съ таинственнымъ видомъ, что въ прошлую ночь къ нему явился Лоренцо Медичи въ черной изодранной одеждѣ и велѣлъ передать своему сыну

Пьетро, что онъ будетъ изгнанъ изъ своего дома и никогда больше не вернется въ него.

— Какъ вы думаете, что я долженъ дѣлать? спросилъ въ заключеніе Кардьеро.

Микель Анджело посовѣтовалъ ему исполнить въ точности повелѣніе умершаго властелина Флоренціи. Нѣсколько дней спустя, Кардьеро снова пришелъ къ художнику еще больше взволнованный, нежели въ первый разъ. Изъ его безсвязнаго разсказа можно было понять, что онъ не рѣшился говорить съ Пьетро, но въ прошлую ночь къ нему опять явился Лоренцо Медичи, вторично повторилъ тѣ же слова и, въ наказаніе за непослушаніе, сильно ударилъ его по лицу.

Микель Анджело началъ такъ настойчиво убѣждать Кардьеро въ необходимости выполнить таинственное порученіе, что этотъ немедленно отправился на виллу Кареджи, гдѣ тогда находился Пьетро Медичи.

Кардьеро не доѣхалъ до виллы, потому что встрѣтилъ по дорогѣ Пьетро, ѣхавшаго въ городъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, и, схвативъ поводья его лошади, умолялъ о дозволеніи сказать нѣсколько словъ. Затѣмъ, онъ сообщилъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ о странномъ видѣніи; но Пьетро Медичи поднялъ на-смѣхъ смущеннаго артиста; остальное общество послѣдовало его примѣру.

Микель Анджело придалъ несравненно большее значеніе разсказу Кардьеро, нежели молодой Медичи. Вѣра въ сверхъестественныя видѣнія и пророчества значительно усилилась въ послѣднее время, благодаря предсказаніямъ Саванаролы. Знаменія и чудеса сдѣлались обыденнымъ явленіемъ; на образахъ и статуяхъ стала просачиваться кровь. Однажды ночью, на небѣ увидѣли одновременно три солнца. Въ Ареццо, среди облаковъ, показались толпы сражающихся всадниковъ на гигантскихъ коняхъ и затѣмъ исчезли съ страшнымъ шумомъ. Очевидцы разсказывали по этому поводу, что незадолго до смерти Лоренцо Медичи раздался оглушительный ударъ грома на ясномъ небѣ и молнія ударила въ шпицъ собора, а львы, которыхъ городъ содержалъ на свой счетъ, внезапно растерзали другъ друга. Многіе вспомнили также о яркой звѣздѣ, которая виднѣлась надъ виллой Кареджи и внезапно потухла въ тотъ моментъ, когда душа оставила тѣло Лоренцо.

Клара Медичи старалась черезъ своихъ родственниковъ въ Римѣ заручиться обѣщаніемъ папы, что онъ поможетъ флорентинцамъ въ случаѣ опасности. Но Колонна, давніе враги Орсини, возмутили народъ и произвели такія смуты въ городѣ, что папа долженъ былъ отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Флоренціи. Неудача этого плана настолько смутила Медичисовъ, что Пьетро рѣшился вступить въ дружественные переговоры съ французскимъ королемъ.

Вопреки всѣмъ прежнимъ отношеніямъ своего дома съ королевской неаполитанской фамиліей, онъ выбралъ нѣсколько сановниковъ республики, вѣроятно тѣхъ самыхъ, которые нѣкогда вели дѣла торговой фирмы Медичи, и отправилъ ихъ на встрѣчу королю Франціи, чтобы склонить его къ тѣсному союзу съ Флоренціей и домомъ Медичи.

Но такъ какъ и эта попытка оказалась неуспѣшной и Карлъ VIII постоянно придумывалъ новые уклончивые отвѣты, то Пьетро рѣшился самъ отправиться во французскій лагерь съ многочисленной свитой.

Неожиданное появленіе знатнаго ломбарда (какъ называли во Франціи Пьетро Медичи) возбудило общее удивленіе въ лагерѣ Карла VIII. Но всѣ еще больше были поражены его постыдными предложеніями. Онъ хотѣлъ добровольно передать въ руки французовъ итальянскія крѣпости: Сарцану, Ливорно и Пизу; Флоренція должна была дѣйствовать заодно съ французскимъ королемъ и кромѣ того дать ему взаймы значительную сумму денегъ для продолженія войны.

Благодаря этимъ условіямъ, Пьетро милостиво приняли въ лагерѣ и французскій король обѣщалъ ему свое покровительство.

Само собой разумѣется, что Пьетро этимъ поступкомъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе въ жителяхъ Флоренціи. Медичисы, сознавая затруднительность своего положенія, сгруппировали около себя всѣхъ приверженцевъ ихъ дома и собрали семейный совѣтъ, отъ рѣшенія котораго должно было зависѣть дальнѣйшее поведеніе Пьетро, относительно французскаго короля. На этомъ совѣтѣ присутствовалъ кардиналъ Джьованни Медичи и Паоло Орсини, братъ Клары, начальникъ папской жандармеріи, который даже привелъ съ собой изъ Рима часть своего войска. Но все было напрасно. Недовольство народа достигло крайней степени. Агенты Медичисовъ щедро разсыпали деньги, въ надеждѣ подкупить народъ, старались склонить рабочихъ на ихъ сторону различными обѣщаніями; но это только усилило общее волненіе. Возстаніе росло съ часу на часъ, и когда Пьетро съ многочисленной свитой выѣхалъ изъ своего палаццо, чтобы отправиться въ «Signoria» для переговоровъ съ высшими сановниками республики, смятеніе началось въ сосѣднихъ узкихъ улицахъ и достигло такихъ размѣровъ, что Пьетро долженъ былъ бѣжать изъ города. Онъ отправился въ Болонью, чтобы посовѣтоваться съ своимъ неизмѣннымъ другомъ и союзникомъ Ипполитомъ Бентиволіо. Но этотъ принялъ его холодно и сказалъ ему: —Если вы услышите отъ кого-нибудь, что Ипполита Бентиволіо изгнали изъ Болоньи, какъ васъ изъ Флоренціи, то не вѣрьте этому и знайте, что онъ скорѣе дастъ себя изрубить въ куски, чѣмъ рѣшится искать спасенія въ бѣгствѣ.

Флорентинскій народъ ворвался въ дома, принадлежащіе фамиліи Медичи, и выбросилъ изъ оконъ драгоцѣнныя картины, статуи, рѣдкія книги, пріобрѣтенныя Косьмой и Лоренцо, которые тщательно собирали ихъ въ продолженіе всей своей жизни. Однако, Медичисамъ удалось спасти нѣсколько наиболѣе цѣнныхъ картинъ и отправить ихъ въ Венецію подъ покровительство синьоріи. Республика назначила большую сумму за голову каждаго взрослаго члена дома Медичи и конфисковала ихъ земли и все имущество. При этомъ, представители тѣхъ фамилій, которыя были осуждены и подверглись гоненію во время владычества дома Медичи, вошли опять въ силу и получили почетныя мѣста; въ числѣ ихъ были всѣ уцѣлѣвшіе участники заговора Пацци.

Медичисы были торжественно объявлены бунтовщиками и врагами отечества. Всѣ принадлежавшіе имъ дома, а равно и ихъ приверженцевъ, были разграблены народомъ; отчасти уцѣлѣлъ только главный городской палаццо Медичи, въ которомъ оставалась вдова Лоренцо, Клара, и супруга Пьетро, Альфонсина, съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Лоренцо.

Такимъ образомъ, фамилія Медичи, съ давнихъ поръ неразрывно связанная со всей общественной жизнью Флоренціи, сразу лишилась народной милости, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ проявилась такъ очевидно во время заговора Пацци.

Подобная внезапная перемѣна въ общественномъ настроеніи едва ли должна удивлять насъ, если мы примемъ во вниманіе живой и воспріимчивый характеръ итальянскаго народа и припомнимъ изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ состояло тогдашнее общество (дворянство, полноправные крупные горожане, мелкіе горожане и проч.), отъ котораго всецѣло зависѣли быстрые перевороты, совершавшіеся въ государственномъ управленіи. Поэтому, едва ли у какого-либо другаго народа такъ скоро смѣнялись власти, какъ въ средневѣковой Флоренціи; тиранія уступала мѣсто республикѣ, затѣмъ правленіе принимало характеръ иноземнаго господства и наоборотъ. Въ XIII-мъ столѣтіи, когда борьба гвельфовъ и гибеллиновъ истощила силы дворянсва, Карлу I неаполитанскому (послѣ битвы при Беневентѣ, въ 1266 году) удалось на нѣсколько лѣтъ утвердить свою верховную власть надъ правительствомъ республики, состоящимъ сперва изъ двѣнадцати, а впослѣдствіи изъ четырнадцати членовъ сената. Послѣ возстанія 1282 года, пріоры цеховъ образовали такъ называемую «Signoria», которая, въ 1323 году, была подчинена неаполитанскому королю Роберту, затѣмъ его сыну, герцогу Калабріи. Въ 1328 году снова возстановлено было чисто республиканское правленіе; но тринадцать лѣтъ спустя, верховная власть перешла въ руки графа Готье де-Бреннъ, герцога Ахенскаго; который вскорѣ оказался жестокимъ и расточительнымъ тираномъ.

Въ 1343 году составленъ былъ заговоръ, который привелъ къ новому возстанію; герцогъ былъ изгнанъ изъ Флоренціи и учреждено правительство при непосредственномъ участіи знатнѣйшихъ горожанъ, такъ какъ простой народъ поддерживалъ тиранію павшаго властелина. Заговоры, слѣдовавшіе одни за другими, были непосредственнымъ слѣдствіемъ этой мѣры, пока, наконецъ, въ 1378 году, народная партія настолько усилилась, что осадила палаццо «Signoria», подъ предводительствомъ шерсточеса Микеле ди-Ландо. Изъ временъ этого, такъ называемаго «возстанія шерсточесовъ» сохранились нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя вожаками, которыя должны были служить оправданіемъ и объясненіемъ задуманнаго ими предпріятія. Эти рѣчи, по проведеннымъ въ нихъ мыслямъ, представляютъ особенный интересъ для нашего времени, переполненнаго всевозможными соціалистическими движеніями. Простые флорентинскіе горожане, которыхъ можно, до извѣстной степени, назвать представителями нынѣшняго «рабочаго класса», возстали противъ богатыхъ купцовъ тогдашней «буржуазіи», такъ какъ считали недостаточной ту плату, которую получали за трудъ. Однимъ словомъ, уже въ тѣ времена началась борьба труда съ капиталомъ, и рабочій людъ хотѣлъ быть участникомъ барыша богатыхъ купцовъ, которые эксплуатировали его силы.

— Мы идемъ съ твердой надеждой на побѣду, говорили тогдашніе вожаки народнаго движенія, потому что наши противники богаты и у нихъ нѣтъ единодушія. Ихъ распри доставятъ намъ побѣду; ихъ богатства перейдутъ въ наши руки и дадутъ намъ возможность удержать ее за собой. Какое значеніе имѣетъ древность ихъ крови, которой они такъ кичатся? Всѣ люди происходятъ отъ Адама; нѣтъ разницы въ древности родовъ; природа создала всѣхъ равными. Снимите съ богатыхъ ихъ одежды и вы увидите, что они ничѣмъ не отличаются отъ насъ; надѣньте на насъ ихъ платье и наше на нихъ, и мы превратимся въ дворянъ, а они въ народъ...

Соціальное равенство, какъ тогда, такъ и теперь, служило знаменемъ для крайней партіи. До сихъ поръ она упорно отстаиваетъ свои идеи, относительно общечеловѣческихъ правъ, и требуетъ, чтобы всѣ классы общества были равны передъ закономъ; но тогдашніе соціалисты шли еще дальше, такъ какъ они хотѣли полнаго переворота въ имущественныхъ отношеніяхъ. «Совѣсть не можетъ безпокоить васъ въ данномъ случаѣ, восклицаетъ ораторъ того времени, всѣмъ извѣстно, что богатые не иначе накопили свои сокровища, какъ насиліемъ и обманомъ. Но то, что присвоено ими хитростью и беззаконіями, они украшаютъ громкими названіями: барыша или наживы, чтобы прикрыть ими свое незаконное пріобрѣтеніе!..»

Развѣ въ этихъ словахъ, сказанныхъ 500 лѣтъ тому назадъ, не

заключается излюбленная фраза новѣйшаго времени: «la proprieté c'est le vol» (собственность есть кража).

Народъ, возбужденный этими и подобными рѣчами, вскорѣ перешелъ къ дѣйствію, и 21-го іюля 1378 года ворвался въ ратушу, подъ предводительствомъ вышеупомянутаго Ландо, который несъ въ своихъ рукахъ знамя правосудія. Ландо былъ объявленъ президентомъ республики, но такъ какъ ему пришлось вскорѣ убѣдиться въ непостоянствѣ народной партіи, то онъ сталъ искать опоры между достаточными ремесленниками и богатыми фамиліями. Три года оставался онъ у кормила правленія; затѣмъ, дворянство снова одержало верхъ и уничтожило народную партію силой оружія. Во всякомъ случаѣ, это мимолетное коммунистическое правленіе прошло почти безслѣдно для обширныхъ торговыхъ сношеній города, которымъ Флоренція обязана была своимъ величіемъ. Скорѣе можно сказать, что оно привело къ обратнымъ результатамъ, нежели тѣ, какихъ ожидали вожаки вышеупомянутяго движенія, потому что его непосредственнымъ результатомъ было возвышеніе богатыхъ флорентинскихъ фамилій: Медичи, Тоскали, Альберти и друг. Изъ нихъ Медичисы мало-по-малу достигли полнаго господства надъ республикой и удержали его до 1494 года. Во время вспыхнувшаго возстанія, сынъ Лоренцо «Великолѣпнаго», какъ мы видѣли выше, долженъ былъ бѣжать изъ Флоренціи, но главный палаццо Медичи оставленъ былъ въ распоряженіи его семьи.

Въ этомъ палаццо остановился французскій король во время своего кратковременнаго пребыванія во Флоренціи. Обѣ женщины изъ дома Орсини не преминули воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку тронуть сердце короля слезами и просьбами и расположить его въ пользу Пьетро.

Все это случилось въ продолженіи послѣднихъ недѣль, и молва о важномъ переворотѣ, измѣнившемъ весь строй общественной жизни во Флоренціи, далеко разспространилась за предѣлы Италіи. Но для Анны Саванаролы это было неожиданною новостью, которую она выслушала съ напряженнымъ вниманіемъ, потому что надѣялась услышать имя своего сына. Но хозяинъ гостинницы въ своемъ разсказѣ только мимоходомъ упомянулъ о Джироламо, потому что послѣдній не принималъ прямаго участія въ возстаніи и былъ такъ пораженъ его быстрымъ исходомъ, что на этотъ разъ не выполнилъ своего намѣренія переговорить съ Карломъ VIII, съ цѣлью подѣйствовать на его совѣсть.

Между тѣмъ, едва Пьетро Медичи покинулъ городъ, какъ предпріимчивый доминиканскій монахъ захватилъ въ свои руки бразды правленія, но въ такой умѣренной формѣ, что въ первое время народъ не могъ замѣтить его честолюбивыхъ стремленій. Хотя Саванарола по прежнему оставался настоятелемъ монастыря Санъ-Марко и не выходилъ изъ скромной роли совѣтника представителей но-

ваго правленія республики, но онъ былъ душой всѣхъ распоряженій, такъ что вскорѣ все дѣлалось по его волѣ.

Анна съ дочерью отправилась на покой въ отведенную имъ комнату, но встревоженной матери не спалось въ эту ночь. Здѣсь, въ этомъ городѣ должна она была начать свой трудный подвигъ и сдѣлать попытку спасти сына отъ грозящей ему гибели. Беатриче была менѣе взволнована, потому что не придавала большаго значенія обращенію брата. Она не разъ слышала разсказы о лжеучителяхъ, распространявшихъ ересь среди народа; большинство изъ нихъ вернулось къ лону церкви, чтобы избѣгнуть страшной участи, ожидавшей ихъ на землѣ. Въ виду этого у ней явилось твердое убѣжденіе, что Джироламо исполнитъ просьбу матери и своимъ раскаяніемъ не только исправитъ вредъ, который онъ принесъ своей душѣ, но и сниметъ позоръ, тяготѣющій надъ ихъ семьей.

На слѣдующее утро солнце рано заглянуло въ спальню обѣихъ женщинъ; когда Анна открыла окно, то ее привѣтствовалъ такой свѣтлый и теплый день, какой бываетъ только весной. На улицѣ уже проснулась дѣловая жизнь, лица проходившихъ мимо людей сіяли веселіемъ; по ихъ торопливой бодрой походкѣ можно было заключить, что предстоящій день имѣетъ для нихъ особенное значеніе.

Озабоченная мать стала невольно прислушиваться къ отрывочнымъ, долетавшимъ до нея словамъ, чтобы узнать причину радостнаго настроенія толпы. Она скоро была выведена изъ недоумѣнія, такъ какъ всѣ говорили о наступающемъ карнавалѣ. Это обстоятельство было совершенно упущено ею изъ виду, но могла ли она помнить о веселіи среди заботъ, наполнявшихъ ея сердце. Въ былыя времена карнавалъ былъ радостнымъ, веселымъ праздникомъ для нее и дѣтей, но эти счастливые дни давно прошли. Если удастся дѣло, для котораго она предприняла тяжелый, далекій путь, то она посвятитъ остатокъ своихъ дней усердной молитвѣ и благочестію и не будетъ больше принимать участія въ суетѣ мірской.

Но ей было жаль Беатриче. Зачѣмъ лишать ее любопытнаго зрѣлища! Пусть она увидитъ вблизи флорентинскую жизнь и взглянетъ на пеструю толпу, которая все больше и больше увеличилась! Не бѣда, если онѣ часомъ позже отправятся въ женскій монастырь, назначенный имъ для пристанища патеромъ Евсевіемъ и передъ этимъ пройдутъ по главнымъ улицамъ города. Быть можетъ имъ удастся увидѣть или услышать что либо относящееся къ ихъ дѣлу.

Синьора Анна разбудила спящую дочь и помогла ей одѣться. Затѣмъ онѣ отправились въ ближайшую церковь и, отстоявъ раннюю обѣдню, вышли на улицу.

Толпа, наполнявшая главныя улицы, превзошла всѣ ихъ ожиданія, онѣ должны были невольно слѣдовать за потокомъ людей, который уносилъ ихъ то въ одну, то въ другую сторону. Такимъ

Крестный ходъ дѣтей во Флоренціи при Саванаролѣ.

образомъ, прошло довольно много времени, прежде чѣмъ онѣ достигли площади «Signoria».

Въ одной изъ улицъ, выходившихъ на площадь, онѣ увидѣли странную процессію. Это былъ длинный рядъ дѣтей, которыя шли попарно, въ сопровожденіи отряда драбантовъ. Каждый изъ дѣтей несъ въ рукахъ что либо относящееся къ карнавалу, или что служило выраженіемъ «мірской суетности», какъ напримѣръ, маски, пестрые костюмы, парики, а также картины, книги, перчатки, шкатулки съ драгоцѣнностями, карты, игорныя кости, различныя мишурныя украшенія. За дѣтьми тянулось шествіе дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыхъ платьяхъ; онѣ несли простыя глиняныя чашки, которыя протягивали любопытнымъ для сбора подаяній. Затѣмъ слѣдовалъ хоръ музыкантовъ. Отрядъ вооруженныхъ солдатъ замыкалъ шествіе, къ которому примкнула многочисленная толпа людей всѣхъ возрастовъ, съ громкимъ пѣніемъ духовныхъ гимновъ.

Обѣ женщины, только что прибывшія въ городъ, не знали, какое значеніе можетъ имѣть эта процессія, и пошли вслѣдъ за нею изъ любопытства, чтобы видѣть, по крайней мѣрѣ, куда она направится. Но шествіе мало по малу вышло на площадь и остановилось передъ палаццо «Signoria». Здѣсь была поставлена высокая каѳедра для проповѣдника, у которой стояло множество доминиканскихъ монаховъ.

Сердце синьоры Анны усиленно забилось, когда она увидѣла среди монаховъ своего сына Джироламо, который съ радостнымъ лицомъ слѣдилъ за приближающейся процессіей и затѣмъ отдалъ какія-то приказанія окружавшей его братіи.

Дѣти и молодыя дѣвушки по указанію монаховъ стали полукругомъ около каѳедры, между тѣмъ, какъ драбанты удалили остальныхъ участниковъ процессіи, которые присоединились къ толпѣ зрителей. Площадь была переполнена народомъ, во всѣхъ окнахъ и даже на крышахъ видна была сплошная масса головъ; всѣ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ движеніемъ Саванаролы.

Съ того момента, какъ синьора Анна узнала своего сына, все получило для нея такой живой интересъ, что она употребила отчаянныя усилія, чтобы пробраться впередъ сквозь тѣсно окружавшую ее толпу. Она сообщила о своемъ открытіи Беатриче, которая съ удвоеннымъ любопытствомъ стала слѣдить за страннымъ зрѣлищемъ, происходившимъ передъ ея глазами.

Дѣти снесли на середину площади принесенныя ими вещи, сложили ихъ въ видѣ пирамиды съ помощью монаховъ. Изъ шкатулокъ вынуты были всѣ драгоцѣнности: дорогія камни, золотыя и серебряныя украшенія, и собраны въ большую вазу. Затѣмъ пустыя шкатулки были сложены съ многими вещами, какъ напримѣръ, масками, костюмами, париками, картинами, книгами и проч., такъ что

мало по малу пирамида достигла значительной высоты. Въ это время дѣвушки, одѣтыя въ бѣлыя платья, раздавали нищимъ деньги, собранныя ими по дорогѣ.

Наконецъ, на площади снова водворился порядокъ, всѣ вернулись на прежнія мѣста и Саванарола вошелъ на каѳедру, среди громкихъ криковъ народа. Трудно передать словами, что происходило въ эту минуту въ душѣ его матери. Она снова видѣла передъ собой любимаго сына, изъ-за котораго пролила столько слезъ. Его небольшая худощавая фигура, съ выразительнымъ лицомъ и глубокими проницательными глазами, возвышалась надъ толпой, которая съ такой радостью привѣтствовала его появленіе. Но всѣ замолкли, когда онъ вошелъ на каѳедру, чтобы не проронить ни одного сказаннаго имъ слова.

Когда Джироламо началъ свою проповѣдь среди глубокаго молчанія, царившаго на площади, сердце матери усиленно забилось отъ охватившаго ее волненія, она была очарована силой его рѣчи и благозвучіемъ голоса. Онъ объяснялъ значеніе праздника, вновь учрежденнаго во Флоренціи по его иниціативѣ. Въ продолженіи столѣтій этотъ день былъ торжествомъ безумія и люди приносили щедрыя жертвы мірской суетѣ. Тираны издавна обольщали безразсудный народъ играми и обильной раздачей хлѣба и ослѣпляли его, чтобы скрыть отъ него свои личныя себялюбивыя стремленія. Мишурный блескъ и безумное веселіе всегда считались лучшимъ средствомъ, чтобы отуманить чувства людей, и во Флоренціи искони существовалъ обычай справлять этимъ способомъ всякіе праздники. Но городъ, который до сихъ поръ славился своимъ невоздержаніемъ и безнравственностью, долженъ сдѣлаться отнынѣ божьимъ градомъ, образцомъ для Италіи и цѣлаго міра. Этотъ переворотъ можетъ совершиться только посредствомъ общаго покаянія, которое должно произойти не только внутри человѣка, но и выразиться въ его внѣшности. Въ дѣтяхъ заключается будущность человѣчества, и къ нимъ долженъ обратиться тотъ, кто хочетъ возродиться духомъ и стремиться къ полному внутреннему преобразованію своего нравственнаго существа. Въ виду этого, нѣсколько дней тому назадъ, всѣмъ дѣтямъ города поручено было неотступно умолять своихъ родителей, чтобы отдали имъ все то, что соотвѣтствовало ихъ суетнымъ стремленіямъ, и чѣмъ они пользовались во время карнавала. При этомъ дѣти должны были даже прямо забирать эти вещи, гдѣ они имъ попадались подъ руку, также произведенія искусства и сочиненія прославленныхъ поэтовъ, вредныхъ по своему направленію. Все это приказано было удалить изъ домовъ и снести сюда на площадь, потому что здѣсь будетъ показанъ наглядный примѣръ, какъ ничтожны и легко разрушимы суетныя мірскія радости. Пусть это послужитъ въ назиданіе дѣтямъ и взрослымъ, что они обязаны серіезно стремиться къ достиженію высшихъ благъ,

чтобы показать міру, какъ великъ и непобѣдимъ народъ, который живетъ по волѣ Божіей и отрѣшился отъ мишурнаго земнаго блеска...

Въ то время, какъ Саванарола говорилъ свою проповѣдь, монахи приводили въ порядокъ пирамиду. Послѣдняя была устроена уступами на подобіе костровъ, на которыхъ нѣкогда сожигали тѣла римскихъ императоровъ. Внизу были сложены маски, накладныя бороды, маскарадные костюмы и т. п., книги итальянскихъ и латинскихъ поэтовъ, между прочимъ, Марганте, Луиджи Пульчи, Бокаччіо, Петрарки, а также драгоцѣнные печатные пергаменты и рукописи съ миніатюрами. Затѣмъ слѣдовали различныя украшенія и принадлежности женскаго туалета: духи, зеркала, вуали, накладки изъ волосъ; сверхъ всего этого, положены были лютни, арфы, шахматныя и тавлейныя доски, игорныя карты и проч. Два верхнихъ уступа были наполнены разнаго рода картинами, въ особенности тѣми изъ нихъ, на которыхъ были изображены знаменитыя красавицы подъ классическими именами: Лукреціи, Клеопатры, Фаустины, отчасти и настоящіе портреты, какъ, напримѣръ, прекрасный Бончина, Ленакорелла, Бина, Марія де-Ленци и друг. По современнымъ извѣстіямъ, присутствовавшій при этомъ венеціанскій купецъ напрасно предлагалъ «Signoria» 20,000 дукатовъ за вещи, сложенныя въ пирамидѣ.

Едва Джироламо кончилъ свою рѣчь, какъ члены «Signoria» вышли на балконъ, и въ то же время звуки трубъ и звонъ колоколовъ огласили воздухъ.

Настоятель Санъ-Марко подалъ знакъ рукой; одинъ изъ послушниковъ монастыря подошелъ съ зажженнымъ факеломъ къ пирамидѣ и поджегъ ее. Музыканты заиграли народный гимнъ, къ которому присоединилось пѣніе дѣтей и народа. Между тѣмъ, взвившееся пламя мало-по-малу охватило пирамиду, которая вскорѣ превратилась въ пепелъ, среди радостныхъ криковъ присутствовавшей толпы.

Саванарола сошелъ съ каѳедры и, бросивъ торжествующій взглядъ на догорѣвшую пирамиду, медленно направился по дорогѣ къ Санъ-Марко, въ сопровожденіи монастырской братіи. За нимъ потянулись попарно дѣти и дѣвушки, одѣтыя въ бѣлое, затѣмъ слѣдовалъ вооруженный отрядъ драбантовъ и множество народа, который съ восторгомъ произносилъ имя Саванаролы и громко прославлялъ его подвигъ.

Синьора Анна и Беатриче въ это время не обмѣнялись между собой ни единымъ словомъ. Матери Джироламо казалось, что ей приснился сонъ; она ежеминутно боялась очнуться отъ него и снова припомнить слова противниковъ ея сына, которые считали его жертвой сатаны. Теперь она менѣе, чѣмъ когда нибудь, могла вѣрить этому обвиненію, въ виду оказанныхъ ему почестей и всего, что происходило передъ ея глазами. Мать и дочь, точно сговорив-

шись между собой, примкнули къ процессіи, которая шла мимо собора по городскимъ улицамъ и направлялась къ монастырю Санъ-Марко.

Саванарола остановился у воротъ и ждалъ молча, окруженный монахами, пока мимо него проходила процессія дѣтей и дѣвушекъ. Затѣмъ, всѣ присутствующіе мужчины трижды обошли площать передъ монастыремъ: сначала монахи въ перемежку съ клирошанами, послушниками и свѣтскими людьми; за ними слѣдовали старики, горожане и священники, увѣнчанные оливковыми вѣтками. Все это вмѣстѣ составляло величественное и своеобразное зрѣлище. Дѣти, проходя мимо знаменитаго проповѣдника, вглядывались съ довѣрчивой улыбкой въ его серьезное лицо и видимо обрадовались, когда онъ имъ кивнулъ головой въ знакъ привѣтствія.

Синьора Анна почти инстинктивно подошла какъ можно ближе къ монастырскимъ воротамъ, такъ какъ не могла наглядѣться на своего сына. Беатриче также внимательно слѣдила за тѣмъ, что происходило передъ ея глазами; она не знала считать ли почести, оказываемыя ея брату, благоугоднымъ дѣломъ, или навожденіемъ сатаны. Наконецъ, процессія кончилась и Саванарола еще разъ бросилъ взглядъ на толпу, чтобы дать ей свое благословеніе.

Но тутъ онъ неожиданно увидѣлъ свою мать, которая съ любовью смотрѣла на него и была совершенно погружена въ это созерцаніе. Онъ увидѣлъ также стоявшую около нея дѣвушку и догадался, по сходству съ матерью, что это его сестра Беатриче.

Въ немъ заговорило мимолетное чувство сыновней привязанности, и онъ, который въ продолженіи многихъ лѣтъ не имѣлъ другихъ помысловъ, кромѣ служенія Богу, забылъ на минуту все окружающее. Знаменитый монахъ, которому только что воздавались почести, какъ божественному пророку, всецѣло поддался сладкому воспоминанію о счастливыхъ годахъ дѣтства. Какая-то невѣдомая сила неудержимо влекла его къ старой женщинѣ, которая съ такой нѣжностью заботилась о немъ въ первые годы его жизни.

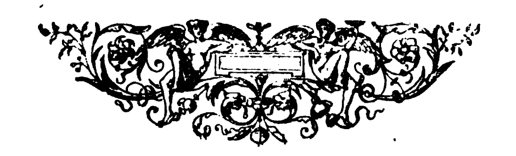
Удивленная толпа почтительно разступилась, когда прославленный проповѣдникъ подошелъ къ незнакомой старой женщинѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ съ громкимъ восклицаніемъ: «Моя мать!» Затѣмъ, онъ протянулъ руку стоявшей около дѣвушкѣ и назвалъ ее своей сестрой.

Но такъ какъ женщины не имѣли доступъ въ монастырь Санъ-Марко и Саванарола хотѣлъ избѣжать уличной сцены, то онъ шепнулъ матери: «До свиданія!» и вслѣдъ за тѣмъ скрылся за монастырскими воротами. Монахи послѣдовали его примѣру.

Толпа, сдерживаемая присутствіемъ Саванаролы, тотчасъ же пришла въ движеніе. — Мать Саванаролы! Его сестра! слышалось со всѣхъ сторонъ. Вслѣдъ за тѣмъ, обѣихъ женщинъ окружили совершенно чужіе люди, которые относились къ нимъ съ величай-

шимъ участіемъ и считали для себя честью познакомиться съ ними. Многіе едва рѣшались высказать имъ насколько они счастливы, что видятъ близкихъ родныхъ дорогаго для нихъ человѣка, къ которому они всѣ чувствуютъ глубокое уваженіе. До сихъ поръ смиреніе и безкорыстіе Саванаролы лишало его приверженцевъ всякой возможности чѣмъ-либо выразить ему свою преданность. Теперь представился для нихъ удобный случай доказать ему, какое высокое значеніе имѣетъ его личность для флорентинскаго народа. Среди толпы было нѣсколько богатыхъ горожанъ, которые наперерывъ просили обѣихъ женщинъ принять ихъ гостепріимство. Мать Саванаролы не рѣшилась отвѣтить отказомъ на эти лестныя предложенія. Ее торжественно повели по улицамъ вмѣстѣ съ дочерью, пока онѣ не дошли до одного дома, куда ихъ попросили войти и оказать этимъ честь хозяину и его семьѣ. Что оставалось обѣимъ женщинамъ, какъ не принять приглашеніе! Хотя онѣ видимо колебались, но на это почти не было обращено вниманія; ихъ ввели въ домъ, гдѣ онѣ очутились въ семьѣ одного богатаго должностстнаго лица, по имени Паоло Кампини, который принялъ ихъ, какъ самыхъ близкихъ родственницъ.

Въ слѣдующіе дни мать и сестра Саванаролы могли еще больше убѣдиться какимъ высокимъ значеніемъ онъ пользуется во Флоренціи. Помимо множества приглашеній отъ знатнѣйшихъ лицъ города, подарковъ въ видѣ цвѣтовъ и плодовъ, а также всевозможныхъ знаковъ вниманія, имъ приходилось постоянно слышать самые восторженные отзывы о знаменитомъ проповѣдникѣ. Такимъ образомъ, не только для синьоры Анны, но и для Беатриче не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ считаютъ Джироламо божьимъ человѣкомъ, ниспосланнымъ Провидѣніемъ, чтобы возвѣстить людямъ истинное евангеліе. Почетъ, какой оказывалъ ему цѣлый народъ, льстилъ ихъ самолюбію и заставлялъ гордиться родствомъ съ Саванаролой.



ГЛАВА XII.

Судъ Божій.

Солнце снова вступило въ свои права и мало-по-малу освободило землю отъ зимнихъ оковъ, которые были едва замѣтны въ долинахъ прекрасной Италіи; но тѣмъ труднѣе была борьба въ болѣе гористыхъ мѣстностяхъ и особенно на альпійскихъ высотахъ. Вездѣ съ горъ, куда только могли заглянуть теплые солнечные лучи, шумно стекали быстрые потоки, большіе и малые ручьи. Но въ негостепріимномъ раіонѣ льдовъ и снѣга все еще царила зима; хотя и здѣсь приближеніе болѣе мягкаго времени года сказывалось въ переполненіи рѣкъ и ручьевъ, которое служило вѣрнымъ признакомъ, что весенніе лучи коснулись высшей снѣговой линіи.

Въ одно ясное солнечное утро, изъ деревни, построенной на выступѣ широкаго утеса, вышелъ человѣкъ съ сѣдой бородой и рѣзко очерченными, какъ бы окаменѣлыми, чертами лица. Онъ медленно подвигался по узкой тропинкѣ, которая, поднимаясь все выше и выше въ горы, шла зигзагами вдоль суровыхъ скалъ и узкихъ луговыхъ полосъ, едва покрытыхъ первой зеленью. Старикъ время отъ времени наклонялся къ землѣ и срывалъ молодые отпрыски травъ и растеній, которые тщательно складывалъ въ полотняный мѣшокъ, привязанный къ его плечу. Онъ былъ такъ погруженъ въ свое занятіе, что казалось не замѣчалъ роскоши окружавшей его природы; глаза его безучастно смотрѣли на удивительные переливы свѣта и тѣней. Изъ груди его по временамъ вырывался подавленный вздохъ; онъ какъ будто не чувствовалъ ни яркаго весенняго солнца, ни вѣянія живительнаго горнаго воздуха. Слѣдуя по изви-

линамъ тропинки, онъ мало-по-малу достигъ до значительной высоты и незамѣтно очутился у группы утесовъ, за которыми возвышались глетчеры и начиналась область вѣчныхъ снѣговъ.

Старикъ сѣлъ для отдыха на краю скалы и, положивъ на колѣни полотняный мѣшокъ, началъ разбирать собранныя имъ травы, которыя онъ заботливо связывалъ въ небольшіе пучки. Это занятіе настолько поглотило его, что сознаніе дѣйствительности совершенно оставило его. Но вскорѣ онъ былъ выведенъ изъ задумчивости глухимъ шумомъ, который послышался со стороны глетчеровъ и съ каждой минутой становился все громче и отчетливѣе. Старикъ невольно поднялъ голову; на его блѣдномъ, безжизненномъ лицѣ выразилось недоумѣніе при видѣ неожиданнаго зрѣлища, которое представилось его глазамъ.

Онъ увидѣлъ издали толпу всадниковъ, которые медленно подвигались между глетчерами по узкой дорогѣ, покрытой глубокимъ снѣгомъ. Всадники были въ полномъ вооруженіи; нѣкоторые изъ нихъ были укутаны въ теплые плащи; за ними слѣдовала пѣхота и тянулся длинный рядъ пушекъ и повозокъ. Слышенъ былъ смѣшанный гулъ голосовъ и бряцанье оружія, которое производило странное впечатлѣніе среди мертвой, царившей кругомъ тишины. Хотя одинокій старикъ не зналъ, что думать, и почти не довѣрялъ собственнымъ глазамъ, но смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ на незнакомыхъ людей, которые казались ему гигантской величины и силы, и ждалъ, что будетъ дальше.

Между тѣмъ, всадники замѣтно приближались. По ихъ жестамъ и тону разговора, который они вели на своемъ языкѣ, можно было догадаться, что они говорятъ о трудномъ пройденномъ ими пути и радуются тому, что видятъ передъ собой зеленѣющую равнину. Дорога шла мимо той скалы, на которой сидѣлъ старикъ; но онъ былъ настолько погруженъ въ свое нѣмое полусознательное созерцаніе, что всадники почти очутились около него, прежде чѣмъ ему пришло въ голову, что его могутъ замѣтить.

Поэтому, въ первую минуту онъ совсѣмъ обомлѣлъ отъ испуга когда одинъ изъ всадниковъ заговорилъ съ нимъ. Значитъ, это было не видѣніе, созданное его фантазіей, это были люди изъ плоти и крови, хотя странные на видъ, и онъ едва понималъ ихъ языкъ. Въ эту минуту онъ снова испыталъ то же ощущеніе, какъ при ихъ первомъ внезапномъ появленіи: ему казалось, что непроницаемый мракъ, опутавшій его мозгъ, внезапно исчезъ и разсѣялся по воздуху. Опять эти незнакомыя лица предстали передъ нимъ, какъ вѣстники другаго міра, въ которомъ онъ жилъ когда-то и который давно изгладился изъ его памяти. Онъ сообразилъ, что рыцарь говорившій съ нимъ, вѣроятно предводитель войска, и настолько собрался съ мыслями, что понялъ заданный ему вопросъ и сооб